Роберт

ГОВАРД

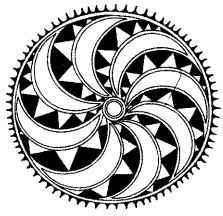

ГЕРОИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ ЖАНРА

КОНАН-ВАРВАР

ЛЕГЕНДА О КИММЕРИЙЦЕ

Все приключения Конана в одном томе!

Роберт
ГОВАРД

КОНАН-ВАРВАР
ЛЕГЕНДА О КИММЕРИЙЦЕ

ЭКСМО
Москва
Домино, Санкт-Петербург
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 57

Robert E. Howard

THE COMING OF CONAN THE CIMMERIAN

Copyright © 2003 by Conan Properties International, LLC.
Illustrations copyright © 2002 by Mark Schultz

THE BLOODY CROWN OF CONAN
Copyright © 2003 by Conan Properties International, LLC.
Illustrations copyright © 2003 by Gary Gianni

THE CONQUERING SWORD OF CONAN
Copyright © 2005 by Conan Properties International, LLC.
Illustrations copyright © 2005 by Gregory Manchess

Conan Properties International LLC. Used with permission.
CONAN, CONAN RED NAILS,
CONAN THE BARBARIAN, HYBORIA, HYBORIAN TALES,
THE SAVAGE SWORD
OF CONAN and related logos, names and character likenesses are
trademarks or registered
trademarks of Conan Properties International LLC in the United States
and various other territories. All rights reserved.

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Издательство благодарит Василия Вольского за помощь в подготовке книги Дмитрия Квашнина
и посетителей форума cimmeria.ru — лучшего ресурса Рунета,
посвященного киммерийцу-варвару.

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Говард Р. И.

Г 57 Конан-варвар. Легенда о киммерийце / Роберт Говард. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 912 с. — (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-699-48943-5

Дикарь, рожденный в битве среди заснеженных гор Киммерии. Авантюрист, примерявший на себя судьбы похитителя сокровищ и наемного воина, предводителя морских разбойников и атамана степных казаков, беспощадного мстителя и строителя блистательного королевства. Его эпоха — овеянная легендами, щедрая на тайны и подвиги Хайбория. И миллионы читателей, вот уже без малого восемьдесят лет увлеченных поразительным литературным феноменом, имя которому — конанциана.

В этой книге собраны только те произведения о киммерийце, которые написаны при жизни Роберта Ирвина Говарда им самим.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Е. Хаецкая, Г. Корчагин, М. Семенова, А. Циммерман, К. Плешков, А. Кострова, перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-48943-5

Книга первая

ПРИШЕСТВИЕ ВАРВАРА

КИММЕРИЯ

Написано в Мишне, Техас, февраль 1932 г.; навеяно воспоминаниями о горном крае близ Фредериксберга в туманной дымке зимнего дождя.

Р. И. Говард

Я помню
Под темными лесами склоны гор,
Извечный купол серо-сизых туч,
Печальных вод бесшумное паденье
Да шорох ветра в трещинах теснин.

За лесом лес, и за горой гора,
За склоном склон. Один и тот же вид.
Суровая земля. Сумев подняться
На снежный пик, откроешь пред собой
Один и тот же вид: за склоном склон,
За лесом лес, как вылитые братья.

Унылая страна. Казалось, всем:
Ветрам, и снам, и тучам, что таились
От света солнца,— всем дала приют
В глухих чащобах, голыми ветвями
Стучащих на ветру. И было имя
Земле, не знавшей ни теней, ни света,—
Киммерия, Страна Глубокой Ночи.

С тех пор прошел такой огромный срок —
Забыл я даже собственное имя.
Топор, копье кремневое — как сон,
Охоты, войны — тени... Вспоминаю
Лишь бесконечный зарослей покров,
Да тучи, что засели на вершинах
На долгий век, да призрачный покой
Киммерии, Страны Глубокой Ночи.

О боги! Верно, я рожден для них —
Лесов, туманов, гор, что застят солнце.
И сколько раз мне умирать, пока
Не кончится проклятое наследство,
В покровы серых призраков мой дух
Закутавшее? Вновь и вновь ищу
Свое я сердце, и приводит поиск
Всегда меня в один и тот же край —
В Киммерию, Страну Глубокой Ночи.

© Перевод Г. Корчагина.

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

Знай же, о принц, что прежде тех лет, когда океан поглотил Атлантиду и захлестнул блистающие города, прежде тех лет, когда сынам ариев было суждено возвыситься, была еще эпоха, чье величие превосходило самое смелое воображение. Эпоха славных королевств, распростершихся под звездами на лике земли, словно затканные золотом плащи,— Немедия, Офир, Бритуния, Гиперборея... Замора, страна темноволосых красавиц и таинственных башен, полных призраков и паутины. Рыцарственная Зингара. Коф, граничивший с пастушеским Шемом. Стигия с ее жуткими призраками, стерегущими спокойствие древних гробниц. Гиркания, чьи всадники укрывали стальной броней золото и шелка... Однако истинной жемчужиной этого мира была держава, сверкавшая в самом сердце Запада, страна-королева, гордая Аквилония. В эту-то легендарную страну и явился однажды Конан из Киммерии, черноволосый варвар с угрюмым и грозным взглядом синих глаз, вор, разбойник, убийца, человек не средних деяний и великих страстей. Явился и ногой в пыльной сандалии попрал самоцветные троны земных королей...

Немедийские хроники

I

Было тихо. Глубокая и зловещая тьма, какая бывает только перед рассветом, окутала сумрачные шпили и великолепные башни... Смуглая рука осторожно приотворила дверь, выпуская людей с покрытыми лицами в темный переулок — один из множества, составлявшего в этой части города запутанный лабиринт. Завернувшись в плащи, четверо торопливо и молча растворились в кромешном

© Перевод М. Семёновой.

уличном мраке. Казалось, это были не существа из плоти и крови, а призраки давно умерщвленных...

Позади них в проеме двери можно было рассмотреть лицо, искаженное язвительной усмешкой, и глаза, недобро поблескивавшие в полутьме.

— Ступайте же в ночь, порождения ночи,— пробормотал голос, полный издевки.— О глупцы, ваш рок мчится по вашим следам, точно слепая ищейка... а вы даже не догадываетесь об этом!

Говоривший прикрыл дверь и запер ее на засов, после чего повернулся и зашагал прочь по коридору, неся в руке свечу. Это был угрюмый гигант, чья смуглая кожа выдавала его стигийскую кровь. Вскоре он добрался до внутреннего покоя, где, раскинувшись, точно ленивый кот, на шелковой тахте, потягивал из золотой чаши вино рослый худой человек.

— Что ж, Аскаланте, твои недоумки разбежались по улицам, точно крысы из норы,— ставя свечу, сказал ему стигиец.— Странными, однако, орудиями ты пользуешься...

— Орудиями? — отозвался Аскаланте.— А ведь это они меня считают своим орудием, вот что забавно... Уже четыре месяца, с тех пор как Четверо Мятежных призвали меня из южных пустынь, я обитаю в самой гуще моих врагов, целыми днями скрываясь в этой дыре, а ночами скитаясь во тьме проулков и коридоров... И я добился того, чего никак не могли достичь эти знатные бунтовщики. Используя их, равно как и еще многих, большинство из которых даже лица моего не видали, я отравил самый воздух империи тленом соблазна и беспокойства. Оставаясь в тени, я полностью подготовил падение короля... Во имя Митры! Не зря же я был царедворцем до того, как меня объявили вне закона!

— А эти глупцы, что считают себя твоими хозяевами?

— Да пусть их считают, будто я им служу... пока. Вот исполним задуманное, тогда и посмотрим. Кто они, чтобы тягаться умом с Аскаланте? Вольмана, этот коротышка, граф Карабанский; гигант Громель, предводитель Черного Легиона; Дион, разжиревший барон Атталусский... я уже молчу про менестреля Ринальдо, обладателя куриных мозгов. Я, именно я обнаружил в каждом из них стальную жилу и сплавил все четыре в одну. Но прочее в них — хрупкая глина, и я же ее сокрушу, когда придет час. Однако пока до этого далеко... Сегодня еще до рассвета настанет время умереть королю!

— Несколько дней назад я видел, как имперские отряды отбывали из города,— заметил стигиец.

— Они отправились на рубежи, где забеспокоились язычники-пикты... впавшие в боевое неистовство от крепкого вина, которое опять-таки я тайно переправил к ним через границу. Вот где нам пригодились несметные богатства Диона! Ну а Вольмана устроил так, чтобы нам не помешали остатки имперских войск, пребывающие в городе. Мы также обратились к его знатным родственникам в Немедии, и в итоге король Нума вызвал к себе графа Троцеро Пуатенского, сенешаля Аквилонии. Конечно же, такого важного вельможу, как Троцеро, помимо его собственного войска сопровождает имперский вооруженный эскорт, а с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Таким образом, король остался только с личными телохранителями и Черным Легионом. Ну а тут уж Громель

помог мне подыскать среди стражи корыстолюбивого старшину, который польстился на взятку и обещал в полночь увести своих людей от двери королевской опочивальни... Вот туда-то мы и явимся тайным подземным ходом во главе полутора дюжин отпетых и отчаянных головорезов. А когда дело будет сделано... даже если народ и не выбежит приветствовать нас — Громель с Черным Легионом удержит город в повиновении и сохранит нам корону!

— Которая, как полагает Дион, будет ему вручена...

— Именно. Жирный болван претендует на царство, полагая, что для этого достаточно той капельки королевской крови, которая течет у него в жилах. Воистину Конан совершил большую ошибку, оставив в живых потомков низвергнутой династии!.. Двое других также надеются поправить свои дела. Вольмана желает быть обласканным при дворе, как в прежние времена, и вернуть былую роскошь своим разоренным имениям. Громель ненавидит Паллантида, предводителя Черных Драконов. Со всем упрямством, присущим его народу, этот боссонец жаждет принять верховное главнокомандование... И только Ринальдо не преследует никаких личных целей. Конан для него — варвар в грязных сапогах и с замаранными кровью руками, что явился с дикого Севера завоевать и ограбить цивилизованную страну. Наш поэт вовсю идеализирует прежнего короля, которого Конан убил за корону. Ринальдо успел позабыть, что в свое время тот не очень-то покровительствовал свободным искусствам и, если уж на то пошло, совершил за время своего правления немало отвратительных зол... Его стихи должным образом настраивают людей. На улицах в открытую распевают «Плач по королю», в котором Ринальдо на все лады восхваляет убиенного венценосца — порядочного, между нами говоря, мерзавца — и предает поношению Конана, «этого черноволосого дикаря, порождение бездны». Самого Конана, как я слышал, немало насмешила упомянутая баллада, но в народе у многих сжимаются кулаки...

— А за что Ринальдо так невзлюбил Конана?

— Видишь ли, люди склонны ненавидеть тех, кто при власти. Они мечтают о совершенном правителе и видят свой идеал либо в прежнем монархе, либо же в будущем — но только не в том, который нынче на троне. Видения завтрашнего и вчерашнего дня начисто заслоняют для них настоящее... Вот из таких мечтателей и наш Ринальдо — он просто-таки пылает идеализмом, полагая к тому же, что ему суждено низвергнуть тирана и принести людям свободу. Что же до меня... Всего лишь несколько месяцев назад я собирался до конца дней своих грабить караваны в пустыне и ни о чем большем даже не помышлял, но теперь я позволил пробудиться былым мечтам. Пусть умрет Конан, а на трон воссядет Дион. Настанет и ему час умереть... а за ним и прочим, кто осмелится противиться мне. От огня ли, от стального клинка, от одного из тех отравленных вин, что ты так мастерски варишь... И тогда... «Аскаланте, король Аквилонии»! Неплохо звучит, а?

Стигиец пожал широкими плечами.

— Было время,— проговорил он с нескрываемой горечью,— когда и я лелеял честолюбивые замыслы, против которых твои суть мишура и детские игры. И до чего в итоге я докатился!.. Мои прежние союзники и соперники, с ко-

торыми я спорил на равных, не поверили бы собственным глазам, доведись им увидеть, как Тот-Амон, хозяин Кольца, прислуживает рабу чужеземца, к тому же объявленному вне закона, как он участвует в мелких сварах баронов и королей!..

— Нечего было делать ставку на магию и всякие там ритуалы,— отмахнулся Аскаланте.— Я вот предпочитаю полагаться на свой ум и на свой меч!

— Любой ум, любой меч — что солома на ветру перед мудростью и могуществом Тьмы,— проворчал стигиец сквозь зубы, и в его глазах угрожающе заметались искры и тени.— Еще кто из нас служил бы другому, не утрать я Кольцо!

— Как бы то ни было,— раздраженно отозвался вельможный разбойник,— покамест ты носишь на спине отметины моего кнута, и так будет продолжаться и впредь!

— Какая непоколебимая уверенность...— Ненависть на мгновение зажгла глаза стигийца красным огнем преисподней.— Рано или поздно, так или иначе, а Кольцо я себе непременно верну. И тогда, клянусь змеиными клыками Сета, ты мне заплатишь...

Горячий нрав аквилонца заставил его вскочить и влепить стигийцу затрещину.

Тот-Амон отшатнулся, на разбитых губах выступила кровь.

— Больно уж осмелел ты, собака! — прорычал Аскаланте.— Остерегись! Покамест я твой хозяин, и не забывай, что мне известна твоя неприглядная тайна!.. А теперь, если осмелишься, можешь хоть с крыши кричать, что Аскаланте вернулся в город и плетет заговор против короля! Ну?

— Я не смею...— утирая расквашенный рот, пробормотал стигиец.

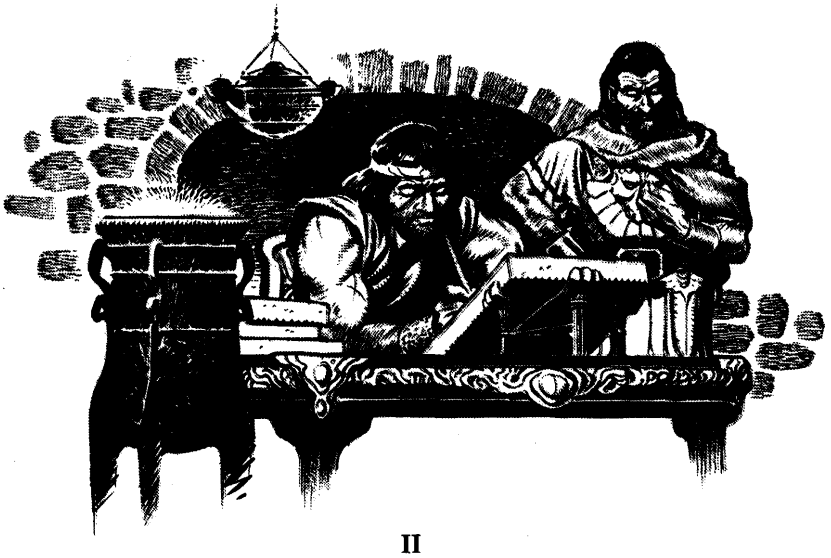
— Конечно не смеешь.— Аскаланте ощерился в холодной улыбке.— Ибо, умри я от твоей хитрости или предательства, об этом немедленно прознает святой отшельник в южной пустыне. Тогда он сломает печать и прочтет свиток, который я оставил ему. Прочтет и скажет слово, и, произнесенное шепотом в Стигии, оно дотянется сюда полночным ветерком с юга... Сумеешь ли ты спрятаться от него, а, Тот-Амон?

Невольник содрогнулся, смуглое лицо точно подернулось пеплом.

— Довольно! — Высокомерный хозяин резко сменил тон.— У меня есть для тебя поручение. Я не доверяю Диону... Я велел ему ехать в его загородное имение и оставаться там до завершения сегодняшней ночной вылазки. Этот жирный дурак все равно выдал бы себя с головой, оказавшись в присутствии короля... Так вот. Отправляйся за ним и, если не догонишь его по дороге, езжай прямо в имение и оставайся с Дионом, пока мы за ним не пошлем. Да смотри глаз с него не спускай! Кто его знает, что он способен натворить с перепугу! С него станется прискакать во дворец, броситься Конану в ноги и всех заложить, лишь бы шкуру свою спасти... Ну, ступай!

Раб поклонился, старательно пряча горящие ненавистью глаза, и вышел за дверь.

Аскаланте вернулся к своему кубку с вином. Над золочеными шпилями занимался кроваво-красный рассвет...

II

Гремел победный барабан, старались трубачи.
Цветы и золото к ногам моим метал народ.
И вот корону я надел, и тот же самый сброд
Острит отравленный кинжал для мятежа в ночи.

Дорога Королей

Просторный чертог был богато разубран. На полированных стенах — прекрасные занавеси, на отделанном слоновой костью полу — пышные ковры, высокий потолок — сплошь в резьбе и серебряных завитках. Письменный стол и тот был сущим произведением искусства — слоновая кость, инкрустированная золотом... За этим столом сидел человек, чьи широченные плечи и прокаленная солнцем кожа решительно не вязались с окружающим великолепием. Какие-нибудь продутые всеми ветрами дикие пустоши — вот где ему поистине было бы самое место. В малейших движениях этого человека угадывалась мощь пружинно-стальных мышц, помноженная на острый ум и собранность воина. Внимательный взгляд отметил бы ненаигранность его повадки; этому не научишься, с этим надо родиться. Если уж он хранил неподвижность, его можно было спутать с бронзовой статуей. А если двигался, то не дерганым рывками, говорящими о взвинченности, но с этакой обманчивой кошачьей неторопливостью, за которой на самом деле не успевает уследить глаз...

Одеяние на нем было из роскошной ткани, но очень простого покроя. На руках — ни перстней, ни иных украшений, густая черная грива подстрижена над бровями и стянута повязкой из серебряной парчи.

Вот он отложил золотую палочку для письма, которой усердно царапал по навощенному папирусу, подпер кулаком подбородок и устремил мерцающий внутренней энергией взгляд синих глаз на стоявшего перед ним человека.

Этот последний в данный момент занимался своими делами: поправлял шнуровку отделанного золотом доспеха, рассеянно насвистывая потихоньку.

Такое вот поведение в присутствии короля.

— Ну и каторга эти государственные дела! — сказал человек за столом.— Честно, Просперо, я ни в одной битве так не выматывался, как теперь!

— За все надо платить, Конан,— отозвался темноглазый пуатенец.— Заделался королем, изволь теперь попотеть!

— С какой радостью я бы отправился с тобой сегодня в Немедию,— вздохнул Конан завистливо.— Уже тыщу лет в седле не сидел. Да вот Публий, прах его побери, знай твердит, что мне сейчас из города лучше не отлучаться. Вечно дел невпроворот...— И пожаловался с дружеской откровенностью, которая водилась между ним и Просперо: — Когда я свергал прежнюю династию, мне казалось — уф, все беды и все труды позади, теперь заживем! А сейчас оглядываюсь назад, и тогдашние погони и заварухи уже кажутся легкой прогулкой...

Знаешь, Просперо, я ведь никогда не загадывал, что будет потом. Когда король Нумедидес пал мертвым к моим ногам, когда я сорвал с него окровавленную корону и надел ее сам, мне казалось — все, достиг! Вот она, вершина!.. Я готовил себя к захвату власти, но не к тому, чтобы ее удержать... Где они теперь, те славные деньки веселой свободы, когда мне всего-то нужен был острый меч и прямая дорога, чтобы доскакать по ней до врагов! Теперь вот ни одной прямой тропки, все сплошь запутанные и кривые, а мой меч — тот большей частью вообще бесполезен... Когда я скинул Нумедидеса, меня называли Освободителем. Сегодня те же самые люди повадились плевать мне вслед, зато статую убиенного короля, этого сукина сына, поставили в храме Митры и падают перед ней ниц. Она для них икона святого самодержца, с которым расправился кровавый зверь-варвар. Когда я был наемником и вел аквилонскую армию от победы к победе, эту страну меньше всего заботило мое иноземное происхождение. А теперь мне его не могут простить! Люди, которых калечили и ослепляли палачи Нумедидеса, спешат в храм Митры возжигать благовония в его честь. Люди, чьи сыновья умерли в его застенках, чьих жен и дочерей силком тащили в его сераль... Хоть смейся, хоть плачь!

— За это в первую голову надо благодарить Ринальдо,— подтягивая еще на дырочку пояс с мечом, заметил Просперо.— Он слагает песни, от которых люди положительно сходят с ума. Взять бы да вздернуть проходимца на самую высокую городскую башню, пусть бы радовал своими виршами стервятников!

— Нет, Просперо,— покачал головой Конан.— Для меня он неприкосновенен. Даровитый поэт главнее самого великого короля... В его песнях больше могущества, чем в моем скипетре. Однажды ему вздумалось спеть для меня, и он похитил сердце из моей груди. Когда умру, меня похоронят и позабудут, а песни Ринальдо переживут века. Нет, Просперо...— продолжал король, и тень обеспокоенности притушила синий огонь его глаз.— Все не так просто. Есть что-то еще... какая-то темная подоплека, которую мы ощущаем, но не можем внятно истолковать... Я ее нутром чую, как мальчишкой чувствовал присутствие тигра, затаившегося в высокой траве! По стране точно какой-то дух бесплотный гуляет, сея непонятную смуту... Знаешь, на что это похоже? Представь, ты охотник в лесу, сидящий ночью у крохотного костерка. Ты слышишь в чаще мягкие-мягкие крадущиеся шаги, ты почти наяву видишь, как поблескивают чьи-то глаза... Вот бы заставить это таящееся нечто себя проявить, вот бы схлестнуться с ним в открытом бою да располосовать гадину добрым мечом!.. Говорю тебе,

Просперо: пикты совсем не случайно начали до того яростно нападать на наши границы, что боссонцы на что уж крепкие ребята, а запросили о помощи. Эх, ну почему мне не дали туда с войском уехать...

— Публий заподозрил заговор с целью убить тебя на границе,— невозмутимо ответил Просперо, разглаживая поверх сверкающей брони шелковую накидку и любуясь собой — рослым, гибким — в серебряном зеркале.— Вот он и уговорил тебя остаться в столице. Ты, Конан, все не отучишься идти на поводу у своих варварских инстинктов. Если народ чем-то недоволен, ну и что нам с того? За нас и наши наемники, и Черные Драконы... да что там, у нас в Пуатене последний босяк и тот клянется твоим именем! Тебе остается опасаться только тайных убийц, а откуда им тут взяться? Тебя день и ночь охраняют имперские войска... Кстати, над чем ты там трудишься?

— Карту рисую,— ответил Конан с гордостью.— На тех картах, что имеются при дворе, неплохо показаны страны юга, запада и востока, но что касается севера, всюду либо белые пятна, либо такая чушь, что тошно смотреть... Вот я северной частью и занимаюсь. Смотри, здесь моя родная Киммерия. А здесь...

— Асгард и Ванахейм,— присмотрелся к карте Просперо.— Во имя Митры! До сего дня я склонен был полагать, что это выдуманные, баснословные страны!

Конан вдохновенно и яростно усмехнулся, тронув пальцем шрамы, рассекавшие смуглую кожу у него на лице.

— Проведи ты всю юность на северных границах Киммерии, ты бы так не считал! Асгард от нас аккурат к северу, а Ванахейм — к северо-востоку, и мира на наших рубежах отродясь не бывало...

— Ну и что они за люди, эти северяне? — заинтересованно спросил Просперо.

— Рослые, светловолосые, голубоглазые... Они поклоняются Имиру, ледяному великану, и каждое племя подчинено собственному королю. Что асиры, что ваниры несговорчивы и очень воинственны. Готовы драться день напролет, после чего всю ночь до утра глушить эль и орать свои дикарские песни...

— Значит, ты сам вроде них,— расхохотался Просперо.— Кто еще у нас охотник до крепкой выпивки, доброй шутки и молодецкой песни, если не ты? Нет, правда, сколько знавал киммерийцев — пьют только воду, смеются раз в год по великому празднику, а что до пения — как затянут какой-нибудь погребальный плач, аж уши вянут...

— Может быть, все дело в нашей стране,— ответил король.— Я в целом свете не видал более сумрачных мест. Сплошные холмы, темный лес, вечно серое небо... Холодный ветер, горестно стонущий по долинам...

— Да уж, родина угрюмых людей,— передернул плечами Просперо. Перед глазами у него так и поднялись залитые солнцем, увитые голубыми лентами рек равнины милого Пуатена — самой южной провинции Аквилонии.

— Нашим людям особо не на что надеяться ни в этом мире, ни в загробном,— задумчиво продолжал король.— Мы поклоняемся Крому и его темному сонму, чье царство Тьмы — страна без солнца, затянутая вечным туманом. Ох, Митра! Образ жизни асиров всегда был мне как-то духовно ближе...

— Ну что ж,— улыбнулся Просперо.— По счастью, ты оставил унылые холмы Киммерии далеко позади... Ладно, Конан, мне пора ехать. Обещаю поднять за тебя добрый кубок немедийского белого при дворе короля Нумы...

— Добро,— кивнул король.— Только смотри не вздумай от моего имени целовать танцовщиц Нумы, а то еще международный скандал мне там наживешь!..

Раскатистый хохот короля долго провожал Просперо по дворцовому коридору...

III

В подвалах мрачных пирамид великий дремлет Сет.
Его таинственных жрецов во тьме проложен след.
Я молвлю Слово вдалеке от солнца и огней:
Пришли для мести мне слугу, могучий древний Змей!

Дорога Королей

Солнце уходило с небес, облекая сине-зеленые лесные горизонты кратковременным золотом. Умирающий свет дня переливался на звеньях толстой золотой цепи, которую Дион Атталусский то и дело теребил пухлой рукой, сидя посреди неистово цветущего сада. Ерзая обширным седалищем по мраморной скамье, Дион пугливо озирался, ни дать ни взять опасаясь внезапного нападения. Скамью обрамлял правильный круг стройных деревьев, чьи ветви сплетались над головой вельможи в густой полог. Неподалеку серебряным колокольчиком звенел фонтан, ему согласным хором отзывались другие фонтаны, разбросанные по саду.

Дион был здесь один — если не считать исполинского темного силуэта на ближней скамье. Оттуда за бароном внимательно наблюдали темные поблескивающие глаза. Дион, впрочем, меньше всего думал про Тот-Амона. Еще не хватало ему обращать внимание на какого-то там раба, которому оказывал необъяснимое доверие Аскаланте!.. Дион, как многие знатные богачи, был совсем не склонен лишний раз замечать тех, кто стоял ниже его.

— Не стоит так волноваться,— проговорил между тем Тот-Амон.— Заговор просто не может потерпеть неудачу.

— Аскаланте всего лишь человек, и он мог ошибиться! — отрезал Дион. При одной мысли о поражении его бросило в пот.

— Нет уж, только не он,— зло усмехнулся стигиец.— В ином случае я был бы его хозяином, а не рабом!..

— Это еще что за речи? — спесиво перебил Дион, не придавая, впрочем, особого значения их разговору.

Глаза Тот-Амона нехорошо сузились... Какой бы железной ни была его выдержка, сейчас он был близок к тому, чтобы взорваться. Слишком долго ему пришлось скручивать в душе чудовищный стыд, ярость и ненависть, слишком долго он ждал хоть какого-нибудь шанса восстать. Где ж тут было учесть то обстоятельство, что Дион в упор не признавал в нем человеческое существо, наделенное умом и достоинством. Для барона Тот-Амон был всего лишь безликий раб, не стоивший почти никакого внимания.

— Послушай меня,— сказал ему стигиец.— Очень скоро ты взойдешь на престол. Но ты понятия не имеешь, что представляет собой Аскаланте! Не вздумай ему доверять, когда падет Конан! Я же способен помочь тебе. И помогу, если, придя к власти, ты меня защитишь...

Слушай же, мой повелитель. Когда-то я жил на юге и был великим чародеем. Люди упоминали имя Тот-Амона наравне с именем Раммона... Мне оказывал немалые почести Ктесфон, король Стигии. Он прогнал от двора великое множество других магов и обласкал своей милостью меня одного. Соперники смертельно ненавидели меня, но и боялись, ибо я повелевал тварями с той стороны. Я вызывал их по своему хотению, и они были у меня на посылках. О Сет!.. Каждый вечер мои враги засыпали в страхе, зная, что посреди ночи их могут разбудить когти неведомого ужаса, сомкнувшиеся на горле!.. Я владел Змеиным Кольцом Сета и с его помощью творил темные и жуткие чудеса. Я обрел это Кольцо в незапамятно древней подземной гробнице, устроенной на глубине в целую лигу и забытой еще прежде, чем отдаленные предки людей покинули изначальное море.

К моему горю, некий вор похитил Кольцо и моему могуществу пришел конец. Маги, посрамленные мной, немедля восстали, желая моей смерти, и я вынужден был бежать. Переодевшись погонщиком верблюдов, я странствовал с караваном в стране Коф, когда на нас напали грабители Аскаланте. Они убили всех, кроме меня. Я спас свою жизнь, открывшись Аскаланте и поклявшись ему служить... Но какой же горькой для меня оказалась эта служба!

Чтобы еще крепче связать меня, он все изложил на пергаменте и отдал запечатанный свиток отшельнику, обитающему в южном Кофе. Потому-то я и не дерзаю ни заколоть его кинжалом во сне, ни выдать врагам. Ибо в случае его смерти отшельник сломает печать и все прочтет, как наказывал ему Аскаланте. Он отправится в Стигию и скажет там слово...— И вновь Тот-Амон содрогнулся, и пепельная бледность залила смуглые щеки.— Никто в Аквилонии не знает, кто я такой,— продолжал он.— Но стоит моим врагам-стигийцам только прознать, где я нахожусь, и даже расстояние в половину населенного мира не спасет меня от заклятия, способного вдребезги разнести сердце бронзовой статуи... За-

щитить меня способен только король, властитель замков и меченосного войска... Видишь, я поведал тебе свою тайну, Дион, и готов заключить с тобой соглашение. Моя мудрость сослужит тебе немалую службу, а ты можешь дать мне убежище. А когда рано или поздно я отыщу и вновь надену Кольцо...

— Кольцо? Какое еще кольцо?..

Тот-Амон недооценил полнейшее себялюбие собеседника. Дион, как выяснилось, его не слушал даже вполуха. А что ему занимать свой слух речами какого-то невольника? Он был слишком погружен в собственные мысли, его внимание привлекло лишь последнее слово.

— Кольцо?..— повторил он.— Припоминаю что-то такое... Ах да, мое счастливое колечко! Ну как же, я прикупил его у одного шемитского вора — тот клялся, будто стырил его у какого-то южного колдуна, а посему оно должно приносить мне удачу... Митра свидетель, я втридорога заплатил негодяю! Клянусь всеми богами, сегодня удача мне требуется, как никогда. И дернуло же меня ввязаться в кровавые козни Вольманы и Аскаланте... Ну-ка, где мой перстенек?

Тот-Амон взвился, точно пружина, темная кровь бросилась ему в лицо, а глаза вспыхнули наконец-то прорвавшейся яростью и осознанием всей непомерной тупости напыщенного вельможи... Дион по-прежнему не обращал на раба никакого внимания. Сдвинув на мраморной скамье потайную крышечку, он принялся рыться в содержимом каменной ниши, перебирая варварские амулеты, кусочки заговоренных костей, какие-то аляповатые драгоценности — все, что по трусости и суеверию собирал долгие годы.

— Ага, вот ты где! — И он с торжеством вытащил замысловатой формы перстень. Он был сделан из металла, похожего на медь: чешуйчатая змея свивалась тремя кольцами, держа во рту собственный хвост. В желтых камешках маленьких глаз дрожали злобные огоньки...

Тот-Амон вскрикнул, точно его пырнули ножом, и вот тут Дион, наконец оглянувшись на него, побелел от испуга. Глаза раба пылали страшным пламенем, рот скалился, длинные руки со скрюченными когтистыми пальцами тянулись вперед.

— Кольцо!..— вскрикнул он пронзительно.— Во имя Сета, мое Кольцо!.. Мое украденное Кольцо!..

Сталь блеснула в его ладони, и одним движением смуглого плеча он вогнал кинжал по самую рукоять в жирное баронское брюхо. Дион тонко завизжал, его визг перешел в задушенное бульканье, и бесформенная туша осела наземь, оставшись лежать, точно груда подтаявшего масла. Несчастный глупец умер, успев испытать ни с чем не сравнимый ужас, но так и не поняв почему. Тот-Амон отшвырнул обмякшее тело — прах, более не имевший никакого значения,— и обеими руками подхватил Кольцо. Глаза стигийца горели алчностью и сумасшедшим восторгом.

— Мое Кольцо!..— прошептал он с наводящим ужас восторгом.— Мое могущество!..

...Он сам не знал, долго ли он вот так сидел на корточках, лелея в ладонях злобную металлическую змею и питая ее аурой свою темную душу. Наконец он встряхнулся, возвращаясь к реальности из ночных бездн, в путешествие по ко-

торым пустилась было его душа, и увидел, что луна успела подняться. Лунный свет разрисовал непроглядными тенями гладкую спинку мраморной скамьи, у подножия которой виднелось нечто темное, неподвижное — бывший государь Атталусский, несостоявшийся король Аквилонии.

— Вот так-то, Аскаланте... вот так-то...— прошептал стигиец, и его глаза блеснули во тьме двумя красными бликами, как у вампира.

Нагнувшись, он зачерпнул из растекшейся лужи пригоршню загустелой крови и стал втирать ее в голову металлической змеи, пока желтые блики не покрыла алая пленка.

— Отврати взор свой, о хранящая тайну змея,— нараспев произнес он вгоняющим в дрожь шепотом.— Отврати взор свой от света луны и отверзни очи свои для исподнего мрака! Что видишь ты там, о вещая змея Сета? Кого призываешь ты из пределов вечной Тьмы? Чья тень готова покрыть меркнущий Свет? Вызови его для меня, о змея!

Его пальцы тем временем исполняли странный танец, особым образом поглаживая металлические чешуйки. Танец, чей замысловатый ритм начинался и оканчивался в одном и том же месте. Голос стигийца звучал все тише, так что посторонний слух уже не мог бы разобрать ни зловещих имен, ни ужасающих заклинаний, давным-давно позабытых повсюду в мире, кроме отдаленнейших уголков Стигии, где в тиши старинных кладбищ чутко дремлют жуткие тени...

И вот наконец неподалеку в воздухе наметилось некое движение, что-то вроде завихрения, производимого подводными существами, поднимающимися к поверхности. Иномировой ветер повеял на Тот-Амона могильным холодом, как если бы где-то рядом открылась дверь в неизвестное. Стигиец ощутил присутствие у себя за спиной, но оглядываться не стал. Он упорно смотрел на залитую лунным сиянием стену из гладкого мрамора, где начала оформляться неясная тень. Под беспрерывный шепот заклинателя тень принялась расти, становиться все отчетливее и страшнее. Она чем-то напоминала гигантского бабуина, правда, таких бабуинов от сотворения мира не водилось нигде на земле, даже в Стигии.

Тот-Амон по-прежнему не оглядывался. Вытащив из поясной сумки сандалию своего хозяина (хранимую в смутной надежде как раз на такое вот применение), он кинул ее себе за спину.

— Постигни же ее хорошенько, о раб Кольца! — воскликнул чародей.— Найди и уничтожь носившего ее! Взгляни ему в глаза и истреби его душу, прежде чем разорвать ему горло. Убей же его...— И в слепом порыве страсти Тот-Амон выкрикнул: — И всех, кто будет подле него!

Чудовищная тень, ясно видимая на мраморной стене, опустила голову, точно ищейка, готовая взять след... Кончив принюхиваться, жуткая тварь крутанулась — и пропала, только ветер прошумел в кронах деревьев.

Стигиец в невыразимом восторге потряс над головой вскинутыми руками, его зубы и белки глаз одинаково ярко белели в свете луны...

...Воин, сторживший городские укрепления, заорал от внезапного ужаса, когда невероятная тень с горящими глазами одним прыжком одолела стену и вихрем пронеслась мимо него, исчезнув в ночи. Все случилось до того быстро, что ошеломленный солдат так и остался гадать, не примерещилось ли ему...

IV

Когда человек совсем изнемог
Во власти демонов злых,
На Сета я поднял огнь, и клинок,
И соки дерев святых.
Сегодня в могиле покоюсь я,
А мимо века спешат.
Забыт ли я теми, от Змея чья
Была спасена душа?..

Дорога Королей

В спальне короля Конана потолок был выполнен в виде высокого золотого купола, но спавшего под этим куполом сегодня донимали беспокойные сны. Он блуждал в вихрящихся серых туманах, сквозь которые до него доносился странный далекий зов. Зов был едва слышен, но Конан вскоре убедился, что не в его власти было выкинуть его из сознания. Вытащив на всякий случай меч, он двинулся сквозь туманы, как путешествующий по горам иной раз бредет сквозь облака. Голос, звавший его, между тем делался яснее и громче, и спустя некоторое время Конан разобрал слово, произносимое вдалеке. Кто-то взывал к нему сквозь бездны пространства и времени, произнося его собственное имя.

И вот туман начал мало-помалу редеть, и Конан обнаружил, что бредет по гигантскому темному коридору, вырубленному в сплошной толще черного камня. Освещения не было заметно, но некоторым чудесным образом Конан ясно различал окружающее. Гладкие стены, пол и потолок тускло мерцали, переливаясь силуэтами древних героев и полузабытых богов. Конан невольно содрогнулся, приметив громадные смутные облики Безымянных Древних Сил, и ощутил необъяснимую уверенность, что никто из смертных не проходил этим коридором очень-очень давно. Наверное, уже много веков.

Потом началась широкая лестница, вырубленная из того же черного камня, сплошь обрамленная могущественными знаками столь неописуемой силы и древности, что у короля Конана мороз пробежал по спине, когда он к ним присмот-

релся. А ступени — каждую из них — украшало изображение мерзостного Древнего Змея, Сета, так что идущий как бы попирал старинного Врага каждым своим шагом. Конан понял и оценил замысел зодчего, вот только легче от этого ему почему-то не стало.

А голос все звал и звал его вперед, сквозь тьму, которую наверняка не смогли бы пронизать его глаза, будь он здесь во плоти. И наконец Конан вступил в обширный подземный зал... чтобы увидеть там каменную гробницу и восседающую на ней смутно видимую седобородую фигуру. У Конана аж волосы шевельнулись, он невольно схватился за меч... Но тут старец заговорил с ним.

— Знаешь ли ты, человече, кто я такой? — осведомился он замогильным голосом.

— Клянусь Кромом, понятия не имею! — ответил король.

— О человек, я — Эпимитрий.

— Но...— Конан даже заикаться начал от изумления,— но ведь Эпимитрий Мудрый... он, то есть ты... полторы тыщи лет уже как помер!

— Внемли же! — повелительно прозвучало в ответ.— Камешек, брошенный в темный пруд, отсылает волны бежать к невидимым берегам. Так и происходящее в Незримом Мире отозвалось волнами, постучавшимися в мой сон. Я давно присматриваюсь к тебе, Конан из Киммерии, и вижу печать избранничества на челе твоем, а в сердце — готовность к великим делам. Однако тебе противостоят немалые силы, и против них твой меч не помощник...

— Хватит загадками говорить, дед,— проворчал Конан. Ему было не по себе.— Мне бы этих врагов только увидеть, я бы сразу им зубов поубавил...

— Побереги свою варварскую ярость для тех недругов, которые из плоти и крови,— строго ответила тень.— Мое дело — защитить тебя вовсе не от людей. Знай же: есть миры, о которых едва догадываются смертные, и в этих мирах полным-полно неназываемых чудовищных тварей. Лишь злые колдуны способны выкликать из Внешних Бездн эти сущности, заставляя их обретать плоть, чтобы когтить и рвать тех, на кого им укажут. Знай же, о венценосец,— в твоем доме свила гнездо змея! Скользкая гадина, выползшая из теней Стигии и несущая в темной душе своей самую черную премудрость. Спящему, чей разум настороже, обязательно приснится змея, подкравшаяся наяву,— так и я ощутил опасное присутствие ученика Сета. Сейчас он упивается вернувшейся силой, он способен нанести удары, могущие поколебать твою державу, о Конан! Поэтому я и воззвал к тебе — воззвал, дабы вооружить тебя против стигийца и его демонической своры...

— Но почему?..— недоумевая, вопросил Конан.— Люди говорят, ты спишь в черном сердце Голамиры, откуда во дни великой нужды посылаешь свой крылатый дух на выручку Аквилонии... Но я же... Я — варвар, я чужестранец на аквилонском престоле...

— Умолкни! — Властный голос гулко отдался под сводами угрюмой пещеры.— Твоя судьба неотделима от судеб Аквилонии. Грядущее чревато великими событиями, и я не потерплю, чтобы кровожадный чародей встал на пути державных свершений. Много веков назад мир задыхался в кольцах Змея Сета, как задыхается несчастная жертва, удушаемая питоном. И я всю жизнь бился против него — а мой век был втрое длиннее, чем у обычных людей. И я загнал-таки его во мрак таинственного юга, и лишь в Стигии люди, как встарь, поклоняются

тому, кого мы называем Великим Врагом. А я, дравшийся прежде с Сетом, поныне не даю спуску его посланцам, ученикам, поклонникам и клевретам... Дай мне твой меч!

По-прежнему мало что понимая, Конан тем не менее повиновался. И там, где широкое лезвие соединялось с тяжелой серебряной рукоятью, костлявый старческий палец начертал символ, вспыхнувший в потемках белым огнем. Тотчас пропали и старец, и подземный зал, и гробница... а Конан, тяжело дыша, вскинулся на ложе под золотым куполом своей опочивальни. Он вскочил, озираясь, силясь разобраться в странностях промелькнувшего сна... И обнаружил, что действительно сжимает в руке меч. И вот тут у него в самом деле шевельнулись волосы на затылке, потому что на знакомом клинке оказался выгравирован символ, которого прежде там не было,— силуэт феникса. Конан сразу вспомнил каменное изваяние феникса, осенявшее крыльями гробницу в приснившейся ему пещере; и задался невольным вопросом: а было ли то просто каменное изваяние?..

От подобных размышлений у короля снова пробежал по коже мороз...

Конана вернул к реальности звук крадущихся шагов, еле слышно донесшийся из-за двери. Король не стал выяснять, кто там крадется, а принялся быстро и бесшумно облачаться в боевую броню. В нем снова проснулся варвар, чуткий и бдительный, словно волк на охоте. Правду молвить, этот варвар никогда крепко и не засыпал...

V

Что мне до вашей тонкой лжи, до злата и интриг?
Я к первородной простоте с младенчества привык.
Молчат лукавые уста, когда глаголет меч...
Ворвитесь и умрите, псы! Я сам иду навстречь!

Дорога Королей

Сквозь темноту и тишину дворцового коридора крались два десятка незваных гостей. Их ноги, босые либо в мягкой кожаной обуви, неслышно скользили по мрамору и толстым коврам. Редкие факелы, установленные в нишах, бро-

сали кровавые отсветы на загодя обнаженные кинжалы, мечи и остро отточенные топоры.

— Тихо там!..— прошипел Аскаланте.— Кто это из вас так громко пыхтит? А ну прекратить!.. Начальник ночного караула убрал из этих покоев кого только мог, а остальных мертвецки напоил не для того, чтобы нас погубила собственная неосторожность... Эй, все назад!.. Стража идет...

Заговорщики шарахнулись назад, прячась в густой тени за колоннами, и очень скоро мимо них мерным шагом проследовали десять гигантов в черной броне. Они с сомнением поглядывали на старшину, который зачем-то уводил их с назначенного поста... Сам этот старшина выглядел неестественно бледным. Когда воины проходили место, где прятались заговорщики, он трясущейся рукой смахнул со лба пот... Старшина был молод, и решение предать короля далось ему нелегко. Будь она проклята, эта расточительная любовь к пустой роскоши, из-за которой он оказался по уши в долгах и стал пешкой в руках интриганов!..

Позвякивая латами, стражники прошагали мимо и скрылись в глубине коридора...

— Отлично,— усмехнулся Аскаланте.— Итак, Конан спит беззащитным. Поторопимся же! Если нас застигнут в момент убийства, нам конец. Но кому понадобится заступаться за уже мертвого короля?

— О да, поторопимся! — воскликнул Ринальдо, чьи голубые глаза сверкали еще ярче клинка, воздетого над головой.— Мой меч жаждет!.. Я слышу шорох крыльев над головой — это стервятники собираются к падали! Вперед!..

Они во всю прыть, уже почти не скрываясь, устремились дальше по коридору и наконец остановились перед позолоченной дверью. На ней красовался царственный дракон — герб Аквилонии.

— Громель! — позвал Аскаланте.— Ну-ка высади мне эту дверь!

Исполин набрал побольше воздуху в грудь — и всем телом протаранил резные панели. Дверь застонала и подалась. Новый удар... Дверь отозвалась треском дерева и скрипом металла — и, сорвавшись с петель, рухнула внутрь.

— Вперед!..— взревел Аскаланте, опьяненный первой удачей и самой необратимостью содеянного.

— Вперед!..— закричал Ринальдо.— Смерть тирану!..

Они дружно качнулись внутрь опочивальни... И замерли на месте.

Перед ними стоял король Конан.

Но не голый, ошарашенный и безоружный, каким они его себе представляли, разбуженный внезапным вторжением и готовый умереть под ударами, точно баран на бойне... Ничуть не бывало! Перед ними стоял могучий и яростный варвар, успевший накинуть кольчугу и схватить в руки меч!

На какой-то шаткий миг они замерли друг против друга: четверо мятежных вельмож в проеме высаженной двери, негодяйские рожи у них за спиной... и великан с горящими глазами, стоявший с мечом наготове посреди озаренной свечами опочивальни... Правду молвить, заговорщикам было от чего прийти в замешательство! Но вот Аскаланте заметил на столике возле ложа серебряный скипетр и тонкий золотой обруч — знаки монаршей власти Аквилонского королевства, и это зрелище лишило его остатков здравого смысла.

— Вперед, мои головорезы! — взревел бывший царедворец.— Он без шлема, и нас тут двадцать на одного!

Конану в самом деле недостало времени на то, чтобы надеть тяжелый пернатый шлем или зашнуровать как положено боковины кирасы. Он даже щит со стены сорвать не успел. Тем не менее доспехов на теле короля было побольше, чем у любого из заговорщиков, кроме Вольманы и Громеля, явившихся в полном вооружении.

Сурово и грозно смотрел на них Конан, пытаясь угадать, кто же это на него нападает. Аскаланте был ему незнаком, еще двое прятали лица за опущенными забралами, а Ринальдо стянул на самые глаза широкополую шляпу. Впрочем, на то, чтобы строить загадки, времени уже не было. Со слитным воплем, потрясшим дворец до самой крыши, убийцы хлынули в комнату. Громель наскочил на Конана первым — низко пригнувшись, точно атакующий бык, он держал меч наперевес, чтобы первым же выпадом выпустить противнику кишки. Конан рванулся навстречу, вкладывая в размах меча всю свою тигриную мощь. Свистящий клинок вычертил в воздухе серебряную дугу и обрушился боссонцу на шлем... Страшный удар вдребезги разнес и шлем, и оружие. Громель рухнул на пол бездыханным, Конан же отскочил назад, сжимая осиротевшую рукоять.

Разбитый шлем обнажил знакомые черты предводителя Черного Легиона, и глаза короля вспыхнули яростью.

— Громель! — вырвалось у него, как плевок...

А в следующий миг на него насела вся остальная свора. Чей-то кинжал скользнул по его ребрам между половинками кирасы, перед самыми глазами мелькнул обнаженный меч... Левой рукой Конан отшвырнул владельца кинжала, а правой, точно кастетом, обломанной рукоятью шарахнул меченосца в висок — так, что мозги брызгами полетели ему в лицо.

— Вы там, пятеро, стерегите дверь!..— завизжал Аскаланте, мечась возле края лязгающего стального водоворота. Он боялся, как бы Конан не прорвался сквозь ряды заговорщиков и не выбежал в коридор.

Негодяи подались назад все сразу — откуда им было знать, к кому именно обращался главарь,— а Конан, воспользовавшись мгновением передышки, метнулся к стене и сорвал с нее древний боевой топор, что висел там, никем не тревожимый, добрых полвека.

Стоя спиной к стене, киммериец обвел глазами готовое сомкнуться кольцо головорезов, а потом... потом прыгнул вперед, в самую гущу врагов. Обороняться? Еще чего! Каким бы погибельным ни было неравенство сил, Конан-варвар признавал только один вид боя — нападение!

В нынешних обстоятельствах любой другой воин уже давно бы погиб, да и сам Конан не особенно надеялся выжить... Но прежде чем пасть, он был намерен забрать с собой как можно больше врагов. Его варварская душа пылала восторгом смертного боя, и песни о древних героях отдавались в ушах.

Летя в прыжке от стены, он стремительным ударом разрубил одному из нападавших плечо и тут же наотмашь сплющил череп другому. Кругом ядовитыми гадюками свистели в воздухе чужие мечи, но смерть всякий раз промахивалась, пускай и на волосок. Киммериец двигался до того быстро, что глаз не успевал уследить. Он прыгал, крутился и стелился по полу, точно тигр в стае

обезьян. Враги никак не могли попасть по нему, между тем как его топор знай выписывал смертоносные полосы и круги...

Начавшие отчаиваться убийцы в какой-то момент попытались просто смять его числом, загоняя в угол и вслепую осыпая ударами; однако им помешала их собственная численность, и, не совладав, они вновь отшатнулись, оставив двоих мертвецов лежать на полу немыми свидетелями ярости короля-варвара.

У самого Конана тоже кровоточили раны на плече, шее и обеих ногах, но он крепко стоял и был готов драться.

— Сброд! Проходимцы! — вскричал Ринальдо, срывая и отшвыривая прочь шляпу с пером. Его глаза безумно горели.— Вы что, бежать изготовились? Бежать и оставить жизнь деспоту?.. Покончим же с ним!

И он очертя голову устремился вперед, пытаясь то ли рубить, то ли колоть, но Конан, узнав его, ограничился тем, что коротким страшным ударом раскрошил у него в руке меч, после чего ладонью свободной руки отшвырнул поэта далеко в сторону. Почти сразу ему пришлось отмахиваться от клинка Аскаланте, и беглый вельможа спасся от свистящего топора только тем, что сложился вдвое и отлетел спиной вперед прочь. Опять закружилась хищная стая, и снова топор Конана запел свою смертоносную песнь... Вот какой-то нечесаный разбойник нырнул под удар и бросился королю в ноги, желая его повалить... С таким же успехом он мог бы ронять железную башню. Осознав неудачу, он вскинул глаза — как раз вовремя, чтобы заметить опускающийся топор... Больше он не успел уже ничего.

Именно в этот момент кто-то из его товарищей метко рубанул широким двуручником и рассек наплечник короля, ранив прикрытое им плечо. Кираса Конана немедленно наполнилась кровью.

Завидев это, Вольмана расшвырял своих товарищей вправо и влево и в победном нетерпении подскочил ближе, нацеливая смертельный удар в ничем не защищенную голову короля. Конан, однако, успел пригнуться, и вместо головы лезвие смахнуло лишь прядь его густых черных волос. Не теряя времени даром, Конан с разворота всадил топор во вражеские доспехи. Сталь беспомощно хрустнула, проминаясь и лопаясь под ударом, и заговорщик упал замертво.

— Вольмана,— выдохнул Конан.— Ну, коротышка, доберусь же я до тебя, когда попаду в преисподнюю...

Выпрямляясь, он оказался нос к носу с Ринальдо. Безумный поэт ринулся на него, беспорядочно размахивая кинжалом. Конан отшатнулся прочь, защитным движением вскидывая топор.

— Назад, Ринальдо! — приказал он с яростью и отчаянием.— Ну не хочу я тебя убивать!..

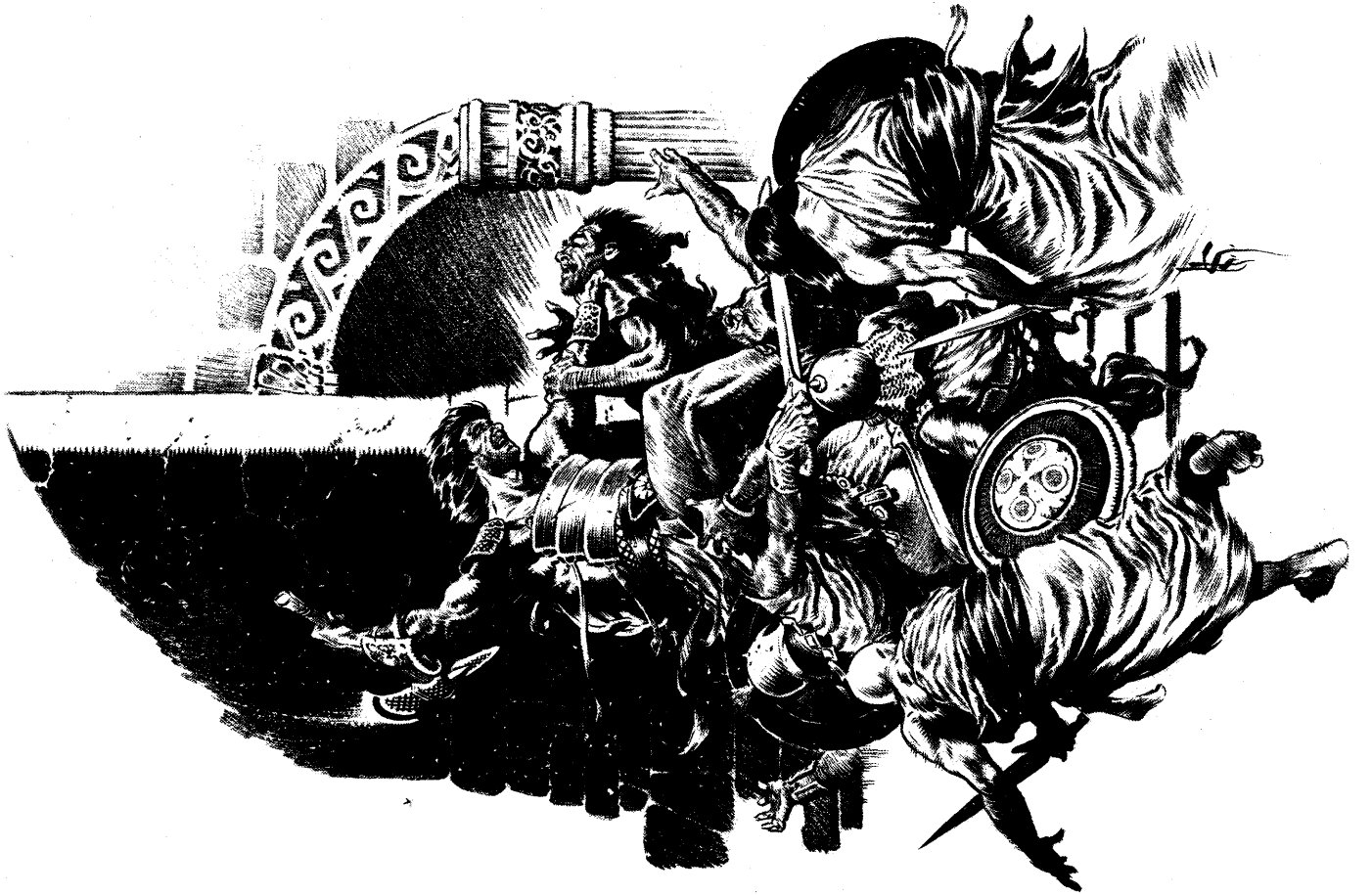
— Умри, тиран!!! — завизжал спятивший стихотворец и, не разбирая дороги, бросился на короля.

Конан всячески пытался его уберечь, он до последнего медлил с ударом, которого очень не хотел наносить, и отмахнулся, только когда кинжал Ринальдо ткнулся ему в незащищенный бок.

Иначе ему пришлось бы умереть самому...

Ринальдо запрокинулся и осел, Конан же, шатаясь, привалился к стене. Левой рукой он зажимал рану в боку, и между пальцами густо текла кровь.

— Вперед, вперед, добейте его! — кричал Аскаланте.

Опираясь на стену, Конан снова поднял топор... В эти мгновения с него можно было ваять памятник несгибаемому первобытному мужеству. Ноги широко расставлены, одна рука упирается в стену, другая заносит топор, синие глаза жутко горят на оскаленном, залитом кровью лице, жилистые мышцы вздулись коваными буграми...

Он был до того страшен, что нападающие невольно попятились. Все эти отпетые головорезы и прожженные негодяи вышли из худо-бедно цивилизованной среды, а тут перед ними был истинный варвар, дикий хищник, природный убийца. И они отступили, потому что умирающий тигр был способен причинить смерть еще не раз и не два...

Конан ощутил их неуверенность и ощерился еще страшнее.

— Ну? — прохрипел он разбитым, окровавленным ртом.— Кому первому не терпится на тот свет?..

Аскаланте прыгнул, как волк. И, как волк, сумел остановиться на середине прыжка, чтобы с невероятным проворством распластаться на полу и уйти от смерти, с шипением взметнувшейся навстречу. Кое-как он успел подобрать ноги и откатиться в сторону, ибо Конан, промазав с ударом, замахнулся опять. На сей раз лезвие глубоко врубилось в мраморный пол совсем рядом с ногами вертящегося волчком Аскаланте.

Один из головорезов выбрал этот момент для стремительного броска. Он намеревался убить Конана, пока тот будет выкорчевывать из пола топор, но ошибся в расчетах. Кровавая сталь взвилась навстречу... и отбросила под ноги нападавшим нечто бесформенное, совсем недавно бывшее человеком.

И в этот самый миг у пятерых негодяев, приставленных стеречь дверь, слитно вырвался ужасающий вопль, а на освещенную стену пала непроглядная уродливая тень. На вопль обернулись все, кроме Аскаланте... а еще через миг вся толпа уцелевших ломанулась в дверь, богохульствуя и по-собачьи подвывая от невыразимого страха.

Вот уже крики мерзавцев затихли в темноте коридора, но Аскаланте так и не оглянулся. Он смотрел лишь на израненного короля. Не иначе отчаянные вопли беглецов подняли на ноги весь дворец, так что следовало ждать скорого прибытия стражи... и оставалось неясным, что же могло обратить его закаленных разбойников в столь поспешное бегство...

Конан на дверь тоже не смотрел — он следил за бывшим вельможей немигающим взглядом обреченного, но все еще грозного волка. А потом Аскаланте вдруг заговорил, и оказалось, что даже в такой момент аквилонцу не изменила его циничная философия.

— Все пропало, в особенности — честь,— пробормотал он.— Зато король, чего доброго, так стоя и помрет, и...

К каким дальнейшим умозаключениям он еще мог прийти, так и осталось навсегда неизвестным, ибо, не довершив последней фразы, Аскаланте снова устремился на Конана, подгадав, когда тот будет вынужден свободной рукой утереть кровь, заливавшую ему глаза.

Но едва он начал атаку, как в воздухе наметилось некое движение, и тут же ему на спину между лопаток обрушился удар чудовищной туши. Аскаланте швырнуло вперед, в его тело мучительно впились кривые длинные когти... Корчась

в муках под придавившей его тяжестью, Аскаланте кое-как вывернул шею... только для того, чтобы уставиться прямо в морду воплощенному кошмару, порождению безумия. Его терзала черная тварь, просто не имевшая права принадлежать к этому миру. Клыки, облитые темной слюной, тянулись к его горлу, а взгляд желтых глаз заставлял душу и тело трепетать былинками на жестоком ветру.

Ни одно обычное животное, даже самое лютое, не способно было навевать подобный ужас. Такая морда могла бы быть у злобной древней мумии, пробужденной темными чарами к чудовищному подобию жизни. Но самое страшное было то, что в чертах иномировой твари лезущие из орбит глаза жертвы вдруг уловили некое ускользающее сходство с физиономией презренного раба — Тот-Амона. Вот тут Аскаланте не помог весь его привычный цинизм. Дико закричав, он испустил дух еще прежде, чем слюнявая пасть добралась-таки до его глотки.

Конан между тем наконец протер от крови глаза — и застыл в недоумении. Сперва ему показалось, будто над телом Аскаланте стоял громаднейший черный пес; потом, окончательно проморгавшись, он понял, что это был не только не пес, но даже и не бабуин.

С криком, который словно эхо повторил предсмертный вопль Аскаланте, Конан качнулся вперед от стены — и встретил прыгнувшую тварь броском топора, в который была вложена вся сила его отчаяния, вся резкость воспламененных нервов... Сталь со звоном отскочила от покатого черепа, который должна была разрубить, и силой столкновения короля отбросило на другой конец опочивальни.

Падая, Конан вскинул руку защитить горло, и его кисть немедленно оказалась в отвратительной пасти чудовища... Но оно почему-то не поспешило смыкать челюсти в мертвой хватке. Оно лишь вперило взгляд в глаза короля, в которых скоро начало возникать подобие того же самого страха, что до сих пор отражался в зрачках мертвого Аскаланте. Конан ощутил, как подались самые корни его души, как ее начало исторгать из тела и затягивать в желтые колодцы вселенского ужаса, что громоздился над ним, готовясь поглотить его жизнь и ясный рассудок. Глаза монстра все росли и росли, заставляя уверовать в вещественность непостижимо богомерзких созданий, таящихся во внешней тьме мироздания. Конан хотел закричать от ненависти и омерзения, но из горла вырвался только сухой хрип...

Но даже для этого порождения преисподней киммериец не оказался легкой добычей! Не в пример Аскаланте, умершему от страха, Конан взорвался лютым бешенством, не имевшим никакого отношения к здравому смыслу. Невероятным усилием всего тела он рванулся прочь, наплевав на неистовую боль в пронзенной клыками руке. Ему удалось сделать движение и увлечь с собой навалившееся чудовище, его свободная ладонь зашарила по полу... и вдруг нащупала что-то, в чем недреманная память воина тотчас опознала знакомую рукоять поломанного меча. Не думая, Конан схватил подвернувшееся под руку оружие и ударил им, точно кинжалом, собрав воедино всю мощь мускулов, сухожилий и нервов... Обломанный клинок вошел неожиданно глубоко, и пасть на руке Конана вдруг разжалась, а у чудища вырвалось нечто вроде болезненного всхлипа. Выползок из тьмы оказался в итоге не таким уж и неуязвимым!.. Вот по телу монстра прошла жуткая судорога, короля отбросило далеко прочь, и, приподнявшись на локте, он оцепенело следил, как бился и корчился на полу его враг,

а из раны, нанесенной обломком клинка, тугими струями хлестала черная кровь... Вот корчи постепенно затихли, сменившись последними подергиваниями... И наконец тварь распростерлась на мраморе, глядя в потолок остановившимися желтыми зенками. И Конан, заморгав, принялся тереть кулаком глаза: ему показалось, будто мертвая туша тает, теряет очертания и расползается в черную слизь...

И тут на пороге зазвучали знакомые голоса, и опочивальня заполнилась наконец-то проснувшимися придворными — рыцарями, вельможами, дамами, воинами, советниками... Все они одновременно пытались что-то говорить или кричать, суетились и мешали друг дружке. Подоспели Черные Драконы, раздосадованные и разъяренные, и, ругаясь на множестве языков, мигом растолкали придворных.

Недоставало лишь одного молодого старшины, отвечавшего в эту ночь за охрану королевской спальни. Его так и не разыскали — ни в ту ночь, ни потом...

— Громель! Вольмана! Ринальдо!..— Публий, старший советник, заламывал руки, стоя над трупами заговорщиков.— Какое черное предательство!.. Нет, кое-кто у меня сейчас определенно попляшет... Стражу сюда!..

— Здесь стража, старый ты дурень,— презрительно перебил Паллантид, предводитель Черных Драконов. В этот судьбоносный момент ему было не до чинов.— Хватит уже причитать, помоги лучше королю раны перевязать, пока он кровью насмерть не истек! Неужели не видишь, что на нем живого места нет?

— Конечно, конечно, сейчас,— засуетился Публий. Он умел держать речи в совете, но человеком действия его нельзя было назвать.— Короля необходимо перевязать. Живо сюда всех лекарей во дворце! О государь, что за черное пятно на чести нашего города...

— Дайте вина!..— прохрипел Конан с кушетки, на которую его успели уложить. Ему тотчас поднесли большой кубок, и он выхлебал вино окровавленным ртом с жадностью человека, полумертвого от жажды.— Вот так-то лучше,— пробормотал он, откидываясь на подушки.— Ну и паршивая, однако, работенка — людей убивать...

Умелые руки успели остановить кровь, и природное жизнелюбие варвара уже понемногу брало свое.

— Посмотри для начала дырку в боку,— велел он примчавшемуся дворцовому лекарю.— Ринальдо мне там неплохой росчерк оставил... а перо у него всегда было острое...

— Давно надо было повесить мерзавца,— сокрушался Публий.— От поэтов вечно жди неприятностей... Э, а это еще кто?

И он пугливо пихнул ногой в сандалии мертвого Аскаланте.

— Во имя Митры! — вырвалось у Паллантида.— Да это ж Аскаланте, бывший граф Тунский! Его-то каким поганым ветром занесло сюда из пустыни?

— И почему у него такой ужас в глазах? — отступая прочь, прошептал Публий.

У него самого вдруг необъяснимо расширились глаза, и словно ледяная рука провела по пухлому затылку против хода волос. Все остальные тоже замолчали, вглядываясь в лицо убитого вельможи.

— Посмотрели бы вы на то, что довелось увидеть мне...— проворчал король. И сел на постели, невзирая на протесты лекарей.— А впрочем, вон оно там ва-

ляется. Смо...— И он умолк на полуслове. Его палец показывал в никуда. На месте, где околела тварь, теперь ничего не было видно.— Кром! — выругался Конан.— Эта холера растаяла и утекла назад в нечистые сферы, ее породившие!

— Король в горячке... он бредит...— прошептал кто-то из царедворцев.

Конан услышал этот шепот и разразился божбой, мало подходившей его царственному достоинству.

— ...Во имя Бадб, Морриган, Махи и Немайн! — довершил он серию богохульных проклятий.— Я вам покажу, в какой я горячке! Эта дрянь была точно помесь стигийской мумии с бабуином! Она ворвалась в дверь, и разбойники Аскаланте в ужасе от нее разбежались. Она убила Аскаланте, который как раз собирался меня пырнуть. А потом насела на меня... ну, я ее и прикончил, хотя сам не пойму, как это удалось. Топор-то от нее отскочил, как от каменной... Должно быть, дело не обошлось без Премудрого Эпимитрия, или как его там...

— Вы слышите? — снова зашептались придворные.— Несомненная горячка. Он помйнает Эпимитрия, а тот умер пятнадцать столетий назад...

— Клянусь Имиром! — взревел король.— Этой ночью я разговаривал с Эпимитрием, вот как сейчас с вами! Он воззвал ко мне в сновидении, и я шел к нему по черному каменному коридору, сплошь в изображениях всяких старых богов, и там был каменный алтарь на ступеньках, каждая с выгравированным Сетом, а потом пещера с гробницей и фениксом...

— Ради Митры, о мой повелитель, умолкни, прошу тебя! — подал голос первосвященник, бледный, точно зола.

Конан вскинул голову движением льва, встряхивающего гривой, и его голос отдавал эхом гневного львиного рыка:

— Я тебе что — раб, чтобы по каждому твоему чиху рот закрывать?

— Ни в коей мере, о государь! — Жреца так и трясло, но вовсе не из страха перед монаршей немилостью.— Я вовсе не хотел тебя оскорбить...— И, низко нагнувшись, он зашептал так, чтобы лишь Конан слышал его: — Государь мой, ум человеческий не в силах постичь случившееся с тобой... Лишь узкому кругу посвященных в высшие тайны известно о черном каменном коридоре, прорезанном неведомыми руками до самого сердца горы Голамира, и о фениксе, хранящем покой могилы, в которой пятнадцать веков назад был погребен Эпимитрий. С тех пор ни единая живая душа не входила туда — ибо, опустив Мудреца во гроб его вечного упокоения, избранные жрецы наглухо замуровали внешний выход из коридора. Сегодня даже нам, высшему жречеству, доподлинно неизвестно, где он находится... Лишь несколько человек поколение за поколением из уст в уста передают, что — да, Эпимитрий воистину покоится там, в черном сердце Голамиры... И это одна из Святых Тайн, на которых держится поклонение Митре!

— Ну, мне-то почем знать, какой такой магией Эпимитрий меня призывал,— проворчал в ответ Конан.— Но я точно с ним говорил! И он еще пометку сделал на клинке моего меча, да такую, что демон издох от первого же удара. Меч я, правда, в самом начале заварухи сломал о башку Громеля, но и кусочка хватило, чтобы адская тварь испустила дух. А что тут к чему и какие за всем этим чары — не моего ума дело...

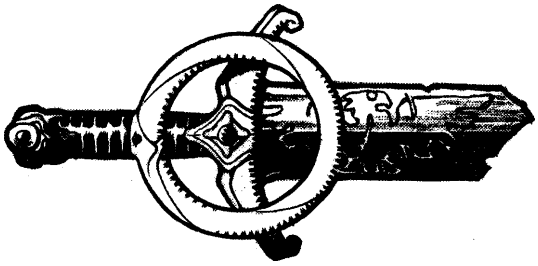
— Позволь же мне взглянуть на твой меч,— прошептал священник, и голос его дрогнул, потому что в горле неожиданно пересохло.

Конан протянул ему рукоять с обломком клинка, и жрец, вскрикнув, тут же рухнул на колени.

— Митра да защитит нас от сил тьмы!..— вырвалось у него.— Воистину, наш король нынче ночью виделся и говорил с Эпимитрием! Вот здесь, на мече — это тайный знак, который мог нанести лишь Мудрец, и никто, кроме него! Символ бессмертного феникса, вечно бдящего над его могилой!.. Свечу мне, скорее! Дайте я взгляну повнимательнее на то место, где, как говорит король, умерло порождение бездны...

Место это находилось позади разломанной ширмы. Ее мигом убрали, и мраморный пол залился светом множества свечей... Народ разом ахнул и замолчал. Потом кто-то упал на колени, взывая к Митре, а кто-то, наоборот, с визгом кинулся вон.

Ибо там, на полу, где издохло страшилище, осязаемой тенью распростерлось темное пятно, которое впоследствии так и не сумели отмыть. Растекшаяся кровь твари четко очертила контуры ее тела, и было ясно с первого взгляда, что подобное тело никак не могло родиться под звездами этого мира. Жуткий силуэт распластался на полу, словно тень какого-нибудь обезьяноподобного бога с темного алтаря в недоброй стране Стигии...

ДОЧЬ ЛЕДЯНОГО ИСПОЛИНА

...И вот затих лязг и грохот мечей, смолк наконец оглушительный гомон сражения, и на залитый кровью снег пала та особенная тишина, которая бывает только после боя. Негреющее бледное солнце, нестерпимо отражавшееся от ледников и снежных полей, рождало острые серебряные блики на гранях разбитых доспехов и обломках клинков, и мертвые так и лежали там, где застала их смерть. Безжизненные руки еще сжимали бесполезные рукояти, головы в шлемах запрокинула предсмертная мука, русые и рыжие бороды торчали к небесам, словно призывая в последний раз Имира — ледяного исполина, покровителя воинственных племен.

Все было мертво, лишь двое воителей еще стояли друг против друга среди алых потеков и груд неподвижных тел, и их взгляды пламенели неугасимой враждой. Над ними простиралось морозное небо, кругом лежала беспредельность снежных полей, а у ног — мертвец на мертвеце. Двое медленно сходились, шагая через тела, точно последние призраки в обезлюдевшем мире. И вот они встали лицом к лицу, и некоторое время тишину не нарушал даже скрип снега.

Оба рослые, широкоплечие и поджарые. Тот и другой давно потеряли щиты, и у обоих доспехи сплошь покрывали вмятины и зарубки. На кольчугах подсыхали багровые пятна, мечи побурели от пролитой крови. Рогатые шлемы несли отметины множества свирепых ударов. Один из воителей был безбород, с густой черной гривой волос. У другого волосы и борода отливали такой огненной медью, что даже кровь казалась в них малозаметной.

Рыжий подал голос первым.

— Скажи мне свое имя,— проговорил он.— Что отвечу я братьям, живущим в Ванахейме, когда меня спросят, кто последний из войска Вульфхере пал под мечом Хеймдаля?

© Перевод М. Семёновой.

— Ты скажешь им, что встретил Конана из Киммерии,— раздался в ответ рык черноволосого.— Только болтать об этом ты будешь не в Ванахейме, а на небесах — в Вальхалле!

Хеймдаль с ревом устремился вперед, его меч свистнул в смертоносном размахе. Удар по шлему заставил Конана пошатнуться, перед глазами заплясали алые огоньки. Впрочем, и сам меч не выдержал столкновения — добрая сталь разлетелась голубыми искрами. Полуоглушенный, Конан тем не менее сделал выпад, и его клинок с коротким шипением вспорол воздух. Отточенное острие рассекло и чешуйчатую броню, и кости, и плоть... и самое сердце. Рыжеволосый воитель пал мертвым к ногам киммерийца.

Конан выпрямился, опираясь на меч, и тут-то на него в полной мере навалилась тошнотворная, чудовищная усталость. Привычное вроде бы сверкание снега под солнцем стало резать глаза, точно ножом, а светящееся небо словно бы съежилось и отдалилось. Конан отвернулся от истоптанного поля, где светловолосые и рыжие воины громоздились один на другом в объятиях смерти. Кое-как он сделал несколько шагов... Слепящая белизна снегов внезапно начала меркнуть перед глазами. Конан осел наземь и, опираясь на руку, встряхнул головой, как лев гривой, пытаясь прочистить глаза...

Постепенно дурнота оставила его, и мало-помалу зрение начало проясняться. Когда Конан смог приподнять голову и заново оглядеться, он сразу обратил внимание — с миром определенно творилось что-то не то! Что именно, он не взялся бы внятно объяснить, но земля и небо точно выглядели не так, как всегда. Однако размышлять об этом оказалось некогда. Перед ним стояла женщина, стройная, точно стебелек на ветру. И почти нагая, если не считать легкой накидки из тончайшего шелка. Ее тело отливало слоновой костью, а босые ножки показались Конану белей снега, который они бестрепетно попирали. Девушка смотрела на израненного бойца и негромко смеялась. Ее смех звучал бы нежней серебряного ручейка, не будь в нем столько жестокой насмешки.

— Ты кто?..— просипел киммериец.— Откуда ты здесь?..

— Разве это важно? — прозвенело в ответ.

Голос красавицы был мелодичней поющей арфы, но какое в нем слышалось бессердечие!

— Что ж, зови сюда своих воинов,— буркнул Конан, нашаривая оружие.— Может, у меня и язык на плече, но живым я не дамся... Ты ведь из ваниров, как я погляжу?

— Кто тебе это сказал? — наклонила головку красавица.

Конан присмотрелся... Ее струящиеся локоны действительно показались ему рыжими, но только на первый взгляд. Нет, они были не рыжими и не золотыми, но некоторым образом сочетали в себе оба цвета, и результат оказался великолепен. А как сияло в этих волосах солнце!.. Конан смотрел и смотрел, приоткрыв рот от восторга. Глаза девушки тоже нельзя было с определенностью назвать ни серыми, ни синими: в них сверкали, менялись, клубились и переливались цвета, которым он не смог бы подобрать правильного названия. Алые губы улыбались, и все тело от пальчиков ног до пышных волос так и дышало истинным совершенством. От вида такой божественной красоты у Конана кровь застучала в висках.

— Не пойму, кто ты,— признался он вслух.— То ли из рода ваниров, а стало быть, мой враг... То ли из Асгарда, где у меня друзья... Долго я странствовал, но такой, как ты, ни разу в жизни не видел! Даже у прекраснейших дочерей белокурых асиров не бывает таких волос. Клянусь Имиром, я...

— Да кто ты такой, чтобы клясться именем Имира? — насмешливо перебила она.— Что можешь ты знать о богах, повелевающих снегами и льдом, ты, явившийся с юга искать приключений на холодной чужбине?

— Клянусь грозными богами моего родного народа! — воскликнул Конан рассерженно.— Да, я не родственник золотоволосым асирам, но пусть попробуют потягаться со мной на мечах, тогда и поговорим! Сегодня здесь пало восемь десятков добрых бойцов, когда храбрецы Вульфхере сошлись с волками Браги, а выжил один я! Скажи-ка мне, женщина, видела ты, как блестели кольчуги, как вооруженные воины шагали через ледники?

— Я видела, как сверкал иней под солнцем,— отозвалась она.— Я слышала, как шептал ветер, летя над вечными снегами.

Конан со вздохом покачал головой.

— Мы ждали, чтобы Ньерд со своими людьми присоединился к нам еще до сражения,— пробормотал он.— Боюсь, не угодили ли ребята в засаду... А Вульфхере и все наши мертвы... Слушай, откуда все-таки ты здесь взялась? Мы не видели поблизости деревень, боевой поход завел нас в самую глубь безлюдных земель, но ты не могла явиться издалека — по снегу-то голышом! Отведи меня к своему племени, если вы здесь держите руку асиров! Я устал до смерти и не на шутку изранен...

— Моя деревня далековато отсюда, тебе туда не дойти, Конан-киммериец,— рассмеялась красавица.

Широко распахнув руки, она сделала несколько танцующих шагов перед ним, мерцающие глаза, полуприкрытые длинными шелковыми ресницами, сияли насмешкой.

— Скажи лучше, вправду ли я хороша?

— Как рассвет над снегами,— пробормотал Конан, и его взгляд загорелся охотничьим блеском.

— Тогда почему бы тебе не встать и не пойти следом за мной? — продолжала она.— Что ты за воин, если только и способен валяться в сугробе? Давай, ложись в снежные перины и умри вместе с остальными глупцами, черноволосый Конан... Ты все равно не сумеешь доковылять туда, куда я тебя повела бы!

Насмешка в ее голосе положительно сводила с ума. Выругавшись, Конан кое-как поднялся на ноги, синие глаза опасно заблестели, покрытое шрамами темное лицо перекосила гримаса, в душе смешались ярость и вожделение. Страсть, мучительная, как смертная боль, обуяла все его существо, заставив кровь варвара свирепым галопом помчаться по жилам, так что землю и небо перед глазами подернула алая пелена... Какие раны, какая усталость? Он о них даже не вспоминал.

Стремительно и молча он рванулся вперед, протягивая руки, но девушка легко увернулась и понеслась прочь, со смехом оглядываясь через плечо. Конан глухо зарычал и устремился в погоню. Он уже не помнил о битве, о мертвецах в кровавых доспехах и даже о Ньерде, не подоспевшем к сражению. Он видел перед собой лишь это белое точеное тело, что, казалось, не убегало, а невесомо

уплывало над снегом... Все дальше и дальше через снежную пустыню, нестерпимо горевшую под солнцем...

Давно пропало из виду истоптанное, обагренное поле, но Конан с упорством истинного сына Киммерии не бросал преследования. Ноги в латных башмаках проламывали наст и глубоко увязали в искристом снежном прахе, он то и дело застревал в глубоких сугробах и на пределе сил выламывался из них... Девушка, напротив, невесомо неслась впереди, убегая с легкостью перышка, плывущего в пруду; босые ножки едва оставляли следы на рыхлой пелене, кутавшей наст. Как ни был разгорячен Конан, лютый холод так и кусал его сквозь кольчугу и добротную меховую одежду; девушка в своей прозрачной накидке, казалось, летела в веселой пляске под пальмами розовых садов солнечного Пуатена...

Все дальше вперед вела она Конана, и тот с упорством одержимого следовал за нею, только с пересохших губ срывались все более черные богохульства. Он скрипел зубами, пульсирующие вены надулись у него на висках...

— Все равно ты не убежишь от меня! — взревел он.— Если надумала завести меня в ловушку, я перебью твоих соплеменников, и ты увидишь их головы сваленными в кровавую кучу! Спрячься от меня, и я раскидаю эти горы, чтобы тебя отыскать! Я последую за тобой хоть в преисподнюю!..

В ответ долетел все тот же сводящий с ума издевательский смех, и на губах варвара выступила пена. Девушка уводила его все дальше в безлюдную глухомань. Безбрежные равнины уступили место низким холмам, а те в свою очередь сменились скалистыми изломанными хребтами, вздымавшимися все отвесней и выше. В северной стороне горизонта засинели громадные горы, увенчанные коронами вечных снегов. Над пиками, переливаясь, играло северное сияние. Призрачный свет широкими веерами раскинулся по небосводу, делаясь все ярче, меняя цвета...

Воздух над головой Конана потрескивал и мерцал, по снегу метались жутковатые отблески — морозно-синие, мертвенно-алые, льдисто-серебряные. Киммериец упорно ломился вперед сквозь зачарованное царство зимы, видеть не видя его безжизненной красоты,— лишь танцующее белое тело, порхающее над снегом всего на шаг впереди... недосягаемо, как и прежде...

Ему недосуг было задуматься о немалой странности всего происходившего, даже когда впереди, заступая дорогу, выросли два гигантских силуэта. Чешуйки их воинской брони посеребрил иней, шлемы и лезвия секир покрывал лед. На волосах исполинов блестел снег, в бородах намерзли сосульки, глаза светились холодными отблесками северного сияния, переливавшегося в небесах.

— Посмотрите-ка, братья, кого я к вам привела! — подлетая к великанам, крикнула девушка.— Убейте погнавшегося за мной и вырвите у него сердце, и мы поднесем его, дымящееся, нашему отцу!

Гиганты откликнулись ревом, напоминавшим скрежет айсбергов на ледяном берегу... И разом занесли сверкающие секиры, встречая распаленного киммерийца. Лезвие топора сверкнуло у него перед глазами, ослепив вспышкой морозного света. Конан ответил страшным ударом, глубоко всадив меч в ляжку врага. Великан со стоном рухнул на землю, но и самого Конана тотчас отбросило прочь, а левое плечо занемело от удара, нанесенного вторым великаном; если бы не кольчуга и латы, он бы умер на месте. Перевернувшись, он увидел нависшего над ним исполина — черную ледяную статую на фоне ярко перели-

вающихся небес... Вот его секира обрушилась вниз, глубоко врубившись в промерзшую землю, но Конана там уже не было,— перекатившись, он успел вскочить. Великан с ревом высвободил топор, но меч Конана уже пропел победную песнь. Колени сраженного медленно подогнулись, он поник в снег, и наст окрасился кровью из глубокой раны на шее.

Конан быстро огляделся, ища новых врагов, но увидел лишь девушку. Она стояла неподалеку, глядя на него круглыми от ужаса глазами, и теперь на ее лице не было ни следа прежней насмешки. Конан издал свирепый боевой клич и рукой, дрожащей от ярости, сбросил капли крови с меча.

— Ну?! — рявкнул он.— Зови сюда остальных своих братьев, и я скормлю волкам их сердца! Все равно тебе от меня не...

Девушка не дослушала. Повернувшись, она с испуганным криком кинулась наутек. Она уже не смеялась, не издевалась над ним, улыбаясь через плечо. Она бежала, точно спасаясь от смерти. Конан вложил в погоню все силы, вскоре у него загудело в висках, а снег перед глазами начала заволакивать багровая дымка,— и все же чудесная бегунья все удалялась, истаивая в многоцветном сиянии небесных огней. Вот ее фигурка уподобилась языку белого пламени вдалеке, вот превратилась в неясную синеватую тень... Конан так стиснул зубы, что из десен пошла кровь, но все-таки добился: синеватая тень снова превратилась в язык белого пламени, а тот — в летящую девичью фигурку. Вот уже ее отделяет от него какая-то сотня шагов; вот это расстояние фут за футом начало сокращаться...

Теперь ее невесомый бег сделался вымученным и напряженным, чудесные локоны растрепались, Конан слышал, как тяжело она дышала, и взгляд, брошенный в его сторону, был полон неподдельного ужаса. Угрюмое упорство и железная выносливость варвара сослужили ему хорошую службу. Белые ножки уже не так проворно перепархивали с одного сугроба на другой, девушка пошатывалась от усталости. Вот когда в его неукротимой душе разом вспыхнуло пламя, которое она так неосторожно зажгла! Издав нечеловеческий рык, киммериец сделал последний рывок... Она только и успела, что обернуться и вскинуть руки в попытке его оттолкнуть.

Конан сжал ее в объятиях, уронив наземь меч. Гибкое тело отчаянно извивалось в его железных руках. Золотые волосы метались по его лицу, слепя глаза, но ощущение податливой плоти лишало Конана остатков рассудка. Сильные пальцы глубоко вмялись в нежную кожу... между прочим, холодную, точно лед. Казалось, он обнимал не женщину из плоти и крови, но живое снежное изваяние.

Она воспользовалась мгновением и отвернула лицо, прячась от его неистовых поцелуев.

— До чего же ты холодная,— пробормотал он изумленно.— Прямо как лед! Ну ничего, сейчас я тебя отогрею... Уж во мне-то тепла на двоих хватит...

Но девушка завизжала и отчаянным рывком вывернулась из его рук, оставив в них лишь клочок прозрачной тонкой вуали. Отскочив, она повернулась к нему — всклокоченная, тяжело дышащая, прекрасные глаза полны ужаса. Конан так и застыл, изумленный жутковатым зрелищем ее нагой красоты на белом снегу. До него что-то начало доходить...

И вдруг она вскинула руки, простирая их к небесным огням, плясавшим над головой, и вскричала голосом, которого Конану не суждено было забыть:

— Имир!.. Имир!.. Спаси меня, отец мой!..

Конан уже летел в прыжке, протягивая руки, готовый снова ее схватить... И в это время раздался треск, как если бы неподалеку раскололась ледяная гора, и все небо озарилось холодным огнем. Белое девичье тело внезапно окутало голубое пламя, столь яркое, что киммериец вскинул руки, заслоняясь от невыносимого света. Мгновением позже небеса и заметенная снегом земля засияли трескучими белыми пламенами, синими сполохами, морозно-алым огнем. Конан пошатнулся и закричал... Девушки больше нигде не было видно. Сверкающий снег оказался совершенно пуст, лишь над головой играли и метались в сумасшедшей пляске колдовские огни, а далеко-далеко в горах прокатился глухой гром, словно промчалась гигантская колесница, влекомая бешеными конями, чей топот потрясал землю и рождал в небесах эхо.

И тогда у Конана перед глазами все закружилось — полярное сияние, заснеженные холмы — и взорвалось тысячами искрящих огней, а небо завертелось колесом, роняя звезды. Земля под ногами качнулась, потом опрокинулась. Киммериец рухнул в снег и остался лежать неподвижно...

...Вселенная была холодна и темна, солнце в ней погасло много тысячелетий назад, и все же Конан ощутил присутствие жизни. Потом началось землетрясение. Оно длилось и длилось, его трясло и раскачивало, кто-то растирал ему руки и ноги, причиняя такую боль, что в конце концов Конан негодующе заорал и забился, вслепую нашаривая меч.

— Смотри, Хорса, он приходит в себя,— послышался голос.— Ну-ка, надо живо выгнать из него холод, не то он никогда в жизни больше не поднимет меча!

— Он все никак левую руку не разожмет,— проворчали в ответ.— Сжал что-то и не отдает!

Конан открыл глаза и увидел склоненные над ним знакомые бородатые рожи. Его окружали рослые светловолосые воины в меховых одеяниях и кольчугах.

— Конан! — обрадовались они.— Живой, скотина!

— Ради Крома, Ньерд,— прохрипел киммериец.— Скажи мне, я правда живой или мы все погибли и угодили в Вальхаллу?

— Да живые мы, живые,— отозвался золотобородый асир, возившийся с полузамерзшими ступнями Конана.— Мы нарвались на засаду и вынуждены были прорубать себе путь... Потому-то вам и пришлось драться с ванирами без нас. Когда мы подоспели, тела павших едва успели остыть... Мы не увидели тебя среди мертвых, зато взяли твой след и пошли по нему... Имир свидетель, Конан, ну что за нелегкая понесла тебя в эти северные пустоши? Мы много часов разыскивали тебя и еле нашли! А если бы поднялась метель и все замела? Клянусь Имиром, мы...

— Не поминал бы ты Имира через слово,— опасливо косясь на далекие горы, пробормотал кто-то из воинов.— Как-никак это его края, и люди поговаривают, будто этот бог обитает во-он за теми хребтами...

— Я видел женщину,— точно в полусне проговорил Конан.— Мы бились с людьми Браги на равнине... Долго ли шел бой — не знаю... Я один остался в живых. Еле на ногах стоял от усталости... Все виделось как в тумане... Вы не поверите, все стало обычным и знакомым только теперь... Эта женщина подошла и принялась дразнить меня и насмехаться. Она была прекрасна, точно заледеневшее пламя преисподней... Я посмотрел на нее, и у меня ум помрачился...

Я весь свет позабыл и помчался за ней... Странно, правда? Вы видели ее следы? А великанов в ледяной броне, которых я сразил,— видели?

Ньерд отрицательно покачал головой.

— Мы только твои следы видели на снегу, Конан.

— Ну, значит, я точно спятил,— вздохнул киммериец.— Но я видел ее так же ясно, как вас сейчас. Она была вещественней вас всех, вместе взятых, эта нагая золотоволосая ведьма, удиравшая от меня по сугробам... А когда я все же сгреб ее и стал целовать, она упорхнула во вспышке ледяного огня...

— Бредит,— прошептал кто-то из асиров.

— Да не бредит он! — оборвал юнца воин постарше, чей глубокий взгляд говорил о причастности к древнему знанию.— Он видел Атали, дочь Имира, ледяного исполина! Она посещает поля битв, заваленные мертвецами, и позволяет себя узреть умирающим! Я сам видел ее, когда мальчишкой умирал от ран на поле Вольравен! Я видел, как она шла между убитыми по снегам, и ее нагое тело мерцало, точно гладкая слоновая кость, а золотые волосы нестерпимо сияли в свете луны! А я лежал там и выл, точно издыхающий пес, потому что тяжелые раны не давали мне ползти следом за ней... Она заманивает мужчин с бранных полей в эти северные пустыни, и здесь их убивают ее братья великаны и подносят дымящиеся живые сердца своему отцу Имиру... Так вот, точно говорю вам — киммериец видел Атали, дочь ледяного исполина!

— Ага, прямо так и поверили,— хмыкнул Хорса.— Старому Горму в юности досталось по голове мечом, вот ему и мерещится. Да и Конану, похоже, тоже сегодня крепко по башке надавали — посмотрите только, как измят его шлем! Любого из множества этих ударов с избытком хватит, чтобы крыша поехала. Вот он и побежал за привидевшейся тенью... Он же с юга! И ничего не мог знать об Атали!

— Да, так оно и было, наверное,— устало согласился Конан.— Я с самого начала чувствовал... как странно... Э, а это еще что? О Кром!..

И он смолк на полуслове, глядя на то, что свисало из его по-прежнему крепко сжатого левого кулака. Остальные невольно посмотрели туда же, и рты у асиров потихоньку начали открываться.

В руке у Конана трепетал обрывок накидки. Клочок невесомой вуали, которая не была изделием смертных ткачей...

БОГ ИЗ ЧАШИ

Стражник Арус дрожащими руками стиснул свой арбалет. Арус почувствовал, как его прошиб холодный пот, когда он увидел на полированном полу страшно изуродованный труп. Встретить смерть в уединенном месте, в полночь — это не слишком успокаивает.

Стражник стоял в бесконечном прямом коридоре, который освещали горящие в стенных нишах огромные свечи. Стены были затянуты черным бархатом, а между бархатными занавесами в нишах за свечами висели щиты и перекрещенное оружие диковинного вида. Тут и там, неясно отражаясь в черных половицах, стояли фигуры дивных богов — статуи, вырезанные из камня или редких пород дерева, отлитые в бронзе, железе или серебре.

Арус содрогнулся. Вот уже много месяцев он нес здесь сторожевую службу, но до сих пор не смог привыкнуть к этому невероятному музею, вместилищу редкостей и антиквариата, дому, который называют замком Каллиана Публико, где выставлены на обозрение раритеты со всего мира. И вот в полуночном одиночестве стоит он, Арус, в огромном безмолвном зале и смотрит на распростертый труп могущественного и богатого человека, которому принадлежал замок.

Даже стражник, при всей его ограниченности, отметил, как удивительно отличается покойный от того человека, который, надменный и всевластный, с глазами, полными чарующей жизненной силы, выехал отсюда с грохотом в своей позолоченной карете на Паллианову дорогу. Люди, ненавидящие Каллиана Публико, едва ли узнали бы его сейчас, когда он лежал, словно разбитая бочка из-под ворвани. Роскошный плащ почти сорван, пурпурная туника перекручена, лицо потемнело, язык высунут из широко раскрытого рта. Полные руки воздеты, словно в жесте отчаяния. На толстых пальцах сверкают перстни с драгоценными камнями.

© Перевод Е. Хаецкой.

— Почему же не сняли перстни? — озадаченно пробормотал стражник.

Он вздрогнул и замер, и волосы на затылке встали дыбом. Сквозь шелковый занавес, скрывавший один из множества дверных проемов, выступила чья-то фигура.

Арус увидел молодого человека сильного телосложения, обнаженного — если не считать набедренной повязки и высоких, до колен, шнурованных сандалий. Кожа его была такой загорелой, что казалась навсегда сожженной солнцем пустыни. Арус с тревогой осмотрел его широкие плечи, крепкую грудь и мускулистые руки. Один взгляд на угрюмое лицо и высокий лоб — и стало ясно, что этот человек не немедиец. Под пышной гривой спутанных черных волос горели опасные синие глаза. В кожаных ножнах на поясе висел длинный меч.

Арус почувствовал, как мурашки побежали по коже. Он обхватил свой арбалет и подумал, не всадить ли без излишних проволочек стрелу прямо в грудь чужаку, но затем ему пришло на ум: а что будет, если первый выстрел не окажется смертельным?

Чужак рассматривал труп скорее с любопытством, чем с удивлением.

— Почему ты его убил? — нервно спросил Арус.

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Я не убивал,— возразил он, выговаривая немедийские слова с варварским акцентом.— А кто он?

— Каллиан Публико,— ответил Арус и слегка отодвинулся.

В синих глазах промелькнула искра интереса.

— Хозяин дома?

— Да.

Осторожно двигаясь назад, Арус добрался до стены, схватил шелковый шнур и сильно дернул. На улице пронзительно зазвенел колокол, из тех, что можно увидеть перед всеми магазинами и общественными зданиями. Они предназначались для того, чтобы поднимать тревогу.

Незнакомец вздрогнул.

— Зачем ты это сделал? На звон сбегутся стражники.

— Я стражник, негодяй! — заявил Арус, собрав все свое мужество.— Стой, где стоишь! Если только двинешься, я всажу стрелу прямо в сердце!

Он тронул пальцем спусковой механизм арбалета. Четырехгранный наконечник стрелы был направлен прямо в широкую грудь собеседника. Незнакомец нахмурился еще больше. Он не выказывал страха; он как будто размышлял, последовать ли приказу или все-таки рискнуть и напасть самому. Арус облизал пересохшие губы. Кровь застыла у него в жилах, когда он увидел, как решение с убийственной жестокостью проступает в сверкающих глазах незнакомца.

Но вдруг он услышал, как дергают дверь, услышал галдящие голоса. С облегчением он перевел дыхание. Словно загнанный зверь, смотрел чужак на людей, числом полдюжины, которые вошли в помещение. Все они, кроме одного, были одеты в багряные куртки нумалийской стражи. Все без исключения вооружены короткими мечами и чем-то средним между пикой и боевым топором на длинном древке.

— Какого демона звонили? — спросил тот, что стоял впереди.

Холодные серые глаза и тонкие острые черты лица, а также дорогая одежда невоенного покроя отличали его от плотно сбитых спутников.

— Видит Митра, господин Деметрио! — вскричал Арус.— Сегодня, кажется, удача по-настоящему щедра ко мне. Я не смел и надеяться, что поднятая мною тревога так быстро достигнет слуха стражников, и тем более что среди них окажешься ты.

— Я делал обход вместе с Дионусом,— сказал Деметрио.— Мы как раз проходили мимо замка, когда зазвонил колокол. Но это же... Иштар! Сам владелец замка!

— Он самый,— подтвердил Арус.— Убит таинственным образом. В мои обязанности входит совершать обходы всего дома в течение ночи; как тебе, несомненно, известно, здесь хранятся несметные сокровища. Каллиан Публико имел щедрых меценатов — ученых, принцев, собирателей редкостей. Итак, совсем недавно я проверил ворота и установил: они только прикрыты, но не заперты. Эти ворота снабжены замком, который может быть открыт или закрыт только снаружи. Таких ключей всего два, один у Каллиана Публико — тот самый, что ты видишь у него на поясе. Я сразу заподозрил неладное, Каллиан всегда запирает дверь на ключ, уходя из замка, а я не видел его с тех пор, как он вечером уехал на свою загородную виллу. У меня второй ключ, я открыл замок, вошел и нашел тело там, где ты его видишь. Я его не трогал.

— Так-так.— Острые глаза Деметрио разглядывали мрачного незнакомца.— А это кто?

— Конечно, убийца,— воскликнул Арус.— Это он вошел в ту дверь. Несомненно, варвар с севера, гипербореец или боссонец.

— Кто ты? — спросил Деметрио.

— Я Конан, киммериец,— ответил варвар.

— Ты убил этого человека?

Киммериец мотнул головой.

— Отвечай! — резко сказал Деметрио.

В ледяных синих глазах полыхнула злость.

— Я же не собака, чтоб так со мной разговаривать!

— А, так он еще и наглец,— заворчал один из спутников Деметрио, высокий человек, носящий знаки префекта стражи.— Какой заносчивый юноша! Я вытрясу из него всю дерзость! Эй ты! Почему прикончил этого несчастного?

— Подожди, Дионус,— остановил его Деметрио.— Молодой человек,— обратился он к Конану.— Я глава совета дознавателей города Нумалия. Лучше сам поведай, почему ты здесь, и если ты не убийца, докажи это.

Киммериец колебался. Он не был испуган, но немного смутился, что неудивительно для варвара, столкнувшегося со сложной системой управления, совершенно ему непонятной.

— Пока он думает, скажи мне,— обратился Деметрио к Арусу,— лично ли ты видел, что Каллиан Публико покинул замок сегодня вечером?

— Нет. Господин обычно уже уезжает к тому времени, как начинается мое дежурство. Большие ворота были заперты на замок.

— Он мог вернуться назад, в дом, так, чтобы ты этого не заметил?

— Это, конечно, возможно, но маловероятно. Он, несомненно, вернулся бы со своей виллы в карете, дорога ведь длинная, а кто может представить себе Каллиана Публико, идущего пешком? Если бы я даже находился на другом конце замка, услышал бы стук колес по мостовой, а я его не слышал.

— А раньше дверь запиралась по вечерам?

— В этом могу присягнуть. Я по многу раз за ночь проверяю все двери. Ворота были заперты снаружи еще час назад — я тогда посмотрел на них в последний раз, перед тем как нашел их открытыми.

— И ты не слышал криков или шума борьбы?

— Нет, господин. Но и неудивительно, стены замка настолько толстые, что не пропускают ни малейшего звука.

— Зачем тратить столько сил на эти вопросы и рассуждения? — перебил его дородный префект.— Вот убийца, он в наших руках, в этом сомнений нет. Доставим его на судебный двор. Я получу от него признание, даже если придется переломать ему все кости.

Деметрио обернулся к варвару.

— Ты понял, что он сказал? Чем ответишь на это?

— Тот, кто осмелится тронуть меня, очень быстро воссоединится со своими праотцами прямо в аду!

Варвар скрипнул зубами, и глаза его блеснули жестоким огнем.

— Зачем же ты пришел сюда, если у тебя не было намерения убить его? — продолжал свои расспросы Деметрио.

— Хотел украсть,— нехотя ответил Конан.

— Что украсть?

Киммериец помедлил.

— Какой-нибудь еды.

— Ложь! — резко сказал Деметрио.— Тебе хорошо известно, здесь нет никакой провизии. Говори правду или...

Варвар положил ладонь на рукоять меча. Движение было таким же угрожающим, как рычание тигра.

— Приказывай этим трусам, которые тебя боятся,— проворчал он.— А не мне! Я не изнеженный немедиец, который пресмыкается перед твоими наемными псами. Я убивал людей получше тебя и за меньшее.

Дионус уже открыл рот, чтобы яростно рявкнуть на варвара, но почему-то снова закрыл. Стражники переминались с ноги на ногу и выжидающе поглядывали на Деметрио. Они онемели, услыхав, как кто-то осмеливается разговаривать со всемогущей стражей подобным образом, и были уверены, что сейчас Деметрио отдаст приказ арестовать наглеца. Но Деметрио такого приказа не отдал. Арус переводил взгляд с одного на другого и спрашивал себя, что же сейчас происходит в многомудрых мозгах благородного господина. Может быть, высокое начальство страшится необузданной дикости киммерийца или же оно действительно сомневается в его виновности?

— Я не обвиняю тебя в смерти Каллиана,— жестко сказал Деметрио.— Но ты сам должен признать, очевидность говорит против тебя. Как ты проник в замок?

— Я спрятался в тени клети, что примыкает к этому зданию,— неохотно ответил киммериец.— Когда этот тес,— он ткнул в Аруса большим пальцем,— прошел мимо и свернул за угол, я добежал до стены и забрался наверх...

— Ложь! — воскликнул Арус.— Ни один человек не может забраться по почти гладкой стене!

— Ты никогда не видел, как киммерийцы лазают по отвесным скалам? — прервал Деметрио ночного сторожа с явным неодобрением.— И допрос веду я. Продолжай, Конан!

— Угол там покрыт резобой,— снова заговорил киммериец.— Было совсем несложно попасть наверх. Я как раз добрался до крыши, когда этот пес вторично обошел дом. Я отыскал крышку люка, такую, с железным засовом, запертую изнутри. Пришлось разрубить засов мечом...

Арус, который помнил, насколько толст засов, глотнул воздуха и отвернулся от варвара, а тот посмотрел на него еще более мрачно и продолжал:

— Я пролез через этот люк и попал в комнатку. Но там задерживаться не стал, а двинулся в сторону лестницы. Понимал, что шум может кого-нибудь разбудить, но в таких делах без риска не обойтись.

— Откуда ты знал, где находится лестница? Только домочадцы Каллиана и его богатые меценаты имеют доступ к верхним покоям.

Конан угрюмо замолчал.

— Что ты сделал, когда оказался у лестницы? — спросил Деметрио.

— Спустился вниз,— невнятно ответил киммериец.— Она привела меня в покой, который находится за этой занавешенной дверью. На лестнице я слышал, как открывается какая-то другая дверь. Когда я прокрался за занавес, увидел, как этот пес наклонился над убитым.

— Почему ты вышел к нему из своего укрытия?

— Было темно, когда я заметил человека возле замка. Потом обнаружил его здесь. Пока он не затрезвонил и не вскинул арбалет, я принимал его за вора.

— Но даже если так,— допытывался Деметрио,— почему ты выдал себя?

— Подумал, он собирается украсть...— Киммериец осекся.

— То, за чем явился настоящий вор,— закончил вместо него Деметрио.— Ты сказал мне больше, чем хотел сказать. Сюда ты прибыл с определенной целью. Не стал, по твоим же словам, тратить время на верхние помещения, где хранятся драгоценнейшие раритеты. Тебе известно расположение комнат, ты знаешь все лестницы, все входы и выходы. Любой, кто хорошо ориентируется в замке, мог направить тебя сюда для кражи чего-нибудь стоящего!

— И для убийства! — крикнул Дионус.— Видит Митра! Да он это, он! Взять его! Еще до утра мы получим признание.

Диким прыжком Конан отскочил назад и выхватил меч из ножен с такой быстротой, что острый клинок зазвенел.

— Назад, если хоть немного дорожите своей ничтожной жизнью! — зарычал он.— У вас достает смелости пытать лавочников, раздевать девок и битьем развязывать им языки, но не воображайте, будто вам удастся наложить свои жирные лапы на мужчину с севера! Кое-кого я заберу с собою в ад! А если ты, собака,— он обернулся к ночному сторожу,— не опустишь свой арбалет, то очень скоро почувствуешь брюхом, крепко ли я бью ногами.

— Постой! — сказал Деметрио.— Дионус, останови своих псов! Я еще не убедился, что он имеет отношение к убийству.— И шепнул префекту: — Глупец! Подожди, пока мы не соберем больше воинов или пока не уговорим его положить меч.

Деметрио, как и подобало человеку цивилизованному, считал недостойным подменять могущество ума грубой физической силой — тем паче когда варварская свирепость может дать противнику преимущество.

— Ладно,— проворчал Дионус.— Назад. Но не спускать с него глаз!

— Твой меч! — потребовал Деметрио у Конана, протягивая руку.

— Возьми, если сможешь! — ответил киммериец.

Дознаватель пожал плечами.

— Хорошо. Но не пытайся бежать. Четверо воинов с арбалетами стерегут снаружи. Мы всегда ставим вокруг дома оцепление, прежде чем войти.

Варвар опустил клинок, не теряя, однако, бдительности; если он и расслабил мышцы, то лишь самую малость. Деметрио осмотрел убитого.

— Удавлен,— пробормотал он.— Зачем было душить его, когда удар мечом и быстрее, и вернее? Эти киммерийцы рождаются с мечом в руке. Я никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь из них убил человека таким способом.

— А может быть, он хотел отвести от себя подозрение,— предположил Дионус.

— Возможно.— Деметрио ощупал убитого умелыми пальцами.— Он мертв уже по меньшей мере полчаса. Если Конан не лжет насчет способа своего проникновения в дом, то он не мог совершить убийство до того, как здесь появился Арус. Или все-таки ты проник сюда раньше, а, Конан?

— Я взобрался на стену после того, как Арус сделал свой последний обход,— в бешенстве зарычал Конан.

— Это ты так говоришь.— Деметрио разглядывал посиневшую шею убитого. Голова склонилась набок под неестественным углом — был раздроблен позвоночник. Деметрио в недоумении покачал головой.— Зачем убийце понадобилась веревка толщиной в руку? Что за страшная сила раздавила эту шею?

Он встал и шагнул к ближайшему дверному проему, который вел в маленький покой.

— Здесь возле двери сброшен бюст с постамента,— сказал он,— а здесь поцарапан пол и сорван занавес, как будто жертва судорожно схватилась за него в попытке устоять на ногах... На Каллиана Публико напали в этой комнате. Вероятно, ему удалось освободиться от убийцы на короткое время, и он попытался спастись бегством. Выскочил в коридор, но убийца последовал за ним и уже здесь прикончил.

— Но если дикарь невиновен, то где же убийца? — спросил префект.

— Невиновность киммерийца еще не доказана,— возразил дознаватель.— Но для начала обыщем помещение...

Он остановился, прислушиваясь. С улицы донесся грохот колес. Звук нарастал, затем стих, словно обрубленный.

— Дионус! — распорядился Деметрио.— Отправь двух человек вниз! Пусть приведут сюда кучера.

— Судя по звуку,— сказал Арус, который хорошо изучил все уличные шумы,— я бы сказал, что эта карета остановилась перед домом Промеро, напротив магазина шелков.

— Кто такой Промеро? — спросил Деметрио.

— Секретарь Каллиана Публико.

— Доставьте и его вместе с кучером,— приказал Деметрио.

Двое стражников двинулись прочь. Деметрио все еще изучал труп. Дионус, Арус и оставшиеся в комнате воины не сводили глаз с Конана, который стоял неподвижно, с мечом в руке, как живое воплощение угрозы. Через некоторое

время в доме затопали обутые в сандалии ноги, и почти сразу же вошли оба стражника, с ними крепкого сложения смуглый человек в кожаном шлеме и длинной куртке кучера, держащий в руке кнут, и перепуганный коротышка, типичный представитель того рода людей, что выбиваются из среды ремесленников и становятся правой рукой богатого купца или торговца. Обнаружив на полу труп, коротышка с криком отшатнулся.

— Ох, я же знал, что все это плохо кончится! — пролепетал он.

— Ты Промеро, секретарь покойного, я полагаю,— сказал Деметрио.— А ты?

— Энаро, кучер Каллиана Публико.

— Вид убитого хозяина, кажется, не слишком потряс тебя,— заметил Деметрио.

Темные глаза блеснули.

— А чего ты ждал? Кто-то сделал то, что я давно уже собирался сделать, да никак не мог решиться.

— Так, так! — пробормотал дознаватель.— Ты свободный человек?

В глазах Энаро мелькнула горечь, когда он распахнул куртку и показал выжженное на плече клеймо.

— Ты знал, что твой господин вернется сюда ночью?

— Нет. Вечером я подогнал карету, как обычно, к замку. Он сел, и я направил лошадей к его вилле. Но прежде чем мы выехали на Паллианову дорогу, он приказал мне возвращаться назад. Он показался мне очень взволнованным.

— И ты повез его обратно в замок?

— Нет. Он велел остановиться возле дома Промеро. Там он меня отпустил и приказал вернуться за ним вскоре после полуночи.

— Сколько времени было тогда?

— Только-только стемнело. Улицы были почти пусты.

— Что ты делал после этого?

— Вернулся в барак, где живут рабы, и оставался там, пока не пришло время забрать моего господина из дома Промеро. Я поехал прямо туда. Твои люди схватили меня, когда я разговаривал с Промеро на его пороге.

— Ты не догадываешься, зачем Каллиан решил навестить Промеро?

— Он не посвящает в свои дела невольников.

Деметрио повернулся к Промеро.

— Что ты знаешь об этом?

— Ничего.

Зубы секретаря стучали.

— Каллиан Публико входил в твой дом, как уверяет кучер?

— Да, господин.

— Как долго он там находился?

— Совсем недолго, а потом он собрался уходить.

— От твоего дома он направился в замок?

— Не знаю! — Голос секретаря сорвался на визг.

— Зачем он приходил к тебе?

— Чтобы... чтобы обсудить дела.

— Лжешь! — резко произнес Деметрио.— Повторяю вопрос: зачем он к тебе приходил?

— Не знаю! Не знаю! — истерически выкрикнул секретарь.— Я не имею к этому отношения...

— Заставь его говорить, Дионус! — приказал Деметрио.

Дионус сделал знак одному из своих людей. С жестокой ухмылкой тот подошел к задержанным.

— Знаешь, кто я такой? — угрожающе спросил он и уставился на свою жертву, которая шарахнулась в сторону.

— Ты Постумо,— испуганно ответил секретарь.— Во время допроса ты выдавил глаз девушке, которая не хотела выдать любовника.

Жилы на шее Постумо вздулись, лицо залила красная краска, когда он схватил человечка за ворот и так его повернул, что почти задушил беднягу.

— Говори, крыса! — зарычал он.— Отвечай дознавателю!

— Митра! Пощады...— пролепетал Промеро.— Я клянусь...

Постумо безжалостно ударил его по лицу слева, потом справа, швырнул на пол и пнул в пах.

— Пощады...— хрипел избитый секретарь.— Я все... все скажу...

— Тогда вставай, скотина! — загремел Постумо.— Нечего тут разлеживаться и скулить!

Дионус тайком бросил взгляд на Конана, желая узнать, впечатляет ли его эта сцена.

— Теперь ты видишь, что бывает с теми, кто бунтует против власти,— заметил он.

Полный презрения, Конан плюнул ему под ноги.

— Это слабак и дурак,— проворчал он.— Пусть только кто-нибудь из вас попробует схватить меня, и он получит возможность собирать свои кишки прямо с пола.

— Ты готов говорить? — устало спросил у секретаря Дионус.

Подобные сцены ему казались слишком однообразными.

— Я знаю только...— хрипло зачастил Промеро, с трудом поднявшись на ноги и поскуливая, как побитая собака,— что Каллиан, вскоре после того, как я вернулся домой — а я оставил замок почти одновременно с ним,— постучал в мою дверь и отослал карету. Он угрожал мне, обещал лишить покровительства, если я расскажу об этом. Я всего лишь бедный человек, о господин, у меня нет ни друзей, ни связей. Не работай я на него, умер бы с голоду.

— Это твои проблемы,— буркнул Деметрио.— Как долго он оставался у тебя?

— Примерно за полчаса до полуночи ушел, сказав, что направляется в замок, но вернется ко мне, когда сделает задуманное.

— А что он задумал?

Промеро медлил, но испуганный взгляд на Постумо, который зловеще ухмыльнулся и показал огромный кулак, быстро развязал ему язык.

— Он хотел исследовать кое-что в замке.

— Но почему один и в такой тайне?

— Эта вещь не принадлежала ему. Она прибыла на рассвете с караваном откуда-то с юга. Люди из каравана знали не больше, чем другие люди из другого каравана, откуда-то из Стигии,— тем тоже поручалось попечение над вещью. Она предназначается Калантесу из Ханумара, жрецу Ибиса. Караванщику заплатили, чтобы вещь непременно была отдана Калантесу, лично в руки, но этот плут хотел двинуться прямо в Аквилонию, по дороге, которая минует Ханумар. Поэтому он решил, что может оставить ее в замке — пусть лежит под надежной

охраной, пока Калантес за ней не пришлет. Каллиан согласился и пообещал отправить слуг к Калантесу, известить о посылке. Но после того как караван ушел и я заговорил о посыльных, Каллиан велел умолкнуть и больше не заговаривать об этом. Он сидел, размышляя, перед предметом, который оставил здесь караванщик.

— Что за предмет?

— Вроде саркофагов, какие можно найти в старых гробницах Стигии. Только он круглый, похож на чашу с крышкой. Сделан из металла наподобие меди, но прочнее, на нем выбиты иероглифы, такие есть на древнейших менгирах Южной Стигии. Крышка притянута медными лентами, тоже покрытыми резьбой.

— Что же находилось в этой... чаше?

— Караванщик не знал. Упомянул только, что доверивший ему эту вещь сказал об уникальности реликвии, ее, мол, нашли в гробнице глубоко под пирамидой. Отправитель посылает ее жрецу Ибиса в знак глубочайшего почтения. Каллиан Публико полагал, речь идет о диадеме царей-титанов народа, который жил в темной стране еще до того, как туда пришли предки стигийцев. Он показал мне орнамент на крышке, который в точности повторял форму диадемы, такую, согласно легендам, носили чудовищные властители, в этом он готов был поклясться. Он твердо решился открыть чашу. Мой господин был одержим мыслью о легендарной диадеме, украшенной, как он знал из древних рукописей, невообразимыми драгоценностями — их добывала только древняя раса,— один-единственный камень из диадемы дороже, чем все сокровища нашего мира. Я отговаривал его. Однако незадолго до полуночи он приблизился к замку и там прятался в тени, пока стражник не ушел на противоположную сторону здания; затем открыл дверь ключом со своего пояса. Я тайком следил за ним от магазина шелков, пока он не исчез в замке. Тогда я вернулся домой. Если бы в чаше действительно обнаружилась диадема либо нечто другое, столь же ценное, он бы спрятал это в замке и быстро вернулся назад, чтобы наутро поднять большой шум и кричать на всех углах, будто воры вломились в музей и стащили собственность Калантеса. Никто не узнал бы, что он возвращался сюда,— никто, кроме кучера и меня, а ни он, ни я не отважились бы выдать его.

— А сторож? — бросил Деметрио.

— Каллиан не хотел, чтобы тот его видел. Он намеревался представить его сообщником вора и отдать в руки правосудия,— ответил Промеро.

Арус судорожно глотнул и смертельно побледнел.

— Где саркофаг? — спросил Деметрио.

Промеро указал.

— Ага,— пробормотал дознаватель.— Стало быть, прямо в том помещении, где на Каллиана и напали.

Бледный от страха Промеро вскинул узкие кисти.

— На караванных путях часто можно встретить статуи богов и редкостные мумии, но кто может так почитать жреца Ибиса, чтобы делать ему столь дорогой подарок, и притом как раз из Стигии, где до сих пор поклоняются подземному демону Сету, который обитает в темных склепах? Бог Ибис победил Сета, как только над землей загорелся рассвет, и Калантес всю жизнь числит жреца Сета среди своих врагов. Здесь что-то не так.

— Покажи нам саркофаг,— приказал Деметрио.

Промеро, помедлив, двинулся вперед. Все шли за ним, включая Конана, который явно не беспокоился об охране, не спускавшей с него глаз, и которым в настоящий момент владело исключительно любопытство.

Они миновали откинутую в сторону занавеску и очутились в комнате, освещенной слабее, чем коридор. По обе стороны находились двери, ведущие в другие покои. В стенных нишах стояли изваяния легендарных богов из далеких стран.

— Смотрите! — громко закричал Промеро.— Чаша! Она открыта — и пуста!

В центре комнаты стоял черный цилиндр, высотой почти в четыре фута и в поперечнике достигавший трех футов. Покрытая иероглифами тяжелая крышка лежала на полу рядом с молотком и зубилом. Деметрио приблизился к чаше и с удивлением принялся рассматривать загадочные письмена.

Потом он повернулся к Конану.

— Ты пришел сюда, чтобы украсть это?

Варвар отрицательно покачал головой.

— Такую тяжесть не сможет унести один человек.

— Ленты перебиты зубилом,— пробормотал Деметрио.— И в большой спешке. Вот следы молотка, ударившего по металлу рядом с креплением. Мы можем предположить, что чашу раскрыл Каллиан. Кто-то прятался поблизости — вероятно, в складках занавеса. Когда Каллиан снял крышку, убийца прыгнул на него. А может быть, он убил Каллиана еще до того и вскрыл чашу сам.

— Какая жуткая чаша,— содрогнулся секретарь.— Она очень древняя и вряд ли священна. Кто видел металл, подобный этому? Он кажется прочнее, чем аквилонская сталь. Посмотрите, в некоторых местах сосуд разъеден, видна ржавчина. Грязь, набившаяся в углубления письмен, пахнет в точности как земля в глубоких пещерах. А здесь — здесь, на крышке! — Промеро указал дрожащим пальцем.— Вы можете сказать, что это?

Деметрио склонился ниже, пытаясь лучше рассмотреть узор.

— Похоже на корону,— пробормотал он.

— Нет! — вскричал Промеро.— Я предупреждал Каллиана, но он не хотел меня слушать! Змея, кусающая себя за хвост,— знак Сета, Древнего Змея, бога Стигии! Эта чаша чересчур старинная, и вряд ли ее отливали человеческие руки, нет, скорее она реликт тех времен, когда Сет еще бродил по лику земли в человеческом обличье. Может быть, племя, вышедшее из его чресел, хранило кости своих царей в сосудах вроде этого.

— И ты хочешь сказать, что эти сгнившие кости поднялись, удушили Каллиана Публико и затем отправились по своим делам?

— Но тот, кто нашел в чаше последний приют, мог быть и не человеком,— пугливо прошептал секретарь.— Какой человек поместился бы здесь?

Деметрио выругался.

— Если гибель Каллиана не на совести Конана, то убийца и сейчас находится в здании музея. Дионус и Арус, вы останетесь здесь, со мной, и вы, трое задержанных, тоже. Остальным обыскать дом! Убийца — если он успел уйти, прежде чем Арус обнаружил труп,— мог выбраться только тем путем, каким проник сюда Конан, а в таком случае варвар встретил бы его, если, конечно, он говорит правду.

— Я никого здесь не видел, кроме этого пса,— проворчал Конан и ткнул пальцем в сторону Аруса.

— Конечно, потому ты и есть убийца! — сказал Дионус.— Мы зря теряем время, но для соблюдения всех формальностей устроим обыск. И если никого не найдем, я обещаю спалить тебя на медленном огне. Ты хоть знаешь наши законы, дикарь черноволосый? Погубивший простолюдина отправляется на рудники, за убийство купца полагается виселица, а тот, кто прикончил знатного человека, приговаривается к сожжению.

Вместо ответа Конан по-волчьи оскалил зубы.

Начался обыск. Те, кто остался в комнате, слышали шаги у себя над головой, топот по лестнице, грохот передвигаемой мебели, хлопанье дверей, отрывистые голоса — стражники перекликались, осматривая комнаты.

— Конан, ты знаешь, что тебя ждет, если они никого не найдут?

— Я не убивал его! — рявкнул киммериец.— Я проломил бы ему череп, если бы он нашел меня здесь, но я увидел его в первый раз, когда он уже был мертв.

— Но кто-то же направил тебя сюда, поручив что-то украсть для него,— рассудительно возразил Деметрио.— Молчание делает тебя подозреваемым. Одного факта твоего присутствия уже достаточно, дабы отправить тебя на рудники на десять лет, независимо от того, будет доказана вина или нет. Если чистосердечно и правдиво расскажешь все, что знаешь, то по меньшей мере не окажешься на колу.

— Нет,— упрямо возразил варвар.— Я пришел сюда украсть заморийский бриллиантовый кубок. Один человек дал мне план замка и показал, где я смогу найти драгоценность. Она хранится вон там, в углублении в полу, под медной статуей шемитского бога.

— Верно,— воскликнул Промеро.— Я думал, не более полудюжины человек во всем мире знают об этом тайнике.

— А достав кубок,— насмешливо заметил Дионус,— ты бы, конечно, тут же отнес его тому, кто заказал кражу?

Синие глаза засверкали опасным огнем.

— Я же не собака,— проворчал варвар.— Я держу слово.

— Кто прислал тебя сюда? — строго спросил Деметрио.

Конан угрюмо молчал.

Стражники один за другим возвращались после обыска.

— В доме никто не прячется,— заявили они.— Мы перерыли все. Нашли люк в потолке, через который вломился варвар, и засов, разрубленный пополам. Если бы кто-то удрал этим путем, его бы заметили рядом с домом. Не говоря уже о том, что ему пришлось бы поставить друг на друга несколько столов и стульев. Мог ли он уйти из дома не через ворота и еще до того, как Арус обошел здание?

— Нет,— ответил Деметрио.— Дверь была заперта изнутри, а ключей, которыми можно отпереть замок, всего лишь два. Один у Аруса, а второй все еще на поясе Каллиана Публико.

Один из стражников вдруг сказал:

— Кажется, я видел веревку, которой воспользовался убийца.

— Где она, глупец? — вспылил Деметрио.

— Прямо в соседней комнате,— ответил стражник.— Толстая, черная, вся в каких-то пятнах. Она обвита вокруг мраморной колонны. Нижний конец слишком высоко, не дотянуться.

Он привел остальных в помещение, полное мраморных статуй, и указал на высокую колонну — таких было несколько, и они служили скорее украшениями вроде статуй, нежели опорами. Затем глаза его распахнулись и челюсть отвисла, прежде чем он смог выдавить из себя хотя бы звук.

— Она исчезла! — хрипло сказал он наконец.

— Может, ее здесь никогда и не было,— заметил Дионус с издевкой.

— Клянусь Митрой, была! Обвивала колонну прямо под венком из листьев! Она такая черная, издали толком не рассмотреть, но она была там!

— Ты пьян,— проворчал Деметрио и отвернулся.— Слишком высоко, не дотянуться, да и по гладкой колонне никто бы не залез.

— А киммериец? — пробормотал кто-то.

— Возможно. Предположим, Конан задушил Каллиана, обмотал веревку вокруг колонны, пересек коридор и спрятался под лестницей. Как же ему удалось убрать ее уже после того, как вы увидели ее наверху? Он постоянно находился с нами с того момента, как Арус обнаружил труп. Нет, скажу я вам, к этой смерти Конан не имеет отношения. Я уверен, настоящий убийца прикончил Каллиана для того, чтобы забрать содержимое из чаши, и он прячется сейчас в каком-нибудь укромном уголке. Если мы не сумеем его найти, снова придется подозревать варвара... а где Промеро?

Они вернулись в коридор к трупу. Дионус позвал Промеро, который наконец вышел из комнаты, где находилась пустая чаша. Он дрожал всем телом, и лицо у него стало пепельным.

— В чем дело, милейший? — раздраженно спросил Деметрио.

— Я нашел знак на дне чаши! — ответил секретарь, постукивая зубами.— Не древний иероглиф, а совсем недавно выбитую надпись! Символ Тот-Амона, стигийского чародея, смертельного врага Калантеса. Это он отыскал чашу в страшных гробницах под пирамидами, где бродят духи! Боги давно минувшей эпохи умерли не так, как умирают люди,— они лишь погрузились в глубокий сон, и почитатели заключили их в саркофаги, чтобы чужая рука не потревожила их забытья! Тот-Амон посылал Калантесу смерть. Жадность Каллиана освободила сам ужас — он скрывается где-то совсем близко, подкрадывается к нам, быть может...

Дионус всегда предпочитал верить собственным глазам, разговоры о сверхъестественном его только злили.

— Болван, ерунду лепечет! — выругался он и сильно хлестнул Промеро по губам, после чего повернулся к дознавателю.— Ну, Деметрио, нам ничего не остается, кроме как вытянуть правду из варвара...

Его прервал возглас киммерийца. Он смотрел на дверь одной из комнат возле зала, где были собраны статуи.

— Вон там! — кричал он.— Я видел, как в комнате кто-то двигался. Видел сквозь шторы, как что-то скользило по полу, словно густая тень.

— Ха! — фыркнул Постумо.— Мы же обыскали комнаты...

— Он видел, видел! — пронзительно завопил Промеро.— Этот дом проклят! Кто-то вышел из саркофага и убил Каллиана Публико! Он прятался там, где не мог бы спрятаться ни один смертный, а теперь скрывается в той комнате! Митра, защити нас от сил мрака! — Он вцепился в рукав Дионуса.— Обыщите помещение вторично, господин!

Префект в бешенстве отшвырнул секретаря.

— Можешь смело обыскать его самостоятельно,— сказал Постумо,— мой храбрец!

Он схватил Промеро за ворот и за пояс и потащил его, невзирая на вопли, к двери. Там на мгновение задержался, а затем бросил свою ношу в комнату с такой силой, что секретарь остался лежать, полуоглушенный.

— Хватит! — рявкнул Дионус и перевел взгляд на молчаливого киммерийца.

Префект поднял руку. Воздух, казалось, наэлектризовало тревожное ожидание, как вдруг опять раздались голоса. В коридор ворвался стражник, таща за собой еще одно действующее лицо — стройного, роскошно одетого человека.

— Я видел, как он бродит вокруг,— заявил стражник, ожидая похвалы за служебное рвение. Вместо этого его угостили такой бранью, что волосы у бедняги встали дыбом.

— Немедленно отпусти господина! — взревел префект.— Несчастный олух! Ты что, не знаешь Азтриаса Петаниуса, племянника губернатора?

Пораженный стражник отшатнулся, а щеголеватый молодой аристократ жеманно стряхнул пылинку с вышитого рукава.

— Поберегите проклятия, добрый Дионус,— сказал он.— Стражник лишь выполнял свой долг. Я возвращался с развеселого праздника пешком, чтобы проветриться. Но, Митра! Убийство?

— Да, господин,— ответил префект.— У нас имеется подозреваемый, и, хотя его вина кажется Деметрио сомнительной, ему не избежать кола.

— На вид сущий висельник,— пробормотал юный аристократ с отвращением.— Как можно сомневаться в его виновности? Я еще никогда не видел столь гнусной физиономии!

— Но тебя это не смущало, немедийская собака,— зарычал Конан,— когда ты нанимал меня, чтобы я украл заморийский кубок! Праздник? Ха! Ты прятался в тени и ждал, когда я отдам тебе добычу. Я не выдал бы тебя, если бы ты не почтил меня подобными выражениями. А теперь расскажи этим псам, как у тебя на глазах я лез по стене, после того как стражник сделал свой последний обход. Подтверди, что у меня совершенно не было времени убивать эту жирную свинью.

Деметрио наблюдал за Азтриасом, который изо всех сил пытался сохранить невозмутимый вид.

— Если Конан говорит правду, господин, то он не может считаться убийцей, а мы должны без дальнейших проволочек возобновить расследование. Киммериец заработал десять лет принудительных работ за проникновение со взломом, но, если вы замолвите за него доброе слово, мы сможем устроить ему побег и никто, кроме нас, об этом не будет знать. Я хорошо понимаю, вы не первый молодой аристократ, который таким способом пытается избавиться от карточных долгов или других проблем в том же роде, но вы можете рассчитывать на нашу снисходительность.

Конан выжидающе смотрел на молодого аристократа, но Азтриас пожал узкими плечами и приложил холеную белую ладонь к губам, скрывая зевок.

— Я не знаю его,— заверил он.— Он рехнулся, утверждая, будто я его нанял. Пусть получит все, что ему причитается. Спина у варвара крепкая, работа на руднике пойдет ему на пользу.

Конан вздрогнул, словно наступил на гадюку. Глаза его сверкнули. Стражники предусмотрительно схватились за оружие и позволили себе расслабиться,

только когда киммериец опустил голову, словно в немом разочаровании. Арус не мог понять, наблюдает ли он за ними из-под густых черных бровей.

Варвар ударил без предупреждения, как кобра. Меч блеснул в сиянии свечей. Крик Азтриаса был недолог — голова слетела с плеч, разбрызгивая кровь, и лицо застыло, словно белая маска ужаса.

Деметрио выхватил кинжал, но киммериец извернулся кошкой и замахнулся, чтобы вонзить меч в дознавателя. Инстинктивная попытка Деметрио парировать удар только ускорила движение клинка. Он вошел в бедро, пропахал до кости. С криком боли Деметрио упал на колени.

Конан не собирался останавливаться. Вскинутая Дионусом алебарда спасла голову префекта от удара, который бы ее, несомненно, раздробил. Но алебарда опустилась, когда на нее обрушился меч, задела голову Дионуса и отрубила ухо. Потрясающая быстрота варвара парализовала стражников. Половина из них осталась бы лежать на полу, если бы дородный Постумо, скорее удачливый, чем ловкий, не схватил киммерийца за руку, в которой он держал меч. Левая рука Конана обрушилась на голову стражника, и Постумо выпустил его, чтобы с воем корчиться на полу и прижимать ладони к кровавой дыре, где только что был его глаз.

Конан отпрянул от мельтешащих в воздухе алебард, одним прыжком очутился рядом с Арусом. Тот поспешно склонился над арбалетом, но зарядить не успел. Сильный пинок в живот заставил его захрипеть и сложиться пополам. Киммериец ударил снова, метя подметкой сандалии в позеленевшее лицо, прямо в губы, и ночной сторож снова закричал от боли.

Вопль, от которого кровь застыла в жилах, донесся из той комнаты, куда Постумо швырнул секретаря. Через шелковые занавеси входа, шатаясь, выбрался Промеро. Его сотрясали рыдания, и слезы катились по бледному лицу, капая с дрожащих вислых губ.

Все, пораженные, уставились на него: Конан с окровавленным мечом в руке; стражники с поднятыми пиками; Деметрио, который сидел на полу, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из раненого бедра; Дионус с рукой, прижатой к обрубку уха; Арус, который со стоном выплевывал выбитые зубы; даже Постумо прекратил завывать и обратил к нему уцелевший глаз.

Качаясь на ходу, Промеро добрался до коридора и рухнул перед ними на пол. Между раскатами дикого хохота совершенно обезумевший секретарь прохрипел:

— У бога длинная шея! Ха! Ха! Ха! О, проклятье! До чего же длинная шея!

Он коротко, жутко содрогнулся, замер и невидяще уставился в потолок.

— Мертв,— удивленно шепнул Дионус.

Забыв о своей боли и о варваре, стоявшем с окровавленным мечом совсем рядом, он склонился над трупом. Через некоторое время снова выпрямился, его поросячьи глазки вылезли из орбит.

— Ни единой царапины. Митра!

Ужас охватил всех, и люди с воплями обратились в бегство. Стражники побросали алебарды и устроили давку в дверях, спеша вырваться наружу; не обошлось без увечий. Арус последовал за ними, а полуослепший Постумо ковылял следом и жалобно умолял не бросать его. Он цеплялся за стражников, пока его не сбили с ног, а потом полз уже на четвереньках. Последним спасался Деметрио, прижимая ладонь к изувеченному бедру. Если бы не эта рана и не близость обагренного его кровью меча, он — человек не робкого десятка,— может, и риск-

нул бы выйти навстречу неведомой опасности. Стражники, кучер, ночной сторож и дознаватель, раненые и уцелевшие — все они спешили с криками на улицу, где стража, наблюдавшая за замком, была немедленно охвачена паникой и, не задавая лишних вопросов, разбежалась на все четыре стороны.

Конан остался в огромном коридоре один, если не считать мертвецов. Он удобнее взял меч и направился в таинственную комнату. Дорогие шелковые драпировки покрывали стены, и повсюду стояли обтянутые шелком диваны с шелковыми же подушками. Из-за тяжелой позолоченной ширмы на киммерийца смотрели глаза.

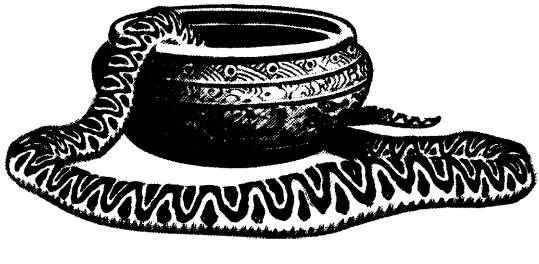
Конан обмер, зачарованный холодной классической красотой лица — красотой, заказанной смертным. Ни слабость, ни сострадание, ни жестокость, ни доброта, ни какое-либо иное человеческое чувство не отражались в чертах. Этот лик мог бы быть маской бога, созданной рукой искусного художника, если бы в нем не угадывалась жизнь — ледяная, чуждая жизнь, какой Конан никогда не знал и постичь которую был не в состоянии. Он мимоходом подумал: насколько совершенным должно быть укрытое за ширмой тело, если лик блистает такой неземной красотой.

Но он мог разглядеть только изящной формы голову, которая слегка покачивалась из стороны в сторону. Полные губы раскрылись и выговорили одно-единственное слово, звенящее и вибрирующее, как колокольчик затерявшегося среди джунглей храма в далеком Кхитае. Оно принадлежало чужому наречию, забытому еще до того, как царства людей поднялись в своем блеске и величии; но Конан знал, что оно означало: «Подойди!» И киммериец повиновался — с отчаянным прыжком и свистящим ударом меча. Нечеловечески прекрасная голова слетела с плеч, ударилась о край ширмы и откатилась в сторону.

По спине Конана заструился пот, ширма затряслась от содроганий тела. Несчетное количество раз видел киммериец, как умирают люди, но он и не подозревал, что агония может быть такой чудовищной, с такими неистовыми корчами и содроганиями. Ширма ерзала, качалась и наконец опрокинулась с грохотом к ногам Конана. И тогда киммериец смог увидеть того, кто за ней скрывался.

Теперь и его самого охватил ужас. Он со всех ног бросился прочь и не останавливался ни разу, пока башни Нумалии не исчезли далеко-далеко позади. Мысль о Сете и детях Сета, которые когда-то владычествовали на земле, а теперь дремлют в своих мглистых гробницах под темными пирамидами, была гораздо страшнее любого кошмара.

За позолоченной ширмой лежало не человеческое тело, а сверкающее, свернувшееся кольцами туловище огромной змеи.

БАШНЯ СЛОНА

I

Коптящие факелы бросали лишь хмурый свет в «Прожорливой глотке», где кутили, справляя свои ночные карнавалы, воры Востока. В «Глотке» они могли шуметь и пьянствовать, сколько их душе угодно, ибо почтенные граждане избегали бывать в этом квартале и ночные сторожа, подкупленные не совсем чистыми деньгами, не перегружали своим вниманием данный район. По узким немощеным переулкам, мимо дурно пахнущих куч нечистот и вонючих луж бродили, качаясь, орущие, буянящие пьяницы. Сталь вспыхивала в тени, где был слышен пронзительный смех женщин и шум стычек. Свет пробивался из разбитых окон и широко распахнутых дверей. Запах перегара и потных тел сочился из этих дверей, звон кружек, стук кулаков по неструганым доскам столов и — как удары в лицо — разрозненные отрывки непристойных песен.

В одном из подобных кабаков было особенно оживленно. Под низким, черным от копоти потолком гремел хохот. Здесь собирались висельники всех видов и родов, не только в лохмотьях и обносках, но и в роскошнейших одеяниях. Кутили здесь карманники с их ловкими пальцами, беспощадные похитители людей, искусные скалолазы — покорители фасадов зданий, хвастливые наемные убийцы со своими потаскушками, женщины, ярко раскрашенные дешевой косметикой, с пронзительными голосами. Отпетые жулики чувствовали себя здесь как дома и составляли большую часть публики — темноволосые, черноглазые заморийцы с кинжалом в рукаве и ложью в сердце. А кроме них — волки из полудюжины чужеземных стран, в их числе огромный гипербореец, молчаливый, опасный, с могучим двуручным мечом на боку — ибо в «Прожорливой глотке» мужчины носили свое оружие открыто. Кроме того, находился здесь фальшивомонетчик из Шема с горбатым носом и узенькой иссиня-черной бо-

© Перевод Е. Хаецкой.

родкой. Косоглазая британская девка сидела на коленях гандерландца со светло-каштановыми волосами — он был из бродяжничающих наемников и сейчас находился в бессрочном отпуске, который взял у разбитой армии. И жирный висельник, чьи сальные шутки вызывали громовой хохот,— по профессии он был похитителем людей. Он явился из далекого Кофа, чтобы принести заморийцам (которые рождались с такой ловкостью в подобного рода ремесле, какая ему и не снилась) искусство красть женщин. Этот человек оборвал описание красоты одной из намеченных жертв, чтобы сделать смачный глоток вина. Затем обтер губы и произнес:

— Клянусь Бэлом, богом всех воров, я покажу вам, как надо красть женщин! Еще до рассвета я перетащу эту юную штучку через заморийскую границу, где ее уже поджидает караван. Три сотни серебряных обещал мне один офирский князь за прекрасную молодую британку из лучшего дома. Я целые недели шатался переодетым в лохмотья нищего, выглядывая в пограничных городах что-нибудь подходящее. Да, она и впрямь девчушка как с картинки! — Он причмокнул губами, отсылая воздушный поцелуй.— И я знаю высоких господ в Шеме, которые отдали бы за нее даже тайну Башни Слона,— пробормотал он напоследок, прежде чем снова обратиться к своему пиву.

Его подергали за рукав, и он повернул голову, помрачнев оттого, что ему помешали. Рослый, крепко сложенный парень стоял возле него. В этом месте он казался таким же лишним, как волк среди вшивых крыс в сточной канаве. Дешевая куртка не скрывала крепкого торса, широких плеч, могучей груди, узких бедер и мускулистых рук. Лицо его загорело на солнце до черноты, синие глаза пылали. Густая грива черных нечесаных волос падала на высокий лоб. В кожаных ножнах на поясе он носил меч.

Кофиец непроизвольно отшатнулся, ибо парень не принадлежал ни к одной из известных ему цивилизованных рас.

— Ты говорил о Башне Слона,— сказал чужак на языке Заморы, однако с чужеземным акцентом.— Я много слыхал о башне. Что за тайна?

Поведение чужака не показалось кофийцу угрожающим, кроме того, мужество похитителя подогревалось обильно потребленным пивом и вниманием его теперешних слушателей. Он весь надулся, дабы придать себе значимости.

— Тайна Башни Слона? — вскричал он.— Да ведь каждому болвану известно, что Яра, жрец, владелец могущественного колдовского камня, именуемого Сердцем Слона, живет там. В камне том — тайна его колдовской силы.

Варвар коротко поразмыслил над этими словами.

— Видал я и башню,— сказал он.— Она стоит в большом саду над городом. Высокие стены окружают его, однако стражников я ни одного не заметил. Не так-то трудно будет взобраться на стену. Почему же никто еще не стащил таинственный камень?

С открытым ртом кофиец уставился на наивного чужеземца, затем разразился презрительным хохотом, который подхватили и остальные.

— Послушайте только этого дикаря! — громыхал он.— Он хочет спереть камешек Яры. Слушай, ты, парень,— сказал он и повернулся к молодому человеку.— Положим, ты, конечно, варвар, откуда-нибудь там с севера...

— Я киммериец,— заявил чужак не совсем дружески.

Ответ и тон мало что сказали кофийцу. Он происходил из королевства, лежащего далеко на юге, у шемских границ, и мало знал о народах севера.

— Тогда навостри уши и немножко поучись! — сказал он и указал пивной кружкой на немного смущенного парня.— Знай же, в Заморе, и в первую очередь в этом городе, живет больше искусных воров, чем где-либо в нашем мире, больше даже, чем в самом Кофе. Если бы смертный человек мог украсть сей драгоценный камень, то, можешь быть уверен, он давно бы уже попал в чужие руки. Говоришь, простое дело вскарабкаться на стену, но едва ты успеешь туда забраться, как сразу об этом пожалеешь. Видимо, есть причина, коли сторожа по ночам не обходят сад, то есть сторожа-люди. Однако сторожевая комната внизу в башне всегда полна народу, и даже если тебе и удастся невредимым пройти мимо тех, кто ночью держит под наблюдением сад, не сводя с него глаз — или что там у них вместо глаз,— тебе придется с боем пробиваться через караулку мимо сторожей-людей, дабы добраться до побрякушки, которая хранится где-то там, в башне, наверху.

— Но если кому-нибудь повезет пройти через сад, почему бы ему не попытаться добраться до камня через верхнюю часть башни? — возразил киммериец.— Этим он бы избежал встречи со стражниками.

И снова кофиец уставился на него, разинув рот.

— Нет, вы послушайте его! — крикнул он насмешливо.— Варвар у нас орел, который может взлететь над ограждением башни, усаженным драгоценными камнями! — Он снова бросил взгляд на киммерийца.— Да разве ты не знаешь, что эта башня пятьдесят и еще сто футов в высоту и ее круглые стены еще глаже, чем отполированное стекло?

Варвар с пылающим взором огляделся вокруг. Грохочущий смех, поднявшийся после издевательского замечания, немного смутил его. Сам он не видел никакого основания для веселья и был еще слишком неопытен для цивилизованного мира, чтобы понимать все его ухищрения. Цивилизованный человек воспитан куда хуже дикаря, которому невдомек, как это можно не поплатиться за бестактность расколотым черепом. Он был смущен и раздосадован и, без сомнения, отступил бы в смятении, не говоря ни слова, не продолжай кофиец его задирать.

— Иди-иди! Расскажи этим беднягам, которые чуть-чуть больше занимались своим воровским ремеслом, чем ты прожил лет, как ты собираешься добыть себе камушек!

— Всегда найдется путь, если мужество равно потребности,— раздраженно возразил киммериец.

Кофиец принял эти слова как личное оскорбление. Его лицо залилось краской.

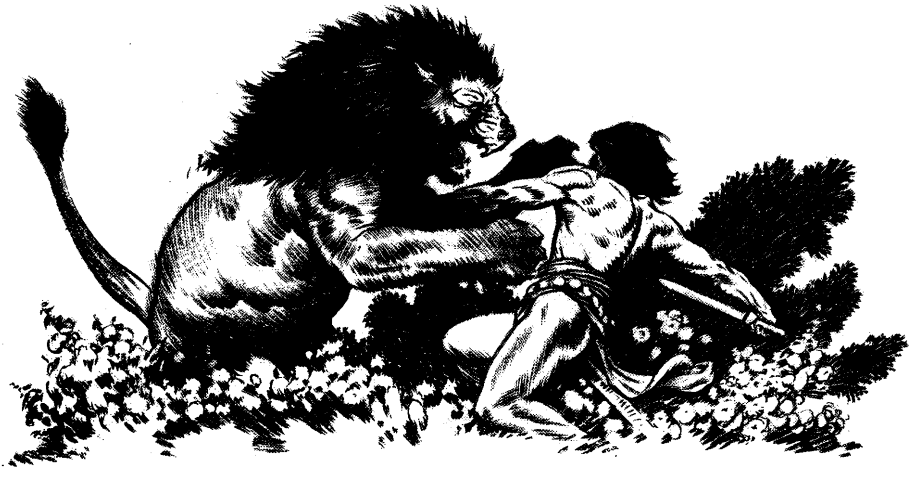
— Что?! — взревел он.— Ты посмел обругать нас в глаза трусами? Убирайся! С глаз моих! — Он наградил Конана сильным тычком.

— Ты берешь на себя слишком много воли насмешничать надо мной. Да еще поднял на меня руку? — процедил варвар сквозь зубы.

Он больше не мог обуздывать быстро возраставшую ярость. Он ответил на тычок ударом ладони, который сбросил насмешника на грубо выструганный стол. Пиво плеснуло через край кружки. Кофиец злобно зарычал и вытащил меч.

— Собака, дикарь! — загремел он.— За это я вырежу сердце из твоей груди!

Блеснула сталь. Сидящие вокруг поспешно бросились искать безопасное местечко. В спешке они опрокинули единственную горевшую в комнате свечу. Кабак погрузился в темноту. Треск опрокидываемых скамеек, топот ног, вопли и проклятия — вот что было слышно, а еще пыхтение обоих задир и, наконец, крик боли, пронзивший гвалт и сумятицу. Когда свечу снова запалили, оказалось, что большинство гостей исчезли, сбежав через дверь и разбитое окно, остальные забрались под столы и за винные бочки. Варвар тоже покинул заведение. В центре комнаты лежал окровавленный труп кофийца. С безошибочным варварским инстинктом киммериец отыскал обидчика в темноте и, воспользовавшись всеобщей суматохой, прикончил.

II

Свет факелов и шумное веселье гуляк остались позади. Киммериец избавился от своей рваной туники и теперь шагал сквозь ночь совершенно голый, если не считать набедренной повязки и высоких шнурованных сандалий. Он скользил с гибкостью тигра, его стальные мускулы играли под загорелой кожей.

Конан достиг той части города, которая прилегала к храмам. Они поблескивали в свете звезд со своими мраморными снежно-белыми колоннами, золотыми куполами и серебряными арками порталов, эти ларцы бесчисленных загадочных божеств Заморы. Конан не слишком ломал себе над этим голову. Он знал, что религия Заморы, как и все прочее у народа, издавна изведавшего блага цивилизации, сложна и понять ее нелегко, свое изначальное естество она давно затеряла в лабиринте обрядов и обычаев. Много часов провел он на открытых площадях, внимая увещеваниям теологов и учителей, и после этого запутался еще больше, чем прежде. Но в одном отныне он убедился твердо: ни один из этих философов не пребывал в здравом рассудке.

Его родные боги просты, и понять их несложно. Кром был верховным среди них. Он жил на высокой горе, откуда насылал испытания и смерть. Бесполезно

молить о чем-либо Крома, ибо он мрачен, дик и презирает трусов. Но мальчиков при рождении он наделял мужеством, волей и силой убивать врагов. Это было, по воззрениям варваров, все, чего следовало ожидать от бога.

Сандалии Конана не издавали ни малейшего шума, ступая по блестящим камням мостовой. Ни одного стражника не видно, ибо даже воры из «Прожорливой глотки» избегали храмов, где — как кругом болтают — всякого, кто вступал в них с нечистыми намерениями, ждала ужасная судьба. Впереди Конан видел Башню Слона, устремлявшуюся к небу. Он спрашивал себя, откуда она получила свое имя. Никто этого, казалось, не знал. Сам он еще никогда не видел столь диковинное животное, однако знал по рассказам, если только правильно понял: слон — это чудовищно огромный зверь с одним хвостом спереди и одним сзади. Во всяком случае, так объяснял ему путешественник-шемит и притом клялся, будто тысячами видел таких зверюг в стране гирканцев. Но нужно, конечно, еще не упускать из виду, что все шемиты большие любители соврать. В Заморе, по крайней мере, никаких слонов не водилось.

Холодно поблескивая, башня, казалось, хотела схватить звезды. В солнечном свете она так ослепляла, что только немногим удавалось прямо взглянуть на нее. Шептали, мол, она целиком построена из серебра. Башня имела форму цилиндра, была высотой в сто пятьдесят футов, и драгоценные камни мерцали в свете звезд — густо утыканные в верхний край или в заграждение, опоясывающее ее. Башня стояла посреди сада, раскинутого высоко над городом, и легкий ветерок раскачивал ветви чужеземных деревьев. Могучая стена окружала сад, и с внешней стороны стены вокруг находилась низкая, не очень широкая полоска земли, которая также была отгорожена стеной. Ни один луч света не вырывался из башни. Она явно не имела оконных отверстий, по меньшей мере их не оказалось над внутренней стеной. Только сверкающие камни высоко наверху отбрасывали холодное сияние.

Под нижней внешней стеной рос густой кустарник. Киммериец проскользнул поближе и остановился получше разглядеть всю картину. Хотя стена была довольно высока, одним прыжком он наверняка мог бы достичь ее края и уцепиться пальцами, а дальше оставались детские игрушки — подтянуться и перебраться через нее. Он не сомневался, что и внешнюю стену может одолеть подобным же образом. Но он заколебался при мысли о неизведанных жутких опасностях, которые, как он предполагал, подкарауливают его в саду. Здешние люди казались ему чуждыми и полными загадок. Они были совсем другого рода, чем киммериец, они были даже не той крови, что западные народы — бритунцы, немедийцы, кофийцы и аквилонцы, о тайнах цивилизации которых он уже многократно был наслышан. Люди в Заморе произошли от старой, очень старой цивилизации, и, насколько он успел с ними познакомиться, они казались ему до основания испорченными и развращенными.

Он подумал о Яре, верховном жреце, который плел свое темное чародейство в башне из драгоценных каменьев. Волосы киммерийца поднялись дыбом, когда на ум ему пришла одна история, выболтанная придворным пажом в изрядном подпитии: как Яра засмеялся в лицо одному мирно настроенному принцу и преподнес ему пылающий демонский драгоценный камень. Ослепляющие лучи вырвались из страшного камня и окутали принца. С криком опустился тот на пол и обуглился, превратившись в черный комок, который в конце концов обер-

нулся пауком и принялся торопливо шнырять по покою, пока Яра не раздавил его подошвой.

Не часто покидал Яра свою колдовскую башню, а когда делал это, то явно только для того, чтобы ввергнуть в несчастье какого-нибудь человека и даже целый народ своей черной магией. Король Заморы боялся его пуще смерти и постоянно напивался, ибо не мог смиренно переносить столь чудовищный страх. Яра был очень стар — поговаривали, будто он живет несчетные столетия и будет жить вечность, и все это с помощью магии камня, повсеместно именуемого Сердцем Слона, по той же причине, по какой высокое строение получило имя Башни Слона.

Погруженный в мысли такого рода, киммериец поспешно прижался к стене, когда расслышал размеренные шаги в саду. Вместе с шагами он уловил также слабое позвякивание металла. Так что все-таки хотя бы один стражник ходит вокруг сада. Варвар ждал, пока тот не вернется, закончив обход, но опустилась ничем не прерываемая тишина.

Наконец любопытство пересилило. Киммериец подскочил, ухватился за край стены и подтянулся на одной руке. Затем плашмя лег на стену и посмотрел вниз, на полоску земли между обеими стенами. Тут не росло никаких кустов, только непосредственно перед внутренней стеной он увидел несколько заботливо подстриженных кустиков. Звездный свет падал на ухоженные газоны. Где-то плескал фонтан.

Конан осторожно спустился. Он вытащил меч из ножен и огляделся. Беспокойство дикаря, который стоит незащищенным под ярким светом звезд, наполняло его, и поэтому он быстро пробрался в тень стены за поворот, пока не оказался рядом с теми кустами, что приметил прежде. Ловкими, быстрыми шагами он пробежал, низко пригнувшись к ним, и почти что споткнулся о нечто, лежавшее, скорчившись, возле кустов.

Быстрый взгляд в обе стороны — по меньшей мере в пределах видимости не имелось ни одного врага. Конан наклонился над фигурой. Острые глаза разглядели в свете звезд крепко сбитого мужчину в серебристом доспехе и шлеме с гребнем заморийской королевской гвардии. Щит и пика лежали рядом с ним. Конан установил, что воин задушен. Варвар беспокойно огляделся по сторонам. Ему стало ясно, что это тот стражник, шаги которого он слышал с той стороны стены. Прошло всего немного времени, и тем не менее неизвестная рука схватила из темноты воина за горло и лишила жизни.

Напряженные глаза Конана внезапно уловили движение в кустах подле стены. Держа ладонь на рукояти меча, он прокрался туда. При этом он издавал шума не больше, чем пантера, скользящая в ночи, но человек, на которого Конан хотел напасть внезапно, услышал его. Киммериец увидел на стене могучую тень и почувствовал облегчение — тень имела человеческие очертания. Незнакомец резко развернулся с хриплым выдохом, в котором был страх, и явно хотел наброситься на своего противника. Но когда свет звезд отразился от Конанова клинка, он вновь отшатнулся. Прошло напряженное мгновение ожидания — каждый выжидал, что будет делать второй, оба готовые немедленно перейти к обороне.

— Ты не воин,— прошипел наконец незнакомец.— Ты вор, как и я.

— А кто ты? — недоверчиво спросил киммериец.

— Таурус из Немедии.

Киммериец опустил меч.

— Я наслышан о тебе. Тебя называют королем воров.

Тихий смешок послужил ответом. Таурус, ростом с киммерийца, но тяжелее, был довольно-таки толст и обладал большим брюхом, однако каждое его движение выдавало невероятную ловкость и стальную силу. Его острые глаза оживленно блестели в свете звезд. Он был бос и имел при себе свернутую веревку, тонкую, но прочную, с узлами на равных расстояниях.

— А ты кто? — прошептал он.

— Конан из Киммерии,— ответил варвар.— Я хочу отыскать дорогу к драгоценности Яры, которую именуют еще Сердцем Слона.

Конан почувствовал, как толстое брюхо заколыхалось от смеха, но в этом хохоте не чувствовалось издевки.

— Клянусь Бэлом, богом всех воров! — прошипел Таурус.— Я полагал, кроме меня, ни в ком недостанет мужества отважиться на такое. Заморийцы называют себя ворами — фу! Конан, мне нравится твоя наглость. Еще никогда и никому я не позволял выходить со мной вместе на охоту, но, клянусь Бэлом, если тебе хочется, попробуем вместе проделать этот трюк.

— Так ты здесь тоже в погоне за камнем?

— А ты что думал? Месяц я потратил на разработку плана. А ты, как я думаю, действуешь под влиянием секундного порыва, я прав?

— Да,— пробурчал Конан.— Это ты убил воина?

— Разумеется. Я перелез через стену, когда он патрулировал другую сторону сада. Спрятался в кустиках. Он услышал меня или, по крайней мере, ему почудилось, будто он что-то слышит. Когда он пробегал мимо, было совсем не трудно прыгнуть на него со спины и перекрыть ему воздух. Как и большинство людей, он в темноте наполовину слеп. Хороший вор должен иметь глаза, как у кошки.

— Ты допустил ошибку,— сказал Конан.

Глаза Тауруса зло блеснули.

— Я? Ошибку? Не может быть!

— Ты должен был оттащить труп в кусты...

— ...сказал подмастерье мастеру. Смена караула только в полночь. Если бы кто-нибудь начал его искать и обнаружил труп, он побежал бы прямой дорожкой к Яре, чтобы поднять тревогу. Между тем у нас было бы довольно времени, чтобы унести отсюда ноги. А вот если бы они его не нашли, они обыскали бы каждый куст и загнали нас в ловушку, как крыс.

— Ты прав,— признал Конан.

— Так что теперь слушай. Мы только транжирим время с проклятой болтовней. Во внутреннем саду нет стражников — я хочу сказать, людей. Но в любом случае там бродят твари, которые куда смертоноснее. Их присутствие заставило меня ломать себе голову долгое время, но под конец я нашел способ устранить их.

— А что воины внизу, под башней?

— Старик Яра гнездится наверху. Туда мы попадем и назад тоже вернемся, я надеюсь. Не спрашивай меня сейчас как! Я подумал и позаботился только об одной возможности. Мы заберемся сверху и оттуда свалимся на колдуна и при-

душим его, прежде чем он успеет положить нас одним из своих проклятых чародейств. То есть мы попытаемся это сделать. Либо мы окончим свои дни в обличье пауков и жаб, которых он раздавит сапогом, либо огромная власть и необъятное богатство — наши. Все хорошие воры должны идти на риск.

— Я готов,— заявил Конан и стряхнул с ног сандалии.

— Тогда за мной!

Таурус повернулся, прыгнул, схватился за край стены и подтянулся наверх. Подвижность вора была неправдоподобной, если учитывать его телосложение. Со стороны это выглядело так, словно он почти взлетел на вершину стены. Конан последовал за ним и распростерся рядом. Они объяснялись только еле слышным шепотом.

— Я не вижу огней,— пробормотал Конан.

Нижняя часть башни не отличалась по виду от верхней половины, той, что была видна снаружи стены,— гладкий, блестящий цилиндр и никаких отверстий.

— Имеются окна и двери, очень искусно скрытые в стене,— тихо объяснил ему Таурус,— однако они закрыты. Воины дышат воздухом, который поступает сверху.

Сад был морем смутных теней, кустарники и низкие деревья с длинными ветвями тихо колебались внизу. Конан ощущал, как снизу исходит подстерегающая их угроза, ловил на себе пылающий взор невидимых глаз, и его ноздрей касался слабый запах, от которого у него тотчас же поднялись волоски на затылке. Он непроизвольно заскрежетал зубами, как охотничья собака, поймавшая запах отвратительного врага.

— За мной! — выдохнул Таурус.— Находись постоянно за мной, если тебе дорога твоя жизнь!

Прежде чем легко спрыгнуть в траву внутреннего сада, Таурус достал из-за пояса нечто, что выглядело как медная трубка. Конан приземлился рядом с ним, держа меч наготове. Таурус тесно прижал его к стене и не двигался, только сделал шажок вперед. Его поведение выдавало напряженное ожидание, и его взгляд, как и взгляд Конана, был направлен на тонущий в тени кустарник, находившийся на удалении в несколько шагов. Внезапно он заколебался, хотя не было ни дуновения ветерка. И вот уже блеснули между подвижных теней два больших глаза, а за ними в темноте еще и еще.

— Львы! — пробормотал Конан.

— Правильно. Днем их держат в подвальных помещениях под башней. Поэтому-то ни одного человека в саду и нет.

Конан быстро пересчитал глаза.

— Я вижу пять, однако, вероятно, в кустах еще несколько. Они могут напасть каждый миг.

— Тихо! — прошипел Таурус.

Осторожным движением он отделился от стены, точно ступал по сырым яйцам, и поднял тонкую медную трубку. Конан чуял поблизости огромные слюнявые пасти (хотя не мог их видеть) и хвосты с кисточками, беспокойно хлещущие по светлым бокам. В воздухе сгущалось напряжение. Киммериец покрепче ухватился за рукоять меча. Каждое мгновение он ожидал атаки огромных сильных тел. Тут Таурус поднял к губам медную трубочку и сильно выдохнул. Желтый порошок дождем брызнул из нижнего отверстия трубки и быстро разделил-

ся на густые желто-зеленые облачка, которые опустились на кустарник и скрыли из виду сверкающие глаза.

Таурус поспешно примчался назад, к стене. Конан, ничего не понимая, воззрился на кусты. Плотное облако полностью окутало их. Ни единого, ни малейшего шороха не доносилось оттуда.

— Что за пыль? — тревожно спросил киммериец.

— Смерть! — шепнул немедиец.— Если поднимется ветер и подует в нашу сторону, нам нужно будет немедленно перепрыгивать через стену. Но нет, еще безветрие, а облако скоро рассеется. Нам нужно всего лишь переждать, пока оно исчезнет окончательно. Вдохнуть его — верная гибель.

Вскоре только несколько желтоватых теней, как призраки, колебались в воздухе. Наконец рассеялись и они, и Таурус сделал знак своему спутнику следовать за ним. Они проскользнули к кустам. Конан громко втянул в себя воздух. Пять могучих тел неподвижно лежали в тени, огонь свирепых глаз потух навсегда. Сладковатый, одурманивающий аромат еще висел в воздухе.

— Они погибли, не издав ни малейшего звука! — проговорил киммериец, пораженный.— Таурус, что за порошок такой?

— Измельченные цветки черного лотоса, произрастающего только в непроходимых джунглях Кхитая, где живут лишь бритоголовые желтолицые жрецы Юуна. Запах этих цветков смертелен.

Киммериец опустился на колени возле сильных животных, удостовериться, что они в действительности более не в состоянии причинить кому-либо зло. Он потряс головой. Магия чужеземных стран была для варвара с севера жуткой и непонятной.

— Почему бы не убрать воинов из башни точно таким же способом? — спросил он.

— Это весь порошок, какой я сумел раздобыть. Даже эту малость получить в руки — деяние, достойное величайшего вора всех времен и народов. Я стянул его из одного каравана, направляющегося в Стигию. Он лежал в золотом мешочке между кольцами свернувшейся огромной змеи, которая должна была охранять его, и не разбудил ее. Но идем же, ради Бэла! Или мы всю ночь будем только языком молоть?

Они пробрались сквозь кустарник к блестящему подножию башни, и тут Таурус, сохраняя молчание, развернул свою веревку с узлами, на одном конце которой имелся крепкий железный крюк. Конан сообразил, что тот намеревался предпринять, и не задал ни одного вопроса, когда немедиец взял веревку под крюком и раскрутил его над головой. Киммериец прижался ухом к гладкой стене, прислушиваясь, однако ничего не уловил. Воины в караулке явно не подозревали, что в саду могут находиться взломщики. Немедиец тоже не слышал больше никаких шорохов, кроме ночного ветерка, который легонько поигрывал ветвями деревьев и кустов. Но внутреннее беспокойство охватило варвара. Быть может, вездесущий запах львов был тому виной.

Таурус без всяких видимых усилий зашвырнул веревку в высоту. Крюк взлетел, описав странное вращающееся движение, и исчез за краем башни, усыпанным драгоценностями. Он явно прочно зацепился там, поскольку не поддался ни при осторожном, ни при сильном рывке веревки и держался надежно.

— Повезло с первого раза,— возликовал Таурус,— я...

Варварский инстинкт внезапно подбросил Конана и заставил его вихрем обернуться назад. Он ничего не слышал, ибо смерть приблизилась к ним совершенно беззвучно. Один взгляд — и киммериец бегло заметил огромное желто-коричневое тело, вырисовывающееся на фоне звезд и уже приготовившееся к смертельному броску. Ни один человек, выросший в неге цивилизации, не смог бы отреагировать так быстро, как варвар. Меч сверкнул, как ледяной кристалл в свете звезд, и всю отчаянную силу могучих мышц вложил Конан в удар. И вот уже человек и зверь сплелись на земле.

Яростно, однако почти беззвучно ругаясь, Таурус нагнулся над телами дерущихся и увидел, что его спутник пытается высвободиться из-под чудовищной туши, бессильно навалившейся на него. Второй взгляд — удивленный,— и немедиец обнаружил, что лев мертв, голова его рассечена. Он схватил труп, и совместными с варваром усилиями ему удалось откатить льва в сторону и освободить киммерийца. Конан поднялся на ноги. Меч, с которого еще стекала кровь, он крепко сжимал в руке.

— Ты ранен? — хрипло спросил Таурус, все еще потрясенный быстротой, с которой разыгралась эта неожиданная битва.

— Нет, клянусь Кромом! — заверил его варвар.— Но я редко бывал так близко к смерти. Почему же проклятая бестия не зарычала, прежде чем напасть?

— В этом саду все необычно,— проворчал Таурус.— Львы наносят удар безмолвно — как и все в этом месте, полном призраков. Ну, идем же теперь! Битва не была совершенно бесшумной. Воины могли что-нибудь все же услышать, если они не дрыхнут или не напились. Эта тварь, должно быть, бродила в другой части сада и таким образом избежала смерти от яда. Но других львов здесь нет, не сомневаюсь. Нам нужно теперь забраться наверх как можно быстрее — и я, разумеется, только зря израсходую время, если стану спрашивать киммерийца, умеет ли он лазать по скалам.

— Если веревка выдержит мой вес,— проворчал Конан и вытер меч о траву.

— Выдерживает три моих,— ответил Таурус.— Она сплетена из волос мертвых женщин, чьи косы я выкрадывал из гробниц в час полуночи. А чтобы придать ей еще больше крепости, я окунул ее в смертельное молоко дерева анчар. Я залезу первым, следуй за мной, не отставая.

Немедиец схватился за веревку и обвил ее ногой. Как кошка, вскарабкался он наверх, заставив в очередной раз забыть о тучности своего массивного торса. Киммериец последовал за ним. Веревка раскачивалась и крутилась, но это не мешало двоим ворам, оба они уже имели за спиной куда более сложные опыты успешного покорения отвесных скал и стен. Усеянный драгоценностями край башни сверкал высоко над ними. Он немного выдавался в стороны над отвесными стенами, так что веревка свисала с него на расстоянии примерно фута от стены, что значительно облегчило восхождение.

Все выше и выше забирались они, так бесшумно, как это только было возможно. Огни города все шире расстилались перед их взором, и звезды казались тусклыми под блеском драгоценностей на парапете крыши. Таурус уже добрался до них, подтянулся и перелез через парапет. Конан немного задержался, залюбовавшись зрелищем огромных драгоценных камней, сверкание которых

остро резало ему глаза. Бриллианты, рубины, смарагды, сапфиры, бирюза, лунные камни были плотно подогнаны друг к другу и впаяны в мерцающее серебро. Снизу многоцветье камней сливалось в одно пульсирующее белое пыланье, но теперь, вблизи, они блистали всеми оттенками и цветами радуги и почти приковали своим блеском.

— Да здесь сказочное богатство, Таурус! — задохнулся Конан.

— Давай быстрей! — подтолкнул его немедиец.— Если мы заберем себе Сердце, все остальное тоже будет нашим.

Конан перелез через сверкающее ограждение. Крыша башни находилась на высоте нескольких футов над парапетом. Она была плоской и сделанной из темно-синего, выложенного золотом материала. Свет звезд отражался от нее, и казалось, она мерцала, словно гигантский сапфир, осыпанный золотой пыльцой. Почти напротив того места, где они забрались через парапет, находилась своего рода будочка или каморка, сделанная из того же серебристого материала, что и стены башни, и вся сплошь усеянная маленькими драгоценными камнями, образующими разнообразные узоры. Дверь была золотая, покрытая орнаментом в виде чешуи и осколками драгоценностей, которые сверкали, как лед.

Конан бросил взгляд на переливающееся море огней далеко внизу, а потом взглянул на Тауруса. Немедиец втянул наверх свою веревку и смотал ее в бухту. Он указал варвару место, где зацепился крюк,— опору нашло только острие «кошки» пониже огромного светящегося драгоценного камня на внутренней стороне ограждения.

— Нам снова повезло,— пробормотал он,— наш общий вес мог вырвать камень из опоры. Ну, за мной, настоящие трудности начинаются только сейчас. Мы с тобой в логове змеи и еще не знаем, где она сама.

Как тигры на охоте, они двинулись по темному полу и остановились перед сверкающей дверцей. Таурус осторожно попытался ее отворить. Она подалась без сопротивления. Оба вора напряженно всматривались, готовые ко всему. Через плечо немедийца Конан осматривался. Стены, потолок, пол были усыпаны большими белыми драгоценными камнями, которые, казалось, изливали огонь и освещали весь покой ярким светом. Ни одного живого существа поблизости не находилось.

— Прежде чем мы вторгнемся в логово змеи, нам нужно, вероятно, еще удостовериться, как там дела внизу. Глянь-ка через ограждение во все стороны. Если увидишь в саду воинов или вообще что-нибудь подозрительное, тотчас дай мне знать! Я подожду тебя здесь.

Конан счел эту меру предосторожности излишней, и в его настороженной душе проснулось легкое подозрение относительно спутника, однако он сделал то, что приказал Таурус. Когда он отвернулся, немедиец заскочил в комнатку и притворил за собой дверцу. Конан совершил осторожный обход вокруг ограждения, не заметив в глубине сада под башней, в колышущемся море листьев, ни малейшего подозрительного движения. Он возвратился к дверце — и внезапно из глубины комнатки донесся придушенный крик.

Киммериец испуганно сделал большой прыжок к дверце, когда она распахнулась и оттуда, озаренный холодным мерцанием, вывалился Таурус. Он шатался, раскрывал рот, но лишь сухое шипение вырывалось из его горла. Пыта-

ясь найти опору, он схватился за золотую дверцу, но споткнулся и во весь рост рухнул на пол, прижимая ладони к горлу. Дверца сама собой закрылась за ним.

Конан, пригнувшийся, словно пантера, в тот мимолетный миг, пока дверь была открыта, не увидел в помещении за спиной насмерть пораженного немедийца ничего подозрительного — разве что тень, мелькнувшую по гладкому полу. Но это мог быть просто обман зрения. Ничто не выскочило на крышу из комнатки, преследуя немедийца. Конан склонился над лежащим.

Широко раскрытыми, остекленевшими глазами, которые казались неверящими и смятенными, уставился Таурус в высоту. Его пальцы впились в горло, он издавал невнятные булькающие звуки. И вдруг замер. Пораженный киммериец тут же понял, что Таурус мертв, и у него появилось чувство, что Таурус так и умер, даже не поняв до конца, какая же смерть его постигла, какая гибель дотянулась до него когтями из темноты. Конан растерянно уставился на золотую дверцу, скрывающую столь ужасную тайну. В пустом помещении за ней, среди мерцающих стен, усыпанных самоцветами, смерть так скоро и так загадочно одолела короля воров, как это случилось в саду со львами.

Варвар задумчиво потрогал полуобнаженный труп в поисках ранений. Но единственным следом внешнего воздействия были три крошечные ранки на могучем затылке — они выглядели так, словно три иголки глубоко вонзились в кожу и их тут же быстро выдернули обратно. Едва заметные края ранок почернели, и от них исходил слабый запах тления. «Отравленные метательные иглы? — размышлял Конан.— Но тогда снаряды остались бы в ране».

Осторожно скользнул Конан к золотой дверце, толкнул ее и заглянул в комнатку: пусто. Единственное, что казалось там живым,— светящиеся драгоценные камни. В центре потолка взгляд Конана скользнул по удивительному орнаменту. Он был восьмиугольным, черным, и в центре узора четыре самоцвета горели красным огнем, совершенно иначе, чем белое сияние камней вокруг. На противоположной стороне находилась еще одна дверь, похожая на ту, возле которой стоял Конан, но без узора в виде чешуи. Пришла ли смерть оттуда и ушла ли обратно за эту дверь, после того как нанесла удар?

Конан закрыл за собой дверь и вошел в комнату. Его босые ступни не издавали ни единого шороха на хрустальном полу. Здесь не имелось ни стульев, ни столов, только четыре дивана, шелковая обшивка которых была заткана золотыми нитями, сплетающимися в странный узор в виде змей. Кроме того, имелись обитые серебром сундуки из красного дерева. Некоторые даже снабжены тяжелыми золотыми замками, резные крышки других были откинуты, выставляя напоказ хранившиеся в них сокровища — драгоценные камни всех родов, смешанные и наваленные кучей.

Конан беззвучно выругался. В эту ночь его удивленному взору предстало богатств больше, чем он предполагал найти во всем мире. Он немел при мысли о том, какой же ценности окажется тот драгоценный камень, за которым он охотился.

Теперь Конан находился в центре комнаты и, пригнувшись, двигался дальше, настороженно вытянув вперед меч, когда второй раз за эту ночь бесшумная смерть набросилась на свою жертву. Пролетевшая тень, скользнувшая над блестящим полом, была единственным предупреждением, и только инстинктивный

прыжок в сторону спас Конану жизнь. Он мимоходом увидел волосатое черное создание, словно вышедшее из кошмарного сна, оно пролетело над ним, брызгая слюной с ощеренной пасти. Что-то капнуло на обнаженные плечи, и кожа будто бы вспыхнула адским пламенем. Высоко подняв меч, Конан отскочил назад и увидел, что чудовище приземлилось на пол, повернулось и с пугающей ловкостью приближается к нему. Это был гигантский черный паук, какой мог привидеться только в кошмарном сне.

Восемь жирных волосатых лап несли над полом бесформенное туловище размером со взрослую свинью с поразительной быстротой. В четырех злобно сверкающих глазах угадывался чужеродный рассудок, на клыках поблескивали капли — должно быть, смертельный яд; он уже оставил свой след, когда бестия промахнулась и только капнула на плечи киммерийца, горевшие теперь болью. Вот, стало быть, какова смерть, обрушившаяся на немедийца из своего гнездовья на потолке. Какие же они были глупцы, раз не подумали, что верхние помещения будут охраняться так же тщательно, как и нижние!

Эти мысли пронеслись в голове Конана, когда чудовище снова прыгнуло на него. На этот раз он высоко подскочил, и паук пролетел у него под ногами. Но он мгновенно развернулся, готовясь к новой атаке. Конан бросился в сторону и нанес удар, как кошка. Меч перерубил одну из лап, и вновь киммериец лишь на волосок избежал смерти, когда чудовище повернулось и зубы его громко лязгнули. Однако теперь бестия больше не гонялась за киммерийцем. Она пробежала по хрустальному полу и помчалась по стене к потолку, наверх. Там она съежилась, и красные глаза злобно засверкали. Затем без предупреждения она пролетела по воздуху и протянула за собой толстую серую нить. Конан уклонился от неуклюжего тела и успел еще пригнуться как раз вовремя, чтобы не коснуться паутины. Он понял, что собирается делать чудовище, и прыгнул к двери, но паук оказался проворнее. Он метнул липкую нить к двери и отрезал Конану путь к отступлению. Конан не осмеливался разрубить паука мечом, поскольку не сомневался, что клинок застрянет в теле чудовища и, прежде чем человек успеет его освободить, зверюга вонзит ему в кожу свои зубы.

Началась отчаянная игра, где демонской ловкости и изворотливости паука противостояли разум и реакция человека. Бестия больше не бегала по полу и не предпринимала прямых атак, не носилась она больше и по воздуху, нет, она принялась метаться по потолку и стенам, стараясь поймать свою жертву клейкими серыми нитями, которые паук выбрасывал с чудовищной меткостью. Нити были толщиной с корабельные тросы. Конан понял: как только они коснутся его в первый раз, всей его силищи не хватит, чтобы освободиться до того, как чудовище нанесет удар.

Если не считать прерывистого дыхания человека, легкого шуршания босых ног по отполированному полу и непрерывного клацанья зубов чудовища, смертельный танец разворачивался в совершенной тишине. Серые нити, свернувшись, валялись на полу, свисали петлями со стен, тянулись над ларцами с сокровищами и шелковыми диванами, болтались гирляндами с утыканного самоцветами потолка. Благодаря острым глазам и врожденной ловкости Конан до сих пор ухитрялся уворачиваться от паутины, хотя липкие нити не раз пролетали совсем близко от него. Он знал, долго ему не продержаться. Ему приходи-

лось постоянно помнить о нитях, что свисали с потолка, и о тех, что лежали букетами на полу. Рано или поздно одна из этих веревок змеей захлестнет его, и он, беспомощный, спеленатый, как мумия, будет преподнесен чудовищу на блюдечке.

Паучина промчался по полу комнатки и протянул за собой серую нить. Конан перескочил через диван. Нечисть тут же развернулась и понеслась вверх по стене. Нить извивалась за насекомым и билась, рассекая воздух, точно живое существо, и задела щиколотку Конана. Киммериец схватился за петлю, отчаянно дергая ее, и тут же приклеился ладонями. Веревка держала его эластичными тисками, словно превратившись в пиявку. Волосатое отродье демона снова сбежало по стене вниз, готовое обрушиться на пойманную добычу. В отчаянии варвар изо всех сил ухватился за ларь с сокровищами и бросил его в паука. Необычный метательный снаряд придавил туловище паука к стене. Послышался отвратительный треск. Брызнули кровь и зеленоватая слизь, и размозженное тело вместе с разбитым в щепы сундуком повалилось на пол. Сверкающие драгоценности, переливающиеся всеми красками, лежали вместе с раздавленным черным туловищем. Волосатые лапы еще судорожно подергивались среди изысканнейшей роскоши, и умирающие глазки пылали багрянцем среди блеска рубинов.

Конан огляделся, но никаких кошмарных тварей больше не показывалось, поэтому принялся без помех освобождаться от липких нитей, упорно цеплявшихся за его руки и щиколотки. Наконец он был свободен. Конан поднял меч и осторожно стал пробираться к двери среди серых петель и свернувшихся паутинных нитей, лежащих на полу. Какие ужасы ожидали его за второй дверцей — он даже подозревать не мог. Горячая кровь бежала по его жилам. Он зашел так далеко, он столько препятствий преодолел, что теперь и помыслить не хотел об отступлении. Это приключение он доведет до страшного финала и отыщет могущественный драгоценный камень. Он чувствовал, среди самоцветов этой комнатки Сердца Слона не было.

Он убрал от внутренней дверцы липкие нити и установил, что и этот вход — куда бы он ни вел — тоже не заперт. Конан задавался вопросом, заметили ли воины его вторжение. Ну, теперь он находится высоко над их головами, и если правда то, что рассказывают, так они давно привыкли к жутким звукам, доносящимся сверху.

Теперь его занимали мысли о Яре, и он чувствовал себя не особенно хорошо, когда открывал вторую золотую дверь. Но увидел лишь ведущую вниз серебряную лестницу, освещенную чем-то таким, чего он не мог разглядеть. Крепко сжимая меч, Конан осторожно стал спускаться по ступенькам. Не услышав ни единого звука, он добрался наконец до двери из резной слоновой кости, инкрустированной кровавиком. Он прижался ухом, однако оттуда не доносилось ни шороха. Но примечательные тонкие облачка курений тихо струились из-под нижнего края двери. Странный аромат источали они — Конан никогда прежде не вдыхал ничего подобного. Серебряная лестница уводила дальше в глубину и исчезала во мраке. И снизу не доносилось ни малейшего звука. У Конана возникло неприятное чувство — будто в этой башне, где гнездятся привидения и ужасы, он единственный живой человек.

III

Осторожно надавил Конан на дверь из слоновой кости.

Она беззвучно подалась внутрь. Как воин на чужой территории, готовый к немедленному бою или немедленному бегству, стоял Конан на переливающемся пороге. Перед ним расстилался огромный золотой покой со сводчатым потолком и стенами из зеленого жадеита. Пол был выложен слоновой костью и местами укрыт толстыми коврами. Из курильницы, стоящей на золотом треножнике, поднимался пахучий дым, а за ним на своего рода мраморном ложе покоился идол. Широко раскрытыми глазами рассматривал его Конан. Зеленое создание имело туловище обнаженного мужчины, но голова... такая голова могла возникнуть только в поврежденном рассудке художника. Для человеческого тела она была чересчур велика и не имела в себе вообще ничего человеческого. Конан уставился на широкие, морщинистые уши, изогнутый хобот, длинные белые бивни справа и слева от него, острия которых прятались в золотые шары. Веки опущены, словно идол спал.

«Стало быть, идол был причиной тому, что строение прозывали Башней Слона,— размышлял Конан,— ибо голова этого... создания выглядела в точности так, как расписывал слоновью внешность бродяга-шемит. Это вот и есть божок Яры? И драгоценная побрякушка наверняка находится здесь же, спрятанная на идоле либо внутри его, иначе почему бы тогда называть его Сердцем Слона?»

Но когда Конан, не сводя взора со статуи, осторожно шагнул к ней, она внезапно раскрыла глаза!

Киммериец оцепенел.

Так это не изображение! Это живое существо, и он, Конан, угодил прямехонько к нему в ловушку!

Сковавший его ужас был виной тому, что он не обрушил на эту тварь в тот же миг свой клинок. Человек цивилизованный в его положении начал бы искать сомнительного прибежища в мысли, будто повредился в уме. Однако Конан ни-

когда не набрел бы на такую идею — не доверять своему рассудку. Он знал, что ему предстал демон Древнего Мира, и это осознание наполняло его таким ужасом, что он только и мог стоять и неподвижно смотреть на это существо.

Хобот поднялся и пошарил вокруг себя. Топазовые глазки, не видя, уставились в пустоту. Как только Конан сообразил, что существо слепо, оцепенение отпустило его, и он принялся тихонько пятиться к двери. Однако существо со слоновьей головой явно обладало отличным слухом. Хобот вытянулся в сторону Конана. И вновь ужас сковал киммерийца. Но тут создание заговорило странно звенящим, лепечущим голосом, на ровной ноте, без единой интонации. Возможно, подумал варвар, причиной тому его пасть, не приспособленная для человеческой речи.

— Кто ты? Ты вновь пришел терзать меня, Яра? Неужто не будет предела твоей алчности? О Иаг-Коша, неужели нет конца моим мучениям?

Слезы покатились из слепых очей. Конан бросил взгляд на тело, простертое на мраморном ложе. И тут он разглядел, что ужасное существо совершенно не может встать, чтобы напасть на него. Он увидел шрамы, оставленные, должно быть, пыточными тисками и раскаленным железом. Каким бы черствым человеком ни был варвар, его потрясли эти чудовищные обрубки рук и ног, которые, как подсказывал ему инстинкт, когда-то были такими же совершенными, как его собственные молодые руки и ноги. И внезапно глубочайшее сострадание подавило и его ужас, и все его прежнее отвращение. Конан не знал, что это за создание, однако свидетельства страдания, которое тому пришлось вытерпеть, оказались столь чудовищны и впечатляющи, что у киммерийца — непостижимо для него самого — сжалось сердце. Он ощутил космическую трагедию и содрогнулся от стыда, точно на его плечи взвалили бремя вины целой расы.

— Не Яра я вовсе,— сказал он.— Я всего лишь вор. Я ничего не сделаю тебе.

— Подойди ко мне, дабы мог я прикоснуться к тебе,— запинаясь, попросило существо.

И Конан без всякого страха приблизился, позабыв о мече в своей руке. Чуткий хобот вновь простерся к нему и осторожно ощупал лицо и плечи киммерийца, как это делают слепцы, желая составить для себя картину, и прикосновение было нежным, точно у любящей женщины.

— Ты не демонской расы, как Яра,— пробормотало существо.— Чистая дикость пустынных земель слепила тебя. В былые века знавал я народ твой, но имя иное тогда он носил, нежели ныне, и из забытых древних времен воспоминание это, когда иным был лик мира и башни, исполненные роскоши, устремлялись в небо. Кровь на руках твоих.

— После сражения с пауком в клетушке наверху и со львом внизу, в саду,— отозвался варвар.

— Но в эту ночь убил ты и человека,— сказало существо с головой слона.— И чую смерть я на вершине башни. Я чую, ведомо мне.

— Да,— прошептал Конан.— Король воров погиб от укуса чудовищного паука!

— Так... так! — Странный нечеловеческий голос перешел к своеобразному, лишенному интонаций речитативу.— Смерть в харчевне, что ворам приют, смерть на крыше — чую я, ведомо мне. И третью смерть чародейство несет, о коем не грезилось Яре,— о чары избавления, о зеленые боги Иага!

И вновь покатились слезы из топазовых глаз, а изуродованное тело содрогнулось, раздираемое противоречивыми чувствами. Конан в растерянности уставился на существо.

Когда оно начало успокаиваться, нежные, невидящие глаза устремились на Конана. Хоботом оно сделало знак подойти ближе.

— Внемли мне, о человек! — сказало необыкновенное существо.— В глазах твоих я отвратителен, я чудовище. Можешь не возражать, то знаю я. Однако, быть может, и ты таковым показался бы мне, если бы мог я тебя увидеть. Есть множество миров на свете, и жизнь принимает многообразные формы. Не бог я и не демон. Я из плоти и крови, как и ты, пусть даже и частично иного рода, и уж наверняка моя плоть облекает иные формы, чем у тебя.

Я очень стар, о человек из диких земель. Много, бесконечно много лет назад явился я на эту планету вместе с другими собратьями моими из нашего мира, зеленой планеты Иаг, вечно ходящей по краю Вселенной. Могучие крылья, что несли нас по космосу быстрее, чем луч света, пронесли нас сквозь Вселенную. Мы вели войну против королей Иага, побеждены мы были, и изгнали нас. Никогда мы не сможем возвратиться в отечество наше, даже если и будет нам разрешено, ибо крылья наши погибли и отпали с наших плеч. Так влачили мы здесь существование, отдаленные от жизни, расцветшей на Земле, и приходилось сражаться нам с ужасными тварями, в ту пору они топтали лик Земли тяжелой поступью. Со временем столь страшились нас уже, что покой наш не нарушался в мрачных джунглях Востока, где мы нашли себе новое жилище.

И видели мы, как люди появились, поднявшись над стадией обезьян, и воздвигли прекрасные города Валузии, Камелии, Коммории и сестер их. И видели мы, как пали они под натиском диких атлантов, и пиктов, и лемурийцев. И видели мы, как вздулись моря и поглотили их воды Атлантиду и Лемурию, и острова Пиктов, и великолепные грады. И видели мы, как те с островов Пиктов и Атлантиды, кто пережил катастрофу, вновь основали царства, но уже в каменной эре, и как пали и они в кровавых войнах. И видели мы, как скатились пикты в бездну варварства и как атланты опустились еще ниже и возвратились к стадии обезьян. И видели мы, как новые дикари с ледяного севера волна за волною устремлялись на юг в захватнических походах, как основали они новые цивилизации и заложили новые царства — Немедию, Коф, Аквилонию и сестер их. И видели мы, как твой народ, некогда бывший атлантами, восстал под новым именем из тех обезьян, что влачили дни свои в джунглях. И видели мы, как выходцы из Лемурии, устоявшие перед катаклизмом, поднялись из примитивной стадии и, образовав народ гирканцев, двинулись на запад. И видели мы, как эта демонская раса, уцелевшие потомки древнейшей культуры тех еще времен, что были прежде погружения Атлантиды на дно морское,— как вновь устремились они к вершинам цивилизации и власти и основали проклятое королевство Замора.

Все видели мы, не помогая космическому бегу времен и событий и не препятствуя ему. Один за другим умирали мои друзья, ибо мы, пришельцы с Иага, не бессмертны, хоть длительность жизни нашей сравнима со сроком жизни планет и созвездий. В конце концов лишь я один еще оставался. Среди рухнувших храмов поросшего непроходимыми джунглями Кхитая грезил я о древних вре-

менах, и старая раса желтокожих чтила меня, как бога. И тогда пришел Яра, искушенный в темном знании, что было наследием тех времен, когда Атлантиду еще не поглотили воды,— сквозь годы варварства пронесли это знание, передавая из рук в руки.

Поначалу уселся он у ног моих и испросил мудрости. Но не удовольствовался он тем, чему я учил его, ибо то была Белая Магия, в то время как его интересовала Черная, дабы обратить королей в рабов и удовлетворить свое демонское честолюбие. Но не учил я его мрачным тайнам, что без моего желания стали ведомы мне за долгие эпохи моей жизни.

Но умнее он оказался, чем я предполагал. С помощью листа из рукописи, добытого в старом склепе темной Стигии, он вынудил меня открыть ему тайну, что иначе никогда не сошла бы с уст моих. Используя власть, добытую таким образом, он превратил меня в своего раба. Ах, боги Иага, сколь горьким стал мой жребий с того часа!

Из густых джунглей Кхитая, где серые обезьяны танцевали по свистку желтолицых жрецов, где на моем алтаре постоянно лежали подношения вином и фруктами, угнал он меня прочь. И не смог я больше быть богом для добросердечного народа джунглей — нет, с той поры я стал невольником демона в человеческом обличье.— И слезы вновь заструились из его слепых глаз.— Он запер меня в башне, которую я воздвиг по его приказу за одну ночь. Тисками и раскаленным железом пытал он меня и ослепил неземным мучением, коего тебе не понять. В муке своей давно бы я отнял у себя жизнь, если б только это было возможно. Но он заставляет меня жить — изувеченного, изуродованного, слепого, сломленного, дабы мог я исполнять ужасные его приказы. Три сотни лет вершу я отсюда все, что велит он мне, и черню душу мою космическими прегрешениями, и пятнаю мудрость свою чудовищными преступлениями, ибо нет у меня иного выбора. Но не все мои старые тайны сумел он вырвать у меня. Последняя моя дань будет чарами крови и камня.

Я чувствую, конец мой близок. Ты станешь десницей судьбы. Возьми, прошу тебя, драгоценный камень, что видишь здесь на алтаре!

Конан повернулся к алтарю из золота и слоновой кости, на который указывало существо с головой слона, и поднял огромный драгоценный камень, прозрачный, словно кроваво-красный хрусталь. Это, должно быть, и было легендарное Сердце Слона.

— Теперь приступим к чарам, самым могущественным чарам, подобных коим не переживала еще прежде земля никогда и не переживет и впредь за миллионы и миллионы тысячелетий. Кровью жизни моей заклинаю я, кровью с зеленой груди Иога... Возьми же меч свой, о человек, и вырежи сердце мое. И сожми его так сильно, чтобы кровь потекла на красный камень. А затем идти тебе вниз по ступеням сим в покой эбенового дерева, где Яра предается греховным мечтаниям желтого лотоса. Позови его по имени, и проснется он. И положи камень пред ним и скажи: «Иаг-Коша посылает тебе последний дар свой и последнее свое чародейство». После ты должен тотчас удалиться из башни. Не страшись, ничто не преградит тебе пути. Жизнь человека — не совсем то, что жизнь тех, кто с Иага, и смерть, какой знают ее люди,— не то, что смерть того, кто с Иага. Освободи же меня из этой клетки искалеченного, слепого мяса, и вновь ста-

ну я Иогой с Иага, увенчанный утром, сияющий, и будут у меня крылья, чтобы летать, и ноги, чтобы плясать, и глаза, чтобы глядеть, и руки, чтобы брать!

В нерешительности приблизился Конан к чуждому существу, и Иаг-Коша, или Иога, который, несомненно, ощутил его колебания, показал ему, куда он должен нанести удар. Конан закусил губы и глубоко вонзил меч в грудь чужеземца.

Кровь хлынула на меч и руки. Иога еще раз содрогнулся, а затем остался лежать неподвижно. Удостоверившись в том, что жизнь покинула странное тело, Конан принялся за свою кровавую работу и вынул на свет божий сердце Иоги, хотя оно ни в коей мере не походило на человеческое. Он занес еще пульсирующий орган над сверкающим камнем и сжал его обеими руками, пока кровавый дождь не полился на драгоценность. К удивлению Конана, кровь не стекала вниз, а впитывалась в камень, словно в губку.

Осторожно взял Конан камень в руку и покинул необыкновенный покой. Он не оглядывался назад, ступая на серебряную лестницу, инстинктивно чувствуя, что изменения, происходящие с фигурой на мраморном ложе, не предназначены для взора глаз человеческих.

Он закрыл за собой дверь из слоновой кости и, не мешкая, сбежал вниз по ступенькам. Ни мгновения он не думал о том, не пренебречь ли ему указаниями. У двери из эбенового дерева, центр которой украшал — или уродовал — серебряный череп, он остановился и толкнул ее. Он заглянул внутрь, в покой, отделанный черным деревом и гагатом, и увидел, что на черном шелковом диване лежит рослый, тощий человек. Глаза Яры, жреца и чародея, были раскрыты и затуманены курениями желтого лотоса. В бесконечные дали, в бездонные пропасти, в непостижимые для любого человеческого существа чертоги, казалось, глядел он.

— Яра! — крикнул Конан, точно судья, возглашающий приговор.— Проснись!

И тут же глаза прояснились, холодными и жестокими были они, как у грифа. Высокая, закутанная в шелка фигура поднялась и мрачно посмотрела на киммерийца.

— Собака! — зашипел он, как кобра.— Чего ты здесь ищешь?

— Тот, кто посылает тебе этот камень, просил меня направить к тебе такие слова: «Иаг-Коша шлет тебе свой последний дар и последнее свое чародейство».

Яра отшатнулся. Его смуглое лицо посерело, как зола. Драгоценный камень не был больше кристально прозрачным. Его темная глубина пульсировала, и странные дымные волны, меняя цвет, клубились над его гладкой поверхностью. Точно притягиваемый неимоверной силой, склонился Яра над столом, взял камень обеими руками и вгляделся в его затуманенную глубину, словно камень был магнитом, вытягивающим его дрожащую душу из тела. Конан разглядывал его и поначалу не верил своим глазам. Ибо, когда Яра поднялся с дивана, он предстал человеком огромного роста, но теперь варвар увидел — голова Яры едва достигала ему до плеча. Конан заморгал, недоумевая, и впервые за эту ночь усомнился в своем рассудке. Но затем вместе с шоком пришло осознание: жрец съеживается и становится все меньше прямо на глазах.

С ощущением нереальности воззрился Конан на происходящее. Он сомневался в себе самом, хотя ему было в высшей степени ясно, что он стал свидете-

лем драмы могущественных космических сил, которых не мог представить себе ни один смертный.

Теперь Яра был не больше ребенка, затем он, как младенец, лег на стол, но все еще обхватывал руками камень. И внезапно чародей осознал свою участь. Он вскочил, выпустил камень, однако продолжал уменьшаться, и Конан видел, как крошечная фигурка дико мечется по плите стола из черного дерева. Она жестикулировала маленькими ручками и вопила голоском, идущим в сравнение разве что с комариным писком.

Теперь он съежился так сильно, что крупный драгоценный камень казался рядом с ним горой. Конан заметил, что миниатюрное существо прикладывает ладошки к глазам, словно желая защититься от ослепительного света, и, шатаясь, пытается укрыться в безопасном месте. Конан ощущал, как чужеродная магнетическая сила притягивает Яру к камню. Трижды обегал он камень по спирали, и всё больше сужалась спираль. Трижды пытался он повернуться и бежать прочь по столу, но затем с криком, прозвучавшим для наблюдателя лишь слабым писком, жрец выбросил руки вверх и помчался прямо к огненному шару.

Конан ниже склонился над ним и увидел, как Яра карабкается вверх по гладкой изогнутой поверхности — в нормальных условиях это было бы невозможным делом, ибо кому из людей удалось бы взобраться на круглую хрустальную гору? И вот жрец стоит наверху. Он уронил руки и отчаянно прокричал, а что прокричал — слышали только боги. И внезапно он провалился прямо в сердце камня, как человек, тонущий в пучине моря, и Конан видел, как дымные волны сомкнулись над его головой. И драгоценный камень вновь стал хрустально-прозрачным, и Конан стал свидетелем спектакля, разыгравшегося внутри кроваво-красного каменного сердца, хотя все выглядело таким крошечным, словно киммериец смотрел из дальней дали. Зеленая светящаяся фигура с могучими крыльями, с телом человека и головой слона — больше не искалеченная и не ослепленная — показалась в этом сердце. Яра воздел руки и побежал так быстро, как только мог. Но мститель преследовал его. А потом большой драгоценный камень взорвался радужными струями, как мыльный пузырь, и теперь эбеновая плита стала пуста, так же пуста (в этом Конан был каким-то образом уверен), как мраморное ложе в покоях наверху, где варвар оставил труп странного космического существа, называвшего себя Иаг-Коша, или Иога.

Киммериец повернулся и побежал из комнаты вниз по серебряной лестнице. Он был так растерян, что даже не подумал покинуть башню тем же путем, каким попал в нее. И он, торопясь, мчался по ступенькам винтовой лестницы и пришел в покой, расположенный у подножия башни. Там он резко остановился — ведь это караулка, полная воинов. Он увидел сверкание их серебряных лат, мерцание рукоятей мечей, украшенных драгоценными камнями. Они сидели, сгорбившись, за столом, где находились еще остатки трапезы, и темные перья султанов на их шлемах трепетали. Они лежали среди игральных костей и выскользнувших из рук кубков на запятнанном вином полу из ляпис-лазури. Все они были мертвы. Иога сдержал обещание. Чародейство то было, упавшая ли тень могучих зеленых крыльев положила конец пиршеству воинов — этого Конан не мог сказать. Но ничто не преграждало ему дороги. Серебряная дверь оказалась открыта для него, и сквозь проем уже мерцало утро.

Конан вышел в сад. Утренний ветерок принес ему терпкий запах свежей зелени, и он очнулся, словно после сна. Он неуверенно повернулся к таинственной башне, которую только что оставил. Был ли он, Конан, заколдован, или рассудок сыграл с ним злую шутку? Не приснилось ли ему все то, что он, как ему казалось, испытал этой ночью? Пока он задумчиво созерцал башню, она начала шататься. Усыпанная драгоценностями балюстрада еще раз сверкнула в свете юного дня, прежде чем все строение рассыпалось на сверкающие осколки.

АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ

I

Он в плен угодил на равнине Шаму,
И лапы цепями сковали ему.
Злорадствовал враг, не скрывал торжества:
Ура! Наконец-то поймали мы льва!
На волю не вырвется зверь-исполин,
Гроза деревень, разоритель долин.

Из старинной баллады

Шум сражения затихал, победные крики заглушали звон оружия и стоны умирающих. Равнина была покрыта мертвыми телами, словно сухими листьями, сорванными осенним ветром. Лучи заходящего солнца падали на темные шлемы, кольчуги, панцири, сломанные мечи, тяжелые складки знамен, насквозь пропитанных кровью. Рядом с всадниками, облаченными в сталь, лежали лошади в попонах; и гривы, и плюмажи окрасились в багровый цвет. Там и тут изуродованные трупы в измятых стальных шлемах и рваных кожаных куртках — лучники и копейщики, раздавленные копытами.

Над равниной разносились звуки фанфар, отряды победителей со всех сторон стекались туда, где последний из их соперников продолжал безнадежную битву. В тот день были растоптаны, разрублены на куски лучшие рыцари Конана, короля Аквилонии. С пятью тысячами всадников он пересек юго-восточную границу Аквилонии, направляясь к зеленым равнинам Офира на помощь своему старому другу, королю Амальрусу. Но тот, предав их дружбу, объединил свое войско с армией Страбонуса, владыки Кофа.

© Перевод Г. Корчагина.

Конан слишком поздно догадался, что попал в ловушку. Против пяти тысяч его рыцарей выступили тридцать тысяч неприятельских копейщиков и конных лучников. Конан ринулся в бой во главе своей тяжелой конницы; не имея поддержки ни лучников, ни пехоты, он прорвал вражеский строй в центре и обратил в бегство знаменитую стальную кавалерию Амальруса, но фланги громадного объединенного войска сомкнулись, и рыцари Аквилонии оказались в кольце. Лучники Страбонуса сеяли смерть, их стрелы находили щели в доспехах всадников или валили лошадей, и копья воинов короля Кофа пронзали наездников, сброшенных на землю. К копейщикам в центре примкнули всадники с фланга. Офирские рыцари, успев оправиться от замешательства, перестроили ряды и, усиленные на флангах легкой конницей, нанесли контрудар. Враг подавлял численностью.

Аквилонцы не отступили ни на шаг, и ни одному из пяти тысяч рыцарей, отправившихся с Конаном на юг, не суждено было вернуться живым. И вот король остался один среди трупов своих подданных. Он стоял перед тесными рядами врагов, прижимаясь спиной к груде мертвых коней и воинов. Со всех сторон его атаковали офирские рыцари в золоченых доспехах, коренастые чернобородые шемиты Страбонуса и смуглые пешие латники Кофа. Звон мечей был оглушителен.

Темный силуэт облаченного в доспехи из вороненой стали короля Аквилонии, рубившего мечом направо и налево, возвышался среди вражеской орды. Повсюду бродили осиротевшие лошади, вокруг Конана грудами лежали трупы. Он защищался яростно, отчаянно и заставил врагов попятиться.

Тогда в ряды вопящих от страха и злобы воинов ворвались короли-победители: Страбонус со смуглым лицом и хитрым взглядом; стройный, худощавый франт — предатель Амальрус, а с ними тощий, страшный, как кобра, Тзота-Ланти, облаченный только в шелка,— кофийский жрец со сверкающими черными глазами и головой стервятника. По свету ходило великое множество слухов об этом некроманте. В северных и западных деревнях светловолосые женщины пугали его именем детей, а строптивые рабы смирялись при одной угрозе, что их продадут ему. Поговаривали, что у него целая библиотека магических книг в переплетах из человеческой кожи и что в просторных подвалах своего дворца он заключает сделки с темными силами, обменивая молодых рабынь на сатанинские тайны. Именно он был истинным властелином Кофа.

Колдун надменно усмехался, глядя, как рыцари натягивают поводья и пятятся от черного силуэта, возвышающегося среди мертвецов. Грозный блеск голубых глаз под измятым шлемом заставлял бледнеть и пятиться самых отважных. Смуглое, покрытое шрамами лицо киммерийца побагровело от ярости. Черная броня на Конане вся изрублена, длинный меч — в крови по самую рукоять. Налет цивилизованности, приобретенный Конаном в многолетних странствиях, бесследно исчез, он снова превратился в неукротимого варвара, готового сразиться с любыми врагами. Конан был выходцем из племени суровых горцев, испокон веков населявших сумрачные, туманные земли Киммерии. О том, как он взошел на трон Аквилонии, ходили легенды.

Короли не решались приблизиться к нему. Под ударами киммерийца капитаны падали, словно скошенные колосья, и Страбонус, ценивший своих ры-

царей на вес золота, исходил пеной от ярости. Не выдержав, он велел лучникам-шемитам издали расстрелять врага, но Тзота отрицательно покачал головой.

— Надо взять его живым.

— Легко сказать! — проворчал Страбонус, опасаясь, как бы гигант в черной броне не прорубился к нему сквозь ощетиненный копьями строй.— Кому под силу скрутить этого тигра-людоеда? Клянусь богиней Иштар, он перебил моих лучших бойцов! Семь лет ушло на их обучение, и стоило оно кучу золота. Теперь же они годятся только грифам на корм. Стреляйте, лучники!

— А я говорю — нет! — возразил Тзота.

Он спрыгнул с коня и поинтересовался с ледяной улыбкой:

— Разве ты не уяснил еще, что мой ум острее меча?

Он прошел сквозь ряды воинов,— великаны в кольчугах расступались, боясь коснуться его длинной мантии. Всадники тоже спешили посторониться. Перешагивая через трупы, Тзота приблизился к королю Аквилонии. Воины затаили дыхание, над полем сражения повисла тишина. Грозно приподняв окровавленный двуручный меч, киммериец в черной броне возвышался над хрупким жрецом в шелковых одеждах.

— Конан, я дарю тебе жизнь,— произнес Тзота с ядовитой усмешкой.

— Колдун, я дарю тебе смерть! — прохрипел киммериец.

Он напряг стальные мышцы, и длинный меч метнулся к тощей шее Тзоты. Воины вскрикнули в один голос, но ответный жест колдуна не заставил себя ждать: Тзота молниеносно коснулся того места на левом предплечье Конана, где кольчуга была разрублена и виднелась кожа. Свистящая сталь отклонилась, и гигант в черном замертво рухнул на землю. Тзота затрясся в беззвучном смехе.

— Подойдите к нему, не бойтесь. Лев лишился клыков.

Короли пришпорили коней и подъехали ближе, с опаской разглядывая поверженного дикаря. Конан лежал без движения, но в широко раскрытых глазах таилась бессильная ярость.

— Что ты с ним сделал? — со страхом спросил Амальрус.

Тзота показал кольцо необычной формы. Он резко сжал пальцы в кулак, и из перстня выскочило крошечное стальное острие.

— Шип смазан соком пурпурного лотоса с болот Южной Стигии, где живут призраки,— пояснил маг.— Скоро Конан придет в себя, а пока закуйте его в цепи и положите в повозку. Солнце заходит, нам пора возвращаться в Хорш.

Страбонус повернулся к командиру своей гвардии Арбанусу:

— Мы возьмем небольшой отряд кавалерии и повезем в Хорш раненых. А ты на заре отправляйся со своими людьми в Аквилонию и осади Шамар. Офирцы снабдят вас провиантом. Мы придем с подкреплением, как только уладим свои дела.

Армия закованных в латы рыцарей, лучников, копейщиков и обозников разбила лагерь на лугах недалеко от поля битвы. Той же звездной ночью два короля вместе с колдуном, чьему могуществу они завидовали, отправились в путь к столице Страбонуса. Они ехали, окруженные пышной королевской гвардией. Позади следовал обоз с ранеными. В одной из повозок лежал Конан, король Аквилонии, в тяжелых цепях на теле и с горечью поражения в сердце.

Яд, отнявший у него силу, не парализовал мозга. Трясясь на дне повозки, Конан проклинал себя за доверчивость. Два дня тому назад к нему прискакал гонец Амальруса с мольбой о помощи — Страбонус, мол, опустошает его восточные земли между Аквилонией и обширным южным королевством Коф. Он просил лишь тысячу всадников, но обязательно под началом самого Конана, дабы укрепить боевой дух офирского войска. И теперь Конан вполголоса бранил себя за то, что привел впятеро больше воинов, чем просил предатель. Киммериец вступил в Офир, ни о чем не подозревая, и угодил в западню. Можно только восхититься мужеством его рыцарей, ведь потребовались две громадные армии, шестикратное численное превосходство, чтобы одолеть пять тысяч храбрецов.

Глаза Конана заволокло красным туманом, вены чуть не лопались от напора крови, в висках стучало. Никогда в жизни не испытывал он такой ярости и бессилия. В памяти мелькали события прошлого, мимолетные сцены, где он был то варваром в звериных шкурах, то наемником в рогатом шлеме и панцире. Побывал и корсаром на борту галеры с драконьим носом, оставляющей за кормой полосу крови вдоль всего южного побережья, и даже закованным в латы капитаном гвардии на черном жеребце. Оказался и королем на золотом троне под знаменем с изображением льва, в окружении вельмож и благородных дам в роскошных платьях.

Но толчки повозки постоянно возвращали его в действительность, к предательству Амальруса и подлой уловке Тзоты. Вспоминая, он скрипел зубами, и только стоны и крики раненых, доносящиеся из других повозок, мало-мальски утешали его.

К полуночи обоз пересек границу Офира, а в лучах восходящего солнца у горизонта засверкали купола Хорша. Над стройными башнями возвышалась угрюмая алая цитадель, издали она казалась кровавым пятном на небе — замок Тзота-Ланти. Единственная узкая дорога, вымощенная мрамором и перегороженная в нескольких местах массивными стальными воротами, вела на вершину горы, где нависала над городом крепость. Склоны горы были слишком круты для восхождения.

С высоких стен цитадели открывался вид на широкие улицы города, мощенные белым камнем, на храмы и капища, на роскошные дворцы и убогие хижины, на лавки и базары. Королевский дворец приковывал взгляд; он сиял, как драгоценный камень в оправе из великолепных садов, где росли плодовые деревья и прекрасные цветы, где журчали рукотворные ручьи и били фонтаны хрустально-прозрачной воды.

И над всей этой красотой угрюмая цитадель казалась кондором, высматривающим добычу.

Высокие тяжелые ворота между огромными сторожевыми башнями распахнулись, и король вступил в свою столицу, сопровождаемый двумя рядами копейщиков. Пятьдесят труб приветствовали его, но немногие люди вышли на улицы бросать цветы под копыта лошадей. Страбонус скакал впереди. Горожане, с неохотой оставившие свои дела, глазели с разинутыми ртами на короля, вернувшегося раньше времени и с такой малочисленной свитой, и не могли взять в толк, победу это означает или поражение.

Конан, немного пришедший в себя, вытянул шею и приподнялся в повозке, чтобы взглянуть на чудесный город — «жемчужину Юга». К этим золоченым воротам он собирался подъехать во главе отряда конных рыцарей, под штандартом с изображением льва. Вместо этого его привезли сюда в повозке, скованного по рукам и ногам, словно беглого раба. Конан не удержался от смеха, похожего на рычание затравленного льва.

II

Блеск фальшивый придворной лжи, басни льстивых жрецов...
Я за корону кровью платил, вы взяли наследье отцов.
Потом и кровью добытый трон — Кром! — не верну назад,
Пускай мне долины злата сулят, грозятся низвергнуть в Ад!

Дорога Королей. Перевод В. Русанова

В стенах цитадели, в зале с высоким сводчатым потолком из резного агата и дверьми, инкрустированными темными драгоценными камнями, состоялась необычная встреча. Израненный, истекающий кровью король Аквилонии стоял перед своими недругами. По обе стороны от него выстроилось шестеро чернокожих гигантов, они сжимали рукояти топоров в могучих руках. Тзота, Страбонус и Амальрус, разодетые в золото и шелка, возлежали на бархатных диванах, а обнаженные мальчишки-рабы подливали вино в их сапфировые чаши. Конан, грязный, в одной лишь набедренной повязке, скованный по рукам и ногам, резко контрастировал с окружающей роскошью. Под прядями спутанных черных волос яростно сверкали голубые глаза.

Но держался он с таким достоинством, что даже спесивые короли испытывали неловкость. Только Тзота, довольный, ухмылялся.

— Да сбудутся наши желания, король Аквилонии,— заявил он.— И чем скорее, тем лучше. А желаем мы расширить империю Коф.

— За счет моего королевства, да, мразь? — проворчал Конан.

— А кто ты такой? Пройдоха, завладевший короной, на которую у тебя не больше прав, чем у любого бродяги,— процедил сквозь зубы Амальрус.— Не горюй, мы тебе за нее заплатим.

Конан оглушительно расхохотался.

— Цена позора и измены! Пусть я всего лишь варвар, но неужели ты думаешь, будто я отдам королевство и свой народ в обмен на жизнь и ваше проклятое золото? Ха! А где вы подобрали свои короны, ты и эта свинья с черным рылом, которая сидит с тобою рядом? То, что вы унаследовали от отцов, не шевельнув пальцем — правда, отравив нескольких братьев,— мне досталось в сражениях. Да вы посмотрите на себя! Разлеглись на шелках и пьянствуете, а простой люд гнет на вас спины! И еще смеете говорить о праве на корону! Я прошел путь от бойца до короля, не жалея ни своей, ни чужой крови, и если кто-то из нас имеет право на корону, то, клянусь Кромом, это я! Докажите, что вы достойней меня! Когда я пришел в Аквилонию, ею правили мерзавцы вроде вас. Бароны раздирали страну на части, народ стонал под бременем налогов. А нынче ни один аристократ Аквилонии не смеет плохо обращаться с моими подданными, и налоги с народа — самые легкие в мире. Ответь мне на это, Страбонус! А ты, Амальрус? Твой родной брат ненавидит тебя, он отхватил кусок королевства на юге и вовсе не желает его отдавать. А сколько замков мятежных баронов осаждают сейчас твои, Страбонус, воины? Уж никак не меньше десятка. В ваших королевствах народ задавлен поборами, а теперь вы и моих подданных хотите ограбить? Ха! Развяжите мне руки, и я размажу по полу ваши мозги!

Тзота холодно улыбнулся, заметив, как разозлились Амальрус и Страбонус:

— Ты уводишь разговор в сторону, варвар. Наши дела тебя нисколько не касаются. Мы хотим от тебя только одного — чтобы ты подписал этот пергамент, отречение в пользу принца Арпелло де Пеллиа. Мы вернем тебе оружие и коня, дадим пять тысяч лунов золотом, а затем проводим до восточной границы.

Ответный смех Конана больше походил на лай дикой собаки.

— То есть отправите туда, откуда я пришел наняться в армию Аквилонии, и украсите клеймом предателя? Арпелло, говорите? У меня были подозрения насчет этого мясника. Вы не можете открыто грабить, вам нужен предлог, пусть самый ничтожный. Арпелло уверяет, будто он — особа королевской крови, вот вы и пользуетесь им, чтобы оправдать воровство! Хотите поставить у власти сатрапа? На мое согласие не рассчитывайте.

— Дурак! — рявкнул Амальрус.— Ты в наших руках! Мы тебя не то что короны — головы можем лишить, когда захотим.

Ответ Конана не был по-королевски благородным, зато ярко характеризовал его как личность. Варварская природа зачастую брала в нем верх над хорошими манерами. Конан плюнул прямо в глаза Амальрусу.

Король Офира с ревом вскочил, выхватил меч из ножен и бросился на Конана, но тут вмешался Тзота.

— Погоди, государь! Этот человек — мой пленник!

— Прочь, колдун! — прорычал Амальрус, разъяренный насмешливым блеском голубых глаз Конана.

— Назад, я сказал! — рявкнул Тзота.

Его тощая рука вынырнула из обшлага и бросила горсть бесцветного порошка в искаженное злобой лицо короля Офира. Амальрус взвыл от боли, выронил меч и упал на диван под равнодушными взглядами кушских стражников.

Страбонус поспешил припасть к чаше с вином. Руки его заметно дрожали. Вскоре серые глаза Амальруса прояснились.

— Я чуть не ослеп,— проворчал он.— Что ты со мной сделал, колдун?

— Всего лишь дал понять, кто здесь хозяин,— сухо ответил Тзота, сбрасывая маску услужливости и обнажая демоническую сущность.— Страбонус уже получил однажды такой же урок, теперь — ты. Я бросил тебе в глаза немного пыли из стигийской гробницы. Если сделаю это еще раз, ты до конца дней своих не увидишь света.

Амальрус пожал плечами, улыбнулся и взял чашу, топить в вине страх и гнев. Опытный дипломат, он быстро обрел уверенность в себе, по крайней мере внешнюю.

Тзота повернулся к Конану, который бесстрастно следил за происходящим. По знаку колдуна негры схватили киммерийца и потащили по длинному извилистому коридору, вымощенному разноцветными плитками. Стены коридора были обиты золотистой и серебристой материей, со сводчатого потолка свисали золотые курительницы, наполняя галерею душистым дымом. Затем люди свернули в коридор со стенами из нефрита и агата — узкий, темный и жуткий. Он упирался в бронзовую дверь, над которой угрожающе скалился череп. У двери стояло отвратительное жирное существо со связкой ключей в руках — Шукели, главный евнух Тзоты, о котором говорили, что любовь к чужим страданиям заменяет ему все нормальные человеческие чувства.

За бронзовой дверью находилась узкая лестница, уводившая в самое сердце горы, на которой стояла цитадель. Маленькая процессия спустилась по ступенькам и остановилась возле железной двери, способной выдержать удар тарана. Шукели провернул ключ в замочной скважине, отворил дверь и шагнул в сторону, уступая путь. При этом Конан заметил на лицах чернокожих стражников беспокойство, да и сам евнух с опаской заглядывал в темноту. За дверью оказалась решетка из толстых стальных брусьев, запертая на хитроумный замок, отпиравшийся только снаружи. Шукели повозился с замком, и решетка ушла в стену. Переступив порог, все оказались в широком коридоре, прорубленном в скале.

Цепь Конана продели в кольцо, вмурованное в гранитную стену. В нише над головой укрепили факел так, чтобы пленник находился в полукруге рассеянного света. Сделав это, негры поспешили уйти, что-то бормоча себе под нос и боязливо вглядываясь в темноту.

Тзота повернулся к Конану, и король не без тревоги заметил, что глаза колдуна светятся, а зубы скалятся по-волчьи.

— Прощай, варвар,— с издевательской улыбкой произнес Тзота.— Я тороплюсь в Шамар, хочу принять участие в осаде. Через десять дней я буду пировать

в твоем дворце, в Тарантии. Что передать твоим женщинам, прежде чем с них сдерут красивую кожу, в которую я переплету хронику побед Тзота-Ланти?

Конан ответил страшным киммерийским ругательством, от его рева могли лопнуть барабанные перепонки у обычного человека, но Тзота лишь усмехнулся и вышел. Конан видел его силуэт за толстыми брусьями, когда евнух задвигал решетку. Затем лязгнула тяжелая железная дверь, и в подземелье воцарилась тишина.

III

Дорогой нехоженой шествовал лев.
В клокочущей мгле разверзали свой зев
Чудовища, коим названия несть,
Свирепые твари, которых не счесть.
Опасен, бесстрашен, силен и жесток,
Он крался и крался сквозь адский чертог.

Из старинной баллады

Конан ощупал кольцо в стене и натянул цепь. Руки были свободны, но он сознавал, что даже его исключительной силы недостаточно, чтобы разорвать хотя бы одно звено, сработанное из стального прута толщиной в палец. Цепь крепилась к железному обручу вокруг пояса. Замок, стягивающий обруч, был чересчур массивным, не разобьешь и молотом, а кольцо не уступало ему в прочности.

Киммериец выругался и всмотрелся во мрак. Черная глубь коридора таила в себе нечто зловещее. Все суеверные страхи, дремавшие в душе варвара, проснулись. Воображение населяло мглистые галереи чудовищами. Разум подска-

зывал Конану, что враги обрекли его на медленную смерть в каменном мешке. О том, что он отказался от предложения победителей, Конан не сожалел. Он не продал бы своих подданных мяснику ни за какие сокровища, хотя в борьбе за аквилонский трон думал лишь о собственной выгоде. Случается, и нередко, что даже у отъявленного грабителя просыпается чувство долга.

Конан вспомнил отвратительную угрозу Тзоты и застонал от бессильной ярости, понимая, что колдун не из тех, кто бросает слова на ветер. Нежные руки, ласкавшие Конана, алые губы, прикипавшие к его губам, юные груди, дрожавшие под страстными поцелуями... И со всех этих бедняжек сдерут кожу, белую, как слоновая кость, нежную, как цветочные лепестки?!

Из горла Конана вырвался звериный рык. Дрожащее эхо прокатилось по галерее и напомнило пленнику о его собственном положении. Конан опасливо вгляделся во мрак, вспоминая ужасные рассказы о жестокости некроманта Тзоты. С дрожью подумал он, что попал в знаменитые Залы Ужаса, о которых говорили только шепотом. Именно здесь Тзота ставил гнусные опыты над людьми, животными и, по слухам, даже над демонами. Говорили, будто Ринальдо, сумасшедший поэт, побывал в этих каменных мешках по приглашению Тзоты, и тот демонстрировал ему ужасы, описанные впоследствии в «Песнях подземелья». Это отнюдь не было вымыслом больного мозга, разлетевшегося, кстати, под ударом топора в тот день, когда Конан защищался от убийц, проведенных во дворец безумным стихотворцем. Вспоминая строфы зловещей поэмы, Конан обливался холодным потом.

Внезапно киммериец уловил слабый шелест и насторожился, весь обратившись в слух. Он не мог ошибиться: по камням скользила чешуйчатая кожа. На лбу Конана выступил холодный пот, когда в сумраке за полукругом света блеснули желтые глаза, а затем он увидел страшную треугольную голову, которая покачивалась на вытянутой шее, а на полу — скользкое извивающееся туловище огромного гада.

Такую змею Конан лицезрел впервые в жизни, подобное чудище даже в дурном сне не привидится. В длину рептилия достигала восьмидесяти футов, голова ее размерами не уступала лошадиной. В сиянии факела поблескивала белоснежная чешуя. Змея, несомненно, родилась и выросла в подземелье, однако ее злобные глаза видели на свету не хуже, чем в темноте. Она свилась в несколько огромных колец и приблизила голову к лицу Конана. Раздвоенный язык, выныривая из пасти, почти касался его губ. От гнусного запаха рептилии варвара затошнило. Огромные желтые глаза жгли Конана, он завороженно смотрел в них, борясь с искушением сомкнуть на шее твари железные пальцы. Однажды, в бытность свою корсаром, Конану ценой неимоверных, нечеловеческих усилий удалось раздавить череп питона. Но эта змея, в отличие от питона, была ядовитой: с громадных, длиной в фут клыков, кривых, как сабли, капала бесцветная жидкость. Возможно, Конан и сумел бы сокрушить треугольный череп (страх удвоил его силы), но риск, что чудовище успеет вонзить в него зубы, был слишком велик. Рассудок подсказывал, что он лишь отдаляет неминуемую гибель, но инстинкт самосохранения оказался сильнее, он превратил мускулы киммерийца в камень.

Змея подняла над Конаном чудовищную голову и замерла, рассматривая факел. Капля яда упала на голое бедро пленника — словно к нему приложили раскаленное железо. Нестерпимая боль пронзила тело, однако он не выдал себя ни дрожью мускулов, ни трепетом ресниц. Он только подумал, что рубец от раны останется навсегда.

Змея покачивалась, будто пыталась понять, жив Конан или нет. И вдруг глухо лязгнула железная дверь. Змея с невероятной быстротой исчезла во тьме.

Дверь распахнулась, решетка въехала в стену. На пороге, в сиянии факелов, горевших в коридоре, появился человеческий силуэт. Пришелец скользнул в камеру и осторожно задвинул решетку, но так, чтобы не сработал запор. Бесшумно ступая по каменному полу, к Конану приблизился огромный негр с длинным мечом в одной руке и связкой ключей в другой. Негр обратился к нему на языке жителей побережья, которому Конан научился, когда пиратствовал у берегов Куша.

— Много лет я мечтал встретиться с тобой, Амра,— произнес негр.

Он назвал Конана именем, под которым его знали кушиты: Амра-Лев. Кривая улыбка осветила черное лицо, глаза недобро вспыхнули в полумраке.

— Я рискнул головой, чтобы увидеть тебя. Посмотри, вот ключи от твоих оков! Я украл их у Шукели. Сколько ты за них заплатишь?

Он побренчал ключами под носом у Конана.

— Десять тысяч лунов золотом! — выпалил Конан.

— Мало! — вскричал негр.— Слишком мало. Здесь бродят чудовища, а Шукели, если обнаружит пропажу ключей, прикажет меня повесить. Ну, так сколько ты дашь?

— Пятнадцать тысяч лунов и дворец в Пуатене,— сказал Конан.

Негр зарычал и затопал ногами.

— Мало! — закричал он ликующе.— Я хочу больше! Не жадничай, Амра!

— Ах ты, черная собака! — взвыл Конан, рассвирепев.— Кабы не оковы, я бы тебе шею сломал. Уж не послан ли ты евнухом, чтобы поиздеваться надо мной?

— Шукели ни о чем не подозревает, белый человек,— ответил негр, вытягивая шею, чтобы заглянуть Конану в глаза.— Я давно тебя знаю, я был вождем свободного племени, а потом стигийцы увезли меня на север и продали в рабство. Ты позабыл, как вместе с морскими волками разграбил и сжег Абомби? Забыл, как перед дворцом короля Аджаги убил одного вождя, а другой убежал? Ты убил моего брата, а убежал я. Ну, назови же цену его крови, Амра!

— Освободи меня, и получишь столько золота, сколько весишь,— проворчал Конан.

Налитые кровью глаза негра злобно сверкнули, соперничая с волчьим оскалом:

— Ты такой же, как все белые собаки, но для черного человека золото никогда не станет ценой крови. Плата, которую я возьму... это твоя голова!

Последнее слово он проревел во всю силу легких, и оно отозвалось в бесконечных коридорах мрачным эхом. Конан застыл, натянув цепь, ожидая неминуемой смерти. И вдруг обмер от страха: в темноте за спиной негра появился ритмично покачивающийся смутный силуэт.

— Тзота никогда ни о чем не узнает! — захохотал чернокожий. Опьяненный злобной радостью, он не подозревал о нависшей над ним смерти.— Он не

скоро спустится в подземелье, а к тому времени демоны растащат твои кости, Амра. А я унесу твою голову!

Стоя на широко расставленных ногах, он обеими руками поднял меч. Под черной кожей, тускло блестящей в свете факела, вспухли огромные мускулы. В ту же секунду гигантская тень выпрямилась и бросилась на него...

Звук удара клинообразной головы о человеческое тело раскатился по подземелью. Толстогубый рот негра округлился от невыносимой боли, но не выронил ни звука. Конан неотрывно смотрел в огромные глаза кушита — в них, как задутое пламя свечи, гасла жизнь. Следующий удар отбросил черного великана на стену. Извивающееся чудовище скользнуло следом, обвило его несколько раз, и Конан услышал страшный хруст костей. Меч и ключи выпали из рук негра и, звякнув об пол, отскочили почти к самым ногам киммерийца.

Он попытался наклониться, но цепь не пустила. Сердце бешено стучало в груди, запирало дыхание. Конан сбросил с ноги сандалию и подцепил ключи пальцами. Он едва не закричал от радости, когда ключи оказались в руке.

Еще немного возни с замком, и оковы упали на пол. Конан подобрал меч, взглянул на змею, тащившую прочь бесформенное, ничем уже не напоминающее человеческое, тело. Киммериец повернулся к открытой двери. До порога несколько шагов... Внезапно под сводами раскатился ехидный смех. Решетка гулко ударилась в стену, лязгнул замок. Между брусьями появилась страшная ухмыляющаяся морда... Евнух Шукели хватился своих ключей. Обрадованный тем, что успел преградить Конану путь к свободе, он не заметил меча в его руке. Пленник с громким криком прыгнул к нему, широкое лезвие коброй метнулось между брусьями, и смех Шукели превратился в хрип. Евнух сложился пополам и упал, держась жирными ладонями за распоротый живот.

Конан удовлетворенно крякнул: поделом мерзавцу. Однако сам он все еще оставался пленником. Ключи были бесполезны: замок отпирался только снаружи. Он ощупал толстые брусья. Может, попробовать мечом? Он не рискнул лишиться единственного оружия. Изучая решетку, он нащупал вмятины, похожие на следы невероятных клыков, и с дрожью подумал о том, какие же неведомые чудовища так упорно атаковали эту преграду.

Оставалось искать другой выход. Взяв из ниши факел и сжимая в другой руке меч, Конан углубился в галерею. Змея и ее жертва исчезли, только по полу тянулся кровавый след.

Безмолвная тьма, пронзенная мигающим светом факела, сомкнулась вокруг него. В стенах туннеля виднелись проемы боковых ходов. Боясь угодить в ловушку, Конан смотрел под ноги и никуда не сворачивал, пока не уловил жалобное всхлипывание, похожее на плач женщины. Чего-чего, а подобных звуков он никак не ожидал здесь услышать. «Наверное, одна из многочисленных жертв Тзоты»,— подумал он и, еще раз прокляв колдуна, пошел на рыдания по коридору с низким потолком и сырыми стенами.

Чем дальше уходил он от галереи, тем громче звучал плач. Наконец, подняв факел, он замер от ужаса, а затем отпрянул, разглядев у себя под ногами омерзительное чудовище. Короткие бесформенные щупальца непрестанно извивались, а туловище напоминало студень. Конана чуть наизнанку не вывернуло от этого зрелища. Голова твари походила на лягушачью, из разинутой пасти с

багровыми губами исторгались рыдания. Когда выпуклые глаза завидели Конана, рыдания превратились в гадкий смех, и чудовище поползло к нему.

Конан повернулся и пустился бежать. Сразиться с тварью он не рискнул — подобную нечисть, решил он, вряд ли убьет оружие людей. Некоторое время за спиной слышались шлепки склизкого тела по полу и дикий смех. Так смеялись похотливые женщины в Шадизаре, Городе Роскоши, когда у них на глазах раздевали молодых рабынь. Каким демоническим искусством воспользовался Тзота, чтобы дать жизнь этой гадине? Тут явно попирались извечные законы природы.

Направляясь к главной галерее, Конан очутился в небольшом квадратном зале, откуда вправо и влево вели два туннеля. Вдруг он споткнулся обо что-то мягкое, вскрикнул и растянулся на полу. Факел выпал из его руки и погас. Ошеломленный падением, Конан неуверенно поднялся на ноги и побрел ощупью. Факел он не стал искать, ведь его все равно нечем было зажечь. Неизвестно, сколько времени пробирался он в полной темноте, но внезапно инстинкт варвара предупредил его об опасности.

Он застыл на месте. Однажды он испытал такое же ощущение, оказавшись ночью на краю пропасти. Конан опустился на колени и стал ощупывать пол. Очень скоро он обнаружил край колодца. Протянув над ним руку с мечом, дотронулся до противоположного края. Конечно, он мог бы перепрыгнуть через колодец, но решил не рисковать. Только он собрался пойти назад, как ощутил слабое колебание воздуха; ветерок из колодца шевелил его черные спутанные волосы. Конан содрогнулся и попытался было убедить себя, будто колодец ведет во внешний мир, но инстинкт подсказывал — этого не может быть. Он находился не только в чреве горы, но и глубоко под землей. Откуда же взяться сквозняку? Из колодца доносился еле слышный гул, будто где-то вдали грохотали барабаны. Конана бросило в пот.

Он вскочил на ноги и пятился до тех пор, пока из колодца не вылетело *нечто*. Конан не мог сказать, что это было; он абсолютно ничего не видел, но ясно чувствовал присутствие разума, чудовищно отличающегося от его собственного. Конан повернулся и со всех ног бросился прочь.

Далеко в глубине туннеля он заметил крошечную красную искру. Побежал к ней, налетел на каменную стену и увидел тлеющий факел у своих ног. Конан поднял его и раздул огонь. Поглядев на взметнувшееся пламя, с облегчением вздохнул — он снова в зале, где расходятся туннели. Тут пламя заколебалось, будто на него подул невидимка. Конан снова ощутил чье-то присутствие и, подняв факел, огляделся.

Он ничего не увидел, но смутно почувствовал, что в воздухе парит кто-то неосязаемый и невидимый, изрыгая непристойности и проклятия, которых Конан не слышал, но улавливал интуитивно. Он взмахнул над головой мечом — сталь на миг увязла, словно наткнулась на прочную паутину.

Он бросился в туннель, чувствуя на затылке горячее, зловонное дыхание.

Лишь выскочив в широкий главный коридор, он понял, что оторвался от погони, и снова пустился в путь, ежесекундно ожидая нападения из темноты. В подземелье слышались то демонический хохот, то протяжные вопли, то вой гиены, неожиданно сменившийся отвратительной руганью на человеческом язы-

ке. Конан слышал крадущиеся шаги и в проемах туннелей различал силуэты безобразных тварей.

Киммериец, снявший со стены коридора факел, находился в самом центре ада, сотворенного колдуном Тзота-Ланти; казалось, он обречен тут скитаться до скончания века. Но в главной галерее чудовищ не попадалось, хотя он отчетливо слышал голодное урчание и ловил на себе плотоядные взгляды из боковых ходов.

За спиной послышался шорох. Он отскочил в ближайший коридор, торопливо затушив факел. По галерее ползла гигантская змея, отяжелевшая от последней своей трапезы. Рядом с Конаном какая-то тварь взвизгнула от страха и метнулась прочь. Вот почему так нерешительны прочие твари, сообразил Конан. Главный коридор — охотничьи угодья змеи, остальные чудовища его сторонятся.

Для Конана же змея была меньшим изо всех зол. Он даже почувствовал к ней некоторую симпатию, вспомнив рыдающую и хохочущую тварь и зловещего невидимку из колодца. Змея, по крайней мере, земное существо: это ползучая смерть, но она угрожает только телу, тогда как некто из колодца покушался также на душу и разум.

Когда змея проползла мимо, Конан снова раздул факел и последовал за ней на почтительном расстоянии. Но не сделал и нескольких шагов, как из ближайшего туннеля донеслись жуткие стенания.

Осторожность советовала Конану продолжать путь, но любопытство взяло верх. Он поднял выше факел, от которого почти ничего не осталось, углубился в коридор и вдруг замер в изумлении. Хотя, казалось, был готов ко всему.

В просторном зале, отгороженном от подземного хода решеткой, вмурованной в пол и потолок, виднелся силуэт, похожий на человеческий. Конан пригляделся. Человек был оплетен растением наподобие виноградной лозы, этаким вьюном с крошечными листьями и кроваво-красными цветами, росшим как будто прямо из каменного пола. Тонкий и гибкий стебель оплел нагое тело жертвы, цветы, казалось, прижимались к нему в страстном поцелуе. Большой цветок распустился у самого рта. Громкие мученические стоны срывались с губ несчастного, голова дергалась в приступе невыносимой боли, в тусклом стеклянном взгляде сине-зеленых глаз, устремленном на Конана, не было и проблеска мысли.

Внезапно огромный темно-красный цветок ожил и прижался лепестками к губам. Человек извивался в муках, ветки и листья растения дрожали, словно в экстазе. Окраска вьюна менялась на глазах, становясь все более яркой, ядовитой.

Конан не понимал, что происходило в клетке, но страдания пленника — будь он человеком или демоном — тронули сердце привычного ко всему киммерийца. Он поискал вход и обнаружил решетчатую дверь с тяжелым замком; к нему подошел ключ из связки. Тотчас ядовитый вьюн подобрался, уподобился потревоженной кобре и качнулся навстречу, угрожающе вытянув усики. Растение явно было наделено разумом и чувствами и следило за ним, излучая волны ненависти.

Конан осторожно подошел поближе и увидел место, где из сплошной скалы появлялась лоза — крепкий стебель толщиной с человеческое бедро, покрытый гладкой корой. Когда длинные ветви, грозно шурша листьями, потянулись к нему, киммериец взмахнул мечом и перерубил стебель одним ударом.

Несчастный пленник в тот же миг отлетел в сторону, но громадная лоза, как обезглавленная змея, корчилась на полу. Ветви щелкали об пол, словно хлысты, листья тряслись и трещали, как кастаньеты, цветы съеживались в агонии. Наконец вьюн вытянулся и застыл, цветы поблекли, тошнотворная белая жидкость из перерубленного ствола образовала на полу лужу.

Конан завороженно смотрел на мертвую тварь, пока шорох за спиной не заставил его резко обернуться и вскинуть меч над головой. Но удара не последовало — Конан застыл как вкопанный, раскрыв от изумления рот.

Спасенный успел подняться на ноги, его глаза уже не выглядели остекленевшими. Темные, задумчивые, они светились умом; узкая, гордо посаженная голова с высоким лбом, стройная фигура, маленькие кисти рук с длинными пальцами и узкие стопы — все говорило об аристократическом происхождении этого человека. Первые же его слова на кофском наречии поразили Конана.

— Который нынче год? — спросил недавний беспомощный узник растения.

— Сегодня десятый день месяца Юлука, года Газели,— ответил Конан.

— Великая Иштар! — пробормотал незнакомец.— Десять лет!

Он провел ладонью по лбу и встряхнулся, сбрасывая оцепенение.

— Сплошной туман в голове. Что ж, через десять лет полнейшего безмыслия вряд ли можно ожидать от мозга, чтобы он соображал, как встарь. Кто ты?

— Конан, выходец из Киммерии, а ныне — король Аквилонии.

Незнакомец удивился.

— Вот как? А Нумедидес?

— Я задушил его на троне в ту ночь, когда захватил столицу.

Ответ короля вызвал улыбку на губах узника.

— Прости, государь. Я должен был сначала поблагодарить тебя за услугу, ведь ты избавил меня от сна, более глубокого, чем смерть, и наполненного адскими кошмарами. Скажи, почему ты перерубил ствол растения, а не вырвал его с корнем?

— Я с давних пор усвоил одно правило — не следует касаться руками того, что видишь впервые,— ответил Конан.

— Браво. Если бы ты схватил Ятгу, тебя не спас бы и меч. Его корни тянутся до самого ада. Представляешь, каких тварей ты мог выдернуть вместе с ними?

— А кто ты такой? — поинтересовался наконец Конан.

— Меня зовут Пелиас.

— Как?! — вскричал Конан.— Маг Пелиас, соперник Тзоты, исчезнувший с лица земли десять лет назад?

— Только с лица земли,— горько усмехнулся Пелиас.— Тзота не убил меня, он подыскал мне оковы куда страшнее, чем ржавое железо. Он заточил меня вместе с этим чудовищным цветком, семена которого прилетели из космоса, с Йага Проклятого, и нашли плодородную почву только в изъеденной червями гнили на дне ада. Я не мог вспомнить ни одного заклинания из-за этой мерзости, изводившей меня погаными ласками. Она пила мои мысли, и голова моя была пуста, как разбитая амфора. Десять лет! Да поможет мне Иштар!

Конан молчал, сжимая догоревший факел. Он пытался убедить себя в том, что этот человек безумен, но не находил тому подтверждения в спокойном взгляде сине-зеленых глаз.

— Скажи, колдун в Хорше? — спросил Пелиас.— Впрочем, нет нужды спрашивать. Силы возвращаются ко мне, и я вижу в твоем мозгу великое сражение и пленение обманутого короля. И вижу Тзота-Ланти, скачущего к Шамару со Страбонусом и королем Офира. Тем лучше. Я еще не окреп после долгого сна и пока не хотел бы встречаться с Тзотой. Мне потребуется некоторое время, чтобы окончательно прийти в себя. Пойдем, незачем здесь оставаться.

Конан потряс связкой ключей.

— Наружная решетка заперта на засов, его не отодвинуть изнутри. Нет ли другого выхода из проклятого подземелья?

— Есть один, но мы им не воспользуемся, поскольку он ведет вниз, а не наверх,— с улыбкой ответил Пелиас.— Ну да не беда. Пойдем посмотрим на ту решетку.

Он направился в туннель. Его ноги, одеревеневшие от долгой бездеятельности, подкашивались, но мало-помалу походка становилась все уверенней. Идя за ним, Конан заметил:

— По этому коридору ползает огромная змея. Как бы ее не потревожить.

— Я ее помню,— проворчал Пелиас.— На моих глазах эта гадина сожрала десятерых моих верных слуг. Это Сатха, Древний, любимец Тзоты.

— Значит, Тзота велел прорубить ходы в скале, чтобы населить их своими чудовищами?

— Нет, твари появились задолго до Тзоты. Три тысячи лет назад король Коссус Пятый, основавший Хорш на месте древних развалин, воздвиг свой дворец на вершине горы и приказал прорыть подземный ход. Землекопы, расчищая место для кладовых, наткнулись на запертую дверь, взломали ее и обнаружили эти ходы. Но когда великого визиря Коссуса, рискнувшего спуститься в подземелье, постигла ужасная гибель, перепуганный король велел наглухо запереть дверь. Всем было объявлено, что великий визирь упал в колодец,— погреба засыпали, а сам король вскоре переселился в долину, в другой дворец. Но и оттуда он однажды сбежал в страхе, обнаружив на мраморном полу своей спальни черную плесень. Он перебрался со всем двором на восток королевства и основал там новый город. Покинутый дворец на горе мало-помалу разрушился. Когда Аккуто Первый решил вернуть Хоршу былую славу, он отстроил на месте дворца крепость. Она стояла, пока тут не появился Тзота-Ланти и не перестроил ее в Алую цитадель. Он снова открыл дверь в подземелье. Какова бы ни была причина смерти великого визиря короля Коссуса, Тзота сумел избежать его участи. Он спустился в колодец и вернулся оттуда со странным выражением лица, которое с тех пор не покидает его. Я тоже видел это отверстие, но у меня не возникло желания лезть туда в поисках мудрости. Я маг и обладаю большей силой, чем думают люди, но я все же человек. А что касается Тзоты... Говорят, недалеко от развалин на холме Дагота однажды уснула шадизарская танцовщица, а проснулась она в объятиях черного демона, и от этого адского союза появился на свет проклятый выродок, зовущийся ныне Тзота-Ланти...

Конан пронзительно закричал и отскочил в сторону, увлекая за собой спутника. Перед ними выросла белая фигура Сатхи, глаза ее сверкали тысячелетиями копившейся ненавистью ко всему живому. Конан изготовился к отчаянному броску, выставил перед собой факел и меч, но змея даже не смотрела на

него, она злобно уставилась на Пелиаса, а тот спокойно улыбался, скрестив руки на груди. И в огромных желтых глазах гада ненависть постепенно превратилась в страх, в ужас... В следующее мгновение змея исчезла, словно унесенная порывом ветра.

— Что ее так напугало? — спросил Конан, с опаской поглядывая на Пелиаса.

— Гады земные видят то, что ускользает от взора человечьего,— загадочно ответил волшебник.— Ты видишь мою телесную оболочку, а она — обнаженную душу.

Ледяной пот потек по спине Конана при мысли о том, кто же Пелиас на самом деле — человек или демон в человеческом обличье. Он уже всерьез подумывал, не вонзить ли меч в спину волшебника, пока не поздно, но тут они подошли к решетке, прутья которой казались черными в мерцании факелов.

За решеткой, привалившись к брусьям, сидел Шукели в луже крови. Пелиас оглушительно захохотал.

— Клянусь белоснежными бедрами Иштар, это наш привратник, благородный Шукели собственной персоной! Не ты ли подвесил моих людей за ноги и сдирал с них кожу, вопя от удовольствия? Ты спишь, Шукели? Скажи, отчего твое жирное брюхо стало плоским, как у жареного поросенка?

— Он мертв,— растерянно пробормотал Конан.

— Живой или мертвый,— смеясь, сказал Пелиас,— но он сейчас нас выпустит.— Волшебник громко хлопнул в ладоши.— Встань, Шукели! Вернись из ада, поднимись с залитых кровью плит и отвори своим хозяевам! Вставай, говорю!

Под сводами прозвучал стон, и тело Шукели зашевелилось. У Конана встали дыбом волосы, а по спине заструились ручейки ледяного пота. Под смех Пелиаса, безжалостный, как удары топора, евнух медленно поднялся, цепляясь толстыми пальцами за брусья решетки, и открыл безжизненные остекленевшие глаза. Из широкой раны на животе выпали длинные кишки. Топча их ногами, евнух, как автомат, отодвигал засов.

Наблюдая за ним, Конан подумал, что Шукели каким-то чудом остался жив, но нет... Он давно уже был мертв.

Пелиас спокойно перешагнул через порог, и Конан поспешил за ним, обливаясь потом и стараясь не задеть страшное существо, которое цеплялось за отодвинутую решетку. Пелиас даже не взглянул на Шукели, а Конану происходящее казалось кошмарным сном. Сделав несколько шагов, он услышал позади глухой стук и оглянулся. Труп Шукели лежал на пороге.

— Сделав свое дело, он вернулся в ад,— любезно объяснил Пелиас, притворяясь, что не замечает, как дрожат колени могучего варвара.

Они поднялись по длинной лестнице и миновали бронзовую дверь. Конан держал меч на изготовку, ожидая нападения, но в цитадели царила тишина. Пройдя темным коридором, они вступили в зал, где покачивались курительницы, наполняя воздух дивными ароматами. Никто не встретился им по пути.

— Рабы и воины живут в другом крыле цитадели,— объяснил Пелиас.— Сегодня их господина нет, и они, наверное, пьют вино и сок черного лотоса.

Конан выглянул из высокого стрельчатого окна с золотыми подоконниками, выходящего на широкую террасу, и крякнул от неожиданности, увидев синее небо, усеянное звездами. Его заточили в каменный мешок с первыми лу-

чами солнца, а сейчас было за полночь. Он и не подозревал, сколько пробыл под землей. Внезапно он обнаружил, что ужасно проголодался.

Пелиас провел Конана в зал с позолоченными сводами, серебряным полом и стенами, облицованными лазуритом, и там устало опустился на диван.

— Наконец-то я вижу золото и шелка,— сказал он.— Тзота уверял, что он выше телесных наслаждений. Но он — полудемон, а я — человек, хотя и волшебник. Я люблю удобства и вкусную еду. Между прочим, Тзота скрутил меня, когда я выпил лишнего и уснул. Вино — предатель, клянусь белоснежными грудями Иштар! И хитрый предатель: стоило о нем вспомнить, а оно уже на столе. Надо воздать ему по заслугам. Налей-ка мне чашу, друг мой... О нет, я забыл, что ты король. Я тебя сам обслужу.

— К демонам церемонии,— проворчал Конан, наполняя хрустальную чашу и подавая Пелиасу. После чего опрокинул над собственным ртом кувшин.— Этот пес знает толк в вине,— заметил он, вытирая губы.— Но, клянусь Кромом, нет смысла ждать, пока проснутся воины и перережут нам глотки.

— Не беспокойся, друг мой. Не желаешь ли посмотреть, что поделывает Страбонус?

Глаза Конана заблестели. Он до белизны в суставах пальцев стиснул рукоять меча.

— Страбонус! — воскликнул он.— Как я мечтаю выпустить ему потроха!

Пелиас взял со столика из черного дерева большой блестящий шар.

— Хрустальный шар Тзоты. Детская игрушка, но при нехватке времени на более серьезные чары вполне годится. Смотри, государь!

Он поставил шар перед Конаном, и тот вгляделся в его сумрачную глубину. Перед ним вереницей проплывали образы. Вот знакомый пейзаж: пологие берега извилистой реки, равнина, которую обступили низкие холмы. На северном берегу высится крепостная стена города, вдоль нее тянется ров.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан.— Это Шамар! Его осадили проклятые псы!

Захватчики уже переправились через реку и разбили лагерь в узкой долине между городом и холмами. Воины лезли на стены, их доспехи поблескивали в лунном свете. Со стен и башен на них сыпались стрелы и камни, штурмующие пятились и снова шли на приступ.

Конан выругался, а между тем эта сцена сменилась другой: высокие башни и сверкающие купола пронзают туманное небо. Конан узнал свою столицу Тарантию, охваченную смятением. Он видел пуатенских рыцарей в стальной броне, самых верных своих воинов, выезжающих из ворот. Народ, столпившийся на улицах, бранил и освистывал их. Он видел, как рыцари с гербом Пеллиа на щитах врывались в башни и дома и творили бесчинства на улицах и площадях. И над всем этим нависало призрачное, искаженное гримасой торжества лицо принца Арпелло де Пеллиа.

Изображение всколыхнулось и сгинуло.

— Вот оно как! — сжал кулачищи Конан.— И народ предал меня... Стоило мне уехать...

— Не совсем так,— перебил его Пелиас.— Людям сказали, что ты умер и теперь некому защитить их от захватчиков и предотвратить междоусобицу. Ес-

тественно, они приняли сторону сильнейшего из дворян, дабы избежать ужасов анархии. Люди помнят недавние войны и не доверяют пуатенским рыцарям... А Арпелло — самый влиятельный принц метрополии.

— Как только я вернусь в Аквилонию, он лишится головы и будет гнить в яме у Башни Изменников! — Конан заскрипел зубами от злости.

— Как бы ты ни спешил,— напомнил Пелиас,— Страбонус явится в столицу раньше тебя. А его рыцари разграбят по пути все твое королевство.

— Твоя правда! — Конан метался по залу, как лев в клетке.— Самый быстрый конь не домчит меня до Шамара раньше полудня. А если бы и домчал — это не спасло бы королевство, ведь крепость скоро падет. От Шамара до Тарантии скакать не меньше пяти дней, даже если насмерть загнать лошадей. Прежде чем я попаду в столицу и соберу армию, Страбонус окажется у наших ворот. А собрать войско нелегко — проклятые дворяне разбежались по своим уделам, услыхав о моей смерти. Народ изгнал Троцеро де Пуатена, и никто не помешает алчному Арпелло завладеть короной... и сокровищами. Он страну отдаст в руки Страбонуса в обмен на соломенный трон, а едва уедет Страбонус, поднимет народ на восстание. Но дворяне не поддержат его, и Страбонус воспользуется мятежом как предлогом и открыто захватит королевство. О Кром и Сет! Дайте мне крылья, чтобы домчаться до Тарантии с быстротой молнии!

Пелиас, задумчиво барабанивший пальцами по нефритовому столику, при последних словах Конана резко встал и поманил его за собой. Король, охваченный печальными мыслями, поднялся вслед за ним по мраморной, с золотыми перилами, лестнице на самую высокую башню. Ветер, свистевший в звездной ночи, вмиг растрепал черные волосы Конана. Внизу сияли огни Хорша, казалось, они более далеки, чем звезды над головой. Сдержанный, задумчивый Пелиас выглядел величественным, как сам космос. Глядя ввысь, он произнес:

— И на земле, и в морской пучине, и в просторах небесных обитают существа, неизвестные людям. Однако с помощью волшебства и Абсолютного Знания мы можем повелевать ими. Смотри и не бойся, они не злы.

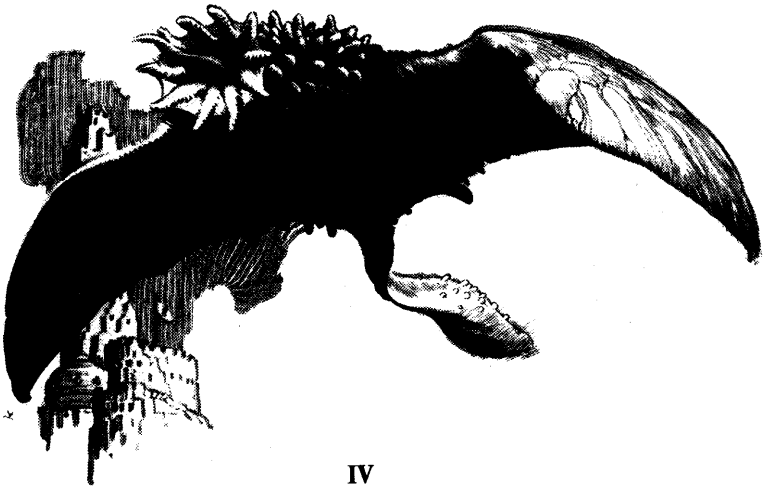
Он простер руки к небу и издал протяжный клич, заполнивший собою все вокруг. Дрожа и затихая, крик унесся к самым звездам. Затем наступила тишина, и Конан, заметив в вышине черные крылья, попятился в испуге. Еще миг, и перед ним опустилось гигантское существо, похожее на летучую мышь, и устремило на короля спокойный взгляд огромных глаз.

— Садись и лети,— велел Пелиас.— К рассвету это создание примчит тебя в Тарантию.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан.— Не сон ли это? Может, я сплю сейчас у себя во дворце и вижу кошмарный сон? Я не могу оставить тебя одного среди врагов.

— Обо мне не беспокойся,— заверил его Пелиас.— На заре народ Хорша узнает о том, что у него уже новый владыка и что тебя унесли боги. Мы встретимся снова на равнине у Шамара. Счастливого пути.

Конан с опаской взобрался на спину летучей твари и обхватил руками изогнутую шею, весьма сомневаясь, что ему не снится фантастический кошмар. Распластав крылья, черное существо с шумом взвилось в небеса, и у Конана закружилась голова, когда он увидел далеко под собой башню и городские огни.

IV

Меч, который убивает короля, перерезает узы, скрепляющие империю.

Аквилонская пословица

На улицах Тарантии толпились люди, размахивая секирами и ржавыми пиками, а кто и просто голыми кулаками. Занималась заря второго дня осады Шамара.

События развивались с невероятной быстротой. Благодаря стараниям Тзота-Ланти весть о поражении и гибели короля достигла Тарантии менее чем за полдня после начала штурма. И тотчас возникла суматоха. Бароны умчались из столицы, нахлестывая лошадей, чтобы защитить свои замки от жадных до чужого добра соседей.

Королевство Конана, казалось, было на грани распада, и народ дрожал от страха. Люди молились, чтобы вернулся король и защитил их от своих дворян и иноземных врагов. Граф Троцеро, которого король назначил командиром городской стражи, старался успокоить людей, но те, напуганные и сбитые с толку, вспомнили о гражданской войне и что тот же граф Троцеро несколько лет назад брал штурмом Тарантию. На улицах кричали: Троцеро предал короля. В некоторых кварталах наемные воины грабили лавки и гонялись за женщинами.

Троцеро обрушился на погромщиков, загнал их в казарму и арестовал зачинщиков. Несмотря на это, народ по-прежнему негодовал, считая, будто граф намеренно учинил смуту, решив напугать этим горожан.

Принц Арпелло предстал перед обескураженным Королевским Советом и заявил готовность взять бразды правления в свои руки и удерживать их до тех пор, пока не появится новый король. У Конана не было сына, и, пока обсуждался вопрос о наследнике, слуги принца терлись в толпе и подбивали народ встать на сторону Арпелло.

В зале Совета были слышны крики горожан, собравшихся под окнами дворца: «Арпелло — наш спаситель!» И Совет уступил.

Троцеро сначала отказался подчиниться его решению, но горожане накинулись на него с воплями и руганью, стали бросать камни в его рыцарей. Поняв, что сражения с воинами Арпелло на узких городских улицах ему не выиграть, Троцеро швырнул в голову соперника свой жезл начальника стражи и, приказав напоследок повесить на рыночной площади командиров наемников, выехал через южные ворота с пятнадцатью сотнями тяжелой кавалерии. Как только за пуатенцами с грохотом опустились решетки, маска добродушия свалилась с лица Арпелло, обнажив клыки голодного волка.

Он предстал перед взбудораженным народом на коне-великане и под одобрительный гвалт обманутой толпы провозгласил себя королем Аквилонии. Канцлера Публиуса, возмущенного дерзостью самозванца, бросили в темницу. Купцы, с облегчением принявшие нового короля, были ошеломлены первым же его указом, по которому весь торговый люд Тарантии облагался непомерными налогами. Шестеро богатых и уважаемых купцов, избранных в делегаты, выступили с протестом, но их арестовали и казнили без всяких церемоний.

Простой народ не волновала судьба купцов, но и он начал роптать в ответ на повсеместные грабежи, которые можно было сравнить разве что с налетом туранских бандитов. К Арпелло потекли жалобы на вымогателей, насильников и убийц. Принц временно расположился во дворце Публиуса, так как отчаявшиеся советники, осужденные по его приказу, заняли оборону в королевском дворце при поддержке части гарнизона. Вскоре, однако, Арпелло захватил нижний этаж дворца, и наложницы Конана, жившие там, были опозорены. Люди ворчали, видя, как королевские красотки бьются в грубых объятиях воинов. Темноглазые толстушки из Пуатена, стройные брюнетки из Заморы, Зингары и Гиркании, златоволосые красавицы из Бритунии плакали от страха и стыда — они не привыкли к насилию.

На растревоженный город опустилась тьма, а после полуночи пронесся слух, что кофийцы не удовлетворились разгромом армии Конана и атакуют Шамар. Об этом поведал шпион Тзоты, и люди затрепетали от страха, даже не удивляясь тому, сколь быстро дошла до них новость. Они стали барабанить в ворота королевского дворца и требовать от Арпелло выступить с войсками на юг и изгнать врага. Арпелло мог бы объяснить, что у него мало войск и что набрать большую армию нельзя, поскольку бароны не признали его королем, но, опьяненный властью, он просто расхохотался в лицо горожанам.

Тогда один молодой студиозус по имени Афемидес взобрался на колонну на рыночной площади и обвинил Арпелло в пособничестве Страбонусу, а затем нарисовал согражданам страшную картину будущей жизни под властью кофийцев и сатрапа Арпелло. Он не завершил своей речи, а толпа уже ревела от страха и ярости. Арпелло приказал воинам схватить юношу, но люди заслонили его телами и принялись швырять в воинов камни и все, что попалось под руку. На толпу обрушился ливень стрел, однако Афемидесу удалось ускользнуть из города. Он пустился вдогонку за Троцеро, надеясь уговорить его освободить Тарантию, а затем выступить на помощь Шамару.

Афемидес нашел Троцеро и его рыцарей в лагере неподалеку от города. Граф как раз приказал снимать шатры и двигаться в Пуатен, город на юго-западе королевства. На мольбы молодого человека он ответил, что у него слишком

мало сил для штурма Тарантии, да и сражения со Страбонусом ему не выиграть даже при поддержке горожан. Кроме того, жадные дворяне разграбят Пуатен, пока он будет биться с кофийцами. Король умер, теперь каждый сам за себя.

В то время как Афемидес уговаривал Троцеро, толпа бесновалась на улицах и площадях у королевского дворца, выкрикивая проклятия в адрес Арпелло. А тот стоял на краю башни возле дворца и хохотал. Его гвардейцы, выстроившись вдоль зубчатой стены, держали наготове луки и арбалеты.

Принц Арпелло де Пеллиа, коренастый, среднего роста, с сумрачным лицом, был по природе своей интриганом. Под его длинной туникой, расшитой золотом, поблескивала вороненая сталь доспехов. Длинные черные волосы, завитые и надушенные, перетягивала серебристая лента, а на бедре висел широкий меч с драгоценными камнями на рукояти, помнивший множество сражений.

— Дураки! Безумцы! Орите что хотите. Конан умер, и теперь Арпелло — король Аквилонии!

Ему не было дела, что вся страна готова восстать против него. У Арпелло достаточно воинов, чтобы удержаться в надежных стенах города до подхода Страбонуса. Аквилония раздроблена, бароны готовы друг другу глотку перегрызть из-за клочка земли, и Страбонус без труда справится с ними. Надо только до его прихода удержать столицу.

— Безумцы! Дураки! Арпелло — король!

За восточными башнями вставало солнце. На охваченном багряной зарей небе появилась черная точка, она быстро росла в размерах, и вот уже она с летучую мышь, а теперь — с орла... Когда же над стенами Тарантии пронеслось существо из полузабытых легенд, все в ужасе закричали. Крылатая тварь с рычанием опустилась посреди широкого двора, и с ее спины на землю соскочил человек. Тварь оглушительно хлопнула крыльями и исчезла в облаках. Через некоторое время на башне рядом с Арпелло появился полуголый окровавленный варвар, размахивающий мечом. Многоголосый вопль потряс стены:

— Король! Это король!

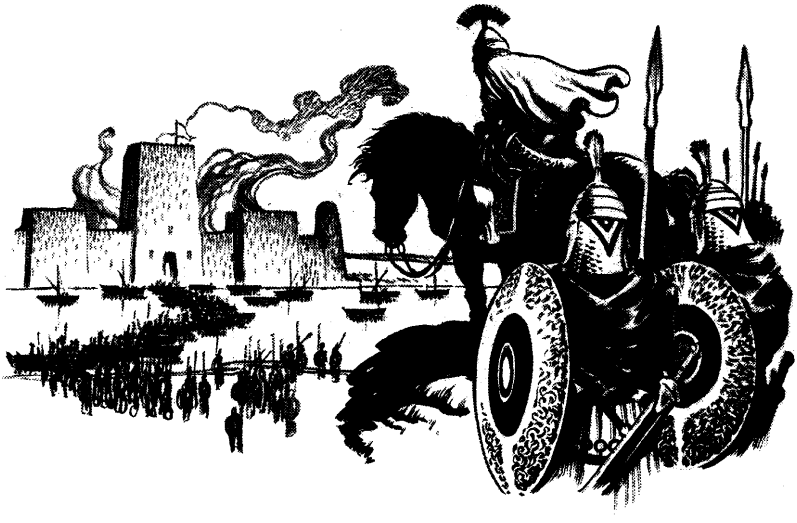
Арпелло обмер, но, тут же придя в себя, взвизгнул и бросился на Конана. С львиным ревом киммериец парировал удар, затем, отбросив меч, схватил принца за горло и за ноги и поднял над головой.

— Ступай в царство Тьмы со своими заговорами! — крикнул он и, как мешок с песком, швырнул предателя вниз.

Оглашая площадь безумным криком, Арпелло закувыркался в воздухе.

Толпа шарахнулась от стены. Принц, упав с высоты ста пятидесяти футов, разбился в лепешку о мраморные плиты. Мертвый Арпелло в черных латах походил на раздавленного майского жука.

Лучники на башне, охваченные паникой, отпрянули от зубцов и бросились по лестнице вниз, а там их встретили советники, которые выбежали с саблями из дворца. Напрасно рыцари и воины Пеллиа искали спасения на улицах — от мстительной толпы негде было укрыться. По городу разносились торжествующие крики и предсмертные вопли, тут и там еще можно было заметить меч, яростно крутящийся среди густого леса копий и секир, а сверху на побоище взирал полуголый король. Сложив руки на груди, он громко смеялся над всеми: над толпой, над изменниками... и над собой тоже.

V

Лук верный возьми, натяни тетиву
В лучах заходящего солнца,
И рухнет кофийский король на траву,
Пронзенный стрелою боссонца.

Из песни боссонских лучников

Послеполуденное солнце сияло над спокойными водами Тайбора, омывающего южные бастионы Шамара. Растерянные и усталые до предела защитники города знали, что лишь немногие из них увидят завтрашний рассвет. Равнина пестрела шатрами осаждающих. Народ Шамара не мог помешать многочисленному войску врага переправиться через реку — связанные вместе баржи послужили мостом, по которому прошла орда завоевателей. Страбонус не решился напасть на Аквилонию, оставив в тылу непокоренный Шамар. Он послал отряды воинов в глубь страны для грабежа, а сам установил осадные машины на равнине. На стрежне реки бросила якоря флотилия. Некоторые суда были потоплены городскими баллистами, но остальные держались, и за бортами, прикрытыми стальными щитами, укрывались лучники, сеявшие смерть среди защитников Шамара. Это были шемиты, о которых говорили: они родились с луками в руках. Ни один лучник Шамара не мог с ними сравниться.

С берега катапульты забрасывали город валунами и бревнами, которые проламывали крыши и давили людей, как насекомых. В стены непрерывно били тараны, а землекопы вгрызались в землю, точно кроты, рыли глубокие подкопы под башнями. Рвы осушили и завалили землей, камнями и трупами людей и коней. У подножия крепостных стен копошились воины, закованные в броню: одни пытались выломать ворота, другие подкатывали осадные башни к стенам.

Надежда оставила город. Полторы тысячи жителей с трудом сдерживали натиск сорокатысячного войска. Из глубины королевства до Шамара, аванпоста

Аквилонии, не доходило никаких известий. Конан умер — во всяком случае, об этом радостно кричали враги. Только благодаря мощным стенам и отчаянной храбрости осажденных город еще держался.

Но дело шло к развязке. Западная стена уже превратилась в груду обломков, на которых завязалась яростная рукопашная схватка; другие стены покрылись широкими трещинами и угрожали вот-вот рухнуть. Башни качались на пустотах, как пьяные.

Неприятель готовился к решающему приступу. Звучали трубы, на равнине строилась стальная армия, с грохотом катились осадные башни. Защитники Шамара видели трепещущие на ветру знамена Кофа и Офира, различали среди сверкающих рыцарей коренастого Страбонуса в черной броне и Амальруса, облаченного в расшитый золотом камзол. Между ними скакал человек, от одного вида которого бледнели самые отважные,— тощий, похожий на хищную птицу колдун в длинной развевающейся мантии.

Алебардщики выступили первыми. Затем пришпорили коней всадники и выстроились копейщики. Защитники города глубоко вздохнули, препоручив души Митре, и крепче сжали в руках оружие.

Внезапно раздался сигнал трубы, и на равнину обрушился громоподобный топот копыт, заглушающий все остальные звуки. На севере вздымалась гряда холмов, словно огромная лестница в небо. С ее склонов, подобно лавине, неслась легкая кавалерия Страбонуса, посланная в глубь Аквилонии. Всадники нещадно хлестали и пришпоривали коней, преследуемые рыцарями в железных латах, над которыми развевалось большое знамя Аквилонии с изображением льва.

Дружный крик осажденных потряс небеса. Опьянев от радости, воины стучали окровавленными мечами по изрубленным щитам, а горожане — богатые и нищие, шлюхи в красных юбках и знатные дамы в шелках — упали на колени и запели благодарственный гимн Митре, и слезы счастья катились по их щекам.

Страбонус подъехал к Амальрусу, который спешно разворачивал армию навстречу неожиданной угрозе, и проворчал:

— Мы без труда с ними справимся, если у них нет резерва за холмами. Всего лишь горстка пуатенцев. Мы ведь так и предполагали, что Троцеро полезет в пекло.

Амальрус растерянно проговорил:

— Я вижу Троцеро и капитана Просперо... Но кто скачет между ними?

— О Иштар, помоги нам! — бледнея, пролепетал Страбонус.— Конан!

— Вы с ума сошли! — вскричал Тзота.— Конан уже давно в брюхе Сатхи!

Натянув поводья, он повернулся к коннице, мчавшейся по равнине. Ошибки быть не могло: он узнал могучего воина в латах из вороненой стали, инкрустированных золотом. Король скакал на черном боевом коне под трепещущим полотнищем огромного штандарта. Тзота в ярости зарычал, брызжа слюной. Впервые в жизни Страбонус видел мага в таком замешательстве и гневе, и это напугало его.

— Колдовство! — вскрикнул Тзота, брызгая слюной на бороду.— Как он мог убежать, добраться до своего королевства в такой короткий срок да еще собрать войско? Ему помог Пелиас, будь он проклят! И будь проклят я, что не убил его раньше!

Услышав имя волшебника, которого уже десять лет считали мертвым, короли задрожали; их страх передался армии. Тзота заметил суеверный ужас в глазах воинов, и злоба превратила его лицо в демоническую маску.

— Вперед! — закричал он.— Мы сильнее! Раздавите этих псов! Сегодня вечером мы устроим пир на развалинах Шамара! О Сет! — Он вскинул тощие руки, призывая бога-змея, и напугал этим даже Страбонуса.— Даруй нам победу, и, клянусь, я принесу тебе в жертву пятьсот девственниц Шамара, истекающих кровью!

Тем временем армия противника наводнила равнину. Всадники, скакавшие вслед за рыцарями на маленьких быстрых конях, спешились и построились в боевые порядки. Это были стойкие боссонские лучники и гандерландские копейщики с рыжими кудрями, выбивавшимися из-под стальных шлемов.

Конан собрал свою разношерстную армию в считаные часы после возвращения в столицу. Он спас от кровожадной толпы пеллийских лучников и копейщиков и зачислил их, обязанных ему жизнью, в свою пехоту. Он призвал к оружию чернь Тарантии, он послал гонца к Троцеро с приказом вернуться. С большим отрядом — ядром будущей армии — Конан выступил на юг. Дворяне Тарантии вместе со своими дружинами и окрестные крестьяне пополнили его войско. Он набирал рекрутов во всех городах, встречавшихся на пути. Тем не менее его армия все еще значительно уступала орде захватчиков.

Конан привел к Шамару девятнадцать сотен рыцарей, в том числе много пуатенских. Были с ними и наемники. Армия двигалась в полном боевом порядке: сначала лучники, потом копейщики, в арьергарде — рыцари.

Арбанус бросил на противника объединенные войска Офира и Кофа, и равнина превратилась в океан сверкающей стали. Дозорные на крепостных стенах ужасались, глядя на огромную рать, значительно превосходящую числом армию Конана. Впереди шли лучники-шемиты, потом — кофские копейщики, за ними скакали одетые в кольчуги рыцари Страбонуса и Амальруса. Было ясно: Арбанус решил смести пехоту Конана и очистить путь для ураганного натиска тяжелой кавалерии.

Стрелы шемитов сыпались градом. Лучники из западных провинций Аквилонии, закаленные безжалостными войнами с дикарями-пиктами, уверенно шли вперед, перешагивая через упавших товарищей. Их было очень немного, и лучники-шемиты нанесли им большой урон, но боссонцы превосходили врага меткостью, а кроме того, они сражались за правое дело. Подойдя ближе, они выпустили стрелы, и целые ряды шемитов рухнули как подкошенные. Синебородые воины в легких кольчугах не устояли и бросились бежать, побросав луки, а их отступление нарушило строй копейщиков-кофийцев, шагавших позади.

Без поддержки лучников воины сотнями падали под стрелами боссонцев, а если яростно бросались в бой, то натыкались на копья. Никакая пехота в мире не могла сравниться с гандерландской. Родиной этих бойцов была самая северная провинция Аквилонии, расположенная недалеко от границ Киммерии. Они рождались для войны. Кофские копейщики, понеся невероятные потери, в беспорядке отступили.

Страбонус побагровел от гнева и велел трубить сигнал «в атаку». Арбанус колебался, видя, как выстроились боссонцы перед аквилонскими всадниками, замершими в ожидании. Он советовал немного отступить, чтобы выманить ры-

царей из-под прикрытия лучников, но Страбонус был вне себя от злости. С ненавистью глядя на горстку людей в кольчугах, бросивших ему вызов, он повторил Арбанусу приказ о наступлении.

Полководец помолился Иштар и велел трубить в золотой рог. Огромная армия ощерилась целым лесом копий и понеслась по равнине. Земля дрожала от топота копыт, и блеск золота и стали слепил глаза дозорным на башнях Шамара.

Конница врезалась в ряды копейщиков, опрокидывая их, но угодила под ливень стрел боссонцев. Над полем битвы стоял невообразимый грохот; атакующие падали, как трава под косой. Еще сто шагов, и они обрушатся на боссонцев и сметут их... Но плоть не могла выдержать смертельного ливня стрел.

Лучники стояли плечом к плечу, для устойчивости широко расставив ноги, и с дикими криками одну за другой выпускали стрелы. Первые ряды всадников рухнули, скакавшие позади спотыкались о тела людей и коней и увеличивали собой вал из трупов. Арбанус рухнул со стрелой в горле, его череп был раздроблен копытом агонизирующего коня. Началась паника.

Страбонус выкрикивал один приказ, Амальрус — другой, и никто не мог избавиться от суеверного страха при виде ожившего Конана.

В то время как сверкающие ряды ломались и пятились, трубы Конана прозвучали снова. По этому сигналу лучники расступились и дали дорогу страшной аквилонской коннице.

Армии столкнулись с грохотом, потрясшим древние стены Шамара. Конница растерянного врага оказалась перед стальным клином, ощетиненным копьями и пиками. Острием клинка были рыцари Пуатена с грозными обоюдоострыми мечами.

Зазвенела сталь, словно миллионы молотов забили о наковальни.

Дозорные на башнях, оглушенные шумом сражения, глядели, как скрещиваются внизу клинки, как слетают султаны под ударами мечей, как поднимаются и вновь исчезают плюмажи и штандарты.

Амальрус упал, разрубленный пополам двуручным мечом Просперо, и скрылся под копытами обезумевших коней. Девятнадцать сотен всадников Конана плотным стальным косяком все глубже врубались в смешанные ряды неприятеля. Тщетно рыцари Кофа и Офира пытались устоять перед их натиском.

Лучники и копейщики, разгромив кофскую пехоту и обратив ее в бегство, теперь появились на подступах к крепости. Они стреляли из луков в упор, копьями выбивали всадников из седел, подрезали подпруги лошадей или вспарывали им животы. Конан находился в самой гуще сражения, время от времени издавая свой языческий боевой клич. Его громадный меч то и дело описывал сверкающую дугу, сбивая шлемы вместе с головами. Пустив коня бешеным галопом, он прорвался сквозь ряды закованных в железо всадников, и рыцари Кофа сомкнулись за ним, отрезав обратный путь. Меч его разил, как молния; в яростной схватке Конан крушил кофийцев до тех пор, пока не оказался перед Страбонусом, мертвенно-бледным, окруженным гвардией. В этот миг решался исход битвы, ибо численное превосходство оставалось на стороне кофского короля и возможность изменить ход сражения, переломить его в пользу союзных армий была еще вполне реальной.

Страбонус взвыл, увидев перед собой заклятого врага, и, взмахнув боевым топором, с грохотом обрушил его на шлем Конана. Посыпались искры, Конан покачнулся, но быстро оправился и нанес ответный удар. Клинок в пять локтей длиной рассек череп Страбонуса. Боевой конь взвился на дыбы и поскакал прочь, увлекая за собой бездыханное тело короля.

В армии началась суматоха, ряды смешались и попятились. Отряд Троцеро, рубя направо и налево, ринулся вперед и пробился к Конану. Вдруг позади растерявшихся врагов раздались крики и взметнулось пламя костров. То защитники Шамара предприняли отчаянную вылазку. Они изрубили в куски воинов у ворот и захватили лагерь осаждавших, поджигая палатки и разбивая военные машины. Это оказалось последней каплей — армия завоевателей рассыпалась и бежала, за ней по пятам гнались победители.

Отступавшие бросились к реке, но гребцы флотилии, спасаясь от камней и стрел осмелевших горожан, подняли якоря и отплыли к другому берегу. Часть беглецов успела переправиться по мосту из барж, но вскоре воины Конана перерубили канаты. Сражение превратилось в бойню. Захватчики бросились в воду, но либо погибали, раздавленные баржами, либо тонули в своих тяжелых доспехах. Люди гибли тысячами, моля о пощаде.

Равнина была завалена трупами, а вода в реке покраснела от крови. Из девятнадцати сотен рыцарей Конана осталось в живых всего пятьсот, лучники и копейщики тоже понесли огромный урон, но зато великолепная армия Страбонуса и Амальруса растаяла, как снег по весне, а уцелевшие стоили теперь не дороже мертвых.

Пока шла резня, на другом берегу реки разыгрался последний акт этой драмы. Тзота успел перескочить по мосту из барж, прежде чем его разрушили. Он вихрем несся на своем боевом коне, с которым не могла сравниться ни одна лошадь. Давя и раскидывая своих и чужих, он выскочил на южный берег и оглянулся.

Его настигал черный всадник на огромном вороном жеребце. Канаты уже были перерублены, и баржи плыли по течению, но конь Конана перепрыгивал с палубы на палубу. Тзота громко выругался. Вороной сделал последний прыжок и вынес всадника на берег. Маг поскакал в луга. Конан погнался за ним, размахивая длинным мечом, с которого капала кровь.

Они неслись во весь опор, дичь и охотник,— но второму не под силу было выиграть бешеную скачку. Колдун и варвар скакали в последних лучах заходящего солнца, пока шум резни не смолк вдалеке. И тогда в небе появилась черная точка. Она росла с каждой секундой и наконец превратилась в громадного орла, который обрушился с высоты на голову коня Тзоты. Конь заржал и вздыбился, выкинув всадника из седла.

Тзота вскочил на ноги и повернулся к своему преследователю. Глаза его по-змеиному светились, лицо перекосилось от нечеловеческой злобы. В каждой руке он держал по сверкающему шару, и Конан узнал в них смертоносное оружие.

Король спрыгнул на землю и пошел на врага, подняв меч.

— Вот мы и встретились, колдун! — произнес он и захохотал.

— Назад! — по-шакальи пролаял Тзота.— Я сдеру мясо с твоих костей! Я непобедим! Даже если ты разрубишь меня на куски, мое тело срастется вновь и

будет преследовать тебя до самой смерти! Я знаю, здесь не обошлось без Пелиаса, но бросаю вызов вам обоим! Я — Тзота, сын...

Конан бросился вперед, меч его сверкнул в лучах солнца. Тзота размахнулся, и варвар пригнул голову. Что-то блестящее пролетело над ним и взорвалось за спиной, опалив землю клубком адского огня. Прежде чем Тзота успел бросить второй шар, который держал в левой руке, меч Конана обрушился на его шею. Голова колдуна слетела с плеч, и туловище, брызгая кровью, повалилось на землю. Но черные глаза по-прежнему злобно сверкали, глядя на киммерийца, зубы скрипели, а руки шарили вокруг, будто в поисках отрубленной головы. В этот момент что-то упало с небес...

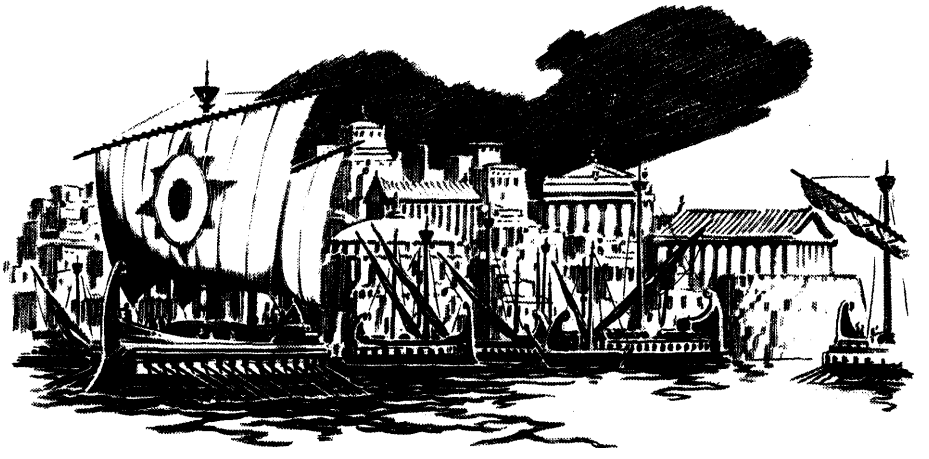
Орел схватил могучими когтями окровавленную голову и взмыл с нею в небо. Конан застыл от ужаса, когда птица расхохоталась голосом Пелиаса.

И тут случилось самое ужасное: безголовое тело вскочило и побежало на непослушных ногах, простирая руки к удаляющейся черной точке.

Конан стоял, словно изваяние, глядя вслед страшной фигуре, растворяющейся в лиловых тенях вечера.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он, сбросив с себя оцепенение.— Чума пади на этих колдунов! Пелиас был добр ко мне, но демон меня побери, если я согласен встретиться с ним еще раз! Дайте мне добрый меч и достойного врага, которого можно сразить раз и навсегда,— вот это по мне! Проклятье! Проклятье! Чего бы я сейчас не отдал за кувшин вина!

КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

I

КОНАН ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ПИРАТАМ

Поверь весне и новому началу,
Когда седой багрянец осень дарит;
Поверь — лишь для тебя я воспылала
Неведомым допрежь сердечным жаром...

Песнь Бёлит

Конский топот стремительным громом раскатывался по улицам, спускавшимся к пристани. Народ с воплями разбегался кто куда, успевая лишь мельком заметить вороного жеребца и на нем — всадника в кольчуге и широком алом плаще, развевавшемся на ветру. Некоторое время спустя по тем же улицам с топотом и криком пронеслась погоня, но всадник и не думал оглядываться. Вылетев на причал, он так осадил разогнавшегося коня, что тот взвился на дыбы у самого края настила. Мореходы, как раз изготовившиеся распустить парус и сесть на весла острогрудой галеры, в изумлении разинули рты. Хозяин корабля — коренастый чернобородый мужчина — уже стоял на носу, упираясь в причал багром. В следующий миг он разразился негодующим криком, потому что всадник покинул седло и могучим прыжком перелетел прямо на палубу.

— Эй, ты! Тебя кто сюда приглашал?

— Давай отчаливай поживее! — рявкнул в ответ непрошеный гость.

И сопроводил свои слова недвусмысленным жестом, а поскольку в руке у него был окровавленный меч, на палубу полетели багровые капли.

© Перевод М. Семёновой.

— Но мы идем к берегам Куша!..— пытался спорить судовладелец.

— Ну тогда и мне в Куш,— прозвучал ответ.— Отчаливай, тебе говорят!

И человек в кольчуге бросил быстрый взгляд на берег, где из-за угла как раз появился конный отряд, а за всадниками бежали стрелки с арбалетами на плечах.

— А деньги на проезд у тебя есть? — поинтересовался хозяин корабля.

— Я тебе вот чем сейчас заплачу! — взревел незнакомец и размахнулся здоровенным мечом.— Клянусь Кромом, если ты сейчас же не отчалишь, я всю эту посудину кровью залью, твоей в первую очередь!

Довод оказался весомым, к тому же корабельщик неплохо разбирался в людях. Стоило один раз посмотреть на темное, покрытое шрамами лицо незваного гостя, чтобы понять — этот шутить не будет! Хозяин галеры выкрикнул короткую команду и навалился на багор. Корабль качнулся, и между ним и причалом пролегла полоса воды. Вот опустились на воду весла, ритмично заходили вперед-назад; и наконец порыв ветра наполнил блеснувший под солнцем парус, галера, набирая ход, устремилась прочь от берега.

Преследователи, оставшиеся ни с чем, бессильно топали ногами, размахивали оружием и выкрикивали угрозы, приказывая кораблю немедленно поворачивать к пристани. Стрелки лихорадочно заряжали арбалеты, пытаясь обстрелять галеру, пока она была в пределах досягаемости.

— Пусть хоть лопнут,— сурово усмехнулся человек в кольчуге.— Следуй своим курсом, шкипер!

Хозяин корабля покинул ют, прошагал между рядами гребцов и поднялся на среднюю палубу. Незнакомец стоял спиной к мачте и, прищурившись, держал меч наготове. Корабельщик ответил ему спокойным взглядом, стараясь даже случайно не дотрагиваться до длинного ножа, висящего на поясе у него самого.

Воин, так бесцеремонно вторгшийся на судно, был высокого роста и могучего сложения, в тяжелой чешуйчатой кольчуге, блестящих поножах и шлеме из голубоватой стали, украшенном полированными бычьими рогами. Алый плащ развевался на морском ветру, из-под шлема ниспадала на плечи густая черная грива и горели синие, свирепые, пронзительные глаза.

— Раз уж нам придется путешествовать вместе, значит, и ссориться незачем,— миролюбиво проговорил корабельщик.— Я — Тито, уважаемый купец в портовых городах Аргоса. Сейчас держу путь в Куш и надеюсь, чернЫе короли этой страны продадут мне слоновую кость, копру, медную руду, рабов и жемчуг за бусы, шелк, сахар и мечи с латунными рукоятями!

Незнакомец еще раз оглянулся на уже далекий причал, где бессильно бесновалась погоня. Вероятно, им вряд ли удастся быстро найти судно, способное поспорить с быстроходной галерой.

— А я — Конан из Киммерии,— проговорил воин.— Я приехал в Аргос искать заработка, но здесь у вас не предвидится войн, а стало быть, и работы для такого, как я.

— А почему за тобой гнались стражники? — осведомился Тито.— Не то чтобы меня это каким-то боком касалось, но...

— Мне скрывать нечего,— ответствовал киммериец.— Клянусь Кромом, вроде сколько лет уже среди вас живу, но вы, цивилизованные люди, не устаете меня поражать!

Прошлой ночью я сидел в таверне... И видел, как капитан королевской стражи решил полапать возлюбленную молодого воина, ну а тот рассвирепел, конечно, всадил ему клинок в потроха. Поделом вроде? Так нет же, у вас, похоже, закон есть, по которому королевского стражника пальцем не тронь. Парень с девушкой пустились в бега, а кто-то возьми и донеси, будто меня с ними видели. И вот сегодня меня схватили и притащили на суд. Пристали с расспросами, где прячутся беглецы. Я, как ты понимаешь, отвечаю судье, что парень — мой друг, а стало быть, выдать его нипочем не могу. Судья стал твердить мне о каком-то там долге перед страной, обществом и королем и о всяких других вещах, в которых без кружки доброго вина не разберешься. Отвечай, говорит, куда они скрылись, а не то!..

Тут я и сам здорово обозлился — ведь вроде все уже сказал, чего им от меня еще надо,— однако стою, молчу... Они кричать стали о непочтении к правосудию, пообещали в рудниках меня сгноить! Мне это не понравилось. Достал меч, срубил голову самому главному и, не говоря ни слова, пробился к выходу. Потом вскочил на жеребца начальника стражи, и к гавани галопом. Должен же там, думаю, отыскаться какой-нибудь корабль, идущий в дальние страны... Вот и вся история!

— Судьи,— сплюнул Тито.— Вот кого не люблю. Сколько доводилось мне тягаться против богатых купцов, столько же меня и обдирали как овцу. Если я еще когда-нибудь загляну в здешний порт, мне, полагаю, придется ответить на кое-какие вопросы, но я легко докажу, что действовал по принуждению. Можешь убрать меч в ножны, Конан. Мы — мирные мореплаватели и не держим против тебя никакого зла. К тому же, я думаю, нам на борту не помешает вооруженный боец вроде тебя! Пошли ко мне на корму, выпьем вина.

— Ну и отлично,— пряча оружие, с готовностью согласился киммериец.

«Аргус» был выносливым суденышком из тех, что снуют между портами Зингары и Аргоса и прокладывают торговые пути вдоль побережий южных земель, редко отваживаясь измерять ширь открытого океана. Галера имела широкий корпус с высокими, красиво изогнутыми носом и кормой. Управлялась она длинным рулевым веслом, а парусную оснастку составляли прямой полосатый шелковый парус и небольшой кливер. Во время штиля команда садилась на весла — по десять с каждой стороны, поровну до и после средней палубы. Под этой палубой, а также под носовой надстройкой хранилась самая ценная часть груза. Люди укладывались спать прямо под скамьями, в скверную погоду сверху натягивали шатер. Двадцать гребцов, трое рулевых и шкипер — вот и вся команда.

И вот «Аргус» резво бежал к югу, подставляя паруса попутному ветру. День ото дня солнце грело палубу все жарче, так что полосатые шатры, окрашенные в те же цвета, что и парус, так и висели свернутыми, а позолоченная резьба на форштевне галеры ярко сверкала, отражаясь в бегущей мимо воде.

Потом вдали показались берега Шема — холмистые, покатые зеленые луговины, коронованные белыми силуэтами городов. К самому прибою выезжали горбоносые всадники с иссиня-черными бородами; они подозрительно рассматривали шедшую мимо галеру. «Аргус» не сворачивал к берегу. В торговле с шемитами Тито особых выгод не видел.

Не сделал он остановки и там, где изливался в океан могучий Стикс, а в волнах отражались черные бастионы Кеми. Корабли избегали заходить сюда без приглашения. Здесь, в Стигии, смуглые колдуны пели чудовищные заклятия сквозь жертвенный дым, курившийся над залитыми кровью алтарями, где корчились и кричали обнаженные женщины. Здесь принимал поклонение Сет, Древний Змей, которого вся прочая Хайбория называла Великим Врагом, а стигийцы почитали за бога. Проклинаемый всем остальным миром, здесь он, как говорили, свивал свои блистающие кольца, являясь высшему жречеству.

Стигийское побережье шкипер Тито обошел далеко морем. И не дрогнул, даже когда из-за мыса, увенчанного замком, вылетела гондола, чей нос украшало изображение змея, и нагие смуглые женщины с алыми цветами в волосах принялись бесстыдно зазывать к себе его моряков. И вот по берегам уже не видно сияющих башен, «Аргус» пересек южные пределы Стигии и шел теперь вдоль побережья Куша.

Море и все, что с ним связано, составляло каждодневную загадку для Конана, ведь он родился среди высоких гор и пустошей Киммерии. Поэтому он с неизменным любопытством приглядывался к корабельщикам, а те, в свою очередь,— к нему, ведь и они в большинстве своем никогда не видели живого киммерийца и даже не знали, что на свете есть еще и такая страна.

Сами они были типичными аргосскими мореплавателями, невысокими, крепкими и коренастыми. Конан далеко превосходил их ростом, а по силе — любых двоих, вместе взятых. Да, они отличались этакой узловатой, кряжистой цепкостью, но Конан обладал поистине волчьей выносливостью и жизнестойкостью, его тело и душа обрели стальную закалку в тяготах дикой жизни и беспощадной войны. Он любил посмеяться, но так же легко впадал и в поистине ужасающий гнев. Он был не дурак поесть и — что греха таить — порою не знал удержу в выпивке. Во многом по-детски наивный, так и не привыкший к утонченным хитростям цивилизации, Конан отличался природным умом и никому не давал сесть себе на голову и мог быть опасным, точно проголодавшийся тигр. Он был еще молод годами, но успел и повоевать, и пострансствовать по населенному миру. Это чувствовалось даже по его одежде и снаряжению. Рогатый шлем, например, имел явное отношение к золотоволосым асирам Нордхейма; чешуйчатая броня и поножи происходили из лучших мастерских Кофа; тонкие кольчужные нарукавники и штаны были выкованы в Немедии, а на поясе красовался великолепный аквилонский двуручник. Что же до роскошного плаща за спиной, то подобные ткали только в Офире.

«Аргус» неуклонно двигался к югу, и Тито уже высматривал по берегам обнесенные высокими оградами деревни черных племен. Увы, им попадались лишь дымившиеся пепелища, усеянные черными нагими телами, и Тито клял всех богов.

— Пираты, якорь им в глотку! Здесь побывали пираты! А как славно, помнится, я торговал тут в былые деньки.

— Пираты? — Конан невольно тронул рукой неразлучный меч в ножнах.— Ну и что будет, если мы их встретим?

— Мы не воины, а купцы. Я не ищу сражений, я лучше пущусь наутек!.. Но если все-таки произойдет заварушка — что ж, нам случалось отбиваться от раз-

бойников, отобьемся и теперь. Ну, конечно, если не нарвемся на «Тигрицу» самой Бёлит.

— Бёлит? Это кто?

— Самая жуткая демоница из всех, по ком плачет веревка. И если я не ослеп, это ее головорезы поработали в той последней деревне. Много бы я дал, чтобы однажды увидеть Бёлит болтающейся на рее! Как говорят, сама она из Шема, а команда у нее сплошь свирепые чернокожие. Сколько добрых купцов они отправили на дно морское!

Говоря так, Тито доставал из-под кормовой палубы стеганые куртки, стальные шлемы, луки и стрелы.

— Если она на нас налетит,— проворчал он,— толку от сопротивления будет немного. Но все же дать зарезать себя вовсе без боя — позорно и трусливо.

Солнце только-только взошло, когда послышался предостерегающий крик впередсмотрящего. Из-за длинного мыса острова, лежавшего далеко в море по правому борту, выдвинулась узкая смертоносная тень — по-змеиному изящная боевая галера с надстройкой для стрелков от носа до кормы. Сорок весел по каждому борту быстро мчали ее по морским волнам, низкие борта не могли скрыть неистовой пляски нагих чернокожих воителей, что с громкой песней колотили копьями в длинные щиты. На мачте галеры развевался ярко-алый вымпел, длинный и узкий.

— Бёлит,— побледнел от страха Тито.— Разворачиваемся, живей! Скорее вон в то устье!.. Если успеем туда проскочить, может, спасемся.

И «Аргус», развернувшись чуть ли не на месте, кинулся к полосе прибоя, гремевшего под пальмами на берегу. Тито безостановочно ходил по палубе туда и сюда, призывая хрипевших гребцов к сверхчеловеческому усилию. Его черная борода стояла дыбом, глаза горели.

— Дай лук,— обратился к нему Конан.— Не то чтобы я считал его оружием, достойным мужчины, но стрелять меня учили гирканцы, я сумею подстрелить хотя бы парочку пиратов!

Стоя на высокой корме, он смотрел, как несется на сближение легкий змееподобный корабль, и, даже не будучи моряком, явственно видел, «Аргусу» эту неравную гонку не выиграть никогда. И то сказать, с «Тигрицы» по ним уже стреляли, и стрелы, пущенные нетерпеливыми пиратами, с шипением падали в воду едва ли не в двадцати шагах за кормой.

— Может, принять бой? — обратился Конан к Тито.— По мне, лучше умереть от удара в грудь, чем от стрелы, всаженной между лопаток!

Но Тито, размахивая кулаками, лишь закричал:

— Греби веселей, собачье отродье!

Бородатые аргосцы со стонами налегали на весла, по спинам ручьями тек пот, мышцы сводило судорогой. Бедный маленький «Аргус» скрипел и охал всем корпусом, почти выпрыгивая из воды. Ветер, как назло, стих, парус висел тряпкой. Все ближе подбиралась безжалостная погоня. До белых бурунов прибоя оставалось еще не менее мили, когда один из гребцов с невнятным булькающим вскриком навалился грудью на рукоять. Длинная стрела торчала у него в шее. Тито прыгнул на место убитого, а Конан широко расставил ноги на кормовой палубе и поднял лук.

Со своего места он очень хорошо видел все, что делалось на пиратской галере. Гребцов защищал борт, но воины, приплясывавшие на палубе, красовались на виду. Почти нагие, в боевой раскраске и перьях, они размахивали копьями и пятнистыми щитами. А на носу виднелась стройная фигурка, чья белая кожа разительно выделялась на фоне блестяще-черных тел бесновавшейся команды. Бёлит! Конан оттянул тетиву до правого уха... Тем не менее в последний момент что-то удержало его, и, повинуясь внезапному порыву, он послал стрелу не в Бёлит, а в рослого чернокожего копьеносца, что стоял подле нее.

Пиратская галера быстро шла на сближение с маленьким купеческим кораблем. Стрелы густым дождем падали кругом «Аргуса», то и дело раздавались крики раненых и умирающих. Все кормчие были убиты, и Тито в одиночку правил тяжелым веслом, задыхаясь от натуги и безостановочно ругаясь. Его ноги вросли в палубу, точно узловатые корни. Но потом он издал какой-то всхлип и сполз на мокрые доски — его отважное сердце пробила стрела. Потерявший управление «Аргус» беспомощно закачался на волнах. Гребцы испуганно закричали, и Конан в обычной для себя манере принял командование.

— А ну, ребята!..— проревел он, спуская звенящую тетиву.— Покажем этим собакам, что наши глотки не так просто перерезать. Хватит надсаживаться на веслах, они все равно возьмут нас на абордаж, так какая разница, умереть прямо здесь или в полусотне ярдов отсюда?

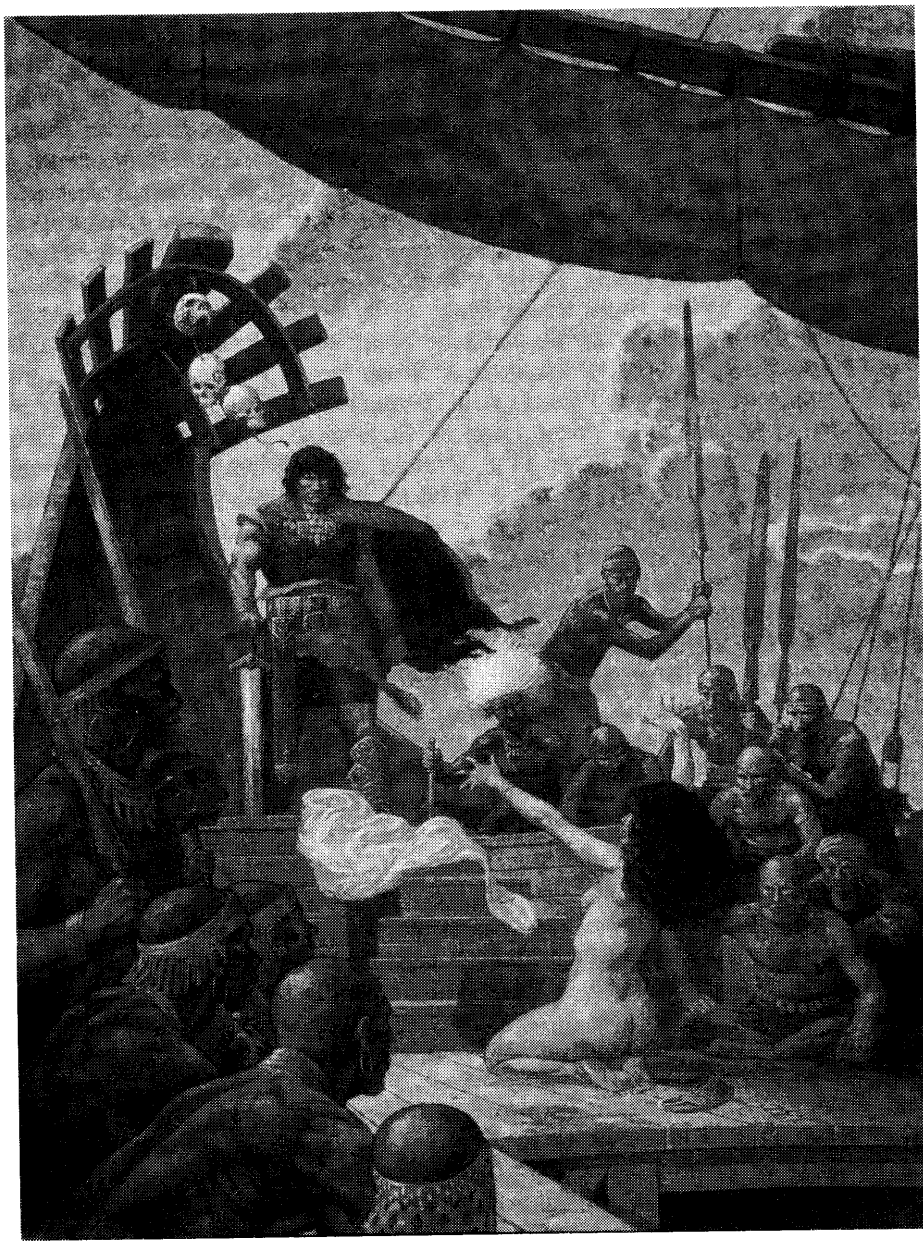
Повинуясь его приказу, аргосцы побросали весла и стали вооружаться. Они успели выстрелить в лучшем случае по одному разу, и их атаковали пираты. Неуправляемый «Аргус» медленно поворачивался, и окованный сталью таран «Тигрицы» со скрежетом врезался ему прямо в бок. Полетели и впились в палубу абордажные крючья. С носовой палубы черные воины обрушили вниз град стрел, чьи наконечники легко пронзали стеганые доспехи обреченных аргосцев. А потом с копьями наготове пираты прыгали на палубу «Аргуса», дабы завершить бой.

Палубу пиратского корабля усеяли мертвые тела — свидетельство меткости Конана.

Кровавая резня продолжалась недолго. Крепкие, закаленные мореходы мало что могли противопоставить опытным головорезам, и те очень быстро истребили их до последнего человека. Но этим последним человеком остался Конан, и, как следовало ожидать, битва приняла неожиданный оборот.

Когда «Тигрица» протаранила купеческую галеру, он стоял на корме, находясь на одном уровне с палубой пиратов. В момент удара ему удалось устоять на ногах, потеряв только лук. Через борт на него бросился рослый корсар, но Конан еще в полете встретил его взмахом меча. Длинный клинок рассек торс нападавшего, пройдя сквозь кости и плоть, так что ноги полетели в одну сторону, а голова и руки — в другую. Ярость Конана оставила лежать на палубе еще нескольких разбойников, сунувшихся к нему следом за первым,— и вот, перемахнув через борт, он сам оказался на палубе «Тигрицы»!

В тот же миг кругом него завертелся ураган мелькающих копий и занесенных дубинок, но Конан, закованный в сталь, перемещался до того быстро, что уследить за ним казалось невозможным. Копья пронзали пустой воздух или гнулись о его латы, зато длинный аквилонский меч без устали пел врагам погребальные песни. Конана осеняло боевое неистовство, которым славилось его племя,

взор затуманила алая пелена неукротимого бешенства. Расколотые черепа, проломленные ребра, выпущенные кишки — Конан шел по вражеской палубе, собирая кровавую жатву.

Против его брони оружие пиратов было бессильно. Прислонившись спиной к мачте, он убивал, пока враги не отшатнулись прочь, задыхаясь от ярости и испуга.

И вот, когда они уже занесли копья, чтобы метнуть их все разом, а Конан, напрягшись, ждал мгновения, чтобы прыгнуть вперед и, может быть, умереть,— резкий окрик остановил изготовившихся к бою мужчин. Все замерли одновременно — черные гиганты с копьями в поднятых руках и северянин в кольчуге, сжимающий окровавленный меч.

Ворвавшись в круг своих воинов, Бёлит заставила их опустить копья. Потом повернулась к Конану. Ее грудь вздымалась, глаза сверкали. Свирепый киммериец смотрел на нее в немом изумлении. Бёлит была сложена, точно богиня, пышно-роскошная и невероятно стройная одновременно. Единственным одеянием ей служил широкий шелковый пояс. Ее тело отливало слоновой костью, великолепная грудь притягивала взор, и Конан, несмотря на угар боя, возжелал предводительницу кровожадных пиратов. Ее черные волосы, густые и непроглядные, точно стигийская ночь,— какими блестящими волнами окутывали они ее гибкую спину! А каким огнем пылали глаза, устремленные на киммерийца!

Она казалась дикой, точно ветер пустыни, она была сильной и опасной, точно пантера. Женщина подошла к Конану вплотную, не обращая никакого внимания на длинный меч, с которого стекала кровь ее воинов. Она даже задела клинок крутым бедром и, сделав еще шаг, прямо посмотрела в суровые синие глаза северянина.

— Кто ты? — требовательно спросили алые губы.— Клянусь Иштар! Никогда еще не встречала подобных тебе, а ведь я избороздила моря от побережий Зингары до объятого пламенем юга! Откуда ты взялся?

— Из Аргоса,— бросил он коротко, ежесекундно опасаясь ловушки.

Пусть только попробует протянуть изящную ручку к драгоценному кинжалу на поясе, и он вкатит ей оплеуху, чтобы не сразу смогла подняться!.. Но это говорил разум воина, а сердце уже твердило свое: «Бой окончен». Слишком много женщин — и цивилизованных, и дикарок — искало в разное время его крепких объятий, так что Конан с первого взгляда узнал огонь, разгоревшийся в глазах Бёлит.

— Ты не похож на мягкотелого хайборийца,— фыркнула она в ответ.— В тебе — крепость и ярость серого волка. Зоркость твоих глаз не успели притупить городские огни, твое тело не изнежено жизнью среди мраморных стен!

— Я Конан из Киммерии.

Для жителей здешних стран Север был чем-то наполовину сказочным и смутным. Там жили свирепые голубоглазые исполины, изредка покидавшие свои ледяные твердыни, и тогда никому не ведать спасения от огня и меча. В Шем они, впрочем, ни разу доселе не забирались, и шемитка Бёлит не разбиралась, кто есть кто — асиры, ваниры, киммерийцы. Зато сработал глубинный женский инстинкт, безошибочно распознавший: перед ней мужчина, созданный для нее.

И не имело особого значения, к какому именно народу он принадлежал. Происхождение северянина лишь добавляло ему таинственности, а с нею и привлекательности.

— А я — Бёлит! — воскликнула она тоном, каким другие женщины говорят «я — королева!».— Гляди же на меня, Конан! — продолжала она, широко раскидывая руки.— Перед тобой Бёлит, владычица Черного побережья! О тигр Севера, холодный сын заснеженных гор! Закружи меня в неистовом вихре страсти! Мы вместе пройдем все пределы суши и моря! Я — королева по праву огня и стали и вооруженной руки, так стань же моим королем!

Конан посмотрел на заляпанных кровью пиратов, ожидая вспышек гнева и ревности. И ничего подобного не увидел. Черты воинов не отражали даже боевого исступления, успевшего угаснуть за прошедшие мгновения. И тогда Конан понял: для них Бёлит была чем-то большим, нежели просто женщина. Она была богиней, чью волю они и не думали оспаривать. Киммериец покосился на бедный «Аргус», который все так же беспомощно переваливался с борта на борт, удерживаемый лишь абордажными крючьями. Его палубы были сплошь залиты кровью, и даже волны, плескавшие на борта, окрашивала багровая муть. Вдали синел берег, океанская даль отсвечивала зеленоватым. А прямо перед Конаном, призывно раскрыв объятия, стояла великолепная женщина, и душа варвара невольно отозвалась на призыв. Пройти неизведанные просторы рука об руку с этой молодой тигрицей, любить ее, сражаться и грабить...

— Ладно,— проговорил он, отряхивая меч.— Я пойду с тобой.

— Эй, Н'Яга! — Голос Бёлит прозвенел, как спущенная тетива.— Тащи сюда свои зелья, перевяжешь раны господина! Остальные — забирайте добычу и рубите канаты!

Конан сел на палубу, привалился спиной к фальшборту и позволил старому шаману заняться ранами. Скоро весь груз с несчастного «Аргуса» перетащили на «Тигрицу» и убрали в рундуки под палубой. Тела убитых купцов и погибших пиратов побросали в море привлеченным кровью акулам, а раненых чернокожих уложили на палубу для перевязки. Потом выдернули абордажные крючья, и «Аргус» с проломленным дном начал медленно погружаться в кровавое море, а «Тигрица», размеренно работая веслами, направилась к югу.

Сгущались сумерки, и глаза Бёлит сверкали в полутьме, как у пантеры в лесу. Поднявшись на корму, где сидел Конан, она сорвала с себя украшения, сняла сандалии и шелковую набедренную повязку и все это сложила у ног своего избранника. Потом поднялась на цыпочки, вскинула руки над головой — нагой белый силуэт, мерцающий в потемках,— и выкрикнула, обращаясь к глазевшей команде:

— Смотрите, жадные волки синих морей, на брачный танец Бёлит, чьи предки были королями Аскалона!

И она пустилась в пляску — как ветер в песчаной пустыне, как пламя, танцующее на углях. Все было в ее танце — и призыв к зачатию и рождению, и зов смерти. Движения танцовщицы, то резкие и хлесткие, то плавные и нежные, завораживали. Не в силах отвести взгляд раненые, распростертые на досках, забывали о тяжелых увечьях и смерти... И вот, когда в синих бархатных сумерках

проглянули яркие звезды, Бёлит в последний раз завертелась волчком — и со страстным возгласом простерлась перед киммерийцем. Конан заключил ее в объятия — тяжко дышащую, дрожащую — и крепко прижал к своей все еще покрытой латами груди.

II

ЧЕРНЫЙ ЛОТОС

Когда нечистый дух отвел глаза ей
В той крепости с разбитыми стенами,
И вот меня уж бешенство терзает,
Как если бы соперник встал меж нами...

Песнь Бёлит

«Тигрица» шла на юг, и черные деревни содрогались от ужаса. В ночи тревожно били тамтамы, передавая известие, будто морская демоница нашла себе достойную пару — железного человека, чей гнев сродни ярости подстреленного льва. Немногие спасшиеся с разгромленных ими стигийских судов поминали Бёлит с неизменным проклятием — и тоже в один голос рассказывали о ее спутнике, белокожем воителе с синими глазами. Так и получилось, что стигийские владыки запомнили этого человека, запомнили надолго,— и такой памяти суждено было принести горькие плоды годы спустя.

Но пока «Тигрица», беззаботная, точно ветерок на просторе, обходила южные берега. И однажды бросила якорь в устье большой угрюмой реки, чьи крутые берега были как две стены, заросшие густыми джунглями и окутанные тайной.

— Эта река называется Зархеба, что значит Смерть,— сказала Бёлит.— Вода в ней ядовита, смотри, как она черна и непроглядна. Здесь живут лишь ядовитые гады, не зря этих мест сторонятся черные племена! Однажды сюда, спасаясь от моего преследования, вошла галера стигийцев, поднялась по течению и пропала из виду. Я велела бросить якорь на этом самом месте, и несколькими днями позже галера приплыла обратно, неуправляемая и пустая, палубы были залиты кровью. Мы нашли на борту всего одного человека, но он сошел с ума и умер, что-то бессвязно выкрикивая. Груз, впрочем, не пострадал, а вот команда так и канула в неизвестность.

Я поразмыслила над этим, возлюбленный мой, и сделала вывод, что где-то выше устья должен быть город. Мне передавали смутные слухи о гигантских стенах и островерхих башнях, вздымающихся над лесом,— их видели те, кто отваживался хотя бы немного подняться по водам Зархебы... Ну а мы с тобой, Конан, страха не ведаем. Почему бы нам не отправиться туда и не посмотреть на затерянный город? Уж верно, не с пустыми руками мы оттуда вернемся.

Конан только рад был ответить согласием, собственно, как и всегда. Ее ум вынашивал все планы их вылазок, его вооруженная рука претворяла в жизнь замыслы Бёлит. Куда плыть, против кого драться — особой разницы Конан не видел, лишь бы не скучать на одном месте. Так что жизнь с Бёлит была ему определенно по вкусу.

Между тем их команда поредела в сражениях и набегах; осталось не более восьмидесяти копьеносцев, их еле хватало для управления длинной галерой. Однако Бёлит было некогда совершать долгое путешествие на юг, в островные королевства, где она набирала себе пополнение. Ее снедало нетерпение изведать очередное приключение, и вот «Тигрица» свернула в устье реки по имени Смерть, и гребцы старались изо всех сил, превозмогая сильное течение.

Вскоре галера обогнула таинственную излучину, скрывшую морской горизонт, и пробиралась вверх по течению, обходя безжизненные отмели. Нигде не было видно даже крокодилов, ни единый зверь не прокладывал себе тропы к водопою, птицы и те избегали спускаться к страшной реке. Тьма, предварявшая восход луны, превратила берега в две глыбы осязаемо плотного мрака. Оттуда лишь слышалось шуршание и крадущиеся шаги да вспыхивали недобрым огнем чьи-то глаза... Один раз донесся нечеловеческий вопль, полный жуткой насмешки.

— Это обезьяна,— задумчиво молвила Бёлит и добавила: — Души грешников в наказание за неправедную жизнь попадают в их безобразные тела.

Вот тут Конан позволил себе усомниться. Некогда в Гиркании он видел существо кошмарного облика, сидевшее в клетке с золочеными прутьями. Люди сказали ему, что это большая обезьяна. Помнится, он заглянул в печальные глаза мохнатого пленника — и не увидел ни следа запредельной злобы, которая звучала в чудовищном смехе из джунглей.

А потом поднялась луна — багровый круг в непроглядной тьме неба — и джунгли наполнились звуками, приветствуя восход ночного светила. Рев, вой, рык и вопли со всех сторон заставили черных мореходов втянуть головы в плечи. Конан же сразу заметил, что ужасающий шум доносился не с берега, а изрядно дальше. Была, видимо, причина, по которой люди и звери одинаково сторонились черных вод Зархебы!

Поднимаясь над плотной, окутанной туманами чащей, луна посеребрила русло реки, галера оставляла в воде след в виде вереницы светящихся пузырьков, что поднимались, переливаясь, как драгоценные камни, и лопались на поверхности. Казалось, весла окунаются в жидкое серебро и взлетают в ночь, словно одетые в сверкающий иней. Пышные перья в головных уборах воинов кивали взад и вперед, самоцветы на рукоятях мечей и кинжалов вспыхивали при луне.

Холодный свет зажигал морозным огнем драгоценности в черных кудрях Бёлит, распростершейся на леопардовой шкуре, брошенной на палубные доски. Подперев ладонями подбородок, она смотрела, как легкий ветерок шевелил черную гриву Конана, сидевшего рядом. Гибкое тело красавицы мягко мерцало под луной, глаза казались двумя черными алмазами.

— Воздух здесь напоен жуткими тайнами,— проговорила она.— И мы плывем в самое сердце смертоносного ужаса. Тебе страшно, Конан?

Киммериец лишь передернул плечами, скованными кольчугой,— вот и весь ответ.

— Мне тоже не страшно,— задумчиво сказала Бёлит.— Я не знаю, что такое страх. Должно быть, я слишком часто заглядывала в глаза смерти. Конан, а ты боишься богов?

— Я предпочел бы не наступать на их тени,— поразмыслив, отозвался варвар.— Одни боги только ждут случая кого-нибудь поразить своим гневом, другие, напротив, рады помочь... По крайней мере, так утверждают жрецы. Взять хоть Митру, которому поклоняются хайборийцы,— надо думать, это сильный бог, даром ли его народы понастроили крепких городов по всему миру. А вот Сета, наоборот, все боятся, даже и хайборийцы. Еще есть Бэл, покровитель воров... Хороший бог. Он был не чужим мне, когда я жил в Заморе и промышлял воровством...

— А кому молится твое племя? — спросила Бёлит.— Я ни разу не слышала, чтобы ты кого-нибудь призывал.

— Наш бог — Кром, обитающий в пещере громадной горы, и призывать его без толку, ибо жизнь или смерть человека его мало волнует. Чем привлекать к себе его внимание, лучше уж промолчать, не то дождешься несчастий вместо удачи! Он угрюм и не знает любви, но при рождении он наделяет нас жизненной силой и волей драться за жизнь. И если подумать — чего еще нам просить у богов?

— А что у вас говорят о мирах, что распахиваются за рекой Смерть? — продолжала расспрашивать Бёлит.

— Вера моего народа не сулит особой надежды ни здесь, ни в будущей жизни. Земное существование есть бессмысленное страдание и борьба, обреченная на поражение, а единственная утеха для нас — безумное вдохновение битвы. Когда мы умираем, наши души пускаются в вечное странствие сквозь туман, под низкими облаками, несущимися на ледяных ветрах.

— Ну уж нет,— содрогнулась Бёлит.— Самая скверная жизнь и та лучше! Но во что, Конан, ты все-таки веришь?

Он пожал плечами.

— Я,— проговорил он затем,— знавал многих богов. Тот, кто берется их отрицать, так же слеп, как и тот, кто на них бездумно надеется... Что будет после смерти? Кому о том ведомо? Это может оказаться тьма и ничто, как утверждают немедийские скептики, либо же ледяной туман царства Крома... или пирше-

ственные залы среди снежных полей, которые северяне называют Вальхаллой. Мне не дано знать, куда я попаду, да и не сильно меня это заботит! Пока я живу, я намерен изучать жизнь во всех ее проявлениях. Дайте мне познать сочный вкус мяса и жгучее вино на языке, горячие объятия белых рук — и чтобы кругом пылала битва, клинки звенели, вспыхивали и окрашивались алым... Вот это — жизнь, а духовные тонкости оставим философам и жрецам. Реальность, иллюзия... Я вот что тебе скажу: если этот мир иллюзорен, значит, и сам я — всего лишь иллюзия, а коли так, все окружающее для меня реально. Ну и хорошо: жизнь пылает во мне, я люблю и дерусь... Чего еще?

— Но ведь боги реальны,— сказала Бёлит, думая о чем-то своем.— И превыше всех — боги шемитские. Иштар, Ашторет, Деркето, Адонис... Твой Бэл, между прочим, тоже шемитское божество, он ведь родился в древнем Шумире. Это было очень давно. Смешливый бог с кудрявой бородой и мудрыми озорными глазами пустился в путь, намереваясь похитить сокровища королей древности... А что до жизни после смерти — она есть, Конан, она точно есть! И я еще тебе скажу, киммериец! — Бёлит гибко приподнялась на колени и ухватила Конана за плечи, словно играющая пантера.— Моя любовь сильнее любых смертей! Ибо ты сжимал меня в своих объятиях, заставляя задыхаться и изнемогать от неистовой страсти. Ибо ты победил и завоевал меня, испив мою душу своими огненными поцелуями. Ибо мое сердце прикипело к твоему сердцу, а моя душа сделалась частью твоей души. И если случится так, что я паду мертвой, а ты будешь еще сражаться за жизнь,— я восстану из бездны, приду тебе на подмогу! Будет ли мой дух плыть под пурпурными парусами по хрустальным водам райского моря, будет ли он корчиться в огненном расплаве геенны,— ничто не удержит меня, и все боги Вселенной не смогут нас разлучить!

В это время раздался истошный крик впередсмотрящего, стоящего на носу корабля. Конан отстранил Бёлит и прыжком вскочил на ноги, выхваченный меч сверкнул в лунном луче. Волосы киммерийца встали дыбом от зрелища, представшего его глазам. Черный воин висел в воздухе над палубой, удерживаемый чем-то, сперва показавшимся Конану изогнутым древесным стволом. Миг спустя он разглядел, что «ствол» на самом деле — гигантская змея, которая, извиваясь, поднялась над бортом корабля и сомкнула ужасную пасть на теле несчастного! Мокрая чешуя искрилась и сверкала, схваченный воин корчился и кричал, точно мышь в зубах у питона. Конан рванулся вперед и, размахнувшись громадным мечом, всадил его в тело чудовища, превосходившее по толщине человеческий торс. Бортовые доски залила кровь, умирающая гадина качнулась назад, так и не выпуская обреченную жертву, и виток за витком канула в черную воду, сбивая ее предсмертными судорогами в кровавую пену. И вот не стало видно ни человека, ни змеи.

После этого случая Конан сам занял место впередсмотрящего, но больше никто из отравленных вод их не беспокоил. Когда же небо наконец побледнело, встречая рассвет, киммериец разглядел над лесом черные клыки башен. Он позвал Бёлит, спавшую на палубе под его алым плащом, и она с разгоревшимися глазами встала подле него. Предводительница уже хотела дать команду воинам разбирать луки и копья, но так и не произнесла ее, а прекрасные глаза округлились от изумления.

Выйдя из-за лесистого мыса, они увидели над излучиной берега... не город — призрак города, когда-то шумного и полного жизни. Теперь между камнями обрушенных причалов выросла трава, корни деревьев разворотили мостовые величавых некогда улиц, широких площадей, просторных дворов. Джунгли с трех сторон наступали на город, одевая ядовитой зеленью остатки стен и рухнувшие колонны, а с четвертой стороны была река. Покосившиеся башни беспорядочно торчали в утреннем небе, от былых дворцов остались лишь сломанные каменные столбы. На главной площади высилась мраморная пирамида, увенчанная высокой стройной колонной, а на самом верху этой колонны сидело, скорчившись, нечто, поначалу принятое Конаном за изваяние... пока его острые глаза не различили присутствие жизни.

— Там огромная птица,— предположил один из воинов, собравшихся на носу корабля.

— Нет,— возразил другой.— Это исполинская летучая мышь!

— Это обезьяна,— сказала Бёлит.

В это время тварь распахнула широкие крылья и, хлопая ими, улетела в зеленую тьму джунглей.

— Обезьяна, да еще и крылатая,— поежился старый Н'Яга.— Чем являться сюда, лучше бы мы просто перерезали себе глотки! Это место заколдовано, здесь водится нечисть.

Но Бёлит лишь посмеялась и велела подогнать галеру к берегу, чтобы бросить швартовы на полуразрушенную пристань. Она первой спрыгнула на берег, за ней — Конан, а следом — чернокожие пираты в уборах из белых перьев, колыхавшихся на утреннем ветру. Воины крепко сжимали копья, подозрительно поглядывая на жуткие и такие близкие джунгли.

Здесь царила тишина, зловещая, как над гнездом спящей змеи. Тем не менее Конан все не мог оторвать глаз от Бёлит, пробиравшейся среди развалин: сильная, гибкая, удивительно живая, она странно смотрелась среди окружающего запустения. Неприветливое солнце медленно разгоралось над вершинами джунглей. Башни заливало тусклое золото, но у подножия осыпавшихся стен залегли тени. Вот Бёлит указала рукой на небольшую круглую башню, готовую рухнуть с подточенного временем основания. К ней вела поросшая травой лестница из широких каменных плит, по сторонам валялись остатки разбитых колонн, а наверху лестницы виднелся массивный алтарь. Бёлит быстро прошагала по древней мостовой и остановилась у жертвенника.

— Здесь был храм древних богов,— сказала она.— Видишь по сторонам алтаря желобки для стекания крови? Дожди десяти тысяч лет так и не отмыли их от темных потеков... Стены давно рассыпались в прах, а этому камню все нипочем — ни стихии, ни время!

— Кому же тут поклонялись? — поинтересовался Конан.

Она только развела руками.

— Этот город такой древний, что о нем молчат даже легенды... Почем знать, какие обряды здесь отправляли? Давай лучше присмотримся к вот этим отверстиям по сторонам алтарной плиты! Уж больно они смахивают на проушины для подъема, а я-то знаю, как часто жрецы прячут свои сокровища под жертвенниками!.. Ну-ка вы, четверо! Беритесь вот здесь и попробуйте приподнять!

И она отступила, косясь вверх, на башню, опасно нависшую над их головами. Трое самых крепких пиратов взялись за края отверстий, оказавшихся странно неподходящими для человеческих рук, и Конан уже наклонился помочь им, когда Бёлит вдруг вскрикнула и шарахнулась прочь. Чернокожие застыли на месте, киммериец же крутанулся, выругавшись от неожиданности.

— Змея в траве,— пятясь, проговорила Бёлит.— Иди пристукни ее. А вы двигайте камень!

Конан направился к ней, его место занял один из пиратов. Пока он не без раздражения высматривал в траве ядовитую гадину, черные гиганты покрепче расставили ноги, разом ухнули и стали тянуть — так, что под лоснящейся кожей вздулись литые бугры. Они пытались приподнять плиту, но вместо того, чтобы оторваться от земли, она вдруг повернулась набок. И в то же мгновение сверху донесся тяжелый скрежещущий грохот, и круглая башня обрушилась вся разом, похоронив четверых пиратов под грудой битого камня.

Уцелевшие воины разразились воплями ужаса. Конан почувствовал, как впились ему в руку пальцы Бёлит.

— Не было никакой змеи,— шепнула она.— Я хотела просто отозвать тебя. Я подозревала, древние не отдадут свои сокровища так легко...

С немалыми усилиями они откатили все глыбы и высвободили четыре изувеченных тела. И там, под ними, пираты увидели обагренную свежей кровью пещеру, вырубленную в толще скалы. Алтарная плита служила чем-то вроде двери, укрепленной с одного боку на каменных петлях. А там, под ней... Сперва им показалось, что подземную нишу заполнял жидкий огонь, полыхнувший на утреннем солнце мириадами сверкающих капель. Взорам остолбеневших пиратов предстало сокровище, воистину превосходившее всякое воображение. Бриллианты, рубины, сапфиры, бирюза, лунный камень, изумруды, аметисты, опалы... еще какие-то неведомые камни, сверкавшие, точно глаза злобных ведьм. Пространство под алтарем было по самые края полно самоцветов, и они радугами искрились на солнце.

Вскрикнув, Бёлит припала на колени прямо на каменный мусор, обагренный кровью ее людей, и по самые плечи погрузила белые руки в это драгоценное озеро. А потом извлекла их, вытащив нечто, заставившее ее вскрикнуть опять. В пальцах Бёлит было зажато великолепное ожерелье из алых камней, выглядевших замерзшими сгустками крови, нанизанными на толстую золотую проволоку. В сиянии этих камней даже солнечный свет, казалось, приобрел мутно-багровый оттенок.

Глаза Бёлит подернулись пеленой,— таковы шемиты, склонные пьянеть от вида роскоши и земных богатств, а здесь богатства были такие, что зрелище их потрясло бы даже пресыщенного шушанского императора.

— Забирайте сокровище, псы мои! — вскричала она голосом, дрогнувшим от овладевшего ею чувства.

— Смотри! — Мускулистая рука черного воина указывала в сторону «Тигрицы».

Бёлит резко обернулась, яркие губы растянул яростный оскал — воображение успело нарисовать ей галеру пиратов-соперников рядом с ее собственным

кораблем. Однако увиденное оказалось едва ли не хуже. С носа «Тигрицы» снялась темная крылатая тень и улетела в сторону джунглей.

— Обезьяний демон... обезьяний демон на галере...— встревоженно зароптали воины.

— И что с того? — Бёлит сопроводила свои слова отборным ругательством.— Сделайте носилки из копий и щитов,— с прежней властностью распорядилась она.— Нужно погрузить сокровище... Э, Конан, а ты куда, демон тебя задери?

— Посмотрю, как там корабль,— отозвался киммериец.— Как бы эта мерзость дыру в днище не пробила или чего похуже не сделала!

Он проворно одолел покореженный временем мол и вспрыгнул на борт. Быстро осмотрел пространство под палубами — и от всей души выругался, проводив улетевшую тварь мстительным взглядом. Потом вернулся к Бёлит, которая уже вовсю руководила ограблением алтарного тайника. Ожерелье красовалось у нее на шее; камни темным блеском переливались на нежной коже. Громадный чернокожий стоял по пояс в самоцветах, щедрыми пригоршнями передавая наверх бесценные камни. В темных пальцах струились застывшие радуги, искрился звездный свет, мерцали и падали алые капли. Ни дать ни взять — черный гигант стоял в первородном чаду, вздымая из него небесные звезды.

— Летучая дрянь расколотила наши бочки с водой,— доложил Конан.— Совсем из ума выжили, ни одного караульщика не оставили! А из реки пить нельзя!.. Я бы взял двадцать человек и поискал в джунглях пресной воды.

Бёлит рассеянно кивнула. Странная власть камней все не отпускала ее, пальцы перебирали на груди алое ожерелье.

— Отлично, ступай,— проговорила она, точно во сне.— А я тут присмотрю.

Джунгли скоро сомкнулись со всех сторон, и солнечный свет из золотого стал серым. С древесных ветвей свисали лианы, похожие на удавов. Воины шли цепочкой один за другим, пробираясь в лесных сумерках,— вереница черных теней под предводительством белого призрака.

Подлесок оказался не настолько густым, как того ожидал Конан. Земля под ногами была губчато-влажной, но все-таки не вполне заболоченной. Чем дальше уходили они от реки, тем выше забирались по склону. Все глубже и глубже в колышущуюся зеленую тьму — и нигде никакой воды, ни бегущего ручейка, ни стоячей лужи. Когда Конан резко остановился, воины черными базальтовыми статуями замерли у него за спиной. Воцарилась напряженная тишина, и вот Конан досадливо тряхнул головой.

— Ступай вперед,— велел он старшине по имени Н'Гора.— Идите все прямо, пока не потеряете меня из виду, потом остановитесь и ждите. Я вас догоню. Сдается мне, за нами кто-то идет. Я вроде кое-что слышал.

Чернокожие начали опасливо переминаться, но все исполнили в точности. Когда они зашагали вперед, Конан быстро отступил за ствол громадного дерева, спрятался и стал смотреть на тропинку, по которой они пришли. Кто знает, что могло появиться из лиственной гущи?..

Время тянулось, но ничего не происходило. Шаги воинов мало-помалу стихли в отдалении, когда сознания Конана достиг странный, незнакомый аромат, разлившийся в воздухе. Потом что-то легонько коснулось виска. Киммериец

быстро оглянулся. Он увидел пучок зеленых стеблей, покрытых замысловато вырезанными листьями, и с этих стеблей к нему тянулись крупные черные цветки. Один из них даже коснулся его. Цветки двигались и манили его к себе и сами выгибали в его сторону стебли. Они покачивались и шуршали, хотя в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка.

Конан шарахнулся прочь, распознав черный лотос, чей сок несет смерть, а запах навевает глубокую дрему, полную небывалых видений. Уже сейчас Конан ощущал странную вялость. Он хотел выхватить меч, чтобы изрубить зловещие стебли, но рука безжизненно повисла. Он открыл рот, желая позвать воинов, но вместо призыва о помощи лишь невнятный хрип вырвался из его горла. А в следующий миг накатила волна дурноты, джунгли завертелись у него перед глазами, он рухнул на колени и безвольно растянулся на земле, даже не услышав страшных криков, раздавшихся неподалеку.

Над нёподвижным телом кивали и шевелились в безветренном воздухе крупные черные цветки...

III

УЖАС ДЖУНГЛЕЙ

Мне лотос ночи навевал такое!..
Да будет проклят каждый день покоя,
Да будет проклят каждый час без боя
И крови, пролитой моей рукою!..

Песнь Бёлит

Была только тьма, кромешная и абсолютно пустая, пронизанная ледяными токами космического пространства. Потом в ней заклубились тени, чудовищные, неясные, ускользающие за край зрения, как если бы сама тьма вздумала

принять вещественный облик. А ледяные течения столкнулись и образовали вихрь — опрокинутую пирамиду ревущего мрака. Из вихря родились пространство и форма; и вот наконец, совсем неожиданно, тьма разделилась надвое и расползлась вправо и влево, точно разошлись непроглядные облака, и взгляду предстал город из темно-зеленого камня, выстроенный на берегу широкой реки, стремившей свой бег среди бескрайних равнин. По улицам города сновали жители, похожие и непохожие на людей.

Они, если можно так выразиться, были отлиты почти в той же форме, что и люди, но явно не имели никакого отношения к человечеству. Во-первых, они были крылаты, а во-вторых — громадны и с несколько иными пропорциями тела. И некоторым образом чувствовалось, что это была не отпочковавшаяся ветвь эволюции, увенчанной появлением человека,— нет, взгляду предстал зрелый и по-своему совершенный плод развития абсолютно чужой расы. Даже если не принимать во внимание крылья, эти создания напоминали людей примерно в той же мере, в какой сам человек — если взять самые физически великолепные образцы человечества — напоминает крупных приматов. Чувствовалось, что в своем духовном, эстетическом и интеллектуальном развитии горожане опять-таки превосходили людей не в меньшей степени, чем эти последние превосходили горилл. Да что говорить — во времена, когда они выстроили свой город, отдаленные предки человечества еще копошились в тине первобытных морей!

Существа были смертными — по свойству всех созданий из плоти и крови. Они жили, любили друг друга и умирали, хотя бы и прожив немыслимо долгую жизнь... Но вот пронеслись несчитаные миллионы лет — и началось изменение. Картина города затрепетала и заколебалась, словно нарисованная на занавесе, колеблемом ветром. Эпоха за эпохой накатывались на город, как морские волны на берег, и каждая приносила с собой перемены. Где-то на планете переползали с места на место магнитные полюса; меняя лик земли, наступали и отступали великие ледники.

Не оставалось неизменным и русло великой реки. Вот равнины уступили место болотам, в которых кишели рептилии. Там, где прежде простирались тучные пастбища, вырос лес, а потом и темные джунгли. Для жителей города череда столетий также не прошла без следа. Нет, они не стали перебираться на новое место. Почему? На то были причины, непостижимые для человеческого рассудка. Крылатые остались в древнем городе и тем подписали себе приговор. Некогда богатую и могущественную страну все прочнее захлестывал океан заболоченных джунглей, и вместе с ней уходил в никуда развитой и славный народ. Землю под ногами горожан сотрясали чудовищные конвульсии землетрясений, ночами над горизонтом вставало багровое зарево близких вулканов.

И вот, после очередного катаклизма, когда рухнули защитные стены города и высочайшие башни, а река много дней текла черной грязью, вырвавшейся из смертоносных подземных пещер,— местная вода, которую крылатые пили много миллионов лет, претерпела ужасные метаморфозы.

Многие горожане умерли сразу, а те, кто выжил, начали меняться, исподволь и поначалу совсем незаметно, вот только результат оказался чудовищен. Пытаясь приспособиться к изменившимся условиям жизни, крылатые предтечи людей стали безвозвратно терять свои былые достоинства. Все более и более

звероподобные поколения появлялись на свет, и в итоге крылатые божества древности превратились в летучих демонов. То немногое, что сохранилось у них от необозримого духовного наследия предков, оказалось жутко извращено и вместо добра обратилось во зло. Если когда-то достижения этих существ далеко превосходили самые светлые человеческие мечты, то теперь крылатые пали ниже, чем способен нарисовать самому низменному человеку самый гнусный кошмар. Они предавались каннибализму, их общество раздирала вражда, выливавшаяся в череду беспощадных стычек на залитых лунным светом болотах... Их становилось все меньше, пока наконец не остался всего один. Самый последний житель погибшего города, уродливое и страшное отражение былого величия и красоты в кривом зеркале веков...

И тогда-то на сцене в самый первый раз появились люди. Смуглые, с ястребиными ликами, в доспехах из кожи и меди, вооруженные луками,— это были воины доисторической Стигии. Всего пятьдесят человек, изможденных голодом и длительным переходом по враждебному лесу, в повязках с засохшей кровью, свидетельствовавших о недавних и жестоких боях... Они принесли в своей памяти картины войны, поражения и бегства от более сильного племени, которое безостановочно гнало их все дальше на юг, пока они не затерялись в беспредельности джунглей.

Войдя в город, стигийцы без сил повалились среди развалин, прямо в красные цветы, что распускаются один раз за столетие, при полной луне. Здесь воинов сморил крепкий сон, и, пока они спали, из мрака выползла ужасная красноглазая тень и совершила над каждым чудовищный и непонятный обряд. Его видела только луна, глядевшая с темных небес. Джунгли стояли в тускло-багровом сиянии, и кроваво-красные цветы покачивались над спящими... А потом луна закатилась, и тьма стала сплошной, лишь глаза крылатого демона светились двумя угольками.

Когда же развалины башен подернул белой дымкой рассвет, воинов, спавших на городских камнях, более не было. Посреди площади сидела на корточках волосатая красноглазая жуть, окруженная полусотней громаднейших пятнистых гиен. Вот они подняли влажные морды к мертвенным небесам — и завыли, точно грешные души, угодившие в огонь...

После этого видения замелькали с такой быстротой, что их едва удавалось осмыслить по отдельности. Что-то стремительно двигалось, корчилось, выплавлялось из тени и света — в черноте джунглей, на фоне зеленоватых руин и непроглядной реки.

Черные люди подплывали к причалам на длинных лодках с форштевнями, увенчанными оскаленными черепами, и с копьями в руках выходили на берег. После чего с воплями удирали во тьму, пытаясь спастись от обладателя красных пылающих глаз и слюнявой ощеренной пасти. Крики умирающих разрывали лесные потемки, чуть шелестели шаги подкравшегося упыря, вспыхивали и исчезали багровые огоньки глаз... По серебру лунного диска проносилась гигантская летучая тень, и на затерянной в джунглях поляне начинался ужасающий пир...

И вдруг мелькание остановилось, сменившись ясной и четкой картиной, затмившей все прочее. Из-за лесистого мыса, озаренного утренним солнцем,

показалась длинная галера, полная чернокожих воителей, а на носу корабля стоял белый гигант в доспехах из сверкающей стали...

Конан понял, что видит сон; прежде этого мгновения он не осознавал ни себя самого, ни происходившего. Но, увидев знакомую палубу «Тигрицы» и собственный силуэт, он сразу все вспомнил... Впрочем, не просыпаясь.

Пока он силился сообразить, что к чему, картина снова сменилась. Он увидел заросшую лощину, где с девятнадцатью копьеносцами стоял Н'Гора, словно поджидая кого-то. И едва Конан успел догадаться, что ждали они не кого-нибудь, а его самого, тишина стоического ожидания была нарушена криками ужаса. Прямо с небес на воинов обрушился летучий кошмар! Сойдя с ума от страха, чернокожие храбрецы побросали оружие и в панике разбежались по джунглям. Кожистые крылья зловеще хлопали над их головами.

Ничего внятного больше нельзя было разглядеть, и Конан напряг остатки сил, пытаясь проснуться. Он даже смутно различил себя самого, неподвижно лежавшего в зарослях кивающих черных цветов,— а из кустов к нему уже подкрадывалась уродливая когтистая тень. И рассудок варвара, опутанный незримыми паутинами сна, взорвался яростным победоносным усилием — Конан открыл глаза и вскинулся, готовясь защищать свою жизнь.

Реальность оказалась куда менее вразумительной, чем только что пронесшиеся сновидения. Сначала Конан увидел над собой склонившийся черный лотос — и со всей поспешностью откатился подальше.

В рыхлой влажной земле прямо перед своим лицом он увидел след, как если бы зверь высунул из кустов лапу, готовясь сделать шаг на поляну, но передумал. След напоминал отпечаток лапы невиданно огромной гиены.

Конан закричал во все горло, зовя Н'Гору. Никто не отозвался ему. Над лесом висела глухая тишина, в которой собственные крики показались ему беспомощно жалкими. Оттуда, где он сидел, никак не удавалось разглядеть солнце, но Конан не зря вырос вдали от цивилизации: инстинктивное чувство времени сказало ему, что день близился к вечеру. Киммериец пришел в ужас, поняв, что провалялся без сознания несколько часов. Быстро поднявшись, он поспешил по следам своих людей.

Ровная цепочка отпечатков скоро вывела его на поляну. И здесь Конан остановился как вкопанный, а между лопатками побежали мурашки,— он сразу узнал поляну из своего сна, навеянного лотосовым дурманом. И, как в том сне, повсюду кругом валялись копья и щиты, брошенные в нерассуждающем бегстве.

Это подтвердили и следы, тянувшиеся с поляны в темную чащу. Отпечатки перекрывали друг друга, пересекались и беспорядочно петляли между деревьями, чтобы наконец вывести киммерийца на другую прогалину, где громоздилась скала, обрывавшаяся сорокафутовым отвесным обрывом.

И там, на краю обрыва, сидело нечто живое...

Сначала Конан решил, что увидел здоровенную черную гориллу. Но нет, существо больше напоминало чернокожего человека, ссутулившегося по-обезьяньи. Длинные руки безвольно свисали, с распущенных губ клочьями падала

пена. И только когда «горилла» с каким-то отчаянным всхлипом вскинула руки и бросилась ему навстречу, киммериец с изумлением и ужасом признал Н'Гору.

Конан сразу понял, что несчастный сошел с ума. Н'Гора не обратил никакого внимания на его предостерегающий крик. Он мчался на Конана, жутко выкатив глаза, состоявшие из сплошных белков, и не по-людски ощерив зубы.

Безумец всегда внушает ужас человеку, пребывающему в здравом рассудке, а этот был еще и опасен. Стиснув зубы, Конан выхватил меч, и Н'Гора грудью налетел на клинок. Конан увернулся от грабастающих черных рук и, обойдя поникшее тело, подобрался к кромке откоса.

Там, внизу, на острых камнях, лежали исковерканные тела воинов Н'Горы. Неестественные позы, перебитые кости, вывернутые суставы. И никакого движения, если не считать тучи жирных мух, уже клубившихся над окровавленными камнями, и хищных муравьев, добравшихся до мертвечины. На деревьях понемногу рассаживались стервятники, да еще шакал, высунувшийся на открытое место и внезапно увидевший над собой человека, поспешил схорониться в траве...

Некоторое время Конан стоял неподвижно. Потом круто развернулся и побежал обратно тем же путем, каким явился сюда, с бесшабашной отвагой продираясь сквозь высокую траву и кусты, перескакивая через побеги лиан, змеившихся поперек тропки. Он нес обнаженный меч у бедра, и загорелое лицо покрывала небывалая бледность.

Между тем царившая в джунглях тишина становилась все более густой и зловещей. Солнце успело сесть, и лес заполонили громадные тени, выползшие из непроглядных болот. Казалось, они дышали смертью и тленом. Конан с его стальной кольчугой и алым плащом выглядел последней искоркой настоящей живой жизни. И кругом по-прежнему не было слышно ни единого звука, кроме его собственного тяжелого дыхания...

Еще несколько шагов, и он вырвался из лесных потемок в сумерки речного прибрежья. Вот галера, приткнувшаяся к развалинам причала, вот знакомые руины, пьяно накренившиеся над мостовыми. А еще там и сям среди камней проглядывали сполохи красного, словно чья-то небрежная рука расплескала полные пригоршни крови.

В который уже раз глазам Конана предстала картина смерти и разрушения. Копьеносцы лежали мертвыми на земле и впервые не вскочили приветствовать своего предводителя. Цепочка бездыханных тел протянулась от края джунглей до самого берега. Изуродованные, разорванные, наполовину сожранные куски мяса, совсем недавно бывшие живыми людьми. И повсюду — кровавые отпечатки звериных лап, как если бы здесь знатно повеселилась стая гигантских гиен.

Конан молча приблизился к самому берегу и вышел на причал. Там, над палубой «Тигрицы», болталось в воздухе нечто, отливавшее нежной белизной слоновой кости... Стоя у края воды, киммериец безмолвно взирал на королеву Черного побережья, повешенную на рее ее собственного корабля. Удавкой же неведомому палачу послужило то самое ожерелье из кроваво-красных камней, даже и теперь блиставших сквозь сумерки зловещим драгоценным огнем.

IV

НАПАДЕНИЕ С НЕБА

Когда оскалу тьмы отпор давал он,
Когда вокруг лилась ручьями кровь,
Я встала рядом с ним, как обещала,
И войско ада мне не помешало
Последний раз явить мою любовь!

Песнь Бёлит

Джунгли были черным чудовищем, зажавшим разрушенный город в необоримых объятиях. Луна еще не взошла; звезды каплями расплавленного янтаря горели на куполе мрака, с которого готовилась упасть смерть. На вершине пирамиды среди поваленных башен, подперев подбородок тяжелыми кулаками, сидел Конан-киммериец, неподвижный, как чугунная статуя. Внизу, в непроглядной тени, слышался шорох крадущихся лап, вспыхивали и гасли налитые кровью глаза. Чернокожие воины так и лежали там, где застала их смерть. Лишь королева Черного побережья покоилась на палубе верной «Тигрицы», возложенная на погребальный костер из обломков скамей, черенков копий и леопардовых шкур, закутанная в алый плащ киммерийца. Погребение обещало стать воистину королевским: вокруг Бёлит лежала вся ее добыча — шелк и парча, золотое и серебряное шитье, бочонки самоцветов и золотых монет, серебряные слитки и дорогое оружие.

Среди всего этого великолепия недоставало лишь драгоценностей из подалтарного тайника. Их судьбу теперь знали только темные воды Зархебы, куда Конан, матерясь, пошвырял все до последнего камешка. Пошвырял — и мрачно засел на верхушке пирамиды, дожидаясь незримых врагов. В его душе более не было места страху, всю боязнь без остатка выжгла черная ярость, клокотавшая внутри. Пусть из мрака является что угодно — Конану было все равно. «Только высуньтесь!» Теперь он понимал, что черные лотосы показали ему сущую правду. Стало быть, пока Н'Гора с товарищами дожидался его на поляне, их насмерть перепугало нечто, спустившееся с небес; несчастные кинулись бежать, не разбирая

дороги, и упали с обрыва на камни. Все, кроме старшины, который каким-то образом избег общей судьбы, но поплатился рассудком. И случилось это примерно в то самое время, когда погибали оставшиеся на берегу. Насколько мог судить Конан, у реки происходило не сражение, а резня. Мужество чернокожих было подорвано суеверными страхами; когда страхи вдруг ожили и накинулись на бедолаг, они, скорее всего, безропотно приняли смерть, даже не пробуя защититься.

Почему же самого Конана до сих пор обходила ужасная смерть? Он не мог придумать причины, разве только нечистая сила решила как можно дольше наслаждаться его скорбью и страхом... А что, это предположение выглядело достаточно здравым, ибо за всем происходившим определенно чувствовался чей-то злой разум — какая разница, человеческий или чужой. Кто-то ведь додумался разбить бочонки с водой, чтобы пираты были вынуждены разделиться. Кто-то целенаправленно загнал беглецов на опасный обрыв. И — вот уж венец всему! — кто-то затянул на белой шее Бёлит кроваво-красное ожерелье, превратив украшение в орудие казни. Так вот, носитель этого разума явно приберегал Конана, видя в нем самую желанную и достойную жертву. Кажется, его собирались раздавить изощренной душевной пыткой, после чего отправить следом за остальными. Ну-ну, пускай попытаются. На лице Конана не читалось никаких чувств, лишь в синих глазах стыл поистине железный смех...

И вот луна, поднявшаяся над лесом, заиграла на рогатом шлеме киммерийца. В эту ночь ни единое живое существо не приветствовало появление ночного светила криком, который эхом подхватили бы остальные. Наоборот, тишина сделалась напряженной и страшной, джунгли как будто затаили дыхание. Конан инстинктивно нащупал рукоять громадного меча, до поры дремавшего в ножнах. У пирамиды, на которую он взобрался, было четыре грани, и та грань, что смотрела в сторону джунглей, состояла из широких ступеней. Конан загодя запасся тугим шемитским луком из тех, к которым приучила свою команду Бёлит, и целой охапкой стрел. Они лежали перед ним наготове — перьями к стрелку, наконечниками к лесу. Когда в кромешной тени наметилось какое-то движение, Конану осталось только тихо припасть на одно колено и взяться за тетиву.

Вот лунный свет на мгновение очертил голову и плечи какого-то существа, и к подножию пирамиды, стелясь по земле, устремилось два десятка чудовищных пятнистых гиен. Слюнявые клыки вспыхивали на свету, а глаза горели таким огнем, какого не бывает у настоящих зверей.

Конан отметил про себя их количество и подумал, что копья пиратов, похоже, успели-таки поработать; значит, чернокожие все же не сдались без боя... Еще не завершив эту мысль, киммериец оттянул тетиву к правому уху — пропела стрела, и огнеглазая тень взвилась в судорожном прыжке, после чего забилась на камнях мостовой. Остальные бежали вперед, а сверху на них дождем сыпались стрелы, посылаемые верной рукой, острым глазом и ненавистью, что была горячее адских камней.

И эта ярость не лишала Конана меткости, скорее наоборот: он не промахнулся ни одного раза. Каждый пернатый снаряд оказывался смертоносен. Стая понесла пугающий урон, даже не успев достичь подножия пирамиды. Уцелевшие гиены полезли вверх, одна за другой валясь на каменные ступени. Глядя со своего места в их пламенеющие глаза, Конан отчетливо понимал, что к его горлу рвались вовсе не звери. И дело было даже не в их неестественной величине.

Хищные твари испускали отчетливо ощутимую ауру, словно черный туман над болотом, где лежат непогребенные мертвецы. Что за страшное колдовство наделило их жизнью? Конан не знал и знать не хотел, он лишь чувствовал перед собой нечисть едва ли не худшую, чем Колодец Скелоса. И еще он знал, что эту нечисть возможно было поразить оружием смертных, и ему этого было довольно.

Стоя во весь рост, он бил и бил в наседающих тварей. Последняя стрела сверкнула в лунном луче и уже в упор встретила пятнистого оборотня, взвившегося в прыжке. Мохнатое тело перевернулось в воздухе и покатилось вниз, простреленное навылет...

В следующий миг Конана захлестнула лавина пылающих глаз и оскаленных пастей. Самую первую тварь рассадил пополам свистнувший меч, но гиен было слишком много, и они сшибли Конана с ног. Удар рукояти разнес плоский череп еще одного хищника, так что кровь и мозги хлынули на руку киммерийцу. Он бросил меч, все равно бесполезный в таком ближнем бою, и молча схватил за глотки сразу двух гиен, пытавшихся терзать его закованное в латы тело. Пот заливал киммерийцу глаза, от гиен, помимо прочего, еще и жутко воняло... Если бы не кольчуга, Конана мигом растерзали бы в клочья. Одной гиене он пальцами вырвал гортань, другой сломал переднюю лапу. Покалеченный оборотень издал короткий, почти человеческий вскрик. Вырвавшись из звериного горла, он прозвучал до того жутко, что рука Конана невольно разжалась — а зря.

Какая-то из гиен, сама истекая кровью из порванной артерии, в последней ярости умудрилась хватануть его за шею — и упала мертвой. А та, что осталась без лапы, изо всех сил вгрызалась в его живот, и звенья кольчуги готовы были поддаться. Конан отшвырнул издохшую тварь, сгреб хромую — и вскинул ее над собой в воздух. Он даже застонал от натуги, гиена извивалась в его хватке, царапала когтями и силилась укусить, смрадно дыша ему прямо в лицо... Конан метнул ее прочь, и она с отвратительным хрустом обрушилась на мраморные ступени далеко внизу.

Широко расставив ноги, Конан силился отдышаться, луна и джунгли плавали в кровавой дымке у него перед глазами... И тут его слуха достиг шорох кожистых крыльев. Конан нагнулся за мечом и выпрямился, шатаясь, занося над головой громадный клинок и пытаясь проморгаться от заливающей глаза крови.

Он ждал нападения сверху, но вместо этого пирамида у него под ногами вдруг зашаталась. Что-то тяжело загромыхало, послышался глухой треск — и он увидел, как раскачивается венчавшая пирамиду колонна. Конан прыжком отлетел далеко прочь, одолев сразу половину мраморной лестницы. Ступени ходуном ходили у него под ногами. Еще прыжок, и он оказался на ровной земле. В то же самое мгновение пирамида рассыпалась с грохотом горного обвала, а колонна скатилась вниз, подпрыгивая и разваливаясь на куски. С неба дождем посыпались мраморные обломки... Когда все успокоилось, на месте пирамиды блестела под луной лишь груда битого камня.

Конан зашевелился на земле, отряхиваясь от мраморной крошки. Обломок, угодивший ему в голову, сбил шлем и на мгновение оглушил киммерийца. Его ноги оказались придавлены крупным куском колонны, и не было никакой уверенности, что кости в них уцелели. Черные волосы Конана слиплись от пота, из ран на руках и на шее текла кровь... Кое-как он приподнялся на локте и на-

чал откапываться. И в это время звезды заслонила крылатая тень. Что-то мягко шлепнулось на лужайку, Конан извернулся и увидел летучего врага.

Кровожадный демон уже подбегал к нему, причем с пугающей быстротой. Конану недосуг было его особо рассматривать, он лишь мельком отметил громадный, почти человеческий торс на коротких кривых ногах, длинные волосатые лапы с черными изогнутыми когтями и широкую жуткую морду, где единственной внятной чертой были опять-таки красные светящиеся глаза... Вот так: не человек, не зверь и не демон!

Впрочем, Конану некогда было сопоставлять и раздумывать. Он рванулся к своему мечу, но ищущие пальцы промахнулись на несколько дюймов: меч был близок, но недостижим. Тогда он попытался сбросить камень, прижимавший его ноги к земле. От усилия на висках вздулись жилы, но глыба поддавалась слишком медленно... Киммериец понял, что высвободиться не успеет. Еще несколько мгновений, и монстр насядет на него, и он отчетливо понимал — угодить в эти черные когти значило умереть.

А чудовище приближалось. И вот, когда оно уже нависло над Конаном, точно глыба тьмы,— между ним и его жертвой замерцало нечто белое. Женское тело, сильное и прекрасное, дышащее тигриной яростью и силой любви. Бёлит встала между киммерийцем и надвигающейся смертью, гибкая и совершенно живая, Конан успел рассмотреть ее сверкающие глаза, поймать блеск роскошных волос... Ее грудь бурно вздымалась, алые губы раздвинулись в боевом крике, и он прозвучал одновременно со звоном стального клинка, которым она пронзила чудовище.

— Бёлит,— выдохнул Конан.

Она обернулась к нему... Короткий взгляд был полон любви, безоглядной и неудержимой, как огненная лава... А в следующий миг Бёлит исчезла, и осталось только летучее чудище — Конан увидел, что оно шарахнулось прочь, словно от неожиданности и испуга, и вскинуло лапы, как бы пытаясь прикрыться от удара... Нет, Бёлит, без сомнения, лежала на своем погребальном ложе на палубе «Тигрицы», но у киммерийца в ушах почему-то отдалось ее страстное обещание: «И если случится так, что я паду мертвой, а ты будешь еще сражаться за жизнь,— я восстану из бездны, чтобы явиться тебе на подмогу...»

Конан закричал и рванулся с такой неистовой силой, что тяжелый камень перышком отлетел прочь. Летучий демон вновь бросился к своей жертве, но Конан встретил его уже на ногах — и во всеоружии бешеной ярости, напрочь сжегшей усталость. Мышцы тугими канатами вздулись у него на руках, когда он крутанулся навстречу нечисти и с размаху рубанул ее поперек тела. Разящий удар пришелся как раз над бедренными костями, и такова оказалась его сила, что кривые ноги повалились в одну сторону, а торс с волосатыми крыльями и когтистыми лапами — в другую.

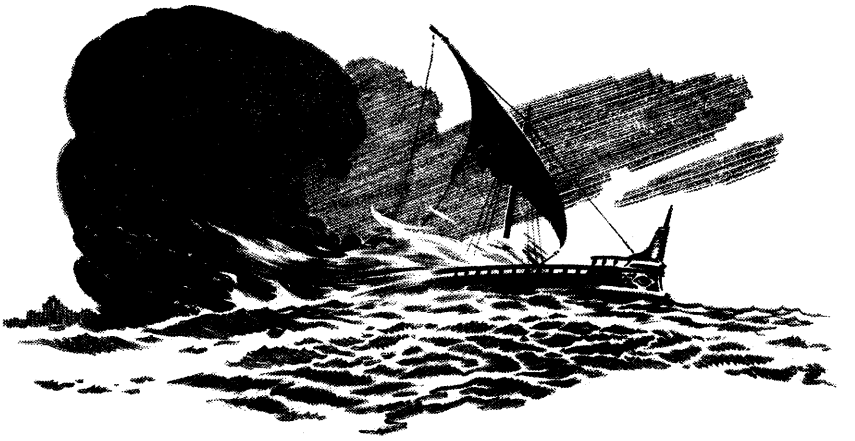
В наступившей тишине Конан молча стоял под луной, разглядывая останки поверженного врага... Какое-то время в красных глазах еще светилась жизнь и неутолимая злоба, потом они погасли и остановились. Черные лапищи перестали судорожно скрести землю. Древнейшая раса, заселившая эту землю намного раньше людей, прекратила свое существование.

Киммериец огляделся, продолжая инстинктивно высматривать оборотней, прислужников летучего властелина. Нет, никто более не пытался подкрасться

к нему из темноты. Более того, он увидел, что смерть вернула псевдогиенам их былой человеческий облик. У мертвецов, павших от его стрел и меча, были ястребиные лики и смуглая кожа. И все они рассыпались в пыль, пока он смотрел.

Почему их крылатый предводитель не вмешался и не помог, когда они дрались с Конаном на ступенях? Уж не боялся ли он, что они обратятся против него и, чего доброго, разорвут? Злобный разум тысячелетнего монстра был осмотрителен и осторожен. И все же в конце концов это ему не помогло.

Повернувшись, киммериец зашагал по обрушенному причалу и перебрался на борт галеры. Несколько взмахов меча — и швартовы упали в ядовитую воду, течение начало относить «Тигрицу» прочь, назад в море, а Конан встал у руля. Корабль медленно поворачивался, выбираясь на середину реки... Там его подхватила стремнина, и Конан налег на правило. Алый плащ скрывал контуры неподвижной фигуры, царственно возлежавшей на высокой поленнице, среди богатств, способных украсить любую из сокровищниц этого мира...

V

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР

Осиротели южные просторы.
Умолкли весла и ветров свирели,
И грозный спущен флаг... Прими же, море,
И упокой в лазурной колыбели
Ту, что ты мне когда-то подарило...

Песнь Бёлит

...И вот океанскую ширь позолотил новый рассвет, и, словно отвечая восходу солнца, в устье реки разгорелось алое пламя. Опираясь на громадный меч, Конан-киммериец стоял на белом песке пляжа, провожая глазами «Тигрицу»,

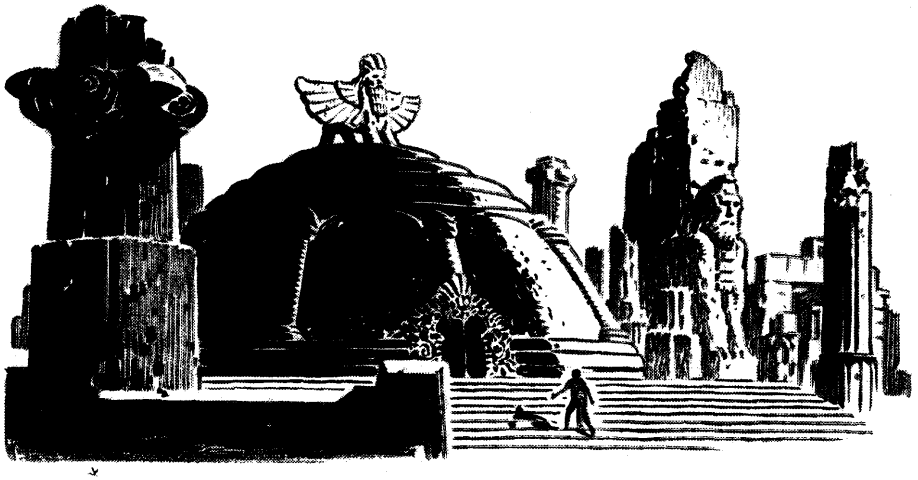
уходившую в свое последнее плавание. Взгляд Конана был мрачен и пуст. Синяя ширь океана утратила для него весь восторг, всю славу, всю душу. А туда, где зеленые дали окутывала таинственная лиловая дымка, ему попросту не хотелось смотреть.

Бёлит, влекущая и великолепная, всецело принадлежала морю, и туда, в объятия вечно переменчивой тайны, Конан теперь ее возвращал, отдавая возлюбленной последний долг. А без нее океан простирался пустыней от одного полюса до другого, а в пустыне ему больше нечего делать, некого искать. И потому-то сверкающий под солнцем синий простор казался ему едва ли не враждебней шепчущей за спиной чащи, сквозь которую — а куда денешься — ему предстояло прокладывать себе путь...

Никто более не стоял у руля на «Тигрице», никто не трудился на веслах, разгоняя ее по прозрачным утренним волнам. Звенящий ветер наполнял шелковый парус, и галера мчалась прочь от земли, как дикая птица — к родному гнезду. И чем дальше она уходила, тем выше вздымалось на ее палубе погребальное пламя, огненным саваном кутая Бёлит, спавшую под алым плащом на своем драгоценном костре...

Так завершила свои земные дни королева Черного побережья. Опираясь на меч, так и не отмытый от крови, Конан стоял и смотрел ей вослед, пока огненное зарево не затерялось у далекого горизонта, среди алых и золотых бликов рассвета...

ЧЕРНЫЙ КОЛОСС

I

Вот ночь Владыки, когда судьба плывет по коридорам света, как колосс, нежданно вставший из вечного гранитного сна.

Э. Хоффман Прайс. Девушка из Самарканда

Над таинственными руинами Кутхемеса царила тишина, ее ничто не нарушало вот уже многие века, но сейчас от нее веяло страхом. Этот страх владел душой пришельца, заставлял его обливаться ледяным потом, неровно, с присвистом дышать через сжатые зубы. Одинокой, крошечной искоркой жизни затерялся он посреди циклопических монументов, во времена незапамятные заброшенных своими создателями и неуклонно разрушающихся с тех пор. Вокруг ни души, даже в необозримой небесной сини не парил, высматривая на земле добычу, коршун.

Был полдень, и солнце жгло немилосердно. Вокруг пришельца со всех сторон высились мрачные останки иной, давно ушедшей эпохи: грандиозные колонны упирались в небеса зазубренными вершинами; вповалку лежали исполинские каменные блоки неимоверной величины; полуразрушенные стены хранили следы жутких рельефных изображений, стертых ветром и песком. Никаких признаков жизни от горизонта и до горизонта, лишь пустыня без края и конца, чей вид наводил смертельное уныние,— пустыня, перерезанная руслом высохшей одни боги знают когда реки. А в самом сердце этого безрадостного ландшафта — блестящие клыки развалин, колонны, точно сломанные мачты севших на мель судов, и господствующий надо всем железный купол.

© Перевод Г. Корчагина.

Перед этим-то куполом и застыл парализованный страхом Шиватас. Купол опирался на громадный мраморный подиум, венчая собой холм на берегу реки, вернее, то, что раньше было холмом. К высоченной бронзовой двери в куполе, похожем на половину яйца, подводили широкие ступени. Чистое железо, из которого сделан купол, так сияло, как будто руки некоего великана ежедневно надраивали его. Ничуть не тусклей блестели золотой шпиль на макушке купола и надпись из золотых иероглифов, каждый в несколько ярдов высотой. Надпись опоясывала весь купол. Ни один человек в мире еще не сумел прочесть эти письмена, но в мозгу у Шиватаса при виде них возникли смутные догадки, и от этих догадок мороз пошел по коже. Шиватас был потомком древней расы, чья мифология уходила в глубь тысячелетий, к тем эпохам, когда на Земле царили совсем другие силы, нежели сейчас, и почитались совсем другие символы.

Шиватас был гибкий, как обезьяна, жилистый и выносливый. Впрочем, чтобы долгое время слыть лучшим заморийским вором, человеку необходимы соответствующие физические данные. Голова его была маленькой, выбритой до синевы. Из одежды он довольствовался одной набедренной повязкой из алого шелка. Как и все его соплеменники, он обладал очень темной кожей, а на узком лице с ястребиным профилем выделялись глаза — черные, близко посаженные, смышленые. Длинные тонкие пальцы нервно трепетали, точно крылышки мотылька.

На поясе с золотой отделкой висел не то длинный кинжал, не то короткий меч с самоцветами на рукояти, в узорчатых сафьяновых ножнах. С этим мечом Шиватас обращался крайне осторожно, даже старался, чтобы ножны не касались его обнаженного бедра. И для такой осторожности у него имелись вполне серьезные причины.

В своем ремесле Шиватас достиг вершины — его называли королем воров, его имя благоговейно произносили преступники в злачных местечках Эрука и в сумрачных криптах под храмами Бэла, а песням и легендам о нем суждено было остаться в веках. Но в этот миг, стоя перед железным куполом Кутхемеса, он от страха казался себе ничтожным червем. Не надо быть знатоком магических культов, чтобы сразу понять: в строении есть нечто сверхъестественное. Три тысячи лет истязали его солнце, дожди и ветра, а он сияет так же ярко, как в те дни, когда его воздвигли безымянные зодчие на берегу безымянной реки. Как будто некие потусторонние существа поселились здесь и охраняли свое жилище от воздействия непогоды.

Руины лежали посреди таинственной, неизученной пустыни юго-восточнее Шема. Шиватас помнил, что позади, на юго-западе, в нескольких днях езды на верблюде, остался великий Стикс — как раз в том месте он сворачивает под прямым углом и несет свои мутные воды к западу, к далекому океану. Там, за изгибом реки, начинается Стигия, смуглогрудая владычица Юга. Это богатое королевство лежало на южном берегу Стикса, или, как его еще называли, Нилуса, а за его пределами раскинулись почти безжизненные пустыни.

Знал также Шиватас, что дальше к востоку пустыня постепенно сменяется степями гирканского королевства Турана, блистающего варварской роскошью на берегах обширного внутреннего моря. Если неделю ехать верхом на север,

кончится пустыня и пойдут плодородные горные долины Кофа, самого южного из обжитых хайборийцами королевств. Западнее пустыня примыкает к шемским лугам, а они тянутся до самого океанского берега.

Все это король воров знал, не отдавая себе в том отчета, как горожанин знает улицы и переулки своего города. На своем веку Шиватас пространствовал немало, охотясь за сокровищами разных королевств. Но теперь он замер в двух шагах от самого поразительного из приключений и самого богатого из сокровищ в его жизни.

В куполе из железа хранился прах Тугра Хотана, темного некроманта, который три тысячелетия назад правил Кутхемесом. В ту пору Стигия и Ахерон лежали не только южнее, но и севернее великой реки, в их пределы входили шемские луга и горы. Позднее хайборийской расе стало тесно в своей колыбели у полярного круга, и северяне принялись заселять южные земли. Переселение не имело себе равных в истории, и длилось оно даже не века, а тысячелетия. Однако в эпоху правления последнего из кутхемесских чародеев, Тугра Хотана, на его плодородные земли явились рыжеволосые дикари в одежде из волчьих шкур и бронзовых кольчугах и своими мечами отсекли кусок территории, которой дали название Коф. Ураганом пронеслись варвары по Кутхемесу, все сметая на своем пути, и оставили после себя залитые кровью мраморные башни. Королевство Ахерон погибло в огне и впредь не возродилось.

Пока на улицах древней столицы свирепствовали захватчики, а ее защитники, как зрелые колосья под серпом, падали под ударами мечей, Тугра Хотан принял какой-то таинственный яд, и жрецы в бронзовых масках заперли его в усыпальнице, им же самим и построенной для этой цели. Вскоре вокруг усыпальницы разыгралась сцена кровавого побоища, и все верные помощники некроманта сложили головы. Но пришельцам не удалось выломать дверь склепа; устояла постройка и перед огнем и мечом. В конце концов они вернулись восвояси, оставив великий город лежать в развалинах.

Время безжалостно подточило колонны, превратило стены в груды щебня; не сохранилась даже река, благодаря которой в давние времена здешние земли были плодородны.

Если верить легендам, железный купол хранил не только мощи волшебника — он был под завязку набит сокровищами. Выкрасть их пытались многие храбрецы, но одни нашли свою смерть у входа в усыпальницу, а другие теряли разум, обуреваемые демоническими галлюцинациями, и обращались в бегство, и вскоре тоже умирали, и перед кончиной не человеческие слова срывались с их уст, а безумный хохот и завывания. Вот потому-то и дрожал Шиватас как осиновый лист, стоя перед мавзолеем. И не становился слабее его страх, когда вор думал о змее — она, если верить легенде, стережет останки колдуна. Но это — если верить легенде. Дело в том, что история Тугра Хотана очень смахивала на миф, вдобавок окутанный покровом смертельного ужаса.

Оттуда, где стоял король воров, виднелись останки грандиозного павильона. Когда-то здесь пышно отмечались праздники, и сотни опутанных цепями пленников ждали, когда явится король-жрец и отрубит им головы в честь зловещего стигийского бога-змея Сета. А где-то поблизости, по слухам, находился глубо-

кий зиндан, куда сбрасывали кричащих от ужаса жертв, и в темноте их приканчивал монстр, вползавший туда из другой пещеры, еще более глубокой и жуткой.

Да, если верить легендам, не простым человеком был Тугра Хотан — даже, пожалуй, и не человеком вовсе, а порождением самой Тьмы. Ему поклонялись при жизни и после смерти, но впоследствии вера эта выродилась в извращенный, противоестественный, омерзительный культ зугитов. Потомки адептов Тугра Хотана по-прежнему чеканили его лик на монетах, которые усопшим клали под язык, чтобы они могли заплатить за переправу через реку скорби. Считалось, Стикс — всего лишь земная тень этой великой реки. Шиватас видел профиль чародея на монетах, похищенных у мертвецов, и лицо владыки запечатлелось в его памяти навсегда, как ни старался он забыть его.

Но как ни силен был страх, Шиватас не собирался уходить с пустыми руками. Он набрался храбрости и поднялся по ступенькам к бронзовой двери с полированной поверхностью, на которой не оказалось ни ручки, ни щеколды. Однако не зря Шиватас много лет постигал мрачные оккультные тайны, не зря приходил к полуночи в лес, чтобы там прислушиваться к хриплому шепоту поклонников Скелоса, и не зря он корпел над переплетенными в железо книгами Вателоса Слепого.

Он опустился на колени перед дверью и ощупал порог ловкими пальцами. Их сверхчуткие подушечки обнаружили выступы, такие маленькие, что доселе не выдавали себя ни чужим взглядам, ни даже менее чувствительным пальцам. Он осторожно нажимал на них, следуя определенной последовательности и бормоча полузабытое заклинание. И вот нажат последний выступ. Вор вскочил как ужаленный и сильно ударил ладонью в самую середину двери.

Медленно и плавно, без щелчка засова и скрипа петель, дверь отошла назад, и Шиватас снова выпустил воздух через стиснутые зубы. За дверью оказался короткий узкий коридор. Скользнув по нему, дверь теперь закрывала его противоположный конец. В туннеле, открывшемся глазам охотника за сокровищами, пол, потолок и стены были из железа.

Теперь-то стало ясно, что зловещие легенды имели под собой почву. Из бокового ответвления в туннель вползал безмолвный извивающийся монстр — само воплощение ужаса. Он медленно поднял треугольную голову и посмотрел на незваного гостя злыми светящимися глазами. В длину змей был футов двадцати, не меньше, его чешуя блестела и играла всеми красками радуги. Где родилась эта тварь, в каких сырых и мрачных глубинах, вор не гадал — не до того сейчас. Надо спасать свою шкуру. С предельной осторожностью он обнажил меч. С клинка сорвалось несколько зеленоватых капель, таких же, как и те, что сбегали с кривых, как ятаган, зубов змея. Шиватас за этим ядом наведался в гибельные зингарские болота и рисковал там жизнью на каждом шагу. И сейчас настало время проверить, не напрасен ли был тот риск.

На полусогнутых ногах охотник за сокровищами медленно двинулся вперед, готовый в любое мгновение прянуть в сторону, как огонек свечи под дуновением сквозняка. Осторожность себя оправдала — змей распрямил свое тело, как огромную пружину, треугольная голова с быстротой и неотвратимостью молнии устремилась вперед. И хотя Шиватас обладал поистине нечеловеческой ловко-

стью, в тот миг он оказался на волосок от гибели. А уж затея отскочить в сторону и рубануть мечом по вытянутой змеиной шее оказалась сущей глупостью — он не учел сверхъестественного проворства змеи. Вор только успел выставить перед собой клинок, вскрикнув при этом от страха и даже зажмурившись. В следующую секунду меч вылетел из его руки, а туннель наполнился оглушительным шумом.

Открыв глаза, Шиватас удивился тому, что он до сих пор жив. Чудовищное тело корчилось в жуткой агонии, хвост бился о железные стены, из распахнутой пасти монстра торчала рукоять меча. Шиватаса спасла случайность: змея нападала с раскрытой пастью и напоролась на бестолково выставленный вором клинок. Через несколько минут гад свился в чуть подрагивающие чешуйчатые кольца. Он даже не подозревал, что издох от яда своего зингарского сородича.

Боязливо перешагнув через мертвую рептилию, вор бегом устремился к двери. Она, словно обладая чувствительностью и разумом, при его приближении резко ушла вбок, пропуская его под купол. От неожиданности Шиватас вскрикнул. Он ожидал очутиться в кромешной мгле, а попал в багровый свет, в пульсирующее, дрожащее сияние, такое резкое для человеческого глаза. Свет исходил из-под свода купола, его излучал прикрепленный там громадный драгоценный камень алого цвета.

Драгоценности Шиватасу были не в диковинку, но все же он застыл, пораженный зрелищем. Вожделенные сокровища лежали перед ним, вокруг него. Голова шла кругом от несметных богатств: рубины, сапфиры, опалы, изумруды, алмазы... Драгоценные камни лежали грудами, между ними небрежно рассыпаны полудрагоценные: агаты, нефрит, лазурит. Здесь же стояли пирамиды золотых слитков, штабеля серебряных. Он увидел мечи в золотых ножнах, с рукоятями, украшенными алмазами; он заметил золотые шлемы с цветными султанами из конского волоса или с ало-черными плюмажами. На глаза ему попались инкрустированные серебром доспехи, перевязи, расшитые самоцветами,— когда-то их носили короли-воины, которые вот уже три тысячелетия лежат в своих усыпальницах. Он любовался кубками, вырезанными из цельных камней. Он покрывался холодным потом при виде окованных золотом черепов с лунными камнями в глазницах. А ожерелья из человеческих зубов вперемежку с драгоценными камнями будили любопытство пополам с алчностью. Даже на железной двери изнутри нарос толстый слой золотой пыли, тысячами искр она сверкала и мерцала в багровом свечении.

Шиватас стоял среди всей этой волшебной роскоши, попирая подошвами своих сандалий звезды земных недр. Но вдруг его взгляд словно прирос к огромному кристаллу в центре купола, как раз под красным сияющим камнем. Эта плита черного нефрита служила одром для костей, которые должны были под мерной поступью тысячелетий давно стереться в прах. Но как только Шиватас посмотрел в эту сторону, от смуглой кожи отлила кровь, колени обмякли, все тело покрылось гусиной кожей, беззвучно зашевелились губы.

Неожиданно к нему вернулся голос — нечеловеческий вопль ужаса рассек тишину, и долго его эхо звенело под высоким куполом. И снова под развалинами таинственного Кутхемеса воцарилось безмолвие.

II

Удивительные слухи доходили до жителей городов и зеленых лугов Хайбории. Эти слухи путешествовали с караванами — длинными вереницами верблюдов, которых вели через пески худощавые, жилистые люди с ястребиными чертами лиц, одетые в белые хламиды. Эту весть передавали друг другу горбоносые пастухи на горных пастбищах, она перелетала от пустынников, ютящихся в шатрах, к жителям невысоких каменных градов, где короли с черными как смоль, курчавыми бородами вершили загадочные ритуалы в капищах пузатых идолов. Пробрались слухи и по балкам меж холмов, где исхудалые нищие варвары брали с караванов пошлины. Новость добралась до плодородного нагорья, где на берегах синих озер и рек горделиво высились красивые города. Слухи ползли по широким торговым трактам, где никогда не оседала белая пыль, где громыхали запряженные волами телеги, брели мычащие стада скота, скакали верхом рыцари в стальных доспехах, ехали в паланкинах под охраной копейщиков и лучников высокопоставленные жрецы. А родились те слухи в пустыне, лежащей восточнее Стигии и южнее кофских холмов.

Будто бы в одном из кочевых племен появился новый пророк. Будто бы племена номадов объединяются. Будто бы на юго-востоке собралась громадная орда и возглавляет ее кровожадный вождь, одерживающий победу за победой. Раньше такая угроза северным народам исходила от стигийцев, но сейчас они были явно ни при чем, так как собирали армии на своих северных границах, а их жрецы чародействовали не покладая рук, чтобы свести на нет злое колдовство пророка из пустыни. Он носил имя Наток, Чародей в Маске, так как никогда не показывал своего лица.

И вот орды ринулись на северо-запад, и короли с черными как смоль, курчавыми бородами испустили дух перед алтарями пузатых идолов, а невысокие каменные стены их городов окрасились кровью знати и простонародья. Ходили разговоры, будто Натоку и его подручным мало этой добычи и теперь они зарятся на хайборийские нагорья.

Нашествия кочевников вполне обычное дело в этих краях, но то, что происходило сейчас, вовсе не было простым набегом разбойников из пустыни. По слухам, Наток собрал под своим началом тридцать кочевых племен и принудил к союзу с ним пятнадцать городов-государств, и даже стигийский принц Кутаман, ранее никому не покорявшийся, смирился и стал подручным чародея. Иными словами, пахло бедой — настоящей бедой.

По своему обыкновению, большинство хайборийских народов недооценило нарастающую угрозу. Но в Хорайе, стране, вырубленной кофскими мечами из шемитской империи, народ был встревожен. Хорайя лежала юго-восточнее Кофа, и ее границы оказались открыты для вторжения кочевников. Вдобавок молодой король этого государства был в плену у коварного офирского властелина. А перед тем стоял выбор: или за огромный выкуп отправить юношу на родину, или отдать его в руки его заклятого врага, жадного кофского короля, который золота не обещал, зато предлагал выгодный союз между Офиром и Кофом. Хорайе угрожала огромная опасность, и жители страны сомневались, что принцесса Ясмела, сестра юного короля, сумеет их защитить.

Во всех западных землях странствующие певцы воспевали ее красоту. Она была отважна и горда, как и вся хорайянская королевская династия. Но однажды ночью отвага слетела с нее, как шелковая накидка.

Принцесса находилась в своих покоях с лазуритовым сводом, мраморным полом, устланным дорогими мехами, с позолоченной лепниной на стенах. Десять юных аристократок из самых благородных семей дремали на бархатных кушетках вокруг ее позолоченного, с шелковым балдахином ложа. Но на этом ложе не было принцессы Ясмелы. Обнаженная, она лежала лицом вниз на мраморном полу, по белым плечам рассыпались черные волосы, тонкие длинные пальцы в невыносимых мучениях царапали пол. В жилах принцессы заледенела кровь, зрачки расширились от ужаса, волосы стояли дыбом. В самом сумрачном углу покоя высилась огромная бесформенная тень. Она не принадлежала какому-то живому существу, она сама была существом, сгустком мглы, туманным пятном, кошмарным порождением ночи. Она могла бы показаться галлюцинацией, если бы не глаза — два желтых огня в сумраке опочивальни.

Кроме того, тень обладала голосом. Он был очень тих, едва уловим, и больше всего напоминал змеиное шипение. И уж точно подобный звук не смогли бы произнести человеческие губы. Голос, как и смысл сказанного, наполнил ужасом сердце Ясмелы. Ужасом столь безмерным, что принцесса корчилась, как под ударами бича, и этими корчами как будто пыталась стряхнуть заползающее в душу цепкое зло.

— Принцесса,— шипела тварь,— ты помечена, ты принадлежишь мне. Я выбрал тебя еще до того, как очнулся от векового сна. Да, я давно стремился к тебе, но меня сковывало древнее заклятие, благодаря которому я спасся от своих недругов. Я душа Натока, Чародея в Маске. Погляди на меня внимательно, дитя мое. Скоро я обрету тело, и ты сможешь меня обнять. Скоро мы с тобой будем любить друг друга! — Шепот сменился похотливым смешком.

Ясмела застонала и в очередном приступе ужаса забила кулачками по мраморным плитам.

— Я сплю в комнате дворца Акбатана,— снова зашипело страшилище.— Там, под рубиновым светочем, лежит мое тело, мои кости и плоть. Что есть тело? Обо-

лочка, пустая скорлупа, которую может покинуть вольный дух, когда ему захочется летать. Если б ты умела летать и перенеслась сейчас к моему мавзолею, ты бы поняла, что всякое сопротивление бесполезно. В небе пустыни не счесть звезд, и не счесть костров под этим небом, и каждый костер — бивак моих воинов. Как лавина сходит с гор, набирая сокрушительную мощь, так растет мое войско, и скоро оно вторгнется в пределы моих древних врагов. Я буду пить вино из черепов королей, их жены и дети будут моими рабами. Долго я спал, но во сне росла моя сила... А ты, принцесса, будешь моей супругой, моей королевой. Я научу тебя древнейшим, давно забытым ласкам, и ты будешь ублажать меня так, как не умеют нынешние женщины...

Оскорбленная до глубины души этим мерзким посулом, Ясмела скорчилась, как под ударом кнута.

— Запомни,— шепнула тень на прощание,— очень скоро я приду и возьму то, что мне принадлежит.

Зажмурившись, зажав ладонями уши, Ясмела все же расслышала хлопки, словно забила крыльями летучая мышь. Она набралась смелости и посмотрела вверх, но увидела только луну за окном. Ее луч, будто серебряный клинок, пронзал воздух там, где только что высилась чудовищная тень. Принцесса, дрожа от страха и изнеможения, поднялась на ноги, добрела до бархатной кушетки, рухнула на нее и разрыдалась. А ее девушки в это время крепко спали. Наконец одна проснулась и, зевая, огляделась по сторонам. И увидела Ясмелу. Миг спустя она уже стояла возле ее кушетки на коленях, обнимая принцессу за осиную талию.

— Что случилось... Что это? — Темные зрачки расширились от испуга.

Ясмела судорожно схватила ее за плечи:

— Ах, Ватиша! Да! Он снова приходил. Я видела его и слышала мерзкий голос! Он назвал себя... Наток! Это Наток! Нет, мне не приснилось, это действительно было! Отвратительная тварь стояла надо мной, а вы все спали, как будто вас опоили сонным зельем. О боги, что мне делать?!

Некоторое время Ватиша раздумывала, крутя на пухлой руке золотой браслет.

— Принцесса, теперь нет никаких сомнений в том, что оберег, который дали тебе жрецы Иштар, оказался бессилен. Очевидно, Наток и правда очень могучий чародей. А коли так, тебе остается только одно — просить помощи у забытого оракула Митры.

Услышав это имя, Ясмела содрогнулась. Многих вчерашних богов сегодня называют демонами. И хотя Митра — бог всей Хайбории, жители Кофа давно ему не поклоняются, давно забыли его. Ничего не знала о нем и Ясмела, думала только, раз он очень древний, то, наверное, очень злой. Боги Кофа — грозные создания, даже Иштар. На культуру и религию Кофа сильно повлияли культуры Шема и Стигии, и кое-что из них кофийцы позаимствовали. Раньше хайборийцы вели простой, аскетичный образ жизни, пока не познакомились с утонченностью, роскошью и деспотизмом Востока.

— Ты думаешь, Митра согласится мне помочь? — сжала Ясмела ладонь Ватиши.— Мы ведь отвернулись от него, уже столько лет поклоняемся Иштар...

— Сильные боги милостивы. Будем надеяться на лучшее.— Ватиша была дочерью офирского жреца, бежавшего в Хорайю от своих могущественных недругов.— К тому же у тебя нет выбора. Я пойду к оракулу с тобой.

— Спасибо, Ватиша.

Ясмела встала с кушетки. Ватиша хотела было одеть ее, но принцесса отказалась.

— Негоже мне стоять перед оракулом в дорогих шелках. Лучше я нагая приползу на коленях, как и подобает тому, кто просит милости. Пусть Митра не считает меня гордячкой!

Ватиша рассмеялась и махнула ладошкой:

— Ерунда! Митре больше по нраву, когда перед ним стоят прямо, а не ползают, как червяки. И пачкать его алтари кровью животных тоже ни к чему — он этого не любит.

Решив, что Ватиша лучше ее разбирается в языческих культах, Ясмела позволила надеть на себя шелковую тунику с широким атласным кушаком. Вскоре красивые ноги принцессы были украшены сафьяновыми туфельками, а несколько ловких прикосновений умелых пухлых пальчиков офирки привели в порядок темные вьющиеся волосы госпожи. После Ватиша откинула край тяжелого златотканого гобелена и отодвинула засов притаившейся за ним двери потайного хода. Вслед за ней принцесса вошла в узкий изогнутый коридор. По нему девушки вскоре добрались до другой двери, ведущей в широкий зал. Там скучал стражник в позолоченном шлеме с султаном, посеребренном панцире и инкрустированных золотом поножах. Он опирался на длинную рукоять боевого топора.

Ясмела помахала ему, он салютовал оружием и снова уподобился медной статуе. Девушки прошли по залу, который в свете горящих на стенах факелов казался сверхъестественно огромным, и спустились по лестнице. Замечая в углах темные тени, Ясмела каждый раз вздрагивала. Они прошли три марша и остановились в коридоре с потолком, выложенным драгоценными камнями, с вделанными в пол самоцветами, с позлащенной лепниной на стенах. По сверкающему коридору они прошли на цыпочках, держась за руки, и очутились перед позолоченной дверью. Ватиша отворила дверь, и взорам девушек явилась забытая святыня. Забытая всеми, кроме нескольких надежных слуг, ну и конечно, королевского семейства Хорайи, ради которых и сохранялся этот храм внутри дворца. Ясмела знала о нем только понаслышке, сейчас она здесь оказалась впервые. Внутреннее убранство выглядело скромно, ему не тягаться с роскошью храмов богини Иштар. Но в этой скромности и простоте ощущалось достоинство, издревле свойственное митрианству.

В зале был высокий потолок, но не сводчатый, а плоский, из обычного белого мрамора. Мраморными также были стены и арка входа. По стенам проходила узкая полоска золоченого фриза. За алтарем из чистого зеленого нефрита, не испачканного кровью жертв, на небольшом пьедестале восседало материальное олицетворение бога. С благоговейным страхом принцесса смотрела на косую сажень плеч, на правильные, строгие черты лица. Большие хайборийские глаза, широкая борода мудрого патриарха, кудрявая шевелюра под простым серебряным обручем — суровый, но благородный облик божества-аскета.

Ясмела простерлась ниц перед ним, пропустив мимо ушей укоры и увещевания своей спутницы. На всякий случай Ватиша опустилась на колени — в присутствии древнего идола в ее душе проснулись суеверия.

Впрочем, она не была бы сама собой, если бы не шепнула Ясмеле:

— Это всего лишь идол, а как на самом деле выглядит Митра — никому не известно. Его принято изображать как человека, настолько близкого к совершенству, насколько мы можем себе вообразить. Если верить вашим жрецам, Иштар живет в холодном камне. Бог Митра — не только в камнях, он везде: над нами, вокруг нас, под нашими ногами в земных недрах. Идол нужен только для того, чтобы ты могла сосредоточиться на нем и обратить свои помыслы к богу. Поэтому гляди на него и говори.

— И что говорить? — У Ясмелы голос сел от страха.

— Да что угодно. Повторяю, Митра — везде. А раз он везде, все твои мысли ему уже известны...

Ватиша не договорила. Обе девушки вздрогнули — в святилище зазвучал голос. Казалось, его источник находится прямо у них над головами, невидимый, висит в воздухе. Голос был спокоен, звучен, прекрасен. Вновь Ясмела дрожала, внимая гласу бесплотного духа, но на сей раз не от страха и омерзения, а от благоговения.

— Дитя мое, не утруждай себя словами. Я действительно знаю, что тебе необходимо.— Да, поистине дивный глас — как будто высокие музыкальные волны мерно бились в золотой берег.— Из вековой тьмы выполз змей-демон, и есть только один способ спасти твое государство, а заодно и весь мир, от ядовитых клыков этого гада. Но ты должна в одиночку, без сопровождения, выйти на улицы своего города и вверить судьбу Хорайи первому встречному.

Лишенный эха глас умолк, и девушки в крайней растерянности посмотрели друг на друга. Затем они встали и на цыпочках покинули святилище. Всю дорогу до покоев Ясмелы обе молчали. Там принцесса выглянула в окно. Была глубокая безлунная ночь, город тонул в тишине. Хорайя спала под звездами, и, словно их отражения в воде, тускло светились факелы на улицах и в садах и на плоских крышах домов.

— Как ты теперь поступишь? — спросила все еще дрожащая Ватиша.

— Дай мне плащ.— У Ясмелы тоже стучали зубы от страха.

— Неужели решила выйти? Одна? Среди ночи?

Ясмела жестом велела служанке умолкнуть.

— Я слышала голос в святилище,— сказала принцесса.— Либо это проделка какого-нибудь изобретательного жреца, либо... в самом деле глас Митры. Выбирать мне не приходится. Я выйду.

Она окутала свою гибкую фигурку широким шелковым плащом, закрыла лицо вуалью и почти бегом добралась по коридорам до бронзовой двери. Снаружи у входа стоял десяток стражников с копьями, они недоуменно посмотрели девушке вслед. Только это крыло дворца выходило на улицу, с других сторон к нему примыкал обширный сад и тянулась высокая стена. Улицу, на которой очутилась принцесса, освещали факелы, расставленные через равные промежутки.

На миг она замерла в нерешительности, но сразу взяла себя в руки и зашагала прочь от стражников. Улица была безлюдна и тиха. Ясмела, в чьих жилах текла кровь королей, еще никогда в жизни не покидала дворца без сопровождения. Мысленно твердя себе, что иначе поступить не могла, она быстро удалялась от родных стен. Ее ноги в мягких туфлях тихо ступали по плитам мосто-

вой, но от каждого их шороха сердце ее панически сжималось. Мнилось, что эти шаги громовым эхом раскатываются по лабиринту улиц и будят затаившихся в тайных подземных норах злобных крысоликих демонов. Чудилось, будто в каждой тени спрятался адский убийца с обнаженным кинжалом, а с верхушек колонн высматривают добычу громадные черные твари с крыльями летучих мышей.

И вдруг впереди на темной улице возник чей-то силуэт. Принцесса поспешила укрыться в густой тени, которая теперь казалась ей спасительной. Сердце билось так, словно хотело расшибиться о ребра. Человек на ночной улице приближался. Он не крался, как вор, и не замирал, как запоздалый путник, перед темными углами. Нет, он шагал прямо и твердо, будто считал, что ему совершенно нечего опасаться. В этой поступи угадывалась природная смелость и достоинство, и его шаги — не Ясмелы, а его — разлетались громким эхом. Когда он проходил мимо факела, принцессе удалось его рассмотреть. Высокий мужчина в кольчуге из прочной стали — судя по всему, наемный воин.

Девушка набралась храбрости и вышла из тени, поплотнее запахнув плащ. Раздался шорох — клинок прохожего до середины выскочил из ножен, но замер: воин понял, что перед ним женщина. И все же взгляд его поверх ее головы стрельнул вправо-влево — незнакомец хотел убедиться, что ее никто не сопровождает.

Какое-то время они молчали, разглядывая друг друга. Мужская ладонь покоилась на длинной рукояти меча; ножны прятались под красным плащом, небрежно накинутым на широкие плечи. В сиянии факела синевато поблескивала сталь поножей и шлема. Такой же стальной синевой блестели глаза. С первого же взгляда на него Ясмела поняла, он не уроженец Кофа, а когда зазвучал голос, стало ясно — перед ней не хайбориец. В армии ее страны было много наемников, среди них кого только не встретишь — как выходцев из цивилизованных стран, так и варваров. Что-то в облике и движениях этого человека напоминало волка. Принцесса поняла — перед ней стоит варвар. Скорее всего, северянин. Не бывает такого дикого блеска в глазах у хайборийцев, даже в глазах преступников или безумцев.

От него пахло вином, но он стоял на ногах вполне твердо.

— Женщина на ночной улице? — произнес он на плохом кофском.— Тебя что, выбросили из дома, как больную собаку? — Его пальцы аккуратно сомкнулись на девичьем запястье, и она осознала, они легко могут сломать ей кости.— Мне пришлось спозаранку расстаться с теплой компанией — да проклянет Иштар мерзких аристократов, запретивших кабатчикам подавать вино по ночам. «По ночам надо спать, а не пьянствовать»,— говорят эти поборники морали. Мол, кто хорошо высыпается, тот лучше трудится, лучше воюет для своих господ. Как бы не так! Кто не умеет хорошо гулять, тот и в драке немногого стоит. Когда я служил в Коринфии наемником, мы ночь напролет хлестали вино и пиво, а потом день напролет рубились, и реки крови стекли по нашим мечам! Ну да это к делу не относится. Отвечай-ка, малютка, что с тобой приключилось? И сними эту дурацкую тряпку с личика...

Гибкая принцесса сумела увернуться от его руки, но не попыталась убежать. Ясмела понимала, какой подвергается опасности — в ночном городе, вда-

ли от стражников, наедине с пьяным варваром. И кто знает, как он себя поведет, если узнает ее имя? Вдруг решит изнасиловать, а потом перережет горло, чтобы не попасть на виселицу за надругательство над принцессой? А может, просто посмеется над ней и уйдет своей дорогой? Варвары — люди странные, и цивилизованного человека их поступки часто ставят в тупик.

Принцессе было очень страшно, но она старалась не подавать виду.

— Сниму, но не здесь,— рассмеялась она.— Идем со мной, воин.

— Куда? — Его дикая кровь сразу разогрелась, но и осторожности этому человеку не занимать.— Хочешь меня заманить под воровские ножи? Не на того напала, крошка. А ну-ка...

— Ну что ты! Клянусь, я не воровка! — Девушка снова увернулась от руки, которая попыталась сорвать с нее вуаль.

— Разрази меня Кром! — проворчал незнакомец.— Какая скромность для той, кто гуляет по ночам в одиночку. Ладно, малютка, стесняешься показывать свою рожицу — настаивать не буду. Позволь хоть на твою фигуру взглянуть.

Прежде чем она сообразила, что он затеял, мужчина сорвал с нее плащ и восхищенно присвистнул. Стоило ему увидеть на незнакомке богатый наряд, как он, похоже, мгновенно протрезвел. Затем в его глазах зажглось подозрение.

— Клянусь Кромом, этого я не ожидал! Кто ты, женщина? — спросил он сурово.— Ясно, не уличная девка, если только твой хозяин не стащил для тебя эту одежку из королевского дворца.

— Не важно.— Она решилась положить нежную ладошку на его широкое, защищенное сталью плечо.— Пойдем, варвар. Я хочу поговорить с тобой, но не хочу этого делать посреди улицы.

Он с минуту колебался, но затем хмыкнул и пожал плечами. Принцесса догадалась, что он принял ее за знатную даму, которой надоели чересчур щепетильные и жеманные поклонники из аристократов и она решила найти ухажера попроще. Незнакомец вернул Ясмеле плащ и пошел рядом с ней.

По пути принцесса наблюдала за ним краем глаза. Кольчуга не скрадывала тигриной мощи его закаленного в походах и битвах тела. В его движениях сквозила хищность, первобытность, раскованность. Для нее он был человеком из другого мира, совершенно не похожим на услужливых и велеречивых придворных, среди которых прошло ее детство. Он внушал ей страх, его грубая звериная сила и беспардонность воина удачи казались дикими. Однако что-то в ее душе, неизвестное ей самой, но отчаянно смелое, падкое на головокружительный риск, тянулось к незнакомцу,— тайная первобытная струнка, которая есть в душе каждой женщины, отзывалась на его голос. Она чувствовала в своей ладони его напряженную кисть. Перед Ясмелой многие мужчины опускались на колени — но этот, она сознавала, не опустится никогда. Вести такого человека по улице — все равно что вести тигра на ремешке. Он будет идти спокойно и мирно — до тех пор, пока его это устраивает.

Они достигли дворца. Принцесса остановилась у двери и негромко постучала. Покосилась на воина — с его лица исчезло подозрение.

— Так ты служанка королевы? — предположил он.

«Уж не приводила ли сюда какая-нибудь из моих девушек этого мужчину?» — подумала принцесса и с удивлением поймала себя на ревности.

Никто из стражников даже бровью не повел, когда она вела своего спутника мимо них. Он же на них смотрел, как дикий пес смотрит на чужую стаю. Они прошли в покои принцессы. Там он стоял, с самым детским любопытством рассматривая гобелены, пока не заметил кувшин с вином на столике эбенового дерева. Содержимое кувшина тут же перекочевало в его желудок. Варвар удовлетворенно крякнул. Из соседней комнаты выбежала Ватиша, обрадованно воскликнула:

— Моя принцесса! Ты вернулась!

— Принцесса?!

Пустой кувшин упал на пол и разлетелся на осколки. Молниеносное движение руки — и с Ясмелы сорвана вуаль. Наемник посмотрел ей в лицо, с проклятием отпрянул; синевато блеснула обнаженная сталь. Сверкнули и глаза варвара, как сверкают глаза угодившего в западню тигра.

От страха Ватиша лишилась дара речи, но Ясмела твердо встретила взбешенный взгляд ночного гостя. Она сознавала, что смертельно рискует: варвар растерян, обуреваем подозрениями, возможно, испуган и готов разить при малейшем намеке на угрозу его жизни,— но все же принцесса испытывала какое-то непривычное, необъяснимое возбуждение от опасности.

— Не надо бояться,— улыбнулась она.— Да, я принцесса Ясмела, но я не желаю тебе зла.

— Зачем же ты меня сюда привела? — подозрительно озираясь, спросил он.— Что могло понадобиться принцессе от обычного капитана наемников? А может быть, ты заманила меня в западню?

— Успокойся, это не западня,— возразила принцесса.— Мне нужна помощь, и ты способен ее оказать, потому-то я и привела тебя сюда. Так повелел мне Митра — выйти из дворца ночью и обратиться к первому встречному.

Услышав такие слова, человек цивилизованный, наверное, не рассмеялся бы только из уважения к сану принцессы. Но совсем иначе реагировал варвар. В его племени тоже обращались к оракулам в тяжелые времена и их советами не пренебрегали. Он опустил меч, но не спешил спрятать клинок в ножны.

— Коли сама принцесса Ясмела разыскала меня, значит, ей и вправду нужна помощь,— проворчал он.— Похоже, речь идет о судьбе королевства, я прав? Ну, раз так, скажи, чем именно я способен тебе помочь. Я всего лишь скромный наемный рубака. Конечно, если надо без лишнего шума перерезать чью-то глотку...

— Присядь,— перебила его принцесса, указав на кушетку.— Ватиша, принеси вина нашему гостю.

Воин кивнул и сел — спиной к стене, чтобы держать на виду всю комнату. Меч, так и не возвращенный в ножны, он положил на обтянутые кольчугой колени. Похоже, осторожность была у него в крови.

Меч сразу привлек к себе внимание Ясмелы — казалось, в блеске клинка переливалась не только голубизна стали, но и багрянец, вобравший в себя цвет кровопролитных битв. Сама она вряд ли смогла бы поднять такой меч, но не раз видела, как наемники орудуют подобными с той же легкостью, как она — своей плеткой для верховой езды.

Столь же примечательны были могучие руки гостя, ничуть не похожие на корявые лапы дикаря-недочеловека. Она вдруг устыдилась, поймав себя на том,

что представила, как эти сильные мужские пальцы играют прядями ее черных волос.

Похоже, ночной пришелец успокоился, когда Ясмела опустилась на кушетку напротив него. Он даже снял шлем и откинул на спину кольчужный капюшон. Без головного убора он оказался еще менее похож на хайборийца. Смуглое, изборожденное шрамами лицо было хмурым, даже грозным, но без печати порока или злобы. Самым же поразительным оказались его сверкающие синие глаза. На широкий крутой лоб ниспадали нечесаные пряди черных как смоль жестких волос.

— Как тебя зовут, воин, и какова твоя должность? — спросила принцесса.

— Я Конан, капитан отряда наемников-копейщиков.— Он единым духом осушил чашу вина и вернул ее Ватише, дав знак наполнить снова.— Родом из Киммерии.

Название было ей лишь смутно знакомо. Вроде бы это где-то на севере... мрачный горный край далеко за границей Хайбории, населенный людьми суровыми и жестокими... Живого киммерийца она увидела сейчас впервые.

— Конан,— произнесла она, устремив на него взгляд чарующих темных очей,— почему ты решил, что разговор у нас пойдет о судьбе королевства?

— Что тут непонятного? — ухмыльнулся он.— Твой брат — пленник офирского монарха, Коф зарится на твои земли и плетет интриги, а вдобавок появился шемский маг и учинил неслыханное кровопролитие... А самое неприятное — из твоего войска каждый день дезертируют люди.

Столь откровенная речь простого капитана привела в растерянность привыкшую к церемониям принцессу. Этот человек не считал нужным маскировать жестокую правду цветистыми околичностями.

— И почему же они дезертируют, Конан-киммериец? — спросила она.

— Кое-кто поддался на кофские соблазны,— ответил он, смакуя вино.— Другие решили, что век Хорайи как независимой страны приблизился к своему закату. А некоторых до смерти напугали слухи о Натоке, колдуне из пустыни.

— Но хоть наемники не разбегутся? — спросила она с надеждой.

— Пока мы вовремя получаем плату, можешь на нас положиться,— ухмыльнулся северянин.— А что до политики, то это не для нас. О ней можешь говорить с нашим командиром Амальриком, даром, что ли, он беглый принц. А мы простые воины, любим щедрое жалованье, лихую драку и богатую добычу. Хотя один совет по части политики и я могу тебе дать. Если заплатишь Офиру требуемый им выкуп, то пойдут слухи, будто у тебя не осталось средств на жалованье нам. И тогда у нас появится искушение перейти на службу к королю Кофа, хоть он и скупец, каких свет не видел. Или мы можем взбунтоваться и разграбить город. Не все ли равно наемникам, на чьей стороне сражаться? Была бы добыча.

— А как насчет Натока? — Она посмотрела на него в упор.— Почему бы вам не перейти под его знамена?

— А чем он будет платить? — Конан пожал плечами.— Медными пузатыми божками из разоренных шемитских храмов? И это при том, что половина наемного войска — шемиты? Нет уж, с Натоком нам не по пути. А ты, если задумала с ним повоевать, можешь на нас рассчитывать.

— Ты отвечаешь за свои слова? — спросила она резким тоном.

— Странный вопрос,— удивился Конан.— У меня такое чувство, ты его неспроста задаешь.

— Неспроста,— кивнула она.— Я хочу знать, пойдут ли за тобой наемники, если я назначу тебя командиром всей хорайянской армии.

Он не донес чашу с вином до губ, которые в следующий миг дрогнули и растянулись в ухмылке:

— Меня? Поставить над армией? Разрази меня Кром, вот это сюрприз! А где же твои напомаженные аристократишки? Как они воспримут идею подчиниться чужеземному дикарю?

— Они мои вассалы, как я скажу, так и сделают.

Она хлопнула в ладоши. Вошел раб, застыл в глубоком поклоне. Принцесса обратилась к нему:

— Передай графу Теспидскому, чтобы немедленно явился сюда. Еще позови канцлера Тауруса, принца Амальрика и агу Шупраса.

— Я верю Митре,— задумчиво сказала она, глядя, как Конан уничтожает поставленную перед ним Ватишей еду.— Ты, похоже, бывалый воин.

— Рожденный на поле боя.— Он оторвал кусок мяса от кости крепкими зубами.— И первое, что я услышал в своей жизни, это звон клинков и крики сражающихся. Да, я бывалый боец. Участвовал в схватках враждующих кланов, в войнах разных государств, в завоевательных походах имперских армий.

— Значит, ты способен повести армию на врага и на поле боя построить ее в боевой порядок?

— Конечно способен. Битва двух армий похожа на поединок двух рубак, только крови проливается больше. Выхватываешь из ножен гвардию, бьешь ею — и либо враг опрокинут, либо ты сам остался без головы.

Возвратился раб, объявил о прибытии тех, за кем его посылали. Ясмела велела Конану оставаться на месте и перешла в соседнюю комнату, задернув бархатную гардину в дверном проеме.

— Я пригласила вас сюда, чтобы сообщить о важном решении,— начала она.— Нашей стране угрожает опасность...

— О да, моя принцесса, ты совершенно права,— перебил ее граф Теспидский, рослый красавец с завитыми и надушенными черными кудрями.

Он то и дело приглаживал одной рукой загнутые кверху усы, в другой держал бархатный берет с красным страусиным пером и золотой брошью. Из расшитого золотом бархата были и остроносые туфли. С жеманностью его манер не вязалась стальная крепость мышц под шелковыми одеждами.

— Но я знаю, как спасти королевство! — продолжил он.— Надо предложить офирскому монарху еще больше золота за освобождение твоего брата...

— Я против! — вмешался канцлер Таурус, престарелый вельможа в плаще с подбоем из горностаевого меха. От непрестанных забот на его лице давно пролегли глубокие складки.— Мы и так предлагаем огромный выкуп, и если заплатим его, государство останется нищим. А увеличив цену, только распалим жадность офирского короля. Я уже говорил, моя принцесса, и еще раз повторю: Офир занял выжидательную позицию. Он будет бездействовать до тех пор, пока мы не столкнемся с ордами Натока. Если потерпим поражение — офирцы выдадут нашего короля Кофу, победим — тогда его вернут нам за предложенный выкуп, а то и даром. Все любят дружить с сильными, слабый союзник не нужен никому...

— Силы мы не приобретем, пока сидим сложа руки,— перебил его принц Амальрик, командир наемного войска, громадный, как медведь, немедиец с львиной гривой белокурых волос.— Ежедневно из армии сбегает несколько человек, а оставшиеся донимают меня вопросами, почему мы бьем баклуши. Если не выступим на юг сейчас же, то скоро просто не с кем будет выступать.

— Мы выступаем завтра,— твердо сказала принцесса.— А поведет вас вот этот человек!

Она рывком отодвинула бархатную занавесь и картинным жестом указала на киммерийца. Быть может, она выбрала не самый удачный момент: Конан лежал на кушетке, закинув ноги на столик эбенового дерева, держал обеими руками исполинскую кость и увлеченно ее обгладывал. Он с ухмылкой глянул на вельмож, подмигнул Амальрику и вернулся к своему занятию.

— Митра меня храни! — схватился Амальрик за голову.— Это же Конан! Северянин, самый буйный из моих вояк! Не будь он лучшим рубакой в отряде, я бы давно его вздернул.

— Моей принцессе захотелось нас разыграть? — закивал, неестественно улыбаясь, граф Теспидский.— Ну конечно же, это шутка! Этот человек не может командовать аристократами, потому что он — безродный, невоспитанный дикарь. Поздравляю тебя с отличным розыгрышем, принцесса. Будет о чем рассказать моим родовитым друзьям...

— Граф Теспидский,— перебила Ясмела,— ты давал нашему дому клятву вассала. Я избавляю тебя от нее. Можешь идти.

— Идти? — опешил он.— Куда идти?

— Хоть в Коф, хоть в ад! — вспылила принцесса.— Или ты будешь служить мне так, как я хочу, или не будешь служить вовсе!

По лицу графа было видно, он решил пойти на попятный. Склонившись в глубоком поклоне, он проворчал:

— Моя принцесса, ты неправильно поняла мои слова. Я давал клятву вассала не для того, чтобы бросать тебя в беде. И если тебе угодно, чтобы в столь трудный для государства час я терпел унижения,— пожалуйста, я готов подчиняться варвару.

— А ты, доблестный Амальрик?

Тот, к которому она обращалась, сначала выругался себе под нос, потом ухмыльнулся. Это был настоящий воин удачи, и никакой ее фортель не сумел бы его удивить.

— А что я? Я наемник, готов служить под чьим угодно началом, лишь бы платили. Я всегда говорил, век воина должен быть коротким и веселым, а если в поход нас поведет киммерийский буян, вряд ли мы заживемся на этом свете, но зато уж повеселимся так повеселимся!

— И наконец, ты, мой верный ага? — повернулась Ясмела к Шупрасу.

Тот пожал плечами — дескать, что еще мне остается? Это был типичный житель земель, примыкающих с юга к кофской границе: рослый, худой, с ястребиными чертами лица, даже более резкими, чем у его более чистокровных родичей — обитателей пустыни.

— Все мы — лишь орудия в руках Иштар, моя принцесса,— ответил он в духе своих предков-фаталистов.

— Подождите здесь,— велела принцесса и вышла.

Томясь в ожидании, граф Теспидский мял свой бархатный берет, Таурус нервно хрустел пальцами и что-то непрестанно бормотал, Амальрик львиной поступью расхаживал по комнате и ухмылялся. В своем покое принцесса хлопнула в ладоши, зовя рабынь.

Они принесли Конану взамен кольчуги стальные доспехи, и вновь он предстал перед аристократами, уже облаченный в броню. Сверкающие латы и шлем с плюмажем придавали его облику мрачное величие, и даже граф Теспидский против своей воли испытал робость перед этим варваром. Амальрик перестал ухмыляться.

— Вот уж чего я никогда не ожидал, Конан, так это увидеть тебя в доспехах рыцаря. Но, клянусь Митрой, они тебе к лицу. Не всякий король способен этим похвастаться, уж я-то их много повидал и знаю, о чем говорю.

Конану было суждено вспомнить эти слова Амальрика много лет спустя, когда пришло время сбыться самой сокровенной мечте.

III

Рано утром в тусклом свете солнца улицы Хорайи были запружены народом, смотревшим, как из южных ворот выезжают всадники. Наконец-то армия выступила в поход. Впереди ехали рыцари в сверкающих латах, над шлемами развевались цветные перья. Лошади под седлами из лакированной кожи и шелковыми попонами, в сбруе с золотыми пряжками и фестонами гарцевали и выделывали изящные курбеты, когда их пришпоривали наездники. Утренний свет играл на наконечниках копий, целый лес которых вздымался над отрядами, а ветер трепал красивые флажки на древках. Каждый рыцарь взял с собой на войну знак дамы сердца — перчатку, шарф или розу, привязав его к шлему или перевязи меча. Это была королевская конница, цвет хорайянской знати, пятьсот

доблестных рыцарей под командованием графа Теспидского, мечтавшего, по слухам, жениться на самой принцессе Ясмеле.

Следом за ними двигалась легкая конница на сильных конях. В седлах сидели жители холмистых краев, худощавые, с ястребиными чертами лица. Их головы венчали остроконечные шлемы, под широкими халатами блестели кольчуги. Это были непревзойденные щемитские лучники, их стрелы поражали цель на пятьсот шагов. Во главе отряда конных стрелков ехал Шупрас, тоже в остроконечном шлеме. Его худое горбоносое лицо было хмурым.

Далее шествовали копейщики. Искать среди тяжелой пехоты богатых аристократов бессмысленно — в любом хайборийском королевстве считалось, что состоятельному дворянину место только в кавалерии. Зато тут хватало выходцев из обедневших знатных родов. Хорайянских копейщиков, как и рыцарей, тоже было пятьсот.

В арьергарде следовали наемники — тысяча конников и две тысячи копейщиков. Воины, побывавшие во множестве кровавых сражений, в сравнении с рыцарями явно проигрывали. Они не рисовались, их доспехи были крепки, но лишены прикрас: простые кольчуги, шлемы без забрал. На их длинных копьях не трепетали флажки. К седлам были пристегнуты топоры или стальные палицы, и у каждого воина на поясе обязательно висел широкий меч. Подобным же образом экипировались и копейщики, с той лишь разницей, что их копья оказались длиннее и тяжелее, чем у конников.

Среди наемников были представители многих рас: гиперборейцы, долговязые, широкие в кости, лезущие в карман за словом, но не за оплеухой; рыжие гандерландцы с холмистой северо-западной окраины Хайбории; высокомерные изгои из Коринфа; чернявые зингарцы с густыми усами и неистовым темпераментом; хладнокровные аквилонцы с далекого запада. Все они были хайборийцами, кроме зингарцев.

Самым последним в этой кавалькаде шел верблюд под роскошной попоной, а его уздечку держал в руке рыцарь, который рысил на боевом коне в окружении конных копейщиков из охраны королевского дворца. На верблюде в седле с мягкой бархатной подушкой ехала стройная девушка, закутанная в шелка; при виде ее горожане почтительно кланялись и выкрикивали приветствия.

Конан-киммериец, непривычно чувствовавший себя в рыцарских латах, косился на верблюда и неодобрительно качал головой. Он обратился к ехавшему рядом с ним Амальрику, облаченному в превосходную кольчугу, позолоченный нагрудник и шлем с султаном из конского волоса:

— Зря принцесса вызвалась ехать с нами. Она сильная девчонка, но в таком походе ей придется круто. И шелка очень скоро придется сменить на одежку попроще.

Амальрик, скрывая ухмылку, шевельнул светлыми усами. Неужто Конан думает, что Ясмела, подобно варваркам, в бою сама возьмется за меч?

— Конан, хайборийские женщины не сражаются, как твои соплеменницы-киммерийки. Ясмела поехала с нами, чтобы увидеть, как будет драться ее армия. Но, между нами говоря,— он наклонился к Конану и заговорил тише,— мне кажется, она просто не рискнула остаться одна, без защиты. Она боится...

— Мятежа? Коли так, не стоило ли нам вздернуть десяток-другой смутьянов, прежде чем выступать?

— Нет, тут мятеж ни при чем. Мне проговорилась одна из ее девушек: среди ночи во дворец проникла какая-то адская тварь и до смерти перепугала принцессу. Как пить дать, козни проклятого Натока. Эх, Конан, легко сражаться с существами из плоти и крови, но как противостоять сверхъестественному?

— Ничего,— буркнул киммериец,— против злых чар иногда помогает добрый меч.

Как только вся армия оказалась за воротами города, они закрылись со скрипом массивных петель. Командиры поспешили выстроить свои подразделения в походную колонну. Горожане смотрели на войско со стен — они понимали: их жизнь или смерть зависит от того, вернется армия с победой или с поражением. Ордам кочевников, грандиозной волной накатывающих с бесплодного юга, неведомо такое понятие, как пощада.

Целый день армия продвигалась по лугам, на которых высокая трава качалась под порывами ветра. Луга пересекали многочисленные реки и ручейки. Постепенно местность шла на подъем. Впереди показалась гряда невысоких холмов, она протянулась с востока на запад, и ее предстояло преодолеть. Но это было задачей следующего дня, а сейчас хорайянское войско стало лагерем на северных склонах.

Вскоре появились полудикие горбоносые люди — местные пастухи. Они садились у костров на корточки и вполголоса сообщали новости из таинственной пустыни. То и дело из их уст звучало мрачное имя Натока. Якобы по его повелению демоны воздуха приносят в пустыню ураганы, громы и туманы, а свирепая нечисть подземного мира сотрясает ужасным ревом землю. Повинуясь его заклинаниям, прямо из воздуха рождается огонь и разрушает ворота укрепленных городов, сжигает воинов в латах, оставляя только пепел и расплавленный металл. Нет числа его воинам, их чуть ли не больше, чем песчинок в этой пустыне, а еще к нему примкнуло пять тысяч стигийцев на боевых колесницах — их привел мятежный принц Кутаман.

Все эти новости Конан выслушивал без дрожи в поджилках. Война есть война, а на его век походов и битв выпало с избытком. Вдобавок само ремесло наемного рубаки предполагает постоянный смертельный риск. С самого рождения Конана смерть была его неразлучной спутницей, шествовала рядом своей зловещей поступью, стояла за его плечом у игорных столов, стучала костлявыми пальцами по его кубкам с вином. Когда он засыпал, сморенный усталостью или хмелем, она стояла над ним чудовищной тенью в плаще с поднятым капюшоном. Но он привык не замечать ее, как не замечает король своего виночерпия или камергера. Да, рано или поздно наступит день, когда она заключит киммерийца в костлявые объятия, ну и что с того? Сейчас он жив, и это главное.

Но не все в его войске были такими бесстрашными, как он.

Конан проверил часовых и уже возвращался к своему шатру, как вдруг перед ним появилась гибкая девичья фигурка, закутанная в плащ. Девушка остановила его властным жестом.

— Принцесса? Почему ты бродишь по лагерю среди ночи? Почему не спишь в своем шатре?

— Да сон все нейдет.— Ее черные глаза прятались в тени капюшона.— Конан, мне страшно!

— Кто тебя напугал? Назови мне его, и, клянусь Кромом, он сейчас же недосчитается головы! — Широкая ладонь сдавила рукоять меча.

— Нет, Конан, я боюсь не человека.— Она содрогнулась.— А ты, Конан? Скажи, есть ли на свете то, что внушает тебе страх?

Он помолчал, задумчиво потер подбородок. Наконец признался:

— Да. Я боюсь, что меня проклянут боги.

Она снова задрожала.

— Вот и я... На мне лежит проклятие. Но не божеское — демон из Бездны пометил меня своим знаком. Каждую ночь является ко мне его кошмарная тень и нашептывает свои мерзкие, ужасные тайны. Он сулит унести меня в ад, в преисподнюю, и там сделать своей королевой. И нынче я боюсь уснуть, потому что он придет и сюда, в мой шатер, и все повторится. Конан, ты такой сильный и отважный... Побудь со мной, пожалуйста. Мне очень страшно!

Сейчас перед ним стояла не властная гордячка, а испуганный ребенок. Преследуемая сверхъестественным ужасом, она неосознанно пришла к тому, кто казался ей самым сильным,— к Конану. Раньше ее отталкивала его свирепая варварская сила, а теперь влекла к себе.

Он ничего не ответил, но накинул ей на плечи свой красный плащ. На миг железной крепости рука задержалась на узком девичьем плечике, и снова Ясмела задрожала, однако не от страха. По ней от этого прикосновения прошла горячая волна первобытной жизненной энергии, ей словно передалась толика силы Конана.

— Ложись здесь.— Он указал на свободный клочок земли. Как будто нет ничего особенного в том, что принцесса будет ночевать у лагерного костра, укрывшись воинским плащом.

Но она беспрекословно подчинилась. Он присел рядом на широкий плоский камень, положил на колени меч. На латах из синеватой стали играли сполохи костра, и сам Конан напоминал статую из железа — сгусток нечеловеческой силы, на миг застывший, но не ради отдыха, а в ожидании приказа ринуться в битву. Лицо его тоже оставалось неподвижным, но в глазах мерцало неукротимое пламя. Это был не просто варвар, это была плоть от плоти первобытной дикости, частица необузданной стихии. По его жилам бежала волчья кровь, его разум полнился густой мглой северной ночи, а в сердце полыхал огонь опаленных молниями дремучих лесов.

С этими мыслями Ясмела постепенно погрузилась в сон, укутанная, словно одеялом, блаженным чувством безопасности. Непонятно откуда пришла уверенность, что этой ночью над ней не будет нависать тень с горящими очами.

Но опять принцесса очнулась от леденящего ужаса, хотя причиной его не был кошмарный сон.

Ее разбудили тихие голоса. Она открыла глаза и обнаружила, что от костра остались меркнущие угли. Похоже, близился рассвет. Она смутно различила сидящего на камне Конана, заметила синеватый блик его меча. Рядом с киммерийцем сидел на корточках какой-то человек в белом тюрбане. Ясмела сонно разглядела его горбатый нос, возбужденно блестящие глаза. Незнакомец говорил на языке шемитов, который она знала плохо. Но она, хоть и не без труда, понимала его слова.

— Конан, я правду говорю! Да отнимет Бэл мне правую руку, если я лгу! Да лишит меня Деркето воровской сметки, если я хоть что-нибудь преувеличил! И пусть меня справедливо называют королем лжецов, не стану я обманывать старого друга и подельника. Иль ты забыл, как мы с тобой промышляли воровством в Заморе, прежде чем ты сменил отмычку на меч?

Так вот, Конан, я в самом деле видел Натока. Вместе с тысячами других я простирался перед ним ниц, когда он вопил свои заклинания Сету. Но я, в отличие от других, не зарывался носом в песок. Даром, что ли, я один из лучших воров в этом мире? И зрение у меня, как у орла. Да, я рискнул посмотреть вверх и увидел, как взметнулась на ветру его вуаль... Лицо на миг оказалось открытым, и я увидел... я увидел... Да поможет мне Бэл... Конан, клянусь, я на самом деле видел! У меня в жилах застыла кровь, дыбом встали волосы. С тех пор увиденное жжет мою душу, как раскаленное железо. И понял я: не будет мне покоя, пока не удостоверюсь.

Так вот, Конан, я отправился в путь и добрался до развалин Кутхемеса, до знаменитого железного купола. И был потрясен, обнаружив открытым вход! У дверей лежала пронзенная мечом исполинская змея. Внутри купола находилось человеческое тело, так сильно скорченное, так страшно изуродованное, что я его узнал с трудом. Это был труп Шиватаса из Заморы, единственного вора в Хайбории, чье превосходство над собой я всегда признавал. Я понял, он даже не успел прикоснуться к сокровищам — они блистающими грудами лежали вокруг мертвеца. Но больше я не увидел ничего.

— Никаких мощей? — спросил киммериец.

— Вообще ничего! — с жаром перебил его шемит.— Один лишь труп Шиватаса.

Наступило тяжелое молчание. Ясмела содрогнулась, вспомнив ужасную тварь из своих снов.

— Откуда же он взялся, этот Наток? — зазвучал срывающийся голос шемитского вора.— Говорят, явился из пустыни. Явился среди ночи, когда в небе бушевали грозовые тучи, когда дрожали от страха звезды, когда ветры завывали в едином хоре с неприкаянными душами. В ту ночь вышли на охоту упыри, обнаженные ведьмы оседлали буйный ветер и закружились под небосводом, а в дебрях лесов перекликались волки-оборотни. Чародей ехал верхом на черном как смоль верблюде, несшемся быстрее скакового жеребца, и адский огонь озарял его зловещий силуэт, и следы от копыт верблюда светились во мгле. В оазисе Афака маг спешился перед капищем Сета, и верблюд повернулся и исчез в ночи. Я говорил с людьми из тех мест, они клялись, что верблюд распахнул громадные крылья и унесся в небо, оставляя за собой пламенный след подобно комете. Больше его никто не видел с тех пор, но перед каждым рассветом в шатре Натока появляется черная тень, похожая и на человека, и на зверя, и говорит с ним в потемках. Конан, я тебе скажу, кто такой на самом деле Наток. Я покажу тебе лик того, кого видел в тот день, когда ветер откинул вуаль с его лица...

Оба мужчины низко склонились, что-то разглядывая, и Ясмела заметила блеск золота у шемита на ладони. Она услышала изумленный возглас киммерийца, а в следующую секунду ее окутала черная мгла — впервые в жизни принцесса Ясмела лишилась чувств от страха.

IV

Первые лучи рассвета только-только забрезжили на востоке, а войско уже снялось с лагеря. Незадолго до того в лагерь прискакали ястреболикие пастухи на шатающихся от долгой скачки конях и сообщили, что орда кочевников расположилась лагерем вокруг родника Алтак. Поэтому решено было преодолеть горы одним броском. Обоз пришлось оставить в надежде, что он благополучно догонит армию. Ясмела на своем верблюде поехала вместе с войском. В ее глазах застыл ужас: тень из кошмарных снов приняла еще более чудовищные контуры, когда девушка узнала монету в руке шемита. Такие монеты тайно чеканила изуверская секта зугитов, и на них изображался профиль того, кто вот уже три тысячи лет считался покойником.

Пыльная дорога вилась среди иззубренных утесов и обглоданных ветрами скал-свидетелей, которые подобно башням высились над узкими долинами. То и дело встречались селения — скопище хижин, сложенных из камней и обмазанных грязью. Из этих домов появлялись жители хорайянского пограничья, мужчины садились на коней и присоединялись к войску, и оно, пока двигалось через холмы, увеличилось на три тысячи конных лучников.

Холмы наконец остались позади, а впереди раскинулась такая огромная ширь, что при виде ее аж дух захватывало. Сухие луга уходили к югу, там обрезались крутым обрывом — это была естественная граница между Кофским нагорьем и пустыней. По эту сторону гряды холмов земля скудна, здесь обитало только племя захеми, которому вменялось в обязанности охранять караваны от нападений кочующих разбойников. Дальше к югу простиралась пустыня с ее пыльными бурями и редкими оазисами и источниками воды. Где-то за горизонтом находился источник Алтак, и там сейчас отдыхали войска Натока.

Воины глядели со склонов вниз, на караванный путь, по которому раньше текли дорогие товары севера и юга и по которому прошли когда-то армии Кофа, Шема, Турана и Стигии. Насколько Конан знал, только здесь всадникам можно было спуститься в долину — через единственное ущелье, не перегоро-

женное каменными завалами. Ущелье походило на русло огромной реки, протянувшееся с холмов; два его рукава расходились и представляли собой естественные горные дороги с пологими внутренними склонами и крутыми внешними. Долина постепенно выходила на изрезанную оврагами подошву горы. Там был колодец, а также скопление каменных башен, в которых обитало племя захеми.

В этом месте войско остановилась по знаку своего военачальника. Конан спешился, чтобы сменить рыцарские латы на привычную кольчугу. К нему подъехал граф Теспидский, спросил недовольно:

— Почему мы стали?

— Будем ждать Натока здесь,— лаконично ответил Конан.

— Рыцарю подобает не ждать врага, а самому мчаться ему навстречу,— презрительно молвил граф.

— У колдуна слишком много воинов, нас просто раздавят численным перевесом,— объяснил Конан.— Вдобавок там почти нет воды. Достаточно отрезать нас от источников — и даже сражаться не понадобится, мы перемрем сами. Лучше здесь займем жесткую оборону, все равно другого пути в Хорайю нет...

— Мои рыцари спустятся и разобьют лагерь в долине,— высокомерно перебил граф Теспидский.— Мы — авангард, и наше место — впереди армии. И никто из нас не боится сброда из пустыни.

На это Конан лишь плечами пожал, и взбешенный аристократ ускакал к своему отряду.

Амальрик спорить не стал, он велел своим воинам располагаться в ущелье и проводил сверкающих латами рыцарей брезгливым взглядом.

— Вот дураки! Надолго ли хватит воды в их флягах? Скоро потащатся обратно поить коней.

— Пусть что хотят, то и делают,— махнул рукой Конан.— Этим щеголям не нравится, что ими командует чужеземец да вдобавок варвар, а мне не нравится, что в их напомаженных головах больше спеси, чем ума. Ничего, справимся и без них. Вели-ка братьям-волкам не терять времени даром и маленько отдохнуть перед дракой. Пускай позаботятся о конях и сами хорошенько подкрепятся.

Посылать вперед дозоры не было резона — пустыня просматривалась очень далеко, лишь на горизонте ее скрадывали низко висящие облака. Плоскость рельефа в нескольких милях от холмов нарушалась нагромождением каменных развалин — если верить легенде, это были останки древнего стигийского храма.

Спешенных регулярных лучников вместе с полудикими ополченцами Конан разместил вдоль горных гребней. Наемников и хорайянских копейщиков поставил на плато возле колодца. В тылу, там, где дорога только-только выходила на плато, воздвигли шатер принцессы.

Противник все не показывался, и войско расслабилось. Люди сняли шлемы, расстегнули пояса и перевязи. Пришло время обедать; перебрасываясь грубыми шутками, воины с чавканьем уплетали мясо и запивали его пивом прямо из бочек, сгибаясь и окуная в него губы. На гребне бездельничали лучники, закусывая оливками, финиками и козьим сыром. К Конану, сидевшему на валуне с непокрытой головой, подошел Амальрик.

— Слышал, Конан, что рассказывают о Натоке дикари? Просто волосы дыбом встают, клянусь милостью Митры! А ты что скажешь?

— Иное семя веками лежит в почве и не гниет,— произнес киммериец.— Однако три тысячи лет — срок слишком долгий для любого семени. И все же я не сомневаюсь, Наток — человек.

— А я в этом вовсе не уверен,— буркнул Амальрик.— Ну да ладно, демон с ним. Я, собственно, по другому поводу к тебе. Мои поздравления, Конан,— ты построил это войско, как опытный полководец. Теперь банды Натока не захватят нас врасплох. Но что это за туман на горизонте?

— Сначала я думал, облака,— ответил Конан.— Но ты погляди: они же ползут на нас!

Он был прав: то, что совсем недавно выглядело как невинные облака, оказалось густым туманом, и он накатывался на север подобно огромной океанской волне, стремительно сокращая открытый пустынный ландшафт. Вот он захлестнул развалины стигийского храма и потек дальше. Воины при виде этой небывалой, неестественной картины застыли в изумлении.

— Посылать туда дозорных бесполезно,— сказал огорченный Амальрик,— там, небось, ни зги не видать. Скоро он и до нас доберется...

Конан, с растущим беспокойством наблюдавший за приближением тумана, вдруг лег и прижал ухо к земле. Через миг он вскочил на ноги и исторг проклятие.

— Это они! На конях и боевых колесницах! Их тысячи, земля дрожит от копыт. Эй, вы! — прогремел его голос по долине и сорвал с мест отдыхающих воинов.— Живо к оружию, волки! Строиться!

Едва воины успели привести в порядок свои доспехи и занять позиции, туман откатился прочь, открывая несшуюся под его прикрытием орду, как занавес открывает сцену. А еще через мгновение он исчез, подобно тому, как исчезает задутый огонек свечи, и снова на пустыню обрушились жгучие солнечные лучи. Но пустыня уже не была голой — перед ошеломленным хорайянским войском кипело море из бронзы и стали, наконечники копий сверкали, как мириады звезд. Когда исчез туман, наступающие остановились. Воины стояли длинными шеренгами, плечом к плечу, блестя доспехами на солнце.

Впереди застыл длинный ряд колесниц, запряженных огромными неистовыми конями из Стигии, с цветными плюмажами на головах. Кони фыркали и пятились, когда обнаженный возница подавался туловищем назад, сгибая крепкие ноги и напрягая рельефные мышцы рук. В колесницах стояли рослые воины со смуглыми суровыми лицами, в бронзовых шлемах с полумесяцами на шишаках. Это были не простые воины, а аристократы Юга, рожденные для войн и охоты, умеющие на всем скаку поражать стрелами прыгающих навстречу львов.

За ними стоял в ожидании сигнала пестрый отряд полудиких всадников из Куша, самого северного из великих Черных Королевств. Их тела лоснились, как эбеновое дерево. Гибкие и ловкие, как обезьяны, они носили только набедренные повязки из красивых перьев и держались на конях без седел, узды и стремян.

Орда позади них, казалось, затопила собой весь окоем: тысячи и тысячи воинственных сынов Шема в цилиндрических шлемах, а также диких кочевников пустыни в белых хламидах.

Все это войско снова пришло в движение, но уже беспорядочное: колесницы сбились в толпу, в рядах конницы возникли водовороты, пехота бессмысленно засуетилась. При виде столь огромного войска хорайянские рыцари поспешили сесть на коней и построиться, а их предводитель галопом помчался в ла-

герь основного войска. Подъехав к Конану, он не спешился, как подобало бы подчиненному, а резко заговорил с седла:

— Они не ожидали, что сойдет туман, и сейчас пребывают в замешательстве! Самый подходящий момент, чтобы атаковать. У кушитов нет луков, только круглый дурак мог выставить вперед этих голопузых мартышек. Натиском рыцарей они будут отброшены на шемитов и нарушат их строй. Я начинаю — ты добиваешь! Мы разгромим их одним ударом!

Конан отрицательно покачал головой:

— Я бы с тобой согласился, будь перед нами обычный враг. Но это замешательство в их рядах уж больно смахивает на военную хитрость. Такое впечатление, будто они хотят, чтобы мы ударили первыми. Нет, граф, я не буду рисковать.

— Не желаешь наступать?! — воскликнул аристократ, побагровев от гнева.— Презренный трус!

— Не пори горячку,— увещевал его киммериец.— Сейчас у нас выгодная позиция...

Выкрикнув грязное ругательство, граф Теспидский повернул коня и галопом умчался в долину, где его нетерпеливо дожидались рыцари.

Амальрик с упреком посмотрел на Конана:

— Зря ты его отпустил. Я бы на твоем месте... Гляди!

Граф остановился перед строем своих воинов. Его голос был едва слышен, но взмах руки в сторону неприятеля был достаточно красноречив. Пятьсот копий наклонились параллельно земле, и сверкающий латами, грохочущий копытами отряд помчался на врага.

От шатра Ясмелы прибежал запыхавшийся молоденький паж, пронзительно закричал:

— Конан, принцесса спрашивает, почему ты не выступаешь следом за графом Теспидским?

— Потому что я не такой самонадеянный дурак, как он,— хмуро ответил Конан, усаживаясь на валун, беря в руки большой говяжий окорок и принимаясь обгладывать мясо с кости.

— Раньше ты сам любил почем зря лезть на рожон,— заметил Амальрик.— Похоже, власть идет тебе на пользу. Я не раз замечал, ответственность за своих людей остужает самые горячие мозги.

— Да, раньше я рисковал только собственной шкурой, а ее сохранность меня не очень-то заботит,— кивнул Конан.— Что это там, разрази меня Кром?!

Вражеское войско застыло. От края правого фланга отделилась колесница, помчалась вперед. Голый возница неистово хлестал коней. На колеснице стоял кто-то огромный, в черном шелковом одеянии, развевающемся на ветру. Он держал в руках большой золотой кувшин, из которого тонкой струйкой сыпался блестящий на солнце порошок. Колесница проехала перед всем фронтом войска пустыни, и за ней остался на песке тонкий сверкающий след.

— Наток! — вскричал Амальрик.— Что за адские семена сеет колдун?

Бросившиеся в атаку рыцари не умерили свой опрометчивый натиск. Осталось каких-то пятьдесят шагов до неровных шеренг кушитов, а те стояли неподвижно, даже не опустили копий навстречу врагу. И вот передний ряд рыцарей оказался над блистающей тонкой полосой. Как только ее коснулись подко-

вы, раздались звуки, как будто сталь ударила о кремень — но с результатом куда более страшным. Пустыню сотрясло чудовищным взрывом, ее пересекла ослепительно белая вспышка.

Вся передняя шеренга рыцарей была уничтожена этим пламенем. Лошади и их закованные в броню седоки умирали в огне, как муравьи на раскаленном противне. В следующее мгновение задний ряд налетел на обугленные тела. Всадники, несшиеся во весь опор, не могли остановиться и ряд за рядом попадали в пламя. Так и не соприкоснувшись с врагом, могучие рыцари погибали сотнями в страшных корчах, под ржание искалеченных коней.

Показного замешательства как не бывало — орда мгновенно приняла идеально четкие боевые порядки. Чернокожие дикари устремились вперед, пронзать копьями раненых, каменными булавами и чугунными молотами сбивать шлемы с всадников. Все закончилось так быстро, что зрители на склонах даже не успели осознать, что произошло. И за кушитами вперед двинулась вся орда, разделившись надвое, огибая кучу обугленных тел.

Эта картина ужаснула воинов на холмах. «Наши враги — не люди! — вскричали они.— Это сущие демоны!» Дрогнули лучники-ополченцы на гребнях, один из них бегом спустился на склон, с его бороды срывалась пена.

— Бегите! — призывал он.— Спасайтесь! Против чар Натока не устоит никто!

Конан с проклятием сорвался с валуна и огрел паникера обгрызенной костью. Тот рухнул замертво, из носа и рта хлынула кровь. Конан рывком обнажил меч, его глаза превратились в щели, горящие синим огнем.

— Всем стоять, где стоите! — выкрикнул он.— Тому, кто сделает хоть шаг назад, башку снесу! Будем сражаться! Победим или ляжем костьми, но не отступим перед этой колдовской сволочью!

Паника улеглась так же быстро, как и поднялась. Ярость Конана окатила войско, словно ледяная вода, погасила пламя страха.

— Поняли, что я сказал? — прорычал он, озирая ряды своих воинов грозным взглядом.— Сегодня ни люди, ни демоны не пройдут на землю Хорайи!

Первыми встретить врага должны были наемники, крепко держащие копья в руках. Позади них стояли хорайянские конники, а чуть дальше и левее — резерв, тяжелая хорайянская пехота. Ясмела находилась у входа в шатер. От ужаса она лишилась дара речи и побледнела как полотно: свое войско казалось ей жалкой горсткой в сравнении с огромной ордой кочевников.

Конан стоял перед строем копейщиков. Он знал, колесницы не будут карабкаться вверх по ущелью навстречу губительным стрелам, но заворчал, увидев, как спешиваются всадники. Он заметил, у диких воинов пустыни нет обоза с припасами, воду и еду они везли в седельных сумках. Они дружно выпили последнюю воду и бросили фляги на землю.

— Отступать не намерены,— хмуро заключил он.— Но и потерь лишних не хотят, иначе бы атаковали в конном строю. А жаль: раненые лошади хорошо ломают боевые порядки.

Орда построилась гигантским клином. Его наконечником были стигийцы, за ними стояли шемиты в кольчугах и цилиндрических шлемах, а на флангах — кочевники и кушиты. Сомкнувшись и подняв щиты, они двинулись в атаку. Позади остался высокий колдун в неподвижной колеснице. Он воздел руки и запрокинул прикрытую вуалью голову в чудовищном заклинании.

Как только орда вклинилась в широкое преддверие ущелья, на нее обрушился град стрел. Щиты и доспехи спасали не всех — нападающие десятками падали с ног. Стигийцы бросили свои бесполезные луки; низко наклонив головы в шлемах, прикрываясь высокими щитами, они стремились вперед неукротимой волной, перешагивая через тела упавших соотечественников. Но лучники-шемиты своего оружия не бросили, и от их стрел потемнело небо. Конан смотрел на колышущийся лес копий и гадал, какую новую подлость подготовил чародей. Что-то подсказывало ему: Наток, как и все колдуны его сорта, в обороне куда опасней, чем в нападении. Если сейчас контратаковать, это закончится сокрушительным поражением хорайян.

Однако несомненно, что эта же магия заставляла воинов пустыни идти вперед, невзирая на огромные потери. У Конана захватило дух: передние ряды врага были уже уничтожены почти целиком. Постепенно таяли задние углы клина, и уже все устье долины покрылось мертвыми телами. Но живые продолжали наступать, как будто они лишились рассудка, как будто неизбежность смерти для них ничего не значила.

У Натока было гораздо больше лучников, чем у Конана, и это уже сказывалось: хорайянские стрелки падали с утесов один за другим. Тучи стрел заставляли укрываться неопытных в бою, необстрелянных ополченцев. Но хватало и тех, кто при виде страшной опасности только сжимал зубы и все быстрее метал стрелы во врагов, сверкая глазами, как попавший в западню волк.

Вот орда подступила к узкому горлу ущелья, и вниз с грохотом покатились огромные валуны, десятками круша воинов. Но атака не захлебнулась. Бойцы Конана подготовились к неизбежной рукопашной схватке. Они стояли плотными рядами; хорошая броня и надежные щиты свели потери от стрел к минимуму. Тем не менее Конан понимал, что противостоять огромному клину в ближнем бою его отряд сможет недолго. Он схватил за плечо стоящего рядом захеми.

— Можно как-нибудь спуститься в долину в стороне от этого прохода?

— Есть тайная тропка западнее, но она очень опасна, особенно для всадников...

Конан потащил его к Амальрику, сидящему на огромном боевом коне.

— Поезжай за ним,— приказал киммериец.— Он проводник, покажет, как спуститься в пустыню другим путем. Ударите орде в тыл! Не спорь со мной, а действуй! Я понимаю, нас это не спасет, но хоть побольше врагов уничтожим.

Амальрик в свирепой ухмылке встопорщил усы, и через несколько минут его верховые копейщики следом за захеми скрылись в ущелье. Конан с мечом в руке бегом вернулся к пешим копейщикам.

И вовремя. В долине и на склонах люди умирали как мухи, но лучники Шупраса уже не могли сдерживать натиск неприятеля. С ревом всесокрушающего урагана стигийцы обрушились на наемников. Шеренги мгновенно смешались в грохоте и блеске стали. Псам войны со всего света противостояли аристократы Юга, рожденные и вскормленные для битв. Щиты раскалывались о щиты, с треском ломались древки копий, скрежетала сталь, пробивая доспехи. И рекой лилась кровь.

Конан заметил за лесом островерхих и цилиндрических шлемов могучую фигуру Кутамана, но пробиться к стигийскому принцу не было никакой возможности, он едва успевал отбивать чужие мечи и копья и разрубать запроки-

нутые, перекошенные от натуги и злобы лица. На стигийцев сзади с дикими воплями напирали шемиты. Кочевники на флангах орды карабкались на утесы и сходились в рукопашной со своими горными родственниками. Стиснутое каменными гребнями, кипело это озеро из крови, плоти и стали. Зубы против зубов, ногти против ногтей, безумный фанатизм против древней кровной вражды. Люди разрывали друг друга на куски; лишившийся копья или меча норовил вцепиться зубами в горло.

Наступающие несли огромные потери. Стигийцы полегли почти все, в рукопашную схватку вступили шемиты и завывающие нагие кушиты с развевающимися на ветру волосами. В битве установилось зыбкое равновесие. Хорайянские пастухи удерживали гребни, а наемники, сжимая в руках окровавленные копья, упираясь ногами в землю, защищали вход в ущелье. Выгодная позиция и надежная броня позволяли войску Конана сдерживать численно превосходящего неприятеля. Но долго это продолжаться не могло. Волна за волной кочевники с безумием в глазах устремлялись вверх по склонам — и откатывались, оставляя кровавую пену.

Во время одной из коротких передышек Конан обернулся и понял, что отряд Амальрика уже огибает западный гребень. Но они все не показывались внизу, в пустыне, а враг снова устремился в атаку, и наемные копейщики попятились под неистовым натиском. Надежда на победу и спасение оставила Конана.

Отдав краткие приказы задыхающимся капитанам, он покинул строй и поскакал к резерву. Хорайянские воины дрожали от нетерпения. О принцессе он совершенно забыл, сейчас в нем остался только инстинкт дикого зверя, требовавший перед смертью убить как можно больше врагов.

— Рыцарей у нас больше нет, но сегодня ими станете вы! — пообещал он со смехом, показывая окровавленным мечом на пасшихся поблизости лошадей лучников ополчения.— По коням, и за мной — в преисподнюю!

Непривычные к лязгу кофской брони лошади пастухов шарахались в стороны и ржали, но несли своих всадников вслед за хохочущим киммерийцем туда, где восточный гребень ответвлялся и спускался в пустыню. Пятьсот бывших пехотинцев на полудиких шемитских конях мчались вниз по склону, по которому еще ни разу не рисковала двигаться конница.

С грохотом доспехов и копыт они скатились в заваленное трупами устье долины. При этом два десятка коней оступились и рухнули под копыта других, злополучные седоки вопили и корчились под громовой лавой. Но их гибель не была напрасной — в следующий миг хорайянские воины обрушились на тыл войска Натока, оставляя за собой ковер из растоптанных трупов.

Под этим страшным ударом вражеский клин вмиг смялся, утратил форму. И тут вокруг оконечности западного гребня промчались конники Амальрика и тоже врубились в чужую армию, как врубается в мягкое дерево каленый топор. Внезапное нападение двух отрядов на тыл кочевников ошеломило их, лишило боевого духа. Воины пустыни решили, что по ним ударили превосходящие силы. Боясь оказаться отрезанными от родных песков, они кинулись врассыпную, подставив спины своих более стойких товарищей под удар всадников. И те не замедлили этим воспользоваться. Успевшие забраться на склоны кочевники и кушиты дрогнули, и защитники гребней обрушились на них с удво-

енной яростью; разрубленные, пронзенные стрелами тела градом посыпались вниз.

Это была победа Конана и поражение воинов пустыни, даже не успевших осознать, что на них напали с тыла всего лишь две горстки храбрецов. Орда рассыпалась, и сейчас никакой маг не сумел бы превратить ее в боеспособную армию. Наемники Конана увидели через лес копий и мечей Амальрика с его всадниками — они прорубались к одному из немногих последних очагов сопротивления, круша все и вся на своем пути. И безумная радость зажгла отвагой сердце каждого защитника ущелья.

Пешие наемники дружно двинулись вперед, их стальные руки окунали копья в кипящие перед ними ряды. Пали все до одного, не сойдя с места, аристократы Юга. Попятились шемиты, всегда лучше владевшие луком, чем мечом и копьем. А кушиты обратились в паническое бегство, и лишь кое-где отдельные группки темнокожих смельчаков продолжали сопротивляться.

Наверху, на гребне, лежал со стрелой в сердце доблестный старый Шупрас. Ругаясь на чем свет стоит, упал с седла Амальрик — брошенный кочевником дротик пробил ему бедро. От пехотинцев, посаженных Конаном на коней, уцелело полтораста человек. Но свою задачу они выполнили блестяще: раскололи на части казавшуюся непобедимой орду. Враги сломя голову удирали к лагерю, мечтая добраться до своих коней. Пастухи-ополченцы, ринувшись вниз по склонам, разили бегущих, пронзали горло раненым.

В кровавом хаосе побоища перед ошалевшим от ужаса скакуном Конана возникло поистине адское видение: принц Кутаман в одной набедренной повязке и помятом шлеме с плюмажем. Его тело было залито кровью. С воплем разъяренного демона он бросил Конану в голову обломок своего меча и в прыжке схватился за узду.

Полуоглушенный киммериец едва удержался в седле. Смуглокожий великан рвал узду то вправо, то влево, пока конь с диким ржанием не завалился на песок, пропитанный кровью, усеянный чьими-то внутренностями.

Только сверхчеловеческая ловкость спасла всадника. В последний момент он выпрыгнул из седла и отпрянул от лошади и обезумевшего принца. Кутаман с ревом бросился на него. В горячке боя киммериец не запомнил, как именно он убил этого человека. Помнил только, что камень в руке стигийца вновь и вновь обрушивался на шлем, так что искры сыпались из глаз, а Конан вновь и вновь всаживал кинжал в невероятно живучее тело.

Наконец он попятился от изуродованного трупа, остановился и осмотрелся. От гребня до гребня сплошным красным ковром лежали тела. А внизу, в пустыне, еще продолжалось побоище. Уцелевшие враги добрались до своих коней и стремглав помчались прочь. Их преследовали, но стало ясно, что большинство спасется. Конан был потрясен, увидев, как мало у него осталось людей.

Вдруг чудовищный вопль перекрыл шум резни. По устью ущелья, к ее горловине, неслась колесница, высоко подпрыгивая над трупами. И не кони были в нее впряжены, а громадная, похожая на верблюда черная тварь. Возница — чудовищная человекообезьяна — неистово хлестал бичом, а седоком был Наток в развевающемся на ветру одеянии.

С порывом жгучего ветра пустыни колесница взлетела по усеянному телами склону. Она неслась прямо к шатру, где осталась всеми забытая Ясмела. Даже

ее стража в горячке боя унеслась преследовать врагов. Конан похолодел, услышав пронзительный женский крик. Длинная, костлявая рука Натока схватила девушку и втащила в колесницу, а затем адская повозка развернулась и помчалась обратно в пустыню. И никто не посмел бросить копье или пустить стрелу, рискуя попасть в Ясмелу, которая извивалась в объятиях колдуна.

Только Конан, оказавшийся почти на пути Натока, с яростным ревом бросился наперерез. Но не успел он поднять меч, как передние ноги черной твари ударили его в грудь с невероятной силой, и он кувырком отлетел на несколько шагов. Колесница с грохотом проехала мимо, крик Ясмелы призрачным эхом отдался в его оглушенном мозгу.

Но уже в следующую секунду Конан снова оказался на ногах, с проклятием поймал узду ближайшей осиротевшей лошади. Птицей взлетев в седло, он во весь опор понесся вслед за чародеем и его пленницей. Подобно смерчу, пересек он опустевший вражеский лагерь. Он устремился в пустыню, минуя отряды своих воинов, не обращая внимания на удирающих в панике врагов.

Долго колесница мчалась в глубь пустыни, и долго преследовал ее киммериец. И вот уже зашатался от изнеможения конь под ним. Кругом лежали пески, купаясь в пламенной роскоши южного солнца. Впереди появились древние руины, и вдруг возница с нечеловеческим визгом рванул на себя вожжи, и верблюд взвился на дыбы, а Наток с девушкой вылетели из колесницы. На глазах у потрясенного Конана произошла чудовищная метаморфоза: из спины черной твари, уже ничем не напоминавшей верблюда, выпростались гигантские кожистые крылья, и она взмыла в небеса, унося с собой сгусток ослепительного огня, в котором что-то радостно лопотала человекообразная обезьяна. Миг — и они исчезли, как жуткое видение из дурного сна.

Наток вскочил на ноги, бросил злобный взгляд на своего преследователя, приближавшегося с обнаженным клинком. Сразиться с ним чародей не рискнул — схватив лишившуюся чувств девушку в охапку, бросился в руины.

Конан спрыгнул с коня и побежал вдогонку. Вскоре он очутился в зале, заполненном неестественным, вызывающим дрожь светом, хотя снаружи уже сгущались сумерки. На черном нефритовом алтаре лежала Ясмела, ее обнаженное тело отсвечивало, как слоновая кость. Одежды принцессы валялись на полу — они были сорваны чародеем в страшной спешке. Наток повернулся на звук шагов киммерийца.

Колдун оказался невероятно высок и тощ и укутан в черные с зеленым отливом шелка. Он откинул вуаль с лица, и Конан увидел черты, знакомые ему по зугитской монете.

— Вон отсюда, пес! Беги, если жизнь дорога! — Голос его походил на шипение исполинской змеи.— Я Тугра Хотан! Я тысячи лет пролежал на этом одре, дожидаясь пробуждения. Искусство моих жрецов спасло меня от варваров, но оно же заставило меня томиться в бездействии. Но я знал, однажды в мою усыпальницу проникнет хитроумный вор и освободит меня. Так и случилось, в награду этот несчастный умер так, как никто не умирал за тридцать веков! Жалкий глупец! Ты видел, как бежало мое войско с поля сражения, видел, как предали меня мои адские рабы. И ты думаешь, что победил? Как бы не так! Я — Тугра Хотан, и я буду владычествовать над этим миром, презрев его беспомощных божков. Снова пустыня заполнится преданными мне людьми, снова демоны пой-

дут ко мне в услужение, и на сей раз я не совершу глупой ошибки! Не позволю вожделению к женщине ослабить мои чары! Она теперь моя, и я выпью ее душу и стану непобедим. А ты, дерзкий щенок, дорого заплатишь, встав на пути будущего владыки мира!

Он швырнул свой посох к ногам Конана, и тот отпрянул, с губ сорвалось проклятие: посох вдруг ожил, стал изгибаться, корчиться, и вот на полу перед киммерийцем шипит кобра с развернутым капюшоном. Конан взмахнул мечом, у его ног остались лежать лишь два куска посоха из черного дерева.

Тугра Хотан расхохотался и поднял что-то с пола. На этот раз — никаких фокусов, на голой ладони колдуна изготовился к нападению огромный черный скорпион, самое ядовитое насекомое пустыни. Один укол его шипастого хвоста — и жертву уже ничто не спасет.

Секунду Конан медлил в нерешительности. Затем бросил меч, как копье.

Чего-чего, а этого Тугра Хотан явно не ждал. Он не успел отпрыгнуть или отклониться, клинок пронзил ему грудь под сердцем и вышел из-под лопатки. Чародей захрипел и повалился, раздавив в кулаке ядовитую тварь.

А варвар поспешил к ложу, чтобы поднять окровавленными руками Ясмелу. Она судорожно обвила руками его шею в кольчуге и заплакала в истерике.

— Кром! — воскликнул он.— Нашла время распускать нюни, крошка! Пустика меня. Сегодня полегло пятьдесят тысяч человек, и у меня еще уйма работы...

— Нет! — пролепетала она сквозь рыдания, прижимаясь к нему изо всех сил.— Я не отпущу тебя, ты мой! А я твоя, ты меня завоевал огнем, сталью и кровью! Пусть там, среди других людей, я буду принцессой Ясмелой, гордой и неприступной, а здесь я принадлежу тебе и себе. Нет, Конан, ты не уйдешь от меня.

Мгновение он колебался, в душе его бушевали страсти, в мозгу лихорадочно метались мысли. Неземной свет железной усыпальницы не погас со смертью колдуна, и в нем восхитительно сияла кожа девушки, блестели ее влюбленные, взволнованные глаза.

— Кром! — процедил Конан.— Дурак я буду, если откажусь от такого предложения.

И он с дикой страстью сжал в объятиях гибкий девичий стан.

ТЕНИ В ЛУННОМ СВЕТЕ

I

Стремительный натиск на высокий тростник. Грохот падения, пронзительное ржание. Рядом с умирающим конем, шатаясь, поднялся всадник — стройная девушка в сандалиях и подпоясанной тунике. Ее темные волосы падали на белые плечи, в глазах застыл ужас затравленного зверька. Она не смотрела ни на заросли тростника, окружающие небольшую прогалину, ни на синие воды, что плескались о низкий берег позади нее. Взгляд широко раскрытых глаз не отрывался от наездника, который пробился через стену тростника и спешился перед девушкой.

Это был высокий мужчина, худощавый, но крепкий как сталь. С головы до ног его прикрывала легкая посеребренная кольчуга, она облегала гибкое тело, как перчатка. Из-под куполообразного шлема, украшенного золотом, на девушку насмешливо взирали карие глаза.

— Отойди! — Ее голос звенел от страха.— Не прикасайся ко мне, шах Амурас, не то я брошусь в воду и утону!

Он рассмеялся — эти звуки напоминали шелест меча, выскальзывающего из шелковых ножен.

— О нет, Оливия, дочь недоразумения, ты не утонешь. Здесь слишком мелко, я успею схватить тебя прежде, чем доберешься до глубокого места. Видят боги, это была нелегкая охота — охота на человека, и все мои люди остались далеко позади. Но к западу от Вилайета нет скакуна, которому по силам уйти от Ирема.— Он кивнул в сторону высокого, тонконогого степного коня.

— Отпусти меня! — взмолилась девушка, и слезы покатились по ее щекам.— Разве я мало страдала? Разве есть на свете унижения и пытки, которым ты меня не подвергал? Сколь долго еще мне мучиться?

© Перевод Г. Корчагина.

— До тех пор, пока мне не наскучат твои слезы, мольбы, стоны и корчи,— ответил он с улыбкой, которая человеку, не знающему его, могла показаться чарующей.— Оливия, ты на удивление мужественна. Мне хочется узнать, надоешь ли ты мне когда-нибудь, как надоедали все женщины до тебя. Что бы я ни делал с тобой, ты остаешься свежа и незапятнанна. Каждый день, проведенный в твоем обществе, дарит мне новые радости. Иди сюда, пора возвращаться в Акиф, где народ все еще празднует победу над жалкими козаками, пока их победитель гоняется за негодницей-беглянкой!

— Нет! — Она отшатнулась и повернулась к воде, плещущей под ковром тростника.

— Да! — Неприкрытая ярость была как искра, высеченная из огнива. С тигриным проворством он настиг девушку, поймал ее руку и заламывал — жестокость ради жестокости,— пока Оливия не упала на колени, крича от боли.

— Дрянь! Надо бы привязать тебя к хвосту коня, чтобы бежала до самого Акифа, но я милосерден. Поедешь на луке моего седла. Смиренно благодари за эту милость, не то...

Он ахнул от неожиданности, отпустил Оливию, схватился за саблю и прыгнул в сторону, когда из зарослей тростника с нечленораздельным яростным воплем выскочило жуткое существо.

Лежа на земле, Оливия увидела незнакомца и сразу приняла его за дикаря или безумца. Дикарь был мощного телосложения, наг, если не считать набедренной повязки в пятнах крови и высохшего ила. Его черные волосы слиплись от крови и тины, тело было сплошь в грязи, а длинный прямой меч, который он держал в правой руке, тоже покрыт запекшейся кровью. Под беспорядочно спадавшими на лоб волосами сверкало синее пламя налитых кровью глаз.

— Гирканский пес! — с варварским акцентом процедил сквозь зубы незнакомец.— Не иначе демоны мести привели тебя сюда!

— Козак! — отпрянув, воскликнул Амурас.— А я и не знал, что кому-то из вас, псов, удалось сбежать! Я думал, что все вы легли костьми в степи у реки Ильбарс.

— Все легли, кроме меня, будь ты проклят! — крикнул варвар.— О, как я мечтал о нашей встрече, когда полз на брюхе по зарослям колючек, когда лежал под камнями, а муравьи жрали меня заживо, когда захлебывался болотной грязью! О боги ада, как я ждал этого мига!

Кровожадную радость незнакомца невозможно было описать. Его зубы скрипели, желваки перекатывались, на почерневших губах выступила пена.

— Не подходи! — рявкнул Амурас, следя за ним сузившимися глазами.

— Ха! — Возглас напоминал рык дикого волка.— Шах Амурас, великий правитель Акифа! Не передать, до чего же я рад видеть того, кто скормил моих товарищей стервятникам, того, кто разрывал их дикими конями, того, кто выкалывал им глаза, заживо сдирал с них кожу. Ах ты, пес! Грязный пес! — Его слова перешли в нечленораздельный вопль, и он бросился на шаха.

Выглядел безумец или дикарь поистине устрашающе, и все-таки Оливия ждала, что он упадет при первом же скрещении мечей. И правда, что он, нагой, может сделать защищенному кольчугой повелителю Акифа?

Клинки блеснули и разлетелись, будто и вовсе не касались друг друга. Затем меч промелькнул быстрее сабли и с ужасающей силой опустился на плечо ша-

ха Амураса. Оливия вскрикнула — столь яростен был удар. Она явственно различила скрежет кольчуги и хруст костей. Гирканец отшатнулся, вмиг его лицо приобрело пепельный цвет, из-под кольчуги потекла кровь. Сабля выпала из руки.

— Пощады,— хрипло прошептал он.

— Пощады? — Голос незнакомца дрожал от бешенства.— А ты, свинья, пощадил моих друзей?!

Оливия закрыла глаза. Это уже не битва, а кровавая расправа, безумная и яростная, вдохновляемая ненавистью и бешенством,— безжалостная кара за пытки и бессмысленные убийства. Хотя Оливия и знала, что Амурас не заслуживает сострадания ни одного живого существа, она закрыла глаза и зажала ладонями уши. Она не могла смотреть на поднимающийся и опускающийся меч, не могла слышать отвратительного хруста, с каким он вонзался в поверженного врага, и захлебывающихся криков, которые становились все тише и наконец прекратились.

Оливия открыла глаза. Незнакомец отвернулся от кровавой груды, которая лишь отдаленно напоминала человека. Грудь победителя вздымалась от усталости или волнения, лоб был покрыт испариной, правая рука забрызгана кровью.

Он не заговорил с девушкой, даже не глянул в ее сторону. Оливия смотрела, как он идет сквозь заросли тростника к воде, нагибается, берется за что-то, тянет. Выплыла лодка, которую дикарь прятал в тростнике. Тогда девушка догадалась, как намерен поступить незнакомец, и эта догадка побудила ее действовать.

— Подожди! — Она вскочила на ноги и, пошатываясь, догнала его.— Не оставляй меня! Возьми с собой!

Он обернулся и внимательно посмотрел на нее. Теперь он выглядел по-другому. Воспаленные глаза не светились безумием. Как будто кровь, только что пролитая им, потушила огонь его бешенства.

— Кто ты такая? — хмуро спросил он.

— Меня зовут Оливия. Я была его пленницей. Я убежала. Он преследовал меня, потому и оказался здесь. О, не оставляй меня! Его люди где-то недалеко. Они найдут мертвеца, найдут меня рядом с ним... О!

Девушка застонала от ужаса и заломила руки. На лице варвара появилась растерянность.

— Ты действительно хочешь отправиться со мной? — суровым тоном спросил он.— Ведь я дикарь, и, вижу, ты боишься меня.

— Да, боюсь,— ответила девушка. Она была слишком потрясена, чтобы скрывать свои чувства.— Не могу не дрожать при виде тебя. Но гирканцев я боюсь сильнее! О, позволь мне плыть с тобой! Они запытают меня до смерти, если найдут рядом с телом своего мертвого повелителя!

— Что ж, садись.

Он посторонился, и Оливия быстро шагнула в лодку, стараясь не коснуться его. Варвар ступил в лодку, оттолкнулся от берега веслом и, орудуя им как шестом, стал с трудом прокладывать дорогу среди высоких стеблей тростника. Наконец они выбрались на чистую воду. Он сел и принялся широко, уверенно грести обоими веслами. Девушка невольно залюбовалась буграми его могучих мышц, которые перекатывались под грязной кожей.

Некоторое время они молчали. Девушка съежилась на носу лодки, мужчина работал веслами. Она наблюдала за ним с боязливым любопытством. Очевидно, размышляла она, что он не гирканец, и он не похож на уроженца какой-нибудь хайборийской страны. В нем явлена жизненная сила волка, отличающая варваров. Черты его лица, покрытого шрамами битв, болотной грязью и свежепролитой кровью, выражали неукротимую дикость. Но в них не было тупой злобы или извращенной жестокости.

— Кто ты? — спросила девушка.— Шах Амурас назвал тебя козаком. Ты был в шайке, которую он разгромил?

— Я Конан из Киммерии,— проворчал он.— Да, я был с козаками, как называли моих товарищей гирканские псы.

Киммерия? Девушке смутно припомнилось, что эта страна лежит где-то на северо-западе, намного дальше самых далеких государств белой расы.

— Я дочь короля Офира,— сказала она.— Отец продал меня повелителю шемитов, потому как я отказалась выйти замуж за принца Кофа.

Киммериец удивленно хмыкнул. Губы девушки искривила горькая усмешка.

— О да, в цивилизованных странах есть обычай продавать своих детей в рабство дикарям. И при этом твое племя, Конан из Киммерии, называют варварским.

— Мы не продаем своих детей,— процедил он, свирепо выпятив подбородок.

— Ну а меня продали. И король пустынной страны нашел мне самое «достойное» применение. Он хотел купить благосклонность шаха Амураса, и я была в числе даров, которые он привез в Акиф, город пурпурных садов. Потом...

Она вздрогнула и спрятала лицо в ладонях.

— Я должна бы давно утратить стыд,— сказала она.— Но каждое воспоминание для меня — все равно что удар плети для раба. Я жила во дворце шаха, пока несколько недель назад он со своим войском не отправился сражаться с бандой чужеземцев, которая бесчинствовала на границах Турана. Вчера он вернулся с победой, в ее честь начался пышный праздник. В суматохе, когда все перепились, я ускакала из города на украденной лошади. Я думала, побег удастся, но в погоню за мной бросился сам Амурас. Мне удалось оторваться от его воинов, но не от самого шаха. Он настиг меня, и тут появился ты.

— Я прятался в тростнике,— проворчал Конан.— Я один из тех отчаянных воинов, вольных козаков, которые жгли и грабили на границах. Нас было пять тысяч, мы вышли из двух десятков народов и племен. Большинство прежде служило в наемном войске мятежного принца Кофа, а когда он замирился со своим проклятым правителем, мы остались без дела. Деваться некуда, ну, мы и начали хозяйничать в приграничных землях Кофа, Заморы и Турана. Мы никому не давали спуску. Неделю назад Амурас заманил нас в ловушку на берегу Ильбарса. С ним было пятнадцать тысяч человек. Митра! Небо почернело от стервятников. Мы дрались целый день, а когда наши ряды дрогнули, некоторые из нас попытались прорваться на север, другие — на запад. Сомневаюсь, что кому-то удалось бежать. Степь была полна всадников, они преследовали беглецов. Я пробился на восток и долго блуждал по болотам на этом берегу моря Вилайет. Вплоть до вчерашнего дня гирканские псы прочесывали тростники — иска-

ли уцелевших козаков. Я закапывался в грязь, как змея, и питался мускусными крысами — сырыми, потому как не смел развести костер. Сегодня утром я нашел в тростнике эту лодку. Я собирался уйти в море не раньше наступления ночи, но теперь придется поспешить. Когда гирканцы найдут шаха, они быстро возьмут наш след.

— И как теперь быть?

— Наверняка они погонятся за нами. Если не заметят след лодки в тростниках, все равно догадаются, что мы пошли в море. Наверное, отправят вдогонку судно. Но у нас есть преимущество во времени, и я буду налегать на весла, пока мы не окажемся в безопасном месте.

— Где же мы найдем такое место? — уныло произнесла она.— Вилайет безраздельно принадлежит гирканцам.

— Кое-кто так не считает,— мрачно усмехнулся Конан.— Я имею в виду рабов, которые сбежали с галер и стали пиратами.

— И что ты намерен предпринять?

— Сотни миль юго-западного берега держат в своих руках гирканцы. Чтобы пересечь северную границу их владений, надо проделать долгий путь. Я собираюсь плыть на север, пока не решу, что граница осталась позади. Тогда мы повернем на запад и постараемся высадиться в необитаемой степи.

— А если встретим пиратов или попадем в шторм? — спросила она.— Да и какой смысл бежать в безлюдную степь? Мы там попросту умрем от голода.

— Я тебя не уговаривал плыть со мной,— напомнил он.

— Прости.— Она склонила темноволосую голову.— Пираты, бури, голодная смерть — все это гораздо милосерднее туранцев.

— Да.— Брови киммерийца сурово насупились.— Успокойся, девочка. В это время года бури на Вилайете бывают редко. Если доберемся до степей, как-нибудь прокормимся. Я вырос на голой земле. Но проклятые болота, с их вонью и комарами, чуть не лишили меня силы духа. Что же касается пиратов...— Он многозначительно усмехнулся и сильней налег на весла.

Солнце кануло, как тусклый медный шар в огненное озеро. Синева моря слилась с синевой неба, и все кругом превратилось в мягкий темный бархат, усыпанный звездами и отражениями звезд. Оливия сомлела на носу покачивающейся лодки. Ей казалось, она плывет по воздуху: звезды внизу, звезды вверху. Ее спутник безмолвствовал, весла поднимались и опускались, поднимались и опускались. Может быть, этот человек — легендарный перевозчик, которому поручено доставить ее на тот берег темного озера Смерти? Но уже не было сил бояться. Она погрузилась в спокойный сон.

Оливия проснулась на рассвете от жуткого голода. А может, оттого, что лодка теперь качалась гораздо слабее. Конан отдыхал на веслах, глядя вдаль над головой Оливии. Она догадалась, что он греб всю ночь без передышки, и восхитилась его выносливостью. Повернувшись, чтобы проследить за направлением его взгляда, девушка увидела зеленую стену деревьев и кустарника, она поднималась от самой воды и огибала бухточку с неподвижными, как стекло, синими водами.

— В этом внутреннем море немало островов, мы перед одним из них,— сказал Конан.— Считается, что они необитаемы. Я слышал, гирканские галеры на-

вещают их редко. Они обычно держатся поближе к берегу, а мы отплыли далеко. Я перестал видеть берег еще до заката.

Несколькими взмахами весел он подогнал лодку к острову и привязал к воздушному корню дерева у самой воды. Ступив на берег, протянул руку Оливии. Девушка слегка вздрогнула, рука была запачкана кровью, но все же взялась за нее и ощутила буйную жизненную силу, которой дышало все тело варвара.

От леса, обрамляющего синюю бухту, веяло сонным покоем. Где-то далеко за деревьями птица завела утреннюю песню. Бриз шелестел листвой, заставлял листья перешептываться. Оливия поймала себя на том, что внимательно прислушивается, сама не зная к чему. Что может таиться в этом безымянном лесу?

Пока она робко всматривалась в тени среди деревьев, какая-то птица с громким хлопаньем крыльев выпорхнула на свет. Огромный попугай закачался на ветке, блестя нефритово-зелеными и кроваво-красными перьями. Попугай свесил набок увенчанную хохолком голову и посмотрел на пришельцев агатовым глазом.

— Кром! — пробормотал киммериец.— Никак это пращур всех попугаев? Ему, должно быть, тысяча лет. Посмотри, какой у него мудрый взгляд. Что за тайны ты стережешь, Мудрый Демон?

Птица неожиданно расправила яркие крылья и, покинув ветку, хрипло прокричала: «Йаххулан йок тха, ксуххалла!» С диким пронзительным хохотом, совершенно неотличимым от человеческого, попугай скрылся в прохладном сумраке леса.

Оливия смотрела ему вслед, не в силах отвести взгляд, а дурное предчувствие гнало мурашки по ее спине.

— Что он сказал? — прошептала она.

— Могу поклясться, это слова человеческого языка,— ответил Конан.— Но какого именно, я не знаю.

— И я не знаю,— сказала девушка.— Должно быть, он им научился у человека. Или...— Она снова посмотрела в глубь леса и вздрогнула, сама не ведая отчего.

— Кром, до чего я голоден! — воскликнул киммериец.— Готов съесть целого быка. Поищем фруктов. Но сначала я смою всю эту мерзость. Прятаться на болотах — грязное занятие.

С этими словами он отложил меч и зашел по плечи в синюю воду. Когда вернулся на сушу, его бронзовая кожа сверкала, блестящие черные волосы уже ничем не напоминали кошмарные патлы. Синие глаза, хоть и горели неугасимым огнем, больше не были налиты кровью. Но тигриная ловкость и угроза, сквозящая в облике, не покинули его.

Он поднял меч и махнул девушке рукой, чтобы следовала за ним. Они вошли под арки огромных ветвей. Зеленый ковер травы пружинил под ногами.

Через некоторое время Конан заворчал от удовольствия при виде золотых и красновато-коричневых шаров, висящих гроздьями по нескольку штук среди листвы. Жестом велев девушке сесть на ствол упавшего дерева, он набросал ей в подол экзотических фруктов, а потом с волчьим аппетитом принялся за еду.

— Иштар! — воскликнул он, оторвавшись на миг от этого приятного занятия.— Со дня битвы у реки Ильбарс я питался только крысами и корнями, ко-

торые выкапывал из вонючей грязи. Эти фрукты великолепны, хоть и не слишком питательны. Но с голоду мы здесь не помрем, это точно.

Оливия была слишком занята едой, чтобы ответить. Как только киммериец утолил мучительный голод, он посмотрел на свою очаровательную спутницу с большим интересом, чем до сих пор. Оценил по достоинству роскошные темные волосы, персиковый оттенок нежной кожи и округлости гибкой фигуры, чье изящество почти не скрывала короткая шелковая туника.

Завершив трапезу, объект его пристального внимания поднял глаза. Встретив жгучий взгляд прищуренных глаз Конана, девушка залилась румянцем и выронила оставшиеся фрукты.

Скупой на слова киммериец жестом дал понять, что им надо осмотреть остров полностью. Оливия встала и последовала за ним. Они вышли на большую поляну, за которой деревья сплелись в непроходимую чащу. Неожиданно в чаще раздался треск. Конан прыгнул в сторону и увлек девушку за собой — как раз вовремя, уклоняясь от того, что пролетело в воздухе и со страшной силой ударилось о ствол дерева.

Выхватив меч, Конан пересек поляну и бросился в чащу. Но больше ничто не нарушало тишину. Испуганная и растерянная Оливия съежилась в траве. Наконец Конан вернулся, и был он мрачен.

— В чаще никого нет,— проворчал он.— Но кто-то ведь был...

Он изучил снаряд, едва не попавший в них, и хмыкнул, словно не мог поверить собственным глазам. Огромный куб из зеленоватого камня лежал на траве под деревом, чей ствол едва не раскололся при ударе.

— Странноватый камешек для необитаемого острова,— заключил Конан.

Прекрасные глаза Оливии расширились от изумления. Камень представлял собой правильный куб, несомненно, его вырубили и отшлифовали руки человека. Он был удивительно тяжел. Кряхтя от натуги, киммериец поднял его обеими руками над головой, отчего все тело взбугрилось мускулами, и бросил изо всех сил. Камень грянулся оземь в нескольких шагах. Конан выругался.

— Ни один человек в мире не мог перебросить такой камень через всю поляну. Это под силу только осадному орудию. Но здесь нет ни катапульт, ни баллист.

— Может, он пущен издали, с корабля? — предположила девушка.

Конан отрицательно покачал головой.

— Камень падал не отвесно. Он прилетел вон из той чащи. Взгляни на сломанные ветки. Кто-то швырнул его, как простую гальку. Кто? Или правильней будет сказать — что? Пойдем!

Она неохотно пошла за ним в чащу. Сразу за почти непролазным кустарником лес оказался не таким густым. Здесь царила полнейшая тишина. На упругой траве не осталось ничьих следов. И все же именно из этой таинственной чащи прилетел камень, стремительный и смертоносный. Конан опустился на корточки, пригляделся к траве и с сомнением покачал головой. Даже его опытные глаза не различили ни малейшего следа. Он поднял взор на зеленый свод у них над головами — прочный потолок из густой листвы и сплетенных ветвей. И замер, точно громом пораженный.

Сбросив оцепенение, он поднял меч и попятился, увлекая Оливию за собой.

— Уходим, быстро!

От его шепота у девушки кровь застыла в жилах.

— Что там? Кого ты увидел?

— Никого,— ответил он, настороженно глядя по сторонам.

— Почему же тогда мы уходим? Кто прячется в этой чаще?

— Смерть,— ответил он, не сводя взгляда с раскинувшихся над ними изумрудных арок.

Как только они выбрались из чащи, Конан взял Оливию за руку и быстро повел между деревьями, пока они не выбрались на почти безлесный склон, поросший сочной травой. По склону они поднялись на низкое плато, где трава была выше, а деревья встречались редко. Посреди плато возвышалось длинное приземистое сооружение из выветренного зеленоватого камня.

От изумления они застыли как вкопанные. Конан не мог припомнить ни одной истории, в которой бы упоминалась загадочная постройка на одном из островов моря Вилайет.

Варвар и дочь офирского короля осторожно приблизились к зданию. Каменные стены обросли мхом и лишайниками, кровля была вся в провалах. В траве валялись куски зеленоватого камня и даже целые блоки. На земле виднелись следы кладки. По-видимому, здесь когда-то стояло много домов, может быть, целый город. А теперь только продолговатая постройка, что-то вроде молитвенного зала, глядела в небо дырами в крыше, и ее покосившиеся стены обвили лианы.

Если и была дверь в широком проеме входа, она давно сгнила и обратилась в прах. Конан и его спутница остановились на пороге и заглянули внутрь. Солнечный свет струился сквозь дыры в крыше и стенах, заполняя зал путаницей рассеянных лучей и теней. Чуть наклонив голову и сжимая рукоять меча, Конан двинулся вперед мягкой, неслышной поступью охотящейся пантеры. Оливия на цыпочках последовала за ним.

Оказавшись внутри, Конан удивленно хмыкнул, а Оливия едва сдержала крик.

— Смотри! Смотри же!

— Вижу,— ответил он.— Нечего бояться, это статуи.

— Но они как живые! И до чего же злющими кажутся! — прошептала она, придвигаясь ближе к Конану.

Конан и девушка стояли посреди огромного зала, полированный каменный пол которого покрывали пыль и щебень. В щелях между плитами коренились лианы. Высокую и совершенно плоскую крышу поддерживали массивные колонны, они тянулись рядами вдоль стен. И в каждом промежутке между колоннами стояло удивительное изваяние.

Статуи. По-видимому, железные, они сверкали так, будто их ежедневно начищали. Статуи изображали в натуральную величину высоких, стройных и сильных мужчин с ястребиными чертами суровых лиц. Эти люди были нагими, и каждая впадина и выпуклость на теле, все суставы и мышцы изображались поразительно реалистично. И уже совсем как настоящие были их гордые, высокомерные лица.

Эти статуи оказались изваяны не по одному образцу. Каждое лицо обладало индивидуальными особенностями, хотя сходство некоторых черт говорило о том, что все эти люди принадлежали к одному народу.

— Кажется, будто они слушают... и ждут! — Девушка поежилась.

Конан постучал рукоятью меча по ближайшей статуе.

— Железо,— заявил он.— Кром! В каких формах их отливали? — Он озадаченно покачал головой и пожал могучими плечами.

Оливия робко осмотрелась. В огромном зале было тихо. Ее взгляду предстали только увитые плющом стены и колонны да темные фигуры в промежутках между колоннами. На сердце легла тяжесть, захотелось поскорее уйти отсюда, однако ее спутника, похоже, изваяния странным образом привлекали. Он рассмотрел их во всех подробностях и, как истинный варвар, попытался отломать кусок. Но материал, из которого они были сделаны, успешно выдержал покушение. Конану не удалось ни повредить статую, ни сдвинуть с места. Наконец он удивленно выругался под нос и сдался.

— Интересно, с кого их ваяли? — задал он риторический вопрос.— Статуи черные, но не похожи на негров. Я никогда не видел таких людей, как эти.

— Давай выйдем на свет,— попросила Оливия, и Конан кивнул, бросив последний озадаченный взгляд на темные фигуры.

Они выбрались из пыльного зала под прямые лучи яркого летнего солнца. Взглянув на светило, Оливия с удивлением поняла, что они пробыли в зале гораздо дольше, чем ей казалось.

— Может, вернемся в лодку? — предложила она.— Я боюсь. Тут все так странно, и я чувствую присутствие зла. Не забывай, где-то поблизости бродит тот, кто швырнул в нас камень. Вдруг он снова решит напасть?

— Думаю, пока мы не в лесу, опасаться нечего,— возразил он.— Пойдем-ка.

Плато, обрамленное лесистыми низинами на востоке, юге и западе, на севере шло на подъем и упиралось в нагромождение скал, вершина одной из которых была самой высокой точкой острова. Туда и направился Конан, соразмеряя свой размашистый шаг с походкой спутницы. Время от времени он бросал на нее взгляд искоса, и она это чувствовала.

Они добрались до северной оконечности плато и остановились перед высокими крутыми утесами. По краю плато к востоку и западу от утесов густо росли деревья, цепляясь за обрывистый склон. Конан подозрительно посмотрел на эти деревья, но все же начал восхождение, помогая спутнице. Скалы были не отвесные, к тому же на них хватало уступов. Киммериец, рожденный в горной стране, мог бы взбежать по ним, как кошка, но Оливия карабкалась с трудом. Снова и снова она чувствовала, как ее поднимают, переносят через препятствие, и все больше дивилась невероятной силе этого человека. Его прикосновения уже не вызывали у нее дрожи. Напротив, железная хватка Конана сулила надежную защиту.

Наконец они оказались на самой вершине, и морской ветер растрепал им волосы. От их ног скалы круто уходили вниз на три-четыре сотни локтей. Под обрывом лежала узкая полоса прибрежного леса. Посмотрев на юг, они увидели весь остров, плоский, как огромное овальное зеркало. Края плато загибались книзу и тонули в ободке зелени. Вокруг, насколько охватывал глаз, простира-

лась синяя морская гладь и исчезала в дымке на далеком горизонте. Оливия вздохнула с облегчением.

— Море спокойно,— произнесла она.— Почему бы нам не плыть дальше?

Конан, замерший на утесе подобно бронзовой статуе, указал на север.

Оливия увидела белое пятнышко — казалось, оно висит в дымке.

— Что это?

— Парус.

— Гирканцы?

— Поди определи на таком расстоянии.

— Они бросят здесь якорь и обыщут остров! — вскричала она, вмиг поддавшись страху.

— Не думаю. Судно идет с севера, значит, оно не гонится за нами. Но по той или иной причине оно может остановиться здесь. Тогда мы уйдем в лес и будем ждать. Но мне кажется, это или пираты, или гирканская галера возвращается из набега. Галера вряд ли бросит здесь якорь. Но кто бы это ни был, нам не выйти в море, пока они не скроются из виду, потому что судно идет с той стороны, куда надо плыть нам. Будем надеяться, за ночь они пройдут мимо острова, а на рассвете мы продолжим путь.

— Значит, придется ночевать на острове? — Девушка задрожала.

— Похоже на то.

— Тогда давай спать здесь, на скалах,— взмолилась она.

Конан отрицательно покачал головой, глядя на плато со скрюченными деревьями, на раскинувшийся внизу лес — он казался живым существом, он тянул зеленые щупальца, пытаясь уцепиться за скалы.

— Слишком много деревьев. Будем спать в развалинах.

Оливия ахнула от страха.

— Бояться нечего,— успокаивающе произнес он.— Тот, кто швырнул камень, не решился выйти за нами из леса. На развалинах я не заметил никаких следов хищных зверей. У тебя нежная кожа, ты привыкла к уюту. Я могу запросто переночевать голым на снегу, но ты к рассвету обязательно простудишься на таком ветру.

Возразить Оливии было нечего, и она неохотно кивнула. Они спустились со скалы, пересекли плато и снова приблизились к мрачным, окутанным тайной руинам. К этому времени солнце утонуло за краем плато. Фрукты, сорванные с деревьев около утесов, послужили ужином — едой и питьем одновременно.

Быстро опустилась южная ночь, рассыпала по темно-синему небу крупные белые звезды. Увлекая за собой Оливию, Конан вошел в сумрачные развалины. Она задрожала при виде черных статуй. В зал проникал слабый свет звезд, но она не могла различить их очертания, только чувствовала — они ждут. Ждут одни боги знают сколько веков.

Конан принес полную охапку веток с листьями, устроил ложе для Оливии, и она легла. Не выразить того, что она при этом испытывала,— наверное, нечто подобное переживает человек, который устраивается спать в змеином логове.

Каковы бы ни были ее предчувствия, Конан их не разделял. Киммериец сел рядом с девушкой, прислонившись спиной к колонне, и положил на колени меч. Его глаза светились в темноте, как у пантеры.

— Не бойся, девочка,— сказал он.— Я сплю чутко, как волк. Никто не проникнет в зал, не разбудив меня.

Оливия не ответила. Лежа на постели из веток, она смотрела на неподвижный силуэт, едва различимый во тьме. Как это все же странно — она, дочь офирского короля, завязала дружбу с варваром! О ней заботится, ее защищает выходец из страны, сказками о которой ее пугали в детстве. Он вырос среди угрюмых, свирепых и кровожадных людей. Дикость сквозит в каждом его движении, горит в его взоре. И все же он не причинил Оливии вреда. Хуже всего обращался с ней человек, кичившийся своей принадлежностью к «культурному» народу.

Когда усталое тело отдалось дремотной неге, а разум погрузился в туман сновидений, Оливии вспомнилось волнующее прикосновение сильных пальцев Конана к ее нежной коже.

II

Оливия спала, и во сне ее мучило ощущение близости тайного зла — в образе черной змеи, скрытно ползущей среди цветов. Сны были обрывочны, но ярки — разрозненные элементы незнакомого узора, которые в конце концов сложились в картину, исполненную ужаса и безумия; фоном ей служили циклопические каменные блоки и колонны.

Она увидела огромный зал. Его высокий потолок опирался на каменные столбы, которые выстроились ровными рядами вдоль массивных стен. Между колоннами порхали огромные зелено-красные попугаи. Зал заполнили темнокожие воины с ястребиными чертами лиц. Они не были неграми. Их обличье, одежда и оружие казались абсолютно чужды миру, в котором жила спящая.

Воины обступили привязанного к колонне человека. Гибкий белокожий юноша, его золотые кудри спадали на лоб, белизной не уступающий алебастру.

Красота его была не вполне человеческой. Она наводила на мысль о статуе бога, высеченной из белого мрамора.

Чернокожие воины смеялись над ним, что-то выкрикивали на незнакомом языке. Гибкое обнаженное тело корчилось под их безжалостными руками. Кровь стекала по бедрам цвета слоновой кости и капала на полированный пол. Залы откликались эхом на мученические крики. И вдруг, подняв лицо к потолку, юноша ужасным голосом выкрикнул имя. Кинжал в черной, как эбеновое дерево, руке оборвал его крик, и златовласая голова упала на грудь.

Словно в ответ на отчаянный предсмертный вопль раздался гром, как от ободьев небесной колесницы, и в воздухе среди мучителей материализовался человек. Вернее, только обликом он напоминал человека — еще ни один смертный не обладал такой сверхъестественной красотой. Между ним и юношей, который безжизненно повис на своих цепях, было несомненное сходство. Но ни одной из человеческих черт, что скрадывали богоподобность юноши, не было в облике незнакомца. Его красота была красотой статуи, холодного камня.

Чернокожие отшатнулись от него. Их глаза сверкали бешеным огнем. А он поднял руку и заговорил, и голос его много раз отразился гулким эхом от стен и сводов зала. Словно в трансе, отступали темнокожие воины, отступали, пока не заняли места вдоль стен в равных промежутках друг от друга. Затем с неподвижных губ незнакомца сорвалось чудовищное заклинание.

— Йахкулан йок тха, ксуххалла!

При звуках страшного заклятия черные силуэты замерли. Их члены сковала неподвижность, они окаменели в неестественных позах. Незнакомец коснулся безвольного тела юноши, и цепи упали. Он поднял мертвое тело на руки. Затем обернулся, спокойным взором скользнул по безмолвным рядам черных фигур и указал на луну, которая заглядывала в зал сквозь окна. И они поняли, эти застывшие в ожидании статуи, которые только что были живыми людьми...

Оливия проснулась, как от толчка. Она вся холодела от пота, сердце громко стучало в полной тишине. Поведя вокруг диким взором, девушка увидела Конана — он спал, прислонившись к колонне, голова свесилась на могучую грудь. Серебряные лучи поздней луны проникали сквозь дыры в потолке, длинными белыми полосами ложились на пыльный пол. Девушка смутно различила статуи — черные, застывшие в миг величайшего напряжения, выжидающие. Борясь с истерикой, она разглядывала слабо озаренные луной колонны и статуи в нишах.

Что это? Дрожь прошла по статуям, едва их коснулся луч.

Словно невидимые оковы сомкнулись на ее членах, когда она заметила шевеление, судороги черных тел. Но через мгновение с ее уст сорвался вопль, и вместе с ним спало оцепенение. Конан вскочил на ноги, в руке его был меч, зубы сверкали в темноте.

— Статуи! Статуи! Боже, они оживают!

С пронзительным криком Оливия бросилась к пролому в стене, разорвала лианы. Она бежала вслепую, оглашая ночь дикими воплями, и вдруг твердая рука схватила ее за плечо. Девушка визжала и барахталась в объятиях чудовищной силы, пока знакомый голос не проник сквозь туман владевшего ею ужаса, пока она не увидела перед собой в лунном свете озадаченное лицо Конана.

— Кром! Да что с тобой, девочка? Кошмар приснился?

Его голос показался ей далеким, незнакомым. Всхлипнув, она обвила руками его могучую шею. Ее сотрясали рыдания, легким не хватало воздуха.

— Где они? Они гнались за нами?

— Никто за нами не гнался.

Все еще прижимаясь к нему, девушка огляделась вокруг. Оказывается, она добежала почти до южного края плато. Прямо под ними начинался склон, подножие скрывалось в густой тени леса. Обернувшись, она увидела руины, ярко освещенные луной.

— Неужели ты не заметил? Статуи двигались, поднимали руки, глаза сверкали во тьме...

— Я ничего не видел,— нахмурился варвар.— Спал крепче обычного, мне ведь уже давно не случалось выспаться. И все-таки не думаю, что кто-то мог войти в зал, не разбудив меня.

— Никто и не входил.— Она истерически рассмеялась.— Они уже находились там. О Митра, мы устроились на ночлег в их логове! Овцы сами забрели на бойню!

— О чем ты говоришь? Я проснулся от твоего крика, но, прежде чем успел осмотреться, ты бросилась наружу через трещину в стене. Я побежал следом, боясь, как бы с тобой не случилось чего. Решил, тебе приснился скверный сон.

— Так оно и было! — Девушка вздрогнула.— Но реальность оказалась куда страшнее сна. Слушай!

И она рассказала обо всем, что увидела во сне и, как ей казалось, наяву.

Конан выслушал очень внимательно. Естественный скептицизм просвещенного человека был ему незнаком. В мифологии его народа встречались вампиры, гоблины и чернокнижники — ни один киммериец не считал их выдумкой. Когда она договорила, он некоторое время сидел молча, в задумчивости поигрывая мечом.

— Юноша, которого пытали, походил на высокого мужчину, который появился потом? — спросил он наконец.

— Как сын на отца,— ответила она и нерешительно добавила: — Если можно вообразить плод союза божества со смертным человеком, то это и будет тот юноша. Наши легенды говорят, в древние времена смертные женщины иногда рождали детей от богов.

— От каких богов?

— Эти боги давно забыты, никто не знает их имен. Они вернулись в спокойные воды озер, на тихие холмы, на берега, что лежат за звездами. Боги столь же непостоянны, как и люди.

— Но если эти статуи — люди, превращенные в железо богом или демоном, как могут они оживать?

— Это лунное колдовство.— Девушка снова задрожала.— Пришелец указал на луну. Пока на них падает лунный свет, они живут.

— Но нас никто не преследовал,— пробормотал Конан, бросив взгляд на слабо освещенные развалины.— Тебе могло присниться... Пожалуй, я схожу проверю.

— Нет, нет! — вскричала она и вцепилась в него изо всех сил.— Быть может, заклинание удерживает их внутри зала. Не возвращайся! Они разорвут тебя на части. О Конан, давай лучше спустимся в лодку и навсегда оставим позади ужасный остров! Гирканский корабль уже наверняка прошел мимо. Бежим отсюда!

Ее мольбы были столь горячи, что подействовали на Конана. Суеверный страх киммерийца пересилил любопытство. Он не испугался бы целой армии врагов из плоти и крови, но малейший намек на сверхъестественные силы тотчас вызывал к жизни смутный и необъяснимый страх — варварское наследство.

Конан взял девушку за руку. Они спустились по склону и вошли в густой лес, где шептала листва и сонно вскрикивали неизвестные птицы. Под деревьями тени сгустились еще плотнее, и приходилось идти зигзагами, огибая самые темные места. Взгляд киммерийца непрестанно метался по сторонам и часто устремлялся вверх, на сплетенные ветви. Конан шел быстро, но осторожно. Он так крепко обнимал девушку за талию, что скорее нес ее, чем вел. Оба молчали. Тишину нарушали только быстрые шаги девушки да шорох травы под ее маленькими ступнями. Так они пересекли лес и добрались до воды, блестевшей в лунном свете подобно расплавленному серебру.

— Надо было фруктов захватить,— пробормотал Конан.— Ну да ладно, найдем другие острова. Можно плыть прямо сейчас, рассвет уже скоро...

Он не закончил фразу. Один конец веревки по-прежнему был обмотан вокруг корня дерева, другой — привязан к носу лодки. Но сама лодка с проломленными бортами наполовину утонула в спокойной воде.

У Оливии вырвался сдавленный крик. Конан повернулся к густой тени, где затаился неведомый враг. Ночные птицы внезапно умолкли, в лесу воцарилась грозная тишина. Ветерок не шевелил ни одну ветку, и все же листва по непонятной причине трепетала.

Стремительный, как гигантская кошка, Конан обхватил девушку руками, оторвал от земли и побежал. Он промчался сквозь тени, как призрак, а в это время наверху и вокруг них какое-то существо ломилось через лес, и шум все приближался. Затем в глаза беглецам ударил лунный свет — они оказались на открытом месте, на склоне плато.

На самом верху Конан опустил Оливию на землю и обернулся взглянуть на море сумрака, которое они только что покинули. Листва содрогнулась от внезапного порыва ветра. Больше ничего не происходило. Конан тряхнул головой и выругался под нос. Оливия жалась к его ногам, как напуганный щенок.

— Конан, что нам делать? — прошептала она.

Он посмотрел на руины и снова — на лес.

— Пойдем к скалам.— Киммериец помог девушке подняться на ноги.— Завтра я смастерю плот, и мы снова доверим наши судьбы морю.

— Это не... не они разбили лодку? — Вопрос был риторическим.

Конан насупился и пожал плечами, не тратя слов.

Каждый шаг по залитому лунным светом плато давался Оливии ценой невыносимого напряжения воли. Но ни одна ожившая черная статуя не встретилась им по пути, и вскоре Конан с девушкой добрались до подножия величавых и мрачных скал. Здесь Конан постоял в нерешительности, пока не выбрал место под широким каменным козырьком, на достаточном удалении от деревьев.

— Ляг и засни, если сможешь,— сказал он.— Я покараулю.

Но сон не шел к Оливии, и она лежала, рассматривая далекие руины и лес вокруг плато, пока не стали бледнеть звезды, пока розово-золотая заря не воспламенила росу на траве.

Девушка встала, потянулась. Мысли ее вернулись к пережитому недавно ужасу. Но в свете наступающего дня ночные страхи показались плодами разгулявшегося воображения. Конан наклонился к ней, и его слова заставили ее вздрогнуть снова.

— Перед самым рассветом я слышал скрип дерева и канатов и плеск воды под веслами. Недалеко отсюда бросил якорь корабль. Может быть, это галера, которую мы видели вчера вечером. Давай поднимемся на скалу и поглядим.

Они взобрались на вершину утеса, залегли среди каменных выступов и увидели на западе, за деревьями, высокую мачту.

— Гирканское судно, судя по оснастке,— пробормотал Конан.— Интересно, команда уже...

Он оборвал фразу, услышав далекие голоса. Перебравшись на южный край вершины, они увидели разношерстный экипаж судна. Небольшая толпа выбралась из леса на западную оконечность плато и остановилась на открытом месте. Похоже, в ней разгорелся нешуточный спор: люди хватались за оружие, потрясали кулаками и громко перебранивались грубыми голосами. Затем весь отряд направился к развалинам. Их путь должен был пройти у самого подножия скал.

— Пираты! — шепнул Конан с угрюмой ухмылкой.— Захватили гирканскую галеру. А ну-ка, спрячься здесь и не показывайся, пока я не окликну,— приказал он.— Пойду потолкую с этими псами. Если выгорит, мы останемся живы и уплывем отсюда вместе с ними. Если они меня схватят или прикончат, лежи здесь, пока не уйдет галера. Учти, все демоны этого острова не сравнятся жестокостью с морскими гиенами.

Оливия пискнула от страха и вцепилась в него обеими руками, но он решительно высвободился и скользнул вниз по скале.

С опаской выглянув из своего укрытия, Оливия увидела, что отряд уже приблизился к подножию гряды. И Конан вышел из-за валунов, встав перед пиратами с мечом в руке. Они отпрянули с возгласами изумления, а затем осыпали его ругательствами и угрозами. Морских бродяг было около семи десятков, и среди них Оливия узнала жителей Кофа, Заморы, Британии, Коринфии, Шема. Все без исключения лица носили печать свирепости, первобытной дикости. Многие были изуродованы шрамами от бичей или клеймами. Среди пиратов хватало людей с отрезанными ушами, вырванными ноздрями, пустыми глазницами, обрубками рук — попробуй угадай, кто тут поработал, враг в лихом сражении или палач в застенках. Большинство ходили полуголыми, но их одежда была богатой: златотканые халаты, атласные пояса, шелковые шаровары — все это, как и посеребренные доспехи, пестрело кровавыми и смоляными пятнами. В пиратских ушах и носах болтались кольца и серьги с драгоценными камнями. Самоцветы блистали и на рукоятях кинжалов и сабель.

Высокий, мускулистый, бронзовокожий киммериец с правильными чертами волевого лица разительно контрастировал с этим сбродом.

— Кто ты такой? — заорали морские разбойники.

— Конан из Киммерии! — Его голос был подобен громовому рыку льва.— Козак из вольницы. Я хочу попытать счастья в Червонном Братстве. Кто у вас главный?

— Я, клянусь Иштар! — раздался бычий рев, и вперед важно выступил настоящий исполин.

Он был обнажен до пояса, алый кушак на необъятном животе поддерживал огромные, как парус, шелковые шаровары. На его обритой голове остался только чуб. Длинные усы свисали ниже подбородка. Обут он был в зеленые шемитские туфли с загнутыми носками, а в руке держал длинный прямой меч.

Конан мрачно уставился на него.

— Сергиус из Хорша, клянусь Кромом!

— Да, клянусь Иштар! — проревел гигант. Маленькие черные глазки горели ненавистью.— Надеешься, что я забыл тебя? Ха! Сергиус никогда не забывает врагов. Сейчас я подвешу тебя кверху пятками и заживо сдеру кожу! Взять его, парни!

— Ага, спусти на меня своих псов, большебрюхий,— произнес Конан с брезгливой ухмылкой.— Ты всегда был трусом, кофская дворняжка!

— Трусом?! Это ты мне говоришь? — Широкое лицо почернело от гнева.— Ну, защищайся, северный пес! Я вырежу твое сердце!

В мгновение ока пираты образовали круг, в середине которого оказались соперники. Их глаза метали молнии, рычание вырывалось из глоток, разгоряченных свирепой радостью. Оливия наблюдала с вершины скалы, от волнения впиваясь ногтями в ладони.

Начало поединка не предварялось рыцарскими церемониями. Несмотря на свой вес, Сергиус ринулся в атаку с быстротой гигантской кошки. Он скрежетал зубами и исторгал проклятия, бешено нанося и отражая удары. Конан дрался молча. Глаза его превратились в щелки, в них сверкал роковой синий огонь.

Вскоре Сергиус вынужденно умолк, чтобы не сорвать дыхание. В царство тишины вторгались только шарканье быстрых ног, сопение пирата, звон и клацанье стали. Мечи мелькали, как белые молнии, то уклоняясь друг от друга, то соприкасаясь на краткий миг. Сергиус отступал. Только превосходное мастерство фехтовальщика до сих пор спасало его от стремительного меча киммерийца. Но вот — оглушительный лязг, скрежет скользящих клинков, полный ужаса и боли возглас...

Яростный вопль пиратской орды расколол утреннюю тишину, когда клинок пронзил насквозь могучее тело капитана. Несколько мгновений острие меча пламенело в лучах солнца между лопатками Сергиуса. Затем киммериец рванул меч на себя, и пиратский атаман рухнул ничком на землю. Под ним быстро расширилась лужа крови.

Конан повернулся к опешившим корсарам.

— Эй вы, псы! — взревел он.— Я отправил вашего вожака в ад. Что говорит на этот счет закон Червонного Братства?

Прежде чем кто-либо успел ответить, стоящий позади остальных британец с крысиным лицом молниеносно раскрутил пращу. Камень устремился прямо в цель, Конан пошатнулся и упал, как столетний дуб под топором лесоруба. На вершине утеса Оливия ахнула, у нее все поплыло, закачалось перед глазами.

Она не сводила глаз с киммерийца, неподвижно лежащего на земле. Из раны на его голове сочилась кровь.

Крысоликий пират радостно завопил и бросился к распростертому на земле исполину, чтобы выполнить посул своего атамана — вырезать сердце. Но тощий коринфиец отшвырнул его прочь.

— Аратус, презренный пес! Собрался нарушить закон Братства?

— Я не нарушаю закона,— ощерился британец.

— Не нарушаешь? Ах ты, подонок! Этот человек, которого ты свалил,— наш капитан согласно справедливым правилам!

— Нет! — закричал Аратус.— Он не из нашей банды, он чужак. Его не приняли в Братство. То, что он убил Сергиуса, не делает его капитаном. Вот если бы кто-нибудь из нас прикончил Сергиуса...

— Он хотел присоединиться к нам,— перебил коринфиец.

Его слова вызвали жаркий спор. Одни приняли сторону Аратуса, другие — коринфийца по имени Иванос. Посыпались проклятия, взаимные обвинения, пираты схватились за мечи.

И вдруг над этим гамом поднялся голос шемита:

— К чему спорить из-за покойника?

— Он не покойник,— возразил коринфиец, склонившись над Конаном.— Всего лишь оглушен и уже приходит в себя.

При этих словах спор возобновился. Аратус пытался добраться до лежащего. В конце концов Иванос обнажил меч и заслонил Конана. Оливия поняла, что коринфиец принял сторону ее друга не из-за человеколюбия, а чтобы насолить Аратусу. Она догадалась, что эти двое были помощниками Сергиуса и давно враждуют между собой.

После долгого спора решили связать Конана и забрать на галеру, а его участь решить позднее.

Киммерийца, уже почти пришедшего в себя, связали кожаными ремнями. Затем четверо пиратов подняли его и с натужным кряхтением, с проклятиями понесли. Отряд возобновил путешествие по плато. Сергиус остался там, где погиб,— пираты не особо церемонились с покойниками.

На вершине скалы лежала Оливия, потрясенная несчастьем. Она была не в силах ни пошевелиться, ни заговорить, она могла только лежать и смотреть круглыми от ужаса глазами, как шайка свирепых разбойников уносит ее защитника.

Сколько времени она так пролежала, Оливия не знала. Она увидела, как пираты добрались до руин и внесли в зал своего пленника. Они то появлялись, то исчезали в дверях и проломах, рылись в грудах щебня и слонялись вокруг. Через некоторое время два десятка пиратов уволокли на запад Сергиуса — наверное, решили бросить в море. Остальные рубили около развалин хворост для костра. Оливия слышала их крики, но не разбирала слов. Слышала она и голоса тех, кто ушел в лес,— деревья отвечали эхом. Через некоторое время, злобно бранясь, они вернулись с бочонками вина и кожаными мешками, набитыми провизией.

Все это едва укладывалось в сознание Оливии. Потрясенный мозг готов был отключиться в любое мгновение. Лишь когда она осталась одна-одинешенька,

без малейшей надежды на спасение, Оливия поняла, как много значил для нее киммериец. Она рассеянно подивилась прихотям судьбы, которая сделала дочь короля спутницей варвара с окровавленными руками. Затем пришло отвращение к людям, называвшим себя просвещенными. К их числу относили себя ее отец и шах Амурас, и оба доставляли ей только страдания. Она никогда не встречала просвещенного человека, который был бы добр с нею, если только им не двигали какие-то тайные мотивы. Конан защищал ее, помогал и ничего не требовал взамен. Уронив голову на руки, Оливия плакала, пока отзвуки непристойного пиршества не напомнили девушке о том, что она голодна.

Она перевела взгляд с темной громады развалин, где мельтешили фантасмагорические силуэты пиратов, на сумеречные глубины леса. Даже если ужасные картины минувшей ночи она видела не наяву, а во сне, страшилища, что затаились в зеленой чаще, обитают вовсе не в царстве кошмаров. Независимо от того, погиб Конан или нет, ей придется выбирать одно из двух: сдаться морским гиенам или остаться на этом острове, населенном демонами.

Когда Оливия осознала весь ужас своего положения, силы оставили ее, и она потеряла сознание.

III

Придя в себя, девушка увидела заходящее за горизонт солнце. Слабый ветерок доносил крики пиратов и обрывки похабной песни. Оливия осторожно поднялась и посмотрела в сторону лагеря. Пираты собрались вокруг огромного костра около руин. Ее сердце екнуло, когда из постройки вышла группа, волоча что-то тяжелое — несомненно, этим «чем-то» был Конан. Его прислонили к стене. Последовал долгий спор с потрясанием кулаками и бряцанием оружием. Наконец его отволокли обратно в зал и вернулись к бочонкам с пивом.

Оливия перевела дух. По крайней мере, киммериец еще жив. Как только опустится ночь, она прокрадется в эти мрачные развалины и либо освободит его, либо погибнет.

С такими мыслями она выбралась из своего убежища нарвать орехов — среди скал росло несколько кустов лещины. Собирая орехи, она никак не могла отделаться от чувства, что за ней следят. Девушка нервно оглядывалась на скалы, но никого не видела. И вдруг страшное подозрение заставило ее содрогнуться. Она подобралась к северному краю гряды и долго смотрела вниз, на колышущуюся зеленую листву. Лес тонул в закатных сумерках. Никого. Не может быть, чтобы за ней следила тварь из леса! Но Оливия явственно ощущала взгляд невидимки и чувствовала, что кто-то живой, обладающий разумом, знает о ее присутствии, знает, где она прячется.

Прокравшись обратно в свое убежище, Оливия глядела на развалины, пока их не скрыла ночь. Теперь их местоположение выдавал только огромный костер, на фоне которого пьяно шатались тени.

Оливия встала. Пора выполнить задуманное. Но сначала она вернулась на северный край гряды и посмотрела на лес, что окаймлял плато. Звезды едва освещали его; она напрягла зрение и вдруг замерла. Будто ледяная рука коснулась ее сердца.

Далеко внизу кто-то двигался. Словно черная тень отделилась от скопища теней. Расплывчатая, бесформенная, она медленно продвигалась вверх по отвесному утесу. Ужас схватил Оливию за горло, и девушка едва сдержала крик. Повернувшись, она бросилась вниз по южному склону.

Бегство по темной скале было кошмаром наяву. Она скользила и оступалась и до крови ушибалась об острые камни, через которые вчера ее с такой легкостью перенес Конан. Как ей в те мгновения не хватало варвара с железными мышцами! Но эта мысль сразу канула в водоворот страхов и сумятицы безумного бегства.

Спуск казался бесконечным, но наконец ее ступни коснулись травы. Отчаяние придало девушке сил, и она помчалась к костру — огненному сердцу этой ночи. Позади раздался грохот камней, падающих с кручи, и от этих звуков у нее будто выросли крылья.

Бег выжал из нее все силы, и вместе с ними отчасти ушел ослепляющий страх. Когда Оливия приблизилась к развалинам, ее мысли были ясны и рассудок настороже, хотя ноги подкашивались.

Девушка легла на землю и ползла на животе, пока не добралась до деревца, которого не коснулся пиратский топор. Там она и затаилась, чтобы наблюдать за лагерем. Пираты уже наелись до отвала, но все еще пьянствовали, опуская матросские оловянные кружки и драгоценные кубки в бочонки с выбитыми крышками. Некоторые спали прямо на траве, оглашая ночь пьяным храпом. Другие, пошатываясь, забрели в постройку. Конана нигде не было видно. Оливия не вставала. Ждала. Трава вокруг нее и листья над головой покрылись росой. Люди вокруг костра играли в азартные игры, спорили и ругались. Около костра осталось несколько человек, остальные ушли спать в зал.

Девушка лежала, следя за пиратами. Нервы ее были напряжены до предела, она не забывала ни на миг, что и за ней, возможно, наблюдают из темноты, а то

и неслышно подкрадываются. Время шло невыносимо медленно, точно каторжник в свинцовых башмаках. Один за другим пьяные разбойники погружались в тяжелую дремоту, пока все не улеглись рядом с догорающим костром.

Оливия некоторое время колебалась. Ее побудило к действию серебристое сияние над краем плато. Вставала луна!

Судорожно вздохнув, девушка поднялась на ноги и направилась к руинам. Она с головы до ног покрылась мурашками, пока шла на цыпочках между пьяными, лежащими перед входом в постройку. Внутри было еще больше пиратов. Они ворочались и бормотали, но ни один не проснулся. Увидев Конана, Оливия даже всхлипнула от радости. Киммериец не спал. Он был привязан к колонне. Его глаза блестели — в зал проникали сполохи костра.

Осторожно обходя спящих, Оливия приблизилась к варвару. И хотя она ступала почти бесшумно, он резко повернул голову, когда девичий силуэт обрисовался на фоне ночного неба. Едва уловимая ухмылка мелькнула на суровом лице.

Оливия подошла к Конану и на мгновение приникла к его груди. Он ощутил частое биение ее сердца. Сквозь широкий пролом в стене прокрался лунный луч, и вместе с ним в зал проникла неведомая угроза. Варвар ощутил ее кожей, его мускулы непроизвольно напряглись. Оливию тоже пробрал страх, она прерывисто вздохнула. Спящие продолжали бормотать и похрапывать. Быстро нагнувшись к одному из них, Оливия вытащила кинжал из-за кушака и занялась веревками Конана. Это были толстые и прочные канаты, завязанные морскими узлами. Она торопливо работала кинжалом, а полоса лунного света медленно подбиралась к стопам черных статуй между колоннами.

И вот запястья Конана свободны, но локти и ноги все еще крепко притянуты к колонне. Девушка бросила взгляд на статуи и содрогнулась. Казалось, они следят за ней с чудовищным терпением, не присущим ни живым, ни мертвым,— с терпением, свойственным только им одним. Пьяный пират застонал и заворочался во сне. Лунный свет полз по залу, касаясь ног черных воинов. Веревки упали с рук Конана. Он забрал у девушки кинжал и разрезал путы на ногах одним сильным и резким взмахом.

Конан шагнул вперед, стоически терпя адскую боль в затекших конечностях. Оливия приникла к нему и задрожала как лист. Был ли то обман зрения, или лунный свет действительно зажег глаза статуй зловещим огнем, отчего они походили на тлеющие угли костра?

Конан сорвался с места внезапно, как кошка джунглей. Он выхватил свой меч из груды оружия, поднял Оливию и выскользнул в заросший лианами пролом.

Они не обменялись ни словом. С девушкой на руках Конан бежал по плато, залитому лунным светом. Оливия обняла его крепкую шею и склонила темноволосую голову ему на могучее плечо. Ее охватило восхитительное чувство безопасности.

Ноша не помешала киммерийцу быстро пересечь плато. Оливия, открыв глаза, увидела, что они находятся в тени утесов.

— Кто-то взобрался на скалы,— шепнула она.— Я слышала, как он карабкается, когда спускалась.

— Придется рискнуть,— сказал он.

— Я уже не боюсь.— Она улыбнулась.

— Ты и раньше не боялась, когда пришла освободить меня,— проговорил Конан.— Кром, ну и денек! Никогда не слышал столько споров и воплей. Я чуть не оглох. Аратус хотел отрезать мне голову, а Иванос не соглашался — он Аратуса на дух не переносит. Пока они грызлись друг с другом, команда перепилась и уже не могла поддержать ни одного ни другого...

Он вдруг умолк и замер, отчего стал похож на бронзовую статую в лунном свете. Как только он опустил девушку на землю, она увидела то, что заставило Конана насторожиться. И вскрикнула.

Из тени утесов появился чудовищный силуэт — человекоподобный, жуткий, отвратительный.

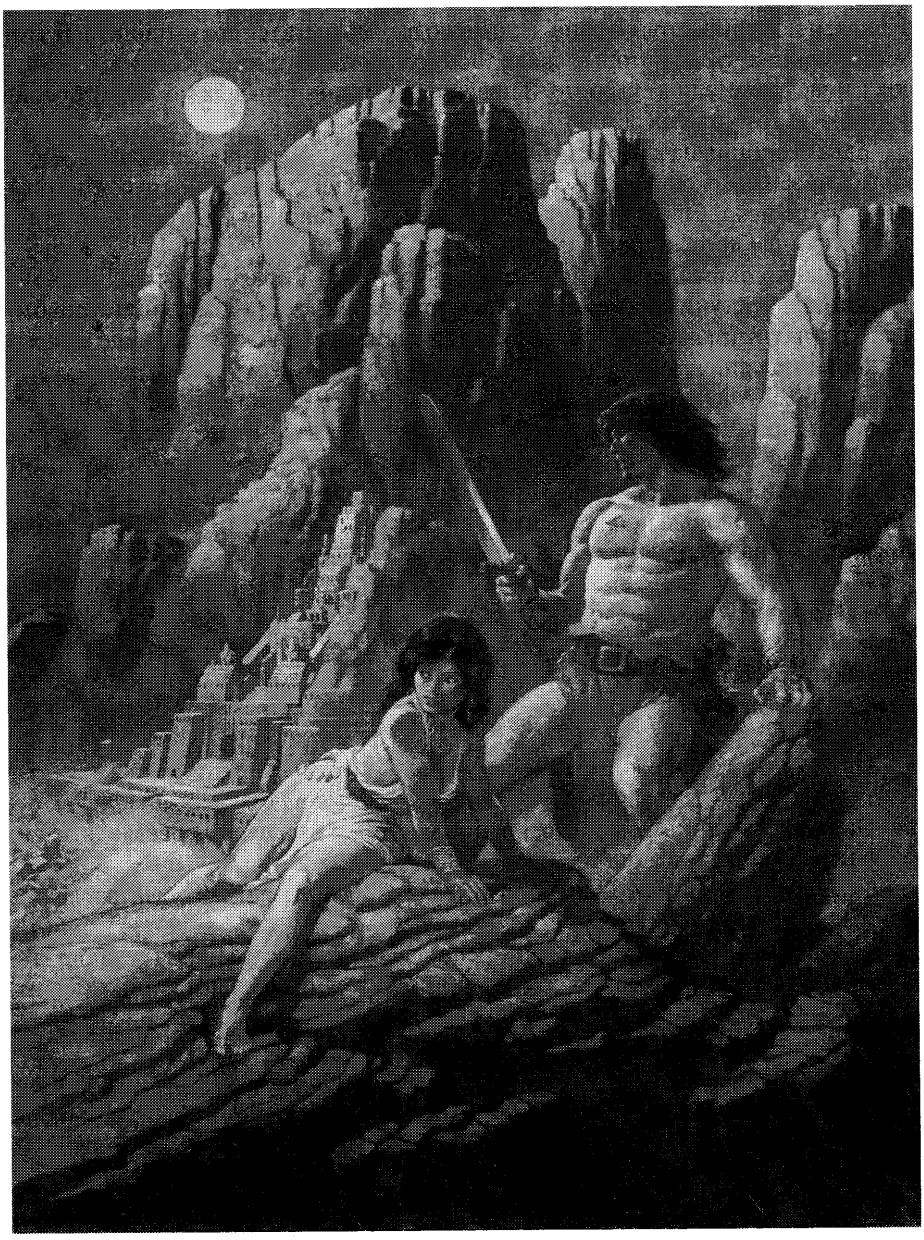
Да, очертания фигуры напоминали человеческие. Но морда, явственно различимая в лунном свете, оказалась звериной: близко посаженные глаза, вывернутые ноздри и огромная пасть с отвисшими губами, в которой сверкали белые клыки. Существо было покрыто косматой серой шерстью, в ней попадались белые пряди, они серебрились под луной. Туловище почти квадратное, а мощные задние лапы — совсем короткие. Ростом тварь была выше человека, который стоял перед нею; ширина грудной клетки и плеч потрясала воображение, а гигантские передние лапы напоминали узловатые стволы деревьев.

Освещенная луной картина закачалась перед глазами Оливии. Вот, значит, каков конец ее пути... Да, конец, ибо ни одно человеческое существо не способно выдержать свирепый натиск этой волосатой горы мускулов. Но когда Оливия перевела круглые от ужаса глаза на бронзовую фигуру, стоящую лицом к лицу с чудовищем, она почувствовала, что в противниках есть нечто общее. И сходство это было жутким. Она поняла: то, что сейчас произойдет, будет не схваткой человека и зверя, а битвой двух диких созданий, равно свирепых и беспощадных.

Разведя в стороны могучие лапы, зверь сверкнул белыми клыками и ринулся вперед с ошеломляющей быстротой. Действия Конана были столь стремительны, что Оливия не сумела уследить за ними. Она увидела только, как он избежал смертельной хватки и его меч, блеснув подобно молнии, отсек одну из чудовищных лап выше локтя. Кровь хлынула рекой. Отрубленная лапа упала на землю, когтистые пальцы жутко скрючились. Но еще в момент удара вторая уродливая лапа поймала Конана за волосы.

Только железные мускулы спасли шею киммерийца, иначе быть бы ей сломанной в тот же миг. Его левая рука уперлась в горло зверя, левое колено вонзилось в волосатый живот. И начался смертельный танец, который продлился лишь несколько мгновений, но эти мгновения показались парализованной ужасом девушке вечностью.

Обезьяна мертвой хваткой держала Конана за волосы и притягивала его голову к клыкам, сверкающим белизной в лунном свете. Киммериец сопротивлялся, не давая согнуть свою левую руку, а меч в его правой руке ходил взад-вперед, вонзаясь то в пах, то в живот, то в грудь монстра. Все это происходило в тишине и оттого выглядело вдвойне ужасней. Похоже, зверь нисколько не слабел от потери крови, которая ручьями текла из страшных ран. Невероятная сила обезьяночеловека постепенно одерживала верх над железными мускулами Ко-

нана. Рука киммерийца постепенно сгибалась, враг подтягивал его голову все ближе к частоколу капающих слюной клыков. И вот сверкающие глаза варвара смотрят прямо в налитые кровью глазки обезьяны. Конан нанес еще один удар мечом, и клинок застрял в ране. Напрасно варвар пытался его вытащить. В этот миг страшные зубы, которые скалились всего в пяди от лица Конана, сомкнулись и заскрежетали в судороге. В предсмертных конвульсиях монстр отбросил варвара, и тот упал на землю.

Едва не лишившаяся чувств Оливия увидела, как обезьяна зашаталась, опустилась на землю, скорчилась и совсем по-человечески ухватилась за рукоять пронзившего ее меча. Еще одно жуткое мгновение... Наконец по огромному туловищу прошла дрожь, и оно застыло.

Конан поднялся на ноги и заковылял к мертвому врагу. Судя по тяжелому дыханию и поступи киммерийца, его мускулы и кости подверглись суровому испытанию на прочность. Он пощупал макушку и выругался при виде мокрых от крови прядей черных волос, намертво зажатых в лапе чудовища.

— Кром! — взревел он, хватая ртом воздух.— Ну и переделка! Я бы лучше сразился с дюжиной воинов. Еще немного, и эта тварь откусила бы мне голову. Будь ты проклята, гадина! Половину скальпа содрала!

Ухватившись за рукоять меча обеими руками, он с усилием высвободил клинок. Оливия подошла поближе, взяла его за руку и круглыми от страха глазами посмотрела на распростертое чудовище.

— Кто... кто? — прошептала она.

— Серая человекоподобная обезьяна,— проворчал Конан.— Людоед. Они немые. Обитают в горах на восточном берегу моря. Не возьму в толк, как эта мерзавка добралась до острова. Может, ее смыло с берега в шторм и она приплыла на бревне?

— Она бросила камень?

— Да. Я это заподозрил, когда мы стояли в чаще и над головами у нас закачались ветки. Эти твари прячутся в самой чащобе и редко выбираются оттуда. Не знаю, что привело ее на открытое место, но нам очень повезло: в лесу я бы с ней не справился.

— Она шла за мной.— Оливия задрожала.— Я слышала, как она карабкалась на скалу.

— Идти за тобой по плато она не решилась, инстинкт заставил ее спрятаться в тени утесов. Серые обезьянолюди обитают в сумраке, в потаенных местах, и ненавидят солнце и луну.

— Как ты думаешь, здесь есть ее сородичи?

— Нет. Иначе бы они напали на пиратов, когда те шли через лес. Серая обезьяна невероятно сильна, но осторожна. Потому и не осмелилась броситься на нас в чаще. Видно, ты уж очень ей приглянулась, раз она решилась напасть на открытом месте. Что это?!

Он резко повернулся в ту сторону, откуда они пришли. Ночную тишину разорвал жуткий крик. Он донесся из развалин.

За этим первым воплем последовала безумная какофония: крики, визг, завывания и мучительные стоны. Хотя им сопутствовало лязганье стали, шум скорее наводил на мысль о кровавой бойне, нежели о битве.

Конан застыл на месте. Девушка прижалась к нему и оцепенела, лишившись дара речи от ужаса. Шум нарастал бешеным крещендо. Киммериец повернулся и зашагал к краю плато, где темнели заросли. У Оливии так дрожали ноги, что она не могла идти. Конан обернулся, подхватил ее и понес. Когда девушка снова оказалась в колыбели его могучих рук, ее сердце перестало колотиться так неистово.

Они шли по темному лесу, но густые тени больше не таили ужасов, а серебро лунных лучей не выхватывало из тьмы зловещие силуэты. Сонно щебетали ночные птицы. Вопли избиваемых пиратов затихали позади, расстояние приглушило их до неразличимости. Где-то крикнул попугай: «Йахкулан йок тха, ксуххалла!» По лесу беглецы добрались до самой воды и увидели стоящую на якоре галеру, белый парус тускло сиял под луной. Звезды уже бледнели, предвещая рассвет.

IV

В призрачно-бледном свете зари на берег выбралась горстка перепуганных, упавших духом пиратов в кровавых лохмотьях. Задыхаясь и шатаясь, они шли по мелководью к галере. Грубый оклик с борта судна заставил их остановиться.

На фоне светлеющего неба они увидели Конана-киммерийца, он стоял на носу галеры с мечом в руке. Легкий ветерок трепал его длинные черные волосы.

— Стоять! — приказал он.— Ни шагу дальше, псы! Что вам нужно?

— Пусти нас на корабль! — крикнул волосатый пират, трогая пальцем кровоточащий обрубок уха.— Мы хотим убраться с проклятого острова.

— Первому, кто попытается влезть на галеру, я вышибу мозги,— пообещал Конан.

Пиратов было сорок четыре против одного, но преимущество было на стороне киммерийца. События этой ночи напрочь выбили из морских гиен боевой дух.

— Милостивый Конан, позволь нам подняться на борт,— жалобно заскулил замориец с красным кушаком, в страхе оглядываясь на молчаливый лес.— Нам так досталось от этих черных бестий, мы так устали, пока бежали сюда, что ни один из нас не в силах поднять меч.

— Я не вижу Аратуса,— сказал Конан.— Где этот червь?

— Мертв, как и остальные! На нас, спящих, напали демоны! Дюжина лучших бойцов так и не проснулись — их растерзали на части. У этих чудовищ горящие глаза, острые клыки и длиннющие когти!

— О да,— вмешался другой пират.— Это были демоны острова, они притворились статуями, чтобы обмануть нас. Иштар! Подумать только, мы устроились на ночлег в самом их логове! Мы не трусы, мы упорно сражались с ними, но разве могут смертные одержать победу над силами тьмы? Когда мы обратились в бегство, демоны, точно шакалы, накинулись на трупы наших товарищей. Но они наверняка бросятся в погоню за нами!

— Да, да! — вскричал тощий шемит.— Конан, заклинаю тебя всеми богами, пусти нас на борт! Пусти добром, или будем драться насмерть! Конечно, мы так измучены, что ты наверняка перебьешь многих, но всех тебе одолеть не удастся.

— Тогда я пробью дыру в днище и потоплю галеру,— угрюмо ответил Конан.

Это обещание вызвало шквал яростных воплей, но львиный рык Конана заставил умолкнуть пиратов.

— Бешеные псы! С какой стати я должен помогать своим врагам? Пустить вас на борт, чтобы вы мне вырезали сердце?

— Нет, нет! — наперебой закричали они.— Мы твои друзья, Конан! Друзья и товарищи! Нам незачем ссориться. Мы ненавидим туранского короля, но не друг друга.

— Ах, вот как? — проворчал Конан.— Значит, я теперь принадлежу к Червонному Братству? Ну, коли так, на меня распространяются его законы. И раз я убил вашего главаря в честном поединке, я — капитан этой галеры!

Никто не возражал. Истерзанным, перепуганным пиратам хотелось только одного — как можно быстрее убраться подальше от страшного острова. Конан заметил среди них окровавленного коринфийца.

— Эй, Иванос! — крикнул он.— Ты уже вставал на мою сторону. А сейчас поддержишь меня?

— О да, клянусь Митрой! — Пират был из тех, кто всегда держит нос по ветру.— Конан прав, ребята. Он — наш законный капитан!

Последовали одобрительные возгласы. И хотя морским разбойникам недоставало искренности, их голоса звучали правдоподобно. К этому очень располагало грозное безмолвие леса, в котором, быть может, скрывались чернокожие красноглазые демоны с окровавленными клыками.

— Поклянитесь на мечах,— потребовал Конан.

К нему протянулись рукоятями вперед сорок четыре меча, и сорок четыре голоса произнесли пиратскую клятву верности.

Конан ухмыльнулся и вложил в ножны меч.

— Забирайтесь на борт, мои храбрецы, и хватайтесь за весла.

Он обернулся и заставил подняться на ноги Оливию, которая пряталась за фальшбортом.

— А что будет со мной, капитан? — спросила она.

— Чего бы ты хотела? — Конан внимательно поглядел на нее.

— Идти с тобой, куда бы ни лежал твой путь! — воскликнула она, обвивая белыми руками его бронзовую шею.

Пираты, карабкавшиеся на борт, при виде девушки загомонили от изумления.

— Даже если это путь кровавых сражений? — спросил Конан.— Учти, за кормой этой галеры всегда будет тянуться багровый след.

— Да. Я готова ходить с тобой по любым морям, синим или красным,— пылко ответила она.— Ты варвар, а я — изгнанница, отвергнутая своим народом. Мы оба парии, бродяги на этой земле. Возьми меня с собой!

Он рассмеялся и приник к алым губам.

— Я сделаю тебя королевой синего моря! Поднимайте якорь, псы! Клянусь Кромом, мы еще подпалим штаны королю Илдизу!

СУМЕРКИ КСУТАЛА

I

Над пустыней дрожали и перекатывались волны раскаленного воздуха. Конан-киммериец стоял посреди бесплодной равнины, непроизвольно утирая ладонью почерневшие губы. Он принимал убийственный жар солнца с безразличием бронзового изваяния, хотя единственной защитой от палящих лучей ему служила шелковая набедренная повязка, перехваченная тяжелым ремнем с золотой пряжкой. На ремне висели меч и широкий кинжал. Руки и ноги Конана были покрыты едва зажившими ранами.

У ног киммерийца присела отдохнуть девушка. По правде сказать, у нее совсем не осталось сил; она доверчиво привалилась светловолосой головой к колену своего спутника, держась за него, как за единственную опору. Рядом с бронзовым телом Конана ее белая кожа казалась еще нежней. Девушка была одета в короткую рубашку с низким вырезом и без рукавов, которая больше подчеркивала, нежели скрывала достоинства ее гибкой фигурки.

Конан зажмурился и тряхнул головой. Свирепый солнечный свет резал глаза. Отстегнув от ремня небольшую флягу, киммериец встряхнул ее и нахмурился. Слабенький плеск говорил о скудости их последних запасов.

Девушка устало пошевелилась и всхлипнула.

— Ох, Конан, мы здесь умрем... Как же пить хочется!

Киммериец невнятно зарычал и — челюсть выставлена, синие глаза так и сверкают из-под черной спутанной гривы — обвел песчаный горизонт яростным взглядом, как если бы пустыня была живым врагом, на котором он вымести бы свой гнев.

Наклонившись, он поднес горлышко фляги к губам девушки.

— Пей, Натала, пока я не скажу «хватит».

© Перевод М. Семёновой.

Она стала пить мелкими, судорожными глотками. Конан ее не останавливал. И только когда фляга опустела совсем, девушка сообразила, что он позволил ей выпить весь их запас.

У нее так и брызнули из глаз слезы.

— Конан! — простонала она, заломив руки.— Ну почему ты отдал мне все? Я же не знала... А теперь для тебя ничего и не осталось...

— Да ладно тебе,— проворчал киммериец.— Плакать все равно без толку, так что лучше не хнычь.

Выпрямился и закинул подальше бесполезную фляжку.

— Зачем? — шепотом спросила Натала.

Он не ответил. Он стоял по-прежнему неподвижно, лишь пальцы потихоньку сомкнулись на сабельной рукояти. Он не смотрел на свою спутницу, зоркий и яростный взгляд пытался пронизать лиловатую дымку, затянувшую горизонт.

Ему была в полной мере присуща по-варварски неистовая тяга к жизни, опиравшаяся на могучий инстинкт выживания, и тем не менее Конан из Киммерии отчетливо понимал — все, похоже, он достиг конца своих странствий. Нет, до предела его выносливости пока далеко, но еще день в этом безжалостном пекле, где нет ни капли воды,— и он вряд ли сумеет подняться. Что же до девушки... Нынешние страдания были явно ей не по силам. Так не окажется ли сабельный удар, быстрый и безболезненный, милосердней постепенного угасания жизни, которое, по всей видимости, им предстояло? Он по крайней мере дал ей напиться; быть может, не стоило ждать, пока она начнет бредить от жажды и призывать к себе смерть?

Конан уже начал медленно обнажать клинок... И в это время нечто заставило его замереть и напрячься всем телом.

Далеко-далеко, у южного горизонта, в раскаленной дымке что-то плавало и мерцало...

Сначала Конан решил, что увидел мираж. Миражи не в первый раз являлись ему в проклятой пустыне, обманывая, сводя с ума и насмешничая. Но это... Конан прикрыл глаза от солнца ладонью — и различил высокие башни, минареты и блестящие стены. Он хмуро смотрел вдаль, ожидая, когда видение поблекнет.

Натала проследила направление его взгляда и, перестав плакать, с трудом приподнялась на колени.

— Конан, там город!..— прошептала она, боясь даже надеяться.— Или... или это нам только мерещится?

Киммериец долго не отвечал. Он несколько раз добросовестно открывал и закрывал глаза, отводил их в сторону и вглядывался опять. Город не уплывал, не рассеивался и не исчезал.

— Холера его знает,— проворчал Конан наконец.— Можно попробовать проверить... Все равно терять нечего!

И бросил саблю назад в ножны. Потом нагнулся к девушке и могучими руками подхватил ее, точно ребенка.

Она слабо воспротивилась.

— Я пойду сама, Конан... Не трать силы!

— Там, впереди, сплошные камни. От твоих сандалий одни обрывки останутся!

У девушки на ногах действительно были легкие зелененькие сандалии, совсем не приспособленные для дальних переходов.

— И потом,— продолжил Конан,— если мы хотим добраться туда, нам лучше поторопиться... Так я хотя бы в полный мах буду шагать!

Неожиданно подвернувшийся шанс выжить сообщил стальным мускулам киммерийца небывалую силу. Он устремился через пески так размашисто и упруго, как будто только-только начал свой поход. Конан был варвар; дикая жизнь наградила его выносливостью и выдержкой зверя. Там, где цивилизованный человек давно бы сдался и умер, он продолжал сражаться и побеждал...

Насколько ему было известно, они с Наталой последними оставались в живых из всей армии принца Альмарика. Совсем недавно эта пестрая и беспорядочная орда под водительством кофийского принца, устроившего неудачный мятеж, разрушительной песчаной бурей пронеслась по землям Шема и залила кровью стигийское приграничье. Стигийцы снарядили войско в погоню, и мятежники с боем прорубились сквозь черное царство Куш... лишь для того, чтобы бесславно рассеяться в пустынях дальнего Юга. Конан мысленно сравнивал путь мятежной армии с течением речного потока, могучего при истоке, постепенно мелеющего в жарких берегах — и, наконец, исчезающего по капле в пустынных песках. Все погибли — наемники, беглые разбойники, бродяги и прочий беззаконный люд. Только и осталось, что кости, кости, кости от горных равнин Кофа до здешних никем не измеренных дюн...

Когда стигийцы дали им последний бой и вместе с кушитами окружили обреченное войско, Конан мечом проложил себе путь на свободу и удрал на верблюде вместе с девчонкой. Так что теперь повсюду у него за спиной — враги, а единственный оставшийся путь вел на юг, то есть в пустыню. В самом сердце которой они с Наталой, как видно, и находились.

Девушка была родом из Британии. Конан обнаружил ее на рынке рабов в шемитском городе, который они взяли штурмом и грабили, и недолго думая взял в свою собственность. Ее на это согласия он спрашивал всего менее. Однако нынешнее положение Наталы так разительно отличалось от той жалкой участи, что ждала хайборийку в каком-нибудь шемитском серале, что она приняла свою судьбу с благодарностью. Вот и пришлось ей волей-неволей поучаствовать во всех приключениях Альмарикова злополучного воинства, а теперь вместе со своим благодетелем она пыталась выжить в пустыне.

Несколько дней они только и думали, как бы оторваться от скакавших по пятам стигийских наездников, а когда это им удалось, они не решились повернуть к северу. Они пробивались вперед, сквозь пески, надеясь отыскать воду, но воды все не было, и они лишились верблюда. Тогда они двинулись дальше пешком, и последние дни дались им сплошной мукой. Конан как мог оберегал свою спутницу... Наталу худо-бедно успела закалить походная жизнь, она продержалась много дольше, чем какая-нибудь изнеженная горожанка; но вот сегодня ее силам пришел конец.

Солнце немилосердно жгло черноволосую голову киммерийца. Перед глазами все плыло, к горлу подкатывала тошнота, но он скрипел зубами и шагал, шагал, шагал, не сбавляя темпа. Было похоже, что город ему не причудился, он был реален.

Что ждало их там?.. Быть может, очень даже враждебная встреча. Конан не пытался об этом гадать. По крайней мере, там у него будет шанс постоять за себя в сражении, а ничего иного у судьбы он никогда и не просил.

Солнце клонилось к закату, когда изнемогшие путники остановились у массивных ворот, радуясь благословенной тени. Здесь Конан наконец поставил Наталу на ноги и размял затекшие руки. Над их головами высились тридцатифутовые стены, сложенные из чего-то зеленоватого и не очень понятного, зато блестевшего почти как стекло. Задрав голову, Конан разглядывал зубцы наверху, полагая, что сейчас его оттуда окликнут, но так никого и не увидел.

Он приложил руки ко рту и покричал, потом стал колотить в ворота сабельной рукоятью, но в ответ раздавалось лишь пустое эхо, звеневшее насмешкой. Натала жалась к киммерийцу, напуганная странной тишиной. Обозлившись, Конан навалился на створку ворот... И отскочил, хватаясь за саблю, когда тяжелая створка неожиданно легко уступила и беззвучно отошла внутрь.

Натала вскрикнула и прижала руки ко рту.

— Смотри, Конан...

Непосредственно за воротами лежало неподвижное тело. Конан присмотрелся к нему, ожидая подвоха, потом шагнул вперед и начал оглядываться.

Он стоял на широкой площадке вроде крепостного двора. Во двор выходили дверные арки домов, сложенных из того же зеленоватого вещества, что и внешние стены. Строения были впечатляющие — крепкие, просторные, настоящие дворцы, увенчанные куполами и минаретами. И... по-прежнему нигде никаких признаков человеческой жизни. Но Конану, у которого в глотке запеклась пыль, некогда было об этом раздумывать. Посередине двора он увидел обложенное камнем квадратное отверстие колодца.

Он за руку втащил Наталу во двор и прикрыл за собой ворота.

— Он... мертвый? — пугливо спросила девушка, кивая на неподвижное тело у входа.

Это был рослый и крепкий человек в расцвете жизненных сил. Желтая кожа, немного раскосые глаза... а в остальном он вполне сошел бы за хайборийца. Одет в рубашку из пурпурного шелка, на поясе висел короткий меч в ножнах, обтянутых золотой парчой. Конан притронулся к телу... На ощупь оно было холодным и неживым.

— Ран нет,— пробормотал Конан.— Однако мертв, точно Альмарик с сорока стигийскими стрелами в груди... Ради Крома, идем скорее к колодцу! Если в нем есть вода, мы будем ее пить, мертвецы там, не мертвецы!

Вода в колодце имелась, но напиться не удалось. До ее поверхности оказалось добрых сорок футов — и нигде ни бадьи, ни ведерка. Конан матерился почерному, но, поскольку не помогало, отправился искать хоть какой-то черпак на веревке...

Отчаянный крик Наталы заставил его крутануться на месте.

Прямо к нему мчался мнимый мертвец. Глаза у мужчины казались несомненно живыми, в руке блестел короткий меч, выдернутый из ножен. Конан изумленно выругался, но строить догадки было недосуг. Нападавшего встретил косой взмах клинка, рассадивший кости и плоть. Голова крепыша глухо стукнула о

каменную мостовую, тело еще несколько мгновений стояло, пьяно пошатываясь и фонтанируя кровью из рассеченных артерий. Потом и оно упало.

Конан мрачно смотрел на него, продолжая вполголоса клясть богов.

— Теперь этот малый ненамного мертвей, чем был минуту назад,— проговорил он наконец.— Во что мы тут вляпались, интересно бы знать?

Натала, заслонившаяся руками от жуткого зрелища, осторожно раздвинула пальцы. Ее трясло от испуга.

— Конан...— прошептала она.— А горожане за это нас не убьют?

— Посмотрим,— буркнул в ответ киммериец.— Эта тварь точно убила бы нас, если бы я башку ей не снес.

Говоря так, он оглядывал слепые арки и переходы на зеленоватых стенах над их головами. По-прежнему ни движения, ни звука.

— И вообще, нас, по-моему, никто даже не видел,— сказал Конан.— Сейчас спрячу улики.

Он взял обмякшее тело за перевязь для меча и, другой рукой подхватив голову за длинные патлы, поволок то и другое к колодцу.

— Раз нам напиться не дают,— пробормотал он мстительно,— я уж позабочусь, чтобы и остальным эта водичка поперек горла встала! Будь ты проклят, никчемный колодец! — И тело вместе с головой перевалилось через край. Миг спустя донесся глухой всплеск.

— На камнях кровь осталась...— прошептала Натала.

— И еще добавится, если я в скором времени воды не найду,— зло пообещал киммериец.

Долготерпением он не отличался никогда, и теперь оно было на исходе. И если напуганная девушка почти забыла от страха про жажду и голод, то Конан о своем брюхе помнил всегда.

— Надо открыть первую попавшуюся дверь,— заявил он решительно.— Рано или поздно мы кого-нибудь встретим!

— Не надо, Конан!..— цепляясь за спутника, жалобно заплакала бритунийка.— Тут так жутко! Это город призраков и мертвецов! Лучше уйти обратно в пустыню и умереть там, чем напороться на неведомый ужас.

— Нет уж,— зарычал Конан.— Я отсюда уйду, только если меня вышвырнут за ворота. Должна же где-то в этом поганом городишке быть вода, а раз так, я ее найду! Всех тут поубиваю, а воду найду!

— А если убитые опять оживут? — прошептала девушка.

— Тогда я их буду рубить снова и снова,— отрезал Конан,— пока совсем не помрут! Ладно, пошли! Вот эта дверь ничем не хуже других... Держись за мной, только не вздумай бежать, пока я не велю!

Натала еле слышно пообещала слушаться. И пошла следом за ним, в буквальном смысле наступая на пятки,— к его немалому раздражению. Между тем спустившиеся сумерки заселили странный город фиолетовыми тенями; беглецы вошли в открытый дверной проем и оказались в просторном помещении со стенами сплошь в бархатных занавесях, расшитых непривычным узором. Пол, стены и потолок состояли все из того же зеленого стеклянистого камня, стены украшала золоченая резьба. Пол устилали меха и атласные подушки. Сводчатые

арки вели в соседние комнаты. Конан и Натала обошли несколько помещений, очень похожих на самое первое...

Нигде по-прежнему не попадалось ни души.

— Кто-то здесь был, причем совсем недавно,— пробурчал Конан подозрительно.— Ложе еще хранит тепло человеческого тела, вон ту подушечку промяло чье-то бедро... И в воздухе витает запах духов!

Все здесь казалось каким-то странным, нереальным и жутковатым. Бродить по молчаливому дворцу было все равно что предаваться грезам, накурившись дурмана. Некоторые комнаты не освещались, и Конан с Наталой не заходили туда. Другие, наоборот, заливал ровный мягкий свет, исходивший, похоже, из драгоценных камней, затейливой чередой вделанных в стены. Внезапно, переступая порог очередного чертога, Натала вскрикнула и вцепилась в руку своего покровителя. Конан невнятно выругался и быстро огляделся, ища глазами врага, но никого не увидел.

— Да что с тобой такое? — напустился он на бритунийку.— Если еще раз так вцепишься в мою правую руку, я тебя отшлепаю! Чем, по-твоему, я драться должен? Хочешь, чтобы мне глотку тут перерезали?.. И чего вообще было орать?..

— Посмотри... во-он туда...— еле выговорила она прыгающими губами.

Конан посмотрел. «Во-он там» обнаружился стол из полированного черного дерева, уставленный золотыми сосудами — явно с едой и напитками. Только едоков не было видно.

— Ага, стол накрыт,— проворчал Конан.— Не знаю уж, для кого, но этому кому-то сегодня придется заново искать себе ужин...

— И мы... посмеем? — неуверенно переспросила девушка.— А вдруг они вернутся, и застанут нас, и...

— Лир ан мананнан мак лир!..— выругался Конан по-киммерийски. Ухватил Наталу за шиворот и сунул, как котенка, в позолоченное кресло подле стола.— Мы тут с голоду помираем, а ты только и знаешь, что «а вдруг» да «а вдруг». Ешь, тебе говорят!

Сам он устроился с другого конца и, схватив нефритовый кубок, единым духом опорожнил его. В кубке оказался ярко-красный напиток, напоминавший вино, но очень непривычного вкуса. Впрочем, иссохшая глотка киммерийца любую подходящую жидкость готова была принять как нектар! Утолив до некоторой степени жажду, Конан занялся яствами. Он увидел перед собой неведомые фрукты и кушанья, которым не мог подобрать названий. Вся посуда на столе была удивительно тонкой работы, а ножи и вилки — из золота. Только Конан, отводя душу после вынужденной голодовки, хватал куски мяса прямо руками, а крепкие зубы вполне управлялись вместо ножа. Он и в более-то сытые времена не отличался приверженностью застольному этикету, а теперь и подавно. Натала, цивилизованная бритунийка, ела приличнее, но тоже с жадностью и аппетитом. У Конана мелькнула было мысль, а не отравлена ли еда, но он ее отбросил. Лучше помереть от яда, сказал он себе, чем от голода перед накрытым столом!

Утолив голод, он с удовлетворенным вздохом откинулся в кресле... Да, свежая пища говорила о том, что люди в городе все-таки есть, и, быть может, враги собирались вот-вот выскочить из темных углов... Ну и пусть их выскакива-

ют — Конан на сей счет беспокоился меньше всего, давно и крепко уверовав в мощь своей вооруженной руки. Потом от сытости его начало клонить в сон, он рассеянно огляделся в поисках кушетки, чтобы прилечь.

Натала не разделяла его благодушия. Еда и питье не притупили ее опасливой бдительности. Она все косилась на дверные проемы, таившие неизвестность, и ее прекрасные глаза то и дело расширялись от страха. Ей было очень не по себе в этом слишком тихом и таинственном месте. Казалось, комната все росла, а стол делался длинней, отдаляя девушку от ее угрюмого благодетеля. Поспешно поднявшись, она обежала стол и устроилась у Конана на коленях, продолжая поглядывать на дверные арки. Некоторые были освещены, другие же — нет, и к ним-то она приглядывалась внимательнее всего.

— Мы наелись, напились и передохнули,— сказала она наконец.— Пойдем отсюда, Конан. Нехорошо здесь... Я чувствую...

— Ну, покамест нам тут никто ничего плохого не сделал,— начал он, но в это самое время негромкое, но отчетливо зловещее шуршание заставило его обернуться.

Стряхнув Наталу с колен, он взвился на ноги с легкостью потревоженной пантеры и выхватил саблю, уже стоя лицом туда, откуда послышался шорох. Звук, однако, не повторился, и Конан тихо-тихо двинулся вперед. Натала шла за ним, держась вплотную, сердце бритунийки колотилось у горла. Конан почуял угрозу, а это кое-что да значило. Подобравшись тугой пружиной, он крался вперед с мягкостью охотящегося тигра, а шума производил не больше, чем таящийся тигр.

Под аркой он остановился, и Натала, замирая от ужаса, выглянула из-за его плеча. В самой комнате света не было, но ее отчасти подсвечивало сияние позади них — и проникало через следующую арку еще в одно помещение. И там на спальном возвышении лежал человек. Рассеянный свет позволял хорошо рассмотреть его. Он выглядел близнецом тому, которого Конан зарубил возле ворот, только одежда была богаче и вся расшита самоцветами, переливавшимися колдовским светом. Мертвый? Крепко спящий?..

Вновь послышался зловещий шорох, как если бы кто-то отодвигал занавеску...

Конан шарахнулся назад, схватил в охапку Наталу и ладонью зажал ей рот — как раз вовремя, чтобы не дать завизжать.

Оттуда, где они теперь стояли, возвышения больше не было видно,— только тень, которую оно отбрасывало на стену. Так вот, по этой стене у них на глазах проползла еще одна тень, темная и бесформенная. Конан ощутил, как шевельнулись волосы на затылке... Он мог бы поклясться чем угодно, но в жизни своей не видал ни зверя, ни человека, способного отбросить такую вот тень. Его снедало любопытство, хотя некий инстинкт предостерег его и побудил замереть на месте. Натала в его хватке испуганно таращила глаза, и, кроме ее неровного всхлипывающего дыхания, других звуков не было слышно.

И вот огромная тень наползла на тень возвышения... перекрыла ее... и убралась спустя долгий-предолгий миг. Тень ложа опять стала видна ясно и четко, но вот спящий исчез.

Натала была близка к истерике, она судорожно икнула, и Конан предостерегающе встряхнул девушку — коротко, но весьма убедительно. У него самого кровь леденела в жилах. Он давно отвык бояться смертных врагов. Он мог дать отпор какой угодно жути, лишь бы понимать, что это такое. Но здесь... здесь он столкнулся с чем-то непостижимым!

Тем не менее спустя некоторое время любопытство превозмогло страх, и, мысленно приготовившись ко всему, он снова прокрался в неосвещенную комнату, потом заглянул в ту, следующую. Обе пусты. Возвышение стояло на своем месте, но человек в расшитом наряде пропал неизвестно куда. Лишь на шелковом покрывале одиноким самоцветом багровела единственная капля крови. Натала тоже увидела ее и придушенно вскрикнула, и Конан не стал ее ругать. Ему самому было страшно.

Вот тут, на этом самом ложе, только что лежал человек. А потом нечто приползло в комнату и уволокло его. Какого рода было существо, Конан никакого понятия не имел. Но то, что в здешних скудно освещенных чертогах обитал какой-то неведомый ужас, сомнению не подлежало!

Действительно, пора убираться отсюда... Конан поймал Наталу за руку и потянул за собой, но сразу остановился. Откуда-то из пройденных ими покоев послышался звук шагов. Вполне человеческих. Производивший их шел босиком либо в мягкой обуви, и Конан, движимый волчьей осторожностью, быстро свернул под другую арку. Он полагал, что сумеет выбраться во внешний двор, обойдя шедшего по комнатам.

Они успели пересечь всего несколько покоев, когда шуршание шелковой занавески вынудило их замереть. Конан обернулся... У занавешенного алькова стоял человек. И пристально разглядывал их с Наталой.

Внешне он был ровно такой же, как и встреченные прежде. Рослый, хорошо сложенный, в пурпурной одежде, перехваченной поясом с самоцветами. Взгляд янтарных глаз не выражал ни удивления, ни враждебности. Человек смотрел сонно и мечтательно, словно любитель лотоса. Он так и не вытащил короткого меча, висевшего на ремне. А когда он заговорил — причем на каком-то неведомом языке,— его голос показался Конану далеким, рассеянным и бесплотным.

Конан наудачу ответил ему на стигийском, и человек его понял.

— Кто ты?

— Я Конан из Киммерии,— ответил варвар.— Это вот Натала, она бритунийка. А что это за город?

Человек ответил не сразу. Его отрешенный взгляд остановился на Натале, и, растягивая слова, он произнес:

— О венец моих странных и прекрасных видений, золотовласая дева, ответь мне, из какой волшебной страны снов ты явилась? Быть может, ты из далекой Андарры, или из Тотры, или из опоясанного звездами Каса?

Увы, красноречие незнакомца пропало впустую.

— Это еще что за чушь собачья? — раздраженно проворчал киммериец.

Однако на него больше не обращали внимания.

— Мне снились и более роскошные красавицы,— пробормотал человек.— Я видел гибких женщин с волосами непроглядней ночи, с темными глазами, хранившими бездонную тайну... Но твоя кожа бела, точно молоко, твои глаза

яснее рассвета, ты дышишь свежестью и изяществом, манящим, как сладостный мед... Возляг же со мной на ложе, о милая дева из сна!

И, шагнув навстречу, он по-хозяйски потянулся к Натале. Конан отшвырнул его руку с такой силой, что у других от подобного шлепка, бывало, кости ломались. Мужчина отшатнулся, хватаясь за онемевшее плечо, янтарные глаза затуманились.

— Что это? — пробормотал он.— Никак призраки взбунтовались?.. Повелеваю тебе, варвар,— изыди! Пропади! Сгинь! Рассейся!..

— Я не сгину и не рассеюсь! — нагрубил обозленный киммериец, поигрывая обнаженным мечом.— Так-то вы тут, значит, встречаете чужеземных гостей?

У желтокожего понемногу пропадало с лица сонное выражение, сменяясь глубоким недоумением.

— Тог!..— вырвалось у него.— Так ты настоящий? Откуда ты? Кто ты? И что ты делаешь здесь, в Ксутале?..

— Мы пришли из пустыни,— хмуро ответил Конан.— Мы пришли в город на закате, умирая от голода. Нашли стол с угощением... Сразу говорю: денег, чтобы за это заплатить, у меня нет. В нашем краю голодных принято кормить даром, но вы, цивилизованные люди, за все требуете платы звонкой монетой. Подозреваю, что и здесь порядки такие же. Мы, в общем-то, ничего не украли и как раз собирались уйти. Видит Кром, мне тут не понравилось! Здесь мертвецы вскакивают и куда-то бегут, а тени пожирают спящих людей.

Последнее замечание заставило человека вздрогнуть, желтую кожу словно подернуло пеплом.

— Как, как ты сказал? Тени? Пожирают людей?..

— Ну,— ответил Конан с проснувшейся осторожностью,— я вообще-то не знаю... Какая-то тень мелькнула, и человек пропал, осталось только капелька крови...

— Так ты видел? Ты видел? — Теперь мужчина дрожал как лист, его голос сорвался на визг.

— Я видел, как человек спал на ложе, а потом его поглотила тень,— сказал Конан.

Эти слова оказали на его собеседника ужасающее воздействие. Мужчина дико закричал и, повернувшись, кинулся из комнаты прочь. В своем слепом бегстве он налетел на дверной косяк, кое-как выправился — и унесся в глубину покоев, по-прежнему крича во все горло. Конан проводил его недоумевающим взглядом, бедная Натала трепетала, держась за его руку. Видеть человека они более не могли, но отдаленные крики были еще слышны, и эхо бродило под сводчатыми потолками. А потом донесся особенно громкий, резко оборвавшийся вопль, и сразу все стихло.

— О Кром!...

Конан вытер со лба пот.

— Они тут все сумасшедшие,— сказал он погодя.— Пойдем-ка наружу, пока еще кого не встретили!

— Нам привиделся кошмар,— всхлипывала Натала.— Мы умерли и были прокляты! Мы погибли в пустыне и низвергнулись в ад! Мы с тобой — духи бесплотные... Ой!

Увесистый подзатыльник прервал череду ее жалоб.

— Дух бесплотный? А шлепнешь — орет,— усмехнулся Конан, хорошо знавший, что шутка, даже такая грубоватая, иной раз помогает привести в чувство зашедшегося от страха.— Да живые мы, живые! Правда, если решим остановиться в этой поганой дыре, все может очень даже измениться... Кром! Это еще что?

Они успели миновать всего одну комнату, когда снова пришлось остановиться. К ним явно приближался кто-то — или что-то. Они стояли лицом к двери, откуда доносились шаги, и ждали, когда же кончится неизвестность. Ноздри Конана раздувались, глаза нехорошо сузились... И вот наконец под аркой обрисовалась человеческая фигура. Да такая, что Конан вполголоса выругался, а Натала открыла от изумления рот.

Перед ними, непонимающе смотря, стояла женщина. Рослая, гибкая, божественно сложенная — и облаченная всего-то в узенький поясок, искрившийся самоцветами. Глянцевый водопад черных как ночь волос оттенял теплую белизну кожи. Темные глаза в пушистых ресницах глядели чувственно и глубоко. У Конана дух захватило от такой красоты, да и у Наталы округлились глаза. Подобных женщин киммериец совершенно точно ни разу прежде не встречал. Черты ее лица походили на стигийские, но у стигиек, виденных им до этого дня, была темная кожа, а у этой тело светилось, как алебастр.

Когда же она заговорила, то голос оказался богатым и музыкальным, а язык — все-таки стигийским.

— Кто ты? — обратилась она к киммерийцу.— Что ты делаешь в Ксутале? И кто эта девушка?..

— Сама-то кто такая? — хмуро поинтересовался Конан.

Одни и те же вопросы порядком-таки поднадоели ему.

— Я — Талис, стигийка,— ответила она.— А ты, верно, рассудка лишился, что надумал явиться сюда?

— Начинаю приходить к этой мысли,— проворчал Конан.— Видит Кром, если я еще разумен, мне здесь точно нечего делать, тут у вас одни чокнутые живут! Мы к ним выползаем из пустыни, можно сказать, на карачках, еле живые от жажды и голода, а нас встречает мертвец, который тут же ни за что ни про что пытается пырнуть меня в спину! Потом заходим во дворец, набитый роскошью под самый купол, а внутри никого! Стол накрытый стоит, а едоки все попрятались. Только тени какие-то ползают и заглатывают спящих людей...— Конан пристально следил за стигийкой, и от него не укрылась ее внезапная бледность.— Ну?

— Что — ну? — спросила она, овладевая собой.

— Я ждал, что ты тоже дашь деру, сметая занавески и крича во весь голос,— сказал Конан.— Ну, как тот малый, которому я сейчас про тень рассказал.

Она пожала изящными белыми плечиками.

— А-а, так вот что за крики я слышала... От судьбы все равно не уйдешь, так много ли толку верещать подобно крысе в ловушке? Когда Тог возжелает меня, он просто придет за мной, и быть посему...

— Тог — это кто? — осведомился Конан подозрительно.

Стигийка наградила его долгим оценивающим взглядом, который почему-то заставил Наталу густо покраснеть и прикусить губу.

— Садитесь на диван, я вам расскажу,— ответила Талис.— Только прежде скажите мне свои имена.

— Я Конан из Киммерии, а это бритунийка Натала,— ответил Конан.— Наше войско разбили на границах Куша, так что мы с ней нынче в бегах... Знаешь, неохота мне садиться на этот диван. Так и кажется, что сзади тень подползает!

Стигийка мелодично рассмеялась и села, с хорошо заученной небрежностью вытянув стройные ноги.

— Не о чем беспокоиться,— сказала она.— Если Тог захочет, он вас возьмет, где бы вы ни были. Человек, о котором ты говорил,— ну тот, что закричал и пустился бежать,— он ведь под конец испустил такой особый страшный крик, верно? И потом стало тихо, так?.. Надо думать, он в своем паническом бегстве напоролся как раз на то, чего тщился избегнуть... Я же говорю — от судьбы не уйдешь!

Конан буркнул нечто невразумительное, но все-таки опустился на краешек дивана. Обнаженный меч лежал у него на коленях, а взгляд продолжал тревожно обшаривать помещение. Натала примостилась рядом, держась за него, и теперь в ее поведении сквозила еще и ревность. Поджав ноги, она поглядывала на стигийку с недоверием и обидой. Рядом с этой великолепной красавицей она чувствовала себя маленькой, тощей и засиженной мухами. И уж конечно, от нее не укрылся взгляд темных глаз, буквально ласкавших все тело бронзовокожего исполина.

— Так что это за место? — осведомился Конан.— И кто тут живет?

— Это очень древний город, имя же ему Ксутал. Он выстроен над оазисом в пустыне, на который основатели города набрели в своих странствиях. С востока явились они, и было это столь давно, что даже их потомки не помнят когда...

— Немного же их осталось,— заметил киммериец.— Покои большие, а выглядят необитаемыми.

— Людей здесь больше, чем тебе кажется,— возразила стигийка.— Весь город, по сути, является одним сплошным дворцом; все дома, находящиеся внутри стен, соединены между собой. Здесь можно ходить много часов, никого не встречая, но это уж как повезет. Другой раз люди попадаются один за другим, причем сотни и сотни...

— Это как? — спросил Конан. По его мнению, услышанное порядком отдавало колдовством, и ему это не нравилось.

— Здешние люди много времени проводят во сне. Сновидческая жизнь для них важна не меньше, чем явь, и столь же реальна. Ты когда-нибудь слышал о черном лотосе? В городе есть особые места, где его выращивают. За много веков садовники сумели его изменить, и теперь его сок вместо смерти приносит роскошные, ни с чем не сравнимые сновидения. Им-то жители Ксутала и посвящают большую часть своего времени. Зато их бодрствование подобно сну: оно невнятно, бесцельно и беспорядочно. Они спят, пробуждаются, пьют, едят, предаются любви и вновь засыпают... Они редко доводят начатое до конца — чаще все бросают как придется и вновь погружаются в грезы, навеянные соком черного лотоса. Взять хоть пищу на столе, которая утолила ваш голод. Вне сомнения, кто-то, пробудившись, решил перекусить и приготовил себе еды... а потом забыл про нее и ушел спать.

— Ладно, а еду они откуда берут? — перебил Конан.— Что-то я не заметил за стенами ни виноградников, ни полей! У вас как тут, и огороды, и скотные дворы — все внутри?

Она покачала головой.

— Им не нужны стада и посевы, эти люди производят себе пищу из природных веществ. Они ведь прекрасные ученые, и головы у них работают как надо, когда лотос выветривается из мозгов! А предки их вовсе были гигантами разума, ведь они построили этот город посреди пустыни и создали всю роскошь, которой он начинен. И даже теперь, когда здешний народ поработило пристрастие к дурману, частица дивных знаний еще не умерла до конца... Я думаю, ты успел подивиться освещению в покоях? Это драгоценные камни, которые воспламенил радий. Проведи по ним пальцем в одну сторону — и они вспыхивают. В противоположную — и они гаснут... Вот тебе пример того, до чего дошла наука ксутальцев. А сколько всего они позабыли!.. И все из-за того, что живая жизнь интересует их все меньше. Они предпочитают сон, похожий на смерть...

— Ага,— сказал Конан.— Так значит, тот мнимый мертвец возле ворот...

— Вне всякого сомнения, он спал. Лежащего в лотосовом сне легко принять за умершего. Все телесные процессы так замедляются, что трудно бывает распознать признаки жизни. Дух покидает тело и отправляется в странствие по запредельным мирам. Кстати, человек у ворот есть наглядное свидетельство безалаберного отношения этих людей к собственной жизни. Он ведь должен был охранять ворота — там, согласно обычаю, ставят стражника, хотя никакой враг отроду не покушался на город. Таких стражей можно обнаружить и в других местах Ксутала. И тоже — спящих без зазрения совести...

Конан поразмыслил над услышанным и спросил:

— А сейчас где все?

— Разошлись по разным частям города. По кушеткам, шелковым диванам, по заваленным подушками альковам и тюфякам, обтянутым мехом. Причастились лотоса и смотрят несравненные сны.

Конан почувствовал, как мускулы между лопатками продернуло холодком. Его как-то не грела мысль о сотнях людей, что лежали холодными и неподвижными полутрупами в этих просторных, устланных коврами дворцах, лежали, глядя в потолок остекленелыми глазами...

Потом он вспомнил кое-что еще и спросил:

— Ну так что там насчет той штуки, которая тихо скользит из комнаты в комнату и утаскивает людей прямо с ложа?

Прекрасная стигийка содрогнулась всем телом.

— Его имя Тог, он из Древних... Это бог Ксутала, обитающий в затонувшем куполе посреди города... Он жил здесь всегда. Пришел ли он сюда вместе с основателями города или уже обитал здесь? Никто не знает. Здесь его чтят, ему поклоняются... Большей частью он спит в своих подземельях, но порой — и этого нельзя предсказать — его будит голод, и он отправляется в путь по тайным коридорам и сумрачным чертогам в поисках жертвы... И тогда никто не может считать себя в безопасности...

Натала прямо-таки застонала от страха и повисла у Конана на шее, как бы заранее сопротивляясь любой попытке оторвать ее от могучего спутника.

— Кром,— вырвалось у него.— Ты хочешь мне сказать, что они все лежат и спят себе, пока эта нечисть шастает кругом и промышляет себе жертву на ужин?

— Голод будит его лишь время от времени,— повторила стигийка.— И потом, божеству положены жертвы, так ведется от века. Ребенком я жила в Стигии, и там все боялись жрецов. Никто не мог знать, кого и когда изберут, чтобы тащить на алтарь! Ну и какая разница, жрецы ли избирают жертву для своего божества — или оно само является, чтобы ее взять?

— У моего народа нет такого обыкновения,— проворчал Конан.— И в стране Наталы так тоже не делают. Хайборийцы поклоняются Митре, который не требует человеческих жертв. Что же до моего племени... Кром! Не отказался бы я посмотреть на жреца, которому удастся затащить на алтарь киммерийца! То есть крови, понятно, прольется вдосталь, только не той, которой хотелось бы жрецу...

— Варвар ты,— рассмеялась Талис, но в искристых глазах мерцали огоньки.— Тог — особое божество. Очень древнее... и очень грозное...

— Все равно здешний народ — либо придурки, либо герои,— сказал Конан.— Вот так лежать и смотреть какие-то глупые сны, зная при этом, что проснуться можно в брюхе у демона...

Стигийка вновь рассмеялась.

— Они ведь другой жизни не знают,— сказала она.— С тех пор как Тог забрал первую жертву, сменились несчетные поколения. Когда-то во дворце обитали тысячи, теперь остались сотни,— в том числе и по его милости. Еще несколько поколений, и не останется вообще никого. Тогда Тогу придется либо отправиться во внешний мир за новыми жертвами, либо убраться в подземное царство, из которого он явился когда-то.

Эти люди осознают свою неминуемую участь, но они — фаталисты, неспособные ни к сопротивлению, ни к бегству. Ни один из ныне живущих ни разу даже не высовывался сколько-нибудь далеко за городские стены. К югу отсюда на расстоянии дневного перехода есть еще оазис... Я видела его на старых картах, составленных их предками, но вот уже три поколения жителей Ксутала не посещали его. А плодородные земли, которые, согласно тем же картам, лежат еще в одном дне пути, перестали исследовать даже раньше... Варвар, это племя обречено! Они погрязли в лотосовом дурмане, а редкие часы бодрствования скрашивают золотым вином, которое заживляет раны, продлевает жизнь и способно вернуть бодрость самому пресыщенному развратнику...

И все-таки они цепляются за жизнь и отчаянно боятся божества, которому поклоняются! Ты сам видел, как один из них прямо-таки помешался от ужаса, узнав о пробуждении Тога. А мне доводилось наблюдать, как весь город вопил и рвал на себе волосы и в ужасе мчался за ворота... чтобы скорчиться там за стенами и ждать, на кого падет жребий. И когда один из них оказался избран, его швырнули обратно в ворота, дабы Тог утолил свою похоть и голод... Вот и теперь, если бы они не спали по комнатам, весть о появлении Тога заставила бы их с воплями ломиться наружу!

— Ой, Конан,— в ужасе взмолилась Натала,— давай скорей отсюда уйдем...

— Всему свое время,— отозвался киммериец. Стройные ножки цвета слоновой кости прочно приковали к себе его взгляд.— Ну а ты-то, стигийка, что здесь делаешь?

— Я попала сюда в ранней юности,— ответила она, откидываясь на бархатные подушки и сплетая за головой изящные руки.— Если ты присмотришься к цвету моей кожи, почти такой же белой, как у твоей подружки, то поймешь — я не какая-нибудь простолюдинка. Я — дочь короля. Меня похитил один из принцев, восставших против отца. Встав во главе армии кушитских стрелков, он ушел на юг, в дикие земли, чтобы завоевать там страну и стать ее властелином. Его самого и всех его воинов забрала пустыня... Самый последний посадил меня на верблюда и вел его, пока не свалился замертво. Животное, однако, продолжало шагать... Потом я начала бредить от жажды и голода и впала в забытье, чтобы очнуться уже здесь, в этом городе. Мне рассказали, как на рассвете меня заметили со стены — я без сознания лежала рядом с мертвым верблюдом... Они подобрали меня и привели в чувство, напоив своим чудесным вином. Даже в те времена лишь вид женщины мог их подвигнуть на такую дальнюю вылазку за городские пределы!

Они очень тянулись ко мне, особенно, конечно, мужчины. Я не знала их языка, и они выучились разбирать мою речь. Я уже говорила — они удивительно даровиты и необыкновенно умны. Они овладели стигийским языком намного быстрее, чем я — здешним. Но конечно, в первую голову их интересовала я сама. Я и до сих пор — та единственная причина, по которой здешний мужчина способен на время отрешиться от лотосового дурмана...

И она лукаво рассмеялась, смело и откровенно поглядывая на Конана.

— Женщины, понятное дело, ревнуют,— проговорила Талис, впрочем, очень небрежно.— Эти желтокожие прелестницы по-своему тоже красивы, но они такие же вялые и нерешительные, как их мужья. Ну а мужчин тянет ко мне не только моя красота, но и то, что я — настоящая. Я ведь — не сон! Да, в свое время я вкусила лотосовых снов, но я — по-прежнему настоящая женщина, с самыми земными помыслами и желаниями... Чем могут ответить мне эти желтые немочи с сонными глазами лунатиков? Вот поэтому, варвар, лучше будет тебе перерезать саблей девочке шейку, не дожидаясь, пока мужчины Ксутала проснутся и увидят ее, а увидев — возжелают и схватят. Ей, слишком робкой и нежной, нипочем не вынести того, от чего я в свое время лишь расцвела... Я ведь родилась в Луксуре, и мне еще не исполнилось пятнадцати лет, когда меня отвели в храм темной богини Деркето, дабы там посвятить в таинства... И даже после этого мне в первые годы в Ксутале жизнь медом ну никак не казалась. Здешние мужчины успели забыть гораздо больше, чем знали когда-либо самые продвинутые жрицы Деркето... Они ведь живут только ради чувственных удовольствий. Что во сне, что наяву они стремятся к удовольствиям за гранью разумения обычного человека...

— Выродки,— пробурчал Конан.

Талис ответила с ленивой улыбкой:

— Все дело в том, с какой стороны на вещи смотреть...

— Ладно,— сказал он тоном принятого решения.— Мы тут с тобой только зря время теряем. Я уже понял, обычному смертному, причем в здравом рассудке, нечего делать в этих стенах! Надо нам убираться отсюда, пока не проснулись твои недоумки... или Тог всех нас не слопал. Думаю, пустыня и та окажется милосердней!

Натала, у которой кровь стыла от всего услышанного, горячо с ним согласилась. Сама она по-стигийски понимала с пятого на десятое, но и этого хватило вполне. Конан встал с дивана и притянул к себе дрожащую британийку.

— Если ты нам покажешь ближайший выход из города,— обратился он к Талис,— будем весьма благодарны.

Глаза его, впрочем, продолжали бесстыдно ласкать ее атласные плечи и великолепную грудь, и от стигийки этот взгляд не укрылся. Загадочно улыбаясь, она поднялась, грациозная, точно ленивая кошка.

— Идите за мной,— сказала она и пошла впереди, чувствуя, как упивается варвар ее фигурой, осанкой, походкой.

Она вела их совсем не тем путем, каким они попали сюда, но еще прежде, чем Конан начал что-либо подозревать, она остановилась в обширном, украшенном слоновой костью чертоге и показала им небольшой фонтанчик, журчавший посередине.

— Не хочешь умыться, дитя? — обратилась она к Натале.— У тебя лицо чумазое и волосы сплошь пылью забиты.

Девушка обиженно покраснела, ощутив в голосе стигийки недоброжелательство и насмешку, но все же повиновалась, горестно раздумывая о том, сколь безвозвратно горячий ветер и солнце пустыни, должно быть, испортили кожу у нее на лице — нежную белую кожу, которой по праву гордились британийские женщины... Опустившись на колени перед фонтаном, она вытряхнула волосы, спустила с плеч рубашонку и принялась мыться.

— Кром знает что такое,— пробурчал Конан.— За девкой хоть сам демон гонись, а она только и думает, что о своей красоте!.. Поторопилась бы ты, а? Ты ведь точно так же пропылишься еще прежде, чем этот город скроется у нас за спиной... Слушай, Талис, может, ты еще и съестного чего-нибудь нам на дорожку сообразишь?

Вместо ответа стигийка прижалась к нему, вскинув белую руку на его бронзовое плечо. Он остро ощутил упругую шелковистость ее кожи, аромат пышных волос наполнил его ноздри...

— На что тебе опасная пустыня? — страстно зашептала она.— Останься лучше здесь! Я научу тебя жизни в Ксутале. Я буду тебя защищать. Я буду тебя любить! Ты — настоящий; меня уже тошнит от этих мокрогубых лунатиков, которые просыпаются, сонно вздыхают и засыпают опять! Я жажду чистой и яростной страсти, я хочу земного мужчину! Как горят твои глаза,— я с ума от них схожу! Как бы я сгорала и таяла в твоих железных руках!.. Останься здесь, и я сделаю тебя владыкой Ксутала! Я покажу тебе все его древние тайны и научу неслыханным наслаждениям! Я...— Уже обе руки обвились кругом его шеи, Талис приподнялась на цыпочки, трепеща и вздрагивая всем телом.

Глядя через ее плечо, Конан увидел, как Натала отбросила за спину мокрые спутанные волосы — и застыла от увиденного, глаза ее округлились, а губы дрогнули в немом изумлении. Смущенно буркнув, Конан выпутался из объятий Талис и отстранил ее от себя. Та оглянулась на юную британийку и вновь загадочно улыбнулась, чуть кивнув царственной головой, словно сама себе отвечая на какой-то непостижимый вопрос.

Натала поднялась с колен и натянула рубашку на плечи. Она стояла с надутыми губами, глаза подозрительно блестели. Конан выругался вполголоса. Он

был не большим однолюбом, чем самый последний наемник, но в сердечных делах ему было присуще врожденное благородство, которое и защитило Наталу.

Стигийка, впрочем, не упорствовала. Жестом пригласила их следовать за собой — и пересекла покой... чтобы остановиться у завешенной коврами стены. Конан сразу подумал, а не услышала ли она шорох подкрадывающегося чудовища, и по спине тотчас побежали мурашки.

— Что ты слышишь? — вырвалось у него.

— Осторожно — там, в той арке...— ответила она, указывая рукой.

Конан крутанулся, держа саблю наготове, но дверной проход оказался пуст. А вот позади раздался звук короткой борьбы, полузадушенный вскрик... Он стремительно обернулся, но не увидел ни Наталы, ни Талис. Стенной ковер снова обретал неподвижность, как если бы его сдвинули с места, а потом отпустили. Пока киммериец силился сообразить, что к чему, откуда-то из недр стены долетел сдавленный вопль, и Конан узнал голос своей британийской подружки.

II

Когда Конан повернулся навстречу опасности, вроде бы указанной ему Талис, Натала по обыкновению держалась вплотную позади него, а стигийка — от нее сбоку. И вот, подгадав момент, когда киммериец отвлекся, Талис с невероятной, прямо-таки звериной быстротой зажала рот британийке, оборвав готовый вырваться крик. Другой рукой хищница обхватила свою жертву за талию — и вместе с ней откачнулась к стене, ударившись в нее плечом... И стена неожиданно уступила нажиму! Каменная плита открылась вовнутрь, в коврах открылась прорезь — и Талис ускользнула вместе со своей пленницей еще прежде, чем Конан успел повернуться обратно.

Тайная дверь мгновенно захлопнулась, и двух женщин окутала кромешная темнота. Талис повозилась во мраке, явно пристраивая на место засов. Для этого ей пришлось отнять ладонь от лица Наталы, и светловолосая британийка не-

медленно завопила на пределе голоса, взывая о помощи. Издевательский смешок Талис пролился во тьму, словно отравленный мед.

— Кричи, кричи, дурочка,— промурлыкала она.— Меньше проживешь.

Натала умолкла, поняв, что крик ей не поможет, и только дрожала всем телом, беспомощная в темноте.

— Зачем ты... это сделала?— прошептала она затем.— На что я тебе?

— Я отведу тебя кое-куда по этому коридору,— ответила прекрасная мучительница.— И покину там для того, кто рано или поздно явится за тобой.

— О-о-о-ой! — в ужасе разрыдалась Натала.— За что? Я же тебе ничего плохого не сделала...

— Мне нужна не ты, а твой воин,— ответила равнодушно стигийка.— Я таких, как он, насквозь вижу. Если бы не ты, он был бы рад остаться здесь со мной и стать моим королем! Осталось только убрать тебя с дороги — и он пойдет, куда я его поведу!

— Он глотку тебе перережет,— убежденно пообещала Натала. Она знала Конана гораздо лучше, чем Талис.

— Поглядим,— хладнокровно ответила та. У нее не было причины сомневаться в своей власти над мужчинами.— Ты-то в любом случае не узнаешь, целует он меня или на куски режет. К тому времени ты станешь невестой жителя мрака... Идем!

Сходя с ума от страха, Натала принялась отчаянно отбиваться, но добилась немногого. В мышцах стигийки таилась упругая и гибкая сила, казавшаяся невероятной для женщины. Натала никогда бы не поверила, что такое возможно, но Талис просто вскинула ее на плечо и унесла, как младенца, в непроглядную глубину коридора. Бритунийка больше не пыталась кричать, памятуя о зловещем предупреждении, так что тишину нарушало лишь ее судорожное дыхание да изредка — издевательски-сладострастный смешок Талис...

Но вот слепо шарившая рука Наталы сомкнулась на чем-то вещественном — ее ладонь сжала самоцветную рукоять кинжала, висевшего на драгоценном поясе Талис. Натала выхватила клинок — и ударила с размаху, изо всех своих девичьих силенок.

Талис закричала, точно ошпаренная кошка. Она пошатнулась, Натала выскользнула из ее хватки и больно шлепнулась на каменный пол. Вскочив, она кинулась к ближайшей стене, распласталась по камням и, дрожа, замерла в темноте. Она не могла видеть Талис, но слышала, как та двигалась и шипела. Удар не убил стигийку — она сыпала безостановочными проклятиями, и они дышали таким убийственным злом, что у Наталы начали подгибаться коленки.

— Где ты, маленькая дрянь? — задыхаясь, вопрошала Талис.— Дай только добраться до тебя, и я...

Наталу едва не стошнило от подробного описания пыток и истязаний, которым стигийка намеревалась подвергнуть соперницу. При этом изысканная стигийская принцесса еще и материлась, точно самая прожженная аквилонская шлюха.

Натала услышала, как Талис зашарила в темноте, и наконец вспыхнул огонек. Возможно, Талис и побаивалась этого коридора, а того пуще — его страшного обитателя, но лютая злоба уничтожила всю боязнь. Свет источался настенным камнем — одним из тех радиевых самоцветов, которыми пользовались

в Ксутале. Талис должным образом потерла его пальцем и теперь купалась в его красноватом — не самом обычном по здешним меркам — свечении. Одну руку она прижимала к боку, по пальцам текла кровь. Опасно раненной она, впрочем, не выглядела, удар только разжег в ее глазах демонические огоньки.

Все скудное мужество Наталы разом испарилось при виде стигийки, хищно скалившейся в ореоле багрового света. Вот она двинулась вперед походкой пантеры, вот отняла руку от порезанного бока и раздраженно стряхнула с пальцев темные капли... Натала увидела, что сумела едва поцарапать противницу. Лезвие кинжала скользнуло по отделанному камнями поясу и рассекло только кожу, и Талис нисколько не ослабела — лишь взбеленилась.

— Отдай кинжал, гадина! — проскрежетала она, нависнув над съежившейся девушкой.

Умом Натала понимала, что должна драться, пока имеет такую возможность... увы, мужества у нее не хватило. Боевым характером и драчливостью она никогда не отличалась, а тут еще эта тьма, предательство и насилие с такой неожиданной стороны... Все вместе попросту раздавило бедняжку — и физически, и духовно. Талис выхватила кинжал из ее безвольной руки и презрительно отшвырнула прочь.

— Маленькое ничтожество! — прошипела она сквозь зубы и обеими руками по очереди влепила Натале две оглушительные затрещины.— Я отволоку тебя вниз по этому коридору и швырну прямо в пасть Тогу, но прежде сама хорошенько позабавлюсь с тобой! Ты осмелилась пырнуть меня кинжалом — и в полной мере поплатишься за свою дерзость!

Схватив бритунийку за волосы, Талис почти волоком протащила ее туда, где на краю освещенного пространства в стене чуть повыше человеческого роста поблескивало тяжелое металлическое кольцо. С кольца свисал кусок шелкового шнура. Не в силах сопротивляться, Натала почувствовала, как с нее сдергивают последнюю одежонку, после чего Талис обмотала ее запястья веревкой и вздернула вверх, подвешивая к кольцу. Так она и повисла — в чем мать родила, едва касаясь пола пальцами ног. А Талис уже снимала со стенного крючка хлыст с рукоятью, отделанной самоцветами,— о семи хвостах, каждый хвост из тугого крученого шелка, что был прочнее и гибче любого кожаного ремня...

Шипя от мстительной радости, Талис широко размахнулась... Шнуры свистнули и обвились кругом нежных бедер Наталы, и девушка отчаянно закричала. Удары сыпались один за другим, несчастная бритунийка кричала, корчилась и рвалась, беспомощно дергая стянувшую запястья веревку. Она уже не помнила о чудовищной твари, которую ее крики предположительно могли вызвать из мрака. Забыла о ней и Талис.

Натале случалось принимать унизительные наказания, пока она жила в Шеме и переходила из рук в руки как невольница,— но нынешнее битье было чем-то особым. Шемитские надсмотрщики понятия не имели о казнящей силе жесткого шелкового шнура. Какие там розги, какой ремень!.. Семихвостка Талис причиняла, можно сказать, качественно иное страдание, куда более утонченное и жестокое. Как ядовито шипели ее хвосты, рассекая воздух подземелья, как по-змеиному ласково опускались на кожу!.. Бедная девушка извивалась и вертелась под кольцом... и вдруг настал миг, когда разом смолкли отчаянные крики, а залитое слезами лицо оледенил несусветный ужас.

Это насторожило стигийку, она удержала руку, занесенную для очередного удара, и обернулась... Слишком поздно! На сей раз кошачья быстрота ей не помогла. С жутким воплем Талис качнулась назад... В зрачках Наталы отразилось воплощение ужаса — белая фигура с раскинутыми руками на фоне черной бесформенной тени, громоздившейся у нее за спиной... А в следующий миг стигийку унесло куда-то вверх, и тень отступила, унося ее с собой. Натала осталась одна в круге тусклого света, едва не лишившись чувств от мучений и пережитого ужаса.

Еще некоторое время ее слуха достигали неисповедимые звуки из тьмы. Она различала голос Талис, в котором слышалась неистовая мольба... Стигийке никто не ответил. Затем Талис взвыла в чудовищной муке... истерически захохотала, всхлипывая и икая... И вновь — частое, судорожное дыхание... И вот наконец оно тоже прекратилось, и тайный коридор заполнила тишина куда хуже всякого крика.

Сходя с ума от тошнотворного страха, Натала все же извернулась на веревке, отважившись посмотреть в ту сторону, где скрылась утащенная тенью стигийка. Ей ничего не удалось разглядеть, лишь наплывало чувство угрозы более жуткой, чем могло нарисовать самое воспаленное воображение. Натала ощутила, что ее рассудок вот-вот поколеблется. Запястья, изрезанные путами, и тело, располосованное хлыстом,— все забылось в тени безликого ужаса, грозившего не только плоти, но и душе.

Она напрягала зрение, вперяя глаза во тьму за пределами освещенного круга, даже не пытаясь гадать, что может появиться оттуда... У нее вырвался лишь слабенький всхлип, когда во мраке наметился вещественный силуэт. Из пустоты надвигалось нечто громадное. Вот отблески радиевого камня коснулись гигантской бесформенной головы... То есть предположительно головы, ибо существо слишком сильно отличалось от обычных земных тварей, а от человека и подавно. Его морда отчасти напоминала жабью, увиденную в кривом зеркале ночного кошмара. Глаза были двумя лужами мутного света, и Натала невольно зажмурилась, явственно прочитав в них всю похоть Вселенной... Что до остального тела — бедняжка вовсе не взялась бы сказать ничего определенного, потому как оно плыло, перетекало, менялось прямо у нее на глазах. Правда, при всем том оно явно обладало материальностью. Не призрак, не тень,— перед Наталой было существо, наделенное плотью.

Оно приближалось, двигаясь неведомо как — то ли шло, то ли ползло, то ли парило над полом... то ли перемещалось еще каким-то невиданным способом. Вот оно окончательно выдвинулось из теней, но понятней не стало. Даже самосветящийся камень озарял его не так, как всех обычных созданий. Казалось, тварь несла с собой свою собственную темноту, свет обтекал ее, но не касался. Это мешало взгляду присмотреться подробнее, хотя существо уже почти притрагивалось к телу скорчившейся бритунийки. Натала по-прежнему более-менее ясно различала лишь жабью морду с изредка моргающими глазками. Все прочее оставалось мутным пятном, объемной тенью, которую обычный свет не мог ни рассеять, ни проницать.

«Я сошла с ума»,— подумала бедная Натала, сообразив, что не может даже определить, снизу или сверху глядят на нее бледные светящиеся буркалы. Зрение убеждало ее лишь в одном: в материальности этого существа. Еще миг, и ося-

зание подтвердило то, о чем говорили глаза. Что-то вроде темного щупальца обвилось кругом ее обнаженного тела, и прикосновение заставило бритунийку отчаянно завопить от ужаса и омерзения. Между тем щупальце было ни холодным, ни теплым, ни шершавым, ни гладким; девушке было просто не подобрать определения, ее память не хранила ничего даже отдаленно похожего, чтобы сравнить. А щупальце между тем принялось ласкать ее тело, и она задохнулась от доселе неведомого ужаса и стыда. Ее разом захлестнула вся грязь, вся бездна порока и разврата, таившаяся на похабных задворках жизни...

И еще она поняла: к какой бы ветви живых существ ни принадлежал хозяин Ксутала, он был определенно разумен. Но какое применение нашел его разум!..

Натала билась и кричала, чудовище стискивало ее и пыталось силой сдернуть с веревки; и в это время у них над головами тяжело грохнуло, и чье-то тело, разорвав воздух, приземлилось рядом на каменный пол...

III

Обнаружив, что Наталу внезапно похитили, Конан с яростным ревом протаранил плечом стену, где колебался потревоженный ковер и из недр которой доносились приглушенные крики. Сила удара была такова, что какой-нибудь городской хлюпик точно переломал бы себе кости, но Конана лишь отбросило прочь. Он сорвал ковер со стены, ища тайную дверь... Его глазам предстал голый и гладкий камень. Вне себя от бессильного бешенства, Конан замахнулся саблей...

Неожиданный шум, поднявшийся за спиной, заставил его оглянуться. Перед ним с мечами в руках стояло не менее двадцати желтокожих, одетых в пурпур. Как только он повернулся, они с враждебными криками бросились на него, размахивая оружием. Конан не сделал ни малейшей попытки успокоить их и договориться добром. Внезапное нападение на подружку вывело его из себя, и варвар предстал во всей своей первозданной красе.

Он прыжком бросился вперед, кровожадно рыча в радостном предчувствии боя. Короткий меч первого из нападавших оказался бесполезен против длинного кривого клинка — и мозги ксутальца оказались на полу еще прежде, чем уже мертвое тело утратило равновесие и свалилось. Крутанувшись, как дерущийся кот, Конан поймал лезвием чью-то руку, и кисть улетела прочь вместе с мечом, рассыпая в воздухе веер алых дробящихся капель. А Конан продолжал двигаться — стремительно и непрерывно; мощный рывок вынес его из-под ног сразу у двоих нападающих, а поскольку атаковали они с разных сторон, промахнувшийся меч одного глубоко застрял в груди у другого.

Желтокожие разразились криками разочарования и испуга, и Конан позволил себе ответить коротким и очень нехорошим смешком, уворачиваясь от косого удара и снизу вверх поражая очередного противника. Кровавый шлейф протянулся в воздухе за его летящим клинком — и житель Ксутала с воплем упал на колени, пытаясь руками зажать рассеченные мышцы на животе.

Теперь нападающие завывали, точно взбешенные волки. Жизнь не приучила их к битвам. Они были смехотворно медлительными и неуклюжими по сравнению с этим двуногим тигром, за которым не успевал уследить глаз. Конан двигался так, как способен двигаться только обладатель стальных мышц и разума прирожденного воина. Его противники путались в собственных ногах и натыкались один на другого, их мечи опускались то слишком рано, то слишком поздно — и рассекали пустой воздух. Конан же танцевал и отскакивал, вертелся, изгибался и нападал, почти не давая прикоснуться к себе. Он ни единого мгновения не оставался на месте, лишь изогнутый клинок выпевал смертные песни врагам...

Но надо сказать, что при всей своей неумелости воинам Ксутала мужества было не занимать. Они лезли и лезли, размахивая мечами, и сквозь анфилады покоев на помощь первой двадцатке спешило новое пополнение. Должно быть, шум и гам схватки побеспокоили сновидцев, разогнав лотосовый дурман.

Конан, у которого уже кровоточил порез на виске, круговым взмахом отогнал от себя нападавших, выгадывая мгновение, чтобы оглядеться по сторонам. От бесчисленных противников пора было спасаться, но вот куда?.. И тут на глаза киммерийцу попалась стенная занавесь: сбитая на сторону, она являла взгляду узкую лестницу. Наверху стоял мужчина в богатом наряде и сонно озирался кругом. Было видно, встать-то он встал, но толком еще не проснулся и не очень понимал, что творится вокруг.

Конан действовал молниеносно. Тигриный прыжок вынес его за пределы круга сдвинувшихся врагов едва ли не через их головы, и он рванул к лестнице, опережая медлительную погоню. У подножия мраморных ступеней его встретили трое желтокожих одновременно. Киммериец пошел напролом, и его клинок с лязгом обрушился на все три вскинутых навстречу меча. Они скульптурной группой замерли на одно-единственное мгновение, когда сила ломила силу; потом трое полетели в разные стороны, а Конан помчался вверх по ступенькам. Подоспевшая погоня не сразу перебралась через три тела, корчившиеся у порога. Одно лежало лицом вниз в жуткой мешанине крови и вылетевших мозгов; второе силилось приподняться, но жизнь вытекала из него вместе с черной кровью, хлеставшей из порванных шейных жил. Третий желтокожий скулил, точно умирающий пес, и сжимал багровый обрубок, недавно бывший рукой...

Конан взлетел по лестнице, прыгая через ступеньки. К тому времени стоявший наверху стряхнул с себя сонное оцепенение и достал меч, морозно сверкнувший в радиевом свете. Человек ткнул клинком в подбегавшего снизу варвара, метя в горло. Конан нырнул под его выпад, меч тронул кожу у него на спине, но, выпрямляясь, варвар ударил саблей снизу вверх, как мясник бьет на бойне тесаком.

Удар, за которым стояла вся мощь тела, разогнанного яростным бегом, оказался таков, что меч ушел в тело по рукоять, но Конана это не особенно задержало. Не останавливаясь, он отшвырнул обмякшего ксутальца, и тот покатился вниз по ступеням, располосованный от паха до самой грудины. Обматываясь собственными кишками, мертвец влетел под ноги желтокожим, гнавшимся за Конаном, и унес их с собой обратно вниз...

Сила столкновения отбросила Конана к стене и едва не оглушила. Все же он устоял — и, отряхнув кровь с клинка, бросился дальше наверх.

Когда наконец он достиг верхнего помещения, там никого не было. Зато крики, доносившиеся снизу, достигли предела ужаса и мстительного гнева, и Конан сообразил, что убитый им ксуталец в богатой одежде был, верно, человек с положением. Вельможа, если не сам король!

Конан не знал, куда ему двигаться дальше, и поэтому бежал просто вперед. Он всей душой желал отыскать и вызволить Наталу, которой, как он отлично понимал, сейчас как никогда требовалось его заступничество. Но если за тобой гонится целый город, поневоле остается только удирать — и уповать на удачу. Может, в самом деле еще удастся не только шкуру свою спасти, но и девушку выручить...

В анфиладах скудно освещенных чертогов верхнего этажа Конан быстро потерял всякое чувство направления... И не мудрено, что в какой-то момент он и его недруги одновременно вбежали с разных сторон в один и тот же покой.

Они разразились боевыми криками и бросились на него всей оравой, и Конан, зарычав от отвращения, вынужден был развернуться и бежать назад тем же путем. Вскоре, пересекая особенно тщательно отделанный покой, он понял, что допустил ошибку. Остальные комнаты, попадавшиеся ему на верхнем этаже, были пусты. В этой обнаружился жилец, с криком поднявшийся навстречу.

Перед Конаном была желтокожая женщина, облаченная в одни украшения, пускай и многочисленные, но отнюдь не скрывавшие наготы. Она смотрела на него, испуганно тараща глаза. Пока Конан соображал, что же ему с ней делать, женщина подняла руку и дернула шелковый шнур, змеившийся по стене.

В тот же миг пол под ногами киммерийца беззвучно разверзся... И даже мгновенная реакция варвара не спасла его от полета вниз, сквозь кромешную темноту.

Лететь оказалось не слишком далеко, и все-таки удар о каменный пол точно переломал бы кости более слабому человеку, не состоявшему, как Конан, сплошь из стальных пружин и кованой плоти.

Он упал, точно кот, на ноги и на левую руку; правая так и не выпустила рукояти меча. Варвар вскочил, как вскакивает разъяренная рысь, готовая к бою. Знакомый голос, звавший на помощь, уже отдавался у него в ушах. Конан мотнул головой, отбрасывая упавшие на глаза волосы,— и увидел нагую фигурку

Наталы, бьющуюся в похотливой хватке какой-то черной гадости, явно родившейся в самой отвратительной норе преисподней.

Если бы киммериец столкнулся с этим ужасом один на один, не исключено, что он бы тут же свалился замертво, парализованный страхом. Но поганое порождение темноты осмелилось гнусно лапать и терзать его девушку — и в душе Конана взвилась раскаленная волна убийственной ярости. Никакому страху больше не было места. Клинок тускло блеснул в красноватом сиянии камня — Конан подскочил к монстру и ударил что было сил.

Бесформенная тень выпустила Наталу, разворачиваясь навстречу неожиданному нападению. Вновь свистнул, рассекая воздух, меч взбешенного киммерийца. Он рассек темную тушу и врезался в пол, высекая синеватые искры. Удар не встретил сопротивления, на которое рассчитывал Конан, и потерявшего равновесие варвара бросило на колени. Вскочить он не успел. Чудовище насело на него и крепко схватило.

Ему показалось, что над ним громоздилось тяжелое черное облако. Нечто почти жидкое обтекало его, пытаясь спеленать, смять, поглотить. Конан яростно полосовал его саблей, левая рука безостановочно орудовала кинжалом. Во все стороны хлестало нечто вроде липкого студня — не иначе, это была кровь. Однако слабеть чудовище не собиралось, и ярость его не знала границ.

Конан понятия не имел, куда приходились его удары, удалось ли ему отрубить монстру какую-нибудь конечность, или его оружие рассекало непостижимую плоть, сразу смыкавшуюся позади клинка... Его самого швыряло туда и сюда, он перестал понимать, где верх, где низ, временами ему начинало казаться, будто на него нападало не одно существо, а целое смертоносное множество. Чудовище кусало его, царапало, душило и колотило — и все это одновременно. Когти и клыки рвали его тело, студенистые щупальца железными кольцами стягивали руки, а по спине, груди и плечам — и это было хуже всего — гулял кнут, сплетенный из живых скорпионов. Он рвал кожу и наполнял кровь немыслимо ядовитым огнем...

Они давно выкатились из освещенного круга, так что драться приходилось в кромешной тьме. В пылу отчаянной схватки киммериец даже по-звериному запустил зубы в тело врага — и чуть не умер от омерзения. Челюсти у Конана были железные; так вот, в зубах у него извивалась, корчилась, выворачивалась на свободу какая-то живая гадина...

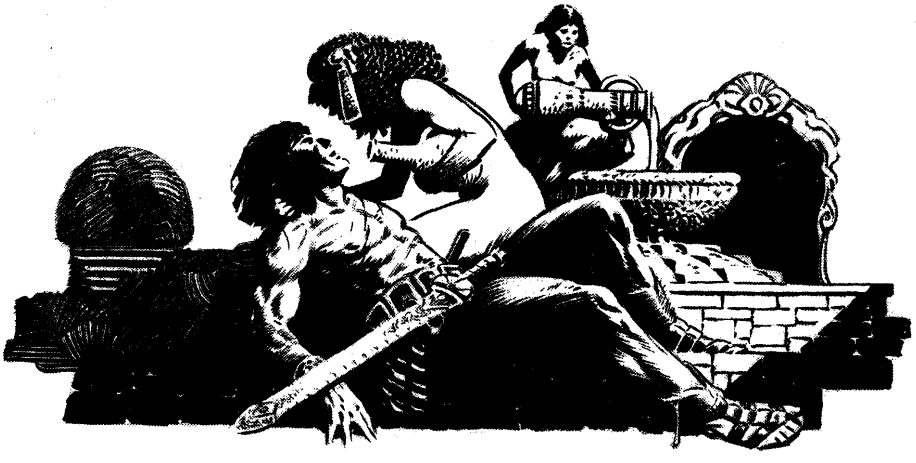
Спаянные смертельным объятием, они перекатывались друг через дружку, все глубже забираясь в туннель. Рассудок Конана мутился от усилия и нечеловеческой боли, дыхание с хрипом вырывалось сквозь зубы. Вот он различил высоко над собой жабью харю, тускло подсвеченную собственным колдовским светом... Издав рык, в котором мучительный стон смешался с черным ругательством, а сиплый вздох с боевым кличем, киммериец рванулся вверх, вложив все остатки сил в этот бросок. Его меч по рукоять погрузился в дряблое тело чуть ниже пасти... И по необъятной туше чудовища волной прокатилась судорога.

Пульсируя и сжимаясь, монстр устремился в глубину коридора. Он дергался и спешил, точно спасаясь от смерти. Конан висел на нем клещом — избитый, истерзанный, непобедимый. Он не мог высвободить саблю, а выпускать не хо-

тел. И полосовал, полосовал демона кинжалом, зажатым в левой руке, распуская чудовище буквально на ленты...

Теперь его противник светился уже весь: видно, чем туже приходилось этому порождению мрака, тем больше света оно испускало. Конана уже начинало слепить это неестественное свечение, когда шевелящаяся туша вдруг провалилась куда-то вниз и исчезла, оставив Конану лишь саблю, зажатую в судорожно стиснутой руке. Киммериец обнаружил, что лежит на каменных плитах, а его правая рука и плечо нависают над пустотой. И там, уже далеко внизу, уносится в непроглядную бездну светящийся метеор...

Постепенно Конан осознал, что его угораздило отцепиться от монстра на самом краю обширного круглого колодца. Каменный обод покрывала скользкая слизь. Некоторое время киммериец лежал неподвижно, глядя, как в чудовищной глубине уносится прочь крохотная яркая точка... И наконец пропадает, канув во что-то темное и блестящее,— Конану даже показалось, будто поверхность устремилась вверх, навстречу падающему телу. Еще мгновение в темных пучинах тлел колдовской огонек, потом не стало и его. Перед глазами Конана была лишь тьма и беспредельная пустота, не нарушаемая ни движением, ни звуком.

IV

Шелковые путы безбожно резали Натале запястья, но высвободиться она не могла, как ни пыталась. Тщетно сражаясь с узлами, девушка все вглядывалась в кромешную темноту коридора. Там исчез Конан, схлестнувшийся в неравной схватке с демоном, державшим в страхе Ксутал. Какое-то время бритунийка еще слышала прерывистое дыхание и глухой рык могучего варвара, шум тяжеловесной возни и характерные звуки распарываемой страшными ударами плоти... Потом все стихло. Бедная Натала то в полузабытьи повисала на проклятой веревке, то приподнималась, напряженно ожидая — неизвестно чего.

Шорох неверных, но определенно человеческих шагов пробудил ее к жизни. Из темноты к ней плелся Конан, и вид у варвара был такой, что визг Натали эхом раскатился по коридору — на миг ей показалось, будто там, в отблесках света, переставлял непослушные ноги оживший мертвец. На Конана в самом деле страшно было смотреть. Он шел мокрый от собственной крови, и с каждым шагом на полу оставались липкие капли. На лице лопнула кожа, глаза заплыли — киммерийца ни дать ни взять охаживали дубиной. Губы безобразно распухли, из-под слипшихся волос текла кровь. На руках и ногах зияли глубокие резаные раны, повсюду наливались синяки от ударов о камни. А его грудь, плечи, спина!.. Вот где, без всякого преувеличения, живого места не было. Кожа свисала кровавыми шмотками, как если бы киммерийца исхлестали проволочным хлыстом...

— Конан!..— расплакалась Натала.— Что он сделал с тобой?..

У него не было сил для ответа, но разбитые губы шевельнулись в подобии угрюмой улыбки. Волосатая грудь тяжело вздымалась и блестела от крови и пота. Конан медленно, с явным усилием, дотянулся и разрезал веревки, державшие бритунийку. Потом привалился к стене и некоторое время отдыхал, широко расставив подрагивавшие колени... Натала, свалившаяся на пол, подбежала к нему, обняла своего благодетеля и разрыдалась.

— Конан, Конан, ты же изранен весь...— всхлипывала она.— Что нам с тобой теперь делать?

— Ну,— просипел он,— когда берешься драться с демоном, выскочившим из ада, нечего ждать, что прическа целой останется...

— А где... оно? — пошептала Натала.— Ты его убил?..

— Не знаю,— ответил Конан.— Оно провалилось в какую-то дыру. Я к тому времени из него лапшу сделал, но можно ли эту тварь убить оружием смертных — откуда ж я знаю...

— Твоя спина...— ужасалась Натала.

— Оно меня щупальцами хлестало,— сказал Конан. Попробовал сдвинуться с места, и у него вырвалось невольное ругательство.— Резало, словно кнутом железным, и жгло, точно ядом... А стискивало так, что я чуть не задохся. Куда там питону... У меня аж все кишки в животе перепутались...

— А что мы делать-то будем? — всхлипнула девушка.

Он кое-как приподнял голову. Люк, через который он провалился сюда, был закрыт, и сверху не доносилось ни звука.

— Сквозь потайную дверь нам тоже не выйти,— принялся рассуждать Конан.— В той комнате полно мертвецов, да и стража наверняка караулит... Может, они решили, что мне конец пришел, а может, просто не отваживаются сунуться следом в туннель... Слушай, Натала, выколупай-ка этот камешек из стены!.. Пока я ощупью добирался сюда, мне попадались проемы, а за ними — еще какие-то коридоры... Надо посмотреть, куда они ведут. Может, там опять колодцы с чудовищами, а может, и выход на волю... Не здесь же нам теперь оставаться!

Натала быстро справилась с камнем, и Конан двинулся вперед, держа крохотный источник света в левой руке, а в правой по-прежнему сжимая рукоять окровавленной сабли. Киммериец шел медленно и с явным трудом, лишь звериная выносливость помогала ему удерживаться на ногах. Он не жаловался, но

Натала видела муку в его глазах и то, как время от времени он непроизвольно облизывал губы. Что она могла для него сделать?..

И вот слабый свет камня обрисовал перед ними темную арку. Конан без раздумий шагнул под гулкие своды. Натала семенила следом за ним, заранее ужасаясь. Однако впереди всего лишь распахнулся новый коридор, как две капли воды похожий на первый.

Она понятия не имела, долго ли длился их путь в сумраке подземелья, но потом впереди показалась длинная лестница. Одолев ее, они увидели каменную дверь, запертую золотым засовом.

Натала помедлила, оглядываясь на Конана. Варвар шатался, из последних сил удерживаясь на ногах, огонек в его руке колебался, заставляя странные тени метаться по потолку и стенам.

— Открывай, девочка,— пробормотал он хрипло.— Люди Ксутала ждут нас, и я не намерен их разочаровать... Клянусь Кромом, этот город еще не приносил таких жертв, какую я им устрою!

Бритунийка понимала, что он был уже не в себе. Она прислушалась... За дверью царила тишина. Натала забрала у Конана светящийся камень, отодвинула засов и осторожно приоткрыла дверь, легко сдвинувшуюся вовнутрь. Сердце готово было выскочить из груди...

Сквозь щелку ее глазам предстала комната, сплошь обтянутая золотой парчой. Посередине звенел струями маленький серебристый фонтан.

Ладонь Конана тяжело опустилась на ее нагое плечо.

— Прочь, девочка,— пробормотал он.— Сейчас тут будет жарко...

— Здесь никого нет, Конан,— ответила она.— Только вода журчит.

— Слышу.— Киммериец облизал почерневшие губы.— Хоть напиться напоследок...

Сообразив, что зрение ему изменило, Натала взяла ослепшего гиганта за руку и повела за собой. Она шла на цыпочках, так и трепеща при мысли о желтокожих, которые должны были вот-вот броситься на них со всех сторон.

— Пей, я постерегу...— прохрипел Конан.

— Нет, нет, я не хочу,— отказалась она.— Приляг лучше вот здесь, я тебе хоть раны промою...

— Воины... где воины Ксутала? — бормотал Конан. Он все тер рукой глаза, силясь проморгаться, но ничего не получалось.

— Здесь никого нет,— повторила Натала.— Все тихо.

Осев на пол возле фонтанчика, Конан нащупал источник, погрузил лицо в прохладные прозрачные струи и принялся пить. Он глотал и глотал, не в силах остановиться... Когда же он наконец поднял голову, Натала увидела, как блеснули его налитые кровью глаза, и с облегчением поняла, что рассудок варвара, отуманенный ядом, несколько прояснился. Кряхтя сквозь зубы, он уступил уговорам девушки и распростерся на мраморном полу, отдаваясь во власть ее заботливых рук. Натала принялась обмывать истерзанное тело и перевязывать раны полосками ткани, оторванными от ближайшей шелковой занавеси. На всякий случай Конан так и держал в кулаке саблю, прислушиваясь, не зашуршит ли что под одной из бесчисленных арок. Натала тем временем добралась до его спины и в очередной раз расплакалась от ужаса и жалости. Кожа здесь оказалась боль-

шей частью содрана до живого мяса, а уцелевшие клочья — местами обесцвечены, местами же, наоборот, испещрены черными и тошнотворно-желтыми пятнами. Накладывая очередную повязку, Натала судорожно соображала, как же им теперь следовало поступить. Если они попробуют отлежаться (в чем Конан определенно нуждался), рано или поздно их непременно найдут. Быть может, их разыскивали по всему дворцу даже прямо сейчас. Что делали в этот момент люди Ксутала — бегали с оружием или снова залегли в свою дурманную спячку,— почем знать?

Завязывая последний узелок, она покосилась в сторону располосованной занавеси... и замерла. Из-под шелкового полотнища виднелась полоска желтокожего человеческого тела.

Ничего не говоря Конану, Натала поднялась на ноги и тихо перебежала на тот конец чертога, нащупывая у пояса кинжал, которым на всякий случай вооружилась... Осторожно отодвинув занавеску, она увидела спальное возвышение и раскинувшуюся на нем юную женщину. Нагое тело казалось совершенно безжизненным. А под рукой у сновидицы стоял нефритовый кувшин, наполненный прозрачной золотой влагой. «Эликсир, о котором говорила Талис! — смекнула бритунийка.— Вещество, в котором черпают силу ксутальские вырожденцы!»

Держа кинжал наготове, она осторожно перегнулась через спящую и завладела кувшином... Девушка даже не пошевелилась во сне.

Натала помедлила возле нее еще несколько мгновений. Умом она понимала, что всего безопаснее было бы навсегда лишить спящую возможности открыть глаза и поднять тревогу... Однако заставить себя всадить острый кинжал в беззащитное тело бритунийка так и не смогла. Задернув за собой занавеску, она вернулась к Конану. Израненный богатырь лежал на прежнем месте, его сознание то чуть прояснялось, то снова тускнело.

Натала приподняла ему голову и поднесла край кувшина к его губам. Конан принялся пить, сначала безучастно, потом — с внезапно пробудившимся интересом. К немалому изумлению Наталы, спустя несколько мгновений он даже приподнялся, сел и забрал кувшин у нее из рук. Когда же он наконец оторвался от чудесного бальзама, Натала увидела, что нехорошо заострившиеся черты его лица снова стали нормальными, синие глаза обрели былой блеск, а когда он заговорил, то заговорил в своей обычной манере. Бред улетучился, Конан-варвар снова стал прежним.

— Кром! — выругался он восхищенно.— Где ты раздобыла эту благодать?

Она указала рукой.

— Там, в алькове, спит желтая девушка...

Конан снова присосался к жизнетворному эликсиру.

— Кром,— повторил он затем с глубоким вздохом удовлетворения.— По моим жилам так и мчится огонь, ко мне возвращаются силы... Должно быть, это и есть живая вода, способная отогнать смерть!

Он поднялся и подобрал саблю. Он уверенно стоял на ногах и опять был готов ко всему.

— Может, лучше нам вернуться в тайный туннель? — пугливо предположила Натала.— Здесь нас вот-вот кто-нибудь обнаружит, а там можно прятаться, пока твои раны не заживут...

— Ну уж нет,— проворчал киммериец.— Мы не крысы, чтобы побираться по темным подвалам! Мы уходим из этого проклятого города, и горе тому, кто вздумает нам мешать!

— Но твои раны...— заплакала британийка.

Он повел плечами и ответил:

— Я совсем их не чувствую. Может, это бальзам мне голову вскружил, но, клянусь,— ни боли, ни слабости!

И, явив неожиданную целеустремленность, Конан пересек комнату, направляясь к не замеченному Наталой окошку. Девушка поспешила следом и тоже выглянула наружу. Свежий ветер зашевелил ее спутанные волосы. Там, за окном, был глубокий бархат ночного неба, на котором ярко горели созвездия. А внизу расстилалась беспредельность пустынных песков.

— Талис говорила что-то насчет того, что весь город выстроен как единый большой дворец,— проговорил Конан.— И похоже, кое-какие чертоги возвышаются над стенами наподобие башен. Нам повезло: этот как раз из таких.

— Это ты к чему? — удивилась девушка. Высота пугала ее.

— Там на столике из слоновой кости стоит хрустальный кувшин,— сказал Конан.— Наполни-ка его водичкой и обвяжи горлышко полоской материи. А я пока занавеску эту порву...

Британийка повиновалась без разговоров. Вернувшись с кувшином, она увидела, как киммериец связывает вместе полосы прочной шелковой ткани, готовя нечто вроде веревки. Один ее конец он уже захлестнул за толстую ножку тяжелого стола.

— Пора в пустыню,— сказал он.— Думаю, там нам повезет больше, чем здесь! Талис упоминала об оазисе к югу отсюда, на расстоянии в один дневной переход. А за ним, еще в дне пути, вроде бы начинаются зеленые земли. Если удастся дойти до оазиса и окажется, что он еще не пересох, там и отдохнем, пока у меня не затянутся раны. Эх, доброе вино, здорово оно меня выручило!.. Только что пластом лежал, как рваная тряпка, а выпил — и опять к бою готов!.. Смотри, тут еще кусочек шелка остался, тебе хоть срам прикрыть...

Натала только тут и вспомнила о своей наготе. Собственно срам, о котором говорил Конан, был делом десятым, но вот то, что нежную белую кожу незачем было выставлять на обжигающее солнце пустыни, она понимала со всей определенностью. Пока она куталась в шелковое полотнище, Конан подошел к окну и с презрительной легкостью выдрал из гнезд податливые золотые прутья, которыми оно было забрано. Потом обвязал подругу по талии свободным концом импровизированной веревки, строго велел покрепче держаться — и перенес девушку через подоконник, чтобы осторожно спустить с тридцатифутовой высоты. Потом подтянул веревку обратно и передал Натале сосуды с водой и драгоценным вином. И наконец спустился сам, перебирая руками.

Только когда он присоединился к ней, Натала позволила себе глубокий вздох облегчения. Они в полном одиночестве стояли у подножия высокой стены, и звезды постепенно бледнели над их головами, а впереди простирался голый песок. И какие бы неведомые напасти ни таились там, впереди, сердце девушки так и пело от радости. Они все-таки выбрались из Ксутала. Жуткий призрачный город не смог их погубить.

— Веревку они, может, и найдут...— проворчал Конан, вешая кувшины через плечо и невольно вздрагивая от боли.— Чего доброго, надумают устроить погоню... Хотя, если стигийка нам не наврала, далеко они за стены не выйдут... Юг у нас там.— Мускулистая бронзовая рука указала, где именно.— Значит, примерно там и оазис. Вперед!

Он с непривычной заботливостью сжал ладошку подруги и зашагал, приноравливаясь к ее более коротким шажкам. И — не оборачиваясь на предававшийся сновидениям город.

— Конан...— подала голос Натала.— Когда ты дрался с чудовищем... И потом, пока возвращался по коридору... Ты там не заметил никаких следов Талис?

Он покачал головой и ответил:

— Вообще-то было темно... Но если бы там что-то лежало, я бы это нашел.

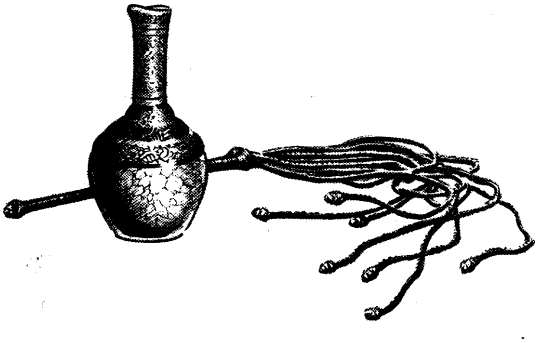
Натала невольно содрогнулась.

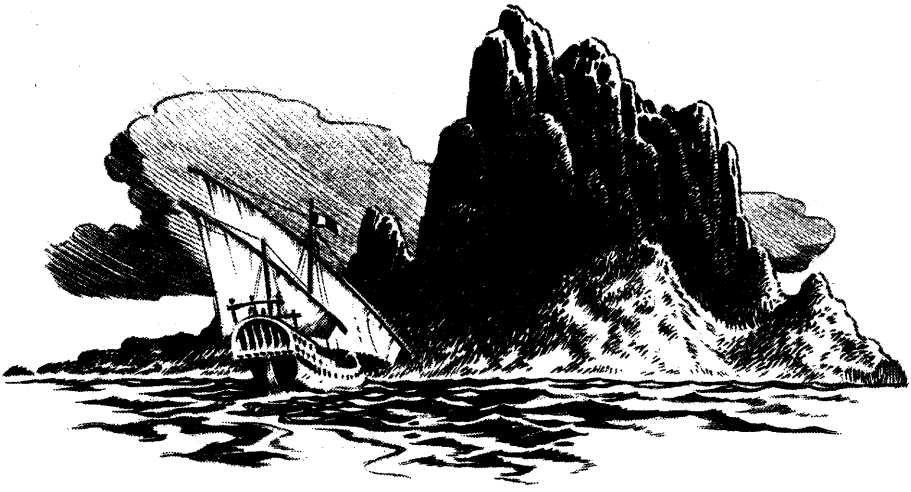
— Она пытала меня,— проговорила девушка.— И все равно мне ее жалко.

— Гостеприимный городишко, что говорить,— буркнул Конан. И добавил с характерным для него юмором: — Утешает только одно — они наше посещение надолго запомнят. То-то они попотеют, отчищая с мраморных плит кровь и мозги! А если их божок таки не сдох, ему всяко пришлось хуже, чем мне... Мы с тобой вообще легким испугом отделались, вот что я тебе скажу! Еще и запаслись вином и водой, может, действительно доберемся до какой-нибудь приличной страны... Остальное все чепуха.

— Между прочим, это ты во всем виноват,— перебила Натала.— Нечего было пялить глаза на каждую смазливую стерву!

— Кром! — ругнулся киммериец.— У вас одна ревность на уме. Кругом хоть весь мир синим пламенем гори, а вы все равно будете цапаться! Я что, уговаривал эту стигийку влюбляться в меня?.. В конце концов, она тоже человеком была!..

КОЛОДЕЦ ЧЕРНЫХ ДЕМОНОВ

Тайны манят людей от рожденья Земли,
Потому на мистический Запад
Сквозь туманы и бури бегут корабли,
Как голодные волки на запах.
Так плыви же и ты через рифы и льды,
Коль сильны в тебе алчность и смелость,
Коль сумел ты прочесть на страницах седых
Письмена, что вычерчивал Скелос.

I

Тонкие губы кордавской красавицы полураскрылись в зевке, вытянулись длинные изящные ноги. Санча устраивалась поудобнее на шали с горностаевой оторочкой, расстеленной на юте каракки — сплошь позолоченное эбеновое дерево и узорчатые кхитайские шелка с золотой бахромой.

Санча уже давно пребывала в блаженной праздности. Она вполне отдавала себе отчет, что вся команда каракки, от бушприта до рулевого весла, не сводит с единственной девушки на борту судна налитых багровым вожделением глаз; точно так же она вполне отдавала себе отчет, что от этих похотливых взоров тут нигде не спрячешься, они прямо-таки прожигают ее недлинное шелковое платье, стремясь добраться до восхитительно нежной кожи и потрясающе плавных линий роскошного женского тела.

Ну да и пусть смотрят! Девушка с пренебрежительной, дерзкой улыбкой повела глазами в ответ — мол, вас, морских бродяг, не переделать,— и грустно вздох-

© Перевод Г. Корчагина.

нула: золотой солнечный круг уже высоко поднялся над линией горизонта, припекает все сильнее, и скоро придется уйти в тень.

Звуки, не похожие ни на скрип такелажа и рангоутного дерева, ни на плеск волн о борта, достигли ее ушей в следующее мгновение. Санча поднялась на ноги и устремила недоуменный взор на фальшборт — через него перебрался мокрый до нитки человек, с его одежды на палубу ручьями стекала морская вода. Снова полураскрылись прелестные коралловые губки, но на этот раз не в зевке, а в возгласе изумления; а заодно с ними распахнулись миндалевидные черные очи. Он был совершенно незнаком ей, этот мужчина, столь бесцеремонно нарушивший ее покой. Водяные струйки сбегали по косой сажени его плеч и могучим рукам прирожденного бойца. Из одежды на нем были только шаровары из красного шелка и широченный златотканый кушак. На кушаке висел меч в ножнах, и с ножен тоже капало.

Незнакомец, стоявший у фальшборта, в утренних лучах светила напоминал статую из бронзы. Он выжал пальцами морскую воду из спутанной черной гривы, а в следующий миг его синие глаза вспыхнули алчным интересом, заметив девушку.

Этот дерзкий, оценивающий взгляд возмутил Санчу еще больше, чем само появление незваного гостя на борту ее каракки.

— Кто ты? — вскинула подбородок кордавская красавица.— Откуда взялся?

Небрежным взмахом руки он указал вдаль, на добрый румб правее бушприта. При этом его глаза не отрывались от точеной девичьей фигурки.

— Хочешь сказать, ты обитатель вод? Живешь в пучине? — язвительно спросила девушка.

В глазах пришельца зажглось откровенное восхищение, что смутило Санчу, хоть она и была привычна к восторженным взглядам мужчин.

Ответить он не успел. Раздался топот бегущих ног, и на юте появился хозяин каракки. Его правая рука сжимала рукоять тяжелой абордажной сабли, а колючие черные глаза из-под кустистых бровей сверлили чужака.

— Кто такой? — прозвучал голос, в котором не было и тени миролюбия.— Что за демоны принесли тебя на мое судно?

— Меня зовут Конан,— ответил, даже бровью не поведя, пришелец.

У него был странный акцент, совершенно не похожий на зингарский. Это заинтересовало Санчу.

— Я спрашиваю, как ты оказался на моей каракке? — с подозрением допытывался капитан.

— Вплавь.

— Вплавь? — Ответ привел шкипера в бешенство.— Ах ты, наглый пес! Да ты надо мной смеешься! Оглянись! Где-нибудь видишь берег? До материка не один день пути под всеми парусами, да при хорошем ветре! А вплавь этот путь способен одолеть разве что морской бог! За глупца меня принял? А ну, отвечай и не вздумай снова солгать!

Конан вновь указал сильной, покрытой бронзовым загаром рукой на восток, навстречу золотистым лучам восходящего светила.

— Я с островов.

— С островов?

Негодование на лице владельца каракки внезапно сменилось любопытством. Затем сдвинулись кустистые черные брови, нехорошо заблестели колючие глаза, тонкие губы изогнулись в недоброй ухмылке.

— Так ты, выходит, пират, из этих барахских мерзавцев!

Конан легкой ухмылкой подтвердил правильность его догадки.

— Ну а ты хоть догадываешься, барахская свинья, с кем тебя свела твоя кривая дорожка?

— Это судно — «Головорез», значит, ты, должно быть, Запораво.

Владелец каракки ухмыльнулся и кивнул. Ему явно польстило, что Конан знает его имя. Запораво тоже был очень рослым, почти с Конана, но не так широкоплеч и крепко сбит. Он почти никогда не расставался с доспехами; лицо в обрамлении стального шлема было смуглым и всегда мрачным, крючковатый нос придавал ему сходство с хищной птицей, и поэтому Запораво носил кличку Ястреб. Его рука ни на мгновение не отрывалась от рукояти шпаги, такой же дорогой, богато изукрашенной, как и его костюм, говоривший о принадлежности владельца к зингарской знати.

Согревая ладонью эфес, он продолжал буравить взглядом незваного гостя. В этом взоре была неприязнь на грани ненависти: зингарские авантюристы, промышлявшие морским разбоем, плохо ладили со своими собратьями по ремеслу, которые селились на Барахских островах юго-западнее Зингары. В населении Барахских островов преобладали аргосские мореплаватели, число представителей других народов было совсем незначительным. Добела вылизанные водой скалы, которые представляли собой Барахские острова, не могли прокормить многочисленное корсарское братство, но с этой ролью вполне справлялись торговые суда на оживленных морских путях, а также богатые города на побережье Зингары. Зингарские лиходеи кормились на той же ниве, но они категорически отказывались называть себя пиратами, горделиво именуясь «вольными мореходами», а свои грешки норовили свалить на барахский люд. Так уж повелось, наверное, еще со дня сотворения мира — громче всех «Держи вора!» кричит сам вор.

Примерно такие мысли промелькнули в голове Запораво, когда он, лаская рукоять шпаги, ощупывал подозрительным взглядом пришельца. А о чем размышлял Конан, по его лицу угадать было невозможно.

Сложив руки на груди, он стоял на юте каракки с такой же безмятежностью, с какой бы стоял на палубе собственного судна. С его губ не сходила высокомерная улыбка, и ни малейшего беспокойства не было в синих очах.

— А тут тебе что понадобилось? — проворчал вольный мореход.

— Я вынужден был покинуть Тартаж вчера перед восходом луны,— отвечал Конан.— Пришлось плыть в утлой лодчонке. Ночь напролет я орудовал веслами да вдобавок вычерпывал воду из дырявого корыта. А когда рассвело, я заметил твои паруса и рассудил, что вплавь доберусь быстрее, чем на проклятой посудине.

— Ты здорово рисковал — эти воды кишат акулами,— проворчал шкипер, но Конан только пожал в ответ широкими плечами.

Снизу на возвышение юта, где происходил этот разговор, глядело множество глаз. Глядело с любопытством и настороженностью. Хватило бы одного слова

Запораво, чтобы вся команда обнажила абордажные сабли, ринулась наверх и, как ураган, смела незнакомца, хоть он и выглядел сильным и опытным бойцом.

— У меня торговое судно, а не ночлежка для всяких безвестных бродяг, которых носит по волнам,— угрюмо молвил шкипер.— С чего ты взял, что я не прикажу сейчас же бросить тебя обратно в море?

— На торговом судне всегда найдется работа для пары опытных рук,— логично возразил Конан, даже не подумавший рассердиться.

Запораво вновь насупился, но вскоре решил, что незнакомец прав. Это решение сгубило старого морского волка, и он потерял все: команду, женщину, жизнь. Но, разумеется, предвидеть будущее он не мог. Ему не нравился дерзкий чужак, как он выразился, «безвестный бродяга, которого носит по волнам», волею судьбы оказавшийся на борту его судна. Но ведь он не причинил никакого зла капитану. Разве что вел себя слишком уж непринужденно и самоуверенно, без того раболепства, которое, на взгляд Запораво, должен был бы проявить в такой ситуации любой человек, не желающий снова очутиться среди акул.

— За работу будешь получать кормежку, а о денежном жалованье даже не мечтай,— заявил Ястреб.— Сейчас топай вниз и всегда помни: на этом борту один закон — моя воля.

Крепко сжатые губы барахского пирата растянулись в ухмылке. Он без промедления, но и без суетливости повернулся и сошел по трапу на нижнюю палубу. Санчу, которая, вся обратившись в слух, не упустила ни единого слова из этого краткого диалога, он больше не удостоил взглядом.

Как только его нога коснулась настила нижней палубы, вокруг него столпился весь экипаж. Он целиком состоял из обнаженных до пояса зингарцев. Пестрые шелковые шаровары на них были в пятнах корабельной смолы, на мочках ушей, на рукоятях абордажных сабель и кинжалов блистали самоцветы. На борту появился новенький — так на то есть старинный обряд приема в члены экипажа, и сорвиголовы предвкушали удовольствие. Чужаку предстоит пройти испытание, которое и определит его будущее положение среди матросов.

Запораво, стоявший на возвышении юта, очевидно, уже успел забыть о существовании Конана, однако Санча по-прежнему со жгучим любопытством следила за происходящим. Ритуал посвящения она знала, как и то, насколько он суров,— возможно, не обойдется без крови. Однако, хоть и не первый год она знакома с крутыми нравами и обычаями морских разбойников, до опыта киммерийца ей было далеко. Когда его взяли в кольцо люди с явно угрожающими выражениями лиц, он только ухмыльнулся и обвел их безмятежным взглядом. На его лице никакой угрозы не читалось, лишь непоколебимая уверенность в себе.

Да, он был далеко не новичок и знал правила игры, неписаные законы моря. Если бы несколько минут назад он поддался гневу и ударил капитана, весь экипаж волчьей стаей бросился бы на него. Но с капитаном удалось договориться, а значит, наладить отношения с командой будет еще проще. Надо только одолеть в поединке того, кого выставят матросы для «проверки» новичка.

Расталкивая плечами товарищей, вперед прошел избранный для этой задачи человек — кряжистый, жилистый, звероподобный. Точно тюрбаном, его бритая голова была обмотана шелковым кушаком красного цвета. Костистый подбородок выдавался далеко вперед, на физиономии, изборожденной страшными шрамами, казалось, навсегда застыла злобная гримаса. Его взгляд лучился пре-

зрительным вызовом, таким же вызовом веяло от походки враскачку. От природы он был груб, жесток и примитивен; столь же грубым, примитивным и жестоким способом он завязывал ссору.

— Так ты, стало быть, с Барахских островов? — сверкнул он волчьим оскалом.— Но мы-то знаем, там водятся только собаки, а мужчин и в помине нет. Вольные моряки плюют на барахскую сволочь, вот так! — Он плюнул, целясь в лицо чужаку, и схватился за абордажную саблю.

Но пришелец с Барахских островов опередил его. Движение Конана было стремительным, настолько молниеносным, что его никто даже заметить не успел. Кулак северянина, силой и крепостью не уступавший кузнечному молоту, врезался в нижнюю челюсть наглого морехода. Ноги зингарца оторвались от палубы, он пролетел несколько футов и бесформенной грудой остался лежать у фальшборта.

Конан неторопливо повернулся к остальным членам экипажа. В его лице ничего не изменилось, разве что постепенно мерк блеск глаз. Не было больше нужды подогревать в себе ярость — испытание новобранца закончилось так же внезапно, как и началось. Несколько матросов подошли к своему приятелю, подняли. У него безвольно моталась голова, сломанная челюсть отвисла.

— Клянусь Митрой, чужак ему шею сломал! — пробормотал человек с широкой, черной как смоль бородой.

Конан расхохотался:

— У вас, вольные мореходы, больно уж косточки хрупкие. Любой из наших барахских «псов», получив такого тумака, только слегка почешется. Есть ещё желающие сунуться ко мне с сабелькой? Нет таких глупцов? Вот и прекрасно. Значит, мы теперь друзья, да?

Поскольку испытание он выдержал по всем правилам, нашлось несколько человек, уверивших его, что он принят. Две пары загорелых до черноты рук отправили мертвеца за борт, и вскоре в том месте, куда упал труп, добрый десяток акульих плавников разрезал воду. Конан со смехом потянулся, как исполинский кот, всем своим могучим телом и поднял глаза на ют. Санча наблюдала за ним, перегнувшись через планшир ограждения юта, черные глаза блестели от любопытства. Солнце висело как раз за ее спиной, очерчивая гибкую фигурку, пронизывая лучами легкую материю платья. Вдруг на нее упала мрачная тень капитана. На хрупкое плечо девушки тяжело легла мужская ладонь. Этот жест вкупе с угрюмым, полным угрозы взглядом, брошенным Запораво вниз, красноречиво говорил о том, кто хозяин на судне.

Конан ничего не сказал, лишь ухмыльнулся капитану. Но едва ли Запораво способен был разгадать значение ухмылки. Он совершал ошибку, свойственную многим тиранам. Привыкнув жить в гордом уединении, на возвышении юта, этого символа власти на корабле, он считал людей, обитавших на нижней палубе, низшими существами. Ему бы убить Конана, как только тот оказался на его борту, но Запораво, упиваясь своим величием, проворонил шанс. Конан отправился на нижнюю палубу, к своре таких же, как он, презренных псов, и у шкипера не возникало даже мысли, что кого-то из них следует опасаться. Он так долго прожил наверху, он сломал, раздавил, уничтожил стольких врагов, что теперь подсознательно мнил себя божеством, которому не страшны ничьи козни и посягательства.

А Конан и не думал развеивать эти блаженные иллюзии. Он сроднился с экипажем, делил с ним и обильный труд, и скудные развлечения. Вскоре все убедились — он бывалый и умелый моряк. К тому же он был намного сильнее любого из матросов. Работал за троих и на любое тяжелое, опасное дело шел первым. Мало-помалу уважение вольных мореходов к нему росло, его уже считали своим в доску, надежным парнем. Сам он ссор ни с кем не затевал, и его старались не сердить. К тому же людям нравилась его бесшабашность, нравилось, как он в азартной игре не боится поставить на кон свой пояс с ножнами, как, выигрывая деньги и оружие у товарищей, со смехом тут же возвращает обратно. Так ведут себя прирожденные лидеры — и команда вскоре, даже не отдавая себе в этом отчета, стала видеть в нем вожака.

О причинах, заставивших его расстаться с Барахским архипелагом, он умалчивал, но что же такого мог совершить этот человек, чтобы его изгнали островные пираты, знаменитые своей дикостью и необузданностью? Наверное, нечто поистине ужасное.

Как бы то ни было, Конан никогда не задевал Запораво и матросов, был всегда спокоен, не дерзил, попыток выслужиться за ним не замечали. Манерами он сильно отличался от вечно угрюмого, нелюдимого, грубого капитана, и это не укрылось от глаз даже самых слабоумных моряков. Барахский пират любил веселье, над палубой часто гремел его смех, на добром десятке языков он распевал скабрезные песенки, наравне с товарищами хлестал пиво, а о своем будущем, похоже, нисколько не думал. Узнай Запораво, что команда, пусть и неосознанно, сравнивает его с этим чужаком, человеком с нижней палубы, он бы от потрясения и злобы лишился дара речи. Но капитана занимали собственные думы, которые год от года становились все мрачнее. К тому же он находился в плену иллюзий, считая себя избранником небес. Много времени уходило и на девушку, обладание которой доставляло ему наслаждение с горьковатым привкусом. Впрочем, и все другие его радости имели оттенок желчи.

Девушка же все чаще поглядывала на мускулистого великана с густой гривой черных волос, благо выделить его в толпе было несложно. И в работе, и в отдыхе он, подобно горе, возвышался над своими товарищами. Сам Конан никогда не пытался завести с нею разговор, но огонь в его глазах при виде Санчи не поддавался двоякому толкованию. По крайней мере, Санча точно знала, что означает этот огонь, и все чаще задумывалась, надолго ли у нее хватит отваги продолжать рискованную игру. Не так уж давно рассталась она с кордавскими дворцами, но казалось, целая жизнь прошла с того дня, когда Запораво снял ее с охваченной пламенем каравеллы, которую подстерегло его «торговое судно». Изнеженная, избалованная дочь кордавского графа испытала на себе, что значит быть игрушкой в руках пиратского вожака.

Природа наделила ее силой и гибкостью, Санча гнулась, но не ломалась и сумела выжить там, где быстро погибали другие женщины. К тому же она была совсем юная, в ней бурлила жизнь, и в своем новом уделе девушка даже научилась находить мелкие радости. В новой жизни не было уверенности в завтрашнем дне, она походила на сон, она изобиловала потрясениями: битвами, грабежами, кровопролитием, бегством от возмездия. Вдобавок капитан Запораво оказался человеком со странностями, и это делало жизнь экипажа еще более

непредсказуемой, чем у других вольных мореходов. Его очередного поступка не мог предугадать никто.

На сей раз корабль оставил за кормой знакомое побережье и теперь все дальше уходил в неведомые дали, куда обычные мореплаватели старались без крайней нужды не совать носа. Правда, авантюристы, искатели приключений появлялись от сотворения мира, некоторые из них вели свои суда этим курсом, вели, чтобы исчезнуть без следа.

И вот далеко за кормой остались изученные людьми земли. День сменялся днем, а впереди расстилался только бескрайний синий простор, чуть всхолмленный волнами. Казалось бы, что делать пиратам в этой пустыне? Ни городов, которые можно грабить, ни судов, которые можно пустить на дно. Экипаж роптал, правда, пока очень тихо, боясь, как бы крамольные речи не достигли ушей беспощадного капитана. А он, исполненный угрюмого высокомерия, днем и ночью расхаживал по юту, или стоял, склонившись над старинными чертежами, над пожелтевшими от древности картами, или листал рассыпающиеся, источенные червями пергаментные страницы фолиантов. Иногда он разговаривал с Санчей, но девушке его речи казались странными, даже бредовыми. Запораво упоминал о затерянных материках, о мифических градах, что веками дремлют на островках суши среди голубых вод. Он говорил, эти города — осколки великих государств, угасших еще до зарождения человеческой расы; короли этих государств оставили после себя невиданные сокровища, и теперь они хранятся под неусыпным надзором рогатых драконов.

Санча сидела, обвив руками колени, слушала своего мрачного повелителя и не слышала. Да и как было речам пирата проникнуть в ее разум, если там все время звучал раскатистый и первобытный, как морской ветер, смех бронзовокожего исполина?

Много недель, столь же скучных, сколь и утомительных, длилось плавание. Наконец впередсмотрящий углядел на западе землю, а на рассвете следующего дня судно вошло в неглубокую бухту и бросило якорь. По берегу тянулась полоса белого песка, за ней полого уходил кверху горный склон, покрытый высокой густой травой и деревьями. С суши ветерок принес запахи цветов и сочной зелени, и Санча захлопала в ладоши — наконец-то она побывает на берегу. Увы, недолго она радовалась: Запораво велел оставаться на корабле, пока он не пришлет с берега шлюпку. Он никогда не утруждался объяснять свои решения, и ей оставалось лишь догадываться, что им движет,— кроме тех случаев, увы, нередких, когда в его душе просыпался демон и побуждал его истязать девушку без всякого на то повода с ее стороны. Охваченная унынием, Санча устроилась на юте смотреть, как работают веслами матросы, ведя шлюпку к берегу по водной глади, которая блистала в лучах утреннего солнца, как расплавленный нефрит. Вот они высадились на песчаный пляж — настороженные, с оружием на изготовку. От группы отделилось несколько человек и направилось к деревьям — на разведку. Среди них находился Конан. Трудно было бы не узнать эту высокую фигуру, этот бронзовый отлив кожи, эту пружинистую поступь. Некоторые матросы говорили Санче, что он сущий дикарь, киммериец, из диких племен, которые издревле живут на далеких северных холмах и своими набегами наводят ужас на соседей с юга. Девушка и сама чувствовала нечто необычное в этом

человеке, какую-то поразительную, поистине варварскую жизненную силу, отличавшую его от прочих матросов, любого из которых тоже можно было бы смело назвать дикарем.

С берега доносилось эхо голосов. Больше ничто не нарушало тишины, и это придало пиратам уверенности. Высадившаяся группа рассеялась, матросы разбрелись по берегу, некоторые отошли к деревьям в поисках фруктов. Санча видела, как пираты карабкаются на деревья, срывают плоды и бросают их оставшимся внизу товарищам. И ей тоже захотелось попробовать свежих фруктов. Она топнула изящной ножкой и выругалась, как заправский пират. Там, на берегу, люди собрали богатый урожай и уселись пировать, а ей приходится глотать слюнки по прихоти жестокого Запораво, чтоб ему заживо сгореть в преисподней!

Тот, о ком она думала столь нелестно, фруктов не искал и не ел. Услышав от разведчиков, что нигде поблизости не обнаружено признаков человека или диких зверей, он теперь стоял и глядел на длинные гряды покатых, плавно переходящих один в другой холмов. Наконец он отдал своим людям краткий приказ и пошел к деревьям. Какой-то матрос посоветовал ему не уходить в одиночку, но в награду за свою заботливость получил сокрушительный удар в челюсть. Запораво не нуждался в сопровождении. Он собирался выяснить, действительно ли остров — тот самый, о котором говорилось в таинственной Книге Скелоса.

В этой книге было сказано, что на острове обитают неописуемые чудовища, порождения давно забытых мудрецов-магов. Эти чудовища охраняют склепы, где лежат груды золотых изделий, покрытых иероглифами. Мрачный эгоист Запораво был верен себе. Он не собирался делиться этим знанием, будь оно истинным или ложным, ни с кем, а уж тем более со своим экипажем.

С неутолимым интересом Санча наблюдала с юта за происходящим на берегу. Вот она увидела, как исчез среди деревьев Запораво. Чуть позже она заметила, как барахский пират по имени Конан быстро оглянулся на своих товарищей, которые разбрелись по берегу, а затем двинулся в ту же сторону, что и Запораво, и тоже исчез в лесу.

Любопытство девушки разгорелось не на шутку. Когда же они вернутся, эти отчаянные смельчаки? Но они все не возвращались. Моряки знай себе праздно слонялись по берегу, некоторые улеглись в тени и задремали, а некоторые тоже забрели в лес. Время тянулось мучительно. Санча места себе не находила и в волнении расхаживала по юту. Солнце припекало все сильней, даже через холщовый навес. Санча была вынуждена томиться в этом жарком, тихом, сонном узилище, тогда как в считаных ярдах от судна, за полосой голубого мелководья, в прохладной тени леса крылась тайна неведомого острова. Эта тайна манила к себе Санчу, как пение мифической сирены, но еще сильнее ее манила загадка исчезновения Запораво и Конана.

Но она давно успела изучить крутой и неумолимый нрав своего господина и знала, каким будет наказание, если она посмеет ослушаться его. Некоторое время эта мысль удерживала ее на месте. Наконец девушка решила, что стоит рискнуть, даже если потом Запораво отхлещет ее плетью. Больше не колеблясь, она сбросила легкие кожаные сандалии и платье и осталась в чем мать родила. Она перебралась через борт, спустилась по канатам, бесшумно окунулась в воду

и поплыла к берегу. Через считаные мгновения она вышла на берег и вздрогнула — раскаленный песок обжег ступни. Оглядевшись, Санча увидела лишь несколько человек в отдалении — большинство из них спало, уютно расположившись под деревьями. В руках у пиратов лежали золотистые плоды. Было удивительно, что моряков в такой ранний час сморил сон.

Она пересекла пляж и очутилась под пологом леса. Никто ее не окликнул. Оказалось, на покатых склонах лес растет неровными пятнами, между купами деревьев лежат широкие луга. Санча пошла в глубь острова, в ту же сторону, куда удалились Запораво и Конан. Расстелившийся перед ней зеленый ландшафт казался сказочным. Покатые холмы сменяли друг друга, зеленый ковер травы пестрел крапинами рощ. В неглубоких низинах между холмами тоже росла высокая трава. Казалось, ландшафт таял, растворялся; одна картина плавно переходила в другую. Удивительный пейзаж, просторный и вместе с тем будто замкнутый в какие-то неразличимые рамки. И все, словно колдовскими чарами, было окутано дремотным безмолвием.

Неожиданно девушка вышла на вершину столообразного холма, окаймленного высокими деревьями, и волшебная сонная зачарованность вмиг исчезла, стоило Санче увидеть того, кто лежал на истоптанной траве. Девушка отпрянула с криком испуга, но тотчас взяла себя в руки и, дрожа, с широко раскрытыми глазами, крадучись двинулась вперед. Перед ней лежал на траве Запораво, его невидящий взгляд был устремлен в небо. В груди зияла кровавая рана. Рядом с безжизненной рукой лежала шпага.

Было бы несправедливо сказать, будто Санча без всякого трепета смотрела на мертвое тело своего господина. Причин любить его у нее не было, но она испытывала те же чувства, что и любая девушка при виде человека, который лишил ее невинности, а теперь сам лишился жизни. Ей не хотелось плакать, но ее била сильная дрожь, а в жилах заледенела кровь. Девушка с трудом удержалась от истерики. Кто же нанес Ястребу этот роковой удар?

Санча осмотрелась, но не увидела того, кого ожидала увидеть. Ничто не встретилось ее взгляду, кроме кольца лесных великанов с густыми кронами и синеватых склонов за ними. Куда исчез тот, кто отправил к праотцам вольного морехода? Может быть, получил тяжелую рану и уполз умирать? Но тогда остался бы кровавый след, а его не видно.

Не зная, что и предполагать, девушка пошла к деревьям, но внезапно застыла как вкопанная. Зашевелились изумрудные листья — зашевелились, хотя стоял мертвый штиль. Она настороженно приблизилась к деревьям, вглядываясь в листву.

— Конан? — спросила она робко.

В этом безбрежном царстве тишины, от которой вдруг повеяло роковой тревогой, собственный голос показался девушке громовым. От страха у нее задрожали колени.

— Конан! — вскричала она в отчаянии.— Это я, Санча! Ты здесь? Отзовись, пожалуйста.

Она осеклась, карие зрачки расширились от безумного страха, с ярких губ сорвался нечленораздельный возглас. Ее как будто разбил паралич. Надо бы бежать стремглав, но невозможно пошевелить ни единым пальцем. Отнялся даже язык. Она могла только кричать что-то неразборчивое.

II

Увидев, что Запораво в одиночку направился в глубь острова, Конан понял: вот он, долгожданный шанс. Киммериец не отведал плодов, не участвовал в грубых забавах спутников. Он только притворялся, будто занимается тем же, чем и они, а на самом деле следил за пиратским капитаном. Матросы привыкли к странностям своего вожака и не удивились, когда их шкипер решил в одиночку исследовать этот таинственный, а возможно, и враждебный остров. Они радовались, как дети, оказавшись на берегу после долгого плавания, и не заметили, как Конан, словно пантера на охоте, вслед за Запораво скользнул в лес.

Конан сознавал, что команда давно приняла его как равного. Но неписаные законы вольного морского братства запрещали тому, кто еще не участвовал в сражениях и набегах, вызвать на смертельный поединок своего капитана. А с тех пор как Конан оказался под началом у Запораво, этот корабль бороздил только безлюдные морские просторы, и у Конана не было возможности пройти самое важное испытание — испытание боем. Решись он открыто напасть на капитана — и команда вмиг ополчится против него. Но если смерть настигнет Запораво без свидетелей, осиротевший экипаж вряд ли будет хранить верность покойнику. В волчьей стае ценятся только живые вожаки.

Потому-то Конан с мечом в руке и нетерпением в сердце и крался за Запораво. Они вышли на плоскую, окаймленную высокими деревьями вершину холма. За толстыми стволами маячила зелень пологих холмов, которые вдали скрадывала синяя дымка. Запораво дошел до самой середины вершины и обернулся, почувствовав преследование. Его рука легла на эфес шпаги. Пират выругался:

— Что тебе нужно, грязная собака? Зачем ты следишь за мной?

— А сам не догадываешься? — рассмеялся Конан, быстро приближаясь к своему капитану.— Неужто наивен, как младенец? — На губах варвара играла ухмылка, в глазах пылал дикий огонь.

Запораво снова выругался и обнажил клинок. Барахский пират бросился на него без лишних слов. Меч киммерийца описал в воздухе свистящую, сверкающую дугу, сталь зазвенела о сталь.

У Запораво за плечами была тысяча боев на суше и на море. Наверное, на всем свете не сыскать было человека, так хорошо постигшего искусство фехтования. Но еще никогда не доводилось ему встречаться с клинком, который держали могучие руки варвара, выросшего в диких краях, вдали от стран цивилизованных. Искусство владения клинком столкнулось с молниеносной скоростью и чудовищной силой, доступной лишь дикарям. Конан не прибегал к хитрым финтам, он дрался просто и грубо, как лесной волк, и против первобытной ярости оказалось бесполезным искусство фехтовальщика, как бесполезны навыки боксера против разъяренной пантеры.

Запораво сражался, как не сражался еще ни разу в жизни. Он истратил все силы, отбивая клинок, который молнией блистал над его головой. Замешкавшись, он пропустил страшный удар рукоятью меча, и его рука онемела по самое плечо. А за этим ударом тотчас последовал другой, столь чудовищной силы, что острие меча пробило кольчугу и ребра, как бумагу, и насквозь проткнуло сердце. Губы капитана искривились в смертной муке, но он, верный до конца своей мрачной, высокомерной натуре, не обронил ни звука. Он умер еще до того, как его тело вытянулось на истоптанной траве, усеянной кровавыми росинками, которые, подобно рубинам, сверкали в солнечных лучах.

Конан пучком травы стер кровь с меча, ухмыльнулся с удовлетворением, но без злорадства, потянулся, как огромный кот, и замер. Довольное выражение сошло с его лица, сменившись настороженностью. Он застыл как истукан, с мечом на изготовку. Его взгляд поднялся с тела поверженного противника, двинулся вкруг, по деревьям, по синеватому пейзажу за ними, и обнаружил нечто фантастическое, невероятное, не поддающееся объяснению. Над округлым абрисом далекого холма он увидел силуэт высокого, черного, нагого человека, который нес на плече другого человека — тоже обнаженного, но белого. Зрелище исчезло так же неожиданно, как и возникло, и Конан остался в полнейшей растерянности.

Пират снова осмотрелся, неуверенно глянул в том направлении, откуда пришел, и выругался. Он пребывал в замешательстве, даже в беспокойстве, если это слово применимо к обладателю стальных нервов. Посреди пейзажа, хоть и экзотического, но вполне реального, он увидел мираж — блуждающего призрака из кошмарного сна. Ни тени сомнения в остроте своих глаз, в здравости своего рассудка Конан не допускал. Он знал доподлинно: несколько мгновений назад перед ним возникло нечто таинственное, жуткое, сверхъестественное, чуждое. Что же означало это появление исполинского черного существа с белым пленником на плече?

Не зная, что и думать, Конан зашагал в ту сторону, где появилась и исчезла удивительная картина. О том, насколько разумно и оправданно такое действие, он даже не рассуждал. Достаточно было охватившего жгучего любопытства. Он просто не мог не поддаться соблазну.

Холм за холмом оставлял он позади. Все эти возвышенности походили друг на друга как две капли воды, покрытые густой сочной травой, с купами деревьев там и тут. Приходилось то подниматься по склонам, то спускаться, но в целом местность понемногу повышалась.

Путь вскоре наскучил киммерийцу, череда округлых вершин и неглубоких лощин казалась бесконечной. Но в конце концов пират поднялся на холм, ко-

торый, по-видимому, оказался самой высокой вершиной на острове, и застыл как вкопанный при виде блистающих зеленых стен и башен. Пока он не добрался до этого места, они, сливаясь с зеленью ландшафта, были совершенно незаметны для его зорких глаз.

Некоторое время киммериец стоял в нерешительности, лаская рукоять меча, затем, палимый любопытством, двинулся дальше и приблизился к высокой арке в стене между двух башен. Тихо, вокруг вроде бы ни души. Конан осторожно заглянул в арку и увидел небольшой двор, заросший сорной травой. Двор обнесен круглой стеной из полупрозрачного зеленого материала. Таких арок, как эта, в стене было еще несколько.

С мечом на изготовку Конан наугад выбрал одну из арок и, пройдя на цыпочках через нее, оказался в таком же точно дворе, как предыдущий. Над противоположной стеной он увидел шпили каких-то построек — очевидно, башен, но очень уж непривычной формы. Одна из этих башен врезалась во двор, где стоял Конан, в нее вела широкая лестница. Киммериец двинулся вверх по ступенькам, гадая, действительно ли все это с ним происходит наяву, или он опьянен черным лотосом и грезит. Он поднялся по лестнице и очутился на огороженном каменными перилами выступе, а может быть, на балконе — не разобрать, очень уж странная архитектура. Отсюда можно было различить детали построек, но они ему ничего не говорили.

По спине пробежал холодок при мысли, что эти башни не могли быть построены руками нормальных человеческих существ. В этой архитектуре прослеживались симметрия и система, но они были абсолютно чужды человеческому разуму. Разобраться в планировке городка — или замка? — не представлялось возможным, у Конана лишь сложилось впечатление, что он представляет собой огромное скопление дворов, преимущественно круглых; каждый двор окружен своей стеной, а в соседние из него можно проникнуть через арки. Дворы эти группировались вокруг расположенных в центре замка загадочных башен.

Конан повернулся спиной к башням и вздрогнул, съежился у парапета, до глубины души потрясенный увиденным.

Площадка, на которой он стоял, возвышалась над противоположной стеной, и Конан увидел соседний двор. Стена этого двора разительно отличалась от других, которые он успел здесь увидеть. Она не была гладкой. Ее пересекали длинные ряды выступов, усаженных какими-то странными гроздьями, разглядеть которые ему не удалось. Впрочем, в тот миг он не слишком внимательно смотрел на стену. Его взгляд привлекла к себе группа существ рядом с темно-зеленым бассейном в центре двора. Нагие существа были черны и человекоподобны, и самое низкое из них, если бы выпрямилось, оказалось бы выше Конана на две головы. Рослый пират с трудом достал бы ему до плеча.

Пожалуй, этих массивных существ можно даже назвать стройными, их мускулистые тела обладали непривычной человеческому оку грацией и красотой. Но даже с такого расстояния Конан рассмотрел нечто демоническое в их лицах.

В центре этой группы стоял, съежившись от ужаса, обнаженный юноша, в котором Конан узнал юнгу с «Головореза». Значит, это он был пленником, которого несло по склону черное существо? Тогда Конан не слышал шума схватки, он и теперь не замечал крови или ран на лоснящейся коже великанов цвета

эбенового дерева. Скорее всего, несчастный юнга забрел слишком далеко от берега и от своих товарищей, и его подстерег и схватил черный островитянин. Конан, за неимением лучшего определения, решил называть этих существ черными людьми, хотя инстинктивно понимал, они — не люди в привычном смысле этого слова.

Расстояние было слишком велико, и звуки не достигали Конана. Черные люди обменивались друг с другом кивками и жестами, но создавалось впечатление, что они не обладают даром речи,— во всяком случае, их губы не шевелились. Один из них, сидя на корточках подле дрожащего от страха юнги, держал в руках какую-то вещицу, похожую на флейту или свирель. Он поднес ее к губам. Конан не услышал ни звука, но молодой зингарец услышал или почувствовал голос флейты. Он дрожал и корчился, точно в агонии. Спустя несколько мгновений в этих корчах появилась упорядоченность, движения стали ритмичными, дрожь переросла в ужасные содрогания всего тела. Юноша танцевал — так кобры танцуют под дудку факира. Но не было никакого пыла, радостного упоения, азарта в этой пляске, только ужас и отчаяние. От такого зрелища Конана пробрал озноб. Казалось, немая музыка впивается жестокими когтями в самые глубокие тайники души зингарца и с демонической лютостью вырывает из него проявления затаенных пороков и страстей. Это были конвульсии непотребства и похоти, противоестественное извержение тайных вожделений. Это было желание без удовольствия, боль, сросшаяся с похотью в одно целое. Как будто на глазах у Конана с души несчастного паренька срывали один за другим покровы, и вот она осталась совсем нагой, и все ее мрачные, не знавшие света загадки разом оказались на поверхности.

Конан лицезрел, окаменев от ужаса и омерзения. К горлу подкатывала тошнота. Пускай он сам по натуре прост и даже примитивен, как лесной волк, но в странствиях своих он познакомился с извращенными тайнами отмирающих цивилизаций. Он бывал в городах Заморы, он знавал распутных женщин Шадизара — Города Воров. Однако сейчас он ощущал присутствие космического зла, по сравнению с которым обычная человеческая испорченность — не более чем невинный пустяк. Конан чувствовал присутствие мерзкой, уродливой ветви, вопреки воле природы взросшей на древе жизни и развившейся по законам, чуждым человеческому пониманию. Не ритмичная агония злосчастного юнги потрясла Конана, а исконная мерзость душ этих созданий, способных вызывать на свет божий пороки, что дремлют под спудом в глубинах человеческой души, и с удовольствием выставляющих напоказ то, на что не следовало бы даже намекать, то, о чем не следовало бы вспоминать даже мучительными ночами, когда бессонница перемежается кошмарами.

Внезапно черный истязатель положил флейту на землю и встал, возвысившись подобно каланче над дрожащим белым человечком. Гигант грубо схватил юнгу за шею и ноги, перевернул головой вниз и окунул в зеленый пруд. Конан увидел, как блеснула сквозь зелень воды белая кожа несчастного пирата. Долго черный исполин держал пленника под водой. Потом его сородичи вдруг зашевелились, и Конан поспешил укрыться за ограждением площадки.

Любопытство через некоторое время победило, и он осторожно высунул голову. Черные люди переходили под аркой в соседний двор. Один из них что-то ставил на выступ противоположной стены, и Конан узнал в нем великана,

который мучил юнгу. Он был выше остальных, его голову венчал обруч с драгоценными камнями. Молодого зингарца нигде не было видно. Великан ушел следом за своими товарищами; Конан определил, что они выходят через ту самую арку, через которую он сам проник в этот ужасный замок, и направляются в ту сторону, откуда пришел он. Никто из них не носил оружия, однако стало ясно, что они затеяли расправиться с экипажем «Головореза».

Надо было бы предупредить не подозревающих об опасности пиратов, но прежде Конан решил выяснить, чем закончилось для юнги его страшное приключение. Кругом стояла мертвая тишина. Конан пришел к выводу, что в этом скопище дворов и башен, кроме него, никого больше нет. Он бегом спустился по лестнице, пересек двор и прошел через ту же арку, через которую перед этим удалились черные люди. По пути он успел рассмотреть загадочные выступы на стене. Каждый из них был вытесан из цельного камня. На каждом стояли десятки небольших, не длиннее человеческой руки, статуэток, преимущественно серых оттенков. Все они изображали людей, и все были изваяны столь мастерски, что Конану удавалось разглядеть признаки различных рас — типичные черты жителей Зингары, Офира, Аргоса и Куша. Эти последние даже были черны, как настоящие кушиты. Странная тревога одолевала Конана, когда он разглядывал эти немые и слепые статуэтки — несомненно, точнейшие копии, хоть и уменьшенные, с оригиналов. Он потрогал некоторые из фигурок, но не сумел определить на ощупь, из какого вещества они изготовлены — похоже на окаменевшую кость. Но откуда бы взяться на этом острове запасам окаменелой кости, чтобы их хватило на такое множество изваяний?

Конан заметил, что изображения людей знакомых ему рас расставлены на верхних выступах, а нижние заняты фигурками, чей облик ему в диковинку. Либо эти черты рождены фантазией безымянного мастера, либо принадлежали давно вымершим, канувшим в забвение народам.

Не видя смысла тратить время на догадки, Конан повернулся к пруду. В круглом дворе негде было бы спрятать труп зингарца, а раз его не видно, значит, он остался на дне. Конан приблизился к безупречно круглому зеленому диску и всмотрелся в поблескивающую гладь, как в толстое зеленое стекло — прозрачное, но обманчивое. Бассейн был невелик, кругл, как колодец, с бортиком из зеленого нефрита. Конан разглядел дно, но сказать, насколько далеко оно от поверхности, он бы не взялся. Однако создавалось впечатление, будто колодец невероятно глубок. У Конана голова закружилась, словно он смотрел в бездну. Ему даже не верилось, что он видит дно. Оно казалось невероятно далеким, призрачным, но тем не менее явственно различимым. То и дело ему мерещилось, будто он видит слабое свечение в недрах цвета нефрита, но это, возможно, была иллюзия. Зато не возникало сомнений в том, что колодец пуст, если не считать поблескивающей воды. Но коли так, куда же мог исчезнуть юнга, которого здесь так жестоко утопили на виду у Конана? Он выпрямился, провел по острию меча пальцем и вновь оглядел двор. И тут его взгляд споткнулся об одну из фигурок на верхнем выступе стены. Он вспомнил, как черный великан туда что-то поставил... На загорелой коже киммерийца выступил ледяной пот.

Пират нерешительно, но вместе с тем неуклонно, словно его притягивало магнитом, подошел к блестящей стене. Потрясенный догадкой, настолько чудовищной, что язык не поворачивался высказать ее вслух, он посмотрел на фи-

гурку, стоящую в ряду крайней. Сходство было слишком очевидным. Ошибка исключена! Каменно-неподвижные черты статуэтки — это черты зингарского юноши! Изваяние смотрело на киммерийца незрячими глазами. Потрясенный до глубины души, пират отпрянул, меч дрогнул в оцепеневшей руке. Он стоял, раскрыв рот, и не мог оторвать взгляда от статуэтки, ошеломленный открытием, способным помрачить даже самый крепкий рассудок. А ведь Конану удалось разгадать лишь часть тайны, лежащую на самой поверхности. И никакого желания не испытывал он проникать в темные и зловещие глубины колдовства, которое позволяло черным великанам делать со своими жертвами то, что они делали.

III

Сколько времени простоял Конан посреди двора, переживая свое открытие, он и сам не знал. Но наконец с него спало оцепенение. Раздался женский крик, потом другой, третий. Женщина кричала все громче, как будто ее несли все ближе к киммерийцу. Конан узнал голос, и уже в следующий миг он несся вверх по узким выступам, пинками сбрасывая грозди статуэток. Он прыгнул, схватился за верхний край стены, подтянулся на руках и посмотрел вниз.

Эта стена оказалась внешней, глазам Конана открылась часть зеленого луга, окружающего замок. По травянистому склону шествовал черный исполин, неся под мышкой корчащуюся пленницу, как взрослый мужчина несет сопротивляющегося ребенка. Пленницей была не кто иная, как Санча. Ее спутанные черные волосы ниспадали волнами, оливковый цвет кожи резко контрастировал с черным лоском великана. Он, не обращая никакого внимания на ее вопли и рывки, приближался к арке входа.

Когда черный человек скрылся, Конан спрыгнул со стены, едва не сломав ноги, поднялся и осторожно прошел через арку в соседний двор. Оттуда, прижавшись к стене, он следил, как великан вносит свою сопротивляющуюся плен-

ницу во двор с колодцем. С такого расстояния Конан хорошо разглядел облик черного человека. Действительно, симметрия его черт была безупречна. Под кожей цвета эбенового дерева перекатывались громадные мышцы, и Конан нисколько не сомневался: великан способен голыми руками разорвать на части обычного человека, учитывая и другое мощное оружие — ногти на пальцах рук, длинные и толстые, словно когти хищного зверя. Лицо напоминало маску из черного дерева, в темно-карих глазах мерцало, переливалось золото, и ничего человеческого не было в этом лице, каждая его черточка казалась клеймом зла — глубинного, адского, превосходящего любое человеческое зло. Нет, это существо не было, просто не могло быть человеком, отродье ада, воплощенное богохульство, противоречащее самой жизни; насмешка над естественными законами, глумление над миром.

Великан грубо бросил Санчу на траву. Девушка лежала вниз лицом, плача от ужаса и боли. Черный человек осмотрелся с таким видом, будто его что-то обеспокоило, и вдруг застыл. Его зрачки расширились — он заметил сброшенные с выступов статуэтки. Но колебался он недолго. Наклонился, взял пленницу за шею и ноги, перевернул вниз головой и решительно зашагал к зеленому колодцу.

Конан бесшумно пробежал через арку и, словно ветер смерти, помчался к нему через двор. Великан то ли заслышал, то ли почуял его приближение. Он обернулся к бронзовокожему человеку, темно-карие глаза вспыхнули. Нападение застигло его врасплох. Он даже ослабил на миг жестокую хватку, и Санче удалось вырваться из его рук. Она снова упала на траву, к ней вновь устремились чудовищные когти, но Конан проскользнул под ними и вонзил клинок в низ обнаженного черного живота.

Обливаясь кровью, черный человек рухнул как подкошенный, и в следующее мгновение Санча вцепилась в Конана изо всех сил. Все ее тело содрогалось от рыданий — слишком глубокими потрясениями были для нее как пережитый ужас, так и внезапное избавление.

Конан выругался и стряхнул ее с себя — нашла время лезть с объятиями! Впрочем, его враг уже испустил дух: темно-карие глаза остекленели, мышцы громадного черного тела больше не трепетали в конвульсиях.

— Ах, Конан! — всхлипывала Санча, снова прижавшись к киммерийцу.— Что будет с нами? Кто эти страшилища? О, я поняла: мы с тобой попали в преисподнюю, и эта черная тварь — демон!

— Коли так, преисподней теперь нужен новый демон,— по-волчьи оскалился барахский пират.— Но ты-то как ухитрилась попасть ему в лапы? Я видел, как эти твари уходили к берегу. Они захватили судно?

— Не знаю.— Девушка хотела подолом платья вытереть слезы и лишь теперь вспомнила, что на ней совсем нет одежды.— Я вплавь добралась до берега. Я видела, как ты ушел вслед за Запораво, и отправилась следом за вами. Я наткнулась на Запораво... Это ты его убил?

— А то кто же? — проворчал Конан.— И что было дальше?

— Я заметила среди деревьев какое-то шевеление.— Девушку вновь бросило в дрожь.— Подумала, это ты, звала тебя. А после... увидела эту черную тварь, она сидела на ветке, как обезьяна, и злобно таращилась на меня. Это было как в кошмарном сне! Со мною что-то случилось, я не могла бежать, даже шевель-

нуться не могла, только кричать... А потом демон спрыгнул и схватил меня.— Девушка еще раз всхлипнула и закрыла лицо ладонями, не в силах вынести даже воспоминаний о пережитом ужасе.

— Ладно, хватит тебе причитать, пора убираться отсюда,— проворчал Конан, взяв Санчу за руку.— Идем, идем, надо еще наших предупредить...

— Почти все матросы спали на берегу, когда я пошла в глубь острова,— вспомнила девушка.

— Что? Спали? — рассердился киммериец.— Проклятье! Разрази меня Кром, если это не пахнет бедой!

— Постой! Ты слышал? — Бледная как полотно девушка обмерла; она казалась воплощением страха.

— Еще бы не слышать,— буркнул Конан.— Это был громкий стон. Жди меня здесь!

Конан снова взобрался по выступам, глянул на луг и в замысловатом пиратском ругательстве излил такую ярость, что Санча даже ахнула. Черные люди возвращались, причем с добычей. Каждый нес человека, а кое-кто даже двух. Конан оказался прав: дорого стоил безмятежный сон вольным морякам. Теперь они, точно тряпичные куклы, висели в руках великанов, и если бы не слабые движения их конечностей, если бы не судороги их тел, киммериец бы решил, что их уже убили. Пираты были без оружия, но не связаны. Черный великан нес охапку мечей в ножнах, точно вязанку хвороста. Время от времени кто-нибудь из пленников испускал слабый крик — так пьяница вскрикивает в дурном сне.

Конан огляделся по сторонам, как волк, попавший в западню. Из двора с колодцем вели три арки. Черные люди уходили отсюда через восточную арку; возможно, через нее они и вернутся. Сам он проник через арку. За западной аркой он прятался, но тогда ему было недосуг выяснять, что находится в том дворе. Он совершенно не представлял себе планировку замка, но требовалось срочно принимать решение.

Конан спрыгнул во двор и в лихорадочной спешке вернул статуэтки на их места, а убитого гиганта подтащил к колодцу и перевалил через нефритовый борт. Тело кануло без звука.

Провожая его взглядом, Конан похолодел — тело съеживалось, уплотнялось, уменьшалось на глазах. Дрожа, он поспешил отвернуться, схватил за руку девушку и увлек ее за собой к южной арке. Санча умоляла объяснить, что происходит.

— Черные твари переловили наших,— ответил он на бегу.— Хоть убей, я не знаю, что предпринять. Мы сейчас просто спрячемся, а там будет видно. Может, они не заглянут в колодец и не догадаются, что мы здесь.

— Но они увидят кровь на траве!

— Надеюсь, не придадут этому значения,— ответил Конан.— Как ни крути, выбирать нам с тобой не приходится. Сделаем, как я уже сказал.

Они очутились в том самом дворе, из которого он следил, как истязали юнгу. Конан быстро втащил девушку по лестнице на верх южной стены и заставил ее опуститься на корточки за ограждением балкона. Плохое это было укрытие, но все же лучше, чем никакого.

Едва они успели спрятаться, как во двор вошли чернокожие люди. У нижней ступеньки лестницы грянул металлический звон, Конан напрягся всем те-

лом и схватился за рукоять меча. Но великаны прошли через юго-западную арку. Послышались глухие удары и стоны — ловцы побросали свою добычу на траву. Санча истерически захихикала, и Конан поспешил зажал ей ладонью рот, прежде чем эти звуки насторожили бы черных тварей.

Спустя некоторое время они услышали топот многих ног по травянистой земле. Когда наступила тишина, Конан привстал и глянул за парапет. Двор опустел, черные люди перебрались в соседний, к колодцу, и теперь сидели на корточках. Очевидно, пятна крови на траве и нефритовом бортике бассейна остались ими незамеченными. Вероятно, пролитая кровь здесь была совершенно в порядке вещей. Не заглядывали эти твари и в колодец. Они увлеклись беседой, в которой движения конечностей и мимика лиц с успехом заменяли речь. Музыкант снова заиграл на золотой флейте, а сородичи обратились в слух, застыв, будто статуи из черного дерева.

Конан взял Санчу за руку и бесшумно двинулся вниз по лестнице, пригибаясь, чтобы над стеной не было видно его голову. Девушка упиралась, в страхе глядя на арку, ведущую во двор с колодцем. Отсюда через арку не было видно ни колодца, ни зловещей компании рядом с ним. У подножия лестницы лежала груда трофейных мечей. Конан и Санча поняли, что это был за звон — великан бросил наземь охапку пиратского оружия.

Конан увлек девушку к юго-западной арке. Они бесшумно пересекли двор и через очередную арку попали в очередной двор. Там в беспорядке — кого где бросили — валялись моряки, в их ушах поблескивали серьги, из приоткрытых ртов текла слюна. То один, то другой ворочался и беспокойно стонал. Конан склонился над ними, а Санча рядом опустилась на колени, наклонилась вперед, опираясь на руки, и испуганно сказала:

— Какой странный запах... Сладкий, почти приторный. Это от них так пахнет?

— На берегу они наелись фруктов,— пояснил Конан.— Я помню, как они пахли. Наверное, их действие сродни черному лотосу — наводит на человека сон. Ха! Клянусь Кромом, они уже просыпаются! Проклятье, у них отобрали оружие. И эти черные демоны вряд ли будут мешкать — вот-вот они явятся сюда и потащат парней к своему адскому колодцу. Не проснувшись толком да без оружия много ли навоюешь?

Он с такой силой сдавил оливковое запястье, что Санча ойкнула от боли.

— Я знаю, как мы поступим! Я отвлеку этих черномазых негодяев, заведу их в другую часть замка и постараюсь там задержать. Ну а ты пока растолкай наших сонь и принеси им оружие. Это наш единственный шанс выбраться отсюда живыми, поняла, крошка? Справишься?

— Я... даже не знаю! — Она снова дрожала как заяц; похоже, от страха девушка плохо соображала.

Киммериец выругался, схватил ее за длинные пряди волос и тряс, пока перед ее глазами не закачались стены.

— Должна справиться! — прорычал он.— Должна! Другой возможности спастись у нас не будет!

— Я попробую,— пролепетала она.

Конан наградил ее одобрительным ворчанием и ободряющим шлепком, который едва не свалил ее с ног. В следующий миг киммериец скользнул прочь

и спрятался за аркой, ведущей во двор с колодцем. Оттуда он следил за чернокожими извергами. Они по-прежнему сидели возле нефритового бортика, но их жесты уже сквозили злобным нетерпением. Со двора, где лежали пленные пираты, доносились стоны, все громче и громче. А вот послышались и нечленораздельные проклятия. Дыша сквозь стиснутые зубы, Конан напряг мышцы, подобрался, как пантера перед прыжком...

Любитель помузицировать встал на ноги, отнял от губ флейту, а в следующую секунду Конан одним грандиозным прыжком оказался посреди опешивших от неожиданности черных тварей. Тигр на охоте прыгает, чтобы убивать; точно так же и Конан прыгнул, чтобы разить мечом. Трижды блеснул его клинок, прежде чем кто-либо из черных людей успел поднять руку в свою защиту. Затем Конан метнулся в сторону и стремительно пересек двор. На траве позади него трое лежали с разрубленными черепами.

Его яростный натиск застал великанов врасплох, но те, кого не коснулся меч, быстро оправились от замешательства. Когда Конан достиг западной арки, твари устремились в погоню. Длинные ноги несли их с невероятной быстротой, и хотя Конан думал, что способен оторваться, вовсе не такая стояла перед ним задача. Нет, он хотел отвлечь их от Санчи и зингарцев, чтобы девушка успела их разбудить и вооружить.

Варвар миновал западную арку... и в сердцах помянул Крома. Этот двор был не таким, как предыдущие,— не круглый, а восьмиугольный. И арка, через которую вбежал Конан, оказалась единственной.

Он повернулся и увидел, что все черные гиганты вбежали за ним во двор. Несколько тварей осталось у выхода, другие растянулись в цепь и пошли в атаку. Он медленно попятился к северной стене, пытаясь никого не упустить из виду. Вражеская цепь изогнулась в полукольцо, черные великаны явно затеяли окружить его. Конан по-прежнему отступал, но с каждым шагом все медленнее, следя за тем, как расширяются промежутки между атакующими. Они опасались, что он решит проскочить в обход фланга, и все больше растягивали цепь.

Конан ждал со спокойствием и настороженностью волка. Когда же он нанес удар, это напоминало вспышку молнии и всех застигло врасплох. Киммериец атаковал самую середку полукольца. Преграждавший ему дорогу великан, разрубленный от плеча до середины груди, растянулся на земле. Черные люди справа и слева не успели ничего предпринять — барахский пират перескочил через труп и оказался снаружи «клещей». Сторожившая выход группа была готова встретить дерзкого человека, но Конан обманул и ее, не став нападать. Он обернулся и взглянул на преследователей, не показывая никаких чувств и уж тем более не показывая страха.

Они сообразили: неплотная цепь ему не преграда, глупо распылять силы, имея дело с таким расчетливым и сильным противником. Эти существа обладали способностью учиться на своих ошибках, особенно если за ошибки приходилось платить такую высокую цену. Снова образовав прямой ряд, они плечом к плечу без спешки двинулись на Конана.

Варвар догадывался — лобовое столкновение с этим скопищем вооруженных когтями мышц не сулит ему ничего хорошего. Как только он окажется среди черных тварей и они смогут дотянуться до него, его попросту задавят массой, и не спасет даже первобытная ярость.

Конан посмотрел вверх, на стену, и заметил над одним из восьми углов какой-то выступ. Для чего он служил архитекторам замка, можно было лишь догадываться, а вот для чего он послужит ему, Конан понял сразу и попятился в ту сторону. Великаны прибавили шагу, им, очевидно, казалось, что они теснят своего противника в угол. Вне всяких сомнений, они сочли Конана существом низшего порядка, обладателем разума, который в подметки не годится их собственному. Они будут не первыми, кто обожжется на недооценке врага.

Он уже находился в считаных шагах от стены. Черные люди почти бежали, спеша зажать его в углу, навязать близкий бой. Их сородичи покинули арку, чтобы поучаствовать в расправе. Великаны шли на полусогнутых ногах, в их глазах золотилось адское пламя, белые клыки ослепительно сверкали, когтистые руки грозно тянулись вперед. Они были готовы к внезапному и неистовому сопротивлению своей жертвы, но Конан и на этот раз сумел застать их врасплох.

Он поднял меч над головой и сделал шаг навстречу противникам, но в следующее мгновение повернулся и прыгнул к стене. Мышцы, как стальная пружина, подбросили его вверх. Пальцы вытянутой руки зацепились за выступ. Раздался хруст — выступ не выдержал его веса. Конан свалился на заросшие травой плиты. Если бы не эта трава, смягчившая падение, у него бы сломался позвоночник, так как упал Конан на спину. Через долю секунды он снова оказался на ногах, как огромная кошка, и смотрел на своих недругов. Безмятежность исчезла с его лица, в глазах зловеще горело синее пламя, черная грива стояла дыбом, через стиснутые зубы прорывалось угрожающее рычание. Ситуация изменилась в корне, теперь придется защищать не чужие жизни, а свою, и дикарская натура Конана со всей первобытной свирепостью отреагировала на эту перемену.

Черные люди, растерянно замершие в момент его прыжка, опомнились и теперь готовились наброситься на него. Но тут тишину разорвал громкий крик. Обернувшись, великаны увидели под аркой пеструю толпу пиратов. Моряки шатались, точно пьяные, и сыпали нечленораздельными проклятиями. Они еще не успели толком прийти в себя и плохо соображали, но инстинкты воинов оказались на высоте — морские волки обнажили клинки и двинулись вперед, чтобы крушить всех, кто окажется у них на пути.

Черные люди ошеломленно уставились на них. Конан испустил дикий вопль и бросился на врагов, как разящая молния. Точно колосья спелой пшеницы, падали они под его клинком. Зингарцы с ревом устремились через двор и обрушились на великанов стаей кровожадных демонов. Пусть одурманенные матросы ничего не соображали, когда Санча отчаянно трясла их и совала в руки оружие, но страхолюдного облика незнакомых врагов и пролившейся крови было достаточно, чтобы в душах проснулась боевая ярость.

В мгновение ока двор превратился в поле жестокой битвы, а еще через миг она перешла в кровавую резню. Зингарцы плохо держались на ногах, но на их умении орудовать мечами это почти не сказывалось. Они с проклятиями наседали на черных тварей и не обращали никакого внимания на свои раны, если те не были смертельными. Вдобавок пиратов было намного больше, чем чернокожих. Но аборигены оказались серьезными противниками: возвышаясь над атакующими, они орудовали зубами и когтями, разрывали людям глотки и со-

крушали черепа. Перемешавшись в беспорядке с врагами, моряки не смогли как следует использовать свое преимущество — ловкость и быстроту. Вдобавок многие настолько отупели от наркотика, что даже не пытались уклоняться от губительных ударов. Они просто дрались, как дерутся дикие звери: не избегая смерти, заботясь лишь о том, чтобы ее не избежал враг. Их сабли, как мясницкие тесаки, рассекали черную кожу и красную плоть. Визг, вопли и проклятия смешались в отвратительный рев бойни.

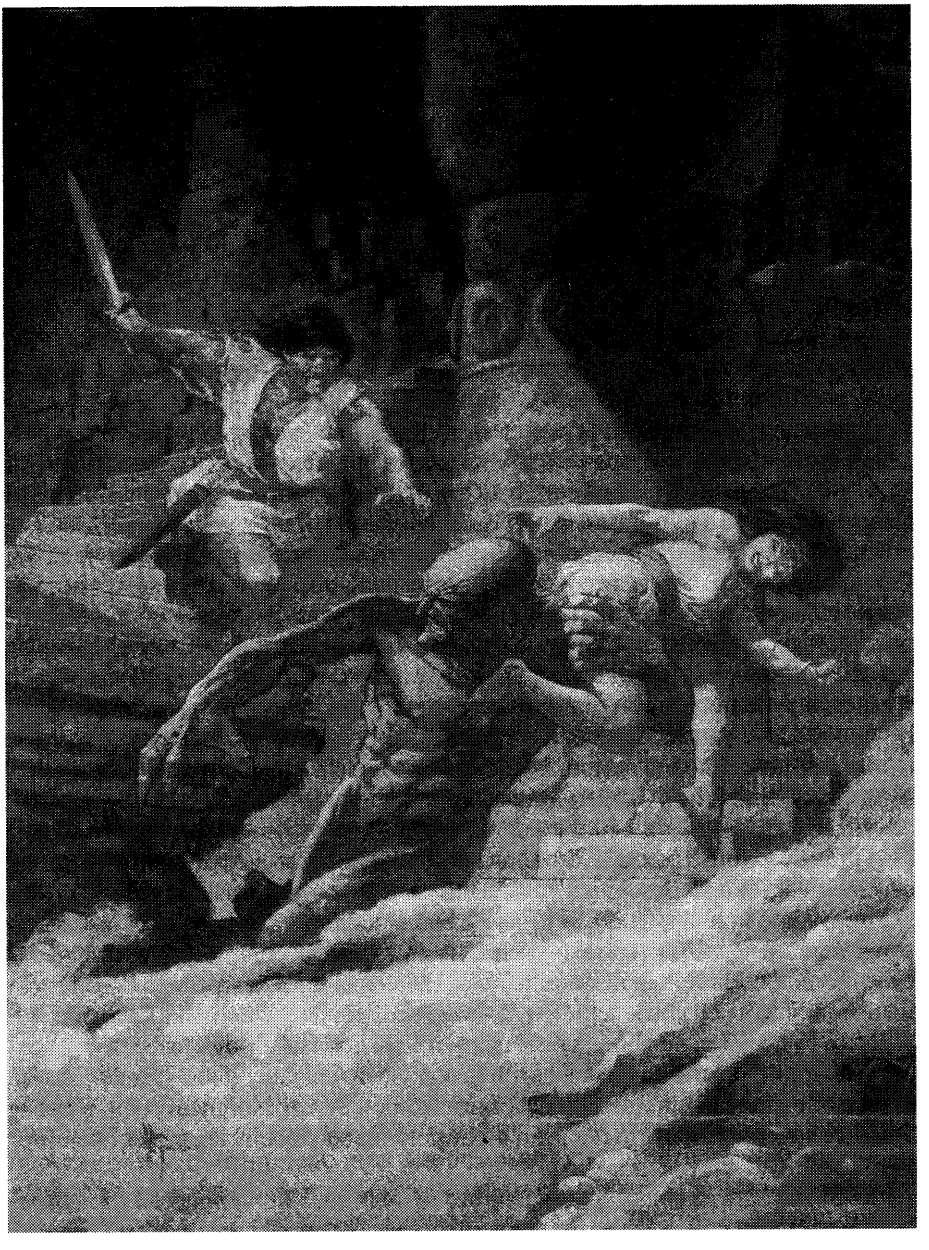
Санча, прижавшаяся к стене возле арки, была оглушена шумом и яростью схватки. Перед ее очами бушевал кровавый хаос, в нем вспыхивала сталь, мелькали руки, возникали и исчезали перекошенные злобой лица. Сражающиеся сталкивались, переплетались, налетали друг на друга в этой безумной адской пляске.

Ее память запечатлела некоторые подробности, как рисунки черной тушью на кровавом фоне. Вот зингарский моряк, ничего не видя из-за ленты кожи, содранной со лба и закрывающей ему глаза, по самую рукоять всадил саблю в живот черного великана. Она хорошо слышала, как пират крякнул, нанося удар, и увидела, как темно-карие глаза жертвы закатились в агонии, а из распоротого живота вывалились кишки и брызнула кровь. Умирающий схватился за острие голыми руками. Ослепленный моряк пошатывался на месте — похоже, ничего не соображал. Внезапно кисть черной руки схватила его за шею, черное колено с чудовищной силой ударило в позвоночник. Голова зингарца откинулась назад под неестественным углом, раздался треск, громкий даже в шуме битвы — как будто сломали толстый сук. Победитель отшвырнул тело своей жертвы, но тут же позади него молнией блеснул стальной клинок. Черный человек покачнулся, голова скатилась ему на грудь, а оттуда — на землю.

Санче стало дурно, она прижала ладонь ко рту, сдерживая рвоту. Надо было уйти подальше от этого страшного места, но не слушались ноги. И глаза она не могла закрыть. Да и не пыталась — наоборот, раскрыла еще шире. Она была потрясена до глубины души, ее мутило, и вместе с тем она испытывала какое-то странное возбуждение, как всегда при виде крови. Однако эта битва была намного страшнее всех тех набегов на порты и захватов кораблей, которые произошли на ее глазах. И тут она увидела Конана.

Группа врагов сумела оттеснить Конана от его товарищей, и он не устоял на ногах под натиском черной волны когтистых рук и могучих тел. Он бы уже давно отправился к праотцам, если бы, падая, не ухитрился увлечь одного из черных людей за собой, и теперь он служил пирату щитом. Великаны рвали сородича когтями, стремясь добраться до киммерийца, а Конан что было сил вцепился зубами в глотку издыхающего туземца и крепко прижимал к себе его тело.

Напавшие зингарцы оттянули на себя часть неприятельских сил. Конан выбрался из-под мертвеца и встал во весь рост — в крови с головы до ног, ужасный, как бог смерти. Великаны возвышались над ним, как огромные черные тени, размахивали ручищами, пытались схватить или нанести чудовищные удары. Но поймать или ударить Конана было не проще, чем обезумевшую от драки пантеру. Каждый взмах его стремительного меча проливал кровь черного человека. Ран, полученных киммерийцем в этой схватке, хватило бы, чтобы убить трех обычных людей, но у могучего варвара не убыло жизненной силы.

Над полем кровавой битвы разнесся боевой клич Конана, и одурманенные, но кипящие гневом зингарцы удвоили свои усилия. Крики боли и проклятия почти утонули в звуках клинков, рассекающих плоть и кости.

Наконец черные люди дрогнули и устремились к выходу. Очутившаяся на их пути Санча с визгом бросилась в сторону. Арка оказалась слишком узкой для толпы убегающих, сразу возник затор; ликующие зингарцы с радостными криками обрушивали сталь на спины ближайших врагов. Столпотворение под аркой превратилось в кровавое побоище. Уцелевшие великаны разбежались по замку, теперь каждый был сам за себя.

Их азартно преследовали. Великаны удирали по заросшим травой дворам, по сверкающим лестницам, по крутым крышам фантастических башен, даже по широким парапетам стен. Они истекали кровью, а пираты гнались за ними по пятам, как волки. Некоторые исполины, будучи загнаны в угол, сами набрасывались на моряков и даже убили несколько человек. Но все такие схватки заканчивались одинаково: изрубленное черное тело валилось на траву или, корчась, летело вниз со стены или с башни.

Дрожащая от ужаса Санча укрылась во дворе с колодцем. Вдруг снаружи раздался жуткий крик, послышался топот ног, и через арку вбежал окровавленный черный великан. Это был вожак, тот самый, у которого сверкал на голове драгоценный обруч. По пятам за ним бежал коренастый пират. У самого края колодца великан остановился и обернулся — видимо, понял, что уйти ему не дадут. Он поднял саблю, оброненную каким-то умирающим моряком, и встретил натиск зингарца непривычным оружием. Сила черного гиганта вкупе с неосторожностью одурманенного пирата дала желанный результат — моряк рухнул с проломленным черепом. Но удар оказался таким мощным, что не выдержал и клинок в руке последнего живого великана.

Он бросил рукоять в толпящихся под аркой пиратов и повернулся к колодцу. Искаженное злобой демоническое лицо застыло, превратилось в чудовищную маску. В этот миг Конан прорвался сквозь толпу пиратов и, не медля ни секунды, устремился к чернокожему.

Гигант раскинул руки, из его горла исторгся нечеловеческий вопль — единственный звук, который люди услышали от черных тварей за все время битвы. Он протяжно кричал, изливая в небеса свою ненависть. Это не был голос живого существа — это был вой адской твари. Зингарцы оробели, кое-кто даже попятился. Один лишь Конан не остановился. Он молча занес над головой свой грозный меч, чтобы сразить черного демона, застывшего у бортика колодца.

Но в то самое мгновение, когда обагренный кровью клинок сверкнул в воздухе, исполин прыгнул. Казалось, он на какую-то секунду завис над колодцем. А затем с потрясающим землю ревом вздыбились, устремились ему навстречу зеленые воды — как будто посреди странного замка проснулся вулкан и исторг вверх зеленую лаву.

В тот миг, когда вода скрыла черного исполина, Конан прервал свой стремительный прыжок — и как раз вовремя, иначе бы он угодил в колодец. Он отскочил назад и замахал могучими руками на своих людей, отгоняя их от опасного места. Нефритовый колодец превратился в настоящий гейзер, из него с оглушительным шумом извергался водяной столб, увенчанный пенной шапкой.

Конан гнал пиратов к арке, как стадо баранов, не жалея тумаков и ударов мечом плашмя. Казалось, от кошмарного рева воды они утратили остатки рассудка. Даже Санча стояла в оцепенении, распахнув от ужаса глаза, и неотрывно смотрела на зеленый столб. Киммериец окликнул ее громовым возгласом, который перекрыл грохот воды и вывел ее из ступора. Протягивая руки, девушка бросилась к нему. Конан подхватил ее под мышку и вынес со двора.

Уцелевшие матросы между тем столпились у последней арки, той, что вела на луг. Обессилевшие, израненные люди едва держались на ногах, их одежда превратилась в кровавые лохмотья. Они стояли и тупо разглядывали огромную колонну яростной воды, которая в один миг выросла, казалось, до самого небосвода. Белая пенная шапка над колонной была раза в три шире ее основания. Конан ждал, что столб вот-вот рассыплется на брызги, которые ринутся вниз водопадом, но он продолжал расти.

Конан окинул взором жалкие остатки команды «Головореза»: два десятка окровавленных людей, не больше. В такой ситуации не до щепетильности. Он схватил ближайшего пирата за шиворот и так встряхнул, что кровь из ран моряка забрызгала всех вокруг.

— Где остальные? — проревел Конан своей жертве в ухо.

— Все тут! — крикнул тот в ответ, перекрывая грохот гейзера.— Остальных прикончили эти черные твари...

— Ладно, я понял. А теперь давайте убираться отсюда! — взревел Конан и грубо пихнул зингарца к выходу.— Этот столб вот-вот рухнет!

— И утопит нас всех! — Перепуганный мореход заковылял к арке.

— Утопит? — осклабился Конан.— Как бы не так! Превратит всех нас в каменных болванов. А ну, бегом к берегу, псы, разрази вас Кром!

Он поспешил к выходу, оглядываясь то на грандиозную водяную башню, то на едва переставляющих ноги морских волков. Они, ошеломленные кровопролитной битвой, оглушенные чудовищным ревом воды, двигались, как в трансе. Конан подгонял их самым немудреным способом: с руганью хватал за шиворот и толкал к арке, прибавляя им скорости крепкими пинками. Санча боялась с ним расстаться, так и норовила обвить руками, пока не получила шлепок по ягодице — такой крепкий, что она птицей вылетела на луг.

Лишь когда Конан убедился, что ни один из переживших битву пиратов не остался в стенах замка, он сам пересек заросший травой двор. Обернувшись, он бросил взгляд на ревущую колонну, которая возвышалась над замком. Башни в сравнении с ней казались крошечными. Конан последним выбежал наружу, покинув эту обитель неописуемых кошмаров.

Зингарцы уже оставили позади плоскую вершину холма и теперь спускались по склону. На макушке следующего холма его дожидалась Санча. Конан остановился на мгновение, чтобы бросить на замок последний взгляд: казалось, над башнями распустился циклопический цветок с зеленым стеблем и белыми лепестками. Воздух был наполнен умопомрачительным ревом.

Внезапно нефритово-зеленая, увенчанная белым колонна накренилась с таким грохотом, будто раскололся небесный свод, и на замок обрушились гремучие потоки, вмиг поглотив и стены, и башни.

Конан схватил Санчу за запястье и припустил со всех ног. Бегущие оставляли позади холм за холмом, по пятам за ними с грохотом и ревом неслась зеле-

ная вода. Бросив взгляд за плечо, Конан увидел, как расстилается с вершины на вершину широкая зеленая лента. Поток продолжал расти, только теперь не в высоту, а в длину; не меняя направления, он исполинским змеем спускался в балки и взбирался на холмы. Казалось, он обладал разумом и задался целью во что бы то ни стало настигнуть свою упущенную добычу.

Как только киммериец понял это, он удвоил усилия, что было настоящим подвигом. Санча вскоре изнемогла, ее уже не держали ноги, и она со стоном упала на колени. Конан перебросил ее через свое крепкое плечо и побежал дальше. Его грудь бурно вздымалась, ноги подкашивались, воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы. Впереди, подгоняемые страхом за свою жизнь, из последних сил семенили пираты.

И вдруг перед его глазами открылось море. У Конана уже кружилась голова от изнеможения, он сам не понимал, как ему еще удается переставлять ноги. Он увидел «Головореза» — судно было целым и невредимым. Пираты с разбегу попрыгали в шлюпки, Санча упала на дно и так и осталась лежать, не имея сил подняться. У Конана стучала кровь в ушах, а перед глазами клубился алый туман, но он схватил весло и греб наравне с задыхающимися от бега товарищами.

Казалось, их сердца вот-вот вырвутся из грудных клеток, но моряки отчаянно гребли, и лодки быстро плыли к кораблю. Вот уже показалась зеленая река, под ее натиском деревья рушились, как подрубленные, тонули в нефритовой влаге, исчезали. Поток вырвался на песчаный пляж, достиг кромки прибоя, и зелень морской воды приобрела еще более густой и зловещий оттенок.

Пираты не рассуждали, они повиновались только инстинктивному страху, напрягая измученные мышцы, выжимая из них последние силы. Они ничего не знали о преследующем их колдовстве, но понимали, что соприкосновение с этой мерзкой зеленой струей ничего хорошего не даст ни телам, ни душам.

Один лишь Конан знал доподлинно, чем грозит зеленая река. Он видел, как она рассекает волны, как она преследует гребцов, не меняя своей формы и курса. Поэтому он выложил последние силы, какие только были у него в запасе. Он греб так отчаянно, что в его руках сломалось весло.

Но тут лодки ткнулись в борт «Головореза», матросы полезли вверх по снастям. О том, чтобы поднять шлюпки на борт, не могло быть и речи. Лишившуюся чувств Санчу внес на борт корабля Конан на своем широком плече. Барахский пират бесцеремонно сбросил ее на палубу и взялся за руль, выкрикивая четкие приказы жалким остаткам экипажа. Никто ему не перечил — все инстинктивно почувствовали в нем вожака.

Шатаясь, как пьяные, пираты брались за снасти. Не отошедшие от дурмана мозги бездействовали, руки машинально выполняли команды нового капитана. Кое-как они выбрали якорную цепь, кое-как поставили паруса, и те сразу наполнились ветром. Судно встряхнулось, накренилось и величаво повернуло бушприт в открытое море. Конан глянул в сторону берега. Подобно языку зеленого огня, хищная лента лизала воду в длине весла от руля «Головореза», не отставала, но и настичь уже не могла. Конан перевел взгляд с зеленого потока на белый песок пляжа, затем на холмы, которые таяли в голубом мареве.

К киммерийцу вернулось самообладание. Он окинул взглядом окровавленных, тяжело дышащих товарищей и ухмыльнулся. Санча уже стояла рядом с ним, по ее щекам бежали слезы — девушка еще не скоро придет в себя. Конан

где-то потерял пояс с ножнами, его шаровары превратились в окровавленные лохмотья. В крови был и меч, который он воткнул перед собой в палубу. Густые черные волосы киммерийца слиплись от крови, ухо разорвано. Руки, ноги, грудь и плечи в шрамах, как будто он вышел из схватки с дюжиной пантер. Но он ухмылялся, крепко стоя на могучих ногах, и поворачивал руль, радуясь возвращению сил в мышцы.

— И что же будет теперь? — робко спросила девушка.

— Будет жизнь пиратов, морских бродяг! — расхохотался Конан.— Пусть у меня сейчас не команда, а шайка жалких дураков в драных штанах, но они вполне способны управиться с кораблем, а в любом порту мы найдем новых матросов. А ну-ка, малютка, иди ко мне! Кажется, сегодня я заслужил твой поцелуй.

— Поцелуй? — истерически взвизгнула Санча.— Ты сейчас способен думать о поцелуях?

Его смех был громче хлопанья парусов. Он сорвал девушку с палубы могучей рукой, привлек ее к себе и горячо поцеловал в ярко-красные губы.

— Я сейчас способен думать о жизни! — выкрикнул он.— Мертвых товарищей не воскресить, но зато у меня теперь есть корабль, и команда сорвиголов, и девушка с губами, как вино,— а больше ничего и не нужно. Эй вы, морские бродяги, зализите свои раны и несите сюда пиво — выпьем за наше возвращение из ада! Скоро вам придется поработать на этом судне, как никогда в жизни не работали, а пока веселитесь, пляшите и пойте. Довольно нам бороздить пустые моря! Пойдем туда, где в портах скопились несметные богатства, где торговые суда битком набиты ценными товарами.

И «Головорез», словно окрыленный его словами, еще быстрее побежал по волнам.

СПЛОШЬ НЕГОДЯИ В ДОМЕ

Один сбежал, второй дрожал, третий на золотой кровати лежал.

Старинная считалка

I

Во время одного из дворцовых празднеств Набонидус, Багряный Жрец, вежливо коснулся руки молодого аристократа Мурило. Мурило повернулся и встретил загадочный взгляд, подивившись скрытому в нем намеку. Они не обменялись ни единым словом. Набонидус изящно поклонился и сунул ему в руку золотую шкатулку. Молодой человек знал — Набонидус не делает ничего, не имея на то причин; он извинился и под первым удобным предлогом поспешно вернулся к себе. Он раскрыл шкатулку и обнаружил там человеческое ухо; посмотрев на необычный шрам, пересекающий его, он понял, кому оно некогда принадлежало. Мурило бросило в жар, больше он не сомневался в значении того взгляда, с которым Набонидус передал ему шкатулку.

Однако, несмотря на свои напомаженные черные локоны и щегольскую наружность, Мурило не был безвольным трусом, который без борьбы кладет голову на плаху. Он не знал только, играет ли Набонидус с ним в кошки-мышки или же хочет дать ему шанс добровольно уйти в изгнание. Судя по тому, что он все еще жив и находился на свободе, ему давалось по меньшей мере несколько часов сроку — вероятно, для медитации. Но ему не требовалось никакой медитации для принятия решения. Сейчас ему необходимо одно — орудие. И судьба создала для него такое орудие, которое в тот момент, когда молодой дворянин, сидя в своем доме, в квартале, застроенном мраморными дворцами с пурпурными башнями, дрожал и размышлял, предавалось своей деятельности в нищем районе между низкопробными кабаками и домами терпимости.

© Перевод Е. Хаецкой.

Жил-был жрец Ану, храм которого, стоящий на краю нищего квартала, повидал не только смиренное благоговение и молитвы прихожан. Жрец этот, человек крайне несимпатичный, жирный, откормленный, не только укрывал краденое, но и шпионил. Обе эти профессии приносили невероятный доход, потому как та часть города, что находилась возле его храма, так называемый Лабиринт, представляла собой смешение извилистых переулков и грязных пивных, где встречались наиболее отчаянные головорезы со всего королевства. Самыми дерзкими и отпетыми из них были некий гандерландец, бывший наемник, и один варвар, киммериец. Однако жрец Ану коварно позаботился о том, чтобы гандерландца схватили и публично повесили на рыночной площади. Киммерийцу посчастливилось бежать. По возвращении он узнал о предательстве жреца, явился ночью в храм Ану и сделал жреца короче ровно на одну голову. Это вызвало в городе серьезные волнения. Поиски убийцы протекали безрезультатно, пока одна женщина не выдала его властям и не привела капитана с его отрядом к той норе, где варвар отсыпался после попойки.

Когда они попытались схватить его, он проснулся. Все еще пьяный, но полный дикой ярости, он повалил капитана и прорвался сквозь ряды нападающих. Он бы ушел от них, если бы выпитые в ту ночь крепкие напитки не затуманили ему мозги. Запутавшись и плохо соображая, он в страшной спешке промахнулся и, вместо того чтоб выскочить в раскрытую дверь, врезался в каменную стену так сильно, что потерял сознание. Когда оно к нему вернулось, он уже находился в самой надежной тюрьме города, прикованный к стене цепями, которых даже его варварские мускулы не в состоянии были порвать.

В эту камеру и пришел Мурило, замаскированный, закутанный в просторный черный плащ. Киммериец рассматривал его с большим интересом, поскольку принял за палача, которого прислали за ним, чтобы повесить. Мурило, однако, быстро разъяснил недоразумение и начал разглядывать его с не меньшим интересом. Даже в полумраке тюрьмы, прикованный к стене, этот человек поражал своей варварской мощью. Его крепкое тело соединяло в себе силу медведя с ловкостью и гибкостью пантеры. Под спутанной черной гривой сверкали синие глаза, полные необузданной дикости.

— Ты хочешь жить? — спросил Мурило.

Варвар заворчал, и интерес его к Мурило усилился.

— Если я помогу тебе бежать, не сделаешь ли ты мне одного одолжения? — спросил аристократ.

Киммериец молчал, но пронзительный взгляд говорил за него.

— Я хочу, чтоб ты убил для меня одного человека.

— Кого?

Мурило понизил голос до шепота:

— Набонидуса, королевского жреца!

Киммериец не выразил ни озабоченности, ни смущения. Он не знал трепета перед властями, с которым зачастую рождаются цивилизованные люди. Король или нищий — какая, в сущности, разница. Он не спросил даже, почему Мурило пришел именно к нему, когда и без того вне тюрьмы шляется достаточно головорезов, которые с радостью предложили бы свои услуги.

— Когда я должен бежать? — спросил он.

— Через час. Ночью в этой части подземелья останется только один часовой. Я его уже подкупил. Вот ключи от твоих цепей. Я открою замки, а после того, как я буду уже дома, часовой — его имя Атикус — отворит дверь твоей камеры. Ты свяжешь его полосами твоей разорванной куртки, чтобы стража, когда найдет его, поверила, будто ты сбежал, пользуясь помощью извне, и не стала его подозревать. Затем ты направишься прямо к дому Багряного Жреца и убьешь его. Оттуда иди к Крысиной Норе, где тебя будет ждать человек с лошадью и мешком золота. С этим тебе будет легко покинуть город и бежать из страны.

— Тогда снимай цепи,— потребовал киммериец.— И позаботься о том, чтобы охранник принес мне поесть. Клянусь Кромом, я не получил за целый день ничего, кроме кусочка скверного хлеба и воды. Я близок к истощению.

— Хорошо, сделаю. Но запомни: ты не должен бежать, пока я не доберусь до дома.

Освобожденный от цепей варвар поднялся и вытянул свои мускулистые руки, которые казались очень могучими в полумраке подземелья. Мурило был убежден: если есть на земле человек, способный сделать то, что ему требуется, то это киммериец. Он повторил еще раз свои указания и покинул тюрьму, не забыв попутно поручить Атикусу принести заключенному кусок холодного мяса и кувшин вина. Он мог доверять стражнику, и не только из-за денег, которыми он оплатил его услуги, но из-за более существенных вещей, которые о нем знал Мурило.

Когда Мурило вернулся в свои покои, он полностью взял себя в руки. Набонидус будет действовать через короля, он полностью в этом уверен. А поскольку королевские воины еще не постучали в его двери, значит, жрец не успел поговорить с монархом. Без сомнения, разговор с королем состоится утром — если, конечно, Набонидус доживет до утра.

Мурило не сомневался в том, что киммериец постарается выполнить его поручение. Удастся ли ему это — вот в чем вопрос. Уже не в первый раз предпринимается попытка убить Багряного Жреца — и до сих пор все покушавшиеся погибали страшной, не поддающейся описанию смертью. Но все они были людьми, выросшими в городах и не обладавшими волчьими инстинктами варвара. Когда Мурило раскрыл золотую шкатулку с отрезанным ухом, он вспомнил, как несколько часов назад из своих тайных источников узнал об аресте киммерийца, и сразу же увидел в нем решение своей проблемы.

Он осушил бокал за здоровье человека по имени Конан и за его удачу, которая должна сопутствовать ему этой ночью. Но в тот момент, когда он вторично наполнял свой кубок, один из его шпионов принес ему известие о том, что Атикус арестован и сам брошен в темницу. Киммериец не сбежал.

Мурило почувствовал, как кровь стынет в жилах. В превратностях судьбы он видел могущественную руку Набонидуса, и в нем росло убеждение — Багряный Жрец не просто человек, он чародей, который читает мысли своих жертв и тянет их за ниточки, а те начинают плясать, словно марионетки. Он ощутил отчаяние и безнадежность. Приняв решение, он перепоясался мечом и спрятал его под просторным плащом, затем покинул свой дом через потайной ход и торопливо зашагал по пустым улицам. Наступила полночь, когда он добрался до дома Набонидуса, мрачной громадой высящегося в глубине сада за стеной, которая отгораживала его от соседних участков.

Стена была довольно высокой, но преодолимой. Набонидус поручил охрану своей персоны не каменным преградам. Страшиться следовало не стен, а находящегося за ними. Чего или кого именно, Мурило точно не знал. Он слышал, что по саду прогуливается огромный, очень опасный пес, который разорвал уже не одного взломщика, словно жалкого кролика. О том, кто здесь еще может стоять на страже, Мурило даже подумать боялся. Те, кому удалось ненадолго посетить дом под предлогом деловых вопросов, рассказывали, что, несмотря на богатую обстановку дома, Набонидус живет очень просто и обходится минимальным количеством слуг. В самом деле, если только Мурило ничего не путает, они все упоминали только об одном замкнутом человеке по имени Джока. Второй, предположительно раб, был слышен где-то в доме, но его никто не видел в лицо. А самой большой загадкой этого полного тайн дома был сам Набонидус, которого ловкие интриги и хитросплетения политики сделали самым могущественным человеком в королевстве, и народ, канцлер, даже сам монарх плясали под его дудку.

Мурило вскарабкался по стене и прыгнул в сад, покрытый тенью деревьев и кустарников, которые тихо качались на ветру. Ни одного огня не светилось в окнах дома, встающего над садом черной скалой. Молодой аристократ поспешно, стараясь не шуметь, пошел мимо кустов. Каждый миг он ожидал услышать лай огромной собаки и увидеть, как она бросается на него из темноты. Он сомневался, что меч может помочь ему в битве с таким врагом, однако это не заставило его повернуть назад. Он понимал — погибнуть под клыками этой твари ничуть не хуже, чем под секирой палача.

Неожиданно Мурило споткнулся обо что-то массивное, мягкое. Когда он наклонился пониже, в свете звезд он увидел лежащее у своих ног неподвижное тело. Это был труп собаки, которая охраняла сад. Шею пса словно выкрутили, раны указывали на то, что их оставили пальцы, в которых заключена страшная физическая сила. Мурило был убежден: такое повреждение человек причинить не в состоянии. Вероятно, на пса напал зверь или монстр еще более дикий. Мурило бросил нервный взгляд на темные кусты, где могло скрываться неизвестно что, а потом, пожав плечами, направился к дому.

Уже первая дверь, которой Мурило коснулся, оказалась открыта. Он осторожно вошел, держа в руке меч, и увидел, что находится в длинном коридоре. Помещение освещалось слабым светом, который пробивался сквозь занавеси в другом конце коридора. Тени играли на полу и на стенах. Во всем доме царила абсолютная тишина. Мурило проскользнул по коридору и остановился, желая тихонько прокрасться к занавеси на двери. Он увидел впереди освещенный покой: тяжелые бархатные шторы на окнах спускались до пола, ни малейшего луча света не вырывалось на улицу. Покой казался пустым, но Мурило хватило одного взгляда и его передернуло от ужаса. Среди разбитой мебели и разорванных занавесей — свидетелей ужасной битвы — лежал труп человека. Он лежал на животе, однако голова его была неестественно вывернута, подбородок упирался в плечо. Лицо, искаженное жуткой ухмылкой, казалось, издевательски смотрит на оцепеневшего молодого аристократа.

В первый раз за эту ночь решимость покинула Мурило. Он бросил неуверенный взгляд на коридор, по которому пришел сюда, однако затем подумал о плахе — и отказался от бегства. Обогнул усмехающийся кошмар, лежавший

на полу. Несмотря на то что никогда не видел этого человека прежде, он узнал его по описанию других. Это был молчаливый слуга Джока.

И снова он остановился перед занавешенным дверным проемом и испытующе заглянул за занавес. Большой круглый зал открылся ему, опоясанный галереей примерно на середине между отполированным до зеркального блеска полом и высоким потолком. Этот зал удивил бы и королей, привыкших к роскоши. В середине стоял покрытый искусной резьбой махагоновый стол, заставленный сосудами с вином и деликатесами всех видов. Мурило замер. В широком кресле, повернутом к нему спинкой, восседала фигура, одеяние которой слишком хорошо было ему знакомо. Голова, скрытая так часто виденным багряным капюшоном плаща, была опущена в медитации. В королевском дворце Мурило сотни раз видел, как Набонидус сидит в такой позе.

Молодой человек проклял громкий стук своего сердца и с протянутым мечом скользнул в зал. Вся его фигура говорила о твердом намерении убить. Его жертва не двигалась, она еще, казалось, не слышала его приближения. Дремал ли Багряный Жрец или заснул вечным сном? Только один шаг отделял Мурило от врага, когда человек в кресле неожиданно встал перед ним.

Кровь отхлынула от лица Мурило. Меч выскользнул из его внезапно ослабевших пальцев и со звоном упал на полированный пол. Страшный крик вырвался из его груди. Глухой стук падающего тела последовал за криком. И снова тишина воцарилась в доме Багряного Жреца.

II

Вскоре после того, как Мурило покинул тюрьму, в которую заключили Конана, Атикус принес узнику блюдо с едой, в том числе гигантскую бычью ляжку, и кувшин пива. Конан припал к ним с жадностью изголодавшегося, а Атикус отправился в последний обход по подземелью, желая убедиться, что все в порядке и никто не сможет увидеть заключенного во время побега. Пока он был

занят этим делом, в тюрьме появился отряд стражников, который арестовал его. Мурило заблуждался, когда полагал, что этот арест стал следствием раскрытия плана побега. Он вообще не имел с побегом Конана никакой связи. Атикус оказался несколько небрежен в своих связях с «дном» общества, и его невнимательность принесла столь плачевные плоды.

Его место занял другой стражник, немного туповатый, но надежный человек, который никогда бы ни на шаг не отклонился со стези добродетели и выполнения своего долга. Он не обладал хорошо развитым воображением, зато был глубоко убежден в важности своей работы.

Когда Атикуса увели, новый стражник из чисто рутинных соображений сделал еще один обход подземелья. Когда он проходил мимо камеры Конана, его чувство справедливости было возмущено тем обстоятельством, что заключенный сидит в тюрьме, освобожденный от цепей, и с огромным удовольствием вгрызается в большую, хорошо прожаренную бычью ляжку. Стражник настолько разгневался, что сделал серьезную ошибку, войдя в камеру, не потрудившись сначала позвать с собой воинов из других частей тюрьмы или по меньшей мере не поставив их в известность. Это была его первая ошибка в несении служебного долга и вместе с тем последняя. Конан ударил его обглоданным мослом по голове, забрал у него нож и ключи и без излишней спешки пустился в путь. Как упоминал Мурило, здесь по ночам на часах стоял только один стражник. Киммериец покинул здание тюрьмы с помощью ключа, похищенного им, и оказался на улице. Все происходило так, как намеревался устроить Мурило, так, словно его план претворялся в жизнь без всяких помех.

Свои последующие шаги Конан обдумывал в тени тюремных стен. Ему пришло в голову, что он ничем не обязан Мурило, поскольку освободился самостоятельно. С другой стороны, именно юный аристократ самолично снял с него цепи и позаботился о хорошей кормежке. Без его участия побег бы не состоялся. Так что в конце концов киммериец пришел к выводу, что все же обязан Мурило, а поскольку Конан был человеком, не привыкшим оставаться в долгу, то решил сдержать данное молодому аристократу обещание. Но сначала ему нужно было позаботиться об одном личном деле.

Он сбросил драную куртку и в одной лишь набедренной повязке скользнул в ночь. Нож, который он забрал у стражника, был смертоносным оружием с широким обоюдоострым клинком примерно в девятнадцать дюймов длиной. По переулкам и темным площадям крался Конан, пока не добрался до Лабиринта. По его кривым переулочкам он шел с уверенностью старожила. Это был настоящий клубок темных улиц, грязных задних дворов, жутких лазеек и нор, полных таинственных звуков и разнообразных запахов. Улицы здесь не мостили, отбросы, нечистоты, жидкая грязь смешивались самым тошнотворным образом. Канав тоже не было, отходы и грязь просто выбрасывали из окон и дверей или сваливали в смердящие кучи. Если при ходьбе не соблюдать осторожность, то очень легко может получиться так, что вы поскользнетесь и по колено увязнете в вонючей куче или утонете в луже жидкого дерьма, которая по своим размерам не уступает небольшому пруду. И обычным делом было споткнуться о труп с перерезанной глоткой или разбитым вдребезги черепом. Добропорядочные граждане имели достаточные основания обходить Лабиринт стороной.

Никем не замеченный, Конан добрался до цели своего путешествия как раз в тот момент, когда личность, ради которой он и явился, выходила на улицу. Киммериец быстро спрятался в близлежащем дворе и увидел, как девица — та, что выдала его страже,— выпроваживает нового возлюбленного из своей комнатки на первом этаже. Дверь закрылась. Молодой негодяй ощупью нашел скрипящую лестницу. Он был полностью погружен в свои мысли, которые, как и у большинства обитателей Лабиринта, были заняты вопросами незаконного присвоения чужого добра. Посреди лестницы он резко остановился, и волосы шевельнулись у него на голове. Кто-то огромный, со сверкающими глазами, скорчился в темноте на лестнице немного ниже его. Глухое рычание было последним, что он услышал в своей жизни, когда это чудовище бросилось на него, и почти мгновенно острый клинок оборвал его жизнь. Человек испустил сдавленный крик и бессильно скатился вниз по ступенькам.

Варвар поднялся над ним, как призрак. Его глаза горели во мраке. Он знал, что крик и звук падения тела были услышаны, но жители Лабиринта из соображений собственной безопасности давно уже взяли себе в привычку не проявлять внимания к подобным происшествиям. Позднее кто-нибудь из них наверняка высунет нос и посмотрит, что случилось, но совершенно ясно, что это произойдет не сейчас.

Конан поднялся по лестнице и остановился перед дверью, которую так хорошо знал. Девица была заперта изнутри, но он просунул клинок между дверью и косяком и сорвал щеколду. Он вошел, прикрыл за собой дверь и встал перед девицей, которая предала его.

Она сидела на разоренной постели, скрестив ноги. На ней была тонкая ночная сорочка. Девица смертельно побледнела и уставилась на него, как на привидение. Она слышала крик на лестнице и заметила окровавленный нож в руке варвара. Но она была слишком перепугана мыслью о собственной участи, чтобы найти время оплакивать кровавый жребий своего возлюбленного. Она стала умолять оставить ей жизнь, почти ничего не соображая от страха. Конан молчал. Он стоял перед ней с горящими глазами и водил большим пальцем по острию своего кинжала.

Наконец, когда она прижалась к стене и в отчаянии хрипло попросила пощады, он схватил ее грязной рукой за белокурые локоны и сорвал с кровати. Он сунул кинжал обратно в ножны, зажал свою бьющуюся пленницу под мышкой и выскочил в окно. Как в большинстве домов такого рода, на высоте окна каждый этаж был опоясан карнизом. Если бы кто-нибудь оказался сейчас поблизости, его удивленному взору предстал бы человек, который осторожно пробирается по узкому карнизу первого этажа по наружной стене с отчаянно отбивающейся полуголой девкой под мышкой. Но даже этот возможный наблюдатель был бы ошеломлен не больше, чем сама девица.

Когда они добрались до места, Конан остановился и свободной рукой взялся за стену. В доме неожиданно поднялся крик. Следовательно, труп обнаружен. Пленница Конана ныла, скулила, вертелась и надоела ему еще больше. Киммериец посмотрел вниз, на грязь и нечистоты, прислушался к шуму в доме и к жалобам и мольбам девицы, а затем с большой меткостью уронил ее прямо в выгребную яму. С довольной ухмылкой Конан наблюдал за ее отчаянными

попытками выбраться наружу и наслаждался ее ядовитой бранью и угрозами. Он расхохотался и смеялся до тех пор, пока возросший шум в доме не напомнил ему о том, что пора уже идти убивать Набонидуса.

III

Мурило очнулся от громкого звона металла. Он застонал и, совершенно растерянный, сел. Вокруг царила совершеннейшая тишина и мрак. В какой-то миг он испугался, ему показалось, он ослеп. Но потом он вспомнил о произошедшем, и мороз прошел у него по коже. Он осторожно ощупал близлежащее пространство и установил, что лежит он на полу, сложенном ровно подогнанными каменными плитами; дальнейшие исследования показали, что стены построены таким же образом. Мурило поднялся и прислонился к стене, в отчаянии пытаясь сообразить, где же он может находиться. В том, что данное помещение сродни тюрьме, не могло быть сомнений, но как долго и где именно он находится — этого он не мог даже предположить. Он смутно припоминал лязг металла и спрашивал себя, была ли это в самом деле железная дверь тюрьмы, которая захлопнулась за его спиной, или же это означало, что палач уже пришел.

При этой мысли он содрогнулся всем телом и быстро двинулся на ощупь вдоль стены, каждый миг ожидая, что сейчас стена закончится, но через некоторое время пришел к выводу, что идет по коридору. Он плотно прижимался к стене, опасаясь люков в полу или других опасностей. И вдруг почувствовал: совсем близко в кромешной темноте кто-то стоит. Мурило абсолютно ничего не видел и не слышал ни одного предательского шороха из мрака, но какое-то шестое чувство предостерегало его. Мурило резко остановился. Волосы на затылке встали дыбом. Он был уверен: нечто живое затаилось рядом с ним в темноте,— настолько же уверен, как в том, что дышит.

Он думал, сердце выпрыгнет из груди, когда кто-то прошептал с варварским акцентом:

— Мурило, это ты?

— Конан!

Слабея от облегчения, молодой аристократ пошарил в темноте, пока его руки не нащупали обнаженные плечи.

— Хорошо, что я узнал тебя,— проворчал киммериец.— Я уже собирался заколоть тебя, как свинью.

— Где мы, ответь ради Митры!

— В подвалах под домом Багряного Жреца, но почему...

— Сколько времени?

— Недавно была полночь.

Мурило потряс головой и постарался взять себя в руки.

— Что ты здесь делаешь? — спросил варвар.

— Я пришел убить Набонидуса. Я узнал, что стражника в тюрьме сменили...

— И в самом деле,— буркнул Конан.— Новому я проломил череп и отправился гулять. Я пришел бы сюда пораньше, но мне нужно было уладить сперва одно личное дело. Ну что, приступим к нашему визиту?

Мурило заколебался:

— Конан, мы в замке Властелина преисподней! Я пришел посчитаться с врагом-человеком и нашел здесь волосатого демона из ада.

Конан сглотнул. Он был пуглив не больше, чем раненый тигр, когда видел перед собой противника из простых смертных, но, как и все дикари, становился жертвой необъяснимого страха, когда сталкивался со сверхъестественным.

— Я пробрался в дом,— шептал Мурило, словно темнота могла его услышать.— В саду я споткнулся о зверски убитую собаку Набонидуса. В доме наткнулся на Джоку, слугу жреца. Кто-то сломал ему шею. А потом я увидел и самого Набонидуса. Он сидел в кресле, одетый в свой обычный плащ. Сначала я даже подумал, что он мертв. Я подкрался к нему, собираясь ударить его мечом. Тогда он встал и повернулся ко мне. Боги мои! — Воспоминания об этом страшном мгновении лишили молодого аристократа дара речи.— Конан,— зашептал он снова,— передо мной стоял не человек! Фигурой, осанкой он походил на человека, но из-под багряного капюшона жреца мне ухмылялось и скалило зубы лицо, которое может возникнуть только в кошмарном сне. Оно было полностью покрыто волосами, из которых выглядывали светящиеся красные свинячьи глазки. Нос у него плоский, с огромными раздувающимися ноздрями. Он втягивал губы и обнажал желтые клыки. Руки, высовывающиеся из красных рукавов, были уродливы и тоже заросли шерстью. Все это я увидел в одно мгновение. Ужас охватил меня, и я потерял сознание.

— А потом? — беспокойно спросил киммериец.

— Я пришел в себя только несколько минут назад. Чудище, должно быть, бросило меня сюда. Конан, я давно уже подозревал, что Набонидус не совсем человек. Днем он принимает человеческий облик, а по ночам живет в своей истинной сущности.

— Похоже на то,— пробормотал киммериец.— Все знают, есть люди, которые по своему желанию могут превращаться в волков. Но зачем он убил свою собаку и своего слугу?

— Кто знает, что происходит в голове у демона? — ответил Мурило.— Мы должны сейчас думать, как выбраться отсюда. Земное оружие не в состоянии уничтожить оборотня. Как ты вообще сюда попал?

— По каналу. Мне пришлось считаться с тем, что сад охраняется. Сточные каналы города имеют выход в одной шахте, которая как раз ведет сюда. Я надеялся, что дверь будет не заперта.

— Тогда давай уйдем той дорогой, по которой ты пришел! — возбужденно воскликнул Мурило.— К демону остальное! Как только эта змеиная нора останется позади, нам предстоит совсем небольшой риск, связанный с королевскими ищейками. Попробуем выбраться из этого города. Пойдем!

— Безнадежно,— сказал Конан.— Дорога к каналу перекрыта. Когда я залез в туннель, с потолка упала решетка. Если бы я не оказался быстрее молнии, ее острия пригвоздили бы меня к полу, как червяка. Она не подалась ни на волос, когда я попытался ее поднять. Ее даже слон не сдвинет. Разве что заяц протиснется между прутьями.

Мурило выругался. Ему показалось, что железная рука сжала его сердце. Хотел бы он знать, есть ли в доме Набонидуса неохраняемый выход. Если бы Конан не оказался таким ловким, подъемная решетка раздавила бы его. Без сомнения, его появление в туннеле привело в действие какой-то скрытый механизм, который должен был его остановить.

— Мы можем сделать только одно,— сказал Мурило, чувствуя, как холодный пот бежит у него по спине.— То есть искать другой выход. Хотя я убежден, все они защищены решетками, но ведь у нас все равно нет выбора.

Варвар проворчал что-то в знак согласия, и оба на ощупь двинулись по коридору. Неожиданно Мурило, несмотря на напряженную ситуацию, подумал о совершенно посторонней вещи.

— А как ты все-таки узнал меня в кромешной тьме? — спросил он.

— По запаху помады, которой ты мажешь волосы. Я запомнил его, еще когда ты приходил ко мне в тюрьму,— ответил Конан.— И неожиданно снова запахло ею, когда я сидел тут в темноте. Запах меня и остановил, ведь я собирался напасть на тебя.

Мурило потянул свой черный локон к носу. Он не уловил почти никакого запаха. У варвара, должно быть, чертовски острое обоняние. Они пошли дальше, и Мурило инстинктивно протянул руку к мечу, но ему пришлось с сожалением убедиться в том, что ножны пусты. В этот момент они различили слабое свечение и почти сразу же оказались возле крутого поворота, из-за которого и исходил приглушенный свет. Они вместе подкрались к углу. Мурило, который прижался к своему спутнику, почувствовал, как тот замер. Но и сам он уже увидел полуобнаженного человека, который лежал в коридоре на полу. Он был освещен лучом, падавшим из большого серебряного диска на противоположной стене. Распростертая фигура показалась Мурило на удивление знакомой, хотя лица он видеть не мог. Неужели это возможно... Он сделал киммерийцу знак следовать за ним и проскользнул к лежащему. Прежде чем он перевернул его на спину, ему пришлось подавить приступ тошноты. Не веря своим глазам, смотрел он на него, и с губ его срывались проклятия. Киммериец поглядел на него вопрошающе.

— Это Набонидус! Багряный Жрец! — крикнул Мурило. Его захлестывали мысли.— Но почему же... кто был там?..

Жрец застонал и пошевелился. С кошачьей ловкостью Конан нагнулся и занес свой нож. Мурило схватил его за руку.

— Подожди! Не убивай его пока...

— Почему? — спросил варвар.— Он сбросил свою личину и спит. Хочешь его разбудить, чтоб он разорвал нас в клочья?

— Нет, подожди! — настаивал Мурило и сделал над собой усилие, пытаясь привести свои мысли в порядок.— Посмотри же! Он не спит! Разве не видишь кровоподтек на его виске? Без сомнений, его оглушили. Он лежит здесь, наверное, несколько часов.

— А мне показалось, будто ты клялся, что видел его наверху в зверином облике,— фыркнул Конан.

— Да, я говорил! Или... а, он пришел в себя. Убери же нож, Конан! Я хочу докопаться до корней этой тайны, которая, кажется, еще чернее, чем я думал. Я хочу поговорить со жрецом, прежде чем ты его убьешь.

Набонидус медленно поднес руку к своему посиневшему от удара виску, застонал и открыл глаза. Какой-то миг они казались пустыми и бессмысленными, потом в них стало возвращаться сознание. Он сел и посмотрел на обоих мужчин. Каким бы страшным ни был удар, лишивший его на время рассудка, сейчас его разум заработал со своей привычной остротой. Глаза жреца быстро обежали всю сцену и остановились на лице Мурило.

— Ты решил почтить мой скромный дом своим посещением, мой молодой господин? — насмешливо произнес он и покосился на могучую фигуру, громоздившуюся за плечами Мурило.— И привел с собой наемного убийцу, как я погляжу. Тебе не хватило длины твоего кинжала, чтобы оборвать мою ничтожную жизнь?

— Хватит болтовни! — нетерпеливо сказал Мурило.— Как долго ты лежишь здесь?

— Довольно странный вопрос к тому, кто только что пришел в себя,— ответил жрец.— Откуда я знаю, сколько сейчас времени? Я потерял сознание примерно за час до полуночи.

— Но кто же тогда там, наверху, он был одет в твой плащ?

— Это, конечно, Тхак,— пробормотал Набонидус и поморщился, прикоснувшись к своему синяку.— Да, это мог быть только Тхак. И в моем плаще? Вот пес!

Конан, который ничего не понимал, нетерпеливо зашаркал ногами и заворчал что-то на своем языке. Набонидус посмотрел на него с легкой усмешкой.

— Твоему человеку не терпится воткнуть мне нож в сердце,— сказал он.— Я считал тебя умнее и думал, ты оценишь мое предостережение и покинешь город.

— Откуда я мог знать, что ты захочешь предоставить мне такую возможность? — возразил Мурило.— И кроме того, все, к чему я привязан в жизни, находится здесь, в этом городе.

— Этот подонок — весьма подходящая компания для тебя,— буркнул Набонидус.— Я уже давно держал тебя под подозрением. Поэтому я и велел похитить того дохляка-писца. Но прежде чем умереть, он рассказал мне кое-что, и среди прочего он назвал имя одного молодого аристократа, который заплатил ему за возможность ознакомиться с некоторыми государственными тайнами, которые после милый юноша продал вражеской державе. И тебе не стыдно. совсем не стыдно, Мурило,— вор, который не хочет марать своих рук?

— У меня не больше оснований для стыда, чем у тебя, ты, ненасытный грабитель! — не остался в долгу Мурило.— Ты обираешь целое королевство, чтоб потешить свою жадность. Ты надел маску самоотверженного государственного мужа и вынуждаешь короля пожаловать тебя — разумеется, для блага страны — неограниченной властью, сложить руки и жертвовать ради твоей беспредельной жажды личной власти будущим целого государства. Ты же просто жирная свинья, запустившая свое рыло в корыто со жратвой. Ты куда больший вор, чем я. А этот киммериец из нас троих самый честный, потому что крадет и убивает, не делая из этого тайны.

— Ну, стало быть, мы трое прекрасно подходим друг другу,— заявил Набонидус с дружеской простотой.— И что теперь?

— Когда я увидел ухо исчезнувшего писца, я понял, что моя участь решена,— резко сказал Мурило.— Я решил, что ты настроишь против меня короля. Я был прав?

— Совершенно,— ответил жрец.— Убрать с дороги маленького придворного писца очень просто, но попробуй я повторить этот номер с тобой — и поднимется очень много пыли. Я намеревался утром рассказать королю небольшую пикантную историю, связанную с тобой.

— Небольшую историю, которая стоила бы мне головы,— пробормотал Мурило.— Значит, король еще не в курсе моих дел с другими странами?

— Еще нет,— вздохнул Набонидус.— А теперь, когда я смотрю на твоего спутника с его столь нетерпеливым кинжалом, я вообще начинаю опасаться, что никогда не смогу порадовать короля столь славной историйкой.

— Ты должен знать, как выбраться из этой крысиной дыры,— сказал Мурило.— Разумеется, я готов заявить, что жизнь твоя будет сохранена, если поможешь нам унести отсюда ноги и поклянешься хранить молчание относительно моих мелких махинаций.

— Когда жрецы держали слово? — вмешался Конан, который только теперь понял, о чем идет речь.— Давай я все-таки перережу ему глотку. Я хотел бы поглядеть, какого цвета у него кровь. В Лабиринте болтают, будто сердце у него черное, значит, и кровь должна быть такая же...

— Замолчи! — прошипел Мурило.— Если он не покажет нам дороги отсюда, мы сгнием здесь. Ну, Набонидус, что ты думаешь?

— Что думает волк, угодивший ногой в капкан? — Жрец рассмеялся.— Я полностью в твоей власти, а если мы хотим отсюда выбраться, один должен помогать другому. Я клянусь: если мы переживем это приключение, я забуду о твоих темных делах. Я клянусь душой Митры!

— Мне довольно твоих слов,— сказал Мурило.— Даже Багряный Жрец не посмеет нарушить такую клятву. Давайте уходить отсюда. Мой добрый друг попал сюда по туннелю, но подъемная решетка упала за его спиной и перегородила дорогу. Ты знаешь, как поднять ее?

— Не из этого подземного хода,— ответил жрец.— Рычаг, который приводит в действие механизм, находится в помещении над туннелем. Есть еще одна дорога отсюда, которую я тебе покажу. Только скажи мне, как вы сюда попали?

Мурило рассказал ему все в кратких словах. Набонидус кивнул и решительно поднялся. Он захромал по коридору, который расширился, превратившись в просторное помещение, и подошел к серебряному диску. Когда он прибли-

зился к диску, свет стал ярче, хотя огонек горел по-прежнему слабый, затененный. Возле диска они увидели узкую лестницу, которая вела наверх.

— Вот другой выход,— сказал Набонидус.— И я не думаю, что дверь наверху заперта. Но полагаю, того, кто захочет войти через нее, ждет смерть куда более верная, чем если бы он сам перерезал себе горло. Посмотрите в этот диск!

Круглая серебряная пластина, оказалась на самом деле встроенным в стену зеркалом. Сложная система медных труб имела выход в стене и наклонялась под нужным углом. Когда Мурило заглянул в эти трубы, он увидел бессчетное количество маленьких зеркал. Он сосредоточил свое внимание на самом большом зеркале и удивленно вскрикнул. Конан заглянул ему через плечо и проворчал что-то неразборчивое.

Создавалось впечатление, будто они смотрели через окно в ярко освещенную комнату. На стенах висели широкие зеркала, а между ними — бархатные шторы. Под зеркалами стояли шелковые диваны и стулья, сделанные из эбенового дерева и слоновой кости. В комнате находилось несколько дверей, также скрытых шторами, а перед одной из дверей, той, что не была занавешена, сидело нечто черное, массивное, уродливо контрастирующее с роскошью помещения. Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах, когда он увидел страшилище, неподвижно глядящее, как ему чудилось, прямо ему в глаза. Он непроизвольно отшатнулся от зеркала, и Конан тут же всунул голову в трубы, прижимаясь подбородком к самому зеркалу. На своем варварском языке он произнес угрозу или вызов, что-то в этом роде.

— Ради Митры, Набонидус,— прохрипел потрясенный Мурило,— что это?

— Это Тхак,— ответил жрец и осторожно провел пальцем по раненому виску.— Некоторые, вероятно, приняли бы его за обезьяну, но он отличается от настоящей обезьяны так же сильно, как и от настоящего человека. Подобные ему живут далеко отсюда, на востоке, в горах, проходящих по восточной границе Заморы. Таких, как он, немного, но если они не вымрут, то, я полагаю, за следующие сотни тысячелетий они разовьются в настоящих людей. Это уже не обезьяны, какими были их предки, но еще не люди, которыми в будущем могут, вероятно, стать их потомки. Они обитают на крутых, почти недоступных вершинах гор. Им незнаком огонь, они не умеют шить себе одежду и не используют оружие. Но они умеют общаться, правда, речь на слух напоминает клокочущие и хрюкающие звуки.

Я взял к себе Тхака, когда он только что родился. Он обучался намного быстрее и был гораздо восприимчивее, чем животное. Я использовал его как слугу и как телохранителя. Но я позабыл, что он все же нечто большее, чем просто зверь, который стал тенью меня самого. Совершенно явно, он способен ненавидеть, и в конце концов в нем развилось нечто подобное тщеславию.

В любом случае, он нанес мне удар, когда я менее всего ожидал этого. Сегодня ночью он словно с цепи сорвался. То есть, судя по его поведению, его можно было принять за взбесившегося зверя, однако я убежден — в основе всего лежит тщательно продуманный план.

Я услышал в саду шум драки и вышел посмотреть, подумал, что это моя собака рвет вас на куски. Тут появился Тхак. Забрызганный кровью, он вылез из куста. Прежде чем я понял, каковы его намерения, он подскочил ко мне с ужасным воплем и ударил меня, я потерял сознание. Больше я ничего не могу

вспомнить. Я могу только предположить, что он по какому-то непонятному капризу своего получеловеческого разума снял с меня одежду и бросил в туннель еще живого. Из каких соображений — только богам известно. Очевидно, когда он вышел из сада и ударил меня, собака была уже убита. И вне всяких сомнений, потом он убил Джоку, которого вы видели в доме мертвым. Джока пришел бы ко мне на помощь, несмотря на то что сила Тхака была ему хорошо известна. Джока всегда его ненавидел.

Мурило смотрел в зеркало на тварь, сидевшую перед дверью с терпением, достойным любого животного. Он ужасался при виде его огромных лап, которые казались покрытыми мехом. Существо было сильным, широким в кости, слегка сутулым. Багряное одеяние жреца треснуло на его неестественно широких плечах, и таким образом Мурило получил возможность увидеть, что и они покрыты густой черной шерстью. Несомненно, из-под красного капюшона выглядывала звериная морда, но тем не менее Мурило признал — Набонидус прав, когда говорил о Тхаке как о звере лишь отчасти. Какая-то искра в красных мрачных глазах, нечто неуловимое в неуклюжей позе и даже облик этого создания говорили, что он уже не животное. Это жуткое тело обладало разумом и душой, которые так сильно напоминали человеческие. Мурило был потрясен, когда заметил пусть еще слабое, смутное, но все же родство между человеком и этим уродливым монстром, и ему стало по-настоящему дурно при одной только мысли о том, из каких глубин первобытного звериного состояния с трудом поднялось человечество.

— Он же нас видит,— сказал Конан.— Почему он не хватает нас? Он мог бы с легкостью разбить это окно.

Мурило понял, что варвар принял зеркало за окно, в которое они попросту заглянули.

— Он нас не видит,— заверил его жрец.— Мы смотрим через это стекло в комнату, которая находится над нами. Дверь, которую, как мы видим, стережет Тхак, находится на верхнем конце лестницы. Благодаря такому расположению зеркал мы можем заглянуть в комнаты наверху. Вы видите вот это на стене? Маленькие зеркальца направляют изображение комнаты в эти трубы, затем, с помощью других зеркал, оно передается дальше и, наконец, в увеличенном виде отражается в большом зеркале.

Мурило подозревал, что жрец опередил свое время на столетия, когда изобретал и создавал эти механизмы. Конан, напротив, стал рассматривать все это как своеобразное колдовство и решил не ломать больше над этим устройством голову.

— Я проектировал подвал в качестве подземелья и погреба. Я уже не раз прятался здесь и наблюдал в зеркало, как те, кто приходил ко мне со злыми намерениями, встречали свою участь.

— Но почему Тхак следит за дверью? — спросил Мурило.

— Он должен был слышать, как закрылась подъемная решетка. Когда она поднимается, наверху это становится известно благодаря колокольчику. Он знает, что кто-то проник в туннель, и теперь ждет его появления. О, он был прилежным учеником! Он видел, что случается с теми, кто входит в дверь, если я дергал за шнур на стене. И теперь он хочет проделать это со мной.

— Мы можем что-нибудь предпринять, пока он сидит здесь так терпеливо?

— Боюсь, только наблюдать за ним. Пока он находится в комнате, мы не посмеем подняться по лестнице. Он обладает силой гориллы, и ему будет совсем нетрудно разорвать нас на куски. Но ему даже не придется напрягать мускулы. Достаточно просто потянуть за знакомый шнур на стене, чтобы отправить нас всех в вечность, как только мы откроем дверь.

— Каким образом?

— Я обещал помочь вам выбраться отсюда,— ответил жрец,— но отнюдь не раскрывать свои секреты.

Мурило хотел что-то сказать и внезапно замер. Чья-то рука украдкой отодвинула шторы одной из дверей, ведущей в другие покои. В комнату осторожно заглянуло смуглое лицо. Блестящие глаза с угрозой уставились на спину в красном одеянии.

— Петреус! — прошипел Набонидус.— Митра, воистину, собрание всех гарпий!

Из-за плеча первого показались лица других — смуглые, узкие лица, пылающие от возбуждения.

— Что им всем здесь нужно? — пробормотал Мурило и непроизвольно понизил голос, хотя он знал — его не могут слышать наверху.

— Ну и как вы думаете, чего ищет Петреус со своими пылкими юными патриотами в доме Багряного Жреца? — Набонидус рассмеялся.— Посмотрите только, с каким вожделением глазеют они на того, кого принимают за своего заклятого врага. Они стали жертвой того же недоразумения, что и вы. Вот будет потеха поглядеть на их рожи, когда они уразумеют, что к чему.

Мурило молчал. Все происходящее казалось ему нереальным. У него было впечатление, будто он смотрит пьесу в кукольном театре или превратился в бестелесного духа, который, никем не замеченный, наблюдает за людьми.

Он увидел, как Петреус предостерегающе приложил палец к губам и кивнул заговорщикам. Мурило не понял, заметил ли Тхак вторжение. Человек-обезьяна не менял своей позы. Он сидел неподвижно, спиной к той двери, через которую проскользнули заговорщики.

— Они пришли с той же целью, что и ты,— прошептал Набонидус в ухо Мурило.— Только причины, побудившие их к этому, куда более патриотичны, чем просто себялюбие. Ну да, поскольку собака мертва, стало совсем нетрудно шляться по моему дому. Ох, какая возможность устранить эту угрозу раз и навсегда! Если бы только на месте Тхака был я — один прыжок к стене, один только раз дернуть за шнур...

Петреус уже переступил порог, его спутники следовали за ним вплотную, кинжалы их блестели. Неожиданно Тхак поднялся и с быстротой молнии повернулся к ним. Вместо ненавистного, но знакомого лица Набонидуса они увидели жуткую образину, что лишило их воли, как и Мурило несколько часов назад. С пронзительным воплем Петреус отшатнулся, и это повергло его сообщников в бегство. Они спотыкались, цеплялись друг за друга, а Тхак одним гигантским прыжком подскочил к стене и резко дернул за толстый шнур, который висел перед дверью.

Обе половины занавеса тут же полностью раздвинулись, и что-то просвистело в воздухе, излучая неопределенное серебристое сияние.

— Он вспомнил! — в восторге крикнул Набонидус.— Этот зверь уже наполовину человек! Он видел, как это делаю я, и он не забыл! Смотрите теперь! Смотрите!

Мурило увидел, что теперь дверной проем перекрыла тяжелая стеклянная пластина. Сквозь нее он различал бледные лица заговорщиков. Петреус протянул руки, словно обороняясь от нападения Тхака, но затем коснулся прозрачной преграды. Судя по его жесту, он что-то сказал, обращаясь к своим товарищам. Занавеси были раздвинуты, те, кто находился в подвале, могли наблюдать все, что происходило в комнате с непрошеными гостями. В паническом страхе они ринулись к двери, через которую, очевидно, вошли сюда, и остановились как вкопанные, натолкнувшись на другую невидимую преграду.

— По рывку шнура эта комната была перегорожена,— объяснил Набонидус, улыбаясь.— Это все очень просто. Стеклянные пластины двигаются по пазам в дверных косяках. Шнур приводит механизм в действие. Это возможно сделать, только находясь во внутреннем помещении. Совершенно исключено сдвинуть пластины, даже на волосок. Стекло абсолютно непробиваемо. Не раз его пытались разбить молотком, топором, причем с большой силой. А!

От ужаса люди, попавшие в ловушку, впали в истерику. Вслепую носились они от двери к двери, отчаянно молотили по ним кулаками и, казалось, грозили неподвижной, заросшей волосами фигуре, находившейся во внутреннем покое. Неожиданно один из них задрал голову и посмотрел на потолок. Судя по движению его губ, он испустил панический вопль, тыча рукой наверх.

— Когда пластины опускаются, высвобождаются Облака Уничтожения,— сказал Багряный Жрец с диким смешком.— Они состоят из пыльцы серого лотоса с Болота Мертвых из страны Кхитай.

В центре потолка висела гирлянда золотых цветов, которые раскрылись, как лепестки гигантской розы. Перед ними заколыхалось серое облако, которое быстро заполнило собой всю комнату. Сцена тут же стала иной. На смену истерике пришло безумие. Заговорщики шатались и спотыкались как пьяные, двигаясь по кругу. Пена выступила на их губах, которые кривились в жутких ухмылках. Одержимые безумием, они набросились друг на друга с кинжалами, они кололи, резали, грызли друг друга зубами в кошмарном сумасшествии. У Мурило свело желудок, когда он наблюдал эту сцену. Ему оставалось только благодарить судьбу за то, что он не может слышать воя и рычания, которые, без сомнения, раздавались в комнате ужаса.

А вокруг несчастных торжествующе прыгал Тхак, размахивая руками. Набонидус, который стоял рядом с Мурило, хохотал как сумасшедший.

— О, славный удар, Петреус! Выпусти ему кишки! А теперь твоя очередь, мой патриотически настроенный друг! Теперь все на пол, и пусть живые рвут мясо мертвых зубами!

Мурило отшатнулся. Киммериец за его спиной вполголоса ругался на своем гортанном языке. Теперь одна только смерть царила в стеклянной комнате. С раскрытыми ртами и залитыми кровью лицами, которые безжизненно смотрели в потолок сквозь серые, слегка колеблющиеся облака, лежали заговорщики, безмолвные и совершенно неузнаваемые в одной кровавой куче.

Тхак сгорбился, как титанический гном, и бросился к стене, на которой висел шнур. На этот раз он потянул веревку не вверх, а в сторону.

— Открывает внешнюю дверь,— пояснил Набонидус.— Клянусь Митрой, он еще ближе к человеку, чем я предполагал. Смотрите, как вытягивается запах из комнаты и идет свежий воздух. Он ждет, чтоб опасность не коснулась его самого. Теперь он поднимает остальные пластины. Он предусмотрителен. Он знает об опасных свойствах серого лотоса, который приносит безумие и смерть. Митра!

Мурило чуть не подпрыгнул: так резко прозвучал этот возглас.

— Наш единственный шанс! — объяснил Набонидус.— Если он оставит этот покой хотя бы на короткий миг, мы сможем попытать счастья и подняться по лестнице!

Они напряженно следили за чудищем, которое вышло в раскрытую дверь и исчезло. После того как стеклянные пластины были подняты, шторы снова задернулись и скрыли покой смерти.

— Нужно рискнуть! — шепнул Набонидус. Мурило увидел капли пота на его лбу.— Вероятно, он избавляется от трупов, как это делал я. Скорей! Идите за мной! По лестнице!

Он побежал к ней и взлетел по ступенькам с легкостью, удивившей Мурило. Юный аристократ и варвар следовали за ним. Они услышали глубокий вздох облегчения, когда он рванул дверь на верхнем конце лестницы. Они вошли в большой покой, который уже видели с помощью зеркала. Тхака нигде не было.

— Он в той комнате, где убитые,— прошептал Мурило.— Закроем его там таким же способом, каким он запер заговорщиков,— предложил он.

— Нет, нет! — возразил Набонидус, и необычайная бледность покрыла его лицо.— Мы не можем быть уверены, что он и впрямь находится там. И кроме того, он может вернуться, прежде чем мы дотянемся до шнура! Лучше идите за мной в коридор. Мне нужно непременно попасть в мои комнаты и добраться до оружия, которым я могу уничтожить его. Этот выход — единственный, где нет ловушек, и по нему мы можем пройти через эту часть дома.

Они быстро двинулись за ним через занавешенный дверной проем, расположенный против того, что вел в комнату смерти, и оказались в коридоре, в который выходило множество дверей. Дрожащими от спешки пальцами Набонидус проверял их одну за другой. Все они были заперты.

— Митра! — Жрец прислонился к стене. Лицо его посерело.— Двери закрыты, и Тхак забрал у меня ключи. Вот теперь мы действительно в ловушке.

Мурило был потрясен, он не ожидал увидеть жреца таким подавленным. Набонидусу пришлось собрать всю свою волю и вновь обрести самообладание.

— Эта бестия меня достанет,— обреченно сказал он.— Если бы вы видели, что Тхак делает с человеком... Храни нас Митра! Боюсь, нам придется вести борьбу теми скудными средствами, которые у нас имеются.

Он повел их назад, к занавешенному дверному проему, и заглянул в большой покой как раз в тот момент, когда Тхак выскочил из двери, расположенной напротив. Не было никаких сомнений — человек-зверь почувствовал что-то подозрительное. Его маленькие, плотно прилегающие к голове уши шевельнулись, он злобно осматривался сердито сверкающими глазками. Он бросился к двери и рванул в сторону шторы, чтоб заглянуть внутрь.

Набонидус отшатнулся. Он дрожал как осиновый лист. В полном отчаянии он схватил Конана за плечо.

— Послушай, парень. Ты не отважишься выставить свой нож против его когтей?

Искра, вспыхнувшая в глазах Конана, была единственным ответом.

— Тогда быстро,— шепнул Багряный Жрец и толкнул его к шторам возле стены.— Он все равно скоро нас обнаружит, будет лучше, если мы опередим его. Когда он устремится на нас, ударь его ножом в спину, если сможешь. Мурило, ты покажешься ему и сразу побежишь по коридору. Митра знает, в рукопашной схватке шансов у нас нет, но, если он погонится за тобой, у нас появится возможность избежать смерти.

Мурило чувствовал, как кровь застывает у него в жилах, но он сжал зубы и вышел в дверной проем. Тхак тут же резко развернулся на другом конце комнаты, смерил его взглядом и с убийственным ревом бросился на него. Его багряный капюшон упал и открыл бесформенный череп. Черные лапы и красный плащ были забрызганы кровью. Это был черно-красный кошмар, который мчался по комнате, оскалив зубы. Кривые ноги несли мощное тело с удивительной скоростью.

Мурило побежал назад, в коридор. Косматое чудовище гналось за ним по пятам. Но в тот момент, когда они пробегали мимо штор, могучая фигура появилась за их спинами и всадила нож чудовищу между лопаток. Тхак яростно зарычал, когда сильный толчок опрокинул его, и вместе со своим противником рухнул на пол. И оба они сплелись на каменных плитах в жуткий клубок железа, клыков и когтей.

Мурило видел, как варвар обвил тело человека-обезьяны ногами и попытался таким образом удержаться на его спине. Чудовище, со своей стороны, старалось стряхнуть с себя врага, чтобы тот оказался в пределах досягаемости его огромных клыков. В водовороте ударов и багровых лоскутьев они покатились по коридору. Они крутились так быстро, что Мурило не решался пустить в ход стул, который он прихватил в качестве оружия, из опасения ударить варвара. Теперь он заметил, что, несмотря на первую рану, которую Конан нанес из укрытия, и несмотря на то, что развевающиеся лохмотья путались в руках и ногах чудовища, силы Тхака не убывали. Он не переставая тащил киммерийца вперед, и это невзирая на многочисленные колотые раны, которые давно уже убили бы обычного человека. Клинок варвара погружался в тело, в плечи и затылок, и чудовище истекало кровью, но, если кинжал Конана не нанесет ему в ближайшие секунды смертельного удара, нечеловеческая сила Тхака покончит с киммерийцем, а потом и с Набонидусом, и с ним, Мурило.

Конан дрался, как дикий зверь, в полном молчании, которое прерывалось только хрипом или рычанием. Черные когти чудовища, его железные пальцы царапали и рвали тело. Распахнутая пасть с острыми клыками неустанно тянулась к его горлу. Неожиданно Мурило улучил момент вступить наконец в бой и изо всех сил обрушил стул, так что череп обыкновенного человека разлетелся бы под этим ударом. Но деревянный предмет сломался, стукнувшись о затылок Тхака. На мгновение чудовище ослабило свою хватку. Этот миг использовал Конан. Хрипя и заливаясь кровью, он бросился вперед и по самую рукоятку вонзил свой нож в сердце человека-обезьяны. Судорожно вздрогнув, Тхак посмотрел на своего врага сверху вниз, затем рухнул. Его злобные зоркие глазки помутнели, мощные руки и ноги шевельнулись еще раз и застыли навсегда.

Конан, ошеломленный, залитый кровью, зашатался и вытер с глаз пот и кровь. Кровь капала с его ножа, с его пальцев, стекала по рукам и ногам, струилась по груди. Мурило схватил его, чтоб поддержать, но варвар недовольно оттолкнул его.

— Если я не могу больше сам держаться на ногах, значит, пришло время умирать,— процедил он сквозь запекшиеся губы.— Но я бы лучше выпил вина.

Набонидус разглядывал затихшую фигуру, словно не веря своим глазам. Черный, волосатый, жуткий человек-зверь, нелепый в лохмотьях багряного плаща, неподвижно лежал на полу. Но было в нем теперь больше человеческого, чем животного, и поэтому в том впечатлении, которое он производил, появилось что-то возвышенное.

Даже киммериец, казалось, заметил это, потому что прохрипел:

— Я убил человека, не зверя. Я причислил бы его к храбрейшим из всех, чьи души мне доводилось отправлять во мрак, и мои женщины пели бы о нем.

Набонидус поднял с пола связку ключей на золотой цепочке, которую Тхак выронил во время драки. Он сделал знак своим спутникам следовать за ним и направился к одному из покоев, отпер его, провел обоих через дверь. Как и во всех остальных помещениях дома, здесь ярко горел свет. Багряный Жрец взял сосуд с вином со стола и наполнил хрустальные бокалы. Когда его спутники жадно припали к вину, он проговорил:

— Что за ночь! Скоро утро. Что вы намерены предпринять теперь, друзья мои?

— Я хотел бы позаботиться о ранах Конана, если ты будешь настолько любезен и дашь мне перевязочный материал,— заявил Мурило.

Набонидус кивнул и шагнул к двери. Что-то в том, как он держался, заставило Мурило присмотреться к нему пристальнее. Возле самой двери Багряный Жрец неожиданно резко повернулся. Лицо его изменилось. Глаза пылали прежним огнем, рот кривился в беззвучном смехе.

— Негодяями можем быть мы все трое! — И голос его прозвучал, как и прежде, насмешливо.— Но идиот ты один, Мурило.

— Что это значит? — пылко спросил молодой аристократ и хотел было двинуться к нему.

— Назад! — предостерег его Набонидус.— Еще шаг — и тебе конец!

Мурило похолодел, когда увидел, как Багряный Жрец схватился за толстый шелковый шнур, который висел между штор сразу за дверью.

— Какое гнусное предательство! — крикнул юноша.— Ты же поклялся...

— Я поклялся ничего не говорить королю о твоих мелких махинациях! Но я не клялся не брать в руки этот предмет, раз уж мне представилась такая возможность. А ты решил, что я упущу подобный случай? В обычной ситуации я бы не решился убрать тебя собственноручно, не получив заранее одобрения от короля. Но об этом же никто не узнает. Ты исчезнешь в чане с негашеной известью вместе с Тхаком и этими кретинами-патриотами. Какая необыкновенная ночь! Хоть я и потерял нужных мне слуг, но то обстоятельство, что я избавился от очень неприятных врагов, перевешивает все! Вам лучше стоять на месте! Я уже переступил порог, и вы не успеете добраться до меня, прежде чем я дерну за шнур и отправлю вас в преисподнюю — на сей раз не с помощью серого лотоса, но столь же эффективно. Почти в каждой из моих комнат имеется ловушка. И поэтому, Мурило, как только какой-нибудь идиот вроде тебя...

Движением слишком быстрым для того, чтоб за ним мог уследить глаз, Конан схватил стул и запустил им в жреца. Набонидус инстинктивно вытянул вперед руки, пытаясь защититься, но было поздно. Снаряд разбил ему голову. Багряный Жрец зашатался и упал на пол лицом вниз. Вокруг него сразу образовалась темная лужа.

— А кровь у него, оказывается, просто красная,— разочарованно буркнул Конан.

Мурило провел дрожащей рукой по волосам, влажным от пота, и, слабея от облегчения, прислонился к столу.

— Светает,— прохрипел он.— Давай уйдем отсюда, пока мы не попались в какие-нибудь другие ловушки! Если мы сможем перелезть через стену так, что нас не заметят, никто не приплетет нас к событиям, разыгравшимся в этом доме. Пускай власти сами ищут всему объяснение.

Мурило бросил еще один беглый взгляд на труп Багряного Жреца, лежавшего в луже крови, и пожал плечами.

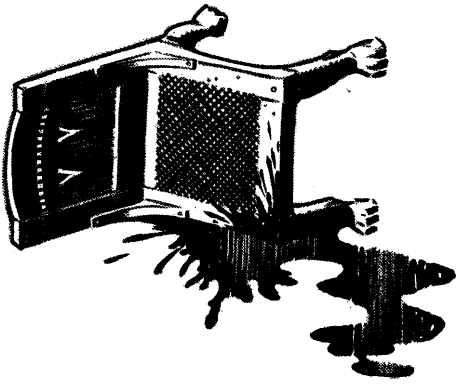
— Сам идиот,— пробормотал он.— Если бы не тратил время на издевательство над нами, запросто успел бы захлопнуть ловушку.

— Ну,— равнодушно отозвался киммериец,— он прошел по той дорожке, по которой рано или поздно проходят все подлецы. Я бы с удовольствием пошарил здесь на предмет добычи, но я нахожу, что самое умное для нас — убраться отсюда как можно быстрее.

Когда сумрак сада остался позади и небо над ними посветлело, Мурило сказал:

— Багряный Жрец ушел в преисподнюю, а я могу остаться среди моих друзей, и бояться мне больше нечего. Но что будет с тобой? Обвинение в убийстве жреца из Лабиринта с тебя не снято...

— Я сыт этим городом по горло,— ухмыльнулся киммериец.— Ты не упоминал часом о какой-то лошади, которая якобы ждет меня возле Крысиной Норы? Ужасно любопытно будет узнать, как быстро сумеет доскакать кобылка до другого королевства. На свете много дорог, с которыми я хотел бы познакомиться, прежде чем встану на тот путь, по которому прошел сегодня Набонидус.

ДОЛИНА ПРОПАВШИХ ЖЕНЩИН

I

Грохот барабанов и рев огромных рогов из слоновьих бивней были оглушительными, но Ливия слышала шум приглушенно, словно он доносился издалека. Она лежала на ангаребе в большой хижине, теряя сознание, и уже не могла сказать, происходит ли все наяву, или же ее окружают чудовища болезненного бреда. Царящая вокруг суета едва доходила до ее рассудка, однако в полубреду, в беспорядочных сумерках безумия, Ливия отчетливо разглядела обнаженную фигуру ее брата и кровь, стекающую с его дрожащих бедер. Прочее представлялось смутным кошмаром, где сплетались, точно змеи, неясные тени, но эта белая фигура виделась с беспощадной ясностью. Казалось, воздух до сих пор дрожит от крика его агонии, непристойно смешиваясь с демоническим хохотом.

Ливия перестала ощущать себя чем-то отдельным: вот я, а вот окружающее меня пространство. Она словно погрузилась в бездну боли и растворилась в ней, и эта боль была она сама, Ливия, потому что средоточием боли стало ее собственное тело. Она лежала, ни о чем не думая, не шевелясь, а за стенами хижины грохотали барабаны, ревели рога, и голоса дикарей выводили страшные песнопения, отбивая такт ударами босых ног по твердой земле и хлопая в ладоши.

Но наконец сквозь застывший рассудок Ливии постепенно начало пробиваться осознание. Сначала она тупо удивилась, что тело ее осталось не тронуто. Она восприняла это чудо без благодарности — теперь для нее все представлялось пустым, потерявшим всякое значение. Она приподнялась на ангаребе и огляделась. Руки и ноги девушки слабо шевельнулись, словно реагируя на просыпающиеся нервные центры. Босые ступни нервно заскребли грязный земляной пол. Пальцы рук конвульсивно одергивали подол рубашки — единственное,

---

© Перевод А. Костровой, Е. Хаецкой.

что на ней осталось. Ливия смутно вспомнила, когда-то давно-давно у нее были другие одежды, но чьи-то грубые руки сорвали с нее эти одежды и тогда она плакала от стыда и страха. Теперь представлялось странным, что такое небольшое зло причинило ей так много горя. Степень насилия и унижения весьма относительна, в конце концов, как и все прочее в жизни.

Дверь хижины отворилась, и вошла черная женщина — словно пантера, чье гибкое тело блестело, как полированное черное дерево, украшенное лишь шелковым лоскутом, обернутым вокруг ее вихлявых бедер. Она озорно вращала глазами, и белки отражали свет костров, пылающих на единственной деревенской улице.

Эта черная женщина принесла бамбуковое блюдо с едой — копченое мясо, жареный картофель, маис, большие бруски местного хлеба — и сосуд из кованого золота, наполненный пивом йарати. Все это она поставила на ангареб, но Ливия не обратила ни малейшего внимания ни на женщину, ни на угощение. Она сидела, неподвижно уставившись на противоположную стену, увешанную циновками, сплетенными из бамбуковых веток. Черная женщина неприятно засмеялась, блеснув черными глазами и ослепительными зубами. Она издала непристойный звук, похожий на шипение, бесстыдно погладила Ливию, а потом повернулась и с важным видом вышла из хижины, выражая свое пренебрежение к пленнице движением бедер, которое выглядело куда оскорбительнее слов любой цивилизованной женщины.

Но ничто не всколыхнуло полусонного сознания Ливии. Все ее ощущения продолжали существовать внутри, заключенные в оболочку ее больного тела. Происходящее вне ее казалось шествием призраков и колыханием теней. Машинально она съела все и запила пивом, не чувствуя вкуса.

Не осознавая своих действий, Ливия поднялась и неуверенно прошлась по хижине, чтобы заглянуть в щель между бамбуками. Вдруг тон барабанного боя и звучание рогов изменились. Какая-то скрытая часть ее сознания отреагировала на это и невольно заставила ее искать причину.

Сначала Ливия ничего не могла различить. Все по-прежнему происходило беспорядочно и туманно. Странные фигуры двигались и смешивались, вращались и переплетались, черные бесформенные предметы резко выделялись на кроваво-красном фоне, который оглушал и сверкал. Затем предметы приняли правильные очертания, и Ливия увидела мужчин и женщин, двигающихся вокруг костров. Багровый свет метался на орнаментах из серебра и слоновой кости, белые перья раскачивались. Обнаженные черные фигуры расхаживали с важным видом, останавливались. Их силуэты, окрашенные в малиновый цвет пламени, отчетливо вырисовывались на фоне темноты.

В окружении гигантов в головных уборах из перьев и поясах из леопардовых шкур на кресле из слоновой кости восседал жирный кусок черноты, воняющий влажными гниющими джунглями и мрачными болотами. Квадратный, необъятный, отталкивающий, как жаба. Пухлые руки существа покоились на лоснящейся дуге живота. Пупок — словно катышек закопченного жира, с любопытством высунувший голову. Глаза мерцали в свете костра, как живые угли в мертвом черном пне. Их ужасающая жизненная сила резко контрастировала с огромным вялым телом.

Увидев эту чудовищную фигуру, Ливия вся напряглась, и жизнь неудержимым потоком хлынула в нее. Из бездумной куклы она вдруг превратилась в жи-

вое, трепещущее существо, и боль обжигала ее. Девушка чувствовала себя то сильной, то хрупкой, словно ее тело закалялось, как сталь, попеременно погружаясь то в жар, то в холод. Она ощущала, как ненависть истекает из нее и направляется к черной рыхлой глыбе. На краткий миг ей чудилось, что объект ее эмоций должен упасть замертво с этого резного стула, так смертельна была ее ненависть.

Но если Баджуй, царь Бакала, и испытал некий физический дискомфорт из-за своей пленницы, то не показал этого. Он продолжал наполнять свой лягушачий рот пригоршнями маиса, черпая из сосуда, который держала перед ним коленопреклоненная женщина, и смотреть на своих подданных, выстроившихся по обеим сторонам улицы. Судя по торжественной резкой дроби барабана и оглушительным звукам рога, в конце прохода, образованного черными воинами, должна была появиться какая-то важная персона. И пока Ливия вглядывалась в темноту, персона возникла.

Колонна воинов по три человека в ряд приближалась к трону из слоновой кости. Сплошная масса развевающихся плюмажей и сверкающих пик продвигалась сквозь пеструю толпу. Во главе черных, как эбеновое дерево, копьеносцев шел человек, при виде которого Ливия вздрогнула. Казалось, сердце ее остановилось, а потом опять глухо застучало, мешая сделать вдох. В сумерках человек этот был отчетливо виден. Как и его копьеносцы, он красовался в набедренной повязке из леопардовых шкур и в головном уборе, украшенном перьями,— но он был белокожим.

Не как проситель или подчиненный приближался он к трону бакала, и, когда он остановился перед сидевшим на нем человеком, наступила тишина. Ливия улавливала общее напряжение, хотя лишь смутно понимала, что именно оно предвещает. Несколько мгновений Баджуй сидел, вытянув толстую шею, как большая жаба. Потом, словно притянутый пристальным взглядом пришельца, он слез со своего стула и встал, смешно качая бритой головой.

Мгновенно напряжение спало. Жители деревни оглушительно закричали. По сигналу незнакомца его воины подняли копья и отдали почетный салют царю Баджую. Кто бы он ни был, Ливия понимала: он должен быть весьма могущественным в этой дикой стране, если Баджуй из племени бакала поднялся, приветствуя его. А могущество означает, что он — великий воин. Сила — единственное, что почитается среди диких племен.

Ливия стояла, прильнув к щели в стене хижины. Воины белого незнакомца смешались с бакала. Они плясали, угощались, тянули пиво. Сам он с несколькими своими вождями сидел с Баджуем и вождями бакала, поджав ноги на циновках и жадно поглощая еду и выпивку. Ливия видела, как он вместе с другими глубоко погружает руки в котлы с рисом, глотает пиво из одного сосуда с Баджуем. Заметила она еще одну особенность. Белому пришельцу оказывали почести, полагающиеся верховному вождю, царю над царями. Поскольку у него не было трона, царь бакала отказался от своего и уселся на циновки вместе с гостем. Когда принесли новый сосуд с пивом, царь бакала чуть отпил и тотчас передал белому человеку. Вся эта подчеркнутая вежливость указывала на огромную власть и силу! Ливия задрожала. Ее охватило возбуждение, когда в голове ее начал складываться смелый план. Она следила за белым человеком с болез-

ненным напряжением, подмечая каждую деталь его облика. Он был высокого роста, выше и массивнее всех, даже многих чернокожих, считавшихся гигантами, но двигался с грацией большой пантеры. Когда свет костров падал на его лицо, глаза незнакомца загорались синим огнем. На ногах у него были ременные сандалии, а с широкого пояса свисал меч в кожаных ножнах. Ливия никогда не видела подобных людей. Но она и не пыталась определить, к какому народу он принадлежит. Достаточно того, что кожа у него была белая.

Проходили часы, и постепенно рев попойки стих. Все, и мужчины и женщины, погрузились в тяжелый пьяный сон. Наконец Баджуй неуверенно поднялся и воздел руки, отказываясь от дальнейшего соревнования, кто из них больше съест и выпьет. Он шагнул, споткнулся, и воины подхватили своего владыку и унесли в его хижину. Белый человек — победитель в состязании обжор и выпивох — величественно встал. Вожди бакала, те, кто был еще в состоянии передвигаться, проводили его в гостевую хижину, и белый скрылся там. Ливия заметила, что десяток его копьеносцев остались сторожить, держа копья наготове. Очевидно, незнакомец не слишком доверял дружбе Баджуя.

Теперь деревня слабо напоминала сумеречную Судную ночь. Повсюду валялись местные, мертвецки пьяные и обожравшиеся. Ливия знала, что внешние границы бомы охраняют трезвые воины. А в самой деревне бодрствовали только копьеносцы, стоявшие вокруг хижины белого человека. Но даже и среди них некоторые начинали клевать носом, прислонившись к копьям.

Сердце у девушки стучало, как молот по наковальне. Она скользнула к задней стене своей хижины-тюрьмы, тихо вышла из двери мимо храпевшей охраны, которую Баджуй приставил к ее хижине. Как тень, прошмыгнула она сквозь черноту и приблизилась к хижине незнакомца. На четвереньках проползла к задней стене. Там сидел на корточках черный гигант. Его сонная голова, украшенная перьями, склонилась на колени. Ливия проползла мимо. Гостевая хижина была ее первой тюрьмой. Узкое отверстие в стене, теперь прикрытое висящей внутри циновкой,— безмолвное свидетельство ее первой, слабенькой попытки бегства. Ливия отыскала эту лазейку, отодвинула циновку и попыталась протиснуть свое гибкое тело.

Свет костров, все еще горящих на улице, чуть освещал внутреннее помещение. Отодвигая циновку, Ливия вдруг расслышала приглушенное проклятие, а потом почувствовала, как кто-то схватил ее за волосы, втащил в отверстие и грубо поставил на ноги.

Пошатнувшись от неожиданности, Ливия откинула со лба спутанные волосы и посмотрела в лицо белого человека, возвышавшегося над ней. На его загорелом лице в шрамах девушка заметила удивление. В руке у него был обнаженный меч, а глаза горели, как сигнальные огни, то ли от гнева, то ли от удивления — она не могла понять. Он заговорил с нею на непонятном языке. Это было не то гортанное наречие, на котором изъяснялись черные люди, но и не язык цивилизованных людей.

— О, пожалуйста, не так громко,— принялась умолять она.— Они услышат...

— Кто ты? — строго спросил он на офирском, но с ужасным акцентом.— Клянусь Кромом, никогда не думал, что найду белую девушку в этой чертовой стране!

— Меня зовут Ливия, я пленница Баджуя. О, выслушай, пожалуйста, выслушай меня! Я не могу долго здесь оставаться. Я должна вернуться, прежде чем они обнаружат, что меня нет в хижине. Мой брат...— У нее перехватило горло, но она отважно продолжала: — Моего брата звали Фелетес, мы из семьи Хелкус, ученых и знатных людей Офира. По специальному разрешению стигийского царя мой брат поехал в Кешатту, город магов, чтобы изучать их искусство, и я сопровождала его. Он был еще мальчик, младше меня...

Голос ее прервался. Незнакомец молча глядел на Ливию горящими глазами. Лицо его оставалось хмурым, непроницаемым. В нем таилось нечто дикое и неукротимое. Это испугало ее, заставило нервничать, сделало нерешительной.

— Черные кушиты вторглись в Кешатту,— торопливо продолжила она.— Мы подъезжали к городу с караваном верблюдов. Наши охранники убежали, и кушиты забрали нас с собой. Они не сделали нам ничего плохого. Они сказали нам, что переговорят с жителями Стигии и возьмут за нас выкуп. Но один из вождей пожелал весь выкуп забрать себе. Вместе со своими людьми однажды ночью он выкрал нас из лагеря и бежал далеко на юг, к самым границам Куша. А там их всех перебили бакала... Фелетеса и меня пригнали в это звериное логово...— Ливия зарыдала.— Этим утром у меня на глазах зарезали моего брата и надругались над ним.— Она задохнулась, вспомнив все, и ярость ослепила ее.— Они скормили его гениталии шакалам. Не знаю, как долго я была без сознания...

Замолчав, она подняла глаза и посмотрела в хмурое лицо незнакомца. Бешеная ярость охватила ее. Она принялась колотить кулаками в его мощную грудь. Но он обращал на эти удары не больше внимания, чем на жужжание мухи.

— Как ты можешь стоять здесь истуканом? — выкрикнула она страшным шепотом.— Ты что, такое же животное, как эти все? Ах, Митра, когда-то я думала, что у мужчин есть честь! А теперь я знаю цену всем вам. Ты... Что ты знаешь о чести? Что ты знаешь о милосердии? О порядочности? Ты — варвар, как и все эти, только кожа у тебя белая. Но душа твоя такая же черная, как и у них. Тебе наплевать, что человек твоего цвета кожи был самым грязным образом умерщвлен этими грязными собаками и что белую женщину сделали рабыней! Превосходно!

Ливия отпрянула от него, задыхаясь, преображенная этой вспышкой гнева.

— Я скажу, сколько ты стоишь,— сказала она словно в бреду, разрывая рубашку у себя на груди.— Разве я некрасива? Разве не более желанна, чем эти черные девки, словно вымазанные сажей? Разве я — не достойная награда за кровь? Разве не стоит убить ради белокожей девственницы? Да, убей эту черную собаку Баджуя! Я хочу увидеть, как его проклятая голова скатится в кровавую пыль! Убей его! Убей его! — Ливия крепко сжала кулаки.— А потом возьми меня и делай со мной, что хочешь! Я буду твоей рабыней!

А он все молчал — гигантское неподвижное воплощение кровопролития и разрушения.

— Ты говоришь так, словно можешь отдаваться по собственной воле,— произнес он наконец.— Словно твое тело обладает силой ниспровергать царства. Зачем мне убивать Баджуя, чтобы получить тебя? Женщины здесь дешевые, как подорожник, и их согласие или несогласие ничего не значит. Ты слишком высоко себя ценишь. Если я захочу тебя, мне не потребуется убивать Баджуя. Он скорее сам отдаст мне тебя, чем решится воевать со мной.

Ливия ахнула. Вся ее решимость иссякла, пыл пропал; голова Ливии закружилась, хижина поплыла у нее перед глазами. Она зашаталась и, как куль, свалилась на ангареб. Горечь сломила ее душу. Девушка была потрясена, осознав свою полную беспомощность, о которой так грубо сказали ей прямо в лицо. Человек подсознательно цепляется за знакомые ценности и понятия даже там, где эти ценности лишены всякого смысла. Несмотря на все, что пережила Ливия, она до сих пор наивно верила, что согласие женщины имеет решающее значение в той игре, которую она предлагала. А от нее сейчас не зависело вообще ничего. И это потрясло ее. Она больше не могла передвигать мужчин, словно те были пешками на шахматной доске. Она сама теперь стала бессильной пешкой.

— Понимаю. Глупо предполагать, будто любой мужчина в этой части света станет вести себя согласно правилам и обычаям, существующим в другой части земли,— чуть слышно пробормотала она, едва сознавая, что говорит.

Потрясенная новым поворотом судьбы, она неподвижно лежала, пока железные пальцы белого варвара не схватили ее за плечо и не вздернули снова на ноги.

— Ты сказала, я варвар,— резко начал он,— так вот, это правда, хвала Крому! Если бы твой караван охраняли варвары, а не мягкозадые слабаки, образованные и цивилизованные кретины, то этой ночью ты не была бы рабыней черной свиньи. Я — Конан из Киммерии, и меня кормит мой меч. Но я не такая собака, чтобы оставить белую женщину в когтях чернокожего. И хотя меня называют грабителем, я никогда не беру женщину без ее согласия. В разных странах обычаи разные, но если мужчина достаточно силен, он повсюду может насадить несколько своих обычаев. Еще ни один человек не называл меня тряпкой! Будь ты даже старой и уродливой, как любимый гриф демона, я все равно отобрал бы тебя у Баджуя, просто потому, что ты — белая. Но ты молода и красива, а я столько насмотрелся на черных шлюх, что меня уже тошнит от них. Я буду играть по твоим правилам просто потому, что некоторые твои принципы соответствуют некоторым моим. Возвращайся в свою хижину. Баджуй слишком пьян, чтобы прийти к тебе этой ночью, а я прослежу, чтобы завтра он целый день был занят. А следующей ночью ты согреешь постель Конана!

— Но как ты это сделаешь? — Ливия вся дрожала, ее обуревали смешанные чувства.— У тебя ведь только эти воины!

— Их достаточно,— проворчал Конан.— Они — бамулы, и каждый из них вскормлен пенистым молоком войны. Я явился сюда по просьбе Баджуя. Он хочет, чтобы я присоединился к нему в нападении на йихиджи. Сегодня мы пировали. Завтра у нас будет совет. Когда я покончу с ним, он будет держать совет в аду.

— Ты нарушишь перемирие?

— В этой стране перемирия заключаются, чтобы их нарушать,— решительно промолвил он.— Он нарушит перемирие с йихиджи, а после того, как мы разграбим их вместе, постарается убрать и меня, стоит только мне потерять бдительность. То, что в другой стране будет самым жутким предательством, здесь — здравый смысл. Я не добился бы положения военачальника бамулов, если бы не выучил уроков, которые дает черная земля. Теперь возвращайся в хижину и спи. Знай, свою красоту ты сохраняешь не для жабы Баджуя, а для Конана.

II

Ливия смотрела в щель в бамбуковой стене. Нервы ее были напряжены, она вся дрожала. Весь день, поздно проснувшись, отупевшие от вчерашней пьянки чернокожие готовились к новому пиру. Весь день Конан из Киммерии сидел в хижине Баджуя, но что там происходило — этого Ливия знать не могла. Она старалась ничем не выдать своего волнения перед единственным человеком, кто входил к ней в хижину,— мстительной черной девкой, которая приносила ей еду и питье. Но эта женщина была слишком пьяна от возлияний прошлой ночи и не заметила изменений в поведении своей пленницы.

Опять спустилась тьма, костры осветили деревню, и снова вожди оставили хижину царя и сели на корточках на открытом пространстве между хижинами, пировать и держать военный совет. На этот раз хмельных напитков было куда меньше. Ливия заметила, что бамулы время от времени подходят к кругу, где собрались вожди. Она видела Баджуя и сидящего напротив него, через котлы с едой, Конана — тот смеялся и разговаривал с гигантом Аджей, военачальником Баджуя.

Конан грыз большую говяжью кость. Ливия вдруг заметила, что он посмотрел через плечо. Словно это был сигнал, которого они ждали, все бамулы повернули головы к своему вождю. Конан поднялся, все еще улыбаясь, потянулся к котлу с едой и быстро нанес Адже страшный удар тяжелой костью. Военачальник обмяк с пробитой головой, и мгновенно страшный крик потряс небеса: бамулы ринулись в бой, как кровожадные пантеры.

Котлы опрокинулись, обжигая сидящих женщин; бамбуковые стены хижин ломались под тяжестью падавших на них тел, крики агонизирующих людей вспарывали ночную тишину, и над всем этим поднялось торжествующее «Йии! Йии! Йии!» обезумевших бамулов. В страшном пламени костров окровавленные копья стали малиновыми.

Жители деревни были парализованы внезапностью нападения. Мысль об этом не приходила в их дикие головы. Копья пирующих были сложены в хижинах, многие из воинов уже напились. Падение Аджи стало сигналом, по которому бамулы метнули пики в сотни ничего не подозревающих людей. После этого началась резня.

Ливия застыла возле щели в стене. Крики боли и ярости били по ее измученным нервам, причиняя почти физическое страдание. Корчившиеся фигуры то неясно вырисовывались перед ней, то снова появлялись с ужасающей отчетливостью. Она видела, как дубинки со всего маху опускались на головы в мелких завитушках. Из костров выхватывали головешки, из них во все стороны сыпались искры. Тростниковые крыши тлели и вспыхивали. Вдруг сквозь ужас кровавой бойни прорвались новые крики — крики страшной боли. Это бросали в пламя костров еще живых людей. Запах паленого мяса добавился к зловонию пота и свежей крови. Пламя ревело, как голодное чудовище.

Ливия не выдержала. Она стала кричать, кричать не переставая, стуча себя кулаками в виски. Разум готов был покинуть ее. Упав на пол, она захохотала. Напрасно она старалась убедить себя, что там, на улице, ужасной смертью умирают ее враги; что происходит именно то, на что она отчаянно надеялась и что замышляла; что эта страшная жертва была справедливым возмездием за зло, причиненное ей и ее близким. Безумный ужас охватил ее.

Ей не было жаль умирающих людей. Единственное, что ею владело,— страх, слепой, абсолютный, неистовый, нерассуждающий. Она видела Конана, его белая фигура резко выделялась среди чернокожих. Она увидела, как блеснул его меч — и люди посыпались на землю вокруг него. У костра закипела схватка — Ливия заметила в середине жирную квадратную образину. Конан кинулся туда и пропал из ее поля зрения. Но вот раздался пронзительный, невыносимый крик... Толпа на мгновение распалась, и Ливия разглядела толстую черную жабу, истекающую кровью. Затем толпа опять сомкнулась, и клинки засверкали, словно молнии в сумерках.

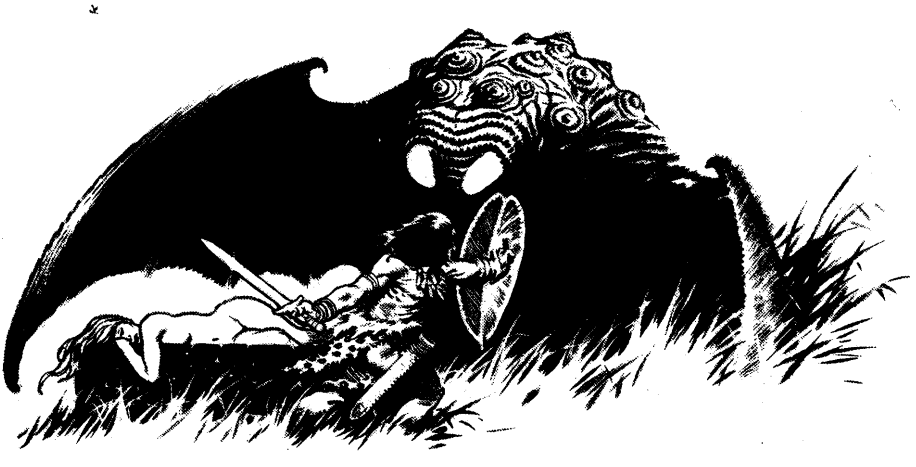
Послышался торжествующий звериный вой. Высокая фигура Конана показалась из толпы. Размашистым шагом он направился к хижине, где скрывалась девушка. В руке он держал страшный трофей: на отрубленной голове Баджуя играл отсвет красного пламени костра. Черные глаза, теперь стеклянные, мертвые, закатились; были видны лишь белки. Челюсть отвисла, словно в усмешке идиота. Следом за Конаном на земле оставалась дорожка стекающей с головы крови.

Вскрикнув, Ливия отшатнулась от стены. Конан заплатил обещанную цену и теперь шел, чтобы предъявить права на нее, неся страшное доказательство уплаты. Сейчас он схватит ее своими кровавыми пальцами, прижмется своим нечистым ртом к ее губам, еще не отдышавшись от резни. При этой мысли Ливия в исступлении бросилась к двери в задней стене хижины. Дверь распахнулась, и она выбежала, как летящий белый призрак в царстве черных теней и багрового пламени.

Непонятный инстинкт привел ее к загону, где держали лошадей. Какой-то воин как раз снимал перегородки. Он вскрикнул от удивления, когда белая девушка пронеслась мимо. Темная рука схватила ее за ворот рубашки. Резким рыв-

ком Ливия вырвалась, оставив рубашку в его руке. Лошади, фыркая, пронеслись мимо нее, сбив с ног черного воина. Тощие, выносливые кони кушитской породы тоже обезумели от огня и резкого запаха крови.

Как слепая, Ливия ухватилась за гриву пробегавшего мимо коня, упала, снова вскочила на ноги, высоко подпрыгнула и вскарабкалась на его спину. Обезумев от страха, табун поскакал сквозь огонь, копытами раскидывая искры, которые посыпались на людей ослепляющим дождем. Мимо испуганных чернокожих пронеслась обнаженная девушка, прильнувшая к гриве коня. Ветер трепал распущенные желтые волосы всадницы. Конь понесся прямо к палисаду, взлетел вверх — и исчез в ночи.

III

Ливия не пыталась управлять конем, не чувствуя необходимости делать это. Вопли и свет костров постепенно стихали. Ветер шевелил ее волосы и ласкал ее нагое тело. Ливия знала только одно: надо крепко держаться за гриву и скакать, скакать, скакать — за край света, прочь от агонии, горя и ужаса.

И много часов выносливый конь мчал ее прочь, пока, взлетев на залитый звездным светом гребень холма, не остановился так резко, что она перелетела через его голову.

Ливия упала на мягкую, как подушка, траву и лежала, наполовину оглушенная, смутно слыша, как конь убегает прочь. Когда она с трудом поднялась, первое, что поразило ее, была тишина. Тишина казалась почти ощутимой — мягкая, бархатная — после непрерывного рева рогов и грохота барабанов, которые сводили Ливию с ума в течение многих дней. Девушка подняла голову, посмотрела на огромные звезды, усеявшие синее небо. Луны не было, звездный свет заливал землю, создавая странные иллюзии и разбрасывая неожиданные тени. Ливия стояла на покрытом травой возвышении с ровными склонами. При свете

звезд они казались гладкими, как атлас. В одном направлении, далеко, она различила темную полоску деревьев — там виднелся лес. А здесь — только ночь и слабый ветер, доносящийся с самых звезд.

Земля выглядела просторной и сонной. Теплая ласка ветерка неожиданно напомнила Ливии о том, что она раздета. Она поежилась, пытаясь прикрыться руками. Ливия почувствовала одиночество ночи и непрерывность этого одиночества. Она была одна. Стояла обнаженная на холме, и никто ее не видел. И все вокруг исчезло, остались только ночь и шепот ветра.

Ливия вдруг обрадовалась ночи и одиночеству. Никто ей не угрожает, никто не схватит ее грубыми лапами. На склоне, уходящем в широкую долину, густо рос папоротник, качаясь на ветру. По всей долине рассеяны какие-то предметы — звездный свет делал их бледными. Ливия подумала, что это, должно быть, большие белые цветы, и новая мысль смутно напомнила ей о чем-то странном. Она вспомнила, как чернокожие со страхом говорили о какой-то долине. О долине, куда убегали девушки другой, золотисто-смуглой расы, которая населяла землю до прихода предков бакала. Там, говорили люди, они превращались в белые цветы. Да, древние боги превращали их в цветы, чтобы они избежали насилия. Ни один чернокожий мужчина не смел ходить туда.

Но Ливия решилась пойти в эту долину. Она стала спускаться по покрытому травой склону, который бархатно ласкал ее босые ноги. Ливия останется там, среди кивающих белых цветов, и ни один мужчина никогда не придет сюда и не прикоснется к ней своими похотливыми, грубыми руками. Конан говорил, что соглашения заключаются, чтобы их нарушать. Свое соглашение с ним она нарушит. Она уйдет в долину пропавших женщин. Она затеряется в одиночестве и неподвижности... Эти смутные, разрозненные мысли проносились в ее сознании, пока она спускалась вниз, и склоны холмов поднимались вокруг нее все выше и выше.

И когда она стояла уже на самом дне долины, у нее все равно не возникало ощущения, будто она заперта в этих неровных стенах. Вокруг нее шевелилось море теней, и большие белые цветы кивали головами и что-то шептали ей. Ливия стала бродить наугад, раздвигая перед собой папоротник, слушая шепот ветра в листьях и с почти детским удовольствием внимая журчанию невидимого потока. Она двигалась словно во сне, окруженная странной нереальностью. Одна мысль постоянно вертелась у Ливии в голове: она в безопасности, она навсегда избавлена от грубости мужчин. Ливия заплакала, но это были слезы радости. Она легла, вытянувшись во весь рост, ухватилась за траву, словно хотела прижать к груди найденное убежище и остаться так навеки. Из цветов она сплела себе венок на голову. Их аромат сливался с другими запахами долины, убаюкивающими, нежными, волшебными.

Наконец Ливия добралась до поляны посреди долины и увидела там большой камень, словно обтесанный руками человека. Он был украшен папоротниками и цветами. Ливия стояла, глядя на него с удивлением, и вдруг почувствовала вокруг себя какое-то движение. Повернувшись, она увидела фигуры, крадущиеся из теней,— странные смуглые женщины, гибкие, нагие, с цветами в черных как ночь волосах. Словно существа из сновидения, они приблизились к Ливии, не произнося ни слова. Вдруг ей стало очень страшно. Она увидела их

глаза — светящиеся, нечеловеческие. Казалось, будто тела девушек сохранили человеческую форму, но души их претерпели странное изменение. И эти искажения человеческой природы отражались в их светящихся глазах. Страх волной накрыл Ливию. Змея поднимала свою страшную голову в только что обретенном раю.

Ливия не могла двинуться с места. Гибкие смуглые женщины окружили ее. Одна, на вид красивее других, подошла к дрожавшей девушке и обняла ее. Дыхание ее издавало тот же запах, что и белые цветы, раскачивающиеся под звездами. Губы девушки коснулись губ Ливии и замерли в долгом, страшном поцелуе. Ливия почувствовала, как стынет ее кровь. Руки и ноги стали хрупкими. Как белая статуя из мрамора, она лежала в объятиях смуглой красавицы, не в состоянии ни говорить, ни двигаться.

Быстрые мягкие руки подняли ее и уложили на камень-алтарь посреди цветов. Смуглые женщины встали в круг, взявшись за руки, и повели вокруг алтаря плавный хоровод. Никогда ни солнце, ни луна не становились свидетелями такого танца, а большие белые звезды сделались еще белее и засияли еще ярче, словно таинственные чары танца заставляли реагировать космос и стихии.

Послышалось низкое пение. Казалось, то поют не человеческие голоса — доносится журчание далекого потока. Шелест голосов напоминал шепот больших белых цветов, колышущихся под звездами. Ливия лежала, сознавая происходящее, но не в силах шевельнуться. Ей и в голову не пришло усомниться в своем рассудке. Она не хотела рассуждать или анализировать. Она — была, и эти странные существа, танцующие вокруг нее,— они тоже были. Ливия признавала реальность своего кошмара, но лежала беспомощно, глядя в звездное небо, откуда — она знала это — что-то должно прийти к ней, как уже приходило давно-давно, чтобы сделать этих обнаженных смуглых женщин бесплотными существами.

Сначала Ливия увидела черную точку среди звезд, которая росла и расширялась. Эта точка приближалась, становясь похожей на летучую мышь, и продолжала расти, не меняя формы. Она парила над пленницей среди звезд и вдруг ринулась вниз, словно тяжелый груз, оборвавшийся с веревки. Большие крылья распростерлись над Ливией. Она лежала, накрытая мрачной тенью. А пение поднималось все выше, превращаясь в хвалебный гимн нечеловеческой радости, в приветствие богу, который пришел, чтобы потребовать новой жертвы, свежей и розовой, как цветок в предрассветной росе.

Теперь демон завис над Ливией, и ее душа съежилась, застыла и стала маленькой. Крылья демона были похожи на крылья летучей мыши, но его тело и расплывающееся в сумерках лицо, смотрящее прямо на пленницу, не были похожи ни на что. Ни в море, ни на суше, ни в воздухе не существовало ничего подобного. Ливия знала, что смотрит на абсолютный ужас, на черную космическую грязь, рожденную в темных как ночь безднах.

Разрывая невидимые путы, Ливия дико закричала. Ее крик отозвался таинственным грозным возгласом. Она услышала топот бегущих ног. Все вокруг нее вскипело водоворотом, белые цветы разлетелись по сторонам, смуглые женщины разбежались. Но сверху по-прежнему парила большая черная тень. Затем Ливия увидела высокую белую фигуру с плюмажем на голове, стремительно приближавшуюся к ней.

— Конан!

Крик невольно сорвался с ее губ. С резким нечленораздельным воплем варвар прыгнул вверх, взмахнув над головой мечом, блеснувшим в свете звезд.

Большие черные крылья взметнулись вверх и упали. Ливия, онемевшая от ужаса, увидела, что черная тень окутала киммерийца. Белый человек тяжело дышал, топот его ног гулко отдавался в ночи, цветы были втоптаны в грязь. Варвара швыряло из стороны в сторону, как крысу в пасти собаки, кровь стекала с меча, марала белые лепестки, усыпавшие землю, как ковер.

И вдруг девушка, наблюдавшая это адское сражение, словно в кошмарном сне, увидела, как существо с черными крыльями дрогнуло и зашаталось в воздухе. Послышались взмахи покалеченных крыльев, чудовище освободилось, взмыло вверх, слилось со звездами и исчезло. Его победитель качался, словно у него кружилась голова. Он оперся на меч, широко расставив ноги и глядя вверх, словно пораженный своей победой.

Спустя некоторое время Конан приблизился к алтарю. Его массивная грудь, блестящая от пота, высоко вздымалась. Кровь сбегала по рукам с шеи и плеч. Когда он дотронулся до девушки, чары спали с нее. Ливия поднялась и соскользнула с алтаря, отшатнувшись от его руки. Конан прислонился к камню, глядя на нее сверху вниз,— она съежилась у его ног.

— Люди видели, как ты умчалась из деревни,— сказал он.— Я последовал за тобой сразу, как только смог. Я ехал по твоему следу, хотя было трудно его разобрать при свете факелов. Я ехал за тобой до места, где конь сбросил тебя, и, хотя факелы к тому времени догорели и я не мог найти отпечатков твоих босых ног на траве, я был уверен, что ты спустилась в долину. Мои люди побоялись последовать за мной, поэтому я пошел дальше один пешком. Что это было?

— Бог,— прошептала она.— Черные люди говорили об этом. Бог, приходящий издалека и очень древний!

— Демон из потусторонней темноты,— усмехнулся он.— В демонах нет ничего особенного. Они таятся, как блохи, за поясом света, который окружает этот мир. Я слышал, как мудрые заморанцы говорили о них. Некоторые из этих существ отыскивают дорогу на землю. А когда они достигают земли, им приходится принять какую-нибудь земную форму. Мужчина вроде меня, с мечом, справится с любым количеством клыков и когтей, демонских или земных. Пойдем. Мои люди ждут за хребтом долины.

Ливия сжалась, боясь шевельнуться. Она не знала, что сказать, а Конан хмуро смотрел на нее. Затем она заговорила:

— Я убежала от тебя. Я хотела обмануть тебя. Я не собиралась выполнить свое обещание. Мы договорились, что я буду твоей, но я все равно убежала бы от тебя, если бы могла. Накажи меня, как хочешь.

Он стряхнул пот и кровь с волос, вложил меч в ножны.

— Встань,— проворчал он.— Это была грязная сделка. Я не жалею, что убил черную собаку Баджуя, но ты не шлюха, которую покупают и продают. Привычки мужчин разные в разных странах, но мужчине не обязательно быть свиньей, где бы он ни оказался. Поразмыслив, я понял, что требовать от тебя соблюдения нашего договора — это все равно что взять тебя силой. Кроме того, для этой страны ты недостаточно сильная. Ты дитя города, книг, цивилизованного образа

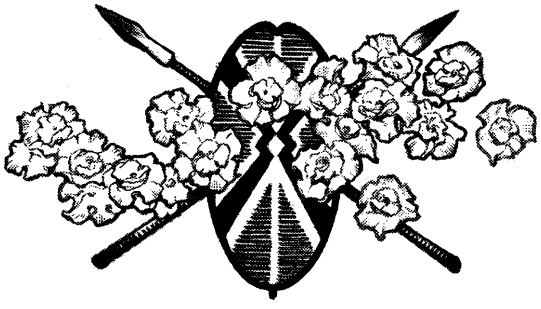
жизни. В этом не будет твоей вины, но ты быстро умрешь, если начнешь жить моей жизнью. А мертвая женщина мне не нужна. Я довезу тебя до стигийской границы. Пусть стигийцы отправят тебя домой в Офир.

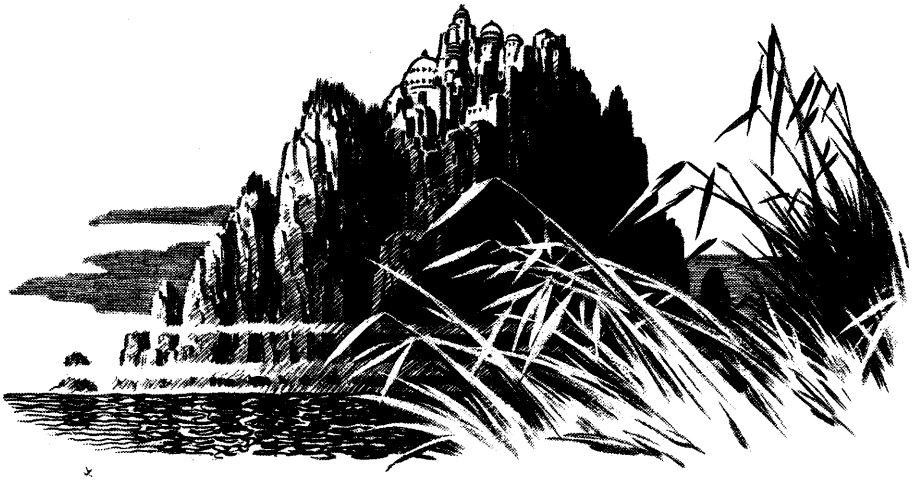
Подняв голову, Ливия посмотрела на Конана, словно сомневалась, правильно ли она поняла его.

— Домой? — машинально повторила она.— Домой? В Офир? К моим родным? К городам, башням, к покою, к моему дому?

И вдруг она заплакала и упала на колени, обхватив руками его ноги.

— Кром! Девушка,— пробормотал пораженный Конан,— не нужно этого. Ты думаешь, я делаю тебе одолжение, увозя тебя из этой страны? Разве я уже не объяснил тебе, что ты — не та женщина, которая нужна военачальнику бамулов?

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЕМОН

I

Пальцы рыбака сомкнулись на рукояти кривого как серп ножа, и сталь выскользнула из ножен. Ни зверя, ни человека не видел он вокруг себя, стоя на древней мостовой, изувеченной корнями деревьев, но опасность чувствовалась остро. Знакомое ощущение оружия, способного с одного удара разрубить человека, придало ему уверенности. Хотя никто не угрожал ему в тишине, царившей на зубчатой скале посреди моря, носившей имя Ксапур.

Рыбак был самым обычным представителем племени юйтши, история которого терялась в седом тумане прошлого; сын народа, обитавшего с незапамятных времен в убогих хижинах на южном побережье Вилайета,— косая сажень в плечах, руки как обезьяньи лапы, мощная грудь, но узкие бедра и тонкие кривые ноги. Портрет дополняла большая голова со скошенным лбом и жесткими спутанными волосами. Вся его одежда состояла из обмотанного вокруг бедер куска дерюги и ремня, на котором висели ножны.

Грозовой ночью он увидел в свете молнии скалистый остров, окаймленный узкой полосой леса. Вялое любопытство — а только этим качеством и отличался рыбак от своих сородичей — побудило его пристать к берегу, пройти через джунгли и забраться на гору, и вот он стоит среди деревьев, поваленных колонн и полуразрушенных стен, напоминавших развалины огромного лабиринта. Стоит, испытывая необъяснимую тревогу.

«Ксапур» означает «укрепленный». Люди редко посещали этот остров, необитаемый, затерянный среди точно таких же клочков суши. Своим названием он был обязан руинам, останкам безвестного доисторического королевства, погибшего и забытого задолго до того, как хайборийцы-завоеватели двинулись к югу. О строителях крепости никто ничего не знал, лишь туманные легенды пе-

© Перевод Г. Корчагина.

редавались юйтши из уст в уста, что наводило на предположение о связи между племенем рыболовов и древними жителями острова.

Связь эта прервалась давным-давно, тысячу лет назад, в ту пору юйтши умели читать письмена, выбитые на стенах. А ныне старейшины племени способны лишь твердить заученные сызмальства слова, им же самим кажущиеся бредом. Ни один из этого племени не посещал Ксапур добрый век. Ближайший к нему берег материка был необитаем, являя собой царство болот, тростника и зверья. Ближайшая деревня лежала гораздо южнее. Попавшего ночью в бурю рыбака далеко отнесло от тех мест, где он обычно ставил сети, а потом утлая лодка разбилась о прибрежные камни и исчезла в ревущей воде под раскаты грома и сполохи молний. На заре небо прояснилось и окрасилось в синеву, и лучи восходящего солнца превратили капли росы на листве в драгоценные камни.

Юйтши полез на утес, к которому прибило его лодку. Он помнил, как ночью, среди грозы, ударила с черных небес сильнейшая молния, и от этого удара содрогнулся весь остров, а после раздался чудовищный грохот. Едва ли трещало расколотое дерево. Рыбак решил поискать источник звука. Но теперь к любопытству добавилось тяжелое чувство — животный страх перед скорой неминуемой смертью.

Среди деревьев высился купол, сложенный из огромных каменных блоков. Такой камень, похожий на железо, встречался только на островах Вилайета. Казалось невероятным, что человеческие руки некогда обтесали эти глыбы и сложили из них гигантский свод. Разрушить его простым смертным, разумеется, было бы не под силу, но удара молнии макушка купола не выдержала, и блоки превратились в зеленоватое крошево.

Рыбак забрался на развалины, посмотрел вниз и крякнул от удивления — на золотой плите, полузасыпанный зеленоватым щебнем, лежал человек в юбке и шагреневом поясе, с узким золотым обручем поверх густой гривы черных волос. На голой мускулистой груди покоился кинжал с необычно изогнутым широким клинком и рукоятью, украшенной шагренью и драгоценными камнями. Нож походил на тот, что висел на поясе юйтши, но явно был выкован рукой искусного мастера, а не деревенского кузнеца.

Рыбак не удивился бы, узнав, что видит одного из своих предков, не истлевшего в земле за многие века, а сохранившегося, благодаря загадочному искусству древних, в каменном склепе. Но юйтши не стал ломать голову, почему полуголый мертвец-великан так похож на живого, почему его огромные мускулы не ссохлись, а кожа осталась свежей и гладкой. В мозгу, не привычном к долгим раздумьям, зашевелилась лишь одна мысль: поскорее завладеть кинжалом, манящим плавными линиями и тусклым сиянием стали.

Спустившись в склеп, рыбак осторожно склонился над полуголым великаном и схватил драгоценность. Но едва он это сделал, случилось нечто непостижимое и ужасное. Мускулы смуглых рук конвульсивно напряглись, веки распахнулись — и вот дрожащий, хрипящий от страха юйтши завороженно смотрит в огромные неподвижные черные зрачки. Взгляд этот подействовал, как удар дубиной. Выронив из ослабевших пальцев кинжал, рыбак отшатнулся.

Великан сел. В глазах, устремленных на рыбака, не было ни дружелюбия, ни благодарности. В них горели злые огоньки, как в глазах голодного тигра. Внезапно он поднялся и навис над рыбаком, угрожающе протянув к нему руки. Полу-

мертвый не столько от ужаса, сколько от непонимания того, как мертвецу удалось попрать законы природы, юйтши все-таки сумел вытащить свой нож и ткнуть им вверх в тот миг, когда тяжелые ладони легли на его плечи. Удар пришелся в живот, но с таким же успехом можно было колоть стальную колонну. Лезвие разлетелось на куски, и в следующее мгновение толстая шея рыбака сломалась в руках великана, словно гнилой сучок.

II

Еще раз взглянув на пергамент, исписанный витиеватым почерком, с оттиснутым внизу изображением павлина, Джехунгир Агха, властелин Хаваризма и страж береговой границы, язвительно рассмеялся.

— Что скажешь? — обратился он к Газнави, своему советнику.

Тот промолчал. Джехунгир бросил свиток на стол. Рослый и красивый, он отличался спесивым нравом, свойственным людям знатным и удачливым.

— Король изволит гневаться,— усмехнулся он.— Соблаговолил написать собственной рукой, как недоволен моей службой по охране границы. Клянется Таримом, что, если я не справлюсь со степными разбойниками, Хаваризм перейдет в другие руки.

Газнави задумчиво поглаживал седую бороду. Король Турана Ездигерд считался самым могущественным монархом в мире. В его дворец, украшавший собой огромный порт Аграпур, стекались богатства, награбленные в других империях. Благодаря его флотилиям с пурпурными парусами Вилайет стал называться Гирканским озером. Ездигерду платили дань темнокожие заморийцы и жители восточных провинций Кофа. После долгих войн на западе его наместникам подчинились шемиты и шушане. Его армия опустошила приграничные земли Стигии на юге и снежные просторы гиперборейцев на севере. Всадники туранского короля прошли с огнем и мечом по западным странам: Бритунии, Офиру и Коринтии, и даже вторглись в Немедию. Немало его воинов в позолоченных шлемах легло под копыта коней, сложило головы под стенами осажденных горящих городов, зато теперь на невольничьих рынках Аграпура, Сул-

танапура, Хаваризма, Шахпура и Хорусуна можно выбрать женщину на любой вкус: светловолосую бритунку, смуглую стигийку, темноволосую заморийку, оливковокожую шемитку, черную кушитку. А пока этих женщин продавали, их мужья, далеко отброшенные от границ туранскими армиями, могли только ломать в отчаянии руки и рвать свои бороды.

Между тем вот уже полвека в просторах степей между морем Вилайет и восточной границей Гиперборейского королевства обитало новое племя. Там собирались беглые преступники и рабы, бродяги и дезертиры. Многие из этих людей, промышлявших воровством и разбоем, родились в степи, многие пришли из западных стран. Себя они называли козаками, то есть лихими людьми, всех остальных презирали. Обитая в диких бескрайних степях, они не признавали ничьих законов, кроме собственных разбойничьих правил. Нередко совершали дерзкие набеги на туранские границы. Порой королевским войскам удавалось рассеять их, и тогда козаки уходили в степь зализывать раны. Иногда, объединившись с пиратами Вилайета, они грабили прибрежные деревни и захватывали торговые суда, сновавшие между гирканскими портами.

— Но как же справиться с этими волками? — спросил Джехунгир.— Если я поведу армию в степь — попаду в ловушку, буду отрезан и разбит, либо козаки уклонятся от битвы, просочатся сюда и сожгут беззащитный город. Последнее время они вконец обнаглели.

— Это потому, что у них появился сильный вождь,— ответил Газнави.— Вы знаете, о ком я говорю.

— Еще бы! — в сердцах воскликнул Джехунгир.— Этот демон свирепей любого козака и хитер как горный лев.

— Опасным его делает звериный инстинкт, а не способность думать,— добавил Газнави.— Другие козаки, по крайней мере, выходцы из цивилизованных стран, а этот — сущий дикарь. Если попадет к нам в лапы, разгромить его орду будет нетрудно.

— Да, но как этого добиться? — со вздохом спросил Джехунгир.— Сколько раз мы расставляли ему капканы, а все без толку. Я же говорю, у него звериный нюх и невероятная хитрость.

— На любого зверя, как и на любого человека, найдется капкан,— ухмыльнулся Газнави.— Я видел Конана, когда мы предлагали козакам выкуп за пленных. Он падок на женщин и крепкие напитки. Велите привести вашу рабыню Октавию.

Джехунгир хлопнул в ладоши, бесстрастный чернокожий кушит в шелковых шароварах поклонился и вышел из покоев. Вскоре он вернулся, ведя за руку девушку. Короткая шелковая туника, схваченная пояском, подчеркивала безупречную стройность ее фигуры. Золотистые волосы, нежная белая кожа выдавали чистокровную дочь своей расы. Прекрасные ясные глаза пылали негодованием, но девушка молчала — в неволе ее приучили к покорности. Она стояла с опущенной головой перед хозяином, пока Джехунгир не разрешил ей сесть на диван. Затем он вопросительно посмотрел на Газнави.

— Конан не расстается с козаками,— произнес советник.— Их стан где-то в низовьях Запорожки. Помните эту реку? На ее болотистом берегу, среди камышей, посланный нами отряд был окружен и разбит этими демонами.

Лицо Джехунгира перекосилось.

— Рад бы забыть, да не могу,— проворчал он.

— Неподалеку от материка расположен безлюдный остров,— продолжал Газнави.— Его называют Ксапур — Крепость. Там сохранились развалины древнего укрепленного города. Этот остров прекрасно подходит для наших целей. Его берега почти неприступны — везде крутые утесы, даже обезьяне не вскарабкаться на них. Только на западе вырублены ступеньки в скале. Лестница эта узка и полуразрушена, но все же позволяет проникнуть в глубь острова. Если удастся заманить туда Конана, можно поохотиться на него с луками, как на льва, и затравить без всякого риска.

— Так он и согласится лезть в западню,— раздраженно хмыкнул Джехунгир.— Скорее луна свалится с неба. Как мы заманим его на остров? Пошлем гонца с предложением забраться на вершину утеса и ждать нашего прихода?

— Именно так мы и сделаем.

Джехунгир не нашелся что сказать. Газнави продолжал:

— У степной границы, в крепости Гхори, мы возобновим переговоры о выкупе пленных. Как обычно, подойдем с сильным отрядом и станем лагерем возле замка. Конан придет с таким же по численности войском, и мы снова будем торговаться, выказывая друг другу подозрительность и недоверие. Но на этот раз с нами, как будто волей случая, поедет наша прекрасная пленница.

Октавия, которая с интересом прислушивалась к беседе, переменилась в лице.

— Девушка,— кивнул в ее сторону советник,— не пожалеет кокетства, чтобы привлечь внимание Конана. Уверен, с такой задачей она справится лучше, чем любая кукла из сераля. Увидев такое прекрасное тело, услышав манящие речи, варвар забудет обо всем на свете.

Октавия вскочила, дрожа от гнева. Ее глаза сверкали, пальцы, стиснутые в кулачки, побелели.

— Вы хотите отдать меня варвару, как непотребную девку?! — вскричала она.— Я не стану кокетничать с ним! Я не базарная потаскуха, которая строит глазки степным разбойникам, а дочь немедийского вельможи!..

— Дочерью вельможи ты была до того, как тебя схватили мои конники,— с ухмылкой сказал Джехунгир.— Сейчас ты всего лишь рабыня, что прикажу, то и выполнишь!

— Этому не бывать!

— Совсем напротив,— издевательски возразил Джехунгир.— Мне нравится замысел Газнави. Продолжай, мой советник.

— Вероятно, Конан пожелает купить ее. Но ни продать Октавию, ни обменять на пленников-гирканцев вы не согласитесь. Вряд ли он попытается украсть ее или отбить, ведь это чревато срывом переговоров о выкупе пленных. Впрочем, мы должны быть готовы к любой выходке. Как только переговоры закончатся, чуть раньше, чем Конан забудет о ней, к нему явится наш человек. Он обвинит варвара в похищении девушки и потребует вернуть ее. Возможно, Конан убьет посланника, но даже в этом случае он посчитает, что Октавия сбежала. Затем в лагере козаков появится рыбак юйтши, который шепнет варвару, что прелестная немедийка прячется на Ксапуре. Я хорошо изучил характер гетмана и уверен, что он помчится к ней, не медля ни мгновения.

— Но вдруг он пойдет не один? — с сомнением спросил Джехунгир.

— Ища любви, берет ли мужчина с собой отряд воинов? Он будет один, это несомненно. Но, повторяю, надо предвидеть любую случайность. Мы же не ста-

нем ждать его на острове, рискуя попасть в собственные сети, а спрячемся поблизости, на болотистом берегу материка, среди камышей. Если Конан приведет большое войско, мы отступим и придумаем другой план. Если явится один или с маленьким эскортом, мы нападем. А он обязательно явится, ведь очаровательная улыбка и многообещающие взгляды Октавии кому угодно вскружат голову,— добавил советник, косясь на девушку.

— Я не пойду на такой позор! — воскликнула оскорбленная Октавия.— Лучше умру!

— Не умрешь, моя строптивая красавица,— возразил Джехунгир.— Сейчас ты убедишься, что рабыням нельзя капризничать, и вновь станешь послушной и кроткой.

Он хлопнул в ладоши. Октавия побледнела. На сей раз к Джехунгиру приблизился не кушит, а мускулистый, среднего роста шемит с иссиня-черной бородой.

— Для тебя есть работа, Джильзан,— ухмыльнулся Джехунгир.— Возьми эту красотку и позабавься с нею. Пусть она узнает, что такое боль и унижение. Только смотри, не попорти ее красоту.

Шемит с нечленораздельным ворчанием схватил девушку, и сразу от ее гордыни не осталось даже следа. С жалобным криком она вырвала руку из железных пальцев Джильзана и, упав на колени перед своим жестоким повелителем, страстно взмолилась о пощаде.

Отпустив разочарованного палача, Джехунгир сказал советнику:

— Если на этот раз Конан попадет в западню, мой дорогой Газнави, то на твою седую голову прольется золотой дождь.

III

Незадолго до рассвета сон тростниковых зарослей и темной воды был потревожен непривычными звуками. Сквозь густой высокий тростник пробирался не зверь и не птица, а человек — длинноногая золотоволосая женщина в изо-

рванной, испачканной тунике. Октавия сбежала при первой возможности, и до сих пор фибры ее души дрожали от ярости — столь невыносимым, унизительным был плен. Но даже грубые ласки Джехунгира не стали для нее таким тяжким испытанием, как переход через болото.

Мало того что Джехунгир сам жестоко помыкал ею. Он решил отдать свою рабыню знатному человеку, чье имя даже в Хаваризме означало крайнюю испорченность.

Октавия дрожала, вспоминая минувшую ночь. Отчаяние помогло ей спуститься со стены замка Джелал-хана по веревке из разорванных гобеленов. Счастливый случай подарил стреноженного коня. Всю ночь скакала она, и рассвет застал ее на топком морском берегу. Со страхом и отвращением думая о том, что сделают с нею, если поймают и вернут Джелал-хану, Октавия шла, с трудом вытаскивая ноги из тины, ища укрытия от предполагаемой погони. Вот уже вода поднялась до бедер, тростник стал редеть. Впереди показались смутные очертания острова, отделенного от илистого берега широкой полосой воды.

Не колеблясь ни мгновения, Октавия шагнула навстречу волне и поплыла.

Остров походил на старинный замок с отвесными стенами, поднимающимися из воды. Уже выбиваясь из сил, девушка приблизилась к утесу — и не нашла ничего подходящего, чтобы наступить или ухватиться. Пришлось двигаться вдоль берега. Казалось, еще миг — и мышцы будут скованы изнеможением и она пойдет ко дну. Но тут рука, судорожно скользящая по отвесному камню, нашла углубление. Ступенька! Всхлипывая от облегчения, Октавия выбралась из воды — точно белая морская богиня в лучах зари.

Она двинулась по уступам, похожим на вырубленные в скале ступени. И вдруг замерла, распластавшись на скале,— до нее донесся звук, похожий на плеск воды под веслами. Октавия вгляделась в полумрак. Среди тростников, где она недавно побывала, вроде бы двигалось нечто темное, но вскоре плеск стих, и больше ничего рассмотреть не удалось. «Если это преследователи, то лучшего убежища не найти»,— рассудила она, зная, что острова вдоль болотистого края материка почти все необитаемы. Правда, на этом клочке суши могло находиться логово морских разбойников, но их Октавия боялась меньше, чем зверей в человеческом обличье, от которых убежала.

Она двинулась дальше, вспоминая — и невольно сравнивая со своим бывшим господином — козака, с которым ее заставили бесстыдно флиртовать в лагере возле крепости Гхори, где велись переговоры между гирканскими вождями и степными воинами. Горящий взгляд разбойника пугал и унижал ее, но тот человек явно вылеплен совсем не из того теста, что Джелал-хан, чудовище, которое способна породить только развращенная роскошью цивилизация.

Октавия взобралась на вершину утеса и боязливо вгляделась. Деревья вплотную подступали к крутому берегу, образуя сплошную стену мглы. Какая-то тварь, шелестя крыльями, пролетела над головой — наверное, летучая мышь. Черные тени леса пробудили в душе прекрасной беглянки ледяной страх. На острове могли обитать змеи. Стараясь не думать о них, Октавия сжала зубы и пошла вперед. Ее босые ноги бесшумно ступали по влажной податливой земле. Чем дальше она забиралась в лес, тем страшнее было оглянуться. Она не сделала и дюжины шагов, как вокруг сомкнулась тьма, над головой за сплетением ветвей скрылись звезды. Идти дальше можно было только ощупью, наугад.

Внезапно Октавия застыла на месте: впереди послышались ритмичные гулкие удары. Меньше всего она ожидала услышать на этом острове барабан, но сразу же забыла о нем, ощутив чье-то присутствие совсем рядом. Отпрянула со сдавленным возгласом, и в тот же миг невидимая рука схватила ее за запястье. Октавия кричала, вырывалась изо всех сил, но напавшему справиться с нею было не труднее, чем с младенцем. Он не проронил ни звука; молчание, которым он отвечал на ее отчаянные мольбы и протесты, испугало девушку сильнее любых угроз и воплей. Невидимый силач взвалил ее на плечо и понес в глубь леса — туда, где рокотал барабан.

IV

Блеснувший на горизонте луч зари окрасил море в пурпур. К утесам острова приближалась утлая лодочка с одиноким гребцом — красивым и статным, одетым с варварской простотой: повязанный на голове темно-красный шарф, распахнутая на груди белая рубаха, шелковые шаровары ярко-синего цвета, перепоясанные кушаком; а к кушаку подвешена кривая сабля в шагреневых ножнах. Его кожаные с золотым шитьем сапоги скорее могли принадлежать коннику, но веслами он работал как заправский моряк.

Взмах — и вздымается коричневая от загара грудь, и перекатываются огромные мускулы. Каждое движение гребца говорило о том, что сызмальства он живет в диком, жестоком мире, где невзгоды и опасности закалили его, дали мышцам тигриную силу и ловкость, а сердцу — безрассудную отвагу и азарт. Только взгляд синих глаз был холоден и спокоен, в нем угадывался природный ум.

Гребцом оказался Конан. Однажды он забрел в козацкий лагерь, не имея за душой ничего, кроме клинка и сметки. За удаль и смелость козаки выбрали его своим гетманом. Сейчас козаки были далеко, и его окружали мгла и морская гладь. Во мгле могли таиться любые опасности, и Конан был настороже. Вско-

ре он уверенно достиг каменной лестницы, набросил веревку на выступ и, не медля ни мига, двинулся вверх по ступенькам.

То, что Газнави принимал за интуицию или еще какое-нибудь сверхъестественное чувство, было всего лишь отточенной до остроты лезвия варварской осторожностью. Конан не обладал инстинктом, способным предупредить его о воинах, затаившихся среди тростников. Просто киммериец всегда, даже когда спал, был начеку.

Когда он поднялся на утес, один из следивших с облегчением вздохнул и медленно поднял лук. Схватив его за руку, Джехунгир зло прошептал:

— Глупец! Ты выдашь нас! Дай ему забраться в глубь острова. Он разыскивает девчонку. Еще немного подождем, иначе он может заметить нас или разгадать наш замысел. Что, если где-то поблизости затаились его воины? Если через час не спустится к лодке, мы переберемся на остров и будем ждать его возле лестницы. Не дождемся — кто-нибудь из нас пройдет в глубь острова и выгонит его на засаду. Но лучше бы обойтись без этого, охота в лесу наверняка будет стоить жизни некоторым из нас. Нет, лучше подстеречь его на лестнице и продырявить стрелами с безопасного расстояния.

Между тем ни о чем не подозревавший козак бесшумно ступал по лесной тропе, пронизывая взглядом каждую тень в надежде заметить золотоволосую красавицу из шатра Джехунгира. Ее чарующая улыбка и ласковый взгляд зажгли в сердце Конана огонь, и он твердо решил во что бы то ни стало разыскать обольстительницу. Впрочем, решение было бы точно таким же, даже если бы она выказала отвращение.

Он уже не впервые высаживался на Ксапур. С месяц назад козаки тайком встречались здесь с пиратами, вели переговоры. Конан знал, что приближается к древним развалинам, подарившим острову имя, и не удивился бы, обнаружив среди них девушку.

И вдруг он застыл, окаменев: впереди за деревьями высилась огромная темно-зеленая цитадель.

Немыслимо, чудовищно, противоестественно! Месяц назад здесь были жалкие развалины — и вот теперь стоят башни, бастионы, высокая куртина! Чьи могучие руки в считаные недели возвели этакую махину на пустынном острове? Почему козаки — друзья пиратов, часто бывающих здесь,— не знают о ней ровным счетом ничего?

Конан помотал головой — может, померещилось? — но нет. Крепость не растаяла как сон. Или он сошел с ума, или видит чудо.

Он мысленно вернулся в козачий лагерь, разбитый в низовьях Запорожки. Кимерийца пробрал страх — ведь до острова рукой подать, и не лучше ли бежать, выбраться из степей, оставить тысячи миль между собой и голубым таинственным Востоком, где основные законы природы не значат ровным счетом ничего и где творится всякое колдовское непотребство. В тот момент судьба будущих королевств зависела от того, как поступит этот пестро одетый варвар. Достаточно было одной жалкой песчинки, чтобы склонить чашу весов.

Его взгляд, непрестанно шаривший вокруг, наткнулся на лоскуток шелка, одиноко висевший на кусте. Пальцы Конана схватили лоскуток, ноздри его раздулись, глаза заблестели. Он мгновенно узнал этот шелк, узнал и тончайший сла-

достный аромат, исходивший от него,— запах молодой женщины из шатра Джехунгира.

Рыбак, выходит, не обманул: она здесь! На земле отчетливо виднелись следы ног, длинных, узких — но это были мужские ноги, и они погружались в почву необычно глубоко. Разгадка проста: человек шел с тяжелой ношей, и что это могла быть за ноша, как не девушка? Впереди за деревьями смутно проступала башня. Сощуренные глаза киммерийца горели; желание получить золотоволосую красавицу смешалось с первобытной злостью на того, кто ее украл. Но человеческие страсти боролись в нем со страхом перед сверхчеловеческим. В конце концов они победили.

Пригнувшись, он медленно и бесшумно, как пантера на охоте, двинулся к стенам. Если кто и сторожил наверху, то вряд ли он мог разглядеть козака в густой листве. Подойдя к крепости вплотную, киммериец увидел, что она сложена из зеленых тесаных глыб. Где-то он уже видел эту породу, да и контуры башни казались знакомыми. Где? Когда? Как будто он видел ее во сне или нарисовал однажды в воображении.

Вскоре он понял, в чем дело. Раньше здесь были зеленоватые руины, и чьи-то руки восстановили стены и башни, уложив на прежнее место все камни.

Ничто не нарушало безмолвия. Конан крался вдоль стены, отвесно поднимавшейся над морем пышной растительности. На южном краю острова она была почти тропической. Никто не следил за ним с парапета. Вскоре он наткнулся на огромные ворота. Почему они не заперты и не охраняются, можно было только догадываться. Зато он знал наверняка: золотоволосая красавица в крепости. И разумеется, неизвестность и ощущение опасности не могли остановить Конана.

Над головой тянулись увитые лианами ветви. Конан легко вскарабкался на высокое дерево, пробрался по длинному суку как можно дальше, свесился на руках над стеной, раскачался и, пролетев, точно снаряд из катапульты, очутился на широком зубце. Крепость была невелика, но вмещала удивительно много строений. Трех- и четырехэтажные дома, преимущественно с плоскими крышами; улицы, сходящиеся, точно спицы колеса к ступице, к восьмигранному внутреннему двору. В его центре возвышалось, господствуя над всем городом, сооружение с куполами и башнями. Все это выдавало изысканный архитектурный стиль. Солнце уже взошло, но никто не появился на улицах и в окнах зданий. В крепости царила мертвая тишина.

Обнаружив поблизости узкую каменную лестницу, Конан двинулся вниз. Дома подступали к крепостной стене почти вплотную, и на полпути киммериец оказался вровень с окном. Ставни отсутствовали, шелковые занавески схвачены атласными шнурками, и он без труда рассмотрел комнату с темными бархатными драпировками на стенах, с устланным ковром полом, со скамьями черного полированного дерева вдоль стен; было там и ложе из слоновой кости, а на нем груда мехов.

Он приготовился двинуться дальше, как вдруг услышал шаги на ближней улице. Не дожидаясь, когда его увидит на лестнице незнакомец, Конан шагнул в проем окна. Застыл на несколько мгновений точно статуя, но все было спокойно. Тогда он медленно двинулся по ковру к занавешенной арке, рассчиты-

вая найти за ней выход. Но тут ткань откинулась, и за аркой обнаружился устланный подушками и мехами альков. Там лежала стройная темноволосая девушка, ее глаза равнодушно следили за Конаном.

Когда же он настороженно приблизился, ожидая истошного крика, она лишь зевнула, прикрывая рот изящной рукой, и села, придерживаясь за бархатный полог.

Несомненно, она принадлежала к белой расе, хотя кожа ее была очень смугла. Волосы с ровно подстриженной челкой были черны как ночь. Одеждой ей служила лишь шелковая лента на бедрах.

Девушка вдруг что-то произнесла, но Конан не разобрал ни слова и отрицательно покачал головой. Красавица, не выказав ни малейшего удивления, снова зевнула, потянулась как кошка и заговорила на языке, похожем на язык юйтши и вполне понятном Конану.

— Ты кого-то ищешь?

Она спрашивала таким тоном, будто к ней в спальню вошел старый приятель, а не вооруженный чужеземец.

— Кто ты? — спросил Конан.

— Ятели,— бесстрастно ответила она.— Должно быть, пировала вчера допоздна, что-то меня в сон клонит. А ты кто такой?

— Конан, козачий гетман,— проговорил он, следя за каждым ее движением. Что, если равнодушие притворно, что, если она ищет возможность выбежать из комнаты и переполошить весь дом? Но пусть даже за пологом скрывается шнурок сигнального устройства — она не успеет дотянуться.

На ее лице не отразилось ни удивления, ни страха.

— Конан,— повторила она сонно.— Ты не дагон. Должно быть, наемник. И многих ли юйтши ты обезглавил?

— Я не воюю с водяными крысами,— проворчал козак.

— Но ведь они такие страшные! — прошептала она с дрожью в голосе.— Раньше юйтши были нашими рабами. А потом восстали. Жгли, убивали всех без разбора. Только волшебство Хосатрала Хела не подпускало их к крепости...

У нее слипались глаза. Тряхнув головой, Ятели недоуменно продолжала:

— Как же я забыла... Этой ночью они все-таки поднялись на стену. Крики, пожары... Тщетно мы звали на помощь Хосатрала...

Она снова тряхнула головой, словно пыталась отогнать страшное воспоминание.

— Возможно, этого и не было вовсе... Иначе меня бы убили вместе со всеми, а я, кажется жива... Впрочем, неважно.

Девушка приблизилась к Конану, взяла его за руку и потянула к ложу. Он воспротивился, не зная, что и думать. Девушка улыбалась ему. У нее было лицо засыпающего младенца: глаза затянуты дымкой, шелковистые ресницы опущены. Вялым движением она коснулась тугих черных локонов, словно хотела убедиться, что они настоящие.

— Наверное, это сон. Очень хочется спать. Я ничего не понимаю. Стоит лишь чуточку напрячь память, и голова тяжелеет...

— Ты сказала, юйтши сегодня ночью проникли в город,— произнес встревоженный киммериец.— Расскажи об этом.

— Ничего не помню,— прошептала девушка.— Только дым, пламя и вопли. Из дыма выскакивает голый окровавленный демон, хватает меня за горло и всаживает в грудь нож... Как больно! Но это сон, видишь, шрама не осталось? — Она вяло провела ладонью по гладкой коже и вдруг приникла к могучей груди Конана, обвила руками его шею.— Может, я и сейчас сплю? Туман в голове... Но ты мне не снишься. Ты сильный. Давай жить, пока можно. Давай любить друг друга...

Поддерживая красивую девичью голову сильной рукой, он с наслаждением поцеловал пухлые алые губы.

— Ты сильный,— повторила она слабеющим голосом.— Люби меня... люби...

Сонный шепот стих, веки сомкнулись. И этот город, и девушка казались иллюзией, но теплое и упругое тело в его руках было живым, настоящим. Он торопливо уложил ее на кровать из слоновой кости. Ятели глубоко и ровно дышала, на губах ее блуждала блаженная улыбка. Этот сон был слишком глубоким для естественного, и Конан предположил, что она одурманена наркотиком, вроде ксутальского черного лотоса.

Но удивительное на этом не кончилось. Среди мехов на ложе он увидел настоящее сокровище: золотистую, с темными пятнами шкуру гигантского леопарда! Не подделка, а самая настоящая шкура самого настоящего зверя. Если не лгут гиперборейские легенды, этот зверь вымер не менее тысячи лет назад. Восхищенные силой и красотой золотистого леопарда, древние художники оставили его изображения на мраморных плитах. Уму непостижимо — откуда здесь его шкура?

Качая в растерянности головой, Конан прошел через арку в извилистый коридор, остановился и прислушался. И почти тотчас же острый слух уловил приглушенные шаги. Кто-то шел вниз по лестнице, с которой только что спрыгнул киммериец. Чуть позже он вздрогнул — в комнате, только что покинутой им, раздался глухой удар — незнакомец явно повторял его путь.

Быстро повернувшись, Конан побежал по коридору — и вдруг застыл как вкопанный. Перед ним лежал человек: ноги — в коридоре, остальное — в проеме двери, замаскированной под стенную плиту. Тощий, темнокожий, с бритой головой и жестокими чертами лица, в одной лишь набедренной повязке из шелка. Казалось, смерть нашла его в тот миг, когда он отворил дверь. Заинтересовавшись причиной смерти, Конан склонился над ним и понял, что бритоголового, как и девушку, сморил глубокий сон. Но почему он выбрал столь неподходящее место для ночлега? И от чего уснул? Неужели от усталости?

Из раздумий Конана вывели звуки за его спиной. Приближающиеся по коридору шаги! Брошенный в том направлении взгляд уперся в огромную дверь — похоже, запертую. Конан оттащил в сторону спящего, шагнул через порог, потянул на себя дверь и услышал щелчок замка. Стоя в кромешной мгле, он улавливал шорох ног в коридоре, и по спине бежали ледяные мурашки. Это не человеческие шаги! Но и звери так не ходят!

Миг тишины — и вдруг слабо заскрипели дерево и металл. Конан вытянул вперед руку и ощутил, как напрягается, прогибается в его сторону дверь, словно на нее давит огромная тяжесть. Как только киммериец потянулся к сабле, это

прекратилось, но зато он услышал бессвязное бормотание, от которого на голове зашевелились волосы.

Конан попятился — и едва не упал. За спиной оказалась узкая лестница, ведущая вниз. Он стал бесшумно спускаться, держа в одной руке саблю, а другой касаясь стены, но не находя других проемов. Ступени увели его довольно далеко от коридора. Ступив наконец на ровный пол, Конан предположил, что находится уже не в здании, а в подземелье.

V

Конан продвигался в непроглядной тьме подземного хода, опасаясь провалиться в какую-нибудь невидимую яму. Вскоре он наткнулся на ступени, поднялся по ним, уперся в обитую железом дверь и нащупал металлический засов. Она поддалась, открыв проход в огромный, слабо освещенный зал. Вдоль пестрых стен выстроились в ряды многочисленные колонны, подпирая грандиозный купол из полупрозрачного дымчатого вещества. Купол походил на затянутое тучами полуночное небо, создавая иллюзию невероятной высоты. Если и просачивался снаружи свет, он дивным образом менялся.

В мрачном сумраке Конан двинулся через зал, ступая по зеленым плитам. Зал был круглым, мебель отсутствовала, лишь напротив двери из громадных бронзовых створок, на невысоком помосте, стоял медный трон. К нему вели дугообразные ступени. Увидев существо, лежавшее, свернувшись кольцами, на троне, Конан отпрянул и вскинул саблю. Но гигантская змея не шевелилась, и он, осмелев, взобрался по стеклянным ступеням. Похоже, змея была не живая, а высеченная из похожего на яшму минерала; неведомый скульптор не пожалел труда, и каждая чешуйка была точь-в-точь как настоящая, даже переливалась всеми красками радуги. Огромная треугольная голова гада уткнулась в воронку, образованную кольцами туловища. Конан не видел глаз и челюстей реп-

тилии, но знал, что такие чудовища водились в тростниковых зарослях на южных берегах Вилайета. Как и золотистый леопард, они давным-давно исчезли. Глиняные статуэтки подобных тварей попадались Конану в капищах юйтши, среди прочих идолов. Видел он таких и на гравюрах древнейшей Книги Скелоса.

Конан полюбовался на туловище змеи, толстое как бревно и, должно быть, необычайно длинное, из любопытства положил на него ладонь и обмер, ощутив не гладкую поверхность стекла, металла или камня, а скользкую податливую кожу, под которой струилась холодная кровь. Он с отвращением отдернул руку и медленно, осторожно сошел по ступеням вниз, не отрывая глаз от ужасной твари, угнездившейся на медном троне. Но змея не шелохнулась. При мысли, что оказался в западне, Конан покрылся холодным потом. Но когда приблизился к бронзовой двери, ее створки подались под нажимом; миг спустя он скользнул в проем и затворил их за собой.

В коридоре с высоким потолком и гобеленами по стенам, где он оказался, царил все тот же зеленоватый сумрак. Разглядеть что-либо в отдалении было невозможно, и это тревожило, даже возникла мысль о кишащих во мгле рептилиях. В дальнем конце коридора могла быть дверь, но путь до нее казался киммерийцу бесконечным.

Ближайший гобелен висел по-особенному, и Конан заподозрил, что за ним пустота. И верно — приподняв край ковра, он обнаружил лестницу, ведущую наверх.

Колебания были недолги — в покинутом им зале зазвучали шаги. Предположив, что незнакомец направляется к этому туннелю, Конан расправил гобелен и побежал по ступенькам.

Лестница привела в изгибающийся коридор, и киммериец шагнул в первый попавшийся дверной проем. Он решил сделать два дела: выбраться целым и невредимым из этой крепости тайн и найти немедийскую девушку,— наверное, она заточена где-то поблизости. В центре города, помнил он, стоит громадное куполообразное сооружение, и в нем, вероятно, живет правитель города. Наверняка пленную красавицу доставили к нему.

Он вошел не в очередной коридор, а в комнату. Не обнаружив в ней никого, был готов двинуться обратно, как вдруг услышал голос из-за стены. Язык был немедийским, но голос — нечеловеческим, напоминавшим колокольный звон в полночь. У Конана бешено забилось сердце, по спине забегали мурашки. Он прислушался.

— В Бездне нет жизни, кроме той, что заключена во мне,— гремело за стеной.— Ни света, ни движения, ни звука. Было лишь стремление, то, что над всякой жизнью. Именно оно заставило меня — слепого, глухого, неподвижного — очнуться. Я пробирался сквозь эпохи, сквозь неизмеримые и неисчислимые толщи мрака...

Гипнотический голос незнакомца заставил Конана забыть обо всем на свете, создал иллюзию присутствия; казалось, варвар сам прожил жизнь Хосатрала Хела, что выкарабкался из Ночи и Бездны в незапамятные времена и облачился в субстанцию материальной вселенной.

Но плоть человеческая явилась бы слишком ненадежным вместилищем для грозной сущности, носившей имя Хосатрала Хела. Его тело походило на челове-

ческое, но сотворено оно было не из обычных плоти, кости и крови. Это первобытное вещество, способное мыслить и действовать, никогда прежде не уподоблялось творению живой природы.

В этом мире он был все равно что бог, земное оружие не могло ни убить его, ни ранить; столетия для него — что для людей часы. После долгих скитаний он поселился среди дикарей, обитавших на острове Дагония, помог им создать сильное, богатое государство, одарил благами культуры и цивилизации. Его стараниями воздвигнут город Дагон, и жители поклонялись Хосатралу. Свирепыми и страшными были его слуги, надолго пережившие своих древних сородичей; они приходили на зов Хосатрала из неведомых далей, выползали из темных пещер, поднимались из морских пучин. Подземные ходы соединили храм с каждым домом, и к любому дагону могли прийти тайком бритоголовые жрецы, чтобы повести его к алтарю на заклание.

Много лет царствовал на острове бог в человеческом обличье. Но однажды на берегу высадилось чужое племя, назвавшее себя юйтши. В яростной битве островитяне разгромили примитивных и жестоких пришельцев, а пленных обратили в рабство. Теперь не дагоны, а юйтши стали корчиться в муках на золотом алтаре.

Юйтши боялись колдовства и не пытались бунтовать. Но однажды их жрец, тощий загадочный человек неизвестной расы, ушел в пустыню. Возвратился он с необыкновенным ножом. Металл для кинжала он выплавил из найденного в пустыне камня, что пронзил небо подобно огненной стреле и упал в далекое ущелье.

Рабы восстали. Под ударами кривых, с зубчатыми лезвиями ножей жители Дагона валились как бараны, а против неземного клинка волшба Хосатрала оказалась бессильна. И пока в душившем улицы красном дыму бушевала резня, в таинственном куполе за высоким зданием с троном и пестрыми, как змеиная кожа, стенами разыгрался последний акт драмы.

Из этого купола жрец юйтши вышел один. Он не убил своего врага, так как задумал держать племя в повиновении угрозой вернуть Хосатрала к жизни. А Хосатрал простерся на золотой плите, и на его груди лежал нож, чья колдовская сила не позволяла владыке Дагона прийти в чувство. И в таком состоянии он мог бы пребывать до последнего дня мира.

Но миновали века, жрец умер, башни и стены опустевшего Дагона разрушились, легенды о нем забылись, а чума, голод и войны уменьшили племя юйтши. Лишь немногие потомки восставших рабов ютились в убогих лачугах на берегах Вилайета. Только волшебный купол оставался неподвластным времени. Все же настала ночь, когда его пробила молния. Случайно оказавшийся на острове рыбак заглянул в пролом и увидел спящего на золотой плите Хосатрала. Юйтши попытался завладеть драгоценным клинком — и расстался с жизнью. Но он успел поднять нож с груди колдуна и тем самым разрушить чары.

И Хосатрал пробудился, вновь обретя былое могущество. Играючи сделал он город таким, как многие столетия тому назад. Люди, что когда-то поклонялись ему, восстали из праха. Но отведавшие смерти смогли ожить лишь частично. В дальних уголках души и разума таилась непобежденная смерть. Ночью жители Дагона ходили и любили, ненавидели и пировали, падение города и собст-

венная гибель казались им зыбким сновидением. Живя смутными иллюзиями, они осознавали неестественность своего существования, но не пытались узнать истину. С наступлением дня они погружались в сон, почти неотличимый от небытия.

Все это развернулось перед сознанием Конана страшной панорамой. Скорчившись у гобелена, он боролся с нахлынувшим ужасом, с кишащей тенями вселенной, где крались уродливые существа, наделенные невероятным могуществом. А голос за стеной не умолкал, будто звенел гигантский колокол, торжествуя победу над законами естества, и звуки преследовали разум Конана, летящий сквозь сферы безумия. В это мгновение тишину пронзил женский крик, и варвар подскочил как ужаленный.

VI

Джехунгир Агха с растущим раздражением ждал в лодке среди тростников. Прошло больше часа, а Конан все не возвращался. Наверняка рыщет по острову, веря, что там спряталась девчонка. Угнетала Агху и другая мысль: а ну как гетман где-то неподалеку оставил своих казаков, и они, встревоженные его задержкой, могут явиться на выручку. В конце концов Джехунгир не вытерпел и дал знак гребцам. Длинная лодка выскользнула из камышей и быстро поплыла к вытесанной в скале лестнице.

Оставив в лодке полдюжины человек, Джехунгир взял с собой десять хаваризмских лучников, могучих витязей в остроконечных стальных шлемах и плащах из тигровой шкуры. Как преследующие льва охотники, со стрелой на тетиве, они крались меж деревьев. Ничто не нарушало тишины, лишь какая-то зеленая тварь — возможно, попугай — с шелестом широких крыльев пролетела над их головами и скрылась в листве.

Внезапно Джехунгир жестом остановил свой отряд, и все изумленно уставились на башни, возникшие в промежутках между кронами деревьев.

— Тарим! — прошептал Джехунгир.— Пираты заново отстроили твердыню! Подумать только — укрепленный остров у нас под боком! Пошли, надо все осмотреть. Конан там, больше ему негде прятаться.

Удвоив осторожность, они бесшумно двинулись через заросли — уже не охотники и не преследователи, а разведчики.

А тем временем человек, по чью душу они явились, подвергался опасности куда более серьезной, чем их меткие стрелы.

Торжественно-монотонный голос умолк. По спине Конана бегали мурашки. Он стоял как статуя, не отрывая глаз от занавешенной двери, через которую, несомненно, вот-вот должен войти воплощенный ужас. У него сердце ушло в пятки, когда из сумрака появились голова и гигантские руки. Он не слышал шагов, но огромная фигура приближалась, и вскоре Конан разглядел на незнакомце юбку, широкий пояс из шагреневой кожи и сандалии. На голове сиял золотой обруч.

Конан со страхом и восхищением смотрел на широченные плечи с мускулами, похожими на корабельные канаты, на грудь величиной с бочку, на лицо, в чьих чертах не было и намека на слабость или жалость. Конан знал, что перед ним сам Хосатрал Хел, тварь из Бездны, бог и властелин Дагонии. Не прозвучало ни слова. Да и не было нужды в словах. Увернувшись от огромных ручищ, Конан рубанул великана по животу. И отпрянул в растерянности. Под сводом прокатился звон, сабля отскочила, словно от наковальни, не оставив даже царапины на коже гиганта.

Затем Хосатрал обрушился на него неодолимой лавиной. Молниеносное столкновение, миг борьбы и сплетения конечностей — и Конан отскакивает, дрожа каждой мышцей от сверхнапряжения. Там, где чужие пальцы рванули его кожу, потекла кровь. Этой краткой стычки хватило, чтобы понять: природа могла создать подобное существо только в припадке безумия. Не человеческая плоть нанесла варвару раны, а живой и разумный металл.

В сумраке Хосатрал навис над воином. Дай этим громадным пальцам сомкнуться — и они не отпустят врага, пока он не обмякнет, расставшись с жизнью. В темной комнате человеку пришлось сражаться с чудовищем, какого не увидишь и в самом кошмарном сне.

Кхосатрал шагнул вперед и попытался схватить Конана толстыми пальцами. Но человек оказался проворней.

Выронив бесполезную саблю, Конан схватил тяжелую скамью и изо всех сил швырнул ее в Хосатрала. Удар был так силен, что скамья разлетелась в щепы,— но гигант даже не шелохнулся. В его лице не осталось ничего человеческого, над уродливой головой образовался огненный нимб, и он двинулся вперед, словно башня на колесах.

В отчаянии Конан сорвал со стены гобелен, оказавшийся куда тяжелее скамьи, и, взмахнув им над головой, набросил на великана. Пока Кхосатрал выпутывался, Конан подобрал саблю, выскочил в коридор, вмиг преодолел его, хлопнул за собой дверью и задвинул массивный засов.

Сделав шаг назад и обернувшись, он обмер — как будто вся кровь ударила в голову. Перед ним на груде шелковых подушек съежилась девушка, которую

он искал. По обнаженным плечам стекали золотые ручейки волос. В глазах красавицы-немедийки застыл ужас. О том, что его преследует враг, напомнила дверь, выгнувшаяся под чудовищным ударом. Нельзя терять ни мгновения. Октавия не сопротивлялась, когда он нес ее к двери в противоположной стене, только жалобно всхлипывала. На большее у нее просто не было сил.

Возиться с замком Конан не стал — рубанул саблей и помчался по темной лестнице. Бросив взгляд через плечо, Конан заметил, как в проеме показались голова и плечи Хосатрала. Разнести в щепу толстые доски колоссу ничего не стоило.

Конан бежал по ступеням, перекинув через плечо девушку, словно ребенка. Куда ведет этот путь, он не представлял себе, но вот лестница уперлась в дверь куполообразной постройки. Хосатрал несся сзади, бесшумный, как ветер смерти, и такой же быстрый.

Стены комнаты были облицованы массивными стальными плитами; среди них киммериец обнаружил дверь, тоже из металла. Конан затворил ее и задвинул тяжелые засовы. Тут же догадался: он в обиталище самого Хосатрала — когда-то волшебник заперся здесь, чтобы чудовищные слуги, вызванные из Бездны, не мешали его сну.

Едва Конан успел запереться, как под натиском исполина заходила ходуном дверь. Варвар осмотрелся и тяжело вздохнул — больше бежать некуда, другого выхода из комнаты нет. Даже окна отсутствовали. Воздух, как и дивный туманный свет, видимо, попадал через стыки между плитами. Конан проверил заточку сабли — оказавшись в западне, он теперь превратился в само хладнокровие. Он не пожалел сил на попытку убежать и будет так же отчаянно сопротивляться, когда великан вломится в купол. Не потому, что есть надежда на саблю, а потому, что не в натуре Конана погибнуть без борьбы. А пока он жив — его спокойствие непоколебимо.

Он устремил на спутницу взгляд, пристальный и такой восхищенный, будто киммериец намеревался прожить еще сотню лет. Прежде чем запереть дверь, он бесцеремонно свалил Октавию на пол. Теперь она, успев подняться на колени, машинально приводила в порядок волнистые локоны и скудное одеяние. Конан пожирал горящими глазами ее гладкую нежную кожу, высокую упругую грудь, великолепные бедра. Несмотря на опасность, он желал ее. Девушка тихо вскрикнула, когда под первым ударом гиганта затрещала спасительная дверь.

Конан не оглянулся, зная, что засовы сломаются не сразу.

— Мне сказали, ты сбежала,— произнес он.— Рыбак юйтши шепнул, что ты прячешься здесь. Как тебя зовут?

— Октавия,— ответила она со вздохом. Затем схватила Конана за руку, и слова ее полились бессвязным потоком: — О Митра, какой ужас! Что происходит?.. Эти темнокожие люди... В лесу меня поймал один из них и притащил сюда... Нес, как сноп соломы. Он говорил мне... Он грозил... Я сошла с ума? Это сон?

Конан взглянул на дверь, прогнувшуюся, как под ударом тарана.

— Нет,— ответил он.— Не сон. Петли долго не выдержат. Странно, что демон вынужден ломать дверь, как обычный человек. Но сила у него поистине адская.

— Ты убьешь его? — Она с надеждой взглянула ему в лицо.— Ты сильный?

Конан решил ответить честно:

— Если бы обычный человек был способен его убить, то он уже был бы мертв. Но я только затупил оружие о его брюхо...

Глаза девушки потускнели.

— Тогда он убьет тебя... и меня. О Митра! — крикнула она в отчаянии, и Конан схватил ее за руки, опасаясь, что она причинит себе вред.

— Он сказал, что сделает со мной! — Она задыхалась от ужаса.— Лучше убей меня! Убей своей саблей, прежде чем он высадит дверь.

Конан посмотрел на нее и кивнул.

— Я сделаю все, что смогу,— пообещал он.— Но боюсь, я не всесилен. Постарайся проскочить мимо него, когда мы станем биться, а потом беги к берегу. Я оставил там лодку. Если сумеешь выбраться из дворца, считай, ты спасена. В городе все спят.

Она опустила голову и закрыла лицо ладонями, а Конан с саблей на изготовку встал перед гудящей дверью. По его виду нельзя было сказать, что он идет на верную смерть. Глаза варвара пылали, мускулистая кисть сжимала рукоять оружия.

Но вот петли сорвались под чудовищным натиском, и дверь закачалась на засовах. И эти стальные бруски тряслись, гнулись, рвались из гнезд. Конан почти забыл об опасности, восхищаясь нечеловеческой мощью. И вдруг натиск прекратился.

Конан услышал странные звуки: хлопанье крыльев и голос, похожий на шум полуночного ветра в ночном лесу. Наступила тишина, но чем-то новым повеяло в воздухе, и только обостренный инстинкт подсказал варвару, что повелитель Дагонии больше не стоит за дверью.

Он осторожно посмотрел в щель. На лестнице — никого. Конан снял дверь с покореженных засовов и выглянул в зал. Пусто. Только далеко внизу лязгнула металлическая дверь. Можно лишь догадываться, что вынудило гиганта переменить адские планы, куда позвал его тихий голос. Промедление смерти подобно. Он окликнул Октавию, и она, почти против воли, поднялась на ноги, пошла на властный зов.

— Что это было? — испуганно спросила немедийка.

— Некогда болтать! — Он схватил ее за руку.— Пошли!

Надежда на спасение взбодрила Конана. Глаза его сверкали, голос окреп.

— Нож! — пробормотал он, грубо таща девушку по ступенькам.— Волшебный клинок юйтши. Колдун оставил его под куполом! Я...

Вдруг Конан замолчал — в голову пришла страшная мысль: купол примыкает к залу, где медный трон, а значит, путь туда лежит мимо чудовищной змеи.

Но киммериец не остановился.

Беглецы быстро спустились по лестнице, пересекли зал, опять сошли по ступенькам и очутились в большом сумрачном помещении с загадочными гобеленами. Перед полуовальной бронзовой дверью Конан схватил Октавию за плечи и с силой встряхнул.

— Слушай и запоминай,— приказал он.— Сейчас я пойду в зал и затворю за собой дверь. Ты жди здесь. Если появится Хосатрал, зови меня. А если я за-

кричу «Уходи!», беги прочь так, будто за тобой демоны гонятся — а это вполне может случиться. Поняла? Я иду за кинжалом юйтши.

Прежде чем Октавия успела что-либо сказать, Конан скользнул за дверь и затворил ее за собой. Когда глаза привыкли к темноте, киммериец разглядел жуткий трон и чешуйчатого монстра на нем. За троном виднелась дверь, ведущая в комнату под куполом.

Но для того чтобы добраться до нее, надо было подняться на помост и пройти в шаге от трона. Сквозняк над зеленым полом шумел больше, чем крадущийся Конан. Не сводя глаз со спящей рептилии, он взошел на помост и поднялся по стеклянным ступенькам. Змея не двигалась. Он потянулся к двери...

Лязгнула дверь, и в зал вошла Октавия. Остановилась, высматривая его в сумраке. Он тоже замер, не смея выкрикнуть предостережение. Но тут она увидела его силуэт и побежала к помосту, крича:

— Я хочу быть с тобой! Мне страшно!

Увидев змею на троне, Октавия вскинула руки и завизжала. Треугольная голова поднялась над кольцами и метнулась к ней, в темноте блеснула толстая шея рептилии. Затем змея стала медленно, кольцо за кольцом, сползать из трона, ее отвратительная голова закачалась совсем рядом с полумертвой от ужаса девушкой.

Преодолев расстояние до трона одним гигантским прыжком, Конан изо всех сил ударил саблей. Но змея двигалась с такой же быстротой; она увернулась и обвила ноги и туловище Конана полудюжиной колец. Потеряв равновесие, варвар упал на помост.

Сплетенные тела человека и змеи корчились в неистовой борьбе. Кольца сжимались, пытаясь задушить Конана, и, хотя его правая рука была свободна, он никак не мог изловчиться и нанести смертельный удар.

Скрипя от натуги зубами, напрягая мускулы так, что едва не лопались вены, Конан поднялся. Он стоял посреди зала на широко расставленных ногах и шатался под тяжестью огромной змеи. Чудовище сжимало его все сильнее. В глазах у Конана потемнело, казалось, вот-вот сломаются ребра. Но в следующий миг над его головой взлетел клинок и, опустившись, разрубил чешую, плоть и позвоночник. Там, где извивался толстенный живой канат, теперь корчились два, вдвое короче. Конана замутило, из носа потекла кровь. Он схватил Октавию и затряс так, что у нее перехватило дух.

— Впредь, если велю тебе стоять — стой!

Если она и ответила, киммериец не услышал. Голова кружилась, он едва держался на ногах. Взяв девушку за запястье, он потянул ее за собой, мимо вьющихся, сплетающихся на помосте останков гада. Возле желанной двери Конан наконец пришел в себя. Издалека доносились полные ужаса и боли вопли, но в ушах варвара все еще звенело от перенапряжения, уши были словно забиты ватой, и он решил, что крики ему чудятся.

Очевидно, поместив у входа змею, Хосатрал счел это достаточной предосторожностью. Конан отворил дверь, ожидая увидеть еще несколько чудовищ, но увидел только заполненный сумраком изгиб пробитого свода, смутный силуэт золотой плиты и блестящий на ней полумесяц. С радостным возгласом киммериец схватил находку.

Больше здесь делать нечего. Взяв за руку девушку, он побежал через большой зал к одной из дверей, которая, как он предполагал, выведет наружу. Чутье не подвело Конана. Улица была безлюдна, но с запада из-за крепостной стены доносились вопли, от которых Октавию затрясло. Киммериец повел девушку к юго-западной стене и без труда нашел примыкающую к ней каменную лестницу.

Обвязав талию красавицы веревкой, которую сделал из прихваченного в большом зале гобелена, Конан спустил ее с парапета, затем слез сам. Теперь у них оставался один путь — к лестнице у западного обрыва. Туда-то они и направились, обходя по широкой дуге место, с которого доносились вопли и ужасающие удары. Октавия чувствовала затаившееся в джунглях гибельное зло. Задыхаясь от бега, она старалась не отставать от своего защитника. Но лес теперь безмолвствовал, и на глаза не попадалось ничего угрожающего, пока они не выбрались на открытое место.

Впереди на краю обрыва возвышалась человеческая фигура...

Джехунгиру Агхе удалось избежать печальной судьбы его воинов. Застигнутые врасплох великаном, внезапно появившимся из крепостных ворот, они продержались недолго. Видя, как сабли витязей ломаются о человекоподобную машину-убийцу, он понял, что враг принадлежит к другому миру и победить его невозможно. Не желая превращаться, подобно злополучным воинам, в месиво из растерзанной плоти и расколотых костей, Джехунгир убежал и спрятался в густых зарослях. Дождавшись, когда стихнут звуки бойни, он прокрался обратно к лестнице. Но не увидел внизу своей лодки.

Оставленные в ней люди, услышав страшные крики, а потом и увидев на утесе окровавленного монстра, победно машущего огромными руками, решили больше не ждать. Когда их господин добрался до обрыва, они как раз исчезали среди тростников у противоположного берега. Хосатрал скрылся — то ли вернулся в город, то ли решил поохотиться в джунглях на уцелевших людей.

Джехунгир собирался спуститься к воде и уплыть на челне Конана, когда из лесу вышли гетман и девушка. Пережитый ужас не заставил его забыть, для чего он приплыл на остров, и теперь, при виде вождя козаков, Джехунгир исполнился решимости довести дело до конца. Гадать, как рядом с Конаном оказалась девушка, подаренная Джелал-хану, он не стал — это можно будет выяснить позже.

Джехунгир вскинул лук, но Конан присел, и стрела вонзилась в дерево. Варвар рассмеялся.

— Собака! Напрасно стараешься. Я не для того родился, чтобы умереть от гирканской стали. Попробуй еще раз, туранская свинья!

Джехунгир отбросил лук — в его колчане не осталось стрел. Он выхватил саблю и бросился на Конана, полагаясь на свой остроконечный шлем и плотную кольчугу. Но путь ему преградила сталь. Кривые блистающие клинки рассекали воздух так быстро, что Октавии не удавалось уследить за ними. Вдруг она услышала страшный скрежет, и в следующий миг Джехунгир упал с разрубленным боком, из глубокой раны хлынула на землю кровь. Кольчуга не выдержала, и сабля киммерийца дошла аж до позвоночника.

Но не гибель бывшего господина вызвала крик Октавии. С оглушительным треском ломая сучья, из леса выскочил Хосатрал Хел. Девушка бежать не могла; обессилевшая от ужаса, она опустилась на землю. Конан, склонившийся над телом Агхи, спасаться бегством и не подумал. Перекинув саблю в левую руку, правой он выхватил из-за пояса массивный нож юйтши.

Хосатрал Хел нависал над Конаном, махал руками-молотами, но, как только неземной металл блеснул на солнце, попятился. У Конана тотчас взыграла кровь. Он нападал, рубил сплеча серповидным клинком, и тот не ломался. Для его ударов тело волшебника оказалось таким же уязвимым, как и человеческое. Смуглая кожа покрылась ранами, ручейками потекла необычная кровь, и Хосатрал вопил от боли — словно гудел громадный колокол. Напрасно чудовищные ручищи пытались схватить Конана — тот был попроворнее туранских лучников. Он избегал ударов, зато сам наносил их снова и снова.

Хосатрал шатался и заходился криком — будто само железо рыдало от боли. Наконец великан повернулся и бросился бежать, с шумом продираясь сквозь заросли. Конан, охваченный яростью и охотничьим азартом, следовал за ним по пятам. Вскоре за деревьями показались стены и башни Дагона. Тогда Хосатрал предпринял последнюю попытку спастись. Он повернулся и, меся руками воздух, ринулся на Конана с бешеным воплем, но тот проскользнул под руками чудовища и вонзил кинжал в сердце.

Хосатрал покачнулся и упал на землю. Конан глазам своим не поверил: лицо гиганта быстро исчезало, конечности таяли. В предсмертных муках Хосатрал превращался в тварь, выползшую из Бездны тысячелетия назад.

Брезгливо морщась, Конан хотел было пойти к берегу, но застыл в изумлении, оглянувшись и не увидев за деревьями блеска шпилей. Все развеялось как дым: башни, стены, огромные бронзовые ворота, золото, бархат, слоновая кость, темноволосые женщины и мужчины с бритыми головами. С исчезновением чудовищного разума, породившего этот город, Дагон и все его обитатели погрузились в небытие, и лишь обломки колонн громоздились снова меж разрушенными стенами да к пробитому куполу вели полуразрушенные ступени. Долго стоял гетман в полной неподвижности, с трудом постигая драму эфемерного явления, называемого человечеством, на которое охотятся безобразные твари, порождения Тьмы. Но тут Конана позвал испуганный голос, и он вздрогнул, словно очнулся ото сна. Бросив последний взгляд на останки Хосатрала, он повернулся к обрыву и поджидающей подле него девушке.

Она высматривала его в зарослях и, увидев, вскрикнула от радости. Конан встряхнулся, отгоняя мысли о только что пережитом.

— Где он? — прошептала Октавия.

— Вернулся в ад, туда, откуда выполз,— весело ответил Конан.— Почему ты не уплыла на лодке?

— Я бы не бросила...— начала было она, но осеклась и нахмурилась.— Куда мне плыть? В лапы туранцев? Да и пираты ничуть не лучше их...

— И козаки,— добавил Конан.

— И козаки,— с презрением согласилась немедийка.

Конан восхищался, глядя, как быстро возвращается к ней самообладание. Высокомерие красавицы забавляло его.

— Кажется, в крепости Гори ты думала по-другому,— ухмыльнулся он.— Там ты дарила мне улыбки.

— Думаешь, я заигрывала с тобой? По-твоему, я могу влюбиться в дикаря, жадного до пива и мяса? Нет, Конан. Кокетничая, я выполняла волю своего господина, которого ты только что зарубил.

— Вот оно что! — озадаченно произнес Конан, затем громко рассмеялся.— Как бы то ни было, теперь ты моя. Поцелуй меня, красавица!

— Да как ты смеешь! — возмутилась девушка, но гетман, смеясь, прижал ее к мускулистой груди и жадно пил нектар ее губ до тех пор, пока нежные руки девушки не обвились вокруг его шеи. Потом, пристально глядя в огромные глаза, он спросил:

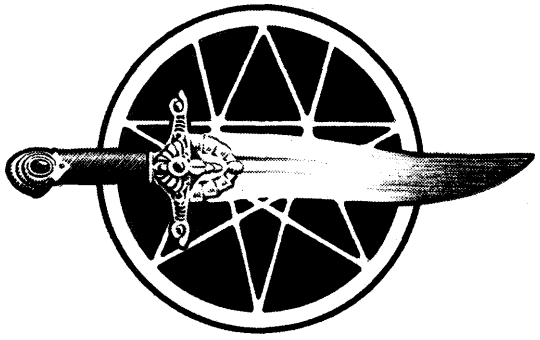
— Почему бы тебе не предпочесть шатер гетмана вольных людей палатам изнеженной туранской собаки?

Не снимая рук с его плеч, Октавия спросила:

— Хочешь сказать, что твой шатер не уступит дворцу Агхи?

Он со смехом прижал ее к себе.

— Ты убедишься в этом. Я подожгу Хаваризм, чтобы осветить тебе путь в мое жилище.

Книга вторая

КРОВАВЫЙ ВЕНЕЦ

ЛЮДИ ЧЕРНОГО КРУГА

I

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

В душной ночи звон священных гонгов и рев раковин слышался далеко. Слабые отзвуки доносились и в комнату с золотыми сводами, где на устланном бархатом ложе метался Бунда Чанд — король Вендии. Смуглое лицо блестело от пота, пальцы впились в расшитые золотом покрывала. Он был еще молод, и не копьем его ранили, и не яд подсыпали в вино, но глаза застлала мгла неминуемой смерти. У одра короля на коленях стояли дрожащие невольницы, у изголовья склонилась его сестра Деви Жазмина, с глубокой тревогой вглядываясь в лицо брата. С нею был вазам, пожилой дворянин, давно состоящий при королевском дворе.

Когда далекий рокот барабанов достиг слуха Жазмины, она резко вскинула голову.

— Жрецы и вся эта суматоха! — вскрикнула Деви с гневом и отчаянием.— Они никчемны, как и лекари! Он умирает, и никто не знает отчего. Умирает — а я, беспомощная, стою здесь... Я готова сжечь город дотла и отправить на смерть тысячи людей ради его спасения!

— Я уверен, любой вендиец умер бы за своего короля, Деви,— тяжко вздохнул вазам,— если бы это помогло. Видимо, его отравили...

— Я уже говорила, это не яд! — выкрикнула она.— С самого детства его охраняли, даже самым ловким отравителям Востока не удавалось до него добраться. Пять черепов белеют на башне Бумажного Змея, доказывая, что никто из них не достиг цели. Ты прекрасно знаешь, десять мужчин и десять женщин пробуют

© Перевод М. Семёновой.

его вина и еду, а покои стерегут пятьдесят стражей. Нет, это не яд, это колдовство. Страшное проклятие...

Она умолкла, потому что король в эту минуту заговорил; его посиневшие губы, правда, не пошевелились, а в глазах не появилось и проблеска сознания, но раздался невнятный и тихий стон, словно взывающий из бездонных, исхлестанных ветром глубин.

— Жазмина! Жазмина! Сестра моя, где ты? Я не могу найти тебя. Всюду темнота и вой вихря!

— Брат! — закричала Жазмина, судорожно хватая его безвольную ладонь.— Я здесь! Ты узнаешь меня?

Она смолкла, видя полное безразличие, завладевшее королем. С его уст сорвался жалобный всхлип. Невольницы заскулили от страха, а Жазмина разодрала на себе одежды.

В другой части города некий человек выглядывал из-за ажурной решетки окна на длинную улицу, освещенную тусклыми факелами. Свет озарял воздетые к небу темные лица со сверкающими белками глаз. Из тысяч уст вырывались долгие причитания.

Мужчина был высок, хорошо сложен и носил дорогие одеяния. Он повел широкими плечами и отвернулся от окна.

— Король еще не умер, но уже слышны траурные песнопения,— сказал он второму мужчине, сидящему на циновке в углу комнаты.

Собеседник его был одет в коричневую тогу из верблюжьей шерсти, сандалии и зеленый тюрбан. Он, равнодушно посмотрев на говорящего, вымолвил:

— Просто люди знают, король не встретит рассвета.

Первый мужчина долго вглядывался в его лицо.

— Не пойму,— сказал он,— зачем я должен был так долго ждать, пока твои хозяева начнут действовать. Если им удалось убить короля теперь, почему они не могли сделать этого на несколько месяцев раньше?

— Искусством, которое ты называешь колдовством, управляют законы вселенной,— ответил человек в зеленом тюрбане.— Даже мои господа не в силах этим пренебречь. Пока звезды не оказались в нужном положении, чары не действовали.

Длинным грязным ногтем он чертил созвездия на мраморных плитах пола.

— Восхождение Луны сулит несчастье королю Вендии, смятение среди звезд. Змея в Доме Слона. При таком положении невидимые стражи покидают душу Бунды Чанда. Открыта дорога в потусторонние королевства. Когда удалось найти точку соприкосновения, той дорогой были посланы могучие силы.

— Точка соприкосновения? — переспросил второй мужчина.— Ты имеешь в виду прядь волос Бунды Чанда?

— Да. Все части тела постоянно пребывают между собой в нерасторжимой связи. Жрецы Асуры давно это подозревали, поэтому отрезанные ногти, волосы и все остальное, принадлежащее членам королевской семьи, предусмотрительно сжигалось, а пепел старательно прятался. Но в ответ на мольбы княжны Косаль, безнадежно влюбленной в Бунду Чанда, он подарил ей на память прядь своих волос. Когда мои господа решили судьбу короля, прядь похитили из золотого, украшенного драгоценностями ларца, который княжна держала ночью

под подушкой, а вместо нее положили другую, похожую. Так что княжна подмены не заметила. Потом настоящая прядь выдержала долгое путешествие с караваном верблюдов до Пешкаури и через перевал Забар, пока не попала в руки к тем, к кому должна была попасть.

— Обычная прядка волос,— произнес аристократ.

— Благодаря которой можно извлечь из тела душу и затянуть в безграничные бездны мрака,— произнес человек, сидящий на циновке.

Аристократ с интересом приглядывался к нему.

— Не знаю, человек ты или демон, Хемса,— сказал он в конце концов,— мало кто из нас является тем, за кого себя выдает. Кшатрии знают меня как Керим Шаха, принца из Иранистана, но я всего лишь подставное лицо. Так или иначе, все — предатели, а половина даже не знает, на кого работает. Я, по крайней мере, избавлен от таких сомнений, потому что служу королю Турана Ездигерду.

— А я — Черным Колдунам с Имша,— сказал Хемса,— и мои господа более всемогущи, чем твой король; своим искусством они достигли того, чего он не мог добиться с многотысячным войском.

Жалобные стоны вендийцев неслись к звездному небу, рычание раковин, казалось, изгоняет тьму. В дворцовых парках свет факелов отражался в блестящих шлемах, в изогнутых мечах и украшенных золотом нагрудниках. Все воины Айодии благородного происхождения толпились в огромном дворце и вокруг него, а возле невысоких овальных арок и у каждой двери встало на стражу по пятьдесят лучников со стрелами на тетиве. Но смерть шагала по королевским покоям, и никто не мог воспротивиться ее беззвучному шествию.

В комнате с золотыми сводами король, мучимый ужасной болью, вскрикнул еще раз. Его голос был совсем слаб и далек. Деви наклонилась над ним, дрожа от ужаса, вызванного чем-то иным, нежели страхом перед смертью.

— Жазмина! — раздался вновь приглушенный, полный страдания крик из темноты.— Помоги мне! Я так далеко от дома! Колдуны завлекли мою душу в исхлестанную вихрем темноту. Они пробуют порвать серебряную нить, связывающую душу с телом. Клубятся вокруг. Их пальцы, словно когти, их красные глаза тлеют во мраке. О, спаси меня, сестра! Их прикосновения жгут, словно огонь! Они уничтожат мое тело и погубят душу! Что их привело ко мне? Ох!

Услышав безграничный ужас в голосе умирающего, Жазмина пронзительно вскрикнула и в отчаянии прижалась к его груди. Тело короля свело в судорогах, с перекошенных губ хлынула пена, а судорожно сжатые пальцы оставили след на плече девушки. Но взгляд короля обрел осмысленность, словно бы ветер на мгновение развеял подернувшую их мглу, и он взглянул на сестру.

— Брат! — заплакала она.— Брат...

— Спеши! — крикнул он слабеющим голосом.— Я уже знаю причину моей гибели. Я проделал долгое путешествие и все понял. Колдуны из Химелии напустили на меня чары. Они извлекли мою душу из тела и унесли ее далеко, в каменную комнату. Там они пробуют порвать серебряную нить жизни и заключить мою душу в тело ужасного чудовища, которого их заклятия извлекли из тьмы. Ах! Я чувствую их силы! Твой плач и пожатие твоих пальцев вернули меня, но только на минуту. Моя душа все еще держится в теле, но эта связь все слабеет. Скорее убей меня, прежде чем они навсегда поместят мою душу в эту тварь!

— Не могу,— рыдала она, ударяя себя в грудь.

— Скорее, приказываю тебе! — В шепоте послышались прежние повелительные интонации.— Ты всегда повиновалась мне, послушайся и моего последнего приказа! Отправь мою душу в лоно Асуры! Спеши, иначе обречешь меня на вечное пребывание в теле ужасного чудовища. Убей меня, приказываю тебе! Убей!

С ужасом Жазмина выдернула из-за пояса украшенный драгоценными камнями стилет и погрузила по рукоять в грудь брата. Король выпрямился, его тело ослабело, печальная улыбка искривила помертвевшие губы. Жазмина бросилась на застланные камышом плиты, ударяя по ним кулаками. За окном рычали раковины и гремели гонги, жрецы резали свои тела медными ножами.

II

ВАРВАР С ГОР

Чундер Шан, губернатор Пешкаури, отложил золотое перо и внимательно посмотрел на письмо с печатью своего ведомства. Он правил в Пешкаури уже много лет благодаря тому, что взвешивал каждое слово, прежде чем сказать или написать его. Опасность порождала осмотрительность, только осторожные люди долго жили в этом диком краю, где раскаленные равнины Вендии соседствовали со скалами Химелии. Достаточно часа езды на запад или на север, чтобы пересечь границу и оказаться в горах, где правит закон кулака и ножа.

Губернатор, сидя за искусно сделанным столиком из красного дерева, видел в широко открытом окне темно-синее небо, усеянное большими белыми звездами. Зубцы крепостной стены еле различимой темной полосой вырисовывались на фоне неба, а дальние бойницы и амбразуры, казалось, растворялись в нем. Кре-

пость губернатора стояла вне города, охраняя ведущие к нему дороги. Ветерок колыхал висящие на стенах гобелены, доносил с улиц Пешкаури гомон, обрывки песен и тихий звон цитры.

Бесшумно шевеля губами, Чундер Шан перечитывал написанное, прикрывая ладонью глаза от света латунного светильника. Он сразу расслышал топот конских копыт за сторожевой башней и резкий окрик стражника. Занятый посланием, он не придал происходящему значения. Письмо было адресовано вазаму Вендии при королевском дворе в Айодии, и после традиционных восхвалений в его адрес шло следующее:

«Пусть Вашей милости будет известно, я точно выполнил приказ Вашей милости. Семеро горцев заперты в хорошо охраняемой тюрьме, а я непрестанно шлю вести в горы и жду, когда их вождь лично прибудет для переговоров. Но до сих пор он не сделал ответного шага, зато угрожает, что, если заложников не выпустят, он сожжет Пешкаури и — прошу прощения, Ваша милость,— покроет свое седло моей кожей. Он способен на все, поэтому я утроил стражу на стенах. Этот человек не гулистанского происхождения. Я не могу предсказать, что он предпримет. Но поскольку приказ исходил от Деви...»

Губернатор сорвался с кресла и в мгновение ока оказался у сводчатых дверей. Схватился за кривой меч, лежащий в изукрашенных ножнах на столике. И застыл, воздев его в приветствии. Особа, которая так неожиданно вошла, оказалась женщиной. Муслиновые одеяния не могли скрыть дорогих украшений, равно как и гибкости стройного молодого тела. К волнистым волосам, охваченным тройной косичкой и украшенным золотым полумесяцем, была приколота прозрачная вуалька. Черные глаза смотрели сквозь вуаль на ошеломленного губернатора, а ладонь прикрывала лицо.

— Деви!

Губернатор преклонил колено, но удивление и замешательство испортили эффект от столь торжественного момента. Движением руки она приказала ему встать. Он поспешно проводил ее к креслу из слоновой кости, все время находясь в глубоком, почтительном поклоне.

— Государыня! Это в высшей степени безрассудно! — упрекнул ее губернатор.— На границе неспокойно. Постоянные нападения с гор. Государыня, надеюсь, ты прибыла с достаточно большой свитой?

— Большой кортеж сопровождал меня только до Пешкаури,— ответила она.— Там я оставила своих людей и поехала в крепость со своей придворной дамой по имени Гитара.

Чундер Шан охнул от страха.

— Деви! Ты не осознаешь опасности. В часе езды отсюда полно варваров, которые грабят, убивают. Случалось, что на дороге между городом и крепостью похищали женщин и убивали мужчин. Пешкаури — не южная провинция...

— Все же я здесь, цела и невредима,— нетерпеливо прервала его Деви.— Я показала мой перстень с печатью стражнику у башни и тому, кто стоит перед твоими дверьми, они разрешили мне войти без доклада, подозревая, будто я — тайный курьер из Айодии. Не будем терять время. Есть известия от вождя варваров?

— Никаких, кроме угроз и проклятий, Деви. Он осторожен и подозрителен. Считает, что это ловушка, и, пожалуй, его не обвинишь в излишнем недоверии. Кшатрии не всегда сдерживали обещания, которые давали людям гор.

— Он должен принять мои условия! — прервала его Жазмина, сжимая кулаки так, что побелели пальцы.

— Не понимаю.— Губернатор покачал головой.— Когда мне удалось поймать этих семерых горцев, я сообщил, как положено, об их поимке вазаму, и, прежде чем успел их повесить, мне пришел приказ не торопиться и договориться с их вождем. Так я и сделал, но он, как я уже докладывал, не спешит. Эти люди из племени афгулов, но их вождь прибыл с запада, и зовут его Конан. Я передал ему, что завтра на рассвете повешу их, если он не придет.

— Прекрасно! — воскликнула Деви.— Хорошо задумал. Я отвечу тебе, почему я отдала такой приказ. Мой брат...— проговорила она сдавленным голосом, и губернатор склонил голову, почтив тем самым память умершего короля,— король Вендии пал жертвой колдовства. Я поклялась посвятить жизнь мщению убийцам. Умирая, брат навел меня на след, которым я и иду. Я прочла Книгу и разговаривала с безымянными отшельниками из пещеры Иелай. Я узнала, кто и как его убил... Черные Колдуны с горы Имш.

— Боже! — побледнев, прошептал Чундер Шан.

— Боишься их? — Она пронзительно посмотрела на губернатора.

— Кто же их не опасается, государыня,— ответил он.— Это демоны, живущие в безлюдных горах за перевалом Забар. Но предания утверждают, будто они редко вмешиваются в дела простых смертных.

— Не знаю, почему они убили моего брата,— сказала она.— Но я поклялась на алтаре Асуры уничтожить их. Сейчас мне нужна помощь горцев. Без них кшатрийская армия не пройдет на Имш.

— Да,— буркнул Чундер Шан.— Чистая правда. Нам пришлось бы сражаться за каждую пядь земли, а волосатые горцы сбрасывали бы на нас булыжники с любого пригорка и рвали нам глотки в каждой долине. Когда-то туранцы прорвались через Химелию, но сколько их вернулось в Хорусун? Лишь немногие из тех, кто ушел от кшатрийского меча, когда король, твой брат, разбил их конницу над рекой Юмда, вновь увидели Секундерам.

— Поэтому мне необходимо подчинить приграничные племена,— сказала Деви.— Люди, знающие дорогу на Имш...

— Но они боятся Черных Колдунов и обходят ту проклятую гору,— прервал ее губернатор.

— А их вождь, Конан, тоже боится Колдунов? — спросила она.

— Ну, если говорить о нем,— сказал губернатор,— я сомневаюсь, существует ли что-либо, чего бы этот демон во плоти боялся.

— Мне тоже так говорили. Значит, именно он мне нужен. Он жаждет освободить своих семерых человек? Прекрасно, платой за свободу будут головы Черных Колдунов!

Последние слова она произнесла голосом, полным ненависти, ее руки инстинктивно сжались в кулаки. Стоя с гордо поднятой головой и бурно вздымающейся грудью, она казалась воплощением ярости.

Губернатор вновь преклонил колено, зная по своему многолетнему опыту, что женщина, которой владеет такая буря чувств, так же опасна для окружающих, как и разъяренная кобра.

— Будет так, как государыня пожелает,— сказал он.

А когда Деви слегка остыла, он встал и попробовал остеречь.

— Не могу предвидеть поступки Конана. Горцы всегда были беспокойны, а у меня есть основания подозревать, что эмиссары туранцев подбивают их нападать на наши земли. Ведь ты знаешь, государыня, туранцы основали на севере Секундерама и другие города, хотя горские племена все еще не разбиты. Король Ездигерд издавна с жадностью поглядывает на юг и, возможно, собирается благодаря измене достичь того, чего не удавалось силой. Мне пришло в голову, вдруг Конан — один из его шпионов?

— Посмотрим,— ответила Деви.— Если он дорожит своими людьми, то появится на рассвете у ворот, чтобы вести переговоры. Я проведу эту ночь в крепости. В Пешкаури я приехала переодетой, а свою свиту устроила на постоялом дворе, а не во дворце. Кроме них, только ты знаешь о моем прибытии.

— Государыня, я провожу тебя в покои,— сказал губернатор.

Когда они вошли в коридор, он кивнул стоящему у двери стражнику, который, обнажив оружие, двинулся за ними. Перед комнатой их ждала придворная дама, тоже в вуали, как и ее госпожа. Все четверо пошли широким, извилистым коридором, освещенным коптящим пламенем факелов. Подошли к помещениям, предназначенным для знатных гостей, в основном для военачальников и вице-королей, хотя доселе никто из королевской семьи не почтил крепость своим присутствием. Чундер Шана все время мучила мысль, что комнаты совсем не подходили для такой высокопоставленной особы, как Деви. И хотя она старалась, чтобы в ее присутствии он чувствовал себя свободно, он все же испытал облегчение, когда государыня его отпустила. Низко кланяясь, он вышел. Потом созвал всех слуг, которые были в крепости, и велел заботиться о гостях, а еще, хотя не сказал, кто столь важные особы, поставил перед их дверью отряд копьеносцев, а вместе с ними воина, который ранее охранял дверь в его собственную комнату. Сбитый с толку всеми этими событиями, он забыл заменить его другим стражником.

Прошло несколько минут после ухода губернатора, когда Жазмина вспомнила, что забыла кое о чем сказать ему. Ее интересовал человек по имени Керим Шах, дворянин из Иранистана, который перед прибытием ко двору Айодии непродолжительное время жил в Пешкаури. Смутные подозрения относительно этого аристократа подкреплялись его присутствием теперь в Пешкаури. Жазмине подумалось, не следил ли за ней Керим Шах от самой Айодии. Но, будучи совершенно непредсказуемой, она не стала вызывать губернатора к себе, а вышла в коридор и направилась к нему.

Чундер Шан тем временем вернулся в кабинет, закрыл дверь и подошел к столу. Взял свое письмо к вазаму и порвал на клочки. И тут же услышал тихий шорох на парапете за окном. Подняв глаза, на фоне звездного неба увидел нечеткий силуэт. В комнату ловко спрыгнул человек. В сиянии светильника блеснуло длинное острие.

— Тихо! — остерег его голос.— Не шуми, или отправлю к праотцам.

Губернатор опустил руку, потянувшуюся к лежащему на столе мечу. Он знал быстроту и мастерство горцев в обращении с забарскими кинжалами.

Пришелец оказался высоким мужчиной с могучим телосложением, что не мешало ему быть гибким и ловким, словно барс. Одет он был как горец, но суровые черты лица и голубые глаза не гармонировали с нарядом. Чундер Шан таких раньше не видел; чужак наверняка не принадлежал ни к одной из восточ-

ных рас — скорее всего, он был варваром с далекого запада. Однако его манера вести себя выдавала в нем натуру дикую и необузданную, такую же, как и у длинноволосых горцев, живущих на возвышенностях Гулистана.

— Ты приходишь ночами, словно вор,— прокомментировал губернатор.

Понемногу уверенность возвращалась к нему, хотя он не забывал, что в пределах слышимости нет ни одного стражника. Но горец об этом знать не мог.

— Я взобрался на стену крепости,— рявкнул чужак.— Страж вовремя выставил голову над зубцами, мне оставалось ударить по ней рукоятью кинжала.

— Ты Конан?

— А кто ж еще? Я прибыл для переговоров с тобой. Итак, видит Кром, я здесь! Держись подальше от стола, а то я выпущу кишки!

— Я только хочу сесть,— ответил губернатор, осторожно опускаясь в кресло из слоновой кости, которое отодвинул от стола.

Конан непрерывно кружил по комнате, подозрительно поглядывая на дверь и пробуя ногтем острие длинного кинжала; он ступал иначе, чем афгулы, почти неслышно. Не прибегая к излишней восточной учтивости, сказал с грубоватой непосредственностью:

— У тебя семеро моих людей. Ты отказался принять предложенный мной выкуп. Чего же ты, демон тебя побери, хочешь?

— Поговорим об условиях,— осторожно ответил губернатор.

— Условиях? — В голосе пришельца появилась опасная угрожающая нотка.— В чем дело? Разве я не предложил тебе золото?

Чундер Шан рассмеялся:

— Золото? В Пешкаури столько золота, сколько ты отродясь не видал.

— Ты лжешь,— отпарировал Конан.— Я видел золотильщиков в Хорусуне.

— Ну, больше, чем видел кто-либо из афгулов,— поправился Чундер Шан.— А это только капля в море богатства Вендии. Так зачем же нам жаждать золота? Будет больше пользы, если мы повесим этих бандитов.

Конан в сердцах выругался, его бронзовые мускулы напряглись, словно канаты, а длинное лезвие задрожало в руке.

— Я расколю твой череп, как спелую дыню!

Глаза горца заблестели от гнева, но губернатор только пожал плечами, хотя и не отрывал взгляда от сверкающего острия.

— Ты без труда можешь поступить так и, возможно, даже успеть скрыться. Но семерым пленникам твой поступок ничем не поможет, мои люди непременно повесят их. А ведь они — вожди афгулов.

— Знаю,— сказал Конан.— Все племя грызет меня, как стая волков, мол, я мало делаю для их освобождения. Скажи прямо, чего ты хочешь, или — о Кром! — если не будет другого способа, соберу всю орду и приведу их к воротам Пешкаури!

Видя гневный блеск в его глазах, Чундер Шан не сомневался: стоящий перед ним варвар способен на все. Губернатор не верил, что даже самая многочисленная орда горцев сможет взять город, но вовсе не желал опустошения своей провинции.

— Есть одно поручение для тебя,— сказал он, подбирая очень осторожно слова.— Ты должен...

Губы Конана искривились в ухмылке, он отпрыгнул назад и повернулся лицом к двери. Острым слухом он уловил тихий шорох приближающихся шагов.

В ту же минуту дверь внезапно распахнулась и в комнату вошла стройная женщина в шелках. Она прикрыла за собой дверь и замерла, увидев горца.

Чундер Шан сорвался с кресла, ощущая, как его сердце судорожно сжалось.

— Деви! — безотчетно крикнул он, на мгновение потеряв голову.

— Деви! — повторил варвар.

Губернатор понял намерения Конана, крикнув в отчаянии, схватился за меч, но горец двигался с убийственной быстротой урагана. Он бросился на губернатора и ударом по голове свалил его на пол, потом сгреб мускулистой рукой онемевшую Жазмину и прыгнул к окну. Чундер Шан, в отчаянии пробуя подняться, какую-то минуту еще различал на фоне неба отчаянные взмахи рук схваченной Деви.

— Попробуй-ка теперь повесить моих людей! — триумфально крикнул Конан.

Он спрыгнул на зубцы стены и исчез. Губернатор только услышал пронзительный крик Жазмины.

— Стража! Стража! — закричал он.

Потом встал и, шатаясь, подошел к двери и с трудом выбрался в коридор. Эхо разносило его крики, созывая воинов, которые вытаращили глаза при виде губернатора, державшегося за разбитую, окровавленную голову.

— Воины, на коней! — ревел он.— Похищение!

Несмотря на весь ужас положения, ему хватило ума не выдавать всей правды. Он стоял, словно окаменев, слыша стук копыт за окном, отчаянные крики девушки и победные вопли варвара.

Потом он помчался вниз по лестнице, за ним бежали ошеломленные стражники. Во дворе крепости у оседланных коней всегда располагался отряд конников, готовых каждую минуту ринуться в погоню. Чундер Шан лично возглавил эскадрон, хотя ему пришлось обеими руками держаться за луку седла из-за сильного головокружения. Он не выдал, кем являлась похищенная, сказал только, что дворянку, носящую королевский браслет, похитил вождь афгулов. Хотя злодей быстро скрылся из глаз, унося свою жертву, они-то знали, куда он поедет,— конечно же, по дороге, ведущей прямо к ущелью долины Забар. Ночь была безлунная, слабый свет звезд падал на стоящие вдоль дороги домики крестьян. Черные контуры крепостных бастионов и башен Пешкаури остались за спиной у всадников. Далеко впереди взметнулась черная стена гор Химелии.

III

ХЕМСА ПРИБЕГАЕТ К ЧАРОДЕЙСТВУ

В суматохе, царящей в крепости, когда стражников призвали к оружию, никто не приметил, как придворная дама, сопровождавшая Деви, выскользнула через главные ворота и растворилась в темноте. Высоко подняв юбки, она помчалась в город. Бежала она не по дороге, а напрямик через поле и пригорки, огибая заборы и перепрыгивая через ирригационные канавы с ловкостью профессионального бегуна. Прежде чем она достигла стен Пешкаури, стук копыт всадников за пригорками затих. Девушка не пошла к главным воротам, возле которых, опершись на копья, напрягали взор стражники, вглядываясь в темноту и стараясь понять причину замешательства, завладевшего крепостью. Она пошла вдоль стены, пока не добралась до места, с которого увидела возносящуюся меж зубцов башню. Тогда она приставила ладонь к губам и издала тихий, необычный и странно резкий звук.

Почти сразу же из амбразуры высунулась чья-то голова и вдоль стены спустилась длинная веревка. Девушка схватилась за нее, вставила ногу в петлю и помахала рукой. Быстро и плавно ее втащили на отвесную каменную стену. Уже через минуту она стояла на плоской крыше дома, прилегающего к зубчатой крепостной стене вокруг Пешкаури. У открытых ставней мужчина в тоге из верблюжьей шерсти спокойно сматывал веревку, словно ему не стоило труда втащить взрослую женщину на пятнадцатиметровую стену.

— Где Керим Шах? — выдохнула она.

— Спит внизу. Ты принесла весть?

— Конан украл Деви из крепости и увез ее в горы! — выпалила она.

На лице Хемсы не отразилось никаких чувств, он только кивнул головой, обвязанной тюрбаном, и сказал:

— Керим Шах будет доволен, когда узнает об этом.

— Подожди! — Девушка обняла его за шею.

Она тяжело дышала не только от бега. Ее глаза пылали во мраке, как два черных алмаза. Она приблизила свое лицо к лицу Хемсы, он принял ее объятия, но не ответил.

— Ничего не говори гирканцу! — выдохнула она.— Мы сами воспользуемся ситуацией. Губернатор и его люди поехали в горы, но с таким же успехом они могли бы преследовать духа. Чундер Шан никому не сказал, что похитили именно Деви. Кроме нас, в Пешкаури и в крепости никто ничего не знает.

— А какая в этом польза для нас? — сказал в раздумье мужчина.— Мои господа послали меня вместе с Керим Шахом, дабы я помогал ему в каждом...

— Помоги себе! — крикнула она с яростью.— Сбрось ярмо!

— Ты хочешь сказать... я должен оказать неповиновение моим господам? — пробормотал он, и девушка, прижавшаяся к его груди, почувствовала, как Хемса содрогнулся от ужаса.

— Да! — Она со злостью встряхнула его.— Ты тоже колдун! Почему же ты должен быть невольником, направлять свои силы и искусство только на возвеличивание других? Пора уже самому воспользоваться всем этим!

— Нельзя! — Хемсу лихорадило.— Я не принадлежу к Черному Кругу. Только по приказу моих хозяев я осмеливаюсь пользоваться знанием, которым благодаря им располагаю.

— Но можешь использовать его намного лучше! — упорно убеждала она.— Сделай то, о чем тебя прошу! Конан похитил Деви, чтобы держать ее заложницей и обменять на пойманных семерых вождей. Убей их, тогда Чундер Шан не сможет использовать их для выкупа Деви. Потом подадимся в горы и отнимем ее у афгулов. Их ножи не помогут против твоего колдовства. Мы возьмем выкуп, сокровища вендийских королей будут наши, а когда их получим — обманем кшатриев и продадим Деви королю Турана. Мы станем богатыми, ты и вообразить себе не можешь такого богатства! Будем в состоянии заплатить наемникам. Займем Корбул, выбьем туранцев с гор и вышлем наши войска на юг. Мы будем властителями империи!

Хемса тоже начал тяжело дышать, дрожа, как лист, в ее объятиях. Крупные капли пота стекали по бледному лицу.

— Люблю тебя! — страстно крикнула она, крепко прижимаясь к нему.— Сделаю тебя королем! Из любви к тебе я изменила своей госпоже, из любви ко мне измени своим магистрам! Почему ты боишься Черных Колдунов? Полюбив меня, ты уже нарушил один из их запретов! Нарушь и остальные! Ты так же могущественен, как они!

Даже человек изо льда не выдержал бы такого огня страсти и ярости в ее словах. С невыразительным возгласом Хемса прижал к себе девушку и осыпал градом поцелуев.

— Я сделаю так! — сказал он охрипшим голосом.

Он пошатывался, словно захмелев от обуревающих эмоций.

— Сила, которой наделили меня магистры, будет служить не им, а мне! Мы завладеем миром! Миром...

— Ну идем же! — Осторожно выбираясь из его объятий, она взяла его за руку и повлекла к люку в крыше.— Мы должны быть уверены, что губернатор не успеет обменять семерых афгулов на Деви.

Хемса пошел за ней, как в трансе, они спустились по лестнице и оказались в небольшой комнате. Керим Шах неподвижно лежал на ложе, прикрывая лицо согнутой в локте рукой, словно ему мешал неяркий свет медной лампы. Девушка схватила Хемсу за руку и быстрым жестом провела ребром ладони по шее. Хемса поднял было руку, но потом, изменяясь в лице, покачал головой.

— Я ел его соль,— шепнул он.— Кроме того, он нам вряд ли помешает.

Они с девушкой вышли за дверь, ведущую на узкую крутую лестницу. Когда их осторожные шаги затихли, Керим Шах поднялся с ложа, вытерев пот со лба. Он не боялся удара ножом, но Хемсы боялся, как ядовитого гада.

— Люди, устраивающие на крышах заговоры, должны помнить, что говорить следует тише,— шепнул он себе.— Хемса восстал против своих господ, а ведь только через него я мог с ними общаться, значит, на их помощь уже нечего рассчитывать. Отныне действую на свой страх и риск.

Он встал, быстро подошел к столу, достал из-за пояса перо и пергамент, потом начертал несколько коротких предложений:

«Косра-хану, губернатору Секундерама. Киммериец Конан похитил Деви Жазмину и отправился в афгульскую деревню. Есть шанс схватить Деви, чего так давно жаждет король. Не откладывая, вышли три тысячи верховых. Буду ждать их с проводниками в долине Гурашах».

Достал из золотой клетки голубя и тоненькой ниткой прикрепил к лапке свернутый в маленькую трубочку пергамент. Затем быстро подошел к окну и выпустил птицу в ночь. Голубь затрепетал крыльями, обрел равновесие и исчез в темноте. Схватив плащ, шлем и меч, Керим Шах вылетел из комнаты и сбежал вниз по крутой лестнице.

Здание тюрьмы в Пешкаури находилось за массивной стеной, в ней были только одни, обитые железом и расположенные в полукруглом портале ворота. В висящем над порталом светильнике горели смоляные щепки, а возле двери на корточках сидел стражник со щитом и копьем, опираясь головой на древко и время от времени позевывая. Вдруг стражник вскочил на ноги. Он дал бы голову на отсечение, что не сомкнул глаз, и все же перед ним стоял человек, появления которого он не заметил. На мужчине была тога из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан на голове. В неверном свете факела казалось, что его глаза горят страшным огнем.

— Кто там? — спросил стражник, выставляя вперед копье.— Кто ты?

Пришелец не выказывал смятения, хотя острие копья упиралось в его грудь. С необычайным вниманием он вглядывался в стражника.

— Что ты обязан делать? — спросил он вдруг.

— Охранять ворота! — машинально ответил тот сдавленным голосом и замер, как изваяние, глаза остекленели, взгляд сделался отсутствующим.

— Неправда! Ты должен слушаться меня! Ты посмотрел мне в глаза, и твоя душа теперь принадлежит мне. Открой дверь!

Словно каменный, с лицом, застывшим в удивленной гримасе, стражник повернулся, вынул из-за пояса большой ключ, повернул его в огромном замке и широко распахнул ворота. Потом встал поодаль, глядя перед собой остекленевшими глазами.

Из тени выскользнула женщина и нетерпеливо положила руку на плечо пришельца.

— Скажи ему, пусть даст нам коней, Хемса,— шепнула она.

— Зачем? — ответил Хемса. Чуть-чуть повысив голос, он сказал стражнику: — Ты исполнил, что должен был исполнить. Теперь убей себя!

Воин, как в трансе, оперся концом копья о землю у стены и прислонил узкое лезвие к животу. Медленно, флегматично налег на него всей тяжестью, острие прошило его насквозь и вышло между лопатками. Воин пару раз дернулся в конвульсиях и замер, торчащее из тела копье походило на ствол какого-то страшного дерева.

Девушка глядела на происходящее с мрачным восторгом, пока Хемса не схватил ее за плечо и не повлек за собой. Факелы освещали узкое пространство между стенами — внутренней и внешней. Внутренняя находилась ниже, в ней было много несимметрично расположенных дверей. Охранник медленным шагом подошел к открывающимся воротам, чувствуя себя в полной безопасности и ничего не подозревая, пока из темноты перед ним не появился Хемса с девушкой. Колдун не тратил время на чары, но его спутнице и сейчас показалось, что она — свидетель колдовства. Стражник грозно замахнулся копьем и уже открыл рот, чтобы закричать; на крик прибежал бы отряд стражников из караульной, но Хемса левой рукой отбил древко, как соломинку, в сторону, а его правая рука описала короткую дугу, словно мимоходом коснувшись шеи воина. Стражник рухнул с переломанной шеей на каменную мостовую, не издав даже крика.

Хемса больше не обращал на него внимания. Подошел к первой же двери и прислонил раскрытую ладонь к массивному бронзовому замку. Дверь с треском уступила. Идя следом за Хемсой, девушка увидела, что по толстому тиковому дереву пошли трещины, бронзовые засовы погнуты и вырваны из гнезд. Даже сорок воинов, бьющих тысячефутовым тараном, не смогли бы нанести большего разрушения. Опьяненный свободой, Хемса играл своей чудесной силой, радуясь ей и тешась, как молодой вояка с избытком темперамента использует силу своих мускулов в рискованных выходках.

Выломанная дверь вела в маленький дворик, освещенный светом факелов. Напротив двери они увидели толстую решетку из железных прутьев. Заметили волосатую руку, схватившуюся за решетку, и белки блестящих в темноте глаз. Хемса мгновение помедлил, вглядываясь в темноту. Потом сунул руку за пазуху и высыпал на каменную мостовую горсть блестящей пыли. Вспыхнул зеленый огонь, освещая дворик. Вспышка высветила фигуры семерых людей, неподвижно стоящих за решеткой, осветив каждую деталь их поношенной одежды и орлиные черты заросших, бородатых лиц. Никто из них не отозвался, но в глазах у них стыл ужас, волосатыми руками они крепко сжимали прутья.

Огонь погас, но блеск остался, дрожащий блеск зеленого шара, пульсирующего и трепещущего на камнях у ног Хемсы. Узники не могли оторвать от него взгляда. Шар постепенно вытянулся, превратился в спираль из ярко-зеленого дыма, который изгибался и скручивался, как огромная змея. Эта лента вдруг превратилась в облако, медленно двигаясь по каменному полу прямо к клетке. Узники смотрели на него широко открытыми от ужаса глазами, дрожь отчаянно сжавшихся на прутьях пальцев передавалась клетке. С раскрытых губ горцев

не слетало ни единого звука. Зеленая тучка доползла до решетки, закрывая ее от глаз девушки. Как туман, проникла она сквозь прутья и окутала горцев. Из густых клубов раздались сдавленные стоны, словно бы кто-то погружался под воду.

Хемса дотронулся до плеча девушки, которая смотрела широко раскрытыми от удивления глазами на происходящее. Она обернулась и машинально пошла за ним, все время оглядываясь через плечо. Мгла стала рассеиваться; прямо возле решетки была видна пара обутых в сандалии ног, торчащих вверх, а также неясные абрисы семи неподвижно лежащих в беспорядке тел.

— А сейчас оседлаем верховую лошадь, она быстрее любого из скакунов, взращенных в конюшнях смертных,— сказал Хемса.— Будем в Афгулистане еще до рассвета.

IV

ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ

Деви Жазмина не могла припомнить ни одной подробности своего похищения. Внезапность и быстрота происходящих событий ошеломили ее, в памяти остались только отдельные моменты: объятия могучих рук, горящие глаза похитителя и его дыхание, обжигающее шею. Прыжок через окно на зубцы стены, бег по ступеням и крышам, парализующий страх высоты, ловкий спуск по канату, привязанному к зубцу (похититель спустился по нему в мгновение ока, перебросив онемевшую жертву через плечо),— все это оставило в памяти Деви лишь невыразительный след. Немного лучше она помнила быстрый бег человека, который нес ее с легкостью, тень деревьев, прыжок в седло дико ржущего балканского жеребца. Потом была бешеная скачка и стук копыт, высекающих искры на каменистой дороге, ведущей через предгорья.

Когда она вновь обрела ясность мысли, внутри закипели ярость и стыд. Она пребывала в отчаянии. Правители золотых королевств на юге от Химелии почитались почти как боги, а она ведь — Деви Вендии! Безудержный гнев взял верх над страхом. Девушка разъяренно вскрикнула и стала вырываться. Она, Жазмина, переброшена через луку седла горского вождя, словно обычная девка, купленная на торжище! Конан только обнял ее покрепче, и Жазмина впервые в жизни подчинилась силе. Конан взглянул на нее и широко улыбнулся. В свете звезд сверкали белые зубы. Свободно опущенные поводья лежали на развевающейся гриве жеребца, который мчался по усеянной валунами дороге, напрягая в последнем усилии все мускулы и сухожилия. Но Конан без труда, почти небрежно, удерживался в седле.

— Пес! — выкрикнула Жазмина, пылая от гнева, стыда и бессилия.— Ты имеешь дерзость... смеяться! Заплатишь головой! Куда меня везешь?

— В деревню афгулов,— ответил тот, оглядываясь через плечо.

Вдали, за пригорками, которые они проехали, на стенах крепости мелькали огоньки факелов; он заметил также отблеск света, значит, открыли большие ворота. Конан громко засмеялся, смех его звучал, как рокот водопада.

— Губернатор выслал в погоню за нами конников,— сказал он с насмешкой.— О Кром, прихватим их на маленькую конную прогулку! Как ты думаешь, Деви, поменяют они семерых горцев на кшатрийскую княжну?

— Скорее вышлют армию и повесят тебя вместе с твоим демоновым племенем,— разозлилась она.

Он радостно засмеялся и, усаживаясь удобнее, сильнее прижал ее к себе. Но Жазмина сочла это новым оскорблением и возобновила борьбу, пока не пришла к выводу, что попытки освободиться только смешат его. Кроме того, от возни воздушные, развевающиеся на ветру шелковые одежды были в ужасном беспорядке. Она решила: лучше хранить надменное спокойствие — и погрузилась в гневное молчание.

Но гнев сменило удивление, когда они достигли выхода в долину Забар, зияющего, словно брешь, в темной стене скалы, которая загородила им дорогу. Казалось, какой-то гигантский нож вырезал проход в сплошной скале. По обе стороны вознеслись на сотни футов крутые склоны, пряча выход в долину в кромешной тьме. Даже Конан не мог разглядеть в темноте ничего, но, зная, что за ним погоня из крепости, и помня дорогу наизусть, он не придерживал коня. Огромный зверь еще не выказывал признаков усталости. Словно молния, они промчались через долину, взобрались на хребет. Затем переправились через ущелье, где предательский сланец провоцировал на неосторожный шаг, осыпаясь на дорогу.

В густой темноте Конан не мог заметить засаду, устроенную забарскими горцами. Они с Жазминой как раз проезжали возле темного проема одной из боковых балок, когда в воздухе просвистело копье и с глухим звуком вонзилось в круп мчащегося коня. Огромный жеребец споткнулся, пронзительно заржал и на всем скаку рухнул на камни. Но Конан, заметив летящее копье, отреагировал с быстротой молнии. Он соскочил с падающего коня, держа девушку в объятиях, чтобы она не поранилась о сланец. Приземлился на ноги, втолкнул пленницу в расщелину и обернулся, выхватив кинжал.

Жазмина, сбитая с толку внезапностью событий, не понимая, что, собственно, произошло, увидела нечто черное, появившееся из темноты, услыхала то-

пот ног на скале и шорох осыпающихся камешков. Заметила блеск стали, короткий обмен ударами, и в темноте раздался ужасный хруст, когда Конан размозжил противнику голову. Киммериец отпрыгнул и притаился под скалой.

В темноте слышалось какое-то движение, и вдруг зычный голос заревел:

— Что такое, псы? Хотите улизнуть? Вперед, проклятые! Взять их!

Конан вздрогнул, глянул в темноту и закричал:

— Яр Афзал?

Раздались удивленные возгласы и тихий вопрос:

— Конан, ты?

— Да! — засмеялся киммериец.— Иди сюда, старый бандит. Я убил одного из твоих людей.

Между скал началось замешательство, мелькнул огонек, выросший в светлое пламя факела, и, мерцая, стал двигаться к ним. По мере того как он приближался, все яснее в темноте проступало бородатое лицо. Человек, державший факел, поднял его повыше и вытянул шею, вглядываясь в сланцевый лабиринт, в другой руке он держал огромную кривую саблю. Конан вышел вперед, пряча кинжал, а незнакомец, завидев его, радостно рявкнул:

— Да это Конан! Выходите из-за скал, псы! Это Конан!

В круге света появились и остальные: дикие бородатые оборванцы с угрюмыми взглядами, с длинными ножами в руках. Жазмину они не заметили, киммериец заслонил ее своим могучим телом. Выглядывая из-за его спины, девушка впервые за эту ночь ощутила, как по телу поползли от страха мурашки. Эти мужчины походили скорее на волков, чем на людей.

— На кого ты охотишься ночью, Яр Афзал? — спросил Конан здоровяка, который, словно бородатый вампир, ощерил зубы.

— Кто знает, что может попасться в темноте? Мы, вазулы,— ночные птицы. А как твои дела, Конан?

— У меня пленница,— ответил киммериец и, отодвинувшись в сторону, открыл съежившуюся Жазмину.

Протянув длинную руку в расщелину, он вытащил дрожащую вендианку.

Жазмина потеряла прежнюю величавую осанку. С опаской поглядывая на кровожадные лица, испытывала подобие благодарности к человеку, который властно обнимал ее. Кто-то поднес поближе факел, стало слышно шумное сопение, при виде девушки у горцев перехватило дух.

— Она моя пленница,— предостерег Конан, многозначительно поглядывая на лежащего за кругом света человека, только что убитого им.— Я ехал с ней в Афгулистан, но вы убили моего коня, а за мной — кшатрийская погоня.

— Поехали в нашу деревню,— предложил Яр Афзал.— В ущелье спрятаны кони. Нас в темноте никто не выследит. Говоришь, погоня недалеко?

— Близко, уже слышен стук копыт по камням,— ответил Конан.

Вазулы не стали терять время, сразу же погасили факел, и оборванные фигуры утонули во мраке. Конан схватил Деви на руки, она не сопротивлялась. Острые камни ранили ее изнеженные ноги, обутые в мягкие туфельки. Она чувствовала себя слабой и беззащитной в этой глубокой тьме, царящей над огромными вершинами. Чувствуя, как она дрожит под холодным дуновением воющего в ущелье ветра, Конан сорвал с плеча истрепанный плащ и завернул в него девушку. Вместе с тем, предостерегая, шикнул ей на ухо, приказал молчать. По правде, она не слышала тихого стука копыт, который уловило чуткое ухо горца, но была слишком испугана и подчинилась.

Она не видела ничего, кроме нескольких затуманенных звездочек высоко вверху, но по сгущающейся темноте поняла, что они очутились в тесной балке. Услышала звуки: это шарахались кони. После короткого обмена мнениями Конан оседлал коня убитого воина. Поднял девушку к себе в седло. Тихо, как призраки, вся банда выехала из ущелья. Мертвые конь и человек остались на дороге; полчаса спустя их нашли всадники из крепости, признали в убитом вазула и сделали соответствующие выводы.

Прижимаясь к груди похитителя, Жазмина не могла одолеть сон. Несмотря на неровность дороги, то вздымающейся в гору, то спускающейся в низину, конная езда обладает определенным ритмом, который в сочетании с усталостью и потрясением от избытка событий нагоняет неодолимый сон. Жазмина совсем потеряла ощущение времени и пути. Они ехали в полной темноте, в которой время от времени она замечала абрисы гигантских скальных стен, возносящихся вверх, словно черные бастионы или огромные брустверы, почти достигающие звезд. Время от времени она чувствовала пустоту зияющей пропасти, и ее пробирало холодное дуновение веющего среди недосягаемых вершин ветра. Постепенно все покрыла мягкая сонная мгла: и стук конских копыт, и скрип упряжи казались нереальными отзвуками сонного бреда. Жазмина с трудом осознала, что кто-то снимает ее с коня и несет по ступенькам. Потом ее опустили на что-то мягкое и шелестящее, положили под голову нечто похожее на свернутый плащ и заботливо укрыли.

Она услышала смех Яр Афзала:

— Ценная добыча, Конан. Достойная вождя афгулов.

— Я ее взял не для себя,— послышался ворчливый ответ.— За эту девчонку я выкуплю из плена семерых моих вождей, демон их побери!

Это были последние слова, которые она слышала, прежде чем заснуть глубоким сном.

Она спала в то время, когда вооруженные всадники прочесывали погруженные во тьму горы и решали судьбу королевства. Этой ночью мрачные ущелья и овраги наполнились звоном подков мчащихся коней, свет звезд отражался на шлемах и кривых саблях.

Несколько призрачных фигур на тощих конях притаились в непроглядной тьме оврага, ожидая, пока вдали стихнет топот копыт. Их предводитель, хорошо сложенный мужчина в шлеме и плаще, расшитом золотом, остерегающе поднял вверх ладонь, дожидаясь, пока всадники проедут мимо. Потом тихо засмеялся:

— Должно быть, потеряли след! Или сообразили, что Конан уже в деревне афгулов. Много нужно будет воинов, чтобы выкурить его из этой лисьей норы. На рассвете здесь появится много отрядов.

— Если будет схватка, будут и трофеи,— сказал кто-то за его плечами на иракзайском диалекте.

— Будут и трофеи,— ответил человек в шлеме.— Но сначала мы должны попасть в долину Гурашах и подождать конницу, которая еще до рассвета выйдет из Секундерама.

Он пришпорил коня и выехал из оврага, его люди двинулись следом — как тридцать призраков.

V

ЧЕРНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Когда Жазмина проснулась, солнце стояло высоко в небе. Девушка лежала, оглядываясь вокруг пустым взглядом и соображая, где она находится. Проснувшись, она сразу припомнила все события, произошедшие накануне. От долгой езды болели все кости, а тело все еще ощущало объятия мускулистых рук мужчины, который так далеко ее увез.

Она лежала на овечьей шкуре, прикрывающей ложе из листьев, брошенных на хорошо утоптанный глиняный пол. Под головой у нее был свернутый тулуп, а одеялом служил потрепанный плащ. Она находилась в огромном помещении с неровными, но толстыми стенами из неотесанных валунов, скрепленных между собой высушенной на солнце болотной грязью. Могучие балки поддерживали такой же крепкий потолок, в котором она заметила прикрытый крышкой лаз. В толстых стенах щурились узкие бойницы. Была также и дверь — огромная плита из бронзы, несомненно украденная с какой-нибудь вендийской сторожевой башни. Напротив двери виднелся широкий грот, отделенный от комнаты крепкой деревянной решеткой. За ним Жазмина увидела прекрасного черного жеребца, жующего сухое сено. Дом служил одновременно крепостью, жильем и конюшней.

В другом конце комнаты девушка в кафтане и мешковатых горских штанах сидела на корточках у небольшого костра, жаря полоски мяса на железной решетке, лежащей на камнях. Над костром в потолке находилось закопченное отверстие, через него выходила часть дыма, остальной расползался голубоватыми прядями по комнате.

Горянка через плечо бросила взгляд на Жазмину, показывая лицо со смелыми красивыми чертами, потом вернулась к своему занятию. Снаружи послышались мужские голоса, и через минуту в дом вошел Конан, отворив дверь ударом ноги. Утренний свет осветил могучую фигуру, и Жазмина заметила еще несколько деталей, которые ускользнули от ее внимания ночью. Его одежда была чистой и незаношенной. Широкого бакарийского пояса с торчащим кинжалом в резной оправе не постыдился бы и князь, а сквозь расстегнутую рубашку виднелась сталь туранской кольчуги.

— Твоя пленница проснулась, Конан,— сказала вазулка.

Киммериец что-то буркнул под нос, подошел к огню и сгреб полоски баранины на каменную тарелку. Сидевшая на корточках у огня горянка улыбнулась ему и отпустила какую-то шутку, он ощерил зубы и, зацепив девушку ногой, опрокинул ее на землю. Похоже, такие незамысловатые шутки доставляли вазулке удовольствие, но Конан уже не обращал на нее внимания. Достав откуда-то огромную краюху хлеба и медный жбан с вином, отнес все Жазмине, которая поднялась на ложе, с изумлением глядя на него.

— Не очень подходящие харчи для Деви, моя милая, но лучшего у нас нет,— буркнул он.— По крайней мере, это наполнит твой желудок.

Он поставил миску на землю, и вдруг Деви ощутила, что страшно голодна. Без лишних слов она, скрестив ноги, уселась на полу и, поставив миску на колени, начала есть пальцами, которые отныне должны были заменить ей столовые приборы. Между прочим, умение приспосабливаться — одна из черт настоящего аристократа. Конан стоял, заложив руки за пояс, глядел на нее сверху вниз, он никогда не сидел по-восточному, скрестив ноги.

— Где я? — спросила она.

— В доме Яр Афзала, вождя Курума,— ответил он.— Афгулистан лежит в добрых двух милях на запад отсюда. Мы останемся здесь на какое-то время. Кшатрии прочесывают горы, ищут тебя, горцы уже вырезали пару отрядов.

— Что ты намерен делать?

— Задержаться здесь, пока Чундер Шан не согласится выпустить моих конокрадов,— объяснил он.— Женщины вазулов выжимают чернила из листьев шоки, и вскоре ты сможешь написать губернатору письмо.

Жазмину охватил внезапный прилив гнева, когда она подумала о злом капризе судьбы, ведь ее план превратился в ничто, она стала узницей именно того человека, которого хотела сделать исполнителем своей мести. Она отшвырнула миску с остатками еды, вскочила на ноги, сжав от злости зубы.

— Никакого письма писать не буду! Если ты не отвезешь меня назад, они повесят семерых твоих людей и еще тысячу!

Вазулка подавилась смехом, а Конан грозно нахмурил брови, и тогда открылась дверь и вошел Яр Афзал. Вождь вазулов был такого же роста, как и Конан, и более крепкого телосложения, но рядом с мускулистым киммерийцем выглядел увальнем. Он погладил свою рыжую бороду и многозначительно посмотрел на горянку, которая тут же встала и вышла из дома. Яр Афзал повернулся к приятелю.

— Эти проклятые псы все рощут, Конан,— сказал он.— Хотят, чтобы я тебя убил, а за девушку взял выкуп. Говорят, она благородная, это видно по одежде. Спрашивают, почему афгульские псы должны все получить, если мы рискуем, пряча ее в нашей деревне?

— Одолжи мне коня,— ответил Конан.— И мы уедем.

Яр Афзал фыркнул:

— Ты думаешь, я не смогу добиться от моих людей послушания? Я приказываю им танцевать в одних рубашках, когда они меня злят. Они не любят тебя, это правда, так же как и прочих чужеземцев, но я-то прекрасно помню, ты когда-то спас мне жизнь. Пошли к ним, Конан, только что вернулся разведчик.

Конан подтянул пояс и вышел с вождем на улицу. Они закрыли за собой дверь. Жазмина выглянула через бойницу, увидела открытое пространство, потом ряд хижин из камня и болотной тины, голых детей, играющих среди валунов, и высоких стройных горянок, занятых своими делами.

Тут же, у дома вождя, увидела заросших волосами оборванцев мужчин, сидевших на земле полукругом, лицом к двери. В нескольких футах от них стояли Конан с Яр Афзалом и слушали мужчину, сидящего со скрещенными ногами. Воин хриплым голосом говорил с вождем на вазульском диалекте, Жазмина понимала его с трудом, хотя частью полученного ею образования была наука языков Иранистана и родственных гулистанских диалектов.

— Я говорил с дагозанцем, прошлой ночью он видел огромный конный отряд,— рассказывал разведчик.— Тот сидел ночью в засаде около того места, где вождь Конан наткнулся на нашу засаду. Дагозанец слышал, что говорили всадники. Был среди них и Чундер Шан. Они нашли убитого коня, и один из воинов узнал в нем коня Конана. Они нашли также труп вазульского воина. Пришли к выводу, что вазулы убили Конана и похитили девушку, поэтому отряд решил прекратить погоню в Афгулистан. Но они не знали, из какой деревни мертвый воин, а мы не оставили следов, которыми могли бы воспользоваться кшатрии. Потом они поехали к ближней деревне вазулов, к Югре, сожгли ее и убили много людей. Но воины Коюра в темноте напали на них, нанесли им большой урон и ранили губернатора. Оставшиеся кшатрии улизнули под покровом ночи в долину Забар, но еще до восхода солнца вернулись с подкреплением, и с утра в горах идут стычки. Говорят, вендийцы собирают большую армию, хотят очистить

горы вокруг Забара. Воины всех племен острят ножи и устраивают засады на каждом перевале до самой долины Гурашах. Кроме того, Керим Шах повернул в горы.

Вокруг раздались тихие восклицания, и Жазмина плотнее приникла к бойнице, услышав имя человека, давно возбуждавшего ее подозрения.

— Куда он направился? — спросил Яр Афзал.

— Дагозанец не знал. С ним триста иракзаев из равнинных деревень. Они где-то в горах.

— Иракзаи — шакалы, собирающие остатки из львиной пасти,— заворчал Яр Афзал.— Бросаются на деньги, которые Керим Шах горстями разбрасывает среди приграничных племен, покупая людей, как коней. Не люблю его, хотя он наш родственник из Иранистана.

— Нет,— сказал Конан.— Я знаю его давно. Он гирканец, шпион Ездигерда. Если я его поймаю, повешу на тамариске.

— А кшатрии?! — выкрикнул один из сидящих в полукруге воинов.— Мы должны сидеть по дворам и ждать, пока нас отсюда выкурят? В конце концов они узнают, в какой деревне держат девушку. Забарцы нас не любят, они помогут кшатриям.

— Пусть только появятся,— буркнул Яр Афзал.— Мы удержим ущелье против конницы.

Один из мужчин вскочил на ноги и погрозил Конану кулаком.

— Мы должны рисковать, а все плоды пожнет он! — заорал человек.— Мы за него должны сражаться?

Конан встал над ним, слегка наклонившись, посмотрел прямо в заросшее лицо. Кинжал он не вытаскивал, но левую руку держал на ножнах, со значением обнажив рукоятку.

— Я никого не прошу сражаться за меня,— ответил спокойно.— Вытащи оружие, если ты отважен, паршивый пес!

Вазул отпрыгнул, фыркнув, как кот.

— Попробуй дотронуться до меня, и эти пятьдесят человек разорвут тебя на части! — закричал он.

— Что?! — зарычал Яр Афзал, багровея от гнева.— Разве ты вождь Курума? Выходит, вазулы подчиняются приказаниям какого-то несчастного ублюдка, а не Яр Афзала?

Воин съежился, а непобедимый вождь подскочил к нему, схватил за горло и начал душить, пока лицо жертвы не стало сине-фиолетовым. Потом в ярости швырнул его оземь и встал над ним с саблей в руке.

— У кого еще есть сомнения? — зарычал он и обвел всех воинственным взором, а его соплеменники угрюмо уставились в землю.

Яр Афзал презрительно крякнул и втолкнул оружие в ножны жестом, полным презрения. Потом со злостью пнул лежащего на земле подстрекателя, исторгнув из него вопль боли.

— Обойдешь посты на скалах и узнаешь, не заметили ли они чего,— приказал он.

Мужчина удалился, дергаясь от страха и скрежеща зубами от злости.

Яр Афзал взгромоздился на камень, бормоча себе под нос. Конан стоял возле него, широко расставив ноги, заткнув пальцы за пояс, прищуренными глазами

глядя на столпившихся вокруг воинов. Они угрюмо смотрели на него, не осмеливаясь больше провоцировать гнев Яр Афзала, но ненавидя чужака так, как это могут только горцы.

Мужчина обогнул ряд хат, подгоняемый злыми замечаниями и смехом женщин, которые были свидетелями его поражения, потом быстро пошел вверх по дороге, вьющейся меж валунов и скал. Едва он дошел до первого поворота и скрылся с глаз насмешников, как остановился точно вкопанный и раскрыл рот от удивления. Ему не верилось, чтобы кто-то из чужаков смог проникнуть в долину Курум не замеченным соколиноокими наблюдателями... И все же на низком уступе скалы возле дороги сидел незнакомый мужчина в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане.

Вазул хотел крикнуть, а его рука уже схватила за рукоять нож. Но его глаза встретились с глазами чужака, крик замер в горле, рука бессильно опустилась. Он стоял будто статуя, вглядываясь в даль остекленевшим взглядом. Несколько мгновений они стояли неподвижно, потом человек в зеленом тюрбане начертил пальцем на камне таинственный знак. На скале рядом с символом что-то заблестело — появился сверкающий, словно шлифованный уголь, шар. Человек в тюрбане поднял его и бросил вазулу, который безотчетно схватил его.

— Отнеси это Яр Афзалу,— сказал незнакомец.

Воин машинально развернулся и зашагал обратно, держа в вытянутой руке черный шар. Над краем уступа появилась голова девушки, которая с удивлением и страхом смотрела на колдуна, впервые испытывая такие чувства.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

Хемса ласково погладил ее черные волосы.

— Ты, наверное, все еще ошеломлена ездой на воздушном коне, раз сомневаешься в моей мудрости? — рассмеялся он.— Пока жив Яр Афзал, Конан в безопасности в деревне вазулов. Их много, и ножи их остры. Я задумал кое-что поумнее, чем просто убить киммерийца и отнять у вазулов девушку. Не надо быть чародеем, можно и так угадать, что сделают вазульские воины с Конаном, когда моя жертва подаст вождю Курума шар Езуда.

Тем временем Яр Афзал, стоя перед своим домом, прервал тираду на полуслове, с удивлением и неудовольствием увидав воина, высланного обойти дозоры.

— Я же приказал тебе обойти посты! — зарычал вождь.— Ты не мог этого сделать так быстро!

Воин не отвечал, он стоял неподвижно, невидящими глазами глядя на вождя и протягивая ему руку с зажатым в ней черным шаром. Конан, взглянув через плечо Яр Афзала, шепнул что-то и хотел схватить вождя за руку, но прежде, чем он успел что-либо сделать, вазул в порыве гнева ударил воина кулаком, свалив его на землю. Черный шар выпал из руки воина и покатился под ноги Яр Афзалу, который только теперь заметил его. Он наклонился и поднял шар с земли. Остальные воины, с удивлением поглядывая на товарища, увидели, как их вождь наклоняется, но не заметили, что он поднял.

Яр Афзал выпрямился, взглянул на шар и хотел запихнуть его за пояс.

— Отнесите этого дурака в дом,— приказал он.— Он похож на человека, наевшегося лотоса. Глядел на меня таким пустым взглядом. Я... А-а-а!

В правой ладони вождь вдруг почувствовал какое-то странное трепетание. Что-то там менялось, двигалось, жило. Его пальцы больше не сжимали гладкий, блестящий шар. Он боялся взглянуть туда, язык его присох к гортани, и ладонь не хотела раскрываться.

Изумленные воины вдруг увидели, как глаза Яр Афзала ужасно расширились и кровь отхлынула от лица. С его губ, спрятавшихся в густой рыжей бороде, сорвался крик боли, вождь зашатался и рухнул словно пораженный громом, вытягивая перед собой правую руку. Он упал лицом на землю, а между его разжатых пальцев выполз паук с волосатыми конечностями и туловищем, блестящим, как шлифованный уголь. Мужчины заревели и отшатнулись от него. Пользуясь моментом, паук дополз до трещины в скале и исчез.

Воины в недоумении переглянулись. Вдруг среди шума послышался громкий, непонятно откуда звучащий повелительный голос. Позже каждый из присутствовавших там и оставшихся в живых мужчин утверждал, что это кричал не он, но только слова эти слышали все:

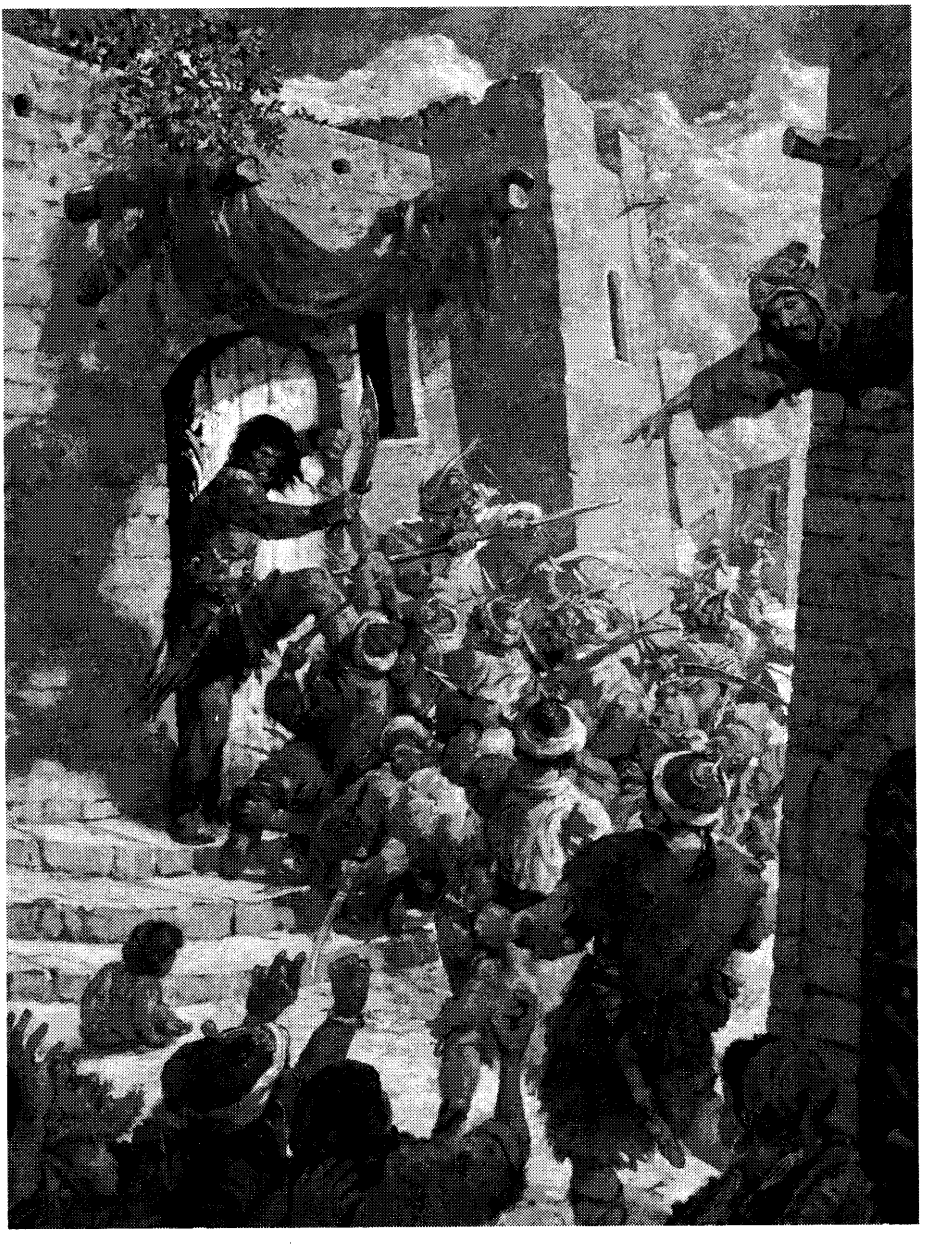
— Яр Афзал мертв! Смерть чужаку!

Призыв сплотил горцев. Сомнения, недоверие и страх растворились в приливе неутолимой жажды крови. В небеса взлетел разъяренный крик, когда все вазулы поддались повелительному кличу. С горящими от ненависти глазами они бросились вперед, хлопая полами плащей и поднимая ножи для удара.

Конан столь же быстро отреагировал, в мгновение ока он очутился у дверей дома. Но горцы были слишком близко, и, находясь уже на пороге, он повернулся и отбил удар полуметрового ножа. Проломив нападавшему голову, уклонился от удара другого ножа, распоров живот его обладателю, левой рукой свалил на землю очередного противника, а острием кинжала, который держал в правой руке, пронзил еще одного и изо всех сил ударил спиной в закрытую дверь. Нож на лету отколол щепку от дверного косяка прямо над его ухом, но дверь под нажимом могучего тела уступила, и киммериец спиной влетел в дом. В то же мгновение бородатый горец, нанося удар, потерял равновесие и растянулся во весь рост на пороге. Конан наклонился, схватил его за одежду и, отбросив его в глубь комнаты, толкнул дверь в лицо наступавшим. Раздался хруст сломанных костей, в следующий момент Конан задвинул засовы и поспешно обернулся, чтобы отразить нападение мужчины, который уже вскочил с пола и как бешеный бросился на него.

Жазмина забилась в угол, с ужасом смотря на дерущихся, они то влетали в комнату, то выкатывались оттуда, порой почти падая на нее. Комнату наполнил скрежет и блеск стали, а снаружи толпа нападавших выла, как стая волков, ударяя кинжалами по медной двери, бросая в нее камни. Кто-то притащил ствол дерева, и дверь задрожала под тяжелыми ударами.

Девушка закрыла уши руками, глядя на все безумными глазами. Борьба не на жизнь, а на смерть, происходившая в доме, одержимый вой снаружи приводили ее в состояние помешательства. Жеребец ржал и бил подковами о стены своей загородки. Он повернулся и ударил копытами между прутьев как раз в тот момент, когда горец, отскочив назад во время убийственной атаки киммерийца, прикоснулся спиной к перегородке. Позвоночник вазула треснул в трех местах с хрустом высохшей ветки, и воин упал на Конана, сбив его с ног, оба рухнули на глиняный пол.

Жазмина вскрикнула и прыгнула вперед. События развивались столь стремительно, что ей показалось, будто оба они мертвы. Она была уже рядом с воинами, когда Конан оттолкнул труп и начал вставать. Схватила его за плечо, дрожа как в лихорадке:

— Ты жив! Я думала... думала, он тебя убил!

Конан посмотрел на побледневшее, обращенное к нему лицо и широко раскрытые черные глаза.

— Почему ты дрожишь? — спросил он.— С чего бы тебе переживать, жив я или нет?

На лице Жазмины сразу же появилась тень надменности, она отодвинулась, делая жалкую попытку казаться прежней Деви.

— Предпочитаю уж лучше тебя, чем эту стаю волков, воющих снаружи,— ответила она, показывая на дверь, вокруг которой начали крошиться камни.

— Долго не выдержит,— заметил Конан, потом быстро обернулся и подошел к перегородке, за которой находился жеребец.

Жасмина сжала кулаки и затаила дыхание, глядя, как он отодвигает в сторону сломанные прутья и входит к буйному животному. Жеребец встал на дыбы, ощерив зубы, забил копытами и пронзительно заржал, раздувая ноздри, но Конан подпрыгнул и, с нечеловеческой силой схватив его за гриву, заставил стоять спокойно. Конь фыркал, его била нервная дрожь, но он дал возможность надеть на себя упряжь и украшенное золотом седло с широкими серебряными стременами.

Киммериец повернул коня и позвал Жазмину. Она осторожно приблизилась, держась подальше от копыт жеребца. Конан орудовал у каменной стены загородки, тихо говоря девушке:

— Здесь есть тайная дверь, о ней даже вазулы ничего не знают. Яр Афзал однажды показал мне ее, когда напился. Она выходит прямо в ущелье за домом. Ха!

Он потянул за невзрачного вида выступ скалы, и вся часть ее отодвинулась внутрь на смазанных маслом железных рельсах.

Выглянув в проем, Жазмина увидела узкую расщелину в скальной круче, вертикально вздымающуюся на несколько футов за задней стеной дома.

Конан вскочил на коня, поднял девушку, усадил перед собой. За их спиной толстая дверь, охнув, как живое существо, с шумом упала, через проем ввалилась толпа орущих воинов с кинжалами в руках.

Огромный жеребец вылетел из дома и погнал ущельем, вытянувшись струной на бегу, с хлопьями пены на морде.

Этот маневр застал вазулов врасплох, точно так же, как и тех, кто крался ущельем. Все произошло столь быстро, что человек в зеленом тюрбане не успел уступить дорогу. Он упал, сбитый мчащимся конем, а его спутница пронзительно вскрикнула. Конан видел ее всего лишь мгновение: стройная темноволосая красавица в шелковых шароварах и нагруднике, шитом драгоценностями, вжавшаяся в стену расщелины. Черный конь мчал, будто несомый вихрем, унося киммерийца и его пленницу, а кровожадный вой горцев, когда они выбежали следом через потайную дверь в ущелье, сменился криками изумления и отчаяния.

VI

ГОРА ЧЕРНЫХ КОЛДУНОВ

— Куда мы теперь? — Жазмина, прижатая к похитителю, попробовала сесть прямо в качающемся седле.

С легким стыдом она призналась себе, что прикосновения его мускулистого тела ей не так уж неприятны.

— В Афгулистан,— ответил он.— Это далеко, но конь доставит нас без труда, если мы не наткнемся на твоих друзей или врагов моего племени. Сейчас, когда Яр Афзала нет в живых, эти проклятые вазулы будут преследовать нас по пятам. Странно, что погони за нами еще не видно.

— Кто тот человек, которого ты сбил? — спросила она.

— Не знаю. Никогда раньше его не видел. Он наверняка не гулистанец. Не знаю, что он там, демон его побери, делал. Там еще была девушка.

— Да.— Жазмина свела брови.— Не пойму. Она моя придворная дама по имени Гитара. Думаешь, она хотела мне помочь? И этот человек — ее друг? Если да, то вазулы схватят их обоих.

— Что ж,— проговорил Конан,— мы ничего не можем сделать. Если вернемся, то вазулы сдерут с нас шкуру. Не пойму, как девушка могла забраться так далеко в сопровождении всего лишь одного мужчины, да и то, судя по одеянию, ученого. Что-то здесь не так. Тот человек, которого Яр Афзал избил, а потом послал в обход постов, двигался, как лунатик. Я видел в Заморе жрецов, совершавших ужасные обряды в тайных святынях Езуда,— у их жертв был такой же взгляд. Жрец посмотрит кому-либо в глаза, пробормочет несколько заклятий, и человек начинает вести себя, словно живой труп, таращится стеклянными глазами, исполняет все приказы. Кроме того, я видел, что было в руках у этого человека, то, что поднял Яр Афзал. Похоже на большую черную жемчужину, такие носят девушки из храма Езуда, танцующие перед черным каменным пауком, которому поклоняются. Яр Афзал держал в ладони нечто подобное. А когда упал замертво, из его пальцев выскользнул паук, похожий на божество Езуда, только меньших размеров. Потом, когда вазулы стояли, не зная, как поступить, кто-то крикнул, чтоб меня убили. Я знаю, тот голос не принадлежал никому из воинов или женщин, толпившихся у хижин. Кажется, он прозвучал сверху.

Жазмина ничего не ответила. Посмотрела на суровые очертания высящихся хребтов и задрожала. Печальный пейзаж наполнил ее душу отчаянием. В столь мрачном, пустом краю могло произойти все, что угодно. Людям, рожденным на горячих равнинах богатого Юга, многовековые традиции внушали веру — эту землю окутывает туман тайны и опасности.

Солнце сияло высоко в небе, донимая отчаянной жарой, и все же внезапные порывы ветра, казалось, срывались с ледяных круч. На мгновение Жазмина услышала свист вверху, он не походил на свист ветра, и, посмотрев на Конана, вглядывающегося в небо, поняла, что и он удивлен не меньше. Девушке показалось, будто по голубому небу промчалась неясная тень, словно что-то быстро пролетело у них над головами, но она не была уверена. Конан незаметно проверил, хорошо ли вынимается кинжал из ножен.

Они поехали по едва приметной тропе, опускающейся в глубокое ущелье, вряд ли солнечные лучи достигали его дна. Порой тропа взбиралась так высоко на крутые склоны, что казалось, они вот-вот осыплются под ногами, или вела по острым как нож граням, со склонами по обе стороны тропы, ведущими в бездонные, завешенные голубоватой мглой пропасти.

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли узкого тракта, вьющегося между склонами. Конан натянул поводья и направил коня на юг, почти перпендикулярно прежнему направлению их пути.

— Эта дорога ведет в деревню галзаев,— объяснил он.— Женщины ходят здесь по воду. Тебе нужна новая одежда.

Поглядев на свою легкую одежду, Жазмина решила, что он прав. Ее туфельки из парчи были изорваны, так же как платье и шелковое белье, которые теперь мало что прикрывали. Одеяние, подходящее для улиц Пешкаури, не очень-то годилось для каменистой Химелии.

Доехав до поворота, Конан слез и помог Жазмине сойти с коня. Они ждали довольно долго. Наконец Конан, довольный, кивнул головой, хотя девушка ничего не заметила.

— Идет женщина,— сказал он.

Жазмина в порыве испуга схватила его за руку.

— Ты... ты не убьешь ее?

— Как правило, я женщин не убиваю,— ответил Конан,— хотя некоторые из этих горянок — сущие волчицы. Нет,— улыбнулся он, словно услышав хорошую шутку,— я ее не убью. Клянусь Кромом, даже заплачу ей за вещи! Как тебе это нравится?

Он достал горсть золотых монет и спрятал их обратно, оставив самую большую монету. Деви с облегчением кивнула. Ей казалось обычным явлением, что мужчины убивают и гибнут, но при мысли о том, что она могла бы стать свидетельницей убийства женщины, по телу пробежала дрожь.

Наконец из-за поворота вышла высокая худая галзайка, несущая огромный пустой бурдюк. Завидев их, она остановилась как вкопанная, бурдюк выпал у нее из рук. Она сделала движение, словно собиралась обратиться в бегство, но сейчас же сообразила, что Конан слишком близко, ей не удастся улизнуть, и спокойно осталась стоять, глядя на них со страхом и любопытством.

Конан показал ей золотую монету.

— Если отдашь свою одежду,— сказал он,— получишь эту монету.

Горянка отреагировала сразу же. Широко улыбнувшись от удивления и удовлетворения, она с типично горским презрением к условностям охотно сбросила с себя вышитую безрукавку, сняла пышную юбку, брюки и рубашку с широкими рукавами, а также кожаные сандалии. Свернув все в узел, отдала сверток Конану, который передал его удивленной Жазмине.

— Иди за скалу и переоденься там,— приказал он, еще раз доказывая этим, что он не химелийский горец.— Сверни платье в узел и принеси мне, когда переоденешься.

— Деньги! — визгливо потребовала галзайка, с жадностью протягивая руку.— Золото, которое ты обещал.

Киммериец бросил ей монету, она поймала ее, куснула для пробы, потом спрятала в волосы, наклонилась, подняла бурдюк и пошла дальше по дороге, лишенная стыда, равно как и одежды.

Конан ждал с некоторым нетерпением, пока Деви впервые в жизни оденется сама. Когда она вышла из-за скалы, он помянул Крома от изумления, и Жазмина ощутила прилив странного волнения при виде нескрываемого восхищения, написанного у него на лице. Она почувствовала стыд, замешательство и укол тщеславия, а от его горящего взора ее бросило в дрожь. Конан положил тяжелую ладонь на плечо и, повернув Деви, оглядел со всех сторон.

— О Кром! — сказал он.— В тех ниспадающих, неземных одеяниях ты казалась холодной, равнодушной и далекой, как звезды! Сейчас ты — женщина из плоти и крови! Ты ушла за скалу как Деви Вендии, а вышла как горская девушка — но в тысячу раз прекраснее, чем все девки Забара! Была богиней, теперь — женщина!

Он с силой хлопнул ее по заду, и Жазмина, приняв это за знак своеобразного уважения, не оскорбилась. Вместе с одеждой она словно сама изменилась. Ею овладели до сих пор сдерживаемые чувства и желания, словно бы, сбрасывая королевские одежды, она избавилась от уз предубеждений и условностей. Но Конан не забывал о грозящей опасности. Чем больше они удалялись от Забара, тем менее правдоподобной была встреча с кшатрийскими отрядами, но он все равно постоянно прислушивался к отголоскам, свидетельствовавшим о том, что мстительные вазулы из Курума идут по их следам.

Устроив Деви в седле, Конан сам вскочил на коня и снова направил его на запад. Сверток с одеяниями Деви он зашвырнул в тысячефутовую пропасть.

— Почему не отдал одежду девушке? — спросила она.

— Всадники из Пешкаури прочесывают горы. Горцы будут в ответ нападать на них, а те — уничтожать непокорные деревни. Они могут направиться и на запад. Если бы они нашли девушку, которая носит твою одежду, то пытками заставили бы ее говорить, и она могла бы их навести на наш след.

— А что она сейчас будет делать? — спросила Жазмина.

— Вернется в деревню, скажет, что на нее напали. Скорее всего, за нами вышлют погоню. Но вначале она должна пойти набрать воды: если она осмелится вернуться без нее, будет избита. Это дает нам запас времени. Нас не поймают. Еще до захода солнца мы пересечем границу Афгулистана.

— Здесь совсем не видно следов людских селений,— заметила Жазмина.— Даже для Химелии район слишком безлюден. Мы не встречали ни одной проложенной людьми дороги с тех пор, как покинули тракт, на котором встретили галзайку.

В ответ он показал рукой на северо-запад, где она увидела вершину, окруженную остроконечными скалами.

— Имш,— сказал Конан.— Горские племена предпочитают строить свои деревни подальше от этой горы.

Жазмина окаменела.

— Имш,— шепнула она.— Гора Черных Колдунов!

— Так говорят,— ответил он.— Я еще никогда так не приближался к ней. Мы отклонились на север, чтобы не столкнуться с кшатрийскими воинами, которые могли бы углубиться аж до этих мест. Нахоженный путь из Курума в Афгулистан лежит на юге. Этот путь — старый, его редко кто использует.

Жазмина пристально вглядывалась в далекую вершину. Сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Сколько ехать отсюда до Имша?

— Остаток дня и целую ночь,— ответил он с улыбкой.— Хочешь туда поехать? Клянусь Кромом, там не место для простого смертного, судя по тому, что рассказывают горцы.

— Почему они не соберутся и не убьют демонов? — спросила она.

— С мечами против колдовства? И потом, Колдуны не вмешиваются в людские дела, если им не вставляют палки в колеса. Я никогда не видел ни одного из них, хотя разговаривал с людьми, которые клялись, что их встречали. Говорят, на восходе или закате солнца среди скал замечали жителей Имша — высоких молчаливых мужчин в черных тогах.

— А ты? Побоялся бы на них напасть?

— Я? — Такая мысль показалась ему неожиданной.— Ну, если б они мне перешли дорогу, то вышло бы: либо я, либо они. Хотя у меня с ними пока нет повода ссориться. Я прибыл в горы, чтобы собрать людей, а не воевать с Колдунами.

Жазмина ничего не ответила. Смотрела на гору словно на врага, гнев и ненависть вновь переполняли ее. Она старалась придумать, как настроить против хозяев Имша человека, во власти которого сейчас находилась. Может, найдется способ достичь поставленной цели? Деви не могла ошибиться в выражении его диких голубых глаз, когда он смотрел на нее. Не одно царство пало оттого, что белые женские ручки тянули за нити судьбы...

Вдруг она вздрогнула и показала пальцем:

— Смотри!

Над далекой вершиной поднялось еле заметное облачко необычной формы. Матово-алое, с искрящимися золотыми прядями, оно не переставая вращалось, вибрировало и внезапно сжималось. Через минуту, сверкая в солнечных лучах, оно превратилось во вращающийся конус. Потом тот оторвался от снежной вершины горы, как разноцветное перо проплыл по небу и исчез в голубом бездонье.

— Что это? — неуверенно спросила девушка.

— Здешние называют такой вихрь «Ковер Имша», я не знаю, что это означает,— сказал Конан.— Однажды я видел, как сотен пять местных жителей удирали, словно сам демон наступал им на пятки. Они попрятались в скалах и пещерах, увидав, как эта ярко-красная туча срывается с вершины. Что...

Они проехали мимо трещины, настолько узкой, что казалось, будто кто-то рассек скалу ножом, и остановились на широком выступе, по одну сторону которого был потрескавшийся скат, по другую — высокая круча. По уступу проходила заброшенная дорога, ведущая вниз; скрытая скальными хребтами, она вновь появлялась через равные промежутки пути. Выехав из расселины, которая вела на уступ, черный жеребец захрапел и стал как вкопанный. Конан пришпорил его, но конь только фыркнул и замотал головой, дрожа и напрягая мускулы, словно наткнулся на невидимую преграду.

Киммериец выругался и спрыгнул на землю, придерживая Жазмину. Двинулся вперед, выставив перед собой руку, словно ожидая встретить препятствие. Но ничто не преграждало им путь, хотя, когда он попробовал потянуть коня за уздечку, тот пронзительно заржал и рванулся назад. Вдруг Жазмина вскрикнула, и Конан, повернувшись на каблуках, схватился за кинжал.

Он не заметил приближения кого-либо, но перед ним стоял мужчина, одетый в тогу из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. Конан хмыкнул от удивления, узнав в незнакомце человека, которого сбил в ущелье у вазульской деревни.

— Кто ты, демон тебя возьми? — спросил Конан.

Он заметил, что зрачки незнакомца непривычно расширены, неподвижны и с магнетической силой притягивают внимание. Колдовство Хемсы основывалось на подчинении мыслью, как и большая часть восточной магии. Бесчислен-

ные поколения жили и умирали с неколебимой верой в возможности и силу подобного воздействия. Создавалась столь гнетущая атмосфера страха, что человек, воспитанный в традициях Востока, столкнувшись с колдуном, оказывался беспомощен.

Но Конан родился и вырос в других землях. Восточные традиции для него ничего не значили, он являлся представителем иной цивилизации. В Киммерии такое колдовство не было даже мифом. Наследие, которое подготавливало жителя Востока к подчинению мысленному внушению, на варвара с Севера не действовало. Он понимал, что именно пробует сделать Хемса, но удар его необыкновенной силы ощущал как слабые невидимые путы, настолько тонкие, что мог их разорвать, будто паутину. Поняв враждебные намерения чародея, он вырвал из-за пояса кинжал и набросился на него.

Но умение подчинять оказалось не единственным оружием Хемсы. Глядя со стороны, Жазмина не заметила хитрых уверток или колдовства, благодаря которым человек в зеленом тюрбане смог уклониться от страшного удара в живот. Узкое острие прошло у него под мышкой, но стоило Хемсе прикоснуться открытой ладонью к шее Конана — киммериец с грохотом рухнул на землю.

Но удар не убил его. Он смягчил удар от падения, подставив левую руку, одновременно стараясь сделать Хемсе подножку. Тот уклонился, отскочив назад. Вдруг Жазмина громко крикнула, увидев, как из-за скалы выходит женщина и встает рядом с человеком в зеленом тюрбане. Крик радости замер на губах у Деви, когда она увидела злобу, отразившуюся на лице Гитары.

Конан медленно поднялся, ошеломленный ударом, нанесенным по всем правилам искусства, забытого задолго до погружения Атлантиды в пучину океана, такой удар запросто сломал бы шею обыкновенному человеку. Хемса внимательно, слегка потеряв уверенность, посмотрел на Конана. Маг убедился в своей силе, когда оказывал сопротивление орде разъяренных вазулов в расщелине у деревни Курум, но стойкость киммерийца, пожалуй, слегка поколебала его новообретенную веру в себя. Магия все же основывается на победах, а не на поражениях.

Хемса двинулся вперед, подняв руку... и вдруг замер, глядя вверх широко раскрытыми глазами. Конан, Жазмина и девушка Хемсы тоже невольно посмотрели в том направлении. По горным склонам скатывалось алое конусовидное облако из блестящей пыли. Лицо Хемсы стало пепельным, рука задрожала и безвольно упала. Стоящая рядом Гитара, чувствуя, что с ним происходит, испытующе взглянула на колдуна. Алое облако сползло по склону горы и, описав большой полукруг, приземлилось на уступе между Конаном и Хемсой, который со сдавленным криком отшатнулся, увлекая за собой девушку, судорожно схватив ее за плечо.

Облако некоторое время висело на месте, вращаясь с ошеломляющей скоростью. Потом неожиданно исчезло, а на скале появились четверо мужчин. Невероятно, невозможно, но все же это были не духи, не привидения, а четверо высоких мужчин с выбритыми головами, в черных длинных тогах. Они молчали, согласно кивая головами, похожими на птичьи, и смотрели на Хемсу. Но стоящий за их спинами Конан почувствовал, как в его жилах стынет кровь. Он медленно попятился, пока не уперся спиной в дрожащего жеребца, а рукой смог обнять испуганную Деви. Ни единого слова не было произнесено. Вокруг, словно тяжелый покров, лежала тишина.

На лицах с птичьими чертами застыло выражение беспристрастности, взгляды оставались неподвижно-сосредоточенными. Хемсу лихорадило, ноги его крепко упирались в скалу, а мускулы были напряжены. Пот струями стекал по его смуглому лицу. Правой рукой он изо всех сил сжимал что-то спрятанное под коричневой тогой. Левой рукой он судорожно вцепился в плечо Гитары. Девушка не дрогнула, не издала ни звука, хотя пальцы Хемсы впились в ее тело, словно когти.

Прожив неспокойную жизнь, Конан наблюдал сотни битв, но никогда не видел, чтобы четыре демона, объединив усилия, сражались с себе подобным. Но киммериец едва ощущал природу этой кошмарной битвы. Прижатый к стене, окруженный своими бывшими господами, Хемса сражался за свою жизнь, употребляя самые головокружительные способы и знания, приобретенные в течение долгих, мрачных лет послушничества.

Он был сильнее, чем сам ожидал, а желание спастись высвободило неожиданные запасы энергии. Страх и отчаяние увеличили эту силу. Он шатался под безжалостным напором четырех пар глаз, но не уступал им поля битвы. Его лицо исказила звериная гримаса боли, а тело изгибалось, словно его колесовали. Это была битва душ, извращенных разумов, которые проникли в пучину мрака и узнали там черные звезды, рождающие кошмары.

Жазмина понимала это лучше, чем Конан, и догадывалась, почему Хемса мог выдержать направленный удар четырех Колдунов, способных расщепить на мельчайшие кусочки скалу, где он стоял. Причиной тому была девушка, он прижимал ее к себе со всей силой отчаяния. Она — якорь спасения его измученной души, сокрушаемой волнами эмоций. Сила Хемсы в его слабости. Любовь к девушке, пусть внезапная и осуждаемая, единственная нить, связующая его с остатками человеческого, служила опорой для воли, создавая цепь, которую не могли разорвать враги, по крайней мере, не могли разорвать того звена, которым был Хемса.

Они поняли это раньше его, один из Колдунов перевел взор на Гитару. Сопротивления он не встретил — девушка сжалась и поникла подобно засохшему листу. Ведомая повелительным наказом, она вырвалась из объятий любовника прежде, чем он понял, что происходит. Тогда началось самое ужасное. Гитара пятилась к краю обрыва, уставившись пустыми черными глазами на колдунов. Хемса застонал и потянулся к ней, попав в расставленную ловушку. Он не мог собраться с мыслями, чтобы отбить атаку противников. И в тот же миг превратился в побежденного, став игрушкой в их руках. Девушка продолжала отступать, неуверенно, как во сне, а Хемса, спотыкаясь, шел за ней, напрасно пробуя ее поймать, всхлипывая от отчаяния.

Девушка замерла на самом краю пропасти, стоя неподвижно, а Хемса, упав на колени и причитая, полз к ней, протягивая вперед руки, чтоб удержать ее. Уже почти прикоснулся к ней одеревеневшими пальцами, но один из чернокнижников громко рассмеялся. Девушка зашаталась, и сознание на мгновение вернулось к ней, в ее глазах застыл смертельный ужас. Она вскрикнула, попробовала ухватиться за протянутую к ней руку любовника и не смогла этого сделать — с глухим криком упала в пропасть.

Хемса добрался до края пропасти и безумным взглядом посмотрел вниз, беззвучно шевеля губами. Обернулся и долго смотрел на своих мучителей ши-

роко раскрытыми глазами, в которых не было ни искры человеческого. Потом с криком, от которого стали трескаться скалы, бросился на чернокнижников, держа нож в поднятой руке.

Один из Колдунов шагнул вперед и топнул ногой — раздался глухой треск, перешедший в оглушительный рев. В том месте, где он ударил ногой, раскрылась и стала мгновенно увеличиваться трещина. С оглушительным звуком выступ скалы рухнул вниз. Среди падающих камней мелькнул и Хемса, отчаянно взмахивая руками, потом все исчезло под лавиной, с грохотом сползающей в бездонную пропасть.

Четыре мага сосредоточенно смотрели на потрескавшийся край пропасти, потом вдруг обернулись. В это время Конан, сбитый с ног внезапным землетрясением, вставал и помогал подняться Жазмине. Ему казалось, он двигается очень медленно и столь же медленно соображает. Он был ошеломлен. Знал, что должен немедленно посадить Деви на черного жеребца и помчаться как вихрь, но его телом и мыслями овладела непонятная тяжесть.

Потом чернокнижники повернулись и посмотрели на него, подняв руки, и Конан с ужасом увидел: их фигуры расплываются, становятся туманными и невыразительными, затем исчезают в пурпурном дыму, который вдруг стал клубиться. Пурпурное облако скрыло магов... И вдруг Конан сообразил, что алый туман окружает и его, услышал крик Жазмины и пронзительное ржание жеребца. Страшная сила вырвала Деви из его объятий, а самого Конана швырнула о камни, когда он наугад стал разить кинжалом. Наполовину оглушенный, он увидел, как конусообразное облако возносится над вершинами, быстро удаляясь. Жазмина исчезла вместе с четырьмя Колдунами в черных одеяниях. На выступе скалы остались только Конан и испуганный конь.

VII

ПО ДОРОГЕ НА ИМШ

Со страшными проклятиями Конан вскочил на спину брыкающегося жеребца. Посмотрел на склон, поколебался и двинулся в том же направлении, в котором намеревался ехать до того, как его задержал Хемса. Но теперь он пришпорил жеребца. Конь помчал, словно только так мог избавиться от страха. Они неслись сломя голову по выступу, где вилась вдоль скалы узкая дорога над пропастью. Дорога бежала зигзагом, лепилась к неровной скале, и в какое-то мгновение далеко внизу Конан увидел то место, куда упала лавина: огромная груда разбитых камней и валунов у края гигантского обрыва.

До дна долины было все еще далеко, когда он домчался до длинного и широкого ребра, ведущего на другой склон, словно мостик. Он поехал по нему. По обе стороны лежали почти вертикальные склоны. Он видел перед собой тропку, а где-то внизу тропа спускалась со склона на дно долины и, сделав огромный крюк вдоль русла высохшей реки, возвращалась под скалу, на вершине которой сейчас находился Конан. Киммериец проклял необходимость делать крюк, но спускаться вниз напрямик было бы самоубийством.

Киммериец пришпорил измученного коня и вдруг услышал где-то внизу стук подков. Придержав коня, осторожно подъехал к краю пропасти и заглянул в ущелье, образовавшееся, когда здесь протекала река. По сухому руслу ехали пятьсот крепких, вооруженных до зубов бородатых мужчин на полудиких конях. Наклонившись над краем тридцатифутовой пропасти, Конан окликнул их.

Всадники приостановились, задрали головы, и по каньону пронеслось глухое ворчание. Конан не терял времени.

— Я еду в Гхор! — крикнул он.— Не рассчитывал встретить вас, псов, на этой дороге. Езжайте за мной, поедем на Имш и...

— Предатель! — хором завопили афгулы.

— Что такое? — свирепо прорычал он.

Увидел искаженные ненавистью лица и вытащенные из ножен сабли.

— Предатель! — дружно отозвались они.— Где семеро вождей, схваченных в Пешкаури?

— В губернаторской тюрьме,— ответил Конан.

В ответ услышал вой сотен глоток, звон оружия и крики, из которых никак не мог понять, чего от него хотят. Ревя, как буйвол, перекрывая шум, он гаркнул:

— Тысяча демонов! Пусть кто-то один скажет, чтоб я мог понять, в чем дело!

Худой, старый вождь взял на себя эту задачу: сначала погрозил саблей, потом бросил Конану обвинение:

— Ты не позволил нам напасть на Пешкаури и отбить наших братьев!

— Вы глупцы! — рявкнул разъяренный киммериец.— Даже если бы вам удалось взобраться на стены, в чем я сильно сомневаюсь, то пленников повесили бы раньше, чем их удалось бы освободить!

— И ты сам поехал торговаться с губернатором! — завыл афгул, кипя злобой.

— И что с того?

— Где наши вожди? — кричал старый вождь, махая саблей.— Где они? Их нет в живых!

— Что? — Конан чуть не упал с коня от изумления.

— Их нет в живых! — подтвердили пятьсот жаждущих крови глоток.

Старик завертел саблей над головой.

— Их не повесили! — кричал он.— Вазул в соседней клетке видел, как они погибли! Губернатор прислал чернокнижника, который убил их своим колдовством!

— Ложь! — ответил Конан.— Губернатор не осмелился бы. Когда я разговаривал с ним прошлой ночью...

Эти слова прозвучали очень некстати. Остервенелое вытье и проклятия взвились под небеса.

— Да! Ты поехал к нему один! Чтобы предать нас! Это правда! Вазул удрал через дверь, сломанную чернокнижником, и все рассказал нашим разведчикам, которых встретил в Забаре. Мы послали их искать тебя, когда ты вовремя не вернулся назад. Когда они услышали рассказ вазула, то вернулись на Гхор, а мы оседлали коней и пристегнули мечи.

— И что вы хотите делать, глупцы? — спросил Конан.

— Отомстить за наших братьев! — завыли они.— Смерть кшатриям! Убить предателя!

Рядом с Конаном посыпались стрелы. Он поднялся на стременах, снова пробуя перекричать шум, после чего, злой и разочарованный, повернул коня и поскакал назад. Бросившиеся за ним афгулы, изрыгающие проклятия и угрозы, были слишком разъярены и не сообразили, как попасть на то ребро, по которому ехал Конан. Им следовало направиться в противоположную сторону, обогнуть поворот и кропотливо взбираться крутой дорогой наверх. Когда они наконец повернули назад, их бывший вождь уже почти достиг того места, где ребро переходило в горный уступ.

Оказавшись над обрывом, Конан не поехал дорогой, которой сюда добирался, а направился по еле заметной тропке, покрытой валунами. Он не проехал по ней далеко, конь фыркнул и бросился в сторону, увидев тело, лежащее на дороге. Конан удивился, что в изувеченном человеке еще теплится жизнь, он даже пытался говорить, с трудом шевеля губами. Одни боги тьмы, управляющие

судьбами чернокнижников, знали, каким образом Хемса смог выбраться из-под огромной кучи камней и подняться по крутому склону на дорогу.

Ведомый странным побуждением, киммериец слез с коня и склонился над колдуном. Хемса поднял окровавленную голову, а в его странных глазах, подернутых мукой и мраком приближающейся смерти, появились проблески сознания.

— Где они? — просипел он.

— Вернулись в замок, на Имш,— буркнул Конан.— Забрали с собой Деви.

— Пойду! — бормотал несчастный.— Пойду туда. Они убили Гитару, а я убью их... аколитов. Четверых из Черного Круга... и самого властелина! Убью... всех убью!

Он попробовал протащить дальше свое искалеченное тело, но даже его непобедимая сила воли была уже не в силах оживить переломанные кости, держащиеся только на порванных сухожилиях и изодранных мускулах.

— Иди за ними! — бормотал Хемса, из его рта шла кровавая пена.— Иди!

— Я и намерен это сделать,— сказал Конан.— Хотел созвать афгулов, но они накинулись на меня. Иду на Имш один. Отниму у них Деви, даже если мне собственными руками придется разнести на кусочки эту проклятую гору. Когда я захватил Деви, то не думал, что губернатор осмелится прикончить моих вождей, но, похоже, ошибался. Он заплатит мне за это головой. Сейчас она мне уже не нужна как заложница, но...

— Пусть падет на них проклятие Изиля! — выдохнул Хемса.— Иди! Я, Хемса... умираю. Подожди, возьми мой пояс.

Искалеченной рукой он начал копаться в своих лохмотьях, и Конан, поняв его намерения, наклонился и помог снять с окровавленного тела пояс странного вида.

— В пропасти держись золотой жилы,— бормотал Хемса.— Пояс надень. Мне его дал стигийский жрец. Он поможет тебе, хотя меня подвел. Разбей хрустальный шар с четырьмя плодами граната. Берегись превращений владыки... Иду к Гитаре... она ждет меня в аду...

С этими словами он умер.

Конан посмотрел на пояс, сплетенный из волос, не похожих на конские. Скорее всего, пояс сплели из черных женских волос. В плотных сплетениях блестели маленькие драгоценные камешки, таких он еще никогда не видел. Пряжка была странной: в форме плоской клиновидной головы змеи, покрытой мелкими золотыми чешуйками.

Когда Конан взглянул на подарок, холодная дрожь пробежала у него по телу. Он замахнулся, чтобы выбросить его в пропасть, но, подумав, застегнул на бедрах, пряча под своим широким бакарийским поясом, который носил всегда. Потом сел на коня и двинулся дальше.

Солнце спряталось за вершину. Конан взбирался в горы, длинные тени, словно широкий плащ, покрывали долины и уступы скал внизу. Он уже приближался к вершине, когда впереди услышал стук подкованных копыт. Он ни минуты не колебался. На самом деле тропа была так узка, что огромный жеребец не смог бы повернуть назад. Киммериец обогнул выступ скалы и оказался на более широком отрезке тропы. Раздался целый хор предостерегающих криков, но же-

ребец Конана уже прижал испуганного коня к скале. А Конан железной хваткой сдавил руку ездока, замахнувшегося ножом.

— Керим Шах! — произнес Конан, и в глазах его зажглись яркие огоньки.

Туранец не сопротивлялся, рука киммерийца сжала его плечо. За Керим Шахом ехал отряд иракзаев на тощих конях. Они смотрели горящими глазами на незнакомца, загородившего им дорогу, и держали наготове луки и кинжалы, но не спешили пускать их в ход из-за опасной близости зияющей у их ног пропасти.

— Где Деви? — спросил Керим Шах.

— Тебе не все равно, гирканский шпион? — усмехнулся Конан.

— Знаю, я в твоих руках,— сказал Керим Шах.— Я ехал с горцами на север, когда мы попали в засаду на перевале Шализах. Многие мои люди были убиты, остальных гнали, как стадо шакалов. Когда мы избавились от преследователей, направились на запад, к перевалу Амир Жехун, а сегодня утром наткнулись на бродившего по горам вазула. Он совсем спятил, но прежде, чем умер, мы многое узнали из его беспорядочного бреда. Он сказал нам, что остался единственным уцелевшим из той банды, которая помчалась за вождем афгулов и пленной кшатрийкой в ущелье у деревни Курум. Все время говорил о человеке в зеленом тюрбане, которого сбил конь афгула. А когда на того человека напали вазулы, он погубил их, уничтожив, как язык пламени пожирает тучу саранчи. Каким образом этот вазул уцелел, не знаю, и он тоже не знает, но из его бреда я понял, что Конан из Гхора был в Куруме со своей королевской пленницей. А когда мы пробирались через горы, встретили голую галзайку с бурдюком. Она сказала, что огромный воин, похожий на вождя афгулов, заставил ее отдать одежду для вендианки. Девушка утверждала, ты поехал на запад.

Керим Шах не счел нужным рассказать, что он как раз ехал на условленную встречу с отрядом туранской конницы, когда горцы перекрыли ему дорогу. Дорога к долине Гурашах через перевал Шализах длинней, чем дорога, ведущая через перевал Амир Жехун, но эта последняя пересекала земли афгулов, которых Керим Шах предпочитал избегать, по крайней мере, пока не соединится с армией. Отрезанный от дороги, ведущей на перевал Шализах, он все же ехал этим небезопасным путем, пока весть, что Конан со своей пленницей еще не достиг Афгулистана, не склонила его к мысли повернуть на юг и совершить дерзкий поход в глубь гор в надежде встретить киммерийца.

— Скажи лучше, где Деви? — предложил Керим Шах.— У меня во́енное преимущество...

— Пусть только хоть один из твоих псов дотронется до тетивы, и я сброшу тебя в пропасть,— пообещал ему Конан.— Кроме того, тебе не поздоровится, если ты меня убьешь. Меня преследуют афгулы, и, если ты избавишь их от удовольствия поймать меня, они спустят с тебя шкуру. А Деви попала в руки к Черным Колдунам с Имша.

— К Таруму! — тихо выругался Керим Шах, впервые теряя свою невозмутимость.— Хемса...

— Хемса мертв,— произнес Конан.— Его прежние господа вместе с каменной лавиной спустили его в ад. А теперь уйди с дороги. С радостью убил бы тебя, но сейчас спешу на Имш.

— Поеду с тобой,— сказал вдруг туранец.

Конан рассмеялся ему в лицо:

— Ты думаешь, я тебе доверяю, гирканская собака?

— А я и не прошу об этом,— ответил Керим Шах.— Нам обоим нужна Деви. Ты знаешь мои побуждения: король Ездигерд жаждет присоединить ее королевство к своей империи, а я — забрать в свой сераль. Я знал тебя еще как предводителя степных разбойников и понимаю, что тебя интересует — грабежи на большой дороге. Ты хочешь опустошить Вендию и потребовать от них огромный выкуп за Жазмину. Может, мы на время, не питая никаких иллюзий относительно друг друга, объединимся и попробуем вырвать Деви из рук Колдунов? Если это нам удастся и мы останемся в живых, то решим в поединке, кому она достанется.

Киммериец какое-то время смотрел на него, сузив глаза, потом кивнул головой и отпустил его руку.

— Согласен. А твои люди?

Керим Шах повернулся к молчащим иракзаям и произнес:

— Этот человек и я намерены отправиться на Имш и сражаться с чернокнижниками. Едете с нами или остаетесь и даете возможность афгулам, которые идут по пятам за своим вождем, содрать с себя шкуру?

Горцы приняли известие Керим Шаха с угрюмой покорностью. О своей судьбе они догадались уже на перевале Шализах, когда свистящие стрелы дагозаев принудили их к бегству. Слишком часто вспыхивали кровавые распри между людьми из долины Забар и жителями гор. Их отряд был слишком мал, без помощи ловкого туранца они не могли прорваться к приграничным деревням. Иракзаи считали себя мертвецами, поэтому дали ему ответ, который могли дать только пропащие люди:

— Мы пойдем с тобой, чтобы умереть на Имше.

— Значит, в путь, да благословит нас Кром! — произнес Конан, беспокойно озираясь по сторонам и приглядываясь к темно-синим теням густеющего сумрака.— Афгульские волки были в двух часах езды за мной, но мы потеряли слишком много времени.

Керим Шах тронул с места коня, спрятал меч в ножны и осторожно развернулся. Через минуту все двинулись в гору так быстро, насколько было возможно. Наконец они выехали на хребет в миле от того места, где Хемса задержал Конана и Жазмину. Тропинка, которой они приехали, даже для горцев оказалась довольно опасной, и поэтому Конан с Жазминой избрали тогда другую дорогу. Керим Шах двинулся по ней, считая, что и киммериец сделает то же самое. Даже Конан вздохнул с облегчением, когда последний поворот остался за спиной. Они ехали словно череда призраков, меряющих заколдованное королевство теней. Только тихий скрип кожаной упряжи и побрякивание стали давали знать об их присутствии, а через какое-то время мрачные горные склоны снова опустели, бездушные и молчаливые в свете звезд.

VIII

ЖАЗМИНА БЕЗУМНО ИСПУГАНА

Жазмина едва успела вскрикнуть, когда почувствовала, как алый омут втягивает ее, с неимоверной силой вырывая из рук киммерийца. В тот миг у нее перехватило дыхание. Страшная воздушная волна оглушила, ослепила, отняла язык и слух. Она едва соображала, что очутилась где-то высоко и летит с ошеломляющей скоростью. Ей казалось, она сходит с ума, потом закружилась голова, и она потеряла сознание.

Когда Деви пришла в себя, еще было живо воспоминание о перенесенном ужасе, она громко вскрикнула и вскинула руки, словно защищаясь от падения.

Ее пальцы сжали мягкую ткань, и девушка, почувствовав глубокое облегчение, огляделась вокруг.

Она лежала на подиуме, покрытом черным бархатом, в огромной мрачной комнате со стенами, увешанными темными гобеленами, на которых с поразительной достоверностью были изображены извивающиеся тела драконов. Высокий свод комнаты тонул в густом полумраке, а тени, залегшие в углах, создавали ощущение зловещего ужаса. На первый взгляд казалось, что здесь нет окон и дверей или они скрывались за кошмарными гобеленами. Жазмина не могла понять, откуда сочится слабый свет, позволяющий увидеть обстановку. Огромная комната — царство тайн, теней и мрачных углов, из которых, казалось, полз неясный удушающий страх.

Наконец Жазмина увидела в нескольких футах от себя, на втором, чуть меньшего размера возвышении, мужчину, сидящего со скрещенными ногами, он задумчиво поглядывал на нее. Длинная тога из черного бархата, шитого золотом, окутывала фигуру, руки были скрыты рукавами одеяния, на голове — бархатная шапка. Его лицо, спокойное и кроткое, казалось довольно привлекательным, глаза слегка блестели и вместе с тем были немного затуманенными. Он с каменным выражением лица приглядывался к Жазмине и совсем никак не отреагировал на то, что она пришла в себя.

Жазмина ощутила, как по ее телу побежали мурашки от страха. Оперлась на локти и посмотрела на незнакомца.

— Кто ты? — неуверенно и беспомощно спросила девушка.

— Властелин Имша,— ответил человек глубоким, звучным голосом, напоминающим спокойные удары колоколов храма.

— Зачем я здесь? — спросила она.

— Разве ты не искала меня?

— Если ты — один из Черных Колдунов, то да! — дерзко ответила она, убежденная, что он и так читает мысли.

Человек тихо засмеялся, а Жазмина содрогнулась от страха.

— Ты хотела направить детей гор против Колдунов Имша! — рассмеялся он.— Я вижу твои мысли, княжна. Твой слабый человеческий ум переполняют смешные мечты о мести!

— Вы убили брата! — В голосе Деви растущий гнев боролся со страхом.— Зачем? — Она сжала кулаки и задрожала от злости.— Жрецы говорят, Колдуны Имша выше человеческих дел. Зачем вы убили короля Вендии?

— Разве простой смертный может понять мотивы Колдунов? — холодно ответил властелин.— Мои аколиты в храмах Турана, приобретшие власть над жрецами Тарима, настаивали, чтобы я действовал в пользу короля Ездигерда. По определенным причинам я согласился. Как я должен объяснять причины, побудившие меня к такому решению, дабы ты поняла их своим слабым умом? Все равно не поймешь.

— Я понимаю одно: брат мертв! — выкрикнула Жазмина с болью и ненавистью.

Она поднялась на колени и пронизывала его взглядом широко открытых глаз, как пантера, приготовившись к прыжку.

— Так пожелал Ездигерд,— холодно молвил колдун.— Мой временный каприз поддержал притязания туранца.

— Ездигерд твой вассал? — Жазмина пробовала скрыть охватившие ее чувства.

Она нащупала нечто твердое, скрытое под складками бархата. Незаметно переменила позу и засунула руку под покрывало.

— Разве пес, сжирающий объедки под стеной храма, может быть вассалом бога? — ответил владыка.

Казалось, он не видит незаметных движений девушки. Под складками покрывала Деви нашарила то, что показалось ей рукояткой стилета. Жазмина наклонила голову, пытаясь скрыть блеск торжества в глазах.

— Но хватит с меня Ездигерда,— сказал властелин.— Я нашел лучшее развлечение... Ха!

Жазмина прыгнула, как кошка, с диким криком, стараясь нанести убийственный удар. Но споткнулась и упала, растянулась на полу, смотря на человека, который чуть не стал ее жертвой. Тот сидел на подиуме, даже не шевелился, с его лица не сходила загадочная улыбка. Жазмина подняла дрожащую руку и взглянула на нее широко раскрытыми глазами. В руке был не стилет, а цветок золотого лотоса с помятыми лепестками и сломанным стеблем.

Она отшвырнула лотос, словно ядовитую змею, и на коленях отползла от Колдуна. Вернулась на подиум, не без основания полагая, что это больше подходит княжне, нежели ползание по полу у ног чернокнижника. Взглянула на него с ужасом, ожидая реакции.

Но властелин не шелохнулся.

— Вся материя одинакова для того, кто располагает ключами от врат Космоса,— загадочно изрек он.— Для сведущих в Искусстве нет вещей неизменных. По его воле в неземных садах зацветает сталь или цветок сверкает острием меча в лунном свете.

— Ты демон,— всхлипнула она.

— Нет,— засмеялся он.— Я родился на этой планете очень давно. Когда-то был обычным человеком, и на протяжении долгих тысячелетий служения Искусству я не утратил всех признаков человеческого. А человек, углубившийся в Черное Искусство, сильнее демона. Я человек, но царствую над демонами. Ты видела Колдунов из Черного Круга; если я скажу тебе, из каких отдаленных королевств я призвал их и от какой судьбы охраняет их мой заколдованный кристалл и золотые змеи, ты потеряешь рассудок от ужаса. И только я один — их господин. Хемса мечтал о величии — бедный глупец, разбил ворота и летал вместе со своей любовницей с вершины на вершину! Но если бы я его не убил, в один прекрасный день он смог бы стать таким же могучим, как и я.

Он снова рассмеялся.

— А ты, глупое создание, строила козни, желая послать волосатого вождя горцев на покорение Имша! Милая шутка, если бы мне пришло это в голову раньше, я и сам постарался бы, чтобы ты попала к нему в руки. Даже тогда, когда он схватил тебя, ты не отказалась от мысли сделать его своим орудием, намереваясь использовать свои женские чары. Но если не брать во внимание твою глупость, все же ты — женщина, на которую приятно посмотреть. Я намерен держать тебя здесь своей невольницей.

Услышав такие слова, наследница гордых императоров крикнула со стыдом и злостью:

— Не посмеешь!

Издевательский смех стегнул ее, как кнут.

— Король не посмеет растоптать червяка на своей дороге? Глупая, твоя гордость для меня не более чем стебелек на ветру. Я целовал царицу тьмы. Ты видела, как я расправляюсь с теми, кто мне сопротивляется?

Съежившись от страха, девушка стояла на коленях на бархатном покрывале. Свет померк, в комнате потемнело. Лицо Колдуна Имша стало ужасным. В его голосе появились повелительные нотки.

— Никогда тебе не покорюсь! — произнесла она с дрожью, но решительно.

— Покоришься,— ответил Колдун с жесткой уверенностью.— Страх и боль приучат тебя к покорности. Я буду стегать тебя ужасом и кошмаром до предела твоей выносливости, пока ты не станешь в моих руках словно воск, мягкой и податливой на каждое пожелание. Ты изведаешь страдания, которых не довелось перенести ни одной смертной, пока каждый мой приказ не станет для тебя волей богов. Вначале ты вернешься в свое забытое далекое прошлое, в свои предыдущие воплощения.

При этих словах все вокруг замельтешило перед глазами испуганной Жазмины, волосы на голове встали дыбом, язык примерз к нёбу. Откуда-то долетел глубокий, зловещий удар гонга. Драконы на гобеленах, извергнув голубое пламя, исчезли. Сидящий на подиуме властелин превратился в бесформенную тень. Серый полумрак сменился густой, мягкой, почти осязаемой темнотой, пульсируя странным светом. Жазмина не могла уже разглядеть властелина. Она ничего не видела. Только неясно ощущала, что стены и потолок отдаляются от нее, исчезают.

Потом где-то в темноте появилось пламя, оно то зажигалось, то гасло, как светлячок. Затем увеличилось, посветлело, стало ослепительно белым. Потом вдруг разлетелось дождем искр, которые тем не менее не рассеивали мглы. В комнате все же остался слабый отблеск, позволяющий заметить растущий из каменного пола черный гибкий стебель. На глазах у ошеломленной Жазмины растение распустило широкие листья, и огромные черные одурманивающие цветы склонились над сжавшейся на подиуме девушкой. Черный лотос в мгновение ока вырос из каменной плиты так, как он вырастал в таинственных джунглях Кхитая.

Широкие листья колыхались со зловещим шелестом. Цветы склонялись над Жазминой, словно разумные создания, танцуя на бледных стеблях. Еле различимые на фоне густой, непроницаемой тьмы, они порхали над ней, как гигантские бабочки, непонятным способом давая ощутить свое присутствие. Их одуряющий запах кружил голову, и Жазмина попробовала сползти с подиума, но тут же судорожно прильнула к нему, когда пол наклонился под невероятным углом. Деви с ужасом вскрикнула и судорожно сжала руки, но неведомая сила разжала ее пальцы. Ей казалось, что рассудок помутился, а весь мир рассыпался в прах. В черной ледяной пустыне она была лишь дрожащей былинкой разума, уносимой ветром, который грозил задуть слабое пламя жизни, как дыхание бури гасит горящую свечу.

Потом она ощутила внезапное движение, когда былинка, в которую она превратилась, смешалась с мириадами других, рождая жизнь в болоте первобытной

жизни. В созидающих руках Природы она вновь превратилась в мыслящую единицу, медленно кружась по бесконечной спирали своего существования.

Охваченная ужасом, увидела и узнала свои предыдущие воплощения и вновь переживала их. Снова шла по длинной, изнурительной дороге жизни, увлекаемая в забытое прошлое. Вновь, дрожа, сжималась в первобытных джунглях перед началом Времен, догоняемая кровожадными существами. Одетая в шкуры, брела по колено в воде через топкое рисовое поле, сражаясь за драгоценные зерна с птицами. Разрыхляла заостренным колышком неподатливую землю и бесконечно наклонялась над ткацким станком в хижине.

Она видела пылающие города и с криком убегала от убийц. Бежала, нагая и окровавленная, по горячему песку, ее тащили на аркане ловцы рабов, она узнала жгучие прикосновения грубых рук к ее телу, стыд и муку внезапного желания. Она кричала под ударами кнута, стонала, посаженная на кол; сойдя с ума от ужаса, вырывалась от палача, клонящего ее голову на плаху.

Она узнала родовые муки и горечь преданной любви. Перенесла все мучения, обиды и несчастья, которые мужчина причинял женщине на протяжении тысячелетий, перенесла презрение и злобу, которыми женщина может отплатить мужчине. И все время осознавала, кем является, хотя это сознание жгло, как удары кнута. Будучи всеми созданиями, которыми она была в прошлом, она вместе с тем знала, что она — Жазмина. Ни на секунду Деви не забывала, кто она, и страдала не только как нагая рабыня, но и как Деви Жазмина, владычица Вендии, чей гордый характер ощущал удары бича, словно прикосновения раскаленного железа.

Одна жизнь срослась с другой в бурлящем хаосе перевоплощений, а каждая следующая несла свое бремя несчастий, стыда и страданий, и так было, пока она не услышала, словно издалека, свой пронзительный крик, словно один долгий крик боли, эхом несущийся сквозь века. Тогда она проснулась на покрытой бархатом постели в темной комнате.

В кошмарной полумгле она вновь увидела подиум и сидящую на нем фигуру в черных одеяниях. Слегка склоненную голову сидящего прикрывал капюшон, а его узкие плечи едва вырисовывались в царящем сумраке. Жазмина не различала деталей, но вид капюшона вместо бархатной шапочки пробудил в ней неясную тревогу. Она напрягла зрение и ощутила странный, перехватывающий дыхание страх: у нее появилось ощущение, что не властитель Имша спокойно сидит поодаль...

Вдруг фигура шевельнулась и встала, поглядывая на нее сверху. Наклонилась и обняла длинными руками, скрытыми широкими рукавами черной тоги. Жазмина с молчаливой яростью сопротивлялась, изумленная и испуганная худобой обнимающих рук. Голова в капюшоне наклонилась к повернутому лицу девушки. Жазмина пронзительно вскрикнула, охваченная ужасом и отвращением. Ее обнимали костлявые руки, а под капюшоном она увидела воплощение смерти и разложения — череп, обтянутый истлевшей, как древний пергамент, кожей.

Жазмина вскрикнула еще раз, потом, когда лязгающие, ощеренные челюсти приблизились к ее устам, потеряла сознание.

IX

ЗАМОК ЧЕРНОКНИЖНИКОВ

Над белыми вершинами Химелии взошло солнце. Группа всадников приостановилась у подножия длинного склона. Высоко над их головами на склоне горы вздымалась каменная башня. Выше ее стояли стены еще более мощной крепости, находящейся у самой границы вечных снегов, покрывающих вершины Имша. В этой картине было что-то нереальное: алые склоны тянулись к фантастическому замку, казавшемуся отсюда детской игрушкой, а сверкающая белизной вершина за ним вонзалась в холодное голубое небо.

— Оставим коней здесь,— произнес Конан.— Подъем лучше одолеть пешком, кони устали.

Он соскочил с черного жеребца, который стоял на широко расставленных ногах, опустив голову. Всю ночь они мчались вперед, подкрепляясь остатками еды из своих вьюков и останавливаясь только для того, чтобы немного отдохнули лошади.

— В башне живут аколиты Черных Колдунов,— сказал Конан.— Или, как их еще называют, цепные псы своих господ. Они не будут сидеть сложа руки, когда увидят нас на склоне.

Керим Шах взглянул на дорогу, по которой они приехали: она пролегала довольно высоко на склоне Имша. Туранец напрасно старался увидеть в этом лабиринте какое-либо движение, которое говорило бы о приближающейся погоне. Афгулы, скорее всего, потеряли в ночи след своего вождя.

— Что ж, пошли!

Они привязали коней к тамарискам и без лишних слов двинулись в гору. Отовсюду они были видны как на ладони. На голом склоне никто не мог укрыться. Хотя там могли прятаться другие живые существа. Они не прошли и пятидесяти шагов, когда из-за небольшого камня выскочило рычащее существо с пеной, сочащейся изо рта, и глазищами, налитыми кровью. Конан шел первым, но пес не напал на него. Проскользнув рядом, он бросился на Керим Шаха. Туранец отпрыгнул в сторону, и огромный зверь упал на идущего следом иракзая. Воин крикнул и заслонился рукой. Бестия повалила его на спину, разрывая ему руку, и через секунду сама свалилась под ударами дюжины сабель. И все же не прекращала попыток вцепиться в челюсть следующей жертве, пока не была буквально разрублена на куски.

Керим Шах перевязал раненому разорванное плечо, внимательно посмотрел на него и молча отвернулся. Присоединился к Конану, и они продолжили подъем.

Потом Керим Шах сказал:

— Странно, что пес забрался аж сюда.

— Здесь нечего жрать,— согласился с ним киммериец.

Они оба обернулись и посмотрели на раненого воина, идущего в толпе иракзаев. Его темное лицо блестело от пота, искаженные гримасой боли губы приоткрывали ощеренные зубы. Конан и Керим Шах снова посмотрели на возносящуюся перед ними каменную башню.

На вершинах лежала сонная тишина. Ни на башне, ни на стенах стоящего за ней, похожего на пирамиду строения они не заметили ни малейшего движения. Мужчины шли в напряженном молчании, как по краю вулкана. Керим Шах снял с плеча огромный лук, который разил за пятьсот шагов. Иракзаи потянулись к своим лукам — они были легче и разили на меньшее расстояние.

Но им еще не удалось подойти к башне на расстояние лета стрелы, когда что-то неожиданно упало на них с безоблачного неба. Пролетело очень близко от киммерийца, он даже почувствовал прикосновение крыльев, но не он, а следующий за ним иракзай зашатался и упал, истекая кровью из разорванной артерии. Сокол, с крыльями цвета полированного металла, с окровавленным, изогнутым, как сабля, клювом, вновь взмыл в небо и внезапно замер, когда зазвенела тетива лука Керим Шаха. Птица рухнула камнем, но никто не смог бы указать того места, куда она упала.

Конан наклонился над несчастным, но тот уже умер. Никто ничего не успел сказать, не было смысла обсуждать ни этот случай, ни то, чего еще никогда доселе не случалось,— чтобы сокол напал на человека. В душах диких иракзаев бешенство состязалось с фатальной апатией. Волосатыми руками они сжимали свои луки и бросали мстительные взгляды в сторону башни, которая, казалось, издевается над ними.

Следующее нападение не заставило себя ждать. Все увидели, как из-за края башни выкатилось белое дымное облачко и поплыло вниз по склону. За ним появились другие облака. Они выглядели безобидными, как пушистые шарики мутной пены, но Конан отодвинулся в сторону, избегая столкновения с первым облачком. Один из иракзаев, идущий следом, размахнулся и рубанул тучку мечом. Раздался оглушительный грохот. Клуб дыма исчез в ослепительной вспышке,

а от слишком любопытного воина осталась только кучка обугленных, почерневших костей. Сморщенная ладонь все еще сжимала рукоять из слоновой кости, но клинок расплавился и испарился в страшном огне. И все же воины, даже стоявшие рядом с жертвой, совершенно не пострадали, они были только ошеломлены и ослеплены внезапной вспышкой.

— Взрывается от прикосновения металла,— произнес Конан.— Смотри, они приближаются!

Склон над ними был почти покрыт спускающимися шариками. Керим Шах натянул тетиву и послал в самую их гущу стрелу. Пробитое стрелой облако взорвалось, как мыльный пузырь, брызгая огнем. Остальные воины последовали примеру туранца, и через несколько минут на склоне бушевала буря, разили громы и молнии, сыпавшие дождем искр. Когда белые клубы исчезли, в колчанах у воинов осталось не так уж много стрел.

Они яростно взбирались в гору по обугленной и почерневшей земле, огибая те места, где голая скала превратилась в лаву от взрывов. Наконец они оказались на расстоянии полета стрелы от башни и растянули ряды, нервно оглядываясь вокруг: какую еще неожиданную ловушку им устроят.

На стенах появилась одинокая фигура, несущая десятифутовый медный рог. Хриплый рев, покатившийся по склону, походил на звуки трубы в Судный день. Сейчас же из подземных глубин ему отозвались глухой грохот и шум. Земля под ногами воинов затряслась. Иракзаи на дрожащем откосе зашатались, как пьяные, крича от ужаса, но Конан с бешеным блеском в глазах и с кинжалом в руках ринулся по склону, прямо к двери в стене. Сверху раздавались издевательский рев и завывание огромного рога. Керим Шах подтянул стрелу к уху и отпустил тетиву.

Только туранец мог сделать такой выстрел. Звук рога внезапно смолк, и в воздухе раздался высокий, пронзительный крик. Стоящая на башне фигура в зеленой одежде зашаталась, хватаясь за торчащее в груди длинное древко, потом перевалилась через парапет и рухнула вниз. Огромный рог покатился и повис на краю стены. Вторая фигура в зеленой тоге подскочила, чтобы схватить рог. Снова зазвенела тетива, и вновь эхом ей отозвался крик агонии. Второй аколит, падая, задел рог локтем, и он разлетелся на куски у подножия башни.

Конан с такой быстротой преодолел пространство, отделяющее его от двери, что еще не смолкло эхо от шума падения, а он уже бил острием своего ножа в дверь. Инстинктивно отскочил, когда сверху вылили на него расплавленное олово. В следующую минуту он снова атаковал их с удвоенной яростью. Тот факт, что враги прибегли к обычным видам обороны, придал ему силы. Значит, колдовство аколитов все же не безгранично. Может, они уже исчерпали все запасы своих чар?

По скату взбежал Керим Шах, следом за ним шатающиеся воины. На бегу они выпускали стрелы, которые со свистом перелетали за стену или ударялись о зубцы. Толстое тиковое дерево уступило под ударами киммерийца, он осторожно заглянул внутрь, приготовившись к худшему. Увидел овальную комнату, ведущую наверх крутую лестницу, широко открытую дверь, за ней склон... и спины полдюжины одетых в зеленое людей, убегающих изо всех сил.

Конан завыл и прыгнул внутрь, но тут же инстинктивно бросился в сторону. Огромный каменный блок с грохотом рухнул на то место, где он только что

коснулся ногой пола. Киммериец побежал вдоль стены, криком призывая остальных следовать за ним.

Аколиты покинули первую линию обороны. Обежав башню, Конан увидал их зеленые силуэты высоко вверху. Дыша жаждой мести, он помчался за ними, а Керим Шах с иракзаями наступали ему на пятки. Минутное ликование заставило их забыть о своем врожденном фатализме, при виде удирающих врагов они завыли, как стая волков.

Башня стояла на нижнем крае узкого плато, почти незаметно наклоненного к откосу. Через несколько сот ярдов плато вдруг кончалось глубокой расщелиной, абсолютно незаметной снизу. В эту расщелину и спрыгнули аколиты, даже не замедлив бега. Несколько минут спустя преследователи также стояли на краю рва, отделяющего их от замка Черных Колдунов. Насколько видел глаз, в обе стороны лежала пропасть шириной в тысячу и глубиной в пятьсот футов, с вертикальными стенами, вероятно, идущая вдоль всей вершины Имша. Она была до краев наполнена блестящим туманом.

Конан взглянул вниз и выругался, заметив одетых в зеленое аколитов, поспешно проходивших по сверкающему, словно серебро, дну долины. Их силуэты казались смазанными и невыразительными, словно они погружены в глубокую воду. Они шли цепочкой, направляясь к противоположной стене обрыва.

Керим Шах натянул лук и выпустил засвистевшую стрелу. Но она, попав во мглу, наполнявшую расщелину, внезапно потеряла скорость и, отклонившись от заданного курса, упала далеко от цели.

— Если они смогли туда спуститься, то и мы сможем! — сказал Конан стоящему рядом с ним Керим Шаху, который с удивлением наблюдал за полетом своей стрелы.— Я видел, они прошли этим путем...

Напрягая взгляд, он заметил внизу нечто, напоминающее золотую нить, растянувшуюся по всей ширине каньона. Аколиты шли вдоль этой нити, и вдруг киммериец припомнил ранее непонятные слова Хемсы: «Держись золотой жилы!» Наклонившись, он нашел на краю расщелины тонкую полосу: жила золотого месторождения, лежащего прямо на поверхности, сбегала вниз и шла через серебряное дно ущелья. Он увидел кое-что еще, чего не мог заметить из-за особенного преломления света,— золотая жила шла вдоль карниза, спускающегося до самого дна и снабженного углублениями для рук и ног.

— Ах вот как они спустились вниз,— сказал Керим Шах.— Они, значит, не могут летать по воздуху. Пойдем за...

В эту минуту укушенный псом мужчина издал ужасный крик и, оскалив зубы, бросился на Керим Шаха. Из его рта лилась пена. Туранец проворно, словно кот, отскочил в сторону, а взбесившийся рухнул головой вниз в пропасть. Остальные воины в изумлении подбежали к краю пропасти. Мужчина не пошел вниз камнем, а медленно плыл сквозь розовую мглу, как человек, погружающийся в воду. Конечности его судорожно дергались, а пунцовое, искаженное конвульсиями лицо выражало скорее боль, чем бешенство. Наконец он упал на блестящее дно пропасти и остался недвижим.

— В расщелине подстерегает смерть,— пробормотал Керим Шах, отшатнувшись от розовой мглы, которая почти доставала ему до ног.— Что теперь, Конан?

— Идем дальше! — невесело ответил киммериец.— Аколиты — обычные люди: если мгла не убила их, значит, и нас не убьет.

Он подтянул пояс и невольно дотронулся до подарка Хемсы. Свел брови и грустно улыбнулся. Он совсем забыл о нем, и все же именно пояс трижды спасал его, подставляя другие жертвы.

Аколиты достигли противоположной стены и ползли по ней, как большие зеленые мухи. Конан взошел на платформу и стал осторожно спускаться. Розовая туча окутала ноги и поднималась выше по мере того, как он спускался по карнизу. Он ощущал ее вокруг себя, как густой туман во влажную ночь. Когда она уже доставала до шеи, он поколебался, потом с головой окунулся во мглу. В тот же миг стал задыхаться, неумолимая сила не давала ему вздохнуть, сдавив ребра в смертельном объятии. Конан в отчаянии подпрыгнул, борясь за жизнь.

Керим Шах наклонился, что-то говорил ему, но Конан не слышал и не обращал на него внимания. Он мысленно перебирал в памяти указания умирающего Хемсы. Попробовал нащупать золотую жилу и обнаружил, что, спускаясь, сошел с нее. Заметил ряд углублений для рук и ног в карнизе. Встав точно на жилу, начал спускаться вновь. Розовая мгла снова окутала его. Голова его тоже окунулась во мглу, но, стоя на золотой жиле, он по-прежнему мог дышать. Увидел вверху лица глядящих на него товарищей, слегка размытые в блестящем тумане. Жестом приказал им следовать за ним и быстро стал спускаться, не ожидая, пока они последуют его примеру.

Керим Шах вернул меч в ножны и пошел следом за киммерийцем, а иракзаи поспешили за ним, скорее опасаясь потерять предводителя и проводника, чем какого-то подвоха, который мог их ожидать в расщелине. Они спустились на дно пропасти и пошли по серебристой равнине, ступая по золотой полосе, как люди, идущие по проволоке над пропастью. Шли, словно по невидимому тунелю, наполненному воздухом. Со всех сторон их окружала смерть.

Тропинка, по которой скрылись аколиты, вела к карнизу по другую сторону расщелины и исчезала за его краем. Они двинулись туда, приготовившись к встрече с неизвестной опасностью, таящейся среди острых камней на краю обрыва. Их ждали там вооруженные ножами аколиты. Возможно, они достигли некой границы, преступить которую не могли. Может, стигийский пояс, опоясывающий Конана, лишил их заклятия силы. Или, осознавая, что за поражение будут наказаны смертью, они решили использовать последний шанс и с ножами в руках выскочили из-за скал.

Началась кровавая битва, оружием в которой было не искусство чернокнижников, а обычные клинки. Звенела сталь, со свистом опускались лезвия, рассекая плоть, мускулистые руки наносили могучие удары, лилась кровь, а по телам упавших топтались сражающиеся. Как выяснилось потом, только один из иракзаев истек кровью и умер, но аколиты полегли все до одного,— изрезанные, порубленные на куски, сброшенные в пропасть, они медленно опускались на сверкающее внизу серебристое дно. Победители, стерев с лица кровь, огляделись. Кроме Конана и Керим Шаха еще четверо иракзаев вышли из битвы невредимыми.

Они стояли меж скал, образовавших зубчатый край расщелины. Вьющаяся отсюда по невысокому склону тропка вела к широкой лестнице, сделанной из

зеленых шестифутовых камней, напоминающих нефрит. Ступени выводили на широкую галерею из такого же полированного камня, а за ней — этаж за этажом — вздымался замок Черных Колдунов. Казалось, его вырубили из отвесной скалы ущелья. Архитектура замка поражала великолепием, хоть и была лишена украшений. Немногочисленные окна прикрыты ставнями. Нигде никаких признаков жизни, ни одного дружественного или враждебного существа.

Очень осторожно они пошли по тропе, понимая, что приближаются к змеиному логову. Иракзаи шагали точно в трансе, словно шли на верную смерть. Даже Керим Шах молчал. Только Конан, казалось, не осознавал, каким беспрецедентным нарушением традиций были их действия, какую огромную брешь они пробили в общепринятых взглядах.

Он взошел по блестящим ступеням и по широкой зеленой галерее подошел к обитой золотом двери из тикового дерева. Окинул внимательным взглядом верхние этажи вздымающейся перед ним огромной пирамиды замка, потянулся к медной ручке и с кривой усмешкой отдернул руку. Ручка была сделана в виде змеи, приготовившейся к броску. Конан заподозрил, что металлический гад может ожить от прикосновения.

Одним ударом он отрубил ручку, и медный звон упавшей на камень змеи отнюдь не рассеял его подозрений. Концом кинжала он отбросил ее и вновь повернулся к двери. Вокруг царила полная тишина. Солнце блестело на горных вершинах, покрытых снегом. Высоко вверху кружил ястреб, черная точка в небесной сини. Кроме него единственными живыми существами были люди, стоящие перед обитой золотыми листами дверью,— маленькие фигурки на галерее из зеленого нефрита на склоне огромной горы Имш.

Холодный ветер, прилетевший с ледников, хлестнул, развевая обрывки их одежды. Кинжал Конана ударил в массивную дверь. Эхом откликнулись скалы на удар. Киммериец бил раз за разом, пробивая металлические листы и тиковое дерево. Через несколько минут он уже смог осторожно заглянуть внутрь. Увидел просторную комнату с голыми стенами из шлифованных камней и мозаичным каменным полом. Здесь были лишь столики из шлифованного эбенового дерева и каменный подиум. В противоположном углу он разглядел следующую дверь.

— Оставь охрану у дверей,— велел он.— Идем внутрь.

Керим Шах приказал одному из воинов стоять на страже, тот с луком наготове вернулся на середину галереи. Конан вошел в замок, за ним туранец и три иракзая.

Страж сплюнул, пробормотал что-то себе под нос и вздрогнул, услышав тихий издевательский смех. Подняв голову, увидел на втором этаже фигуру в черном, презрительно поглядывающую на него. Иракзай быстро натянул тетиву и выпустил стрелу, попав в обтянутую тогой грудь. Колдун, продолжая смеяться, вырвал стрелу из тела и небрежным жестом швырнул лучнику. Воин отпрыгнул, инстинктивно выставив руку. Его пальцы сомкнулись на возвращенной стреле. Иракзай пронзительно вскрикнул. Прямая стрела вдруг стала гибкой, словно размякла в руке. Он попробовал отшвырнуть ее, но поздно — холодные кольца обвились вокруг запястья, а наконечник впился в мускулистое плечо. Воин еще раз крикнул, лицо опухло и покраснело, а глаза приготовились вылезти из орбит. В страшных конвульсиях он растянулся на полу и замер.

Мужчины, уже было вошедшие в замок, бросились назад. Конан быстро подошел к высаженным дверям и стал как вкопанный, ничего не понимая. Товарищам показалось, что киммериец сражается с воздухом. Не видя перед собой никакой преграды, он все же ощутил под пальцами скользкую, гладкую поверхность и понял — выход закрыт кристаллической прозрачной плитой. Он видел через нее неподвижно лежащего на галерее стражника с оперенной стрелой в плече.

Конан поднял кинжал и ударил в невидимую стену; удивленные иракзаи заметили, как острие отскакивает со звоном от невидимой преграды, словно сталь натыкается на что-то твердое. Конан прекратил попытки пробиться. Он знал, даже легендарный меч Амир Курума не смог бы сокрушить эту невидимую преграду.

В нескольких словах он объяснил это Керим Шаху. Туранец пожал плечами:

— Обратная дорога нам отрезана, мы должны искать другой путь. Значит, идем вперед, не так ли?

Конан кивнул, повернулся и зашагал к двери в противоположной стороне комнаты. Он догадывался, что идет навстречу неизбежной смерти. Поднял кинжал, желая ударить в дверь, но та тихо открылась, словно подчиняясь чьему-то велению. Конан перешагнул через порог и оказался в огромном зале. Вдоль стен тянулись блестящие колонны, а в ста футах от двери начинались широкие нефритовые ступени лестницы, сужающейся кверху, словно пирамида. Он не знал, что находится дальше, но, чтобы зайти на ступени, ему следовало пройти мимо странного алтаря из черного камня. Четыре огромные золотые змеи свились в кольца на четырех углах, словно стражи легендарных сокровищ, клиновидные головы были обращены к четырем сторонам света. Но на алтаре, который они стерегли, покоился только хрустальный шар, наполненный чем-то вроде дыма, в нем плавали четыре золотых плода граната.

Увиденное пробудило у Конана неясное воспоминание, но он не успел вдуматься в подсказки памяти, завидев на нижних ступеньках лестницы четверых людей в черных одеяниях. Он не заметил появления Колдунов, они просто возникли здесь, согласно кивая птичьими головами, высокие, худые. Руки и ноги скрывались под складками многочисленных одеяний.

Один из них поднял руку, рукав сполз, открывая... вовсе не руку. Вопреки своей воле Конан замешкался. Он встретил силу, не похожую на силу Хемсы, и не мог сделать ни шагу вперед, хотя чувствовал, что может отступить назад, если захочет. Его друзья тоже остановились и выглядели еще более беспомощными, чем он, будучи не в состоянии сделать ни одного движения.

Чародей с поднятой рукой кивнул одному из иракзаев, и тот, словно в трансе, двинулся к нему, сжав меч в бессильно опущенной руке. Когда воин проходил мимо Конана, тот, вытянув руку, загородил ему дорогу. Киммериец был намного сильнее иракзая и в обычных условиях с легкостью смахнул бы его, как муху. Но сейчас воин оттолкнул его руку, будто стебелек травы. Дошел до ступеней и встал на колени, отдавая меч и наклоняя голову. Колдун взял у него оружие. Блеснуло острие на взмахе. Голова иракзая упала с плеч и с глухим стуком покатилась по черному мраморному полу. Из рассеченных артерий хлынула кровь, потом тело осело и, широко раскинув руки, распростерлось на полу.

Нечеловеческая ладонь вновь поднялась и позвала следующего иракзая, который, шатаясь, двинулся навстречу смерти. Жуткая сцена повторилась, и второе обезглавленное тело распростерлось рядом с первым.

Когда и третий воин прошел мимо Конана, направляясь к своей гибели, киммериец, у которого набрякли жилы на висках от напрасных усилий преодолеть удерживающий его невидимый барьер, вдруг почуял, что пробуждаются неизвестные, благоприятные для него силы. Ощущение пришло без предупреждения, неожиданно, но он ни на минуту не сомневался в нем. Левая рука киммерийца невольно дотронулась до стигийского подарка Хемсы, и он моментально ощутил прилив энергии: воля к жизни и гнев взыграли в нем с нарастающей силой.

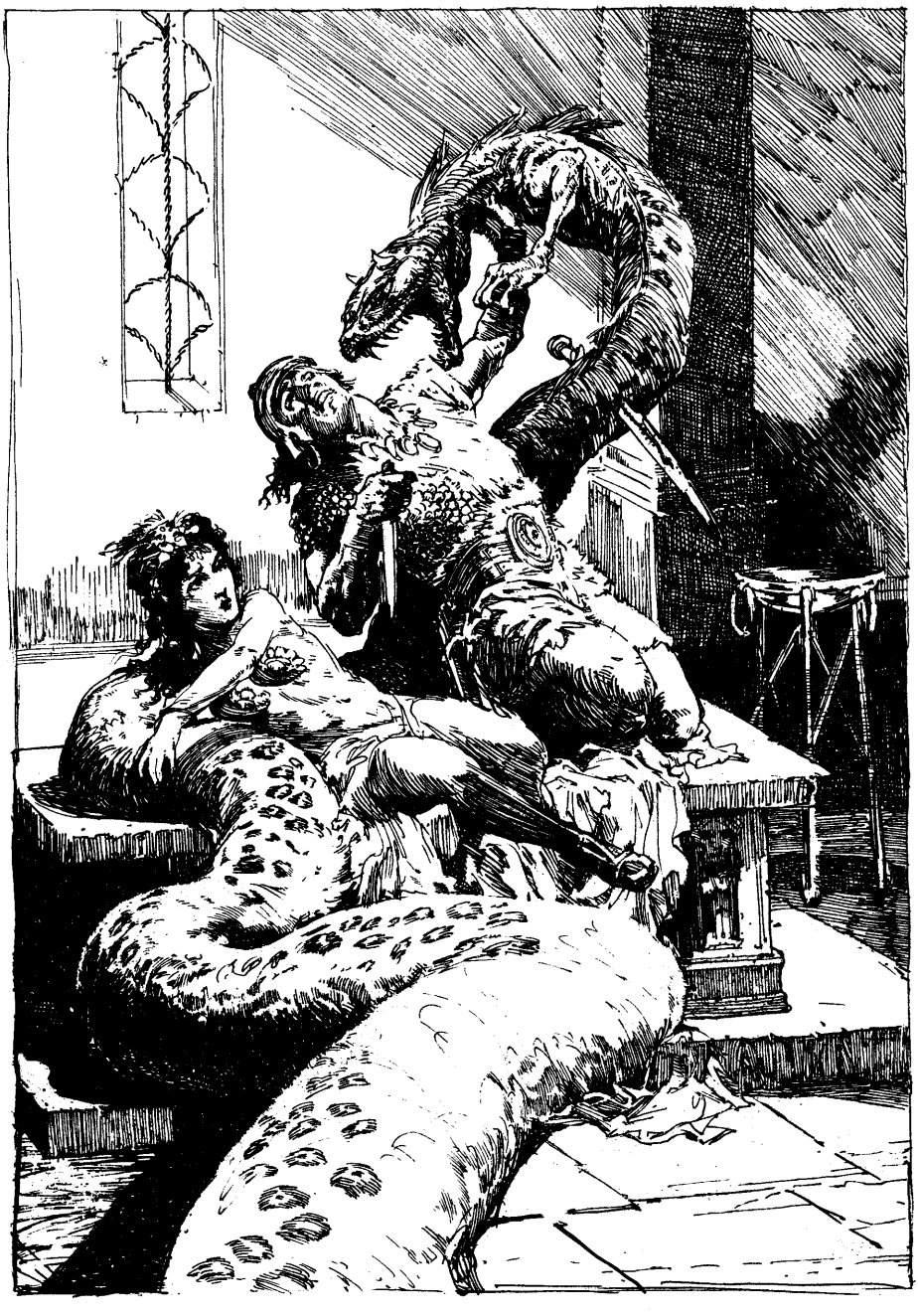
Третий иракзай уже превратился в труп, и отвратительный палец качнулся вновь. Конан почувствовал, как невидимый барьер треснул. Он исторг дикий крик, и накопившаяся в нем злость нашла выход в молниеносной атаке. Он ринулся на Колдунов, сжимая левой рукой волшебный пояс с отчаянной силой, так тонущий держится за плывущее дерево. Длинный клинок в правой руке сверкал, как солнечный луч. Стоящие на ступеньках Колдуны не шелохнулись. Даже если они и были удивлены, то не подали виду, смотрели холодно и равнодушно. Конан не терял времени на ненужные раздумья, что он сделает с ними, когда они окажутся в пределах досягаемости. Его охватила жажда убийства, он хотел только одного — вонзать острие в тела врагов, утопить их в крови.

Он находился уже в паре шагов от ступенек, где, издевательски усмехаясь, стояли Колдуны. Конан набрал воздуха в грудь, ярость росла в нем с каждым вздохом. Он как раз был рядом с алтарем, обвитым золотыми змеями, когда, словно блеск молнии, его озарило воспоминание о таинственных словах Хемсы, словно кто-то прошептал ему на ухо: «Разбей хрустальный шар».

Он отреагировал почти машинально. Между побуждением и действием не прошло и сотой доли секунды, даже наивеличайшие из чернокнижников не смогли бы прочесть за столь малый срок его мысли и помешать. Ловко, по-кошачьи, в прыжке он сменил направление атаки и с треском опустил кинжал на хрустальный шар. Тотчас же почувствовал почти осязаемое дыхание ужаса, плывущее со ступеней, от алтаря или же от самого хрусталя. Слух разрезало пронзительное шипение позолоченных змей, которые вдруг ожили и, поднимая жуткие головы, пробовали кусаться. Но разъяренный Конан был для них неуловим. Сверкающий клинок перерезал чудовищные тела одно за другим и ударил по хрустальному шару. С громовым раскатом кристалл взорвался, осыпаясь дождем огненных осколков на черный мрамор пола, а золотые плоды граната, словно освобожденные из пут, взлетели под высокие своды и исчезли.

Безумный, звериный, чудовищный рев эхом прокатился по огромному залу. Четыре черные фигуры на ступенях извивались, корчились в конвульсиях. Колдуны перестали двигаться. Конан знал, они мертвы. Он посмотрел на алтарь и хрустальные обломки. Четыре безголовые золотые змеи по-прежнему обвивали алтарь, но в их металлических телах не осталось и следа жизни.

Керим Шах, которого во время сражения Конана отшвырнула невидимая сила, медленно поднялся с колен. Покачал головой, чтоб избавиться от звона в ушах.

— Ты слышал звук, когда разбил шар? — спросил он.— Словно вместе с ним в замке разбились тысячи хрустальных зеркал. Похоже, в этих золотистых плодах граната хранились души чернокнижников? А!

Конан обернулся, видя, что Керим Шах хватается за меч и показывает куда-то рукой. На лестнице появилась новая фигура. Незнакомец, тоже одетый в черную тогу, но из расшитого бархата, а на голове у него была остроконечная шапка. На красивом лице читалось невозмутимое спокойствие.

— Кто ты, демон тебя возьми? — спросил Конан, глядя на незнакомца.

— Я властелин Имша! — ответил тот голосом, напоенным жестокой радостью и звучащим, как праздничный колокол.

— Где Жазмина? — спросил Керим Шах.

Властелин взорвался смехом.

— И зачем, труп, тебе это знать? Или ты так быстро забыл о моей силе, которую я когда-то тебе передал, что прибыл сражаться со мной, бедный глупец? Пожалуй, я должен вырвать твое сердце, Керим Шах!

Он протянул руку, и туранец пронзительно вскрикнул в смертельной муке, зашатался, будто пьяный. Вдруг раздался звон разлетающихся звеньев кольчуги и треск ломающихся костей, из его груди хлынул поток крови, а сквозь огромную дыру в разорванных тканях выстрелило что-то алое и влажное — прямо в выставленную ладонь властелина, как кусок железа, притягиваемый магнитом. Туранец сполз на пол и перестал шевелиться, а властелин Имша со смехом швырнул под ноги киммерийцу еще бьющееся человеческое сердце.

Конан выругался и с рычанием бросился к лестнице. От пояса Хемсы исходила волна силы и безграничной ненависти, помогающая ему преодолеть внушение, с которым он столкнулся на лестнице. В воздухе повисла отливающая металлическим блеском мгла, он окунулся в нее, словно пловец, опустив голову, прикрывая лицо и крепко сжимая в левой руке кинжал. Напрягая слезившиеся глаза, чуть повыше на ступеньках различил фигуру чернокнижника, как отражение в быстротекущей воде.

Конана толкали и швыряли неизвестные силы, их было трудно постичь разумом, но он ощущал поддержку извне, которая неудержимо вела вперед против воли Колдуна и его собственной слабости.

Он достиг вершины лестницы и сквозь серо-металлическую мглу увидал перед собой лицо Колдуна и страх, сквозящий в неуверенном взгляде. Конан прорвался сквозь мглу, и кинжал в его мускулистой руке молниеносно рванулся вверх. Острие разодрало тогу властелина, тот отпрыгнул со сдавленным криком.

Вдруг на глазах изумленного киммерийца чернокнижник исчез — попросту исчез, как мыльный пузырь. Только по ступеням скользнула какая-то длинная колеблющаяся тень.

Конан прыгнул за ней на узкую лестницу, ведущую вверх. Но не смог бы объяснить, что туда проскользнуло. Бешеная ненависть приглушила отвращение и страх.

Он побежал по широким коридорам с голыми стенами из полированного нефрита. Перед ним мелькнула длинная тень, пропав за дверными портьерами. Одновременно с этим в глубине одной из комнат раздался испуганный женс-

кий крик. Конан помчался что было силы к двери и в следующий миг оказался в помещении за портьерой.

На краю покрытого бархатом подиума сжалась Жазмина, крича от ужаса и отвращения, пытаясь защититься от нависшей над нею змеи. Со сдавленным криком Конан метнул в змею кинжал.

Гад молниеносно обернулся и бросился на него подобно ветру, летящему меж высоких трав. Длинный кинжал пробил ему шею, рукоятка торчала с одной стороны, а острие — с другой, но это, казалось, только усилило ярость жуткой твари. Она наклонила голову к человеку, который осмелился сопротивляться, и, оскаливая брызжущие ядом клыки, попробовала укусить его. Но в тот же миг Конан выхватил из-за пояса стилет и изо всех сил ударил острием снизу вверх.

Сталь пробила нижнюю челюсть чудовища и застряла в верхней, словно приколов челюсти друг к другу. Тотчас же огромное тело гада обвило киммерийца. Не имея возможности пустить в ход зубы, змея попробовала его задушить.

Левая рука Конана была прижата к телу змеиными кольцами, но правая оставалась свободной. Крепко упираясь в землю широко расставленными ногами, он схватил торчащую в теле змеи рукоятку кинжала и выдернул его. Как бы угадывая нечеловеческим умом намерения противника, бестия начала извиваться, напрягаться, силясь захватить и свободную руку противника. Но длинное острие поднялось и опустилось с быстротой молнии, почти перерезав надвое огромное тело змеи.

Прежде чем киммериец смог ударить снова, гибкие кольца выпустили его из своих объятий и чудовище скользнуло по плитам, истекая кровью. Конан прыгнул за ним, поднимая оружие, но убийственный удар поразил только воздух, потому что извивающийся гад скользнул в сторону и ударил головой в перегородку из сандалового дерева. Одна из плит подалась: длинное, истекающее кровью тело скользнуло в щель и исчезло. Киммериец тут же несколькими ударами пробил в перегородке дыру и заглянул в темное помещение. Черного жуткого гада след простыл. Остались только лужа крови на мраморных плитах и кровавые следы, ведущие к замаскированной в стене двери. Это были следы босых ног...

— Конан!

Он повернулся на пятках — и в самый раз, чтобы поймать в свои объятия Деви Вендии, дрожащую от страха. Она пробежала через всю комнату и бросилась ему на шею.

От всех этих происшествий взыграла горячая кровь киммерийца. Он прижал девушку к груди с силой, которая в иных обстоятельствах вызвала бы болезненную гримасу, и запечатлел на ее устах неожиданный поцелуй. Жазмина не сопротивлялась. Место Деви заняла обычная женщина. Закрыв глаза, она утонула в его диких, горячих поцелуях, отдаваясь волне страсти. Он прервался, чтобы набрать воздуха, и взглянул на нее, напуганную и прекрасную.

— Я знала, что ты придешь за мной,— сказала она.— Ты не мог бросить меня одну в этом логове демонов.

Услышав эти слова, Конан вспомнил, где они находятся. Поднял голову и напряг слух. В замке на Имше царила тишина, но эта тишина была напоена угро-

зой. Опасность подстерегала в каждом углу, издевательски ощеривалась из-за каждой портьеры.

— Лучше пойдем-ка отсюда, пока есть время,— сказал он.— От этих ран погибло бы любое существо и даже человек, но не чернокнижник. Нанесешь ему удар, а он отползет, как раненая змея, в надежде из какого-то источника снова зачерпнуть яда.

Он поднял девушку на руки и понес, словно ребенка, по блестящему нефритовому коридору и лестнице, с напряженным вниманием выискивая вокруг новые признаки опасности.

— Я встретила властелина Имша,— испуганно прошептала Жазмина, вспоминая пережитый ужас и крепче обнимая спасителя.— Он насылал на меня чары, пытаясь сломить мою волю. Самое страшное — это гниющий труп, который хватал меня... потом я потеряла сознание и пролежала так не знаю сколько времени. Когда пришла в себя, услышала внизу шум и крики, а потом змей вполз в комнату и... ах! — Она задрожала.— Каким-то образом я поняла, что это не видение, а настоящая змея хочет меня убить.

— Да уж, змея точно не была видением,— с уверенностью ответил Конан.— Он понял, что проиграл, и предпочел убить тебя, лишь бы не отдать мне.

— О ком ты говоришь «он»? — спросила она неуверенно.

Жазмина вдруг вскрикнула, прижимаясь к Конану, и забыла о своем вопросе. Увидела лежащие у подножия лестницы трупы. Останки Колдунов отнюдь не являли собой приятное зрелище: они съежились и почернели, а распахнувшиеся одеяния обнажили их ноги и руки, не имеющие ничего общего с человеческими. Жазмина побледнела и спрятала лицо на широкой груди Конана.

X

КОНАН И ЖАЗМИНА

Конан быстро пересек зал, еще одну комнату и добрался до двери, ведущей на галерею. Заметил, что пол здесь устлан мелкими блестящими осколками. Хрустальная плита, закрывавшая выход, рассыпалась. Киммериец припомнил оглушительный звон, с которым он разбил лежавший на алтаре шар, и догадался, что в тот момент рассыпались все хрустальные вещи в храме, и какое-то неясное, скрытое в подсознании ощущение подсказывало ему правду о печальной связи между Колдунами Черного Круга и золотыми плодами граната. Он ощутил, как по спине пробежали мурашки, и поспешил выбросить все из памяти.

Он вышел на галерею из зеленого нефрита и с облегчением глубоко вздохнул. Ему нужно еще преодолеть расщелину, но, по крайней мере, он уже мог видеть сверкающие на солнце белые вершины и огромные склоны, тонущие в море голубоватого тумана.

Иракзай лежал в том же месте, куда упал: бесформенное пятно на гладкой сверкающей поверхности. Спускаясь вниз крутой тропкой, Конан с удивлением взглянул на солнце, которое еще не миновало зенита, хотя ему казалось, что с момента, когда он вошел в замок Имш, прошли долгие часы.

Он осознавал острую необходимость спешки, им руководила не слепая паника, а инстинктивное чувство опасности. Он ничего не сказал Жазмине, а девушка казалась успокоенной, получив возможность склонить голову на его широкую грудь, чувствуя себя в безопасности в могучих объятиях. Конан на мгновение замер на краю расщелины и, нахмурив брови, глянул вниз. Переливающийся туман в пропасти не был розовым и искрящимся. Он стал мутным, серым и призрачным, как тень жизни в израненном человеке. Киммерийца посетила странная мысль, что колдовство чернокнижников связано с их личностью больше, чем игра актеров с жизнью обычных людей.

Но далеко внизу равнина по-прежнему блестела матовым серебром, а золотая полоса сверкала неугасимым блеском. Конан взвалил Жазмину на плечо, против чего она не возражала, и стал спускаться вниз. Быстро спустился по

платформе и пробежал по отзывающемуся эхом дну распадка. Он был уверен, погони не миновать и единственный шанс уцелеть — как можно быстрее переправиться по узкой полосе, прежде чем раненый властелин подвергнет их какой-либо опасности.

Когда он взобрался на противоположную стену и встал на краю, то вздохнул с облегчением и поставил Жазмину на землю.

— Дальше ты можешь идти сама,— сказал он.— Дорога все время идет под уклон.

Девушка украдкой бросила взор на сверкающую пирамиду по ту сторону: замок Имш вздымался на фоне заснеженного склона как цитадель молчания и зла.

— Конан из Гхора, ты чародей, раз победил Черных Колдунов с Имша? — спросила Жазмина, когда они стали спускаться по тропе.

— Это все пояс, который дал Хемса перед смертью,— ответил киммериец, обнимая крепкой рукой талию девушки.— Да, я нашел его на дороге. Пояс необычный, я покажу тебе, когда придет время. Против некоторых заклятий он оказался бессилен, но очень мне помог, хотя добрый кинжал — самое лучшее заклятие.

— Но раз ты с помощью пояса победил властелина,— сказала Жазмина,— то почему не повезло с ним Хемсе?

Конан покачал головой:

— Кто знает? Хемса был слугой властелина, может, это и ослабило его силы. Надо мной он не имел такой власти, как над Хемсой. Но я бы не сказал, что я победил. Правда, он удрал, но я боюсь, мы с ним еще встретимся. Хочется, чтобы от его владений нас отделяло как можно большее расстояние.

Он обрадовался, найдя стреноженных коней у тамарисков, там, где их оставили. Быстро отвязал их, оседлал черного жеребца и посадил перед собой девушку. Остальные кони, набравшись сил на выпасе, дружно двинулись за ними.

— А что теперь? — спросила она.— В Афгулистан?

— Как бы не так! — грустно улыбнулся он.— Не знаю кто, возможно губернатор, убил семерых моих вождей. Глупцы афгулы думают, будто я причастен к этому, и, пока я не смогу доказать их ошибку, они будут преследовать меня, как раненого шакала.

— А что со мной? Если вожди мертвы, я не нужна тебе больше в качестве заложницы. Ты убьешь меня в отместку за них?

Он окинул ее сверкающим взглядом и рассмеялся, услышав такое нелепое предположение.

— Едем к границе,— сказала она.— Там афгулы тебе угрожать не будут...

— Да, прямо на вендийскую виселицу.

— Но я королева Вендии,— напомнила она ему. В ее голосе на мгновение появились повелительные интонации.— Ты спас мне жизнь. Получишь награду.

Слова прозвучали не так, как она хотела, и лишь привели Конана в негодование.

— Прибереги свои сокровища для придворных лизоблюдов, княжна. Если ты госпожа равнин, то я — господин гор и не сделаю ни шагу к вендийской границе!

— Ты был бы там в безопасности...— заявила она с недоверием.

— А ты вновь стала бы Деви,— прервал он ее.— Нет, благодарю, предпочитаю тебя такой, какой вижу сейчас,— женщиной из плоти и крови, едущей со мной в седле.

— Но ведь ты не можешь меня задержать! — воскликнула она.— Не можешь...

— Подожди и убедишься! — бросил он горько.

— Но я заплатила бы тебе огромный выкуп.

— К демонам твой выкуп! — сказал он грубо, крепче сжимая ее гибкую талию.— Во всем королевстве Вендии не могло бы найтись ничего, что я желал бы так же, как тебя. Я украл тебя, рискуя жизнью, и, если твоя дворня желает вернуть королеву, пусть приезжают в Забар и отнимут силой.

— Но ведь у тебя нет людей! — выкрикнула она.— Тебя преследуют. Как ты защитишь себя, не говоря уже обо мне?

— Есть еще у меня друзья в горах,— ответил он.— Вождь куракчаев спрячет тебя в надежном месте, пока я не договорюсь с афгулами. Если они не захотят меня выслушать, то — клянусь Кромом! — поеду с тобой на север, к степным разбойникам. Прежде чем попасть на Восток, я был их вождем. Я сделаю тебя королевой Вольной Степи!

— Не хочу,— сопротивлялась она.— Ты не можешь меня заставить...

— Если эта идея так тебе неприятна,— сказал он,— почему ты так охотно подставляла свои губы для поцелуев?

— Даже королева может быть всего лишь женщиной,— шепнула она, покраснев.— Я — королева, я должна прежде всего жить интересами моего королевства. Не увози меня в чужие края. Возвращайся со мной в Вендию.

— А ты сделаешь меня своим королем? — спросил он с иронической улыбкой.

— Но обычаи...— замялась она.

— Да, обычаи цивилизованных людей не позволяют тебе сделать то, что ты хотела бы. Выйдешь замуж за какого-нибудь старого, морщинистого короля с равнины, а я поеду своим путем, взяв с собой на память воспоминания о нескольких украденных поцелуях! А?

— Но ты можешь поехать в мое королевство,— беспомощно повторила она.

— Зачем? — спросил он со злостью.— Протирать задом золотой трон и слушать лесть глупо улыбающихся выскочек в бархатных одеяниях? И что тебе это даст? Послушай: я родился в горах Киммерии, где живут варвары. Был наемным воином, корсаром, разбойником. Кто из королей объездил столько стран, провел столько битв, любил стольких женщин и добывал такие трофеи, как я? Приехал в Афгулистан, чтобы собрать орду и опустошить южные королевства, в том числе и твое. То, что я стал вождем афгулов, было лишь началом. Если мне удастся с ними помириться, в течение года за мной пойдет еще с дюжину других племен. Если нет — возвращусь в степь и вместе с разбойниками буду грабить приграничья Турана. А ты поедешь со мной. К демонам твое королевство, обходилось же оно как-то, когда тебя еще не было на свете!

Сидя в седле в его объятиях и глядя ему в лицо, Жазмина чувствовала пробудившееся в душе дерзкое желание, равное по силе его страсти. Но предки, сотни царствовавших поколений, ставили запрет!

— Не могу! Не могу! — бессильно повторяла она.

— У тебя нет выбора,— уверял он ее.— Поедешь... Что такое, разрази меня Кром?!

Имш остался далеко за спиной, теперь они ехали по высокому ребру, разделявшему две долины. Они находились как раз на вершине скального гребня, откуда хорошо была видна долина по правую сторону. Там шла отчаянная битва. Сильный ветер дул им в спины, поэтому шум битвы был плохо слышен, но и так снизу доносился звон сабель и стук копыт.

Тысячи закованных в сталь всадников гнали перед собой отряд потрепанных воинов, которые убегали, как стая волков, огрызаясь на нападавших.

— Туранцы! — воскликнул Конан.— Это отряды из Секундерама. Что они здесь делают, демон их побери?

— А кого они преследуют? — спросила Жазмина.— И почему они так яростно дерутся? При таком преимуществе врага у них нет никаких шансов.

— Это мои сумасшедшие афгулы,— буркнул Конан, хмуря брови.— Они знают, что попали в ловушку.

Действительно, афгулы находились в тупике. Долина постепенно сужалась, переходя в глубокий овраг, заканчивающийся небольшой котловиной, окруженной крутыми, непреодолимыми стенами. Наездников в тюрбанах загоняли в ту расщелину. Не имея другого выхода, они пятились туда шаг за шагом под дождем стрел и градом ударов. Туранцы теснили их решительно, но не слишком сильно. Они знали ярость доведенных до отчаяния горцев и прекрасно понимали безвыходность ловушки. И, узнав, из какого племени воины, они захотели их окружить и принудить сдаться.

Их эмир был человеком дела. Когда он достиг долины Гурашах и обнаружил, что ни противника, ни эмиссара нет на месте встречи, он пошел дальше, доверяя своему знанию гор. Всю дорогу его войско сражалось с враждебно настроенными горцами, и многие деревни теперь зализывали раны. Эмир знал, что, скорее всего, ни он, ни один из его копьеносцев не вернется живым в Секундерам, потому что со всех сторон их окружают враги. Но он собирался выполнить приказ — любой ценой отнять у афгулов Деви и доставить ее Ездигерду в качестве невольницы. А если приказ окажется невыполнимым, с честью погибнуть, отрубив ей голову. Конечно же, обо всем этом пара, глядящая на них с хребта, не имела ни малейшего понятия. Конан вертелся в беспокойстве.

— Почему они, демоны, дали себя загнать в ловушку? — спрашивал он.— Знаю я, что эти псы делали здесь: охотились на меня. Они заглядывали в каждую долину и, прежде чем успели опомниться, попали в ловушку. Несчастные глупцы. Они и в ущелье будут обороняться, но долго не продержатся. Когда туранцы затолкают афгулов в котловину, то сделают с ними что захотят.

Шум снизу усилился. Яростно обороняющиеся афгулы в узком ущелье на короткий миг задержали одетых в броню всадников, которые не смогли бросить на них все свои силы.

Конан мрачно нахмурился и беспомощно завертелся в седле, поигрывая кинжалом. Наконец он сказал без обиняков:

— Деви, я должен пойти туда. Найди какое-нибудь укрытие, где переждешь, пока я вернусь. Ты говорила о своем королевстве... ну, не буду делать вид, что

считаю этих волосатых демонов своими детьми, но, кроме всего прочего, какие ни есть, они мои люди. Вождь никогда не покидает своих, даже если они предают его. Им казалось, они правы, обвиняя меня... К демону, я не буду стоять в стороне и смотреть, как их вырезают! Я все еще вождь афгулов и докажу это! Спущусь вниз в ущелье.

— А я? — запротестовала она.— Ты увез меня из моей страны, а сейчас хочешь покинуть в горах одну?

Конан мучительно раздумывал.

— Это правда,— сказал он грустно.— Кром его знает, что я сейчас должен делать.

Жазмина легко наклонила голову, и на ее прекрасном лице появилось странное выражение.

— Слушай! — вдруг воскликнула она.— Слушай!

Ветер донес до их слуха слабые отзвуки фанфар. Они взглянули в долину с левой стороны и заметили там длинные колонны всадников. Они ехали по дну долины, сверкая на солнце сталью копий и шлемов.

— Вендийская конница!

— Их тысячи! — сказал Конан.— Давно уже кшатрийские отряды не забирались так далеко в горы.

— Они ищут меня! — выкрикнула Жазмина.— Дай мне коня! Я поеду к ним. С левой стороны спуск не такой крутой, можно съехать вниз. Ты иди к своим и скажи, пусть продержатся еще несколько минут. Я направлю конницу в долину и ударю по туранцам! Возьмем их в клещи. Быстрее, Конан! Неужели ты хочешь, чтобы люди погибли из-за твоих желаний?

Его глаза горели дикой страстью, но он соскочил с коня и отдал поводья.

— Ты выиграла,— крикнул он.— Мчи, как тысяча демонов!

Жазмина свернула на склон по левую руку, а он побежал по ребру, пока не достиг длинной потрескавшейся расщелины, в которой кипела битва. Ловко спустился вниз, используя углубления и выступы на скале, чтобы в конце концов спрыгнуть в гущу сражения. Вокруг раздавались крики, лязганье стали и ржание лошадей.

Едва ноги коснулись земли, киммериец завыл, как волк, схватился за украшенную золотом узду, уклонился от удара сабли и вонзил кинжал в сердце всадника. В следующую минуту он уже сидел в седле, выкрикивая яростные приказы ошеломленным афгулам. Они какую-то минуту глядели на него с раскрытыми ртами, потом, видя опустошение, которое он производит среди врагов, вновь принялись драться, без возражений принимая его возвращение. В пылу битвы не было времени на лишние вопросы.

Все новые и новые ряды всадников в остроконечных шлемах и позолоченных кольчугах вступали в ущелье, узкий распадок был полностью забит скопищем людей и коней; сражающиеся сшибались грудь в грудь, отбиваясь короткими ножами, нанося смертельные удары, когда удавалось размахнуться в такой толчее. Упавшие воины уже не поднимались, затоптанные сотней копыт. В такой битве все решала грубая сила, а вождь афгулов имел ее за десятерых. В такие минуты люди охотно подчиняются укоренившимся привычкам, и горцы, привыкшие видеть Конана своим вождем, воспрянули духом.

Но численное преимущество все же имело значение. Напирающие сзади ряды туранской конницы теснили передних в глубь узкого ущелья, под сверкающие лезвия сабель афгулов. Горцы медленно пятились, оставляя за собой горы трупов. Сражаясь и убивая, Конан не переставал задавать себе вопрос, от которого стыла кровь: сдержит ли слово Жазмина? Она ведь могла присоединиться к своим воинам и повернуть на юг, бросив киммерийца и афгулов на верную смерть. Но наконец, когда, казалось, прошли годы мучительного сражения, в звоне стали и криках гибнущих прорезался новый звук. С пением труб, от которого затряслись горы, с нарастающим стуком копыт пять тысяч вендийских всадников ударили по коннице Ездигерда.

Один этот удар разбросал туранские полки по сторонам, разбил их, смял и разогнал по всей долине. В мгновение ока волна атакующих подалась из ущелья, туранцы повернулись, чтобы поодиночке либо группами броситься в омут битвы. Но когда пронзенный кшатрийским копьем эмир сполз на землю, наездники в остроконечных шлемах потеряли боевой дух и, ожесточенно погоняя коней, попробовали прорваться сквозь кольцо нападавших. По мере того как их отряды разбегались, победители-вендийцы бросались за ними в погоню, и вся долина и невысокие склоны были усыпаны отступающими и преследователями. Те из афгулов, которые еще могли держаться в седлах, вырвались из ущелья и присоединились к погоне, без возражений принимая неожиданный союз, так же как они приняли возвращение изгнанного вождя.

Солнце уже пряталось за вершины Химелии, когда Конан в изодранной одежде, в забрызганной кровью кольчуге и с влажным от крови кинжалом в руке прошел через побоище и подошел к Деви Жазмине, ожидавшей его на краю пропасти в окружении своей свиты.

— Деви! — крикнул он.— Ты сдержала слово, хотя, признаюсь, были минуты, когда я думал... Берегись!

Огромный ястреб, как молния, упал с ясного неба, ударом крыла сшибая всадников с седел. Искривленный, как сабля, клюв целил в шею Жазмины, но Конан оказался быстрее: короткий бег, тигриный прыжок, бешеный удар окровавленного кинжала — и ястреб с ужасным человеческим стоном закачался в воздухе, потом рухнул в пропасть, чтобы через тысячу футов разбиться на камнях. Падая и разрезая крыльями воздух, он принял обличье человека в развевающейся черной тоге.

Конан блестящими глазами смотрел на Жазмину. Из многочисленных ран на его мускулистых руках и ногах сочилась кровь.

— И снова ты — Деви,— сказал он, не обратив внимания на столпившийся вокруг нее цвет рыцарства и осклабившись при виде окаймленного золотом, тонкого, как паутинка, покрова, который она набросила на платье горской девушки.— Я должен поблагодарить тебя, ты спасла более трех сотен моих бандитов, которые убедились, что я не предавал их. Благодаря тебе я снова могу думать о завоеваниях.

— Я по-прежнему должна тебе выкуп,— сказала она, глядя на него сверкающими глазами.— Я заплачу тебе десять тысяч штук золота...

Он оборвал ее резким, нетерпеливым жестом и, вытерев кинжал, засунул его в ножны.

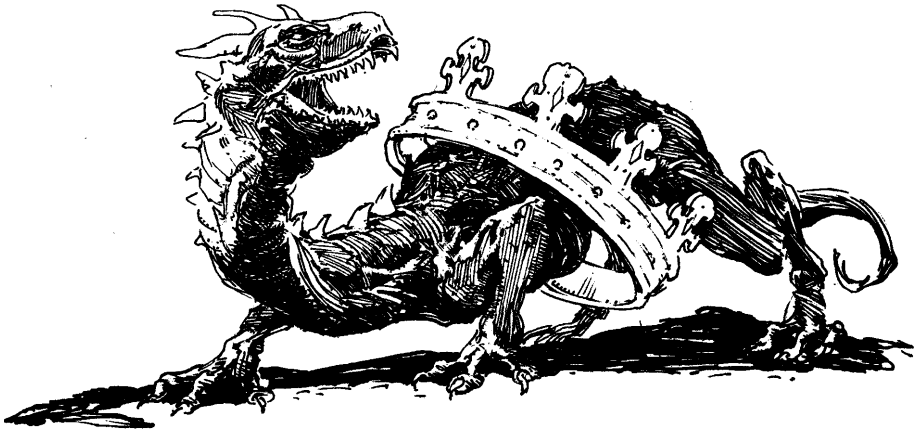
— Я сам возьму выкуп,— заявил он,— и сам определю способ и время оплаты. Я получу его в твоем дворце в Айодии, а приеду туда с пятьюдесятью тысячами воинов,— хочу быть уверенным, что получу все сполна.

Она засмеялась, натянув поводья.

— А я встречу тебя на берегу Юмды со ста тысячами!

Глаза Конана выражали восхищение и восторг, когда он отодвинулся в сторону и повелительным жестом поднял руку, показывая Жазмине — путь свободен.

ЧАС ДРАКОНА

К небу взвивается знамя со львом, падает в гибельный мрак.
С шелестом крыл пролетает дракон, в грозных рожденный ветрах.
Груды пробитых, раздавленных тел, блеск исковерканных лат —
В поле, где с треском ломалось копье, с лязгом крошился булат.
Сон вдруг покинул забытых богов, пыль обвалилась с ресниц,
Ощупью мертвые руки нашли выход из горных темниц.
Звезды бледнеют, предчувствуя ад; смертные обречены.
Час торжества наступает для вас, ночи и страха сыны.

I

СПЯЩИЙ, ПРОБУДИСЬ!

Дрогнуло пламя длинных тонких свечей. По стенам заметались черные тени. Всколыхнулись бархатные занавеси, потревоженные неосязаемым дуновением. Четверо мужчин стояли у стола из черного дерева, на котором покоился зеленый нефритовый саркофаг. В четырех воздетых руках горели зловещим синезеленым огнем черные свечи. Снаружи была ночь, слышался стон ветра, блуждающего меж голых деревьев.

Напряженная тишина царила в чертоге, лишь тени беззвучно метались по стенам. Четыре пары горящих глаз неотрывно смотрели на саркофаг, на поверхности которого корчились таинственные иероглифы, будто оживая в неверном блеске свечей.

Человек, стоявший в изножье саркофага, склонился над ним и повел свечой, словно пером, чертя в воздухе мистический символ. Затем он вставил свечу в подсвечник черненого золота подле саркофага и, пробормотав некую формулу, недоступную слуху сообщников, опустил широкую белую руку в складки ман-

© Перевод М. Семёновой.

тии, отороченной мехом. Когда он извлек руку, всем показалось, будто он держит на ладони сгусток живого огня.

Трое других приглушенно ахнули.

— Сердце Аримана! — прошептал темноволосый крепкий мужчина, стоящий у изголовья саркофага.

Державший камень тотчас вскинул руку, призывая всех к тишине.

Где-то далеко тоскливо завыла собака, по ту сторону надежно запертых дверей послышались крадущиеся шаги. Но ни один из четверых не отвел взгляда от крышки саркофага, над которой человек в отделанной горностаями мантии водил в воздухе огромным пламенеющим камнем, вполголоса произнося заклинание. Слова заклинания были древними еще в те времена, когда море сомкнулось над Атлантидой. Сияние камня слепило глаза; никто не понял, что именно произошло, но резная крышка с внезапным грохотом разлетелась на части, раздробленная чудовищной силой, рвущейся изнутри. Четверо мужчин тотчас склонились над саркофагом, с жадностью разглядывая сморщенную, иссохшую мумию. Сквозь истлевшие повязки виднелась бурая кожа, туго натянутая на кости. Руки и ноги мумии походили на ветви мертвого дерева.

— И ты хочешь оживить это? — Коротышка, стоящий по правую руку, сопроводил свои слова коротким язвительным смешком.— Да оно же рассыпется от прикосновения! Мы глуп...

— Тихо! — повелительно прошипел держащий огненную драгоценность.

Его глаза были расширены, на высоком бледном лбу выступил пот. Он наклонился и, не прикасаясь руками, опустил на грудь мумии пламенеющий камень. Потом отступил назад, не сводя с нее напряженного, почти яростного взгляда. Его губы шевелились, беззвучно произнося слова волшебства.

Сияющий камень, мерцая, сверкал на безжизненной, иссохшей груди. Но вот смотревшие изумленно втянули воздух сквозь плотно сжатые зубы. Ибо прямо на глазах у них началось жуткое преображение. Мумия начала расти, наливаться, обретая плоть. Повязки рвались на ней, рассыпаясь коричневой пылью. Распрямлялись усохшие члены. Постепенно светлела бурая кожа...

— О Митра! — прошептал стоящий слева высокий желтоволосый мужчина.— По крайней мере, он не был стигийцем! Хотя бы в этом мы не ошиблись.

И вновь воздетый палец, дрожа, призвал к тишине. Собака снаружи больше не выла. Она скулила, словно ей приснился дурной сон; потом стих и скулеж, зато желтоволосый явственно расслышал скрип двери — так, словно с той стороны на нее навалилась неодолимая сила. Он уже начал поворачиваться, протягивая руку к мечу...

— Остановись! — прошипел человек в горностаевой мантии.— Не разрывай цепи! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Пожав плечами, желтоволосый повернулся обратно — и замер, потрясенный увиденным. В нефритовом саркофаге лежал живой человек — высокий, хорошо сложенный, нагой мужчина с белой кожей, темными волосами и бородой. Он лежал неподвижно, открытые глаза были бессмысленны, точно у новорожденного. Камень искрился и пылал у него на груди.

Человек в горностаях слегка пошатнулся, точно сбрасывая с плеч непосильную тяжесть.

— О Иштар! — выдохнул он.— Он в самом деле Ксальтотун! И действительно ожил! Валерий, Амальрик, Тараск! Вы видите? Видите? Вы сомневались во мне, но я справился! Да, нынче мы вплотную приблизились к раскрывшимся вратам преисподней, силы тьмы дышали нам в спину — о, они до последнего следовали за ним. И все-таки мы сделали это! Мы вернули к жизни величайшего из колдунов...

— И несомненно, обрекли свои души на вечную муку,— пробормотал смуглый коротышка Тараск.

Желтоволосый Валерий рассмеялся резким, неприятным смехом:

— Какие муки могут быть горше жизни? Считай, все мы прокляты с колыбели. Да и кто откажется продать свою жалкую душонку за трон?

— В его взгляде нет разума, Ораст,— сказал здоровяк.

— Он только что пробудился,— ответил Ораст.— Разум еще пуст после долгого сна... какое там сна — ведь он был мертв! Мы вызвали его дух из бездны тьмы и забвения. Надо поговорить с ним.

Он наклонился над саркофагом и, вперив взгляд в широко раскрытые темные глаза лежавшего внутри, медленно произнес:

— Пробудись, Ксальтотун!

Губы воскрешенного дрогнули и шевельнулись.

— Ксальтотун? — повторил он неуверенным шепотом, словно ощупывая перед собою дорогу.

— Ты — Ксальтотун! — старательно убеждал Ораст ожившего колдуна.— Ты — Ксальтотун из Пифона, города в Ахероне.

Далекое пламя встрепенулось в темных глазах.

— Я тот, кто был Ксальтотуном,— послышался шепот.— Я мертв.

— Ты — Ксальтотун! — вскричал Ораст.— Ты не мертв более. Ты — жив!

— Я — Ксальтотун,— жутко прошелестело в ответ.— Но я умер. Там, в Стигии, в городе Кеми, в своем доме.

— И отравившие тебя жрецы забальзамировали твое тело, не тронув ни единого органа! — воскликнул Ораст.— Велико было их черное искусство, но теперь ты снова живешь! Сердце Аримана вернуло тебе жизнь, возвратив твой дух из пустых пространств вечности.

— Сердце Аримана! — Огонек воспоминания разгорелся ярче.— Варвары похитили у меня...

— Память возвращается к нему,— пробормотал Ораст.— Поднимите его из саркофага!

Остальные повиновались после некоторого колебания. Нехотя прикоснулись они к ими же воссозданному человеку. Их пальцы ощутили твердую, мускулистую плоть, пышущую полнокровной жизнью, но легче от этого никому почему-то не стало. И все-таки они усадили древнего колдуна. Ораст же обрядил его в темно-фиолетовую мантию, усыпанную золотыми звездами и полумесяцами, а потом повязал ему на голову златотканую ленту, перехватив волнистые черные пряди, падающие на плечи. Оживший не воспротивился ни словом, ни жестом; дал усадить себя в высокое кресло, напоминавшее трон, с высокой спинкой черного дерева, серебряными подлокотниками и ножками в виде когтистых позолоченных лап. Он сидел неподвижно, лишь в темных глазах медленно разгорался разбуженный разум. Казалось, два затонувших светоча всплыва-

ли со дна бездонных колодцев, наполняя странным свечением полонившую их тьму.

Ораст исподтишка покосился на сообщников, с болезненным интересом вглядывавшихся в своего удивительного гостя. У этих людей были железные нервы: они выдержали испытание, способное свести с ума человека менее закаленного. Ораст знал с самого начала: он сговаривался с воинами, чье проверенное мужество не уступало способности к злу, которая таилась в их душах, и необузданному властолюбию, способному смести любые законы. Ораст вновь обратил взгляд на человека, занявшего черный трон. Как раз в это время тот наконец заговорил.

— Я помню...— произнес он сильным, звучным голосом по-немедийски, со странным архаичным акцентом.— Я — Ксальтотун. Я был верховным жрецом Сета в городе Пифона, что в Ахероне. Сердце Аримана... мне приснилось, будто оно снова обретено. Где оно?

Ораст вложил кристалл ему в руку, и великий маг глубоко вздохнул, вглядываясь в глубины камня, пылающего у него на ладони страшным огнем.

— Давным-давно Сердце похитили у меня,— проговорил он.— Алое Сердце ночи, властное спасти или проклясть. Издалека прибыло оно, из дальних времен. Никто не мог противостоять мне, пока оно находилось у меня. Но его похитили, и пал Ахерон, я же изгнанником бежал в мрачную Стигию. Я многое помню, но многое и позабыл... Я пребывал в далеком краю, за непроницаемыми туманами, за безбрежными океанами мрака. Какой теперь год?

— Завершается год Льва,— ответил Ораст,— со времени падения Ахерона минуло три тысячи лет.

— Три тысячи лет! — пробормотал маг.— Так долго! Но кто вы такие?

— Я — Ораст, бывший когда-то жрецом Митры. Он — Амальрик, барон Тора, что в Немедии, это — Тараск, младший брат немедийского короля, а высокий молодой человек — Валерий, законный наследник престола Аквилонии.

— Зачем вы вернули меня к жизни? — спросил Ксальтотун.— Чего вы от меня хотите?

Теперь не могло быть никакого сомнения — он воистину ожил: пристальный взгляд говорил о деятельной работе ясного, бодрствующего ума. Да и в поведении не осталось и намека на неуверенность и сомнение. Его вопрос был прям: должно быть, он хорошо знал — люди не склонны давать что-либо даром. Ораст ответил ему с той же прямотой:

— Сегодня мы отворили врата преисподней и, освободив твою душу, вернули ее в тело, ибо нам нужна твоя помощь. Мы хотим, чтобы Тараск взошел на трон Немедии, а Валерий завладел короной Аквилонии. Твое искусство некроманта должно нам помочь.

Но цепкий ум Ксальтотуна не пропускал ни единой мелочи.

— Ты, Ораст, и сам наверняка не новичок в нашем искусстве, раз уж сумел меня воскресить. Как вышло, что жрец Митры умело пользуется Сердцем Аримана и заклинаниями Скелоса?

— Я более не жрец Митры,— ответил Ораст.— Занятия черной магией послужили причиной моего изгнания из Ордена. Если бы не присутствующий здесь Амальрик, меня, всего вероятнее, сожгли бы как колдуна. Лишение жреческого сана, однако, развязало мне руки, и я приступил к дальнейшим занятиям.

Я объехал Замору, Вендию и Стигию, я прошел населенные призраками джунгли Кхитая. Я читал книги Скелоса, переплетенные в железо, спускался в глубочайшие колодцы и беседовал с незримыми существами. Безликие видения говорили со мной в смрадной черноте джунглей. Наконец во внутренней Стигии, в посещаемых демонами подземельях гигантского храма Сета, мне попался на глаза твой саркофаг. Я изучил искусство, способное вдохнуть жизнь в твое иссохшее тело. Изъеденные плесенью манускрипты поведали мне о Сердце Аримана... Целый год потратил я на его поиски — и вот оно здесь!

— Тем непонятнее, зачем тебе понадобилось возиться со мной.— Ксальтотун не сводил с Ораста пронизывающего взгляда.— Почему ты сам не использовал силу, заключенную в Сердце?

— Потому,— ответствовал жрец,— что сегодня его секретов не знает никто. Даже легенды прошлого ни единым намеком не говорят о том, как пробудить мощь камня. Я знал только одно — Сердце способно возвратить жизнь, но бóльшие откровения мне недоступны. Я смог использовать его лишь для того, чтобы воскресить тебя. Нам нужны твои познания, Ксальтотун. Лишь ты знаешь Сердце и его жуткие тайны!

Ксальтотун покачал головой, задумчиво вглядываясь в рдеющие глубины камня.

— Мои некромантические познания в самом деле превосходят познания всех прочих людей, вместе взятых,— сказал он наконец.— Но и я в полной мере не овладел силой кристáлла. В прежней жизни я и не пытался взывать к Сердцу — лишь хранил его, чтобы оно не было использовано против меня. Когда же по прошествии лет камень все-таки похитили, то в руках убранного перьями шамана дикого племени оно развеяло всю мою магическую мощь... Потом Сердце исчезло неведомо куда, я же был отравлен стигийскими жрецами, так и не успев его отыскать.

— Оно хранилось в пещере под храмом Митры в Тарантии,— сказал Ораст.— Найдя твои останки в подземном храме Сета, я одолел еще немало извилистых путей, прежде чем мне удалось обнаружить Сердце. Заморийские воры, отчасти защищенные моими заклятиями,— лучше не упоминать, где я их вычитал,— выкрали твой саркофаг из самых когтей тех, что охраняли его во мраке. Долго путешествовал он с караваном верблюдов, на галере, на повозке, запряженной быками, и прибыл наконец сюда, в этот город. Те же воры — вернее, уцéлевшие в исполненном ужасов путешествии — похитили и Сердце Аримана из охраняемой демонами пещеры под храмом Митры. Вся их ловкость, все могущество моих заклинаний едва не оказались бессильны... Лишь один сумел выбраться живым из проклятого подземелья. Из рук в руки передав мне камень, он умер в мучениях, пытаясь в предсмертном бреду рассказать все ужасы, представшие его глазам... Во всем свете нет людей, столь же верных данному слову, как заморийские воры! И даже с помощью моих заклинаний никто, кроме них, не был способен выкрасть Сердце из тайника, в котором демоны тьмы стерегли камень три тысячи лет со дня падения Ахерона!

Откинув голову, Ксальтотун уставился немигающим взглядом в пространство, словно пытаясь прозреть минувшие века.

— Три тысячи лет! — повторил он.— Сет всемогущий! Поведайте же мне, что переменилось в мире!

— Варвары, уничтожив Ахерон, основали новые королевства,— начал рассказывать Ораст.— На развалинах империи возникли три державы — Аквилония, Немедия и Аргос, называемые так по основавшим их племенам. Древние королевства Офира, Коринфии и западного Кофа, подчинявшиеся когда-то ахеронским владыкам, с распадом империи вновь обрели независимость.

— Что же сталось с ахеронским народом? — спросил Ксальтотун.— Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в руинах и сандалии варваров попирали залитые кровью города Ахерона — великие города!

— В горах еще живут разрозненные племена, которые похваляются, будто ведут свой род от ахеронцев,— ответил Ораст.— Все остальные были сметены с лица земли моими предками-варварами. Видишь ли, они достаточно натерпелись в те времена от королей Ахерона.

Жестокая и жуткая улыбка искривила губы пифонца.

— О̀да! Множество варваров — мужчин и женщин,— крича от ужаса, умерло на алтарях под этой самой рукой! Я видел, как на главной площади Пифона складывались пирамиды из их голов, когда короли возвращались из походов на запад, везя добычу и ведя толпы нагих пленников.

— О да,— кивнул головою Ораст.— И когда настал день возмездия, мечи не ведали отдыха. Итак, Ахерон пал, а Пифон с его пурпурными башнями стал всего лишь полузабытой легендой. Но на руинах родились и возвысились юные королевства. И вот мы вызвали тебя из прошлого, дабы ты помог нам управлять этими королевствами. Быть может, ты не найдешь в них чудес древнего Ахерона, и все-таки они могучи, богаты и вполне заслуживают того, чтобы сражаться за них. Смотри! — И Ораст развернул перед магом карту, с немалым искусством нарисованную на тонком пергаменте.

Ксальтотун, только взглянув, в изумлении встряхнул головой:

— Я смотрю, изменились самые очертания земли! Так нечто знакомое иной раз видишь во сне неузнаваемо искаженным...

— И тем не менее,— указывая пальцем, продолжал Ораст,— вот Бельверус, столица Немедии, где мы ныне находимся. А вот здесь пролегли границы Немедии. На юге и юго-востоке лежат Офир и Коринфия, к востоку — Бритуния, а на западе — Аквилония.

— Это карта мира, который мне совсем незнаком,— еле слышно прошептал Ксальтотун.

Но от Ораста не укрылся зловещий огонек ненависти, промелькнувший в темных глазах.

— Это карта мира, который ты поможешь нам изменить,— сказал он магу.— Для начала нам требуется посадить Тараска на трон Немедии. Мы хотим достичь сего без борьбы и таким образом, чтобы даже тени подозрения не пало на нашего ставленника. Нам не нужна гражданская война, она опустошила бы страну. А нам следует беречь силы для завоевания Аквилонии. Если король Немедии и его сыновья умрут естественной смертью — скажем, от чумы,— Тараск, будучи ближайшим наследником, взойдет на трон без какого-либо сопротивления.

Ксальтотун молча кивнул, и Ораст продолжил:

— Следующая наша задача много трудней. Невозможно возвести Валерия на аквилонский трон без войны. Между тем эта страна очень грозный противник. Она населена воинственным и стойким народом, закаленным в постоянной борьбе с пиктами, зингарцами и киммерийцами. Пятьсот лет Аквилония и Немедия то и дело воюют между собой, и последнее слово неизменно оставалось за аквилонцами. Теперешний же их король — самый знаменитый воин западных стран. Он чужестранец, обычный искатель приключений, силой захвативший корону во время народной смуты. Собственными руками он задушил короля Нумедидеса прямо на троне. Его имя Конан. Говорят, в бою перед ним не может выстоять ни один человек. Истинным наследником аквилонского трона остается Валерий: он состоит в родстве с прежней династией, но был сослан Нумедидесом и много лет прожил в изгнании. Тем не менее многие аквилонские бароны втайне приветствовали бы свержение Конана, ибо в нем нет ни капли благородной крови, не говоря уже о королевской. Увы, простые люди и дворянство внешних провинций верны Конану беззаветно. И все-таки, если войска Конана будут разгромлены в неизбежном сражении, а сам он убит, полагаю, сделать Валерия королем будет нетрудно. Ведь Конан не принадлежит к какой-либо династии — он всего лишь авантюрист-одиночка!

— Хотел бы я взглянуть на этого короля,— задумался Ксальтотун, поглядывая на серебристое зеркало, вставленное в стенную панель.

В зеркале ничего не отражалось, но, судя по выражению лица Ксальтотуна, он прекрасно понимал его назначение. Ораст кивнул головой с гордостью ремесленника, удостоившегося похвалы великого мастера.

— Постараюсь показать,— сказал он.

И, усевшись перед зеркалом, принялся вглядываться в стеклянные недра, где через некоторое время замаячила смутная тень. Со стороны это могло показаться чудом, но Ксальтотун знал, что зеркало всего лишь отражало мысль Ораста — точно так же, как магический кристалл воплощает идею волшебника.

Расплывчатая тень неожиданно обрела удивительно ясные очертания. Взглядам смотревших предстал широкоплечий гигант, разодетый в шелка и бархат, как и положено королю: царственные львы Аквилонии горели золотом у него на груди, а густую гриву черных волос венчала корона. Но под шелками перекатывались железные мышцы, и громадный меч у бедра подходил ему гораздо

больше, нежели королевские атрибуты. Под широким лбом горели неукротимым пламенем ярко-синие глаза. Его лицо было лицом воина: смуглое, иссеченное шрамами, оно выглядело достаточно зловеще, а бархатные одежды не могли скрыть грозной, стремительной мощи.

— Этот человек не принадлежит к хайборийской расе! — воскликнул Ксальтотун.

— Он киммериец, один из тех дикарей, что живут на севере, на окутанных мглою горах.

— Когда-то мне приходилось сражаться с его предками,— пробормотал Ксальтотун.— Даже короли Ахерона не сумели их покорить...

— Они и по сей день остаются сущим проклятием для южных соседей,— ответил Ораст.— Конан же — истинный сын своего народа. До сих пор его никто не мог победить.

Ксальтотун промолчал. Он смотрел вниз, в алое пламя, трепетавшее и бившееся у него на ладони. Снаружи опять завыла собака — протяжно, с безысходной тоской...

II

ДУНОВЕНИЕ ТЬМЫ

Начало года Дракона ознаменовалось войной, мором и смутой. Тень смерти бродила по улицам Бельверуса, не щадя ни купца за прилавком, ни раба в его хижине, ни рыцаря за пиршественным столом. Лекари беспомощно разводили руками, в народе же говорили, что адское наказание ниспослано свыше — за грехи прелюбодеяния и гордыни. Болезнь разила по-змеиному смертоносно и быстро. Тело жертвы покрывалось лиловыми пятнами, затем быстро чернело.

Несколько минут — и человек валился наземь в агонии и, прежде чем смерть уносила прочь душу, успевал ощутить смрад гниения собственного тела. Жаркий южный ветер завывал над страной, в полях иссыхал урожай, скот падал и не мог больше подняться.

Люди в слезах призывали Митру, бога солнечной справедливости, и шепотом винили во всем короля. Ибо по Немедии прошел слух, будто в ночной тиши дворца Нимед совершал запретные обряды и предавался отвратительным оргиям. А потом смерть, ухмыляясь, вступила и во дворец, и жуткие испарения клубились у ее ног. В одну ночь умерли король Нимед и трое его сыновей, и грохот траурных барабанов заглушил мрачное позвякивание колокольчиков на тележках, что тащились по улицам, подбирая разлагающиеся трупы...

В ту же ночь, перед самым рассветом, губительный ветер, дувший несколько недель кряду, перестал зловеще шуршать шелковыми занавесками. С севера примчался ураган и с ревом обрушился на городские башни. Молнии слепили глаза, чудовищный гром сотрясал землю и небо, стеной надвигался ливень. Утро, однако, занялось чистое, умытое и зеленое; обожженная зноем земля на глазах укутывалась травой, жаждущие хлеба напились и воспряли, и — самое главное — прекратился мор: могучий ураган бесследно развеял заразу.

По мнению народа, боги удовлетворились гибелью нечестивого Нимеда и его потомства. И когда Тараск, младший брат покойного, венчался на царство в громадном коронационном зале, башни Бельверуса содрогались от восторженных криков толпы. Немедийцы были счастливы — теперь на трон взошел король, на котором пребывала милость богов.

Вихрь праздничного веселья и воодушевления прокатился из конца в конец по стране; не стоит удивляться, когда следом за подобными вспышками разражается завоевательная война. Никто и не удивился, когда король Тараск отменил перемирие, заключенное предшественником с западным соседом, и начал собирать войска для нападения на Аквилонию. Глашатаи на всех перекрестках кричали о благородных целях этой войны. Король Тараск намеревался заступиться за Валерия, объявляя его единственным законным престолонаследником. Не врагом, но другом шел он на Аквилонию, желая спасти народ от тирании узурпатора, к тому же чужестранца.

Кое-кто, конечно, криво усмехался, выслушивая подобное; кое-где передавался из уст в уста некий слушок, касавшийся закадычного королевского друга Амальрика, чье неизмеримое личное богатство, похоже, щедрой рукой лилось в изрядно-таки поиздержанную казну дворца... Но таков был почти религиозный восторг черни, боготворившей Тараска, что мало кто обращал внимание на подобные разговоры. А если иные умные головы и посещала грешная мысль — уж не Амальрик ли истинный правитель Немедии?..— у таких умников хватало осторожности не высказываться вслух. Так что подготовка к войне шла своим чередом при полном одобрении народа.

Собрав союзников, король двинулся на запад во главе пятидесятитысячного войска. Сверкали рыцарские доспехи, развевались над гордыми шлемами цветные султаны, мерно шагали арбалетчики в кожаных куртках и копейщики в нагрудниках и стальных касках. Вступив в аквилонские пределы, они взяли пограничный замок и сожгли три деревеньки в горах. Но всего в десяти милях от гра-

ницы, в долине реки Валкий, перед ними стеной встали войска Конана, короля Аквилонии,— сорок пять тысяч рыцарей, лучников и простых воинов, цвет и слава аквилонского оружия. Лишь рыцари Пуатена, ведомые графом Троцеро, еще не подоспели из отдаленного юго-западного угла королевства, где лежали их земли. Тараск ударил без предупреждения: нашествие последовало сразу за его воззваниями к народу, без объявления войны.

Два войска расположились друг против друга в обширной неглубокой долине, окаймленной отвесными скалами. Берега обмелевшей реки, извивавшейся по дну долины, заросли ивами и тростником. Слуги и повара с обеих сторон, идя за водой, выкрикивали оскорбления и кидались камнями через реку.

Последние лучи солнца играли на золотом, с вышитым алым драконом знамени Немедии. Оно развевалось на ветру у палатки короля Тараска на холмике возле утесов, ограничивающих долину с востока. Но тень западных скал широким пурпурным покровом окутала шатры аквилонцев и черный с золотым львом стяг, реявший над палаткой их короля.

Ночью по всей долине горели костры, а ветер нес зов боевых труб, лязганье оружия и резкие оклики часовых, которые шагом разъезжали туда и сюда вдоль заросших плакучими ивами берегов.

Содрогнувшись всем телом, проснулся король Конан и с коротким криком вскинулся на постели, хватаясь в предрассветном мраке за меч. Полководец Паллантид, вбежавший в шатер, обнаружил своего короля сидящим на ложе — а ложе это, правду сказать, представляло собою всего лишь шелк и меха, брошенные на деревянный топчан. Ладонь Конана сжимала рукоять меча, на необычно побледневшем лице блестели капли пота.

— Государь! — воскликнул Паллантид.— Что случилось?

— Что в лагере? — спросил Конан.— Часовых выставили?

— Пятьсот всадников не спускают глаз с реки, государь,— ответствовал полководец.— Немедийцы не пробовали воспользоваться темнотой. Как и мы, они ждут рассвета.

— О Кром! — пробормотал Конан.— Я проснулся с таким чувством, точно злой рок готов свершиться надо мною в ночи.

И он поднял глаза к огромному золотому светильнику, заливающему мягким сиянием ковры и бархатные занавеси, составлявшие убранство большого шатра. Они с Паллантидом были одни — никакой паж или слуга не спал на коврах возле королевского ложа. Но глаза Конана горели тем особым огнем, что вспыхивал в них в минуты величайшей опасности, а меч подрагивал в могучей руке.

— Прислушайся! — прошипел король.— Слышишь? Крадущиеся шаги...

— Семь рыцарей охраняют твой шатер, государь,— сказал Паллантид.— Никто не сможет приблизиться к нему незаметно.

— Снаружи — да,— проворчал Конан.— Но, по-моему, шаги раздавались внутри!

Изумленный Паллантид быстро обежал глазами шатер. По углам бархатные занавеси тонули в густой тени, и тем не менее, если бы там прятался кто-нибудь лишний, полководец разглядел бы. Он покачал головой:

— Здесь никого нет, господин мой. Да и откуда бы? Ты спишь посреди верного тебе войска.

— Я видел, как смерть поразила короля посреди тысячной толпы,— пробормотал Конан.— Она кралась незримо...

— Должно быть, государь, тебе сон привиделся,— в немалом смущении сказал Паллантид.

— Вот именно,— буркнул Конан.— И страшен был этот сон. Нынче ночью я заново прошагал весь тот долгий и трудный путь, что привел меня к аквилонской короне.

Он умолк. Паллантид смотрел на него, не решаясь заговорить. Король оставался неразгаданной загадкой для полководца, как, впрочем, и для большинства своих цивилизованных подданных. Паллантид знал: много странных и страшных дорог было в богатой на приключения жизни короля, прежде чем каприз судьбы усадил его на аквилонский престол!

— Я вновь видел поле битвы, на котором родился,— задумчиво подперев огромным кулаком подбородок, заговорил Конан.— Я видел себя в набедренной повязке из шкуры пантеры, мечущим копье в горного зверя. Я снова был наемником, гетманом козаков с реки Запорожки, корсаром, опустошавшим берега Куша, пиратом с Барахских островов и вождем горцев Химелии... Все эти люди, которыми я когда-то был, прошли передо мною в ночи, и шаги их отбивали мне похоронный марш по гулкой земле. И клубились, летя сквозь мой сон, ужасные призраки, и далекий голос издевался надо мной... Под конец же я увидел себя лежащим на своей постели, а надо мной склонилась бесформенная фигура, закутанная в покрывало. Я не мог шевельнуться... и вот откинулся капюшон, и ухмыляющийся череп уставился мне в лицо. Тогда-то я и проснулся!

— Недобрый сон, государь,— поневоле содрогнувшись, сказал Паллантид.— Но это всего лишь сон, и не более!

Конан покачал головой, не отрицая, но и не соглашаясь. Он происходил из варварского народа и, соприкоснувшись с цивилизацией, отнюдь не утратил инстинктов и суеверий, унаследованных от предков.

— Я видывал немало дурных снов,— сказал он,— и большинство их было бессмысленно. Но, клянусь Кромом, нынешний не таков! Хотелось бы мне, чтобы скорей началась и кончилась эта битва, и кончилась победоносно. Дурное предчувствие снедает меня с тех самых пор, как от черного мора скончался король Нимед. Почему с его смертью прекратился мор?

— Люди говорят, его непотребства...

— Люди, как обычно, глупы,— перебил Конан.— Если бы мор поразил всех, кто грешил,— именем Крома, некому было бы пересчитывать уцелевших! Жрецы внушают нам, что боги справедливы,— так если мор послали в наказание королю, с какой стати богам поражать пять сотен крестьян, купцов и дворян прежде, чем добраться до Нимеда? Или они разили вслепую, подобно воинам, угодившим в туман? Клянусь Митрой! Если бы я действовал так же, у аквилонцев давно уже был бы новый король! Нет, Паллантид, черный мор не обыкновенная зараза. Я знаю: он таится во тьме стигийских гробниц, и лишь маги способны его вызывать. Я был воином в армии принца Альмарика и участвовал в стигийском походе. Из тридцати тысяч воинов пятнадцать тысяч пали под стигийскими стрелами, а остальных унес точно такой же мор, налетевший с юга на крыльях черного ветра. Я единственный, кто остался в живых.

— Но в Немедии умерло всего лишь пять сотен,— возразил Паллантид.

— Тот, кто вызвал мор, сумел и остановить его по своей воле,— отрезал Конан.— Я уверен, за всем этим таится какой-то план. Кто-то распространил мор, а затем прекратил... когда Тараск благополучно взошел на трон, приветствуемый как избавитель страны от гнева богов! Кром! Нет, здесь не обошлось без могучего и насквозь черного разума. Скажи-ка мне, что говорят о том чужестранце, с которым, по слухам, все время советуется Тараск?

— Его лицо скрыто вуалью,— отвечал Паллантид.— Говорят, он чужестранец, прибывший из Стигии.

— Из Стигии! — хмурясь, повторил Конан.— Я бы сказал, скорее из преисподней... Э, а это еще что такое?

— Трубы немедийцев! — вскричал Паллантид.— А теперь и наши трубят! Наступает рассвет, государь, полководцы выстраивают войска для битвы! Да пребудет над нами благословение Митры, ибо многие уже не увидят, как солнце опустится за хребты...

— Оруженосцев ко мне! — Конан быстро вскочил на ноги, сбрасывая бархатный халат; близость боя, казалось, рассеяла мрачные предчувствия короля.— Иди к войску и проследи, все ли готово. Я подойду, как только надену доспехи.

Цивилизованные люди, которыми он повелевал, никак не могли объяснить себе иные привычки своего короля — в частности, его настойчивое стремление ночевать одному в покое или шатре. Паллантид вышел, лязгая доспехами, надетыми еще в полночь. Быстрым взглядом окинул пробудившийся лагерь: повсюду звякали кольчуги, меж длинных рядов палаток шевелились неясные тени людей. Звезды еще украшали западную половину неба, но на востоке уже трепетали розовые знамена рассвета, и на их фоне вздымались и опадали шелковые складки немедийского флага с вышитым на нем драконом.

Покинув Конана, Паллантид направился к небольшой палатке поблизости, в ней ночевали королевские оруженосцы. Разбуженные трубами, они один за другим выскакивали наружу. Паллантид как раз собирался поторопить их, но не успел. Из шатра короля послышался крик и тотчас же звук тяжелого удара, а потом — шум падения тела... и негромкий, медленный смех, от которого кровь заледенела в жилах отважного полководца.

Паллантид крутанулся на месте и кинулся обратно в шатер. Крик вырвался у него, когда он увидел могучего государя беспомощно распростертым на коврах. Громадный двуручный меч короля лежал у самой ладони: шатровый столб, перерубленный пополам, красноречиво говорил о том, куда был направлен удар. Паллантид на всякий случай выхватил из ножен собственный меч и тщательно осмотрел все углы. Однако шатер оказался пуст — так же пуст, как и тогда, когда он из него выходил.

— Государь!

Паллантид бросился на колени подле сраженного великана.

Глаза Конана были широко раскрыты. Он узнал верного полководца, губы его шевельнулись, но не смогли издать ни звука. И похоже, он не мог пошевелиться.

Снаружи донеслись голоса. Паллантид быстро поднялся и шагнул к дверной занавеске. Перед ней в ожидании стояли королевские оруженосцы и один из рыцарей, охранявших шатер.

— Мы слышали крик,— извиняющимся тоном обратился к Паллантиду рыцарь.— Надеюсь, с королем ничего не случилось?

Паллантид смерил его пристальным взглядом:

— Ты уверен, что ночью никто не входил в шатер и не выходил из него?

— Никто, кроме тебя, господин мой,— отвечал рыцарь.

У Паллантида не было причин сомневаться в честности охранника.

— Король споткнулся и выронил меч,— коротко сообщил он.— Отправляйся на место.

Когда рыцарь удалился, полководец незаметно поманил к себе шестерых оруженосцев и, впустив их внутрь, плотно задернул вход. Юноши как один побледнели при виде распростертого на полу короля. Быстро вскинув руку, Паллантид заставил их сдержать восклицания.

Сам он вновь склонился над Конаном. Тот страшным усилием сумел оторвать голову от земли. Жилы вздулись на висках и на шее, но все-таки он проговорил, вернее, невнятно пробормотал:

— Тварь... тварь, там, в углу!

Паллантид в ужасе огляделся. Но пламя светильника озарило лишь бледные лица оруженосцев, разбрасывая по углам шатра бархатные тени... Пусто!

— Там ничего нет, государь,— сказал Паллантид.

— Было... там, в углу,— с трудом выговорил король, мотая головой в тщетной попытке подняться.— Человек... или что-то похожее на человека... весь в повязках, как мумия... в истлевшем плаще с капюшоном... Я видел только глаза... он прятался там, в темном углу. Я и его сначала принял за тень, но успел разглядеть глаза. Они блестели, будто два черных алмаза! — Речь короля постепенно становилась яснее.— Я бросился на него, занося меч, но промахнулся вчистую — одному Крому известно, как такое могло произойти! — и снес столб. На миг я потерял равновесие, и он перехватил мое запястье... его пальцы жгли, словно раскаленное железо... Вся сила тотчас покинула меня, а пол словно взметнулся навстречу и ударил, точно дубиной. Он исчез... я остался лежать... будь он проклят, я не могу пошевелиться!

Паллантид поднял бессильную руку исполина, и мурашки побежали у него по спине. На запястье короля синели отметины длинных, тонких пальцев. Что за рука могла оставить подобный след на столь ширококостном, мускулистом запястье? Паллантид припомнил жуткий, медленный смех, который послышался ему, когда он вбегал в шатер, и капли холодного пота выступили на лбу полководца. Смеялся не Конан!

— Демон...— прошептал один из оруженосцев.— Люди говорят, дети тьмы сражаются на стороне Тараска...

— Тихо! — сурово прервал его Паллантид.

Снаружи меркли звезды, уступая рассвету. С гор потянул легкий ветерок и донес согласный клич тысячи труб. При этом звуке жестокая судорога прошла по телу поверженного гиганта. Вновь мучительно вздулись жилы на висках — Конан силился разорвать невидимые оковы, но не хватало сил.

— Наденьте на меня латы... привяжите меня к седлу! — прошептал он.— Я еще поведу вас в атаку!

Паллантид покачал головой.

— Господин...— Один из оруженосцев коснулся одежды полководца.— Если все узнают о том, что стряслось с государем, мы пропали. Только он мог повести нас сегодня к победе.

— Помогите мне перенести его на постель,— сказал полководец.

Юноши повиновались. Заботливо опустили они беспомощного исполина на меховое ложе и укрыли шелковым плащом. Тогда Паллантид повернулся к шестерым оруженосцам и долго вглядывался в их бледные лица, прежде чем заговорить.

— Запечатаем наши уста печатью молчания: никто не должен узнать о происшедшем здесь, в шатре,— сказал он наконец.— Ибо от этого зависит судьба Аквилонского королевства! А теперь пусть один из вас приведет сюда Валанна, предводителя пеллийских копейщиков.

Оруженосец, к которому он обращался, поклонился и поспешил вон. Паллантид остался у постели короля. Между тем снаружи ревели трубы, грохотали барабаны, взлетал к рассветному небу гомон многих тысяч людей. Спустя некоторое время вернулся оруженосец и привел с собой человека — высокого, широкоплечего воина, могучим сложением напоминавшего самого короля. У него даже были такие же густые черные волосы, но тем сходство и ограничивалось: в отличие от Конана, сероглазый Валанн совершенно не походил на него чертами лица.

— Внезапная болезнь сразила короля,— кратко пояснил ему Паллантид.— Тебе оказана великая честь: ты наденешь его доспехи и поскачешь в них во главе войск. Никто из воинов не должен знать, что не сам король ведет их вперед!

— За подобную честь и жизнь не жалко отдать,— потрясенно заикаясь, пробормотал Валанн.— Коли будет на то воля пресветлого Митры... А я уж не подведу!

И вот на глазах поверженного короля, в горящем взгляде которого смешались бессильная ярость и унижение, раздиравшие ему сердце, оруженосцы сняли с Валанна шлем, поножи и кольчугу, чтобы взамен того обрядить в королевские вороненые латы и рыцарский шлем с забралом и черным плюмажем, венчавшим навершие в виде крылатого дракона. Поверх лат накинули шелковую мантию с золотыми королевскими львами, вышитыми на груди, и в завершение опоясали Валанна широким мечом с дорогими камнями на рукояти, что висел в парчовых ножнах на ремне с золотой пряжкой.

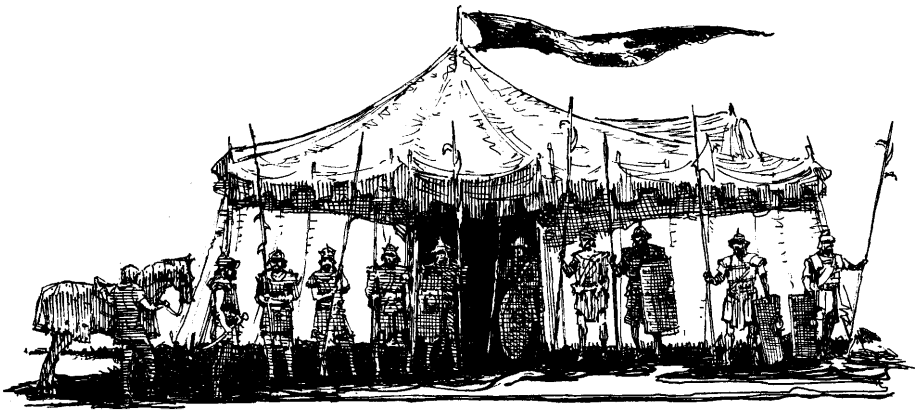
Слаженно трудились оруженосцы, а за стенами шатра перекликались трубы, звенело оружие и разносился низкий гортанный рев: полк за полком выстраивались для боя...

И вот уже полностью снаряженный Валанн преклонил колена и склонил увенчанную плюмажем голову перед королем, недвижно лежавшим в постели.

— Государь мой,— сказал он,— да не попустит Митра, чтобы я обесчестил доспехи, доверенные мне нынче!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном! — прозвучало в ответ.

Страдание сорвало с Конана тонкий налет цивилизованности, обнажив истинные черты. Он яростно скрипел зубами, глаза его кровожадно горели — сущий варвар, только что спустившийся с киммерийских холмов.

III

И СОДРОГНУЛИСЬ УТЕСЫ...

Когда из королевского шатра появился исполин в черной броне, аквилонское войско уже стояло в полной готовности — длинные, плечом к плечу сомкнутые шеренги пеших копейщиков и всадников, закованных в блестящую сталь. Когда же он вскочил в седло вороного жеребца, с трудом удерживаемого четверкой оруженосцев, войско разразилось восторженным ревом, от которого вздрогнули горы. Рыцари в позолоченных латах, копейщики в кольчугах и шлемах, лучники в кожаных камзолах с длинными луками, зажатыми в левой руке,— все они, потрясая оружием, громовым кличем приветствовали своего воинственного короля.

Войско на другом берегу тем временем не спеша спускалось по отлогому склону к реке. Пряди утреннего тумана завивались вокруг копыт, и мерцала сквозь туман стальная броня.

Аквилонское войско также не спеша двинулось навстречу врагу. Размеренный шаг покрытых панцирями коней сотрясал землю. Утренний ветер расправлял шелковые складки знамен; длинные пики щетинились, словно густой лес; пестрели флажки, развевавшиеся у наконечников.

Королевский шатер осталось охранять лишь несколько суровых воинов, закаленных битвами и умевших держать язык за зубами. Остался с Конаном и юный оруженосец: он стоял у двери, выглядывая наружу сквозь узкую щелку. Кроме нескольких посвященных, о том, что на громадном жеребце во главе полков скакал вовсе не Конан, во всем многотысячном войске не ведала ни одна живая душа.

Силы аквилонцев были выстроены в обычном для них порядке. В середине помещался ударный кулак — тяжеловооруженные рыцари, по бокам двигались конные латники, усиленные копейщиками и стрелками. Стрелками в аквилонской армии были боссонцы из западных провинций страны — невысокие крепкие люди в кожаных куртках и железных шлемах.

Немедийцы двигались подобным же строем. Два войска приближались к реке, постепенно выдвигая фланги вперед. В центре аквилонского войска, над

головой рослого всадника, закованного в вороненую сталь, трепетало и билось королевское знамя — золотые львы на черном поле.

Сам же король Конан стонал от душевной муки на постели в своем шатре, и языческие проклятия сыпались с его языка.

— Войска сходятся, государь,— глядя в щелку, рассказывал ему оруженосец.— Слышишь, трубы гремят? Восходящее солнце слепит мне глаза, отражаясь от шлемов и наконечников копий... Река кажется алой, и, видит небо, ей в самом деле суждено покраснеть еще до вечера!.. Вот вступили на берег... тучи жалящих стрел закрывают солнце, государь! Отлично, лучники! Верх за боссонцами! Слышишь, как кричат?

И действительно, перекрывая рев труб и лязг доспехов, издалека долетел слитный грозный крик, с которым боссонцы одновременно натягивали и спускали тетивы.

— Их арбалетчики пытаются отвлечь наших стрелков и прикрыть своих рыцарей, ибо те уже въезжают в реку,— продолжал оруженосец.— Берега здесь отлогие; я вижу, как боевые кони ломятся сквозь кусты... Клянусь Митрой, наши стрелы не пропускают ни единой щелочки в их броне! Падают люди, и кони бьются, пытаясь выбраться из воды. Там неглубоко и течения особого нет, но они тонут в тяжелых доспехах, затоптанные мечущимися конями... А теперь двинулись наши! Аквилонские рыцари вступили в реку и рубятся с немедийскими! Вода бурлит, достигая брюха коней, оглушительно гремит меч о меч...

— Кром! — в муке выдохнул Конан.

Жизнь мало-помалу возвращалась в его тело, но подняться с постели по-прежнему не было сил.

— Фланги сошлись,— рассказывал оруженосец.— Копейщики и меченосцы врукопашную бьются в воде, а лучники, стоя позади, стреляют, стреляют... Видит Митра, немедийским арбалетчикам приходится нелегко! А боссонцы, государь, берут прицел повыше, чтобы стрелы падали в глубине вражеских рядов! Их центр не может продвинуться ни на фут, а битва на флангах идет уже на том берегу!

— Кром! Имир и Митра! — метался на постели король.— Боги и демоны! Чего бы я не отдал только за то, чтобы оказаться там,— пусть даже мне было бы суждено погибнуть после первого же удара!

Битва бушевала и гремела до самого вечера того долгого и жаркого дня. Склоны долины содрогались от топота атак и контратак, от посвиста стрел, треска копий и щитов. Аквилонское войско стояло насмерть. Лишь один раз его принудили было откачнуться от берега, но ответный удар рыцарей под королевским черным знаменем, летевшим над гривой вороного коня, быстро восстановил равновесие. Ни дать ни взять — железная крепость высилась на правом берегу речного потока; и наконец охрипший от волнения оруженосец сказал королю, что немедийцы начали отступать.

— Их фланги в смятении, а рыцари уклоняются от рукопашной. Твое знамя двинулось вперед! Рыцари въехали в воду! Клянусь Митрой, Валанн ведет войско на тот берег!

— Глупец! — простонал Конан.— Это может быть и ловушкой! Ему следует просто удерживать позицию, а на рассвете Просперо подоспел бы сюда с пуатенскими ополченцами...

— Рыцарей встретил шквал стрел, но они не дрогнули, государь! — возбужденно выкрикивал оруженосец.— Они несутся вперед... они уже на том берегу! Скачут вверх по склону! Паллантид бросил фланги через реку, следом за ними, больше он ничего сделать не может... Знамя со львами плещется и вьется над схваткой... Немедийские рыцари, кажется, решили остановиться и дать отпор... но нет, не выдержали, повернули коней. Их левое крыло беспорядочно отступает, наши копейщики добивают их на бегу! Я вижу Валанна — как он рубится, государь! Никто больше не обращает внимания на Паллантида — все следуют за Валанном. Людям кажется, что это ты, государь, ведь он не поднимает забрала... Но он дерется не так самозабвенно, как может кому-нибудь показаться! Вот он созвал к себе пять сотен рыцарей, цвет нашего войска. Он видит то же, что я отсюда: основные силы немедийцев в панике отступают, но в скалах, прикрывающих их справа, есть теснина, по которой можно выйти к ним в тыл! И всего-то горстка копейщиков прикрывает вход в ущелье! Вот наши прорвались сквозь их реденькую цепочку и скачут прямо туда...

— Засада! — в бешенстве зарычал Конан, шаря по постели руками и пытаясь хотя бы сесть.

— Нет, государь! — захлебывался восторгом юный оруженосец.— Я отлично вижу все немедийское войско! Они попросту забыли про эту теснину! Откуда им было знать, что их оттеснят так далеко? Дурень, дурень Тараск, так оплошал! Я вижу флажки на пиках наших рыцарей, показавшихся с той стороны, за спинами немедийцев. Сейчас они ударят на них сзади и втопчут их в пыль... О Митра! О Митра, что это?

Он пошатнулся, с трудом устояв на ногах; ходуном заходили стены шатра. Издали, сквозь гром сражения, докатился низкий, неописуемо зловещий гул.

— Утесы колеблются, государь! — испуганно завопил оруженосец.— Боги мои, что там? Река вспенилась и вышла из берегов! Качаются горные пики! Земля уходит из-под ног, опрокидывая людей и коней... Скалы! Скалы рушатся, государь!

Чудовищный рокот катящихся глыб заглушил его голос. Ощутимо задрожала земля. Крики смертельного ужаса достигли ушей короля.

— Скалы обрушились, государь! — Лицо юноши стало мертвенно-бледным.— Обвалились прямо в ущелье и раздавили всех... Черное знамя мелькнуло меж падающих валунов... исчезло... Слышен победный клич немедийцев, ну да, ведь они уничтожили пятьсот лучших рыцарей Аквилонии... А это что за крик?

И Конан внятно разобрал многоголосое, отчаянное:

— Король пал! Король пал! Бегите, бегите! Король пал!

— Ложь! — Конан задохнулся от ярости.— Собаки, трусы, скоты! Ох, Кром, если бы я мог встать!.. На четвереньках, с мечом в зубах доползти до реки!.. Что там, мальчик? Неужели бегут?

— Да, государь! — всхлипнул оруженосец.— Мчатся обратно к реке, шпоря коней! Они сломлены, они как пена, несомая ураганом... Государь, Паллантид пытается остановить их, но его сминают... затаптывают! Они бросаются в воду: рыцари, копейщики, лучники — всех перемешало безумное бегство... Немедийцы висят на плечах и косят их, косят...

— Пусть же дадут отпор, выйдя на этот берег! — зарычал король. Кое-как он сумел приподняться на локтях: от страшного усилия пот ручьями потек у него по вискам.

— Нет, государь, они уже не могут! — плакал оруженосец.— Они сломлены... О боги, боги, и зачем я дожил до этого дня! — Но тут он вспомнил о своем долге и окликнул воинов, что непоколебимо стояли охраной вокруг шатра короля, наблюдая за битвой, которую вели их товарищи: — Живо приведите коня и помогите мне усадить в седло государя! Мы не должны здесь задерживаться!

Но прежде чем воины успели выполнить приказание, волна бегущих накатила на лагерь. Рыцари, лучники и копейщики опрокидывали палатки, спотыкались о короба и веревки — а между ними, рубя направо и налево, неслись конные немедийцы. Падали смятые шатры, сразу в нескольких местах вспыхнул огонь, и, конечно, без промедления начался грабеж. Суровые воины, сторожившие королевский шатер, отчаянно отбиваясь, умерли под градом ударов там же, где и стояли, и копыта коней победителей промчались по их изуродованным телам.

Но оруженосец плотно задернул дверную занавеску, и в безумии всеобщей резни никому не пришло в голову, что внутри еще есть кто-то живой. Вверх по долине унеслась кровавая клокочущая волна, и выглянувший наружу оруженосец заметил небольшую группу людей, целеустремленно двигавшуюся прямо к шатру.

— Государь! — прошептал юноша.— Сюда идет сам король немедийский с четырьмя спутниками и оруженосцем! Он хочет сам принять твою сдачу, мой государь.

— К демону сдачу! — заскрипел зубами король.

С величайшим трудом он заставил себя сесть. Спустил ноги с ложа — и встал, качаясь как пьяный. Оруженосец кинулся на помощь, но Конан отпихнул его прочь.

— Дай лук! — прохрипел он, указывая на длинный лук и колчан со стрелами, висевшие на столбе.

— Но, государь...— в величайшем смятении осмелился возразить оруженосец.— Ведь битва проиграна! Тебе надлежит сдаться с достоинством, приличествующим человеку королевских кровей...

— Я не королевских кровей! — зарычал Конан.— Я варвар и сын кузнеца!

Выхватив у юноши лук и стрелу, он кое-как доплелся до выхода из шатра. Он был почти обнажен, если не считать коротких кожаных штанов и рубахи без рукавов, распахнутой на широченной волосатой груди. Но из-под спутанной гривы черных волос страшным огнем горели синие глаза. Таким грозным мужеством веяло от короля, что оруженосец попятился: благоговея перед своим господином, он боялся его больше, нежели всего немедийского войска.

Шатаясь и широко расставляя ноги, чтобы не упасть, Конан рванул дверную занавеску и вышел наружу, под тент. Король Немедии и его спутники, как раз сошедшие с коней, замерли на месте, с изумлением взирая на неожиданно представшее перед ними видение.

— Я здесь, шакалы! — услышали они рык киммерийца.— Я — король! Попробуйте-ка взять меня, сукины дети!

И прежде чем они успели опомниться, он натянул лук и спустил тетиву. Оперенное древко затрепетало в груди рыцаря, стоявшего подле Тараска.

— Проклятье! — выругался Конан.— Ну? Берите меня, если посмеете!

Покачнувшись на непослушных ногах, он привалился спиной к столбу и обеими руками поднял перед собой меч.

— Клянусь Митрой, это действительно король! — вырвалось у Тараска.

Быстро оглядевшись вокруг, он рассмеялся:

— Тот, другой, был просто одет в его доспехи! Живо вперед, псы! Принесите мне его голову!

Трое воинов — судя по их эмблемам, королевские стражники — ринулись на Конана. Один из них походя взмахнул булавой, замертво уложив беднягу оруженосца. Двоим другим повезло меньше. Первый, подскочивший к аквилонскому королю, едва успел занести меч: Конан встретил его страшным ударом наотмашь. Клинок разрубил звенья кольчуги, как полотно, и отсек руку немедийца вместе с плечом. Тело рухнуло вперед, угодив под ноги товарищу. Тот споткнулся, выпрямиться ему было не суждено: меч Конана пронзил его насквозь.

Тяжело дыша, Конан высвободил клинок. Короля сотрясала дрожь, широкая грудь тяжело вздымалась, по лицу и по шее ручьями тек пот. Но свирепые глаза вдохновенно горели:

— Иди сюда, бельверусская гнида! Мне до тебя не дотянуться! Подойди и умри!

Тараск замешкался, поглядывая то на уцелевшего воина, то на своего оруженосца — худого и мрачного человека в черной кольчуге. Потом все-таки шагнул вперед. Он намного уступал гиганту киммерийцу силой и статью, но на нем был надет полный доспех, а искусство Тараска как фехтовальщика было известно во всех западных королевствах. Оруженосец удержал его за руку:

— Не рискуй жизнью понапрасну, мой повелитель. Я позову лучников, и они расстреляют варвара, точно дикого льва.

И никто из них не заметил колесницы, которая подъехала во время схватки и остановилась чуть позади. Один Конан видел ее, и странный холодок пробежал у него по спине. Даже в вороных конях, впряженных в колесницу, смутно угадывалось нечто нездешнее. Но не кони приковали взгляд короля, а человек, стоявший на колеснице. Он был высок и превосходно сложен, облачен в длинное, ничем не украшенное шелковое одеяние. Складки шемитского головного убора скрывали черты лица — видны были лишь темные магнетические глаза. В белых руках угадывалась немалая сила: они твердо держали вожжи, смиряя вздыбливавшихся коней. Чем дольше глядел Конан на незнакомца, тем более внятно предупреждал его первобытный инстинкт. Он явственно ощущал недобрую мощь, исходившую от человека на колеснице. Так высокая трава, волнующаяся в безветренный день, говорит о приближении опасной змеи.

— Привет тебе, Ксальтотун! — обернувшись, воскликнул Тараск.— Смотри, вот аквилонский король! Оказывается, он не погиб под обвалом, как мы полагали.

— Знаю,— ответил Ксальтотун.

И, не позаботившись объяснить, откуда он это знает, спросил:

— И что ты намерен с ним делать?

— Позову лучников, и пусть расстреляют,— сказал немедиец.— Покуда он жив — он слишком опасен!

— И все-таки даже пес бывает полезен,— проговорил Ксальтотун.— Возьмите его живым.

Конан хрипло рассмеялся.

— Иди сюда и попробуй,— предложил он ахеронцу.— Если б не мои ноги, я бы выкорчевал тебя из колесницы, как дровосек дерево. Живым ты меня не получишь!

— Боюсь, он говорит правду,— вставил Тараск.— Он же варвар, бессмысленный и свирепый, точно раненый тигр. Я позову лучников.

— Смотри и учись,— сказал Ксальтотун.

Его рука нырнула в складки одежд и извлекла наружу нечто блестящее — какой-то полированный шарик. Внезапным движением Ксальтотун метнул его в Конана. Киммериец с презрением отмахнулся мечом... но шарик, едва коснувшись клинка, с громким треском взорвался. Полыхнуло слепящее белое пламя, и Конан без сознания рухнул на землю.

— Он мертв? — В тоне Тараска скорее звучало утверждение, а не вопрос.

— Нет,— ответствовал Ксальтотун.— Всего лишь оглушен. Он очнется через несколько часов. Прикажи своим людям связать его по рукам и ногам и бросить в мою колесницу.

Тараск кивнул, и воины исполнили приказание, ворча на неподъемную тяжесть. Ксальтотун набросил на безжизненное тело бархатный плащ, полностью укрыв короля от случайного взгляда, и собрал вожжи.

— Я еду в Бельверус. Передайте Амальрику, что я буду с ним, если понадоблюсь. Но поскольку Конан устранен, а его войско разгромлено, я полагаю, для завершения завоевания хватит и простого оружия смертных. Вряд ли Просперо приведет сюда более десяти тысяч воинов: прослышав о нынешней битве, он, несомненно, отступит к Тарантии. Ни Амальрику, ни Валерию о пленнике не говорите. Пусть думают, что Конана раздавили рухнувшие скалы!

Тут он уставился на королевского стражника и смотрел на него так долго и пристально, что воин принялся нервно переминаться.

— Что это там у тебя на животе? — спросил Ксальтотун.

— Как что? Пояс, с твоего позволения, господин...— ошеломленно выдавил стражник.

— Лжешь! — Смех Ксальтотуна был безжалостен, точно разящий клинок.— Это ядовитая змея. Глупец, ты подпоясался змеей!

Тот наклонил голову, недоуменно тараща глаза, и, к его ужасу, пряжка ремня ощерила истекающие ядом клыки и зашипела ему в лицо. Вместо ремня тело воина опоясывал отвратительный гад. С диким криком стражник ударил ладонью по оскаленной морде, почувствовал, как входят в тело клыки... и, застыв в столбняке, тяжело повалился наземь. Тараск смотрел на него без всякого выражения. Он видел простой кожаный ремень и пряжку с острым язычком, впившимся в руку воина. Ксальтотун обратил свой гипнотический взор на оруженосца Тараска. Тот затрясся, серея лицом, но король вмешался:

— Не надо. Ему можно доверять.

Чародей натянул вожжи, разворачивая коней:

— Во всяком случае, пусть произошедшее останется тайной. Если я буду нужен, пусть Альтаро, слуга Ораста, вызовет меня, как я научил. Я же буду в твоем дворце в Бельверусе.

Тараск приветственно поднял руку, но выражение его лица, пока он глядел вслед удалявшейся колеснице, было не из приятных.

— Почему он пощадил киммерийца? — прошептал до смерти напуганный оруженосец.

— Я и сам могу лишь предполагать,— проворчал Тараск.

Невнятный шум продолжавшейся битвы скоро стих в отдалении. Закатное солнце венчало утесы пламенеющей алой каемкой, и скоро колесница затерялась в синей тени, надвинувшейся с востока.

IV

«ИЗ КАКОЙ БЕЗДНЫ ТЫ ВЫПОЛЗ?»

Долгая поездка на колеснице Ксальтотуна прошла мимо сознания Конана. Он лежал точно мертвец и не слышал, как бронзовые колеса лязгали о камни горных дорог, затем шуршали в густой траве плодородных долин и как, нако-

нец одолев изломанные хребты, эти колеса равномерно застучали по широкой, вымощенной белым камнем дороге, вьющейся среди роскошных лугов до самых стен Бельверуса.

Лишь перед рассветом жизнь начала понемногу возвращаться к нему. Он услышал невнятный шум голосов и тяжелый скрип громадных петель. Сквозь разрез бархатного плаща, которым он был накрыт, проник неверный факельный свет. Конан разглядел громадную черную арку ворот и бородатые лица воинов. Пламя факелов играло на их шлемах и наконечниках копий.

— Господин! Чем кончился бой? — с живым интересом спросил кто-то понемедийски.

— Победой,— был краткий ответ.— Король Аквилонии убит, а войско разбежалось.

Стражники взволнованно зашумели, но все голоса заглушил гром колес, быстро покатившихся по каменным плитам. Бронзовые ободья высекали снопы искр: хлеща кнутом, Ксальтотун погнал своих скакунов под арку ворот. И все-таки Конан расслышал, как один из воинов пробормотал:

— От самой границы до Бельверуса между закатом и рассветом! И кони почти не вспотели! Видит Митра, они...

Однако голоса отдалились, и снова слышались только цокот копыт и стук колес по безлюдной ночной мостовой.

Конан запомнил услышанное, но ни одной мысли оно в нем не породило. Он был подобен бессмысленной кукле, которая все видит и слышит, но не способна понять. Свет и звук ничего не значили для него. Потом он вновь впал в глубокую летаргию и лишь смутно почувствовал, как колесница остановилась посередине окруженного высокими стенами двора и множество рук подняли его, понесли куда-то сначала по винтовой каменной лестнице, затем по длинному полутемному коридору. Шепот, осторожные шаги, какие-то непонятные шорохи раздавались кругом... но далеко, далеко, и он был совершенно к ним безразличен.

А потом он пришел в себя окончательно — сразу, толчком, с полной ясностью в голове. Он прекрасно помнил битву в горах и ее исход и вполне представлял себе, где оказался.

Он лежал на бархатном диване, в своей одежде. Но руки и ноги отягощали цепи, которых даже он не мог разорвать. Комната, в которой он находился, была убрана с мрачной роскошью: на стенах красовались черные бархатные шпалеры, на полу — толстые фиолетовые ковры. Ни окон, ни дверей Конан не заметил. Лампа резного золота, подвешенная к высокому потолку, неживым светом заливала чертог.

В неясном свете фигура человека, сидевшего против Конана в серебряном кресле, похожем на трон, казалась не вполне реальной; прозрачная шелковая накидка придавала ей некую расплывчатость очертаний, но бородатое лицо вырисовывалось ясно и четко, что тоже казалось неестественным в мертвом сиянии лампы. Казалось, странный нимб играл вокруг головы человека, заставляя рельефно выделяться черты, делая их единственной реальностью в таинственном, призрачном покое.

И лицо его было великолепно — точеное, классически прекрасное. Впрочем, в безмятежном спокойствии угадывалось нечто тревожащее: некий намек на сверхчеловеческие познания и такую же сверхчеловеческую уверенность в себе. И пугающее чувство узнавания шевельнулось в глубине сознания Конана. Нет, он хорошо знал, что никогда прежде не видел этого человека. Тем не менее его черты кого-то напоминали, словно Конан наяву повстречал видение из своих худших кошмаров...

— Кто ты? — с угрюмым вызовом спросил король и попытался сесть, несмотря на вес кандалов.

— Люди зовут меня Ксальтотуном,— раздался ответ.

Сильный, звучный голос звенел, как золотой колокол.

— И где мы? — поинтересовался киммериец.

— В одном из чертогов дворца короля Тараска, в Бельверусе.

Конан не удивился; Бельверус, столица Немедии, был и самым крупным среди городов, лежавших близ границы.

— А где Тараск?

— С войском.

— Ну,— проворчал Конан,— если собрался меня убивать, давай.

— Я не для того спас тебя от королевских стрелков, чтобы прикончить здесь, в Бельверусе,— сказал Ксальтотун.

— Что ты там сделал со мной? — спросил Конан.

— Лишил тебя сознания,— прозвучало в ответ.— Каким образом — ты все равно не поймешь. Можешь, если хочешь, назвать это черной магией.

Конан и сам пришел к такому же выводу и раздумывал уже совсем над другим.

— Кажется, я понимаю, зачем ты меня пощадил,— сказал он.— Амальрик, видно, собрался стращать мной Валерия — в том случае, если произойдет невозможное и этот молодчик станет-таки королем Аквилонии. Все хорошо знают, что за попыткой посадить Валерия на мой трон стоит барон Торский! Насколько я знаю Амальрика, он предназначает Валерию роль пешки, не больше. Так же как сегодня — Тараску!

— Амальрик о твоем пленении и не подозревает,— ответил Ксальтотун.— Как и Валерий. Оба уверены, что ты погиб в битве при Валкие.

Глаза Конана сузились, он пристально посмотрел на своего собеседника.

— Я чувствовал за всем этим чью-то мощную волю,— пробормотал он,— но думал, это воля Амальрика. Однако, похоже, Амальрик, Тараск и Валерий — всего лишь марионетки, а нитки дергаешь ты. Кто ты?

— Какая разница? Даже если я расскажу, ты мне вряд ли поверишь. Ответь лучше: что, если бы я предложил снова посадить тебя на аквилонский престол?

Конан смотрел на него, точно волк, угодивший в клетку.

— Назови цену!

— Повиновение мне.

— Ну и катись в преисподнюю со своим предложением! — зарычал Конан.— Я твоей пешкой не буду! Я добыл свою корону мечом! И кроме того, не в твоей власти покупать или продавать трон Аквилонии. Королевство еще не завоевано — одна битва не решает исхода войны!

— Ты забыл, тебе противостоят не только воины с их жалким оружием,— ответил Ксальтотун.— Или меч смертного поразил тебя в твоем собственном шатре еще до начала сражения? О нет: то было порождение мрака, скиталец, явившийся из внешних пространств по моему слову. Его пальцы пылали вечным морозом межзвездных черных пустот. Этот-то холод оледенил твою кровь и лишил мышцы силы. Холод, обжегший твое тело подобно железу, раскаленному добела! Или, может, ты скажешь, что человек, надевший твои доспехи, по чистой случайности повел рыцарей в ту теснину? Случайность, благодаря которой на них обрушились скалы?

Конан молча смотрел на него, и по спине гулял холодок. Мифология его варварского племени изобиловала легендами о чародеях и колдунах. К тому же, глядя на Ксальтотуна, любой дурак мог сказать, он — необычный человек. Конан явственно ощущал нечто неизъяснимое, отличавшее его от всех остальных,— некую ауру чужого времени и пространства, некое веяние зловещей, немыслимой древности. И все-таки упрямый дух Конана отказывался признать поражение.

— Обвал мог быть и случайностью,— процедил он сквозь зубы.— А бросок в ущелье — так это каждый бы на его месте предпринял!

— Вовсе нет. Ты, например, ни за что не сунулся бы туда. Ты бы сразу заподозрил ловушку. Для начала, кстати, ты и через реку бы не пошел, не убедившись, что немедийцы действительно разгромлены. И потом, даже в безумии битвы гипнотическое внушение не могло бы внедриться в твое сознание и заставить слепо ринуться в расставленную западню, как поступил тот простак, выряженный тобою.

Конан никак не мог распроститься с сомнениями:

— Но если все специально подстроено, чтобы разгромить мое войско, почему твой межзвездный скиталец не прикончил меня прямо в шатре?

— Я желал заполучить тебя живым. Я и без волшебства мог предсказать — Паллантид велит другому надеть твои латы. Ты нужен мне живым и неискалеченным, ибо ты можешь пригодиться для осуществления моих планов. В тебе есть жизненная сила, которая стоит больше, чем все искусство и вся хитрость тех, кто считает себя моими союзниками. Ты — упорный враг, из тебя может получиться отменный вассал.

Услышав такое, Конан плюнул, но Ксальтотун, не обращая внимания на ярость киммерийца, взял со стола хрустальный шар и поместил перед ним. Он ни на что не положил его и не стал никак укреплять. Тем не менее шар повис в воздухе, словно уложенный на подставку. При виде этого чуда Конан лишь фыркнул, хотя, по правде сказать, некоторое впечатление оно на него произвело.

— Хочешь посмотреть, что делается в Аквилонии? — спросил Ксальтотун.

Конан не ответил, но то, как он замер, напрягшись всем телом, выдавало его отчаянное желание узнать.

— Сейчас вечер следующего дня после битвы при Валкие,— вглядываясь в туманную глубину шара, заговорил Ксальтотун.— Основная часть немедийского войска заночевала у реки, и лишь рыцарские отряды продолжали громить отступавших аквилонцев. На рассвете армия свернула лагерь и двинулась через горы на запад. Просперо, который всю ночь гнал свои десять тысяч пуатенцев

быстрым маршем, надеясь поспеть к началу сражения, был еще за много миль оттуда, когда ему начали попадаться бегущие. Не в силах собрать остатки разбитого войска, он отступил к Тарантии. Он примчался туда после отчаянной скачки, заменяя измученных коней отобранными у крестьян. Я вижу его рыцарей — усталых, в покрытых пылью доспехах, с обреченно повисшими плюмажами; из последних сил понукают они лошадей, пересекая равнину... Вижу я и улицы Тарантии. В городе неспокойно: каким-то образом сюда уже дошел слух о поражении и гибели короля Конана. Чернь сходит с ума от ужаса. «Король погиб! — повторяет она со слезами.— Кто теперь поведет нас на немедийцев?» Исполинские тени надвигаются на Аквилонию с востока, а небо ее черно от стервятников...

Конан замысловато выругался.

— Пустые слова! Любой уличный оборванец мог бы напророчить не хуже! Если ты хочешь сказать, что разглядел все это в стекляшке, так ты не только негодяй — в чем, кстати, я и не сомневался,— но еще и лжец, каких мало. Просперо соберет баронов и удержит Тарантию. Страной же в мое отсутствие правит Троцеро, граф Пуатенский, и уж он-то заставит немедийских собак с воем разбежаться по конурам! Подумаешь, несчастные пятьдесят тысяч вашего войска. Да Аквилония проглотит их и не подавится! Не видать им не то что Тарантии, даже и Бельверуса! При Валкие была разбита не Аквилония, а всего только Конан!

— Аквилония,— невозмутимо ответствовал Ксальтотун,— обречена. Копье, секира и огонь заставят ее покориться. А не заставят — тогда я призову против нее из тьмы веков иные силы. Точно так же, как рухнули скалы над Валкием, обрушатся по моему слову стены городов, а понадобится — и сами горы. Реки выйдут из берегов и затопят целые провинции. Так что лучше бы сталь и тетива сделали свое дело без дальнейшей помощи моего искусства, ибо могучие заклятия способны стронуть силы, грозящие поколебать равновесие Вселенной!

— Из какой бездны ты выполз, пес тьмы? — пробормотал Конан, не сводя с него глаз.

Невольная дрожь потрясла могучего киммерийца: он чувствовал перед собой нечто неправдоподобно древнее и исполненное столь же неправдоподобного зла.

Тут Ксальтотун приподнял голову, словно прислушиваясь к шепоту, долетавшему из-за края мира. Казалось, он позабыл о пленнике. Затем он нетерпеливо тряхнул головой и рассеянно глянул на Конана.

— Что? Я уже говорил, ты все равно не поверишь, даже если я тебе расскажу. Однако разговор с тобой меня утомил. Увы, легче уничтожить укрепленный город, нежели облечь мои мысли в слова, доступные пониманию безмозглого варвара.

— Будь мои руки свободны,— заметил Конан,— я бы мигом сделал из тебя безмозглый труп.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь. Вот потому-то я и не дал тебе такой возможности.

И Ксальтотун хлопнул в ладони. Его поведение разительно изменилось: в нем сквозило нетерпение и, пожалуй, даже нервозность. Впрочем, Конан был далек от мысли, будто это как-то связано с ним.

— Поразмысли над моими словами, варвар,— сказал Ксальтотун.— Времени у тебя будет в достатке. Я еще не определил твою участь: все зависит от обстоятельств, еще не успевших сложиться. Запомни одно: если я надумаю использовать тебя в своей игре, лучше подчиниться добровольно, чем испытать мой гнев!

Конан тут же замысловато выругался, но в это время занавеси распахнулись, обнаружив спрятанную за ними дверь, и в комнату вошли четыре чернокожих гиганта. На них не было иной одежды, кроме шелковых набедренных повязок, перехваченных поясами; у каждого на поясе висел внушительных размеров ключ.

Ксальтотун нетерпеливым жестом указал неграм на пленного короля, сам же отвернулся, потеряв к нему всяческий интерес. Конан обратил внимание на то, как странно подергивались пальцы колдуна. Из резной нефритовой шкатулки он извлек щепоть блестящего черного порошка и бросил в курильницу, стоявшую на золотом треножнике у локтя. Хрустальный шар, о котором, похоже, он позабыл, упал на пол, лишившись своей незримой опоры.

Тут негры подняли Конана и понесли прочь, потому что сам он, опутанный цепями, идти не мог. Но прежде чем затворилась за ними позолоченная тиковая дверь, Конан бросил взгляд назад. Ксальтотун, откинувшись и скрестив на груди руки, полулежал в своем кресле, похожем на трон, а над жаровней завивалась тонкая струйка дыма. Конан почувствовал, как волосы на голове становятся дыбом. В Стигии, древнем царстве зла, лежавшем далеко на юге, ему приходилось уже видеть порошок, который воскурил Ксальтотун. Это была пыльца черного лотоса, дающая сон, похожий на смерть и исполненный чудовищных сновидений. Конан знал: лишь жуткие чародеи Черного Круга, достигшие последних бездн зла, по своей воле ищут кошмаров черного лотоса и даже черпают из них новые силы для своего колдовства.

Для большинства жителей западных стран Черный Круг виделся всего лишь страшной сказкой, но Конан-то хорошо знал, до чего он реален. В мрачных подземельях Стигии, под сводами, никогда не знавшими света, все еще творились отвратительные обряды и полночные оргии, посвященные Тьме...

Конан еще раз оглянулся на позолоченную дверь и содрогнулся при мысли о том, что за нею происходило.

Он не мог сказать, какое сейчас время суток — день или ночь. Казалось, дворец короля Тараска погружен в вечные сумерки, казалось, кто-то не хотел впускать внутрь солнечный свет. И воплощением тьмы и теней, окутавших дворец, был — Конан чувствовал это — чужестранец Ксальтотун.

Негры пронесли Конана по извилистому коридору, столь скупо освещенному, что выглядели они скорее четырьмя черными призраками, несущими мертвое тело. Потом его тащили по винтовой каменной лестнице, бесконечно струившейся вниз, вниз... Факел в руке одного из негров отбрасывал на стены громадные бесформенные тени: ни дать ни взять демоны спускались в преисподнюю, таща мертвеца.

Лестница привела их в длинный прямой коридор. По одну сторону в сплошной стене там и сям зияли сводчатые проходы, за которыми виднелись лестницы, уводящие вверх. По другую сторону через каждые несколько футов следовали запертые двери, забранные надежными решетками.

Остановившись возле очередной двери, один из негров поднял висевший на поясе ключ и повернул его в замке. Решетчатая дверь отворилась. Негры и узник оказались в небольшой камере: стены, пол и потолок были каменные, а напротив виднелась вторая такая же дверь. Конан понятия не имел, что за ней находилось, но подумал, что вряд ли там еще один коридор: свет факела уходил меж прутьев неизвестно куда и терялся в беспредельной тьме, чуть слышно откликавшейся эхом.

В одном углу камеры, возле двери, через которую они вошли, с толстого железного кольца, вмурованного в стену, гроздьями свисали ржавые цепи. В цепях болтался скелет человека. Конан невольно задержал на нем взгляд, удивившись тому, что кости в большинстве своем были переломаны, а то и расщеплены. Череп же, отвалившийся от позвоночника, расплющен ударом ужасающей силы.

Один из чернокожих тюремщиков — не тот, что открывал дверь,— своим поясным ключом отомкнул тяжелый замок и флегматично оттащил в сторону и ржавые цепи, и раздробленные кости. Затем они пристегнули кандалы Конана к освободившемуся кольцу, и третий негр своим ключом — тоже третьим по счету — попробовал замок дальней двери и удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что она как следует заперта.

Какое-то время они смотрели на Конана — черные великаны с узкими глазами и лоснящейся кожей, блестевшей в свете факела.

Затем тот, что носил на поясе ключ от ближней двери, гортанно произнес:

— Вот каков теперь твой дворец, белый король-собака! Никто не знает, где ты, только наш хозяин и мы. Весь дворец спит, а мы не болтливы. Ты будешь жить здесь, а может, здесь и умрешь. Как он! — Негр презрительно пнул расколотый череп, который со стуком покатился по каменному полу.

Конан не снизошел до ответа, и тюремщик, видимо уязвленный молчанием узника, пробормотал ругательство, нагнулся и плюнул в лицо королю. Конан сидел на полу: цепи, охватившие его тело, запястья и лодыжки, были примкнуты к кольцу, он не мог ни встать, ни отодвинуться от стены более чем на длину руки. Но в ручных кандалах была изрядная слабина; Конан незаметно собрал всю цепь в ладонь и, прежде чем негр успел выпрямиться, обрушил ее на заостренное темя противника. Чернокожий свалился, точно зарезанный бык. Его товарищи разинули рты: кожа на голове была рассечена, из носа и ушей потекла кровь.

— Ну? — поигрывая окровавленной цепью, зарычал Конан.— Кто еще?

Приблизиться тюремщики не отважились, бормоча что-то на своем гортанном наречии, подняли оглушенного собрата и вынесли наружу, точно мешок. Они заперли дверь ключом, который так и не сняли с золотой цепочки, прикрепленной к ремню. Когда они удалялись по коридору, унося с собой факел, темнота, точно живое существо, кралась следом за ними. Стих шорох шагов, тьма и тишина безраздельно завладели подземельем.

V

УЖАС ПОДЗЕМЕЛИЙ

Конан лежал неподвижно, перенося тяжесть цепей и безнадежность своего положения со всем стоицизмом истинного сына диких киммерийских просторов. Он не шевелился, звяканье цепей, сопровождавшее каждое движение, казалось непростительно громким в мертвой тишине подземелья. Между тем инстинкт варвара, наследие бесчисленных поколений, предостерегал: не можешь как следует за себя постоять — притаись. Логические рассуждения были здесь

ни при чем. Конан лежал тихо вовсе не потому, что подозревал во тьме присутствие неведомых и грозных существ, способных его обнаружить. Ксальтотун заверил — никакого ущерба ему не нанесут, и Конан полагал, что колдун в самом деле не заинтересован в его погибели — во всяком случае, пока. Но инстинкт дикаря, тот же самый, что еще ребенком заставил Конана лежать неподвижно и молча, пока дикие звери рыскали кругом его убежища,— этот инстинкт не дремал и теперь.

Даже острое зрение Конана не могло пронизать густую тьму. И все-таки по прошествии некоторого времени — хотя сколько именно времени минуло, он нипочем не смог бы сказать — он различил едва заметное сияние, нечто вроде косого луча серого света. Луч позволил Конану смутно увидеть прутья входной двери у своего локтя, а затем даже и контуры дальней решетки. Сперва это озадачило его, но потом он понял, в чем дело. Конан знал, он находится глубоко под землей, в катакомбах под королевским дворцом. Тем не менее кому-то понадобилось устроить колодец наверх таким образом, что в него иногда заглядывала поднявшаяся луна. Конан сразу подумал, что сможет, вероятно, следить с его помощью за сменой ночи и дня, отсчитывая время. Возможно даже, днем через отверстия будет проникать солнечный свет... если только колодец не закроют там, наверху, с наступлением дня. Чем не изощренная пытка — время от времени позволять узнику видеть лунный или солнечный свет?

Конан снова обратил взгляд на осколки костей, смутно белевшие в противоположном углу. Он не стал предаваться болезненным раздумьям о том, кем мог быть при жизни этот несчастный и за что ему выпала подобная участь. Его внимание привлекло состояние костей. Он видел, они переломаны не на дыбе. И еще одна весьма неаппетитная деталь открылась внимательному взгляду: берцовые кости были расколоты вдоль. Объяснение могло быть только одно: кто-то расщепил их, чтобы полакомиться костным мозгом. Но кто, кроме человека, добывает мозг из костей? Уж не говорили ли эти немые останки о жуткой трапезе какого-нибудь бедняги, доведенного голодом до людоедства? «Может, кто-нибудь однажды будет так же разглядывать и мои кости, висящие в ржавых цепях...» — подумал Конан, с немалым усилием подавляя приступ слепого животного ужаса.

Киммериец не сыпал проклятиями, не плакал и не бушевал, как, вероятно, поступили бы на его месте многие цивилизованные люди. Однако боль и душевное смятение были нисколько не меньше оттого, что прорывались наружу лишь дрожью, временами сотрясавшей его могучее тело. Где-то там, далеко на западе, немедийское войско огнем и мечом прокладывало себе путь к сердцу Аквилонии. Маленький отряд пуатенцев не сможет их остановить: Просперо в Тарантии продержится несколько недель, в лучшем случае — месяцев; но если не придет помощь, сыграет свою роль численный перевес немедийцев. Без сомнения, бароны поспешат на выручку Просперо, объединяясь против захватчиков... Но он-то, Конан, обречен беспомощно лежать в темном каземате, пока другие ведут его воинов на врага и отвоевывают королевство!

В бессильном бешенстве король заскрипел зубами... и тотчас замер, расслышав со стороны дальней двери крадущиеся шаги. Напрягая зрение, он различил неясную фигуру, скрючившуюся по ту сторону решетки. Скрежетнул металл

по металлу, потом раздался щелчок, как если бы ключ повернулся в замке, и фигура растаяла во мраке, скрывшись из глаз. «Какой-нибудь стражник приходил проверить замок»,— рассудил Конан. Спустя некоторое время откуда-то издали послышался такой же металлический щелчок, а следом — звук открывающейся двери и быстрый, пугливый топот ног, обутых в мягкие башмаки. И вновь неподвижная тишина установилась в подвале...

Конан продолжал напряженно прислушиваться: ему казалось, минуло довольно долгое время, но он сам знал, что обманывается: луна все еще светила сквозь невидимый колодец. Ни звука! В конце концов он переменил положение тела. Громко лязгнули цепи... и почти сразу по ближнему коридору, через который его втащили в камеру, просеменили легкие шаги. Еще миг — и в сером полусвете обозначился хрупкий, тоненький силуэт.

— Король Конан! — позвал дрожащий девичий голос.— Государь мой, ты здесь?

— А где ж мне еще быть,— ответил он сдержанно и вывернул шею, пытаясь разглядеть незнакомку.

Это в самом деле была девушка, и она стояла совсем рядом с ним, обхватив пальчиками прутья решетки. Слабый свет луны обрисовывал ее изящное тело, перехваченное в бедрах клочком шелковой ткани, и смутно играл на украшенных самоцветами пластинах, прикрывавших грудь. Большие испуганные глаза мерцали во мраке, нежное тело, казалось, слегка светилось, точно алебастровое. Длинные волосы ниспадали темной волной; они роскошно блестели даже в полумраке колодца.

— Вот ключи от твоих оков и от дальней двери! — прошептала она.

Белая узенькая рука просунулась сквозь решетку, кинула три предмета, звякнувшие подле Конана об пол.

— Что за игру ты ведешь? — спросил он угрюмо.— Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня нет друзей. Кто послал тебя поиздеваться надо мной?

— Я не издеваюсь, господин мой! — Девушка чуть не плакала и дрожала так, что браслеты и нагрудные пластины звенели о прутья решетки, которые она сжимала обеими руками.— Клянусь Митрой, я украла ключи у чернокожих тюремщиков! Они — хранители подземелий, и каждый имеет при себе ключ лишь от одного замка. Я напоила их... всех, кроме одного, того, которому ты разбил голову,— его унесли к лекарю, и его ключ достать я не смогла. Но остальные — здесь, у тебя! Молю, не медли! За этими темницами таится страшное подземелье — там, во тьме, врата преисподней!

Если она притворялась, то притворялась здорово. Все же Конан попробовал ключи с немалым сомнением, ожидая лишь неудачи и издевательского смеха девчонки. Однако, к радостному изумлению киммерийца, один из ключей вправду отомкнул цепи, подойдя не только к замку у кольца, но и к тем, что запирали кандалы на руках и на ногах. Мгновение — и он поднялся во весь рост, охваченный яростным восторгом пусть относительной, но свободы. Быстрый шаг к двери — и его пальцы охватили железный прут вместе с тоненьким девичьим запястьем. Она, впрочем, и не пыталась вырваться и убежать. Подняв голову, она прямо и смело взглянула в свирепые глаза.

— Кто ты, девочка? — спросил он требовательно.— Почему ты взялась мне помогать?

— Я всего лишь Зенобия,— прошептала она, и дыхание у нее перехватило, словно от страха.— Всего лишь рабыня, купленная в сераль короля.

— И все-таки,— настаивал Конан,— не вижу, с какой бы стати тебе отдавать мне ключи... если только это не какой-нибудь подвох!

Она опустила темноволосую голову, но потом вновь вскинула ее и прямо встретила подозрительный взгляд киммерийца. Слезы алмазными звездами мерцали на пушистых ресницах.

— Я всего лишь рабыня, купленная в сераль короля,— повторила она, и Конан различил в ее голосе гордость, боровшуюся с унижением.— Но король ни разу даже не посмотрел на меня и, может быть, никогда не посмотрит. Я ничтожнее псов, гложущих кости в его пиршественном зале. Но я не раскрашенная игрушка! Я дышу, ненавижу, боюсь, радуюсь... и люблю. И я полюбила тебя, король Конан, с того самого дня, когда ты навещал короля Нуму несколько лет назад. Я видела, как во главе своих рыцарей ты проезжал по улицам Бельверуса, и сердце мое рвалось из груди, мечтая упасть в дорожную пыль, под копыта твоего коня...

Жаркая краска залила ее щеки при этих словах, но она не отвела глаз. Конан помедлил с ответом. В глубине души он так и остался необузданным дикарем, и все же мужчина должен быть уж совершенным скотом, чтобы не испытать невольного трепета и смущения, когда женщина раскрывает перед ним свою душу.

Тут Зенобия склонила голову, и нежные губы прижались к его пальцам, стиснувшим ее запястье. Но ужас их положения тотчас же с новой силой отразился в широко раскрытых темных глазах.

— Поспеши! — отчаянно прошептала она.— Уже минула полночь! Беги, государь!

— А с тебя не сдерут шкуру за утащенные ключи?

— Они никогда не дознаются. Даже если утром негры припомнят, кто дал им вино, они нипочем не посмеют сознаться, что напились и потеряли ключи. Я только не смогла заполучить тот, что отпер бы эту дверь. Ты должен проложить себе путь к свободе через подземелья, мой государь! Какие ужасы таятся там во мраке, я не решаюсь даже гадать. Знаю только, что участь твоя будет еще страшнее, если останешься здесь. Ибо король Тараск возвратился...

— Тараск?

— Да, причем возвратился тайно. Некоторое время назад он спустился сюда, в подземелье, а когда вышел обратно, весь дрожал и был смертельно бледен, как человек, страшно испытывающий судьбу. Я слышала, как он шепнул Аридею, своему оруженосцу, что, несмотря на запрет Ксальтотуна, ты все-таки умрешь.

— А Ксальтотун? — пробормотал Конан.

И почувствовал, как она содрогнулась.

— Не говори о нем! — был едва слышный ответ.— Демоны часто являются туда, где произносят их имена... Рабы говорят, он лежит в своем чертоге, за крепко запертой дверью, и внимает сновидениям черного лотоса. Мне кажется, даже

Тараск втайне боится его, не то бы он расправился с тобою открыто. Но он спускался в подземелья нынешней ночью... и одному Митре известно зачем!

«Уж не Тараск ли возился под дверью?» — задумался Конан.

— Вот кинжал! — Зенобия протянула его сквозь решетку, и пальцы киммерийца жадно сомкнулись на знакомом предмете.— Когда выйдешь в ту дверь,— продолжала она,— поворачивай налево и иди вдоль камер, пока не доберешься до каменной лестницы. Не удаляйся от камер, если тебе дорога жизнь! Отвори дверь наверху лестницы — один из ключей должен подойти. Я буду ждать тебя за ней, и да не оставит нас Митра!

И с этими словами она растворилась во тьме, лишь шелковые туфельки прошуршали по каменным плитам.

Конан пожал плечами и повернулся к дальней решетке. Мысль о возможности коварно подстроенной Тараском ловушки по-прежнему не покидала его. Неужели очертя голову броситься в западню? А хотя бы и так! Все же лучше, чем сидеть на цепи, беспомощно дожидаясь неведомой участи. Конан осмотрел кинжал, врученный ему Зенобией, и мрачная улыбка тронула его губы. Что бы там ни представляла собою девчонка, оружие в руке киммерийца свидетельствовало о ее практичном уме. Это не был какой-нибудь изящный стилет, выбранный ради дорогих камней в рукояти и золотой крестовины и годный разве что для изящного убийства в дамском будуаре. В ладони Конана лежало настоящее оружие воина, с широким, обоюдоострым пятнадцатидюймовым лезвием, плавно сбегавшим к острию алмазного закала и остроты.

Удовлетворенное ворчание вырвалось у Конана. Ощущение рукояти в руке подбодрило его, уверенность теплом разбегалась по жилам. Какие бы паутины заговоров ни сплетались вокруг, какими бы сетями измены и коварства ни пытались опутать его,— эта сталь была настоящей. Мощные мускулы на правом плече короля вздулись, предвкушая убийственные удары.

Держа наготове ключи, он тронул дальнюю дверь и обнаружил, что она открыта. В то же время он помнил, как запирал ее негр. Стало быть, та скрюченная, крадущаяся тень оказалась не тюремщиком, вздумавшим еще раз проверить запоры. Наоборот — тот человек отпер дверь! Все это поневоле наводило на нехорошие мысли, но Конан задумываться не стал. Без колебаний распахнул он решетку и, покинув темницу, ступил во тьму.

Как он и думал, помещение по ту сторону не было коридором. Каменные плиты пола уходили неизвестно куда, теряясь во мраке, ряд камер тянулся налево и направо, но каковы размеры подземелья, в которое он угодил, Конан не знал. Ни потолка, ни другой стены не видно. Лунный свет просачивался лишь сквозь решетчатые двери камер, темнота была почти абсолютной. Кто-нибудь менее зоркий, нежели киммериец, вряд ли различил бы мутно-серые пятна на полу перед дверьми.

Повернув налево, он со всей возможной быстротой скользнул вдоль решеток. Босые ноги короля беззвучно ступали по каменному полу. Проходя мимо, он бросал короткий взгляд в каждую камеру: все пусты и заперты. Несколько раз взгляд Конана ловил отблеск белых костей. Камеры эти были наследием более мрачной эпохи, когда Бельверус являлся скорее крепостью, а не городом.

Однако и в нынешние времена камеры явно использовались куда чаще, чем думали люди.

Когда впереди замаячили очертания лестницы, круто уходившей вверх, Конан понял, что добрался до цели. И в тот же миг ощущение близкой опасности заставило его обернуться назад и низко пригнуться, прячась в непроглядной тени у подножия ступеней.

Где-то там, позади него, во мраке двигалось нечто — нечто громадное, но осторожное, и мягкая поступь его не была человеческой. Конан скользнул глазами вдоль длинного ряда камер, перед каждой из которых лежал на полу сероватый прямоугольник даже не то чтобы света — просто менее густой тьмы... и увидел, как что-то не спеша приближалось к нему, пересекая эти прямоугольники. Что это было, Конан не взялся бы сказать. Громадное, тяжелое, оно тем не менее передвигалось ловко и быстро. Неясный силуэт его то возникал на фоне пятен серого света, то пропадал в черноте промежутков. И веяло жутью от этой крадущейся поступи...

Конан слышал, как скрипели прутья решеток, когда неведомая тварь одну за другой пробовала их отворить. Наконец она достигла камеры, которую он только что покинул,— и эта дверь, единственная из всех, распахнулась. Мелькнула темным пятном и снова скрылась огромная туша: существо вошло в камеру. Лоб и ладони Конана взмокли от пота. Теперь он знал, зачем подкрадывался к двери Тараск и почему удрал так поспешно. Он отомкнул дверь его камеры, а потом где-то в глубине подземелий выпустил из клетки чудовище.

И вот оно покинуло бывшую темницу Конана и заспешило дальше вдоль ряда дверей, опустив уродливую морду к самому полу. Оно больше не дергало запертые решетки. Оно шло по свежему следу.

Теперь Конан видел его лучше. Серый свет обрисовывал гигантское тело, напоминавшее человеческое, только неимоверно массивней и толще. Ссутулившись, тварь ковыляла на задних ногах, и косматый густой мех ее отливал серебром. Длинные руки, вернее сказать, передние лапы свисали почти до земли, а морда казалась жуткой пародией на человеческое лицо.

Конан узнал этот ужас подземелий и понял, что означали раздробленные, расщепленные кости. Перед ним была серая обезьяна-людоед, которые водятся в горных лесах восточного побережья моря Вилайет. Страшные эти обезьяны, великаны животного мира, убийцы, таящиеся в ночных джунглях, вызвали к жизни жуткие легенды о гоблинах, которыми хайборийцы пугали детей.

Конан понял, что обезьяна его учуяла. Теперь она быстро шла, почти бежала вперед: бочкообразное тело покачивалось на коротких кривых могучих ногах. Конан еще раз покосился на лестницу. Тварь догонит его прежде, чем он успеет добежать до двери там, далеко наверху. Больше Конан не думал о бегстве. Он встретит чудовище здесь — лицом к лицу.

Он шагнул вперед, встал в ближайший промежуток лунного света: он знал, что тварь видела в темноте гораздо лучше его, и пытался обеспечить себе хоть какое-то преимущество. Обезьяна тут же заметила его и ощерила желтые клыки, но не издала ни звука. Серые чудовища с моря Вилайет, порождения ночной тишины, были немы. Но на его морде, на этом извращенном подобии человеческих черт, отразился людоедский восторг.

Конан стоял наготове, бестрепетно наблюдая за приближением страшилища. Он знал, его жизнь или смерть будет зависеть от одного-единственного удара. У него не хватит времени ни на то, чтобы ударить еще, ни даже на то, чтобы отскочить. Если он хотел выжить в неравной схватке, его первый удар должен был сразить обезьяну, и сразить наповал. Он смерил взглядом короткую толстую шею, сытое волосатое брюхо и могучую грудь, напоминавшую два сдвинутых вместе щита. Нет, бить надо в сердце. Уж лучше пойти на риск и надеяться на клинок, который не соскользнет, ударившись о прочное ребро зверя, чем ударить в какое-нибудь другое, не столь жизненно важное место.

Прекрасно понимая неравенство сил, Конан готовился противопоставить верный глаз и силу послушных разуму мышц тупой животной мощи и ярости косматого людоеда. Итак, грудь на грудь... смертельный удар... и будем надеяться, что крепкое тело сумеет выдержать чудовищные объятия, избежать которых не удастся уже наверняка.

Когда обезьяна ринулась к нему, широко распахивая страшные лапы, Конан нырнул под них и нанес удар с силой, удесятеренной отчаянием. Он почувствовал, как его клинок до рукояти ушел в мохнатую грудь, и немедленно, разжав пальцы, пригнул голову, сворачиваясь в один комок напряженных мышц. Упираясь коленом в брюхо зверя, он еще попытался перехватить лапы чудовища, не дать им сомкнуться и переломать ему кости.

На какой-то безумный миг Конану показалось, будто землетрясение выворачивает ему суставы, раздирая тело на части... И вдруг все кончилось, он лежал лицом вниз, невредимый, а под ним, закатив красные глаза, содрогалась в последней муке страшная обезьяна. В ее груди торчала рукоять кинжала: удар достиг цели.

Конан и сам дрожал всем телом, тяжело дыша, точно после долгого боя. Ему казалось, у него была вывихнута половина костей, из глубоких рваных царапин, оставленных когтями чудовища, бежала кровь. Измятые мускулы и сухожилия немилосердно болели. Проживи обезьяна секундой дольше, она точно разорвала бы его. Но жизненная сила в который раз помогла Конану выстоять в испытании, немыслимом для обычного человека. Ибо даже предсмертных конвульсий издыхающей обезьяны вполне хватило бы, чтобы оторвать кому угодно другому и руки, и ноги.

VI

УДАР КИНЖАЛА

Нагнувшись, Конан выдернул кинжал из груди обезьяны и быстро зашагал вверх по ступеням. Он понятия не имел о том, какие еще ужасы могли таиться во тьме, и выяснять не собирался. Даже ему, гиганту киммерийцу, вовсе не улыбалась еще одна подобная схватка. К тому же и свет, проникавший в невидимые колодцы, постепенно меркнул, сгущалась непроглядная тьма. Иными словами, что-то подозрительно близкое к паническому ужасу все быстрее гнало Конана по лестнице. Он вздохнул с большим облегчением, когда кончились ступени и пришло время пустить в ход третий ключ. Приоткрыв дверь, Конан осторожно выглянул наружу, ожидая, что на него тут же бросится человек — а может, и зверь.

Но перед ним был пустой, скупо освещенный каменный коридор. И все та же точеная девичья фигурка, которую он впервые увидал сквозь прутья решетки.

— Государь мой! — В тихом, дрожащем голосе мешались радость и страх.

Девушка подбежала к королю, но тут же в смятении отпрянула:

— Ты весь в крови! Ты ранен!

— Ерунда,— нетерпеливо отмахнулся Конан,— эти царапины не повредили бы и ребенку... Впрочем, твоя зубочистка неплохо мне послужила, так что спасибо. Если б не она, Тарасков питомец сейчас хрустел бы моими косточками, разыскивая мозг. Теперь-то куда?

— Пойдем,— прошептала Зенобия.— Я выведу тебя за городскую стену, там у меня припрятана лошадь.

И она повернулась, но тяжелая рука Конана легла на ее обнаженное плечо.

— Иди-ка лучше рядом,— приказал он вполголоса, придерживая ее за талию.— Покамест у меня нет причины сомневаться в тебе, но, видишь ли, я дожил до этого дня в основном потому, что никогда особо не доверялся ни мужчинам, ни женщинам. В общем, вздумаешь шутить — учти: смеяться над шуткой тебе уже не придется.

Она не испугалась ни окровавленного кинжала, ни прикосновения его мускулистой руки.

— Убей меня без всякой жалости, если я тебя предам,— сказала она.— Объятие твоей руки, даже угрожающее,— это ли не исполнение мечты?

Сводчатый коридор вывел их к двери. Зенобия отворила ее. За дверью лежал еще один чернокожий — здоровяк в тюрбане и шелковой набедренной повязке. На каменном полу возле его ладони валялся кривой меч. Чернокожий не двигался.

— Я дала ему вино, сдобренное дурманом,— обходя лежащего, шепнула Зенобия.— Он последний, внешний страж подземелий. Никто еще не убегал отсюда и тем более не стремился проникнуть извне, потому-то и ведают подземельями лишь эти четверо негров. И только они — из всех слуг дворца — знали о короле Конане, привезенном на колеснице Ксальтотуна. А еще о том знала я, ибо я бессонно следила из окошечка в башне за всем, что делалось во дворе, пока другие девушки спали... Я слышала, что на западе происходит — или уже произошла — битва. Я страшилась за тебя... Я видела, как негры несли тебя во дворец, и узнала тебя в смутном свете факелов. Дождавшись вечера, я проскользнула в это крыло дворца, и вовремя — тебя тащили в подземелье. А перед тем ты целый день пролежал в покоях Ксальтотуна, опоенный или околдованный. Я не смела спуститься за тобой до темноты... Но поспешим, государь, ибо сегодня во дворце происходит нечто воистину странное! Рабы говорят, Ксальтотун спит, воскурив пыльцу стигийского лотоса; он часто делает это. Однако вернулся Тараск — вернулся безвестно, через потайной ход, и плащ короля был покрыт пылью дальней дороги. С ним прибыл только его оруженосец — молчаливый тощий Аридей. Я не очень поняла, что к чему, но мне стало страшно!

Поднявшись вместе с Конаном по узкой винтовой лестнице, Зенобия открыла неприметную дверцу, и они вышли. Девушка тщательно притворила дверцу, вновь сделав ее неотличимой частью богато разукрашенной стены. Этот коридор был просторнее прежних, пол его устилали ковры, по стенам красовались шпалеры, а масляные лампы, подвешенные к потолку, распространяли золотое сияние.

Конан напряженно прислушивался, но во всем дворце господствовала ничем не нарушаемая тишина. Конан не знал, в какой части дворца они находились и в каком направлении помещался чертог Ксальтотуна. Дрожа всем телом, Зенобия повела его по коридору и остановилась перед стенной нишей, укрытой атласной занавесью. Отдернув ее, она жестом пригласила Конана вступить в нишу и прошептала:

— Подожди здесь! Там, дальше, днем и ночью нередко снуют евнухи и рабы. Я схожу посмотрю, нет ли кого.

Конан мгновенно ощетинился:

— Хочешь в ловушку меня завести?

Темные глаза наполнились слезами. Упав на колени, Зенобия схватила его руку.

— О мой король, не сомневайся во мне! — В дрожащем голосе была настойчивость, вызванная отчаянием.— Если ты промедлишь, мы оба погибли! И неужели я вывела бы тебя из подземелий только затем, чтобы предать?

— Ладно,— буркнул он,— придется поверить... хотя Кром видит, как нелегко расстаться с многолетней привычкой! И потом... знаешь, я тебя пальцем не тро-

ну, хоть ты все немедийское войско сюда приведи. Если б не ты, Тарасков людоед нашел бы меня безоружным и закованным в цепи. Поступай, девочка, как знаешь!

Поцеловав его руку, она легко вскочила на ноги и убежала по мягким коврам коридора, скрылась за прочными двойными дверьми.

Конан проводил ее взглядом, гадая, чем обернется для него такая доверчивость. Потом передернул могучими плечами и поплотнее сдвинул атласные занавеси. Его не особенно удивило, что юная красавица рисковала жизнью ради него; такое случалось с ним не однажды. Многие женщины дарили ему свою благосклонность и в дни странствий, и позже, когда он стал королем.

Не в его натуре было сидеть неподвижно, дожидаясь возвращения девчонки. Чисто инстинктивно он решил обследовать нишу — нет ли другого выхода. И выход нашелся. За шпалерами обнаружилась узкая щель, которая привела Конана к резной двери, едва видимой в луче тусклого света, проникавшего из коридора. Пока Конан ее разглядывал, за нею хлопнула еще какая-то дверь, потом донесся приглушенный гул голосов. Один из голосов показался Конану знакомым, и на загорелом лице короля появилось зловещее выражение. Не раздумывая, скользнул он в узкий проход и затаился у двери, точно пантера, подкарауливающая добычу. Дверь оказалась не заперта. Действуя умело и очень осторожно, Конан чуть-чуть ее приоткрыл.

С той стороны тоже висели занавеси, но сквозь неплотно задернутые бархатные шторы Конану удалось заглянуть в комнату, освещенную пламенем единственной свечи, горевшей на эбеновом столике. В комнате находились двое. Один — покрытый шрамами, злодейского вида оборванец в кожаных штанах и видавшем виды плаще. Вторым был Тараск, король Немедийский.

Тараск явно нервничал, был бледен и все время оглядывался, будто боялся услышать какой-нибудь звук или приближающиеся шаги.

— Отправляйся тотчас же и не мешкай в пути,— говорил Тараск.— Он глубоко погружен в дурманные сновидения, но откуда знать, когда его угораздит проснуться.

— Вот уж не ждал я услышать из уст Тараска слова, исполненные страха,— пробурчал его собеседник.

Голос у него был низкий и грубый.

— Ты прекрасно знаешь,— нахмурился король,— что обычных людей я не боюсь. Но когда я увидел, как при Валкие рушились скалы, я убедился: мы воскресили не какого-то шарлатана, а сущего демона. Я боюсь его силы, потому как не знаю, сколь далеко она простирается. Я понял только одно: сила как-то связана с проклятым камнем, который я у него выкрал. Он вернул его к жизни, и, видно, на нем-то и зиждется все колдовство. Недаром он так надежно спрятал его! Но я дал одному из рабов тайный наказ проследить за чародеем, и раб подсмотрел, как он положил Сердце в золотую шкатулку и спрятал шкатулку в тайник. Но я ни за что не осмелился бы похитить камень, если бы Ксальтотун не заснул сном черного лотоса... Итак, именно он — основание могущества колдуна. С его помощью Ораст вернул Ксальтотуна к жизни. А он, опять же с помощью камня, сделает нас всех своими рабами, если мы не убережемся. Теперь возьми его и выброси в море, как я велел. Только смотри, выброси подальше от

берегов, чтобы шторм или прилив не вынесли его снова на сушу. И не забудь, ведь я тебе хорошо заплатил.

— Это верно,— ответствовал негодяй.— Сказать по правде, король, не в одном золоте дело: за мной долг благодарности. Даже воры умеют быть благодарными.

— Когда бросишь эту штуку в море,— сказал Тараск,— можешь больше не считать себя моим должником, в чем бы ни заключался твой долг.

— Я поеду в Зингару и в Кордаве сяду на корабль,— пообещал вор.— Я не смею показаться в Аргосе из-за убийства одного тамошнего...

— Мне все равно, так что договорились,— перебил король.— Вот, возьми. Конь ждет тебя во дворе. Ступай же — и поторопись!

Что-то перешло из рук в руки — что-то, больше всего похожее на частицу живого огня. Конан лишь мельком успел заметить его. Вор надвинул на глаза широкополую шляпу, завернулся в плащ и поспешно вышел из комнаты.

Дверь едва успела закрыться за ним, когда ярость и жажда отмщения взметнули Конана в стремительном, смертоносном прыжке. Он сдерживался, пока мог, но всему есть предел. От близости заклятого врага кровь варвара заклокотала в жилах, начисто смыв всякую осторожность.

Тараск уже направился к внутренней двери, но Конан, разметав занавески, кровожадной пантерой ринулся в комнату. Тараск обернулся, но кинжал Конана вонзился в него еще прежде, чем он успел разглядеть, кто же напал.

Однако смертельного удара не получилось, Конан понял это тотчас. Его ступня угодила в складки портьеры и подвела его в прыжке. Клинок вошел Тараску в плечо и пропахал по ребрам. Король Немедии отчаянно закричал.

Страшный удар и тяжесть обрушившегося тела швырнули Тараска прямо на столик, тот опрокинулся, и свечка погасла. Оба противника рухнули на пол и запутались в портьерах. Конан вслепую наносил удар за ударом и никак не мог попасть в Тараска, который вопил во все горло от боли и ужаса. Страх придал немедийскому королю сверхчеловеческие силы — вырвавшись, он убежал в темноту с криком:

— Спасите! Стража! Аридей, ко мне! Ораст! Ораст!..

Конан поднялся, отшвырнув занавесь. И, ругаясь на чем свет стоит, пинком отбросил обломки стола. Что может быть горше неудавшейся мести! Вопли Тараска еще слышались в отдалении; во дворце начинался переполох. Немедиец удрал в темноте, и Конан не мог сообразить, в какую сторону он скрылся, а главное, куда следовало теперь бежать ему самому. Плана дворца Конан не знал. Необдуманная месть сорвалась; оставалось попробовать спасти свою шкуру — если получится...

Ругая последними словами судьбу за постигшую неудачу, Конан тем же проходом вернулся в свою нишу, и сейчас же к нему подбежала Зенобия.

— Что случилось? — вскрикнула девушка. Ее глаза были круглыми от ужаса.— Дворец так и гудит! Но, клянусь, я не предавала тебя! Я...

— Нет, это я разворошил осиное гнездо,— проворчал он.— Хотел тут сквитаться с одним, да не получилось. Как бы поскорее выйти наружу?

Она схватила его за руку и во всю прыть помчалась по коридору. Но добежать до двери они не успели: та уже сотрясалась от ударов — в нее ломились с другой стороны.

Зенобия, всхлипнув, заломила руки:

— Мы отрезаны! Возвращаясь, я заперла эту дверь... через нее ведет путь к тайному ходу... Сейчас они ворвутся сюда!

Конан оглянулся: с другого конца коридора слышались невнятные крики, и, еще не видя врагов, киммериец понял — опасность не только впереди, но и за спиной.

— Сюда! Скорее сюда! — Девушка пересекла коридор и распахнула перед ним дверь какой-то комнаты. Конан последовал за нею и вдвинул в ушки золоченый засов. Он стоял в прихотливо убранном покое, где, кроме них двоих, никого не было. Зенобия тянула его за руку, увлекая к окошку. Сквозь позолоченную решетку виднелись кусты и деревья.

— Ты сильный,— задыхаясь, вымолвила Зенобия.— Ты еще сможешь спастись, если сломаешь решетку. В саду полно стражи, но кусты там густые, ты спрячешься. Южная стена сада — это и городская стена. Переберись через нее, и ты на свободе. Там, возле дороги, ведущей на запад, в нескольких сотнях шагов от фонтана Траллоса тебя ждет конь, спрятанный в чащобе. Ты знаешь, как добраться туда?

— Знаю, но что будет с тобой? Я думал забрать тебя отсюда.

Радость озарила ее лицо, сделав его еще краше.

— О боги, чаша счастья моего переполнена... Но я не задержу твоего бегства. Если я обременю тебя, ты погибнешь! Не страшись за меня, они никогда не заподозрят, будто я помогала тебе по собственной воле. Спеши же! Слова, которые я только что слышала, долгие годы будут наполнять светом мою жизнь.

Он вдруг схватил ее в железные объятия, с силой прижал к себе тоненькое затрепетавшее тело и принялся неистово целовать глаза, щеки, шею и губы. Зенобия едва не лишилась сознания от его жадных ласк и от счастья, грозившего разорвать сердце.

— Я уйду,— зарычал Конан.— Но, клянусь Кромом, когда-нибудь я вернусь за тобой!

Обхватив ладонями золоченые прутья, он одним яростным усилием выдернул их из гнезд. Перекинул ногу через подоконник и быстро спустился вниз, цепляясь за лепные украшения стены. Спрыгнул наземь — и тотчас растворился, как тень, в сплошной гуще высоких розовых кустов и раскидистых деревьев. Оглянувшись через плечо, он еще раз увидел Зенобию. Стоя у окна, она протягивала руки в немом жесте прощания и самоотречения...

Стража — рослые воины в начищенных кирасах и полированных бронзовых шлемах — мчалась ко дворцу, откуда все громче доносились суматошные крики и топот. Броня и оружие стражников поблескивали в свете звезд, шаги были слышны издалека. Конану, выросшему в диких лесах, эти вояки казались стадом быков, бестолково ломившихся сквозь кусты. Кое-кто из них, не подозревая того, пробежал в считаных футах от киммерийца, распластавшегося в тени зарослей. Они ничего не замечали вокруг. Когда они промчались с криками мимо, Конан поднялся и заскользил через сад в другую сторону, двигаясь бесшумно, точно охотящаяся пантера.

Быстро добрался он до южной стены и взбежал по ступенькам к самому парапету: стена была неприступна снаружи, но отнюдь не изнутри, даже часовых не видно. Перед тем как проскользнуть между зубцами, Конан обернулся в по-

следний раз и окинул взглядом громадный дворец, вздымавшийся над вершинами кипарисов. Свет горел в каждом окне; туда-сюда носились тени людей, напоминавшие ему кукол, которых дергают за незримые нити. Ощерившись, Конан на прощание погрозил дворцу кулаком и, выбравшись на ту сторону, повис на руках. Невысокое дерево, росшее в нескольких шагах от стены, приняло его тело. Беззвучно свалившись на его ветви, мгновением позже он уже мчался сквозь ночь размашистым шагом горца, что неутомимо пожирает долгие мили.

Стены Бельверуса были окружены парками и загородными виллами состоятельных жителей. Ленивые рабы, спавшие в обнимку с копьями, не замечали стремительной тени, которая перемахивала ограды, скользила по аллеям под сомкнутыми кронами деревьев, неслышно пересекала виноградники и фруктовые сады. Одни лишь сторожевые псы просыпались полаять на эту легкую тень, которую они наполовину чуяли, наполовину угадывали во тьме,— и замолкали, когда она исчезала.

В дворцовом покое король Тараск стонал и сыпал проклятиями, корчась на испятнанном кровью диване под ловкими, быстрыми пальцами Ораста. За дверью, трепеща, толпились перепуганные слуги, но в комнате, где лежал король, кроме него самого и расстриги жреца, никого не было.

— Так ты уверен, что он еще спит? — снова спросил Тараск, скрипя зубами.

Травяные снадобья, которыми Ораст умащивал глубокую и длинную рану на его плече и боку, причиняли невыносимую боль.

— Иштар, Митра и Сет! Жжет, словно кипящая смола преисподней...

— ...В которой ты, без сомнения, уже сейчас бы варился, если бы тебе повезло хоть чуточку меньше,— невозмутимо заметил Ораст.— Кем бы ни был владелец ножа, он бил насмерть. Да, Ксальтотун по-прежнему спит. Я тебе говорил и могу повторить. Но почему это так тебя беспокоит? Он-то здесь при чем?

— Что тебе известно о произошедшем нынче ночью во дворце?

Тараск не сводил с лица Ораста пристального, горящего взгляда.

— Ничего,— прозвучал ответ.— Как ты знаешь, вот уже несколько месяцев я занимаюсь переводами рукописей для Ксальтотуна — перевожу тома эзотерического знания с современных языков на древние, дабы он мог их прочесть. Он прекрасно владел всеми языками и видами письменности, существовавшими в его эпоху, однако новые, появившиеся с тех пор, изучить еще не успел. Вот он для быстроты дела и велел мне перевести для него кое-какие труды: хочет выяснить, что нового появилось в магии за три тысячи лет. Даже о его возвращении прошлой ночью я узнал лишь тогда, когда он послал за мной и рассказал о сражении... после чего я вернулся к своим занятиям и не покидал кельи, пока во дворце не начался переполох! Я не знал даже о твоем прибытии...

— И о том, что Ксальтотун привез во дворец пленного короля Аквилонии, тоже не знал?

Ораст покачал головой, но, похоже, не особенно удивился.

— Ксальтотун сказал — Конан больше не будет нам мешать. Я предположил, что он убит, но о подробностях не расспрашивал.

— Я собирался прикончить его,— зарычал Тараск,— но Ксальтотун спас ему жизнь. Я сразу понял зачем! Он собирался держать Конана в плену живым и пугать королем нас всех — Амальрика, Валерия и меня! Пока Конан жив — он

опасен. Он способен объединить Аквилонию. А значит, с его помощью нас можно принудить вести такую политику, на которую мы бы в ином случае никогда не согласились. Ох, не доверяю я воскресшему пифонцу! И скажу тебе больше: последнее время он попросту внушает мне страх! Когда после битвы он отправился на восток, я выждал несколько часов, а потом последовал за ним. Я хотел выяснить, что он собирается делать с Конаном. Узнал, где он заточил его. Я решил пойти против воли Ксальтотуна и умертвить варвара. И я его...

Осторожный стук в дверь прервал речь короля.

— Это Аридей,— пробормотал Тараск.— Впусти его.

Дверь отворилась — вошел угрюмый оруженосец. Глаза его блестели от сдерживаемого волнения.

— Ну что, Аридей? — воскликнул Тараск.— Поймал ли ты того, кто на меня напал?

— Успел ли ты разглядеть его, государь? — спросил Аридей, словно бы желая еще раз подтвердить некое уже известное ему обстоятельство.— Ты не узнал его?

— Нет. Все произошло очень быстро, и потом, свеча сразу погасла — я уже решил, что Ксальтотун своей магией напустил на меня какого-то демона.

— Пифонец спит, закрывшись на все замки и засовы. Я спускался в подземелье! — И Аридей нервно передернул тощими плечами.

— Говори же! — нетерпеливо потребовал Тараск.— Что ты там увидел?

— Пустую камеру,— прошептал оруженосец.— И дохлую обезьяну!

— Как?! — Тараск вскинулся на диване.

Кровь снова хлынула из открывшейся раны.

— Да, государь,— повторил Аридей.— Людоед мертв — кто-то пырнул его точно в сердце. А Конан сбежал!

Лицо Тараска посерело. Безвольно подчинился он Орасту, который уложил его обратно на диван и занялся раной.

— Конан! Конан! — твердил король.— Там должен валяться его растерзанный труп. А вместо этого он... он сбежал! Он не человек, а сам демон! Я-то думал, за нападением на меня стоит Ксальтотун. Но теперь я знаю, кто это был! Боги и демоны! Конан пырнул меня!.. Аридей!

— Да, мой король!

— Осмотри каждый уголок во дворце. Быть может, он рыщет по темным коридорам подобно голодному тигру! Загляни в каждую нишу... только будь осторожен. Помни, ты охотишься не за цивилизованным человеком, но за кровожадным варваром, свирепым и сильным, точно дикий зверь! Обыщи хорошенько дворцовый парк, нет, весь город! Вели поставить оцепление у стен! Если окажется, что он уже скрылся из города — а такое вполне возможно,— возьми отряд конников — и за ним! Ты должен выследить его, как выслеживают волка в холмах! Поспеши, и тебе еще удастся его схватить!..

— Тут нам пригодился бы сверхчеловеческий разум,— сказал Ораст.— Не посоветоваться ли с Ксальтотуном?

— Нет! — порывисто воскликнул Тараск.— Пусть воины догонят Конана и расправятся с ним. Ксальтотун не сможет ничего возразить, если мы убьем сбежавшего пленника!

— Ладно,— сказал Ораст,— я, конечно, не чета ахеронцу, но тоже владею кое-каким искусством и повелеваю некоторыми духами, заключенными в материальную оболочку. Я постараюсь помочь.

Фонтан Траллоса находился примерно в миле от городских стен, недалеко от дороги. Дубовая роща окружала его плотным кольцом. Конан издалека расслышал мелодичное журчание; утолив жажду студеной водой, он без промедления направился к югу, где виднелись плотные заросли. Обойдя их, он заметил крупного белого коня, привязанного в кустах. Удовлетворенно и глубоко вздохнув, Конан уже шагнул к коню, когда насмешливый хохот, раздавшийся позади, заставил его стремительно обернуться.

Из непроглядной тени вышел человек, одетый в тускло поблескивавшую кольчугу. Это был не какой-нибудь дворцовый стражник в полированном нагруднике и шлеме со страусиным плюмажем. Перед Конаном стоял высокий, крепкий мужчина в боевом шлеме и серой кольчуге. Он принадлежал к особому классу странствующих воинов, которых можно встретить лишь в Немедии. Их ряды пополнялись теми, кто не сумел обрести рыцарское достоинство и соответствующий достаток либо утратил его; закаленные воины, посвятившие жизнь войне и поиску приключений. Между ними существовали свои отношения, иногда они возглавляли войска, но сами не признавали над собой никого, кроме короля. На более опасного врага напороться было мудрено.

Быстрый взгляд, брошенный вокруг, убедил Конана, что его противник находился здесь один. Конан вздохнул полной грудью, подбираясь всем телом в ожидании схватки.

— Я ехал в Бельверус по поручению Амальрика,— осторожно приближаясь, говорил тем временем воин. Звездный свет играл на огромном двуручном мече, который он держал перед собой, вынув из ножен.— Слышу, конь мой перекликается с чьим-то чужим, спрятанным в чаще. Дай, думаю, посмотрю, кому бы это понадобилось оставить в таком месте лошадь? Решил подождать — и, вижу, не

прогадал! Я узнал тебя,— пробормотал немедиец.— Ты — Конан, король Аквилонии. Я думал, что ты погиб при Валкие под обвалом, но теперь ви...

Договорить не пришлось: Конан прыгнул вперед, как раненый тигр. Немедиец, будучи опытным воином, все равно не смог учесть быстроты, на которую в решительный миг способен был варвар.

Конан застал его врасплох; тот не успел ни рубануть тяжелым мечом, ни отразить стремительного удара. Кинжал короля вошел ему в горло, над шейным вырезом кольчуги, и, скользнув вниз, остановил сердце. Издав булькающий звук, воин зашатался и рухнул. Он еще не успел упасть, когда Конан безжалостно выдернул кинжал. Белый конь громко фыркнул, шарахаясь от запаха крови, от окровавленного клинка.

Покрытый потом, с кинжалом в руке, Конан замер, как статуя, вслушиваясь в голоса ночи. В лесу стояла тишина, если не считать сонного чириканья разбуженных птиц. Но потом со стороны города, далеко-далеко, резко прокричала труба.

Конан склонился над убитым и быстро обыскал его. Если этот человек и вез какое-то сообщение, то, вероятнее всего, устное.

Король не стал медлить: до рассвета оставалось всего несколько часов. Очень скоро белый конь мчался галопом по дороге на запад, а всадник его был одет в серую кольчугу странствующего воина-немедийца.

VII

ЗАВЕСА РАЗДВИНУЛАСЬ

Конан знал: если он хочет спастись, нужно уходить, и уходить быстро. У него не возникло и мысли о том, чтобы спрятаться где-нибудь вблизи Бельверуса и отсидеться, пропустив погоню мимо себя. Он понимал — сверхъестественный

союзник Тараска без труда его выследит. Отсиживаться и выжидать не в его натуре: открытая схватка, открытая погоня подходит ему куда больше. Он знал, что отрыв для начала неплохой и он их еще погоняет, пробираясь к границе.

Зенобия подобрала ему замечательного коня: белый жеребец оказался крепок, силен и отменно вынослив. Девчонка неплохо разбиралась в конях, оружии и, не без самодовольства сказал себе Конан, в мужчинах. Он скакал на запад, оставляя позади милю за милей.

Спящая страна расстилалась вокруг. Конан видел деревни, укрытые зеленью рощиц, и окруженные белыми стенами виллы, раскинувшиеся среди фруктовых садов и просторных полей. Чем дальше на запад, тем меньше их становилось.

Местность постепенно делалась все более суровой и пересеченной. Со скалистых высот хмурились крепости, без слов говорившие о столетиях пограничной войны. Но никто не окликал с их стен одинокого всадника, никто не выезжал наперерез. Хозяева замков были в походе под знаменем Амальрика, и вымпелы, реявшие обычно над башнями, развевались теперь над равнинами Аквилонии.

Когда осталась за спиной последняя деревушка, дорога свернула на северо-запад, к далеким перевалам, и Конан оставил ее. Дорога привела бы его к пограничным башням, где все еще стояли вооруженные гарнизоны, и уж там-то его нипочем не пропустили бы без расспроса. К тому же с рассветом, по всей вероятности, там появятся обозы с ранеными и кавалькады возвращающихся воинов. Зато вдали от дорог и застав пограничные пустоши вряд ли так кишели разъездами, как в обычное время.

Бельверусский большак — единственная дорога через границу на добрых пятьдесят миль с севера на юг. Дорога вилась между холмами, а слева и справа раскинулись дикие, малонаселенные горы. Конан по-прежнему ехал только на запад, намереваясь пересечь границу в самом сердце глухих гор, несколько южней перевалов. Короткий путь был намного трудней, но вместе с тем и безопасней для преследуемого беглеца. Армия застряла бы здесь, одинокий же человек на коне надеялся проскользнуть.

К рассвету, однако, Конану не удалось достичь гор, синевших у горизонта. Он заехал в такие места, где не было ни ферм, ни деревень, ни вилл, мерцающих белизной сквозь зелень садов. Утренний ветер колебал высокую жесткую траву, высохшую на корню. В отдалении, на невысоком холме, виднелась сторожевая крепость. Аквилонцы нередко тревожили степное приграничье набегами, оттого и поселения здесь встречались реже, чем дальше к востоку.

Казалось, рассвет поджег степь. В небе над головой Конана с заунывным криком пролетела на юг запоздалая стая диких гусей. Спустившись в болотистую низину, Конан спешился и расседлал коня. В течение нескольких часов он гнал его немилосердно; скакун тяжело поднимал бока, белая шерсть потемнела от пота. Конан дал ему от души поваляться и попастись, сам же взошел на невысокий подъем и залег там, глядя на восток.

Вдалеке виднелась дорога, белой лентой протянувшаяся к склону холма. На ней он не заметил никакого движения. Конан присмотрелся к сторожевому замку. Похоже, и там на одинокого путника не обратили внимания.

Минул час, все было тихо по-прежнему. Конан не замечал вокруг никаких признаков жизни. Лишь однажды между зубцами крепостных бастионов на

солнце блеснула сталь. Да еще ворон безостановочно кружился над степью, то снижаясь, то снова взмывая,— ни дать ни взять что-то высматривал. Конан оседлал коня и вновь поскакал на запад, уже без той спешки, чем прежде.

Но едва он выехал из ложбины, как над головой раздалось злорадное карканье. Конан вскинул голову: высоко в небе трепетали черные крылья. Конан поехал дальше, и ворон последовал за ним, держась над его головой и поганя ясное утро хриплым, назойливым криком. Отогнать его Конану не удалось.

Так продолжалось несколько часов; в конце концов Конан дошел до последней степени раздражения и готов был отдать полкоролевства только за то, чтобы свернуть эту мерзкую черную шею.

— Демоны преисподней! — взревел он в бессильной ярости, грозя наглому созданию закованным в сталь кулаком.— Ты взялся с ума меня свести своим карканьем? Прочь, черное отродье гибели! Лети лучше поищи пшеницы в крестьянских полях!

Его конь тем временем уже взбирался в предгорья; Конан неприятно удивился, когда на вопли ворона сзади как будто откликнулось эхо. Обернувшись, он увидел вторую черную точку, повисшую в синеве. А еще дальше послеполуденное солнце играло на полированной стали. Это могло означать лишь одно — воинов. И скакали они не по большаку — тот давно уже скрылся за горизонтом. Они преследовали беглеца. Мрачнея, вновь посмотрел он на кружившуюся над ним птицу, и по спине пробежал озноб.

— Так значит, это не просто прихоть безмозглой твари,— пробормотал он.— Всадники не могут тебя разглядеть, адское создание, но та, другая, птица видит тебя, а они видят ее. Она следует за тобой и ведет их. Кто ты на самом деле? Отлично обученное пернатое создание или демон в облике птицы? Уж не Ксальтотун ли пустил тебя по моему следу? Или ты сам — Ксальтотун?

В ответ раздался зловещий, пронзительный крик, только теперь Конану слышался в нем отзвук злобной насмешки.

Он не стал больше тратить силы на перебранку с проклятым соглядатаем. Мрачно стиснув зубы, он больше не позволял ему себя отвлекать. Скачка по холмам, лежавшим впереди, обещала быть долгой и трудной. Конан не решался особенно понукать коня, не успевшего толком передохнуть возле болотца. Преследователи были еще далеко, но он подозревал, что его нынешнее преимущество скоро сойдет на нет. Они ведь почти наверняка пересели на свежих коней в замке, мимо которого он проезжал.

Дорога делалась все трудней. Круглые травянистые холмы сменились крутыми, заросшими густым лесом горными склонами. Конан, скорее всего, ушел бы здесь от погони... если бы не чертова птица, продолжавшая кружиться над ним и беспрерывно вопить. Петляя меж скал, Конан потерял из виду преследователей, но понимал, что они по-прежнему шли по пятам, безошибочно ведомые своими крылатыми союзниками. Черная тень над головой все больше казалась Конану демоном, посланным гнаться за ним по всем кругам преисподней. Камни, которые он с проклятиями швырял вверх, пролетали мимо или падали вниз, не причинив твари вреда. А ведь в юности ему случалось сбивать ястребов на лету!

Конь быстро выбился из сил, и Конан осознал всю безнадежность своего положения. Более того: он ощущал за всем этим неумолимую руку судьбы. Спа-

сения он не видел. Он и теперь оставался таким же пленником, каким был в бельверусских подвалах. Однако Конан не сын Востока и не готов безропотно склониться перед неизбежным. Может, он и не сумеет бежать, но, по крайней мере, прихватит с собой в вечность некоторое количество врагов... Конан присмотрел на горном склоне густые пушистые лиственницы и направился к ним, собираясь принять здесь свой последний бой.

И в это время впереди послышался крик — человеческий, но очень странного тембра. Конан раздвинул зеленые ветви и сразу увидел кричавшую. Там, внизу, на неширокой поляне, четверо воинов в немедийских кольчугах надевали петлю на шею худой древней старухе в крестьянской одежде. На земле валялась охапка сухих веток, перехваченная веревкой. Должно быть, женщина собирала хворост, когда попала в руки воинов.

Негодяи уже подтаскивали старуху к дереву, сучьям которого, раскинутым невысоко над землей, по всей видимости, предназначалась роль виселицы. От такого зрелища в сердце Конана медленно закипела смертоносная ярость. Около часа назад он пересек границу и теперь стоял на своей земле, и что? На его глазах собирались расправиться с одним из его подданных!

Между тем бабка отбивалась отчаянно, проявляя неожиданную силу. Конан увидел, как она подняла голову: снова раздался тот же удивительный и жутковатый, далеко слышный зов. Ворон, мелькавший между вершинами деревьев, насмешливо передразнил ее крик. Воины захохотали, один из них ударил старуху по лицу.

Конан спрыгнул с усталого жеребца и съехал вниз по каменной круче. Его кольчуга лязгнула, когда он приземлился на траву, и все четверо оглянулись разом, выхватывая мечи. У них так и отвисли челюсти при виде гиганта в кольчуге, стоявшего перед ними с обнаженным клинком в могучей руке.

Конан хрипло расхохотался.

— Подонки! — сказал он, и голос его был спокоен и беспощаден.— Стало быть, немедийские шакалы нынче заделались палачами и вешают моих подданных по своему усмотрению? Нет уж, сперва снимите голову их королю. Я здесь, паршивые шакалы, и я к вашим услугам!

И он шагнул вперед. Воины смотрели на него, не вполне понимая, что происходит.

— Кто этот сумасшедший? — проворчал в бороду один из негодяев.— Кольчуга на нем немедийская, а говорит с аквилонским акцентом.

— Какая разница? — отозвался другой.— Прикончим его, а потом вздернем старую ведьму.

Сказав так, он побежал навстречу Конану, замахиваясь на ходу. Но ударить не успел: просвистел громадный меч короля, раскроив и шлем, и череп под шлемом. Немедиец упал, но остальные оказались закаленными рубаками. Рыча, точно волки, обступили они великана в серой кольчуге, и скоро крики сражающихся и звон стали заглушили даже неумолчное карканье ворона, кружившего вверху.

Конан бился молча. Его губы кривила безжалостная улыбка, глаза превратились в два синих огня. Двуручный меч крушил и сверкал, устремляясь то влево, то вправо. При всей своей богатырской стати Конан был ловок, как лесной кот, и двигался с таким проворством, что удары, сыпавшиеся с трех сторон, чаще всего рассекали лишь воздух. Когда же он рубил сам, удары оказывались страш-

ны и смертоносны. Вот и еще двое свалились в траву и испустили дух, а четвертый получил не менее полудюжины ран и пятился, спотыкаясь и едва поспевая отмахиваться мечом.

И тут шпора Конана запуталась в накидке одного из убитых. Конан запнулся, и, прежде чем он успел вновь обрести равновесие, немедиец, подхлестнутый отчаянием, атаковал его. Конан не удержался на ногах. Немедиец издал хриплый крик торжества и прыгнул вперед, двумя руками занося меч и широко расставляя ноги для решительного удара... Но вдруг что-то большое и мохнатое перелетело через поверженного короля и молнией обрушилось воину на грудь: крик торжества сменился воплем — и стих.

Вскочив на ноги, Конан увидел, что его противник мертв. Он лежал на земле с разорванным горлом, а над ним стоял громадный серый волк и, опустив голову, обнюхивал кровь, лужей растекавшуюся в траве.

Король обернулся, услышав голос старухи. Он обратил внимание, что она высокого роста и держится прямо. И хотя наряд ее говорил о бедности, точеные орлиные черты лица и пронизывающий взгляд черных глаз наводили на мысль, что она не простая крестьянка. Старуха позвала волка, и громадный зверь подбежал, точно послушный пес, и ласково потерся мускулистым плечом о колено старухи, глядя на Конана умными зелеными глазами. Старуха рассеянно опустила руку на мощную шею зверя; оба стояли неподвижно, глядя на короля Аквилонии. И хотя смотрели они совсем не враждебно, Конану под их взглядами стало несколько не по себе.

— Люди говорят, король Конан погиб, задавленный землей и камнями, когда рухнули скалы при Валкие,— низким, звучным голосом проговорила старуха.

— Говорят,— буркнул он в ответ.

Спорить ему не хотелось, он думал о конных латниках, нагонявших его с каждым мгновением. Ворон снова пронзительно закричал, и Конан невольно глянул вверх, раздраженно скрипнув зубами.

Выше по склону, над скалами, устало свесив голову, стоял белый конь. Старуха внимательно посмотрела на него, потом на ворона... и вновь прозвучал таинственный крик вроде тех, что Конан слышал уже дважды. Как бы узнав этот клич и испугавшись его, ворон вдруг замолчал и, развернувшись в воздухе, помчался к востоку. Но далеко улететь не успел. Большая тень накрыла его; откуда-то снялся орел и, быстро набрав высоту, скользнул к черному вестнику. Удар могучих когтей — и мерзкий голос предателя умолк навсегда.

— Кром! — проворчал Конан, во все глаза глядя на старуху.— Никак ты тоже волшебница?

— Я Зелата,— был ответ.— Жители долин называют меня ведьмой. Значит, отродье ночи вело по твоему следу вооруженных людей?

— Да,— сказал Конан.

И отметил про себя, что старуха нисколько не удивилась.

— Похоже, они уже недалеко.

— Возьми коня и следуй за мной, король Конан,— коротко велела она.

Конан без пререканий полез на скалу и сошел на поляну обходным путем, ведя коня в поводу. Он видел, как вернувшийся орел лениво спустился с небес и на миг коснулся плеча Зелаты, простирая громадные крылья и словно боясь сокрушить своей тяжестью хрупкие кости старухи.

Зелата молча зашагала вперед, громадный волк бежал у ноги, орел парил над головой. Конан долго шел за ней то непроглядными чащобами, то извилистыми карнизами, нависшими над бездной. Наконец узкая тропа, тянувшаяся вдоль обрыва, привела их к необычному жилищу, затерявшемуся в путанице хребтов и ущелий. Оно было частью сложено из камня и представляло собой наполовину дом, наполовину пещеру. Сверху нависал огромный утес. Орел взлетел на вершину утеса и застыл там на страже, недвижный, как изваяние.

По-прежнему молча Зелата устроила коня в соседней пещере, пододвинув ему большие охапки травы и молодых листьев; в глубине пещеры журчал тоненький ручеек.

Проведя короля в домик, она указала ему на деревянную лавку, покрытую шкурами, сама же присела на низенькую скамеечку возле крохотного очага. Развела огонь, подбросила в него тамарисковых поленьев и приготовила немудреный ужин. Волк дремал подле нее, положив на лапы тяжелую голову и обратив морду к огню. Волку что-то снилось: его уши подрагивали и шевелились во сне.

— И не страшно тебе сидеть в доме у ведьмы? — нарушив молчание, спросила старуха.

Конан не ответил, лишь передернул плечами, обтянутыми серой кольчугой. Зелата подала ему деревянное блюдо, на котором лежали сушеные фрукты, сыр, ячменный хлеб и стоял вместительный горшок хмельного горского пива, сваренного из ячменя, росшего в заоблачных долинах.

— Задумчивая тишина полян и ущелий милей шума и суеты городских улиц,— сказала Зелата.— А дети лесов — добрее детей человеческих...— Ее рука легонько погладила жесткую шерсть спящего волка.— Сегодня мои дети были далеко от меня, а не то в твоем мече, мой король, не было бы нужды. Они услышали мой зов и поспешили ко мне...

Конан спросил ее:

— Чего от тебя добивались эти немедийские выродки?

— Воины сбегают из вторгшейся армии и разбойничают по всей стране, от границ до самой Тарантии,— отвечала она.— Крестьяне, живущие в долинах, наболтали им, будто у меня где-то припрятан золотой клад. Эти глупцы надеялись отвлечь таким образом внимание от своих погребов и амбаров. Воины требовали у меня выдать сокровища; мои ответы привели их в ярость... Но здесь тебя не найдут ни разбойники, ни преследователи, ни даже ворон.

Конан покачал головой, жадно заглатывая пищу:

— Я поеду в Тарантию.

Тут уж настал ее черед качать головой.

— Ты лезешь прямо в пасть дракону, король. Лучше будет, если ты скроешься из страны. Твое королевство лишилось сердца.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.— В прежние времена бывало и так, что война начиналась с поражения, а оканчивалась победой. Один проигранный бой еще не потеря всего королевства!

— Значит, ты хочешь поехать в Тарантию?

— Да. Просперо ее Амальрику не отдаст.

— Ты уверен?

— Демоны преисподней, женщина! — воскликнул он гневно.— А как же иначе?

Она снова покачала головой:

— Я чувствую, дела обстоят не так, как тебе кажется. А впрочем, давай посмотрим. Нелегко раздвинуть завесу, и все-таки я постараюсь сделать это и показать тебе столицу.

Конан не разглядел толком, что она метнула в огонь. Однако волк тявкнул во сне, а домик наполнился густыми клубами зеленого дыма. Конану показалось, что стены и потолок начали отступать и наконец ушли в бесконечность; так или иначе, дым не давал ничего рассмотреть. Но потом в нем начали появляться и пропадать какие-то образы, постепенно обретая предельную ясность.

Конан видел знакомые башни и улицы Тарантии, запруженные кричащей толпой. И в то же время каким-то образом он различал вдали немедийские знамена, неудержимо ползущие к западу, а за ними — пожары и пепелища разоренной страны. На главной площади Тарантии бесновался народ. Люди кричали о том, что король пал в бою, что бароны вот-вот начнут делить Аквилонию между собой и что власть короля — даже такого короля, как Валерий,— все же лучше безвластия.

Вот к народу выехал в сияющих латах Просперо. Тщетно пытался он успокоить людей, призывая их довериться графу Троцеро и встать на стенах, помогая его рыцарям удерживать город. Но страх толпы искал выхода в гневе, и слепой гнев обратился против Просперо. В рыцарей полетели отбросы и камни, люди обзывали Просперо пуатенским наймитом и врагом хуже Амальрика.

Ясная картина несколько замутилась — это, видимо, означало пропуск некоторого времени,— и глазам Конана предстал Просперо, покидающий Тарантию во главе своих рыцарей. Выезжая из ворот, они поворачивали к югу и давали шпоры коням. Позади них в городе творилось нечто несусветное...

— Дурачье! — хрипло пробормотал Конан.— Дурачье! Не поверить Просперо! Вот что, Зелата, если ты надумала морочить мне голову...

— Я показала тебе то, что произошло,— ответствовала она сурово и невозмутимо.— Вечером минувшего дня Просперо выехал из Тарантии, выехал почти на глазах у Амальрика. Со стен уже было видно, как горели окрестные села... Так я прочитала в дыму. На закате, не встретив сопротивления, немедийцы вступили в Тарантию. Смотри же! Вот что сейчас происходит в королевском зале Тарантии...

И Конан неожиданно увидел перед собой громадный зал. Валерий, облаченный в горностаевую мантию, стоял на тронном возвышении, Амальрик же, так и не снявший пропыленных, испачканных кровью доспехов, возлагал на его желтые кудри сверкающий золотой обруч — корону Аквилонии! Толпа, ликуя, рукоплескала; молча стояли длинные ряды закованных в сталь немедийских воинов. Вельможи, бывшие при Конане в немилости, прохаживались с развязным и напыщенным видом, и у каждого на рукаве красовался герб Валерия.

— Кром! — Конан вскочил с яростным криком, сжимая огромные кулаки. На висках вздулись жилы, судорога исказила его лицо.— Немедиец короновал изменника аквилонской короной! В королевском зале Тарантии!

Как бы развеянный этой бешеной вспышкой, дым поблек и пропал, и Конан встретил взгляд черных глаз Зелаты, поблескивавших в полутьме.

— Ты сам видел — жители твоей столицы оказались недостойны свободы, которую ты завоевал для них потом и кровью. Они сами отдались в руки работорговцам и палачам. Они показали, что не верят в свое предназначение. И на этих-то людей ты хочешь опереться, отвоевывая королевство?

— Они думали, будто я мертв,— проворчал он, беря себя в руки.— Сына у меня нет, а люди не склонны хранить верность памяти... Ну и пусть немедийцы взяли Тарантию. Еще остались провинции и тамошние бароны... остался народ! Валерий добыл всего лишь мимолетную славу...

— Ты упрям, как и подобает бойцу. Я не властна показать тебе ни будущее, ни все прошлое полностью. На самом деле я вовсе ничего тебе не показываю. Я лишь помогаю тебе увидеть, как неизреченные силы раздвигают завесу. Не хочешь ли поискать в минувшем ключа к тому, что происходит сегодня?

— Хочу! — Конан вновь сел.

И опять заклубился зеленый дым. Снова замелькали видения. На сей раз королю оставалось только гадать, какое отношение они имели к происходившему. Он увидел громадные, вздымающиеся черные стены и окутанные тенями пьедесталы, на которых громоздились отвратительные изваяния звероголовых богов. В тенях двигались люди — жилистые, смуглокожие люди в набедренных повязках из красного шелка. Они уносили в гигантские черные коридоры зеленый нефритовый саркофаг. Но пока киммериец размышлял о смысле увиденного, картина переменилась. Перед Конаном предстала пещера — обитель мрака, логово безымянного ужаса. На алтаре, вытесанном из черного камня, стоял странной формы золотой сосуд, сработанный в виде раковины морского гребешка. Конан видел, как проникли в пещеру люди — такие же смуглые и жилистые, как и те, которые несли саркофаг. Они схватили сосуд... и тотчас кругом них заклубились тени,— Конан не мог с уверенностью сказать, что там произошло. Он успел только разглядеть в вихре тьмы некое сияние; источник сияния показался ему комком живого огня. А потом дым стал всего лишь обычным дымом, он поднимался с тамарисковых поленьев, рдея и становясь прозрачным.

— Но что означает все это? — спросил Конан недоуменно.— При чем здесь заморийские воры, крадущиеся переходами стигийского подземного храма Сета? И эта пещера — сколько ни странствовал я по свету, ни о чем похожем не слышал. Я видел какие-то разрозненные обрывки, которые мало что значат сами по себе. Но раз уж ты смогла мне их показать, почему ты не можешь приоткрыть мне будущее?

Зелата долго молчала, ворошила угли.

— Эти вещи подчинены непреложным законам,— сказала она наконец.— Я не могу тебе объяснить. Я и сама не вполне понимаю, а ведь я бессчетные годы училась мудрости в тишине горных вершин. Если бы я могла, то спасла бы тебя, но этого мне не дано. У последней черты человек должен сам трудиться ради своего спасения. Возможно, однако, мне что-нибудь откроется в сновидении и утром я смогу подсказать тебе ключ к тайне.

— К какой тайне? — спросил Конан.

— К той, что противостоит тебе и уже лишила тебя королевства,— ответила она.

Потом Зелата расстелила овчину на полу перед очагом:

— Спи!

Не сказав ни слова, Конан растянулся на овчине и погрузился в беспокойный, но все же глубокий сон. Чудовищные тени склонялись над ним, молчаливые призраки крались сквозь его сновидения, а потом на фоне пурпурного бессолнечного горизонта предстал силуэт невидимого и великого города. Этого

города не было на дневном лике Земли. Громадные колонны и тонкие минареты, казалось, доставали до звезд. А над ними, точно мираж, плыло бородатое лицо Ксальтотуна.

Конан открыл глаза в зябких предрассветных сумерках и сразу увидел Зелату, склонившуюся перед крохотным огоньком. Он ни разу не проснулся в течение ночи, даже шаги выходившего, а затем вернувшегося волка не разбудили его. Волк сидел у очага. На мохнатой шубе блестели капли росы — и не только росы. В густом меху запеклась кровь, на плече была рана.

Зелата кивнула, не оборачиваясь: казалось, мысли царственного гостя она читала как раскрытый свиток.

— Он охотился перед рассветом, и кровавой была его добыча,— сказала старуха.— Человек, вздумавший выслеживать короля, никогда уже не будет охотиться ни на человека, ни на животное.

Конан завороженно смотрел на громадного зверя. Зелата протянула королю плошку с едой.

— Когда я снова сяду на трон, я ни о чем не забуду,— сказал он коротко.— Ты здорово выручила меня... видит Кром, я уж и не помню, когда это я ложился спать, полностью доверившись гостеприимству мужчины или женщины, как нынешней ночью! Но что там насчет загадки, которую ты сулила истолковать мне поутру?

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием поленьев в огне.

— Разыщи Сердце своего королевства,— наконец проговорила Зелата.— В нем заключено твое поражение — или победа. В этой битве ты сражался не только со смертными. И тебе не бывать больше на троне, если ты не разыщешь Сердце своего королевства!

— Ты имеешь в виду город? Тарантию? — спросил он.

Она покачала головой:

— Я всего лишь пророчица, чьими устами вещают боги. И они же налагают на мои уста печать, дабы я не открыла тебе слишком многого. Ты должен отыскать Сердце своего королевства — это все, что я могу тебе сказать. Боги отверзают мои уста, боги их и замыкают.

*

Рассвет едва серебрил горные пики, когда Конан снова пустился в путь. Оглянувшись через плечо, он увидел Зелату, стоявшую у двери домика. Лицо старухи, как всегда, было непроницаемо, огромный волк сидел у ноги...

Над горами висело серое небо, холодный, стонущий ветер пел о близкой зиме. Побуревшие листья медленно слетали с оголенных ветвей, падая на плечи короля, обтянутые кольчугой.

Весь день ехал он по горам и холмам, держась подальше от деревень и дорог. Незадолго до темноты он начал спускаться в предгорья и наконец увидел широкие равнины Аквилонии, расстилавшиеся впереди. Здесь, с западной стороны хребта, деревни и фермы примыкали к самому подножию гор, ибо вот уже полстолетия аквилонцы гораздо чаще тревожили набегами немедийцев, чем наоборот. Но теперь лишь угли и пепел позволяли угадать, где стояли раньше дома земледельцев и виллы вельмож.

Конан медленно ехал вперед в сгущавшейся темноте. Ему не слишком хотелось быть узнанным как недругами, так и друзьями, но опасаться этого не приходилось. Двигаясь на запад, немедийцы в полной мере припомнили соседям старые счеты, и Валерий даже не пытался сдерживать своих союзников. На то, чтобы завоевать любовь простого народа, он и не рассчитывал. Потому-то к западу от предгорий через всю страну протянулась широкая полоса пожарищ и разрушений. Конан ругался сквозь зубы, пересекая черные пепелища, бывшие когда-то тучными нивами, в стороне от которых вздымались к небесам остовы сгоревших домов. Земли вокруг были пусты и безлюдны, и Конан казался себе самому призраком, явившимся из давно забытого прошлого.

Скорость, с которой здесь двигалось неприятельское войско, свидетельствовала о том, сколь мало им выказывали сопротивления. И все-таки, если бы сам Конан возглавлял своих аквилонцев, захватчикам пришлось бы кровью покупать каждый фут этой земли. «Если бы за мной стояла династия! — с горечью думал король.— Но я — всего лишь одинокий искатель приключений, волею судеб вознесенный на трон. Даже та толика королевской крови, которой хвастается Валерий, оказывает больше влияния на умы людей, чем память о Конане, давшем стране ее мощь и свободу...»

Отряд, гнавшийся за ним в Немедии, так и не пересек гор. Конан озирался в поисках отбившихся от своих или возвращавшихся немедийских воинов, но не встретил ни одного. Мародеры поспешно убирались с дороги, принимая его в доспехах за одного из завоевателей. Земли к западу от гор изобиловали речками и рощицами — было где спрятаться и отсидеться. Так он и ехал по разграбленной, разоренной стране, останавливаясь только затем, чтобы дать отдых коню и самому подкрепиться пищей, которую собрала в дорогу Зелата. И вот наконец однажды утром, схоронившись на речном берегу, густо заросшем ивами и дубами, он разглядел вдали, за полями и перелесками, голубые с золотом башни Тарантии.

Вымерший край остался позади — здесь жизнь била ключом. Конан вынужденно двигался медленно и осторожно, прячась в густых лесах и держась нехоженых троп. В поздних сумерках подъехал он к имению Сервия Галанна.

VIII

УГЛИ ГАСНУЩЕГО КОСТРА

Местность кругом Тарантии счастливо избежала погрома, который пришлось пережить восточным провинциям. Сломанные заборы, вытоптанные поля, ограбленные амбары — все это было и здесь, но огонь и клинки все же не бушевали так, как в других местах. Лишь одна угрюмая груда пепла и почерневших камней невольно притягивала взгляд. Конан помнил, тут когда-то стояла прекрасная вилла одного из его самых убежденных сторонников.

Король не решился в открытую приблизиться к ферме Галанна, лежавшей всего в нескольких милях от города. Долго ехал он в сумерках по обширному лесу, пока между деревьями не показалась сторожка. Спешившись и привязав коня, он подошел к двери домика, намереваясь послать за Сервием сторожа. Откуда знать, какие враги могли засесть в доме? Войск поблизости не видно, но кто поручится, что они не расквартированы по всем окрестным поместьям?.. Однако, приблизившись, он увидел, как растворилась дверь хозяйского дома, выпустив плотно сбитого человека в облегающих шелковых штанах и расшитом камзоле. Человек свернул на тропинку, уводившую в лес.

— Сервий!

Услышав негромкий оклик, хозяин усадьбы издал испуганное восклицание и обернулся. Его рука метнулась к короткому клинку, висевшему у бедра. Он шарахнулся прочь от высокого, облитого серой сталью силуэта, возникшего перед ним в темноте.

— Кто ты такой? — спросил он.— Кто твой... О Митра! — Он ахнул, и бледность расползлась по румяным щекам.— Изыди! — вырвалось у него.— Зачем ты вернулся из серых долин смерти и пугаешь меня? Пока ты ходил по земле, я всегда был тебе верен...

— Я и в дальнейшем рассчитываю на твою верность,— ответствовал Конан.— Да не трясись ты так! Я из плоти и крови!

Взмокший Сервий нерешительно подошел, вглядываясь в лицо одетого в кольчугу гиганта, а потом, убедившись, что перед ним и вправду не дух, упал на колени и сдернул с головы украшенный перьями берет.

— О государь! Это чудо, превосходящее всякую веру! Главный колокол цитадели отзвонил по тебе много дней назад. Люди говорят, ты умер при Валкие, задавленный грудами земли и камней.

— В моих доспехах был другой,— проворчал Конан.— Но поговорим об этом потом. Если, положим, у тебя на столе найдется кусочек мяса...

— Прости, государь! — вскакивая, воскликнул Сервий.— В твою кольчугу въелась пыль дальней дороги, а я держу тебя здесь и кормлю разговорами. Да простит меня светлый Митра! Теперь я и в самом деле вижу, ты живой, но, клянусь, когда я повернулся и увидел в потемках этакое серое привидение, коленки мои чуть не подломились. Встретить вечером в лесу человека, в чьей смерти убежден,— это ли не страх?

— Пусть сторож позаботится о моем жеребце, он привязан вон за тем дубом,— попросил Конан.

Сервий, кивнув, увел короля в сторону от тропинки. Придя в себя после пережитого испуга, вельможа явно занервничал.

— Лучше я пришлю слугу из дома,— сказал он.— Сторож сейчас у себя, но можно ли в нынешние времена доверять хотя бы и собственным слугам? Будет лучше, если о твоем возвращении не узнает никто, кроме меня.

Подойдя к большому дому, смутно белевшему за деревьями, Сервий свернул на дорожку, которой пользовались нечасто: она вилась среди дубов, посаженных вплотную друг к другу, так что переплетенные ветви смыкались над головой, не пропуская слабый свет сгущавшихся сумерек. Сервий шел поспешно и молча, с явным трудом одолевая снедавший его страх. Он провел Конана в дом маленькой боковой дверью, за которой тянулся узкий полутемный коридор. Все так же тихо и быстро они пересекли его и оказались в просторном покое с дубовым потолком и стенами, отделанными породистым деревом. В большом камине пылали целые бревна, ибо осенний воздух дышал ранним морозцем, а на столе из красного дерева аппетитно дымился в каменном противне мясной пирог. Сервий запер тяжелую дверь и погасил свечи, горевшие в серебряном подсвечнике на столе. Теперь комнату освещали лишь блики пламени камина.

— Прости, государь,— принялся извиняться вельможа.— Нынче опасно: повсюду бродят шпионы. Вовсе незачем, чтобы кто-нибудь заглянул в окно и признал тебя. Пирог, однако, прямо из печи: я собирался переговорить со сторожем и, вернувшись, поужинать. Если, государь, ты снизойдешь...

— Света мне хватит,— буркнул Конан, садясь к столу и без особых церемоний вытаскивая кинжал.

Жадно набросился он на ароматный пирог, запивая его вином со знаменитых виноградников Сервия. Казалось, он и думать забыл об опасности, но Сервий так и ерзал на скамье у огня, нервно перебирая пальцами золотую цепь, висевшую на груди. Беспрестанно косился он на фигурные стекла окна, поблескивавшие в свете огня, а то, вслушиваясь, оборачивался к двери, как бы ожидая услышать за нею чьи-то шаги. Покончив с едой, Конан поднялся и пересел поближе к огню.

— Я не стану подвергать тебя лишней опасности своим присутствием, Сервий,— сказал он без обиняков.— Рассвет застанет меня далеко от твоих владений.

— Государь! — Сервий умоляюще вскинул руки, но Конан лишь отмахнулся.

— Твоя верность и твое мужество мне отлично известны. И то и другое превыше всяких похвал. Но если мой трон захвачен Валерием, укрывать меня для тебя — верная смерть.

— У меня нет сил для открытого неповиновения,— признался Сервий.— Жалкие полсотни воинов, которых я мог бы вывести в битву,— что солома на ветру против их войска... Ты видел руины владений Эмилия Скавона?

Конан угрюмо кивнул.

— Ты же знаешь, он был самым могущественным вельможей этой провинции,— продолжал Сервий.— Он наотрез отказался присягнуть на верность Валерию. Немедийцы сожгли его в собственном доме. Тогда мы, уцелевшие, поняли бессмысленность сопротивления, тем более что и жители Тарантии не стали сражаться. Мы покорились, и Валерий оставил нам жизнь, хотя и обложил налогом, который наверняка разорит многих. Но что нам оставалось делать, государь? Мы ведь думали — тебя больше нет. Многие бароны погибли, другие томятся в плену. Армия разогнана и разбита, а наследника у тебя нет. Нас некому было возглавить...

— А куда смотрел Троцеро де Пуатен? — резко спросил Конан.

Сервий беспомощно развел руками:

— Правду сказать, его полководец Просперо встал во главе небольшого войска и принял бой. Отступая перед Амальриком, Просперо безуспешно побуждал жителей встать под свое знамя. Увы, государь, после твоей кончины всем сразу вспомнились прежние свары и междоусобные распри. Вспомнили и о том, как Троцеро со своими пуатенцами когда-то прошелся по этим землям не хуже Амальрика — с огнем и мечом. Бароны не пожелали признать главенства Троцеро. Какие-то люди — не иначе шпионы Валерия — кричали на улицах, дескать, граф Пуатенский сам подумывает об аквилонской короне. Все разом принялись сводить старые счеты... Если бы у нас был хоть один наследник династии, мы бы немедля короновали его и пошли за ним на немедийцев. Но такого человека не нашлось... Бароны, сохранившие тебе верность, нипочем не желали избрать из своей среды короля: каждый мнил себя ничем не хуже соседа, каждый опасался честолюбия остальных. Прости, государь, но ты был для них чем-то вроде веревки, удерживающей вместе вязанку хвороста. Не стало веревки — и развалилась вязанка. Если бы у тебя был сын, бароны сплотились бы вокруг престолонаследника. Но вышло так, что их любовь к родине не обрела зримого символа... А купцы и простой народ — они более всего страшились безвластия и опасались, как бы не вернулись прежние дни раздробленности и усобиц, когда каждый барон устанавливал у себя свои собственные законы. Эти люди ратовали за то, что, мол, скверный король все же лучше, чем вообще никакого,— даже Валерий, который худо-бедно в родстве с прежней династией. Потому-то никто и не преградил ему путь, когда он подъехал к городским стенам во главе войска, закованного в стальные латы, и ударил пикой в ворота Тарантии, и алый дракон Немедии реял над его головой... Вообрази, государь: люди тотчас распахнули ворота и бросились перед ним на колени! Они отказались помочь Просперо и не заперлись в городе. Они сказали: Валерий будет лучшим королем, чем Троцеро. Они утверждали — и так оно и есть, государь,— что бароны навряд ли подчинятся Троцеро, зато Валерия многие из них примут охотно. Они решили

переметнуться к Валерию, чтобы таким образом избегнуть и ужасов междоусобной войны, и ярости немедийцев. Просперо уехал на юг с десятью тысячами своих рыцарей, а всего через несколько часов в город вступила немедийская конница. Немедийцы не погнались за Просперо. Они заняли Тарантию и короновали Валерия.

— Стало быть, дым старой ведьмы показывал правду,— пробормотал Конан, и по его спине снова пробежал холодок.— А не Амальрик ли короновал Валерия?

— Да, в большом королевском зале, и говорят, кровь после резни едва высохла у него на руках.

— И как же процветает народ при его милосердном правлении? — с гневной насмешкой поинтересовался король.

— Валерий живет как завоеватель в покоренной стране,— с горечью ответил Сервий.— При дворе полно немедийцев, из них же составлены дворцовые войска, в цитадели стоит крупный гарнизон немедийских воинов. Воистину, государь, наступил Час Дракона! Немедийцы гуляют по улицам развязной походкой господ. Они бесчестят женщин и ежедневно грабят купцов, а Валерий то ли не хочет, то ли не может их приструнить. Нет, он всего только пешка, он марионетка, а за ниточки дергает кто-то другой. Умные люди с самого начала предвидели, так оно и случится, а теперь и народ стал понимать, что к чему. Амальрик с сильной армией отправился по внешним провинциям — усмирять непокорных баронов. Увы, единства между баронами как не было, так и нет. Они боятся и ненавидят друг друга больше, чем Амальрика. Вот он и раздавит их поодиночке, одного за другим. Во многих замках и городах сразу поняли это и сдались без боя. Тем, кто сопротивляется, приходится плохо. Немедийцы рады утолить свою давнюю ненависть. К тому же их ряды постоянно пополняются аквилонцами, которых гонит к ним голод, жадность или нужда. Чего, собственно, и следовало ожидать.

Конан печально кивнул, глядя, как багровые отсветы пламени играют на дубовых панелях, покрытых замысловатой резьбой.

— Итак, в Аквилонии есть король: безвластия, которого все так боялись, удалось счастливо избежать,— помолчав, проговорил Сервий.— Валерий и не думает защищать подданных от своих союзников-немедийцев. Сотни людей, которым не удалось заплатить назначенный выкуп, уже проданы кофским работорговцам.

Конан резко вскинул голову, синие глаза вспыхнули смертоносным огнем. Подобно железным молотам, сжались его кулаки, он витиевато выругался.

— Да,— сказал Сервий,— белые мужчины и женщины продаются в рабство, как во времена усобиц. Им суждено влачить жизнь рабов и рабынь во дворцах Турана и Шема. Да, Валерий стал королем, однако единения, на которое так надеялся народ, нет и в помине. К тому же Гандерланд на севере и Пуатен на юге еще не покорены, да и на западе держатся некоторые провинции, чьи бароны заручились поддержкой боссонцев. Но эти провинции далеки и серьезной угрозы для Валерия не представляют. Если им сильно повезет, они смогут отстоять свою независимость, но в наступление не перейдут. Здесь, в центре страны, Валерий и его чужеземные рыцари гораздо сильнее.

— Пусть радуется, пока может,— мрачно сказал Конан.— Ему недолго осталось. Народ скоро прослышит, что я жив, и поднимет восстание. Мы отобьем

Тарантию еще прежде, чем подоспеет со своими армиями Амальрик. Мы выметем эту падаль из королевства поганой метлой...

Сервий молчал. Тишину нарушало только потрескивание дров.

— Ну? — воскликнул Конан нетерпеливо.— Почему сидишь, повесив голову, и смотришь в огонь? Ты не согласен со сказанным?

Сервий не отважился посмотреть ему прямо в глаза.

— Ты сделаешь все, что под силу смертному человеку, мой государь,— отвечал он.— Я бывал с тобой в битвах и знаю, перед твоим мечом склоняется любое существо из плоти и крови.

— Что ты этим хочешь сказать?

Сервий поплотнее запахнул подбитый мехом камзол и содрогнулся, хотя у огня было тепло.

— Поговаривают,— прошептал он,— будто причиной твоего падения послужила черная магия.

— Ну и что с того?

— Как что, государь? Разве под силу смертному человеку бороться против магии? Кто этот скрывающий свое лицо чужестранец, с которым Валерий и его приспешники, по словам верных людей, совещаются чуть не каждую ночь? Тот, который появляется и исчезает столь таинственно? До меня дошли слухи, будто это страшный волшебник, умерший тысячи лет назад и возвратившийся из пучин смерти, дабы свергнуть короля Аквилонии и восстановить на троне династию, наследником которой является Валерий.

— Какая разница? — гневно вырвалось у Конана.— Я ушел из лап демонов, обитающих в бельверусских подвалах, а потом — от демона в горах. Если народ поднимется...

Сервий покачал головой:

— Твои вернейшие сподвижники в восточных и центральных провинциях перебиты, бежали или томятся в застенках. Гандерланд на севере и Пуатен на юге отсюда слишком далеки. Боссонцы отступили в свои западные пределы. Понадобятся долгие недели, чтобы собрать и сосредоточить силы. Прежде чем ополченцы соединятся, Амальрик уничтожит их порознь.

— Но неужели восстание в центральных провинциях не склонит в нашу пользу чашу весов? — воскликнул Конан.— Захватив Тарантию, мы продержались бы в ней до подхода гандеров и пуатенцев, Амальрик там или не Амальрик!

Сервий помедлил, потом выговорил, понизив голос:

— Ходит слух, что ты не только погиб, но и был проклят. Будто бы человек, чье лицо скрыто, навел чары, которые сгубили тебя и привели войско к разгрому. По тебе отзвонил колокол в цитадели. Люди уверены, короля Конана больше нет. Но даже если в центральных провинциях прослышат, что ты жив, народ не поднимется. Он не посмеет. Чародейство погубило тебя в битве при Валкие, чародейство же и принесло вести в Тарантию, ибо в тот самый вечер на улицах уже кричали о поражении. А потом на улицы вышел немедийский жрец и обратил черные силы против тех, кто еще сохранил тебе верность. Я сам видел это! Вооруженные люди падали, точно мухи, и умирали на мостовой, и невозможно было понять, какая смерть их уносила. А тощий жрец смеялся и приговаривал: «Я просто Альтаро, ничтожный ученик Ораста, который сам — всего лишь скромный послушник того, чье лицо скрыто. Эта сила — не моя: я только проводник ее...»

— Ну так что,— резко произнес Конан,— неужели не лучше с честью погибнуть, чем жить в бесчестии? Неужели смерть хуже, чем угнетение, рабство и каждодневный позор?

— Страх перед колдовством гонит прочь разум,— ответствовал Сервий.— Этот страх в центральных провинциях столь силен, что люди не восстанут даже ради тебя. Внешние провинции, надо думать, решатся на битву, но те же чары, которые поразили твое войско при Валкие, поразят его вновь. Немедийцы мертвой хваткой держат самые обширные, богатые и населенные области Аквилонии; с теми силами, которые тебе, быть может, удастся собрать, их не освободить. Ты лишь принесешь ненужную жертву, сгубив верных тебе людей... Горько вымолвить, но это так: государь мой Конан, ты — король без королевства.

Конан смотрел в огонь, не торопясь отвечать. Вот рассыпалось, не дав даже искр, насквозь прогоревшее полено. Не так ли рассыпалось прахом и его королевство? И вновь Конану померещилась за внешним обликом событий некая неосязаемая, но вполне реальная сила. Вновь ощутил он неумолимый ход безжалостной судьбы... отчаяние и ужас загнанного в ловушку... багровую ярость, неистовое желание пустить в ход меч, крушить, убивать...

— Где сановники моего двора? — спросил он наконец.

— Паллантида тяжело ранили при Валкие, он угодил в плен, но семья выкупила его. Сейчас он у себя, в своем замке в Атталусе, залечивает раны. Счастье, если он сможет когда-нибудь снова сесть на коня. Канцлер Публиус бежал переодетым, никто не знает куда. Совет разогнан: кто в ссылке, кто за решеткой. Многие верные тебе люди преданы смерти. В частности, не далее как нынешней ночью под топором палача умрет юная графиня Альбиона.

Конан вздрогнул, и такая ярость вспыхнула в его синих глазах, что вельможа отшатнулся помимо собственной воли.

— За что? — спросил Конан.

— За то, что не пошла к Валерию в наложницы. Ее земли отобраны, слуги проданы в рабство, и сегодня в полночь в Железной Башне скатится на плаху ее голова. Осмелюсь посоветовать тебе, мой король,— ибо для меня ты навеки король,— беги, покуда тебя не узнали! Время такое, никому верить нельзя. Всюду кишат соглядатаи, готовые объявить малейший проступок, любое недовольное слово изменой и подстрекательством к восстанию! Если ты откроешься подданным, государь, тебя непременно схватят и казнят. В твоем распоряжении я сам, люди, которым я доверяю, и быстрые кони. К рассвету мы будем далеко от Тарантии, а там рукой подать до границы. Я не могу помочь тебе вернуть королевство, но, по крайней мере, буду в изгнании рядом с тобой...

Конан покачал головой. Он молча смотрел в огонь, подперев огромным кулаком подбородок. Пламя бросало красноватые блики на стальные звенья кольчуги, зажигало в глазах волчьи зловещие огоньки. И Сервий, в невольном беспокойстве взиравший на Конана, с особой остротой ощутил: его король был существом поистине из иного мира. Могучее, закаленное тело под серой кольчугой не принадлежало цивилизованному человеку, в глазах полыхали огни первобытных стихий. Все, что было в короле варварского, выступило на передний план; у последней черты с него сползла тонкая оболочка внешней цивилизованности, обнажив суть. Конан вновь становился варваром, которым родился. Он действовал не так, как действовал бы в тех же обстоятельствах цивилизован-

ный человек, его мысль летела иными путями, и невозможно ее предсказать. Поистине один шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры воина с киммерийских холмов...

— Я поеду в Пуатен, если получится,— сказал наконец Конан.— Поеду один. Но прежде мне, как королю Аквилонии, нужно сделать еще одно дело.

— О чем ты, государь? — Предчувствие бросило Сервия в дрожь.

— Сегодня я иду в Тарантию за Альбионой,— ответил король.— Вышло так, что я не смог защитить своих подданных. Но если они срубят голову ей, пусть рубят заодно и мою.

— Безумие!

Сервий вскочил и поднял руки к горлу, как бы уже ощущая захлестнувшую его петлю.

— В Башню ведут потайные ходы, о которых знают немногие,— сказал Конан.— В любом случае я буду последним дерьмом, если позволю казнить Альбиону за то, что она сохранила мне верность. Пусть я буду королем без королевства, но не мужчиной без чести!

— Мы все погибнем! — обреченно выдохнул Сервий.

— Погибну только я, если потерплю неудачу. Ты и так достаточно рисковал, принимая меня. Я пойду один, и немедля. А у тебя попрошу только повязку на один глаз, посох и одежду странника...

IX

«ЭТО КОРОЛЬ! ИЛИ ЕГО ПРИЗРАК!»

Множество народа проходило под аркой громадных ворот Тарантии в часы между закатом и полночью: припозднившиеся странники, чужеземные купцы, ведущие вереницы тяжело груженных мулов, работники с окружающих вино-

градников и ферм. Теперь, когда власть Валерия в центральных провинциях до некоторой степени упрочилась, не было нужды обыскивать всякого, кого постоянная людская река вносила сквозь тяжелые ворота. Строгости военного времени отменили: на страже стояли полупьяные немедийцы, высматривавшие в толпе разве что смазливых молоденьких крестьянок да богатых торговцев, которых можно заставить раскошелиться. Им было не до того, чтобы обращать внимание на каждого рабочего с фермы или запыленного путника — даже если путник на голову выше большинства других людей и поношенный плащ не в силах скрыть очертаний мощного тела.

Этому человеку была свойственна прямая осанка и грозная воинская стать, притом что он сам не осознавал ее, а значит, и не пытался скрывать. Широкая повязка прикрывала один глаз, кожаная шапка, надвинутая на самые брови, не давала рассмотреть черты лица. Сжимая загорелой рукой тяжелый толстый посох, он не спеша миновал арку, где, треща и плюясь брызгами смолы, горело несколько факелов, и, напутствуемый равнодушными взглядами подвыпивших стражников, вышел на улицы Тарантии.

Широкие улицы города хорошо освещались. Как обычно, толпы людей сновали по своим делам туда и сюда, мастерские и ларьки были открыты, на прилавках красовался товар. Лишь одна примета наступивших перемен бросалась в глаза. Там и сям прохаживались немедийские воины, где группками, где поодиночке. Развязно и нагло, с видом хозяев проталкивались они сквозь толпу. Женщины спешили в сторонку, стараясь не попадаться им на пути, мужчины отступали прочь, темнея лицом и стискивая кулаки. Аквилонцы были гордым народом, а вражда с немедийцами тянулась из глубины веков.

Пальцы странника, сжимавшие посох, побелели от напряжения, но он, как и прочие, безропотно отступил, пропуская одетых в кольчуги завоевателей. В своей линялой, пропыленной одежде он мало чем выделялся среди пестрого многолюдья. Лишь однажды, проходя мимо лавки оружейника и попав в полосу яркого света, лившегося из дверей, он ощутил чей-то пристальный взгляд, быстро обернулся и заметил какого-то человека в коричневой куртке работника, который внимательно приглядывался к нему. Человек поспешно отвел глаза и затерялся в толпе. Конан, однако, тут же свернул в узкий проулок и прибавил шагу. Возможно, им заинтересовался праздный зевака, не более. Но рисковать попусту он не собирался.

Угрюмая Железная Башня стояла поодаль от цитадели, посреди путаницы узеньких улочек и беспорядочно расположенных домишек. Находилась Башня в центральной части города, где полагалось бы селиться богатым. Однако состоятельные горожане сторонились столь зловещего соседства: так и разрослись убогие кварталы в месте, вовсе для них не предназначенном. Сама же Башня в действительности была настоящим замком. Громадные древние стены складывались из тяжелых каменных глыб, скрепленных почерневшим железом: когда-то, в минувшем столетии, здесь была тарантийская цитадель.

Неподалеку от нее, затерявшись между купеческими складами и доходными домами, частью покинутыми, стояла старинная сторожевая башня, до того заброшенная и позабытая, что вот уже более ста лет ее даже не считали нужным наносить на планы города. Для какой цели она служила прежде, никто уже не

знал. Последнее время мало кому доводилось бросить даже случайный взгляд на старую башню и на замок, висящий на ее двери, дабы покинутое здание не сделалось прибежищем воров и нищих. А между тем замок, внешне выглядевший дряхлым и ржавым, на самом деле был нов, исключительно крепок и донельзя хитро устроен, а ржавчина и грязь лишь скрывали это. Во всем королевстве за все времена едва набралось бы полдюжины людей, знавших тайны, которые охраняли этот замок.

В его тяжелом, обросшем зеленью корпусе не было даже скважины для ключа. Однако умелые пальцы Конана быстро нашли несколько выпуклостей, незаметных для случайного взгляда, и надавили их в определенном порядке. Дверь беззвучно отворилась вовнутрь, и король ступил в темноту, столь плотную, что ее, казалось, можно пощупать. Войдя, он прикрыл дверь за собой. Будь у Конана светильник, он увидел бы, что башня внутри совершенно пуста: голый каменный цилиндр, и более ничего.

Уверенно пошарив в знакомом углу, Конан ощупал одну из плит пола. Быстро подняв и отодвинув ее, он без долгих раздумий спустился в открывшуюся дыру. Под ногами были каменные ступени; Конан знал, они вели в узкий туннель и далее прямо в подвал Железной Башни, стоявшей через три квартала отсюда.

Гулко ударил большой колокол цитадели, в него били только в полночь или когда народу объявляли о кончине монарха. Внутри Железной Башни открылась дверь скудно освещенной комнаты, и в коридор вышел человек. Изнутри, надо сказать, Железная Башня выглядела столь же безрадостно, как и снаружи: голые, грубо обработанные каменные стены, каменные плиты пола, глубоко истертые спотыкающимися шагами бесчисленных узников, а над ними — сводчатый каменный потолок, едва озаренный слабым пламенем факелов, чадивших в нишах стен.

Человек, шедший тяжелой походкой по мрачному коридору, как нельзя лучше соответствовал всему, что его окружало. Мужчина был высокого роста, мускулистое тело плотно обтягивал черный шелк. Голову покрывал черный капюшон, снабженный двумя отверстиями для глаз. За спиной колыхался широкий черный плащ, а на плече покоился тяжелый топор. Достаточно взглянуть на этот топор один раз, чтобы понять: он не был ни оружием воина, ни орудием мастерового.

Навстречу с другого конца коридора ковылял сутулый кислолицый старик, горбившийся под тяжестью фонаря и копья.

— Твой предшественник был точнее тебя, господин палач,— проворчал старик.— Уже пробило полночь, и те, в масках, пошли в камеру госпожи. Ты заставляешь их ждать!

— Эхо от колокола еще гуляет среди башен,— ответил заплечных дел мастер.— Это верно, я не так проворно кидаюсь бежать по приказу аквилонцев, как тот выродок, что служил здесь до меня. Но они смогут убедиться, мой удар не хуже. Занимался бы ты лучше своими делами, старик, и не совал нос в мои. Право же, моя работа лучше твоей. Клянусь Митрой! Ты бродишь холодными коридорами, пялясь на ржавые решетки темниц, а я нынче срублю самую прекрасную голову во всей Аквилонии!

Сторож, хромая и ворча, удалился по коридору, палач же не спеша отправился дальше. Еще через несколько шагов, свернув за угол коридора, он краем глаза приметил слева от себя чуть-чуть приоткрытую дверь. Если бы он немного подумал, он бы догадался — дверь приоткрыли уже после того, как ее миновал сторож. Однако думать палач не привык и прошел мимо двери, а потом размышлять сделалось поздно.

Чей-то мягкий тигриный шаг и шелест плаща предостерегли его в последний момент, но обернуться он уже не успел. Могучая рука, протянувшаяся сзади, охватила его шею, не дав закричать. В тот краткий миг, что ему еще оставался, палач успел с ужасом осознать страшную силу нападавшего и то, сколь беспомощны перед нею его собственные хваленые мышцы. Не видя взмаха кинжала, он ощутил над собой занесенное острие...

— Немедийская скотина! — прошипел ему в ухо хриплый от ярости голос.— Больше ты не отсечешь ни одной головы аквилонца!

В сыром подземелье, тускло освещенном единственным факелом, трое мужчин окружили юную девушку, стоявшую на коленях на каменном полу, присыпанном соломой. Тело ее едва прикрывала изорванная сорочка, роскошные золотые волосы разметались по белым плечам, грубая веревка стягивала за спиной руки, в глазах стоял ужас. Даже неверный факельный свет, даже смертельная бледность и тюремные лохмотья не могли скрыть ее замечательной красоты. Она молчала, лишь взгляд огромных глаз скользил по лицам мучителей. Все они были в масках и плащах. Деяния, подобные нынешнему, полагалось совершать в масках, хотя бы и в покоренной стране. Несмотря на это, Альбиона, конечно, без труда узнала их всех; но минует ночь — и ее знание не повредит уже никому.

— Наш повелитель в своем милосердии дает тебе еще одну возможность, графиня,— сказал по-аквилонски и без акцента самый высокий из троих.— Он велел передать тебе: смягчи свой гордый, мятежный дух, и он по-прежнему готов будет раскрыть тебе объятия. Если же нет...

Он указал рукой на зловещего вида колоду, стоявшую посередине темницы. Она была покрыта пятнами и вся в глубоких зарубках, причиненных, надобно думать, отточенным лезвием, которое раз за разом рассекало нечто уступчивое и с силой входило в плотное дерево.

Содрогнувшись, Альбиона отшатнулась прочь и побледнела еще сильней. Каждая жилка ее молодого, полного сил тела так и молила о жизни. Валерий тоже был молод и очень красив. Альбиона твердила себе, что его любили и находили привлекательным многие женщины... но тщетно. Она так и не смогла выговорить заветное слово, которое спасло бы ее нежное тело от плахи и окровавленного топора. В чем дело — она плохо понимала сама. Она знала одно: при мысли об объятиях Валерия все ее существо сотрясала дрожь отвращения, и это отвращение пересиливало даже страх смерти. Альбиона отрицательно покачала головой.

— Значит, и говорить больше не о чем! — нетерпеливо воскликнул другой вельможа, и в его голосе явственно слышался немедийский акцент.— Где там палач?

И точно в ответ, беззвучно растворилась дверь подземелья. Огромная тень появилась в проеме — ни дать ни взять черный дух из преисподней.

При виде столь мрачного силуэта у Альбионы невольно вырвался тихий стон, да и остальные какое-то время лишь молча смотрели на него — таким безотчетным ужасом веяло от гиганта в черном капюшоне с двумя прорезями. В прорезях неистовым огнем горели синие глаза; они по очереди остановились на каждом, и у каждого пробежал по спине холодок.

Потом рослый аквилонец грубо схватил девушку и поволок ее к плахе. Она отчаянно закричала и, сходя с ума от ужаса, пыталась вырваться из его рук. Но он безжалостно швырнул ее на колени и прижал золотоволосую голову к плахе, покрытой запекшейся кровью.

— Что ты медлишь, палач? — спросил он раздраженно.— Делай свое дело!

В ответ прозвучал смех — низкий и неописуемо грозный. Все, бывшие в подвале, так и застыли, глядя на палача,— двое в плащах и тот, склонившийся над Альбионой. И даже она, как могла, вывернула шею, пытаясь взглянуть.

— Что еще за веселье, собака? — спросил аквилонец.

Ему было не по себе.

И тут палач сорвал с головы капюшон и швырнул его наземь. И прислонился спиной к запертой двери, поднимая топор.

— Узнаете меня, сволочи? — прогремел он.— Узнаете?

Гробовую тишину, последовавшую за этими словами, прорезал крик Альбионы.

— Король Конан! — закричала девушка и вырвалась из ослабевшей хватки мучителя.— Благословен будь Митра! Король!

Трое мужчин стояли как статуи. Аквилонец выглядел так, словно усомнился в собственном рассудке.

— Это Конан! — вырвалось у него.— Или его призрак! Что за демонское наваждение?

— Демонское наваждение — чтобы одурачить демонов! — насмешливо отозвался Конан. Губы его улыбались, но в глазах полыхало адское пламя.— Ну, кто первый, господа? При вас — мечи, при мне — вот этот колун. Топор мясника — именно то, что требуется, а?

— Вперед! — зарычал аквилонец и выхватил меч.— Убьем его — или он убьет нас!

Словно очнувшись, немедийцы обнажили клинки и разом кинулись на короля.

Неуклюжий тяжеловесный топор палача не предназначен для битв, но Конан орудовал им так ловко и легко, словно это обычная боевая секира. С невероятным проворством он прыгал туда и сюда, отскакивая и нападая, сводя на нет их численное преимущество.

Первый удар немедийского меча он отразил обухом и тут же, не дав ни отступить, ни защититься, жестоким ударом наотмашь проломил грудь негодяю. Второй немедиец с силой размахнулся, но задеть Конана не сумел и, так и не успев восстановить равновесие, рухнул с расколотым черепом. В следующий миг он загнал аквилонца в угол. Тот едва поспевал отбивать сокрушительные удары. Конан не давал ему даже малейшей передышки, чтобы позвать на помощь.

Неожиданно левая рука короля метнулась вперед и сорвала с него маску, обнажив побелевшее лицо.

— Дерьмо! — заскрипел зубами король.— Так и думал, что это ты! Даже топор мясника слишком хорош для твоей гнусной башки. Подыхай смертью вора, предатель!

Лезвие описало безжалостную дугу, и аквилонец с диким воплем упал на колени, хватая левой рукой обрубок правой, из которого струей хлынула кровь. Срезав руку по локоть, топор глубоко врезался в бок — так, что из раны показались внутренности.

— Валяйся здесь, пока не истечешь кровью,— сказал ему Конан и с отвращением швырнул топор на пол.— Пойдем, графиня!

Нагнувшись, он перерезал кинжалом веревку, стянувшую ее запястья. Поднял девушку, как ребенка, и понес вон. Она отчаянно рыдала, обхватив руками его могучую шею.

— Ну-ну, девочка,— проворчал он.— Надо еще выйти отсюда. Если мы сумеем добраться до каземата, где тайная дверь, ведущая в туннель... А, чтоб им! Хоть и толстые стены, все-таки услыхали!

Звяканье доспехов, топот и крики бегущих людей неслись откуда-то спереди, отдаваясь под сводами потолка. Из-за поворота, высоко поднимая фонарь, появился хромой сторож. Яркий свет облил Конана и девушку. Король с проклятием ринулся к нему, но старик бросил фонарь и копье и с неожиданной прытью умчался по коридору, надтреснутым голосом призывая подмогу. Послышались ответные крики...

Конан быстро повернулся и побежал назад. Они с Альбионой были отрезаны от тайного хода, которым он проник в Железную Башню и которым надеялся покинуть ее. Впрочем, Конан не отчаивался. Он неплохо знал это мрачное здание: прежде чем стать королем, он сам побывал здесь в качестве узника.

Он свернул в боковой ход и скоро оказался в другом, более широком коридоре, который шел параллельно первому. Здесь не было еще никого. Пробежав всего несколько шагов, киммериец кинулся в другой ход и вернулся назад, в только что покинутый коридор, попав как раз туда, куда и хотел. В считаных футах виднелась дверь, заложенная тяжелым засовом, а перед нею — бородатый немедиец в латах и шлеме. Он стоял к Конану спиной, глядя внутрь коридора, где все громче шумели люди и беспорядочно мелькали отсветы фонарей.

Конан не раздумывал долго. Он выпустил девушку и бесшумно подбежал к стражнику сзади, держа в руках меч. В последний миг тот обернулся, заорал от неожиданности и испуга и вскинул копье, но, прежде чем он успел хотя бы замахнуться, меч обрушился на его шлем с силой, которая уложила бы и быка. Удара не выдержал ни шлем, ни череп под ним — стражник рухнул замертво.

В мгновение ока Конан отодвинул массивный засов, с которым обычный человек не справился бы в одиночку.

— Альбиона!

Пошатываясь, она подбежала к нему. Конан подхватил ее одной рукой, выскочил за порог и растворился во тьме.

Они попали в узкий проулок, где было темно, как в дымоходе. С одной стороны высилась сама Башня, с другой — глухие каменные стены каких-то домов.

Спеша вперед со всей скоростью, какую позволял кромешный мрак, Конан выискивал окна, но не находил ни одного.

Позади громыхнула тяжелая дверь, наружу с ревом хлынули стражники. Нагрудники лат и обнаженные мечи блестели в факельном свете. Воины оглядывались, не зная, куда подевались беглецы: пламя факелов рассеивало непроглядную тьму едва на несколько шагов. В конце концов они наобум пустились по переулку — в противоположном направлении от Конана и Альбионы.

— Сейчас они поймут, что ошиблись,— пробормотал он и прибавил шагу.— Хоть бы трещинка была в проклятой стене... демон! Уличная стража!

— Кто идет? — долетел крик, и Конан скрежетнул зубами, уловив ненавистный немедийский акцент.

— Держись позади,— велел он Альбионе.— Надо прорваться, пока те не вернулись и не захлопнули мышеловку!

Занося меч, он помчался вперед, навстречу приближавшимся воинам. Он в полной мере воспользовался внезапностью и тем, что уличный свет позволял ему отлично видеть противников, между тем как сам он, выскочивший из темноты, оказался почти невидим для них. Они еще не вполне поняли, что происходит, а он уже разил немедийцев с молчаливой яростью раненого льва.

Он знал, ему необходимо прорубить себе путь, пока они не опомнились. Но их было не меньше десятка, все в доспехах, все закаленные ветераны пограничных битв, привыкшие в подобных случаях повиноваться не разуму, а безошибочному воинскому инстинкту. Трое свалились на мостовую, так и не успев понять, что на них налетел один-единственный человек. Зато остальные отреагировали мгновенно. Оглушительно загремела сталь; меч Конана высекал искры, гуляя по кольчугам и шлемам. Он по-прежнему видел их лучше, чем они его. Для них он казался неясной, быстро мелькающей тенью. Их удары рассекали воздух или отскакивали от его клинка. Зато сам он разил со смертоносной яростью урагана.

Но сзади нарастали крики и топот тюремной стражи, готовой вот-вот выбежать из проулка, а ему все не удавалось пробиться: дорогу по-прежнему загораживали воины в кольчугах, размахивающие мечами. С мужеством отчаяния Конан бросился вперед, понимая, что сейчас будет настигнут... Как вдруг за спинами стражников появились десятка два каких-то темных фигур. В потемках сверкнула сталь, закричали люди, которых убивали ударами в спину. Кто-то в черном плаще метнулся навстречу Конану, и тот, приметив блеск клинка, замахнулся мечом, но остановил удар, поскольку в руке, протянувшейся к нему, оружия не было.

— Сюда, государь! — шепнул человек.— Скорее!

Конан подхватил на руки Альбиону и поспешил следом за неожиданным спасителем, изумленно ругаясь вполголоса. Когда за тобой гонится три десятка тюремных стражников, особо раздумывать недосуг.

В окружении таинственных спутников поспешил он в переулок, неся измученную девушку, точно дитя. Темные плащи с капюшонами не давали ему как следует разглядеть неведомых избавителей. Сомнения и подозрения роились у него в голове... но эти люди, кем бы они ни были, только что перебили его врагов — так почему бы и не последовать за ними?

Словно прочитав его мысли, вожак легонько коснулся его руки и сказал:

— Тебе нечего опасаться, король Конан: мы — твои верные подданные.

Голос совершенно незнакомый, но, судя по выговору, принадлежал аквилонцу родом из центральных провинций.

Стражники позади них подняли яростный крик — они наткнулись на изрубленные тела, валявшиеся в грязи. Неясные силуэты людей, удалявшихся по направлению к освещенной улице, подсказали им, где враг. Но люди в плащах повернулись к глухой с виду стене, и Конан увидел в ней раскрытую дверь. Сколько раз он проходил здесь прежде при свете дня и мог бы поклясться, что никакой двери не видел и в помине. Тем не менее они вошли внутрь, и дверь закрылась за ними. Щелкнул замок. Конану все это не слишком понравилось, но его спутники спешили вперед. То рука, то локоть касались короля, подсказывая, куда идти. Ему казалось, они попали в туннель. Он чувствовал, как дрожало тоненькое тело Альбионы у него на руках. А потом впереди забрезжил выход — сумрачная арка чуть светлее окружающей тьмы. Они прошли под нею один за другим и оказались в нескончаемом лабиринте мрачных дворов, переулков и извилистых коридоров. Миновав последний поворот, они вступили в просторный чертог, местоположение которого Конан с его первобытным чувством направления не взялся бы определить.

X

МОНЕТА ИЗ АХЕРОНА

Не все пришедшие с Конаном вступили в чертог. Когда дверь затворилась, Конан увидел перед собой всего одного человека — худощавого, стройного мужчину в черном плаще с капюшоном. Капюшон упал на плечи, открыв бледное спокойное лицо с тонкими правильными чертами.

Король поставил Альбиону на ноги, но она пугливо прижалась к нему, оглядываясь вокруг. Покой был обширный, с мраморными стенами, частью укрытыми черными бархатными занавесями. На мозаичном полу раскинулись толстые, пушистые ковры. Бронзовые светильники заливали чертог мягким золотым светом.

Конан все еще держал руку на рукояти. Кровь запеклась на его ладони и на ножнах меча; вытереть клинок не было времени.

— Где мы? — спросил он.

— В храме Асуры, государь,— ответствовал незнакомец с глубоким поклоном, в котором подозрительный король не усмотрел ни намека на иронию.

Альбиона слабо вскрикнула и еще крепче прижалась к Конану, с ужасом глядя на черную арку дверей и ожидая, что оттуда вот-вот выползет какое-нибудь жуткое порождение тьмы.

— Не страшись ничего, госпожа моя,— сказал их проводник.— Суеверное заблуждение ложно: здесь тебе ничто не грозит. Уж если сам король убедился в чистоте нашей религии и тем оградил ее от преследований невежд, тебе, графиня, сомневаться в том не пристало.

— Сам-то ты кто? — спросил Конан.

— Я — Хадрат, жрец Асуры. Один из моих учеников узнал тебя, когда ты входил в город, и сообщил мне.

Конан шепотом выругался.

— Больше никто не понял, кто ты такой,— заверил его Хадрат.— Чужая одежда обманула всех, кроме последователя Асуры, ибо путь нашей веры — путь познания сути, скрытой под видимой оболочкой. Мы шли за тобой до самой сторожевой башни. Кое-кто из моих людей последовал за тобою в туннель, чтобы помочь тебе, если ты будешь выбираться тем же путем. Прочие, в том числе и я, окружили Железную Башню. Располагай нами, король Конан. Здесь, в храме Асуры, ты по-прежнему король.

— Вы рисковали жизнью ради меня,— сказал Конан.— Зачем?

— Пока ты сидел на троне, ты был нашим другом,— ответил Хадрат.— Ты защитил нас, когда жрецы Митры пытались бичами изгнать нас из страны.

Конан с любопытством оглядывался. Он не только не бывал никогда прежде в храме Асуры, но даже не мог с уверенностью сказать, есть ли вообще таковой в его столице. Жрецы этой религии обладали сверхъестественным умением прятать свои святыни от посторонних глаз. Культ Митры почти безраздельно господствовал среди хайборийских народов, тем не менее культ Асуры упорно продолжал существовать, несмотря на гонения со стороны властей и нелюбовь черни. Конан в свое время наслушался жутких историй о глубоко запрятанных храмах, где над черными алтарями непрерывно поднимается густой дым, о том, что жрецы Асуры то и дело похищают людей и приносят их в жертву громадному, свитому в кольца змею, что вечно раскачивает в зловещем мраке страшной чешуйчатой головой...

Постоянные преследования заставляли приверженцев Асуры все искуснее укрывать свои храмы и налагать покров тайны на отправлявшиеся в них службы. В свою очередь, такая таинственность порождала еще более чудовищные подозрения и невероятные россказни.

Конан, однако, отличался религиозной терпимостью, присущей варварам. Он покончил с гонениями и запретил своим подданным преследовать приверженцев Асуры — ведь все обвинения против них зиждились на весьма шатких доказательствах, ничем не подтвержденных сплетнях и слухах. «Если они — злые волшебники, почему позволяют вам себя обижать? — говорил Конан.— А если нет, так и трогать их не за что. Да пусть на здоровье веруют в таких богов, какие им нравятся!»

Хадрат почтительно пригласил короля сесть. Конан опустился в кресло, отделанное слоновой костью, и жестом указал Альбионе на второе такое же. Но она предпочла золоченую скамеечку у его ног и тесно прижалась к его колену: только рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Она была правоверной митраиткой и с самого детства наслушалась всяческих ужасов о кровавых жертвах нечеловеческим богам в сумраке таинственных храмов. Юная графиня до смерти боялась поклоняющихся Асуре.

Хадрат остался стоять перед ними, склонив непокрытую голову:

— Приказывай, государь!

— Для начала — еды,— проворчал Конан.

Жрец ударил серебряным жезлом в золотой гонг.

Мелодичный звон еще метался меж мраморных стен, когда из-за портьер появились четверо в капюшонах и внесли приличных размеров серебряный столик, уставленный хрустальными сосудами и блюдами, над которыми курился ароматный пар. С поклоном поставили они столик перед королем. Конан вытер руки узорчатым полотенцем и с нескрываемым удовольствием причмокнул губами.

— Остерегись, государь! — шепнула ему Альбиона.— Говорят, они едят человечину...

— Ставлю свое королевство, это всего лишь жареная говядина, и не более,— ответил Конан.— Ешь, девочка! Небось изголодалась на тюремной похлебке!

Альбиона вняла его совету, а пуще того — живому примеру человека, чье слово было для нее непреложным законом. Она принялась есть — очень изящно и с очень большим аппетитом. Сидевший рядом с ней король Аквилонии рвал мясо зубами и большими глотками пил вино так, как будто ел последний раз несколько дней назад, а не минувшим вечером.

— Ваши жрецы, Хадрат, проницательны и умны,— сказал он с набитым ртом, держа в руках кость.— Буду рад, если вы поможете мне отвоевать королевство.

Но Хадрат покачал головой, и кость с грохотом обрушилась на стол.

— Кром и демоны! Да что за напасть такая сразила мужей Аквилонии? Сначала Сервий, а теперь еще ты! Неужели вы только и можете мотать своими пустыми башками, когда я рассуждаю о том, как бы дать под зад коленом этим скотам?

Хадрат вздохнул и медленно выговорил:

— Горькими будут мои слова, государь. Я и рад был бы произнести нечто иное, но, увы, со свободой Аквилонии покончено навсегда. Более того — свобода всего нашего мира, похоже, доживает свой век. Эпоха сменяет эпоху; история открывает страницу рабства и ужаса. Так бывало и в прежние времена...

— О чем ты? — невольно понизив голос, спросил король.

Хадрат сел и опустил локти на колени, глядя в пол.

— О том, что против тебя сговорились не только мятежная знать Аквилонии и немедийские завоеватели,— сказал он.— Здесь замешано волшебство — жуткая черная магия, пришедшая в сегодняшний день из далеких и зловещих времен. Страшная тень восстала из глубин прошлого, и нет никого, кто был бы способен ей противостоять...

— О чем ты? — повторил Конан.

— О Ксальтотуне из Ахерона, что умер три тысячи лет назад, а теперь вновь разгуливает по земле.

Конан долго молчал. Некий образ всплыл в его сознании — спокойное, нечеловечески прекрасное лицо, обрамленное темной бородой и густыми волнистыми волосами. Жутковатое ощущение — где я видел его раньше?..— вновь накатило на короля. Ахерон! Память смутно откликнулась на слово, рождая неясные обрывки воспоминаний.

— Ахерон,— пробормотал он.— Ксальтотун из Ахерона! А ты не спятил, жрец? Ахерон — это миф, которому я не знаю сколько веков! Никто не ведает, существовал ли он когда-либо вообще...

— Он существовал,— ответил Хадрат.— Империя черных магов, погрязших в таком зле, какого нам теперь и не представить. Ее разрушили хайборийские племена, пришедшие с запада. Волшебники Ахерона занимались гнусной некромантией и самой низменной тавматургией, которой обучили их демоны. И величайшим из чародеев проклятого королевства был Ксальтотун из Пифона.

— Ну и как же все-таки удалось его свергнуть? — спросил Конан скептически.

— Он ревностно хранил и берег источник космической мощи. Но его выкрали и обратили против него же. А теперь он ему возвращен, и чародей снова непобедим.

Альбиона куталась в черный плащ палача и смотрела то на жреца, то на короля, не вполне понимая их беседу. Конан сердито тряхнул головой и проворчал:

— Болтовня. Если Ксальтотун пролежал мертвым три тысячи лет, каким образом он... Какой-нибудь негодяй присвоил его имя, и только!

Хадрат наклонился к столику из слоновой кости и раскрыл стоящую на нем маленькую золотую шкатулку. Кругляш тускло блеснул в руке жреца, и он протянул Конану крупную золотую монету очень древней чеканки.

— Ты видел Ксальтотуна в лицо? Вот, взгляни. Ее отчеканили в Ахероне незадолго до его падения. Черное царство было так насыщено колдовством, что магическая сила присуща даже монете.

Конан взял золотой кружок и хмуро уставился на него. За годы грабежей через руки Конана прошло немало всевозможных монет, он неплохо в них разбирался. Края были сношены до тонкости, надписи истерты, их стало почти невозможно прочесть. Но изображение, оттиснутое на одной стороне, было, как прежде, ясным и четким. И Конан, вглядевшись, с шипением втянул в себя воздух, на него вдруг повеяло ледяным холодом, от которого поднялся дыбом каждый волосок. С монеты смотрело бородатое, непроницаемое, нечеловечески прекрасное мужское лицо.

— Клянусь Кромом, это он! — пробормотал Конан.

Теперь он понимал, почему черты Ксальтотуна с самого начала показались ему так странно знакомыми. Когда-то давно в далекой стране он уже разглядывал такую монету.

— Совпадение! — проворчал он, передернув плечами.— Совпадение — или у того, кто присвоил себе имя забытого чернокнижника, хватило ума подделать и внешность...

Но голос короля не звучал убежденно. Вид монеты потряс его до глубины души. Привычный, реальный мир рушился у него под ногами, падая в бездну колдовства и иллюзий. Чародея он еще мог понять, но такая бесовщина попросту не лезла в сознание!

— У нас нет сомнений, это действительно Ксальтотун из Пифона,— сказал Хадрат.— Это он с помощью заклинаний подчинил себе духов земной стихии и обрушил скалы при Валкие. И он же незадолго до рассвета подослал в твой шатер порождение тьмы.

Конан сдвинул брови:

— Откуда ты знаешь?

— Последователи Асуры владеют тайными способами получать нужные сведения... впрочем, неважно. Важно иное: понимаешь ли ты, что вотще пожертвуешь своими подданными, безуспешно пытаясь вернуть себе корону?

Конан подпер кулаком подбородок, невесело глядя в пространство. Альбиона смотрела на него с беспокойством, силясь постичь загадку, с которой столкнулся ее король.

— А нет ли в мире,— спросил он наконец,— чародея, способного потягаться в магии с Ксальтотуном?

Хадрат покачал головой:

— Если бы такой был, мы, асуриты, наверняка знали бы о нем. Люди называют наш культ пережитком древнего стигийского змеепоклонства. Это ложь: наши предки пришли из Вендии, что лежит за морем Вилайет и голубыми горами Химелии. Мы — сыны Востока, а не Юга и осведомлены обо всех магах Востока, которые много сильнее чернокнижников Запада. Но перед черной мощью Ксальтотуна любой из них — соломинка на ветру.

— Но ведь когда-то его победили! — настаивал Конан.

— Да,— кивнул Хадрат.— Но уж теперь-то он позаботится, чтобы источник космической силы не был снова похищен.

— Что же это за источник, будь он трижды неладен? — воскликнул Конан раздраженно.

— Его называют Сердцем Аримана. Когда пал Ахерон, шаман первобытного племени, похитивший его и победивший Ксальтотуна, укрыл Сердце в заколдованной пещере и воздвиг над ним небольшой храм. Впоследствии тот храм трижды перестраивали, делая его все больше и краше, но всякий раз — на месте прежней святыни, хотя никто уже не знал почему. Память о погребенной реликвии покинула людские умы, сохранившись лишь в жреческих книгах да фолиантах, посвященных эзотерическим знаниям. Откуда явилось Сердце, неведомо никому. Одни говорят, что это воистину сердце какого-то бога, другие считают его звездой, давным-давно упавшей с небес. Три тысячи лет ничей взгляд

не касался его — до тех пор, пока оно не пропало. Когда волшебство митраитских жрецов оказалось бессильно против чар Альтаро, ученика Ксальтотуна, они вспомнили древнюю легенду о Сердце. И тогда верховный жрец с одним из учеников спустился в ужасное, лишенное света подземелье под храмом; три тысячи лет туда не сходил ни один жрец. Ибо старинные книги в железных переплетах, написанные тайным языком символов, рассказывали не только о Сердце, но и о порождении тьмы, приставленном жрецами древности его охранять. И вот далеко внизу, в чертоге, чьи двери вели в беспредельную тьму, учитель и ученик нашли черный каменный алтарь, тускло мерцавший каким-то потусторонним светом. На алтаре лежал золотой сосуд в форме двустворчатой раковины, казалось, приросший к темному камню. Сосуд был открыт — и пуст! Сердце Аримана исчезло! И пока они стояли, пораженные ужасом, чудовищный страж подземелья напал на них и смертельно ранил верховного жреца. Но ученик сразился с выходцем из преисподней и прогнал его прочь. Он сумел выбраться наружу по бесконечным каменным лестницам и вынести умирающего учителя. И тот, прежде чем умереть, поведал младшим жрецам обо всем, что с ними произошло, завещав им склониться перед силой, которую они не в состоянии победить. Однако жрецы шептались между собой, через некоторое время слух долетел и до нас.

— Значит, Ксальтотун черпает свою силу из этого символа? — спросил Конан.

Он все еще сомневался.

— Нет. Его сила приходит из пропастей тьмы, а Сердце Аримана рождено в далекой Вселенной, полной света и огня. Попади оно в руки сведущего человека — и тьма будет повержена. Сердце подобно мечу. Ксальтотун не способен разить им, но сам может быть им поражен. Сердце дает жизнь, но может и отнять. Ксальтотун прибрал его к рукам не для того, чтобы обратить против врагов,— затем лишь, чтобы с его помощью они не погубили его самого...

— Значит, золотой сосуд в виде раковины на черном алтаре в глубокой пещере...— пробормотал Конан, силясь припомнить ускользающий образ.— Когда-то я видел... или слышал о чем-то похожем. Но все-таки, видит Кром, хотелось бы знать, что представляет собой твое знаменитое Сердце?

— Внешне оно напоминает огромный драгоценный камень, похожий на рубин, только полыхает ослепительным светом, какого ни один рубин не знал никогда. Оно как живой огонь...

Конан внезапно вскочил на ноги и в избытке чувств ударил кулаком по ладони.

— Кром! — загремел он.— Нет, какой же я дурень! Сердце Аримана! Сердце моего королевства! «Разыщи Сердце своего королевства»,— сказала Зелата. Клянусь Имиром! Я видел этот камень в зеленом дыму! Тараск стащил его у Ксальтотуна, пока тот спал беспробудным сном, нанюхавшись черного лотоса.

Хадрат тоже вскочил в величайшем волнении, спокойствие слетело с него, точно сброшенный плащ.

— Сердце украдено у Ксальтотуна?

— Да! — гремел Конан.— Тараск до судорог боится Ксальтотуна и надумал подрезать ему крылья, тоже решив, что Сердце и есть основа его могущества.

Может, он даже думал, что чернокнижник без него сразу ноги протянет. Клянусь Кромом, я...— Но тут лицо Конана исказила бессильная ярость, а воинственно сжатый кулак медленно опустился.— Эх, я же совсем забыл... Тараск отдал Сердце какому-то ворюге и велел бросить в море. Сейчас негодяй, верно, уже подъезжает к Кордаве. Пока я туда доберусь, он сто раз сядет на корабль, и Сердце окажется в океанской пучине...

— Море не удержит его! — дрожа от возбуждения, воскликнул Хадрат.— Ксальтотун сам давно забросил бы его в самое глубокое место, если бы не знал, что первый же шторм снова выкинет его на сушу. Но вот на каком далеком, неведомом берегу это произойдет?

— Погоди, жрец! — Конан быстро справился с унынием, обычная уверенность вернулась к нему.— Лично у меня нет особой уверенности, что вор в самом деле бросит наш камушек в воду. Уж я-то знаю воров! И если я что-нибудь понимаю — а это так, ибо в юности я и сам промышлял в Заморе воровством,— так вот, он его не выбросит. Продаст какому-нибудь купцу побогаче — да откуси я собственную голову, если не так! Кром! — Конан стремительно шагал по комнате взад и вперед.— А ведь, ей-же-ей, стоит его поискать! Зелата велела мне разыскать Сердце моего королевства, так? Неужели наша победа над Ксальтотуном действительно зависит от красного камушка?

— Клянусь жизнью! — воскликнул Хадрат.

Лицо его просветлело, глаза так и горели. Он сжал кулаки:

— Дай мне Сердце — и я брошу вызов Ксальтотуну во всем его темном могуществе! Клянусь тебе, государь! Вернется Сердце — вернется к тебе и корона, а захватчики позабудут путь к нашим порогам! Ибо страшнее всего для Аквилонии не мечи немедийцев, но черное искусство Ксальтотуна.

Довольно долго Конан молчал; жар, с которым говорил Хадрат, произвел на него впечатление.

— Все это напоминает мне погоню, которая происходит в дурном сне,— сказал он, подумав.— Но твои слова — точно эхо дум старой Зелаты, а она говорила мне правду. Надо искать Сердце!

— В нем — судьба Аквилонии,— повторил Хадрат убежденно.— Я пошлю с тобой своих людей...

— Не надо! — нетерпеливо откликнулся король.

Еще не хватало ему на шею жрецов, пусть сколь угодно сведущих в тайных науках.

— Это дело для воина, и я поеду один. Сначала в Пуатен, оставлю Альбиону у Троцеро. Затем в Кордаву, а там и в море, если понадобится. Даже если ворюга надумает выполнить Тарасков наказ, ему, чего доброго, не сразу подвернется подходящий корабль.

— Как только ты найдешь Сердце,— продолжал Хадрат,— я начну торить путь к свободе здесь, изнутри страны. Тайными путями разнесу я по всей Аквилонии весть о том, что ты жив и возвращаешься с магией, превосходящей все чары Ксальтотуна. Когда ты вернешься, люди готовы будут восстать. И они восстанут! Ибо будут уверены — есть сила, способная защитить их от Ксальтотуна. А кроме того, я помогу тебе проделать хотя бы часть пути.

Он поднялся и снова ударил в гонг.

— Потайной ход ведет из храма за городские стены. Ты отправишься в Пуатен в лодке паломника, никто не осмелится тебе досаждать.

— Как скажешь,— проворчал Конан.

Перед ним снова была ясная цель; он сгорал от нетерпения, он жаждал немедленно действовать.

— Давай только шевелись побыстрее!

Тем временем в городе, вне храмовых стен, события разворачивались столь же стремительно. В дворцовый покой, где веселился с танцовщицами Валерий, ворвался запыхавшийся гонец. Упав на колено, он разразился довольно бессвязным рассказом о кровавом нападении на тюрьму и о том, что граф Феспий, которому поручили присмотреть за казнью Альбионы, лежит при смерти и непременно хочет сообщить Валерию нечто важное перед кончиной.

Торопливо накинув плащ, Валерий поспешил вслед за гонцом. Извилистые переходы привели их в покой, где лежал Феспий. Вне всякого сомнения, он умирал. Он тяжело дышал, и при каждом вздохе на губах выступала кровавая пена. Обрубленную руку ему перетянули жгутом, остановив кровотечение, но рану в боку залечить было невозможно.

Оставшись наедине с умирающим, Валерий вполголоса выругался.

— О Митра! — сказал он.— Я думал, только один человек на свете способен наносить такие удары...

— Валерий! — сипло выдохнул Феспий.— Он жив! Конан!..

— Что? — вырвалось у правителя.— Что ты сказал?

— Клянусь Митрой! — Феспий захлебывался кровью, но продолжал говорить.— Это он спас Альбиону от топора! Это был не призрак, поднявшийся из преисподней... Он жив, он из плоти и крови и еще страшнее, чем прежде! В переулке за Башней полно мертвецов. Берегись, Валерий... он вернулся... убить... всех нас...

Жестокая судорога потрясла окровавленное тело, и душа графа Феспия отлетела.

Валерий хмуро поглядел на умершего, потом окинул быстрым взглядом чертог — не прячется ли кто — и, наконец, шагнув к двери, распахнул ее внезапным движением. Гонец и немедийская стража стояли в нескольких шагах от двери. Валерий удовлетворенно пробормотал что-то сквозь зубы.

— Все ли ворота закрыты? — спросил он затем.

— Да, государь.

— Утроить стражу немедля. Никто не должен входить или выходить из города без самого тщательного досмотра. Пусть прочешут улицы и обыщут каждый дом. Важный узник сбежал из тюрьмы с помощью аквилонского мятежника. Кто-нибудь из вас успел его узнать?

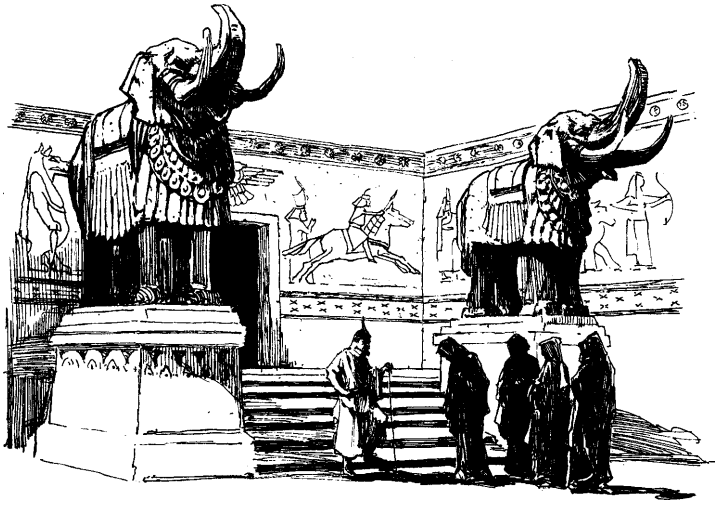
— Нет, государь. Старик сторож видел его, но мельком, и может только сказать, что это был великан, одевшийся в черный наряд палача, а сам палач, зарезанный, валяется голым в одной из камер.

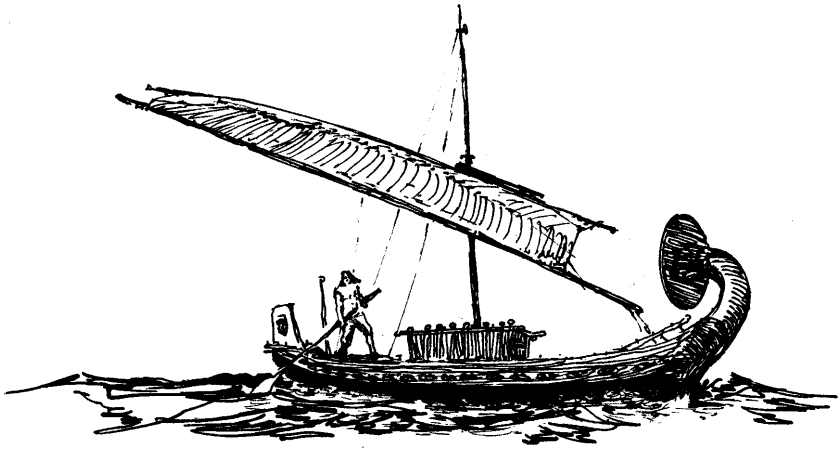
— Этот человек очень опасен,— сказал Валерий.— Не пытайтесь взять его живым. Как выглядит графиня Альбиона, вы все знаете. Ищите ее. Если найдете, убейте на месте и ее, и того, кто будет с ней. Исполняйте!

Вернувшись во дворец, Валерий вызвал к себе четверку людей странной и явно чужеземной наружности. Рослые и худые, с желтоватой кожей и неподвижными лицами, они были очень похожи один на другого и чертами, и одеждой — все в длинных черных хламидах, из-под которых едва виднелись обутые в сандалии ноги. Черные капюшоны бросали тень на их лица. Они стояли перед Валерием, спрятав в широких рукавах скрещенные руки. Валерий немало путешествовал по свету и повидал разные народы. Он смотрел на этих четверых без особого удовольствия.

— Когда я нашел вас в джунглях Кхитая изгнанными из своего королевства и умирающими с голоду, вы поклялись вечно служить мне,— начал он без предисловий.— И вы неплохо держали слово... Сослужите же мне еще одну службу, и я разрешу вас от клятвы. Я узнал, что киммериец Конан, прежний король Аквилонии, еще жив — несмотря на чары Ксальтотуна... а может быть, и благодаря им, это мне неизвестно. Мрачный ум воскрешенного демона превыше разумения смертного человека. Я знаю одно: пока жив Конан — я в смертельной опасности. Народ принял меня как меньшее из двух зол — они ведь думали, что Конан погиб. Но стоит ему объявиться, и я моргнуть не успею, как трон зашатается у меня под ногами!.. Я даже думаю, союзники мои могут одобрить такую смену правителей, если решат, что свое дело я сделал. Откуда мне знать? Но этот мир слишком мал: двум королям Аквилонии в нем не ужиться. Итак, я велю разыскать киммерийца! Пустите в ход все свои способности и выследите его, где бы он ни прятался, куда бы ни бежал. В Тарантии у него много друзей. Кто-то помог ему, когда он похищал Альбиону! Один человек — даже Конан — не мог учинить такого побоища в проулке за Железной Башней... Однако довольно. Берите посохи — и в путь! Я не знаю, куда приведет вас его след. Но вы должны его разыскать. А когда разыщете — убейте его!

Четверо кхитайцев одновременно поклонились. И, так и не произнеся ни единого слова, повернулись и мягким шагом неслышно вышли из комнаты.

XI

РЫЦАРИ ЮГА

Рассвет, занявшийся над вершинами далеких холмов, окрасил паруса небольшой лодки, спускавшейся по реке. Река — могучий Хорот — текла примерно в миле от тарантийских стен, затем поворачивала к югу. Надо сказать, эта лодка весьма сильно отличалась от большинства других суденышек, сновавших по широкой глади Хорота. Она не принадлежала ни рыбаку, ни купцу, везущему богатый товар. Длинная и узкая, с высоким загнутым носом и черная, точно сделанная из черного дерева, лодка по бортам была разрисована белыми черепами. Посередине виднелась крохотная каюта с плотно занавешенными окошками. Другие суда далеко обходили зловещий кораблик: все знали, что в этой «лодке паломника» лежало тело умершего поклонника Асуры, отправившегося в последнее путешествие на юг — туда, где далеко за горами Пуатена Хорот вливался в синий океан. Все отлично знали, как выглядели лодки паломников, и никто, даже наиболее ревностные митраиты, не смел касаться их и чинить препятствия печальному странствию.

Куда стремились эти суденышки, не ведал никто. Одни говорили — в Стигию, другие — к безымянному острову, невидимому за горизонтом, третьи верили, что умершие обретали последнее пристанище в Вендии, таинственной и прекрасной восточной стране. Но все это только догадки и домыслы. Умершие последователи Асуры отправлялись вниз по великой реке в лодке, направляемой громадным рабом, и больше никто никогда не видел ни тела, ни лодки, ни раба. А может, правы те, кто утверждал, будто на веслах всегда сидит один и тот же раб?

...Человек, гнавший лодку по залитому утренним солнцем Хороту, был велик ростом и темнокож. Одетый в кожаную набедренную повязку и сандалии, он ловко правил и с необыкновенной силой орудовал веслами. Дотошный глаз мог бы заметить, что цветом кожи он обязан тщательно наложенной краске. Но вплотную к погребальной лодке не смел приблизиться никто. Все знали, что над асуритами тяготело проклятие, а лодки паломников охраняла могущественная

и недобрая магия. Рулевые встречных суденышек спешили переложить руль и прошептать охранительное заклинание, понятия не имея, что тем самым способствуют побегу своего короля и графини Альбионы!

Странным было их путешествие в узкой черной лодке по великой реке. Где-то там, двумя сотнями миль ниже по течению, Хорот круто сворачивал к востоку, обходя Пуатенские горы. А пока с обеих сторон разворачивалась, постоянно меняясь, панорама берегов. Днем Альбиона, как и подобает покойнице, смирно лежала в каюте, а Конан греб. Девушка выбиралась наружу только в ночные часы, когда реку покидали прогулочные суда с разодетыми бездельниками, отдыхавшими на шелковых подушках, а суетливые рыбачьи лодки ожидали рассвета у берегов. Тогда Альбиона садилась к рулю, чтобы Конан мог поспать хотя бы несколько часов. Но король не нуждался в длительном отдыхе. Нетерпение подгоняло его, а выносливое тело могло одолеть и не такие труды. Лодка шла к югу без остановки.

Зима осталась на севере: днем ласково светило золотое солнце, а по ночам гладь реки отражала мириады сверкающих звезд. Проплывали мимо города, залитые морем огней, проплывали гордые виллы и тучные пастбища. И вот засинели впереди Пуатенские горы — хребты громоздились один на другой подобно бастионам, выстроенным руками богов. С разбегу ударившись в громадные скалы, великая река прокладывала себе путь между холмами, с ревом и грохотом обрушиваясь водопадами и вскачь летя по порогам.

Внимательно осмотрев берег, Конан повернул рулевое весло и направил лодку к мысу, где высилась серая, странной формы скала, окруженная правильным кольцом елей.

— И как это лодки проходят пороги, ревущие там, впереди? Не пойму! — проворчал он.— Хадрат говорил, как-то проходят... Ну да нам все равно соваться туда ни к чему. Жрец обещал, здесь нас будет ждать человек с лошадьми. Я, правда, никого что-то не вижу. И каким образом весть о нашем прибытии могла обогнать нас самих?

Мощным взмахом весел он выгнал лодку на низкий берег и привязал к толстому корню, торчащему из земли. Потом окунулся в воду и смыл краску, возвращая своей коже естественный цвет. Достав из каюты аквилонскую кольчугу, раздобытую для него Хадратом, он натянул одежду и доспехи, Альбиона же облачилась в костюм для верховой езды по горам. Застегнув последнюю пряжку, Конан вновь оглянулся на берег... и вздрогнул, а рука метнулась к мечу. Ибо на берегу, под деревьями, стоял человек в черном. Он держал под уздцы изящную белую лошадку и гнедого боевого коня.

— Кто ты? — спросил король.

Человек низко поклонился ему:

— Я асурит. Я получил приказание и исполнил его.

— Как это «получил»? — поинтересовался Конан.

Но тот лишь поклонился еще раз:

— Я пришел, чтобы проводить вас через горы до первой крепости пуатенцев.

— Проводник мне не нужен,— сказал Конан,— я хорошо знаю эти места. Спасибо тебе за коней, друг, но мы с графиней привлечем меньше внимания, если поедем одни.

Человек вручил Конану поводья и забрался в лодку. Оттолкнувшись от берега, он направил ее вниз по течению, туда, где гремели вдали невидимые перекаты. Конан в недоумении покрутил головой. Потом посадил графиню в седло, сам сел на гнедого, и оба поскакали к горам, чьи зубчатые вершины казались башнями, подпиравшими небо.

Холмистая местность у подножия хребтов была теперь своего рода пограничьем и переживала темные и смутные времена. Каждый барон стоял сам за себя, повсюду беспрепятственно бродили ватаги разбойников. Пуатен еще официально не объявил о своем отделении от Аквилонии, но фактически превратился в самостоятельное королевство, управляемое наследным графом Троцеро. Предгорья номинально подчинялись Валерию, но он и не пытался штурмовать заоблачные перевалы с их твердынями, над которыми вызывающе развевалось малиновое знамя с леопардом.

Стоял тихий вечер. Король и его прекрасная спутница поднимались все выше по склону. И чем выше они взбирались, тем шире расстилались перед ними всхолмленные равнины предгорий, покрытые лиловыми тенями отгоревшего дня, украшенные мягким блеском рек и озер, золотом плодородных полей и белизной далеких сторожевых башен. А впереди, высоко-высоко, виднелась первая из пуатенских твердынь: суровая крепость, нависшая над узким ущельем, и малиновое знамя вилось над ней в чистой синеве неба. До крепости было еще далеко, когда из-за деревьев появился отряд рыцарей в начищенных латах. Рыцари — настоящие южане: высокие, темноглазые, с воронеными кудрями.

— Остановись, почтенный,— сказал Конану предводитель.— Зачем и по какому делу едешь ты в Пуатен?

— С каких это пор людей в аквилонских доспехах здесь останавливают и допрашивают, точно чужестранцев? — пристально глядя на него, спросил Конан.— Или Пуатен восстал?

— Самые разные люди едут нынче из Аквилонии,— хмуро ответил рыцарь.— Что же до восстания, если назвать этим словом неподчинение узурпатору, то да, тогда Пуатен восстал. Мы согласны служить памяти мертвого мужа, но не живому псу!

Тут-то Конан сорвал с себя шлем и, откинув густую черную гриву, прямо поглядел в глаза говорившему. Пуатенец отшатнулся и стал бледен как смерть.

— Силы небесные! — задохнулся он.— Король! Король жив! Жив!

Его спутники недоуменно вгляделись... и разразились ревом изумления и восторга. Плотно окружив Конана, они выкрикивали боевой клич и в избытке чувств размахивали мечами. Шумное ликование пуатенских воителей могло насмерть перепугать несмелого человека.

— Троцеро заплачет от радости, увидев тебя, государь! — крикнул один из них.

— И Просперо! — добавил другой.— На нашего полководца с тех самых пор как будто и солнце не светит. Только знай клянет себя день и ночь за то, что не подоспел вовремя к Валкию и не погиб рядом со своим королем!

— Теперь мы вернем королевство! — заорал третий, вращая над головой громадным мечом.— Да здравствует Конан — король Пуатена!

Восторженные крики и лязг блистающей стали спугнули птиц, и они пестрой тучей снялись с ветвей ближних деревьев. В жилах рыцарей кипела горячая

южная кровь, они жаждали лишь одного: скорее бы счастливо обретенный король вновь повел их к победам и славе.

— Приказывай же, государь! — кричали они.— Позволь, кто-нибудь из нас поскачет вперед и доставит в Пуатен весть о твоем возвращении! Пусть над башнями развеваются флаги, пусть розы ложатся под копыта твоего коня! Пусть красота и доблесть Юга окажут тебе почести, подобающие твоему...

Но Конан непреклонно покачал головой.

— Кто подвергает сомнению вашу верность? — сказал он.— Дело только в том, что ветер, разносчик вестей, невозбранно летит через горы — и не только в дружественные страны. А им пока совсем ни к чему знать о моем возвращении. Проводите меня к Троцеро, но смотрите никому не открывайте, кто я такой.

Рыцари мечтали о триумфальном шествии, а получилось что-то вроде тайного побега. Ехали спешно, скрытно и молча, разве только шептали словечко-другое старшинам крепостей на очередном перевале. Конан ехал меж спутников, не поднимая забрала.

Горы были почти безлюдны: жили здесь только воины в сторожевых замках да беглые разбойники, объявленные вне закона. Пуатенцы не видели нужды в трудах и муках добывать скудное пропитание, возделывая суровые скалы. Они жили на прекрасных и щедрых землях, простиравшихся южнее гор до самой реки Алиманы, за которой лежала Зингара.

За горами, в Аквилонии, зимняя стужа оголила ветви деревьев, а здесь зеленели травами роскошные луга, в которых паслись табуны коней и стада скота — гордость и слава Пуатена. Пальмовые и апельсиновые рощи радовались ласковому солнцу, великолепные пурпурные, золотые, малиновые башни богатых городов так и сияли. Это была страна изобилия и тепла, прекрасных женщин и неустрашимых воителей. Не только суровые земли способны рождать храбрецов. Жадные соседи издревле зарились на Пуатен, и сыны его были закалены в беспрестанных войнах. С севера страну прикрывали хребты гор, но на юге лишь Алимана отделяла пуатенские равнины от равнин Зингары, и воды ее сотни раз окрашивались кровью. К востоку лежал Аргос, а за ним — Офир, и оба отличались высокомерием и алчностью. Мечи пуатенских рыцарей ограждали страну, и праздные минуты редко им выпадали.

И вот Конан прибыл в замок графа Троцеро...

Конан сидел на шелковом диване в богато убранном чертоге. Теплый ветер шевелил прозрачные шторы на окнах. Троцеро ходил по комнате туда-сюда, точно пантера по клетке. Это был гибкий, нервный мужчина с талией девушки и плечами бойца. Прожитые годы почти не оставили на нем отпечатка.

— Разреши нам провозгласить тебя королем Пуатена! — уговаривал он Конана.— Пусть эти ничтожные северяне влачат ярмо, в которое сами сунули шеи. Юг — по-прежнему твой! Живи здесь и правь нами среди цветов и пальмовых рощ...

— Пуатен благороден,— Конан покачал головой,— как ни одна другая страна. Но и ему, при всем мужестве его сынов, не выстоять в одиночку.

— Мы поколениями оборонялись в одиночку,— возразил Троцеро с ревнивой гордостью, присущей его народу.— Мы не всегда входили в состав Аквилонии!

— Я знаю,— сказал Конан.— Но в те времена все королевства были раздроблены на мелкие владения, без конца воевавшие друг с другом. Теперь все по-другому. Дни герцогств и вольных городов миновали, грядет эпоха империй. Правителям снятся завоевания, и защититься можно только в единстве.

— Так давай присоединим Зингару к Пуатену,— предложил Троцеро.— Там теперь не менее полудюжины принцев, и все рвут глотки друг другу. Мы легко завоюем ее, одну провинцию за другой, и присоединим к твоим владениям. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир. Уж если кто создаст империю, так это мы!

И вновь Конан отрицательно покачал головой:

— Об империях пускай мечтают другие, я же хочу сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается на твое правление. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия? Нет, Троцеро. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!

— Тогда веди нас через горы, и мы выгоним немедийцев!

Свирепые глаза Конана благодарно потеплели. Но...

— Это стало бы напрасной жертвой, Троцеро,— сказал он.— Я уже объяснял тебе, что именно я должен сделать, иначе мне не вернуть королевство. Я должен разыскать Сердце Аримана.

— Сумасшествие! — возмутился Троцеро.— Бредни еретического жреца! Бормотание свихнувшейся ведьмы!

— Не был ты в моем шатре перед битвой,— мрачно ответил Конан и невольно покосился на свое правое запястье, где еще виднелись синие пятна.— Ты не видел, как обрушились скалы и погребли цвет моей армии. Нет, Троцеро, не бред, и я в том убедился. Ксальтотун — не простой смертный, и противостоять ему можно только с Сердцем Аримана в руках. Так что я все-таки поеду в Кордаву. И притом один.

— Это слишком опасно,— не сдавался Троцеро.

— А жить не опасно? — проворчал король.— Но я поеду не как аквилонский владыка и даже не как пуатенский рыцарь. Я буду простым странствующим наемником, как в прежние годы. Да, к югу от Алиманы у меня полно врагов и на суше, и на море. Многие, понятия не имея о короле Аквилонии, вспомнят Конана — вождя барахских пиратов. Или Амру — предводителя черных корсаров. Но хватает у меня и друзей, а кроме того, есть люди, которые по некоторым причинам будут рады мне помочь.

Воспоминания заставили его слегка улыбнуться. Троцеро уронил руки, отчаявшись убедить короля, и повернулся к Альбионе, сидевшей на соседнем диване.

— Я понимаю твои сомнения, господин мой,— сказала она.— Но я тоже видела монету в храме Асуры и помню слова Хадрата, что отчеканили ее за пятьсот лет до падения Ахерона! Если, как утверждает государь, на монете изображен именно Ксальтотун, то, значит, в прежней своей жизни он не был обычным волшебником. Его век измерялся столетиями — разве простому смертному это под силу?

Ответить Троцеро не успел: в дверь почтительно постучали, и чей-то голос произнес:

— Повелитель! Мы поймали какого-то человека, прокравшегося в замок. Он говорит, что хотел бы сообщить нечто твоему гостю. Как прикажешь с ним поступить?

— Аквилонский шпион! — прошипел Троцеро и схватился за кинжал, но Конан возвысил голос:

— Откройте дверь! Я сам посмотрю.

Приказание было исполнено: на пороге появился худощавый мужчина в темной куртке с капюшоном. Двое суровых стражников держали его за руки.

— Ты поклоняешься Асуре? — спросил Конан.

Мужчина кивнул, и могучие стражники, потрясенные, уставились на Троцеро.

— К нам на юг пришло слово,— сказал асурит.— За Алиманой мы уже не сможем тебе помогать: наше влияние распространяется отсюда не к югу, а лишь на восток, вдоль русла Хорота. Но вот что я вызнал: вор, которому Тараск поручил Сердце Аримана, до Кордавы так и не добрался. В Пуатенских горах его убили разбойники. Сердце досталось их вождю, который о его истинной природе и не догадывался. Вскоре пуатенские рыцари уничтожили его шайку, и он, оставшись ни с чем, продал Сердце кофскому купцу по имени Зорат.

— Ха! — Конан вскочил как подброшенный.— И что Зорат?

— Четыре дня назад он пересек Алиману, направляясь в Аргос. С ним были вооруженные слуги.

— Глупец! Нынче пересекать Зингару небезопасно,— заметил Троцеро.

— Верно, за рекой неспокойно. Но Зорат смел и по-своему безрассуден. Он торопится в Мессантию, надеясь там найти покупателя. Возможно, он даже догадывается, что именно попало ему в руки, и хочет продать Сердце стигийцам. Во всяком случае, едет он прямиком через восточную Зингару, кратчайшим путем, пренебрегая более протяженной дорогой вдоль границ Пуатена.

Конан так грохнул по столу кулаком, что тяжелая столешница задрожала.

— О Кром! Неужто удача наконец-то надумала мне улыбнуться? Коня, Троцеро! Скорее коня и доспехи вольного наемника! Зорат, конечно, опередил меня, но уж не настолько, чтобы я не смог его догнать — хотя бы на краю света!

XII

КЛЫК ДРАКОНА

На рассвете Конан верхом переправился через мелководную Алиману и поскакал по широкой караванной тропе, что вела на юго-восток. А на покинутом им берегу молча сидел в седле граф Троцеро, окруженный закованными в сталь рыцарями, и малиновое знамя с леопардом Пуатена трепетало на утреннем ветру над его головой. Темноволосые люди в блестящих доспехах хранили молчание, пока синяя дымка расстояния окончательно не поглотила их короля...

Конан ехал на громадном вороном жеребце, которого подарил ему Троцеро. На плечах короля больше не было аквилонской кольчуги; если верить доспехам, Конан выглядел как наемник из Вольного Братства, члены которого принадлежали ко всем народам земли. На голове Конана был простой шлем, помятый в боях, тело прикрывала видавшая виды броня, а за плечами развевался красный плащ, изрядно заношенный и не особенно чистый. Словом, Конан с головы до пят выглядел именно тем, за кого себя выдавал,— наемным рубакой, познавшим все гримасы и капризы судьбы: сегодня — богатая добыча, а завтра — ветер в кошельке и затянутый потуже ремень.

Конан не только выглядел наемником, он себя им и ощущал. Старые воспоминания проснулись в нем и властно заговорили. Вновь встали перед глазами безумные далекие и славные времена, когда ему и не снилась корона, когда он странствовал и сражался, бражничал и бесчинствовал, думать не думая о завтрашнем дне. Если он тогда о чем и мечтал, так только о пенистом кубке, об алых девичьих устах да остром клинке, который обошел бы с ним бранные поля целого мира.

Сам не сознавая того, он все более возвращался к прежним повадкам. Развязность появилась в его поведении, в посадке на лошади — щегольство. Полузабытые ругательства сами собой слетали с его губ. Покачиваясь в седле, он мурлыкал старые песни — те самые, что они с друзьями хором ревели когда-то в тавернах, на пыльных дорогах, на полях кровавых сражений.

Опытный глаз его примечал, что в Зингаре вправду было неспокойно. Конные отряды, обычно разъезжавшие вдоль реки на случай набега из Пуатена, подевались неизвестно куда. Междоусобная грызня оголила границы. Пустынная дорога белела от горизонта до горизонта. Не позвякивали колокольцами караваны груженых верблюдов, не катились, постукивая колесами, повозки, не мычали стада. Конану попадались лишь редкие группы всадников, одетых в кожу и сталь, с жестокими глазами и ястребиными лицами. Они скакали стремя в стремя и держались настороженно. Обшарив Конана взглядами, ехали прочь: с этого одинокого путника явно нечего взять, зато схватка с ним обещала быть страшной.

Опустевшие деревни лежали в развалинах, поля стояли не паханными, луга заросли. Усобицы и налеты из-за реки почти выкосили здешний народ, времена были такие, что лишь храбрейшие дерзали путешествовать с места на место. А ведь в мирные дни эта дорога так и кишела купцами, спешившими из Пуатена в Аргос, в город Мессантию, и назад. Теперь большинство торговцев предпочитали другой путь — тот, что вел пуатенскими землями на восток и лишь потом сворачивал к югу, в Аргос. Та дорога была много длинней, зато безопасней. Только отчаянный смельчак отважился бы рисковать товарами и самой жизнью, пересекая Зингару.

У южного горизонта ночами стояло зарево, днем к небу вздымались шаткие столбы дыма: в городах и весях юга гибли люди, рушились троны, горели великолепные замки. Временами Конана брало дотянувшееся из прошлого искушение: а не повернуть ли коня, не ринуться ли очертя голову в битвы и грабежи, как когда-то? И на что ему в таких трудах и муках отвоевывать свое право властвовать над народом, который успел уже его позабыть? Зачем гнаться за блуждающим огоньком, стремясь к утраченной навеки короне? Почему бы ему не забыться, не затеряться в кровавом водовороте войны, как прежде бывало? А королевство — да неужели он нового себе не создаст?

Мир, думалось Конану, вступал в век железа, войн и имперских устремлений, и сильный человек вполне мог подняться над руинами наций как новый завоеватель. Почему бы ему не стать таким человеком?

Так нашептывал ему знакомый бес-искуситель, а перед внутренним оком кружились призраки его кровавого и беззаконного прошлого. Но Конан так и не свернул с пути. Он ехал вперед и вперед, неустанно стремясь к цели, которая казалась чем дальше, тем все менее ясной, порою напоминая несбыточный сон.

Со всей возможной скоростью гнал он вороного жеребца по белой дороге, простиравшейся от горизонта до горизонта. Зорат и вправду намного его обогнал, но Конан знал, что едет наверняка быстрее, чем обремененный товарами купец. И спустя некоторое время дорога привела его к владениям графа Вальбросо. Подобно гнезду стервятника, высился его замок на голом холме. Вальбросо сам выехал из ворот во главе своих молодцов. Это был смуглый худой человек с блестящими глазами и хищным носом, похожим на клюв. Позади него скакали три десятка копейщиков — черноусые ястребы пограничных войн, такие же алчные и безжалостные, как и их хозяин. Оскудевшие караваны давно не приносили добычи, и Вальбросо клял на чем свет стоит бесконечные усобицы, из-за которых дороги стали пустынны,— впрочем, эти же благословенные усобицы дали ему повод для безнаказанной расправы над соседями.

Одинокий путник, замеченный с башни, выглядел не слишком лакомым кусочком, но Вальбросо привык извлекать барыш из всего. Многоопытным взглядом окинул он Конанову потрепанную кольчугу и темное, в шрамах, лицо и сделал тот же вывод, что и всадники, с которыми киммериец разминулся ранее: тяжелый меч и пустой кошелек.

— Куда едешь, мошенник? — спросил граф.

— В Аргос,— ответил Конан.— Я — наемник. А как звать, неважно.

— Справные наемники нынче держат путь не туда, а оттуда,— проворчал Вальбросо.— Теперь все веселье на юге: и сражения, и добыча. А может, вступишь в мой отряд? С голоду не помрешь, это я тебе обещаю. На большой дороге, правда, совсем не осталось жирных купцов, которых стоило бы пощипать, но я со своими парнями думаю вскоре перебраться на юг и наняться к тем, кто ближе к победе!

Конан ответил не сразу. Он знал: стоит прямо заявить «нет», и Вальбросо тут же натравит на него своих головорезов. Зингарец же, не дождавшись ответа, сказал еще:

— Видит Иштар, вы, вольные наемники, знаете уйму способов развязать язык самому упрямому человеку. А у меня как раз пленник — последний перехваченный мною купец, ибо я, клянусь Митрой, уже несколько недель не видел ни одного. Так вот, у негодяя была с собой железная шкатулка, и мы не сумели ни вскрыть ее, ни заставить упрямца выдать секрет. Я-то думал, нет средств убеждения, которыми бы я не владел, но, может быть, ты, бывалый наемник, знаешь такое, что неведомо мне? Поехали в замок, посмотрим, не получится ли у тебя!

Эти слова возымели действие тотчас: Конан кивнул головой. В самом деле, пленником графа вполне мог оказаться и Зорат. Конан не был знаком с ним, но человек, у которого хватило духу пуститься в такое время по зингарским дорогам, мог, чего доброго, устоять и под пыткой...

Конан повернул коня и поехал рядом с Вальбросо по извилистой тропе, поднимаясь на холм, где угрюмо высился замок. Вообще-то ему, как простому воину, полагалось бы ехать позади графа, но сила привычки взяла свое, а Вальбросо не обратил внимания. Годы, прожитые на границе, напрочь отучили его от этикета, уместного при блестящем королевском дворе. Он хорошо знал, как горды и независимы наемники, чьи мечи возвели на трон не одного короля.

Высохший ров был местами до половины забит мусором. Копыта коней простучали по подъемному мосту, и отряд въехал в ворота. С мрачным лязгом упала сзади решетка. Пустынный двор зарос кое-где чахлой травой, посередине виднелся колодец. Вдоль стен ютились покосившиеся лачуги воинов графа, из дверей выглядывали женщины: одни — неряхи неряхами, другие — увешанные безвкусными украшениями. Стражники в ржавых кольчугах резались в кости, сидя под арками на каменной мостовой... Сущее разбойничье гнездо, а не замок дворянина!

Вальбросо спешился и жестом пригласил Конана за собой. Войдя в дверь, они миновали длинный сводчатый коридор и натолкнулись на хмурого человека в кольчуге, спускавшегося навстречу по лестнице. Конан пригляделся к шрамам на его лице и решил, что он, скорее всего, капитан стражи.

— Ну что, Белосо? — спросил граф.— Заговорил?

— Упрям, как черт,— буркнул Белосо, бросая на Конана подозрительный взгляд исподлобья.

Грязно выругавшись, владелец замка в ярости затопал по винтовой лестнице вверх. Конан и капитан последовали за ним.

Чем выше они поднимались, тем слышней делались стоны человека, терпящего ужасные муки. Пыточный застенок в замке Вальбросо располагался не в подземелье, как обычно, а, напротив, высоко над двором. Внутри застенка сидел на корточках волосатый звероподобный мужик в кожаных штанах и, чавкая, обгладывал говяжью кость. А вокруг громоздились дыбы, крючья, тиски и прочие приспособления, изобретенные человеческим разумом для того, чтобы рвать плоть, дробить кости, выворачивать суставы и сухожилия...

На дыбе висел нагой человек, и Конан с первого взгляда понял — страдать ему осталось недолго. Его руки, ноги и само тело были страшно растянуты, что говорило об исковерканных суставах и многочисленных внутренних разрывах. Смуглое лицо человека было умным и тонким, но глаза налились кровью и остекленели от муки, капли смертного пота стекали со лба, а рот перекосился от испытываемых мучений.

— Вот шкатулка, о которой я говорил.— Вальбросо зло пнул небольшой, но увесистый железный сундучок, стоявший поблизости на полу.

На сундучке красовался замысловатый узор из крохотных черепов и сплетающихся драконов, но Конан не заметил никаких признаков замка, запиравшего крышку. Было видно: сундучок жгли огнем, рубили топором и зубилом, но едва смогли оцарапать.

— Этот пес держит там свои драгоценности,— зло продолжал Вальбросо.— Весь Юг знает Зората и его железную шкатулку, но что в ней — одному Митре известно. Не открывает секрета, хоть тресни!

Зорат! Итак, перед Конаном находился человек, которого он так долго искал. Сердце короля забилось у горла, но, когда он склонился над мучеником, о его истинных чувствах никто не мог догадаться.

— Ослабь веревки, скотина! — резким голосом приказал он палачу.

Вальбросо с капитаном уставились на него в некотором недоумении: забывшись, Конан заговорил привычным повелительным тоном. Палач же инстинктивно повиновался. В голосе незнакомца слышался металл, он явно не шутил, и заплечных дел мастер отпускал веревки постепенно — резкая слабина причинила бы разорванным суставам такую же муку, как и дальнейшее растягивание.

Схватив кубок вина, стоявший неподалеку, Конан поднес его ко рту несчастного. Зорат судорожно глотнул, проливая вино на тяжело вздымавшуюся грудь. Потом в налитых кровью глазах затеплился огонек узнавания. Шевельнулись губы, покрытые запекшейся пеной. Задыхаясь и всхлипывая, Зорат заговорил по-кофски:

— Значит, я умер? Значит, кончились эти пытки? Передо мной король Конан, погибший при Валкие: я среди мертвых...

— Еще нет,— сказал Конан.— Но ты умираешь. Больше тебя не будут пытать, я обещаю. Но и помочь тебе уже ничем не могу. Зорат! Скажи, как открыть твой сундучок?

— Мой сундучок,— пробормотал Зорат, соскальзывая в бредовое беспамятство.— Железный сундучок, выкованный в адовом пламени огненных гор Хор-

ша... ни одно зубило его не возьмет. Какие сокровища возил я в нем по всему свету! Но равного тому, что лежит там теперь, еще не бывало...

— Скажи, как открыть,— тормошил его Конан.— Тебе оно уже не пригодится, а мне может помочь!

— Да, ты — Конан...— невнятно бормотал кофиец.— Я видел тебя на престоле в тронном зале, в Тарантии... со скипетром в руках, с короной на голове... Ты мертв: тебя убили при Валкие. Стало быть, умер и я...

— Что там несет эта падаль? — нетерпеливо спросил Вальбросо, не понимавший ни слова по-кофски.— Скажет он наконец, как отпирается чертов ящик?

Голос мучителя словно раздул в измученной груди искорку жизни. Зорат обратил налитые кровью глаза в сторону говорившего.

— Одному Вальбросо открою я тайну...— прошелестел он по-зингарски.— Я умираю... Нагнись ко мне, Вальбросо!

Граф не заставил себя упрашивать: отвратительная алчность была написана у него на лице. Угрюмый Белосо придвинулся вплотную к хозяину.

— Надави один за другим семь черепов по краю,— с трудом выдохнул Зорат.— А потом — голову дракона, изваянного на крышке. И наконец — шарик в лапах дракона. Потайная пружина...

— Живо ящик сюда! — заорал Вальбросо, добавив ругательство.

Конан поднял сундучок и поставил на лавку. Граф толкнул его плечом, оттирая в сторону. Белосо шагнул вперед:

— Позволь, я открою...

Вальбросо разразился такими проклятиями, что капитан отшатнулся. Черные глаза графа горели жадностью.

— Никто, кроме меня!

Конан, успевший инстинктивно протянуть руку к мечу, покосился на Зората. Стекленеющие глаза страдальца с пристальным вниманием следили за Вальбросо. Конану померещилась даже тень зловещего торжества, искривившая усмешкой губы Зората. Лишь осознав, что умирает, кофиец согласился выдать секрет... Конан повернулся к Вальбросо и стал ждать.

По краю крышки ларца были вырезаны сплетенные ветви какого-то дерева и между ними — семь черепов. Сверху, среди фантастических узоров, красовался инкрустированный дракон. Трясущимися от нетерпения руками Вальбросо торопливо надавил черепа, затем прижал большим пальцем резную голову дракона и вдруг, выругавшись, отдернул руку и раздраженно встряхнул ею.

— Какой козел не загладил резьбу? — прорычал он.— Так и руки недолго попортить...

Он тронул золотой шарик, который дракон держал в коготках, и крышка неожиданно отскочила. Золотое пламя ослепило глаза! Казалось, шкатулка была полна брызжущего огня, который переливался через край и разбрасывал по всей комнате трепетные искры. Белосо вскрикнул, а Вальбросо с шумом втянул в себя воздух. Онемевший Конан стоял неподвижно, околдованный невероятным сиянием.

— Митра! — воскликнул Вальбросо, извлекая из сундука большой алый шар, исходивший пульсирующим светом.

В этом свете Вальбросо почему-то выглядел как покойник, зато снятый с дыбы умирающий внезапно разразился хохотом, диким и жутким.

— Глупец! — крикнул он.— Ты получил камень и вместе с ним — смерть! Ты думаешь, уколол палец? Приглядись к голове дракона, Вальбросо!

Обернулся не только граф — все, бывшие в комнате. Что-то маленькое и блестящее торчало из оскаленной металлической пасти.

— Клык дракона! — надрывался Зорат.— Я смазал его ядом черного стигийского скорпиона!.. Глупец, ты взялся за мой ларец без перчатки! Ты мертв, Вальбросо! Ты мертв!..

Кровавая пена хлынула с губ купца — душа его отлетела.

— О Митра, я горю! — взвизгнул Вальбросо и зашатался.— Огонь мчится по жилам!.. Рвутся суставы!.. Это смерть, смерть!..

Он, покачнувшись, рухнул на пол. Жуткие судороги скрутили тело немыслимыми узлами; так он и застыл, глядя вверх бессмысленными глазами, обнажая в оскале почерневшие десны.

— Мертв,— пробормотал Конан и нагнулся подобрать камень, выкатившийся из скрюченной ладони Вальбросо.

Сердце Аримана трепетало на полу, точно живой кусочек заката.

— Мертв,— повторил Белосо.

Взгляд его был безумен. Он метнулся вперед.

Завороженный сиянием Сердца, Конан не ждал подвоха. Он понял намерение Белосо, лишь когда нечто тяжелое обрушилось сверху на его шлем. Золотой свет камня сменился кровавым туманом, Конана бросило на колени.

Он услышал топот и животный рев убиваемого человека. Оглушенный Конан сознания не потерял и успел понять, что Белосо огрел его, нагнувшегося, железной шкатулкой. Добрый боевой шлем спас короля. Пошатываясь, он поднялся, выхватил меч и затряс головой, пытаясь остановить стены комнаты, плясавшие перед глазами. Дверь была распахнута; торопливые шаги уже стихали, удаляясь по винтовой лестнице. Звероподобный палач испускал дух, валяясь на полу со страшной раной в груди. Сердце Аримана исчезло.

Конан на нетвердых ногах выбрался из застенка наружу. Он держал в руке меч, по лицу из-под шлема бежала кровь. Качаясь, как пьяный, он сбежал вниз по ступеням. Со двора донеслись звон стали, крики, затем отчаянный топот копыт. Пронзительно визжали женщины. Вывалившись во двор, Конан увидел суматошно мечущихся воинов. Задние ворота раскрыты, поперек выхода, все еще сжимая копье, лежал с разрубленной головой мертвый воин. По двору с испуганным ржанием бегали кони, с которых никто не позаботился снять уздечки и седла. Был среди них и вороной жеребец Конана.

— Он сошел с ума! — ломая руки, истошно кричала какая-то женщина.— Выскочил из замка, точно бешеный пес, и ну рубить направо и налево! Говорю вам, Белосо спятил! Где граф Вальбросо, наш господин?

— Куда делся Белосо? — взревел Конан.

Все разом замолчали и обернулись, пялясь на окровавленного незнакомца с мечом в руках.

— Ускакал в задние ворота! — ответил женский голос.

— А это еще кто? — заорал какой-то воин.

— Белосо зарубил графа! — крикнул Конан и, прыгнув, поймал за гриву своего жеребца.

Он не собирался ждать, пока неуверенно переминавшиеся молодцы на него нападут. И он не ошибся: они отреагировали на его сообщение именно так, как он и ожидал. Поднялся ужасный гвалт. Никому не пришло в голову запереть ворота, взять Конана в плен или броситься в погоню за убийцей и отомстить за вождя. Этих волков объединял лишь страх перед Вальбросо. Не стало его — и каждый дрался сам за себя.

По всему двору загремели мечи, женский визг надрывал слух. Среди всеобщего смятения никому и дела не было до Конана, который, вскочив на коня, вылетел из ворот и умчался вниз по склону холма. Перед ним расстилалась широкая равнина, караванная же дорога за холмом раздваивалась: одна ее ветка уходила на юг, другая на восток. По восточной дороге, низко пригнувшись в седле, стремительно уносился всадник, отчаянно шпоривший коня. Ровная степь покачивалась у Конана перед глазами, багровый туман временами застилал солнечный свет. Король пошатывался в седле, хватаясь за гриву. Кровь капала на кольчугу. Мрачно стиснув зубы, Конан понукал жеребца.

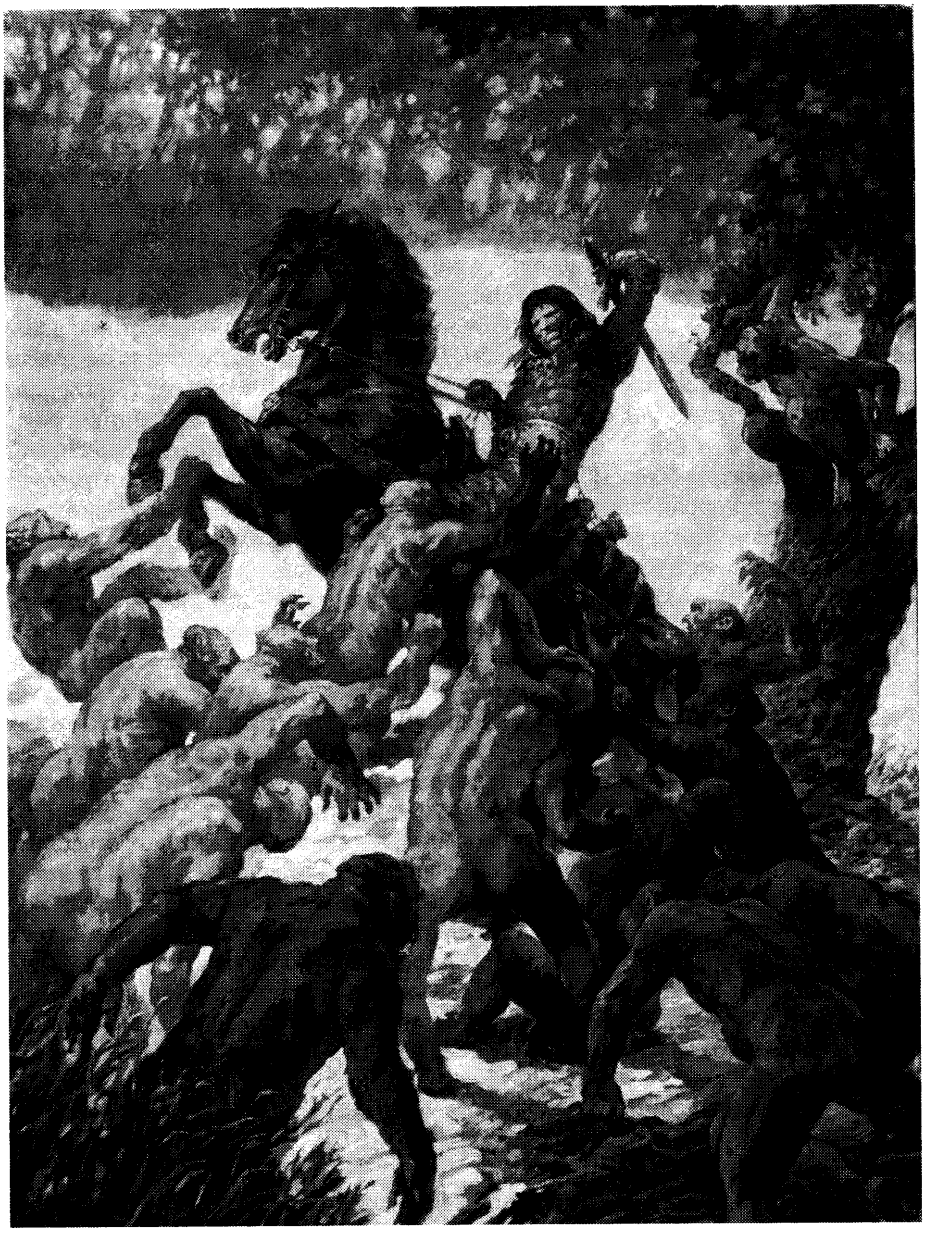
За его спиной из замка на холме повалил густой дым. Там, внутри, труп графа Вальбросо так и валялся рядом с телом замученного купца. Солнце садилось; на фоне страшного, кровавого неба мчались одна за другой две черные крохотные фигурки...

Вороной жеребец начинал уставать — как, впрочем, и лошадь Белосо. Но копыта могучего жеребца мелькали по-прежнему стремительно. Конан не утруждал больную голову рассуждениями о том, почему зингарец спасается бегством от одного-единственного преследователя. Быть может, Белосо поддался безрассудной панике, околдованный безумием, таившимся в сиянии камня?

Солнце скрылось. Белая дорога едва мерцала в призрачных сумерках, впереди сгущалась лиловая тьма. Тяжело дышал измученный жеребец. Даже в потемках было заметно, как менялась местность вокруг. Голую степь оживляли дубовые рощи и заросли ольхи. Невысокие холмы поднимались вдали. Появились первые звезды... Жеребец пошатывался на бегу. Но Конан разглядел впереди густой лес, тянувшийся по холмам до горизонта, а между собою и лесом — смутный силуэт беглеца. И снова послал вперед едва живого коня: он видел, расстояние между ним и Белосо сокращалось ярд за ярдом, медленно и неуклонно. Сквозь стук копыт из непроглядных теней на обочине послышались какие-то странные крики, но ни преследуемый, ни преследователь даже ухом не повели.

Когда лошади внесли их под деревья, смыкавшиеся кронами над дорогой, их разделяли считаные шаги. Яростный крик сорвался с губ Конана: он занес меч. Белосо обратил к нему бледное, еле различимое в темноте лицо и тоже занес смутно блеснувший клинок, ответив, точно эхо, на боевой клич короля. Но тут измотанный жеребец охнул и покатился кувырком, споткнувшись впотьмах. Вылетев из седла, Конан врезался больной головой в камень... и непроглядная тьма погасила для него звезды.

Долго ли он пролежал без чувств, Конан не знал. Сначала он почувствовал, что его волокут, схватив за руку, по каменистой земле, напролом сквозь густые кусты. Потом кто-то грубо швырнул его оземь, и от этого толчка сознание начало возвращаться. Шлем укатился неизвестно куда, голову раскалывала тошнотворная боль, волосы слиплись от запекшейся крови. Но Конан обладал жиз-

ненной силой дикого зверя, и едва успел проясниться перед глазами туман, как киммериец начал озираться и соображать, куда его занесло.

Большая красноватая луна светила сквозь ветви деревьев, и он понял — полночь давно миновала. Видимо, Конан провалялся оглушенным несколько часов: вполне достаточно, чтобы оправиться и от удара, которым наградил его Белосо, и от падения с лошади. Голова теперь была определенно яснее, чем во время той сумасшедшей погони. Тут Конан с удивлением заметил, что лежит вовсе не на обочине белой дороги, как ему сначала показалось. Дороги совсем не было видно. Конан лежал на траве посреди небольшой поляны, огороженной черной стеной древесных стволов и путаницей ветвей. Лицо и руки короля были изодраны и исцарапаны, как будто его в самом деле волокли сквозь заросли ежевики. Конан приподнялся на локте — и тотчас отшатнулся. Сидя на корточках, над ним склонился некто. Вернее, нечто.

Сперва Конан усомнился в собственном рассудке: тварь напоминала видение прямиком из кошмарного бреда. Неподвижное серое существо смотрело на Конана глазами, в которых не чувствовалось души, и быть реальным ему просто не полагалось.

Какое-то время Конан молча разглядывал его, почти ожидая — сейчас оно растает, точно дурной сон. Но потом в глубине сознания шевельнулось что-то полузабытое, и король содрогнулся, ощутив, как противный холодок пополз по спине. Недаром, знать, люди шепотом передавали из уст в уста пугающие слухи о серых тенях, таящихся в безлюдных лесах по холмам на границе Зингары и Аргоса! Вурдалаки, пожиратели человечины, семя тьмы, потомство нечестивой похоти, толкнувшей давно забытое племя в объятия демонов преисподней! Вот, значит, кто бродил в здешних первобытных лесах, прячась в проклятых руинах древнего города...

Не сводя глаз с уродливой башки нависшего над ним чудища, Конан осторожно потянулся к кинжалу, висевшему у бедра. И как раз в это время с ужасающим воплем, который невольно повторил человек, вурдалак прянул к его горлу. Конан вскинул правую руку — собачьи клыки его противника тут же сомкнулись на ней, вдавливая в тело звенья кольчуги. Руки, похожие на человеческие, искали его горло, но Конан увернулся и левой рукой выдернул из ножен кинжал.

Они покатились по траве, вцепившись друг в друга. Под трупно-серой кожей вздувались мускулы, подобные стальным канатам; обычного человека они смяли бы без труда. Но мышцы Конана тоже были выкованы из стали, а кольчуга надежно защищала его от лязгающих клыков и когтей, стремящихся разорвать тело. Раз за разом всаживал он кинжал в вурдалака. Живучесть человекообразного монстра казалась неисчерпаемой, вдобавок каждое прикосновение скользкого, холодного тела вызывало у короля дрожь омерзения. Гадливость и невыносимое отвращение направили руку киммерийца — острие наконец отыскало сердце врага, и чудовище забилось в предсмертных муках, потом вытянулось и затихло.

Конан поднялся, борясь с тошнотой. Он стоял посреди поляны с кинжалом в руках, пытаясь понять, куда же идти. Древний инстинкт по-прежнему безошибочно указывал ему, где север, где юг. Но вот дорога... Конан понятия не имел, куда затащил его вурдалак. Мрачным взглядом он обвел молчаливый, посеребренный луной черный лес, окружавший его со всех сторон, и помимо воли

покрылся холодным потом. Он был один, без коня, затерянный в колдовских лесах, и дохлая тварь, валявшаяся у ног, внятно свидетельствовала, что, скорее всего, в лесах этих водится еще кое-кто похлеще. Конан даже задержал дыхание, напрягая слух: не хрустнет ли сучок, не зашуршит ли трава?.. И вдруг звук раздался, да такой, что киммериец едва не подскочил. Ночную тишину прорезал отчаянный визг насмерть перепуганного коня! Это его жеребец. Наверное, на него бросилась лесная пантера, или... или вурдалаки жрали не только людей!

Конан пронзительно свистнул и помчался на крик, сокрушая кусты и подлесок. Пробудившаяся ярость мгновенно выжгла в нем страх. Погибнет конь — как он тогда настигнет Белосо и отнимет у него камень? Жеребец вновь завизжал, на сей раз немного поближе. Конь явно с кем-то сражался: Конан услышал удар копыта, пришедшийся во что-то податливое.

Неожиданно выскочив на широкую белую дорогу, он увидел своего коня. Облитый ярким светом луны, жеребец вставал на дыбы, метался и бил передним копытом. Его уши были прижаты, зубы злобно ощерены. Вокруг него, уворачиваясь, прыгала серая тень. Минуло какое-то мгновение, и, окружая Конана со всех сторон, возникли новые тени — мерзкие, скользкие, алчные. Потянуло трупным запахом, точно из склепа.

Но взгляд короля уже уловил некий блик: лунные лучи играли на лезвии его меча, чуть засыпанного палыми листьями. Выругавшись, Конан метнулся к оружию, подхватил — и пошел рубить налево и направо! Разверзались слюнявые клыкастые пасти, гнусные лапы тянулись к нему, пытаясь схватить,— и все-таки он прорубил себе путь, схватил поводья жеребца и прыгнул в седло. Его меч вздымался и падал — морозная радуга, отражавшая серебряный свет. Кровь разлеталась черными кляксами из расколотых черепов вурдалаков, из рассеченных надвое отвратительных тел. Жеребец бил копытами, лягался и кусал. Наконец они вырвались из кольца и бешеным галопом понеслись прочь по дороге. Какое-то время по обе стороны, силясь догнать, мчались серые тени. Потом они отстали. Жеребец Конана взлетел на вершину поросшего лесом холма, и король увидел впереди голые склоны, возносившиеся вверх и вверх...

XIII

«ТЕНЬ ИЗ ПРОШЛОГО...»

Солнце едва успело подняться, когда Конан пересек границу Аргоса. Ему так и не попался на глаза не то что сам Белосо — даже его след. Видать, успел унести ноги, покуда король лежал без сознания... Если только вурдалаки не слопали его в зингарских лесах. Но следов расправы над ним Конан опять-таки не заметил. Скорее даже наоборот: по-видимому, чудовища сначала увлеклись погоней за Белосо — вот потому-то и прошло несколько часов, прежде чем они занялись Конаном. Но если Белосо жив, значит, он скакал по той же дороге, опережая Конана на некоторое расстояние. В этом король был уверен вполне. Если бы похититель Сердца не стремился в Аргос, он вообще не свернул бы на юго-восток, на эту дорогу.

Стражники, стоявшие на границе, не стали спрашивать Конана ни о чем. Кто требует бумаги у одинокого странствующего наемника, особенно если доспехи его не украшены ничьим гербом, а значит, он ни у кого на службе не состоит?

Дорога вела Конана невысокими, заросшими травой холмами, где в кружевной тени дубрав лепетали ручьи. То вверх, то вниз шла дорога, убегая вперед по горам и долам, до затянутого голубой мглой горизонта. Очень, очень древним был путь, ведущий из Пуатена к морю...

В Аргосе царил мир. Запряженные быками повозки рокотали колесами по мощеной дороге. Загорелые, сильные люди трудились в садах и полях, привольно раскинувшихся вдоль обсаженного деревьями большака. Перед гостиницами, под сенью раскидистых дубов, сидели на скамьях почтенные старцы и приветствовали проезжающих мимо.

Конан чуть не каждого расспрашивал о Белосо: пахарей в полях, разговорчивых стариков в трактирах, куда он заглядывал промочить горло объемистым бурдюком пенящегося эля, и востроглазых купцов, одетых в шелка, которых встречал по дороге.

Сведения оказывались противоречивыми, но постепенно Конан выяснил следующее. Где-то впереди него, очевидно направляясь в Мессантию, двигался по большаку тощий, жилистый, по-западному усатый зингарец с опасным блеском в черных глазах. Мессантия? Конан не удивился. Во всех морских портах Аргоса, в отличие от внутренних провинций, обитало весьма пестрое население, а Мессантия, пожалуй, была наиболее многоязычной. В ее гавани покачивались корабли, приходившие из всех мыслимых и немыслимых стран; город служил прибежищем бродягам и отщепенцам всех мастей. Ибо Мессантия жила и процветала морской торговлей и в своих сделках с моряками горожане давно утратили невыгодную чистоплотность. Не только честные купцы торговали в Мессантии — рекой текли сюда и пираты, и контрабандисты. Все это Конан знал отлично, ибо и сам в прежние дни, будучи барахским пиратом, не раз под покровом ночи входил в порт Мессантии, имея в трюме весьма странные грузы. Более того, многие пираты с тех же Барахских островов, затерявшихся в море к юго-западу от зингарского побережья, сами были аргосскими моряками. И пока их алчное внимание посвящалось судам иных держав, аргосские власти проявляли весьма широкое понимание морских законов.

Беда, однако, заключалась в том, что Конан в свое время ходил не только с барахцами. Он имел дело и с зингарскими морскими разбойниками, и — самое скверное — с чернокожими корсарами, приходившими с далекого юга опустошать северные берега. Это однозначно ставило его вне закона. Стоит кому-нибудь узнать его в любом порту Аргоса — и Конану не сносить головы. Тем не менее киммериец упрямо ехал в Мессантию, останавливаясь лишь затем, чтобы дать передышку коню да самому ненадолго смежить глаза.

Он въехал в город незамеченным и затерялся в толпе, кишевшей на улицах и площадях. В Мессантии не было стен: море и корабли надежно охраняли торговые врата Юга.

Вечерело. Конан неторопливо ехал по улицам, спускавшимся к самой воде. В конце улиц виднелись набережные и за ними — мачты и паруса кораблей. Сколько лет минуло с той поры, когда Конан последний раз вдыхал соленый запах моря, слышал гул ветра в снастях и скрип мачт, видел белые венцы волн и край земли, отступающей за корму? И вновь шевельнулась в сердце тяга к дальним странствиям и неведомым землям...

Но к причалам Конан не поехал. Он повернул коня и, одолев большие, вытертые каменные ступени, выбрался на широкую улицу. Богато отделанные белые особняки смотрели с нее на море и порт. Здесь жили те, кого обогатила нелегкая морская добыча: несколько старых капитанов, сумевших поднакопить денег по чужим берегам, и великое множество перекупщиков и торговцев, ни разу не ступавших на палубу корабля, не говоря уж о морских сражениях и лютых штормах.

Конан направил коня к хорошо знакомым ему, отделанным позолотой воротам и въехал во двор, где негромко звенел фонтан и голуби перелетали с мраморных парапетов на мраморные же пороги. Навстречу выбежал паж, одетый в шелковые штаны и камзол, обрезанный снизу зубцами. Паж смотрел удивленно: мессантийским купцам приходилось иметь дело с самыми разными ти-

пами, зачастую грубыми и странными, но обычно они были как-то связаны с морем. С какой бы стати воину-наемнику этак по-хозяйски въезжать во двор известного торгового воротилы?

— Здесь живет купец Публио? — спросил Конан.

Впрочем, фраза звучала скорее как утверждение, а в голосе было нечто такое, отчего паж мигом сдернул шапку с пером и ответил с поклоном:

— Здесь, мой капитан.

Конан покинул седло. Паж позвал слугу, и тот, подбежав, принял поводья жеребца.

— Хозяин дома? — продолжал Конан, стаскивая латные рукавицы и выколачивая дорожную пыль из плаща и кольчуги.

— Да, мой капитан. Как прикажешь о тебе доложить?

— Я сам о себе доложу,— проворчал Конан.— Я знаю, куда идти, так что постой-ка здесь.

Властный тон не допускал возражений, и паж не посмел двинуться с места — так и остался смотреть вслед Конану, шагавшему по отлогой мраморной лестнице. Какие дела с его хозяином могли быть у этого великана-воина, похожего на варвара с севера? Пажу оставалось только гадать.

Слуги, спешившие по делам, останавливались и глазели вслед киммерийцу. Конан пересек широкую тенистую террасу и вступил в коридор, по которому гулял свежий морской ветерок. Пройдя примерно половину, он услышал, как поскрипывает перо, и отворил дверь в обширную комнату, множеством широких окон смотревшую на гавань.

Публио сидел за резным тиковым столом и водил золотым перышком по дорогому пергаменту. Он был невысокого роста, большеголовый, с быстрыми темными глазами. Одет в голубые одежды из тончайшего муарового шелка, отделанного парчой, на пухлой белой шее красовалась тяжелая золотая цепь.

Купец раздраженно вскинул глаза на вошедшего... и недовольно поднятая рука так и замерла в воздухе. Полураскрыв рот, он смотрел на Конана, точно на тень, восставшую из прошлого. Он не мог поверить собственным глазам — и не мог скрыть боязни.

— Ну так что? — спросил Конан.— Что скажешь хорошенького, Публио?

Тот облизнул пересохшие губы.

— Конан! — прошептал он потрясенно.— О Митра! Это же Конан! Амра...

— А то кто же еще? — Конан расстегнул плащ и вместе с латными рукавицами бросил его на стол.— Слушай,— продолжал он нетерпеливо,— у тебя уже и стакана вина для меня не найдется, промочить глотку с дороги?

— Д-да, конечно, вина...— завороженно повторил Публио.

Привычно потянулся к гонгу, но тут же отдернул руку, точно обжегшись, и содрогнулся. Конан наблюдал за ним с угрюмой насмешкой в глазах. Суетливо вскочив, купец бросился запирать дверь и при этом перво-наперво выглянул в коридор — не болтаются ли поблизости какие-нибудь рабы. Вернувшись, он принес золотой кувшин с вином и хотел было наполнить узкий бокал, но Конан отобрал у него кувшин, поднес двумя руками ко рту и долго с наслаждением пил.

— И в самом деле, Конан,— пробормотал Публио.— Уж не сошел ли ты с ума?

— Клянусь Кромом, Публио,— сказал Конан, отрываясь от кувшина, но не выпуская его из рук,— ты живешь теперь совсем не так, как в прежние времена.

Да, нужно быть аргосским купцом, чтобы обрасти такой роскошью, начав с крохотной портовой лавчонки, провонявшей тухлой рыбой и дешевым вином.

— Те времена давно миновали.— Публио кутался в свои шелка, силясь унять невольную дрожь.— Я отбросил прошлое, точно изношенный плащ.

— Что ж,— сказал Конан,— я не старый плащ, и от меня тебе не отделаться. Мне, правду сказать, нужно немногое, но уж будь добр, расстарайся. Да смотри, не вздумай отказывать. Слишком много дел мы вели с тобой в прежние дни. Думаешь, я совсем уж дурак и не понимаю, что этот особняк выстроен моим потом и кровью? Сколько грузов с моих кораблей прошло через твои руки?

— В Мессантии нет купца, который время от времени не имел бы дела с морскими бродягами...— трясущимися губами выговорил Публио.

— Но не с черными корсарами! — неумолимо ответствовал Конан.

— Ради Митры, тише! — вырвалось у Публио.

На лбу торговца выступил пот, пальцы нервно дергали золотую кайму одеяний.

— Я, собственно, хотел всего лишь освежить твою память,— сказал Конан.— Да не трясись ты так! Помнится, ты умел рисковать, когда содержал лавчонку и пытался выжить и разбогатеть. И дружил, как рука с перчаткой, со всеми пиратами и контрабандистами от Мессантии до Барахских островов! Или разбогател и вовсе хватку утратил?

— Я стал почтенным человеком...— начал было Публио.

— То есть попросту очень богатым,— фыркнул Конан.— А все почему? Почему ты так быстро разбогател? Не приходилось ли тебе торговать слоновой костью и перьями страуса, медью и кожами, жемчугом, чеканным золотом и еще всякой всячиной из страны Куш? И где, позволь спросить, ты скупал все это по дешевке, когда другие купцы за то же самое таскали стигийцам серебро мешками? Напомнить? Ты покупал у меня. И гораздо дешевле, чем следовало. А я брал свои товары у племен Черного Берега, я грабил стигийские корабли — я и мои черные корсары!

— Ради Митры, довольно! — взмолился Публио.— Я ничего не забыл. Скажи лучше, что ты здесь делаешь? Я — единственный на весь Аргос, кто знает о короле Аквилонии, некогда промышлявшем пиратством. Потом до нас дошли вести о завоевании Аквилонии и гибели короля...

— Если верить слухам, враги уже сотню раз меня убивали,— проворчал Конан.— Однако вот он я, сижу живехонек и лакаю аргосское вино.

Кувшин вновь оказался у его губ. Почти опустошив его, Конан сказал:

— Я уже говорил, я не потребую от тебя слишком многого, Публио. Мне известно, что ты знаешь обо всем, происходящем в Мессантии. Так вот, я хочу выведать, нет ли в городе зингарца по имени Белосо, или как еще там он себя теперь называет. Он высокий, тощий и смуглый, как все его племя. Вероятно также, он хочет продать некий редкостный камень.

Публио покачал головой:

— Не видал такого и даже не слышал. Но через Мессантию проходят тысячи людей, и, если он здесь, мои люди скоро его обнаружат.

— Отлично. Вот и пошли их, пускай ищут. А пока пусть твои слуги позаботятся о моем коне да принесут мне поесть сюда, в эту комнату.

Публио многословно обещал тотчас все исполнить. Конан допил вино, небрежно отбросил кувшин в угол и подошел к ближайшему окну, невольно расправляя грудь навстречу соленому ветру. Внизу расстилался лабиринт припортовых улочек. Конан оценивающе оглядел корабли, стоящие в гавани. Потом откинул голову, и взгляд его устремился прочь от берега, в синюю даль, где сходились море и небо. Его память уже летела за горизонт, к золотым морям юга, к пламенеющему солнцу, под которым не существовало законов. Случайный запах пряности будил воспоминания о чужих берегах, где росли мангры и гремели барабаны... о кораблях, сцепившихся абордажными крючьями... палубы в крови, дым и пламя, крики дерущихся...

Задумавшись, он даже не обернулся, когда Публио потихоньку вышел из комнаты.

Подобрав шелковые одежды, купец почти бегом поспешил по коридору и наконец вошел в комнату, где склонился над пергаментом высокий худой человек со шрамом на виске. Было, однако, в этом человеке нечто столь мирному занятию не соответствующее.

— Конан вернулся! — без всяких предисловий выдохнул Публио.

— Конан? — Человек рывком вскинул голову, перо выпало из руки.— Тот самый корсар?

— Да!

Смертельная бледность залила впалые щеки.

— Он свихнулся? Если его обнаружат, мы пропали! На виселице очутится и корсар, и все, кто его укрывал или торговал с ним! А если правитель дознается о наших прежних с ним связях?

— Не дознается,— зловеще ответил Публио.— Пошли своих людей в порт и на рынки. Пускай разведают, нет ли в Мессантии зингарца по имени Белосо. Конан говорит, у того при себе драгоценный камень, который он не прочь бы продать. Значит, можно будет выяснить у ювелиров. И вот еще что. Подбери с дюжину отчаянных негодяев, притом таких, которые, убрав человека, не станут потом трепать языками. Понял?

— Понял.— Человек со шрамом медленно и очень серьезно кивнул.

— Не затем я крал, изворачивался и обманывал, выбираясь с обочины жизни, чтобы призрак из прошлого все пустил насмарку! — пробормотал Публио.

И его лицо сделалось таким угрожающе-мрачным, что богатые вельможи и дамы, покупавшие жемчуг и шелка в его многочисленных лавках, немало удивились бы, доведись им лицезреть его в этот момент. Но когда спустя краткое время он вернулся к Конану и своими руками поставил перед ним большое блюдо с мясом и фруктами, незваный гость не увидел на его лице ничего, кроме доброжелательства.

Конан все еще стоял у окна, разглядывая пурпурные, малиновые, темно-красные, алые паруса галеонов, галер, каракк и дромонов.

— Если я еще не ослеп, вон та галера — стигийская,— заметил он, указывая на длинное, узкое, стройное черное судно, стоявшее на якоре поодаль от остальных, у широкого песчаного пляжа, плавной дугой убегавшего к далекому мысу.— Стало быть, между Стигией и Аргосом нынче мир?

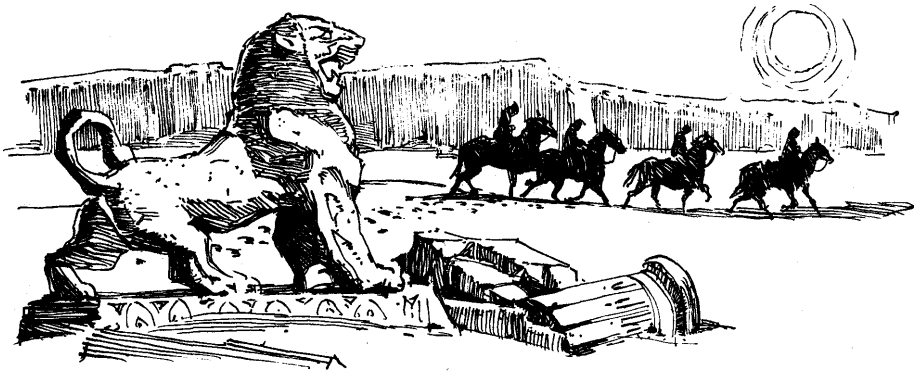
— Так и раньше случалось,— ответил Публио и поставил блюдо на стол, не сдержав вздоха облегчения: тяжесть была порядочная, ибо он давно знал своего гостя.— Стигийские порты,— продолжал он,— временно открыты для наших судов, а наши — для их. Но не допусти Митра, чтобы какому-нибудь моему кораблю довелось встретиться в открытом море с одной из этих проклятых галер! Та, что стоит на якоре, прибыла в порт нынешней ночью. Что здесь нужно ее хозяевам, понятия не имею. Покамест они ничего не продавали и не покупали. Ох, не верю я этим демонам смуглокожим! Если есть родина у предательства, так уж, верно, в их земле оно родилось!

— В свое время я заставил их повыть,— небрежно бросил Конан, отворачиваясь от окна.— Помнится, как-то моя галера с командой сплошь из черных корсаров подкралась ночью к самым бастионам омываемых морем замков Кеми — города с черными стенами. Мы пожгли тогда все галеоны, стоявшие в гавани. А касаемо предательства... не в службу, а в дружбу, любезный хозяин, отведай-ка этих яств да пригуби вина, просто ради того, чтобы я знал, с какой стороны у тебя сердце!

Публио повиновался с такой готовностью, что подозрения Конана немедленно улеглись. Усевшись, он без дальнейших раздумий принялся расправляться с едой, которой хватило бы на троих.

Он еще ел, а по рынкам и набережным Мессантии уже засновали люди. Они искали зингарца, продающего дорогой камень или желающего попасть на корабль, идущий в далекие страны. А высокий человек со шрамом на виске сидел, положив локти на пятнистый от вина стол, в гнусном погребке, озаренном единственным латунным светильником, свисавшим с продымленной балки над головами. Человек вел беседу с десятью отпетыми мерзавцами, чьи рожи и лохмотья говорили сами за себя.

А когда засияли первые звезды, их лучи осветили четверку весьма странных всадников, скакавших в Мессантию с запада по белой дороге. Рослые, изможденные, они были одеты в черные одежды с капюшонами. Они не разговаривали друг с другом и лишь безжалостно погоняли коней, столь же тощих, как всадники, и вконец измотанных долгим путешествием и бешеной скачкой...

XIV

ЧЕРНАЯ ЛАДОНЬ СЕТА

Конан пробудился от крепкого сна мгновенно и полностью, точно кот. И по-кошачьи вскочил на ноги, выхватив меч, еще прежде, чем коснувшийся его человек успел хотя бы отшатнуться.

— Какие новости, Публио? — спросил Конан, узнав хозяина дома.

Золотой светильник мягко освещал толстые занавеси и богатые покрывала дивана, где только что отдыхал Конан.

Публио оправился от испуга, вызванного столь бурным пробуждением его грозного гостя.

— Зингарца нашли,— доложил он Конану.— Приехал вчера на рассвете. Несколько часов назад он пытался продать шемитскому купцу большой, необычного вида камень, но шемит не пожелал с ним связываться. Люди говорят, даже сквозь черную бороду было видно, как он побледнел, когда увидел драгоценность. Закрыл лавку и удрал, точно от нечистого духа!

— Похоже, вправду Белосо,— пробормотал Конан, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам от нетерпения.— Ну, так где он сейчас?

— Спит у Сервио в доме.

— Этот крысиный угол я хорошо помню,— буркнул Конан.— Надо спешить, пока какой-нибудь портовый воришка не перерезал ему глотку, позарившись на камень.

Взяв свой плащ, он накинул его на плечи, потом надел шлем, добытый для него Публио.

— Пусть мой конь ждет под седлом во дворе,— велел он купцу.— Не исключено, что мне придется спешно отбыть. И я не позабуду того, что ты для меня нынче сделал, Публио.

Через несколько минут Публио стоял у задней двери дома и смотрел в спину королю, удалявшемуся по темной улице.

— Прощай, корсар,— тихо приговаривал торговец.— Должно быть, этот камень стоит того, чтобы за ним охотился человек, позавчера утративший королевство. Да, надо было наказать моим молодцам, чтобы сперва дали ему завладеть безделушкой. Хотя, с другой стороны, из-за этого могло сорваться... Нет

уж, пускай Аргос окончательно забудет, кто такой Амра, а там пыль забвения покроет и мои прежние делишки. Очень скоро и не далее как в переулке за домом Сервио Конан перестанет быть для меня угрозой!

Дом Сервио — отвратительная конура с еще более отвратительной репутацией — стоял рядом с набережной, у самой воды. Неуклюжее строение, сложенное из камня и толстых корабельных балок. К нему вел узкий загаженный переулок. Пройдя его почти весь, у самого дома Конан ощутил за собой слежку. Пристально вглядывался он в густые потемки между облезлыми постройками, но так ничего и не разглядел. Лишь однажды его слуха коснулся невнятный шорох одежды. Ничего необычного: по ночам в переулках кишели воры и нищие. Вряд ли они решатся напасть. Это люди опытные — им хватит одного взгляда на рослого вооруженного незнакомца...

Тут впереди распахнулась какая-то дверь, и Конан поспешно укрылся в тени под аркой. Кто-то вышел из двери и двинулся переулком, не крадучись — скорее с врожденной бесшумностью хищника джунглей. Когда же этот человек проходил мимо подворотни, где прятался Конан, бледный свет звезд очертил его профиль. Стигиец! Даже в потемках невозможно не признать ястребиные черты, бритую голову и плащ, накинутый на широкие плечи. Стигиец шел к берегу, и в какой-то миг Конану показалось, будто он прятал под одеждой фонарь — во всяком случае, Конан успел уловить отблеск света, когда человек уже исчезал за углом.

Но киммериец тотчас позабыл о нечаянной встрече, приметив, что дверь, из которой тот появился, так и осталась раскрытой. Вообще говоря, Конан собирался войти в дом с парадного входа и силой принудить Сервио показать ему комнату, где спал зингарец. Но если представился случай проникнуть внутрь, не привлекая ничьего внимания, грех им не воспользоваться!

Несколько быстрых шагов — и Конан уже у двери. Коснулся рукой замка... и едва сдержал восклицание. Его пальцы, чуткие пальцы бывалого заморийского вора, тотчас ощутили: замок взломан. Какая-то жуткая сила высадила его ударом извне, погнув тяжелый запор и расшатав самые петли. Конан не представлял себе, как можно проделать подобное, не переполошив весь квартал. И тем не менее он был уверен, взломщик орудовал здесь нынешней же ночью. Привыкнув жить среди ворюг и головорезов, Сервио ни за что не оставил бы сломанный замок без починки!

Конан вошел крадучись, держа кинжал наготове и соображая, каким образом он станет разыскивать комнату Белосо. Начал шарить в кромешном мраке... и замер, почуяв в комнате смерть, как чует ее дикое животное. Нет, самому ему смерть не грозила. Просто где-то рядом лежало мертвое, только что убитое тело. Конан отдернул ногу, коснувшуюся податливой плоти. Предчувствие заставило его ощупью разыскать стенную полочку и на ней — латунную лампу, рядом с которой лежали трут, кремень и кресало. Несколько мгновений — вспыхнул трепещущий огонек, и Конан смог оглядеться.

Деревянный лежак возле грубой каменной стены, голый стол и единственная скамья — другого убранства в убогой комнатке не было. Внутренняя дверь

заперта на все замки и засовы. А на утоптанном земляном полу лежал Белосо. Лежал, запрокинув голову, и, казалось, внимательно созерцал прокопченный, обросший паутиной потолок. Зубы зингарца щерились в застывшем оскале. Рядом валялся меч, так и не вынутый из ножен. Рубаха Белосо разорвана, а на коричневой мускулистой груди виднелся черный отпечаток пятерни. Каждый палец был отчетливо различим.

Конан смотрел на него, чувствуя, как сзади на шее встают дыбом тонкие волоски.

— Кром! — вырвалось у него.— Черная ладонь Сета!

Ему приходилось видеть такие следы, следы смертоносных прикосновений жрецов Сета, чей мрачный культ процветал в таинственной Стигии. И тут он вспомнил вспышку странного света из-под плаща вышедшего из этой самой двери стигийца.

— Клянусь Кромом, Сердце! — пробормотал Конан.— Так вот что он прятал за пазухой! Это жрец Сета: он магией выломал дверь и убил Белосо, чтобы завладеть Сердцем!

Быстрый осмотр подтвердил по крайней мере часть его выводов. Камень у зингарца действительно похитили. Конан не мог отделаться от мысли — за цепью кажущихся случайностей проглядывал умысел. И даже таинственная стигийская галера пришла в порт не просто так, но с вполне определенной целью. Откуда жрецам Сета знать о прибывшем с юга Сердце? Впрочем, это выглядело не более невероятным, чем прикосновение ладони, способное уложить наповал вооруженного мужчину...

Осторожные шаги снаружи заставили его оглянуться. В один миг Конан потушил лампу и выхватил меч. Он слышал, как из темноты подкрадываются люди, и точно: когда глаза привыкли к мраку, в дверном проеме замаячили какие-то фигуры, обступившие вход. Кто они такие, ему оставалось только догадываться. Тем не менее он поспешил перехватить инициативу и внезапным прыжком вылетел за порог, не дожидаясь, пока они нападут.

Он застал головорезов врасплох, услышал и почувствовал, как с разных сторон на него кинулись люди, разглядел перед собой какого-то типа в маске и обрушил на него меч. Убийцы, как оказалось, и соображали, и действовали куда медленнее киммерийца: Конан вырвался из кольца и убежал переулком, прежде чем кто-либо успел его задержать.

На бегу он услышал негромкое поскрипывание уключин, донесшееся откуда-то впереди, и разом позабыл о возможной погоне. От берега отчаливала лодка! Конан скрипнул зубами и помчался вдвое быстрей, но тщетно. Еще не достигнув набережной, он различил плеск воды и шорох весел отходящего корабля...

Звезды притаились в тяжелых тучах, катившихся с моря. Конан опрометью вылетел на берег. Перед ним колыхались черные волны, и что-то удалялось во тьму — длинный, низкий, стремительный силуэт.

Черная галера набирала скорость. Равномерно вздымались и падали длинные весла. Уходила галера и уносила с собой камень, который означал для Конана трон Аквилонии.

Яростно выругавшись, Конан шагнул навстречу волнам, накатывавшимся на мокрый песок: долой кольчугу, скорее плыть следом за кораблем... Но сзади скрипнул песок, выдавая чье-то присутствие, и Конан обернулся. Он успел позабыть о напавших на него убийцах.

Снова темные силуэты взяли его в кольцо. Первый, кто приблизился, пал под мечом киммерийца. Клинки замелькали в темноте, со скрежетом задевая кольчугу. Жестокий удар снизу вверх — раздался вопль, и прямо на руку Конана хлынула кровь и выпавшие внутренности. Чей-то голос, показавшийся ему смутно знакомым, приглушенно подбадривал нападавших. Конан стал продираться на этот голос. Нападавшие пытались схватить его, осыпали ударами. Тучи ненадолго разошлись, и Конан увидел высокого худощавого человека с длинным мертвенно-белым шрамом на виске. Мгновенный прыжок — и меч Конана расколол его череп, словно перезрелую дыню.

Чей-то топор, занесенный вслепую, обрушился на шлем короля так, что искры посыпались из глаз. Он пригнулся и сделал выпад, и предсмертный вопль был ему наградой. Но тут же Конан сам потерял равновесие, споткнувшись о труп, и удар дубинки сшиб помятый шлем с его головы. Следующий удар пришелся прямо по черепу...

— Срубим ему голову,— предложил кто-то.

— Не стоит,— ответил другой голос.— Прилив его унесет... Помогите-ка лучше мне перевязать раны, пока я тут кровью не истек!

— Надо раздеть его,— сказал третий.— Кольчугу можно будет продать за пару монет. И поторопимся! Тиберио мертв, а сюда идут матросы: слышите, как поют? Давайте-ка сматываться!

Началась поспешная возня в темноте, потом прошуршали удаляющиеся шаги. Пьяные голоса, оравшие матросскую песню, раздавались все ближе...

Публио нервно ходил по комнате, выходившей окнами на порт, погруженный во тьму, когда что-то заставило его оглянуться. Он хорошо помнил — дверь была заперта изнутри. Но вдруг она распахнулась настежь, и в комнату друг за другом вошли четверо. При виде их Публио покрылся гусиной кожей. Он видел на своем веку немало страшных созданий, но таких — еще никогда. Высокие и тщедушные, в ниспадающих черных балахонах, под капюшонами смутно угадывались желтые лица. Публио не мог разглядеть их черты, да и не хотел к ним присматриваться. У каждого был в руке длинный посох, испещренный странным рисунком.

— Кто вы? — спросил Публио, и голос его сорвался.— Что вам здесь нужно?

— Где Конан, прежний король Аквилонии? — вопросом на вопрос ответил самый высокий.

Его бесстрастный глухой голос заставил Публио содрогнуться. Так звонили колокола в храмах Кхитая...

— Я н-не знаю, о к-ком вы говорите...— начал заикаться купец, выдержка изменила ему, слишком страшны оказались неожиданные гости.— Я не знаю его!

— Он был здесь,— ровным голосом промолвил кхитаец.— Во дворе стоит его конь. Скажи, где он, и не вынуждай нас причинять тебе вред.

— Гебал! — отчаянно завопил Публио, отступая перед ними и прижимаясь к стене.— Гебал!

Четверо смотрели на него так же невозмутимо.

— Если ты позовешь раба, он умрет,— предупредил один из них, но это лишь перепугало Публио еще больше.

— Гебал! — кричал он.— Проклятье, Гебал, где ты? Твоего хозяина убивают грабители!

Быстрые шаги раздались в коридоре, и в комнату ворвался Гебал — невысокий, но невероятно мускулистый шемит. Он держал в руке меч с клинком, похожим на длинный лист, курчавая иссиня-черная борода воинственно топорщилась.

Гебал уставился на четверых пришельцев в туповатом недоумении. Откуда они здесь появились? Потом он смутно припомнил, как сон ненадолго сморил его прямо на лестнице, которую ему было велено охранять: наверное, вот тогда-то они и прошли. Никогда прежде он не засыпал на посту... Хозяин истерически кричал, указывая на чужаков. Гебал по-бычьи пригнул голову и ринулся вперед. Мускулистая рука взвилась в смертельном замахе, но удара так и не нанесла.

Навстречу Гебалу метнулась из широкого черного рукава другая рука — тонкая, желтокожая. Длинный посох коснулся могучей груди шемита и тотчас отдернулся. Удар его был до жути похож на бросок змеи.

И точно незримая стена остановила Гебала: он замер посередине разбега, голова поникла на грудь, пальцы выпустили меч, и шемит поник на пол так, словно в его теле разом растворились все кости. Публио вырвало.

— Не зови больше никого,— посоветовал рослый кхитаец.— Твои слуги крепко спят, но, если ты их разбудишь, они умрут, и с ними — ты сам. Где Конан?

— Он пошел к дому Сервио, у набережной. Он разыскивает зингарца Белосо,— выдохнул Публио, разом лишившийся присутствия духа.

Купец не был трусом, но эта четверка вселяла в него неописуемый ужас. Он вздрогнул всем телом, заслышав на лестнице торопливые шаги, неестественно громкие в зловещей тишине, окутавшей дом.

— Еще слуга? — спросил кхитаец.

Публио замотал головой: язык не повиновался ему.

Один из кхитайцев сдернул с дивана шелковое покрывало и набросил на труп, и все четверо скрылись за стенной занавесью, лишь вожак, обернувшись, приказал:

— Поговори с идущим сюда и побыстрее отошли его прочь. Если выдашь нас, ни ты, ни он живыми отсюда не выйдете. Не вздумай даже знаком показать ему, что ты не один!

Погрозил посохом — и исчез.

Публио задохнулся, с трудом подавляя новый приступ тошноты. Быть может, всему виной освещение, но ему упорно казалось, будто посохи порой шевелились сами по себе, словно наделенные какой-то чудовищной жизнью...

Кое-как взяв себя в руки, Публио сумел спокойно встретить оборванного негодяя, влетевшего в комнату.

— Дело сделано, господин! — громко объявил головорез.— Варвар валяется мертвым на песке у края воды.

Публио уловил спиной некое движение за шпалерой и от ужаса едва не умер на месте. Наемный убийца ничего не заметил.

— Твой секретарь Тиберио погиб,— продолжал он.— Кроме него варвар зарубил еще четверых. Мы унесли их тела. При варваре не было ничего ценного, лишь несколько серебряных монет. Какие будут приказания, господин?

— Никаких! — белыми губами выдохнул Публио.— Убирайся!

И негодяй с поклоном поспешил прочь, удивляясь про себя тому, как немногословен Публио и какой у него, оказывается, слабый желудок.

Четверо кхитайцев вышли из-за шпалеры.

— О ком говорил этот человек? — спросил рослый предводитель.

— О чужестранце, который мне навредил,— выдавил Публио.

— Лжешь,— спокойно ответил кхитаец.— Я вижу по твоему лицу, что речь шла о короле Аквилонии. Сядь на диван, не двигайся и молчи. Я побуду здесь, а трое моих товарищей пойдут искать труп.

Публио сидел и трясся от страха, поглядывая на своего безмолвного стража, пока не вернулись остальные и не сообщили, что тела Конана нигде не видать. Публио не знал, горевать ему или радоваться.

— Мы нашли место, где они дрались,— сказал один из троих.— Песок в крови, но короля там нет.

Четвертый принялся чертить своим посохом какие-то символы на ковре. При свете лампы Публио примерещилась на посохе блестящая чешуя...

— Вы прочли что-нибудь на песке? — спросил предводитель.

— Да,— прозвучал ответ.— Король жив. Он отплыл на корабле, идущем на юг.

Высокий кхитаец поднял голову и посмотрел на Публио, который под его пристальным взглядом начал обильно потеть.

— Чего вы от меня хотите? — пробормотал он, запинаясь.

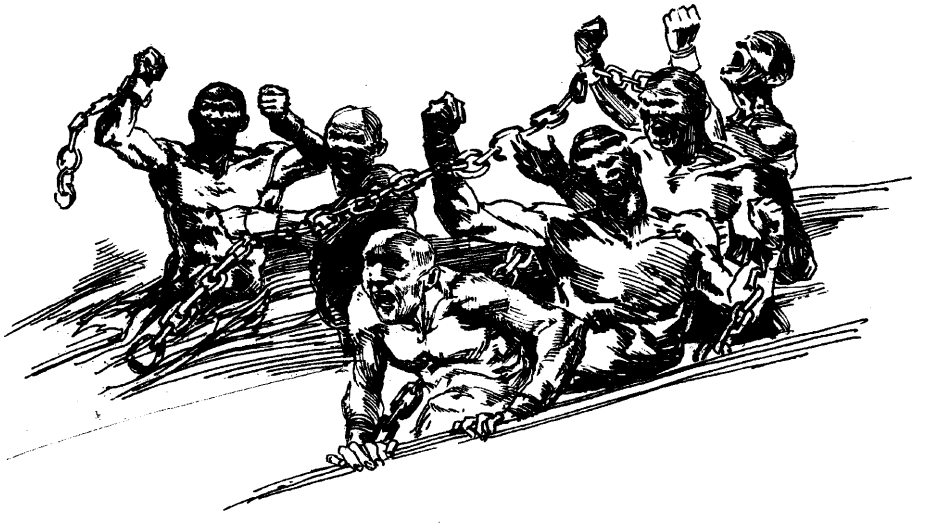
— Нам нужен корабль,— ответил кхитаец.— Корабль с командой, пригодной для дальнего путешествия.

— Насколько дальнего? — спросил Публио.

Ему и в голову не пришло отказать.

— Может статься, до края Вселенной,— сказал кхитаец.— До расплавленных морей преисподней, кипящих за чертою рассвета!

XV

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРСАРА

Когда начало проясняться сознание, Конан первым делом почувствовал движение: что-то размеренно вздымалось и опускалось под ним. Потом он услышал, как гудит ветер в снастях, и, еще не открывая глаз, понял, что находится на корабле. Слышалось неразборчивое бормотание чьих-то голосов. Конана окатили водой, отчего разум очистился полностью и мгновенно. Выругавшись, киммериец вскочил и свирепо огляделся кругом. Его встретил взрыв грубого хохота; пахло давно не мытыми человеческими телами.

Он стоял на кормовой палубе длинной галеры, шедшей под парусом. Северный ветер туго наполнял широкое полосатое полотнище. Солнце только-только вставало, мир вокруг переливался золотом, зеленью и синью. По левому борту смутной лиловой тенью виднелся берег. Справа простирался открытый океан. Все это Конан охватил первым же взглядом, хотя больше всего его интересовал, конечно, корабль.

Типичное торговое судно южных побережий: узкое, длинное, с высоко поднятым носом и такой же кормой, с каютами на обоих концах. Конан поглядел на открытый промежуток между палубами, откуда и поднималась тошнотворная, отвратительная вонь.

Запах этот был ему знаком давно: запах гребцов, прикованных к скамьям. Их там сидело человек по сорок с каждой стороны, все — негры. Каждый из них перехвачен поперек тела цепью, прикрепленной к толстому кольцу в продольном брусе, уложенном от одной палубы до другой. Конан знал: жизнь раба-гребца на аргосской галере страшнее ада.

Корабль ходко шел по ветру, и негры отдыхали от гребли. Большинство из них происходили из страны Куш. Но около тридцати чернокожих, чьи глаза с

праздным любопытством разглядывали новичка, явно вели свой род с далеких южных островов, исконного гнезда корсаров. Конан сразу отметил и выделил их стройные, мускулистые тела и правильные черты лиц. И даже узнал несколько человек: эти люди следовали за ним в прежние времена.

Конан оглядел море, корабль и гребцов в один миг, гораздо быстрее, чем можно про то рассказать. И повернулся к морякам, стоящим вокруг.

Теперь он крепко стоял на широко расставленных ногах, кулаки его гневно сжимались.

Матрос, окативший его, нагло ухмылялся, держа в руках ведро. Конан выругался и непроизвольно потянулся к мечу. Оказалось, однако, что он безоружен и почти гол, если не считать кожаных коротких штанов.

— Что это за вшивая лохань? — рявкнул он.— И как я сюда попал?

Моряки — все как один коренастые бородатые аргосцы — вновь разразились хохотом. Один из них, в ком властные повадки и важный вид выдавали капитана, сложил на груди руки и высокомерно ответил:

— Мы нашли тебя валяющимся на песке. Кто-то треснул тебя по черепу и раздел. Мы решили взять тебя на корабль, у нас не хватает гребца.

— Что за корабль? — повторил Конан.

— «Смельчак» из Мессантии, с грузом зеркал, шелковых плащей, щитов, мечей и позолоченных шлемов. Собираемся продать все это шемитам за медную и золотую руду. А я — Деметрио, капитан корабля и твой хозяин отныне!

— Ладно, и мне примерно туда же,— пробормотал Конан, пропустив мимо ушей последнее замечание капитана.

Корабль быстро шел к югу, следуя плавному изгибу аргосского побережья. Торговые корабли никогда не отваживались уходить от берега далеко. И где-то там, впереди, летела на юг черная галера стигийцев.

— Не попадалась ли вам на глаза стигийская галера...— начал было Конан.

Но капитан, дородный мужчина с грубой физиономией, возмущенно выпятил бороду: с какой это стати он должен отвечать на вопросы какого-то пленника? В самом деле, пора поставить нахального оборванца на место!

— А ну, за работу! — взревел он.— Скажи спасибо, что я вообще на тебя время потратил! Я и так оказал тебе слишком много чести, пригласив на ют для знакомства, да еще и отвечал на твои дурацкие вопросы! Живо марш отсюда — и за работу, если хочешь отработать проезд!

— Да я куплю твое корыто...— сказал Конан и осекся, вспомнив, что здесь он всего лишь нищий босяк.

Но слова его были услышаны: матросы грубо заржали, капитан же побагровел, усмотрев в происходящем насмешку над своей драгоценной персоной.

— Что? Бунтовать, свинья? — зарычал он, угрожающе шагнув вперед и хватаясь за поясной нож.— За работу, пока я не приказал тебя выпороть! Да придержи свой поганый язык, не то, клянусь Митрой, тебя посадят на весло и прикуют среди черномазых!

Долготерпением Конан не отличался никогда. И никто из тех, кто осмеливался говорить с ним таким тоном, не оставался в живых — даже в те времена, когда Конан еще не восседал на троне.

— Заткнись, паскуда! — рявкнул он, и голос его был подобен гулу свирепого шторма. Онемевшие моряки изумленно разинули рты.— Только попробуй вынуть из ножен эту игрушку,— продолжал Конан,— и я скормлю тебя рыбам!

— Да что ты из себя корчишь, ты...— вырвалось у капитана.

— Сейчас увидишь!

И взбешенный киммериец прыгнул к козлам, где висело оружие.

Капитан выхватил нож и с ревом кинулся наперерез, но ударить не успел — Конан перехватил его руку и одним рывком выдернул плечо из сустава. Капитан завопил от боли и кувырком покатился по палубе, ибо киммериец пренебрежительно отшвырнул его прочь. Схватив тяжелый топор, Конан мгновенно обернулся навстречу подоспевшим матросам. Они обложили его, точно неуклюжие псы, между тем как сам он был сродни разъяренной пантере. Они едва успели замахнуться ножами, когда Конан снова прыгнул вперед и, оказавшись в самой их гуще, принялся раздавать удары с такой скоростью, что глаз не успевал уследить. Хлынула кровь, разлетелись мозги... два трупа повалились на палубу.

Ножи полосовали пустое место. Вырвавшись из толпы, Конан взлетел на узкий мостик, тянувшийся с кормы на нос над головами гребцов. Команда, обозленная и напуганная смертью товарищей, с оружием в руках подступала к нему сзади и спереди.

Взмахнув топором, Конан вгляделся в обращенные к нему черные лица. Ветер развевал его густые волосы.

— Кто я такой? — прокричал он.— Протрите глаза, недоноски! Эй вы, Айонга, Ясунга, Ларанга! Кто я такой?

И снизу раздался ответный крик, тотчас перешедший в ликующий рев:

— Амра! Амра! Лев возвратился!

Матросня тоже услышала и поняла этот крик и подалась назад, белея от страха. Неужто стоявший перед ними белокожий дикарь и вправду тот самый ужас южных морей, что так таинственно исчез много лет назад, оставшись лишь в кровавых легендах?

Тем временем черные гребцы положительно сходили с ума: дружно гремя цепями и силясь их разорвать, они с пеной у рта выкрикивали имя Амры как заклинание. Даже кушиты, никогда прежде не видавшие Конана, подхватили крик. Рабы, запертые под кормовой палубой, с воплями колошматили в переборку.

Деметрио привстал на колени, упираясь в палубу здоровой рукой. Вывихнутое плечо причиняло ему жестокую боль.

— Вперед! — завизжал он.— Убейте его, дурачье, пока не расковались рабы!

Это было поистине самое страшное, что может произойти на галере. Моряков точно подстегнули. С обеих сторон хлынули они на мостик... но Конан был для них слишком быстр. Львиным прыжком кинулся он вниз и по-кошачьи встал на ноги в проходе между скамьями гребцов.

— Смерть хозяевам! — загремел его голос.

Взвился топор и, обрушившись на ближайшую цепь, разрубил ее, точно гнилушку. Освобожденный невольник с криком вскочил и принялся ломать весло,

превращая его в дубину. Матросы суматошно метались по мостику, но остановить безумие рабов оказалось превыше их сил. Секира Конана взлетала и падала без перерыва, круша цепь за цепью, и каждый взмах освобождал чернокожего великана, ревущего от ненависти, жажды мести и упоения возвращенной свободой.

Моряков, которые спрыгнули вниз с намерением прикончить Конана или по крайней мере задержать его, тут же схватили и разорвали рабы, еще сидевшие на цепи. А те, что уже были освобождены, ринулись вверх безумным черным потоком, вопя, точно стадо демонов. Обрывками цепей и обломками весел крушили они перед собой все живое, пуская в ход и ногти, и зубы. В самый разгар схватки невольники, запертые под кормовой палубой, сломали переборку и вырвались наружу.

Освободив с полсотни гребцов, Конан снова выскочил на мостик, и к дубинам негров добавился его иззубренный о железо топор.

Бой скоро превратился в резню. Аргосские моряки были сильны и бесстрашны, как все, прошедшие жестокую морскую школу. Но что они могли поделать против могучих разъяренных рабов, ведомых гигантом варваром, похожим на тигра?

Долгие годы страданий и унижений требовали кровавой отплаты... Смертоносный вихрь бушевал по всему кораблю. Когда же он улегся, на палубе «Смельчака» стоял один-единственный белый человек. Обезумевшие от радости негры бросались перед ним ниц и бились головами об окровавленные доски, готовые почитать его как божество.

Конан еще тяжело дышал после битвы, пот тек по могучей груди, а с лезвия топора, зажатого в мускулистой руке, падали густые красные капли. Откинув за спину гриву черных волос, он озирался, точно какой-нибудь первобытный вождь, возглавивший пещерное племя на самой заре времен. В этот миг он не был королем Аквилонии — он снова стал вожаком черных корсаров, прорубившим себе путь наверх сквозь пламя и кровь.

— Амра! Амра! — распевали, точно молясь, уцелевшие негры.— Лев возвратился! Теперь стигийцы завоют, точно собаки в ночи, и черные псы Куша станут вторить их вою! Пламя охватит деревни, пойдут на дно корабли! Ойя! Заплачут женщины, загремят копья...

— Довольно тявкать, дворняги! — Голос Конана перекрыл хлопанье паруса.— Десять человек — вниз, освободите тех, кто еще прикован. Остальные — на весла, к шкотам и фалам! О демоны Крома! Вы что, не видите, что нас отнесло к берегу, пока дрались? Хотите сесть на мель и снова попасть в руки аргосцам? Мертвецов — за борт! Да шевелитесь, бездельники, если шкура вам дорога!

Со смехом, воплями и дикими песнями кинулись негры исполнять приказание Амры. Мертвые тела, белые и черные, полетели в воду, где уже резали волны треугольные плавники...

И вот Конан стоял на корме, сложив на груди могучие загорелые руки и хмуро глядя на негров, ожидавших дальнейших распоряжений. Ветер трепал его волосы, отросшие за время странствий. Мало кто из аквилонских придвор-

ных узнал бы своего короля в этом диком и свирепом корсаре — диком и свирепом даже по меркам пиратов.

Наконец он возвысил голос:

— В трюме полно еды и оружия — этот корабль вез мечи и шлемы шемитам, торгующим на побережье. Нас здесь достаточно — хватит и для сражений, и для того, чтобы управиться с кораблем. Вы гребли в цепях для аргосских собак — станете ли грести для Амры свободными?

— Да! — слитно вырвалось из десятков глоток.— Мы — твои дети! Веди нас, куда пожелаешь!

— Тогда — за дело! — приказал Конан.— Вымыть нижнюю палубу: свободным людям не пристало работать в подобной грязи. Трое — со мной: достанем из кормового трюма еду. Кром! Еще до конца плавания у вас нарастет на ребрах жирок!

Последовал новый взрыв восторженных воплей.

Негры засновали, дружно впрягаясь в работу. Вновь наполнился парус, с гулом выгибаясь под ветром. Ветер свежел — там и сям на волнах закипали пенные гребни.

Конан цепко стоял на качавшейся палубе, глубоко дыша соленым воздухом и расправляя могучие плечи. Будет ли он вновь королем Аквилонии — неизвестно. Но вот королем синего океана он был по-прежнему!

XVI

ГОРОД ЧЕРНЫХ СТЕН — КЕМИ

«Смельчак» стрелой несся к югу: теперь на его веслах сидели свободные люди, работавшие не за страх, а на совесть. По ходу дела галера превратилась из мирной купеческой в боевую, насколько вообще это оказалось возможным сделать.

На курчавых головах гребцов красовались золоченые шлемы, при бедре у каждого висел меч. Вдоль бортов появились щиты, возле мачты лежали наготове копья, луки и стрелы. Казалось, Конану помогали даже стихии. День за днем дул ровный северный ветер и наполнял широкий пурпурный парус; в гребле почти не было нужды.

Конан сутками напролет держал на макушке мачты впередсмотрящего. Однако длинная, узкая, низкобортная галера, торопившаяся к югу где-то там, впереди, так им и не показалась. Вокруг простиралось только пустынное синее море. Рыболовные суда разлетались прочь, как перепуганные птицы, при виде щитов на бортах. Других кораблей они не видели: торговый сезон почти завершился.

Появившийся наконец парус мелькнул на севере, а не на юге. У далекого горизонта возникла быстроходная галера, она мчалась, во всю ширь развернув парус. Но напрасно негры уговаривали Конана перехватить и ограбить ее — он только покачал головой. На юг, на юг, к стигийским портам спешила стройная черная галера...

Вечером, перед самым наступлением темноты, матрос видел быстроходное судно у северного горизонта: на рассвете оно оставалось все там же — далекая темная точка, казалось, повисла у них на хвосте. Конан только гадал, уж не гнались ли за ними, хотя разумному объяснению такая возможность поддавалась с трудом. Впрочем, ему было все равно. Чем дальше к югу продвигался «Смельчак», тем невыносимее снедало его нетерпение. Сомнений Конан не ведал. Серд-

це Аримана похитил жрец Сета, он знал это наверняка, как и то, что солнце восходит на востоке, а садится на западе. Куда жрецу Сета с ним ехать, если не в Стигию?

Чернокожие чувствовали его состояние и, понятия не имея о цели своего вождя, работали так, как никогда не работали под кнутом. Они видели впереди кровь и добычу, тем и довольствовались. Мужчины с южных островов не ведали никакого иного занятия; кушиты же, с характерной для них черствостью, были рады грабить собственный народ. Кровное родство для них значило мало. Удачливый вождь и личная выгода — чего еще надо?

Побережье постепенно менялось. Больше не нависали над водой отвесные утесы, не синели вдали холмы. От самого берега начинались широкие низменные луга, простиравшиеся до горизонта. Здесь было мало гаваней и еще меньше портовых городов. Шемитские города стояли поодаль от берега; там, среди зеленых равнин, уменьшенные расстоянием, вздымались к небу белые зиккураты.

Многочисленные стада бродили по пастбищам. Их охраняли приземистые, широкоплечие всадники в цилиндрических шлемах, с иссиня-черными бородами. Такова была страна Шем — страна городов-государств, каждое из которых насаждало свои собственные законы. Конан знал, далеко на востоке луга сменялись пустыней, где не белели городские стены — одни шатры кочевых племен.

Мимо, мимо страны зеленых саванн торопился быстрый корабль, и постепенно берег вновь начал изменяться. Гуще стали пальмовые рощи, появились заросли тамаринда. Потом вдоль моря потянулась сплошная полоса зеленых кустов и деревьев, позади которых высились голые песчаные холмы. К морю бежали речки и ручейки; растительность буйствовала на их влажных берегах.

Наконец галера миновала устье крупной реки, и впереди, у южного горизонта, показались гигантские черные стены и высокие башни. Кеми!.. Река же, впадавшая в море, была не что иное, как Стикс, естественная граница Стигии. Кеми был самым крупным портом и важнейшим стигийским городом тех времен. Король жил в древнем Луксуре, зато в Кеми правило жречество. Впрочем, если верить слухам, главный жрец их темной религии располагался далеко в глубине страны, в таинственном заброшенном городе на берегу мрачного Стикса. Никто не знал, откуда текла эта река. Людям было известно лишь то, что она текла с юга на север целую тысячу миль, потом поворачивала на запад и еще через несколько сот миль изливала свои воды в океан...

Погасив все огни, «Смельчак» глухой ночью прокрался мимо города и еще до рассвета бросил якорь в маленькой бухте несколькими милями южнее. Бухту окружала топь, зеленое кружево мангровых зарослей, путаница пальм и лиан, повсюду кишели змеи и крокодилы. Что ж, зато корабль навряд ли кто обнаружит. Конан хорошо знал эту бухту: здесь он не единожды отсиживался, когда был корсаром.

Пока они шли мимо города, мимо громадных черных бастионов на острых мысах по обе стороны гавани, они видели факелы, горевшие мертвенным све-

том, а до слуха доносился приглушенный грохот барабанов. В порту, не в пример аргосским, не толкались корабли. Власть и величие Стигии зиждились не на флоте. У стигийцев были и купеческие корабли, и боевые галеры, но сухопутная мощь страны далеко превосходила морскую. К тому же большинство кораблей сновало вверх и вниз по течению великой реки, не выходя в море.

Стигийцы были очень древним народом, смуглокожим и непостижимым, безжалостным и могучим. Власть их когда-то простиралась далеко на север, за Стикс, за равнины Шема, охватывая плодородные нагорья, где жили теперь племена Кофа, Офира и Аргоса. В те времена Стигия непосредственно граничила с Ахероном. Но зловещий Ахерон пал, и предки хайборийских народов, варвары в рогатых шлемах и волчьих шкурах, устремились на юг, изгоняя прежних правителей. С тех пор минули тысячи лет, но стигийцы ничего не забыли.

Весь день «Смельчак» стоял на якоре в крохотной бухте, надежно укрытый от посторонних глаз живыми стенами зелени. В путанице ветвей прихотливо переплетались лианы, мелькали ярко оперенные, звонкоголосые птицы, пробирались не менее яркие, но молчаливые змеи. Ближе к вечеру спустили и отправили вдоль берега маленькую лодку. Конан велел своим людям поймать какого-нибудь стигийского рыбака, вышедшего в море на своей плоскодонке, и добыча вскоре попалась.

Негры втащили на палубу «Смельчака» высокого, стройного смуглого малого, серого от страха перед похитителями, которых все побережье почитало за людоедов. Он был почти наг, если не считать шелковых штанов: в Стигии, как и в Гиркании, шелк носили даже простолюдины и рабы. В лодке нашелся еще широкий плащ из тех, что рыбаки накидывают на плечи, спасаясь от ночной прохлады.

Бедняга повалился перед Конаном на колени, ожидая пыток и смерти...

— Вставай, парень, и хватит трястись,— нетерпеливо проговорил киммериец, не в силах понять его беспричинного страха.— Никто не тронет тебя. Скажи только: не возвращалась ли в последние дни из Аргоса черная быстроходная галера?

— Да, господин,— ответил рыбак.— Вчера на рассвете из далекого плавания на север возвратился жрец Тутотмес. Люди говорят, он ездил в Мессантию.

— Что он привез из Мессантии?

— О господин, откуда мне знать...

— А зачем он ездил в Мессантию, не знаешь? — допытывался Конан.

— Не гневайся, господин, я всего лишь бедный рыбак. Кто я такой, чтобы постичь замыслы служителей Сета? Я способен говорить лишь о том, что видел сам или слышал на пристани. Поговаривают, будто с севера к нам дошли немыслимой важности новости... хотя какие именно, помилуй, не знаю... и господин Тутотмес тотчас же со всей поспешностью велел снарядить свою черную галеру. И вот он вернулся, но что он делал в Аргосе и какой груз доставил оттуда — неведомо никому, даже морякам с галеры. Еще говорят, будто он разошелся с Тот-Амоном, верховным жрецом Сета, живущим в Луксуре... По слухам, Тутотмес ищет тайных познаний, стремясь низложить Величайшего. Но кто я таков, чтобы судить? Когда ссорятся жрецы, простому смертному вроде меня остается лишь пасть ниц и надеяться, что ни те ни другие не втопчут его в пыль...

Конан только фыркнул — такая рабская философия до глубины души его возмущала — и повернулся к своим молодцам:

— Я отправляюсь в Кеми разыскивать Тутотмеса. Я пойду один. Рыбака посадить под замок, но не трогать... Демоны Крома вас побери, да прекратите вой! Вы что, воображаете, будто мы прямо так войдем в гавань и возьмем город штурмом? Нет, лучше будет, если я отправлюсь один.

Отмахиваясь от возражений, он скинул одежду и облачился в шелковые штаны и сандалии, позаимствованные у пленника. Он взял даже его головную повязку, презрев лишь короткий нож рыбака. Стигийским простолюдинам носить оружие не дозволялось, накидка же была недостаточно просторна, чтобы спрятать под ней длинный меч киммерийца. И Конан пристегнул к поясу гханатский нож — оружие свирепого народа пустыни, жившего южнее стигийцев. Это был широкий, тяжелый, слегка изогнутый клинок из великолепной стали, отточенный, как бритва, и достаточно длинный, чтобы кому угодно выпустить кишки.

Оставив стигийца под охраной корсаров, Конан перебрался через борт и спустился в рыбацкую лодочку.

— Ждите меня до рассвета,— сказал он.— Если к тому времени я не вернусь, значит, не вернусь вообще, а стало быть, можете отправляться на юг, в родные места.

Негры подняли жалобный вой, Конан вновь высунул голову над бортом и выругал их, приказав немедля заткнуться. Прыгнул в лодку и схватился за весла — крохотная скорлупка полетела по волнам гораздо быстрее, чем когда-либо при прежнем владельце.

XVII

«ОН УБИЛ СВЯЩЕННОГО СЫНА СЕТА!»

Гавань Кеми лежала между двумя длинными мысами, далеко вдававшимися в океан. Конан обогнул южный мыс, на котором рукотворным холмом высился черный замок, и вошел в гавань в сумерках. Он подгадал время так, чтобы меркнущий свет дня позволил страже узнать лодочку и накидку рыбака, но лишних деталей рассмотреть не дал. Никто не остановил Конана, пока он осторожно пробирался между громадными боевыми галерами, с погашенными огнями стоящими на якорях. Добравшись до широких каменных ступеней, спускавшихся к самой воде, Конан привязал лодку к железному кольцу, оставив ее среди множества других таких же. Никому, кроме рыбака, подобное суденышко все равно не могло пригодиться, а рыбаки друг у друга лодок не крали.

Никто не удостоил Конана лишним взглядом, пока он поднимался по длинной лестнице, скромно избегая света факелов, что горели над тихо плескавшей черной водой. Подумаешь, еще один рыбак вернулся ни с чем, посвятив целый день бесплодным трудам в море! Конечно, если бы к нему присмотрелись пристальнее, кто-нибудь мог бы заметить, что шаг его слишком пружинист, а осанка слишком уверенна и горделива для бедного рыбака. Но Конан держался в тени и быстро покинул причал, а простые стигийцы горазды на умозаключения нисколько не более, нежели простолюдины иных, менее экзотических племен.

Телосложением Конан отчасти напоминал мужчин из стигийских воинских каст, людей высоких и мускулистых. Его бронзовая, загорелая кожа была почти такой же смуглой, как и у них, а густая черная грива, подстриженная над бровями и схваченная медной полоской, только усиливала сходство. Отличался он разве что походкой, чужеземными чертами лица и, конечно, синими глазами. Переодевание, однако, оказалось удачным. Конану осталось только держаться в тени да отворачивать голову, когда кто-нибудь из местных подходил к нему слишком близко.

Конан знал, его игра чересчур отчаянная и обман рано или поздно будет раскрыт. Слишком несхож Кеми с портовыми городами хайборийских стран, где кишели представители всех мыслимых рас и народов. Здесь единственными инородцами были рабы — шемиты и негры, на которых он походил еще меньше, чем на стигийцев. В городах Стигии не жаловали чужестранцев, допуская к себе только послов и купцов, приобретших торговую привилегию. Но даже им не разрешалось сходить на берег после наступления темноты. Да и не было в гавани ни одного хайборийского корабля.

Над городом витало некое смутное беспокойство, некое оживление древних надежд и притязаний, гулял некий шепоток, внятный лишь тем, кто шептал. Конан не особенно понимал, в чем тут дело, но обостренный инстинкт варвара подсказывал: держи ухо востро! Если его поймают, судьба его будет незавидной. Его могут убить уже за то, что он чужестранец; но если они узнают в нем Амру, предводителя корсаров, огнем и мечом опустошавшего их берега... Конан передернул широкими плечами, содрогнувшись помимо воли. Он не боялся двуногих врагов, не боялся и смерти от рук человека. Но сейчас он находился в черной стране колдовства, обители безымянного ужаса. Поговаривали, будто сам Сет, Старый Змей, изгнанный с севера хайборийцами, еще скрывался во тьме таинственных храмов, где у подножия мрачных святынь совершались загадочные и жуткие деяния.

Конан покинул припортовые улицы, ступенчато спускавшиеся к воде, и вступил в полутемные кварталы центральной части Кеми. И опять — ничего похожего на хайборийские города. Здесь и в помине не было яркого сияния светильников и факелов, не прогуливалась нарядная, смеющаяся толпа мимо настежь открытых мастерских и лавок, полных товара.

Здесь все закрывалось с наступлением темноты. Улицы освещались лишь считаными факелами, дымно чадившими на порядочном расстоянии один от другого. Немногочисленные пешеходы торопились куда-то: чем позже час, тем меньше их становилось. По мнению Конана, все вокруг выглядело исключительно мрачно и отдавало чем-то нереальным: молчание, необъяснимая спешка... и высоченные черные стены, вздымавшиеся по сторонам улиц. Стигийская архитектура отличалась мрачной громоздкостью; она подавляла человека, производя гнетущее впечатление.

Света в окнах почти не было — только на верхних этажах некоторых зданий. Конан знал, большая часть жителей проводила вечера на плоских крышах домов, под звездами, среди пальм висячих садов. Откуда-то негромко доносилась странная музыка. Время от времени, рокоча колесами по мостовой, проезжала бронзовая колесница, везущая какого-нибудь вельможу с ястребиным лицом, закутанного в шелковый плащ, с золотым обручем на волосах в виде вздыбившейся змеи. Нагие чернокожие колесничие напрягали узловатые мышцы, с трудом сдерживая свирепых стигийских коней.

Пешеходы же были все больше простолюдины — рабы, блудницы, работники,— и чем дальше, тем реже попадался Конану кто-либо навстречу. Он двигался к храму Сета, ибо там, вероятнее всего, можно разыскать нужного ему жреца. Оставалось надеяться, что он сумеет узнать Тутотмеса, чье лицо всего раз мельк-

нуло перед ним в полутьме мессантийского переулка. А в том, что это был именно Тутотмес, Конан не сомневался. Лишь маги высокого посвящения, члены пресловутого Черного Круга, наделены властью «черной руки» — способностью убивать простым прикосновением ладони. И только такой человек решился бы противопоставить себя Тот-Амону, которого западный мир знал лишь по исполненным безотчетного ужаса мифам...

Улица сделалась шире, и Конан понял, что добрался до храмовой части города. Громадные черные здания устремлялись к тускло мерцающим звездам, свет редких факелов придавал им неописуемо мрачный и угрожающий вид. Неожиданно Конан услышал, как на другой стороне улицы и чуть впереди него тихо вскрикнула женщина — нагая куртизанка, чью замысловатую прическу венчал высокий плюмаж, знак ее ремесла. Она пятилась, прижимаясь к стене, и с ужасом смотрела на нечто, еще невидимое для Конана. Заслышав ее крик, немногочисленные пешеходы так и застыли, и в тот же миг Конан расслышал тихое, но весьма зловещее шуршание, доносившееся откуда-то спереди. Потом из-за угла дома, к которому он как раз подходил, появилась омерзительная клиновидная голова, а за ней, виток за витком, поползло чешуйчатое лоснящееся тело.

Киммериец отшатнулся, мигом вспомнив россказни, которых в свое время наслушался,— эти змеи посвящены Сету, стигийскому богу-змею. В храмах Сета держали немало подобных чудовищ; когда они чувствовали голод, их выпускали прямо на улицы за добычей. Жуткие змеиные трапезы считались жертвоприношением чешуйчатому божеству...

Стигийцы, окружившие Конана,— мужчины и женщины — падали на колени, безропотно ожидая своей участи. Сейчас громадная змея изберет среди них одного, обовьет его упругими кольцами, раздавит в кровавое месиво и проглотит, как полоз проглатывает мышь. Другие останутся жить — такова воля богов...

Но только не Конана! Между тем питон полз прямо к нему, привлеченный, возможно, тем обстоятельством, что он единственный не спешил преклонить колени. Конан сунул руку под накидку, к ножу, все еще надеясь, что адова тварь минует его. Но змея остановилась прямо перед ним, собралась в кольца и высоко подняла голову. Взгляд холодных глаз, исполненный древней змеиной жестокости, скрестился со взглядом человека, раздвоенный язык так и мелькал. И вот удав выгнул шею, собираясь ударить, но мгновением раньше Конан выхватил нож и полоснул им со скоростью молнии. Широкое лезвие рассекло клиновидную голову и глубоко врезалось в толстую шею.

Высвободив нож, Конан проворно отскочил прочь, а громадное тело забилось в судорогах, бешено свиваясь и хлеща могучим хвостом. Какое-то мгновение Конан завороженно наблюдал за агонией чудовища, а вокруг было тихо — лишь свистел и гулко бил о камни чешуйчатый хвост.

Но мгновение минуло, и потрясенные свидетели разразились ужасающим криком:

— Святотатство! Он убил священного сына Сета! Смерть ему! Смерть! Смерть!..

В Конана полетели камни. Обезумевшие стигийцы истерически закричали и бросились на него. Другие выскакивали из домов, присоединяясь к погоне.

Выругавшись, Конан со всех ног кинулся в темный переулок. Он бежал, ведомый более чутьем, нежели зрением, а позади слышалось шлепанье босых ног по мостовой и яростные крики преследователей, эхом отдававшиеся от каменных стен. Нащупав левой рукой какую-то щель, Конан юркнул туда и оказался в другом переулке, еще более узком. С обеих сторон вздымались гигантские черные стены, лишь высоко над головой виднелась узенькая полоска звездного неба. Конан догадывался — стены, между которыми он спрятался, были стенами храмов. Тем временем погоня миновала его — преследователи промчались впотьмах мимо устья переулка, истошные крики понемногу стихли вдали. Конан пошел вперед, хотя перспектива столкнуться в темноте еще с одним «сыном Сета» вселяла в него невольную дрожь.

Спустя некоторое время впереди возник слабый движущийся отблеск — ни дать ни взять светлячок. Конан остановился и вжался в стену, нащупывая рукоять ножа. Ему навстречу, неся факел, шел человек. Вот он приблизился уже настолько, что Конан различил смуглую руку и смутный овал лица. Еще несколько шагов — и человек тоже увидит его. Конан подобрался, точно тигр перед прыжком... но факел внезапно остановился. Пламя осветило дверь. Человек повозился с ней, отворил и вошел. Кромешная темнота вновь поглотила переулок. Было что-то зловещее в этой смутной фигуре, прокравшейся во тьме переулком и исчезнувшей в потайной двери. Не иначе жрец возвращался к себе в храм, исполнив какое-нибудь недоброе поручение!

Конан ощупью добрался до двери. Убраться назад тем же путем не было возможности, он мог вновь напороться на толпу, от которой только что удрал. Чего доброго, они еще вернутся, заметят переулок и с воем ринутся на ускользнувшую жертву... Конану стало не по себе меж этих отвесных, неприступных стен, захотелось выбраться отсюда — даже если выбраться означало проникнуть внутрь одного из неведомых зданий.

Тяжелая бронзовая дверь оказалась незапертой. Приоткрыв ее, Конан заглянул в щель, увидел большую квадратную комнату, облицованную все тем же черным камнем. В стенной нише тлел факел. Комната оказалась пуста, Конан проскользнул внутрь и притворил за собой лакированную дверь.

Его обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по черному мрамору пола. Заметив впереди еще одну дверь — на сей раз из тикового дерева,— Конан миновал ее и с ножом в руках вступил в огромное полутемное помещение, высокий потолок которого терялся во мраке. Влево и вправо тянулись черные стены, прорезанные арками. Зал освещали бронзовые лампы невиданной формы, едва разгонявшие тьму. Каменными карнизами нависали над головой затененные галереи.

Конан содрогнулся: стало быть, он залез в храм какого-то стигийского бога, если не самого Сета, то какого-нибудь в том же роде. И в святилище не было пусто. Посреди громадного зала высился черный каменный алтарь — массивный, мрачный, не украшенный даже резьбой, а на нем, свернувшись, лежала одна из громадных священных змей. Змея не шевелилась, лишь радужные кольца переливались в свете масляных ламп. Конан припомнил, что жрецы якобы опаивали змей время от времени каким-то дурманом. Он нерешительно шагнул

вперед... и тотчас шарахнулся обратно, но не в комнату, из которой только что вышел, а в нишу, завешенную бархатной шторой. Его слуха коснулся звук мягких шагов, раздавшийся где-то вблизи.

Из черной арки появился высокий крепкий мужчина в сандалиях и шелковой набедренной повязке. Широкая накидка окутывала его плечи. Лицо и всю голову скрывала чудовищная маска, в которой были смешаны воедино звериные и человеческие черты. Венчало маску колеблющееся облако страусовых перьев. В подобных масках стигийские жрецы совершали ритуалы.

Конан очень надеялся, что жрец не обнаружит его, но стигийца предостерег какой-то инстинкт. Направившись поначалу к лестнице, он вдруг повернул прямо к нише. Но едва он отдернул бархатную занавесь, как из темноты метнулась рука и, не дав закричать, схватила за глотку и втянула внутрь ниши, где жрец и напоролся на нож.

Дальнейшие действия Конана были подсказаны логикой. Он снял с головы жреца ухмыляющуюся маску и надел ее сам. Прикрыв тело убитого одеянием рыбака, он натянул на могучие плечи жреческую накидку. Судьба подарила ему личину — отчего ж не воспользоваться? Пускай теперь хоть весь Кеми гоняется за святотатцем, осмелившимся поднять руку на священного гада. Но кому придет в голову заглянуть под маску жреца? Конан смело покинул альков и направился к первой же приглянувшейся арке. Но не успел сделать и дюжины шагов, как обостренный нюх на опасность вновь заставил его обернуться.

Вниз по лестнице один за другим спускались люди в масках, наряженные в точности так же, как он. Застигнутый на открытом месте, Конан заколебался, не зная, что делать, и остался стоять неподвижно, хотя по лбу и рукам покатились капли холодного пота. Жрецы не произнесли ни единого слова. Точно призраки, вереницей спускались они в зал и шли мимо Конана к одной из арок. Предводитель нес посох из черного дерева, на котором красовался белый ухмыляющийся череп. Конан увидел ритуальную процессию, недоступную пониманию чужестранца, но тем не менее игравшую важную — и зачастую зловещую — роль в стигийской религии. Шедший последним слегка повернул голову в маске к неподвижно стоявшему киммерийцу, как бы приглашая его следовать за собой. Что делать? Не выполнить того, чего от тебя ждут, значит навлечь неминуемые подозрения... И Конан пристроился в затылок последнему, приноравливая свой шаг к их мерной походке.

Они шли темным сводчатым коридором, и Конану сделалось очень не по себе, когда он заметил, что череп на посохе начал светиться неестественным фосфорическим светом. Животная паника шевельнулась в глубине его существа, понуждая выхватить нож, искромсать потусторонние силуэты вокруг — и бежать, бежать из этого жуткого храма! Конан смог удержать себя в руках, подавив ужас, родившийся в недрах сознания и готовый населять кошмарными тенями все темные углы. И все-таки, когда они миновали громадную двустворчатую дверь и вышли под звездное небо, он едва не испустил вздох облегчения.

Некоторое время Конан раздумывал, не исчезнуть ли потихоньку в какомнибудь переулке. Однако они шли и шли вереницей по длинной улице, и люди, попадавшиеся навстречу, поспешно отворачивались и удирали. К тому же про-

цессия держалась довольно далеко от стен: внезапный прыжок в сторону навряд ли останется незамеченным...

Пока Конан в бессильной ярости крыл про себя жрецов на все корки, шествие приблизилось к невысоким воротам в южной стене и вышло наружу. Впереди и вокруг жались друг к другу низенькие глинобитные домики, в звездном свете смутно виднелись пальмовые рощи. Теперь или никогда, подумалось Конану. Самое время расстаться с его молчаливыми спутниками!

Но как только за ними закрылись ворота, все их молчание как рукой сняло. Они принялись возбужденно переговариваться вполголоса. Оставили они и ритуальный размеренный шаг, предводитель бесцеремонно сунул посох с черепом себе под мышку, и вся компания, смешав ряды, поспешила вперед. Поспешил с ними и Конан. Ибо в приглушенный шепот жрецов вкралось имя, заставившее его немедля насторожиться,— Тутотмес!

XVIII

«Я — ЖЕНЩИНА, НЕ ЗНАВШАЯ СМЕРТИ...»

Со жгучим интересом всматривался Конан в своих закрытых масками спутников. Либо один из них и был Тутотмес, либо все они шли на встречу с человеком, который так нужен Конану. Когда же за кронами пальм в темном небе возникла треугольная черная тень гигантской постройки, Конан сообразил, куда все идут.

Жрецы миновали облезлые домишки и рощицы; может, кто и видел процессию, но на глаза предпочел не показываться. Черные башни Кеми угрюмо вздымались к звездам, отражавшимся в водах гавани. Впереди, уходя в непроглядную тьму, расстилалась пустыня. Откуда-то доносилось тявканье шакала. Обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по песку. Казалось, призраки спешат к гигантской пирамиде, возвышавшейся над темной пустыней.

При виде мрачной громады, заслонявшей звездное небо, сердце Конана заколотилось быстрее. Он был готов сойтись с Тутотмесом лицом к лицу и схватиться с ним, если придется, но к его нетерпению примешивался страх. Любого человека, приблизившегося к этому сооружению из черных камней, одолевали предчувствия. Легенды намекали — пирамиды не были выстроены стигийцами, они уже стояли здесь в незапамятные времена, когда смуглолицый народ только-только поселился у великой реки.

Подходя к пирамиде, Конан заметил у ее основания пятнышко неяркого света. Постепенно вырисовался дверной проем, по обе стороны которого задумчиво возлежали каменные львы с женскими головами, таинственные, непостижимые — кошмарный сон, воплощенный в камне.

Предводитель процессии направился прямо ко входу, и Конан разглядел какой-то темный силуэт там, в глубине. Вот с ним поравнялся предводитель, приостановился на миг — и исчез во тьме внутри пирамиды. Один за другим за ним последовали и остальные. При этом таинственный страж останавливал всякого вступавшего в темный портал, и что-то совершалось между ними, какой-то жест или слово — Конан тщетно силился разобрать. Отчаявшись, он намеренно замешкался и, наклонившись, сделал вид, что возится с ремешками сандалий. И только когда последний носитель маски благополучно исчез, Конан выпрямился и пошел вперед.

Ему было не по себе: в голову назойливо лезли когда-то слышанные байки, он всерьез гадал, вдруг страж храма не человек. Однако волновался он зря. Бронзовый светильник, горевший за порогом, позволял видеть часть узкого длинного коридора, уходившего в темноту, и человека в широком черном плаще, молча стоявшего у входа. Жрецы в масках, надо думать, удалились по коридору.

Нижняя часть лица стигийца была скрыта плащом, но глаза так и впились в Конана пронизывающим взглядом. Вот он сделал левой рукой какой-то странный жест. Положившись на удачу, Конан повторил его. Но тотчас понял — от него ожидали чего-то другого. Правая рука стигийца вылетела из-под плаща, сверкнула сталь. Последовал убийственный удар, который, вне сомнения, пронзил бы сердце обычного человека.

Но перед стигийцем стоял воин, обладавший стремительной реакцией лесного кота. Тусклый свет едва успел отразиться от лезвия, когда Конан перехватил смуглое запястье, и тотчас же его правый кулак обрушился на челюсть стигийца. Голова стража запрокинулась и ударилась о камни стены с хрустом, который ясно говорил о проломленном черепе.

Конан на миг замер над ним, чутко прислушиваясь. Светильник догорал, отбрасывая бесформенные тени. Впереди, во тьме коридора, ничто не шевелилось, но Конану показалось, будто где-то там, глубоко внизу, едва различимо пропел гонг.

Нагнувшись, киммериец оттащил мертвое тело за дверь, а потом осторожно и быстро пошел по коридору вперед, даже не гадая о том, какая судьба могла его там ожидать.

Пройдя совсем немного, он озадаченно остановился. Коридор разветвлялся, и в какую сторону отправились жрецы, Конан не знал. Наугад выбрал он левый проход. Пол слегка понижался и был гладок, точно отполированный множеством ног. Там и сям чадили факелы, разливая вокруг жутковатый трепетный полусвет. Поневоле Конан задумался, зачем и в какую из позабытых эпох построили эти каменные громады. Древней, чудовищно древней была эта земля! Никто не знал, сколько веков глядели на звезды стигийские черные храмы...

Узкие арки открывались то справа, то слева, но Конан держался главного коридора — хоть и приходил все более к убеждению, что свернул не туда. Иначе он давно уже поравнялся бы со жрецами, ведь они не так сильно его обогнали. Конан начал нервничать.

Казалось, тишину можно пощупать; тем не менее ему все время мнилось — он не один здесь. Не раз, торопливо минуя темную арку, он ощущал чей-то пристальный взгляд, устремленный на него из глубины. Конан замедлил шаг, почти решив вернуться туда, где коридор раздвоился... потом резко обернулся, сжимая в руке нож.

У входа в боковой туннель стояла девушка — стояла и смотрела на киммерийца. Ее кожа цвета слоновой кости означала принадлежность к какому-то древнему стигийскому роду. Как все знатные стигийки, она была высокой, гибкой и чувственно-прекрасной. Роскошные волосы ниспадали черной вспененной волной, и среди них мерцал искристый рубин.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась она.

Ответить — значило выдать свое чужеземное происхождение. Конан молчал и не двигался — темная зловещая фигура в маске, увенчанной страусовыми перьями. Зоркие глаза его осматривали тени за спиной девушки. Но как знать, сколько воинов сбежится тотчас же, если она позовет?

Она тем временем пошла к нему — без всякого страха, но подозрительно вглядываясь.

— Ты не жрец,— сказала она.— Ты воин, это видно даже под маской. Ты отличаешься от жрецов, как мужчина от женщин. О Сет! — воскликнула девушка, внезапно остановившись, и глаза ее округлились.— По-моему, ты даже не стигиец!

Его рука метнулась вперед так стремительно, что никто не успел бы уследить, пальцы почти ласково обхватили нежную шею.

— Попробуй только пискни,— пробормотал он.

Ее гладкая кожа показалась ему холодной, как мрамор. Но в бездонных черных глазах, как и прежде, не было страха.

— Не бойся, я не выдам тебя,— ответила она спокойно.— Скажи лучше, не безумен ли ты, чужестранец, вошедший в запретный храм Сета?

— Я разыскиваю жреца Тутотмеса,— ответил Конан.— Он здесь?

— А зачем он тебе нужен? — парировала она.

— При нем... нечто, украденное у меня.

— Я тебя к нему провожу,— предложила она с такой готовностью, что в нем вновь проснулись подозрения.

— Не играй со мной, девочка,— заворчал он.

— А я и не играю с тобой. Я не люблю Тутотмеса.

Конан помедлил, потом все же решился. В конце концов, он в ее власти настолько же, насколько и она — в его.

— Иди рядом,— приказал он и, выпустив шею, схватил ее запястье.— И хорошенько думай, что делаешь. Если попробуешь шутить...

Она повела его по коридору — все вниз и вниз, пока не скрылись позади последние факелы, и он зашарил рукой по стене, не видя, лишь ощущая и чувствуя женщину, идущую рядом. Когда он что-то сказал, она повернула к нему голову, и Конан вздрогнул, заметив, что ее глаза светились во тьме, точно два золотистых огня. Смутные сомнения и еще более смутные, чудовищные подозрения зародились в его душе... и все-таки он продолжал идти. Она же вела его через лабиринт, через путаницу черных туннелей, даже его первобытное чувство направления оказалось бессильно. Мысленно Конан сто раз обозвал себя недоумком за то, что последовал за нею в это мрачное прибежище тайн. Так или иначе, поворачивать назад было поздно. К тому же он вновь ощущал в темноте вокруг себя жизнь и движение, ощущал чье-то опасное, голодное нетерпение неподалеку... И если слух его не подвел, он расслышал даже смутный скользящий шумок, который затем удалился, повинуясь приказу, который шепотом отдала девушка.

В конце концов она привела его в покой, освещенный таинственным светом семи черных свечей, горевших в канделябрах невиданной формы. Комната была квадратной, со стенами и потолком из полированного черного мрамора. Обставлена в древнестигийском духе: ложе из эбенового дерева, обтянутое черным бархатом, а рядом, на черном каменном возвышении, стоял резной саркофаг.

Конан нетерпеливо переминался, поглядывая на черные арки: в комнату сходилось сразу несколько коридоров. Но девушка не пошла дальше. С кошачьей грацией растянулась на ложе и закинула за голову руки, глядя на Конана из-под длинных загнутых ресниц.

— Ну? — спросил он нетерпеливо.— В чем дело? Где Тутотмес?

— А куда нам спешить? — отозвалась она.— Что значит час... или день... или, если на то пошло, год или столетие? Сними маску, я хочу увидеть твое лицо.

С раздраженным ворчанием Конан стащил с себя громоздкий головной убор. Девушка окинула взглядом его темное, в шрамах лицо, горящие глаза и одобрительно кивнула:

— Я вижу в тебе силу... огромную силу. Ты мог бы задушить вола!

Конан беспокойно вглядывался в темноту проходов, держа руку на рукояти ножа. Его подозрения все возрастали.

— Если ты завела меня в ловушку, пеняй на себя,— сказал он.— Любоваться результатом тебе уже не придется. Может, слезешь с дивана и сделаешь, что обещала? Или мне тебя...

Он не договорил. Случайный взгляд, брошенный на саркофаг, упал на посмертную маску, исполненную из слоновой кости со всей дотошностью давно забытого искусства. В чертах резной маски Конану померещилось нечто знакомое, внушавшее смутное беспокойство... Потом он потрясенно осознал, в чем дело. У маски и у девушки, растянувшейся на ложе, было одно и то же лицо! Сначала

он решил, что девушка послужила скульптору моделью,— но ведь саркофагу самое меньшее несколько столетий! Конан принялся рыться в памяти, выискивая обрывки познаний, которых он в течение своей бурной жизни успел-таки поднабраться.

Один за другим узнавал он древние письмена и смог прочитать:

— Акиваша!

— Ты слышал о принцессе Акиваше? — спросила девушка.

— Кто же про нее не слыхал,— буркнул Конан.

Имя древней принцессы, столь же прекрасной, сколь и греховной, еще жило в легендах и песнях, которые помнил весь мир,— при том что уже десять тысячелетий миновало с тех пор, как дочь Тутхамона веселилась и пировала в черных залах древнего Луксура.

— Она любила жизнь во всех ее проявлениях — это ее единственный грех,— сказала стигийка.— Она приняла любовь смерти, чтобы получить жизнь. Ей невыносима была мысль о старости и морщинах, о смерти, будучи ссохшейся и поблекшей. Она отдалась тьме и получила в подарок жизнь — жизнь, неподвластную старости и увяданию. Она укрылась во мраке, обманув смерть...

Конан свирепо взглянул на нее сузившимися глазами. Повернувшись, он сорвал крышку с саркофага. Там было пусто. От смеха девушки, прозвучавшего за спиной, кровь застыла у него в жилах. Конан резко обернулся к ней, чувствуя, как сзади на шее шевелятся волоски.

— Ты — Акиваша!

Она вновь рассмеялась, тряхнула блестящими волосами и раскинула руки:

— Да, я — Акиваша! Я — женщина, никогда не знавшая ни смерти, ни старости. Та, которую глупцы считают вознесшейся на небо к богам, покинувшей землю во всем цвете юности и красоты, чтобы вечно царствовать в какой-нибудь небесной стране! О нет! Лишь во тьме могут смертные достигнуть бессмертия. Десять тысяч лет назад я умерла, чтобы жить вечно. Люби же меня, могучий варвар!

Гибко вскочив, она подбежала к нему, приподнялась на цыпочки и обняла его за шею. Глядя сверху вниз в ее прекрасное запрокинутое лицо, Конан ощутил пугающее влечение — и ледяной страх.

— Люби же меня,— шептала она, откинув голову, смежив глаза и приоткрыв губы.— Дай мне крови, дай обновить мою юность и поддержать вечную жизнь! Я и тебя могу сделать бессмертным. Я дам тебе мудрость всех веков, открою тебе тайны, хранившиеся во мраке храмовых подземелий тысячелетие за тысячелетием. Я сделаю тебя королем призрачных орд, пирующих меж древних могил, когда ночь окутывает пустыню и летучие мыши резвятся в лунном луче. Мне надоели жрецы, маги и пленницы, которые так истошно кричат у порога смерти. Мне нужен настоящий мужчина... Люби же меня, варвар!

Она склонила темноволосую голову на его могучую грудь, и он ощутил острый укол в основание шеи, у горла. Выругавшись, Конан оторвал девушку от себя и швырнул прочь, на ложе.

— Будь ты проклята, упириха!

Кровь тонкой струйкой сочилась из крохотной ранки.

Акиваша взметнулась на ложе, точно змея, изготовившаяся укусить. Желтое адово пламя горело в ее огромных глазах. Ее губы раздвинулись, обнажив острые белые зубы.

— Глупец! — выкрикнула она.— Ты думаешь спастись от меня? Ты кончишь свою жизнь здесь, со мной, в темноте! Я завела тебя глубоко в подземелья, и одному тебе отсюда не выбраться. Ты не сумеешь одолеть или миновать тех, кто стережет эти туннели. Если бы не я, сыны Сета давно уже набили бы твоей плотью утробы. Я еще напьюсь твоей крови, глупец!

— Прочь, пока я не изрубил тебя на куски! — зарычал Конан, и по его телу пробежала дрожь отвращения.— Может, ты и вправду бессмертна, но я тоже не шутки шучу!

Он попятился к арке прохода, сквозь который они вошли... и тут свет неожиданно погас. Все свечи потухли одновременно, хотя каким образом, Конан так и не понял: Акиваша их не касалась. Он услышал за собой смех упырихи, сладкий, как яд, как музыка преисподней. Конан зашарил по стене в поисках выхода, покрываясь потом и чувствуя, что пропал. Нащупав проход, он ринулся наружу, не особенно разбираясь, та ли это арка, которую искал, или другая. Единственная мысль билась у него в голове: скорее покинуть зловещий чертог, где столько веков обитала прекрасная и омерзительная живая покойница.

Точно в дурном сне, мчался он вперед и вперед по темным закоулкам извилистых подземных туннелей. Сзади и по сторонам то и дело слышались шорохи ползущих тел, а однажды вновь донеслось эхо сладостного и жуткого смеха Акиваши. На каждый звук, примерещившийся или реальный, Конан отвечал яростным взмахом ножа. Один раз его клинок вспорол нечто податливое и тонкое — паутину? В отчаянии Конан чувствовал, с ним играют, завлекая его все глубже и глубже в беспредельную ночь, где его разорвут клыки и когти чудовищ...

Но к ужасу киммерийца примешивалась тошнотворная горечь открытия, которое он сделал. Древняя легенда об Акиваше повествовала не только о зле и пороке, но еще и о юности, бессмертии и красоте. Для многих и многих мечтателей, поэтов и влюбленных Акиваша не просто принцесса стигийских сказаний — она представала символом вечной молодости и красоты, сияющей в далеких чертогах богов. И вот какова оказалась отвратительная правда. Вечная жизнь была в действительности мерзостным извращением.

К физической гадливости, которую испытывал Конан, примешивалось жестокое разочарование. Рухнула мечта, которой так долго поклонялись мужчины. Сверкающее золото на поверку оказалось слизью и вселенской гнусностью. И волной накатила безысходность: а не тщета ли все? Не тщетны ли все мечты и надежды людей?..

Теперь он точно знал, слух его не обманывает: за ним гнались, и преследователи подбирались все ближе. Во тьме звучали шорохи, каких никогда не производили звериные лапы, тем более человеческие ноги. Конан повернулся лицом к наседающим тварям и стал медленно пятиться, не видя ничего и никого. И вдруг все шорохи разом умолкли. Конан обернулся и разглядел в другом конце длинного коридора слабенький огонек.

XIX

В ЗАЛЕ МЕРТВЫХ

Конан осторожно крался в направлении огонька, чутко прислушиваясь к тому, что делалось за спиной. Звуков погони больше не было слышно, хотя он нутром чувствовал: там, во тьме, кто-то ждал удобного случая напасть, растерзать, кто-то охочий до человеческой плоти.

Огонек между тем не стоял на месте — он плыл вперед, слегка подпрыгивая. Потом Конан разглядел его источник. Туннель, которым он пробирался, пересекал другой, более широкий. И по нему двигалась странная процессия — четверо рослых, изможденных людей в черных одеяниях с капюшонами. Каждый опирался на посох, а предводитель нес в руке факел, горевший неестественно ровно. Точно призраки, миновали они затаившегося киммерийца, оставив после себя лишь меркнущий отсвет. Неописуемой жутью веяло от этой четверки. Они не были стигийцами; подобных им Конан никогда не видал и даже усомнился, принадлежат ли они вообще к роду людскому. Гораздо более походили они на духов, бродящих в заколдованных подземельях...

Не дожидаясь, пока вновь сомкнется тьма и сзади нападут неведомые твари, Конан ринулся по коридору вперед. Выскочив в широкий туннель, он снова увидел таинственную четверку — они далеко ушли и двигались прочь, окруженные сиянием факела. Конан беззвучно поспешил следом, но почти сразу вынужденно распластался по стене — остановившись, они сбились в кучку и, казалось, совещались о чем-то. Неожиданно они повернули назад, и Конан торопливо нырнул в ближайший проход. Он успел привыкнуть к темноте, хотя ночного зрения ему не было дано. Пошарив перед собой, он обнаружил, что туннель изгибается. Конан спрятался за ближайшим поворотом, не желая попасться на глаза тем четверым.

Стоя там, он услышал где-то позади себя негромкий гул — ни дать ни взять нестройные человеческие голоса. Пройдя немного по коридору, убедился, что

слух его не подвел. Конан сразу оставил свое первоначальное намерение следовать за призрачной четверкой, шедшей неизвестно куда, и начал пробираться на голоса. Вот впереди забрезжил свет, и новое пересечение коридоров позволило Конану увидеть широкую арку, выходившую в какое-то освещенное помещение. И тут по левую руку от себя Конан приметил узкую каменную лестницу, уводившую вверх; звериная осторожность направила его к ней.

Голоса, которые он слышал, доносились из залитой светом арки. Пока он взбирался по лестнице, бормотание отдалилось, но затем он миновал низкую дверь и выбрался на галерею. Конан, окутанной спасительной тенью, увидел гигантский, скудно освещенный зал. Он догадался, куда его занесло,— это был Зал Мертвых, редко посещаемый кем-либо, кроме молчаливых стигийских жрецов. Вдоль черных стен ярусами стояли резные раскрашенные саркофаги, каждый помещался в отдельной нише темного камня; ряды ниш поднимались вверх, постепенно теряясь во мгле. Тысячи резных масок бесстрастно взирали на группу людей, стоявших посередине зала и казавшихся неприметными и ничтожными среди такого скопища мертвых.

Десять человек, стоявших внизу, были жрецами — они сняли маски, но Конан узнал тех, за кем шел к пирамиде. Перед ними, подле алтаря, на котором покоилась мумия в истлевших повязках, стоял высокий мужчина с ястребиным лицом. А сам алтарь, казалось, погрузился в недра живого огня, что пульсировал и сверкал, бросая на черные камни трепетные золотые блики. Это сиял огромный алый кристалл, возложенный на алтарь, и в его свете лица жрецов казались пепельно-мертвенными. Глядя вниз, Конан разом ощутил все бесконечные мили, все долгие дни и бессонные ночи изматывающей погони. Он задрожал от безумного желания ринуться вниз на безмолвных жрецов, могучими ударами клинка проложить себе путь и схватить алый камень нетерпеливыми пальцами... Но железная воля помогла ему совладать с собой и подавить порыв. Конан затаился в густой тени каменной балюстрады. Он заметил, что с галереи в зал вдоль стены вела лесенка, также скрытая тенью. Конан обводил сумеречный зал пристальным взглядом, высматривая других жрецов или свидетелей. Но, похоже, здесь находились только те, что стояли у алтаря.

Глухой голос стоявшего рядом с мумией гулко разносился по залу:

— ...И таким образом к нам на юг пришла эта весть. Ее нашептывал ночной ветер, вороны сообщали ее друг другу, каркая на лету, летучие мыши рассказывали ее совам и змеям, таящимся в древних руинах. Ее разнесли оборотни, вампиры и черные демоны, крадущиеся в ночи. Спящая Ночь Мира шевельнулась и встряхнула тяжелой гривой, в черных безднах забили барабаны, и эхо далеких жутких криков стало пугать ночных пешеходов. Ибо Сердце Аримана вернулось в мир, вернулось исполнить свое непостижимое предназначение. Не спрашивайте, каким образом я, Тутотмес из Кеми, слуга Ночи, получил эту весть прежде Тот-Амона, что зовет себя королем всех волшебников мира. Есть тайны, не предназначенные даже для ваших ушей. Скажу лишь, Тот-Амон — не единственный владыка Черного Круга. Восприняв весть, я выехал навстречу Сердцу, двигавшемуся на юг. Смерть за смертью оставляло оно за собой, несомое вперед рекой человеческой крови. Ибо кровь притягивает и питает его, а наиболь-

шую силу придают ему окровавленные руки убийцы, вырвавшие Сердце у прежнего обладателя. Где сияет Сердце Аримана, там льется кровь, рушатся королевства и буйствуют слепые силы природы... И все же то, что должно было свершиться, свершилось — наконец-то я стою здесь перед вами как повелитель и господин Сердца. Я тайно призвал сюда вас, немногочисленных верных, чтобы разделить с вами власть над черным королевством грядущего. Сегодня вы увидите, как рухнут цепи рабства, наложенные на нас Тот-Амоном, как зародится империя! Но кто такой я — даже я, Тутотмес,— чтобы познать и покорить силы, дремлющие в этих алых глубинах? Три тысячи лет хранило оно забытые тайны... но я их узнаю. Мне расскажут — они!

И взмахом руки он обвел безмолвные силуэты, застывшие в каменных нишах.

— Они спят, глядя на нас сквозь свои скульптурные маски,— продолжал Тутотмес.— Короли, королевы, полководцы, жрецы, чародеи, все династии, вся знать Стигии за десять тысяч лет! Прикосновение Сердца пробудит их ото сна. Долго, долго пылало и билось Сердце здесь, в Стигии, здесь был его дом в течение долгих столетий, пока его не перевезли в Ахерон. Только древним известна его полная сила, и, когда моя магия пробудит их к жизни, они расскажут мне обо всем! Я заставлю их для меня потрудиться. Воскресив их, я выведаю позабытую мудрость, познания, скрытые ныне в этих высохших черепах. С помощью мертвых поработим мы живых! О да! Ибо короли, полководцы и волшебники древних станут нам помогать, и кто тогда устоит перед нами? Взгляните! Вот эти иссохшие, скрюченные останки на алтаре звались когда-то Тотмекри, верховным жрецом Сета; он умер три тысячи лет назад. Он был посвященным Черного Круга. Он знал Сердце. Он научит нас, как пользоваться его силой!

Подняв лучистый кристалл, Тутотмес возложил его на бесплотную грудь мумии и, воздев руки, запел заклинание. Но завершить его ему не пришлось. Он замер на полуслове, вглядываясь во что-то за спинами жрецов, и те разом обернулись туда, куда указывал его взгляд.

Сквозь темную арку в зал один за другим вошли четверо изможденных созданий в черных плащах. Тени надвинутых капюшонов едва позволяли различить желтые овалы их лиц.

— Кто вы? — резко спросил Тутотмес, и его голос предвещал опасность не меньшую, чем шипение кобры.— Не безумны ли вы, вторгшиеся в священную обитель Сета?

Самый высокий из чужаков ответил ему голосом бесцветным, точно звук кхитайского храмового колокола:

— Мы пришли за Конаном, киммерийцем.

— Его нет здесь,— ответил Тутотмес и сдвинул плащ с правого плеча движением пантеры, выпускающей когти.

— Лжешь,— прозвучало в ответ.— Он здесь, в храме. Мы нашли труп за бронзовой дверью и пошли по следу сквозь путаницу коридоров. Потом мы натолкнулись на это сборище. Мы пойдем дальше, но сперва отдайте нам Сердце Аримана.

— Смерть — удел безумных,— пробормотал Тутотмес, понемногу придвигаясь к говорившему.

Следом, окружая чужаков, крались его жрецы, но те четверо как будто не замечали.

— Кто способен взглянуть на него и не возжелать? — продолжал кхитаец.— Мы слышали о нем еще у себя на родине. Оно даст нам власть над народом, изгнавшим нас. Ужас и слава дремлют в его алых глубинах. Отдайте его нам и не вынуждайте убивать вас...

С яростным воплем кто-то из жрецов метнулся вперед, в его руке мелькнула сталь. Но ударить он не успел: взвился чешуйчатый посох и коснулся его груди, и жрец упал, как падает только мертвый. В следующий миг равнодушные мумии стали свидетелями жуткого, кровавого боя. Сверкали и обагрялись кривые ножи, мелькали похожие на змей посохи, и люди, которых они касались, с криком падали и умирали.

Как только был нанесен первый удар, Конан вскочил на ноги и помчался вниз по ступенькам. Он лишь мельком видел тот демонский бой. Он видел, как один из кхитайцев, изрубленный почти в куски, все еще стоял на ногах, раздавая смерть, пока Тутотмес не ударил его в грудь раскрытой ладонью, и только тогда кхитаец свалился.

К тому времени, когда Конан перепрыгнул последнюю ступеньку, сражение почти завершилось. Трое кхитайцев лежали на полу мертвыми, иссеченные в клочья. Но и среди стигийцев в живых остался лишь Тутотмес.

Вот он бросился на уцелевшего кхитайца, простирая, как оружие, пустую ладонь, и ладонь его была черна. Но еще быстрее метнулся вперед посох высокого кхитайца — метнулся и, казалось, сам собой удлинился в хозяйской руке. Острие коснулось груди Тутотмеса, и тот зашатался, но устоял; посох ударил еще и еще раз, и Тутотмес покачнулся и рухнул замертво. По его лицу быстро расползлась чернота, теперь он весь стал так же темен, как его заколдованная рука.

Тогда кхитаец повернулся к драгоценному камню, что пылал на груди мумии,— и увидел перед собой Конана. Некоторое время они молча смотрели один на другого, стоя среди кровавого побоища, под взглядами тысяч мумий.

— Долго же мы следовали за тобою, аквилонский король,— проговорил кхитаец спокойно.— По большой реке, через горы, через Пуатен и Зингару, по холмам Аргоса и морем. В Тарантии мы с трудом взяли твой след, ибо жрецы Асуры хитроумны. Мы вновь потеряли его в Зингаре, но затем отыскали шлем, брошенный тобой в лесу у подножия пограничных холмов, там, где ты сражался с лесными вурдалаками. И сегодня, в этих лабиринтах, мы едва не сбились со следа...

И Конан подумал о том, как ему повезло,— ведь он выбрался из покоев упырихи не тем путем, которым пришел. Иначе он прямо налетел бы на желтых демонов. А так он сумел издалека разглядеть, как они, подобно двуногим ищейкам, вынюхивают его след... вынюхивают его, пуская в ход какой-то жуткий сверхъестественный дар.

Кхитаец слегка покачал головой, словно прочитав его мысли.

— Все это, впрочем, неважно,— сказал он,— ибо долгий путь окончится здесь.

— Зачем вы выслеживали меня? — спросил Конан, готовый метнуться в любую сторону с быстротой спущенной пружины.

— Мы возвращали долг,— ответил кхитаец.— От тебя, обреченного смерти, бессмысленно что-либо скрывать. Мы служили Валерию, нынешнему королю Аквилонии. Долгой была наша служба, но теперь она кончена: братьев моих освободила гибель, меня же освободит исполнение клятвы. Я вернусь в Аквилонию и привезу два сердца: Сердце Аримана — для себя и сердце Конана — для Валерия. Один поцелуй посоха, вырезанного из Дерева Смерти...

Удар посоха был подобен броску гадюки, однако нож в руке Конана мелькнул мгновением раньше. Посох распался на две половины, и половины эти начали корчиться; новый взмах отточенного клинка — и голова кхитайца покатилась по полу.

Повернувшись, Конан протянул руку к Сердцу... и отпрянул. Волосы зашевелились у него на голове, кровь в жилах так и застыла. То, что лежало на алтаре, больше не походило на ссохшуюся мумию. Камень пылал и переливался на широкой груди живого мужчины, лежавшего обнаженным среди истлевших повязок. Но жив ли он в самом деле, Конан не взялся бы утверждать. Во всяком случае, глаза его казались неподвижным черным стеклом, в котором мрачно тлел нечеловеческий пламень.

Держа камень на ладони, воскрешенный поднялся и встал во весь рост у алтаря — нагой, смуглокожий, с лицом, похожим на застывшую маску. Молча протянул Конану алый кристалл, исходивший пульсирующим огнем, точно настоящее сердце. Конан взял его, испытав жутковатое чувство — подарок из рук мертвеца! Он догадывался, что не все заклинания были пропеты, обряд не доведен до конца: жизнь вернулась в тело, но не вполне.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я тот, кто был Тотмекри,— прозвучал голос, подобный монотонному падению капель со сталактита в подземной пещере.— Я мертв.

— Ну так будь добр, выведи меня из этого храма,— попросил Конан, внутренне содрогаясь.

Размеренным шагом двинулся мертвый к черной арке. Конан последовал за ним. Оглянувшись, он в последний раз увидел громадный темный зал, ряды саркофагов и мертвые тела вокруг алтаря. Отсеченная голова кхитайца все еще пялилась вверх, в наползавшую тьму...

Сверкающий камень озарил черные коридоры, словно какая-нибудь волшебная лампа. Блики золотого света метались по стенам. Однажды Конану померещился в потемках отсвет тела цвета слоновой кости, но упириха, которую когда-то звали Акивашей, попятилась перед сиянием Сердца. Нечисть и нежить разбегались с дороги, прячась во тьме.

Мертвец шел прямо вперед, не глядя по сторонам, шаг его был ровен и неизменен, точно судьба. Конан обливался холодным потом, терзаясь сомнениями. Почем знать, к свободе ли ведет его этот жуткий проводник, восставший из прошлого? С другой стороны, в одиночку Конан никогда бы не выбрался из колдовской путаницы туннелей и коридоров. Ему ничего не оставалось, кроме как следовать за мертвым сквозь тьму, что неохотно расступалась перед ними и вновь смыкалась позади, полная крадущихся теней, ненадолго разогнанных ослепительным пламенем Сердца.

А потом впереди показалась бронзовая дверь. В лицо Конану дохнул ночной ветер пустыни. Он увидел звезды в небе, и освещенную ими пустыню, и рассекавшую ее необъятную тень пирамиды. Тотмекри молча вытянул руку, указывая в пустыню, затем повернулся и беззвучно зашагал обратно во мрак. Конан провожал его взглядом, пока он не растворился в черноте, все теми же мерными шагами идя то ли навстречу известной и неотвратимой погибели, то ли к вечному сну...

Словно очнувшись, Конан с проклятием отскочил от двери и так помчался через пески, как будто за ним гнались демоны. Он не оглядывался ни на пирамиду, ни на черные башни Кеми, смутно вырисовывавшиеся вдали. Он бежал на юг, к берегу, бежал со всей скоростью, на которую были способны его длинные ноги. Предельное усилие мышц вымело из его сознания черную паутину, чистый ветер пустыни развеял кошмары, а ужас и отвращение сменились яростным восторгом. И вот пустыню сменила болотная сырость, заблестела сквозь заросли черная гладь воды, и Конан увидел «Смельчака», стоявшего на якоре.

Он проложил себе путь сквозь влажную чащу, до бедер увязая в трясине. Потом бросился в воду и поплыл, думать не думая ни об акулах, ни о крокодилах. Он подплыл к галере и, счастливый и мокрый, полез на борт по якорной цепи, и только тут его заметили вахтенные.

— Просыпайтесь, псы! — проревел он во все горло, небрежно отмахиваясь от копья, которое перепуганный черный матрос нацелил ему в грудь.— Поднять якорь! Живо на весла! Дать рыбаку полный шлем золота и отпустить его на берег! Скоро восход, а еще до рассвета мы должны влететь в ближайший зингарский порт!..

И он торжествующе размахивал над головой огромным сияющим камнем так, что по всей палубе катились волны золотого огня.

XX

И ВОССТАНЕТ АХЕРОН ИЗ ПРАХА

В Аквилонию снова пришла весна. Зазеленели молодой листвою ветви деревьев, проклюнувшаяся трава радовалась теплому южному ветру. Но много полей стояло невспаханными, и лишь кучи золы и головешек указывали, где прежде стояли гордые виллы или процветающие города. Волки, не прячась, бродили по заросшим травой большакам, в лесах же таились шайки готовых на все людей, не знающих над собой господина. Только в Тарантии происходили пиры один пышнее другого и царил показной блеск.

Правление Валерия было отмечено печатью безумства. Даже те из баронов, кто поначалу приветствовал его восшествие на престол, теперь возмущались в открытую. Сборщики налогов не давали житья ни богатым, ни бедным. Все богатства ограбленного королевства стекались в Тарантию, которая все менее походила на столицу державы и все более — на осажденную крепость захватчиков в завоеванной стране. Ее купцы богатели, но даже и богатеть было опасно. Каждого в любой миг могли под каким-нибудь дутым предлогом обвинить в измене, конфисковать нажитое, а самого бросить в тюрьму или вовсе отправить на плаху.

Валерий не делал даже попыток снискать любовь и доверие подданных, предпочитая опираться на немедийских воинов и отчаянно храбрых наемников. Он прекрасно осознавал, кем является в руках Амальрика,— марионеткой. Знал он и то, что правит лишь с молчаливого согласия немедийца. Валерий понимал — ему никогда не удастся объединить вокруг себя аквилонцев и сбросить это ярмо, ибо внешние провинции будут сопротивляться ему до последнего человека. Да и немедийцы мигом сбросят его с трона, вздумай он начать сплачивать королевство. Он попался в собственные силки. Отрава униженной гордости разъ-

едала его душу — и Валерий пустился в разврат, предпочитая жить сегодняшним днем, не думая и не заботясь о дне завтрашнем.

Но безумие его содержало в себе и некую хитрость — хитрость столь тонкую, что даже Амальрик не сумел ее разгадать. Быть может, долгие годы ссылки наделили ум Валерия горечью, недоступной обычному пониманию, а отвращение к нынешнему положению дел превратило эту горечь в род безумия? Как знать! Во всяком случае, им владело единственное желание — губить все и всех, так или иначе связанных с ним.

Он подозревал, что его правлению придет конец, как только Амальрик решит, что он выполнил свою роль. Еще он знал: покуда он жестоко угнетает родную страну, немедийцы будут терпеть его на престоле, ведь Амальрик желал окончательно поставить Аквилонию на колени, уничтожить последние ростки независимости и неповиновения. Вот тогда-то он сам возьмет власть, расстегнет кошелек, переделывая страну по себе, используя ее людскую силу и природные богатства, чтобы отобрать у Тараска корону Немедии. Главной целью Амальрика был императорский трон, и Валерий об этом знал. Он не знал только, догадывался ли Тараск. По крайней мере, его безжалостное правление немедийский король одобрял. Тараск ненавидел Аквилонию застарелой ненавистью, подкрепленной прежними войнами, и всей душой жаждал изничтожить западного соседа.

Валерий и собирался разорить Аквилонию так, чтобы даже богатства Амальрика не помогли ей подняться. Он ненавидел барона не меньше, чем аквилонцев, и только мечтал дожить до того дня, когда страна придет уже в полное запустение, а Амальрик с Тараском сцепятся в междоусобной войне, которая и от Немедии не оставит камня на камне.

Он полагал, что завоевание все еще не покоренных провинций — Гандерланда и Пуатена, а с ними и Боссонских Пределов — поставит на его правлении точку. Его роль будет исполнена, и Амальрик просто отделается от него. Поэтому Валерий тянул с покорением этих провинций, ограничивая свою деятельность бессмысленными грабежами, а от Амальрика, понуждавшего его к выступлению в поход, он отговаривался, как только мог.

Жизнь Валерия состояла из сплошных оргий и разгульных пиров. В его дворец свозили прекраснейших девушек королевства — в основном силой. Он богохульствовал и пьяным валялся на полу пиршественных залов прямо в золотой королевской короне, марая царственный пурпур разлитым вином. А когда у него случались приступы кровожадности, на виселицах, установленных на рыночной площади, гроздьями повисали тела, топоры палачей купались в крови, а по стране мчались немедийские конники, грабя и сжигая все на своем пути. Доведенные до отчаяния аквилонцы то тут, то там поднимали беспорядочные восстания, которые подавлялись со зверской жестокостью. Валерий грабил, насиловал и разрушал так упоенно, что даже Амальрик возмущался и предостерегал его, мол, еще немного — и обнищавшая страна уже не сможет отстроиться. Откуда мог он знать — именно таков и был замысел Валерия!

В Немедии и Аквилонии вовсю шептались о вероятном безумии короля, а в Немедии — еще и о Ксальтотуне, человеке с покрытым лицом. Немногие видели его на улицах Бельверуса. Поговаривали, будто все больше времени он проводит в горах, среди одичавших наследников древней расы — немногословных, смуглолицых, чьи предки когда-то владели обширным королевством. Хо-

дили слухи, будто среди спящих холмов ночами бьют барабаны, горят во тьме костры, а ветер разносит странные песнопения и заклинания, утратившие смысл столетия назад, но упрямо повторяемые у очагов горных деревень, чьи обитатели столь разительно отличались от жителей долин. Смысла этих ночных бдений не ведал никто — ну, может, разве Ораст, нередко сопровождавший пифонца. И было замечено, что на лицо Ораста все чаще набегала тень беспокойства.

Но с расцветом весны гибнущее королевство обежал новый слух, буквально возродивший его к жизни. Ни дать ни взять шепчущий ветер налетел с юга, пробуждая отчаявшийся, ко всему безразличный народ. Впрочем, где именно зародились эти слухи, никто так и не понял. Кто-то рассказывал соседям о странной нелюдимой старухе, спустившейся с гор: дескать, ветер развевал ее седые волосы, а рядом, подобно послушному псу, бежал громадный серый волк. Кто-то прослышал о жрецах Асуры, возникавших, как неуловимые призраки, там и сям, от Гандерланда до пуатенских границ, от Тарантии до боссонских лесных деревень...

Как бы то ни было, слух расползался, а с ним ширилось и восстание, пожаром охватившее приграничья. Восставшие штурмовали окраинные крепости немедийцев, вырезали отряды сборщиков дани. Весь запад страны вышел из повиновения столице, и это восстание было не чета прежним: уже не отчаяние чувствовалось в нем, а свирепая решимость и вдохновенный гнев освобождения. Поднимались не только простолюдины, бароны укрепляли свои замки, заявляя о неподчинении управителям провинций. А по ту сторону границы маячили отряды боссонских стрелков — решительных кряжистых воинов в чешуйчатых панцирях и стальных шлемах, с длинными луками. Отчаявшаяся, отупевшая, загнанная страна совершенно неожиданно для завоевателей наливалась грозными и яростными токами жизни. Амальрик со всей поспешностью сообщил об этом Тараску, и тот явился с армией.

Двое королей и Амальрик вели речь о восстании, сидя в тарантийском дворце. Они не посылали за Ксальтотуном, с головою ушедшим в какие-то тайные приготовления в немедийских горах. Со дня кровавой битвы при Валкие они ни разу не обращались к нему за магической помощью, и он жил своей жизнью, мало общаясь с ними и не проявляя к их замыслам видимого интереса.

Не посылали и за Орастом; жрец пришел сам — бледный, точно морская пена, гонимая штормом. Когда он вступил в золоченые покои, где держали совет короли, всем бросился в глаза его измученный вид и полный ужаса взгляд. Никто из них еще не видел в глазах Ораста подобного страха.

— Ты выглядишь усталым, Ораст,— сказал Амальрик.— Присядь на диван, а я пошлю раба за вином. Поездка утомила тебя...

Но Ораст вскинул руку:

— Я насмерть загнал трех коней, торопясь сюда из Бельверуса. Я не смею ни отдыхать, ни наслаждаться вином, пока не скажу того, что должен произнести.

Он заходил по комнате, словно сжигаемый неким внутренним огнем, не дававшим ему стоять неподвижно. Потом обратился к недоумевающим слушателям.

— Когда мы использовали Сердце Аримана, чтобы вернуть жизнь в мертвое тело,— начал он без обиняков,— задумывались ли мы о последствиях, ко-

торые повлечет наша возня в черной пыли прошлого? Моя в том вина, мой грех. Мы лелеяли собственные честолюбивые планы и думать не думали, какие замыслы может взлелеять воскрешенный нами чародей. Так вот, мы выпустили в наш мир демона, исчадие преисподней, недоступное человеческому рассудку. Сам я погряз во зле глубже некуда, но есть предел, которого не переступит ни один человек нашего времени. Мои предки были чистыми людьми, не запятнавшими себя служением демонам; в бездну зла погрузился лишь я один, но и я способен грешить лишь в пределах, мне отмеренных. А за Ксальтотуном стоят тысячи веков черной магии и демонских культов, вся сила древней религии зла! Он вне нашего разумения не только потому, что сам он волшебник, он — наследник целой расы чернокнижников! Путешествуя с ним, я видел многое, перевернувшее мою душу. Я видел, как в сердце спящих гор Ксальтотун беседовал с душами мертвых и вызывал древних демонов забытого Ахерона. Я видел, как проклятые последыши проклятой империи поклонялись ему и провозглашали его своим верховным жрецом. И я понял, что у него на уме. Слушайте же: он задумал ни больше ни меньше, как возродить древнее, черное, жуткое королевство — Ахерон!

— О чем ты? — изумился Амальрик.— Ахерон давно превратился в прах, а последышей, как ты их назвал, отнюдь не достаточно для возрождения империи. Даже Ксальтотуну не под силу пробудить прах, которому три тысячи лет!

— Плохо же ты знаком с его черным могуществом,— мрачно ответствовал Ораст.— Я видел, как самые горы меняли свои очертания и под звуки его заклинаний становились такими, какими были когда-то. Я видел, как сквозь реальность проступают тени долин, лесов, озер и горных хребтов, явившиеся из прошлого. Мне показалось, я даже заметил, как поднимались в закатном тумане пурпурные башни позабытого Пифона... И вот в нашей последней поездке, когда загремели барабаны, а звероподобные почитатели Ксальтотуна завыли, катаясь в пыли, до меня дошел наконец смысл его колдовства. Говорю вам еще раз: он возродит Ахерон, подкрепив свою магию кровью гигантских жертвоприношений, подобных которым еще не было под луной. Поработив мир, он потоками крови смоет с лица земли настоящее и возродит прошлое!

— Ты сошел с ума! — вырвалось у Тараска.

— Сошел с ума? — Измученный взгляд Ораста обратился на короля.— Да может ли сохранить рассудок увидевший то, что довелось увидеть мне? Нет, я сказал вам правду. Он задумал вернуть Ахерон — с его башнями, городами и королями, со всеми его ужасами. Потомки ахеронцев послужат ему фундаментом... но известью и камнем для строительства станет кровь и плоть ныне живущих. Каким образом — я вам сказать не могу. Но я видел! Видел своими глазами! Ахерон вновь станет Ахероном, и даже леса, реки и горы примут тот же облик, какой имели в древности. Почему бы и нет? Уж если даже я, с моими ничтожными познаниями, сумел оживить человека, пролежавшего мертвым тридцать веков,— с какой бы стати величайшему волшебнику мира не воскресить королевство, рухнувшее когда-то? Придет час — и восстанет Ахерон из праха по его слову!

— Можем ли мы помешать ему? — спросил потрясенный Тараск.

— Есть лишь один путь,— ответил Ораст.— Нужно похитить у него Сердце Аримана.

— Но я...— помимо собственной воли начал Тараск и торопливо прикусил язык.

Этого никто не заметил, и Ораст продолжал:

— Сердце Аримана — сила, которая может быть использована против него. Дайте его мне в руки — и я, пожалуй, решусь противостоять Ксальтотуну. Но как похитить его? Чародей прячет Сердце в каком-то тайнике, до которого навряд ли сумеют добраться даже заморийские воры. Я бессилен его отыскать. Если бы только он вновь заснул сном черного лотоса... но в последний раз такое было после битвы при Валкие, когда ворожба отняла у него много сил, и...

Дверь, закрытая на все замки и запоры, беззвучно растворилась. На пороге стоял Ксальтотун. С обычным своим безмятежным спокойствием поглаживал он роскошную бороду, но глаза горели адским огнем.

— Слишком многому я тебя научил,— сказал он ровным голосом.

Его палец, точно перст судьбы, указывал на Ораста. И прежде чем кто-либо успел шевельнуться, он бросил на пол к ногам замершего, как статуя, жреца горсточку пыли. Она вспыхнула и затлела, выпустив струйку синеватого дыма, который обвил Ораста тонкой спиралью. Поднявшись выше плеч, дым с внезапностью кусающей змеи обвился вокруг его горла. Вопль Ораста сменился бульканьем и затих. Он вскинул руки к шее... но глаза уже вылезли из орбит, язык вывалился изо рта. Дым душил его, как веревочная петля; потом он рассеялся и исчез, а Ораст мертвым рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши. Вошли двое, которых часто видели с ним,— низкорослые, с красными косыми глазами и острыми крысиными зубами, с кожей отталкивающего темного цвета. Не произнося ни слова, они подняли и вынесли тело.

Движением руки покончив со всем происшедшим, Ксальтотун уселся за стол из слоновой кости, вокруг которого сидели побледневшие короли.

— Почему вы собрались? — спросил он.

— Аквилонцы восстали на западе,— ответил Амальрик, первым пришедший в себя от страшного потрясения, вызванного гибелью Ораста.— Эти глупцы верят, будто Конан остался в живых и возвращается во главе пуатенского войска освобождать королевство. Если бы он появился сразу после разгрома при Валкие, если бы тогда прошел слух о том, что он жив, центральные провинции не решились бы подняться, столь велик был их страх перед волшебной силой, которая тебе повинуется. Но бездарное правление Валерия довело их до такого состояния, что люди готовы пойти против нас за кем угодно, лишь бы скорая смерть избавила их от мучений и нищеты. Разумеется, слух о том, будто Конан при Валкие не погиб, все время гулял по стране, но народ как следует поверил только сейчас. Из Офира вернулся изгнанник Паллантид, он клянется, что в тот день король лежал в своем шатре, сраженный болезнью, а в его доспехах сражался простой воин. Россказням Паллантида вторит мальчишка-оруженосец, едва оправившийся от удара булавы, которым его наградили при Валкие. Еще по стране бродит какая-то бабка с ручным волком и тоже болтает, будто король Конан жив и скоро придет за своей короной. А с некоторых пор и проклятые жрецы Асуры поют эту же песню. Они возвещают, что некоторым таинственным образом якобы получили «слово» о возвращении Конана. Покамест мне не удается поймать ни жрецов, ни старуху, но все это, без сомнения, козни Троцеро.

Шпионы доносят — пуатенцы явно собираются вторгнуться в Аквилонию. И я думаю, Троцеро, скорее всего, потащит с собой какого-нибудь парня, объявляя его королем Конаном...

Тараск засмеялся, но смех его прозвучал неуверенно. Он тайком пощупал шрам под одеждой и вспомнил карканье воронов, помогавших выследить беглеца. Вспомнил он и труп Аридея, своего оруженосца, которого нашли в пограничных горах чудовищно изувеченным волчьими клыками,— так, по крайней мере, утверждали напуганные воины. Еще он вспомнил об алом камне, вынутом из золотого ларца, пока спал чародей... но об этом не стоило упоминать.

А Валерий вспомнил умирающего вельможу и жуткий рассказ, вырвавшийся у него вместе с последними вздохами. И четверых кхитайцев, отбывших на юг, да так и не возвратившихся. И тоже придержал язык, ибо ненависть к союзникам глодала его подобно червю, заставляя мечтать лишь о том, чтобы и восставшие, и немедийцы поскорее отправились на тот свет, вцепившись в глотки друг другу.

Но вот Амальрик воскликнул:

— Какая чушь — верить, будто Конан жив!

Вместо ответа Ксальтотун бросил на стол свиток пергамента. Амальрик взял его и развернул, и яростный крик сорвался с его уст. На пергаменте было написано: «Ксальтотуну, главному фокуснику Немедии. Ахеронская тварь! Я возвращаюсь в свое королевство и собираюсь развесить твою шкуру на кусте ежевики. Конан».

— Подделка! — выкрикнул Амальрик.

— Письмо подлинное.— Ксальтотун покачал головой.— Я сравнивал его с подписями на государственных документах, хранящихся в библиотеке дворца. Эти каракули невозможно подделать.

— Значит,— пробормотал Амальрик,— если он и впрямь жив, нынешнее восстание будет совсем не таким, как прежние. Конан — единственный, кому под силу как следует сплотить аквилонцев. Но,— возразил он сам себе,— на Конана это мало похоже. С какой бы стати ему выдавать себя подобным хвастовством? Я бы скорее предположил, что он ударит внезапно и без предупреждения, как чаще всего и делают варвары.

— Мы и так предупреждены,— заметил Ксальтотун.— Ты сам говорил о шпионах и о том, что Пуатен готовит войну. Он все равно не сумел бы пересечь горы незамеченным. Вот он и посылает мне вызов, причем в свойственной ему манере.

— Почему же тебе? — спросил Валерий.— А не мне или Тараску?

Ксальтотун обратил к королю непроницаемый лик.

— Потому,— сказал он, помолчав,— что Конан умнее вас и понял то, чего вы, короли, никак не возьмете в толк. А именно: не ты, Тараск, не ты, Валерий, и даже не ты, Амальрик, суть повелители западных народов. Их хозяин — я, Ксальтотун!

Никто не произнес ни слова; все трое молча смотрели на чародея.

— Мне пристала одна дорога — имперская,— продолжал меж тем Ксальтотун.— Но для начала надо раздавить Конана. Я не знаю, каким образом он спасся от меня в Бельверусе; мне не дано знать, что происходит, пока я сплю сном черного лотоса. Но, так или иначе, он на юге, и он готовит удар. Это его отча-

янный, последний удар, ставший возможным лишь благодаря ярости народа, натерпевшегося от Валерия. Пусть поднимаются: все их судьбы лежат у меня на ладони. Мы подождем, пока он двинется нам навстречу, и тогда сокрушим его — раз и навсегда! После чего сомнем Пуатен, Гандерланд и глупых боссонцев. Затем придет черед Офира, Аргоса, Зингары, Кофа — все народы мира сплавим мы вместе, выковав мою империю! Вы станете моими сатрапами и тем обретете большее величие, чем ныне, когда вас зовут королями. Я непобедим — ибо Сердце Аримана спрятано так, что ни один человек более не сумеет использовать его против меня!

Тут Тараск поспешно отвел глаза, дабы Ксальтотун, чего доброго, не прочитал его мыслей. Значит, волшебник не заглядывал в золотой ларец, на крышке которого спали змеи, казавшиеся живыми,— не заглядывал с тех самых пор, как положил туда Сердце Аримана! Как ни удивительно, Ксальтотун по сей день не подозревал о похищении Сердца. Видимо, странный камень оказался превыше его черного знания и не подчинялся ему; во всяком случае, сверхъестественные таланты мага не подсказали ему, что ларчик пуст. К тому же Тараску не верилось, чтобы Ксальтотун полностью представлял себе весь смысл откровений Ораста: то-то пифонец говорил не о возрождении Ахерона, а лишь о создании новой земной империи. И Тараск пришел к выводу — Ксальтотун еще не до конца уверен в собственных силах. Им троим необходима его помощь, но и он в них нуждался не меньше. В конце коцов, магия тоже до некоторой степени зависела от ударов мечей и рыцарских копий. Король перехватил взгляд Амальрика, брошенный исподтишка, и уловил его смысл. Пусть маг применит свое искусство, помогая им избавиться от опаснейшего врага. Позже они еще выберут время и ополчатся против него. И уж как-нибудь да превозмогут темную силу, которую сами же пробудили.

XXI

БАРАБАНЫ В ТУМАНЕ

Война началась, когда пуатенская армия в десять тысяч человек под развернутыми знаменами, точно стальная река, стекла с южных перевалов на аквилонские равнины. Шпионы божились, будто во главе войска ехал гигант в черных доспехах, с королевским львом Аквилонии, вышитым золотой нитью на груди его шелковой накидки. Итак, Конан был жив! Король возвращался! Теперь никто уже в этом не сомневался, ни друзья, ни враги. Одновременно с южным нашествием пришли недобрые вести и с севера. Всадники, примчавшиеся на запаленных конях, сообщили: из Гандерланда в Аквилонию тоже двигалось войско, причем бароны северо-запада и северные боссонцы спешили присоединиться к нему.

Тараск немедленно выступил с армией в тридцать одну тысячу воинов к городу Галпарану, стоявшему на реке Ширке: если гандеры направлялись к городам, еще удерживаемым немедийцами, они должны переправиться именно здесь. Ширка была быстрой и бурной рекой, мчавшейся на юго-запад сквозь сплошные теснины и труднопроходимые каньоны. Нелегко будет переправить целую армию через поток, вздувшийся от весеннего половодья. И поскольку вся страна восточнее Ширки была еще в руках немедийцев, логичным выглядело предположение, что гандеры попробуют переправиться либо у Галпарана, либо у Танасула, лежавшего южнее. Со дня на день ждали подкреплений из Немедии, но вместо подкреплений пришла весть: южным границам страны угрожает Офир и выслать дополнительные войска — значит оголить Немедию и спровоцировать вторжение с юга.

Амальрик и Валерий вышли из Тарантии с двадцатипятитысячной армией, оставив в городе большой гарнизон для предотвращения возможных волнений. Им было необходимо встретить и разгромить Конана прежде, чем он успеет соединиться с мятежными аквилонцами. Однако король и его пуатенцы, спустившись с гор, внезапно исчезли неизвестно куда. Они не ввязывались в сра-

жения, не осаждали крепостей и городов. Оставалось только предполагать, что они повернули на запад, в дикие, малонаселенные холмы, и ушли в Боссонские топи, обрастая по пути добровольцами. Амальрик и Валерий с их войском, состоявшим из немедийцев, аквилонских изменников и свирепых наемников, в раздражении и гневе рыскали по стране, ища врага, но враг не спешил появляться.

Амальрику приходилось довольствоваться лишь смутными слухами о передвижениях армии Конана. Отряды разведчиков таинственным образом исчезали, едва выехав из лагеря. Соглядатаев нередко находили распятыми на дубах. Страна била захватчиков по-крестьянски: жестоко, скрытно — и насмерть. Удалось достоверно выведать одно — севернее его войска, за Ширкой, двигался большой отряд гандеров и северных боссонцев, а Конан с пуатенцами и южными боссонцами находился где-то на юго-западе. Но вот где?

Амальрик беспокоился: если они с Валерием еще больше углубятся в здешние дебри, Конан может вовсе обойти их и проникнуть в центральные провинции у них за спиной. Амальрик отступил от Ширки и встал лагерем на равнине, в одном дне езды от Галпарана, опасаясь, что Конан заманивает его на юг, желая пропустить гандеров в королевство через северный брод...

Ксальтотун прибыл в лагерь Амальрика на своей колеснице, запряженной странными, не знающими устали скакунами. И вошел в шатер, застав барона с Валерием над картой, разложенной на походном столике из слоновой кости.

Карту Ксальтотун скомкал и отшвырнул прочь.

— Сведения, которых никак не могут добыть ваши соглядатаи, приносят мне мои,— сказал он.— Хотя, по правде сказать, их сообщения странно расплывчаты и неполны, как если бы против меня действовали незримые, но весьма могучие силы... Так вот, Конан движется вдоль реки Ширки с десятью тысячами пуатенцев, тремя тысячами южных боссонцев и баронскими дружинами юга и запада, общим числом около шести тысяч. Им навстречу с севера идет тридцатитысячное войско гандеров и северных боссонцев. Они обмениваются тайными посланиями с помощью проклятых жрецов Асуры, которые посмели противопоставить себя мне — мне! — и которых, клянусь Сетом, я скормлю змеям после сражения! Оба войска направляются к бродам у Танасула, но не думаю, чтобы гандеры стали переправляться; скорее уж Конан перейдет на тот берег и присоединится к ним.

— А зачем ему переправляться? — спросил Амальрик.

— Ему выгодно оттягивать битву. Чем дольше он прождет, тем больше сил к нему соберется, наше же положение только будет становиться опасней. Холмы за рекой так и кишат людьми, готовыми голову за него положить,— всеми, кого изгнала из родных мест жестокость Валерия. Со всей страны, поодиночке и группами, к Конану сбегаются люди. А у нас что ни день гибнут отряды, угодившие в крестьянские засады! В центральных провинциях неспокойно, того и гляди открыто восстанут. Одними гарнизонами там не обойтись, а немедийских подкреплений пока ждать не приходится. Касаемо возни на офирской границе, я усматриваю здесь руку Паллантида — у него в Офире родня. Одним словом, если мы не перехватим и не раздавим Конана в самое ближайшее время, у нас за спиной вспыхнет бунт. Придется отступать в Тарантию, чтобы хоть удержать однажды захваченное, и при этом прорываться с боями. А Конан подоспеет

следом и заставит нас отсиживаться в городе, где тоже хватает врагов... Нет, медлить нам нельзя. Надо уничтожить Конана, прежде чем его армия как следует разрастется, прежде чем восстанут центральные провинции. Как только люди увидят над воротами Тарантии его голову, сам собой утихнет и мятеж.

— Но коли так, почему бы тебе не околдовать его армию и не уложить всех одним заклинанием? — не без насмешки осведомился Валерий.

Ксальтотун воззрился на аквилонца так, словно провидел не только насмешку, но и безумие, тлевшее в капризном взгляде правителя.

— Тебе не о чем беспокоиться,— сказал он, помолчав.— Мое искусство в итоге сокрушит Конана, точно ящерицу под каблуком. Но даже колдовству должны помочь копье и меч!

— Если он перейдет реку и встанет в Горалийских холмах, его не так-то просто будет выковырять оттуда,— заметил Амальрик.— Но если мы перехватим его по эту сторону, в долине, то сотрем его в порошок. Далеко ли Конан от Танасула?

— Если он будет двигаться с той же скоростью, что и теперь, то достигнет бродов завтра к вечеру. Его люди выносливы, и гонит он их без остановки. Он прибудет туда, опередив гандеров самое большее на день.

— Отлично! — Амальрик решительно грохнул по столу кулаком.— Я доберусь до Танасула прежде него. Надо скорее отправить к Тараску гонца, пусть выступает немедля туда же! К тому времени, когда он подоспеет, я отрежу Конана от переправы и разобью его наголову. А потом вместе с Тараском мы перейдем на ту сторону и расправимся с гандерами...

Но Ксальтотун только покачал головой:

— Это был бы неплохой план, если бы перед тобой стоял не Конан. Однако твоих двадцати пяти тысяч воинов отнюдь не достаточно, чтобы покончить с его девятнадцатью до подхода гандеров. Они будут сражаться, как раненые пантеры! А если в разгар битвы подоспеют еще и гандеры? Ты окажешься между двух огней и будешь уничтожен к приходу Тараска. Как бы он ни спешил, выручить тебя он не успеет.

— Ну так что же нам делать, по-твоему? — хмуро спросил Амальрик.

— Нужно идти на Конана объединенными силами,— ответствовал ахеронец.— Пошли всадника к Тараску, пусть двигается сюда. Дождемся его, потом вместе выступим на Танасул.

— Но пока мы будем ждать, Конан уйдет за реку и соединится с гандерами! — возразил Амальрик.

— Конан не сможет перейти реку,— заверил его Ксальтотун.

Вскинув голову, Амальрик прямо взглянул в бездонные глаза мага:

— К чему ты клонишь?

— Предположим, далеко на севере, в верховьях Ширки, разразятся проливные дожди, а значит, река у Танасула вспухнет, переправа будет невозможной. Тогда мы сможем без лишней спешки собрать войска, прижать Конана к берегу и раздавить, как жука. А потом, когда полая вода схлынет,— я полагаю, это произойдет уже на другой день,— мы перейдем реку, чтобы прикончить и гандеров. Таким образом, дважды наша полная сила будет использована против меньших отрядов.

Валерий расхохотался, как всегда, когда недалека была чья-нибудь гибель — все равно, друга или врага,— и беспокойно, резким движением пригладил не-

послушные желтые кудри. Амальрик взирал на ахеронца со смесью ужаса и восхищения.

— Если мы загоним Конана в долину Ширки, чтобы по правую руку у него были отроги холмов, а слева — бешеная река, наши с Тараском армии вправду оставят от него мокрое место,— проговорил он.— Значит, ты думаешь... ты уверен, что возможны такие дожди?

— Я пойду в свой шатер,— вставая, сказал Ксальтотун.— Некромантия не совершается одним взмахом жезла. Отправьте к Тараску гонца. И чтобы никто не смел приближаться к моему шатру!

Без последнего приказа вполне можно было обойтись. Ни один воин во всем войске ни за какие деньги не подошел бы к таинственному шатру из черного шелка, входные занавеси которого были всегда плотно задернуты. Туда никогда не входил никто, кроме самого Ксальтотуна; тем не менее из шатра часто слышалйсь загадочные голоса, полотнища стен трепетали при полном безветрии, раздавалась жутковатая музыка. А иногда, в глухой полуночный час, черный шелк подсвечивало изнутри багровое пламя, а по стенам начинали метаться бесформенные тени...

В ту ночь, лежа в своей палатке, Амальрик слышал бормотание барабана, доносившееся из шатра Ксальтотуна. Барабан гремел и гремел во тьме, и немедиец мог бы поклясться — время от времени ему вторил низкий каркающий голос. Амальрик содрогался, ибо знал, что голос принадлежал не Ксальтотуну. Словно дальний гром, звучал барабан, и Амальрик, выглянув из палатки под утро, заметил у северного горизонта багровые сполохи молний; в иных сторонах света и над головой по-прежнему горели большие белые звезды. Сполохи мелькали почти беспрерывно, словно блики огня на блестящем клинке...

На другой день, на закате, явился с войском Тараск — пропыленный, измотанный дальним переходом; пешие воины на несколько часов отстали от конных. Тараск встал лагерем возле Амальрика, и уже на рассвете объединенная армия двинулась к западу.

Амальрик выслал вперед множество разведчиков и с нетерпением ждал вестей о пуатенцах, беспомощно топчущихся на берегу взбесившейся Ширки. Но вот наконец вернулись разведчики и сообщили, что Конан перешел реку!

— Как? — Амальрик не верил своим ушам.— Значит, он управился до наводнения?

— Никакого наводнения не было,— отвечали сбитые с толку соглядатаи.— Вчера поздно вечером он подошел к Танасулу и перебрался на ту сторону без всяких помех.

— Как — не было наводнения? — воскликнул ошеломленный Ксальтотун.— Невозможно! В верховьях Ширки и позавчера, и вчера бушевал ливень!

— Может, и так, о повелитель,— ответствовал разведчик.— Вода в реке и впрямь мутная, и жители Танасула говорят, что вчера она поднималась примерно на фут. Но для того, чтобы остановить Конана, этого, видать, не хватило.

Волшебство Ксальтотуна не сработало! Эта мысль, точно молот, стучала в висках у Амальрика. С той ночи в Бельверусе, когда он увидел своими глазами, как бурая засохшая мумия наливается плотью и становится человеком, его страх перед этим созданием все возрастал. Гибель Ораста лишь подтвердила худшие опасения немедийца. В глубине души его зрело жуткое убеждение: этот волшеб-

ник — или демон — непобедим. А теперь перед ним зримое свидетельство неудачи!

Но может быть, думал барон Торский, нынешняя неудача случайна? Даже величайший из магов время от времени допускает ошибки... Как бы то ни было, еще не время становиться поперек пути ахеронцу. Ораст вон попробовал — и угодил один Митра знает в какой круг преисподней. Амальрик понимал: его меч навряд ли вырвет победу там, где оказалась бесполезна черная сила бывшего жреца.

В конце концов, ужасы и непотребства, задуманные Ксальтотуном, дело отдаленного и еще неясного будущего. Зато Конан с его войском близкая и вполне реальная угрозой. Почему бы не использовать против него магию Ксальтотуна? А там поглядим!

Они прибыли в Танасул — небольшое укрепленное поселение, близ которого естественная россыпь скал составляла как бы природную дамбу через реку, непроходимую разве что во время сильнейшего паводка. Разведчики, снова высланные вперед, сообщили: Конан занял позицию в Горалийских холмах, отстоявших от реки примерно на милю. А к исходу дня в его лагерь прибыли гандеры.

Стояла ночь. Амальрик поглядывал на Ксальтотуна: в ярком свете факелов таинственный маг казался существом из другого мира.

— Что же нам делать теперь? — спросил барон.— Твоя магия не сработала; Конан стоит перед нами с войском, почти равным нашему, да еще и занял выгодную позицию. Нужно выбрать меньшее из двух зол: либо встать здесь и ждать, когда он нападет, либо отходить к Тарантии и ждать подкреплений!

— Промедление для нас — гибель,— отвечал Ксальтотун.— Переходите реку и разбивайте лагерь у берега. Мы нанесем удар на рассвете.

— Но у него настолько выгодная позиция...— начал Амальрик.

— Глупец! — Ксальтотун впервые сбросил маску извечного спокойствия.— Уже позабыл произошедшее при Валкие? Ты усомнился в моем могуществе из-за того лишь, что некий слепой природный закон помешал наводнению? Я желал, чтобы с врагом покончили ваши копья, но страшиться тебе нечего: мое искусство сокрушит его войско. Конан в ловушке. Он не увидит завтрашнего заката. Переходите реку!

Переправлялись при факельном свете. Кони цокали копытами по мокрым камням и с плеском одолевали мелководье. Пламя факелов отражалось в нагрудниках и щитах, бросая на черную воду зловещие кровавые блики. Скальная перемычка была довольно широкой, и тем не менее войско расположилось на отдых лишь после полуночи. Издалека, с возвышенностей, светил огоньками неприятельский лагерь. Конан собирался дать решительный бой в Горалийских холмах; не одному аквилонскому государю послужили они последним оплотом...

Покинув палатку, Амальрик беспокойно прохаживался по лагерю. Он видел загадочный свет, исходивший из шатра Ксальтотуна. Вновь раздавалось глухое бормотание барабана — на сей раз скорее шорох, чем гром — и вопли демонов, время от времени прорезавшие сдержанный гул.

Ночь и волнение обострили инстинкты Амальрика; он чувствовал: Ксальтотуну противостояло нечто большее, нежели физическая мощь вражеских войск.

И сомнения в могуществе колдуна вновь одолели барона. Он обвел взглядом огни, горевшие по высотам, и угрюмые морщины легли на лицо. Он сам и его армия находились посреди враждебной страны. А там, в холмах, засели те, в чьих душах и сердцах давно выгорели все чувства, кроме беспощадной ненависти к захватчикам и безумной жажды отмщения. Поражение будет означать для немедийцев погибель, ибо отступление через враждебную, кровожадно настроенную страну ничем иным обернуться не может. С рассветом Амальрику предстояло бросить свою армию против величайшего воина западных стран и его войска, утратившего страх смерти. И если Ксальтотун со своими чарами опять их подведет...

В это время из глубоких потемок возникло с полдюжины воинов. Отсветы огня плясали по их нагрудникам и навершиям шлемов. Воины не то вели, не то волокли изможденного человека в драных лохмотьях.

— Государь,— отсалютовав барону, заговорили воины.— Этот человек сам вышел к лагерю. Он говорит, ему позарез надо сказать что-то важное королю Валерию. Он аквилонец.

Правду сказать, походил он больше на волка — на волка, оставившего лапу в капкане. На лодыжках и запястьях виднелись застарелые язвы, причинить которые могли только кандалы. Клеймо, нанесенное каленым железом, уродовало лицо. Он упал на колени перед бароном, и тот видел только глаза, горевшие из-под спутанных грязных волос.

— Кто ты, смердящий пес? — спросил немедиец.

— Зови меня Тиберием,— ответил тот и судорожно лязгнул зубами.— Я пришел рассказать тебе, как подстроить Конану ловушку...

— Своих предаешь? — зарычал барон.

— Я слыхал, у тебя много золота,— вздрагивая, просипел человек.— Поделись со мной! Дай мне золота, а я покажу, как победить короля!

Его глаза горели безумием, руки, простертые ладонями вверх, больше походили на когтистые лапы...

Амальрик с отвращением передернул плечами. Впрочем, он никогда не гнушался и самыми низменными средствами — лишь бы они вели к победе.

— Если ты говоришь правду, тебе дадут золота больше, чем ты в состоянии унести,— сказал он.— Если же выяснится, что ты лжец и шпион, тебя распнут вниз головой. Ведите его за мной!

Явившись к Валерию, барон указал ему на перебежчика, который скорчился перед ним на земле, зябко кутаясь в рванье.

— Он уверяет, будто может помочь нам в завтрашней битве. И эта помощь будет не лишней, особенно если у Ксальтотуна опять что-нибудь не заладится. Говори, пес!

По телу оборванца прошла судорога, слова хлынули невнятным потоком:

— Конан разбил лагерь в верхней части Львиной долины... Она имеет форму веера: с обеих сторон крутые холмы. Если вы ударите завтра, вам придется атаковать прямо в лоб — холмы по сторонам неприступны. Но если король Валерий снизойдет до моих услуг, я проведу его тайной тропой меж холмов и покажу, как выйти королю Конану в тыл. Но для этого нужно выехать немедленно. Путь займет много часов... Придется долго ехать на запад, потом на север,

потом повернуть на восток, но зато мы войдем в Львиную долину с тыла — так же, как прошли туда гандеры...

Амальрик в немалом сомнении мял рукой подбородок. В нынешние времена не так уж редки стали люди, готовые душу продать за горстку монет.

— Если заведешь меня куда-нибудь, будешь убит,— сказал Валерий.— Надеюсь, тебе это известно?

Оборванца опять затрясло, но горящий взгляд не дрогнул.

— Если я обману, убей меня!

— Конан не решится разделить свое войско,— вслух размышлял между тем Амальрик.— Ему понадобятся все силы на отражение нашей атаки. Не думаю, чтобы в горах ждали заставы. С другой стороны, этот малый знает — в случае чего ему несдобровать. А чтобы такое ничтожество пожертвовало собой... нет, немыслимо. Я думаю, он не обманывает, Валерий.

— Обманывает, и еще как: хочет продать своего освободителя,— засмеялся Валерий.— Что ж, хорошо. Посмотрим, куда приведет меня этот пес. Сколько воинов ты мне дашь?

— Пожалуй, пяти тысяч будет достаточно,— ответил Амальрик.— Неожиданная атака с тыла смешает их ряды. Я буду ждать твоего появления около полудня!

— Я думаю, ты сразу заметишь, когда я появлюсь,— сказал Валерий.

Вернувшись к себе, Амальрик с удовлетворением убедился, что Ксальтотун еще пребывал в своем шатре — судя по нечеловеческим воплям, от которых то и дело вздрагивала ночь. Потом до слуха барона донесся лязг стальных доспехов и звяканье сбруи. Амальрик с мрачным удовлетворением улыбнулся во тьме. Валерий, пожалуй, ему больше не нужен. Конан, как раненый лев, даже в агонии будет рвать и крушить. Будем надеяться, когда Валерий ударит Конану в спину, киммериец успеет уложить его прежде, чем будет убит сам. Пускай Валерий вымостит своими костями немедийцам путь к победе, после этого можно будет обойтись и без него.

Пять тысяч всадников, отряженные с Валерием, большей частью были отпетыми аквилонскими перебежчиками. В бледном сиянии звезд выехали они из спящего лагеря, следуя западному изгибу гряды высоких холмов, чьи гигантские тени чернели на небосводе. Валерий скакал первым, а рядом с ним ехал Тиберий. Ременная петля охватывала пояс предателя; другой конец ремня крепко держал воин, ехавший по другую сторону. Остальные всадники прижимались друг к другу, держа мечи наголо.

— Попробуешь обмануть — умрешь немедля,— еще раз предупредил Валерий.— Я не знаю этих холмов до последней тропинки, но в каком направлении ехать, чтобы выйти сзади к Львиной долине, уж как-нибудь разберусь. Имей в виду!

Тиберий втянул голову в плечи и, клацая зубами, принялся многословно убеждать короля в своей искренней верности. При этом он с самым дурацким видом поглядывал на знамя, реявшее над головой. На знамени была вышита золотая змея — эмблема прежней династии.

Обойдя отроги холмов, прикрывавших Львиную долину, отряд направился к западу. Еще через час всадники повернули на север и углубились в труднопроходимую, дикую местность, пробираясь извилистыми, едва различимыми

тропами. Рассвет застал их в нескольких милях к северо-западу от позиции Конана. Здесь проводник повернул на восток и повел отряд сквозь путаницу ущелий. Валерий находил взглядом знакомые вершины и удовлетворенно кивал. Он неплохо представлял себе, куда они едут, и знал, что покамест все правильно.

И вдруг с севера стала наползать волокнистая масса тумана. Она растекалась по долинам, окутывая склоны. Вот скрылось солнце; мир превратился в серое ничто, дальше нескольких ярдов ничего невозможно было разобрать. Теперь отряд двигался чуть не ползком, с трудом нащупывая дорогу. Валерий сыпал проклятиями. Туман скрыл вершины, служившие ему ориентирами. Поневоле приходилось полностью довериться проводнику. Знамя с золотой змеей обвисло в безветренном воздухе...

Валерию показалось, что и Тиберий был в замешательстве: он остановился, неуверенно оглядываясь.

— Заблудился, собака? — резко спросил Валерий.

— Слушай! — ответил тот.

Где-то впереди едва слышно забили барабаны.

— Это барабаны Конана! — воскликнул аквилонец.

— Если мы подошли так близко, что слышны даже барабаны,— сказал Валерий,— то где же шум сражения? Ведь оно наверняка уже началось!

— Эхо в ущельях способно сыграть любую шутку,— стуча зубами, ответил Тиберий.

Его бил жестокий озноб — удел всякого, много времени проведшего в сырости подземных казематов.

— Слушай!

И в самом деле, вскоре донесся глухой рев.

— Бой идет вон там, в долине! — закричал Тиберий.— А барабаны бьют на холмах! Поспешим же!..

С этими словами он поскакал прямо на гул далеких барабанов; замешательства как и не бывало. Валерий поехал следом, проклиная туман. Потом ему пришло в голову, что туман поможет им приблизиться скрытно. Конан их не заметит. Прежде чем полуденное солнце разгонит туман, они окажутся как раз за спиной киммерийца!

Теперь Валерий не имел уже вовсе никакого понятия о том, что лежало по сторонам: кручи, теснины или зеленые чащи. Барабаны все еще били, звук, приближаясь, делался громче. Валерий утратил всякое чувство направления и даже вздрогнул, когда в густых прядях тумана слева и справа выросли серые скальные стены: стало быть, они проезжали узким ущельем. И хотя проводник держался с полным спокойствием, Валерий облегченно вздохнул, когда стены расступились и исчезли из виду. Если бы их ожидала засада, ее устроили бы в самой теснине.

В это время Тиберий снова остановился. Барабанный бой сделался громче, но Валерий никак не мог решить, откуда слышался звук: слева или справа, спереди или сзади. Сидя на боевом коне, он раздраженно оглядывался. Кругом плавал туман, на доспехах оседали капельки влаги. Позади него длинная вереница закованных в латы всадников уходила во мглу, напоминая шествие призраков.

— Что медлишь, собака? — спросил он проводника.

Тот, казалось, прислушивался к невидимым барабанам. Но вот он медленно выпрямился в седле и повернулся к Валерию. Он улыбался, и страшна была его улыбка.

— Туман редеет, Валерий,— сказал он совсем другим голосом, костлявый палец указывал вверх.— Смотри же!

Барабаны внезапно умолкли. Туман быстро рассеивался. Из серых облаков выступили сначала вершины утесов, и почему-то дрожь брала от их вида. Ниже, ниже стлался туман, рассеиваясь и редея... И Валерий привстал в стременах, испустив крик, на который эхом откликнулись его воины. Впереди не было ничего похожего на широкую, ровную долину, которую они ожидали увидеть. Ущелье кончалось тупиком. Со всех сторон высились отвесные скалы в сотни футов высотой. Сюда можно попасть лишь узкой теснины, которую они только что миновали.

— Сволочь! — Стиснув кольчужный кулак, Валерий с размаху ударил Тиберия по зубам.— Что еще за шутки?

Тиберий выплюнул кровь изо рта и засмеялся — жутко и грозно:

— Скоро в мире станет одной мразью меньше... Смотри внимательнее, ты, мразь!

И Валерий вскрикнул опять — не от страха, больше от ярости.

Вход в ущелье перегородили какие-то люди, стоявшие неподвижно и молча. Оборванные, заросшие, страшные люди, сжимавшие в руках копья. Их там были многие сотни. А высоко на скалах уже возникали другие — тысячи других — истощенные, свирепые, меченные огнем, железом и голодом.

— Хитрость Конана! — бешено крикнул Валерий.

— Конан и не знает об этом,— засмеялся Тиберий.— Это заговор тех, кто по твоей милости все потерял и превратился в зверей. Прав был Амальрик: Конан не разделил своего войска. Мы — сброд, следовавший за ним, мы — волки, скрывшиеся в холмах, люди без крова и без надежды. Мы сами все задумали, а жрецы Асуры помогли нам, вызвав туман. Посмотри, посмотри на нас, Валерий! На каждом — твое клеймо, если не на теле, так на душе! Посмотри на меня! Ты не узнаешь меня, верно? Твой палач выжег рубец у меня на лице. А ведь когда-то ты меня знал. Я был владетелем Амилия... я тот, чьих сыновей ты казнил, чью дочь обесчестили и убили твои наемники. Ты по-прежнему уверен, что я не принесу себя в жертву, заманивая тебя в ловушку? Всемогущие боги! Да будь у меня хоть тысяча жизней, я все бы их отдал, только бы сжить тебя со свету! И я это сделал! Смотри, смотри на погубленных тобою людей, на тех, кого ты считал мертвецами... Они все-таки дождались своего часа! Ты стоишь в могиле, Валерий! Попробуй, взберись на скалы! Они круты и высоки! Попробуй, вырвись отсюда — копья остановят тебя, а сверху обрушатся валуны! Я подожду тебя в преисподней, мразь!

Откинув голову, он захохотал, скалы откликнулись эхом. Привстав в седле, Валерий сплеча рубанул его громадным двуручным мечом. Лезвие рассекло плечо и глубоко вошло в грудь. Тиберий осел наземь, захлебываясь кровью, но продолжал смеяться.

Гортанный гром барабанов вновь огласил ущелье. Сотрясая землю, покатились вниз огромные валуны. Крики гибнущих мешались со свистом стрел, тучами полетевших с утесов...

XXII

ДОРОГА В АХЕРОН

Небо на востоке едва начинало светлеть, когда войско Амальрика вошло в устье Львиной долины. По сторонам ее поднимались невысокие, но очень крутые холмы, дно же, начиная от устья, постепенно повышалось, образуя несколько природных террас неправильной формы. На самой верхней из них и стояла, ожидая врага, армия Конана. И надо сказать, отряд, пришедший к нему из Гандерланда, состоял не из одних только копейщиков. С ними явились еще семь тысяч боссонских стрелков, а кроме того, баронские дружины западных и северных провинций: четыре тысячи конных воинов, пополнивших ряды кавалерии.

Копейщики тесным клином выстроились в дальнем, суженном конце долины. Их было девятнадцать тысяч — большей частью гандеры, лишь около четырех тысяч пришли из других аквилонских провинций. С каждой стороны пеший клин прикрывало по пять тысяч боссонских стрелков. А позади копейщиков, держа наготове длинные пики, неподвижно сидели в седлах конные рыцари: десять тысяч пуатенцев и девять тысяч аквилонцев, не считая баронских дружин.

Позиция, занятая Конаном, была превосходна, обойти его с флангов невозможно: никто не смог бы преодолеть лесистые кручи холмов под градом стрел метких боссонцев. Лагерь же располагался непосредственно позади войска, в узкой, сжатой крутыми скальными стенами ложбине — естественном продолжении Львиной долины, лишь чуть выше расположенном. Так что и удара в спину можно не бояться. Он знал, холмы позади него кишат бездомными беглецами, отчаянными людьми, в чьей верности сомневаться не приходилось.

Лишь один недостаток имела позиция аквилонцев: в случае поражения отступать некуда. Львиная долина была не только природной крепостью, но и ловушкой для тех, кто держал в ней оборону: выбраться из нее можно единствен-

ным узким ущельем. Только тот отважился бы принять здесь решительный бой, кто намерен или победить, или погибнуть.

Ксальтотун поднялся на холм, стоящий у широкого устья долины, по левую руку. Этот холм господствовал над остальными; назывался он Алтарем Королей, но почему — не помнил уже никто. Помнил лишь Ксальтотун, ведь его память хранила тысячелетия. С ним шли двое приближенных, те самые, красноглазые, волосатые, темнокожие. Они тащили юную аквилонскую девушку, связанную по рукам и ногам. Взойдя на вершину, они положили девушку на древний камень, и в самом деле похожий на жертвенник. Много веков точили его дожди, солнце и ветер, так что ныне живущие видели в нем лишь удивительное творение природы. Но Ксальтотун знал, чем в действительности был этот камень и почему он здесь стоял. Вот удалились слуги, сутулые, точно молчаливые гномы, и Ксальтотун остался один. Он стоял у каменного алтаря, глядя в долину, и утренний ветер развевал его темную бороду.

Отсюда было хорошо видно извилистое русло Ширки и холмы позади Львиной долины. Ксальтотун видел стальной клин, изготовившийся для боя, видел шлемы стрелков, поблескивавшие среди кустов и камней, видел неподвижных рыцарей, молча сидевших на боевых скакунах. Ветер трогал плюмажи на шлемах, пики топорщились, точно иглы ежа.

А с другой стороны стеной надвигались сплоченные ряды немедийцев. За их спинами равнина до самой реки пестрела яркими шатрами предводителей и линялыми палатками простых воинов. Точно река расплавленной стали, вливались немедийцы в долину, и алый дракон Немедии плыл по ветру над их головами. Самыми первыми двигались арбалетчики: стрелы лежали на тетивах, пальцы — на спусковых крючках. Следом шли копейщики, а за копейщиками — главная ударная сила армии, конные рыцари. Они ехали под развернутыми знаменами, подняв пики, громадные кони выступали торжественным шагом, как на смотру.

Немедийских рыцарей было тридцать тысяч. По обычаю всех хайборийских народов решить исход битвы предстояло именно им; пешее войско должно лишь расчистить дорогу. Пеших — копейщиков и стрелков — была двадцать одна тысяча.

Арбалетчики принялись стрелять на ходу; стрелы с гудением и визгом уходили с тетивы, но либо падали наземь, не долетев, либо отскакивали от сомкнутых щитов гандерских пехотинцев. Боссонские стрелки не дали немедийцам безнаказанно подойти на убойное расстояние: из-за камней, из кустов ударили длинные стрелы.

Довольно скоро арбалетчики начали пятиться, а затем и отступать в беспорядке. Их самострелы не могли равняться с боссонскими луками, а доспехи были слишком легки. К тому же они сознавали: их всего лишь используют для того, чтобы расчистить рыцарям дорогу; легко догадаться — повышению боевого духа это отнюдь не способствовало.

Смешав ряды, арбалетчики расступились и пропустили вперед пеших копейщиков. Эти были все больше наемники: их хозяева без всяких угрызений совести приносили их в жертву. Они отвлекали внимание от рыцарей, давая тем подойти поближе. Разойдясь по флангам, арбалетчики продолжали стрелять,

между тем как копейщики двинулись мерным шагом навстречу вихрю стрел. Позади них ехали рыцари.

Наемники уже готовы были дрогнуть под убийственным градом, летевшим на них с высоты, но тут пропела труба, пешие отряды подались в стороны, и закованные в железо рыцари рванули вперед.

Им пришлось скакать сквозь жалящее облако смерти. Длинные стрелы безошибочно находили каждую щелку лат, каждое отверстие конских доспехов. Едва взобравшись на очередную террасу, иные лошади вставали на дыбы и скатывались вниз, унося с собой седоков. Неподвижные тела в стальных латах усеяли склоны. Рыцарская атака захлебнулась и повернула назад.

Амальрик перестраивал ряды, отступив к устью долины. Тараск с обнаженным мечом дрался под своим флагом, но боем командовал барон Торский. Амальрик бещено ругался, глядя на неподвижный лес пик, хорошо видимый над шлемами гандеров. Он так надеялся, что его отход заставит аквилонских рыцарей броситься за ними вниз по склону и погибнуть под стрелами арбалетчиков, под ударами превосходящих сил конницы. Но — проклятье! — они так и не сдвинулись с места. Слуги сбивались с ног, таская в бурдюках воду из реки, рыцари снимали шлемы и освежали потные головы. Раненые, оставшиеся на склонах, тщетно просили пить. Зато у аквилонского войска были под рукой родники, так что, несмотря на жаркий весенний день, от жажды они не страдали.

Ксальтотун наблюдал за ходом битвы, стоя на вершине Алтаря Королей у резного древнего камня. Вот, опустив пики, снова рванулись вперед рыцари с развевающимися султанами на шлемах. На сей раз они прорвались сквозь свистящее облако стрел и, подобно волне, с громом обрушились на живую стену щитов. Над пернатыми шлемами взлетали и падали топоры, снизу вверх били копья, валя и всадников, и коней. Честь гандеров не уступала рыцарской. Таких воинов не посылают на убой, чтобы господа могли снискать себе славу. Это была лучшая в мире пехота, и давняя традиция делала ее боевой дух непоколебимым. Короли Аквилонии с незапамятных пор ценили ее по достоинству. Не дрогнули гандеры и теперь. Знамя со львом развевалось над их стальными рядами, а в самой вершине клина вздымал окровавленный топор гигант в вороненых доспехах, с равной легкостью сокрушая и кости, и стальную броню.

Немедийцы были отважными воинами и сражались упорно, как велел им рыцарский долг. Но железный клин сломать так и не удалось, а с лесистых круч, высившихся слева и справа, дождем сыпались стрелы, производя в их тесно скученных рядах страшное опустошение. Арбалетчики здесь ничем помочь не могли, а копейщикам не под силу было одолеть крутизну и добраться до боссонцев. Нехотя отступили упрямые рыцари, и гандеры проводили их торжествующим криком. Защитники долины сомкнули ряды, заступая место павших товарищей. Пот катился из-под стальных шлемов; крепко сжимая копья, гандеры ждали новых атак, и сердца их наполнялись гордостью оттого, что среди них, как простой воин, рубился сам король. Аквилонские рыцари, сидевшие в седлах позади копейщиков, так и не пошевелились. Неподвижные, угрюмые, они молча ожидали своего часа.

Вот рыцарь на взмыленном коне взлетел на вершину Алтаря Королей. С горечью и гневом глянул он на Ксальтотуна.

— Амальрик велел передать: пришло время пускать в ход твою магию, чародей,— сказал он.— Мы мрем, как мухи, в проклятой долине! Мы не можем проломить их ряды!

Ксальтотун, казалось, стал еще выше ростом и шире в плечах, весь облик его дышал жутким величием.

— Возвращайся к Амальрику,— сказал он.— Скажи ему: пусть строит своих людей для атаки, но повременит, пока я не дам сигнала. И прежде чем будет дан сигнал, он увидит такое, чего ему не забыть до смертного ложа!

Рыцарь отсалютовал ему без особой охоты и сломя голову умчался вниз по склону холма.

Ксальтотун стоял возле темного алтарного камня, глядя в долину — на мертвых и раненых, густо усеявших террасы, на угрюмых, окровавленных аквилонцев, на пыльные отряды латников, перестраивавшихся внизу. Потом он возвел глаза к небу и наконец обратил взор на тоненькое девичье тело в белом платье, распростертое на алтаре. Подняв кинжал, сплошь усеянный архаическими письменами, Ксальтотун повел незапамятно древнее заклинание:

— О Сет! Бог тьмы, чешуйчатый повелитель теней! Кровью девственницы и семикратным символом призываю я из черных недр земли твоих сыновей! Дети глубин, спящие под красной и черной землей, пробудитесь и встряхните своими ужасными гривами! Пусть дрогнут холмы, обрушивая на моих врагов лавины камней! Пусть небеса потемнеют над ними, а земля уйдет из-под ног! Пусть ветер, вырвавшийся из глубин, опутает их ноги, выпьет силы, иссушит и...

Он так и замер с занесенным кинжалом в руке. Стало тихо, лишь ветер доносил из долины нестройный гул множества людей. Перед Ксальтотуном, по другую сторону алтаря, стоял человек в черном плаще. Капюшон бросал тень на его бледное, с тонкими чертами, лицо и спокойные, задумчивые глаза.

— Собака асурит! — подобно рассерженной змее, зашипел Ксальтотун.— Безумец, уж не за смертью ли ты явился сюда? Эй, Баал, Хирон, живо ко мне!

— Зови, зови громче, ахеронец! — ответил человек и засмеялся.— Им, должно быть, нелегко расслышать тебя из преисподней!

Тотчас из чащи, окаймлявшей вершину холма, показалась высокая старуха в крестьянской одежде. Ее седые волосы развевал ветер, а по пятам бежал большой волк.

— Жрец, ведьма и волк,— с презрительным смешком пробормотал Ксальтотун.— Глупцы! Что значат ваши жалкие фокусы по сравнению с моей силой! Движением руки смету я вас со своего пути...

— Сила твоя — подхваченная ветром солома, ничтожный пифонец,— отвечал асурит.— Как ты думаешь, почему река не вспухла потоком и не заперла Конана на том берегу? Я разгадал твой умысел, приметив ночную грозу, и мои заклятия разогнали собранные тобой облака, не дав им пролиться дождем. А ты и не понял, что твоя магия так и не вызвала ливня.

— Лжешь! — закричал Ксальтотун, однако уверенность его была поколеблена.— Я ощущал, против меня действует могущественное колдовство. Но магию дождя может рассеять лишь тот, кому подвластно самое сердце волшбы! Тебе ли это под силу?

— Но ведь наводнения, задуманного тобой, так и не произошло,— проговорил жрец.— Взгляни на своих союзников, пифонец! Ты привел их сюда на погибель! Ловушка захлопнулась, и ты уже не властен помочь. Смотри!

Тонкая рука Хадрата указывала вниз. Из ущелья, из верхней долины за спинами пуатенцев галопом вылетел всадник. Он бешено размахивал над головой чем-то блестящим. Бесстрашно промчался он вниз по склону, между расступившимися гандерами, и те с торжествующим ревом принялись бить копьями в щиты, наполнив громом долину. Выскочив на террасу, разделявшую два войска, взмыленный конь завертелся на месте, взвиваясь на дыбы. Седок кричал не своим голосом, продолжая размахивать рукой, в которой был обрывок алого знамени: солнце играло и переливалось на чешуе золотой змеи, украшавшей полотнище.

— Валерий мертв! — зазвенел голос Хадрата.— Барабаны в тумане привели его к гибели! Я собрал этот туман, ничтожный пифонец, я же и развеял его с помощью своей магии, которая куда сильнее твоей!

— Что мне до Валерия? — возвысил голос Ксальтотун.

На него было страшно смотреть: глаза горели, судорога коверкала черты.

— Мне больше не нужен этот глупец! Я сокрушу Конана и без помощи смертных людишек...

— Почему же ты медлишь? — насмешливо осведомился Хадрат.— Чего ради ты позволил стольким своим сторонникам умереть под стрелами и на копьях?

— Для великого колдовства нужна кровь! — загремел Ксальтотун, и скалы содрогнулись от его голоса. Мертвенное сияние переливалось вокруг его головы.— Ни один волшебник не тратит сил попусту! Я сохранил свою мощь для великих дел будущего, не желая расходовать ее ради какой-то потасовки в холмах! Но теперь, клянусь Сетом, я дам ей полную волю! Смотри же, пес, бессильный жрец давно умершего бога, смотри, и рассудок навсегда оставит тебя!

Но Хадрат откинул голову и рассмеялся, и было в его смехе обещание ада.

— И ты смотри, черный демон Пифона!

Его рука нырнула под плащ и извлекла нечто, затмившее даже яркий солнечный свет. Всю вершину холма объяло пульсирующее золотое сияние, и Ксальтотун вдруг сделался похож на мертвеца.

Он вскрикнул, словно ощутив смертельную рану:

— Сердце! Сердце Аримана!

— Да! — прогремел ответ.— И тебе не превозмочь его силу!

Казалось, Ксальтотун начал стариться и усыхать: бороду и волосы на глазах усыпала седина.

— Сердце! — повторил он невнятно.— Ты украл его, собака... вор...

— Нет, я не крал его. Оно побывало далеко в южных странах, и долгим оказалось его путешествие. Но теперь оно у меня в руках, и против него тебе не поможет вся твоя черная сила. Сердце воскресило тебя — оно же и отбросит тебя обратно во тьму, из которой ты был вызван. Отправляйся же в Ахерон по темной дороге, сквозь сумрак и тишину. Пусть черная империя, которую ты хотел возродить, навеки пребудет лишь страшной легендой и затеряется в памяти человечества. Конан снова будет править страной, а Сердце Аримана вернется до-

мой — в пещеру под храмом Митры. Тысячу лет оно будет гореть там как символ могущества Аквилонии!

Ксальтотун взмахнул кинжалом и с нечеловеческим криком бросился на Хадрата, огибая алтарь. Но тут же откуда-то — то ли с небес, то ли из самого камня, сиявшего на ладони Хадрата,— ударил слепящий голубой луч. Он вонзился прямо в грудь Ксальтотуну, и громовой раскат эхом раскатился в холмах. Ахеронский волшебник рухнул на землю, но, еще не коснувшись ее, его тело претерпело жуткие изменения. Не труп лежал возле алтаря — иссохшая, сморщенная мумия, скорчившаяся внутри истлевших повязок.

Зелата задумчиво смотрела на то, что лежало у ее ног.

— Он и не жил по-настоящему,— сказала она.— Сердце придало ему пустую видимость жизни, он и сам обманулся. А я всегда видела в нем лишь мумию!

Хадрат склонился над алтарем и освободил девушку, лежавшую без чувств. И в это время из-за деревьев появилось нечто странное: колесница Ксальтотуна, влекомая демоническими конями. Медленным шагом подошли они к алтарю и остановились. Бронзовое колесо почти касалось того, что уже не было человеком. Хадрат поднял высохшие останки и положил их в колесницу. Тотчас же тронулись с места волшебные кони и поскакали на юг, вниз по склону холма. Хадрат, Зелата и волк долго следили за тем, как они удалялись. Перед ними лежала долгая дорога в Ахерон, недоступная глазам смертного человека.

А внизу, в долине, Амальрик так и замер в седле при виде безумного всадника, что гарцевал между армиями, размахивая окровавленным клоком знамени с золотой змеей. Потом некое чувство заставило его вскинуть голову и обернуться к холму, звавшемуся Алтарем Королей... и раскрыть рот в изумлении. Вся долина увидела то же, что и барон: с вершины холма взвился луч слепящего света, окутанный брызгами золотого огня. Высоко над головами людей вспыхнуло такое сияние, что, казалось, даже солнце на миг побледнело.

— Сигнал Ксальтотуна! — взревел барон.

— Нет! — крикнул Тараск.— Это сигнал аквилонцам! Гляди!

Там, наверху, наконец-то шевельнулся доселе неподвижный рыцарский строй. Долина огласилась густым, низким ревом множества глоток.

— Ксальтотун подвел нас...— в ярости вырвалось у Амальрика.— И Валерий! Мы в ловушке! Проклятие Митры на голову Ксальтотуна — он привел нас сюда! Трубач! Труби отступление!

— Поздно! — завопил Тараск.— Слишком поздно!

Дрогнул, опускаясь, железный лес пик. Ряды гандеров раздвинулись, точно занавес, отхлынув влево и вправо. С ураганным гулом ринулись вниз по склону рыцари Аквилонии.

Ничто не могло противостоять такой атаке. Стрелы, выпущенные перепуганными арбалетчиками, отскакивали от щитов и шлемов. Развевались цветные султаны, сеяли смерть склоненные копья... Дрогнувшие копейщики немедийцев были сметены в один миг, и стальная лавина понеслась дальше.

Срывая голос, Амальрик выкрикнул приказ, и его рыцари, пришпорив коней, с отчаянным мужеством устремились навстречу. Они все еще имели численный перевес, но это были усталые воины на усталых конях, к тому же ска-

кавшие вверх по склонам, между тем как их противники впервые за весь день обнажили мечи. Они неслись вниз с силой и яростью бури — и, подобно буре, смяли они немедийцев, смешав их ряды, расчленив строй. Опрокинули — и погнали уцелевших к устью долины.

А за ними бегом поспешали пешие гандеры, жаждущие вражеской крови. С круч кувырком скатывались боссонцы и на ходу выпускали в неприятеля стрелу за стрелой... Вниз, вниз, с террасы на террасу катился кровавый поток и нес с собой ошарашенных, сломленных немедийцев. Арбалетчики бросали оружие и разбегались. Копейщики, пережившие сокрушительную рыцарскую атаку, были вырезаны гандерами без всякой пощады.

Миновав устье долины, битва выплеснулась в чистое поле. По всей равнине туда и сюда мчались воины, удирая, преследуя и убивая. Кто-то сходился один на один, кто-то, подняв коня на дыбы, разил двуручным мечом. Немедийцы еще дрались, но были уже не способны хоть как-то сомкнуть ряды и дать отпор. Целые сотни их покидали сражение и мчались к реке. Многим удалось достичь ее, выбраться на тот берег и ускакать на восток. Но огонь восстания уже охватил всю страну, жители охотились на бывших захватчиков, как на волков. До Тарантии добрались единицы.

Окончательно подорвала дух немедийцев гибель Амальрика. Бросив безуспешные попытки собрать и построить своих, барон устремился на вражеских рыцарей, следовавших за исполином в вороненых доспехах: царственный лев украшал его плащ, а над головой вилось черное аквилонское знамя с золотым львом и рядом с ним — малиновый леопард Пуатена. Высокий воин в сверкающих латах опустил пику и поскакал навстречу Амальрику. Они столкнулись с грохотом. Пика немедийца, угодив противнику в шлем, сорвала ремни и застежки: шлем слетел, обнаружив черты Паллантида. Пика аквилонца пробила и щит, и нагрудник, и сердце барона, сбросив его мертвое тело с седла, и под тяжестью пронзенного тела переломилась.

Поднялся отчаянный крик, сопротивление немедийцев было сломлено бесповоротно. Так приливная волна наконец прорывает и сносит подмытую дамбу. В слепом ужасе побежденные толпами устремились к реке... Кончился Час Дракона!

Тараск не побежал с поля сражения. Амальрик пал, погиб знаменосец, и королевское знамя Немедии было втоптано в кровавую грязь. Большая часть ее рыцарей скакала прочь, по пятам преследуемая аквилонцами. Тараск понимал, что битва проиграна, и с горсткой верных воинов метался по равнине, одержимый лишь одной мыслью — встретиться с Конаном. И наконец он встретил его. К тому времени отряды успели окончательно рассыпаться и перемешаться. Пернатый шлем Троцеро сверкал в одном конце поля, шлемы Просперо и Паллантида — в другом. Конан был один. Тараск тоже: все его люди погибли. Два короля сошлись в поединке.

Они уже ринулись друг на друга, но тут конь Тараска захрипел и осел наземь. Конан тоже покинул седло и побежал навстречу противнику. Тараск поднялся, с трудом выпутавшись из сбруи. Ослепительно сверкнули клинки и встретились с лязгом, разбрызгивая синие искры... потом загремели доспехи: Тараск растянулся на земле, сбитый с ног страшным ударом меча.

Киммериец поставил латный башмак на грудь врагу и снова занес меч. На нем уже не было шлема; он встряхнул густой черной гривой, синие глаза горели прежним огнем:

— Сдаешься, ты...

— Ты хочешь меня пощадить? — удивленно спросил немедиец.

— Да, хочу. Хотя ты, собака, меня в свое время и не думал щадить. Живи! И пусть живут все твои, кто бросил оружие. А уж как чешутся руки раскроить тебе башку...— добавил киммериец.

Тараск, как мог, вывернул шею и оглядел поле. Остатки немедийского войска удирали по каменной дамбе. Победоносные аквилонцы висели у них на плечах, рубя со всей яростью сбывшейся мести. Гандеры и боссонцы наводнили вражеский лагерь, раздирая палатки в поисках поживы, ловя пленников, вспарывая тюки и переворачивая повозки.

Тараск грязно выругался и передернул плечами — насколько он вообще мог это сделать, прижатый к земле.

— Что ж, выбора у меня нет... Каковы твои условия?

— Ты отдашь все, чем успел завладеть в Аквилонии. Пусть твои вояки сложат оружие и выметаются изо всех замков и городов, да поживее. Ты выкупишь и вернешь на родину всех аквилонцев, проданных в рабство. А потом, когда мы в полной мере подсчитаем убытки, нанесенные войной, ты их возместишь. И будешь сидеть у меня заложником, пока это все не будет исполнено!

— Хорошо,— сдался Тараск.— Мои гарнизоны оставят города и замки без боя... и все прочее, как ты сказал. Ну а за мою шкуру какой выкуп назначишь?

Конан засмеялся и убрал ногу с груди врага, а потом одним рывком поставил его на ноги, взяв за плечо. Он хотел что-то сказать, но заметил шедшего к ним Хадрата. Жрец, как обычно невозмутимый, осторожно пробирался между грудами мертвых тел, конских и человеческих.

Окровавленной рукой Конан утер с лица пыль и пот. Он бился весь день: сначала — пешим, среди гандерских копейщиков, потом пересел в седло и возглавил рыцарскую атаку. Он лишился плаща, залитые кровью доспехи были измяты ударами множества мечей, булав и секир. Он стоял во весь рост посреди ужасного побоища, похожий на языческого героя древней легенды.

— Ты хорошо поработал, Хадрат! — загремел он весело.— О Кром! Как же я обрадовался, разглядев твой сигнал! Мои рыцари с ума сходили от нетерпения, уж очень хотелось им взяться поскорей за мечи. Еще немного, и я не смог бы их удержать... А что там наш чародей?

— Отправился путем мрака обратно в Ахерон,— ответил Хадрат.— Мне же пора вернуться в Тарантию. Здесь я больше не нужен, зато в храме Митры меня ждет одно неотложное дело. Все мы совершили здесь, что могли... На этом поле мы спасли Аквилонию, и не только ее. Твое возвращение в столицу станет триумфальным шествием по шальной от счастья стране. Вся Аквилония выйдет приветствовать возвращение своего короля! Итак, до встречи в Тарантии, в тронном зале дворца!

Конан молча проводил глазами жреца. Со всех сторон к нему уже спешили верные рыцари. Он разглядел Паллантида, Троцеро, Просперо и Сервия Галанна в политых кровью доспехах. Шум битвы постепенно смолкал, сменяясь мно-

гоголосым ликующим ревом. Все взгляды, горящие яростью и восторгом выигранной битвы, устремились к исполинской черной фигуре короля, руки в латных рукавицах потрясали обагренными клинками. Отовсюду несся могучий громовой крик, подобный гулу морского прибоя:

— Слава Конану, королю Аквилонии! Слава!

— Ты еще не назвал моего выкупа,— мрачно буркнул Тараск.

Рассмеявшись, Конан со стуком вдвинул меч в ножны. Расправив плечи, он провел пятерней по волосам, словно бы ощущая на них отвоеванную корону.

— В твоем серале,— сказал он,— есть одна девушка. Ее имя Зенобия.

— Да... да, кажется, есть.

— Вот и отлично.— Король улыбнулся, словно вспомнив о чем-то очень хорошем.— Она станет твоим выкупом, больше мне ничего не надо. Я приеду за ней в Бельверус, как и обещал. В Немедии она была рабыней, а в Аквилонии я сделаю ее королевой!

...И РОДИТСЯ ВЕДЬМА

I

КРОВАВЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ

Тарамис, королева страны Хауран, пробудилась от неспокойного сна, тишина, окутавшая ночной дворец, отчего-то показалась ей сродни тягостному молчанию мрачных катакомб. Некоторое время молодая правительница лежала неподвижно, вглядываясь во тьму и пытаясь понять, с какой стати в золотых канделябрах погасли все свечи. Она видела лишь, как мерцали звезды в маленьком окошке, забранном золотыми решетками. Вдруг Тарамис обнаружила прямо перед собой в темноте слабо светящуюся точку. Она замерла от удивления, а между тем сияние медленно разгоралось и ширилось — и вот уже на фоне темных бархатных занавесей перед королевой парил целый диск мертвенно-зловещего света. У Тарамис перехватило дыхание, она встрепенулась и села, заметив внутри свечения темный предмет... Там была человеческая голова!

Охваченная внезапным ужасом, королева открыла было рот, чтобы позвать служанок, но удержалась. Свечение становилось все ярче, позволяя разглядеть, что это женская головка — маленькая, скульптурно-изящная, гордо посаженная, с роскошными черными волосами, уложенными в высокую прическу. Вскоре проявились черты лица... крик застрял в горле королевы!

Перед ней парило ее собственное лицо, словно отражение в зеркале,— вот только отражение чуть-чуть дополняло оригинал, добавляя глазам хищный кошачий блеск, заставляя губы кривиться в усмешке мстительного торжества.

— О Иштар!..— вырвалось у Тарамис.— Меня околдовали!..

© Перевод М. Семёновой.

К ее ужасу, «отражение» отозвалось. Его голос потек отравленным медом:

— Околдовали?.. Нет, милая сестричка, никакого колдовства здесь нет!

— Сестричка?..— запинаясь, повторила ошеломленная девушка.— Но у меня нет сестер...

— В самом деле? — снова прозвучал мелодичный издевательский голос.— Значит, не было у тебя сестренки-близняшки, чья нежная плоть так же отзывчива на ласку — и так же уязвима, как твоя собственная?

— Ну... нас правда родилось двое,— ответила Тарамис, по-прежнему уверенная, что ей снится кошмар.— Но она умерла...

Прекрасный лик внутри светящейся сферы исказила неуправляемая ярость, и Тарамис в ужасе отшатнулась: ей показалось, будто аспидные локоны «отражения» вот-вот оживут и, зашипев, вскинутся над божественно очерченным лбом.

— Ты лжешь! — Алые губы, растянувшиеся в оскале, исторгли обвинение, словно плевок.— Твоя сестра не умерла! Смотри, дура безмозглая! Хватит притворства — смотри, и да полопаются твои глаза!..

Призрачный огонь змеями пробежал по занавесям, свечи в золотых канделябрах чудесным образом вспыхнули вновь. Тарамис сжалась в комок, испуганно подобрав точеные ножки и глядя округлившимися глазами на девушку-пантеру, что стояла перед ней и, продолжая насмехаться, позволяла себя рассмотреть...

Не покидало впечатление, словно королева глядит на другую Тарамис, схожую с ней самой каждой черточкой лица и тела,— однако одушевленную совсем другой, чуждой и злой личностью. Облик «отражения» дышал качествами, прямо противоположными тем, которые отличали юную государыню. В блестящих глазах мерцали похоть и тайна, изгиб пухлых алых губ таил жестокость... А в остальном — те же танцующие движения, та же прическа, позолоченные сандалии в точности как те, что Тарамис надевала в своем будуаре... И даже рубашка без рукавов, с глубоким вырезом, перехваченная пояском из золотой парчи, один к одному повторяла ночное одеяние королевы.

— Кто ты? — выдохнула Тарамис.

По спине пробежал холодок.

— Объяснись, а не то велю служанкам позвать стражу!

— Можешь кричать, пока не растрескаются стропила,— раздался бессердечный ответ.— Твои придворные шлюхи не проснутся до рассвета, даже если крыша загорится у них над головами. И стражники ничего не услышат: их заблаговременно отослали вон...

— Что?! — воскликнула Тарамис, чья оскорбленная царственность на время победила испуг.— Да кто посмел дать моей охране подобный приказ?

— Я, милая сестричка. Я это сделала,— издевательски отозвалось «отражение».— Совсем недавно, прежде чем проникнуть сюда. Глупцы уверены — с ними говорила их ненаглядная королева. Ха-ха, моя игра была поистине безупречна! С каким властительным достоинством, должным образом смягченным ласковой женственностью, обращалась я к этим дуболомам,— и пентюхи, закованные в броню, преклоняли передо мною колена и пернатые шлемы!..

Тарамис почувствовала, как сеть колдовства и обмана опутывает ее.

— Да кто же ты? — в отчаянии вскричала она.— Что означает это безумие? Зачем ты сюда пришла?..

— Кто я?..— негромко переспросила пришелица, и ее голос был подобен зловещему шипению кобры.

«Отражение» сделало еще шаг вперед, оказавшись у самого края ложа, и, яростно сжав пальцами белые плечи королевы, нагнулось к самому ее лицу, близко глядя в недоумевающие и испуганные глаза. И такова была гипнотическая власть злых глаз, что Тарамис позабыла даже возмутиться небывалым насилием.

— Дура! — проскрипела зубами девушка-двойник.— Она еще спрашивает! Она изумляется!.. Я — Саломэ!

— Саломэ,— выдохнула Тарамис, и волосы шевельнулись у нее на затылке.

До королевы медленно доходил невероятный смысл сказанного.

— Я думала... Ты умерла в самый час рождения...— еле слышно выговорила она.

— Многие так думали,— отозвалась назвавшая себя Саломэ.— Меня отнесли в пустыню и бросили там умирать, да будут они прокляты! Я ведь была всего лишь беспомощным, писклявым новорожденным младенцем, чья слабая жизнь трепетала, точно свеча на ветру!.. Тебе известно хотя бы, за что мне вынесли такой приговор?

— Я... я слышала какую-то историю...— заикаясь, пробормотала Тарамис.

Саломэ разразилась яростным смехом, а потом указала туда, где глубокий вырез рубашки открывал часть ложбинки между крепкими грудями.

Там виднелась необычная отметина — кроваво-красное родимое пятно в форме полумесяца...

— Знак ведьмы! — вскрикнув, отшатнулась Тарамис.

— Вот именно! — Напоенный ненавистью смех Саломэ разил не хуже кинжала.— Вот оно, проклятие королей Хаурана! Благочестивые недоумки болтают об этом на рынках, закатывая глаза и тряся бородами. Все слыхали о том, как праматерь нашего рода спуталась с нечистым духом и родила ему дочь, о которой до наших дней ходят темные легенды... С тех-то пор всякое столетие в династии Асхауров рождается девочка, отмеченная судьбоносным полумесяцем между грудей, ибо гласит древнее проклятие: «...И каждый век родится ведьма». Так оно на самом деле и происходит, сестренка! Многих убили при рождении, как пытались убить меня. Другие прошли по земле ведьмами — свободные, гордые дочери Хаурана, и адская луна сияла на груди у каждой из них! И каждую звали Саломэ! Так зовут и меня! Всегда существовала ведьма по имени Саломэ. И будет всегда — хотя бы с севера надвинулись ледяные горы и стерли с лица земли эту цивилизацию, а на пепелищах возник новый мир! На свете вечно будут жить Саломэ, и колдовством завоевывать людские сердца, и плясать перед царями земли, и те станут по их прихоти срубать головы мудрецам!..

— Но... но ты...— кое-как выдавила Тарамис.

— Я? — В мерцающих глазах пылали колдовские огни.— Меня отнесли в пустыню, подальше от городских стен, и, голенькую, положили на горячий песок, под жгучее солнце... А потом уехали прочь и оставили меня шакалам, стервят-

никам и пустынным волкам!.. Однако жизнь держалась во мне крепче, чем в каком-нибудь ребенке простолюдинов, ведь ее питали темные силы, непостижимые для смертных умов. Шли часы, и солнечный свет обрушивался на меня, точно раскаленная лава из преисподней, а я все не умирала... Да, представь, я еще смутно помню ту пытку жарой, смутно и отдаленно, как другие помнят неясный и расплывчатый сон... А потом появились верблюды. На них приехали желтокожие люди, облаченные в шелка, они разговаривали на удивительном языке. Они сбились с обычной караванной тропы и вышли прямо туда, где мучилась я; их предводитель заметил меня и узнал красный полумесяц на моем младенческом теле. Он поднял меня на руки и возвратил к жизни... Это был маг из далекого Кхитая, направлявшийся домой после путешествия в Стигию. Он увез меня с собой туда, где высятся пурпурные башни Пайканга, где стройные минареты возносятся над пышными лианами джунглей... Там я выросла и повзрослела, он же состарился, но возраст лишь укрепил его связь с Тьмой и власть над силами мрака. Он очень многому меня научил...— Тут она помедлила, загадочно улыбаясь, темные глаза хранили зловещую тайну.

Потом Саломэ тряхнула головой и продолжала:

— В конце концов наставник прогнал меня прочь, заявив, что я — всего лишь обычная ведьма, которой не впрок ученичество, мол, я все равно не способна постичь ту бездну черных наук, которую он мог бы мне преподать... Он сказал, окажись я достойна, он сделал бы меня царицей мира и повелевал бы через меня всеми народами... но, по его словам, я, увы, оказалась всего лишь распутницей, предавшейся мраку. Однако что мне с того? Запереться в золотой башне и проводить бессчетные часы, вперяя глаза в хрустальный шар или бормоча заклинания, начертанные кровью девственниц на змеиной коже, вчитываться в заплесневелые фолианты на давно забытых языках — ну уж нет, такое не для меня! И пусть наставник порицал меня, называя слишком земной душой, не приспособленной к постижению величайших вершин и глубин вселенского волшебства! В этом бренном земном мире содержится все, чего я когда-либо желала,— власть, богатство и почести, красивые мужчины и покорные женщины, готовые стать моими любовниками и рабынями. Наставник объяснил мне, кто я такая, рассказал о моем наследии и проклятии... И я вернулась взять то, на что имею равные с тобою права! Теперь все это мое по праву рождения!

— О чем ты говоришь? — Тарамис наконец-то превозмогла страх и встала лицом к лицу с сестрой.— Неужели ты полагаешь, будто, опоив несколько служанок и обманув горстку стражников, сможешь тем самым заявить свои права на трон Хаурана? Не забывай, королевой являюсь все-таки я! Я велю окружить тебя почетом, как свою сестру, но...

Саломэ расхохоталась, и сколько же ненависти было в ее смехе!

— Какое великодушие, милая сестричка, какая доброта с твоей стороны!.. Но прежде чем окружать меня почестями, быть может, ты расскажешь, чьи войска раскинули лагерь под стенами города?

Тарамис ответила:

— Свободный Отряд — шемитские наемники Констанция, воеводы из Кофа...

— Да? И что они делают в Хауране? — проворковала Саломэ.

Тарамис чувствовала, сестра над ней издевается, но все же ответила, силясь сохранить остатки достоинства:

— Констанций держит путь в Туран и попросил разрешения пройти нашими землями. Он предложил себя самого в заложники, отвечая за доброе поведение своих воинов в наших пределах...

— Этот Констанций,— подхватила Саломэ,— он, случайно, сегодня твоей руки не просил?

Тарамис окинула ее взглядом, полным смутного подозрения:

— Откуда ты знаешь?..

Саломэ издевательски передернула изящными обнаженными плечиками.

— И ты, конечно, ему отказала, милая сестричка?

— Конечно! — рассердилась Тарамис.— Ты сама принцесса из рода Асхауров, так неужели можешь предположить, будто хауранская королева способна милостиво принять подобное предложение? Взять в мужья забрызганного кровью наемника, изгнанного с родины за совершенные им преступления, предводителя наспех сколоченной шайки грабителей и убийц?! Да я вовсе не позволила бы ему привести своих чернобородых головорезов к нам в Хауран,— но он сам сдался в плен и сейчас сидит в южной башне, а мои воины его охраняют... Завтра по моему требованию он прикажет войску покинуть нашу страну, а покамест мои люди неусыпно бдят на стенах, и я предупредила Констанция, что он ответит за любые обиды, нанесенные его наемниками нашим земледельцам и пастухам...

— Стало быть, он сидит в южной башне под замком? — спросила Саломэ.

— Я уже сказала тебе... Зачем переспрашиваешь?

Вместо ответа Саломэ хлопнула в ладоши и, возвысив голос, прозвеневший жестоким весельем, позвала:

— Королева намерена удостоить тебя аудиенции, Сокол!

Распахнулась инкрустированная золотом дверь, и через порог шагнул рослый мужчина, при виде которого у Тарамис вырвался вскрик изумления и негодования.

— Констанций!.. И ты посмел явиться сюда!..

— Как видишь, государыня! — Наемник отвесил королеве шутовской поклон.

Констанций, которому воины дали прозвище Сокол, был высок ростом, широкоплеч, тонок в поясе, силен и гибок, точно стальной клинок. Даже красив — этакой ястребиной, безжалостной красотой. Его лицо дотемна сожгло солнце, иссиня-черные волосы далеко отступали с высокого узкого лба. Темные глаза смотрели бдительно и проницательно, тонкие усы лишь отчасти смягчали жесткую линию рта. На Констанции были сапоги кордавской кожи, его штаны и камзол из простого темного шелка прожгли походные костры и отметили ржавчиной железные латы.

Покручивая ус, он беззастенчиво разглядывал полуодетую королеву, и наглый взгляд заставлял ее вздрагивать и сжиматься.

— О Иштар! — проговорил он вкрадчиво.— А знаешь, Тарамис, в ночной рубашке ты куда соблазнительней, чем в царственных ризах... Какая ночь, право!

Глаза несчастной государыни наполнились ужасом.

Что бы ни говорила Саломэ, королева была далеко не дурой и понимала: Констанций никогда бы не отважился на подобную наглость, не будучи полностью уверенным в себе.

— Ты сошел с ума,— сказала она.— Быть может, в этом чертоге я и нахожусь в твоей власти. Но и ты сам — во власти моих подданных, которые на куски тебя разорвут, посмей ты ко мне прикоснуться. Если хочешь жить — уходи отсюда немедленно!

Двое, стоявшие перед ней, расхохотались, и Саломэ нетерпеливо махнула рукой.

— Хватит комедию ломать! — воскликнула она.— Пора переходить ко второму акту нашего действа!.. Слушай же, сестренка: Констанция привела сюда я. Когда решила прибрать к рукам трон Хаурана, я стала искать человека, способного мне помочь, и мой выбор пал на Сокола. Ибо в нем начисто отсутствует то, что глупые люди называют добром!

— Моя принцесса, я польщен...— ядовито пробормотал Констанций, отвешивая низкий поклон.

— Я послала его в Хауран,— продолжала Саломэ,— и, как только его люди разбили лагерь за городскими стенами, проникла внутрь сквозь ту дверку в западной стене... Олухи, стоявшие на страже, решили, что ты возвращаешься после каких-то ночных приключений...

— Ах ты дрянь!..— Щеки Тарамис так и вспыхнули, царственная выдержка не помогла отмахнуться от оскорбления.

Тарамис очень дорожила своей репутацией добродетельной королевы.

Саломэ ответила с жестокой улыбкой:

— О да, они были весьма удивлены и даже потрясены, однако пропустили меня, не задавая вопросов. Потом я тем же способом вошла во дворец и отослала прочь стражников. Они тоже удивились, но послушно убрались прочь. А за ними и те, что стерегли в южной башне Констанция... И вот я пришла сюда, не забыв по дороге позаботиться о твоих служанках, моя дорогая!

Тарамис, бледнея, сжала кулаки. Налицо чудовищный заговор — а она ничего не могла сделать.

— И что же дальше? — спросила она, голос предательски дрогнул.

— А ты прислушайся,— ответила Саломэ и наклонила голову.

Сквозь окошко смутно доносился металлический лязг — маршировали латники.

Грубые голоса выкрикивали команды на чужом языке, откуда-то уже долетали тревожные крики...

— Горожане просыпаются, им страшно,— едко усмехнулся Констанций.— Не пора ли тебе пойти подбодрить их, Саломэ!

— Зови меня Тарамис,— ответила та.— Пора привыкать к этому имени.

— Что ты наделала!..— закричала истинная Тарамис.— Что ты наделала!..

— Всего лишь прогулялась к воротам и велела воинам открыть их,— пожала плечами Саломэ.— Они ничего подобного не ожидали, но, как и все прочие, подчинились... И теперь ты слышишь, как в город входит армия Сокола!

— Демоница! — закричала Тарамис.— Ты приняла мой облик и предала мой город! Меня сочтут изменницей! Сейчас я выйду к ним и...

Но Саломэ с кровожадным смешком ухватила сестру за запястье и рванула назад. Королева была ловкой и гибкой, но месть и ненависть наделили ведьму поистине стальной силой.

Тарамис беспомощно билась в крепких руках сестры.

— Ты знаешь, как проникнуть отсюда в дворцовые подземелья? — обратилась Саломэ к Констанцию.— Знаешь? Вот и отлично. Оттащи туда эту драчунью и запри ее в самую надежную камеру! Все смотрители подвалов крепко спят, мое зелье сработало... Пошли кого-нибудь, пусть глотки им перережет, пока не проснулись. Никто и никогда не должен догадаться, что произошло... Отныне и навсегда я стану Тарамис, а прежняя Тарамис превратится в безымянную узницу в темнице!

Крепкие белые зубы Констанция сверкнули из-под усов.

— Отлично,— проговорил он.— Но прежде чем это случится, ты ведь не откажешь мне в праве немножко... э-э-э... поразвлечься?

— И не подумаю! Укрощай эту сучку, как пожелаешь! — И Саломэ со смешком швырнула сестру прямо в руки кофийцу, после чего вышла в дверь, выводившую во внешний коридор.

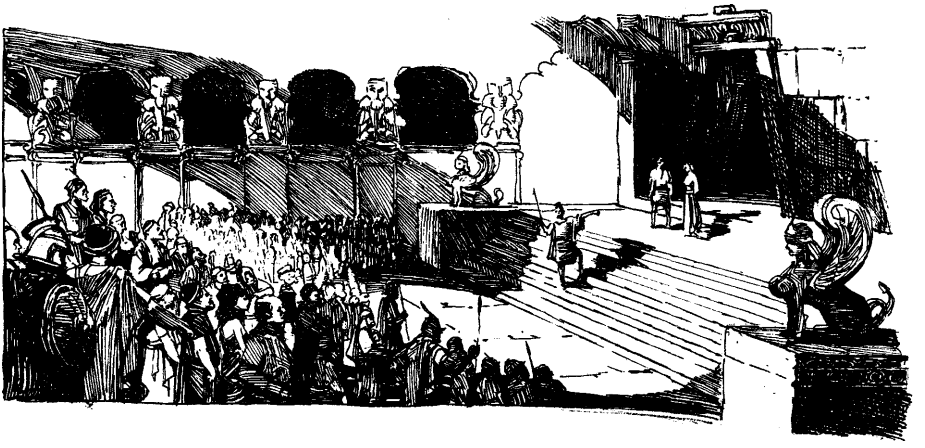
Прекрасные глаза Тарамис расширились от ужаса, она извивалась и билась, силясь вырваться из объятий Констанция...

Вооруженные латники на улицах города, поругание ее королевской короны — все забылось перед угрозой жестокого мужского насилия.

Ужас и стыд захлестнули девичью душу — в глазах Констанция не было ни намека на жалость, его руки мяли и ломали ее тело...

Торопливо идя по коридору, Саломэ явственно услышала крик отчаяния и беспросветной муки, раздавшийся за спиной. Довольная улыбка скользнула по ее губам...

II

ДРЕВО СМЕРТИ

Штаны и рубашка юного воина, пропитанные по́том, были сплошь в засохших кровавых потеках, а запыленная одежда утратила цвет. Кровь еще сочилась из глубоких ран на бедре, груди и плече. По лицу парня тек пот, пальцы судорожно стискивали покрывало с топчана, на котором он лежал. Однако голос выдавал душевную муку, затмевавшую все страдания тела.

— Она, верно, утратила разум!..— повторял он снова и снова, явно не в силах переварить нечто совершенно чудовищное и невозможное.— Кошмар какой-то!.. Наша Тарамис, любимица всей страны, предает свой народ! Отдает его исчадию зла, этому кофийскому выродку!.. О Иштар, и почему меня не убили?.. Легче умереть, чем вот так наблюдать, как наша королева становится растленной изменницей...

— Лежи тихо, Валерий,— упрашивала молодого воина возившаяся над ним девушка.

Она промывала и перевязывала его раны, и руки у бедняжки дрожали.

— Лежи, милый, не двигайся! Так ты только раны разбередишь! Тебе лекарь нужен, но я не смею за ним пойти...

— Ты права,— отозвался ее подопечный.— Синебородые головорезы Констанция наверняка прочесывают кварталы, выискивая раненых хауранцев... Они вздернут всякого, кто против них дрался и чьи раны послужат уликой. Ох, Тарамис, Тарамис!.. Как могла ты предать народ, который любил тебя и преклонялся перед тобой?..

И несчастный парень корчился на ложе, плача от ярости и стыда. Испуганная девушка обнимала его, прижимала к своей груди его голову, силясь успокоить.

— Лучше смерть, чем срам, обрушившийся сегодня на Хауран,— простонал Валерий.— Ты ведь тоже все видела, Ивга?

— Нет, милый,— ответила она.

Ласковые и умелые руки снова взялись за работу, бережно промывая зияющие раны и сводя их края.

— Меня разбудил шум боя на улице... Я выглянула в окошко и увидела, как шемиты режут наших соседей... А потом услышала, как ты, раненый, еле слышно зовешь меня из переулка, из-за задней двери...

— Я с места сдвинуться не мог,— сказал Валерий.— Свалился там, возле черного хода, и понял, что встать уже не смогу. Я знал, они меня вот-вот обнаружат, если я так и буду лежать там... Иштар свидетельница, я убил троих синебородых! Не шляться им по улицам Хаурана, не осквернять его древние камни! Демоны преисподней сразу утащили их в ад...

Девушка по имени Ивга хлопотала над ним, утешая любимого, точно больного ребенка, касалась его воспаленных губ своими — нежными и прохладными. Однако его душа полыхала неутоленным огнем, Валерий беспокойно метался и говорил без конца.

— Меня не было на стене, когда шемиты вошли в город,— рассказывал он.— Я сдал свою стражу и спал в казарме, как все. Наш старший вбежал к нам перед самым рассветом, бледный как смерть.

«Шемиты вошли в город,— сказал он нам.— Сама государыня явилась к южным воротам и приказала впустить их! Она велела всем покинуть стены, где мы несли караул с тех самых пор, как в пределах королевства появился Констанций. Я ничего не понял, и другие военачальники тоже не поняли, но я сам слышал, как она отдавала приказы, и мы послушались ее, как всегда... Теперь нам велено собраться на площади у дворца. Давайте-ка стройтесь перед казармой — и шагом марш ко дворцу. Да, латы и оружие велено оставить здесь... Одной Иштар известно, что это значит, но такова королевская воля!..»

Мы построились и вышли ко дворцу, а там, как раз напротив, уже стояли пешие шемиты — десять тысяч синебородых мерзавцев, все в полном вооружении. Из каждого окна, выходившего на площадь, торчали головы горожан, и все прилегающие улицы были забиты недоумевающим народом. Тарамис стояла на ступенях дворца, сопровождаемая одним Констанцием,— и тот знай поглаживал усы, точно кот, только что сожравший воробушка... А чуть ниже, на ступенях, выстроилось полсотни шемитов с луками в руках.

Там, где они стояли, полагалось бы находиться охранникам королевы, но их разместили в самом низу лестницы. Они тоже ничего не могли понять, но хоть вышли — вопреки приказу — полностью снаряженными для боя...

Когда мы встали на площади, к нам обратилась Тарамис. Она сказала, что поразмыслила над предложением Констанция — над тем самым, которое она только вчера гневно отвергла на глазах у всего двора! — и переменила свое мнение, надумав сделать его своим царственным супругом. Объяснять, зачем она таким вероломным образом впустила в город шемитов, королева и не подумала... Зато объявила, что, поскольку Констанций повелевает большим отрядом опытных воинов, Хаурану нет больше нужды держать свою армию, а посему она ее распускает. Идите, мол, ребята, спокойно по домам...

Привычка повиноваться королеве давно вошла в нашу кровь, но тут уж мы просто дар речи утратили! И повели себя, точно пыльным мешком ударенные: смешали ряды, даже не успев ничего сообразить...

Но когда Тарамис обратилась с таким же приказом к охранникам своего дворца, вмешался их капитан, Конан. Как рассказывали ребята, накануне вечером он был свободен от караула и крепко надрался. Не знаю, так или нет, а только на площади он совершенно точно стоял ни в одном глазу. Он сразу заорал своим людям, чтобы стояли как стоят, пока он сам не отдаст им приказа,— и они послушались его даже вопреки распоряжению королевы — надо знать этого Конана и его власть над людьми. И вот он поднялся по дворцовым ступенькам, пристально вгляделся в Тарамис — и вдруг как взревет:

«Да это вовсе не королева! Она не наша Тарамис! Перед нами какая-то демоница, похитившая ее облик!»

И тогда-то все понеслось!.. Я там был, Ивга, но и то не решусь утверждать, что именно произошло. Надо думать, какой-то шемит ударил Конана, и Конан его убил. А в следующий миг вся дворцовая площадь обернулась полем сражения... Шемиты насели на стражников, их копья и стрелы поразили многих солдат, начавших уже расходиться... Некоторые из нас подхватили оружие, до которого смогли дотянуться, и принялись отбиваться. Мы скверно понимали, за что бьемся, мы просто защищались от Констанция и его негодяев! Всеми богами клянусь, мы и мысли не держали выступить против Тарамис,— а Констанций знай кричал: «Бейте предателей!» Но какие же мы предатели?..

Голос Валерия дрожал от недоумения, отчаяния и боли. Девушка ахала и ужасалась, не особенно понимая, что к чему, больше из сострадания любимому.

— Народ не знал, чью сторону принять,— продолжал свою горестную повесть Валерий.— Сумасшедший дом, да и только! У нас, воинов, не имелось ни малейшего шанса отбиться, ведь мы смешали ряды, а вооружились кто чем успел. Стражники Конана были в полном вооружении и выстроились квадратом, но их насчитывалось всего пять сотен! Погибая, они забрали с собой уйму шемитов, но у подобного боя мог быть только один исход... А Тарамис, наша Тарамис — пока ее людей убивали у нее на глазах, она стояла там, на дворцовых ступенях, и Констанций обнимал ее за талию, и она смеялась — точно прекрасная, но бессердечная демоница!.. Боги! Весь мир спятил... Но знаешь, Ивга, ни разу еще я не видел, чтобы человек дрался так, как капитан Конан... Он встал спиной к стене — и прежде, чем его смяли числом, он нагромоздил перед собой кучу трупов по пояс высотой! Их там была сотня против одного, и наконец его повалили... Когда я увидел, что Конан упал, то из последних сил потащился прочь, чувствуя себя так, словно весь мир рассыпался у меня под ногами... Я слышал, как Констанций кричал своим непременно захватить Конана живым... Он распоряжался и все поглаживал усы... с этой своей проклятой улыбочкой, чтоб ему сдохнуть!..

...Знать бы Валерию, как «та самая улыбочка» скривила губы Констанция в данный момент. Он сидел в седле среди своих воинов — кряжистых крючконосых шемитов с иссиня-черными вьющимися бородами. Заходящее солнце играло на остроконечных шлемах и посеребренных чешуйках брони. Примерно в миле за их спинами поднимались среди лугов стены и башни города Хаурана.

У обочины караванной дороги торчал тяжелый деревянный крест, и на кресте висел человек, прибитый громадными железными гвоздями, пронзившими ступни и ладони. Почти обнаженный — ему оставили только набедренную по-

вязку,— он выглядел сущим исполином. Напряженные мышцы резко выделялись на руках и на теле, натягивая кожу, давно продубленную солнцем. От боли по лицу и широкой груди человека стекал пот, но из-под спутанной черной гривы, падавшей на низкий широкий лоб, неукротимым огнем горели синие глаза. Кровь лениво точилась из ран, обтекая шляпки гвоздей...

Констанций, издеваясь, отдал ему воинское приветствие.

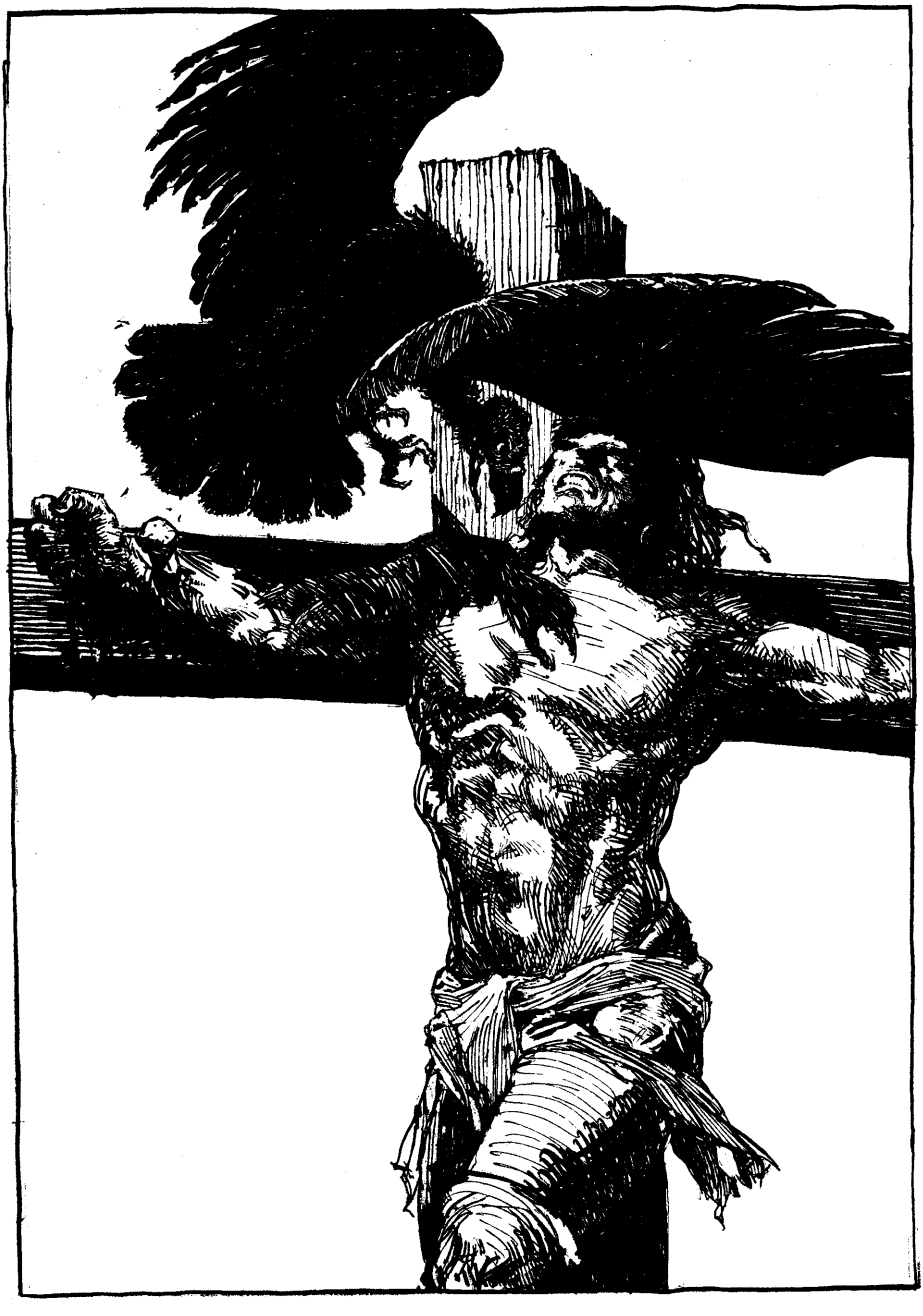
— Прошу простить меня, капитан,— сказал он,— за то, что не имею возможности остаться и утешать тебя в последние часы жизни... Кое-какие обязанности призывают меня назад в город. Не могу же я, действительно, заставить томиться в ожидании нашу восхитительную королеву! — И он негромко рассмеялся.— Итак, предоставляю тебя судьбе... и обществу вот этих милашек! — Констанций со значением указал на черные крылатые силуэты, безостановочно кружащие в вышине.— Да, если бы не они, ты со своей звериной силой, пожалуй, мог бы протянуть здесь даже и несколько дней... Вот только не советовал бы я тебе лелеять какие-то надежды на спасение, хоть и оставляю тебя без охраны. Я, знаешь ли, велел объявить во всеуслышание, что всякий, осмелившийся снять твое тело — мертвое или живое — с креста, будет заживо освежеван на городской площади, и с ним все члены его семьи... А мое положение в Хауране успело упрочиться, подобный приказ заменяет целый отряд стражи. Я решил никого не оставлять здесь потому, что в присутствии охраны стервятники не станут к тебе приближаться, а я бы не хотел ничем их стеснять. По этой же причине я велел вывезти тебя так далеко за стены: пустынные трупоеды ближе к городу не подходят... Итак, храбрый капитан, прощай навсегда! Через какой-нибудь час, лежа в объятиях Тарамис, я буду вспоминать о тебе...

При этих словах распятый человек судорожно сжал тяжеленные кулаки, и из пронзенных ладоней заново потекла кровь. Мышцы вздулись железными буграми — Конан, насколько смог, подался вперед и яростно плюнул в Констанция. Воевода ответил невозмутимым смешком, смахнул плевок с нагрудника и повернул коня прочь.

— Припомни меня, когда стервятники начнут с тебя живого сдирать мясо,— глумливо прокричал он напоследок.— Эти мусорщики пустыни — настоящие мастера своего дела! Сколько я видел людей, распятых на крестах, без глаз и ушей, без кожи на черепе, покуда острые клювы добирались до их жизненных органов!..

И, более не оглядываясь, Констанций поскакал в сторону города, сверкая начищенной броней, прямой, стройный и сильный, в окружении коренастых чернобородых подручных. Пыль, поднявшаяся из-под конских копыт на старой дороге, некоторое время висела в воздухе, отмечая их путь...

Наконец распятый остался в полном одиночестве посреди пустынной предзакатной степи. Город Хауран, лежащий в какой-то миле отсюда, с таким же успехом мог бы находиться на другом конце света и в иной эпохе. Стряхивая капли пота, Конан невидяще смотрел на знакомые луга... По сторонам города и за ним лежали тучные пастбища, где бродил скот, а дальше простирались виноградники и поля. На западе и севере по горизонту угадывались силуэты деревень, уменьшенные расстоянием. Чуть ближе, на юго-востоке, серебрилась река, а непосредственно за ней начиналась песчаная пустыня, она тянулась далеко за горизонт. Конан смотрел на недосягаемый простор, как пойманный яст-

реб смотрит в отнятое у него небо... Когда же на глаза ему попались мерцающие башни Хаурана, киммериец всем телом вздрогнул от отвращения. Город предал его. Город подстроил ему ловушку, и в итоге Конан висел на кресте, точно заяц, пригвожденный к дереву стрелой удачливого охотника. Вот бы спуститься с этого древа пыток — и затеряться в беспредельных просторах, навсегда повернуться спиной к миру тесных кривых улиц и таких же кривых душ, без зазрения совести предающих святое...

Впрочем, безнадежные мысли скоро исчезли, смытые багровым приливом неутоленной жажды отмщения. Конан то принимался сыпать проклятиями, то замолкал. Его силы сосредоточились вокруг четырех железных шипов, отделявших его от свободы и самой жизни. Мощные мышцы натягивались подобно стальным канатам и дрожали от напряжения. Серея от боли и обливаясь потом, Конан пытался найти точку опоры, чтобы расшатать и вытащить проклятые гвозди. Все тщетно! Их вбили слишком глубоко и надежно. Тогда он попытался сорвать с них ладони. Чудовищная боль пронзала сознание, и все-таки Конан прекратил свои попытки не оттого, что мука оказалась чрезмерной. У гвоздей оказались слишком широкие и толстые шляпки, которые никак не удавалось протащить сквозь раны...

Впервые в жизни великан киммериец чувствовал себя полностью беспомощным, и отчаяние было готово коснуться его сердца... Черноволосая голова поникла на грудь, Конан повис неподвижно, прикрыв веки от режущего света низкого солнца... Хлопанье крыльев заставило его вскинуть глаза — и как раз вовремя, потому что сверху вниз к нему кинулась из поднебесья пернатая тень. Острый клюв, нацеленный в глаз, рассек щеку — Конан успел отдернуть голову, спасая глаза. У него вырвался крик, хриплый, отчаянный и угрожающий. Этот крик заставил спустившихся было стервятников испуганно отпрянуть и вновь подняться повыше, чтобы возобновить терпеливое и опасливое кружение над крестом. Струйка крови затекла Конану в рот, он непроизвольно облизал губы и выплюнул соленую влагу.

Теперь ко всем его мукам добавилась еще и жажда. Вчера вечером он в самом деле изрядно напился, а сегодня с самого рассвета, когда случился бой у дворца, ему не перепало ни единой капли воды. А ведь бой, как известно,— работенка не только грязная, но и донельзя потная... В общем, Конан смотрел на далекую и недостижимую реку, как мученик ада смотрел бы из-за раскаленной решетки. Ему виделись бурные паводки, которые он в свое время одолевал, виделись озера, которые он когда-то переходил по самые плечи в прохладной зеленой воде... А чего стоили объемистые рога пенного эля и большие кружки игристого вина, которые он беззаботно выхлебывал, а то и расплескивал по полу бессчетных таверн!.. Конан даже закусил губу, потому что от подобных воспоминаний недолго взреветь, как ревет страдающий зверь.

Солнце уходило за горизонт — багрово-огненный шар, расплавленный в кровавом океане... Башни города дрожали и плыли на алом фоне заката, бесплотные, точно мираж. У Конана мутилось в глазах, само небо казалось ему залитым кровью. Он облизывал сухие губы и все смотрел на далекую реку. Она словно тоже текла кровью, а с востока к ней подползали непроглядные тени...

В ушах шумело, но все же Конан услышал громкое хлопанье крыльев. Он поднял голову, и в его глазах снова зажглись волчьи неукротимые огоньки — он

следил за крылатыми тенями, опять спускавшимися к кресту. Стервятники основательно проголодались, и он понимал, что криками их теперь не отгонишь. Вот один из них лег на крыло и пошел вниз... вниз... Конан как мог откинул голову назад и стал ждать — с жутким хладнокровием истинного сына диких пустошей, привыкшего наблюдать и терпеть...

Вот свистнули перья — трупоед устремился к цели. Молнией сверкнул отточенный клюв — и угодил Конану в подбородок. Успев убрать голову, киммериец в свою очередь рванулся вперед — и, прежде чем птица успела отпрянуть, по-волчьи сомкнул зубы на ее голой жилистой шее. И стиснул, пустив в ход всю силу челюстных мышц.

Стервятник отчаянно заверещал и забился, пытаясь освободиться. Хлещущие крылья ослепили распятого, острые когти рвали кожу у него на груди... Конан с мрачным упорством удерживал свою жертву, только на скулах вздулись бугры желваков. И вот наконец шейные кости трупоеда хрустнули у него на зубах, птица судорожно дернулась в последний раз и обвисла. Конан выпустил мертвое тело и принялся отплевываться от крови. Остальные стервятники, напуганные участью собрата, успели отлететь к далекому дереву — и расселись там на ветвях, точно демоны, собравшиеся на совет.

Мутное сознание Конана озарилось угрюмым пламенем торжества, токи жизни яростней застучали в его жилах. Он мог убивать — значит, он был еще жив!.. Каждое чувство сейчас служило для него посрамлением смерти, каждое ощущение, даже боль...

— Клянусь Митрой!..— достиг его слуха чей-то голос, то ли реальный, то ли нет.— Сколько на свете живу, а ничего подобного не видал!..

Кое-как проморгавшись от крови и пота, разлепив ресницы, Конан увидел в сумерках четверых конников. Сидя в седлах, они рассматривали его, распятого на кресте. Трое поджарых, ястребиного вида людей в белых одеждах — без сомнения, наездники из племени зуагиров, кочевники из-за реки. Четвертый одет в точности как его спутники — подпоясанный белый халат и просторный головной платок, удерживаемый тройным шнуром из верблюжьей шерсти. Только вот черты лица у него не шемитские. Сумерки еще не успели сгуститься, а у Конана не настолько померкло в глазах, чтобы он не сумел как следует рассмотреть этого человека.

Ростом тот, пожалуй, с самого Конана, разве не такой мускулистый. Широкоплечий и гибкий, он казался выкованным из упругой стали. Коротко подстриженная черная борода не скрывала властно выставленной челюсти, серые глаза смотрели с холодной проницательностью — не взгляд, а клинок, поблескивающий из-под распахнутой кефии. Движением опытной руки успокоив топтавшегося коня, человек заговорил снова:

— О Митра, да я, похоже, узнаю этого парня!..

— Да, да,— гортанными голосами подтвердили зуагиры.— Тот киммериец, капитан стражников королевы!

— Похоже, она стала избавляться от прежних любимцев,— пробормотал предводитель.— Право слово, вот уж чего трудно было ожидать от королевы Тарамис!.. Впрочем, я предпочел бы войну, желательно долгую и кровавую. Мы, жители пустыни, хоть пограбили бы вдосталь... А то вот подобрались почти к самым стенам города — и что нам перепало за наши труды? Несчастная кляча,—

тут он показал на прекрасного мерина, которого вел один из кочевников,— да полудохлый пес...

Конан приподнял окровавленную голову.

— Если бы я смог отсюда слезть,— проскрипел он сквозь зубы,— я бы из тебя самого дохлого пса сделал, запорожский ворюга...

— Митра! Да никак прохвост меня знает! — воскликнул наездник.— Эй, мерзавец, ты знаешь меня?

— В здешних местах твоей породы — раз, два и обчелся,— пробормотал Конан.— Ты — Ольгерд Владислав, вожак объявленных вне закона!

— Точно! И бывший гетман козаков с реки Запорожки, как ты совершенно правильно догадался... Жить хочешь?

Конан отозвался, трудно дыша:

— Вот дурацкий вопрос...

— Я вообще-то мягкосердечием не страдаю,— сообщил ему Ольгерд.— И если что-то в людях уважаю, так это стойкость... Посмотрим теперь, кто ты есть: мужчина, достойный жить, или дворняга, которой впору сдохнуть!

— Если мы срубим крест, это могут заметить с городских стен...— возразил один из кочевников.

Ольгерд покачал головой:

— Сумерки сгущаются, им нас не разглядеть. Возьми топор, Джебал. Руби у самой земли!

— Если крест упадет вперед, парня раздавит,— задумался Джебал.— Я, конечно, могу завалить крест и назад, но при падении у бедняги либо череп расколется, либо кишки наружу выскочат...

— Если он вправду достоин ездить со мной — вытерпит и переживет,— отозвался Ольгерд невозмутимо.— А если не выдюжит, значит, туда ему и дорога. Руби!

Первый удар боевого топора по дереву и вызванное им сотрясение отозвались чудовищной болью в распухших руках и ногах киммерийца. Вновь и вновь обрушивался топор, посылая огненные волны по воспаленным нервам в охваченный пламенем мозг... Конан стиснул зубы и не издал ни единого звука. И вот топор нанес последний удар, подрубленный крест покачнулся на расщепленном основании и повалился навзничь. Конан напрягся всем телом, как мог прижался затылком к перекладине и стал ждать сокрушительного удара. Крест тяжело рухнул, слегка отскочил от земли и остался лежать. Все раны рвануло так, что сознание на миг помутилось. Конан страшным усилием отогнал волну наползающей черноты. Его мутило, голова шла кругом... Однако почти сразу он понял — стальная упругость мышц в который раз уберегла его от увечий и смерти.

Дурнота спазмами сводила живот, из ноздрей текла кровь, но он опять умудрился ни единым звуком не выдать страдания. Одобрительно ворча, Джебал склонился над ним с клещами, предназначенными для ухналей в лошадиных подковах. Прилаживая клещи к головке гвоздя, торчащего в правой ладони, он разворотил ему всю руку, потому что шляпка глубоко ушла в распухшую плоть, да и клещи оказались маловаты для подобной работы, Джебал кряхтел и ругался, так и этак раскачивая неподатливый гвоздь и безбожно терзая живое тело. Кровь текла вовсю, заливая Конану пальцы... Киммериец лежал до того неподвижно, что вполне сошел бы за мертвого — если бы не судорожные вздохи, вздy-

мавшие широкую грудь... Наконец гвоздь зашатался, Джебал выдернул его и с торжеством поднял над головой, потом отшвырнул окровавленный штырь и нагнулся над следующим.

Пытка повторилась... Завершив ее, Джебал взялся было за приколоченные ноги Конана. Однако киммериец, кое-как приподнявшись, отобрал у него клещи и оттолкнул своего мучителя — да так, что тот едва не упал. Кисти рук у Конана распухли почти вдвое против обычного, пальцы превратились в бесформенные сосиски... Простое движение — сжать кулак — отозвалось такой болью, что он до крови прокусил губу. Тем не менее Конан сумел ухватить непослушными руками клещи — и выдрал гвоздь сперва из одной ноги, потом из другой. На его счастье, они были вбиты не так надежно, как верхние...

И он поднялся, качаясь, как пьяный, на изувеченных, распухших ногах. Ледяной пот катился по его лицу и телу. Мышцы сводило судорогой, последние силы уходили на то, чтобы отогнать рвотный позыв...

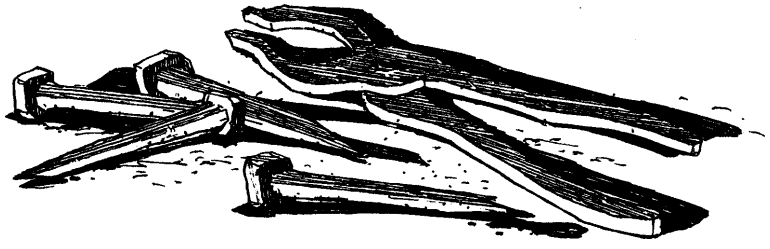
И Ольгерд, все это время внешне безучастно наблюдавший за ним, махнул рукой, указывая на краденого коня. Конан, спотыкаясь, поплелся вперед. Каждый шаг давался ему отчаянной мукой, кровавая пена выступила на губах. И вот изуродованная рука почти вслепую нашарила луку седла, окровавленная ступня с трудом просунулась в стремя... Бешено стиснув зубы, Конан попытался вскочить на коня — и это усилие едва не лишило его сознания. Все же он должным образом опустился в седло, и тут Ольгерд еще и огрел хлыстом его мерина. Испуганный конь вскинулся на дыбы, всадник, мало не вылетевший из седла, мотнулся неуклюже и тяжело, точно мешок с песком. Пытаясь хоть как-то справляться с конем, киммериец был вынужден намотать повод на обе руки. Пальцы сомкнулись в судорожной хватке, Конан принял повод на себя, он уже плохо соображал, что делает, но силы у него покамест хватало... Конь заржал и наконец подчинился — всадник едва не вывихнул ему челюсть.

Один из шемитов нерешительно взялся за фляжку с водой...

Ольгерд отрицательно покачал головой.

— Пусть потерпит, пока не доберемся до лагеря,— сказал он.— Туда всего-то десять миль ехать. Если малый годен для жизни в пустыне, ничего с ним до тех пор не сделается и без питья!

И всадники легкими призраками понеслись в сторону реки. Мчась среди них, Конан, точно пьяный, шатался в седле. Налитые кровью глаза стекленели, ветер сушил пену на почерневших губах...

III

ПИСЬМО В НЕМЕДИЮ

Странствующий мудрец носил имя Астрей. Ученый скиталец, вечно взыскующий истины, путешествовал по странам Востока, составляя суждение обо всем, что происходило в этих землях, вечно окутанных в представлении жителей Запада манящим флером таинственности.

Теперь почтенный мудрец писал письмо в родную Немедию, повествуя об увиденном Альсемиду — своему старинному другу и собрату-философу.

«...Здравый ум не в силах представить, добрый Альсемид, что творится в этом крохотном королевстве с тех пор, как государыня Тарамис приняла к себе Констанция с его наемниками (событие, которое я вкратце и впопыхах описал тебе в предыдущем письме). Миновало уже семь месяцев, и ощущение такое, будто несчастную страну заполучил в лапы демон. Тарамис положительно утратила разум: если прежде она славилась незапятнанной добродетелью, справедливостью и миролюбием, то теперь стала знаменита качествами в точности противоположными. Ее личная жизнь являет собой сущее посрамление нравственности... Пожалуй, слово "личная" я употребил здесь напрасно, ибо королева даже не пытается скрыть разврат, царящий при дворе. Сама она постоянно предается откровенно безнравственным развлечениям, да еще и насильственно вовлекает в свои оргии юных придворных дам, не считаясь ни с девственностью, ни с узами молодого супружества.

Она не озаботилась даже тем, чтобы законно сочетаться со своим любовником, Констанцием, который восседает с ней рядом на троне и правит в качестве царственного супруга. Подручные последнего рады следовать примеру своего предводителя и напропалую бесчестят любую приглянувшуюся женщину, невзирая на ее родовитость и положение. Зажиточная прежде страна буквально стонет, изнывая под бременем непосильных налогов, земледельческие хозяйства разоряются одно за другим, а купцы ходят в лохмотьях — сборщики налогов по-

просту раздевают их догола! И ограбленным не до нарядов — эти несчастные еще радуются, если удается сохранить в целости собственную шкуру!..

Добрый друг мой, я сердцем чувствую снедающее тебя недоверие. Ты полагаешь, Альсемид, будто я преувеличиваю творящееся в Хауране? Согласен, ни в одной из стран Запада подобное невозможно. Но задумайся над глубокими различиями между Западом и Востоком, учти особенности этой части восточных земель. Во-первых, Хауран совсем невелик, всего лишь одно из множества маленьких княжеств, некогда составлявших восточное пограничье империи Коф. В наши дни города-государства вернули себе независимость, присущую им в древнейшие времена. Так вот, здешняя часть мира состоит из крохотных царств, едва ли сравнимых как с великими королевствами Запада, так и с обширными восточными султанатами. Однако малые страны сидят на караванных путях, что, как ты понимаешь, делает их значимыми и богатыми.

Хауран занимает место на самом юго-востоке. Он непосредственно граничит с пустынями восточного Шема. Столица, также именуемая Хаураном,— единственный сколько-нибудь заметный город в стране, и с его сторожевых башен видна река, отделяющая зеленые пастбища от бесплодных песков. Земля Хаурана столь плодородна, что приносит по три-четыре урожая в год, к северу и западу от столицы расположено множество деревень. Дома мы с тобой привыкли к загородным имениям с широкими полями и бесчисленными стадами скота, нам кажутся непривычными лоскутные посевы и крохотные виноградники, тем не менее щедрость земных плодов заставляет вспомнить о роге изобилия. Земледелие для жителей деревень — основное и единственное занятие. Здешний народ, имеющий смешанное происхождение, по природе своей совсем не воинствен, люди едва ли способны за себя постоять, да и ношение оружия им запрещено. Солдаты всегда служили им прикрытием, и, как ты понимаешь, при нынешних обстоятельствах селяне беспомощны и беззащитны. А народное восстание, которое непременно произошло бы в любой из западных держав, здесь попросту невозможно.

Пахари и пастухи безропотно трудятся под железной пятой захватчика. Чернобородые шемиты знай разъезжают по сельским угодьям с хлыстами в руках, точно надсмотрщики над черными рабами, что трудятся в усадьбах южной Зингары...

Впрочем, горожанам приходится нисколько не легче! У них отобрано едва ли не все имущество, их прекрасные дочери вынуждены служить ненасытной похоти Констанция и его наемников. Этим последним неведомы ни жалость, ни сострадание, зато присущи все качества, которым ужасались наши воины во время сражений с шемитскими союзниками Аргоса,— нечеловеческая жестокость, извращенная страсть и поистине звериная свирепость. Между тем хауранские горожане являют собой правящую касту страны: в основном это хайборийцы, мужественные и не чуждые воинской доблести. Увы, предательство, совершенное королевой, ввергло их во власть жестоких гонителей. Шемиты теперь составляют в Хауране единственную вооруженную силу, и любого местного жителя, у которого обнаружат оружие, ждет самая зверская расправа. Мало того, захватчики искореняют молодых мужчин, способных к сопротивлению. Многих безжалостно уничтожили, других обратили в рабство и продали туранцам. Тысячи беглецов покинули королевство и пошли на службу к правителям иных

стран либо примкнули к бесчисленным шайкам объявленных вне закона, скитающимся вдоль границ.

Непосредственно сейчас существует вероятность вторжения из пустыни, где обитают племена шемитов-кочевников. Наемники Констанция происходят из городов западного Шема, я имею в виду Пелиштим, Анаким, Аххарим. Зуагиры и другие кочующие племена люто их ненавидят. Как тебе отлично известно, добрый мой Альсемид, страны, населенные этими варварами, подразделяются на тучные западные, где стоят большие города и вдали простирается океан,— и пустыни востока, где бродят иссушенные солнцем кочевники. И, как водится, между оседлыми и номадами редко бывает мир.

Зуагиры много столетий совершали грабительские набеги на Хауран. В этом они особо не преуспели, однако завоевание Хаурана западными родичами немало их раздражает. Более того, ходят слухи, будто эту давнюю вражду всячески подогревает некий человек, бывший прежде начальником охраны королевы. В день переворота Констанций велел распять его на кресте, что и было исполнено, однако тот каким-то образом спасся и бежал в пустыню, к кочевникам. Зовут его Конан, и он сам из варваров,— между прочим, из тех самых киммерийцев, чью угрюмую ярость наши солдаты знают, увы, даже слишком хорошо... Поговаривают, будто Конан даже сделался правой рукой некоего искателя приключений по имени Ольгерд Владислав, козака, который в свое время явился сюда из северных степей и возглавил шайку зуагиров. И наконец, в народе передают, что якобы за последнее время их шайка многократно разрослась, а посему вышеупомянутый Ольгерд — вне сомнения, подстрекаемый Конаном — начал замышлять против Хаурана большой военный поход.

Надобно полагать, Хауран ждет лишь разбойное нападение и ни в коем случае не война по правилам: зуагиры не располагают осадными машинами и понятия не имеют о тактике осады крупного города. К тому же история подтверждает, что кочевники рассыпным строем — я скорее назвал бы это отсутствием всякого строя — в ближнем бою не способны противостоять сплоченному, хорошо обученному и вооруженному войску шемитских горожан. Остается лишь предполагать, что простые хауранцы, по всей вероятности, даже обрадовались бы возможности подобного завоевания, ведь кочевники при всем желании не смогли бы обращаться с ними хуже нынешних хозяев страны, а вздумай зуагиры вообще всех перерезать — даже такая участь предпочтительнее той жалкой и страдальческой жизни, которую они ныне влачат. Другое дело, что эти робкие и забитые люди и помощи своим освободителям оказать не сумеют...

Воистину, невозможно без душевного участия наблюдать постигшую их участь!.. Тарамис, положительно одержимая демоном, не ведает предела ни в чем. Только представь себе: она упразднила поклонение Иштар, превратив городской храм в кумирню, где молятся истуканам. Она велела разрушить изваянную из слоновой кости статую богини, чтимой обитающей здесь восточной ветвью хайборийцев (конечно же, данная религия уступает великому учению Митры, которое признаем мы на Западе, но это все же не шемитское демонопоклонство!), и наполнила храм Иштар всеми видами непотребства. Теперь здесь можно видеть изваяния темных богов и богинь, до того непристойные и извращенные, что, воистину, дойти до подобного мог лишь полностью разложившийся разум!.. Среди идолов можно узнать нечистых божков, коим поклоняются

шемиты, туранцы, жители Вендии и Кхитая. Другие образы суть наследие жуткого полузабытого прошлого, смутные тени родом из невнятных легенд... Откуда молодая королева почерпнула подобное знание, я не отваживаюсь даже предполагать!

Увы, она успела ввести человеческие жертвоприношения, и с того времени, когда она заключила с Констанцием столь неблагословенный союз, сия скорбная участь постигла не менее пяти сотен мужчин, женщин и детей. Иные умерли на храмовых алтарях, и я слышал, будто королева самолично орудовала жертвенными кинжалами... Остальные, насколько мне известно, познали судьбу еще более жуткую.

Дело в том, что Тарамис поселила в подвале под храмом какое-то чудище... Что это за тварь и откуда она появилась, не ведомо никому. Но вскорости после того, как государыня подавила отчаянный бунт своих же солдат, направленный против Констанция, она уединилась в осквернённом храме на целую ночь, взяв с собой лишь дюжину связанных пленников, и горожане в ужасе следили за тем, как над куполом поднимался жирный, густой, омерзительно пахнувший дым. Всю ночь королева неистово выпевала жуткие заклинания, и ее пению вторили крики истязаемых пленников, а под утро к кошмарному хору присоединился еще один голос — нечеловеческое скрипучее кваканье, от которого кровь стыла в жилах... На рассвете Тарамис вышла наружу, обессиленная, нетвердая в ногах, но глаза ее светились демоническим торжеством! Несчастных пленников никто никогда больше не видел, и квакающий голос с тех пор более не звучал. Но в храме есть помещение, куда не заходит ни единая живая душа, кроме самой королевы,— и каждый раз, когда открывается его дверь, Тарамис уводит туда с собой человека для принесения в жертву. Обратно она всегда выходит одна... Из этого люди вполне закономерно сделали вывод, что в уединенном покое содержится существо, вызванное колдовством из темной бездны веков. Ему-то и скармливает беспомощных жертв Тарамис.

...Друг мой, я ловлю себя на том, что более не могу видеть в ней обычную смертную женщину, пусть сколь угодно порочную! Мне так и видится безумная демоница, устроившая себе мерзкое логово и возлежащая там среди людских костей, и на руках у нее не пальцы, а крючковатые когти, замаранные кровью невинных! И то, что боги так долго позволяют ей осквернять собой землю, поистине может поколебать веру в божественную справедливость, менее крепкую, чем моя!

Когда я пытаюсь сопоставить нынешнее поведение королевы с тем, которому был свидетелем по прибытии в Хауран,— мне не удается найти разумного объяснения переменам. Пожалуй, я склонен разделять мнение большинства простолюдинов, полагающих, будто в тело Тарамис вселился кровожадный демон. Впрочем, один из моих собеседников, юный воин по имени Валерий, утверждает иное. Он убежден, будто некая ловкая ведьма сумела принять облик, в точности повторяющий внешность обожаемой народом государыни Хаурана. Молодой воитель думает, что истинную Тарамис магическим образом похитили в ночь мятежа и теперь содержат в темнице, а тварь, самозвано занявшая ее трон,— всего лишь колдунья. Валерий поклялся отыскать и вернуть истинную королеву, если только та еще жива... Увы, мне приходится опасаться, не стал ли мой собеседник очередной жертвой жестокости Констанция. Он ведь участвовал в

восстании дворцовой охраны, бежал и потом был вынужден скрываться, упрямо отказываясь искать убежища вне пределов страны, именно тогда мне довелось встретиться с ним и выслушать его мнение о случившемся...

Позже Валерий бесследно исчез, как многие ныне исчезают, и об их судьбе люди не отваживаются даже задумываться. Как бы не оказалось, что его узнал кто-то из ищеек Констанция!..

...Засим, друг мой, я завершаю письмо и доверяю его быстрокрылому почтовому голубю. Проворная птица отнесет мое послание туда, где я ее купил,— на границу Кофа. Далее всадники и караваны верблюдов станут передавать его из рук в руки, пока со временем письмо не доберется к тебе. Скоро рассвет, мне приходится торопиться... Сейчас глубокая ночь, над висячими садами хауранской столицы светят яркие звезды. Мне кажется, друг мой, город содрогается от ужаса в ночной тишине, нарушаемой лишь угрюмым биением барабана далеко в храмовых стенах... Должно быть, Тарамис сейчас там — замышляет что-нибудь нечистому на потребу...»

Однако почтенный мудрец ошибался в своем предположении о нынешнем времяпрепровождении женщины, известной ему под именем Тарамис. Молодая женщина, самозваная хауранская королева, стояла в темном подземелье, озаренном трепетным пламенем одинокого факела, и отсветы огня прихотливо играли на ее лице, подчеркивая сверхъестественную жестокость, сквозившую в прекрасных чертах. На голых камнях у ее ног съежилась девушка, чью наготу едва прикрывали рваные тряпки.

Вот Саломэ презрительно ткнула узницу носком позолоченной сандалии, а когда несчастная вздрогнула и отшатнулась, губы ведьмы искривила улыбка мстительного торжества.

— Что, милая сестричка, не нравятся тебе мои ласки?

Тарамис еще не до конца утратила прежнюю красоту, она оставалась прекрасной даже в грязи и мерзких лохмотьях, даже после семи месяцев заточения и издевательств. Она ничего не ответила на насмешки сестры, лишь опустила голову, как человек, успевший притерпеться к насилию и оскорблениям.

Саломэ не понравилось отрешенное равнодушие. Прикусив алую губку, она нахмурилась и некоторое время молча стояла над неподвижной узницей, притопывая сандалией по холодному камню... Королева-самозванка была разодета со всем варварским великолепием уроженки Шушана. Самоцветы переливались на ней буквально с головы до ног — и на сандалиях, и на золотых нагрудных пластинах, и на тонких цепочках, эти пластины скреплявших. При каждом движении на лодыжках позвякивали золотые браслеты, обнаженные руки отягощало золото, унизанное дорогими камнями. Голову Саломэ венчала высокая прическа по шемитской моде, в ушах красовались золотые кольца с нефритовыми подвесками; каждое надменное движение царственной головы заставляло украшения сверкать и звенеть. Расшитый самоцветами поясок поддерживал шелковую юбку, до того тонкую и прозрачную, что ткань не столько ограждала стыдливость Саломэ, сколько служила насмешкой над нравственностью, требующей прикрывать наготу.

Плечи и спину королевы кутал темно-красный шелковый плащ. Саломэ небрежно бросила его на локоть, до времени пряча узелок, который держала в руке.

Внезапно нагнувшись, ведьма запустила свободную ладонь в спутанные волосы сестры, заставляя ту поднять голову и посмотреть ей в глаза.

— У тебя, я смотрю, последнее время что-то слезы пересохли, сестричка. Раньше, бывало, ты их ручьями лила...

Тарамис, не дрогнув, выдержала тигриный взгляд Саломэ.

— Не видать тебе больше моих слез,— тихо отвечала она.— Слишком часто ты наслаждалась, глядя, как хауранская королева ползает перед тобой на коленях и всхлипывает, моля о пощаде. Я ведь знаю — ты сохранила мне жизнь лишь затем, чтобы мучить. Потому и все пытки, которым ты меня подвергаешь, не уродуют меня навечно и не лишают жизни... Но довольно: отныне я тебя не боюсь. Ты погасила во мне всю надежду, а с нею последние искры стыда и боязни. Убей же меня, ибо мои слезы более не порадуют тебя, ты, демоница, явившаяся из ада!

— Льстишь ты себе, милая сестричка,— промурлыкала Саломэ.— До сих пор я вынуждала страдать лишь смазливое тело, уничтожая твою гордость и достоинство. Но не забывай: в отличие от меня, ты подвержена еще и мукам душевным! Я подметила это, когда развлекала тебя, вспоминая, как забавлялась кое с кем из твоих глупцов-подданных. Так вот, сегодня я принесла самое что ни есть весомое свидетельство моих невинных забав... Известно ли тебе, к примеру, что твой верный советник Краллид, укрывшийся было в Туране, тайно вернулся в страну и был схвачен?

Тарамис так и побелела.

— Что... что ты с ним сделала?..

Вместо ответа Саломэ извлекла из-под плаща свой таинственный узелок. Развернула шелковые покровы и подняла над собой отсеченную голову молодого мужчины. Черты безжизненного лица застыли в жуткой гримасе — смерть явно постигла несчастного после невообразимых мучений...

Тарамис вскрикнула, словно ей в сердце вонзили клинок:

— О Иштар!.. Краллид!..

— Он самый. Твой недоумок, знаешь ли, пытался подстрекать против меня народ. Он говорил людям, дескать, Конан был прав, утверждая, будто я — не Тарамис. Но как ты себе представляешь восстание народа против шемитов моего Сокола?.. С чем пойдут на них хауранцы? С камнями и палками? Фу, глупость... Так вот, обезглавленное тело Краллида рвут на базарной площади бродячие псы, а эту падаль я сейчас брошу догнивать в сточной канаве... Ну? Как тебе, сестричка? — Саломэ помолчала, наслаждаясь страданием своей жертвы.— О, да никак у тебя все-таки обнаружился запас непролитых слез?.. Ну вот и отлично. Не зря я приберегла душевные муки, так сказать, на десерт... Ты у меня еще налюбуешься подобными зрелищами, моя дорогая!..

Освещенная факельным светом, с отрубленной головой в воздетой руке, прекрасная Саломэ уже не выглядела дочерью смертной женщины... Впрочем, Тарамис на нее и не смотрела. Распростершись на осклизлом полу, она безудержно рыдала, колотя бессильными кулачками по холодному камню... Саломэ танцующей походкой пошла к двери, ее драгоценный наряд звенел, сверкал и переливался.

Через несколько мгновений она вышла из-под угрюмой каменной арки, пересекла дворик и оказалась в извилистом переулке. К ней повернулся стоявший там человек — великан-шемит с мрачным взглядом и налитыми буйволиной

силой плечами. Черная бородища гиганта стелилась по серебряным звеньям кольчуги.

— Плакала? — спросил он. Низкий голос отдавал то ли бычьим ревом, то ли раскатами далекой грозы. Это был старший предводитель наемников, один из немногих приспешников Констанция, посвященных в тайну двух королев.

— О да, Хумбанигаш, она плакала! Оказывается, в ее душе есть множество тайников, до которых я еще не добралась... Как только одно чувство притупится страданием, я немедленно отыщу новое, свежее, готовое чувствовать и болеть... Эй, поди сюда, пес!

Она обращалась к косматому, неописуемо грязному, едва волочившему ноги уличному бродяге, каких много развелось в Хауране за последние месяцы. Дрожа, побирушка приблизился, и Саломэ швырнула ему голову.

— Держи, глухое ничтожество! Ступай и выкинь в помойку... Объясни ему знаками, Хумбанигаш, он вправду не слышит!

Военачальник сделал, как было велено, и всклокоченный бродяга, мучительно хромая, поплелся прочь.

— На что тебе нужна такая таинственность, не пойму? — прогудел Хумбанигаш.— Ты, по-моему, сидишь на троне до того крепко, что тебя вряд ли кто сбросит! Почему бы и не открыть дуракам-хауранцам всю правду? Все равно они ничего сделать не смогут! Объявила бы ты им, кто ты на самом деле. А потом предъявила бы им драгоценную королеву — да и отрубила ей голову принародно...

— Нет, добрый мой Хумбанигаш. Пока еще не время...

Стрельчатая дверь закрылась за ними, заглушив и резкий говор Саломэ, и грозовой рокот Хумбанигаша. Глухонемой калека остался в одиночестве посреди двора. Теперь некому было увидеть, как дрожали его руки, поддерживающие голову мученика,— загорелые, жилистые, сильные руки, не сочетающиеся с обликом скрюченного бродяги во вшивом тряпье.

— Я знал!..— еле слышно прозвучал напряженный, яростный шепот.— Она жива!.. Твоя жертва была не напрасна, верный Краллид!.. Стало быть, ее заперли в том подземелье! О Иштар!.. Услышь меня, богиня! Тебе ведь по душе преданность — так помоги же мне теперь!..

IV

ВОЛКИ ПУСТЫНИ

Ольгерд Владислав наполнил драгоценный кубок рубиновым вином из золотого кувшина и протянул сосуд Конану-киммерийцу. Они сидели за столиком из черного дерева,— роскошь, которой окружил себя Ольгерд, соответствовала тщеславию гетмана с Запорожки.

Его халат из белого шелка был расшит на груди переливчатыми жемчугами. Талию предводителя перетягивал бахориотский ремень, а полы халата, подвернутые назад, открывали взгляду широкие шелковые шаровары, заправленные в короткие сапожки мягкой зеленой кожи, вышитые опять-таки золотой нитью. На голове красовался зеленый шелковый тюрбан, обернутый кругом остроконечного шлема, отделанного золотой чеканкой. Единственным оружием Ольгерда был широкий кривой черкесский нож в ножнах из слоновой кости, помещенный, по козацкому обыкновению, высоко на левом бедре. Откинувшись в резном позолоченном кресле, Ольгерд с довольным вздохом вытянул ноги и, шумно чмокая, принялся смаковать алое искрящееся вино.

По сравнению с таким утонченным великолепием киммериец, расположивший напротив, выглядел неотесанным чурбаном. Громадный, дочерна загорелый, с густой черной гривой, подстриженной надо лбом, и синими пламенеющими глазами. Вороненая кольчуга, меч в простых вытертых ножнах... Золотом блестела только пряжка поясного ремня.

Они вдвоем сидели в просторном шелковом шатре, увешанном златотканными занавесями и устланном пушистыми коврами и бархатными подушками — добыча, взятая при разграблении караванов. Снаружи еле слышно доносился неразборчивый гул, какой всегда стоит над большими скоплениями людей, будь то лагерь или войско в походе. Над кровом шатра пустынный ветер шевелил перистые листья пальм.

— Сегодня — тень, завтра — солнышко,— проговорил Ольгерд, ослабляя алый пояс и вновь протягивая руку к кувшину с вином.— Такова жизнь! Когда-

то я жил на реке Запорожке и звался гетманом, теперь я предводитель воинов пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте за стенами Хаурана... А теперь стал правой рукой величайшего грабителя караванов на всем пространстве от туранских границ до лугов Запада. Не хочешь меня поблагодарить?

— За что? За признание моей полезности? — рассмеялся Конан и в свою очередь взялся за кувшин.— Когда ты позволяешь кому-либо возвыситься, ты это делаешь в основном для собственной выгоды... Все, что у меня есть, я заработал собственными потом и кровью!

И он покосился на шрамы у себя на ладонях. Минувшие семь месяцев наградили его еще и иными отметинами на теле.

— Верно,— согласился Ольгерд,— ты дерешься, точно целый отряд демонов. Но только не воображай, будто новобранцы, в великом множестве пополнившие наши ряды, явились сюда в основном ради тебя! Не-ет, их привлекли слухи о наших удачных набегах,— а за эти успехи следует благодарить мой ум. Кочевники всегда ищут себе удачливого вождя, и так уж получается, что чужестранцы привлекают их больше, нежели соплеменники... Знаешь, когда я думаю, чего мы можем добиться, я не вижу предела совершенству. Сейчас у нас одиннадцать тысяч бойцов. Еще год, и вокруг нас соберется втрое больше. До сих пор мы ограничивались набегами на туранское пограничье и западные города-государства. Но с тридцатью или сорока тысячами можно подумать и о настоящих делах! Почему бы мне не завоевать себе королевство и не взойти на трон? Положим, я стану императором Шема, а ты — моим визирем... Конечно, если будешь по-прежнему беспрекословно исполнять мою волю... А до тех пор — давай для начала двинемся на восток да захватим туранскую крепость Везек, где платят пошлину караваны!

Но Конан покачал головой:

— Я думаю о другом.

Вспыльчивый Ольгерд раздраженно свел брови:

— Как это — он думает о другом? Войско мое, и думаю здесь — я!

— Здесь достаточно народу для моей цели,— продолжал Конан.— У меня, знаешь ли, должок не оплачен, и я устал ждать.

— Вот как!..— нахмурился было Ольгерд, но потом, отпив еще вина, усмехнулся: — Стало быть, тебе тот крест покоя не дает? Люблю, право, таких, кто способен от души ненавидеть... Впрочем, месть подождет.

— Ты говорил когда-то, что поможешь мне взять Хауран,— сказал Конан.

— Да, говорил,— кивнул Ольгерд,— но то было прежде, чем я осмыслил все возможности, которые открывает наше нынешнее могущество. Я думал о том, как славно когда-нибудь обобрать этот город... Однако теперь, когда перед нами будущее, я не хочу тратить силы без толку и выгоды. Хауран — слишком крепкий орешек, сейчас трудновато его разгрызть. Вот через годик...

— Через неделю,— ответил Конан, и определенность, прозвучавшая в его голосе, заставила козака вздрогнуть.

— Послушай-ка,— сказал Ольгерд.— Даже если бы я пошел у тебя на поводу и решил ради глупой прихоти пожертвовать войском — неужели ты полагаешь, будто эти пустынные волки действительно сумеют осадить и взять укрепленный город вроде Хаурана?..

— Осады не будет,— проговорил киммериец.— Я знаю, как выманить Констанция за ворота.

— Ну выманишь ты его, и что дальше? — воскликнул Ольгерд, сопроводив свою вспышку проклятием.— Нам и в перестрелке-то не устоять, потому что ассуры закованы в отличную броню, а о рукопашной я уж вовсе молчу! Их сомкнутый строй взрежет и рассеет наше войско, точно ветер мякину!

— Если три тысячи отчаянных конников-хайборийцев составят бронированный клин — а этому приему я способен их обучить,— подобного не произойдет.

— Может, объяснишь мне, где это ты возьмешь аж три тысячи хайборийцев? — язвительно осведомился Ольгерд.— Или ты собираешься наколдовать их прямо из воздуха?

— У меня они уже есть,— ответил Конан невозмутимо.— Три тысячи хауранцев, жаждущих боя, стоят лагерем у оазиса Акрель и ждут лишь моего слова.

Ольгерд оскалился, точно потревоженный волк.

— Что?..

— Что слышал. Люди, бежавшие от гнета Констанция. Они скитались в пустынях восточнее города. Жизнь изгоев сделала их поджарыми и свирепыми, они отчаянны и кровожадны, точно тигры, попробовавшие человечины. Каждый из них живьем сожрет троих толстопузых наемников, за это я поручусь. Тяготы и обиды, знаешь ли, выковывают людей, сообщая телам и сердцам железную крепость... Множеству мелких шаек требовался только вожак, способный объединить их. Я послал к ним всадников, и они мне поверили. Они собрались у оазиса и теперь ждут, чтобы я ими распорядился.

В глазах Ольгерда начали разгораться нехорошие огоньки, рука потянулась к поясу с ножнами.

— И ты проделал все это,— проговорил он медленно,— даже не ставя меня в известность?

— Они,— сказал Конан,— хотели видеть своим вожаком меня, а не тебя.

— Чего же ты наобещал этим бездомным, раз они готовы броситься за тобой в огонь? — спросил Ольгерд, и в его голосе зазвучали опасные нотки.

— Я сказал им, что волки пустыни помогут им уничтожить Констанция и вернуть Хауран тем, кто жил в нем от века.

— Недоумок! — прошипел Ольгерд.— Ты считаешь себя вождем главнее меня?

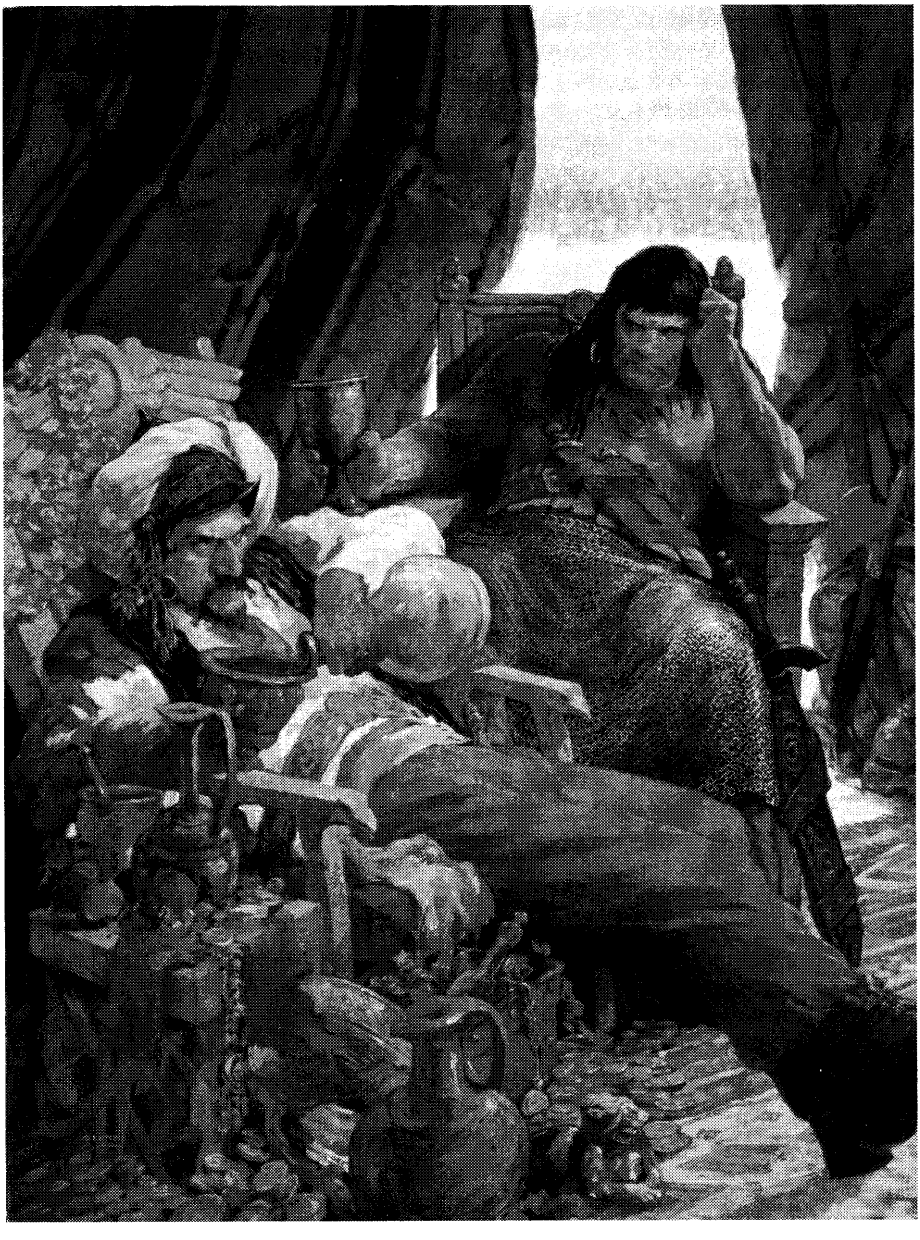
Теперь двое мужчин стояли друг против друга, разделенные лишь изящным эбеновым столиком. В холодных серых глазах Ольгерда плясали демонические огни. Жесткие губы киммерийца кривила мрачная усмешка.

— Я велю разорвать тебя, привязав к четырем пальмам...— спокойно пообещал козак.

— Давай,— с вызовом кивнул Конан.— Позови воинов и прикажи им, посмотрим, послушаются ли они тебя.

Ольгерд яростно ощерился, вскинул было руку... и замер. Уверенность, которой дышала загорелая физиономия киммерийца, заставила его передумать. Зато глаза бывшего гетмана разгорелись по-волчьи.

— Ты, подонок с западных холмов...— пробормотал он сквозь зубы.— Да как ты решился посягать на мою власть?

— А мне и не понадобилось на нее посягать,— сказал Конан.— Она сама упала мне в руки. Ты ведь неправду сказал, будто новобранцы пришли сюда вовсе не ради меня. Очень даже ради меня! Они, может, и слушались твоих приказов, но в бою следовали за мной... И, как я посмотрю, двум вождям у зуагиров не быть. Они отлично знают, из нас двоих я — сильней. Я лучше понимаю этих людей, а они — меня, ведь я варвар, как и они.

Ольгерд ядовито спросил:

— А что они скажут, когда ты попросишь их драться за хауранцев?

— Они пойдут туда, куда я их позову. Я пообещаю им караван верблюдов, набитый золотом из дворца. И Хауран с радостью отсыплет им золото как плату за избавление от Констанция... А потом я их поведу против туранцев, как ты и намеревался. Зуагиры жаждут добычи — а с кем сражаться, с Констанцием или с кем-то еще, им по большому счету разницы нет.

Ольгерд мало-помалу осознавал, что потерпел поражение. Кажется, он слишком размечтался о будущей империи — и упустил из виду происходящее прямо под носом. Вот теперь, когда стало поздно, он вспомнил уйму всяких мелочей, которым не придавал значения,— и понял, насколько Конан далек от праздного бахвальства. Стоявший перед ним гигант в черной кольчуге являлся истинным вождем зуагиров. А он, Ольгерд, успел стать никем. И ничем.

— Умри же,— выдохнул бывший гетман, и его ладонь стремительно метнулась к ножу. Но не достигла: рука Конана с кошачьей быстротой выстрелила вперед, железные пальцы сомкнулись у Ольгерда на предплечье...

Было слышно, как хрустнули кости...

На какое-то мгновение противники замерли, точно два изваяния, лишь по лбу Ольгерда каплями покатился пот... Потом Конан рассмеялся — впрочем, не разжимая хватки.

— Ну что? — сказал он.— Достоин ты жить, Ольгерд?

По-прежнему улыбаясь, он усилил нажим, так что мышцы взбугрили кожу у него на руке, а пальцы вмялись в трепещущую плоть козака. Обломки костей начали крошиться один о другой. Лицо Ольгерда стало пепельно-серым, из прокушенной губы потекла кровь, но все-таки он не издал ни звука.

Снова засмеявшись, Конан выпустил его и отступил прочь. Ольгерд зашатался и вынужден был схватиться за край столика здоровой рукой, чтобы не упасть.

— Я оставлю тебе жизнь, Ольгерд, как ты когда-то оставил ее мне,— проговорил Конан спокойно.— Хотя ты тогда велел снять меня с креста лишь ради выгоды. Помнишь, какому жестокому испытанию ты меня подверг? Сам ты не выдержал бы его. И никто бы не выдержал — кроме варвара с запада!.. Бери своего коня, Ольгерд, и уезжай. Конь привязан там, за шатром, и в седельных сумках припасены еда и питье. Никто не заметит твоего отъезда, но лучше не мешкай! Свергнутым вождям нет пощады в пустыне. Если воины увидят тебя покалеченного и низложенного — живым тебе из лагеря не уйти...

Ольгерд ничего ему не ответил. Молча, медленно он повернулся и пошел к выходу из шатра, где ветер трепал шелковые занавеси. Так же без звука взобрался в седло крупного белого жеребца, ждавшего его у коновязи под пальмой... Развернул коня и, укрыв больную руку под просторным халатом, поехал на восток — в бескрайнюю пустыню, прочь из племени зуагиров.

Оставшись один, Конан для начала опустошил винный кувшин. Утерев губы, он закинул посудину в угол, поправил пояс и вышел наружу. Ненадолго остановился, чтобы окинуть взглядом ряды палаток из верблюжьей шерсти, раскинувшиеся поодаль... Между палатками бродили люди в белых одеждах. Они пели, ругались, спорили, чинили конскую сбрую, острили кривые мечи-тальвары...

Затем Конан возвысил голос, и его призыв громом раскатился по лагерю:

— Эй, псы, ну-ка навострите уши и слушайте, что скажу! Подходите поближе, у меня тут для вас есть словечко-другое...

V

ГОЛОС ИЗ КРИСТАЛЛА

В комнате внутри одной из башен близ городских стен собралось несколько человек. Один из них держал речь, остальные внимательно слушали. Все присутствовавшие были молоды, всех отличала особая жесткость черт и жилистая стать от постоянной готовности к бою не на жизнь, а на смерть. Все были в потертых кожаных одеждах, при оружии и в кольчугах.

— Я знал — Конан правду сказал, утверждая, что это была не Тарамис! — возбужденно говорил оратор.— Много месяцев я болтался у дворца под личиной глухонемого бродяги и наконец доподлинно вызнал — я не ошибся, предполагая, будто нашу бедную королеву держат в темнице, в одном из подземелий, примыкающих ко дворцу. Дождавшись удобного случая, я перехватил шемита-тюремщика — стукнул его по затылку, когда поздно ночью он выходил со двора, затащил в погреб поблизости и как следует допросил. Прежде чем испустить дух, палач поведал мне все, что я вам сейчас рассказал, подтвердив: как мы с вами и подозревали, под личиной Тарамис Хаураном правит ведьма по имени Саломэ. Тарамис же томится в глухом застенке, в самом глубоком из тюремных подвалов...

Так вот, вторжение зуагиров дает нам шанс, о котором мы и мечтать не смели! Что в действительности задумал Конан — судить не берусь. Возможно, он стремится лишь отомстить Констанцию. Возможно, он хочет разграбить город и даже разрушить его... Он же варвар — почем знать мысли варвара?

Я так вам скажу: наша с вами задача — спасти королеву, пока будет длиться сражение. Констанций выводит войска на равнину, желая задать Конану бой. Я видел — уже сейчас его люди садятся на лошадей... В городе все равно слишком мало продовольствия, чтобы выдержать осаду. Конан неожиданно налетел из пустыни, запасов не подвезти... Зато сам киммериец к осаде вполне готов. Лазутчики утверждают, будто у зуагиров даже появились осадные машины, построенные, без сомнения, опять-таки под руководством Конана, опытного в воинской науке западных стран.

Итак, Констанций постарается избегнуть долгой осады, он выведет своих людей на равнину в надежде разметать кочевников Конана одним решительным ударом. Таким образом, в городе останутся лишь несколько сотен наемников, и все они будут, скорее всего, на стенах и при воротах, а возле тюрьмы многочисленной охраны стоять не должно.

Когда же мы освободим Тарамис... Вот вызволим ее — тогда и посмотрим, как быть дальше. Если Конан одержит верх — покажем народу настоящую королеву и призовем горожан к восстанию. Я уверен, люди поднимутся! Непременно поднимутся!.. Они так натерпелись, что голыми руками разорвут оставленных в городе шемитов и захлопнут ворота, отгораживаясь и от наемников, и от зуагиров. Мы никого к себе больше не пустим... После пригласим Конана на переговоры. Мы помним, как он всегда уважал и любил королеву. Если он узнает правду, и в особенности если Тарамис сама к нему обратится,— надобно думать, он пощадит город... Если же победа достанется Констанцию, а Конан будет разбит... что, к сожалению, более вероятно... Тогда придется тайно выбираться с королевой из города и искать спасения в бегстве... Все ясно, друзья мои?

Собравшиеся дружно закивали.

— Так возьмемся же за оружие,— воскликнул говоривший,— вручим наши души Иштар и двинемся к подземной темнице, ибо наемники уже выходят через южные ворота!..

...Дело обстояло именно так, как он говорил. Солнце играло на остроконечных шлемах и разноцветном убранстве боевых коней — наемное воинство широкой рекой втягивалось под каменную арку. Предполагалось, что сражение примет на себя в основном конница — так, как это водилось в странах Востока. И всадники стальной лавиной двигались навстречу своей судьбе — вороненые и серебристые кольчуги, завитые бороды, горбатые носы, безжалостные глаза, не ведающие жалости и сомнений.

Жители безмолвной толпой собирались вдоль улиц и стен. Хауранцы глядели на чужаков, уходивших вроде бы защищать их родной город... Никто не произносил ни слова, обнищавший, оборванный народ просто стоял и смотрел, держа шапки в руках...

В башне у окна с видом на широкую улицу, что вела к южным воротам, на бархатном диване нежилась Саломэ. И не без насмешки наблюдала, как Констанций препоясывает поджарые чресла широким боевым ремнем и натягива-

ет латные рукавицы. Кроме них двоих, в комнате никого не было, лишь снаружи сквозь золотую оконную решетку долетал ритмичный цокот копыт и глухой лязг оружия.

— Еще до заката у тебя наберется полным-полно пленников на корм твоему храмовому демону,— покручивая тонкий ус, пообещал Константций.— А то его, небось, уже тошнит от мягкой плоти изнеженных горожан. Сегодня он узнает, каковы на вкус закаленные воины из пустыни!

— Смотри, сам не угоди на обед чудищу пострашней Цога,— предостерегла девушка.— Ты, случаем, не забыл, кто стоит во главе этих двуногих животных?

— Забудешь его, пожалуй,— буркнул наемник.— Думаешь, почему я решил выйти ему навстречу? Негодяй сражался на западе, он знает, как брать город измором. Мои разведчики еле сумели подобраться к его войску на марше,— он выставил охранение, а у этих зуагиров глаза ястребиные,— но все-таки мои люди подошли достаточно близко, чтобы заметить машины, поставленные на колеса, влекомые упряжками верблюдов. Тараны, катапульты, баллисты... О Иштар! У него там, похоже, десять тысяч человек день и ночь трудились не покладая рук, причем не менее месяца!.. И где он столько дерева набрал, вот чего не пойму. Не иначе, с туранцами договорился, они его и снабдили...

А впрочем, оно ему все равно не поможет. Мне доводилось биться с волками пустыни, я наперед знаю, как все будет. Сперва перестрелка — и тут моих людей защитит надежная броня,— а после атака, в которой наш сплоченный строй рассечет беспорядочные рои зуагиров, развернется и довершит разгром, рассеивая их на все четыре ветра. Говорю тебе, еще до заката я въеду в южные ворота, и за хвостом моего коня будут плестись сотни голых связанных пленников. Вечером мы устроим праздник на площади перед дворцом! Моим молодцам, знаешь ли, нравится живьем сдирать с пленников кожу,— вот и устроим им доброе развлечение, а тонкошеих горожан заставим смотреть!.. Что до Конана... Если удастся захватить его живым, я уж не откажу себе в удовольствии. Посажу его на кол прямо на ступенях дворца...

— Да на здоровье, сдирай шкуры хоть со всех сразу,— зевнула колдунья.— Давно хотела пошить себе платье из человеческой кожи, тщательно выделанной... Оставь мне только сотню с чем-нибудь пленных — для алтаря и для Цога.

— Все сделаю, как пожелаешь,— пообещал Константций, рукой в железной рукавице убирая редеющие волосы с высокого залысого лба, покрытого густым загаром.— Буду биться за победу и во имя непорочной чести Тарамис!..— добавил он ядовито, беря под мышку свой шлем с забралом и вскидывая руку в шутовском салюте.

Лязгая латами, он покинул чертог. Еще некоторое время Саломэ слышала, как он резким голосом отдавал приказы своим военачальникам. Когда все стихло, она откинулась на подушки, зевнула, сладко потянулась — гибкая, точно кошка,— и громко позвала:

— Занг!..

Сейчас же беззвучно вошел жрец, чья желтая кожа напоминала пергамент, туго натянутый прямо на череп. Саломэ повернулась туда, где на подставке из слоновой кости покоились два хрустальных шара, и, взяв меньший из двух, протянула жрецу.

— Езжай с Констанцием,— сказала она.— Я хочу знать, что произойдет на поле сражения. Ступай!

Череполицый низко поклонился, явно понимая госпожу с полуслова. И, спрятав блестящий шар под темным плащом, поспешно вышел из комнаты.

Снаружи, в городе, пока стояла тишина — если не считать постепенно отдалявшегося топота множества копыт, а потом — короткого лязга закрываемых ворот. По широкой мраморной лестнице Саломэ поднялась на плоскую крышу, затененную шатром и окруженную каменной балюстрадой, на самое высокое здание города. С него были хорошо видны пустые улицы и безлюдная площадь перед дворцом... Правду сказать, площадь последнее время в основном так и выглядела — народ выучился избегать зловещего храма напротив дворца,— но сегодня как будто вымер весь город. Какие-то признаки жизни удалось заметить лишь на южной стене да на крышах, с которых открывался вид на равнину. Вот где народ толпился по-настоящему густо!.. Хауранцы не выкрикивали никаких пожеланий войску, вышедшему сражаться, потому что не знали, чего желать Констанцию, поражения или победы. Победа определенно сулила дальнейшее прозябание под рукой немилостивого правителя. В случае поражения не исключался разгром города и кровавая резня. Чего ждать от Конана, не ведал никто. Все помнили его по прежним временам, но он был варваром, а душа варвара, как известно,— потемки... К тому же от него не поступало никаких вестей с самого времени переворота... И люди просто стояли на крышах, молча ожидая развязки. А когда молчит такая толпа, тишина кажется неестественной и зловещей...

Между тем отряды наемников выстраивались на равнине в боевые порядки. Вдалеке, возле самой реки, можно было видеть темную надвигающуюся массу — оттуда шел неприятель. Только очень острое зрение могло различить всадников и коней. На дальнем берегу выделялись более крупные силуэты. Конан предпочел оставить осадные машины за рекой, явно опасаясь, что Констанций нападет во время переправы. Киммериец привел на хауранскую сторону одних всадников. Солнце поднималось выше, и в темной туче близившегося войска огнистыми молниями засверкали оружие и доспехи. Шемиты Констанция закончили построение и подняли коней в галоп. До людей на стенах докатился низкий глухой рев...

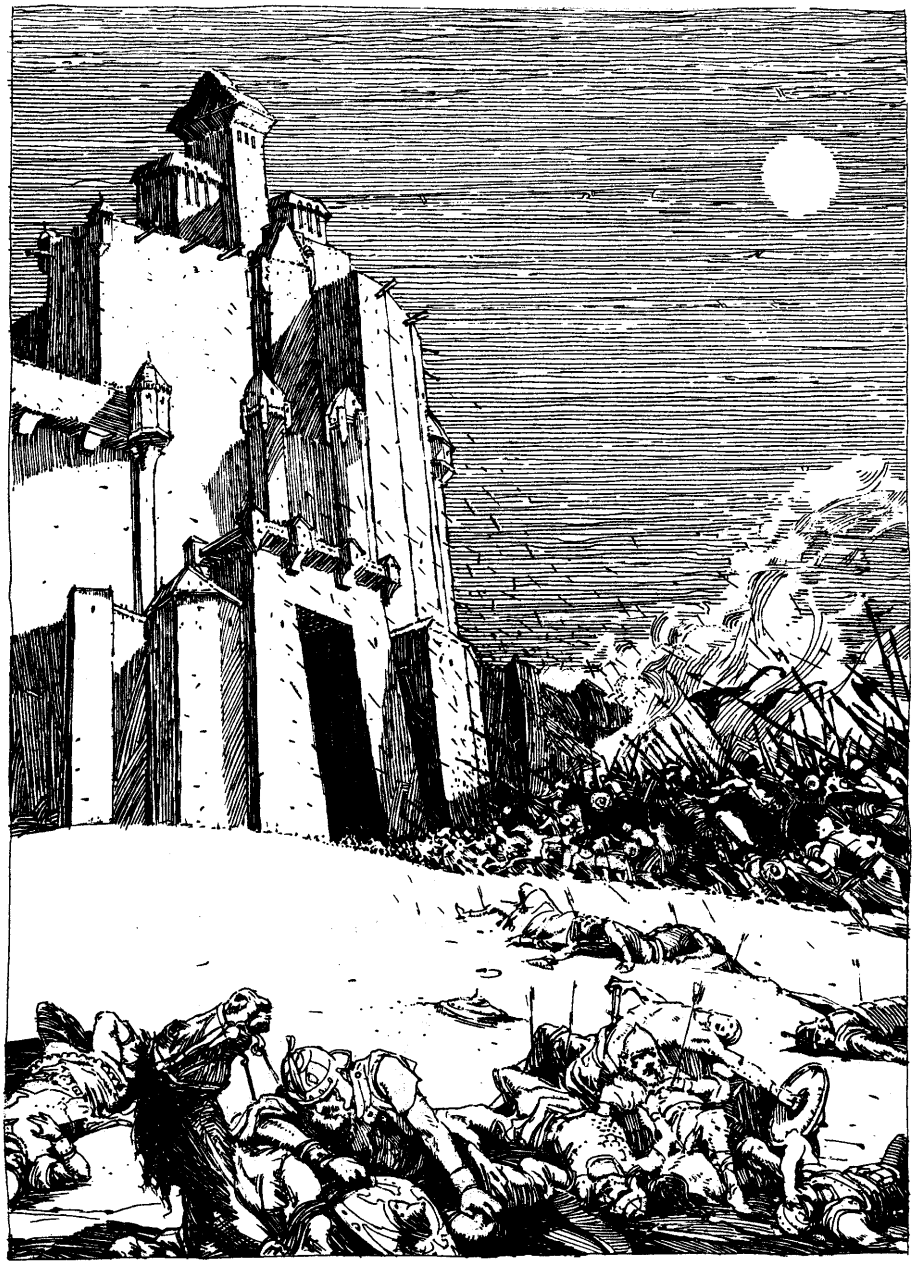
Отряды конницы и пехоты накатывались друг на друга, сливались, перемешивались. Издали они казались сплошным живым морем — не выхватить отдельного воина, не отличить атаку от контратаки. Над равнинами росли тучи взбитой копытами пыли, то и дело из нее выплескивались и снова исчезали конные лавы; сверкали наконечники копий.

Пожав плечами, Саломэ двинулась вниз по лестнице. Дворец тонул в тишине — рабы перебрались на крепостную стену и смешались с городскими зеваками.

Она вошла в комнату, где недавно разговаривала с Констанцием, и приблизилась к пьедесталу, заметив, что хрустальный шар полон тумана, серого, пронизанного кровавыми струями. Что-то не так! Ведьма склонилась над шаром, шепча проклятия.

— Занг! — позвала она.— Занг!

Клубящийся в сфере дым чуть разредился и обернулся тучами пыли, в них мелькали неузнаваемые черные силуэты и молниями сверкала сталь. Внезапно

лик занга сделался абсолютно ясным, его круглые от страха глаза воззрились на Саломэ. Из раны на голом черепе сочилась кровь, кожа посерела от смешавшейся с потом пыли. Раздвинулись кривящиеся губы, и любой другой на месте Саломэ решил бы, что этот рот напрасно силится исторгнуть страдальческие крики. Но до ее ушей слетавшие с бледных губ звуки доносились так же, как если бы жрец стоял рядом, а не вопил в меньший кристалл, находясь во многих полетах стрелы от дворца. О том, что за невидимые волшебные нити протянулись между двумя мерцающими сферами, знали, наверное, только боги тьмы.

— Саломэ! — кричала окровавленная голова.— Саломэ!

— Я слышу! — воскликнула женщина.— Докладывай, как идет битва?

— Мы пропали! — заходился жрец криком.— Хауран обречен! Подо мной пала лошадь, я беспомощен! Вокруг как мухи гибнут люди в серебристых кольчугах!

— Не рыдай словно баба, говори толком! — прорычала она.

— Когда мы двинулись на волков пустыни, они выступили навстречу,— подвывая, объяснил жрец.— В тучах пыли засвистели тысячи стрел, заставив кочевников попятиться. Констанций приказал атаковать, и мы ровными рядами, с грозным топотом копыт устремились вперед. Но тут вражья орда распалась надвое, а брешь вмиг заполнили три тысячи хайборийских всадников, и откуда они только взялись! Это свирепые хауранцы! Закованные в железо исполины на могучих конях! Обрушились на нас подобно молнии, раскололи, как стальной клин раскалывает гнилое полено! И прежде чем мы успели оправиться от потрясения, с обоих флангов ударили разбойники пустыни. Смяли наши ряды, рассеяли армию! Конан, будь проклят этот демон во плоти, обманул нас, как младенцев! Выставил поддельные осадные машины — наши разведчики издали не разглядели пальмовые каркасы и крашеный шелк. Ему надо было выманить нас, и он своего добился! Теперь наши воины бегут! Пал Хумбанигаш, его зарубил сам Конан. Среди охваченных паникой толп кровожадными львами рыщут хауранцы, а зуагиры безнаказанно пронзают наших воинов стрелами. Я... А-а-а!..

В кристалле будто молния полыхнула, а может, то сверкнула боевая сталь. Плеснула яркая кровь, и шар опустел, только перекошенное злобой лицо Саломэ отражалось в нем теперь.

Несколько мгновений она простояла в полной неподвижности, вытянувшись в струнку и глядя в пустоту. Наконец хлопнула в ладоши, и в комнату вошел бритоголовый священник, такой же молчаливо-послушный, как и первый.

— Плохи наши дела,— объяснила она, не мешкая.— Констанций разбит, еще час, и Конан снесет крепостные ворота. И у меня нет сомнений: если попадусь к нему в лапы, пощады не будет. Но сначала я позабочусь о том, чтобы моя проклятая сестренка не взошла обратно на трон. Иди за мной! Сделаем, что в наших силах, устроим Цогу добрый пир!

Шагая по лестницам и дворцовым галереям, Саломэ слышала растущий гул с далеких стен. Там зеваки сообразили, чем оборачивается для города поражение Констанция. В тучах пыли уже удавалось различить наступающие массы конницы.

От дворца отходила длинная крытая галерея с высокими мрачными сводами. Самозваная королева и жрец преодолели ее чуть ли не бегом, отворили тя-

желую дверь и очутились в тюремном сумраке. Широкий коридор привел их к лестнице, спускавшейся во мрак. Саломэ резко остановилась и выругалась. На ступеньках неподвижно сидел шемит, задрав кверху короткую бороду. Женщина съежилась, разглядев полуразрубленную шею тюремщика.

Тут снизу долетели голоса запыхавшихся от бега людей, и она прянула назад в сумрак коридора, одной рукой отталкивая с пути жреца, другой хватаясь за подвешенный к поясу мешочек.

VI

ХИЩНЫЕ КРЫЛЬЯ

От сна, в котором Тарамис, королева Хаурана, пыталась найти забвение, ее пробудил чадный свет факела. Приподнявшись на ложе, она расчесала пальцами спутанные волосы и проморгалась. Неужто опять пришла Саломэ, неужто опять будут насмешки и изощренные пытки? Но тут она услышала радостный голос:

— Тарамис! О моя королева!

И столь неожиданным был этот зов, что она усомнилась в своем пробуждении.

За факелом угадывались силуэты, поблескивал металл. Над королевой склонились пятеро, но не смуглые от природы крючконосые лица были у них, а узкие, с ястребиными чертами и солнечным загаром.

Один резко опустился на колено перед одетой в лохмотья девушкой:

— О Тарамис! Мы нашли тебя, хвала Иштар! Я Валерий, неужели не помнишь? Разве не с твоих уст слетела хвала верному слуге, когда он одержал победу при Корвеке?

— Валерий...— пролепетала она.

И тут же из глаз брызнули слезы.

— Валерий! О нет, я сплю! Это новые козни Саломэ, это колдовство, это пытка!

— Нет! — ударил по каменным стенам полный страсти возглас.— Это к тебе на выручку пришли верные вассалы. И мы должны поспешить. Констанций выступил против Конана, который перевел через реку зуагиров, но три сотни шемитов остались оборонять город. Мы убили тюремщика и забрали ключи, и, хотя других стражей здесь вроде бы нет, медлить опасно. Идем!

Но королеву не держали ноги, и не слабость была тому причиной, а глубокое потрясение. Валерий поднял ее как младенца и заспешил вслед за факелоносцем к скользкой каменной лестнице. Она казалась бесконечной, но все же настал тот миг, когда беглянка и ее спасители очутились в широком сводчатом коридоре.

Не успели они сделать и двух шагов, как шедший впереди хауранец выронил факел и закричал в смертной муке. Мглу коридора разорвал голубой сполох, осветив на миг искаженное лютой злобой лицо Саломэ и скорчившуюся рядом с ней звероподобную тварь. А уже в следующий миг воцарилась мгла — вспышка ослепила недругов ведьмы.

Валерий с королевой на руках двинулся наугад. Словно в бреду, он слышал, как лютые когти и зубы раздирают человеческую плоть; слышал хрип умирающих товарищей и голодное ворчание монстра. Внезапно из его рук вырвали драгоценную ношу, и жестокий удар по шлему поверг его на пол.

Кое-как он поднялся на ноги, тряся головой, чтобы отделаться от синего пламени — оно все еще плясало в глазах. Когда наконец вернулось зрение, Валерий понял, что остался один в коридоре, покойники не в счет. Четверо лежали в собственной крови, черепа расколоты, вспороты животы. Ослепленные и оглушенные адским огнем, его спутники не оказали никакого сопротивления убийце. Королева исчезла.

Проклиная коварство ведьмы и собственную неосторожность, Валерий подобрал меч, стащил с головы шлем и бросил его на каменный пол. По лицу текла кровь из раны на темени.

Не успел он задаться вопросом, что предпринять, как услышал отчаянный зов:

— Валерий! Валерий!

Шатаясь и спотыкаясь от слабости, он побрел на голос. Едва повернул за угол, как в его объятиях очутилось тугое и жаркое тело.

— Игва! Ты с ума сошла?

— Я не могла не прийти! — всхлипнула девушка.— Прокралась вслед за тобой и спряталась под аркой во внешнем дворе. Только что я видела, как Саломэ вышла из дворца в сопровождении чудовища, которое несло женщину. Как тут было не догадаться, что ты не сумел вызволить Тарамис. О, ты ранен!

— Царапина.— Он высвободился из ее хватких рук.— Скорей говори, куда они направились.

— Через площадь, к храму.

Он побледнел.

— О Иштар! Это исчадие ада вздумало принести Тарамис в жертву своим обожаемым демонам! Игва, нельзя медлить. На южной стене много людей, они

следят за битвой. Скорей беги к ним, скажи, что отыскалась настоящая королева, но самозванка тащит ее в храм. Беги же!

Заливаясь слезами, девушка унеслась прочь — лишь легкие сандалики простучали по каменной мостовой. Валерий же со всех ног полетел через двор, затем по улице и наконец — через широкую площадь, к огромному, некогда величественному зданию, высившемуся против дворца.

Измеряя мрамор отчаянными прыжками, он взвился по широким ступеням, промчался между колоннами портика... Судя по всему, обреченная пленница отчаянно сопротивлялась. Понимая, что за судьба ей уготована, Тарамис дралась изо всех сил, насколько было к тому способно ее гибкое юное тело. Один раз ей удалось даже вырваться из лап страхолюдного жреца, но ее снова схватили...

Теперь ее тащили через обширный неф. Уже виднелся жуткий алтарь и за ним — громадная металлическая дверь, покрытая изображениями самого развратного свойства. Множество народа прошло сквозь эту дверь, но только в одну сторону, возвращалась всегда лишь Саломэ. Тарамис из последних сил хватала ртом воздух, в пылу борьбы чужие руки сорвали с нее последние тряпки, скрывавшие наготу, и она билась в руках обезьяноподобного жреца, словно белокожая нимфа в волосатых лапах сатира. Саломэ не без удовольствия наблюдала за ее тщетными попытками вырваться. Все вместе они двигались к ужасной двери, а из потемок под сводами за ними наблюдали богомерзкие изваяния, ни дать ни взять одушевленные противоестественной жизнью...

Задыхаясь от ярости, Валерий с мечом в руке несся через храмовый зал... Услышав предостерегающий крик Саломэ, череполицый жрец оглянулся, отбросил Тарамис, выхватил широкий, замаранный кровью нож и устремился навстречу юному хауранцу. И вот тут оказалось, что резать беспомощных, ослепленных колдовской вспышкой людей — одно, а биться с крепким и жилистым молодым хайборийцем, воспламененным ненавистью и праведным гневом,— совсем другое!

Взметнулся окровавленный нож... но прежде, чем он смог опуститься, длинный, тонкий, отточенный клинок Валерия со свистом распорол воздух, и кулак с ножом отлетел прочь, сопровождаемый фонтаном крови из обрубленного запястья. В ярости Валерий располосовал поверженного жреца еще несколькими ударами, с равной легкостью рассекавшими кости и плоть... Покатилась по полу обтянутая желтой кожей голова, следом рухнул разрубленный почти надвое торс...

Расправившись с супостатом, Валерий крутанулся, проворный, точно лесной кот, ища взглядом Саломэ... Похоже, в тюремном коридоре ведьма успела израсходовать свой огненный порошок. Она склонялась над Тарамис, намотав на руку пышные локоны сестры... Другая рука заносила кинжал...

Валерий бешено закричал и всадил меч ей в грудь с такой стремительной силой, что лезвие выскочило из спины. Страшно завизжав, ведьма упала и забилась в конвульсиях, хватаясь за обнаженный клинок... Валерий выдернул его, покрытый дымящейся кровью... В глазах Саломэ больше не было ничего человеческого. Пугало и упорство, с которым она цеплялась за жизнь, толчками вытекавшую из раны, рассекшей багровый полумесяц у нее на груди. Корчась в агонии, колдунья царапала и кусала каменный пол...

Отведя взор тошнотворного зрелища, Валерий нагнулся и вновь поднял на руки вконец обессилевшую королеву. И, спотыкаясь, побежал к выходу, прочь от извивающейся в муках Саломэ.

Выскочив под портик, он остановился на верху храмовых ступеней... Площадь перед ним кишела народом. Кто-то прибежал сюда, привлеченный невнятными призывами Ивги, другие покинули стены, напуганные зрелищем войска, идущего к городу из пустыни: людям всегда кажется, что в центре города безопасней, нежели на окраинах. Куда только подевалась молчаливая отрешенность жителей города! Площадь бурлила, кричала и переговаривалась, а откуда-то издалека доносился звук сокрушаемого камня и дерева...

Потом в толпу врезался отряд угрюмых шемитов. Это были стражи северных ворот, направлявшиеся к южным, на помощь своим товарищам. При виде юноши на ступенях храма они натянули поводья, останавливая коней, и уставились на белое девичье тело, обмякшее у него на руках. Вслед за ними начал поворачивать головы и народ. Валерий отчетливо видел, как у людей буквально падали челюсти.

— Вот ваша королева!..— во все горло закричал молодой хауранец, пытаясь перекрыть шум.

Толпа ответила недоумевающим ропотом. Никто ничего не понимал. Валерий закричал снова, но объяснить что-либо людям было свыше его сил.

Шемиты двинулись к храму, копьями прокладывая путь сквозь людское скопище...

В это время безумие возобладало, ибо из темноты храма за спиной у Валерия явилось еще одно действующее лицо, и поистине страшен был его вид! Тонкий, белый женский силуэт, густо перечеркнутый алым... Люди испуганно закричали. Валерий только что объявил их королевой девушку, которую держал на руках, между тем вторая, стоявшая, пошатываясь, между колоннами, выглядела совершенным подобием первой. Горожане не знали, что и думать. Валерий оглянулся, увидел ведьму, и кровь застыла у него в жилах. Меч пронзил ее насквозь, попав прямо в сердце. Ей давно полагалось бы испустить дух — по всем законам естества она должна была умереть!.. И все-таки она стояла здесь, перед ним, и жизнь все не покидала ее!..

— Цог!..— завизжала она, качаясь как пьяная.— Цог!..

И в ответ на этот жуткий призыв из глубин храма низким громом прозвучало чудовищное кваканье. А потом затрещало дерево и гулко лопнул металл.

— Вот королева! — вскидывая лук, прокричал предводитель шемитов.— Стреляйте в преступника и самозванку!..

Но тут уже народ разразился угрожающим криком. Люди наконец-то распознали правду и поняли отчаянные призывы Валерия. Девушка, чья голова бессильно поникла ему на плечо, действительно была их истинная королева! Их любимая Тарамис!.. И они не собирались отдавать ее на расправу шемитским наемникам. Они с голыми руками накинулись на стражу, пуская в ход кулаки, зубы и ногти...

А наверху, на ступенях, ведьма Саломэ зашаталась и рухнула на мраморные плиты. Наконец-то до нее добралась смерть.

Мимо ушей Валерия просвистели стрелы — он кинулся за колонны, прикрывая королеву собственным телом. Шемиты отбивались от разъяренной толпы и понемногу продвигались в сторону храма. Валерий бросился было обратно внутрь... и, уже приготовившись прыгнуть через порог, замер на месте, крик ужаса и отвращения вырвался у него.

Оттуда, из сумерек, царивших в дальнем конце зала, вздымалось нечто бесформенное и громадное. И оно приближалось к Валерию, передвигаясь лягушачьими прыжками. На морде сверкали глаза, не принадлежавшие к этому миру, в полутьме блестели клыки и когти чудовища... Молодой хауранец в ужасе шарахнулся прочь, но тут совсем рядом свистнула очередная стрела, и Валерий понял, что оказался меж двух огней.

В отчаянии он огляделся... Четверо или пятеро шемитов прорубились-таки сквозь толпу и погнали коней вверх по ступеням, держа луки наготове. Валерий успел спрятаться за колонной, и головки стрел расщепились о камень. Бедная Тарамис без чувств висела у него в объятиях, и он не знал, теплилась ли в ней еще жизнь.

Шемиты готовились заново натянуть луки, когда дверной проем заполнила чудовищная тень... С воплями несусветного ужаса наемники развернули коней и очертя голову кинулись обратно в толпу — и внезапно та отхлынула прочь, гонимая страхом. Кто-то упал и оказался тотчас затоптан...

Но, казалось, жуткую тварь интересовал только Валерий — и девушка, которую он пытался спасти. Вот студенистое тело протиснулось сквозь двери, и монстр запрыгал прямо к ним. Валерий со всех ног кинулся прочь, чувствуя, как его накрывает кошмарная тень. Тень, выглядевшая сущим посрамлением природы, изваянным из самого сердца ночной тьмы,— черная и бесформенная, лишенная каких-либо внятных черт, кроме пристальных глаз и алчно ощеренных клыков...

В это время по площади неожиданной лавиной прогрохотали копыта: со стороны южных ворот явились растерзанные, окровавленные, разгромленные наемники. На всем скаку они вломились в толпу, а за ними... За ними, размахивая кровавым оружием, неслась победоносная конница, кричавшая на родном для хауранцев языке. Прежние изгои возвращались домой, и с ними скакало полсотни чернобородых наездников из пустыни, а возглавлял воинство великан в вороненой кольчуге.

— Конан!..— из последних сил закричал Валерий.— Конан!!!

Великан отдал команду. Кочевники на полном скаку подхватили луки, натянули и спустили тетивы. Целая туча стрел пронеслась над площадью, поверх людских голов и до самых перьев погрузилась в тело чудовища. Порождение мрака вздрогнуло, замерло, потом вскинулось на дыбы — бесформенная черная клякса на фоне белого мрамора колонн... И вновь жалящим облаком пронеслись стрелы. И еще. И еще... Страшная тварь безжизненным комом скатилась вниз по ступеням, мертвая, как и та, что вызвала его колдовством из вековой тьмы.

Подъехав к самому портику, Конан остановил коня и покинул седло. Валерий успел уложить королеву на мрамор лестницы — и сам в полном изнеможении поник с нею рядом. Люди столпились вокруг, но Конан рявкнул на зевак, отгоняя их, и бережно приподнял темноволосую голову Тарамис, устраивая ее у себя на облитом кольчугой плече.

— О Кром! — проворчал он.— Ну-ка, кто тут у нас? Не иначе, настоящая Тарамис! Боги свидетели, это она! Но, прах побери, кто же тогда лежит возле двери?..

Валерий ответил, с трудом переводя дух:

— Демоница, присвоившая ее облик.

От души выругавшись, Конан сдернул плащ с плеч ближайшего воина и закутал им обнаженную королеву. И вот наконец дрогнули длинные пушистые ресницы, Тарамис открыла глаза и, явно не веря себе, уставилась на знакомое, покрытое шрамами лицо киммерийца.

— Конан,— ахнула она, и слабые пальчики стиснули его загрубелую ладонь.— Конан! Неужели я сплю?.. Она говорила мне, что ты умер, что тебя...

— Не дождутся! — Конан жестко усмехнулся углом рта.— Ты не спишь, королева. Хауран снова принадлежит тебе. Я разбил Констанция — там, у реки. Большинство негодяев даже не добежало до городских стен, я не велел брать пленных — кроме самого Констанция. Стража попыталась было захлопнуть перед нами ворота, но мы их высадили. Своих волков я оставил снаружи, взяв с собой только полсотни, а то как бы сгоряча не набедокурили в городе. Я решил, славные хауранцы с городской стражей вполне справятся сами...

— Какой кошмар мы пережили!..— всхлипнула королева.— Мой бедный народ!.. Ты ведь поможешь мне восстановить все, что мы потеряли? Стань моим военачальником и первым советником, Конан!..

Конан рассмеялся, но все-таки отрицательно покачал головой. Поднявшись, он поставил королеву на ноги и махнул рукой отряду своих хауранцев, которые задержались на площади, не преследуя сбежавших шемитов. Воины немедленно спрыгнули с коней, готовые исполнять приказы своей ненаглядной, заново обретенной королевы.

— Нет, девочка моя,— обращаясь к Тарамис, проговорил киммериец.— Служба при твоем дворе осталась у меня в прошлом. Я теперь заделался зуагирским вождем, я обещал своим ребятам, что поведу их соскребать с туранцев лишний жирок, и не могу нарушить данного слова. Вот этот малый, Валерий, послужит тебе куда лучше, чем мог бы послужить я... Ну не создан я для жизни среди мраморных стен, что поделаешь!.. А теперь оставлю-ка я тебя и пойду завершать свои дела. В Хауране еще остались недорезанные шемиты...

Ликующая толпа расступалась перед Тарамис, образуя живой коридор. Валерий уже двинулся за своей государыней ко дворцу, когда нежная ручка несмело легла в его жесткую ладонь, и, обернувшись, молодой воин заключил в объятия верную Ивгу. Прижав девушку к груди, он осыпал ее поцелуями со всей страстью усталого рубаки, наконец-то прорвавшегося сквозь все тернии к миру и желанной награде.

Но не все люди подобны этим двоим, иные рождаются со штормовым ветром в крови, их дорога — сплошная череда войн и кровавых битв, и иного пути им не дано...

И снова вставало солнце. Древняя караванная дорога кишмя кишела всадниками в белых одеждах. Живая вереница тянулась от самых стен Хаурана далеко в степь. Возглавляя растянувшееся войско, Конан-киммериец смотрел с седла на измочаленный обрубок деревянного бруса, торчавший возле обочины. Теперь рядом с этим обрубком высился другой крест, и на нем, пригвожденный за руки и ноги, висел человек.

— Семь месяцев назад,— сказал ему Конан,— здесь был распят я, а ты, Констанций, сидел на коне.

Констанций ничего ему не ответил. Он беспрестанно облизывал посеревшие губы, глаза остекленели от боли и ужаса. Мышцы на поджаром теле натягивались и опадали, точно канаты.

— Как я погляжу, пытать других у тебя лучше получается, чем самому терпеть пытку,— проговорил Конан задумчиво.— Я угодил на крест в точности как ты сейчас, но выжил — благодаря счастливому стечению обстоятельств и выносливости, присущей нам, варварам. Вы же, цивилизованные люди, мягкотелы и не склонны зубами держаться за жизнь, как мы. Ты пытал меня и любовался собственной крутостью — поди-ка теперь выдержи то, что выдержал я! Думаю, ты испустишь дух еще до заката... Эй, Сокол пустыни, я оставляю тебя в обществе других птиц, живущих в песках!

И он указал на круживших стервятников, чьи тени скользили мимо них по земле. С губ Констанция сорвался нечеловеческий вопль ужаса и отчаяния...

Конан же подобрал повод и поскакал вперед — к реке, переливавшейся серебром в утреннем свете. Белые всадники у него за спиной пустили коней рысью. Проезжая мимо креста, они безразлично поглядывали на распятого, чья худая фигура черным силуэтом выделялась на фоне солнечного восхода. Детям пустыни не свойственны жалость и сострадание... Земля похоронным колоколом гудела под копытами коней. Хищные крылья голодных стервятников шелестели все ниже...

Книга третья

КАРАЮЩИЙ МЕЧ

СОКРОВИЩА ГВАЛУРА

I

ДВОРЦОВЫЕ ИНТРИГИ

Скалы, словно вставшие на дыбы каменные звери, круто уходили из джунглей прямо к небу, переливаясь в лучах восходящего солнца зелено-голубым и темно-красным; слегка изрезанная линия гор, изгибаясь, простиралась на восток и на запад, пока не терялась из виду, и об это побережье разбивались волны зеленого океана листвы. Гряда казалась неприступной — гигантский частокол отвесных монолитных скал с редкими кварцевыми вкраплениями, ослепительно сверкавшими на солнце. Но человек, упорно прокладывавший путь наверх, одолел уже половину подъема.

Выходец из племени горцев, необычайно сильный и ловкий, он без особого труда взбирался на любую кручу. Из одежды на нем были лишь короткие свободные штаны; сандалии, чтобы не мешали подъему, связанные вместе, болтались за спиной, туда же были заброшены кинжал и меч.

Гибкий, как пантера, он вместе с тем обладал мощным сложением; бронзовая от загара кожа и грубо подрезанная черная грива, схваченная у висков серебряной лентой, дополняли общую картину. Его железные мускулы, острый взгляд и отточенные движения как нельзя лучше соответствовали поставленной задаче, ибо это была проверка на высочайшую степень выносливости и мастерства скалолазания. В ста пятидесяти футах под ним колыхались волны джунглей. Примерно столько же оставалось до края скалы, очерченного утренним голубеющим небом.

© Перевод А. Циммермана.

В выверенных движениях чувствовалась некоторая спешка, словно человек был ограничен во времени; и несмотря на это, ему приходилось двигаться со скоростью черепахи, поминутно замирая и всем телом прижимаясь к скале. Жадно ищущие пальцы рук и ног находили крохотные ниши и выступы, в лучшем случае — какую-нибудь покатую опору в полступни, и ему уже не раз случалось висеть над пропастью на кончиках пальцев. И все-таки, цепляясь за каждую неровность, извиваясь змеей, огибая выступы, человек упрямо отвоевывал у скалы фут за футом. Время от времени он останавливался, чтобы дать отдых ноющим мускулам и вытряхнуть из глаз капли пота; тогда, повернув голову, он вглядывался в расстилающиеся под ним джунгли, методично прочесывая зеленый покров в поисках признаков присутствия человека.

Конец пути был уже близок, как вдруг в нескольких футах над головой он заметил в крутой скале расселину. Еще немного усилий, и он оказался совсем рядом. Это была небольшая пещера сразу под срезом обрыва. И только его голова поднялась над краем основания, как человек удивленно хмыкнул. Пещера была такой крошечной, что скорее походила на высеченную в камне нишу, но, несмотря на малые размеры, она не пустовала. В ней сидела высохшая коричневая мумия со скрещенными ногами — руки сложены на груди, сморщенная голова опущена. Чтобы конечности не разогнулись, их привязали к телу ремнями из сыромятной кожи, давно уже сгнившими. Если тело когда-то и имело одежду, то безжалостное время обратило ее в пыль. Но там, засунутый между скрещенными руками и впалой грудью, виднелся свиток пергамента, за бесконечные годы пожелтевший до цвета старой слоновой кости.

Человек протянул руку и, осторожно покручивая, достал свиток. Не разглядывая находку, сунул ее в поясной карман и стал быстро подниматься, пока не выпрямился в проеме ниши во весь свой огромный рост. Подпрыгнув, он ухватился цепкими пальцами за скальный выступ и, подтянувшись, перекинул тело через край пропасти.

Шагнув вперед, человек остановился, тяжело дыша, окидывая взглядом открывшуюся панораму.

Под ним словно раскинулась огромная чаша с кромкой из камня. Дно чаши покрывали деревья и кусты, однако этот лес не был таким густым, как джунгли с наружной стороны гряды. Скалы одинаковой высоты окружали его плотным кольцом. Это был каприз природы, возможно, единственный в своем роде: величественный, естественного происхождения амфитеатр, часть лесистой равнины трех-четырех миль в диаметре, заключенная в кольцо неприступных скал и совершенно отрезанная от остального мира.

Но человек на гребне не стал восторгаться уникальным топографическим явлением. Жадным взором он обшаривал верхушки деревьев и вдруг резко вдохнул: среди сплошного зеленого покрова поблескивали мраморные купола. В этом не было ничего сверхъестественного, ибо под ним лежал легендарный дворец покинутого людьми города Алкменона.

Конан-киммериец, бродяга, оставивший след и у Барахских островов, и на Черном побережье — везде, где жизнь приправлена смертельным риском,— пришел в Кешан, влекомый тайной надеждой заполучить сокровища, своим блеском затмевавшие богатства королей Турана.

Кешан, королевство варваров, расположилось дальше на восток от Куша, где обширные пастбища постепенно переходят в леса, подступающие к стране с юга. Высокомерная смуглокожая знать держала в повиновении прочее население, в большинстве своем состоящее из чистокровных негров. Сами властители — князьки и верховные жрецы — считали себя прямыми потомками белокожих кланов, которые, согласно преданию, в далеком прошлом правили в этих местах страной со столицей в Алкменоне. Разные сказания по-разному объясняли внезапный упадок государства и окончательный уход из города немногих оставшихся в живых жителей. Не меньшим туманом была покрыта тайна «Зубов Гвалура» — сокровищ, захороненных где-то в Алкменоне. Но даже такой легенды, расплывчатой и потому малоубедительной, хватило, чтобы Конан — через обширные равнины, испещренные потоками джунгли и горные хребты — пробрался в королевство чернокожих.

В конце концов, преодолев все тяготы пути, он отыскал Кешан, который сам по себе в странах на севере и западе считался полумифом, и здесь многочисленные слухи подтвердили его догадки насчет сокровищ, называемых аборигенами «Зубы Гвалура». Но место, где они были спрятаны, оставалось загадкой, к тому же требовалось как-то объяснить причину своего появления: дело в том, что здешние власти косо смотрели на бродяг-чужестранцев.

Но это его не смутило. Со сдержанным достоинством он предложил свои услуги спесивой и подозрительной знати двора, отличавшегося варварски пышной безвкусицей. Он — воин, и его предназначение — сражаться. Конан прибыл в Кешан в поисках работы. За хорошую плату он мог бы обучить их войско искусству боя, чтобы потом повести его на Пунт — их злейшего врага, который, как он слышал, одержал недавно ряд славных побед, чем вызвал ярость короля Кешана.

Прозвучавшее из уст киммерийца предложение на самом деле не было столь наглым, как могло бы показаться на первый взгляд. Молва о Конане, повсюду опережавшая его, докатилась и до далекого Кешана: дерзкие набеги черных корсаров, этих безжалостных волков с южного побережья, прославили имя их предводителя — им восхищались, его боялись и мечтали заполучить в союзники во всех черных королевствах. Киммериец не отказался пройти некоторые испытания, придуманные смуглокожими повелителями. Стычки вдоль всей границы происходили постоянно, так что возможностей показать себя в рукопашном бою было предостаточно. Его неукротимая ярость, помноженная на репутацию главаря, произвела должное впечатление, и, казалось, перспективы намечались самые благоприятные. Все, чего втайне желал Конан, он получил: теперь, когда у него есть работа, он может открыто жить в Кешане до тех пор, пока не разузнает про место, где лежат сокровища Гвалура. И вдруг возникло непредвиденное затруднение. Оно явилось в образе Татмекри, прибывшего в Кешан из Зембабве во главе посольства.

Татмекри был стигийцем. Бродяга и искатель приключений, он благодаря смышленому уму добился расположения двух принцев-близнецов, правивших за сотню миль к востоку обширным королевством, народ которого составляли потомственные торговцы. Оба воина были знакомы еще с незапамятных времен, но относились друг к другу с холодком. Татмекри приехал к королю Кешана с

аналогичным предложением: совместными усилиями покончить с Пунтом, чей король за месяц до того изгнал из своей страны всех зембабвийских купцов да еще сжег в придачу несколько пограничных крепостей своих соседей.

Возможная выгода от такого союза перевесила даже военную славу Конана. Он, Татмекри, клятвенно обещает, что уже в самое ближайшее время под его началом будет войско из черных копейщиков, шемитских лучников и вооруженных мечами наемников. С этими силами он вторгнется в Пунт с востока и поможет королю Кешана присоединить к своим владениям земли ненавистного соседа. А за свои услуги бессребреники зембабвийцы надеются получить самую малость: всего-то монопольное право на торговлю в Кешане и в его странах-данниках да еще, как залог добрых отношений, несколько «Зубов Гвалура». О, пусть высокочтимые князья не беспокоятся — никто и не думает пускать их в оборот. Их отнесут в главный храм Зембабве и вместе со священными реликвиями королевства положат в раку рядом с сидящими на корточках золотыми идолами Дагоном и Деркето, чтобы тем самым скрепить договор о вечной дружбе между Кешаном и Зембабве. При последних словах плотно сжатые губы варвара скривились в жесткой усмешке.

Киммериец даже и не пытался тягаться с Татмекри и его помощником шемитом Зархебой по части дворцовых интрижек. Варвар прекрасно понимал, что если стигиец добьется заключения договора,— а дело к тому и шло,— то в первую очередь потребует высылки своего недруга. А потому для Конана оставался один путь: прежде чем король решится на сделку, найти эти «Зубы» и с ними покинуть страну. Единственное, что он знал наверняка, это то, что в Кешле драгоценностей нет и никогда не было: столица государства, представлявшая собой скопление тростниковых хижин, обнесенных глиняной стеной, с дворцом из глины, камня и бамбука в центре, меньше всего походила на место, где покоятся величайшие сокровища мира.

Пока варвар в нетерпении раздувал ноздри, вперед выступил верховный жрец Горулга и заявил, что, прежде чем принять окончательное решение относительно союза с Зембабве, необходимо получить на то благословение богов, ибо по договору в залог дружбы должны быть переданы святыни, вот уже тысячелетие не осквернённые ни взглядом, ни руками смертного. В общем, необходимо обратиться к прорицательнице Алкменона.

Его заявление напустило на всех страху, и языки — как во дворце, так и в тростниковых ульях — заработали с небывалой силой. За последнее столетие ни один жрец не навещал мертвый город. Шептались, что прорицательница — это сама принцесса Елайя, последняя правительница города, умершая в расцвете молодости, красоты и сил, и что ее тело, каким-то чудесным образом неподвластное разрушительному воздействию времени, вот уже века покоится во дворце.

В былые времена жрецы довольно часто ходили в город, и прорицательница, приоткрывая перед ними завесу непознанного, давала вкусить плодов истины. Только верховный жрец, что был там в последний раз, оказался нечист на руку: он замыслил недоброе — украсть прекрасные, искусно ограненные камни, известные как «Зубы Гвалура». Но в пустынном дворце его настиг злой рок. Бежавшие с заколдованного места младшие служители богов, с трудом придя в себя, порассказали такие ужасы, что надолго отпугнули жрецов и от города, и от прорицательницы.

Однако Горулга, как верховный жрец и как человек, уверенный в чистоте своих помыслов, объявил во всеуслышание, что готов с горсткой храбрецов возродить древний обычай предков. И вновь отовсюду понеслось жужжание, и вместе с роем бестолковых слухов до ушей Конана наконец-то долетели слова, за которыми он охотился долгие недели. Ему удалось подслушать, как перешептывались младшие жрецы, в результате чего ночью накануне исторического паломничества он, никем не замеченный, выскользнул из города.

Всю ночь, весь следующий день и следующую ночь он погонял коня, пока рано на рассвете не приблизился к скалам, скрывавшим Алкменон. Конан находился у юго-западной границы королевства, среди диких джунглей, где аборигенам под страхом смерти запрещено было селиться. Никто, кроме жрецов, не смел приблизиться к загадочной долине на расстояние меньше десяти миль. И ни один жрец за последние сто лет не входил в Алкменон.

Молва утверждала, что для простых смертных эти скалы неприступны и что только жрецы знают тайный ход в долину. Конан решил не тратить время на поиски. Кручи, перед которыми в благоговейном страхе замирали эти чернокожие — всадники, обитатели прерий и равнинных лесов,— не могли остановить человека, рожденного среди суровых гор Киммерии.

...Так он стоял на гребне скалы, глядя вниз на округлую долину и размышляя над тем, какая чума, война или сверхъестественная сила заставила древний белокожий народ покинуть свою цитадель, слиться с живущими вокруг черными племенами, чтобы в конце концов раствориться в них без остатка.

Итак, здесь они жили. В самой долине был выстроен только дворец для королевской семьи, двора и челяди. Город же находился снаружи, и зеленый океан джунглей надежно спрятал его руины. Но купола королевского дворца Алкменона, что поблескивали внизу среди листвы, словно бросая вызов времени, гордо взметнули в высоту венчавшие их остроконечные башенки.

Отыскав ногой первую опору, Конан начал быстро спускаться. Внутренняя стена была изрезана сильнее и не так отвесна, как наружная. Затратив вдвое меньше времени, чем на подъем, он наконец спрыгнул на густой травяной покров.

Сжав рукоять меча, киммериец настороженно огляделся. Конечно, не было причины подвергать сомнению слова жрецов о том, что Алкменон — город заброшенный, сейчас населенный одними лишь привидениями ушедших в небытие предков. Но подозрительность и неусыпная бдительность составляли неотъемлемую часть природы варвара. Вокруг царил первозданный покой: не шелохнулся ни один листочек, ни один звук не нарушил тишины. Присев, он впился взглядом в подлесок — ничего, только правильные ряды стволов, уходящие в голубоватый сумрак.

Тем не менее варвар не потерял осторожности: сжимая обнаженный меч, он продвигался медленно, пружинящей походкой — без единого шороха, вглядываясь в тени по сторонам. Повсюду ему попадались следы древней цивилизации. Мраморные фонтаны, давно умолкшие, полуразрушенные, стояли в окружении стройных деревьев, в расположении которых угадывалась симметрия — слишком явная, чтобы отнести ее на счет природы. Дикий лес и кустарник энергично вторглись в тщательно спланированную рощицу, но ее контуры все еще были различимы. Вдаль убегали широкие мощеные дорожки, меж плит кото-

рых густо проросла трава. Сквозь зелень проглядывали стены с узорчатыми гребнями и изящные, высеченные из камня решетки, похоже, в свое время ограждавшие увеселительные павильоны.

Но вот впереди среди деревьев замерцали купола, и с каждым шагом все отчетливее проступало массивное сооружение, служившее им опорой. Наконец, продравшись сквозь сплетение дикой лозы, он вышел на сравнительно гладкую площадку. Здесь не было заслоняющего перспективу подлеска, и в сотне ярдов киммериец увидел ряды колонн дворцового портика.

Поднимаясь по широким мраморным ступеням, он обратил внимание на то, что это здание сохранилось гораздо лучше остальных, не таких крупных построек. Очевидно, толстые стены и колонны оказались настолько прочными, что сумели устоять перед временем и стихиями. У дворца, как и повсюду в долине, господствовал тот же чарующий покой, и в тишине кошачья поступь обутых в сандалии ног звучала необычно громко.

Конан задумался. Где-то в этом дворце находится настенная роспись или статуя, которую кешанские жрецы многие века почитают как свою богиню-прорицательницу. И где-то в этом дворце — если, конечно, излишне болтливый младший жрец не завирался — спрятаны сокровища древних королей Алкменона. Конан вошел в широкий коридор с выстроившимися вдоль стен высокими колоннами, промеж которых чернели пасти дверных проемов — сами двери давно сгнили. Он миновал полный сумрачного таинственного света коридор и очутился у двустворчатой бронзовой двери — чуть приоткрытой, как, может быть, она стояла уже многие века. Через нее он попал в просторную, со сводчатым потолком комнату — наверное, зал для торжественных приемов.

По форме это был восьмигранник. Похоже, в потолке, повторявшем округлую линию купола, строители прорезали невидимые хитроумные отверстия, так как в зале было гораздо светлее, чем в мрачноватом коридоре. У дальней стены возвышался пьедестал; широкие лазуритовые ступени вели к массивному трону с узорными подлокотниками и высокой спинкой, когда-то, без сомнения, увенчанной балдахином. Конан издал утробное рычание, глаза его загорелись жадным огнем. Золотой трон Алкменона, точно перенесенный прямо из древних сказаний! Наметанным глазом он прикинул его вес — сам по себе уже огромное богатство... если, конечно, придумать, как его отсюда вытащить. От блеска золота у варвара разыгралось воображение, он весь сгорал от желания поскорее добраться до скрытого в недрах дворца клада. Он представлял себе, как погрузит руку в сверкающую россыпь камней, чью красоту превозносили на рыночных площадях рассказчики Кешлы, сами лишь повторявшие легенды, на протяжении веков передаваемые из уст в уста; как дрожащими пальцами будет перебирать несметные сокровища, равных которым не было и нет во всем свете: рубины и изумруды, бриллианты и кровавые гелиотропы, опалы и сапфиры — бесценная добыча, которую он вырвет из истлевших рук далеких предков.

Конан ожидал увидеть сидящую на троне статую богини, но поскольку тот был пуст, то, скорее всего, думал варвар, она находится в другой части дворца... если такая штука вообще существует. Однако с тех пор, как он водворился в Кешане, столь много мифов успели обрести реальность, что, окажись вдруг перед ним сама богиня, он вряд ли удивился бы.

За троном зиял узкий сводчатый проем — наверняка в дни жизни Алкмено-на ту дверь скрывали драпировки. Он заглянул туда и обнаружил альков — совершенно пустой, из которого под прямым углом выходил узкий коридор. Высунув голову из проема, он огляделся и слева от постамента увидел еще одну арку, на этот раз закрытую тяжелой дверью. И дверь не походила ни на одну другую. Портал, выполненный из того же ценного металла, что и трон, был испещрен множеством необычных значков.

Он лишь коснулся ее — и дверь открылась с такой легкостью, точно кто-то совсем недавно тщательно смазал петли. Конан шагнул вперед... и замер, пораженный.

Он находился в квадратной комнате, не очень большой; ее мраморные стены поднимались к богато украшенному, с вкраплениями золота потолку. Золотые бордюры обегали стены сверху и у основания. Других дверей, кроме той, через которую он вошел, в комнате не было. Но он лишь мельком отметил эти подробности. Все его внимание приковало к себе тело, покоящееся на пьедестале из слоновой кости.

Он ожидал увидеть изваяние, высеченное с тем древним мастерством, секрет которого за века был утрачен. И все же ни один скульптор, когда-либо творивший на свете, не сумел бы передать линии и пропорции этой совершенной фигуры.

Ни камень, ни металл, ни слоновая кость — перед Конаном покоились останки когда-то живой женщины, и он мог только гадать, с помощью какого колдовства древние сумели защитить тело своей принцессы от воздействия безжалостного времени. Даже одежда на ней осталась неповрежденной. Киммериец нахмурился: последнее обстоятельство пробудило в нем неясные подозрения. Искусство, с помощью которого сохранили от разрушения когда-то живую плоть, вряд ли могло оказать то же воздействие и на покровы. Но все же вот они, перед его глазами: и золотой нагрудник с двумя рисунками концентрических кругов, составленных из драгоценных камней, и позолоченные сандалии, и короткая шелковая юбка, стянутая в талии поясом в блестках бриллиантов. И камни, и металл — все без малейших признаков налета!

Даже в смерти Елайя носила черты холодной красоты. Алебастровое тело было хрупким и в то же время чувственным, в стянутых над головой гладких волосах цвета ночи пылал огромный рубин.

С минуту Конан стоял, нахмурившись и размышляя, потом постучал по пьедесталу кончиком меча. Ему вдруг пришла в голову мысль, что внутри может находиться полость, где и спрятаны сокровища. В ответ — лишь глухой звук: выходит, надежды на легкую добычу не оправдались. Он повернулся и в нерешительности прошелся по комнате. Где искать? Ведь времени осталось так немного. Тот младший жрец трепался, что сокровища спрятаны где-то во дворце. Но дворец слишком велик — его не обшаришь за пару часов. Или, может быть, схорониться где-нибудь, дождаться, пока жрецы, сделав свое дело, уйдут, и тогда возобновить поиски? Но что, если они возьмут с собой не часть, а все сокровище целиком? Не иначе как этот пройдоха Татмекри подкупил Горулгу.

Конан достаточно хорошо знал Татмекри и потому мог предвидеть его действия. Варвар не ошибся, предположив, что именно Татмекри натолкнул зем-

бабвийских королей на мысль завоевать Пунт, что, в свою очередь, являлось не более чем промежуточной ступенью на пути к главной цели — захвату «Зубов Гвалура». Братья-короли осторожничали и, прежде чем предпринять решительные шаги, требовали веских доказательств, что сокровища — не миф и не игра воображения. Камни, выторгованные Татмекри как залог дружбы, и послужили бы таким доказательством.

А вот тогда, получив бесспорное свидетельство существования сокровищ, короли Зембабве перейдут к открытым действиям. Пунт будет атакован одновременно и с запада и с востока, но зембабвийцы позаботятся о том, чтобы основную работу за них проделали кешанцы. Затем, когда Кешан и Пунт в ожесточенной борьбе окончательно измотают друг друга, зембабвийцы, объявив войну вчерашнему союзнику, захватят Кешан и силой овладеют сокровищами... даже если для этого им придется сжечь дотла весь Кешан и замучить до смерти половину его населения.

Однако не следовало сбрасывать со счетов и такой исход: если только Татмекри доберется до клада, то, следуя своей природе, он немедленно вознамерится одурачить всех — сам украдет сокровища и, незаметно улизнув из города, оставит своих благодетелей с пустыми руками.

Конан ни на миг не сомневался, что все это паломничество к прорицательнице — не что иное, как сговор, имеющий целью склонить короля Кешана к союзу с зембабвийцами и заставить его пойти на поводу у Татмекри: за время службы киммериец довольно насмотрелся на Горулгу и решил, что тот такая же бестия, как и все, кто замешан в возне вокруг сокровищ. Конан вовсе не стремился пробиться в ближайшее окружение верховного жреца: он знал свои слабые места и понимал, что по части подкупа ему до стигийца далеко и что любая попытка с его стороны будет тому только на руку. Горулга, конечно, немедленно встал бы в позу оскорбленной чести, всенародно объявил бы киммерийца злодеем и тем упрочил свою репутацию праведника, заодно избавив Татмекри от злейшего врага. Одно не давало варвару покоя: как удалось стигийцу подкупить жреца, чем соблазнился человек, имея в полном своем распоряжении величайшие богатства мира?

В любом случае нет сомнений, что прорицательница — понятное дело, в полном согласии с волей богов — замолвит словечко в пользу планов стигийца, а напоследок присовокупит несколько слов относительно его, Конана, дальнейшей судьбы, отчего климат в Кешане покажется ему слишком уж жарким. Впрочем, последние соображения его не особенно беспокоили: как бы ни обернулись события, он еще в ночь отъезда решил не возвращаться в столицу чернокожих.

Итак, в комнате прорицательницы ключа к сокровищам нет. Киммериец вернулся в огромный тронный зал и, приблизившись к трону, уперся снизу в подлокотники. Трон был тяжел и поддавался неохотно, но ему удалось заглянуть под литое основание — совершенно гладкая поверхность, постамент был выполнен из цельного куска мрамора. Тогда Конан еще раз тщательно осмотрел альков: ведь не зря же он здесь устроен — что, если сокровища где-то рядом? Дюйм за дюймом он стал простукивать стены, пока наконец не наткнулся на пустоту — как раз напротив входа в узкий коридор. Тщательно обследовав стену, киммериец обнаружил, что в одном месте зазор между мраморными плитами чуть шире обычного. Он вставил острие кинжала, нажал.

Плита бесшумно ушла в сторону, глазам варвара предстала ниша — и больше ничего. Он с чувством выругался. Ниша была пуста и, похоже, никогда не служила тайником для сокровищ. Наклонившись вперед, он обнаружил множество узких щелок, проделанных под углом в стене на уровне рта человека. Он заглянул в них и понимающе ухмыльнулся. Ниша находилась в стене, разделяющей альков и комнату с телом богини. Конан разочарованно покрутил головой: он разгадал тайну пророчеств, но все было сработано на редкость слабо, без выдумки, даже примитивно. Так значит, Горулга залезет в нишу — или посадит сюда преданного слугу — и будет вещать сквозь эти дырки, а доверчивые младшие жрецы — все из черных — с благоговением будут внимать живому голосу Елайи.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, киммериец достал свиток, взятый у мумии, и, соблюдая всяческую осторожность — тот был настолько древним, что, казалось, одно неловкое движение — и он рассыплется в руках,— развернул папирус и повернул его к свету. Нахмурив лоб, он напряженно вглядывался в полустертые иероглифы. За время своих бесчисленных скитаний этот могучий искатель приключений нахватался порядком всяких знаний и помимо прочего познакомился с письменной и устной речью многих народов. Не один ученый грамотей лишился бы покоя от зависти, прознай он о лингвистических способностях киммерийца. Этим догматикам было и невдомек, что в рискованных предприятиях порой знание языка способно склонить чашу весов в пользу жизни.

Варвар скрипнул зубами: на первый взгляд такие знакомые иероглифы никак не хотели поддаваться расшифровке. Наконец он понял, в чем тут дело. Иероглифы принадлежали к древнему наречию пелиштов, значительно отличавшемуся от их современного, хорошо известного варвару языка,— изменения произошли после того, как тремя столетиями раньше их страну завоевали племена кочевников. Древние письмена читались с трудом. Нужна была зацепка. Тогда из тесных рядов значков он выделил многократно повторяющееся сочетание, в котором без труда угадал имя собственное — Бит-Якин, скорее всего, имя автора манускрипта.

Сдвинув брови и шевеля губами, Конан, словно на ощупь, пробирался по выцветшим цепочкам иероглифов, многого не понимая, улавливая смысл оставшегося лишь наполовину.

Однако он разобрал, что автор, этот таинственный Бит-Якин, прибыл издалека со слугами и что все вместе они вошли в долину Алкменона. Дальше текст запестрел незнакомыми иероглифами, и из того, что удалось расшифровать, он только понял, что прошло довольно много времени. Часто встречалось имя Елайи, а в последней части манускрипта промелькнуло, что Бит-Якин предчувствовал надвигающийся конец. Киммериец чуть поежился: выходит, мумия в пещере и есть останки составителя манускрипта — загадочного пелишта Бит-Якина. Значит, в конце концов, как он и предрекал, наступила смерть, и слуги, по-видимому исполняя последнюю волю умершего, поместили его тело в этот открытый, вознесшийся высоко над землей склеп.

Но почему тогда имя Бит-Якина не упоминается ни в одной из легенд об Алкменоне? Или он пришел в долину уже после того, как ее покинули коренные жители, на что, кстати, указывается и в документе... хотя, с другой стороны, выглядит странным, что жрецы, в прошлые века довольно часто навещавшие прорицательницу, так ни разу не увидели ни самого пелишта, ни кого-либо из его слуг. Получается, что и мумии и манускрипту гораздо больше века. Значит, Бит-Якин обосновался здесь еще во времена, когда жрецы вовсю творили ритуалы перед мертвым телом Елайи. И все-таки о пелиште легенды молчат, повествуя лишь о безжизненном городе, населенном одними духами умерших.

Так что же делал человек в этом пустынном месте и куда подевались слуги после того, как они обустроили труп своего господина?

Пожав плечами, Конан засунул свиток обратно в поясной карман, и вдруг по его мощному телу пробежала дрожь, в ладонях неприятно защипало, ноги обмякли: неожиданно громко, парализуя волю, сонную тишину дворца разорвал резкий удар большого гонга!

Варвар круто повернулся — чувства предельно обострены, в руке обнаженный меч, глаза впились во тьму узкого коридора, откуда, как ему показалось, исходил звук. Может быть, это прибыли жрецы из Кешлы? Нет, невозможно — слишком рано. Но удар гонга — ведь это верный знак, что где-то рядом люди!

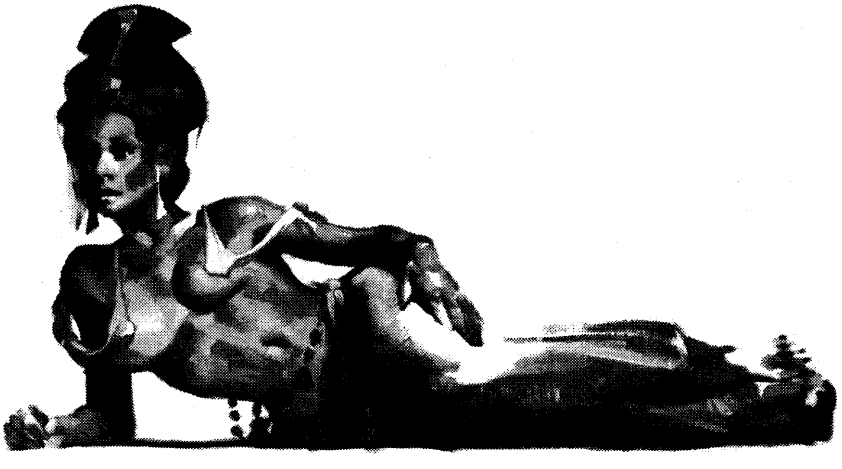
По натуре Конан был всецело человеком действия. Некоторая гибкость ума, приобретенная им за годы общения с изнеженными цивилизацией народами, в минуты внезапной опасности мгновенно уступала место природным инстинктам. Вот и сейчас, вместо того чтобы затаиться или отступить в противоположном направлении, как сделал бы в подобной ситуации любой другой, варвар быстро зашагал по коридору — туда, где находился источник звука. Его сандалии производили не больше шума, чем бархатные лапы пантеры, глаза превратились в узкие щелки, губы раздвинулись в зверином оскале. Страх, вызванный усиленными эхом раскатами гонга, лишь на краткий миг взял верх над природным хладнокровием, и тут же в сумрачной душе варвара всколыхнулась слепая ярость — ответ на смертельную угрозу.

Пройдя извилистым коридором, он вышел к внутреннему округлому дворику. В глаза ему бросился предмет, ослепительно сверкавший на солнце. Это был гонг — огромный золотой диск, подвешенный на золотой же лапе, торчащей из стены. Рядом валялся медный молоток, а вокруг — ни звука, ни малей-

шего намека на присутствие человека. В стенах разинутыми пастями зияли дверные проемы. Пригнувшийся, укрытый полумраком коридора, он долгое время не решался выйти наружу. Но ничто не нарушало векового покоя огромного дворца. Наконец, исчерпав терпение, он бесшумно заскользил вдоль стены, заглядывая в каждый проем, готовый в любой миг отскочить в сторону или стремительно и точно, словно кобра, нанести удар.

Вот он у гонга. Заглянул под арку рядом — ничего нового: слабо освещенная комната, стены в мелких трещинах и пол, усыпанный каменной крошкой. Под гонгом на гладко отполированных мраморных плитах не было никаких следов, но в воздухе чувствовался аромат — чужой, чуть неприятный терпкий запах. Он попытался вспомнить его, широко раздувая ноздри, как это делают дикие звери,— все тщетно.

Киммериец шагнул к очередной арке. Внезапно внешне такие прочные плиты пола раскрошились, и он почувствовал, что под ногами — пустота! Раскинув руки, Конан в последний миг сумел зацепиться пальцами за выступающий мрамор, но края плит обломились, и он полетел в разверзшуюся пропасть. Он стремительно падал прямо в бездну и вдруг погрузился в ледяную черную воду, которая обхватила его, завертела и с бешеной скоростью понесла прочь.

II

БОГИНЯ ПРОБУЖДАЕТСЯ

В первую минуту киммериец и не пытался бороться с бурным потоком, влекущим его среди мрака неизвестно куда. Он лишь старался по возможности держаться над водой, сжимая зубами верный меч, который не выпустил даже во время падения, и не гадая попусту, куда его вынесет стремнина. И вдруг мрак впереди пронзил луч света. Варвар увидел кипящую, вздымавшуюся волнами свинцовую воду — всю словно растревоженную каким-нибудь чудовищем, скрывав-

шимся в ее глубинах, и отвесные каменные стены канала, переходящие в сводчатый потолок. Вдоль обеих стен протянулось по уступу, но слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться рукой. В одном месте поверхность потолка была нарушена — похоже, тот просто обвалился,— и в образовавшуюся брешь струился свет. За световым лучом стоял кромешный мрак, и варвар ужаснулся при мысли, что еще немного — и его пронесет мимо, прямо в черную тьму.

И тут Конан заметил еще кое-что: через равные промежутки от уступов к воде спускались бронзовые прутья лестниц, и как раз мимо одной из них он должен был скоро проплыть. Мгновение спустя он уже бешено работал руками и ногами, стараясь побороть течение, тянущее его обратно на середину потока. Оно точно оплело человека живыми скользкими пальцами, но тот, яростно сражаясь за каждый дюйм, колотил по свинцовым волнам с отчаянием обреченного, рвал невидимые путы и все ближе продвигался к берегу. Вот он поравнялся с лестницей, последний мощный рывок — и пальцы впились в нижнюю ступеньку. Обессиленный, едва не захлебнувшийся, он повис в воде, цепляясь за спасительный прут.

Но отдых длился недолго. Через несколько секунд Конан уже вырывался из тесных объятий стремнины, слепо положившись на сомнительную прочность древних ступеней. Камни крошились, прутья гнулись, но держали, и варвар упрямо карабкался вверх к узкому карнизу, выложенному вдоль стены ярдов на пять ниже того уровня, где стена переходила в свод. Киммерийцу пришлось нагнуть голову, когда, добравшись до цели, он захотел выпрямиться в полный рост. Недалеко от лестницы в стене на высоте уступа виднелась тяжелая бронзовая дверь. Варвар нажал плечом, но дверь не шелохнулась. Он вернул меч на место, в ножны, и сплюнул кровь: за время яростной схватки с потоком острое лезвие изрезало губы. Затем перевел взгляд на брешь в потолке.

Пожалуй, до пролома можно дотянуться. Он попробовал край на прочность — все в порядке, выдержит. В следующий миг он пролез в отверстие и очутился в просторной комнате, пребывавшей в крайней степени запустения. Большая часть потолка обвалилась, как и те несколько плит в полу, которые одновременно являлись сводом в туннеле с подземной рекой. Сквозь испещренные трещинами арки виднелись другие комнаты и коридоры — очевидно, он все еще находился в пределах огромного дворца. Конан с беспокойством подумал, сколько комнат таят несущуюся под ними стремнину и как среди сотен распознать коварные плиты, готовые расколоться у него под ногами и низвергнуть его обратно в пучину, из которой он только что выбрался.

И еще одна мысль не давала покоя: так ли уж случайно раскололись те плиты? Конечно, может статься, они просто не выдержали его веса, но что, если существует иная, гораздо менее безобидная причина? По крайней мере, ясно одно: во дворце, кроме него, есть живые люди. Тот гонг, он ведь ударил не сам по себе,— неважно, была ли это ловкая приманка в зубах смерти или нет. Тишина дворца вдруг показалась зловещей, насыщенной скрытой угрозой.

А что, если его опередили? Он вдруг вспомнил загадочного Бит-Якина: тот заявился сюда явно неспроста. Разве не может быть, что за свое долгое пребывание в Алкмеконе он отыскал-таки «Зубы Гвалура», а после смерти хозяина слуги унесли сокровище с собой? От одной мысли, что он, возможно, гоняется за несбыточной мечтой, варвар пришел в ярость.

Определив, в какой стороне должен находиться тронный зал и комната с богиней, он быстро зашагал по коридору, не забывая, однако, о разумной осторожности: перед его глазами все время стояла картина бурного, в пенных клочьях потока, стремительно несущего свои черные воды где-то у него под ногами.

В мыслях он постоянно возвращался к комнате за тронным залом, где покоилось удивительно живое на вид тело прорицательницы. Именно там нужно искать ключ к разгадке тайны сокровищ, если, конечно, они до сих пор находятся в пределах дворца.

По-прежнему все вокруг наполняла тишина, нарушаемая лишь быстрой мягкой поступью его сандалий. Залы и комнаты с просевшим или обвалившимся потолком, стены в прожилках трещин, каменная крошка, усеявшая мозаичный пол,— все носило на себе разрушительную печать времени, но, по мере того как он продвигался вперед, следы запустения становились все менее явными. Он вдруг подумал, для чего это древним понадобилось устраивать лестницы от карниза к подземной реке, но скоро, пожав плечами, отбросил эту мысль как несущественную. Вопросы быта минувших эпох, не приносящие реальной выгоды, варвара мало интересовали.

Конан уже начинал сомневаться в правильности выбранного направления, как вдруг очередной коридор вывел его прямо в тронный зал. Киммериец принял решение: бесполезно бродить по дворцу наугад, гораздо разумнее спрятаться где-нибудь здесь, дождаться кешанцев, а уж те, после того как разыграют свою сцену пророчества, сами прямой дорогой выведут его к сокровищам. Кто знает, может быть, в этот раз они возьмут всего лишь несколько камней, а он, уж так и быть, удовольствуется остаточком.

Распаленный услужливым воображением, киммериец вторично вошел в комнату прорицательницы и, завороженный необычной холодной красотой, неслышными шагами приблизился к пьедесталу, где лежало тело давно умершей, почитаемой за богиню принцессы. Невероятно! Какое страшное заклинание удерживает от разложения эти прекрасные формы?

Внезапно он содрогнулся всем телом. Дыхание прервалось, коротко остриженные волосы на голове встали дыбом. Тело покоилось точно в таком же положении, без каких-либо видимых изменений, как и в тот раз, когда он вошел сюда впервые, неподвижное, все в том же золотом нагруднике с кругами из посверкивающих камней, в тех же золоченых сандалиях и в короткой шелковой юбке. И вместе с тем ощущалась едва уловимая разница. Точеные руки и ноги уже не казались окоченевшими, щеки налились слабым румянцем, губы покраснели...

Исторгнув из груди рычание, Конан выхватил меч:

— Кром всемогущий! Да она живая!

От крика варвара длинные темные ресницы дрогнули, поднялись, и немигающим взглядом снизу вверх его пронзили глаза — блестящие, непроницаемые, цвета тьмы. Он оцепенел в немом ужасе.

Богиня села: в простом движении — предельная гармония, глаза словно заглядывают прямо в душу варвара.

Он нервно облизал сухие губы и наконец обрел дар речи.

— Ты... ты Елайя? — пробормотал он, запинаясь.

— Да! Я Елайя! — Глубокий мелодичный голос с новой силой поразил его.— Не бойся. Я не причиню тебе зла, если не станешь мне противиться.

— Как может ожить тот, кто пробыл мертвецом столетия? — В вопросе проскользнуло недоверие: казалось, Конан не верит собственным глазам. В щелках зрачков киммерийца стал разгораться хитрый огонек.

С божественной грацией она подняла руку.

— Я богиня. Тысячу лет назад на меня пало проклятие могущественных духов — духов Тьмы, обитающих по ту сторону Света. Что было смертно во мне, умерло — божественное начало живет вечно. На этом ложе я покоюсь уже многие века и просыпаюсь каждый вечер на закате, чтобы вместе с призраками, вышедшими из тени прошлого, как и в давно минувшие года, устраивать приемы при дворе.— Легкая пауза.— Человек, если не хочешь навсегда лишиться разума, если не хочешь, чтобы тебя постигло страшное заклятие, удались немедленно! Я, богиня, приказываю тебе — уходи! — Голос стал властным, чуть нетерпеливым, а изящная рука в повелительном жесте указала на бронзовую дверь.

Конан — с глазами, как горящие уголья,— вложил меч в ножны, однако выполнять божественное повеление не спешил. Точно под властью колдовских чар, он сделал шаг вперед — и вдруг совершенно неожиданно сгреб Елайю в свои медвежьи объятия! Богиня завизжала самым непотребным образом, и тут же послышался треск разрываемой материи: одним грубым рывком Конан сдернул с божественного тела шелковую юбку!

— Богиня! Ха! — В его рычании сквозило гневное презрение. Пленница извивалась, делая отчаянные попытки обрести свободу, но он словно бы не замечал их.— То-то мне показалось странным, что принцесса Алкменона говорит с коринфийским акцентом! Как только я очухался, я уже знал, что где-то раньше тебя видел. Ты Мьюрела — коринфийская танцовщица из окружения Зархебы. А вот на бедре и родимое пятно полумесяцем. Я видел его как-то раз, когда Зархеба учил тебя плетью. Богиня! Надо же!

Он звучно шлепнул по предательскому бедру ладонью, и девушка жалобно вскрикнула. Вся ее величавость пропала. Она была уже не мистическим творением глубокой древности, а самой обычной, дрожащей от страха и унижения юной танцовщицей, каких десятками продают на невольничьих рынках Шема. И вот послышалось жалобное шмыганье, еще минута — и, потеряв всякий стыд, развенчанная принцесса ударилась в слезы. С высоты своего роста варвар бросил на пленницу торжествующий взгляд.

— Принцесса! Слишком много чести! Так значит, ты из тех женщин, которых Зархеба привел в Кешан скрытыми под вуалью? Неужели ты всерьез надеялась обмануть меня, ты, жалкий комок перьев? Год назад я видел тебя в Хорше вместе с этой свиньей Зархебой, а я никогда не забываю ни лиц женщин, ни их тел. Пожалуй, я...

Но тут, подстегнутая ужасом, девушка извернулась в железных объятиях варвара и тонкими руками обвила его бычью шею; по щекам побежали ручейки слез, рыдания стали быстро нарастать — она была на грани истерики.

— Умоляю, не убивай меня! Не убивай! Меня заставили! Это Зархеба привел меня сюда, чтобы я сыграла роль богини!

— Что-о?! Не кощунствуй, мерзкая ты шлюшка! — загрохотал по комнате его голос.— Или ты не боишься гнева богов? Великий Кром! Неужто на свете повывелось благочестие?

— О, умоляю тебя! — От страха она совсем потеряла голову, лишь все сильнее льнула к нему, дрожа всем телом.— Я не посмела ослушаться Зархебы. О, что мне теперь делать? Эти языческие боги... Они проклянут меня!

— Как ты думаешь, если жрецы обнаружат, что их богиня — фальшивая, что они с ней сделают? — с ухмылочкой спросил он.

При мысли об этом ноги девушки отказались ей служить; дрожащая и безвольная, Мьюрела сползла к ногам варвара и, обхватив его колени руками, прерывистым голосом взмолилась о пощаде и защите, перемежая мольбы слабыми попытками убедить его в своей невиновности и в отсутствии у нее дурных помыслов. От прежней гордой принцессы предков не осталось и следа, что было и неудивительно, ибо страх преследовал ее постоянно, и если в прежней роли его еще удавалось как-то сдерживать, то теперь, едва ему поддавшись, она уже не смогла с ним совладать и быстро погружалась в бездну животного ужаса.

— Где Зархеба? Да прекрати ты выть, говори толком!

— Дожидается жрецов снаружи дворца! — донеслось сквозь всхлипывания.

— Сколько с ним человек?

— Никого. Мы пришли вдвоем.

— Ха! — Возглас весьма походил на довольное рычание льва на охоте.— Значит, вы покинули Кешлу всего через несколько часов после меня. Вы взбирались на скалы?

Она лишь покачала головой: слезы душили ее. Нетерпеливо выругавшись, Конан впился железными пальцами в нежные плечи и встряхнул несколько раз подряд, пока девушка не открыла рот и с шумом не втянула воздух.

— Ты прекратишь когда-нибудь свой рев? Отвечай, как вы попали в долину.

— Зархеба знает тайный ход,— выдохнула она.— О нем ему сказал жрец Гварунга, а еще Татмекри. Снаружи, напротив южной части долины, у подножия скал есть большое озеро. Под водой открывается пещера — с берега входа в нее не видно. Мы нырнули и проникли в пещеру. Она почти сразу пошла кверху, вода кончилась, и дальше мы продвигались под горой. А выход из пещеры в долину скрыт густыми зарослями.

— Хмм. А я-то взбирался на скалы с восточной стороны,— пробормотал он.— Ну да ладно, что было потом?

— Мы пришли ко дворцу, и Зархеба спрятал меня в лесу, а сам пошел искать комнату с телом прорицательницы. Он, похоже, не слишком доверяет Гварунге. Когда он ушел, мне послышалось, будто где-то ударил гонг, только я не совсем уверена. Наконец вернулся Зархеба и приказал следовать за ним. Он привел меня в комнату, где лежала богиня Елайя. Сняв с нее одежду и украшения, он заставил меня надеть все это, потом уложил на пьедестал в позе, в которой лежала богиня, и, оставив одну, сам отправился прятать тело и выслеживать жрецов, когда те явятся. Я очень боялась. Когда ты вошел, я готова была вскочить с пьедестала и умолять тебя забрать меня из этого проклятого места, но я страшилась мести Зархебы. А когда ты обнаружил, что я живая, то решила напугать, чтобы ты поскорее ушел.

— Что ты должна была им наговорить?

— Я должна была приказать жрецам взять «Зубы Гвалура» и некоторые из них, как и хотел Татмекри, передать ему в качестве залога, а остальные спрятать

где-нибудь во дворце в Кешле. Я должна была сказать, что великие беды ожидают Кешан, если предложения Татмекри будут отвергнуты... Ах да, еще я должна была сказать, чтобы с тебя как можно скорее содрали кожу.

— Значит, Татмекри — или зембабвийцы — хотели заполучить сокровище в такое место, где его без труда можно было бы прибрать к рукам,— как бы размышляя вслух, сказал Конан; замечание насчет себя он оставил без внимания.— Ну да ладно, как только доберусь до него — вырежу печень. Горулга, конечно, тоже замешан в этом деле?

— Нет. Он искренне верит в своих богов. Он ничего не знает о планах заговорщиков и выполнит все повеления богини. Это все Татмекри — его игра. Зная, что кешанцы отправятся к прорицательнице, он подсказал Зархебе включить меня в посольство, доставить под вуалью в Кешлу и до поры до времени спрятать в укромном месте подальше от любопытных глаз.

— Ну и чудеса, будь я проклят! — От удивления варвар вскинул брови.— Неподкупный жрец, который верит в волю богов! Великий Кром! Должно быть, это Зархеба и грохнул по гонгу. Интересно, знал ли он обо мне? Если так, то получается — Зархеба и заманил меня на те проклятые плиты. Где он сейчас?

— Прячется в рощице лотосовых деревьев у старой аллеи, что ведет от южной части гряды ко дворцу,— все еще с опаской ответила она и вновь захныкала: — О Конан, сжалься надо мной! Я так боюсь здесь оставаться, этот дворец... в нем затаилось что-то злое! Лежа с закрытыми глазами, я слышала вокруг тихие, крадущиеся шаги. Умоляю, забери меня отсюда! Я знаю: как только сыграю свою роль, Зархеба тут же убьет меня. Жрецы, если раскроют обман, тоже убьют. Он сущий демон! Он купил меня у работорговца, а тот выкрал из каравана, увязшего в песках пустыни. И с тех пор я — орудие в его руках: в любой своей интриге он использует меня. Конан, ты ведь не будешь со мной жесток, как этот зверь? Скажи! Ты ведь не бросишь меня здесь одну на верную смерть? Сжалься, прошу тебя!

Стоя на коленях, она собачонкой жалась к его ногам; красивое, обращенное кверху лицо было в слезах, темные шелковистые волосы в беспорядке рассыпаны по белым плечам.

Конан осторожно поднял девушку.

— А теперь слушай. Я избавлю тебя от Зархебы. Жрецы не узнают о твоем розыгрыше. Но взамен ты сделаешь так, как я скажу.

Прерывистым голосом девушка пролепетала слова покорности, слабыми руками она обхватила мускулистую шею гиганта, как будто в соприкосновении с этим могучим человеком искала защиты от своих страхов.

Слегка похлопывая ее по спине, Конан продолжал:

— Так вот. Когда явятся жрецы, ты, как и хотел Зархеба, сыграешь роль Елайи. Будет темно, и в свете факелов подмены никто не заметит. Но скажешь им вот что: «Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана. Они предатели и воры, задумавшие обокрасть богов. Пусть "Зубы Гвалура" передадут под охрану Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он единственный любимец богов...»

От этих слов девушка задрожала с новой силой, вся ее хрупкая фигурка — воплощенное отчаяние, но выбора у нее не было.

— А как же Зархеба? — всхлипнула она.— Он убьет меня!

— Насчет Зархебы не беспокойся,— рыкнул он зверем.— Его я беру на себя, а ты делай как велю. А сейчас прибери-ка волосы, а то вон они растрепались по плечам. И рубин выпал.

Он сам водворил камень на место, взглянул, чуть отстранясь, одобрительно кивнул:

— За один этот камень можно было бы набить всю эту комнату рабами. Так, теперь надень юбку. Она немного порвана сбоку, но ничего, жрецы не станут разглядывать. Вытри лицо. Богине не пристало плакать, точно девчонке после розог. Клянусь Кромом! Да ты и впрямь как настоящая Елайя — то же лицо, фигура, волосы и все прочее! Если и перед жрецами ты разыграешь богиню не хуже, чем передо мной, то одурачишь их в два счета!

— Я постараюсь,— уже спокойнее ответила девушка, однако дрожь не утихала.

— Вот и прекрасно. Пойду поищу Зархебу.

Ее снова обуял страх.

— Нет! Не оставляй меня! Во дворце кто-то есть!

— Здесь тебе нечего бояться! — В голосе варвара слышалось нетерпение.— Разве что Зархебы, но я за ним присмотрю. Скоро вернусь. Во время обряда я на всякий случай буду неподалеку, но думаю, если сыграешь роль как полагается, то никаких таких случаев не возникнет.

И, повернувшись, он быстро зашагал из комнаты, услышав напоследок слабый вскрик перепуганной насмерть Мьюрелы.

На долину спустилась ночь. Из углов выступили тени; комнаты, залы, коридоры потеряли четкость; бронзовые фризы тускло поблескивали сквозь толстый слой пыли. Конан двигался бесшумно, точно призрак, и все время, пока он скользил вдоль широкого коридора, его не покидало ощущение, будто из темных дверных провалов за ним внимательно следят глаза невидимых духов прошлого. Неудивительно, что девчонка чувствовала себя неуютно в такой обстановке.

Ступая мягко, как пантера, с мечом наготове, он спустился по широким мраморным ступеням. В долине царила тишина, а над грядою скал приветливо помаргивали звезды. Если кешанские жрецы уже вошли в долину, то ни шорохом, ни трепетом листвы они себя не выдали. Конан отыскал древнюю, в трещинах аллею, ведущую к югу,— молодые деревца и буйно разросшиеся кусты почти скрыли от глаз ее изломанные плиты. Пригнувшийся, готовый ко всему, он крался по аллее, придерживаясь стороны, где заросли отбрасывали густую тень, пока не увидел в отдалении обособленную группу лотосовых деревьев — необычных растений, которые в природных условиях растут лишь на землях Куша. Там, по словам девушки, скрывался Зархеба.

Конан — меч сжат в руке, чувства предельно обострены — мягко скользящей тенью растворился в зарослях.

Он приблизился к рощице окружным путем, и только едва уловимое шуршание листьев отмечало его шаги. Вот он уже у рощицы и тут, будто ткнувшись в невидимую преграду, застыл среди деревьев — в точности как замирает пантера в минуту опасности. Впереди в неверном, тусклом свете среди плотной листвы маячил бледный овальный предмет. На первый взгляд — один из крупных белых цветов, густо усеявших ветки деревьев; но зрение не обмануло варвара: это было лицо человека. И оно было обращено к нему! Конан отпрянул глубже

в заросли. Видел ли его Зархеба? Тот ведь смотрел прямо на него! Мгновения казались минутами. Матовое лицо оставалось неподвижным. Конан разглядел темное пятно внизу — короткая черная бородка.

Внезапно он нахмурился. Странно: Зархеба был, насколько помнится, человеком не слишком высоким. Ему, Конану, он едва доставал до плеча, а сейчас их лица примерно на одном уровне. Может, он на что-нибудь встал? Нагнувшись, Конан попытался разглядеть хоть что-нибудь на земле под матовым лицом, но мешали кустарник и толстые стволы деревьев. Похоже, кое-что он все-таки увидел, потому что вдруг напрягся: сквозь узкую брешь в подлеске виднелся ствол того дерева, под которым предположительно стоял Зархеба. Лицо маячило как раз на фоне ствола, и, значит, там он должен был увидеть тело Зархебы, а никак не ствол. Но тела не было.

Наконец, сжавшись в комок нервов и мускулов — более плотный, чем тот, в который сжимается следящий за добычей тигр,— Конан вошел в рощицу. Еще несколько мгновений — и, отогнув в сторону ветку, киммериец, пораженный, уставился прямо в безжизненное лицо. Именно безжизненное, ибо никогда уже эти губы не растянутся в надменной улыбке. В глубоком молчании варвар смотрел на отрезанную голову Зархебы, подвешенную к ветке за длинные черные волосы.

III

ОТВЕТ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦЫ

Конан круто повернулся, его пытливый взгляд прощупывал каждую тень, каждый куст. Никаких следов тела убитого, лишь чуть в стороне кто-то примял высокую сочную траву да залил газон чем-то темным и липким. Варвар застыл, едва дыша, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Очерченные густыми

сумерками, кусты и деревья в белых цветах стояли не шелохнувшись — большие, темные, зловещие.

В глубине души варвара зашевелился животный ужас. Кто побывал здесь? Жрецы Кешана? Если так, то где они? Или все-таки в гонг ударил Зархеба? В голове вновь всплыли воспоминания о Бит-Якине и его неведомо куда исчезнувших слугах. Бит-Якин умер, от него остался высохший скелет, обтянутый пергаментной кожей. Он обречен вечно, пока не рассыплется в прах, встречать восходящее солнце из своего разверстого склепа. Но остаются еще слуги Бит-Якина. Внезапно мозг пронзила страшная догадка: нет никаких доказательств того, что они вообще ушли из долины!

Конан подумал о Мьюреле: как там она, одна в огромном мраморном дворце, без надежды на помощь? Он повернулся и по сумрачной аллее побежал обратно ко дворцу — весь как пантера: грация и пластика — даже в прыжке готовый мгновенно нанести удар клинком.

Впереди сквозь деревья затускнели купола, но его зоркие глаза отметили и другое: красноватые отблески огня на мраморных плитах. Он тут же растворился в кустах, протянувшихся по обе стороны аллеи, прокрался среди плотных зарослей и вышел к открытому пространству перед портиком. Его ушей достигли неясные голоса, в нескольких ярдах замаячили факелы, и в свете пламени он различил лоснящиеся эбеновые плечи. То прибыли жрецы Кешана.

Так значит, они не пошли заросшей центральной аллеей, где их рассчитывал увидеть Зархеба. Очевидно, тайный ход в долину, о котором рассказала девушка, был не единственным.

Высоко подняв факелы, жрецы поднимались по широким мраморным ступеням. В голове процессии Конан увидел Горулгу — в пляске огня отчетливо выделялось его словно отлитое из бронзы лицо. Его сопровождали младшие жрецы — крупные негры, чья черная кожа отливала алым. Последним в цепочке важно вышагивал огромного роста чернокожий с необычайно злобным и коварным выражением лица. При виде его Конан сдвинул брови: это и был Гварунга, который, по словам Мьюрелы, открыл ей секрет тайного хода через озеро. «Интересно,— подумал киммериец,— насколько глубоко он увяз в этой истории?»

Конан поспешил к портику, огибая открытую площадку по краю круга, все время оставаясь в тени. Стражи у входа жрецы не оставили. Отблески света плясали далеко в коридоре. Процессия едва успела дойти до двустворчатой двери в конце коридора, а Конан, миновав лестницу, уже вступал за ними под своды дворца. Перебегая от колонны к колонне, он достиг двери, когда жрецы все еще шли огромным тронным залом; от огня тени съеживались и прятались глубоко в ниши. Ни один из них не обернулся. Все так же в цепочке по одному, с мерно кивающими плюмажами из страусовых перьев, в туниках из шкуры леопарда — до нелепости неуместных в этом окружении из мрамора и металлических арабесок — они прошли по залу и остановились у горящей золотом двери слева от постамента с троном.

Под сводами огромного пустого зала жутким эхом разнесся громкий голос Горулги; заунывные, протяжные звуки мешали притаившемуся варвару разобрать отдельные слова. Голос смолк. Верховный жрец толкнул позолоченные

двери и вошел, беспрерывно кланяясь в пояс, следом вошли его спутники, точь-в-точь повторяя движения своего господина, с их факелов срывались огненные языки. Но вот золотая дверь закрылась, погасли блики, смолкли звуки — и Конан стрелой метнулся через зал в альков за троном; шорох шагов варвара был тише дуновенья ветерка.

Когда плита ушла в сторону, в глаза ему бросились лучики света, пробивавшиеся сквозь крохотные отверстия в стене. Скользнув в нишу, он припал глазами к дырочкам. Мьюрела в безупречной позе богини сидела на пьедестале — спина прямая, руки скрещены на груди, откинутая назад голова касалась стены всего в нескольких дюймах от него. Чуткими ноздрями киммериец уловил тонкий аромат, исходивший от волос девушки. Он не мог видеть ее лица, но вся поза Мьюрелы говорила о том, что ее неподвижный взгляд устремлен поверх бритых голов коленопреклоненных чернокожих гигантов в неведомую даль. Конан одобрительно ухмыльнулся. «А у шлюшки-то природный дар дурачить простачков!» — подумал он. Сам-то он прекрасно знал, что каждая клеточка ее тела в эти минуты трепещет от ужаса, но внешне она оставалась бесстрастной. В сполохах пламени девушка смотрелась ничем не хуже той, настоящей богини, которая прежде лежала на этом пьедестале; оставалось лишь уверовать, что древнее колдовство вдохнуло огонь жизни в ее мертвое тело.

Горулга своим громоподобным голосом нараспев читал что-то вроде заклинания. Наречие было незнакомо варвару — скорее всего, язык древнего Алкменона, в нетронутом виде передаваемый от поколения к поколению верховных жрецов. Казалось, этому не будет конца. Конан все больше волновался: ведь чем дольше продлится церемония, тем нестерпимей станет охватившее Мьюрелу напряжение. И если она сорвется... Он придвинул острие кинжала вплотную к идущей под углом щели в стене: нельзя допустить, чтобы чернокожие подвергли девчонку своим бесчеловечным пыткам.

Но вот монотонное песнопение — низкое, скрипучее и невыносимо зловещее — в конце концов прекратилось; младшие жрецы враз что-то прокричали — первая часть обряда благополучно завершилась. Подняв голову и простерев руки к безмолвной фигуре на пьедестале, Горулга глубоким, зычным голосом, обычным для жрецов Кешана, возгласил:

— О великая богиня! Ты, равная своим величием могуществу богов царства Тьмы! Да смягчится твое сердце, да раскроются твои уста и да изольется божественная мудрость на твоего раба, чья голова — в пыли у твоих ног! Молю тебя, великая богиня священной долины,— говори! Тебе ведом предначертанный нам путь; мрак, угрожающий смертным, для тебя — лучи полуденного солнца. Пролей свет мудрости на смиренных своих слуг. Скажи нам, вестница богов: как поступить нам с Татмекри-стигийцем?

Масса высоко уложенных, гладко зачесанных волос, ловящих бронзовые отблески огня, чуть шевельнулась. Шумный вздох благоговейного страха взметнулся над группой младших жрецов. В гробовой тишине в ушах Конана отчетливо звучал голос Мьюрелы — холодный, как бы издалека, хотя, отметил про себя Конан, и с заметным коринфийским выговором:

— Боги повелевают, чтобы стигийца с его сворой псов-шемитов вышвырнули из Кешана! — Она точь-в-точь повторяла его слова.— Они предатели и во-

ры, задумавшие обокрасть богов. Пусть «Зубы Гвалура» передадут под охрану Конана. Отдать под его начало войско Кешана. Он единственный любимец богов!

С последними словами в ее голосе промелькнула дрожь, и Конана прошиб холодный пот: ему почудилось, что девушка на грани срыва. Но чернокожие ничего не заметили, они даже не расслышали коринфийского акцента, поскольку никогда прежде не общались с коринфийцами. Сложив руки в молитвенном жесте, они забормотали слова покорности, благоговения и страха. В свете факелов глаза Горулги сверкнули фанатичным огнем.

— Елайя изрекла свое слово! — восторженно воскликнул он.— Такова воля богов! Давным-давно, в дни наших далеких предков, по повелению богов, которые еще на заре мира вырвали эти зубы из ужасной пасти Гвалура, властителя царства Тьмы, на сокровища было наложено заклятие. Затем по повелению богов «Зубы Гвалура» были спрятаны, по повелению богов «Зубы Гвалура» засияют вновь! О рожденная звездой, позволь нам удалиться, чтобы немедленно исполнить твою волю: достать из тайника сокровище и по возвращении передать его любимцу богов!

— Можете удалиться! — ответствовала подставная богиня, сопроводив слова великолепным жестом, при виде которого Конан широко ухмыльнулся.

Жрецы попятились; плюмажи, факелы вновь закачались вверх-вниз, вторя бесчисленным поклонам.

Золотая дверь закрылась, и со слабым стоном богиня безвольно упала на пьедестал.

— Конан! — всхлипнув, позвала она.— Конан!

— Ш-ш-ш! — прошелестел он, приложив губы к отверстию; потом выскользнул из ниши и вернул на место плиту. Он бросил взгляд в дверной проем: через тронный зал, покачиваясь, удалялись факелы. Однако, как ни странно, зал был полон призрачного света, и он исходил не от огня, зажженного людьми. В первый момент киммериец растерялся, но тут же отыскал решение загадки. Взошла луна, ее свет, падавший на купол, проникал сквозь невидимые щели и, ровный, усиленный благодаря искусству древних зодчих, наполнял зал призрачным голубоватым свечением. Выходит, сияющий купол древнего Алкменона не сказка? Возможно, в купол вкраплены те необычные, точно в белом пламени кристаллы, которые попадаются лишь в горах Черных Королевств. Свет заливал тронный зал и сквозь дверные проемы просачивался в примыкающие к нему комнаты.

Но только Конан сделал пару шагов по направлению к залу, как тут же круто обернулся: из коридора, уводящего из алькова, донесся шорох. Он бесшумно подкрался к входу и взглядом впился в темноту; в его ушах будто снова прозвучал удар гонга, эхом докатившийся по этому коридору,— удар, из-за которого он угодил в ловушку и едва не погиб. Свет от купола с трудом добирался до узкого коридора, и как Конан ни старался, он ничего не увидел. И все-таки он готов был поклясться, что из глубины туннеля слышалось слабое шлепанье босых ног.

Пока он так стоял, не зная, что предпринять, за его спиной вдруг раздался сдавленный женский крик. Быстро выглянув в тронный зал, он стал свидетелем неожиданной сцены, разыгравшейся в призрачном свете кристаллов.

Жрецы вместе со своими факелами уже покинули дворец — все, за исключением одного, Гварунги. Его зловещие черты были перекошены от ярости; сдавив своими железными пальцами горло оцепеневшей от ужаса Мьюрелы, он неистово тряс ее, не обращая внимания на хриплые мольбы о пощаде.

— Предательница! — Шипение, прорвавшееся сквозь толстые красные губы негра, казалось шипением кобры.— Что ты еще задумала? Разве Зархеба не научил тебя, что надо говорить? Да нет, не может быть,— ведь Татмекри сам мне сказал! Одно из двух: или ты предала своего господина, или он с твоей помощью предает своих друзей! Грязная тварь! За измену я откручу твою лживую голову, но прежде...

Взгляд расширенных глаз пленницы, вдруг устремленный поверх его плеча, предупредил огромного негра об опасности. Выпустив девушку, он круто обернулся — и в этот миг меч Конана рассек воздух. От удара чернокожий опрокинулся на мраморный пол — из рваной раны в голове сочилась кровь.

Конан шагнул вперед с намерением закончить дело: негр так быстро повернул голову, что клинок ударил плашмя. Но внезапно Мьюрела судорожно обхватила его руками.

— Я сделала все, как ты приказывал! — Она вся зашлась от ужаса.— Уведи меня отсюда! Умоляю тебя, уйдем поскорее!

— Еще не время! — отрезал он.— Я хочу выследить, где у жрецов спрятаны сокровища. Совсем не обязательно, что они возьмут с собой все. Ты можешь идти со мной. А кстати, где камень, что был у тебя в волосах?

— Наверное, выпал, пока я лежала на пьедестале,— неуверенно сказала она, ощупывая туго стянутые волосы.— Я так перепугалась... Когда жрецы ушли, я выбежала из комнаты, чтобы найти тебя, а этот зверь, оказывается, задержался. Он схватил меня своими лапами, и если бы...

— Ладно, будет тебе.— Варвар ободряюще похлопал девушку по спине.— Поищи рубин, а я пока закончу с этим полутрупом. Этот камешек один стоит целого состояния.

Она помялась немного — похоже, ей очень не хотелось туда возвращаться,— но, увидев, как деловито Конан поволок Гварунгу к алькову, оставила опасения и вошла в комнату прорицательницы.

В алькове Конан бросил бесчувственное тело на пол и поднял меч. Киммериец слишком долго жил среди дикарей, чтобы питать иллюзии относительно человеческой благодарности. Безопасный враг — обезглавленный враг. Но он так и не ударил: от душераздирающего вопля его рука застыла в воздухе.

— Конан! Конан! Она вернулась!..— Вопль оборвался глухим рычанием и шарканьем голых ступней.

Варвар с проклятием метнулся из алькова и, промчавшись мимо постамента с троном, с последним отзвуком вопля вбежал в комнату прорицательницы. Там он застыл — обескураженный, во все глаза глядя прямо перед собой. Мьюрела, как ни в чем не бывало, лежала, вытянувшись, на пьедестале — веки были опущены, как если б она только что задремала.

— Что за переполох ты тут устроила? — в раздражении потребовал он объяснений.— Тоже нашла время для...

Он вдруг осекся. Пристальным взглядом варвар окинул бедро цвета слоновой кости, скользнул по облегающей шелковой юбке. Он искал глазами разрыв — большой разрыв от пояса до нижней каймы... и не находил. Куда он мог подеваться? Ведь он сам, собственной рукой разодрал юбку, когда грубо стаскивал ее с бившейся в его объятиях танцовщицы. И никаких следов штопки.

Одним прыжком киммериец преодолел расстояние до пьедестала, положил руку на точеное бедро — и тут же резко отдернул, точно коснулся раскаленного железа, а не окоченевшего, во власти смерти тела.

— Великий Кром! — вырвалось у него, глаза превратились в пылающие огнем щелки.— Да это не Мьюрела! Это Елайя!

Теперь он понял причину отчаянного вопля, сорвавшегося с губ Мьюрелы, когда та вошла в комнату. Богиня возвратилась на свое место. Раньше Зархеба раздел ее, чтобы в ее одеяния облачить танцовщицу. И все же вот они, шелка и драгоценности — точная копия тех, что он увидел, когда вошел сюда впервые. Он почувствовал, как где-то под коротко остриженными волосами на затылке пробудилось и стало быстро нарастать непривычное холодное покалыванье.

— Мьюрела! — крикнул Конан.— Мьюрела! Где ты?

В ответ — лишь издевательское эхо. В комнату вел только один ход — через золотую дверь, и, значит, никто не мог ни войти в нее, ни выйти отсюда незамеченным. Однако факты говорили о другом: Елайю возвратили на пьедестал в то время, когда Мьюрела, выйдя из комнаты и угодив в лапы Гварунги, минуту или две билась в его когтях; кроме того, в ушах варвара до сих пор стоял звон от отчаянного вопля девушки, несшегося из этой комнаты, и вместе с тем ее здесь нет, она будто растаяла в воздухе. Напрашивался один вывод: где-то здесь должна находиться потайная дверь. И только он так подумал, как сразу увидел ее.

На фоне внешне монолитной мраморной плиты виднелась узкая, изломанная под прямым углом щель, из которой торчал шелковый лоскуток. Еще секунда — и он склонился над находкой. Это был обрывок шелковой юбки Мьюрелы. Сомнений нет. Очевидно, в тот момент, когда неведомые похитители проносили девушку сквозь небольшой проем, закрывающаяся дверь защемила юбку и от той оторвался лоскуток. Он-то и помешал двери слиться со стеной.

Конан вставил острие кинжала в щель и, пользуясь им как рычагом, напряг свою, в канатах мускулов, руку. Лезвие согнулось, но не сломалось: клинок был выкован из акитской стали. Он приналег всем телом — и мраморная дверь открылась. С мечом на изготовку Конан заглянул в проем — никаких признаков опасности. В слабом свете, падавшем из зала в комнату прорицательницы, он увидел несколько высеченных в мраморе ступеней. Ухватившись за край, он сколько мог оттянул на себя плиту и, вставив в расщелину пола нож, закрепил ее. Затем без тени сомнений шагнул на верхнюю ступеньку. Впереди — ни проблеска, ни звука. Дюжина шагов вниз — и лестница окончилась узким коридором, который уходил прямо во тьму.

Вдруг он остановился, застыл как изваяние, пристально глядя на испещренные фресками стены, едва различимые в таинственном сумрачном свете. Рисунки, несомненно, были выполнены в манере пелиштов: похожие он видел на стенах Асгалуна. Но изображенные здесь сцены не имели с культом пелиштов

ничего общего, кроме, пожалуй, часто повторяющейся детали: худого белобородого старика с настолько ярко выраженными расовыми признаками, что невозможно было ошибиться. Похоже, действие на всех рисунках происходило в той или иной части дворца. Несколько фресок изображали одну и ту же комнату, в которой Конан узнал комнату прорицательницы с телом Елайи, распростертым на пьедестале, и с огромными чернокожими, стоящими перед богиней на коленях. А вот в нише за стеной притаился древний пелишт. Были и другие сюжеты: люди или просто шли по пустынному дворцу, или совершали обряды пелиштов, или доставали из подземной реки какие-то предметы. Еще несколько мгновений — и Конан замер: прежде непонятные строки древнего манускрипта с ошеломляющей ясностью вдруг засияли в его мозгу. Недостающие фрагменты встали на свои места, тайна Бит-Якина уже не была тайной, исчезновение его слуг — загадкой.

По спине варвара пробежал холодок. Пристальным взглядом он впился в черный провал коридора. Спустя минуту он уже шел по мрачному туннелю, ступая мягко, словно кошка, без тени сомнений в голове; по мере того как он удалялся от лестницы, тьма вокруг сгущалась. Воздух был насыщен запахом, который он почуял во дворике с гонгом.

Но вот он услышал легкий шорох — то ли шарканье босых ног, то ли шуршание свободных одежд о каменные плиты. В следующий миг его вытянутая вперед рука коснулась преграды, на ощупь — тяжелая металлическая дверь с гравированной поверхностью. Он приналег плечом — дверь не шелохнулась, попробовал отыскать острием меча щелочку — ни единой зацепки. Дверь стояла как влитая. Тогда он собрал все силы: ноги в узлах напрягшихся мускулов столбами уперлись в пол, жилы на висках вздулись, на лбу выступили капли пота — все тщетно. Этот портал устоял бы и перед натиском слона.

Все еще не желая отступать, он чутким слухом вдруг уловил по ту сторону едва различимый скрип — словно в шарнире проворачивалось ржавое железо. Реакция была молниеносна: практически сам звук, мысль и ответный ход произошли одновременно. Прыжок был легок и пружинист, и не успели его ноги коснуться пола, как что-то большое, грузное обрушилось сверху; каменный пол задрожал, по коридору прокатился жуткий грохот, в тело ударил целый рой осколков. Огромный каменный блок рухнул на то место, где он стоял мгновение назад. Доля секунды на раздумье — и его раздавило бы, как муравья.

Конан прислонился к стене. Где-то там, по ту сторону металлической двери, находится плененная Мьюрела... если она до сих пор жива. Но дверь ему не взломать, а если по-прежнему торчать в коридоре, то на голову может свалиться другой блок, и кто знает, может быть, в следующий раз он будет менее удачлив. Если он превратится в кровавую лепешку, девчонке это вряд ли поможет. Ясно одно: в этом направлении продолжать поиски бессмысленно. Лучше не лезть на рожон, а отыскать окольную лазейку, которая вывела бы его к цели.

Огорченно вздохнув, он заспешил к лестнице. Впереди забрезжил свет. Но только он поставил ногу на нижнюю ступеньку, как свет начал меркнуть и мраморная дверь с шумом захлопнулась. По коридору прокатилось гулкое эхо, затем все смолкло.

Что-то весьма похожее на страх охватило варвара: наглухо запертый в этом черном туннеле, отрезанный от мира, что он мог сделать? Стоя на ступеньке с мечом в руке, он пронзал свирепым взглядом тьму коридора, готовый, если потребуется, дать отпор любым силам — неважно, земные они или потусторонние. Но внизу, во мраке туннеля, все было спокойно: ни звука, ни движения. Быть может, люди по ту сторону двери — если это действительно люди — поверили, что его раздавил каменный блок, выпавший из потолка не без помощи какого-нибудь хитрого механизма?

Но почему тогда закрылась дверь в комнату прорицательницы? Отбросив бесплодные раздумья, Конан начал ощупью пробираться вверх по ступеням; по коже поползли мурашки, с каждым шагом он ожидал получить удар ножом в спину и все эти бесконечные минуты жаждал одного — утопить свой полустрах, полупредчувствие в яростном, беспощадном кровопролитии.

Поднявшись, Конан попробовал сдвинуть плиту — бесполезно. Оставалась последняя надежда — разрубить плиту. И тут, замахиваясь мечом, он левой рукой задел засов — похоже, когда дверь закрылась, тот сам вошел в паз. Киммериец вмиг отодвинул засов, и от первого же толчка дверь приоткрылась. Он вихрем ворвался в комнату: глаза — узкие щелки, изо рта звериное рычание — сама свирепость, кровожадность, жажда мести. Но схватки с коварным врагом не получилось: комната была пуста.

Кинжал, оставленный им в щели между плитами, пропал. Пьедестал опустел — Елайя снова исчезла.

— Великий Кром! — пробормотал киммериец.— Неужто она и вправду живая?

Он вышел в тронный зал, потоптался там немного и вдруг, пронзенный внезапной мыслью, быстро прошел за троном и заглянул в альков. На гладком мраморе, там, где он бросил бесчувственное тело Гварунги, виднелись следы крови — и все! Сам чернокожий исчез таким же таинственным образом, как и Елайя.

IV

«ЗУБЫ ГВАЛУРА»

На короткое время разум Конана-киммерийца захлестнула слепая ярость: выручить Мьюрелу оказалось не менее сложным делом, чем овладеть «Зубами Гвалура». В голове вертелась одна мысль: не упустить жрецов. Быть может, непроглядный туман прояснится у тайника с сокровищами и там он получит подсказку, где следует искать девушку? Правда, надежда была невелика, но все же это лучше, чем бессмысленное блуждание по дворцу без определенной цели.

Конан крадучись шел по широкому, в черных проемах коридору, ведущему к портику, каждый миг ожидая, что затаившиеся по сторонам и за его спиной тени вдруг оживут клыками и когтями — острыми, как стальные клинки. Но ничто, кроме частых ударов его сердца, не нарушало ночной тишины, когда, настороженный, слегка пригнувшись, он появился у входа во дворец на вершине мраморной, в пятнах лунного света лестницы.

Варвар сбежал по широким ступеням, внизу внимательно огляделся: он искал знак, который указал бы ему верное направление. И такой знак нашелся — несколько лепестков упали на газон там, где оружие или свободные одежды прошлись по усыпанной цветами ветке. Трава в том месте была примята чьими-то тяжелыми шагами. Для Конана, который в родных горах охотился за волками, не составило особого труда пройти по следу кешанских жрецов.

След вел от дворца сквозь густые заросли необычных растений — их крупные цветы в мерцающих бледных лепестках источали экзотический, терпкий аро-

мат; сквозь тускло зеленеющие кусты, от малейшего прикосновения просыпавшиеся градом цветов; сквозь узкие заросшие аллеи, пока наконец не вышел к громадной скале, точно замок великана выступавшей из кольцевой гряды в том месте, где та ближе всего подходила ко дворцу, почти невидимому за высокими деревьями и сплетениями лиан. Похоже, тот болтливый жрец все-таки ошибся, утверждая, будто «Зубы Гвалура» спрятаны во дворце. Правда, след уводил все дальше от Мьюрелы, но с каждым шагом в варваре крепла уверенность, что из дворца во все концы долины протянулись подземные ходы.

Неслышно пробираясь в темно-фиолетовой тени разросшегося кустарника, Конан тщательно обследовал выдававшуюся поверхность скалы, дерзко обнаженную в ярком лунном свете. Склон, круто уходивший вверх, покрывали странные, высеченные в камне изображения уродливых мужчин и женщин, животных и каких-то людей, во многом схожих со зверями,— очевидно, богов или демонов. Манера исполнения, разительно отличавшаяся от всего, что он здесь успел повидать, наводила на мысль, что художник принадлежал к иной эпохе, к иной расе, исчезнувшей за многие столетия до того, как в долину пришел народ, отстроивший Алкменон, и искусство которой, шагнув через тысячелетия, осталось на этих стенах осколками давно забытого прошлого.

Среди ползучих растений в скале зиял большой темный провал — открытая дверь; там же в скале была высечена голова дракона, так что дверной проем являл собой разинутую пасть чудовища. Сама дверь, отлитая из бронзы, весила несколько тонн. Конан не заметил никаких замков, лишь по краю массивного портала с внутренней стороны виднелось несколько засовов; как видно, дверь открывалась и закрывалась с помощью особого механизма, секрет которого — он в этом ни на миг не сомневался — знали одни кешанские жрецы.

След показывал, что Горулга с младшими жрецами прошел в эту дверь. Тем не менее Конан колебался. Дожидаться их здесь? Но что, если дверь закроется перед его носом, а он не сможет найти способ, как ее открыть? С другой стороны, если последовать за ними, жрецы могут оказаться у входа раньше его и закроют его в этой пещере.

В конце концов, отбросив опасения, он проскользнул под большим порталом в пещеру. Где-то здесь, под мрачными каменными сводами, находятся сейчас жрецы, «Зубы Гвалура», а может быть, и ключ к спасению Мьюрелы. Соображения о личной безопасности еще ни разу не смогли удержать варвара от разумного риска.

Лунный свет, падая в открытую дверь, освещал несколько ярдов туннеля. Впереди Конан увидел слабые отблески пламени, эхо доносило оттуда обрывки заунывного песнопения. Жрецы ушли не так далеко, как он предполагал. Еще до того, как он вступил во тьму, узкий туннель расширился и превратился в правильной формы пещеру — не очень большую, но с высоким овальным сводом, инкрустированным фосфоресцирующими кристаллами: как Конан уже догадался — довольно распространенный способ освещения для архитектуры этого уголка света. Людей в пещере не было. В призрачном полумраке киммериец различил изваяние отвратительного, сидящего на корточках полузверя-получеловека, а также черные пасти шести-семи коридоров. Один из них находился как раз за спиной скрюченной каменной фигуры, само изваяние свои-

ми жуткими круглыми глазами смотрело прямо на входящего. В глубине коридора плясали отблески огня. «Наверняка от факелов,— подумал он,— ведь свет от кристаллов был ровным». Доносившееся оттуда пение постепенно набирало силу.

Медленно, крадучись, он миновал пещеру, коридор и очутился у входа в новую пещеру — гораздо больше первой. В ней не было фосфоресцирующих кристаллов, но факелы в руках жрецов давали достаточно света. В центре пещеры помещался массивный алтарь, а за ним, невыразимо мерзкий, вызывающий дрожь ужаса, стоял на четвереньках, точно жаба прильнув к полу, еще один идол. Перед отвратительным божеством стояли на коленях Горулга и десять младших жрецов; распевая тягучими голосами, они били лбами о каменный пол. Конан понял, почему процессия продвигалась так медленно: очевидно, прежде чем приблизиться к тайнику с «Зубами», необходимо было тщательно соблюсти длинный, утомительный ритуал.

Весь в нетерпении, он возбужденно переминался с ноги на ногу, но наконец поклоны и пение прекратились и, поднявшись с колен, жрецы прошли в коридор, открывавшийся в пещеру за свирепым идолом. Покачиваясь, факелы поплыли под каменными сводами, Конан — легко и бесшумно — за ними. Опасности быть обнаруженным — почти никакой. В тени он невидим, он точно порождение ночи, к тому же жрецы без остатка отдались своим ритуальным забавам. Похоже, они даже не заметили отсутствия Гварунги.

Процессия вошла в третью по счету пещеру — уже совершенно невероятных размеров; ее отлогие стены обегали ряды уступов-галерей. Обряд поклонения возобновился. На этот раз он совершался перед огромным алтарем в честь божества внешне настолько ужасающего и омерзительного, что в сравнении с этим прочие два показались киммерийцу фантазией невинного ребенка.

Конан затаился в черной пасти туннеля, пристальным взглядом обегая стены, на которых плясали огненные блики. Он увидел вырубленную в камне лестницу — ее ступени вели от уступа к уступу; свод пещеры терялся во мраке.

Внезапно по телу варвара волной пробежала дрожь, пение прекратилось, глаза коленопреклоненных разом оторвались от пола, взгляды устремились вверх. Где-то высоко над их головами под невидимым сводом прокатился мощный нечеловеческий голос. Не поднимаясь, жрецы застыли, на их обращенные вверх лица упал зловещий голубоватый свет, вдруг вспыхнувший на неимоверной высоте у самого свода и с каждым мигом разгоравшийся пульсирующим огнем. Вот свет залил очередную галерею — и из груди верховного жреца вырвался крик, тут же подхваченный срывавшимися голосами его спутников. Там, высоко над их головами, яркая вспышка высветила хрупкую белую фигурку — от ее шелковых одежд и золотых с вкраплениями бриллиантов украшений исходило неземное сияние. Постепенно сильный свет начал гаснуть, пока не превратился в слабое то нарастающее, то вновь ослабевающее свечение; предметы потеряли четкость, и от видения на галерее осталось неясное, бледное пятно.

— Елайя!!! — пронзительно вскрикнул Горулга; его обычно смуглую кожу покрыл пепельно-серый оттенок.— За что ты нас преследуешь? Разве мы не покорны твоей воле?

Отраженный от свода, многократно усиленный и искаженный до неузнаваемости, по галереям скатился зловещий, как из потустороннего мира, голос:

— Горе неверным! Горе продажным детям Кешлы! Проклятие на головы тех, кто изменяет своему божеству!

Вопль ужаса взметнулся над кучкой жрецов. Чуть поодаль в свете пылающих факелов стоял Горулга — неподвижный, словно вытянувший шею гриф.

— Я не понимаю! — запинаясь, наконец выдавил он.— Там, в комнате, ты нам сказала...

— Забудь все, что слышал в комнате! — вновь скатился сверху ужасный голос — такой мощный, что казалось, мириады глоток разом кричат, бормочут, шепчут в унисон одни слова.— Берегись ложных пророков и ложных богов! Демон в обличье богини говорил с тобой во дворце, его слова — ложь! А сейчас слушай и повинуйся, ибо я — настоящая богиня и я даю тебе только одну возможность избежать проклятия! Возьми из тайника «Зубы Гвалура». Все до последнего! Алкменон более не обитель богов: осквернённый дыханием язычников, он утратил былую святость. Отдай «Зубы Гвалура» стигийцу Татмекри, и пусть тот отнесет их в святилище Дагона и Деркето. Только так можно спасти Кешан от страшных бедствий, уготованных ему демонами Тьмы. Повелеваю тебе: возьми «Зубы Гвалура», немедленно возвращайся в Кешлу, там передай сокровища Татмекри, потом отдай приказ схватить чужака Конана и на площади содрать с него живого кожу!

Никто и не подумал усомниться. Стуча зубами от страха, жрецы кое-как поднялись с колен и нестройной толпой, спотыкаясь на каждом шагу, побежали к открытой двери по ту сторону отвратительного идола. Впереди всех бежал Горулга. Вопя и размахивая факелами так, что пламя лизало черные спины, группа жрецов протиснулась в дверь, и скоро торопливое шарканье их босых ног замерло в отдалении.

Конан остался. Его вдруг охватило непреодолимое желание докопаться до сути загадочных явлений, свидетелем которых он стал. Была ли то сама Елайя, как подсказывала ему его природа варвара,— недаром же при звуках этого голоса тыльную сторону кистей покрыл холодный пот! Или это опять проделки Мьюрелы, переметнувшейся на сторону врага? А что, если...

Не успел в черном туннеле погаснуть последний отблеск факела, как Конан рванулся вверх по каменной лестнице. Голубоватое свечение быстро тает, но еще можно различить стоящую на уступе бледно-матовую фигуру. Вот он ступает на галерею. У человека перехватывает дыхание, леденеет в жилах кровь, но он не колеблется ни секунды. Шаг вперед, другой, третий... Весь комок нервов и мускулов, киммериец медленно приближается к богине, и вот он рядом — словно бог Смерти возвышается с занесенным мечом над загадочной неподвижной фигурой.

— Елайя! — прорычал он.— Ха! Мертва, как и всю тысячу лет!

В темном провале коридора за его спиной обозначилась неясная тень. Но чуткий слух киммерийца вовремя уловил внезапный частый топот босых ног. Он повернулся и — гибкий, точно кошка,— увернулся от нацеленного в спину смертельного удара. И как только мерцающая в черной руке сталь просвистела

мимо его уха, Конан с яростью разбуженного питона сделал выпад — и его клинок, пронзив убийцу насквозь, вышел у того между лопаток на полтора фута.

— Так-то! — Конан выдернул меч, жертва, разинув рот, захлебываясь кровью, повалилась на пол.

Человек дернулся пару раз и затих. В гаснущем свете Конан увидел эбеновое тело, черное лицо, застывшие черты которого в голубоватых сумерках казались особенно зловещими: он только что убил Гварунгу.

С трупа Конан перевел взгляд на богиню. На уровне груди и колен ее мертвое тело оплетали ремни, накрепко связавшие ее с каменным столбом за спиной, а черные волосы, схваченные за столбом в узел, придавали голове горделивую посадку. Достаточно было отойти на несколько ярдов — и в сумеречном свете тонкие путы терялись из виду.

— Похоже, он пришел в себя, когда я спустился в туннель,— пробормотал Конан.— Наверное, догадался, что я там, потому и вытащил из щели нож, отчего закрылась дверь.— Нагнувшись, он выдернул из коченеющих пальцев нечто похожее оружие, мельком осмотрел и, удовлетворенно хмыкнув, сунул на место — себе за пояс.— Потом забрал Елайю, чтобы с помощью ее трупа одурачить своих братьев по вере. Он-то и прокричал им «волю» богов. В пещере с таким эхом мудрено узнать знакомый голос. А что касается таинственного голубого пламени, то где-то я уже видел такой фокус. Известные штучки стигийских жрецов. Должно быть, Татмекри одолжил Гварунге своего огненного зелья.

Гварунга легко мог добраться сюда задолго до своих собратьев. Очевидно, по слухам или благодаря картам, переходившим в среде жрецов из поколения в поколение, он был неплохо осведомлен о расположении пещер и туннелей. Скорее всего, вместе с телом Елайи он вошел в первую пещеру вслед за остальными, а потом окружным путем, через вырубленные в чреве скалы коридоры и комнаты, пробрался со своей ношей на галерею. Времени у него было предостаточно: Горулга с подопечными подолгу топтались в каждой пещере, творя свой бесконечный ритуал.

Сумерки сгустились еще больше, и в наступившем мраке проступил другой источник слабого сияния — входной проем одного из выходивших на эту галерею коридоров. Где-то в его глубине находилось скопление фосфоресцирующих кристаллов — Конан узнал их бледное ровное свечение. Коридор уходил в том же направлении, в котором скрылись жрецы, и он решил пойти этим путем вместо того, чтобы спускаться во тьму, заполнившую громадную пещеру. Он был уверен, что рано или поздно тот выведет его на другую галерею в другой пещере или комнате, куда — кто знает? — быть может, и направляются жрецы. Киммериец вошел в узкий туннель. По мере продвижения вперед сияние усиливалось, он уже различал стены, пол и потолок. Где-то впереди, точно со дна колодца, вновь послышалось пение служителей Елайи.

Внезапно, очерченный ярким свечением, в левой стене показался проем, и до ушей варвара донеслись приглушенные рыдания. Он круто остановился и заглянул туда.

Его глазам открылась пещера — в отличие от прочих, созданных природой, эта была вырублена в монолитной скале руками человека. С куполообразного

свода падал ровный белый свет, стены были почти невидимы под густой вязью арабесок все из того же утомлявшего глаз золота.

У дальней стены на гранитном троне, навечно обратя взор к входящему под сводчатый портал, сидел чудовищный, отвратительный до тошноты Птеор, бог пелиштов; отлитый из бронзы, с неестественно большими членами, он словно олицетворял собой все уродство самого культа. А у его ног на каменных плитах распростерлась хрупкая полуобнаженная фигурка.

— Ну и дела, будь я проклят! — пробормотал Конан, пораженный.

Окинув подозрительным взглядом комнату и не заметив ни других ходов, ни признаков чьего-либо присутствия, он, бесшумно ступая, приблизился к девушке. Ее нежные узкие плечи вздрагивали от безысходного плача, лицо было спрятано в ладонях, длинные волосы растрепались. От толстых золотых колец на лодыжках идола к браслетам на запястьях девушки сбегали две золотые цепочки.

Киммериец положил руку на обнаженное плечо — Мьюрела, вздрогнув, закричала и повернула к нему перекошенное, все в слезах лицо.

— Конан! — Она рванулась к варвару в попытке обнять его, прижаться к этой сильной надежной груди, но ее удержали цепочки.

Он разрубил мягкий металл, выбрав звенья поближе к запястьям, проворчал:

— Придется тебе походить с браслетами, пока я не раздобуду зубило или напильник. Да отлепись ты от меня! Очень уж ты чувствительна для гордой богини. Ну, выкладывай, что с тобой стряслось.

— Когда я снова вошла в комнату прорицательницы,— заговорила девушка, едва сдерживая слезы,— я увидела, что богиня, совсем как в тот первый раз, лежит на пьедестале. Я крикнула тебя и побежала к двери, но вдруг что-то обхватило меня со спины. Рот зажала волосатая рука, в стене открылся ход, и меня потащили сначала по ступенькам и дальше — по темному коридору. Я ничего не видела, пока меня не пронесли мимо металлической двери и я не очутилась в коридоре с потолком, усеянным светящимися камнями, совсем как здесь.

О, я чуть было не упала в обморок, когда их увидела! Настоящие нелюди! Серые, сплошь заросшие волосами, ходят, как мы, а говорят на какой-то дикой тарабарщине — ни один нормальный человек не разберет! Там они остановились, точно поджидая кого-то, вдруг слышу — на дверь с той стороны будто кто-то налег плечом. Тогда одна тварь потянула вниз рычаг в стене, и что-то там с оглушительным грохотом рухнуло.

Потом меня опять несли по извилистым коридорам, вверх по каменной лестнице, пока наконец не втащили в эту комнату, чтобы здесь приковать к своему ужасному идолу. До сих пор не могу опомниться. Кто они, ты не знаешь?

— Слуги Бит-Якина,— буркнул киммериец.— Ко мне попал один манускрипт, и кое-что я в нем разобрал, ну а когда наткнулся на настенные фрески, то понял и остальное. Бит-Якин был из пелиштов, он вместе со своими слугами пришел в долину уже после того, как ее оставили алкменонцы. Здесь он нашел мертвое тело принцессы Елайи и обнаружил, что кешанские жрецы регулярно навещают ее, чтобы сделать подношения: видимо, уже тогда ее почитали как богиню.

Он сделал из нее прорицательницу и сам от имени богини вещал жрецам из ниши, которую устроил в стене за ее пьедесталом из слоновой кости. Жрецы не подозревали об обмане: они никогда не видели ни самого пелишта, ни его слуг, поскольку те всегда успевали заблаговременно укрыться. Бит-Якин здесь жил, здесь он и умер, а чернокожие так ничего и не узнали. Один Кром ведает, сколько времени он пробыл в этих стенах, но думаю, не меньше нескольких столетий. Мудрецы-пелишты знают секрет, как растягивать срок жизни на века. Я сам видел кое-кого из них. Почему он навсегда остался в этой долине, один, лишь в окружении слуг, и почему взял на себя роль прорицателя — простому человеку не понять. Я полагаю, он затеял это для того, чтобы, объявив город святым местом, уберечь его от заселения другими народами, а в конечном счете — уберечь свой покой. Сам Бит-Якин питался подношениями жрецов, которые хотели умилостивить свою богиню и не скупились на дары, а его слуги перебивались как могли. В Пунтийских горах есть озеро, куда тамошние племена бросают своих мертвецов, а из озера вытекает подземная река. Так вот: эта река бежит как раз под дворцом. У них там проложены вдоль стен галереи и сделаны лестницы к воде — с них-то они и вылавливают проплывающие мимо трупы. Бит-Якин все записал в свой манускрипт и наглядно изобразил с помощью настенных фресок.

Но в конце концов он умер, и слуги, следуя предсмертной воле хозяина, забальзамировали тело и оставили в пещере. Об остальном нетрудно догадаться. Слуги, которым наверняка также известен секрет долголетия, остались здесь; и когда верховный жрец в очередной раз пришел к богине за пророчеством, то некому было удержать их в узде и жреца просто разорвали на куски. С тех пор, вплоть до паломничества Горулги, никто не осмеливался приходить к прорицательнице.

Очевидно, слуги время от времени обновляли одежду и украшения богини, как это делал их хозяин. Где-то во дворце должна быть комната, которая запирается наглухо, и там, при соблюдении некоторых условий, можно уберечь шелк от порчи. Это слуги, обнаружив пропажу богини, нашли ее, одели и вернули на место... Да, совсем забыл: они отрезали Зархебе голову и подвесили ее за волосы среди лотосовых деревьев.

Девушка вздрогнула всем телом, и вместе с тем у нее вырвался вздох облегчения:

— Больше он не будет бить меня плетью!

— На этом свете — пожалуй, что да,— согласился Конан.— Но пойдем дальше. Заставив богиню вновь заговорить, Гварунга опрокинул все мои расчеты. И сейчас мне остается одно: следить за жрецами и, дождавшись, когда они завладеют сокровищами, отобрать у них камни. И вот еще что: впредь держись рядом. Не могу же я вечно разыскивать тебя в этом дворце!

— А как же слуги Бит-Якина? — прошептала она со страхом.

— Все равно надо попытаться. Не знаю, что там у них на уме, но пока они не выказывали намерения драться в открытую. Пошли.

Варвар взял девушку за руку, и вдвоем они вышли из комнаты. По мере продвижения по коридору пение жрецов усиливалось, вместе с ним нарастал дру-

гой звук — низкий, угрюмый шум водного потока. Наконец они вышли на галерею, протянувшуюся почти под самым сводом большой пещеры. Затаив дыхание, оба осторожно выглянули из-за края уступа на разыгравшуюся глубоко под ними зловещую фантастическую сцену.

Прямо над их головами мерцали фосфоресцирующие огоньки, в сотне футов внизу раскинулся гладко отполированный пол пещеры. У дальней стены пол обрывался в глубокий ревущий поток, зажатый в скалистые берега. Вся в бурунах и пене, вода неслась из непроницаемого мрака, разрезала пещеру и снова исчезала в темноте. Водовороты и валы, отражая льющийся со сводчатого потолка свет, словно в россыпях драгоценных камней, как живые, мерцали холодно-голубым, полыхали огненно-красным и переливались всеми оттенками зеленого.

Конан и его спутница стояли на одном из уступов, который короткой галереей протянулся по самому верху стены у основания свода; отсюда к небольшому уступу в стене, вставшей по ту сторону кипящего потока, на головокружительной высоте через всю пещеру взметнулся легкий арочный мостик — ажурное творение природы. Десятью футами ниже стены пещеры соединяла другая, более широкая арка. С каждой стороны оба основания пролетов соединяли вырубленные в скале ступени.

Взгляд Конана, следуя изгибу мостика от уступа, на котором он стоял, вдруг уловил мерцание, не похожее на зловещий бледный свет от камней в потолке пещеры. На узкой площадке напротив монолитную стену нарушала брешь, сквозь которую в пещеру заглядывали звезды.

Но он лишь отметил про себя эту деталь — и тут же сосредоточил все внимание на людях внизу. Жрецы пришли к цели своего паломничества. Там, в овальном углу пещеры, стоял высеченный из камня алтарь — на этот раз без посаженного сверху идола. Находилось ли какое-нибудь изваяние за алтарем, Конан утверждать не мог: благодаря изгибу стены или игре света весь угол был погружен во мрак.

Жрецы воткнули факелы в отверстия в каменном полу, и перед алтарем на расстоянии нескольких ярдов образовался правильный огненный полукруг. Жрецы встали полумесяцем внутри освещенного полукруга, а Горулга, воздев к своду руки, пробормотал невнятные заклинания. Затем, склонившись над алтарем, он опустил на него открытые ладони. Край каменного блока начал приподниматься, точно крышка сундука, пока не встал на обращенную к углу плоскость, открыв под собой маленький тайник.

Протянув в углубление длинную руку, Горулга извлек оттуда небольшую медную шкатулку. Вернув алтарь на место, верховный жрец установил на него шкатулку и откинул крышку. Людям на верхней галерее, впившимся жадными глазами в тусклую медь, вдруг показалось, что от его легкого движения из шкатулки во все стороны хлынули струи живого огня — дрожа и пульсируя, он окружил алтарь сверкающим ореолом. Сердце варвара бешено заколотилось, рука сжала рукоять меча. Наконец-то! Вот они — «Зубы Гвалура»! Сокровище, владелец которого станет самым богатым человеком на земле! Дыхание с шумом прорывалось сквозь его крепко стиснутые зубы.

Внезапно он насторожился: что-то случилось с пламенем факелов и с призрачным мерцанием фосфоресцирующих камней: их свет бледнел, еще немного — и они погаснут вовсе! Отовсюду к алтарю подкрадывалась тьма, и только там, вокруг шкатулки, все усиливалось зловещее сияние «Зубов Гвалура». Чернокожие застыли, обратившись в базальтовые статуи; их неподвижные тела отбрасывали длинные уродливые тени.

Вот сияние камней залило алтарь сверху донизу, в нем резко выделялось окаменевшее от изумления лицо Горулги. И вдруг затаившаяся тьма за алтарем стала рассеиваться, и медленно, вместе с вползающим в угол светом, там проступили неясные, точно возникшие из тишины и ночи фигуры.

На первый взгляд — серые каменные статуи: неподвижные, волосатые, похожие на человека, но вызывающие лишь отвращение и страх. Однако это были не статуи: груди медленно вздымались и опадали, в живых глазах мерцали искорки холодного огня. Вот сполохи зловещего сияния высветили звериные лица; тут же Горулга издал дикий вопль и, в ужасе вскинув длинные руки, подался назад.

Но над алтарем метнулась чья-то еще более длинная уродливая рука, и узловатые пальцы сомкнулись вокруг его горла. Упиравшегося, не переставшего кричать верховного жреца протащили поверх алтаря, на его голову железным молотом обрушился огромный кулак — и крики оборвались. Тело — обмякшее, безвольное — распростерлось на каменной плите, из размозженного черепа медленно вытекал мозг. Вдруг будто между Тьмой и Светом прорвало плотину — то слуги Бит-Якина ринулись на пораженных ужасом черных жрецов.

И разразилась бойня — кровавая и беспощадная.

С галереи казалось, что черные тела набиты соломой,— с такой легкостью швыряли их убийцы, против нечеловеческой мощи и проворства которых кинжалы и мечи жрецов были бессильны. Конан видел, как чернокожие взлетали в воздух, как от удара об алтарь раскалывались черепа. Он увидел, как одно из чудовищ, зажав в руке пылающий факел, запихнуло горящий конец в глотку жреца, пока тот, отчаянно извиваясь, тщетно пытался высвободиться, стиснутый лапами другого. Он видел, как человека, точно цыпленка, разорвали надвое и как швырнули обе части тела через всю пещеру. Избиение — стремительное и ужасное — прокатилось по рядам жрецов подобно урагану. Один кровавый яростный всплеск — и он угас; и лишь один несчастный, чудом избежавший лап чудовищ, с отчаянным воплем бросился по коридору, которым процессия пришла в пещеру. Следом за ним — забрызганные красным, с протянутыми к жертве окровавленными руками — устремились все порождения Ужаса и Тьмы. Беглец с преследователями пропали в черной пасти туннеля, несколько раз оттуда донеслись слабеющие вопли — и наступила тишина.

Мьюрела едва не лишилась чувств — сжавшись в комочек и обхватив руками ноги Конана, она уткнулась лицом в его колени, крепко зажмурив глаза. Ее дрожащая фигурка выражала неподдельный ужас. Варвар, напротив, был полон энергии. Быстрый взгляд на брешь с мерцающими звездами, потом взгляд вниз: туда, где на забрызганном кровью алтаре все еще излучала сияние открытая шкатулка,— и он наметил план, как можно с честью и с поживой окончить это рискованное предприятие.

— Я спущусь за шкатулкой,— отрывисто сказал он.— Жди меня здесь!

— Во имя Митры, не уходи! — В новом приступе страха она повалилась на пол и вцепилась в его сандалии.— Не уходи! Не оставляй меня одну!

— Лежи тихо и не вздумай разевать рот! — отрезал он и резким движением высвободил ноги.

Спускаться по ступеням не было времени. Не думая об опасности сломать себе шею, киммериец стал прыгать с уступа на уступ. Вот его ноги коснулись основания пещеры — вокруг все тихо. Вставленные в отверстия в полу несколько факелов по-прежнему горели желтым пламенем; со свода падал ровный бледный свет кристаллов; а волны реки — все в разноцветных блестках — словно переговаривались между собой на незнакомом языке. Загадочное сияние — предвестник появления слуг Бит-Якина — с их исчезновением померкло. И только камни в медной шкатулке переливались зловещим ярким светом.

Обеими руками Конан схватил шкатулку, одним жадным взглядом окинув ее содержимое — необычной формы камни, горящие холодным неземным огнем. Варвар захлопнул крышку и, прижав добычу к груди, бросился к каменной лестнице — у него не было ни малейшего желания встречаться с волосатыми слугами Бит-Якина. Он достаточно на них насмотрелся, чтобы сделать заключение об этих тварях как о воинах. Одно непонятно: почему они ждали так долго, прежде чем нанести по незваным гостям свой сокрушительный удар? Конан отбросил эту мысль; ни один мудрец не разгадает, что движет этими чудовищами. Они на деле показали, что они ровня людям и по уму, и по сноровке. К тому же там, на каменном полу пещеры, лежат изуродованные и окровавленные свидетельства их звериной ярости.

Он застал коринфийскую танцовщицу в том же положении, как и оставил,— дрожащую и на коленях. Схватив девушку за руку, он рывком поставил ее на ноги.

— Пожалуй, самое время незаметно удалиться.

Парализованная ужасом, не сознавая, что вокруг происходит, Мьюрела покорно ступила за ним на ажурный мостик. И только когда прямо под ними забурлил поток, она, вдруг посмотрев вниз, испуганно вскрикнула и, если бы не Конан, непременно сорвалась бы в пропасть. Он успел свободной рукой обхватить талию девушки и, взяв ее под мышку, потащил безвольное, слабо шевелящееся тело к бреши на другом конце мостика. Не задерживаясь для того, чтобы поставить девушку на ноги, он шагнул в проем в стене и быстро пошел коротким туннелем. Еще немного — и оба оказались на узком уступе с наружной стороны скал, опоясавших долину. Менее чем в ста футах под ними в неверном свете звезд катились волны джунглей.

Конан посмотрел вниз — и не мог сдержать шумного вздоха облегчения. Киммериец не сомневался, что даже вместе с ношей из камней и девушки он без особого труда справится со спуском; а вот подняться в этом месте, пусть одному, навряд ли удалось бы. Он поставил шкатулку — всю в пятнах крови и в ошметках мозгов верховного жреца — и уже приготовился расстегнуть пояс, чтобы привязать к спине драгоценную добычу, как вдруг застыл, сраженный шорохом — зловещим и таким знакомым, донесшимся из глубины скалы.

— Будь здесь! — отрывисто бросил он испуганной коринфийке.— Не двигайся! — И, вытащив меч, варвар скользнул обратно в туннель. У проема он осторожно заглянул в пещеру.

На середине верхнего мостика он увидел безобразную серую фигуру. Один из слуг Бит-Якина напал на его след. Сомнений нет: тварь видела их и теперь преследует. Драться у входа в коридор, конечно, выгоднее, но дело надо кончить быстро, до того как подоспеют остальные слуги.

Киммериец вышел на карниз, ступил на мостик. Перед ним — ни обезьяна, ни человек. Согнувшись, волоча ноги, к нему приближался сам Ужас — порождение таинственных безымянных джунглей, раскинувшихся на юге, где в ядовитых испарениях кишела неведомая жизнь, куда не проникла цивилизация и где в деревянных храмах в честь кровожадных идолов били огромные барабаны. Как древнему пелишту удалось подчинить их своей воле да еще прожить столько времени отрезанным от остального мира — то была загадка из загадок. Впрочем, даже располагай он такой возможностью, варвар не стал бы ломать голову над поиском решения.

Человек и чудовище! Они сошлись на гребне арочного мостика, под которым на глубине ста футов несла бешеные воды черная река. И как только тварь нависла над ним своей серой, точно в проказе обсыпанной белесыми чешуйками тушей, Конан нанес удар, какой наносит раненый тигр,— внезапный и стремительный, вложив в него всю силу и всю ярость варвара. Обычного человека такой удар разрубил бы надвое, но кости слуги Бит-Якина были словно из закаленной стали. И все-таки даже закаленная сталь имеет предел прочности. Ребра не выдержали, и из огромной раны заструилась кровь.

Для второго удара не осталось времени. Прежде чем киммериец успел вновь замахнуться или отскочить назад, огромная рука смахнула его вниз с такой же легкостью, с какой щелчком сбивают со стены муху. Он полетел в поток, и шум воды зазвучал в его ушах похоронным звоном; но через несколько футов его отчаянно извивающееся тело ударилось поперек арки нижнего моста. Там оно задержалось на мгновение, покачиваясь, словно в нерешительности, но пальцы левой руки уже вцепились в арочный срез, еще немного — и, подтянувшись, он выбрался на мост, как и всегда, сжимая в правой верный меч.

Вскочив на ноги, он тут же глянул вверх: истекая кровью, чудовище мчалось к узкому козырьку с явным намерением, спустившись по лестнице, соединяющей обе арки, возобновить схватку. У самого уступа тварь вдруг остановилась, повернув голову в сторону, и Конан с ужасом увидел, что привлекло ее внимание: там, у входа в туннель, со шкатулкой в руках стояла Мьюрела, глаза девушки были широко раскрыты, тело била крупная дрожь.

С победным ревом чудовище одной лапой сгребло девушку под мышку, другой подхватило оброненную ею в страхе шкатулку и, повернувшись, неуклюже затопало обратно по мостику. Крепко выругавшись, Конан заспешил на другую сторону нижнего моста. Мозг занимала одна мысль: во что бы то ни стало догнать тварь до того, как та успеет раствориться в лабиринте переходов, изрезавших чрево скалы.

Но постепенно движения чудовища стали замедляться, словно у механической игрушки, у которой кончается завод. Кровь ручьями текла из широкой ра-

ны на груди; зверь, точно пьяный, покачивался из стороны в сторону. Вот он запнулся, начал заваливаться на бок и вдруг, сорвавшись, полетел вниз головой. Девушка и шкатулка с драгоценностями выпали из онемевших рук, и в воздухе, перекрывая рычание потока, раздался душераздирающий вопль Мьюрелы.

Туша падающего зверя едва не сбила Конана с моста. Задев ногами каменную арку, чудовище рухнуло в поток; но девушка, ударившись о камень, каким-то чудом сумела зацепиться за край, шкатулка упала на срез арки футах в пяти от нее. Конан оказался между ними: с одной стороны — девушка, с другой — сокровище. Оба — на расстоянии вытянутой руки, и лишь доля секунды на раздумье: шкатулка опасно раскачивается на самом краю, а Мьюрела висит уже на одной руке, ее лицо со страстной мольбой обращено к нему, глаза расширены в предчувствии близкой смерти, рот приоткрыт в немом отчаянном крике.

Конан не колебался, он даже не взглянул на шкатулку, таившую в себе богатства целой эпохи. Со стремительностью, превосходившей бег голодного гепарда, он бросился на камни и в тот миг, когда ослабевшие пальцы соскользнули с гладкого края, успел схватить девушку за руку. Затем одним мощным рывком поставил ее на ноги. Шкатулка, потеряв равновесие, перевалилась через край и, пролетев девяносто футов, с негромким всплеском вошла в воду, где незадолго до нее скрылся слуга Бит-Якина. Клочок пены, брызги и пузыри отметили то место, где навсегда от людских глаз скрылись «Зубы Гвалура».

На сожаления не было времени. Подхватив девушку, словно маленького ребенка, Конан дикой кошкой метнулся через мост и дальше — вверх по вырубленным в скале ступеням. Он уже достиг верхней арки, как вдруг низкое завывание заставило его посмотреть вниз. Из коридорного проема недалеко от алтаря в пещеру волной выкатывались слуги Бит-Якина — с оскаленных клыков каплями стекала кровь. Изрыгая злобное рычание, они ринулись вверх по лестнице, петлявшей от галереи к галерее; но Конан, не слишком церемонясь, перекинул девушку через плечо и, единым духом промчавшись по туннелю, выбежал на козырек, нависший над джунглями. С отчаянным безрассудством, сам точно обезьяна, он заскользил вниз, каким-то чутьем варвара отыскивая опоры и зацепки и ежесекундно рискуя сорваться. Но когда в бреши показались искаженные злобой и яростью морды преследователей, киммериец и девушка уже скрылись в лесу, плотной стеной подступавшем к скалам.

— Ну вот,— сказал Конан, опуская девушку на ноги под надежным зеленым покровом,— теперь можно и отдохнуть. Вряд ли эти твари осмелятся выбраться из своей долины. В любом случае меня здесь, возле озерка, дожидается славный конь, если, конечно, его еще не сожрали львы... Да чтоб тебе прогневить Крома! Сейчас-то ты о чем ревешь?

Мьюрела прижала к заплаканному лицу ладони, ее плечи сотрясали рыдания.

— Ты потерял свои сокровища,— сквозь всхлипывания донеслось из-под ладоней.— И все из-за меня. Если бы я послушалась тебя и дожидалась на уступе, как ты мне сказал, тот зверь ни за что бы меня не увидел. Лучше бы ты спас сокровища, а не меня!

— Что ж, может быть, так было бы и лучше,— согласился он.— Ну да ладно, забудем. Все, что прошло, не стоит сожалений. И будь добра, прекрати ты свой рев!.. Вот так-то лучше. А теперь идем!

— Так ты меня не бросишь? Ты возьмешь меня с собой? — с надеждой в голосе проговорила девушка.

— А что, по-твоему, мне еще остается? — Усмехнувшись, он одобрительным взглядом прошелся по ее ладной фигурке, надолго задержавшись на том месте, где порванная юбка открывала соблазнительную линию бедра цвета слоновой кости.— Ты мне понадобишься для представлений. Возвращаться в Кешлу нам не имеет смысла — там уже делать нечего. Мы отправимся в Пунт. Народ Пунта поклоняется какой-то богине, выточенной из слоновой кости, и на всем протяжении реки моет для нее золото. Я им скажу, что Татмекри подговаривает кешанцев напасть на них и сделать всех своими рабами — что, кстати, чистая правда — и что боги послали меня с целью их защитить... скажем, в обмен на хижину, набитую золотом. А если мне удастся незаметно протащить тебя в храм и подменить тобой их слоновокостную богиню, то не пройдет и месяца, как мы разденем их до последней нитки!

ЗА ЧЕРНОЙ РЕКОЙ

I

КОНАН ТЕРЯЕТ ТОПОР

В лесу стояла такая первозданная тишина, что осторожная поступь обутых в мягкую кожу ног звучала необычно громко. По крайней мере, так казалось одинокому путнику, хотя он шел по едва видимой тропе с уверенностью, свойственной лишь искателям приключений, тем смельчакам, кто исходил немало троп за Громовой рекой. Это был юноша среднего роста, с открытым лицом и копной взъерошенных темно-желтых волос, не упрятанных ни под шапку, ни под боевой шлем. На нем была одежда, обычная для жителей этих мест: туника из грубой ткани, схваченная в талии ремнем, короткие кожаные штаны и сапоги из выделанной шкуры, едва не доходившие до колен. Из-за голенища торчала рукоять ножа. К широкому кожаному ремню были пристегнуты ножны с коротким тяжелым мечом и сумка из той же мягкой шкуры, что и сапоги. Глаза, скользящие по зеленой бахроме леса, плотной стеной вставшего по обе стороны тропы, смотрели спокойно и холодно. Не отличавшийся высоким ростом, он был, однако, хорошо сложен, а короткие рукава открывали сильные, в узлах мускулов руки.

Человек с уверенностью шагал вперед, хотя между ним и последним жильем, где он останавливался, пролегло уже немало миль, и, по мере того как увеличивалось это расстояние, росла смертельная опасность, точно непроницаемая тень, затаившаяся в древнем лесу.

Он шел почти бесшумно, так что страхи во многом были плодом воображения, хотя, с другой стороны, даже легкий шорох прозвучал бы набатным колоколом, коснись он ушей затаившегося в засаде врага. Внешняя беспечность была обманчива: глаза и уши были начеку — особенно уши, ибо самый пытливый

© Перевод А. Циммермана.

взгляд не пробился бы сквозь сплетение ветвей и густых листьев глубже чем на несколько футов.

Но именно инстинкт прежде природных чувств подсказал ему — опасность! Он замер, рука метнулась к рукоятке меча. Человек неподвижно стоял посреди тропы, затаив дыхание, усиленно пытаясь понять, действительно он что-то слышал или это ему только показалось. В воздухе повисла гнетущая тишина. Ни шороха белки, ни щебета птиц. Затем его взгляд остановился на густом кустарнике, росшем у тропы на несколько ярдов впереди. В лесу было тихо, но он только что видел, как там дрогнула ветка. Коротко остриженные волосы на затылке зашевелились, мгновение он медлил в нерешительности, понимая, что малейшее движение — и из кустов к нему рванется смерть.

Вдруг в гуще листвы раздался глухой звук — как будто рубанули секачом по мясной туше. По кустам прошла неистовая дрожь, и тут же из них со свистом вылетела стрела — отскочив за ствол, путник успел заметить, как та скрылась высоко среди деревьев.

Пригнувшись за стволом, сжимая в руке меч, так что подрагивал клинок, он не отрываясь смотрел на гущу зарослей. Но вот кусты раздвинулись, и на тропу неспешно выступил широкоплечий гигант. От удивления у путника округлились глаза. В облике обоих было много общего: те же сапоги, те же штаны, правда из шелка, а не кожаные. Но вместо туники — темная кольчуга, а на гриву черных волос был насажен шлем. Этот шлем буквально заворожил юношу: без гребешка по центру, зато по сторонам приделаны два бычьих рога. Ни один мастер из стран, облагороженных цивилизацией, не смог бы сработать такую вещь. Лицо под шлемом также не слишком походило на лицо цивилизованного человека: смуглое, в шрамах, с холодным блеском в голубых глазах, оно прекрасно вписывалось в фон, создаваемый диким, доисторическим лесом. В правой руке человек держал меч, на острие которого алела свежая кровь.

— Эй, там, чего прячешься? — крикнул он с выговором, доселе неизвестным путнику.— Все в порядке. Пес был один, без дружков. Так что бояться больше некого.

Все еще нерешительно юноша показался из-за ствола и с опаской уставился на неожиданного спасителя. Рядом с незнакомцем он чувствовал себя на редкость беспомощным и слабым — настолько внушительной была у того внешность: взгляд завораживала эта широкая, точно отлитая из железа грудь и опаленная солнцем, в буграх и узлах мускулов рука, сжимавшая окровавленный меч. Своими легкими, со скрытой угрозой движениями незнакомец напоминал пантеру; удивительно гибкий, он ничем не походил на изнеженных цивилизацией жителей городов и селений — даже тех ее оазисов, что вплотную подступали к землям дикарей.

Повернувшись, он сделал шаг назад и раздвинул ветви. По-прежнему мало что понимая, путник, однако, приблизился и заглянул в кусты. Там лежал человек — низкого роста, темнокожий, мускулистый, из одежды лишь набедренная повязка из львиной шкуры, на шее — ожерелье из человеческих зубов, вокруг запястья — медный браслет. За поясом из львиной шкуры торчала рукоять широкого меча, окоченевшие пальцы сжимали тяжелый черный лук. У чело-

века были длинные черные волосы — и это все, что можно было сказать о его голове, поскольку разрубленный до зубов череп являл собой сплошное месиво из крови и вытекшего мозга.

— Клянусь богами — пикт! — пораженный, воскликнул путник.

Холодно мерцающие глаза испытующе посмотрели на него.

— Ты удивлен?

— Меня предупреждали в Велитриуме и еще поселенцы, живущие при дороге, что эти демоны время от времени просачиваются на чужую территорию, но я никак не думал встретить их так далеко от границы.

— Мы всего лишь в четырех милях к востоку от Черной реки,— пояснил положение незнакомец.— А их убивали и в миле от Велитриума. Ни один поселенец от Громовой реки до самой крепости Тасцелан не может чувствовать себя в безопасности. Я взял след пса в трех милях к югу от крепости этим утром и с тех пор преследовал его. Я подоспел вовремя: он уже натягивал тетиву. Еще миг — и пес пополнил бы тобою царство Тьмы. Но я расстроил его планы.

Широко раскрытыми глазами путник взирал на этого загадочного гиганта: казалось невероятным, чтобы смертный смог выследить и убить лесного дикаря, сам оставаясь незамеченным. Для этого требовалось самому слиться с лесной жизнью, раствориться в ней без остатка, что было немыслимо даже для Конаджохары.

— Ты из гарнизона крепости? — наконец спросил он.

— Я не воин. Я получаю плату и довольствие как полевой командир, но исполняю службу в лесах. Валанн понимает, что для меня больше подходит патрулировать лес вдоль пограничной реки, чем сидеть взаперти в курятнике, именуемом крепостью.

Воин небрежно отшвырнул ногой труп поглубже в заросли, выпрямил помятые кусты и, повернувшись, пошел по тропе. Юноша — следом.

— Меня зовут Балтус,— назвал он себя.— Я был в Велитриуме вчера вечером и пока не решил, что лучше: взять надел или поступить в крепость на службу.

— Лучшую землю у Громовой реки уже разобрали,— усмехнувшись, сказал гигант.— Есть много хорошей земли между скалой Скальпа — ты прошел мимо нее за несколько миль отсюда — и крепостью, но там опасно: рёка слишком близко. Пикты пробираются через границу, жгут поселения, режут людей. Бывает, нападают группами. Когда-нибудь они соберутся и выметут из Конаджохары всех поселенцев. Может быть, им это удастся... пожалуй, что так. Вся эта затея с колонизацией — чистое безумие. Ведь есть немало отличной земли к востоку от Боссонских Пределов. Если бы аквилонцы слегка поурезали владения своих баронов, чтобы посеять пшеницу там, где сейчас охотятся на оленей, то ни к чему было бы переходить границу и отбирать у пиктов их землю.

— Странно слышать такое от человека, состоящего на службе у правителя Конаджохары.

— Дело не во мне,— резко ответил его спутник.— Я наемник. Я со своим мечом там, где больше платят. Я никогда не сеял и никогда не посею пшеницу — во всяком случае, пока найдется жатва моему мечу. Но вы, хайборийцы, вы зашли слишком далеко. Вы захватили пограничные земли, сожгли деревни, пе-

ребили людей и отодвинули границу к Черной реке; только я сильно сомневаюсь, чтобы вам удалось удержать то, что вы завоевали, и, уж конечно, вам ни за что не продвинуться дальше на запад. Ваш выживший из ума король не представляет, какие здесь условия. Он жмется с отправкой сюда крупных подкреплений, а поселенцам с нашествием объединенных кланов одним не справиться.

— Но ведь среди пиктов междоусобица,— возразил Балтус.— Они никогда не выступят вместе, а с одним кланом мы всегда справимся.

— Пожалуй, даже с тремя,— согласился воин.— Но однажды появится вождь, который объединит тридцать-сорок племен, как это случилось в Киммерии, когда много лет назад гандерландцы попытались отодвинуть границу к северу. Они начали колонизировать южные земли Киммерии: победили несколько слабых кланов, построили укрепленный город Венариум... да ты и сам наверняка слышал эту историю.

— Да, действительно,— вздрогнув, ответил Балтус. Память о сокрушительном поражении позорным пятном омрачала победную летопись его воинственного народа.— Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы захватили стены. В числе немногих ему удалось вырваться из бойни. Он часто рассказывал нам о том черном дне. Варвары, как несметная прожорливая стая, вдруг хлынули с холмов и атаковали с такой яростью, что было невозможно выдержать их натиск. Мужчин, женщин, детей — всех перерезали. Венариум превратился в груду дымящихся развалин, там и сейчас одни руины. Аквилонцы были отброшены за приграничье и с тех пор уже не отваживались нападать на Киммерию... Но ты говоришь так, будто сам там побывал. Или я ошибаюсь?

— Нет, отчего же.— Воин усмехнулся.— Я был там — и в той прожорливой стае, что хлынула с холмов. Мне не было тогда и пятнадцати зим, но мое имя уже звучало на советах старейшин.

Балтус невольно отпрянул в сторону. Неужели человек, спокойно вышагивающий рядом с ним, один из тех вопящих кровожадных демонов, которые в тот давний день ворвались в город и пролили потоки крови?

— Ты что же, варвар?! — воскликнул он.

Тот не обиделся, а лишь кивнул:

— Я Конан-киммериец.

Страхи прошли. Балтус с живым интересом посмотрел на спутника.

— Я слышал о тебе.

Неудивительно, что пикт так ничего и не заметил,— ведь он пал от руки такого же дикаря! По ярости и свирепости киммерийцы не уступали пиктам, но были гораздо смышленее и накопили кое-какие знания. Похоже, Конан немало повращался среди цивилизованных народов, хотя, судя по виду и повадкам, не стал мягче и сохранил в неприкосновенности все примитивные инстинкты. Удивление сменилось восхищением, когда Балтус заметил, как по-кошачьи легко и бесшумно киммериец ступает по земле. Смазанное вооружение ни разу не звякнуло — в самой густой роще или в сплошных зарослях кустарника Конан мог бы скользить так же неслышно, как любой голый пикт.

— Ты не из гандеров? — скорее подтверждая собственную догадку, чем спрашивая, обратился к нему киммериец.

Балтус покачал головой.

— Я из Турана.

— В Туране есть немало добрых лесных жителей. Но боссонцы несколько веков стояли между аквилонцами и дикарями с запада, поэтому вам не хватает выучки и жесткости.

Варвар был прав: Боссонские Пределы с укрепленными деревнями, в которых мужское население состояло из решительных и храбрых лучников, долгое время надежно защищали Аквилонию от племен варваров. Сейчас среди поселенцев, обосновавшихся за Черной рекой, подрастало поколение, способное сражаться с варварами их же оружием, но настоящих воинов набралось бы пока немного. Большинство колонистов, как и Балтус, были скорее крестьянами, чем жителями лесов.

Солнце еще не село, но уже скрылось из виду за густой стеной леса. На тропу наползали длинные тени.

— Мы не успеем дойти до крепости, как стемнеет,— обронил Конан. И вдруг: — Тише!

Он круто остановился, замер, слегка согнувшись, меч обнажен — снова дикарь, жестокий, подозрительный, готовый в любой миг крушить врага, отпрыгнуть, впиться в глотку. Балтус и сам все слышал: дикий вопль, оборвавшийся на высшей ноте,— так кричит человек в смертельном ужасе или агонии.

В следующий миг Конан уже мчался по тропе, с каждым прыжком увеличивая расстояние между собой и напрягающим все силы спутником. Балтус хрипло выругался. У себя в Туране он считался неплохим бегуном, однако Конан уходил вперед прямо-таки с оскорбительной легкостью. Но когда в уши ворвался дикий вопль — самый ужасный, какой он мог себе представить,— тут стало не до мелочных обид. Леденящий кровь, как завывание потусторонних тварей, он словно был исполнен скрытого торжества над побежденным человечеством, жутким эхом отдаваясь в темных уголках сознания.

Балтус запнулся, тело покрыл холодный пот. Но Конан не колебался: стрелой метнувшись за поворот тропы, варвар исчез, и Балтус, вдруг с ужасом осознав, что он остался один на один с этим кошмарным воем, заполнившим весь лес зловещими отголосками, собрал волю в кулак и, взяв немыслимую скорость, помчался вслед за киммерийцем.

Аквилонец едва не налетел на варвара: тот стоял посредине тропы над изувеченным телом. Но Конан смотрел не на труп, распростертый в кроваво-красной пыли у его ног. Пылающие глаза воина прощупывали гущу зарослей по обе стороны тропы.

При виде трупа с губ Балтуса слетело страшное проклятие. Быстрым взглядом он окинул тело: маленький, толстый человечек с вызолоченными сапогами на ногах, одетый, несмотря на жару, в богатую, отороченную горностаем тунику,— как видно, зажиточный купец. На полном бледном лице застыла гримаса ужаса, толстая шея была рассечена от уха до уха, словно по ней прошлись лезвием бритвы. Короткий меч, оставшийся в ножнах, указывал на то, что нападение произошло внезапно и путник не успел схватиться за оружие.

— Пикт постарался? — прошептал Балтус, отворачиваясь от жуткого зрелища и с опаской вглядываясь в сгущающиеся тени.

Конан покачал головой. Он выпрямился и, сдвинув брови, посмотрел на мертвеца.

— Его настигла лесная тварь. Великий Кром, вот и пятый!

— Что за тварь такая?

— Ты что-нибудь слышал о колдуне пиктов по имени Зогар Саг?

Балтус в недоумении пожал плечами.

— Он живет в Гвавеле, деревушке, ближе других подступившей к Черной реке. Три месяца назад недалеко отсюда он подстерег караван, идущий в крепость, и украл несколько вьючных мулов с поклажей — кажется, чем-то опоил погонщиков. Так вот, те мулы принадлежали этому человеку.— Конан небрежно указал на труп у его ног.— Это Тиберий, купец из Велитриума. А груз состоял из бочонков с элем, и, прежде чем переправиться через реку, старина Зогар изрядно приложился к одному из них. Один из лесных жителей по имени Сорakt выследил его и привел Валанна и с ним трех воинов к тому месту, где в густых зарослях валялся мертвецки пьяный колдун. По настоянию Тиберия Валанн заключил Зогар Сага в тюрьму, то есть нанес пикту смертельное оскорбление. Но тот каким-то образом перебил стражу и удрал, а после передал весточку, в которой обещал убить Тиберия и тех пятерых, что захватили его в плен, таким ужасным способом, что аквилонцы будут содрогаться не одно столетие при воспоминании о его мести. Сорakt и воины уже мертвы. Сорakta убили на реке, а воинов — у самой крепости. А сейчас умер и Тиберий. Ни один пикт к этим делам не причастен. У каждой жертвы, кроме Тиберия, недоставало головы — наверняка их черепа украшают сейчас алтарь бога, которому поклоняется Зогар Саг.

— Почему ты уверен, что их убили не пикты?

Конан указал на труп купца.

— Ты, верно, думаешь, что его полоснули мечом или ножом, не так ли? Но посмотри поближе и увидишь, что такую рану мог оставить только коготь. Кожа распорота, а не рассечена.

— Что, если пантера...— неуверенно начал Балтус, но Конан нетерпеливо отмахнулся.

— Уж выходец-то из Турана мог бы распознать когти пантеры. Нет, здесь не обошлось без лесной твари, призванной Зогар Сагом, чтобы свершить свою месть. Для Тиберия было непростительной глупостью отправляться в Велитриум одному, да еще на исходе дня. И все жертвы, прежде чем пасть, похоже, прямо-таки цепенели от ужаса. Посмотри сам — признаки налицо! Тиберий ехал по тропе верхом на муле, не иначе как приторочив к седлу добрую связку шкурок выдры на продажу, а тварь напала сзади из кустов — вон оттуда, где сломаны ветки и примята трава. Тиберий только и успел, что вскрикнуть: ему тут же порвали горло, и он отправился торговать шкурками прямиком в царство Тьмы. А мул умчался в лес. Слышишь треск? Наверняка это он продирается сквозь чащу. Демону не хватило времени, чтобы забрать голову: мы его спугнули.

— Точнее сказать, ты его спугнул,— поправил Балтус варвара.— Должно быть, чудище не так ужасно, раз бросилось наутек от одного вооруженного человека. И все-таки, что, если это пикт с каким-нибудь крюком вместо ножа, который, точно коготь, разрывает, а не режет ткани? Ты его видел?

— Тиберий тоже был вооружен,— глухо сказал Конан.— Если Зогар Саг может призвать себе на помощь демонов, то почему бы ему не научить их, кого следует убить, а кого не трогать. Нет, я его не видел. Я только видел, как раскачиваются ветки зарослей. Но если тебе мало моих слов, смотри!

Прежде чем скрыться, убийца ступил в лужу крови, в которой плавал мертвец, и сейчас на суглинке у края тропы четко виднелся кровавый отпечаток.

— Что скажешь? Похож он на след человека?

В затылке Балтуса противно заколодо. Ни один человек, равно как ни одно животное из тех, что он знал, не мог оставить этот уродливый трехпалый след, чем-то напоминающий отпечаток лапы птицы или ящерицы, но, что совершенно очевидно, не принадлежащий ни тем ни другим. Стараясь не задеть земли, он растопырил над следом пальцы и удивленно хмыкнул: след далеко выступал за кончики ногтей.

— Что это? — прошептал он.— Никогда не видел зверя, который оставлял бы такие следы.

— И никто не видел,— мрачно ответил Конан.— Это следы болотного демона — они похожи на следы гигантских летучих мышей, что обитают в топях за Черной рекой. В жаркие ночи сильный южный ветер, случается, доносит их вой — должно быть, так вопят только неприкаянные души.

— Что же делать? — спросил аквилонец, с тревогой вглядываясь в быстро сгущающиеся голубоватые тени. Его неотступно преследовала маска животного ужаса на застывшем лице мертвеца. Он терялся в догадках: что это за чудовище, если от одного вида оскаленной пасти, вдруг показавшейся среди кустов, у человека кровь стынет в жилах!

— Нет смысла преследовать эту тварь,— проворчал Конан, доставая из-за пояса трупа короткий топор — обычный спутник лесного жителя.— Я уже пробовал — после того, как он разделался с Соракгом,— но потерял след, не сделав и дюжины шагов. То ли у него выросли крылья и он улетел, то ли провалился сквозь землю прямиком в царство Тьмы — не знаю. За мула тоже нечего беспокоиться: тот или вернется в крепость, или прибьется к чьей-нибудь хижине.

За разговором Конан не забывал орудовать топором. У самого края тропы он срубил пару молоденьких деревцев, каждое длиной футов десять, и несколькими ударами очистил их от веток. Затем отсек кусок дикой лозы, точно змея вытянувшейся среди кустарника, и, обвязав ею одну жердь в паре футов от края, обмотал вокруг другой и так, перекидывая с жерди на жердь, в несколько минут соорудил грубые, но прочные носилки.

— Уж я позабочусь, чтобы тварь не добралась до головы Тиберия,— прорычал он.— Отнесем тело в крепость. Это не больше трех миль. Мы с толстяком всегда недолюбливали друг друга, но я не допущу, чтобы проклятые пикты проделывали всякие гадости с головами белых людей.

К слову сказать, сами пикты хотя и были смуглокожи, но принадлежали к той же белой расе, однако жители пограничья никогда не считали их за белых.

Конан бесцеремонно бросил на носилки труп бедняги купца, Балтус взялся за один конец, варвар — за другой, и оба быстрым шагом заторопились к крепости. С увесистой ношей Конан шагал так же бесшумно, как если бы крался

налегке. Завязав ремень купца петлей, он затянул ею обе жерди и сейчас в одной руке нес носилки, в то время как другая сжимала обнаженный меч. Его пытливый взгляд без устали обшаривал мрачные зеленые стены по обе стороны тропы. Тени сгущались. Голубоватый туман скрадывал очертания кустов и деревьев. Лес наполняли сумерки, и с ними словно пробуждались от спячки обитавшие под его покровом таинственные, неведомые создания.

Они отшагали уже больше мили, и крепкие мышцы на руках Балтуса начинали побаливать, как вдруг из чащи леса донесся отчаянный крик.

Конан вздрогнул всем телом, а Балтус от неожиданности едва не выронил носилки.

— Это женщина! — воскликнул он.— Великий Митра, это был голос женщины!

— Просто жена какого-нибудь поселенца заблудилась в лесу,— проворчал Конан, опуская носилки.— Может быть, искала корову, ну и... Подожди меня здесь.— И, словно волк на охоте, он скользнул в стену зарослей.

У Балтуса волосы встали дыбом.

— Ждать одному в компании с трупом, когда в лесу рыщет эта тварь?! — воскликнул он.— Нет уж, я с тобой!

И, недолго думая, он нырнул вслед за киммерийцем. Конан бросил на него взгляд через плечо, однако возражать не стал, но и не сбавил шага, чтобы подстроиться под своего товарища. Балтус только напрасно сбивал дыхание, кляня на чем свет стоит легкую поступь варвара,— тот, будто призрак, уходил все дальше, неясной тенью мелькая среди деревьев. И вдруг Конан очутился на сумрачной прогалине; он остановился, сразу весь подобравшись,— зубы оскалены, меч на изготовку.

— Чего стоим? — тяжело дыша, подкатился Балтус; он помотал головой, вытряхивая из глаз капли пота, в правой руке он сжимал рукоять короткого меча.

— Крик шел с прогалины или откуда-то неподалеку,— ответил Конан.— Я всегда точно определяю источник звука, даже в лесу. Но где же тогда...

Внезапно крик повторился, уже у них за спиной, со стороны тропы. Жалобный и пронзительный, он забирался все выше — крик женщины, зажатой в тисках смертельного ужаса,— и вдруг оборвался, сменившись оглушительным издевательским хохотом, который мог вырваться не иначе как из пасти мерзкого чудовища — порождения Тьмы.

— О милосердный Митра...— Мертвенно-бледное лицо Балтуса матовым пятном маячило в сумерках.

Страшно выругавшись, Конан метнулся обратно сквозь заросли; аквилонец, спотыкаясь, ничего не соображая, побежал следом. На полпути, полуослепший, он налетел на вдруг остановившегося киммерийца и отскочил от него, как от железной статуи. Хватая воздух, Балтус услышал свистящее дыхание, прорывавшееся сквозь стиснутые зубы варвара. Тот словно застыл, впившись взглядом в темноту.

Аквилонец выглянул из-за плеча киммерийца — и волосы зашевелились у него на голове. В кустах, плотной стеной подступивших к тропе, что-то двигалось — не летело, не ступало ногами, скорее, ползло, как змея. Но это была не

змея. Сумерки скрадывали очертания, но было видно, что существо выше человеческого роста и не слишком крупное. От него исходило призрачное свечение, похожее на слабое голубое пламя. Собственно, только это свечение и можно было различить — словно пламя, приняв некую расплывчатую форму, двигалось по мрачному лесу к какой-то заданной цели.

Конан с проклятием метнул топор. Но существо, как будто не замечая, скользило дальше. Они наблюдали его всего несколько мгновений — высокое, неопределенных очертаний, точно сгусток призрачного пламени, плывущего среди кустарника. Затем оно скрылось с глаз, и в лесу вновь установилась мертвая тишина.

Издав приглушенное рычание, Конан ринулся сквозь сплетения зарослей к тропе. Пробираясь за ним, Балтус отметил про себя, что на этот раз проклятия варвара гораздо изощреннее и идут от души. Наконец он увидел киммерийца, стоявшего над носилками с телом Тиберия. Головы у тела больше не было.

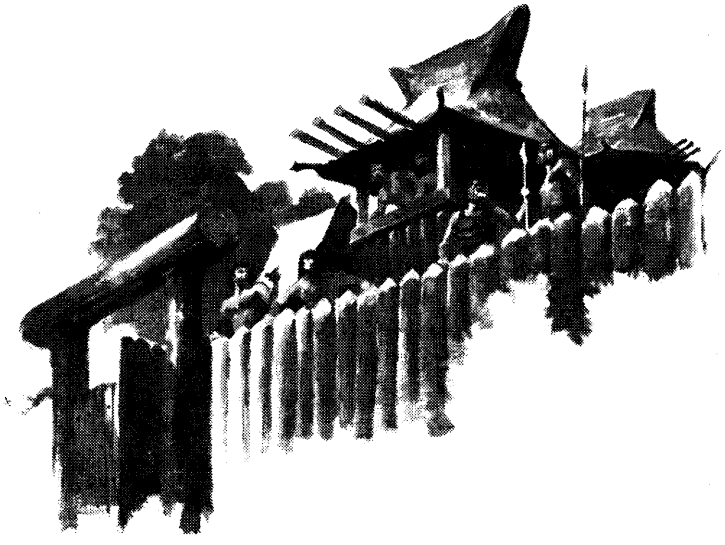
— Тварь одурачила нас! — бушевал Конан, в ярости размахивая над головой мечом.— И я-то хорош! Попался как последний дурак! Теперь Зогар украсит свой алтарь последней из пяти голов!

— Но что это за существо, которое кричит, как женщина, хохочет, точно демон, и светится во мраке колдовским огнем? — неуверенным голосом проговорил Балтус, отирая бледное лицо.

— Болотный демон,— угрюмо ответил Конан.— Ладно, берись за палки. Доставим в крепость то, что осталось. По крайней мере, нести будет легче.

И с этой мрачноватой философской выкладкой он взялся за кожаную петлю и зашагал по тропе.

II

КОЛДУН ИЗ ГВАВЕЛЫ

Крепость Тасцелан стояла на восточном берегу Черной реки, воды которой плескались у самого основания бревенчатой стены. Как и стены, все здания внутри крепости, включая главную башню (которую называли так в особо торжественных случаях), были выстроены из бревен. В башне располагался штаб гарнизона, высотой она превосходила стены, и с нее открывался прекрасный вид на окрестности. За рекой лежал огромный и непроходимый, как джунгли, лес, подступавший к болотистым берегам. На стенах по деревянному парапету день и ночь вышагивали часовые, наблюдая за густой прибрежной зеленью. Изредка среди кустов мелькала фигура человека, но часовые не поднимали тревоги: они знали, что из-за реки за ними тоже непрерывно наблюдают чужие глаза — горящие ненавистью, безжалостные, полные первобытной злобы. Непосвященному лес показался бы безжизненной пустыней, на самом же деле в нем кипела жизнь: под зеленым покровом обитали птицы, змеи, звери и самый свирепый из плотоядных — человек.

Там, в крепости, обрывалась цивилизация. Являясь передовым рубежом могущественных хайборийских народов, крепость Тасцелан была в то же время крайним оплотом цивилизованного мира на западе. За Черной рекой в лесном полумраке царила первозданная тишина: там, в плетеных хижинах, скалились насаженные на шесты человеческие черепа; в деревнях, обнесенных обмазанным глиной частоколом, полыхал ночной костер и грохотали барабаны, а угрюмые люди со спутанными черными волосами и глазами голодных змей молча точили острия копий. Эти глаза нередко с холодным блеском разглядывали из кустов часовых. Когда-то на месте крепости стояли их хижины — хижины темнокожих; их деревни были разбросаны и там, где сейчас раскинулись поля

с бревенчатыми домами светловолосых поселенцев, и дальше до самого Велитриума, пограничного городка с вечно сумбурной жизнью, поднявшегося на берегу Громовой реки, и вдоль берегов реки, очертившей с запада Боссонские Пределы. К ним наведывались и купцы, время от времени туда забредали босоногие нищие, служители Митры, и большинство их умерло там страшной смертью, но вслед за этими пришли воины, потом люди с топорами, и наконец в запряженных быками повозках прибыли женщины и дети. Огнем и мечом аборигенов оттеснили сначала за Громовую, а со временем — и за Черную реку. Но темнокожие никогда не забывали, что когда-то Конаджохара принадлежала им...

У восточных ворот Конана и аквилонца окликнула стража. Сквозь частые прутья решетки было видно, как дрожащее пламя факела отражается от гладкой поверхности стального шлема и в темных глазах воина, настороженно оглядывавшего поздних гостей.

— Открывай ворота! — рыкнул Конан.— Своих не узнаешь? — Тупое исполнение приказа неизменно раздражало варвара.

Ворота медленно открылись вовнутрь, и Конан со своим спутником вошли в крепость. Балтус огляделся. Он увидел, что с каждой стороны ворота снабжены башней, выступающей над стенами. Он также обратил внимание на узкие амбразуры, сквозь которые лучники во время штурма могли пускать стрелы, сами оставаясь в безопасности.

При виде зловещей ноши стражники что-то пробурчали и поспешили закрыть ворота. Они так торопились, что древки копий в их руках глухо брякнули друг о друга, и Конан раздраженно спросил:

— Вы что, никогда не видели безголовых мертвецов?

В свете факелов лица воинов казались мертвенно-бледными.

— Это Тиберий! — выпалил один.— Только у него была такая богатая туника. Валерий, ты мне должен пять лунов.— Тут же, довольный, пояснил: — Я говорил ему, когда Тиберий выезжал из ворот на муле, что тот наверняка слышал вой сумасшедшего, потому как глаза у купца были точно стеклянные. Тогда и поспорил, что если он и вернется, то не иначе как без головы.

Загадочно усмехнувшись, Конан сделал знак Балтусу опустить носилки и направился к казармам. Аквилонец не отставал ни на шаг. Юноша возбужденно озирался по сторонам, примечая черты незнакомой военной жизни: ряды казарм вдоль стен, конюшни, лавчонки купцов, массивный склад, прочие дома, обступившие площадку, где днем муштровали новобранцев и где сейчас весело полыхал огонь, вокруг которого развалились свободные от службы воины. Но и они, оставив отдых, присоединились к толпе, быстро собиравшейся вокруг носилок. Стройные тела аквилонских копейщиков и лесных лазутчиков смешались с приземистыми, коренастыми фигурами боссонских лучников.

Балтус почти не удивился тому, что комендант крепости лично принял их обоих. Общество, в котором нерушимо соблюдались законы иерархии, осталось далеко к востоку. Валанн был еще довольно молод и крепко сбит, его лицо с правильными, точно чеканными чертами смотрело холодно и рассудительно — свидетельство упорного труда и немалой ответственности.

— Мне передали, что ты вышел из крепости еще до рассвета,— сказал он Конану.— Я уже начал опасаться, что пикты добрались и до тебя.

Варвар недобро усмехнулся.

— Когда настанет время коптить над костром мою голову, об этом будут знать по обоим берегам реки. Вой пиктских женщин, оплакивающих мертвецов, долетит и до Велитриума... Я ходил на разведку и держал уши открытыми. Сегодня целый день за рекой били в барабаны.

— Они каждую ночь бьют,— отозвался комендант, но, посмотрев в глаза киммерийца, нахмурился. Он давно понял, что пренебрегать чутьем этого дикаря — непростительная глупость.

— Прошлой ночью они били по-другому,— проворчал Конан.— И так с тех пор, как Зогар Саг убрался за реку.

— Нам надо было отправить его с подарками домой, а еще лучше — повесить.— Валанн глубоко вздохнул.— Ты ведь советовал, да только...

— Да только вы, хайборийцы, никак не усвоите порядки дикарей,— перебил его Конан.— Ладно, чего сейчас об этом, но знай, что до тех пор, пока жив Зогар, пока он помнит, как потел в вашей тюрьме, мира на границе не будет. Я выследил воина, который пробрался на эту сторону за свежими зарубками на своем луке. А после наткнулся вот на этого парня по имени Балтус, он пришел из Турана вам на подмогу.

Валанн одобрительно окинул взглядом сильное тело юноши, отметив про себя выражение его честного, открытого лица.

— Рад приветствовать тебя. Хотелось бы побольше таких. Нам нужны люди, привычные к лесной жизни. Многие воины и даже кое-кто из поселян — выходцы из восточных провинций и мало знакомы с лесными обычаями или с сельским трудом.

— «Многие» — не то слово,— проворчал Конан.— Эта крепость битком набита одними неженками. Но сейчас не об этом. Валанн, мы с аквилонцем нашли на тропе мертвого Тиберия.— И в нескольких словах он рассказал об ужасном происшествии.

Валанн побледнел.

— Я не знал, что он вышел из крепости. Должно быть, он сошел с ума!

— Так оно и было,— ответил Конан,— как, впрочем, и с остальными. Каждый, когда наступал его черед, сходил с ума и мчался в лес навстречу смерти — совсем как кролик, который сам лезет питону в пасть. Что-то позвало их из глубины леса, все они слышали то, что за неимением других слов прозвали здесь «зов безумного», причем слышат его только обреченные на гибель. Зогар Саг прибегнул к чарам, которых не в силах преодолеть цивилизованные аквилонцы.

Валанн не нашелся, чем ответить на выпад. Он нервно вытер со лба пот.

— Воины знают об убитом?

— Мы оставили труп у восточных ворот.

— Лучше бы вы зарыли его где-нибудь в лесу — люди и так как на иголках.

— Они бы все равно узнали. Если бы я спрятал тело, его доставили бы в крепость, как это было с трупом Сократа: привязали бы снаружи к воротам, а утром его обнаружила бы стража.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к узкому окну и стал молча смотреть на черные воды реки, слабо мерцающие под ночным звездным небом.

За рекой непроницаемой стеной встали джунгли. Тишину нарушил отдаленный вой пантеры. Ночь непомерной тяжестью давила на плечи, грудь, виски, приглушая говор воинов на плацу и яркое пламя костра. В ветвях шептался ветер, теребя гладь воды. Он приносил с собой глухие, мерные удары — зловещие, как мягкая поступь леопардовых лап.

— А собственно,— заговорил Валанн, как бы размышляя вслух,— что мы вообще знаем — да и не только мы — о том, что скрывают в себе джунгли? До нас доходят лишь неясные слухи о гиблых болотах и мутных реках, о бесконечном лесе, который, через горы и равнины, простирается до самого побережья Западного океана. Даже представить себе невозможно, какие твари могут обитать на этих пространствах между Черной рекой и побережьем. Из белых, что дерзнули углубиться в джунгли, ни один не вернулся, так что узнать не от кого. Мы со своими знаниями достигли многого, но на западном берегу все наши премудрости не стоят ломаной монеты. И кто знает, какие силы — земные или сверхъестественные — затаились во мраке за чертой тусклого круга наших знаний? Мы можем лишь догадываться, каким богам поклоняются в этом доисторическом лесу, какие демонские твари выползают из жижи топей. Да и земные ли они создания — обитатели этой черной страны? Над Зогар Сагом в восточных городах немало потешались, принимая его заклинания за бормотания заезжего факира, однако он необъяснимым образом довел до безумия и убил вот уже пятерых. Порой я начинаю сомневаться, человек ли он.

— Если я выйду на него на расстояние броска топора, то, думаю, сумею разрешить твои сомнения,— прорычал Конан, изрядно угостившись вином и протягивая кубок с остатками Балтусу; тот, украдкой посмотрев на коменданта, нерешительно принял кубок.

Отвернувшись от окна, Валанн бросил на варвара задумчивый взгляд.

— Странно. Воины, которые не верят ни в привидений, ни в демонов, на грани паники. А ты, верящий в духов, упырей, гоблинов и прочую нечисть, похоже, не боишься никого из них.

— Да потому что я уверен, что перед холодной сталью все равны,— ответил Конан.— Я метнул в демона топор, а тому хоть бы что. Но в сумерках я мог и промахнуться, или какая-нибудь ветка помешала. Я не собираюсь бросить все и заняться охотой на демонов, но уж если кто из них и попадется, то будь уверен — своего не упущу.

Валанн поднял голову и встретил открытый взгляд варвара.

— Конан, ты даже не представляешь, как много от тебя зависит. Тебе известны местные условия и связанные с ними сложности — все оттого, что наша провинция узким клином врезается в первобытную дикость. Ты знаешь, что жизни людей, поселившихся к западу от пограничья, зависят от этой крепости. Если она падет, красные топоры вопьются в ворота Велитриума раньше, чем всадник покроет пограничье. Его величество или же советники его величества оставили без внимания мою просьбу о подкреплении. Они понятия не имеют, насколько трудна здешняя жизнь, и потому предпочитают тратить деньги на что угодно, но только не на укрепление границы. Так что судьба пограничья сейчас целиком зависит от нас.

Ты знаешь, что большую часть войска, завоевавшего Конаджохару, отозвали обратно. Ты знаешь также, что имеющихся под моим началом сил совершенно недостаточно для надежной охраны границы, особенно с тех пор, как Зогар Саг ухитрился отравить колодец и у нас за один день умерли сорок человек. Из оставшихся в живых одни больны, других укусили змеи, а третьим досталось от дикого зверья, которым так и кишат окрестности крепости. Дошло до того, что воины начали верить похвальбе Зогара, будто по одному его слову лесные твари могут убить всех его врагов.

У меня сейчас три сотни копейщиков, четыреста боссонских лучников и человек пятьдесят таких, как ты, лесных лазутчиков. Каждый из вас стоит десятка обычных воинов — беда в том, что вас слишком мало. Нет, правда, Конан, положение ухудшается с каждым днем. Воины подбивают друг друга на дезертирство, они совсем пали духом, уверенные, что это Зогар Саг натравил на них своих демонов. К тому же колдун пригрозил напустить на крепость черную чуму — ужасную пагубу, обитающую в непроходимых болотах. Всякий раз, когда я вижу больного воина, я холодею от ужаса: что, если вот сейчас, прямо на моих глазах, он почернеет, иссохнет и умрет?

Конан, если на нас напустят чуму, здесь не выживет ни один воин! Граница останется незащищенной, и тогда ничто не сможет удержать темнокожие племена от набегов на Велитриум, а может быть, и дальше, в глубь страны! И если мы, воины пограничья, не сумеем отстоять крепость, то как наши смогут удержать город?

Конан, Зогар Саг должен умереть, иначе нам не удержать Конаджохару. Больше медлить нельзя. Ты дальше других забирался в дикий лес, ты знаешь, где находится Гвавела и кое-какие тропы по ту сторону реки. Я дам тебе людей. Выступишь этой же ночью. Попробуй захватить колдуна в плен, а не получится — убей. Понимаю, что мое предложение — чистое безумие. Существует не больше одного шанса из тысячи, что вам удастся вернуться живыми. Но если мы не покончим с ним, нам всем конец. Можешь взять столько воинов, сколько пожелаешь.

— В подобном предприятии от дюжины больше проку, чем от полка,— ответил Конан.— Пяти сотням в Гвавелу не пробиться, а дюжина сможет незаметно подкрасться к деревне и позже ускользнуть от погони. Я хочу сам выбрать воинов. Мне не нужны случайные люди.

— Возьми меня! — горячо воскликнул Балтус.— У себя на родине я всю жизнь охотился на оленей.

— Хорошо. Валанн, мы будем есть за столом, где собираются лазутчики, там и отберу людей. Из крепости выйдем в течение часа. Спустимся по реке ниже деревни и подкрадемся к ней лесом. Если останемся живы, вернемся до рассвета.

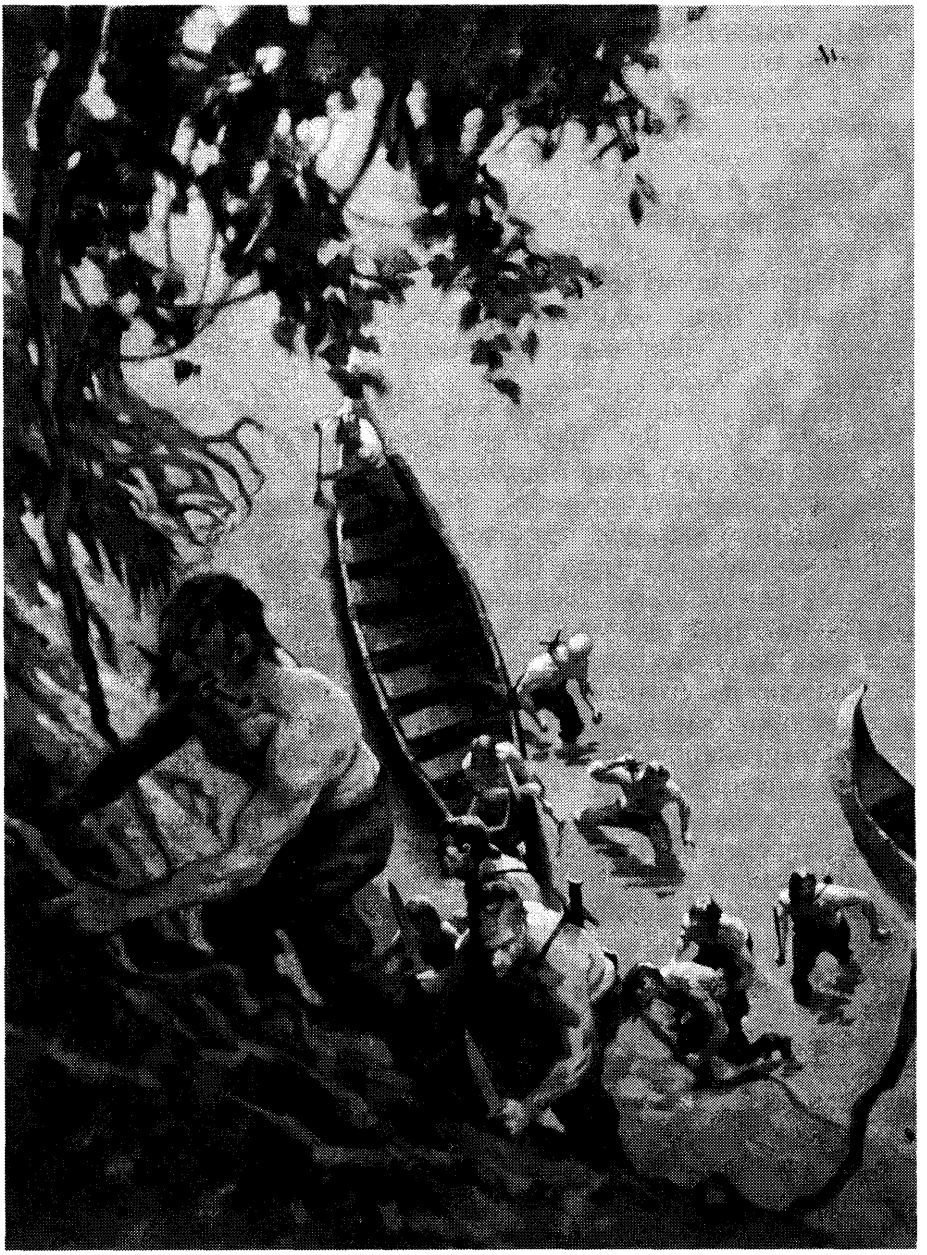

III

СКОЛЬЗЯЩИЕ ВО ТЬМЕ

Река неясной лентой вилась между черных стен. Лопасти весел уходили в воду бесшумно, как клювы цапель, и длинная лодка, скрытая густой тенью деревьев, быстро продвигалась вдоль восточного берега. В плотных сумерках широкие плечи сидящего перед ним человека казались Балтусу окрашенными в лиловый цвет. Он знал, что в окружавшей их тьме даже зоркие глаза застывшего на носу лодки варвара видят вперед не дальше чем на несколько футов. Конан прокладывал путь, целиком положившись на инстинкты и на свое знание жизни на реке.

Все молчали. Балтус успел хорошо присмотреться к будущим спутникам еще до того, как все незаметно выскользнули за стену и спустились к реке, где

для них было приготовлено каноэ. Они были из тех, кто вырос в суровом мире пограничья, кого жестокая необходимость заставила накрепко усвоить законы леса. Все до последнего аквилонцы, они имели в своем облике много общего. Одеты были одинаково: кожаные штаны, рубашка из оленьей шкуры, схваченная в поясе широким ремнем с заткнутым топором и ножнами для короткого меча, на ногах — мягкой кожи мокасины; тела — поджарые, исполосованные шрамами и мускулистые; все молчаливые, с тяжелым взглядом.

В известном смысле тоже дикарей, их, однако, отделяла от Конана огромная пропасть. Изначально дети цивилизации, аквилонцы вернулись к полуварварскому состоянию в силу обстоятельств, в то время как Конан был прямым потомком тысячи поколений варваров. Они приобрели повадки дикаря со временем — он обладал ими с рождения. Он выделялся среди них гибкостью и отточенностью движений. И если аквилонцы были сродни волкам, то сам Конан — тигру.

Балтус не переставал восхищаться и аквилонцами, и их предводителем, он был в восторге от того, что его приняли как равного. Юноша с гордостью отметил, что ступает так же бесшумно, как и его товарищи. По крайней мере, в этом он оказался на высоте, хотя мастерство охотников Турана не шло ни в какое сравнение с мастерством лазутчиков из пограничья.

Чуть ниже по течению река образовывала широкую излучину. Огни крепости скоро скрылись из виду, но каноэ продолжало плыть еще с милю, с непостижимой легкостью обходя коряги и плавающие бревна.

Затем в тишине послышалась глухая команда, нос лодки повернулся, и она быстро заскользила к противоположному берегу. После непроницаемой тени от кустов, густой бахромой росших у самой воды, появление на открытой со всех сторон стремнине на первый взгляд выглядело безумием: казалось, еще миг — и они будут обнаружены! Но скоро Балтус успокоился: если кто в ту минуту и наблюдал за рекой, то в тусклом свете звезд даже самый пытливый глаз не смог бы рассмотреть пересекающее реку каноэ.

Волна качнула каноэ под разросшиеся у самого берега кусты. Ощупью найдя торчащий из воды корень, Балтус вцепился в него руками. Никто не проронил ни слова. Каждый получил необходимые указания еще до того, как отряд лазутчиков покинул крепость. Словно огромная пантера, Конан бесшумно скользнул за борт и исчез в кустах. Вслед за ним, также ничем не нарушая тишины, последовали еще девять человек. Юный аквилонец, не выпускавший из рук коряги, не верил своим ушам: казалось невероятным, чтобы в таком сплетении зарослей без единого звука смогли бесследно раствориться десять воинов.

Он приготовился ждать. С ним — еще один воин, оба сидели не шелохнувшись, не раскрывая рта. Отсюда, примерно в миле к северо-западу, окруженная непроходимыми лесами, стояла деревня Зогар Сага. Балтус четко усвоил отданное ему распоряжение: вместе с еще одним воином дожидаться возвращения команды лазутчиков. Если Конан с остальными не вернется к началу рассвета, эти двое должны изо всех сил грести обратно в крепость и там сообщить, что лес в очередной раз взял свою жатву. Вокруг стояла гнетущая тишина. Лес, невидимый за черной громадой нависших кустов, не издавал ни звука. Барабаны

смолкли. Балтус вдруг понял, что они молчат вот уже несколько часов. Не сознавая того, он все время щурился, пытаясь проникнуть за плотную завесу мрака. Ночная сырость от реки и влажные лесные испарения будили в его душе тревожные предчувствия.

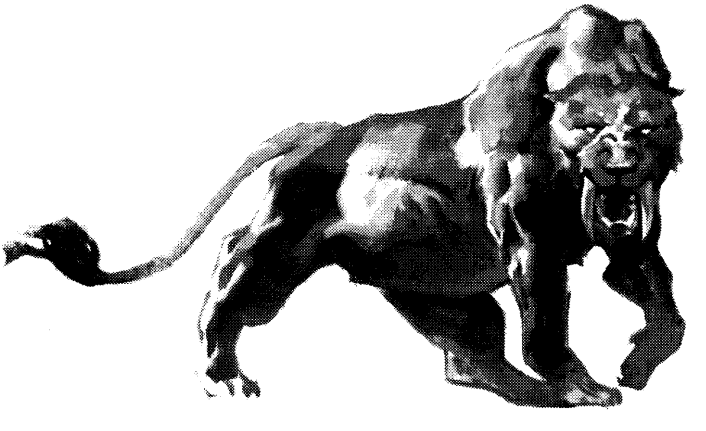
Где-то совсем рядом плеснула вода, словно большая рыба, ударив хвостом, ушла на глубину. Похоже, рыба даже задела борт: ему почудилось, что по лодке пробежала легкая дрожь. Корма, чуть покачиваясь, начала отходить от берега. Должно быть, его напарник умудрился выпустить из рук корягу. Повернув голову, Балтус шепотом выразил свое недовольство; в двух футах от него виднелся размытый сгусток черной тени — его товарищ.

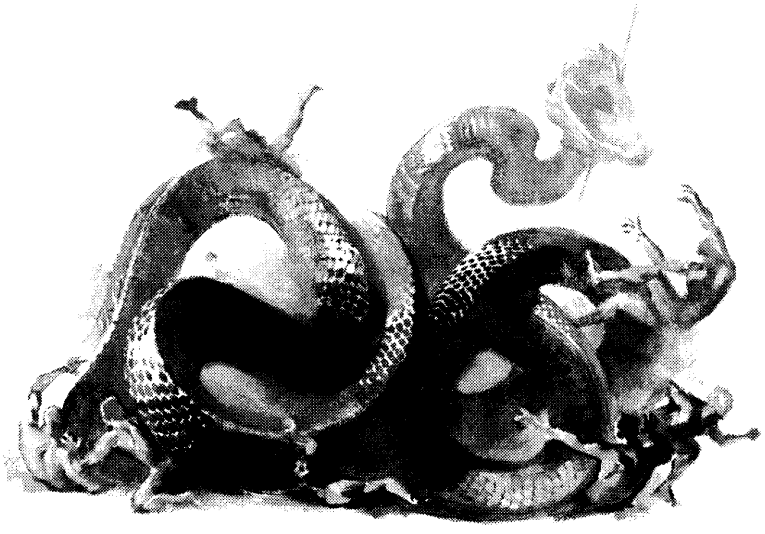
Тот ничего не ответил. Подумав, что тот просто-напросто уснул, Балтус вытянул руку и коснулся плеча воина. К его удивлению, от легкого прикосновения тело воина качнулось и безвольно осело на дно каноэ. Сердце юноши бешено заколотилось. Он осторожно повернул воина на бок и быстро пробежал по нему кончиками пальцев. Вот его пальцы коснулись шеи — и лишь мгновенно стиснутые зубы удержали рвущийся из горла крик! Пальцы наткнулись на страшную кровавую рану: шея напарника была перерезана от уха до уха.

Объятый ужасом, Балтус хотел было вскочить, но вдруг из мрака возникла мускулистая рука и, оплетя пальцами его шею, со страшной силой сдавила горло. Крик замер, не родившись. Лодка неистово раскачивалась.

В руке Балтуса очутился нож, каким-то чудом выхваченный из-за голенища; и он ударил — вслепую, яростно! Он ощутил, как сталь пронзила ткани тела, и в тот же миг его оглушил звериный вопль, подхваченный десятком глоток. Тьма вокруг словно ожила.

Оглушительно заплескала вода, и тут же в него вцепились сразу несколько рук. Под массой карабкающихся тел каноэ резко качнулось, но, прежде чем аквилонец слетел в воду, что-то с силой ударило его по голове. На краткий миг его ослепили вспышки разноцветных молний, и сразу навалилась тьма, в которой не осталось места даже звездам.

IV

ЗВЕРИ ЗОГАР САГА

По мере того как прояснялось сознание, перед глазами снова заплясал огонь. Он зажмурился, помотал головой. От ярких вспышек разболелись глаза. В ушах нарастал неясный шум, который постепенно разбился на отдельные голоса. Он приподнял голову и, с трудом разлепив веки, тупо посмотрел по сторонам. Вокруг него, очерченные языками пламени, застыли темные фигуры.

Память и понимание происходящего острой иглой вонзились в мозг. Он стоял, привязанный к столбу, в окружении каких-то ужасных, свирепого вида существ. За кольцом неподвижных фигур горели костры, поддерживаемые обнаженными темнокожими женщинами. Дальше утоптанной площадки виднелись крытые тростником хижины со стенами из прутьев, обмазанных глиной. За хижинами встал частокол с широкими воротами. Но Балтус лишь мельком отметил про себя эти подробности. Даже темнокожие силуэты женщин с причудливо сбитыми волосами не привлекли его внимания. Он не сводил глаз с жутких фигур с горящими, как угли, глазами, обступивших его плотным кольцом.

Небольшого роста, широкоплечие, со впалой грудью и узкими бедрами, они были совершенно голыми, если не считать набедренной повязки из львиной шкуры. В свете костров аквилонец видел, как играли узлы мускулов, выступающие под смуглой кожей. Темные лица сохраняли неподвижность, но в щелках глаз пылал огонь, какой пылает в глазах следящего за жертвой тигра. Черные гривы волос были схвачены на затылках лентами цвета меди. Пальцы сжимали мечи и топоры. Руки и ноги некоторых из них были обмотаны тряпьем. Как видно, совсем недавно они побывали в схватке — жестокой и кровавой.

Не в силах вынести огонь горящих, точно угли, зрачков, он опустил глаза — и едва не закричал от ужаса! В нескольких футах от столба возвышалась невысокая зловещая пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые, остекленевшие глаза смотрели в черное небо. Среди обращенных в его сторону голов он с ужасом увидел лица воинов, сопровождавших Конана. Он не мог сказать наверняка, была ли в той пирамиде голова самого киммерийца. Ему были видны лишь несколько лиц. Похоже, что там было по меньшей мере голов десять-одиннадцать. Юношу охватила слабость. К горлу подступила тошнота. Рядом с пирамидой лежали тела полдюжины пиктов. Все стало ясно: лес собрал новую жатву.

Отвернувшись от страшного зрелища, он вдруг увидел неподалеку другой столб — тоже черный, как и тот, к которому он был привязан. Там на веревках висело тело человека в одних кожаных штанах, в котором Балтус узнал одного из лазутчиков Конана. Из его рта стекала струйка крови, бок был обезображен рваной раной. Приподняв голову, он облизал синевато-багровые губы и, с трудом перекрывая зловещий ропот толпы пиктов, хрипло произнес:

— Значит, ты тоже попался!

— Они подкрались по воде и перерезали горло напарнику. Мы так ничего и не услышали, пока на нас не накинулись. Великий Митра! Они ходят неслышно, будто призраки!

— Они — сущие демоны! — прохрипел воин.— Похоже, они нас заметили, когда мы выплыли на середину реки, и потом уже не выпускали из виду. Мы угодили в западню. Не успели опомниться, как нас утыкали стрелами. Большинство умерло на месте. Трое или четверо вломились в кусты и схватились врукопашную. Но врагов было слишком много. Жаль, что меня не прикончили сразу,— так было бы гораздо лучше. Конану, кажется, удалось скрыться. Во всяком случае, его головы здесь нет. Я на него не в обиде. В другое время нам удалось бы подкрасться незаметно. Обычно так далеко от крепости они за берегом не наблюдают. Скорее всего, мы напоролись на большой отряд, который возвращался вдоль берега с юга. Милые шуточки судьбы. Но откуда здесь столько пиктов? Я вижу, здесь дикари не только из Гвавелы, но еще из племен на западе, с верховьев и с низовьев реки.

Балтус медленно огляделся. Он мало что знал о жизни пиктов, но тоже вдруг с удивлением обнаружил, что вокруг сгрудилось гораздо больше воинов, чем обычно приходится на одну деревню. Хижин на всех явно не хватало. Приглядевшись, он обнаружил некоторые различия в боевой раскраске — в зависимости от того, к какому племени принадлежал тот или иной дикарь.

— Вот увидишь, не иначе как затевают какое-нибудь грязное действо,— проговорил воин у соседнего столба.— Должно быть, они собрались полюбоваться на колдовство своего Зогара. А тот, уж будь уверен, не упустит случая показать на нас свое могущество. Я всегда знал, что на границе не приходится рассчитывать на смерть в постели, но, право, жаль, что мы не последовали за остальными вовремя.

Внезапно волчье урчание сменилось единодушным воем, и по волнению в рядах дикарей, по их неистовому восторгу и телодвижениям Балтус понял, что

появилась важная персона. Чуть не свернув себе шею, он обнаружил, что столбы стояли перед длинной хижиной, гораздо больше прочих, крышу которой украшали человеческие черепа. В широких дверях хижины кружилась в танце нелепо разодетая фигура.

— Зогар! — выдохнул лазутчик, его окровавленные черты заострились, в напрягшееся тело впились веревки.

Балтус увидел худого человечка среднего роста, почти невидимого за множеством страусовых перьев, привязанных к доспехам из кожи и меди. Из гущи перьев выглядывало злобное, уродливое лицо. Балтус был озадачен. Он знал, что такие перья привозят с юга, чуть ли не с другого конца света. Колдун подпрыгивал и приседал, а вместе с ним зловеще колыхались и шуршали перья.

Неистово отплясывая свой дикий танец, колдун вошел в кольцо темнокожих фигур и закружился перед замершими, безмолвными пленниками. Будь это кто другой, его прыжки показались бы нелепыми — обычное кривлянье выжившего из ума шамана. Но злобное лицо, горящие ненавистью глаза придавали разыгравшейся сцене мрачный оттенок. Такое лицо могло принадлежать лишь порождению Зла — и никому другому!

Внезапно колдун остановился, замер, как статуя; перья, взлетев в последний раз, разом опали. Вой оборвался, в воздухе повисла тишина. Зогар Саг — прямой и неподвижный — стоял перед пленниками; казалось, он растет и ширится прямо на глазах. Балтусу вдруг почудилось, что пикт, возвышаясь над ним, презрительно усмехается с высоты своего огромного роста, хотя — он это знал наверняка — шаман едва ли достигал его плеча. Усилием воли он сбросил с себя наваждение.

Шаман забормотал, его голос — хриплый, гортанный — вместе с тем походил на шипение кобры. Вот его голова на тонкой, длинной шее задергалась у самого лица раненого воина, глаза заполыхали красным, точно лужицы крови в свете факелов. Не сдержав отвращения, аквилонец плюнул прямо в маячившее перед ним мерзкое лицо.

С пронзительным воплем колдун подпрыгнул на месте — над толпой дикарей взметнулся к небесам яростный рев! Все ринулись к столбу, но шаман взмахом руки остановил соплеменников. Он прорычал несколько слов, и четверо дикарей помчались к воротам. Распахнув створы, они так же быстро вернулись и растворились в толпе. Людское кольцо разомкнулось; давя друг друга, дикари в спешке отступали в стороны. Балтус увидел женщин и голых детей, в панике бегущих к хижинам. Укрывшись за стенами, они украдкой выглядывали из дверей и окон. От столбов к открытым воротам пролегла широкая полоса, за которой черной стеной встал лес; таившийся в его глубинах мрак ворвался в брешь ворот и темными сгустками расползся по углам.

В воздухе повисла напряженная тишина. Повернувшись к лесу, Зогар Саг привстал на цыпочки и исторг из груди нечеловеческий, зловещий вопль, многоголосым эхом прокатившийся во мраке ночи. Откуда-то из самой глубины чащи раздался низкий ответный рев. Балтус вздрогнул. Такой рев мог принадлежать кому угодно, только не человеку. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар похвалялся, будто может подчинить своей воле любого, даже самого

свирепого зверя. Окровавленное лицо воина стало мертвенно-бледным. Он судорожно облизал пересохшие губы.

Поляна затаила дыхание. Зогар Саг стоял, не шелохнувшись, в ореоле чуть вздрагивающих перьев. И вдруг в воротах возникла чья-то тень.

Вздох ужаса пронесся по деревне, люди в страхе подались назад; давя друг друга, они пытались укрыться за стенами хижин. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. В открытых настежь воротах стоял зверь — живое воплощение ночного кошмара. Он был необычного белесого цвета, из-за чего казался полупрозрачным призраком. Но низко посаженная голова чудовища с длинными кривыми клыками, поблескивающими в языках огня, меньше всего походила на голову призрачного существа. Бесшумно ступая на мягких лапах, он приближался к пленникам — фантом, явившийся из сумрачного прошлого. Это был выходец из далеких времен, ужас многих легенд — огромных размеров саблезубый тигр-людоед. Вот уже несколько веков как ни один охотник Хайбории не встречал на тропе это доисторическое создание. Древние мифы наградили этих животных сверхъестественной силой, по-видимому, за жуткий цвет их шкуры и не сравнимую ни с чем свирепость.

Зверь, скользящей походкой подступавший к аквилонцам, был несравненно крупнее обычного полосатого тигра — почти как медведь. Невероятно развитые плечи и массивные передние лапы придавали ему неустойчивый вид, хотя задняя часть туловища была гораздо мускулистее туши льва. Огромная пасть и грубой формы голова говорили о неразвитом мозге. В нем не нашлось места другим инстинктам, кроме инстинкта разрушения. Это был зловещий каприз природы, уродливое отклонение в эволюционной цепи плотоядных, выродившееся в кровожадный кошмар из клыков, зубов и когтей.

Зогар Саг вызвал из леса одно из своих чудовищ! Балтус больше не сомневался: так значит, шаман и в самом деле обладает магической силой! Ибо только темные силы могли подчинить себе волю этого зверя с крошечным мозгом и несокрушимой мощью. В глубине сознания смутной тенью всплыло имя давно забытого древнего бога Тьмы и Ужаса, которому в первобытные времена были подвластны и люди и животные и чьи последыши — как о том ходили упорные слухи — до сих пор обитают в недоступных уголках мира. И ярость в глазах юноши, устремленных на Зогар Сага, сменилась страхом.

Вот зверь миновал распростертые на земле трупы и пирамиду из окровавленных голов — казалось, он их даже не заметил. Как видно, он не питался мертвечиной. Его притягивала только жизнь, в агонии которой был весь смысл его существования. В немигающих зеленых глазах горел вечный голод — голод не столько пустого желудка, сколько ненасытной потребности убивать! Из раскрытой пасти стекала слюна. Сделав шаг назад, шаман указал рукой в сторону раненого воина.

Огромная кошка присела на задние лапы, и тут Балтус вдруг вспомнил услышанный еще в детстве рассказ о наводящей суеверный ужас свирепости зверя: как во время охоты на слона тот, запрыгнув на исполина, так глубоко вонзает свои клыки-сабли в череп животного, что уже не может их вытащить и в конце концов, прикованный к своей жертве, умирает голодной смертью... В этот миг

колдун что-то резко выкрикнул, и с оглушительным рычанием чудовище прыгнуло к жертве.

Балтус никогда прежде не видел такого прыжка: ему показалось, будто в воздух взметнулся чудовищный сгусток железных мускулов с острыми как бритва когтями — само воплощение всеразрушающей силы. Всей своей мощью зверь обрушился на грудь воина; от удара столб треснул, сломался у основания и с грохотом рухнул на утоптанный плац. Слабо рыкнув, саблезубое чудовище направилось к воротам, волоча по земле кровавые ошметки — все, что осталось от человека. Парализованный ужасом, юноша смотрел вслед уходящему зверю, мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза.

Прыжок был настолько мощным, что зверь не только переломил толстый столб, но и оторвал привязанную к нему жертву. Острые когти, лишь коснувшись, вспороли тело раненого — едва не рассекли его надвое, а огромные клыки срезали полголовы с такой же легкостью, как если бы они вошли не в кость, а в мясо. Широкие сыромятные ремни порвались, как бумажные ленты, а там, где уцелели, не выдержали кости и плоть. Балтуса вырвало. За свою недолгую жизнь он поохотился и на пантер, и на медведей, но у него и в мыслях не было, что еще есть на свете звери, способные в мгновение ока превратить живого человека в кровавое месиво.

Саблезубый гигант исчез за воротами, и минуту спустя лес огласило низкое, постепенно удаляющееся рычание. Перепуганные насмерть пикты подались глубже в тени за хижинами, один шаман стоял неподвижно, обратившись лицом прямо к черной пасти открытых ворот.

Внезапно кожу юноши покрыл холодный пот. Какой зверь войдет сейчас в эти ворота? Какая тварь превратит в падаль его молодое сильное тело? Разум захлестнула волна паники, он весь напрягся, тщетно пытаясь разорвать ремни. За чертой света затаилась ночь — таинственная, угрожающая. Пламя костров, отбрасывая зловещие блики, казалось пламенем ада. Он чувствовал устремленные на него глаза пиктов — сотни голодных, жестоких глаз, в которых, он знал это, не отражалось ни одной мысли — одна лишь жажда убийства. Они меньше всего походили на людей; скорее, порождения Тьмы, заселившие эти мрачные джунгли,— такие же бесчеловечные, как и те твари, к которым обращал свои вопли изверг, разряженный в страусовые перья.

И вновь в ночи прозвучал зов колдуна: ни в чем не похожий на первый, он был полон зловещего шипения и свиста. Балтус похолодел: он понял, какую смерть уготовил ему Зогар Саг. Если бы змея могла шипеть так же громко, она издавала бы точно такое шипение.

Черный лес безмолвствовал; поляна затаила дыхание, лишь в ушах юноши тяжелым молотом билось сердце. Но вот в гробовой тишине послышался шорох — нарастающее шуршание сухих листьев, от которого пленника бросило в холодный пот,— и в воротах показалась новая тварь.

И снова Балтус узнал чудовище древних легенд. Там, на границе света и мрака, оторвав от земли треть туловища, раскачивалась огромная змея. Он как-то видел на рисунке и эту сплюснутую голову, не уступающую в размерах лошадиной, и слабо светящееся, свернувшееся кольцами тело, и этот злобный взгляд

змеиных глаз. Раздвоенный язык появлялся и исчезал с быстротой молнии, на ослепительно белых ядовитых зубах играли блики костров.

Балтус застыл, парализованный мыслью об ожидавшей его страшной смерти. Это была рептилия, которую далекие предки называли «змей-призрак». В незапамятные времена этот мерзкий ужас Тьмы вползал по ночам в хижины людей и пожирал целые семьи. Подобно питону, он душил свои жертвы, но, кроме того, обладал ядом, вызывающим сумасшествие и смерть. Его тоже давно считали вымершим, но Валанн говорил правду: ни один белый не мог с точностью сказать, какое зверье скрывалось в бескрайнем лесу за Черной рекой.

Чудовище двинулось вперед. Оно приближалось медленно, стлалось по земле, не поднимая головы, лишь чуть отогнув ее назад, готовясь для броска. Балтус, как завороженный, не сводил глаз с белесого опавшего брюха, которое через минуту, когда змея заглотит его, сразу раздуется, станет гладким и толстым. Но страха не было — все вытеснило чувство омерзения и тошноты.

И вдруг, брошенный из-за хижин, в воздухе промелькнул длинный предмет; и в тот же миг огромная рептилия судорожно ударила длинным телом и в ярости кольцами завертелась по земле. Словно во сне, аквилонец увидел дротик, засевший в шее змеи под широко раскрытой пастью,— спереди торчало древко, стальное острие вышло напротив.

Дротик не задел позвоночника, он лишь пронзил мускулы мощной шеи. Свиваясь в кольца и узлы, обезумевшее от злобы чудовище оказалось рядом с толпой дикарей, те в ужасе отпрянули, но — поздно! Яростно извивающийся хвост выкашивал за раз десяток, челюсти рвали плоть, брызги яда, попадая на кожу, жгли точно жидкий огонь. Вопя и завывая, люди отчаянно пытались ускользнуть от смерти: прятались в хижинах, бежали прочь, сбивая друг друга с ног, топча тела упавших. Но вот огромная змея накрыла своей тушей костер, в воздух взлетел сноп искр — и в приступе незнакомой жгучей боли чудовище с новой силой обрушилось на ненавистных двуногих!

Ослепленные страхом, дикари мчались прямо в огонь, разбрасывая направо и налево горящие бревна. На краткий миг пламя взметнулось вверх, но тут же опало; и только пылающие уголья давали багровый свет, в котором и разыгралось продолжение ужасной драмы.

Балтус стоял отрешенный, готовый к смерти, как вдруг ему почудилось, будто кто-то дергает его за запястья. В следующий миг он каким-то чудом оказался на свободе, его схватили за руку и быстро толкнули за столб. Пораженный, он узнал Конана и только тогда почувствовал на своей руке железную хватку киммерийца.

Кольчуга варвара была в крови, на обнаженном мече — капли засохшей крови; в багровых сполохах неясно вырисовывалась его гигантская фигура.

— За мной, пока они не очухались!

В руке Балтуса очутилась рукоятка топора. Зогар Саг исчез. Конан до тех пор тащил за собой юношу, пока с того не спало оцепенение и его ноги не заработали сами собой. Выпустив руку аквилонца, варвар вбежал в дом с черепами. Балтус — за ним. Внутри в глаза ему бросился каменный алтарь — в неверном свете, падавшем снаружи, на нем зловеще ухмылялись пять человеческих голов. Взгляд приковала одна из них — на вид недавно срезанная. Он вгляделся —

и едва не закричал: то была голова купца Тиберия! Сразу за алтарем помещался идол — в полумраке его уродливые размытые формы отдаленно напоминали человеческие. И снова у Балтуса перехватило дыхание от ужаса: внезапно то, что казалось высеченной статуей, медленно приподнялось с корточек и, лязгая цепями, воздело длинные, в мерзких наростах руки к высокому потолку!

Меч Конана, описав дугу, разрубил кости и мясо. Киммериец потащил Балтуса вокруг алтаря мимо косматой, вздрагивающей на полу кучи к двери в задней стене хижины. Через нее они вывалились наружу — и снова внутри ограды! Но в нескольких ярдах перед ними смутно маячил частокол.

Позади хижины с алтарем было темно. Спасаясь от чудовища, пикты обегали хижину с идолом по сторонам. У стены Конан остановился, подхватил юношу и легко, как перышко, приподнял на вытянутых руках. Балтус ухватился за острия бревен, торчащие из высохшей на солнце глины, и, не обращая внимания на впивавшиеся в кожу щепки, вскарабкался на гребень. Он уже протянул руку киммерийцу, как вдруг из-за угла хижины выбежал пикт. Он круто остановился, во все глаза глядя на человека на стене,— в сполохах догорающих костров четко выделялась белая кожа аквилонца. Конан метнул топор — без промаха, но пикт уже раскрыл рот, чтобы предупредить своих; над общим гамом взвился его крик — и сразу оборвался: с раскроенным черепом дикарь повалился на землю.

Слепой ужас не мог подавить всех природных инстинктов дикарей. Едва раздался этот дикий крик, как на мгновение повисла тишина, но тут же разорвалась яростным воплем сотни глоток, и воины понеслись на зов, чтобы сообща отразить опасность.

Высоко подпрыгнув, Конан схватил руку Балтуса — не за запястье, а едва ли не у плеча — и, раскачавшись, забросил свое тело на гребень частокола. Юноша стиснул зубы, но еще миг — и киммериец оказался рядом. Перевалившись через гребень, беглецы спрыгнули на землю и пропали в темноте.

V

ДЕТИ ДЖЕББАЛЬ САГА

— В какой же стороне река? — нерешительно спросил Балтус.

— Я думаю, к реке нам лучше не приближаться,— ответил Конан.— Через минуту лес между деревней и рекой будет кишеть врагами. Скорей! Мы пойдем туда, где им в голову не придет нас искать,— на запад!

Ныряя в густые заросли, Балтус оглянулся: весь гребень стены был густо усеян черными точками — головами дикарей. Пикты явно пребывали в замешательстве. Они подоспели слишком поздно и не видели, как беглецы перелезали через стену. Воины примчались по тревоге, готовые дать отпор, но вместо врага обнаружили только труп соплеменника. Враг исчез.

Балтус решил, что, скорее всего, дикари пока не знают о бегстве пленника. Из деревни слышались беспорядочные возгласы и резкий, отрывистый голос Зогар Сага: под руководством шамана воины добивали змею из луков — на чудовище уже не действовали колдовские чары. И вдруг характер криков изменился: в ночь выплеснулся мощный рев звериной ярости.

Конан мрачно рассмеялся. Он вел товарища на запад по узкой тропке, то и дело теряющейся в плотном подлеске, однако варвар ступал так уверенно, словно находился на прекрасно освещенной центральной улице города. Балтус, спотыкаясь, шел следом; его не оставляло чувство, что он продирается между глухими стенами.

— Должно быть, нас уже ищут. Наверняка Зогар обнаружил пропажу, к тому же он прекрасно знает, что моей головы в той пирамиде не было. Грязный пес! Будь у меня второй дротик, я бы сначала продырявил его, а уж потом угостил бы змею. Старайся ступать по тропе. С факелами им нас не выследить, а от деревни отходит не меньше дюжины троп. Для начала они пойдут теми, что

ведут к реке, обшарят берег на целые мили, понаставят дополнительные кордоны — думают, что мы будем пробиваться к крепости прямо сквозь их чащобы. Но мы не полезем в бурелом без крайней необходимости. Нас пока что вполне устраивает эта тропинка. Ну а сейчас, приятель, забудь обо всем и беги так, как не бегал никогда в жизни!

— Однако быстро же они справились с паникой, чтоб им...— пропыхтел Балтус, припуская вслед за киммерийцем.

— Они дикари и не способны бояться подолгу,— донеслось в ответ.

Какое-то время оба молчали. Все силы, все внимание были отданы бегу. С каждой минутой росла пропасть между беглецами и цивилизацией, и с каждой минутой они все глубже проникали в мир первозданной дикости. В душе Балтуса росла тревога, но он ни о чем не спрашивал. Наконец Конан, урвав время, внес некоторую ясность:

— Когда отойдем достаточно далеко, то повернем обратно и в обход деревни выйдем к реке. Вокруг Гвавелы на несколько миль нет ни одного поселения. В ней собрались пикты со всей округи. Мы сделаем большой круг. До рассвета они нас не выследят. Утром, понятно, возьмут верный след, но до тех пор мы оставим тропу и углубимся в лес.

Они быстро продолжали путь. Вопли сзади постепенно стихли. Меж зубов Балтуса со свистом прорывался воздух. В боку нарастала боль, бег становился пыткой. Он то и дело натыкался на купы кустов, вставшие по обеим сторонам тропы. Внезапно Конан остановился; круто повернувшись, он впился взглядом в уходящую в сумерки тропу.

Где-то вставала луна, ее тусклый беловатый свет заползал в самые темные уголки.

— Пора сворачивать в лес? — тяжело дыша, спросил Балтус.

— Дай топор,— едва слышно прошептал Конан.— За нами кто-то крадется!

— Может, лучше свернуть?

Покачав головой, Конан увлек товарища в сплетение зарослей. Луна поднялась еще выше, и на тропе чуть прояснело.

— Но нам не одолеть целого племени! — прошептал Балтус.

— Ни один двуногий не смог бы отыскать нашу тропу так быстро и в любом случае — не догнал бы,— тихо сказал Конан.— Молчи и не шевелись.

Воздух заполнила напряженная тишина, но Балтусу казалось, что биение его сердца слышно за мили. И вдруг, совершенно неожиданно, без малейшего шороха, из мрака на тропу высунулась звериная голова. Сердце подкатило к горлу юноши, на миг он отвел глаза, боясь узнать в ней жуткую голову саблезубого тигра. Но эта оказалась значительно меньше и уже — на тропе, скаля пасть и кровожадно урча, стоял леопард. К счастью, ветер дул в сторону людей и относил их запах. Зверь опустил морду, принюхиваясь, затем нерешительно двинулся вперед по тропе. По спине Балтуса пробежал холодок: последние сомнения исчезли — зверь их выслеживал.

Хищник был осторожен. Пройдя футов пять, он остановился и поднял голову; в полумраке сверкнули две огненные точки — глаза твари. Послышалось низкое рычание — и в этот миг Конан метнул топор!

Вся сила руки и мощь плеча ушли в этот бросок. Точно серебряная лента промелькнула в сумерках — и прежде чем Балтус успел понять, что это было, он

увидел леопарда, бьющего лапами в предсмертной агонии: из раскроенного надвое узкого черепа торчком стояла рукоять топора.

Оставив укрытие, Конан подошел к зверю и выдернул из его головы топор. Затем оттащил безвольное тело с тропы в лес и спрятал среди деревьев подальше от случайного взгляда.

— А сейчас — за мной, и быстро! — отрывисто бросил он, сворачивая с тропы к югу.— За кошкой наверняка появятся и пикты. Я думаю, как только до Зогара дошло, что к чему, он послал зверя выследить нас. Воины должны идти следом за леопардом, но, думаю, он оставил их далеко за собой. Прежде чем напасть на след, леопард покружил около деревни, а как вышел на нашу тропу, то уж, поверь мне, не стал мешкать. Дикари не могли держаться за его хвостом, но уже сообразили, в какой стороне нас искать. Должно быть, напрягают сейчас слух — ждут воя своей кошки. Пусть себе тужатся, но скоро они обнаружат на тропе кровь, обыщут заросли и найдут труп зверя. Вот тогда, скорее всего, погони не избежать. Осторожнее ступай.

Сам Конан без труда уклонялся от низко нависших веток; неуловимым движением он огибал жесткий кустарник с цепкими колючками; с удивительной легкостью, не задевая стволов, скользил среди деревьев, каждый раз опуская ногу в точно выбранное место, где оставалось меньше всего следов. Однако для аквилонца все обстояло значительно сложнее.

Сзади не было слышно ни звука. Они прошли уже больше мили, когда Балтус спросил:

— А что, Зогар ловит щенков и натаскивает их, как собак?

Конан помотал головой:

— Он вызвал этого леопарда из леса.

— Но послушай,— продолжал упорствовать юноша,— если он может приказать одному зверю, то почему он не натравит на нас всех зверей сразу? В лесу полно леопардов, что он мелочится?

Какое-то время Конан молчал, а когда заговорил, голос его звучал несколько отчужденно:

— Он не имеет власти над всеми животными — только над теми из них, кто помнит Джеббаль Сага.

— Джеббаль Сага? — Балтус с сомнением повторил древнее имя. За всю свою жизнь он слышал его не более трех-четырех раз.

— Когда-то ему поклонялись все живые твари. То было очень давно, когда звери и люди говорили на одном языке. С тех пор люди о нем забыли, забыли и почти все звери, а тех, что помнят, остались единицы. Так вот: люди и звери, что сохранили память о Джеббаль Саге, остались братьями и, как и прежде, говорят на одном языке.

Балтус ничего не ответил. Он побывал у столба смертников и своими глазами видел, каких чудовищ извергал ночной лес из своих глубин по призыву шамана.

— Цивилизованные люди надо всем этим посмеиваются,— продолжал Конан,— но пока что ни один из них толком не объяснил мне, как удается Зогар Сагу вызывать из чащи леса питонов, тигров, леопардов и заставлять их быть послушными его воле. Они обвинили бы меня во лжи... если бы посмели. Обыч-

ная манера всех цивилизованных. Когда вы не можете что-либо объяснить своими ущербными мозгами, вы просто заявляете, что этого не может быть.

Жители Турана по своему развитию стояли ближе к природе, чем остальное население Аквилонии; они все еще были подвержены различным суевериям, корни которых терялись в глубокой древности. К тому же Балтус видел то, от чего по его телу все еще временами пробегала дрожь. И потому он предпочел поверить на слово всему, о чем ему поведал Конан.

— Говорят, где-то здесь должна быть роща, которую Джеббаль Саг считал священной,— сказал варвар.— Не знаю, сам я ее не видел. Но тех зверей, что помнят Джеббаль Сага, в этом лесу обитает больше, чем во всем остальном мире.

— Тогда нас могут выслеживать и другие?

— Они нас и выслеживают,— спокойным тоном ответил киммериец, отчего у Балтуса отнюдь не улучшилось настроение.— Зогар всегда действует наверняка.

— И что же нам делать? — нервно спросил юноша, хватаясь за топор и со страхом вглядываясь в сумрачные зеленые арки над головой. По коже поползли мурашки, ему вдруг почудилось, что в каждой тени затаились клыки и когти, готовые в любую секунду вонзиться в его тело.

— Постой-ка!

Варвар остановился и, присев на корточки, острием ножа принялся рисовать на рыхлой земле какой-то знак. Нагнувшись, Балтус заглянул ему через плечо, и — непонятно почему — по его спине пробежал холодок. Воздух был недвижим, но листья над ними зашуршали, и оттуда донесся вой — зловещий и протяжный. Конан бросил вверх через плечо загадочный взгляд и, встав на ноги, мрачно воззрился на символ.

— Что это? — прошептал Балтус.

Знак выглядел древним и потому был совершенно незнаком. Он подумал, что, может быть, ему просто не хватает знаний, а символ принадлежит к какой-нибудь древней культуре? Но даже будь он самым знающим художником на свете, он ни на дюйм не приблизился бы к разгадке.

— Я однажды видел такой,— пробормотал Конан,— высеченный на стене в пещере, в которую за последние миллион лет не заглядывал ни один человек. Я наткнулся на нее в необитаемых горах за морем Вилайет, за тысячи миль отсюда. Позже я видел, как этот знак рисовал на песке у безымянной реки чернокожий колдун. Он-то и приоткрыл мне его тайну — это священный символ Джеббаль Сага и всех существ, которые его почитают. Вот, смотри!

Оба отступили на несколько ярдов в глубь плотных зарослей и замерли в напряженном ожидании. Где-то на западе послышался приглушенный бой барабанов, спустя минуту им ответили барабаны с востока и с севера. Балтус вздрогнул, хотя и знал, что от угрюмых барабанщиков, отбивающих на своих древних инструментах вступление к кровавой драме, его отделяют несколько миль мрачного леса.

Сам того не замечая, юноша затаил дыхание. Внезапно чуть дрогнули листья, расступились кусты, и на тропу выскользнула грациозная пантера. В пятнах лунного света лоснилась черная шерстка, под которой поигрывали великолепные мускулы.

Влажная почва хорошо держала запах. Опустив голову, пантера двинулась в сторону людей. Но вдруг остановилась, словно застыла, почти касаясь мордой таинственного символа. Долгое время она стояла без движения. Затем сильное тело расслабилось, и животное растянулось на земле, положив голову перед рисунком. Балтус почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове: поза грозного хищника выражала благоговейный трепет и слепое обожание.

Наконец пантера поднялась и медленно, на полусогнутых лапах начала пятиться в кусты у обочины тропы. И только она скрылась в них наполовину, как, круто повернувшись, словно объятая смертельным ужасом, метнулась прочь, не разбирая дороги!

Балтус вытер дрожащей рукой пот со лба и искоса посмотрел на киммерийца.

В глазах варвара мерцали огоньки, каких аквилонец никогда не видел у людей, впитавших в себя идеи цивилизованного общества. Бок о бок с ним стоял настоящий дикарь, похоже начисто забывший о своем товарище. Его горящий взор пробудил в голове юноши смутные образы — неведомые и пугающие; в мозгу зашевелились полустершиеся воспоминания о простой, бесхитростной жизни, которую вели люди на заре истории человечества и от которой они отказались, выродившись в изнеженную расу господ и рабов.

Но вот лицо варвара обрело прежнее выражение, и, встряхнувшись, Конан молча направился в глубь леса.

— Зверей можно больше не бояться,— сказал он через некоторое время,— но мы оставили примету, на которую могут наткнуться люди. Сейчас нас выследить гораздо труднее, а если пикты не найдут мой знак, то так и не будут до конца уверены, где нас искать — на юге или где еще. А если и найдут, то без зверей, одним, им придется изрядно повозить по земле носами. Но в любом случае в лесу к югу от тропы будет полно воинов, и на день лучше затаиться, чтобы не напороться на какой-нибудь отряд. Найдем укромное местечко и там переждем день, а ночью выйдем к реке. Надо предупредить Валанна, а вряд ли ему будет легче, если мы сгинем в этом лесу.

— Предупредить Валанна? О чем?

— Кром всемогущий! Ты что, так ничего и не понял? Прибрежный лес прямо-таки кишит пиктами! Поэтому нас и обнаружили. На этот раз Зогар готовит большую войну, а не набег, как раньше. Он сделал то, чего на моей памяти не делал ни один пикт: объединил в один кулак по меньшей мере пятнадцать кланов. Думаю, здесь не обошлось без его славы колдуна: пикты куда охотнее пойдут в бой под началом колдуна, чем опытного военачальника. Ты видел — их в деревне целое сборище, но то была малая часть, еще несколько сот наверняка прячутся в зарослях вдоль берега. И на подходе другие, из дальних деревень. У него будет по меньшей мере три тысячи воинов. Я затаился в кустах и слышал разговоры, когда мимо проходил отряд. Они намерены напасть на крепость; когда, точно не знаю, но, думаю, Зогар не станет медлить. Он распалил их ярость и если не поведет в битву немедленно, то дикари скоро перессорятся друг с другом. Они точно взбесились — так жаждут напиться крови! Я не уверен, смогут ли они овладеть крепостью, но все равно мы должны переправиться через реку и предупредить своих. Поселенцам, которые обосновались при дороге на Велитриум, надо как можно скорее или укрыться в крепости, или вернуться в Велитриум. Пока главные силы пиктов будут осаждать крепость, их летучие от-

ряды будут рыскать вдоль дороги и могут проникнуть далеко на восток — может быть, даже за Громовую реку, в густонаселенные земли за Велитриумом.

Конан говорил на ходу, с каждым шагом все глубже забираясь в дикие дебри. Наконец он довольно хмыкнул. Они вышли к местности, где кустарник был довольно редкий, зато повсюду виднелись протянувшиеся к югу скальные обнажения. Ступив на скалу, Балтус приободрился: на голых камнях ни один пикт не сможет разглядеть их следы.

— Как ты остался жив? — наконец спросил он.

Конан постучал кончиками пальцев по кольчуге и по шлему.

— Если бы воины пограничья носили такие штуки, то на хижине с идолом было бы гораздо меньше их черепов. Но беда в том, что наши люди не способны ходить с оружием бесшумно. Дикари затаились по обе стороны тропки. А когда пикт стоит не шелохнувшись, его не заметит даже проходящий рядом лесной зверь. Они видели, как мы переплываем реку, и приготовились к встрече. Если бы они становились по местам после того, как мы вошли в прибрежные заросли, я бы еще, пожалуй, что-нибудь да заметил бы. Но нас уже поджидали, и ни один лист не дрогнул. Сам демон ничего бы не заподозрил. И лишь когда я услышал, что вроде бы где-то о лук трется стрела, тогда только закрались подозрения. Я бросился на землю и крикнул остальным, но те растерялись и действовали вяло. Большинство пали после первого же залпа, накрывшего нас с обеих сторон. Несколько стрел, перелетев через тропу, поразили пиктов, стоявших напротив. Я слышал, как они выли.— Он усмехнулся с мрачным удовлетворением.— Те, кто остался цел, вломились в заросли и схватились с дикарями врукопашную. Когда я увидел, что все, кроме меня, уже не двигаются, то расшвырял насевших на меня размалеванных демонов и скрылся в темноте. Они были повсюду. Я и бежал, и полз, и крался, и, бывало, лежал на брюхе под кустами, пока они обтекали меня по бокам. Потом сунулся к берегу, но их там оказалось что муравьев в муравейнике: ждали, что я именно так и поступлю. Я все равно рискнул бы — пробился к берегу и попытался бы переплыть реку,— но тут услышал со стороны деревни бой барабанов и понял, что кого-то взяли живым. Все были так поглощены шаманством Зогар Сага, что я без труда перелез через стену за длинной хижиной. Там должен был находиться часовой, но тот, сидя на корточках и выглядывая из-за угла, во все глаза следил за церемонией. Я подкрался сзади, и не успел тот сообразить, что к чему, как я свернул ему шею. Его-то дротик и засел в змее, а топор — у тебя за поясом.

— А что это... что это была за тварь, которую ты убил в хижине с алтарем? — спросил Балтус, содрогнувшись при воспоминании об уродливом чудище.

— Один из богов Зогара. Он из детей Джеббаль Сага, но потерял память, и потому его приковали к алтарю. Это самец огромной обезьяны. Пикты поклоняются этим обезьянам, поскольку думают, что их отметил сам Великий-Волосатый-Который-Живет-на-Луне — бог-горилла, раб большого бога по имени Гулла. Уже светает. Вот подходящее местечко, где можно спрятаться, пока не выясним, удалось ли дикарям напасть на след. Здесь переждем день.

За разговором прошли еще миль пять. Неподалеку высился невысокий холм, густо поросший деревьями и кустарником. Чуть ниже гребня из склона в беспорядке торчали обломки скал, прикрытых плотной зеленью. Укрывшись за ними, можно было, не обнаруживая себя, наблюдать за джунглями. Место годилось

не только для наблюдения, но и для обороны. Балтус не слишком верил, что пикты смогут отыскать следы на каменистой почве, но он по-прежнему боялся зверей Зогар Сага. Несмотря на уверенность варвара, его вера в непонятный знак за время пути успела пошатнуться.

Прошло еще с полчаса. Под сенью сплетенных ветвей с каждой минутой становилось все светлее. Розовые лоскутки неба наливались голубым. Юноша почувствовал муки голода — хорошо еще, что они некоторое время шли по ручью и ему удалось утолить жажду. Вокруг царил полный покой, изредка нарушаемый щебетом птиц. Барабанов больше не было слышно. Расслабившись, Балтус обратился в мыслях к драме, разыгравшейся перед ритуальной хижиной этой ночью.

— Я видел на Зогаре перья страуса,— сказал он.— Такими же были украшены шлемы баронов, которые приезжали с востока к нам в пограничье. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

— Их привезли сюда из Куша,— ответил Конан.— За много переходов к западу лежит океанский берег. Зингарские купцы время от времени привозят на кораблях оружие, вино и украшения, чтобы обменять их у прибрежных племен на шкуры, медную руду и золотой песок. Иногда они торгуют и страусовыми перьями, которые получают из Стигии, куда, в свою очередь, они попадают из чернокожих племен Куша, расположенного к югу от Стигии. Шаманы пиктов за них хорошо платят. Но в такой торговле есть много риска. Пикты всегда не прочь завладеть кораблем силой. Да и само побережье опасно для мореплавания. Я как-то плавал вдоль того берега, когда ходил под одним парусом с пиратами с Барахских островов.

Балтус бросил на товарища восхищенный взгляд.

— Я и раньше слышал, что ты на границе недавно. Ты назвал сейчас несколько стран. Наверное, много путешествовал?

— Да, поскитался по свету. Я побывал там, где до меня не был никто из моего народа. Я видел все большие города хайборийцев, шемитов, стигийцев и гирканцев. Я забирался в неизведанные джунгли к югу от черных королевств Куша и в пустыни восточнее моря Вилайет. Я был капитаном наемников, пиратом, козаком, бродягой без медяка за душой и полководцем — Кром всемогущий, кем я только не перебывал! Пожалуй, только королем в какой-нибудь цивилизованной стране, но, может быть, до смерти успею побывать и королем.— Варвар едва заметно усмехнулся: как видно, мысль пришлась ему по душе. Затем, пожав плечами, он растянулся на камнях.— По-моему, в такой жизни нет ничего зазорного. Я вот не знаю, останусь ли на вашей границе еще на неделю, месяц или год. Мне не сидится на месте. Просто для меня здешняя жизнь, как и везде,— ничем не лучше и не хуже.

Усевшись поудобнее, Балтус принялся наблюдать за лесом. Каждую минуту он ожидал, что вот сейчас из листьев высунется свирепое, в боевой раскраске лицо. Так проходил час за часом, но ни шорох веток, ни хруст камешков под осторожно ступающими ногами не нарушали разлитую в воздухе тишину. Может быть, пикты потеряли след и отказались от поисков? Тогда почему беспокоится Конан?

— Странно, что до сих пор не появились рыскающие по лесу отряды,— проворчал киммериец.— Если они махнули на нас рукой, значит, затевается по-на-

стоящему крупная игра. Похоже на то, что дикари собирают силы, чтобы преодолеть реку и захватить крепость.

— Стали бы они так забираться к югу, если бы вдруг потеряли след?

— Понятно, что они его потеряли, иначе давно свалились бы нам на головы. В другое время пикты прочесали бы лес вокруг деревни на десяток миль, и с холма мы их обязательно заметили бы. Видимо, они все-таки готовятся к переправе. Что ж, придется рискнуть... Мы идем к реке!

Все время, пока они крадучись спускались с холма, у Балтуса по спине ползали противные мурашки: каждый миг он ожидал услышать свист тучи стрел, выпущенных из крон деревьев. Юноша боялся, что пикты давно их обнаружили и устроили засаду. Однако Конан был уверен, что врагов поблизости нет, и, как выяснилось, киммериец был прав.

— Мы зашли слишком далеко к югу,— хмуро сказал Конан.— Поэтому пойдем напрямик. Не знаю, насколько они продвинулись вниз по реке, но будем надеяться, что выйдем к берегу ниже их отрядов.

С быстротой, казавшейся Балтусу безрассудной, они зашагали на восток. Жизнь в лесу словно вымерла. Варвар полагал, что все пикты собрались в Гваверле, если не предположить самого худшего — что переправа уже началась. Хотя вряд ли дикари посмели бы плыть через реку днем.

— Они не дураки и понимают, что кто-нибудь из береговых лазутчиков наверняка их заметит и сразу поднимет тревогу,— терпеливо объяснял он юноше.— Нет, они переправятся ниже и выше крепости — так, чтобы их не увидела стража со стен,— а оставшаяся часть с рассветом рассядется по каноэ и начнет штурм стены, выходящей к реке. И как только они начнут атаку, те, что укрылись на восточном берегу, ринутся на стену с суши. Они раз сделали такую попытку, но тогда им повыпускали кишки. Но сейчас у них достаточно сил, чтобы овладеть крепостью.

Оба быстро скользили среди зарослей; Балтус время от времени бросал по сторонам жадные взгляды: в ветвях мелькали белки, и он мог бы сбить любую одним броском топора. Юноша со вздохом затянул ремень. Эта вечная тишина и постоянные лесные сумерки действовали на него угнетающе. Он поймал себя на мысли о том, что с тоской думает о светлых, в солнечных пятнах рощицах Турана, о его просторных лугах; об искрящемся веселье, царившем в дни праздников в отцовском доме со стенами из тесаного камня, крытом соломой; о тучных коровах, щиплющих густую, сочную траву, и об искренней дружбе между загорелыми, сильными пахарями и пастухами.

Юноша чувствовал себя одиноко, хотя был не один. Но Конан был так же слит с этим первозданным миром, как Балтус — чужд ему. Киммериец мог провести годы в крупнейших городах мира, мог есть за одним столом с верховными правителями цивилизованных стран, мог даже осуществить свою бредовую идею — самому стать королем в одной из этих стран. Почему бы нет? В мире случались вещи и более невероятные. Но при этом он всегда оставался и останется варваром. Его интерес не заходил дальше жизненных основ. Тепло привычной домашней обстановки, простые человеческие чувства и милые сердцу пустячки, так много значащие в жизни цивилизованного человека, для него — пустой звук. Волк — это волк, даже если волею случая ему приходится одно время бежать в одной стае с гончими. Кровопролитие, насилие и свирепость были не-

отъемлемой частью жизни, которую он знал; он никогда не понимал и не поймет тех тихих радостей, которые так дороги людям цивилизованного общества.

Тени уже удлинялись, когда они вышли к реке и, затаившись в прибрежных зарослях, внимательно оглядели местность. Река просматривалась примерно на милю вверх и вниз по течению. Угрюмый поток нес свои воды — открытый и пустынный. Конан бросил хмурый взгляд на противоположный берег.

— Придется рискнуть еще раз. Сейчас мы милях в шести к югу от Гвавелы. Лучше всего переплыть реку здесь. Пока не ясно, успели пикты переправиться или нет. Лес на том берегу может кишеть ими, как запаршивевшая голова вшами. Но другого пути у нас нет.

Вдруг варвар резко пригнулся — и тут же Балтус услышал звон спущенной тетивы. Полоса яркого света прочертила воздух — стрела! В следующий миг Конан сделал мощный прыжок и пропал в зарослях. Над кустами сверкнула сталь — и в тишину ворвался вопль смертельной муки! Аквилонец не стал медлить: забыв обо всем, он вломился в заросли вслед за киммерийцем.

На земле с раскроенным черепом, судорожно сжав в скрюченных пальцах пук травы, лежал лицом вниз пиктский воин. Еще с полдюжины — с топорами и мечами на изготовку — роем вились вокруг Конана. Их луки, бесполезные в ближнем бою, валялись поодаль. Нижние челюсти дикарей были окрашены белым, резко выделяясь на общем фоне смуглых лиц; рисунок, украшавший мускулистые грудные клетки, был совершенно незнаком аквилонцу.

Один из них метнул в Балтуса топор и бросился к юноше с ножом. Пригнувшись, Балтус успел перехватить руку, сжимавшую нацеленный на горло клинок, и, потеряв равновесие, оба тесным клубком покатились по земле. Пикт нападал с яростью дикого зверя, его мышцы стальными тросами ходили под кожей.

Вцепившись в руку дикаря, Балтус старался пустить в ход свой топор, но схватка была настолько яростной и стремительной, что ни один удар не достиг цели. В попытках высвободить руку пикт извивался дикой кошкой, рычал, брызгал слюной; хватаясь за топор, он в то же время коленями уперся в пах аквилонца. Наконец он попытался перехватить нож в свободную руку, и в этот момент Балтус привстал на колено, размахнулся и со всей силы опустил топор на размалеванную голову дикаря.

Вскочив на ноги, Балтус повел вокруг пылающим взглядом, ожидая увидеть своего товарища поверженным многочисленными врагами, и тут только он осознал всю силу, ярость и искусство киммерийца. Варвар уже успел покончить с двумя пиктами — раскинув руки, те валялись рядом, едва не разрубленные надвое. В следующий миг Конан отбил клинок короткого меча и, с кошачьей ловкостью легким прыжком в сторону уйдя от топора, вдруг очутился рядом с дикарем, нагнувшимся за луком. Пикт не успел выпрямиться, как окровавленный широкий меч метнулся вниз и разрубил смуглое тело от плеча до грудной кости, где и застрял. Оставшиеся два воина с двух сторон кинулись на варвара. Балтус примерился, бросил топор — и от двоих остался лишь один, а Конан, прекратив попытки вызволить свой меч, повернулся и встретил врага голыми руками. Коренастый воин, на голову ниже киммерийца, подпрыгнул и обрушил на Конана топор, другой рукой яростно ткнув его ножом в живот. Нож сломался о кольчугу, а топор, подрагивая, остановился в воздухе: выбросив руку вверх, Конан сомкнул железные пальцы на смуглом запястье. Громко хрустнула кость,

и Балтус увидел, как дикарь, сморщившись от боли, пошатнулся. Пинком в лодыжку пикта сбили с ног, две сильные руки подняли его высоко в воздух, секунду подержали там — и швырнули отчаянно извивающегося воина головой оземь с такой силой, что его тело отскочило от земли, рухнуло вновь и осталось лежать — неподвижное, скрюченное, с неестественно вывернутыми конечностями, что было верным признаком раздробленных костей и сломанного позвоночника.

— Вперед! — Конан рывком освободил свой меч и подхватил топор.— Хватай лук, охапку стрел — и за мной! Придется снова положиться на ноги. Наверняка тот вопль услышали. Через минуту здесь будет целый клан. Если переплывать сейчас, то не успеем добраться до стремнины, как нас утыкают стрелами!

VI

КРАСНЫЕ ТОПОРЫ ГРАНИЦЫ

Конан не стал углубляться в лес. За несколько сот ярдов от реки он изменил направление и побежал вдоль берега. Балтус понял причину: охота в лесу может затянуться, а варвар решительно был настроен переправиться через реку и предупредить крепость об опасности. За их спинами нарастал вопль бешенства — отряды дикарей выбежали к прогалине с трупами. Судя по новой волне воплей, дикари всем скопом устремились за беглецами в лес: удирая, они оставили за собой такую тропу, что ни один пикт не сбился бы со следа.

Конан прибавил скорость; стиснув зубы, Балтус тоже наддал ходу, хотя чувствовал, что его сердце готово разорваться на кусочки. Казалось, прошли века с

тех пор, как он что-то клал себе в рот. Кровь так стучала в ушах, что он даже не сообразил, когда же стихли вопли их преследователей.

Внезапно Конан остановился. Балтус, тяжело дыша, прислонился к дереву.

— Все, отвязались! — хмуро бросил киммериец.

— А вдруг... крад... крадутся! — порывисто выпалил юноша.

Конан покачал головой:

— Когда они наступают на пятки, как сейчас, то оруг не переставая. Нет, они вернулись. К тому же за несколько секунд до того, как стали стихать вопли, я вроде бы слышал чей-то окрик. Их отозвали к реке. Для нас это удача, но для людей в крепости — хуже не придумаешь. Это значит, что воинов собирают для решительного штурма. Те пикты, на которых мы напоролись, были из племени с низовьев реки. Они, конечно, шли в Гвавелу, чтобы вместе со всеми участвовать в штурме. Кром всемогущий! Прошло столько времени, а мы только и делаем, что удираем все дальше и дальше! Все, хватит! Пора переправляться.

Варвар свернул на восток и, не таясь, быстро зашагал к реке. Балтус поспешил следом; глубокие отметины, оставленные зубами пикта на плечах и на груди, давали о себе знать острой, пульсирующей болью. Он продирался сквозь густые кусты, росшие по берегу, когда Конан, вдруг круто обернувшись, толкнул его обратно в заросли. Послышались ритмичные всплески, и юноша сквозь листву увидел идущую снизу каноэ-долбленку, ее одинокий гребец изо всех сил работал веслом, борясь с течением. Это был крепкого сложения пикт; за ленту цвета меди, схватывающую грубо остриженную у плеч черную гриву, было воткнуто белое перо цапли.

— Он из Гвавелы,— шепнул Конан.— Посол Зогара. Это видно по белому перу. Он вел переговоры о мире с нижними племенами, а сейчас торопится обратно, чтобы тоже принять участие в резне.

Одинокий посол почти поравнялся с затаившимися воинами, как вдруг произошло нечто такое, отчего Балтус чуть было не выпрыгнул из собственной кожи: прямо над ухом у него раздалась характерная хрипловато-гортанная речь пиктов! Не сразу до него дошло, что это Конан окликнул посла на родном языке дикаря. Вздрогнув от неожиданности, человек в лодке уставился на кусты, потом отрывисто проговорил несколько слов и бросил испуганный взгляд на противоположный берег. Нагнувшись как можно ниже, пикт направил лодку к западному берегу. Ничего не понимающий Балтус увидел, что киммериец берет лук, подобранный на прогалине, и вкладывает стрелу.

Подогнав каноэ ближе к берегу, пикт поднял весло, затем поднял глаза к кустам и снова что-то сказал. Ответ последовал незамедлительно: зазвенела тетива, и стрела, прочертив в воздухе короткую прямую, по самые перья вошла в широкую грудь дикаря. Тот коротко вскрикнул, осел на бок и свалился в прибрежное мелководье. В мгновение ока Конан скатился по невысокому откосу и, войдя в воду, подхватил относимую течением лодку. Балтус — несколько неуверенно — спустился следом и забрался в каноэ. Усевшись на низкую скамью, Конан схватил весло и мощными гребками направил утлое суденышко к восточному берегу. Балтус с восхищением и завистью следил, как играют мускулы под загорелой кожей киммерийца. Варвар был точно железным: казалось, ему было неведомо чувство усталости.

— Что ты сказал пикту? — спросил Балтус.

— Чтобы греб к берегу. Сказал еще, что заметил на том берегу белого охотника, который уже взялся за лук.

— Мне кажется, ты поступил не совсем честно! — осмелился возразить юноша.— Ведь он принял тебя за друга. Оно и понятно: ты говорил как настоящий пикт.

— Нам нужна была его лодка,— спокойно ответил Конан, не переставая грести.— Другим способом нельзя было подманить его к берегу. Что хуже: обманом убить пикта, который с удовольствием содрал бы с нас живьем кожу, или обмануть надежды белых с восточного берега, чьи жизни сейчас зависят от нашей расторопности?

Балтус недолго размышлял над моральной стороной вопроса. Пожав плечами, он спросил:

— Как далеко мы от крепости?

Конан указал на устье речки на несколько сот ярдов ниже по течению, впадающей в Черную реку с востока.

— Это Южная речка, от ее устья до крепости десять миль. Она служит южной границей Конаджохары. За ней пограничье совершенно дикое. Оттуда нападать некому. Девятью милями выше крепости Северная речка образует другую границу. Местность там такая же дикая. Так что нападения можно ждать только из-за Черной реки. Конаджохара вонзилась в пиктские земли, как копье с острием шириной в девятнадцать миль.

— Почему бы нам не остаться в лодке и не доплыть по реке?

— Потому что пришлось бы лавировать против течения да еще огибать излучины. Пешком мы доберемся быстрее. К тому же вспомни — Гвавела находится к югу от крепости, и, если пикты уже начали переправу, мы угодим прямо к ним в лапы.

Сгущались сумерки, когда они ступили на восточный берег. Не отдохнув ни секунды, Конан зашагал на север с такой легкостью, что уже через сотню ярдов крепкие ноги Балтуса дали о себе знать.

— Валанн предлагал построить две крепости: в устьях Северной и Южной речек,— проворчал киммериец.— Тогда можно было бы весь участок реки держать под постоянным наблюдением. Но правительство решило иначе. Толстопузые дурни, развалившиеся на мягких подушках, с голыми девками под боком, которые, стоя на коленях, протягивают им кубки с ледяным вином,— я хорошо знаю эту породу. Они не способны видеть дальше дворцовой стены. Дипломатия — идиотизм! Они считают, что вместо оружия они могут победить пиктов своими бреднями о постепенном освоении новых земель. И вот таким олухам должен подчиняться Валанн со своими воинами! Им больше не удастся отхватить ни ярда пиктской земли — здесь повторится та же история, что и с Венариумом. Даже хуже — если дела и дальше так пойдут, то в один прекрасный день варвары полезут на стены восточных городов!

Еще неделю назад Балтус поднял бы на смех автора подобного предположения. Сейчас же он не нашелся что ответить, ибо своими глазами видел неукротимую ярость тех, кто обитал в лесу западнее границы.

Аквилонец поежился. Он то и дело с опаской поглядывал на гладь реки, видную сквозь кустарник, на зеленые арки деревьев, вплотную подступивших к воде. Ему не давала покоя мысль, что пикты, должно быть, уже переправились

через реку и расставили вокруг крепости засады. Тем временем быстро спускалась ночь.

Легкий шорох — и тут же сердце у Балтуса подкатило к горлу, а меч Конана сверкнул в воздухе. Он опустил его, когда из кустов выскользнул пес — огромный, поджарый, иссеченный шрамами зверь — и, остановившись, вывалив язык, уставился на людей.

— Это пес одного поселенца,— сказал Конан.— Парень построил дом на берегу реки несколькими милями южнее крепости. Однажды ночью к нему наведались пикты — самого, понятно, убили, а дом сожгли. Мы нашли его мертвого среди остывающих угольев; чуть в стороне лежал вот этот пес, оглушенный, едва не порезанный на куски, а рядом — трупы трех пиктов с порванным горлом. Мы взяли его в крепость, перевязали раны, выходили, но как только он поправился, сбежал в лес и одичал... Ну что, Секач, опять охотишься за теми, кто убил твоего хозяина?

Крупная голова зверя покачивалась из стороны в сторону, в глазах горел зеленоватый огонь. Он не рычал и не лаял. Бесшумно, как привидение, пес приблизился к людям.

— Пусть идет с нами,— пробормотал Конан.— Он учует двуногих тварей раньше, чем мы их заметим.

Балтус улыбнулся и, думая приласкать пса, положил руку ему на голову. В тот же миг пасть зверя оскалилась, обнажив два ряда белых острых клыков; затем, опасливо опустив голову, пес нерешительно дернул хвостом, словно с трудом вспоминая давно забытое тепло человеческой руки. Балтус мысленно сравнил это большое, поджарое, сильное тело с гладкими, упитанными собаками, с визгом и лаем резвящимися на скотном дворе возле отцовского дома. Юноша вздохнул. Для животных граница являлась не менее суровым испытанием, чем для людей. За время одиночества бедняга пес почти забыл, что значили для него раньше преданность и дружба с человеком.

Секач поднял голову, и Конан пропустил его вперед. Последние следы сумерек растаяли в ночной тьме. Под размеренным, неутомимым шагом быстро бежали миля за милей. Казалось, у Секача навсегда пропал голос. Внезапно он остановился и, весь подобравшись, навострил уши. Мгновение спустя то, что услышал пес, услышали и люди: слабый, как шепот, жуткий, демонический вопль сотен глоток где-то впереди вверх по реке.

Конан страшно выругался.

— Они напали на крепость! Мы опоздали! Вперед!

Он ускорил шаг, полностью положившись на чутье собаки. В приливе возбужденного ожидания Балтус забыл и о голоде, и об усталости. По мере продвижения к крепости вопли становились все громче, к визгу пиктов примешивались низкие выкрики воинов. И только Балтус подумал, что вот сейчас они выбегут прямо на вопящую толпу дикарей, как Конан, свернув в сторону от реки, пошел широким полукругом, пока перед ними не оказалась низкая вершина, с которой, однако, можно было окинуть взглядом лес. Взбежав наверх, они увидели крепость в кольце факелов, выставленных за парапет на длинных кольях. Факелы отбрасывали на поляну вокруг крепости дрожащий, слабый свет, а там, внизу, вдоль бахромы леса, бесновались толпы голых, размалеванных человечков. Гладь реки бороздили десятки каноэ. Пикты взяли крепость в кольцо!

Из леса и с реки на стены крепости нескончаемым потоком полетели стрелы. Над воплями поднялся многократно усиленный низкий звон спущенной тетивы. Наконец, завывая волками, несколько сот голых воинов выбежали из-под деревьев и с топорами в руках устремились к восточным воротам. До цели оставалось не меньше ста пятидесяти ярдов, как вдруг со стен на них обрушился губительный дождь стрел; в минуту землю усеяли трупы, а уцелевшие волной откатились под защиту деревьев. Тут же ударили веслами гребцы каноэ, но были встречены залпом из катапульт и небольших баллист, установленных на башнях по краям обращенной к реке стены. Камни и бревна, со свистом пронесясь по воздуху, разбили в щепки полдюжины каноэ, поубивав находящихся в них воинов; прочие лодки поспешили выйти из зоны обстрела. И тогда со стен скатился мощный рев торжества, в ответ на который со всех сторон взвился злобный звериный вой!

— Будем прорываться? — дрожа от нетерпения, спросил юноша.

Конан покачал головой. Скрестив на груди руки, он стоял, чуть наклонив голову, погруженный в мрачные раздумья.

— Крепость обречена,— глухо сказал киммериец.— Пикты помешались от крови и теперь не отступят, пока их не перебьют всех до единого. А в крепости для такой задачи слишком мало воинов. Нам не прорваться, а если бы и прорвались, то смогли бы разве что умереть вместе с Валанном.

— Так что же, будем спасать свои шкуры?

— Да. Надо предупредить поселенцев. Знаешь, почему пикты не подожгли крепость горящими стрелами? Им ни к чему большой огонь, который мог бы предупредить остальных об опасности. Они хотят поскорее покончить с крепостью, чтобы потом, пока никто не узнал о ее падении, устремиться дальше на восток. Так, переправившись через Громовую реку, дикари смогут взять Велитриум прежде, чем его жители поймут, что же случилось. И в любом случае они уничтожат все живое между крепостью и Громовой рекой. Нам не удалось предупредить Валанна, но, как я понимаю, ему это все равно не помогло бы. В крепости слишком мало людей. Еще несколько атак — и пикты заберутся на стены и разобьют ворота. Но еще можно предупредить поселенцев при дороге на Велитриум. Мы снаружи кольца, которым пикты обложили крепость, и сейчас главное — не обнаружить себя. За мной!

Широким полукругом они стали огибать крепость; вопли то взлетали волной, то опадали, отмечая новые атаки и отступления пиктов. Воины крепости держались, но ярость дикарей от этого только усиливалась. Пронзительные крики постепенно перерастали в резкий визг, в котором угадывалась уверенность в скорой победе.

И вдруг, совершенно неожиданно для Балтуса, они вышли к дороге, ведущей на восток.

— Теперь — бегом! — отрывисто бросил Конан.

Балтус стиснул зубы. До Велитриума было девятнадцать миль, до речки Скальпа, за которой начинались поселения,— добрых пять. Аквилонцу начинало казаться, что их бегству и стычкам с дикарями не будет конца. Но нервное возбуждение, разгонявшее в жилах молодую кровь, пробуждало к жизни исполинские силы.

Секач с опущенной к земле головой бежал впереди. Вдруг пес тихонько рыкнул — впервые за все это время он издал какой-то звук.

— Впереди — пикты! — прошептал Конан. Встав на колено, он дюйм за дюймом осмотрел небольшой участок дороги. Наконец, озадаченный, помотал головой: — Не пойму, сколько их. Может быть, летучий отряд из тех нетерпеливых, что не стали дожидаться падения крепости, а отправились вперед, чтобы перерезать белых прямо в постелях. За мной!

Скоро впереди между деревьями сверкнуло пламя, и они услышали свирепые голоса, распевающие какую-то дикую, полную ненависти песню. Дорога здесь делала поворот. Свернув в сторону, они заскользили напрямик через заросли и спустя несколько секунд уже смотрели на открывшуюся их глазам зловещую сцену. На дороге стояла телега, нагруженная убогим домашним скарбом. Все было в огне, запряженные в телегу быки лежали с перерезанными горлами. Чуть поодаль посреди дороги скорчились два тела — мужчины и женщины, обнаженные и жестоко израненные. А вокруг, размахивая окровавленными топорами, отплясывали в неудержимом веселье свой жуткий танец пятеро пиктов; один из них крутил над головой женское платье, густо испачканное алым.

При виде расправы глаза Балтуса застлал красный туман. Подняв лук, он прицелился в пляшущую фигурку, черным пятном выделяющуюся на фоне огня. Зазвенела тетива — и дикарь, вдруг подпрыгнув, рухнул на землю со стрелой в сердце. В следующий миг перед пораженными пиктами, точно разгневанные духи леса, предстали двое белых и огромный пес. Конаном двигала его душа воина, его извечная готовность к бою и старинная, корнями уходящая в далекое прошлое расовая ненависть, но Балтус весь так и кипел от ярости.

Первого пикта, вставшего у него на пути, он сразил мощным ударом топора; раскрашенный череп развалился надвое, и, перепрыгнув через труп, юноша бросился к остальным. Но Конан уже успел покончить с одним из двух, что он наметил для себя, а ко второму аквилонец не поспел: только он занес топор, как грудь воина пронзил широкий меч и враг повалился на землю. Балтус с надеждой повернулся к пятому — над тем стоял Секач, из пасти пса каплями стекала кровь.

Балтус в глубоком молчании посмотрел на две жалкие фигурки, лежащие на дороге ярдах в пяти от горящей повозки. Оба были молоды, особенно женщина,— на вид не больше двадцати. По непонятной причине пикты не изуродовали ее лица, и даже жестокие предсмертные муки не смогли исказить его красивые черты. Но прекрасное юное тело было все исполосовано ножами. На глаза юноши навернулись слезы, к горлу подступил комок. На мгновение он потерял контроль над собой. Ему захотелось пасть ничком и плакать, плакать, спрятав лицо и впиваясь в землю зубами.

— Какая-то молодая парочка.— Конан говорил бесстрастно, вытирая меч о траву.— Ехали в крепость, тут пикты их и встретили. Парень, наверное, хотел поступить на службу в гарнизон, а может быть, взять землю. И то же ожидает всех мужчин, женщин и детей по эту сторону от Громовой реки, если мы не поможем им как можно скорее добраться до Велитриума.

Колени Балтуса дрожали, когда он шел вслед за Конаном. Но в легкой, уверенной походке киммерийца не было и намека на слабость. Между ним и огромным поджарым зверем, скользящим рядом, установилось некое подобие родства.

Секач больше не ворчал, хотя по-прежнему принюхивался к земле. Дорога перед ними была свободна. Вопли с реки постепенно стихали, но Балтусу хотелось верить, что крепость еще держится. Внезапно Конан с проклятием остановился.

Он указал на узкую колею, которая сворачивала с дороги на север. Колея была старая, местами заросшая свежей молодой травой, и по этой траве недавно проехало колесо! Балтус скорее понял это шестым чувством, чем разглядел, хотя варвар, похоже, видел во тьме, как кошка. Киммериец показал, где широкие колеса телеги, сворачивая с большой дороги, оставили в мягкой лесной почве глубокий след.

— Поселенцы отправились на солончаки за солью,— с тревогой в голосе сказал он.— Они у самого края пограничья, примерно за десять миль отсюда. Проклятье! Их отрежут и перебьют всех до последнего! Сделаем так: предупредить людей при дороге можно и одному. Это за тобой: буди всех подряд и гони в Велитриум. Я найду тех, кто пошел за солью. Они должны разбить лагерь возле солончаков. На дорогу не вернемся, будем пробираться лесом.

Не вдаваясь в подробности, Конан свернул с дороги и быстро зашагал по едва различимым следам; а Балтус, проводив варвара взглядом, направился дальше по дороге. Пес остался с юношей и сейчас бесшумно скользил у его ног. Они прошли ярдов сорок, как вдруг Секач глухо зарычал. Круто повернувшись, Балтус впился взглядом во тьму и застыл, пораженный: в направлении, которым ушел Конан, удалялся бесформенный сгусток призрачного зеленоватого света. В рычании пса послышался хрип, шерсть на его шее встала прямо, в темных зрачках заискрились зеленые огоньки. Юноша вспомнил мрачное видение, унесшее голову купца Тиберия,— это случилось где-то здесь, неподалеку,— и заколебался. Было ясно, что тварь преследовала Конана. Но с другой стороны, гигантский киммериец уже не раз доказывал свою способность позаботиться о себе, и Балтус решил, что долг обязывает его предупредить мирно спящих поселенцев, волею судьбы оказавшихся на пути кровавого урагана. Перед глазами встала жуткая картина: два мертвых, изуродованных пыткой тела около объятой пламенем повозки, и опасения за Конана вытеснил ужас за судьбу ничего не подозревающих людей.

Он побежал дальше по дороге, перешел вброд речку Скальпа и увидел первый дом поселенцев — длинное приземистое сооружение из отесанных бревен. В следующий миг аквилонец уже барабанил в дверь. Заспанный голос спросил, что ему нужно.

— Проснитесь! Пикты на этом берегу!

Ответ последовал незамедлительно. В доме послышался слабый вскрик, дверь распахнулась, и перед юношей предстала женщина в короткой ночной сорочке. Ее волосы в беспорядке разметались по плечам, в одной руке она держала горящую свечу, в другой сжимала рукоять топора. В перекошенном лице не было ни кровинки, в широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Входите! — крикнула она.— Запремся в доме!

— Нет! Надо бежать в Велитриум! Их тысячи! Крепость долго не продержится. Может быть, она уже пала. Одеваться некогда, берите детей и — бежим!

— Но как же муж... он ушел с другими за солью! — запричитала женщина, заламывая руки; из-за ее спины, щуря глаза, с опаской выглядывали три взъерошенных мальчугана.

— Их предупредит Конан. Он выведет их в безопасное место. У нас нет времени — надо успеть предупредить остальных.

Из груди женщины вырвался вздох облегчения.

— Хвала Митре! — воскликнула она.— Раз за ними пошел киммериец, значит, они спасены... если только это под силу смертному!

Страхи пропали — в ней проснулась энергия. Подхватив на руки младшего, она вытолкала старших перед собой в дверь. Балтус затоптал свечу, прислушался. Темный лес молчал.

— У вас есть лошадь?

— В конюшне,— простонала она.— Это там — скорее!

У сарая женщина дрожащей рукой отомкнула засов. Нетерпеливо отстранив ее, Балтус вошел в конюшню и вывел лошадь; затем, усадив детей на спину животного, велел им держаться за гриву и друг за друга. Несмотря на малый возраст, они серьезными глазами, без единого звука смотрели на нежданного гостя. Взяв лошадь под уздцы, женщина быстрым шагом пошла по дороге. В руке она по-прежнему сжимала топор, и Балтус знал, что в случае опасности она будет биться с яростью загнанной в угол пантеры.

Он задержался, напрягая слух. Наверняка крепость уже пала, и, значит, темнокожие орды, обезумевшие после резни и опьяневшие от запаха крови, мчатся сейчас с прытью голодных волков по дороге на Велитриум.

Наконец впереди показались неясные очертания еще одного дома. Женщина пронзительно закричала, предупреждая об опасности, но Балтус остановил ее. Подбежав к двери, он негромко постучал. Ответил слабый голос. В двух словах юноша рассказал о нападении, и тут же из дома лавиной хлынули его обитатели: старуха, четверо детей и две молодые женщины. Оказалось, что их мужья, не подозревая о близкой опасности, днем раньше тоже отправились за солью. Сраженная страшным известием, одна из них впала в транс, другая от отчаяния забилась в истерике. Но старуха — суровый старожил пограничья — грубым окриком привела обеих в чувство; затем помогла Балтусу вывести из загона за домом двух оседланных лошадей и усадить на них ребятишек. Балтус настаивал, чтобы она ехала вместе с детьми, но та только помотала головой, усадив вместо себя молодую женщину.

— Она ждет ребенка,— проворчала старуха.— А я еще могу ходить... и драться, если до того дойдет.

Они уже вышли на дорогу, когда шагавшая рядом женщина спросила Балтуса:

— Незадолго до сумерек мимо проехала молодая пара. Мы им советовали заночевать у нас, но они торопились попасть в крепость до наступления темноты. Они... они...

— Они встретили пиктов,— коротко бросил аквилонец, и женщина всхлипнула в ужасе.

Едва дом скрылся из виду, как с той стороны, приглушенный расстоянием, донесся протяжный резкий вопль.

— Волк! — воскликнул кто-то из взрослых.

— Волк,— согласился Балтус,— только размалеванный и с топором в руке. Езжайте вперед! Будите всех и забирайте с собой. Я — следом.

Не сказав ни слова, старуха, как опытный пастух, погнала перед собой ватагу подопечных. Караван уже скрылся во тьме, и там маячили лишь бледные овалы — обращенные к нему личики детей. Балтус вспомнил родных, оставшихся в Туране, и на него нахлынула непривычная слабость. Поддавшись чувствам, он опустился на корточки, положил руку на мускулистую шею пса и тут же почувствовал, как его лица коснулся влажный и теплый собачий язык.

Юноша через силу улыбнулся.

— Ну что, дружище,— пробормотал он, вставая.— Вот и для нас нашлась работа.

Среди деревьев мелькнул и начал быстро разгораться красный свет: пикты подожгли брошенный дом. Он усмехнулся. Уж и побесится Зогар Саг, когда узнает, что его воины не смогли совладать со своими дикарскими наклонностями. Этот пожар поднимет на ноги многих, а значит, люди проснутся и успеют собраться еще до того, как к их домам подъедут беглецы. Однако лицо аквилонца оставалось серьезным. Женщины идут медленно, лошади перегружены. Быстроногие пикты нагонят их через какую-нибудь милю, если только...

Место для засады он выбрал за грудой поваленных деревьев у обочины дороги. Участок к западу был освещен горящим домом, и, когда показались пикты, он их увидел первым — крадущиеся черные фигурки на фоне полыхающего за деревьями пожара.

Прицелившись в одну из голов, Балтус пустил стрелу, и дикарь мешком повалился на землю. Остальные немедленно растворились в лесу по обе стороны дороги. Секач тихонько заскулил: ему не терпелось убивать. Но вот у кромки леса возникла неясная тень и бесшумно скользнула через дорогу к упавшим деревьям. Вновь зазвенела тетива, пикт завопил и, ковыляя, отступил в тень: стрела пронзила его бедро. Секач обогнул груду деревьев и, подкравшись сбоку, прыгнул в заросли. По кустам словно пронесся ураган; затем все стихло, и скоро пес ткнулся носом в руку юноши — на морде зверя алела кровь.

Больше никто не появлялся, и Балтус уже начал опасаться, что враг, сделав большой крюк, просто обошел его засаду, как вдруг слева от него раздался слабый шорох. Он тут же пустил наугад стрелу и выругался, услышав глухой звук: наконечник вонзился в дерево. И снова Секач скользнул в темноту; послышался треск, горловое бульканье, и бесшумно, как привидение, пес показался из зарослей. Своей крупной, в алых пятнах головой он потерся о бедро Балтуса. Из раны на плече пса сочилась кровь, но с той стороны больше не донеслось ни звука.

Остальные воины, скрывавшиеся в придорожных зарослях, как видно, кожей почувствовали, какая смерть настигла их товарища, и потому решили, что лучше уж атаковать в открытую, чем угодить в лапы ужасного зверя-невидимки. К тому же они, возможно, поняли, что за стволами — всего один человек. Внезапно выбежав на дорогу, они с двух сторон помчались к поваленным деревьям. Трое упали, пронзенные стрелами, еще двое замялись. Один развернулся и помчался прочь; зато другой, оскалив зубы и замахнувшись топором, ринулся на укрепление. Балтус вскочил, но поскользнулся — это спасло ему жизнь. Топор, чиркнув по голове, сбрил добрую прядь волос; и дикарь, потеряв равновесие, скатился вниз. Прежде чем он успел подняться, Секач разорвал его горло.

Затем наступило напряженное ожидание. Балтус терялся в догадках: был ли струсивший воин единственным, кто уцелел в отряде дикарей, или в зарос-

лях затаились другие? Может быть, это была всего лишь банда грабителей, которые не стали задерживаться у крепости? А что, если это отряд, посланный на разведку впереди главных сил? Но в любом случае с каждой минутой растут шансы на спасение женщин и детей, которые спешат сейчас по дороге на Велитриум.

Внезапно над укрытием аквилонца со свистом пронесся настоящий вихрь стрел. Из придорожного леса вырвался дикий боевой клич. Это означало одно из двух: или уцелевший воин вернулся с подмогой, или подоспела другая банда грабителей. К тому времени дом уже догорел и рассыпался грудой углей, но света было достаточно. И вот враг показался: призрачные черные тени, мелькающие между деревьями по ту сторону дороги. Выпустив последние три стрелы, Балтус отбросил бесполезный лук. Словно чувствуя его отчаянное положение, дикари приближались медленно, уже не вопя, но сохраняя гробовое молчание; и только частый топот босых ног нарушал тишину.

Юноша обхватил руками голову огромного, глухо рычащего пса, прошептал: «Ничего, дружище, мы им покажем!» — и, вскочив на ноги, сжал рукоять топора. А потом... потом через край хлынул поток коренастых, смуглых тел — и завертелся вихрь из топоров, ножей и яростных клыков, рвущих живую плоть!

VII

БОЛОТНЫЙ ДЕМОН

Сворачивая с дороги на Велитриум, Конан полагал, что до солончаков не меньше девяти миль, а потому сразу припустил что было духу. Но не успел он пробежать и четырех, как услышал впереди шум бегущих ног. Судя по оглушительному топоту, это были белые. Он их окликнул.

— Кто там? — раздался в ответ грубый голос.— Стой где стоишь, пока тебя не разглядим, не то получишь стрелу.

— Ты в таком мраке и в слона не попадешь,— нетерпеливо отмахнулся Конан.— Хватит дурить, это я — Конан. Пикты переправились через реку.

— Я так и думал.— Вперед выступил старший группы, за ним другие — все рослые, мускулистые мужчины с суровыми обветренными лицами; у каждого в руках был лук.— Один из наших ранил антилопу и шел по ее следу до самой Черной реки. Он слышал их вопли ниже по реке и сразу примчался в лагерь. Мы бросили и соль, и повозки, выпрягли быков и побежали обратно так быстро, как могли. Ведь если пикты осадили крепость, значит, их банды рыщут по дороге и очень скоро доберутся до наших домов.

— Ваши семьи в безопасности,— сказал Конан.— Мой товарищ позаботится, чтобы они добрались до Велитриума. Но если мы сейчас выйдем на большую дорогу, то, скорее всего, напоремся на орды дикарей. Поэтому возьмем к югу напрямик через чащу. Идите впереди, я буду прикрывать.

Убеждать не пришлось. Через пару секунд вся ватага уже мчалась на юг. Конан следовал за беглецами — медленнее, однако в пределах слышимости. Он выругался про себя: эти поселенцы лезут напролом, как стадо слонов; ровно столько же пиктов или киммерийцев, двигаясь через чащу, подняли бы не больше шума, чем легкий ветерок, запутавшийся в ветвях.

Варвар только что пересек небольшую прогалину, как вдруг природный инстинкт, которому он чутко следовал и который никогда его не обманывал, приказал ему: оглянись! Круто повернувшись, он замер, вслушиваясь в ночные шорохи. Шум от бегущих постепенно стих. Внезапно с той стороны, откуда он шел, донеслось слабое:

— Конан! Конан! Подожди меня, Конан!

— Балтус? — Сбитый с толку, киммериец выругался, но, быстро придя в себя, осторожно позвал: — Я здесь!

— Подожди, Конан! — Голос звучал уже более отчетливо.

Выступив из-за кустов, Конан гневно зарычал:

— Какого демона ты сюда приплелся?! Разве я не сказал тебе... Кром всемогущий!

Он чуть пригнулся, по спине пробежала холодная волна. На той стороне прогалины Балтуса не было. Там, за деревьями, разгорался зловещий свет. Вот жуткое видение показалось из зарослей и двинулось вперед, к человеку,— сгусток зеленоватого колдовского огня, в действиях которого, однако, угадывались определенные цель и намерение.

На расстоянии нескольких футов от варвара оно остановилось; расширенными от ужаса глазами Конан, не отрываясь, смотрел на видение, пытаясь угадать в зеленоватых переливах хоть какие-то формы. Было ясно, что ядро у сгустка плотное — пламя являлось не более чем покровом, под которым скрывалось живое, источающее зло существо; но как киммериец ни пытался, он не мог разглядеть его очертания. И вдруг из центра огненного столба раздался голос:

— Варвар, почему ты стоишь, как овца под ножом мясника?

Слова были знакомые, но голос — резкий и вибрирующий — не мог принадлежать ни одному из людей.

— Как овца? — Волна ярости подавила минутный страх.— Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то болотного демона пиктов? Я здесь, потому что меня позвал друг.

— Это я звал тебя его голосом,— прозвучало в ответ.— Те, кого ты сопровождаешь, принадлежат моему брату; я не стану лишать его удовольствия выпустить им кровь. Но ты, варвар, ты — мой. Жалкий гордец! Ты пришел сюда с далеких серых гор Киммерии — и все для того, чтобы найти в лесах Конаджохары свою смерть.

— Ты мог бы явиться ко мне и раньше,— презрительно бросил Конан.— Почему же до сих пор не убил?

— Тогда мой брат еще не выкрасил череп черным и не бросил его в незатухающее пламя черного алтаря бога Гуллы. Он не шепнул твоего имени мрачным духам, летающим над холмами царства Тьмы. Но вот из-за гор Мертвецов прилетела летучая мышь и нарисовала кровью твое лицо на белой тигровой шкуре, что висит перед длинной хижиной, в которой спят Четверо Братьев Ночи. Их ноги обвивают огромные змеи, а в волосах, как светлячки, мерцают россыпи звезд.

— За что боги Тьмы приговорили меня к смерти? — прорычал киммериец.

Что-то — рука ли, лапа или коготь,— Конан не понял, протянулось от огня к земле и быстрыми штрихами начертило знак. Конан опустил глаза — и невольно вздрогнул: у его ног, на рыхлой лесной почве, пламенел таинственный символ; еще миг — и он погас, но варвар разглядел все до последней линии.

— Ты осмелился начертить знак, который доступен лишь жрецам Джеббаль Сага. Гром прокатился по черным горам Мертвецов, и ветер с залива Призраков разметал хижину с алтарем бога Гуллы. Полярная гагара, что служит вестником у Четырех Братьев Ночи, прилетела как молния и прошептала мне твое имя. Твой народ побежден. А ты... ты уже мертв! И скоро твой череп украсит ритуальную хижину моего брата, а тело склюют остроклювые, чернокрылые дети Джаббаля.

— Может быть, скажешь наконец, кто твой брат? — вызывающе бросил Конан. В его правой руке поблескивал обнаженный меч, левой он потихоньку вытаскивал из-за пояса топор.

— Ты знаешь его. Это — Зогар Саг, потомок Джеббаль Сага, который до сих пор время от времени бывает в своих священных рощах. Однажды в одной из них он застал спящую женщину из Гвавелы. Ее ребенок — Зогар Саг. Я тоже сын Джеббаль Сага, моя мать — женщина огненного народа из далекого мира. Зогар Саг призвал меня к себе. С помощью чар, заклинаний и собственной крови он облек меня в плоть людей вашей планеты. Связанные невидимыми нитями, мы сейчас — единое целое. Его мысли — мои мысли; если ударят его, я тоже чувствую боль. Если я ранен, у него будет такая же рана, которая будет так же кровоточить... Но хватит, я сказал достаточно. Скоро твой дух встретит духов царства Тьмы, и те поведают тебе о древних богах, которые не умерли, но спят во внешних пространствах, лишь изредка просыпаясь, чтобы напомнить о себе.

— Хотел бы я посмотреть на твое подлинное обличье,— пробормотал Конан, вытаскивая топор.— Что ты за тварь такая, если не оставляешь на земле следов, горишь, как огонь, и вдобавок еще говоришь человеческим голосом?

— Увидишь,— донеслось из огненного сгустка,— увидишь и унесешь воспоминание обо мне с собою в царство Тьмы.

Языки пламени взметнулись вверх — и сразу опали, огонь съежился, померк. В ярком свете начали проступать неясные черты. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар Саг стоит перед ним в одеянии из зеленого огня. Однако лицо находилось фута на два выше его собственного и в нем было что-то демоническое. Конан давно обратил внимание на уродство Зогар Сага: на его заостренные уши, косые глаза, по-волчьи тонкие губы, но в этом зеленом чудище отталкивающие черты колдуна были многократно усилены. В глазах, красных как угли, полыхал живой огонь.

Постепенно фигура обретала четкость: гибкое сухопарое тело в змеиной чешуе чем-то напоминало человека, худые руки росли от пояса вверх; длинные журавлиные ноги оканчивались трехпалой стопой, как у огромной птицы. По всем конечностям чудовища перебегали голубые огоньки. Легкий мерцающий туман окутывал его формы.

И вдруг, совершенно неожиданно, видение очутилось рядом с ним. Длинная рука — он только сейчас заметил на ней кривые острые когти — потянулась к его шее. Конан яростно зарычал, наваждение пало,— и, пригнувшись, он метнул топор. Но демон, с невероятным проворством откинув назад узкую голову, уклонился от топора и снова навис над человеком; варвар услышал, как чешуйчатую кожу с шипением обвивают языки зловещего пламени.

Но если прежние жертвы чудовища были скованы животным ужасом, то Конан не испытывал ни малейшего страха. Он четко усвоил, что холодной стали податливо любое облаченное в осязаемую плоть существо — будь оно даже самой мерзкой, самой жуткой наружности.

Длинный, как серп, коготь сбил с головы варвара шлем. Чуть ниже — и Конан остался бы без головы. Но тут же его захлестнул дикий восторг: меч, пробив кожу, вонзился меж ребер врага. Отскакивая от бьющей лапы, он одновременно выдернул клинок. Когти прошлись по груди, разрывая стальную кольчугу, словно шелк. И сразу — ответный выпад, стремительный и точный, как прыжок голодного волка. Доля секунды — и Конан уже промеж шарящих в воздухе рук, еще миг — и он погружает свой меч глубоко в брюхо чудовища! Но тут же его обхватили страшные руки и он услышал скрежет раздираемой поперек спины кольчуги; на него обрушился град ударов, глаза ослепил голубой, холодный как лед огонь. Наконец, яростно рванувшись, он высвободился из быстро слабеющих рук, и его меч описал в воздухе широкую дугу.

Демон качнулся и неуклюже повалился на бок — его голова висела на лоскуте кожи. Языки пламени, скрывающие чудовище, взметнулись вверх и налились красным, как свежепролитая кровь. В ноздри варвару ударил запах паленого мяса.

Помотав головой, чтобы вытряхнуть из глаз капли крови и пота, Конан повернулся и, запинаясь, побежал в чащу леса. По ногам его стекала кровь. Где-то далеко, за несколько миль к югу, он увидел слабый свет — еще одна горящая хижина. За его спиной, со стороны дороги, поднимался и рос дикий вой, отчего силы Конана множились с каждой минутой.

VIII

КОНАДЖОХАРЕ — КОНЕЦ

И была битва на Громовой реке — жестокая и беспощадная, у самых стен Велитриума. Топоры и факелы прошлись вдоль ее берегов, и не один дом мирных поселенцев обратился в пепел, прежде чем размалеванные орды откатились обратно в свои мрачные леса.

За ураганом наступил непривычный покой. Собравшись вместе, люди обсуждали последние события, привычно приглушая голоса. По всем тавернам сидели воины с кровавыми повязками и молча, кружку за кружкой, пили эль.

В одном из таких заведений к Конану-киммерийцу, мрачно потягивающему вино из огромного стеклянного кубка, подсел сухопарый воин-лазутчик; голова его была затянута белой, с кровавым пятном тряпкой, правая рука — на перевязи. Он единственный уцелел из всего гарнизона крепости Тасцелан.

— Ты ходил с воинами к руинам крепости? — спросил он.

Конан кивнул.

— А я так и не смог,— тихо сказал воин.— Был бой?

— Нет. Пикты убрались за Черную реку. У них вдруг отчего-то сдали нервы; хотя только один демон — их прародитель знает, в чем тут дело.

Воин взглянул на перевязанную руку и вздохнул.

— Говорят, там даже некого было хоронить.

Конан покачал головой:

— Был пепел. Перед переправой пикты стащили трупы в крепость и подожгли ее. Сгорели все — и дикари, и воины Валанна.

— Валанн погиб в числе последних в рукопашной схватке, когда пали ворота,— тихо сказал воин.— Дикари хотели взять его живым, но Валанн дрался отчаянно и вынудил пиктов убить себя. Нас, десяток оставшихся в живых, взяли в плен, когда уже совсем не осталось сил. Они прикончили уже девять воинов.

И если бы не внезапная смерть Зогар Сага, мне ни за что не удалось бы вырваться на свободу.

— Так Зогар Саг мертв? — воскликнул Конан.

— Да. Я видел его конец. Потому-то на Велитриум пикты наседали не так яростно, как на крепость. Да-а. Странная это была смерть, ведь во время штурма колдун не получил ни одной царапины. Он плясал среди убитых, размахивая топором, которым только что раскроил череп последнему из моих товарищей; наконец, завывая волком, стал подступать ко мне, как вдруг точно споткнулся, выронил топор и завертелся на месте, вопя так страшно, как не кричит, наверное, ни один зверь и уж точно — ни один человек. Он упал как раз между мной и костром, на котором меня собирались поджаривать,— глаза из орбит, у рта пена,— дернулся и будто разом окоченел. И тут же все пикты завопили, что их шаман помер. Поднялась жуткая суматоха, про меня забыли, и тогда я потихоньку развязал веревки — и со всех ног припустил к лесу.

Я хорошо разглядел его в свете факелов. Его не коснулись ни стрела, ни клинок, однако на теле были кровавые следы, как будто раны от ударов мечом — меж ребер, на животе и на шее: там рана такая обширная, что голова буквально висела на ниточке. Что это было, как ты думаешь?

Конан ничего не ответил, и воин, знакомый со сдержанным отношением варваров к некоторым вещам, продолжал:

— Он жил своей магией и умер от магии. Именно тайна его смерти лишила пиктов их безрассудной храбрости. Ни один из тех, кто видел его конец, не бился под Велитриумом. Те сразу убрались обратно за Черную реку. Сражавшиеся на Громовой реке ушли из-под крепости раньше, чем умер Зогар, и их оказалось слишком мало, чтобы взять город.

Я шел по дороге за их главными силами и точно знаю, что за моей спиной никого не было. Потом прокрался сквозь расположение врага в город. Тебе удалось провести по пограничью поселенцев-мужчин, но их женщинам и детям, когда перед ними открывали ворота, размалеванные демоны так и дышали в затылки. Если бы юный Балтус и старина Секач не задержали дикарей, те перерезали бы всех женщин и детей Конаджохары. Я проходил мимо того места, где Балтус и пес держали свой последний рубеж. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов — я насчитал семерых с раскроенными черепами и с разорванными горлами, а на дороге лежали еще несколько, убитые стрелами. О боги! Вот это был бой!

— Он был настоящим мужчиной,— сказал Конан.— Я пью в честь его духа и духа пса, не знавшего, что такое страх.— Одним глотком варвар осушил кубок на четверть и, странным, языческим жестом вылив остаток вина на пол, вдребезги разбил бокал о каменную плиту.— Десять пиктов заплатят своими головами за смерть юноши, еще семь — за смерть пса, который стоит больше любого воина-человека.

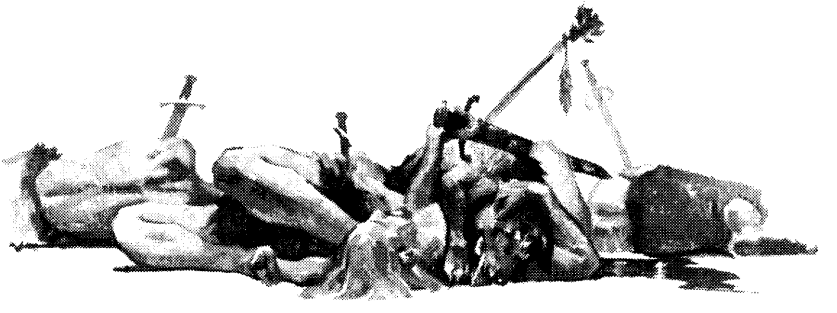
И, заглянув в голубые, теплящиеся жестоким огоньком глаза варвара, воин понял, что обещание свое тот сдержит.

— Крепость восстановят?

— Нет. Конаджохара для Аквилонии потеряна. Граница отодвинута. Новой границей станет Громовая река.

Воин вздохнул и, опустив глаза, посмотрел на свою огрубевшую руку, годами сжимавшую рукоять меча или топора. Конан потянулся через весь стол к кувшину с вином. Глядя на огромного варвара, воин сравнивал его с теми, кто окружал их в ту минуту, с теми, кто напрасно погиб на берегах потерянной Черной реки, сравнивал и с дикарями, обитавшими за этой рекой. Конан, похоже, не замечал его испытующего взгляда.

— Похоже, варварство — естественное состояние человечества,— наконец сказал воин, по-прежнему мрачно глядя на киммерийца.— Цивилизация неестественна. Это каприз обстоятельств. А варварство всегда торжествует в итоге.

ЧЕРНЫЙ ЧУЖАК

I

РАЗРИСОВАННЫЕ ВОИНЫ

Поляна казалась совершенно пустой, но вот у края кустов обозначился силуэт человека — тот стоял, напряженно прислушиваясь и озираясь кругом. Ни малейшего звука не сопроводило его появления, так что не встревожились даже серые белки. Лишь пестрые птицы, яркими пятнышками вспыхивавшие в солнечных лучах, тотчас заметили человека и взвились многоцветным облачком, пронзительно вереща. Человек нахмурился и оглянулся через плечо, словно бы птичий щебет мог выдать его местоположение кому-то незримому... Потом осторожным шагом двинулся вперед, через поляну. Человек был рослым, крупным и мускулистым, но при всем том двигался с гибкой грацией охотящейся пантеры. Он был почти наг, лишь бедра обертывала рваная тряпка, все тело покрывала засохшая грязь, а руки и ноги были сплошь исцарапаны ветками колючих кустов. Мускулистую левую руку перехватывала повязка, бурая от спекшейся крови. Вид у человека был измотанный, лицо — осунувшееся, но глаза под спутанной черной гривой горели, точно у раненого хищника. Слегка прихрамывая, он шел по едва заметной тропинке через открытое место...

Достигнув середины поляны, он вдруг замер на месте, а потом по-кошачьи крутанулся назад, ибо с той стороны, откуда он пришел, через лес долетел долгий дрожащий крик. Кому другому могло бы показаться, что там всего лишь провыл волк, но человека на поляне было не провести. Он родился в Киммерии — и узнавал голоса дикой природы так же отчетливо, как горожанин узнает голоса своих друзей.

© Перевод М. Семёновой.

В налитых кровью глазах полыхнули багровые огоньки ярости... Человек вновь повернулся и заспешил дальше. На другой стороне поляны тропинка потянулась вдоль края чащи, казавшейся сплошной глыбой темной зелени среди более редких кустов и деревьев. Между чащобой и тропой лежало толстое бревно, наполовину скрытое в траве. Увидев это бревно, киммериец снова остановился и посмотрел назад, на поляну. Обычный взгляд не нашел бы там никаких следов, но его взор был отточен жизнью среди диких пустошей его родины, и он без труда нашел явные свидетельства своего пребывания. А это значит, что их должны с той же легкостью обнаружить и его преследователи, ведь у них глаза не хуже. Киммериец ощерил зубы в беззвучном оскале, красные огоньки ярости вспыхнули ярче. Загнанный хищник был готов повернуться и дать последний бой.

Он пошел вперед, почти не стараясь скрыть следов и то и дело приминая стебли травы. Однако, достигнув дальнего конца огромного бревна, он вдруг вспрыгнул на него и легко перебежал назад. Кора поваленного дерева давно отстала и отвалилась: голая древесина не должна была сохранить ни малейшего следа, внятного даже для очень опытного лесовика... Потом человек канул в чащу, выбрав место, где зелень была гуще всего, и растворился как тень — там, где он исчез, едва ли дрогнул хоть один листик.

Потянулись томительные минуты... Серые белки успокоенно застрекотали на древесных ветвях, однако новое вторжение на поляну заставило их замереть и умолкнуть. С восточной стороны поляны возникло еще трое мужчин. Они появились там столь же бесшумно, как прошедший впереди них киммериец. Это были темнокожие коротышки с необыкновенно развитой мускулатурой на руках и груди. Все трое — в расшитых бусами набедренных повязках из оленьей шкуры, у каждого в черных волосах торчало по орлиному перу. Всех украшала замысловатая боевая раскраска, каждый был отлично вооружен.

Прежде чем ступить на открытое место, они тщательно оглядели поляну. И вышли из кустов один за другим, цепочкой, ступая мягко, точно леопарды, и низко пригибаясь к тропе, хранившей следы. Они гнались за киммерийцем — что было весьма нелегкой задачей даже для таких, как они, двуногих ищеек.

Вот все трое одолели поляну, и тут один из них, вскинувшись, что-то буркнул. В руках у него было копье с широким лезвием и толстым древком, предназначенное для ближнего боя. Коротышка указывал этим копьем на сломанную травинку в том месте, где тропа снова углублялась в лес. Троица немедленно остановилась, черные бусинки глаз обшаривали зеленую стену леса, высившуюся впереди... Однако их жертва спряталась слишком хорошо. Ничто не возбудило подозрительности преследователей, и они двинулись дальше, прибавив шагу. Им казалось, что киммериец явно утрачивал осторожность. Это значило, что он либо ослаб, либо близок к отчаянию!

Они только-только миновали место, где плотная чаща всего ближе примыкала к старинной тропе, когда киммериец беззвучным прыжком вылетел из-за бревна и немедленно воткнул нож между лопаток шедшему последним. Стремительность внезапной атаки не оставила пикту ни единого шанса на спасение. Клинок пробил ему сердце еще прежде, чем он успел осознать опасность. Двое его товарищей крутанулись навстречу нападавшему с пружинной быстротой,

свойственной дикарям, но киммериец, еще не довершив выпада ножом, успел занести боевой топор, зажатый в правой руке. Так что второй пикт еще толком не обернулся, когда страшный по силе удар расколол ему череп до самых зубов.

Третий — а судя по алому кончику пера у него в волосах, это был вождь,— не раздумывая, кинулся в битву. И нацелил свой клинок прямо в грудь киммерийцу, высвобождавшему топор. Тот защитился телом убитого, швырнув им в вождя и сам устремился в атаку с отчаянной яростью подбитого тигра. Пикт, пошатнувшийся под тяжестью трупа соратника, даже не сделал попытки увернуться или отбить летевшее на него лезвие окровавленного топора. Желание убить превозмогло желание выжить — и он что было силы пырнул копьем, целясь прямо в широкую грудь нападавшего. Киммерийца спасла мгновенная реакция и то, что у него было по клинку в каждой руке. Боевой топор изменил свой полет и отмел копье в сторону, а нож в левой руке киммерийца снизу вверх вошел в разрисованный узорами живот.

Пикт свалился с выпущенными кишками и жутко завыл. Это не был крик боли и ярости — нет, в нем звучала не нашедшая выхода звериная ярость. Так визжит умирающая пантера... На вопль пикта откликнулся дикарский хор откуда-то из лесов восточней поляны. Киммериец оглянулся в ту сторону, помимо воли пригибаясь и бешено щеря зубы. По его лицу тек пот, из-под повязки на руке заново побежала кровь.

Невнятно выругавшись, он повернулся и побежал дальше на запад. Он больше не осторожничал и не прятался, просто удирал со всей скоростью, на какую были способны его длинные ноги. Теперь ему оставалось только уповать на неиссякаемую выносливость, которой Природа одаривает своих детей, называемых варварами... Некоторое время в лесу за спиной киммерийца все было тихо, но потом тишина взорвалась ни дать ни взять воплями злых духов, и он понял — преследователи добрались до бревна и увидели трупы своих соплеменников.

А у него даже не было сил и времени выругаться по поводу крови, что каплями сочилась из открывшейся раны и оставляла за ним след, по которому без труда прошел бы и малый ребенок. Он-то думал, те трое пиктов оказались самыми упорными воинами из боевого отряда, что преследовал его вот уже более ста миль. Киммериец даже надеялся, что, разделавшись с ними, окончательно избавится от погони... Следовало бы ему лучше знать двуногих волков, охотившихся по лесам. Однажды почуяв запах крови, они уже не бросят преследования!

Позади снова все стихло, но это лишь значило, что пикты неслись за ним во всю прыть, и кровь, которую он все не мог унять, яснее ясного указывала им путь. Потом киммериец ощутил на лице дуновение ветра, тянувшего с запада. Ветер явственно дышал солью и сыростью, и сквозь отупляющую усталость пробилось смутное удивление. Море было совсем рядом — стало быть, погоня продолжалась куда дольше, чем он себе представлял...

Зато теперь она определенно была близка к завершению. Даже волчьей выносливости киммерийца был положен предел. Ему не хватало воздуха, в боку зародилась острая боль. Колени подламывались, сухожилия на больной ноге при каждом шаге резало как ножом. Уходя от погони, он всецело полагался на инстинкты выживания, заложенные в него дикой природой. Но теперь, когда

была почти до дна исчерпана его звериная сила, когда он израсходовал весь запас хитростей и уловок,— властно заговорил совсем другой инстинкт, повелевавший найти подходящее место и подороже продать свою жизнь в последнем смертном бою.

Он не покинул тропу, чтобы найти укрытие в зарослях. Пытаться обмануть преследователей теперь было делом пропащим. Он бежал вперед и вперед, а кровь все громче гудела в ушах, и каждый вздох мучительно прорывался в пересохшее горло. За спиной раздавался яростный гомон — погоня шла по пятам, пикты рассчитывали вот-вот настигнуть его. Так, завывая, летит за кровавой добычей стая оголодалых волков...

Неожиданно деревья впереди расступились, и киммериец увидел перед собой довольно крутой безлесный подъем. Древняя тропа петляла между обломками скал, уводя вверх. Перед глазами беглеца плавал красный туман, но все-таки он оглядел каменистый кряж, господствовавший над лесами, и заметил широкую площадку возле самой вершины. Туда-то и поднималась извилистая тропа.

Неплохое место, чтобы повернуться лицом к врагу и встретить неизбежный конец!.. Хромая, киммериец устремился наверх. Порой крутизна заставляла его опускаться на четвереньки и брать нож в зубы. Он еще не успел добраться до облюбованного карниза, когда позади из леса вырвалось не менее сорока раскрашенных дикарей. Наконец-то они увидели свою жертву!.. Пикты завыли, точно сонмище демонов, и во всю прыть рванули к подножию кряжа, стреляя на бегу из луков. Стрелы дождем падали кругом человека, упорно карабкавшегося наверх, одна застряла у него в икре. Не останавливаясь, он выдрал ее и отшвырнул прочь. На те, что ломались о камни кругом, он вовсе не обращал никакого внимания. Добравшись наконец до каменной площадки, он перевалился через край и повернулся к преследователям, вытаскивая топорик и поудобнее перехватывая нож. Он лежал распластавшись, так что пикты могли видеть лишь его всклокоченную голову да неистовые глаза, и судорожно глотал воздух, силясь хоть немного отдышаться; его мутило от изнеможения, он стискивал зубы, борясь с позывами дурноты...

Еще несколько стрел рассекли воздух, и на этом стрельба прекратилась. Дикари понимали: их жертва загнана в угол. Воины приближались, завывая, размахивая секирами и ловко прыгая через камни у подножия холма. Самым первым до кряжа добрался крепкий молодой удалец: алая метка на его орлином пере была знаком вождя. Ступив на подъем, он на мгновение приостановился, держа на тетиве очередную стрелу. Откинув голову, он собирался издать ликующий клич, но крик так и не прозвучал. И стрела не полетела. Что-то заставило воина замереть без движения, а жажда крови во взгляде его черных глаз сменилась изумленным узнаванием. Ахнув, предводитель подался назад, широко распахивая руки, чтобы удержать своих набегающих соплеменников...

Человек, смотревший на них со скального карниза, хорошо понимал пиктскую речь, но он находился слишком далеко и не мог разобрать отрывистых фраз, которые бросал своим воинам вождь с красным пером.

Тем не менее дикари мигом прекратили вопить и остановились, пристально глядя вверх. Человеку на скале показалось, будто они разглядывали даже не его, а сам холм... После чего все как один пикты сняли с луков тетивы, убрали

оружие в кожаные налучи, висевшие на поясах, развернулись — и рысцой, даже не оглядываясь, пересекли безлесный участок у подножия кряжа. И наконец растворились в тени под деревьями...

Киммериец наблюдал за ними в полнейшем недоумении. Он слишком хорошо знал привычки и нрав пиктов, чтобы не распознать их окончательное отбытие. Они не устраивали засаду, они ушли и возвращаться не собирались. Они держали путь в свои деревни, расположенные в сотне миль к востоку отсюда.

Но почему?.. Киммериец тщетно силился хоть что-то понять. Что такого особенного было в этом холме, чтобы заставить кровожадный боевой отряд бросить погоню, которую пикты вели столь долго, упорно и страстно? Ему было известно: существовали святые места, давным-давно служившие убежищами; беглец, скрывшийся в подобном святилище, мог ничего не опасаться от членов клана, его воздвигнувшего. Однако другие племена редко были склонны чтить чужие капища, а его преследователи явились из местности слишком отдаленной, чтобы у них здесь могли иметься святыни. Они были из племени Орла, их деревни располагались далеко на востоке, рядом со страной пиктов-волков.

Именно волки первоначально взяли в плен киммерийца. Его захватили во время налета на аквилонские поселения у Громовой реки и передали орлам в обмен на похищенного вождя. У орлов и ранее были с великаном-киммерийцем кровавые счеты, и его побег только добавил масла в огонь, ибо стоил жизни известному военному вождю. Потому-то они так неотступно и следовали за ним через широкие реки, крутые холмы и бесконечные пространства темного леса, где ко всему прочему были охотничьи угодья недружественных племен.

И вот теперь уцелевшие в этой долгой и жестокой погоне повернули назад, причем когда их враг был обессилен и прижат к стенке!.. Непостижимо... Киммериец тряхнул головой, но ясности в мыслях это не прибавило.

Очень осторожно он поднялся на ноги, вымотанный и очумелый после чудовищной гонки, которая — он все никак не мог в это поверить — наконец завершилась, причем столь неожиданным образом. Он едва мог двигаться, раны болели... Хотел сплюнуть, но во рту совсем пересохло. Выругавшись, он потер воспаленные глаза тыльной стороной кисти, сморгнул и стал озираться. Внизу, точно волны, уходили вдаль зеленые, поросшие лесом холмы, а западный горизонт кутала сизо-стальная дымка — там раскинулся океан. Ветер, долетевший оттуда, растрепал черные волосы киммерийца, его отчетливая соленость придала новых сил беглецу. Воин жадно задышал во всю широченную грудь...

Восстановив дыхание, он повернулся — медленно и с трудом, морщась от боли в икре, которую разворотила стрела,— и присмотрелся к карнизу, что дал ему нежданный приют. От скальной площадки до самой вершины кряжа тянулась отвесная каменная стена футов тридцать высотой. В ней было выбито нечто вроде лесенки — череда углублений для рук и ног, позволявших вскарабкаться. А еще здесь имелась расщелина, куда вполне мог протиснуться взрослый мужчина.

Хромая, киммериец приблизился к ней, заглянул внутрь и недоверчиво хмыкнул. Солнце, висевшее высоко над западными лесами, бросало косые лучи, позволяя рассмотреть пещеру, длинную, словно туннель. Завершала пещеру каменная арка, и свет достигал дубовой, окованной железом двери!

Вот уж чего не могло предвидеть даже очень смелое воображение! Места кругом были — несусветная глушь. Киммериец знал: вдоль этого побережья на тысячи миль не имелось никакого жилья, кроме захудалых деревушек, населенных свирепыми приморскими племенами, против которых их родственники, лесные пикты, и те сошли бы за цивилизованный народ.

Что же касается настоящей цивилизации — она осталась в сотнях миль к западу, в приграничных поселениях у Громовой реки. Киммериец был едва ли не единственным белым человеком, когда-либо сумевшим добраться оттуда до самого океана.

И тем не менее сработали эту дверь определенно не пикты...

Непонятное и необъяснимое всегда внушало ему очень большое подозрение. Он опасливо, с ножом наготове приблизился к странной двери... Когда же его глаза несколько привыкли к мягкому полумраку, царившему по ту сторону ярко освещенной расщелины, он заметил кое-что еще. Вдоль стен длинной пещеры стояли большие сундуки, окованные железными полосами. Вот тут у киммерийца загорелись глаза: он начал кое-что понимать. Он склонился над одним из сундуков, но крышка не спешила поддаваться его усилиям. Он уже взялся было за топор, но передумал и двинулся дальше — к двери под аркой. Сторонний наблюдатель заметил бы, что теперь он держался уверенней, а его оружие покоилось в ножнах. Вот он толкнул дверь, покрытую замысловатой резьбой, и та без малейшего сопротивления отошла внутрь.

И вновь поведение киммерийца разительно переменилось. У него вырвалось сдавленное проклятие, он стремительно шарахнулся прочь, а нож и топор, блеснув в полумраке, мгновенно оказались в руках... Некоторое время он стоял так, словно статуя, запечатлевшая свирепую угрозу... Потом вытянул шею, заглядывая через порог. В большой естественной полости по ту сторону двери было темней, чем в туннеле. Мрак нарушало лишь слабое свечение, испускавшееся огромным самоцветом, что покоился на маленькой подставке из слоновой кости в середине эбенового стола.

Кругом стола молча и неподвижно сидело несколько человек. Их-то темные силуэты и заставили киммерийца отшатнуться.

Он подождал, но никто не пошевелился, никто не повернул к нему голову...

— Эй! — окликнул он хрипло.— Вы что тут, перепились?

Ответа не последовало. Киммериец был вообще-то не робкого десятка, но тут ему стало очень не по себе.

— Хоть вином бы угостили, что ли,— проворчал он. Странная и неловкая ситуация, в которую он угодил, сердила его.— Видит Кром, не очень-то ласково вы встречаете человека, который когда-то принадлежал к вашему братству! А не думаете вы, что...

Его голос постепенно смолк. Он стоял и смотрел на странные темные фигуры, замершие кругом просторного эбенового стола.

— А они не пьяные,— пробормотал он затем.— И это не пирушка. Кром! Что же тут происходит?

И киммериец шагнул через порог... А в следующий миг он уже отчаянно сражался за свою жизнь, потому что его горло стиснули незримые, но убийственно сильные пальцы.

II

ЛЮДИ С МОРЯ

Изящным пальчиком ноги Белиза перевернула морскую раковину и про себя сравнила ее нежно-розовую изнанку с рассветом, что разгорается в тумане над побережьем... Сейчас, впрочем, был не рассвет, хотя солнце взошло не так уж давно и легкие жемчужно-серые облака, скользившие по волнам, рассеялись еще не вполне.

Белиза подняла благородно вылепленную головку и огляделась. Все здесь было чужим ей до отвращения. И тоскливо-знакомым до последней детали. Оттуда, где она стояла, до тихо плескавшихся волн залегли буровато-желтые пески, а дальше до самого горизонта простирались океанские воды. Белиза стояла на южной стороне обширного лукоморья. К югу берег поднимался, и его венчал невысокий хребет, мысом вдававшийся в море. Белиза знала, что оттуда, с высоты, можно окинуть взглядом неизмеримый простор — на юг, на север, на запад...

Безучастно обернувшись в сторону суши, она еще раз оглядела крепость, весь этот последний год служившую ей обиталищем. На фоне жемчужно-лазурного утреннего неба реял ало-золотой флаг. Вид родового символа не пробудил в сердце девушки никаких чувств, притом что этому флагу доводилось не единожды реять над полями кровопролитных битв далеко на юге. Белиза различала фигурки людей, трудившихся в садах и на полях, что теснились около крепости. Казалось, обработанные угодья жались к деревянному укреплению, всемерно сторонясь темной полосы леса, окаймлявшей расчищенное пространство. Лес тянулся на восток, север и юг так далеко, как мог охватить глаз. Белиза боялась его — как, впрочем, и все остальные в маленьком поселении. И это был отнюдь не беспочвенный страх. Под шепчущим лесным пологом таилась

смерть. Смерть стремительная и внезапная, медленная и ужасная... таящаяся, раскрашенная, не ведающая ни усталости, ни милосердия.

Вздохнув, Белиза медленно и без внятной цели направилась к краю воды. Дни ее жизни тянулись один за другим, похожие, как близнецы. Большие города и придворное веселье — все это существовало где-то в другом мире, за тысячи миль отсюда, за тысячи лет... В который уже раз Белиза принялась тщетно гадать о причине, способной погнать зингарского графа с чадами и домочадцами на это дикое побережье, способной заставить его променять замок предков на бревенчатую развалюху...

За спиной послышался мягкий топоток торопливых босых ног, и глаза девушки потеплели. К ней через невысокую дюну бежала голенькая девочка. С худого тела каплями стекала вода, льняные волосы облепили головку, глаза возбужденно округлились.

— Госпожа Белиза! — прокричала она по-зингарски с мягким офирским акцентом.— Ой, госпожа Белиза, там такое!..

Задыхаясь после быстрого бега, она тщетно пыталась выговорить нечто более вразумительное и лишь размахивала руками. Улыбнувшись, Белиза обняла девочку, нимало не смущаясь, что ее шелковое платье может напитаться влагой от льнущего к ней мокрого, теплого детского тельца. Здесь, в своем вынужденном отшельничестве, она обратила всю природную нежность и доброту души на это маленькое и жалкое существо, которое во время путешествия сюда с юга Белизе довелось отнять у жестокого и бессердечного хозяина. Юная служаночка, ожившая в добрых руках, стала ее утешением.

— Что же там такое, Тина? — спросила она.— Отдышись, малышка, и говори толком!

— Корабль!..— прокричала девочка, указывая на юг.— Я плавала в пруду, оставшемся после прилива, по ту сторону мыса, и вдруг увидела его! Он идет с юга прямо сюда!..

И, вся трепеща, она робко потянула госпожу за руку. У Белизы у самой сердце застучало быстрее при мысли о неведомом посетителе. Со дня прибытия на это безлюдное побережье они так редко видели новые лица...

Тина помчалась впереди хозяйки по желтым пескам, обегая лужи, оставленные отливом в низменных местах. Когда они поднялись на самый верх мыса, Тина остановилась и замерла — тоненькая фигурка, белевшая на фоне прояснившегося неба. Ветер бросал влажные льняные волосы ей в лицо, худенькая вытянутая рука указывала вдаль.

— Вон он! Вон он! Смотри, госпожа!

Белиза уже разглядела вдали белый парус, раздуваемый свежим южным ветром. Корабль шел вдоль берега, сейчас его отделяло от мыса несколько миль. Сердце девушки стукнуло невпопад... В их бесцветном уединении любая мелочь приобретала черты значительного события, но сейчас Белиза предчувствовала странные и бурные перемены. Уж верно, не простая случайность привела этот парусник на глухое, никем не посещаемое побережье. К северу отсюда гаваней и городов не было — совсем не было, до самой страны вечных льдов. А ближайший южный порт находился за тысячу миль. Ну и что, спрашивается, кому-то делать здесь, в заливе Корвела?

Тина плотнее прижалась к доброй хозяйке, узкое личико, обращенное вверх, выражало нешуточную озабоченность.

— Кто бы это мог быть, госпожа? — заикаясь, выговорила она. Бледные щеки девочки раскраснелись от ветра.— Не тот ли это человек, которого опасается господин граф?

Белиза нахмурилась.

— Почему ты говоришь так, дитя? С чего ты взяла, будто мой дядя кого-то боится?

— Так как же ему не бояться? — возразила Тина наивно.— А то стал бы он иначе прятаться в здешней дали! Смотри, госпожа, вот это да, как быстро идет!..

— Надо сообщить дяде,— пробормотала Белиза.— Рыбачьи лодки еще не ушли, никто из наших не видел этого паруса... Бери свою одежду, Тина, и поспешим!

Девочка бросилась вниз по склону, к пруду, где она купалась, когда появился корабль. Подхватила лежавшие там шлепанцы, платьице, поясок — и во всю прыть вернулась наверх, одеваясь прямо на бегу.

Тревожно оглядываясь на близившийся корабль, Белиза взяла девочку за руку и вместе с ней побежала в сторону укрепления. Еще несколько минут — и они миновали ворота в деревянном палисаде, окружавшем дом. Почти сразу пронзительный и скрипучий голос трубы всполошил садовников и остановил рыбаков, только-только открывших двери лодочных сараев и собиравшихся скатывать свои суденышки в воду.

Люди, находившиеся за стенами, тотчас оставили все дела, бросили инструменты и побежали внутрь крепости, ни на миг не задерживаясь в поисках причины, вызвавшей переполох. Ватаги бегущих втягивались в ворота, и все, не сговариваясь, со страхом оглядывались на восток, на темневшую там стену густого леса. В сторону моря не смотрела ни единая живая душа.

Столпившись на крепостном дворе, люди засыпали вопросами часовых, дежуривших на помостах для стрельбы с внутренней стороны стен.

— Что случилось?

— Почему нас собрали?

— Опять пикты идут?..

Вместо ответа молчаливый воин в потертой коже и ржавых латах указал рукой на юг. Место было возвышенное, парус отсюда был ясно виден. Люди полезли к дозорным на помосты, начали вглядываться.

Граф Валенсо стоял на сторожевой башенке, венчавшей большой хозяйский дом — бревенчатый, как и все остальные строения. И наблюдал за парусником, как раз обходившим южный мыс бухты. Граф был худощавым, жилистым человеком средних лет и среднего роста. На смуглом лице застыло хмурое выражение. Камзол и панталоны вельможи были из простого черного шелка, лишь на рукояти меча переливались яркие самоцветы да с плеч свисал небрежно откинутый плащ красивого винного цвета. Валенсо нервно покручивал тонкий ус, угрюмо поглядывая на своего домоправителя — обветренного мужчину, облаченного в сталь и атлас.

— Что ты об этом скажешь, Гальбро?

— Скажу, что это каракка,— ответил Гальбро.— Каракка с парусным вооружением, какое в ходу у барахских пиратов... О! Смотри!..

Этому возгласу ответил целый хор криков, раздавшихся во дворе. Корабль обогнул мыс и вошел в бухту, держа курс к берегу. И все увидели флаг, неожиданно взвившийся на его мачте. Это был черный флаг с алым черепом, вспыхивавшим на утреннем солнце... Обитатели крепости во все глаза смотрели на этот наводящий страх символ... Потом взгляды обратились к сторожевой башне, где вился на ветру яркий плащ хозяина крепости.

— Действительно барахцы,— пробормотал Гальбро.— И если я еще не ослеп, это Стром на своей «Кровавой руке». Хотел бы я знать, что он делает на этом заброшенном берегу?..

— Что бы он тут ни делал, нам от него добра ждать нечего,— проворчал в ответ граф.

Взгляд, брошенный вниз, убедил его, что крепостные ворота уже закрыты и должным образом заперты, а капитан стражи, сверкая сталью, расставлял людей по местам — кого на помосты, кого к нижним бойницам. Основные силы занимали позиции вдоль западной стены, где были ворота.

Графа Валенсо сопровождали в изгнании около сотни мужчин. Из этого числа около сорока были настоящими воинами в стальных шлемах и латах, вооруженными мечами, секирами и арбалетами. Остальные были работники в импровизированных доспехах из жесткой кожи. Правда, эти мирные люди были отменные здоровяки, прекрасно владевшие дроворубными топорами, охотничьими луками и тяжелыми копьями. Они сноровисто занимали места, хмурясь при виде своих наследных врагов. Ибо пираты с Барахских островов — архипелага у юго-западного побережья Зингары — вот уже больше ста лет чинили обиды жителям материка, и ненависть была обоюдной.

Стоя на стенах, вооруженные мужчины сжимали луки и копья, угрюмо наблюдая за тем, как пиратская каракка, сияя начищенной медью, подходил к берегу. Уже можно было рассмотреть команду, кишевшую на палубе корабля. Ветер доносил воинственные крики пиратов, а вдоль фальшборта блестела сталь...

Спустившись с башни, граф первым делом велел племяннице и ее непоседливой воспитаннице укрыться в глубине дома, после чего, облачившись в кирасу и шлем, отправился руководить обороной.

Подданные встретили его взглядами, полными хмурого фатализма. Все они собирались как можно дороже продать свои жизни, поскольку не слишком надеялись выиграть бой,— невзирая на вроде бы выгодное положение крепости. Год жизни на этом пустынном берегу, под угрожающей сенью адского леса, истребил в них волю к победе, населив души самыми недобрыми предчувствиями.

Их женщины стояли у них за спиной, в дверях домиков, выстроенных внутри палисада, и утихомиривали гомонящих детей. Белиза и Тина жадно следили за происходившим из верхнего окна хозяйского дома. Белиза обнимала девочку за плечи, словно пытаясь ее защитить, и чувствовала, как дрожала малышка.

— Наверное, они бросят якорь у лодочных сараев...— негромко пробормотала Белиза.— Точно! Так они и сделали, в сотне ярдов от берега... Не трясись так, маленькая! Им не взять крепость. Может, они пришли просто за припасами и пресной водой? Или их вовсе штормом сюда занесло?

— Они спустили шлюпки и гребут к берегу! — воскликнула девочка.— Ой, госпожа, мне страшно! Они такие большие... и все в латах... Как сверкает солнце на их пиках и саблях! Они нас съедят?..

Ее хозяйке было очень не по себе, но тут она рассмеялась.

— Да с чего ты взяла? Кто тебе такое сказал?

— Зингелито говорил, что барахцы женщин едят...

— Это он просто тебя дразнил,— сказала Белиза.— Верно, барахцы жестоки, но уж не хуже зингарских отщепенцев, именующих себя буканьерами. Ты знаешь, что Зингелито когда-то сам был буканьером?

— Зингелито! Злой он был и жестокий,— пробормотала девочка.— Ну и хорошо, что пикты ему голову отрезали...

— Тихо, тихо,— содрогнулась Белиза.— Нельзя так говорить... Смотри-ка, пираты высаживаются на берег! Они выстроились у края воды, и один из них идет к крепости... Должно быть, это сам Стром!

— ...Эй там, в крепости!..— долетел снизу голос, зычный, словно гудение ветра.— Я к вам с перемирием!

Над заостренными бревнами палисада возникло суровое лицо графа, обрамленное стальными нащечниками шлема. Стром остановился как раз на таком расстоянии, чтобы можно было докричаться. Здоровяк пират стоял с непокрытой головой, светло-русые волосы развевал ветер. Из всех морских разбойников, которых породили Барахские острова, у Строма была самая жуткая слава.

— Говори! — отозвался Валенсо.— Правда, нет у меня особой охоты беседовать с подобным тебе...

Стром расхохотался. Смеялся только рот, глаза же — нет.

— Когда твой галеон ушел от меня во время шквала у Траллиба в прошлом году, я и думать не думал, Валенсо, что повстречаю тебя на пиктском побережье! — крикнул пират.— Другое дело, я все это время гадал: и куда бы это ты мог направляться? Митрой клянусь,— если б вовремя сообразил, я бы нипочем от тебя не отстал. Я аж подпрыгнул, когда рассмотрел твоего алого сокола на флаге над крепостью — да в таком месте, где не рассчитывал ни души встретить!.. Стало быть, ты это нашел?

— Нашел — что? — переспросил граф раздраженно.

— Только не пытайся меня провести! — рявкнул пират, являя в этой вспышке все буйство своего нрава.— А то я не знаю, ради чего ты явился сюда! Так вот, я прибыл за тем же, и ты мне не помешаешь! Где твой корабль?

— Не твое дело,— ответил Валенсо.

— У тебя нет корабля,— уверенно заявил пират.— Мачты твоего галеона стали частью стены, я же вижу. Должно быть, он разбился вскоре после того, как вы тут высадились. Будь у тебя судно, ты давным-давно уплыл бы отсюда с добычей...

— Да о чем ты вообще рассуждаешь, прах тебя побери? — закричал граф.— Какая добыча? Я что, барахский мародер, чтобы жечь и грабить все, что шевелится? Да и какая тут добыча, в этой глуши?..

— А та самая, за которой ты приплыл,— невозмутимо ответил пират.— За которой прибыл и я... и которую я намерен получить! Кстати, со мной нынче легко договориться. Если ты мне отдашь все добром, я, так и быть, уйду своей дорогой и никого здесь не трону...

— Ты, похоже, свихнулся,— зарычал со стены Валенсо.— Я всего лишь искал здесь уединения и покоя — и наслаждался ими, пока не появился ты, желтоволосый головорез! Поди прочь!.. Я не просил перемирия и переговоров, мне

наскучила эта пустопорожняя болтовня. Забирай своих негодяев — и вон с моего берега!

— Может, я и уйду, но не прежде, чем эти лачуги обратятся в кучки золы! — с прорвавшейся яростью взревел пират.— Последний раз спрашиваю — может, отдашь добычу в обмен на ваши жалкие жизни? Или так и будете сидеть в своей мышеловке, пока полторы сотни моих молодцов не перережут вам глотки?

Вместо ответа граф сделал рукой знак, невидимый с той стороны стен, и сейчас же из амбразуры с гудением вылетела стрела, чтобы расщепиться о латный нагрудник Строма. Пират с яростным криком отскочил прочь и побежал назад к берегу, сопровождаемый роем стрел. Его люди разом взревели и устремились вперед, размахивая сверкающими клинками.

— Мазила несчастный! — распекал граф неудачливого стрелка, колотя его рукой в кольчужной перчатке.— Чего ради ты целился ему в грудь вместо того, чтобы взять чуть повыше и поразить в горло?.. Готовьте луки, ребята,— вот они идут!..

Но Стром, поравнявшись со своими, удержал их от немедленного нападения на крепость. Пираты растянулись цепью — и эта цепь оказалась длиннее западной стены — и осторожно начали приближаться, постреливая на ходу. Они были вооружены длинными луками, превосходившими арбалеты зингарцев. Однако этих последних неплохо защищала стена. Длинные стрелы перелетали через палисад, падали вниз и почти вертикально втыкались в утоптанную землю двора. Одна угодила прямо в подоконник окошка, в которое выглядывала Белиза. Тина закричала и отпрянула, с ужасом глядя на трепещущее древко.

Зингарцы отвечали, прицеливаясь без лишней спешки и суеты. Женщины успели загнать ребятишек под кров и теперь стоически ожидали судьбы, которую уготовили им боги.

В сражениях барахцы славились неукротимой яростью лобовых атак, но их свирепость была помножена на осторожность. Что толку попусту растрачивать силы, бросаясь грудью на укрепления? И пираты продолжали надвигаться широкой растянутой цепью, стараясь использовать к своей выгоде каждую естественную ямку, каждый куст... Правду сказать, с этим им не очень везло, потому что кругом крепости пролегала широкая просека, расчищенная из-за постоянной угрозы пиктских набегов.

На песке лежало уже несколько мертвых тел, латы на их спинах неподвижно поблескивали на солнце, стрелы, прилетевшие из-за стены, торчали у кого из шеи, у кого из-под мышки. Остальные пираты двигались по-кошачьи быстро, все время меняя позицию и не давая неприятельским стрелкам взять верный прицел. Их собственная стрельба то и дело беспокоила людей за палисадом, но было ясно: доколе битва будет сводиться к обмену стрелами, преимущество так и останется за осажденными.

Те из пиратов, что остались у лодочных сараев, вовсю орудовали топорами, и граф ругался вполголоса, глядя, как они разоряют и крушат его маленький флот. В эти лодки было вложено столько труда! Каждую досочку вручную вытесывали из бревна, а бревна еще надо было добыть в лесу и притащить к берегу...

— Да никак они осадную башню строить хотят, чтоб им! — вырвалось наконец у Валенсо.— Ну-ка, сделаем вылазку и не дадим им закончить... Сейчас, пока они движутся врассыпную!

Но Гальбро покосился на работников в кожаных доспехах и с неуклюжими копьями и отрицательно покачал головой.

— Пираты,— сказал он,— нас утыкают стрелами. Да и в рукопашной нам с ними не справиться. Лучше оставаться за стенами, и пусть стрелки делают свое дело!

— Ну ладно,— нехотя согласился Валенсо.— Только бы их внутрь не пустить!

Очень скоро намерения пиратов сделались очевидными. Человек тридцать двинулись к крепости, двигая перед собой здоровенный щит, сколоченный из лодочных досок и обломков разнесенных сараев. Разыскав где-то повозку на огромных сплошных дубовых колесах, предназначенную для бычьей запряжки, пираты взгромоздили на нее свой щит и покатили его вперед. Тяжеловесное сооружение медленно приближалось, двигавших его не удавалось ни рассмотреть, ни тем более подстрелить. Только ноги время от времени мелькали внизу.

Набирая скорость, импровизированная осадная башня катилась прямо к воротам, редкая цепь стрелков собралась позади нее и с криком побежала в атаку.

— Стреляйте! — белея, закричал граф Валенсо.— Остановите их, не дайте подобраться к воротам!

Со стены ударила целая буря стрел, но все они застряли в толстом дереве, не причинив большого вреда. Пираты ответили на залп зингарцев насмешливым криком. Теперь, когда они приблизились к стене, их стрелы начали находить амбразуры, и вот уже один из воинов, пошатнувшись, свалился во двор. Он судорожно хватался за горло, из которого торчало длинное оперенное древко.

— Бейте по ногам! — пронзительно завопил Валенсо.— Сорок человек — к воротам с топорами и пиками!

Арбалетные болты взрывали песок перед движущимся щитом. Кровожадный вой, раздавшийся из-за преграды, сообщил осажденным, что по крайней мере одна стрела добралась до цели. И точно: вот из-за щита, прыгая на одной ноге, показался пират. Неистово ругаясь, он пытался выдрать стрелу, проткнувшую ему ступню... Вновь скрыться он не успел. Не менее дюжины метких охотничьих стрел разом достали барахца.

Его уцелевшие товарищи с гортанным ревом придвинули свою башню вплотную к воротам. Из отверстия посередине щита высунулся тяжелый брус, увенчанный железным наконечником, и принялся с грохотом молотить в створки. Его раскачивало множество мускулистых рук, разъяренные пираты подзадоривали себя криком. Крепкие ворота скрипели и стонали, с палисада непрерывным дождем сыпались стрелы, и далеко не все пролетали мимо, но в пылу боя морские головорезы уже мало что замечали.

С мерным уханьем пираты вновь и вновь посылали вперед таран, остальные со всех сторон подбегали на помощь. Стрелы со стен мало-помалу редели, а у пиратов колчаны казались бездонными...

Бешено ругаясь, граф Валенсо спрыгнул со стены и самолично побежал к воротам, выхватывая меч. К нему присоединился маленький отряд готовых ко всему защитников крепости с копьями наперевес. Еще немного — и ворота развалятся, и тогда им останется только закрыть пролом своими собственными телами...

И в это время в беспорядочном шуме сражения возникла новая нота. С корабля истошно прокричала труба. Оглянувшиеся пираты увидели, как на рее их парусника возникла человеческая фигура. Кто-то махал им руками и отчаянно жестикулировал.

Стром, вместе со всеми трудившийся над тараном, не оставил случившееся без внимания. Уперевшись ногами и пустив в ход всю свою немалую силу, он удержал движение окованного бревна, как раз в это время откачнувшегося назад. После чего обратил залитое потом лицо в сторону корабля.

— Всем стоять! — взревел он.— Всем стоять, демоны вас побери!.. Слушайте!..

В тишине, которая последовала за этим буйволиным ревом, был явственно различим сигнал трубы. И человеческий голос, отдававший невнятные приказы защитникам крепости.

Стром был единственным, кто все понял правильно. Он проорал распоряжение пополам с ругательствами, и пираты, отпустив таран, покатили свою осадную башню назад так же проворно, как подтаскивали ее к воротам.

— Смотри, госпожа! — крикнула Тина. От возбуждения девочка так и прыгала у окошка.— Они бегут! Они все бегут! Они удирают на берег! И щит бросили, как только стрелы перестали до них долетать!.. А теперь прыгают в лодки и гребут к своему кораблю!.. Госпожа! Госпожа, мы их победили?

— Не похоже на это,— отозвалась Белиза. Она смотрела в сторону моря.— Глянь во-он туда...

Отодвинув занавески, она далеко высунулась из окна. Звонкий молодой голос прорезал нестройный гул во дворе и заставил все головы повернуться туда, куда указывала вытянутая рука Белизы. И вот тут у осажденных вырвался слитный крик. Они увидели еще один корабль, величаво огибавший южный мыс бухты.

И пока они смотрели, на мачте у новоприбывшего затрепетал королевский золотой флаг Зингары.

Пираты Строма один за другим лезли на палубу своего карака и торопливо поднимали якорь. Так что, прежде чем незнакомый корабль успел подойти к берегу, «Кровавая рука» уже скрывалась из виду за северным мысом...

III

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА

— Быстро наружу! — распоряжался Валенсо, дергая запорный брус ворот.— Надо разбить их осадную башню, пока чужаки не высадились на берег!

— Но Стром бежал,— возразил Гальбро.— А этот корабль из Зингары!

— Делай, что тебе говорят! — взревел граф.— У меня не только в чужих странах враги!.. Наружу, канальи! Три десятка человек с топорами — и порубите мне этот щит на лучины!.. А колеса закатите во двор...

Тридцать работников с топорами в руках побежали в сторону берега. Это были крепкие ребята в кожаных безрукавках, отточенные лезвия так и блестели. Они смекнули, что господин опасается неизвестного корабля, так что их спешка отдавала паникой. Из крепости хорошо слышали треск дерева, разлетавшегося под проворными топорами, и вот уже работники помчались обратно, катя дубовые колеса по песку...

Зингарский корабль бросил якорь там же, где прежде стояла пиратская каракка.

— Почему бы графу не открыть ворота и не выйти их встретить? А, госпожа? — недоумевала Тина.— Может, он опасается, не приплыл ли на том корабле человек, которого он боится?

— О чем ты, Тина? — беспокойно спросила Белиза.

Граф никогда не говорил с ней о причинах, вынудивших его отправиться в добровольную ссылку. И она знала его как человека, отнюдь не склонного бегать от врагов,— хотя их у него имелось немало.

Поэтому убежденность, звучавшая в словах Тины, очень беспокоила Белизу и казалась неестественной.

Девочка как будто не слышала вопроса.

— Работники с топорами вернулись во двор,— сказала она.— Ворота снова закрыли и заперли... И все опять выстроились по стенам. Если этот корабль гнался за Стромом, почему не стали его преследовать?.. Но это не военный корабль, это каракка, как и тот, первый... Смотри, госпожа, шлюпка идет к берегу! На носу стоит человек в темном плаще...

Когда шлюпка причалила, этот человек ленивым шагом пошел прочь от воды, сопровождаемый троими. Предводителем был рослый, жилистый мужчина, облаченный в черный шелк и стальные доспехи.

— Остановитесь! — выкрикнул граф Валенсо.— Я буду говорить только с главным, наедине!

Рослый незнакомец снял с головы шлем-морион и взмахнул им, отдавая поклон. Его спутники остановились, заворачиваясь в широкие плащи. Гребцы за их спинами оперлись на весла. Они смотрели на флаг, что реял над крепостью.

Их предводитель шел вперед, пока не приблизился на расстояние спокойного оклика.

— Мне-то казалось,— проговорил он,— между двумя благородными вельможами, повстречавшимися в подобной глуши, не должно быть места подозрительности...

Тем не менее Валенсо разглядывал незнакомца без особого доверия. Человек был темноволосый, с худым хищным лицом и тонкими черными усами. Его шею и запястья обрамляли кружева.

— А ведь я знаю тебя,— медленно выговорил Валенсо.— Ты — Черный Зароно, буканьер!

Пришелец снова отвесил царственно-элегантный поклон.

— Мне,— сказал он,— тоже трудно было не признать алого сокола рода Корзетта...

— Ни дать ни взять, мой берег стал местом встречи всех самых отъявленных негодяев южных морей,— пробурчал Валенсо.— Какая нелегкая тебя сюда привела?

— Ваша милость, что за речи! — наигранно возмутился Зароно.— Не слишком-то вы любезны с тем, кто только что оказал вам услугу! Или не в ваши ворота сейчас барабанил Стром, эта собака-аргосец? И разве он не удрал во все лопатки, завидев нас у южного мыса?

— Это верно,— нехотя согласился Валенсо.— Правда, что пират, что отщепенец-буканьер — велика ли разница...

Зароно рассмеялся с этаким веселым негодованием и покрутил ус.

— Не привыкли вы, ваша милость, слова выбирать!.. Но что до меня, я всего лишь хочу отдохнуть здесь на стоянке, дать своим людям поискать в окрестных лесах дичи и пресной воды. Ну еще, может, опрокинуть за твоим столом стаканчик вина...

— Помешать тебе я все равно не могу,— проворчал граф.— Но запомни, Зароно: никто из твоей команды не войдет в эти ворота. Если кто-нибудь приблизится на сотню шагов, будет застрелен без предупреждения. И не вздумайте разорять скотные дворы и сады! Трех бычков я вам позволяю забить на мясо,

но ни одним более! А если твоим разбойникам не по нраву эти условия, что ж, мы сумеем отстоять свою крепость!

Буканьер насмешливо улыбнулся.

— Против Строма вы не слишком-то успешно держались...

— Вторую осадную башню вам не построить,— угрюмо заметил граф.— Разве что нарубите деревьев в лесу. И твои стрелки — не чета барахским, меткость у вас примерно как у моих... Да и стоит ли убогая добыча, которую вы можете здесь взять, стольких трудов?

— А кто тут вообще говорит о сражениях и добыче? — возмутился Зароно.— Мои люди хотят размять ноги на сухом берегу, вот и все. Ну там, хорошо бы еще сунуть в рот что-нибудь, кроме свиной солонины... Я отвечаю за их доброе поведение. Так можно нам высадиться?

Валенсо очень неохотно ответил согласием. Зароно раскланялся — не без едва уловимой язвительности — и удалился все тем же размеренным, торжественным шагом, как если бы под его сапогами был не прибрежный песок, а полированный хрусталь дворцовых полов Кордавы, где, если верить слухам, Зароно когда-то был фигурой не из последних.

— Стену никому не покидать,— обращаясь к Гальбро, распорядился граф.— Не доверяю я этому ренегату! И то, что он прогнал Строма от наших ворот, еще вовсе не значит, что он сам при случае наши глотки не перережет!

Гальбро только молча кивнул. Ему ли было не знать о смертельной вражде между пиратами и зингарскими буканьерами. Пираты были в основном аргосскими моряками, оказавшимися по разным причинам объявленными вне закона. Вражда Аргоса и Зингары продолжалась уже много веков, и в случае морских разбойников к ней примешивался еще и, так сказать, спор за кусок. Те и другие флибустьеры жили нападениями на торговые корабли и прибрежные города — а стало быть, и между собой рубились без всякой пощады.

Соответственно, защитники крепости оставались настороже и очень бдительно следили за тем, как буканьеры высаживались на побережье. Это были темнолицые люди в ярких шелковых нарядах и блестящих доспехах, с цветными шарфами, повязанными на головах, и золотыми кольцами в мочках ушей. Они разбили лагерь на берегу; зингарцы насчитали примерно сто семьдесят человек, и Валенсо обратил внимание, что Зароно выставил дозорных на обоих мысах. Впрочем, никто не тронул садов и огородов, и только три бычка — причем Валенсо сам руководил выбором, крича со стены,— были отогнаны к берегу на убой. Вскоре буканьеры зажгли на пляже костры, притащили с корабля оплетенный бочонок эля и выбили крышку...

В другие бочонки уже набирали пресную воду из родника, что бил немного южнее крепости, а в лес направились охотники с арбалетами. Видя это, Валенсо счел должным предупредить Зароно, прокричав ему:

— Не посылай своих людей в лес! Если не хватило мяса, лучше возьми из хлева еще бычка!.. Стоит охотникам углубиться в здешнюю чащу, как на них могут налететь пикты! Там, в дебрях, живут целые племена этих размалеванных дикарей. Нам пришлось отбиваться от них едва ли не сразу, как только мы высадились, и с тех пор еще шестеро наших погибли в лесу. Сейчас у нас с пиктами мир, но очень непрочный! Смотри, потревожишь их — не оберешься беды!

Предупреждение графа заставило Зароно беспокойно оглянуться на зеленую стену, предводитель буканьеров, ни дать ни взять, искал глазами воинственных дикарей...

Но там никого не было, и Зароно с поклоном ответил:

— Спасибо за предостережение, государь мой.

И отозвал своих людей, окликнув их резким и грубым голосом, вполне чуждым придворной учтивости, с которой он обращался к Валенсо.

Если бы ему удалось пробить взглядом плотную листву, его опасения возросли бы многократно — ибо там притаилась темная тень, наблюдавшая за пришельцем черными непроницаемыми глазами. Это был воин в жуткой раскраске, одетый лишь в ноговицы из кожи косули, с пером тукана, воткнутым в волосы чуть повыше левого уха...

Наступил вечер, и небо над океаном стала заволакивать едва заметная сероватая дымка. Солнце опустилось в ярко-алый расплав, бросая на гребни черных волн кровавые отблески. Потом с моря наполз туман. Он дотянулся до леса и невесомыми щупальцами обвил деревянные стены. Костры возле берега тускло светили сквозь мглу, хмельное пение буканьеров казалось очень далеким. Новоприбывшие доставили со своего карака старую парусину и на скорую руку соорудили из нее шатры. В лагере по-прежнему жарилось свежее мясо и щедро лился эль, пожалованный капитаном.

Ворота крепости оставались запертыми. По стенам расхаживали воины. Они держали на плечах пики, стальные шлемы усеялись блестящими бусинками влаги. Дозорные беспокойно поглядывали в сторону прибрежных костров, но едва ли не чаще косились на лес, размытой темной полосой проступавший в тумане. Крепость молча затаилась во тьме, лишь кое-где между ставнями жилых домиков пробивались слабые блики свечей да лился свет из окон хозяйского дома. Тишину нарушали только шаги часовых, да капанье скопившейся влаги, да отдаленное пение буканьеров...

Слабое эхо этого пения достигало главного зала, где граф Валенсо сидел за бутылкой вина со своим не слишком-то желанным гостем.

— У твоих ребят, я смотрю, дым коромыслом,— сказал он Зароно.

— Они рады случаю побродить по песку,— был ответ.— Мы проделали долгий и утомительный путь... Да, эта погоня отнюдь не была легкой прогулкой!

Он галантно отсалютовал кубком молчаливой девушке, что сидела по правую руку хозяина дома, и церемонно пригубил вино.

Вдоль стен были выстроены солдаты при полном вооружении и бесстрастные слуги в атласных камзолах. Дом графа Валенсо, выстроенный на пустом берегу, был лишь бледным отражением того великолепного двора, что он держал когда-то в Кордаве.

Хозяйский дом, который ему нравилось называть особняком, был по меркам здешних мест истинным чудом. Сто человек долгие месяцы трудились на его строительстве буквально день и ночь. Снаружи бревенчатые стены были почти лишены каких-либо украшений, но что касается интерьера, то замок Корзетта был воспроизведен со всей мыслимой точностью. Деревянных стен главного зала было не видно за шелковыми шпалерами, затканными золотой нитью. Корабельные бимсы, заботливо отполированные, стали его стропилами. Пол покрывали толстые ковры. Широкая лестница, уводившая из зала наверх, тоже была

застлана коврами, ее обрамляли массивные перила, служившие некогда фальшбортом на галеоне...

Огонь, пылавший в обширном очаге, гнал прочь холодную сырость ночи. Свечи в огромном серебряном канделябре, красовавшемся посреди большого, сработанного из красного дерева пиршественного стола, бросали длинные тени на лестницу. Граф Валенсо сидел во главе этого стола, за которым, кроме него, присутствовали его племянница, сомнительный гость, домоправитель Гальбро и капитан стражи. Немногочисленное общество лишь подчеркивало громадность стола, за которым легко разместилось бы полсотни гостей.

— Так ты преследовал Строма? — спросил граф.— Значит, это ты загнал его в такую даль?

— О да, я шел за Стромом, но он не то чтобы бежал от меня,— рассмеялся Зароно.— Не таков Стром, чтобы от кого-нибудь бегать! Нет, он кое-что разыскивал... То, от чего я и сам не отказался бы!

— Знать бы, что за приз способен заманить пирата и буканьера в эти пустынные края,— пробормотал Валенсо, глядя в бокал, где искрилось вино.

— Ну а кордавского графа что могло сюда привести? — парировал Зароно, и в его глазах сверкнули огоньки алчности.

Валенсо пожал плечами.

— При дворе нашего короля человеку чести рано или поздно становится тошно...

Зароно пошел напрямик.

— Вельможи из рода Корзетта, известные как люди чести, преспокойно терпели королевский разврат на протяжении нескольких поколений,— проговорил он.— Извини мое любопытство, господин граф, но с какой стати ты вдруг продал наследные земли, нагрузил галеон обстановкой из фамильного замка, снялся с места да и уплыл в голубую даль? Король и придворные до сих пор знать не знают, куда это ты подевался. И почему решил поселиться именно здесь, в то время как твое имя, я уже не говорю о мече, вполне могло завоевать тебе доброе место в любой цивилизованной стране?

Рука Валенсо перебирала золотую шейную цепь, на которой висела его печать.

— Причина, по которой я покинул Зингару, составляет мое сугубо частное дело,— сказал он.— А в здешних местах я оказался по воле случая, не более. Мы стали здесь лишь для временной передышки. Я велел людям высадиться на берег и сгрузить вещи, которые собирался использовать в своем походном жилище. Но случилось так, что с запада налетел нежданный шторм. Он сорвал корабль с якоря и разбил о скалы на северном берегу. В определенное время года шторма здесь нередки... Так и вышло, что мы застряли. А раз двигаться дальше нам не было суждено, я решил по крайней мере расположиться со всем возможным удобством. Вот, собственно, и весь сказ...

— Так ты,— спросил буканьер,— вернулся бы в цивилизованный мир, будь у тебя такая возможность?

— В Кордаву — ни за что,— поморщился граф.— Вот в какую-нибудь отдаленную страну — в Кхитай, в Вендию — пожалуй что да...

Зароно повернулся к Белизе и впервые обратился прямо к ней:

— А тебе, госпожа моя, неужто здесь не тоскливо?

Девушку привела в большой зал именно тоска по новому лицу, по новому голосу. Теперь, однако, она очень жалела, что не осталась в своей комнате с Тиной. Взгляд, брошенный на нее буканьером, никаких сомнений не оставлял. Да, он изъяснялся точно на дворцовом приеме, держался почтительно и серьезно... но все это была маска, не способная толком скрыть мрачный и мятежный дух Зароно. Женщину не обманешь! Глядя на юную красавицу аристократку в атласном вечернем платье и расшитом самоцветами пояске, Зароно испытывал жгучую похоть.

— Верно,— тихо проговорила Белиза,— развлечений здесь небогато...

Буканьер снова обратился к хозяину дома.

— Так будь у тебя корабль, ты оставил бы место, где ныне живешь?

Граф согласился:

— Возможно.

— Что ж, корабль у меня есть,— сказал Зароно.— И если мы придем к соглашению, которое устроит обоих...

— Что за соглашение? — Валенсо поднял глаза, подозрительно глядя на гостя.

— Поделим все пополам,— ответил буканьер. И положил руку на стол, растопырив веером пальцы. Казалось, на скатерть запрыгнул огромный паук... Непонятное волнение заставляло подрагивать пальцы морского разбойника, в глазах мерцали странные огоньки.

— Поделить — что? — Валенсо смотрел на него с искренним недоумением.— Золото, которое я с собой захватил, потонуло вместе с кораблем. И в отличие от деревянных обломков, на берег его так и не вынесло...

— Да не о нем речь! — Зароно нетерпеливо мотнул головой.— Давай уж, господин мой, начистоту! Этот берег тянется на сотню переходов, высаживайся где хочешь, но ты бросил якорь именно здесь! Так, может, хватит рассуждать о случайностях?

— Мне скрывать нечего,— холодно ответил Валенсо.— Моего шкипера звали Зингелито, и он сам когда-то был буканьером. Он неплохо знал побережье и убедил меня сделать временную остановку именно в этом месте, обещая объяснить причину попозже. Увы, ему так и не удалось этого сделать. На другой же день после высадки он отправился в лес... Охотники нашли Зингелито убитым и обезглавленным. Видимо, шкипер попал в засаду и пал от рук пиктов...

Некоторое время Зароно пристально вглядывался в лицо графа.

— Да чтоб мне потонуть,— проговорил он наконец.— Я верю тебе. Вельможи из рода Корзетта достигли многого, но они никогда не были искусны во лжи... И я все-таки сделаю тебе предложение. Сознаюсь: бросая здесь якорь, я другое держал на уме... Предполагая, что ты уже завладел сокровищами, я думал хитростью взять эту крепость и вырезать всех, кто в ней живет. Однако обстоятельства вынудили меня отказаться от первоначального намерения...— Тут он устремил на Белизу взгляд, от которого ей кровь бросилась в лицо, и продолжал: — Так вот, у меня есть корабль, способный вывезти тебя из ссылки. Со всеми чадами и домочадцами, которых ты пожелаешь с собой захватить. На судно поместятся не все, но те, кого ты решишь оставить, небось не пропадут!

Слуги, стоявшие вдоль стен, невольно начали переглядываться. Зароно же продолжал, более не скрывая своих планов и подавно не считаясь с чувствами простолюдинов:

— Только сперва помоги мне овладеть кладом, ради которого я приплыл в такую несусветную даль!

— Во имя Митры, да что это за сокровище? — спросил Валенсо рассерженно.— Вот и Стром, разрази его, тоже все о каком-то кладе болтал...

Зароно осведомился:

— Неужели ты никогда не слышал о Траникосе Кровавом, величайшем из барахских пиратов?

— Слышал, конечно! Да есть ли человек, который о нем не слыхал? Ведь это он взял штурмом островной замок Татмекри, ссыльного стигийского принца, предал мечу всех побежденных и забрал сокровища, которые принц привез с собой из самого Кеми...

— Вот именно! И распространившаяся молва об этом сокровище притягивает людей Червонного Братства, точно падаль стервятников: пиратов, буканьеров, даже черных корсаров с дальнего юга... Убоявшись измены своих капитанов, Траникос ушел на север с одним-единственным кораблем... И более никто ничего о нем не знает. А было это около ста лет тому назад.

Легенда, однако, гласит, будто некий человек вернулся живым из этого путешествия. Он пробирался обратно на Барахские острова, но был перехвачен боевым кораблем зингарцев. Его, конечно, повесили, но не прежде, чем он рассказал о случившемся и нарисовал карту. Нарисовал собственной кровью на лоскутке пергамента, который ему удалось стащить у тюремщика... И вот что гласит его повесть: Траникос отошел далеко в сторону от обычных торговых путей и держал путь все дальше на север, пока не завидел пустынное побережье. Здесь он велел бросить якорь, а сам отправился на сушу, взяв с собой сокровище и одиннадцать самых преданных капитанов, которым полностью доверял и которые были с ним в этом плавании. Согласно его приказанию, корабль отбыл, чтобы возвратиться через неделю и подобрать главаря с его подручными. За это время Траникос рассчитывал выбрать удобное место и укрыть там награбленное. Корабль вернулся, как было велено, через неделю... Однако моряки не нашли ни единого следа Траникоса и одиннадцати капитанов. Только лачугу, которую те соорудили на берегу.

Эта лачуга, впрочем, уже была кем-то разрушена. Всюду кругом обнаружились отпечатки босых ног, но признаков борьбы найти не удалось... Сокровище также бесследно исчезло. Где, каким образом его спрятали? Пираты устремились в лес, чтобы разыскать там своего предводителя и остальных пропавших, но дикие пикты напали на них и вынудили отступить на корабль. Отчаявшись, мореплаватели подняли якорь, но на обратном пути свирепый шторм погубил судно, и в итоге выжил всего один человек.

Вот каким образом родилась легенда о кладе Траникоса... Его ищут уже почти сто лет, но не могут найти. Известно только о существовании карты, но где она? Все покрыто тайной...

Случилось так, что некогда мне довелось одним глазком взглянуть на нее. Я, видишь ли, плавал тогда вместе со Стромом и Зингелито, и с нами был еще один немедиец, примкнувший к барахским пиратам. Карта попалась нам в одной

грязной хижине в некоем зингарском порту, который мы тайком посетили. Мы уже собрались выложить за нее денежки, но тут кто-то опрокинул лампу, мы услышали вой в темноте... А когда светильник удалось снова разжечь,— что ты думаешь? Старый скряга, намеревавшийся продать нам карту, валялся мертвым с кинжалом в потрохах, сама карта подевалась неизвестно куда, а по улице прямо к нам с топотом неслась ночная стража, привлеченная шумом... Пришлось нам удирать кто куда. Так и разошлись наши пути...

Несколько лет с той поры мы со Стромом исподволь наблюдали один за другим. Каждый из нас подозревал, что карта находится у другого. Как выяснилось, оба были неправы. Но когда мне донесли, что Стром отправился на север, я тут же за ним последовал... Чем кончилась моя погоня, ты знаешь.

Карту, повторяю, я видел лишь мельком — на столе в хижине, и рассмотрел, если честно, очень немногое. Но действия Строма свидетельствуют: ему известно, что Траникос высадился именно тут. Осмелюсь предполагать, что легендарный предводитель спрятал клад где-то в лесу, а на обратном пути он и его люди подверглись нападению пиктов и были убиты. Так что и пиктам клад не достался. С ними ведь потихоньку торгуют,— так вот, в прибрежных племенах никто ни разу не видел ни золотого украшения, ни редкого самоцвета...

А теперь, граф, вот мое предложение. Давай объединим наши силы! Стром вряд ли ушел далеко, он вполне может снова напасть. Сегодня отступил, опасаясь угодить меж двух огней, но непременно вернется. Если мы заключим союз, он ничего не сможет с нами поделать. Мы же будем совершать вылазки из крепости, всякий раз оставляя в ней достаточно воинов для обороны. Все говорит о том, что сокровище где-то совсем рядом! Двенадцать человек просто не могли унести его далеко!.. Когда мы заполучим клад, то погрузим его на корабль и отправимся в какой-нибудь иноземный порт, где золото поможет мне скрыть мое прошлое. Разбойничья вольница до смерти надоела... Я хочу снова жить в цивилизованной стране — жить как вельможа, в собственном замке, среди роскоши и слуг... И с женой благородных кровей!

— Ну и?..— спросил граф, подозрительно сузив глаза.

Буканьер ответил без обиняков:

— Отдай мне в жены племянницу.

Белиза вскрикнула от неожиданности и вскочила на ноги. Побледневший Валенсо тоже поднялся, он так стискивал кубок, что казалось — граф вот-вот запустит им в своего гостя. Зароно остался сидеть, только пальцы руки, лежавшей на столе, скрючились подобно когтям. Глаза морского разбойника горели угрозой, жадностью и вожделением.

— Да как ты смеешь! — вырвалось у Валенсо.

— Не забывай, что ты давно пал с былых высот, граф,— проворчал Зароно.— Мы тут с тобой, сударь, не в Кордаве при королевском дворе. Родовитость на этом берегу измеряется силой и числом вооруженных людей, так что с некоторых пор я тебе ровня! В замке Корзетта живут чужие люди, богатства твоего рода лежат на морском дне. И если я не позволю воспользоваться моим кораблем, ты никогда не выберешься из этого медвежьего угла.

Уверяю, ты не пожалеешь, что породнился со мной! Увидишь, что с новым именем и с новыми возможностями Черный Зароно сумеет занять достойное

место среди знатных мира сего. Даже тебе, Корзетта, не придется стыдиться подобного зятя!

— Ты с ума сошел, если строишь подобные планы! — с жаром вскричал граф.— Ты, который... Эй, что это еще там?

Его отвлек быстрый топоток. В зал влетела Тина. Сердитый взгляд графа заставил было ее остановиться, но потом она обогнула стол и сунула ручонки в ладони Белизе. Она задыхалась, легкие тапочки промокли, льняные волосы прилипли к голове.

— Тина,— встревоженно воскликнула молодая хозяйка.— Где ты была? Я-то думала, ты давным-давно спишь у себя...

— Я и спала,— силясь перевести дух, ответила девочка.— Но я недосчиталась кораллового ожерелья, которое ты мне подарила...— Тина держала в руках нитку бус, дешевую безделушку. Тем не менее Тина очень ею дорожила, ведь это был самый первый подарок Белизы.— Я знала, ты меня не отпустишь... Жена одного воина помогла мне выбраться за стену и вернуться назад... Ой, госпожа, только не заставляй меня ее выдавать, я обещала, что никому не скажу... Я подобрала ожерелье у пруда, где утром купалась... Накажи меня, если я сделала что-то не так!

— Тина, Тина,— простонала Белиза, обнимая воспитанницу.— Не буду я тебя наказывать. Но зачем же ты ходила наружу, ведь у берега стоят лагерем буканьеры, а из лесу могут напасть пикты! Дай-ка я отведу тебя в комнату и переодену, а то вся вымокла...

— Пойдем, госпожа,— ответила Тина.— Только можно я сначала расскажу про черного человека?

— Что?!!

Все обернулись на внезапный крик, вырвавшийся у Валенсо. Кубок покатился по полу — граф обеими руками схватился за край столешницы, чтобы не упасть. Поведение хозяина крепости не могло бы измениться разительней, даже попади в него молния! Лицо покрывала смертельная бледность, глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит...

— Что ты сказала?..— выдохнул он, дико глядя на Тину, прятавшуюся за спиной у Белизы.— Что ты сказала?

— Ч-черный ч-человек, госп-подин мой...— заикаясь, выговорила маленькая служанка.— Я увидела его, когда спускалась к пруду, чтобы забрать бусы... Ветер как-то странно застонал, а прибой заскулил, точно испуганное животное... И тогда он пришел. Мне стало страшно, я спряталась за кучей песка. Он приплыл с моря в такой странной черной лодке, окруженной сиянием голубого огня, только факела нигде не было видно. Он вытащил лодку на песок по ту сторону южного мыса и ушел в лес... Он показался мне великаном в тумане... такой большой... и черный-пречерный, точно чернокожий кушит...

Валенсо зашатался, как если бы ему нанесли смертельный удар. Его рука дернулась к горлу и разорвала золотую цепь с печатью. Гримаса безумия перекосила его лицо, он обежал стол и выхватил Тину из объятий Белизы.

— Маленькая дрянь! Ты все это придумала! — выкрикнул он.— Ты, верно, подслушала, как я разговаривал во сне, и сочинила эту ложь, чтобы мучить меня! Скажи, что это неправда, пока я шкуру с тебя не спустил!..

— Дядя!..— воскликнула Белиза, ничего не понимая и все-таки пытаясь отнять Тину у графа.— Дядя, что с тобой? О чем ты говоришь?

Зарычав, Валенсо сбросил со своего плеча ее руку и отшвырнул девушку прямо на руки Гальбро. Тот подхватил ее, даже не пытаясь скрыть злорадной ухмылки.

— Пощади, господин! — рыдала бедная Тина.— Я правду сказала!

— А я говорю, что ты лжешь! — взревел граф.— Геббрело, ко мне!

Здоровенный слуга подхватил трепещущую Тину и одним движением сдернул с нее скудную одежонку. После чего забросил девочку себе на спину, перекинув ее руки через свои плечи так, что она не могла достать ногами пол.

— Дядя!..— вновь отчаянно закричала Белиза, силясь вырваться из крепких и неожиданно похотливых рук Гальбро.— Ты с ума сошел! Ты не можешь... Не можешь!

Ее голос сорвался — граф схватил хлыстик для верховой езды и с такой яростной силой вытянул им девочку, что поперек худенькой спины вздулся красный рубец. Тина забилась и надсадно закричала, а у Белизы вырвался стон. Весь мир сошел с ума! Точно в кошмарном сне, она обшаривала глазами знакомые лица слуг и воинов, но видела перед собой какие-то звериные хари, тупые бычьи морды, лишенные жалости и сочувствия. Частью этого кошмара была и усмехающаяся физиономия Зароно. Все заволоклось красным туманом, в котором было отчетливо видно лишь белое тело Тины, нагое, крест-накрест перечеркнутое багровыми полосами от плеч до самых колен. А единственными звуками остались ее болезненные вскрики да пыхтение Валенсо, который хлестал девочку снова и снова. У графа был остановившийся взгляд сумасшедшего.

— Лгунья! Лгунья! — выкрикивал он.— Будь ты проклята, лгунья! Признай свою ложь, пока я всю кожу с тебя заживо не содрал! Он никак не мог добраться сюда за мной...

— Пощади, господин, пощади! — кричала несчастная Тина. Она билась и извивалась на спине у Геббрело, боль и страх лишили ее сообразительности, и она даже не пыталась спасти себя ложью. По бедрам девочки алыми каплями сбегала кровь.— Я не лгу! Я его видела! Пощадите, пощадите, пожалуйста! А-а-а...

— Ты глупец, дядя! Ты глупец!..— не помня себя, закричала Белиза.— Ты что, не видишь, что она правду говорит? Ах ты зверь! Зверь, зверь!..

Казалось, эти слова вернули графу Валенсо Корзетта некую толику здравомыслия. Бросив хлыст, он все-таки потерял равновесие и тяжело навалился на стол. Его трясло, как в лихорадке. Взмокшие волосы прилипли ко лбу, по лицу, напоминавшему гипсовую маску ужаса, стекал пот. Тина, наконец выпущенная Геббрело, поникла и, всхлипывая, осталась лежать на полу. Белиза вырвалась от Гальбро и с плачем подбежала к воспитаннице. Упав на колени, она заключила девочку в объятия. Найдя глазами своего дядю, приготовилась высказать ему все, что клокотало у нее в сердце... Но граф на нее не смотрел. Казалось, он полностью забыл и о ней, и о жертве своего внезапного гнева.

Не веря собственным ушам, Белиза услышала, как он проговорил, обращаясь к Зароно:

— Я принимаю твое предложение, буканьер. Во имя Митры! Давай отыщем треклятый клад и покинем это грешное побережье!

Вот тут весь гнев Белизы иссяк, как задутый огонь, оставляющий после себя лишь золу. Ее затошнило. Не сказав ни единого слова, она подхватила на руки всхлипывающую Тину и унесла ее наверх по ступеням. Последний взгляд, брошенный через плечо: Валенсо сгорбился у стола, жадно глотая вино из кубка,

который ему приходилось держать обеими руками, чтобы не расплескать. Зароно возвышался над ним, похожий на черного стервятника... Чувствовалось, что он не особенно понял, что именно произошло за столом, но немедля воспользовался преимуществом, которое дала ему внезапная перемена в душевном расположении графа. Он что-то говорил ему тихим решительным голосом, а Валенсо молча кивал, едва ли внимательно слушая... Гальбро отступил в тень, он задумчиво мял подбородок большим и указательным пальцами, слуги у стен обменивались озадаченными взглядами, потрясенные неожиданным срывом господина...

Добравшись до своей комнаты, Белиза уложила полуживую девочку на постель и принялась смазывать раны на ее нежной коже лекарственной мазью, унимающей боль. Тина доверчиво отдалась ее заботам и лишь слабо постанывала.

Сама Белиза чувствовала себя так, словно привычный мир вдруг рассыпался у нее под ногами. Ее мутило, голова шла кругом — потрясение, постигшее девушку, оказалось слишком сильным. Душу полнили ненависть и отвращение к дяде. Любить его она, собственно, особо никогда не любила. Это был жесткий и скупой человек, не питавший к ней естественной привязанности. Однако Белиза по крайней мере привыкла считать его бесстрашным и справедливым! Как после этого забыть безумные глаза графа, его белое лицо и руку с хлыстом?.. Белиза содрогалась от отвращения. Что за чудовищная затаенная боязнь помутила сегодня его разум? Какой подспудный страх заставил его истязать единственное существо, которое она лелеяла и любила?.. Что за ужас понудил его продать ее, родную племянницу, лишенному чести разбойнику? Что крылось за его нынешним поведением?

И кто был тот черный человек, которого видела Тина?

— Я не лгала, госпожа...— в полубреду бормотала маленькая служанка.— Я правду сказала... Черный человек приплыл в лодке, которая бежала по воде, точно язык голубого огня... Высокий, сам черный весь и в черном плаще... Я так напугалась, что аж кровь в жилах застыла... Он оставил лодку на песке и ушел в лес... Я же не виновата, что видела его... За что граф побил меня, госпожа?..

— Тихо, маленькая,— ласково шептала Белиза.— Лежи смирно. Боль скоро пройдет...

У нее за спиной отворилась дверь. Девушка обернулась, выхватывая драгоценный кинжал... Мурашки побежали у нее по спине — на пороге стоял граф. Он выглядел постаревшим на много лет. Серое осунувшееся лицо и взгляд, от которого у Белизы похолодело в груди. Да, они и прежде были не слишком близки, но теперь их разделяла сущая бездна. Не дядя стоял перед ней — это был незнакомец, и добра от него ждать не приходилось.

Она подняла кинжал...

— Еще раз тронешь ее...— прошептала она пересохшими губами,— Митрой клянусь, я тебя зарежу!

Он точно не слышал.

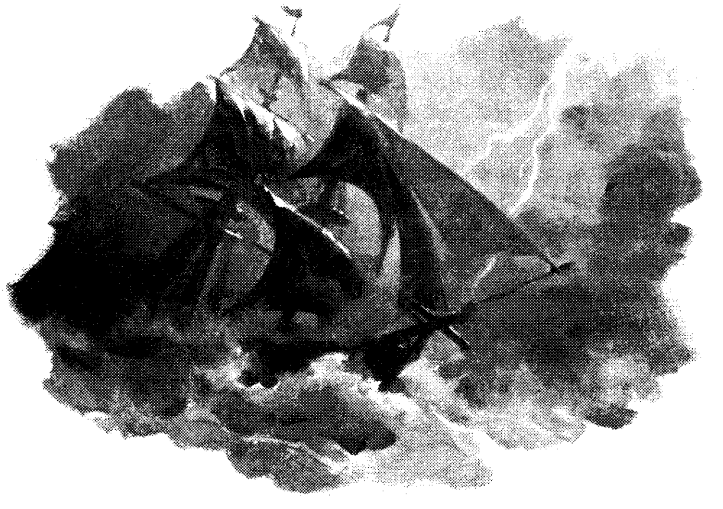
— Я расставил кругом особняка надежную стражу,— сказал он в ответ.— Завтра Зароно приведет своих людей в крепость. Он никуда отсюда не уплывет, пока не отыщет сокровище. Когда же найдет — мы вместе отправимся в какой-нибудь порт... Куда именно, еще не решили.

— А меня ты, значит, ему продаешь? — выдохнула она.— Клянусь Митрой, я...

Валенсо хмуро смотрел на нее, и по глазам было видно — в этот момент для него не существовало иных интересов, кроме его собственных. Белиза съежилась, ощутив, на какую жестокость подвигнул ее дядю овладевший им мистический ужас.

— Будешь делать, что я скажу,— вот и все, что он ей ответил, и в его голосе человеческого было не больше, чем в беспощадном лязге металла. Повернувшись, он вышел из комнаты.

У Белизы разом кончились силы. В глазах потемнело, и она рухнула на пол рядом с постелью, на которой распростерлась маленькая Тина...

IV

РОКОТ ЧЕРНОГО БАРАБАНА

Бедная Белиза не знала, долго ли она пролежала без чувств, сломленная выпавшим ей испытанием... Ее привели в себя руки Тины, пытавшейся обнять любимую госпожу, и всхлипывания девочки, раздававшиеся у самого уха. Кое-как Белиза выпрямилась и притянула Тину к себе. Сама она плакать уже не могла. Так она и сидела с сухими глазами, неподвижно глядя на свечной фитилек...

В замке не раздавалось ни звука. Смолкло и хмельное пение буканьеров на морском берегу... В тишине Белиза принялась размышлять о создавшемся положении — сквозь онемение души, которое заменяло ей спокойствие и помогало смотреть на вещи отстраненно.

Итак, Валенсо свихнулся. Рассказ о таинственном черном человеке обернулся для него помрачением рассудка. До такой степени, что он готов покинуть с таким трудом воздвигнутое селение и бежать куда-то с Зароно. Таковы были факты. Другой столь же очевидный факт состоял в том, что ради возможности

бегства он вознамерился принести в жертву собственную племянницу. Вот так — и никакого просвета во тьме, столь внезапно окружившей Белизу... А слуги! Она впервые увидела их в истинном свете. Тупые и черствые олухи, и жены им под стать, такие же бездеятельные и глупые. Они не посмеют прийти к ней на выручку, да и не захотят...

Никогда еще Белиза не чувствовала подобного одиночества и беспомощности. Ждать помощи было решительно неоткуда.

Тина приподняла залитое слезами личико, словно бы внимая некоему внутреннему голосу. Она удивительным образом умела подслушать самые сокровенные мысли хозяйки; точно так же безошибочно умела она распознавать неотвратимую поступь Судьбы — и единственный выход, который та оставляет слабым.

— Нужно идти, госпожа,— прошептала маленькая служанка.— Не надо, чтобы ты досталась Зароно! Давай убежим в лес... Мы будем идти все вперед, пока не кончатся силы. А тогда — ляжем наземь и вместе умрем...

Белизу глубоко растрогала ее трагическая решимость, свойственная бессильным. Со времени бегства из Зингары кругом девушки словно бы сгущались тени; похоже, ей действительно оставалось только одно...

— Идем, маленькая,— сказала она.

Поднявшись, Белиза уже нашаривала плащ, когда сдавленное восклицание Тины заставило ее оглянуться. Девочка стояла у постели, прижимая пальчик к губам, в округлившихся глазах горели искорки страха.

— Что там, Тина?

Явный испуг девочки заставил Белизу говорить еле слышно, сердце стиснула безымянная тревога...

— Там... в большом зале... там кто-то есть,— хватаясь за ее руку, выдохнула Тина.— Он остановился у нашей двери, а потом двинулся дальше, к покоям графа...

— Какие у тебя чуткие ушки, не чета моим,— так же тихо ответила Белиза.— Но что же тут странного? Это сам граф прошел, а может быть, Гальбро...

И она хотела приоткрыть дверь, чтобы в этом увериться, но Тина отчаянно повисла у нее на шее, и Белиза ощутила частый стук детского сердца.

— Не ходи, не ходи туда, госпожа! Не открывай дверь!.. Мне страшно!.. Я не знаю... Я просто чувствую, что рядом с нами бродит ужасное зло...

Вполне заразившись ее страхом, Белиза погладила девочку по голове, пытаясь ободрить. Сама же потянулась к золотому диску, прикрывавшему крохотный глазок посередине двери...

— Он возвращается! — дрожа, прошептала девочка.— Я его слышу!

Теперь и Белиза кое-что услышала. Тихие, крадущиеся шаги, которые, как она с ужасом поняла, не принадлежали ни одному из очень хорошо знакомых ей обитателей замка. И это шел не Зароно,— тот, кто таился за дверью, сапог не носил. Неужели буканьер босиком крался через зал, помышляя убить графа во сне?.. Белиза вспомнила о солдатах, наверняка стоявших на страже. Останься Зароно в особняке на ночь, у его двери точно поставили бы вооруженного караульщика... Но тогда кто же так тихо и таинственно пробирался по коридору? Тем более что здесь, наверху, ночевали только они с Тиной и граф... Да еще Гальбро...

Быстрым движением Белиза загасила свечу, чтобы свет не вырвался через смотровое отверстие двери и не выдал ее. Потом отвела в сторону золотой диск...

В зале, где обычно до утра горели свечи, царила кромешная темнота. И в этой темноте что-то действительно двигалось по коридору. Белиза скорее ощутила, нежели увидела, как нечто огромное миновало дверь ее комнаты. Она не смогла бы сказать об этой тени ничего определенного, только то, что силуэт был человекообразным. Зато ее окатило такой ледяной волной ужаса, что девушка, не помня себя, съежилась у двери, а с губ едва не сорвался крик. Этот ужас был совсем иного рода, нежели тот, что внушал ей граф. Или Зароно. Или враждебный лес. Нет, Белизу охватила слепая, нерассуждающая жуть, от которой язык примерз к нёбу, а сердце едва не остановилось в груди...

А таинственный и страшный некто между тем добрался до лестницы, где его на мгновение обрисовал слабый свет снизу. И, присмотревшись к этому силуэту, черному на багровом, Белиза чуть было заново не лишилась сознания.

Скорчившись в темноте, она стала ждать неизбежного переполоха,— ведь воины в большом зале обязательно должны заметить пришельца. Однако в особняке сохранялась полная тишина. Только ветер посвистывал где-то на крыше — и все...

Белиза нашарила свечку. Руки дрожали, ладони были влажными от пота. Она все не могла отойти от пережитого страха, хотя разум отказывался уяснить, что же такого было в черном силуэте, выхваченном красноватым светом, что мгновенно скрутило ее душу столь несусветным отвращением и боязнью. Да, внешними обводами тень походила на человека, но... В облике существа сквозило нечто непередаваемо чуждое, запредельное. Что именно — Белиза не взялась бы сказать, она просто знала со всей определенностью: прошедший мимо ее двери не был человеком. И это знание отнимало у нее всю решимость, вроде бы только что обретенную. Присутствие духа оставило ее, а с ним и способность к действию.

Свечка вспыхнула, облив золотистым сиянием бледное личико Тины.

— Это был черный человек! — шепнула девочка.— Я знаю! У меня кровь захолодела, в точности как тогда, на мысу!.. Ой, госпожа, там, внизу, воины стоят,— как же они его не заметили? Может, надо графа предупредить?..

Белиза молча замотала головой. Еще не хватало добиться повторения той отвратительной сцены!

К тому же теперь Белиза ни за что не отважилась бы выйти в темный коридор, где разгуливала такая страшная тварь.

— Значит, мы не можем убежать в лес,— вздрогнула Тина.— Вдруг он где-нибудь там...

Белиза не стала спрашивать, с чего это она взяла, будто черный чужак решил отправиться в лес. Лес в ее представлении выглядел закономерным прибежищем всякого зла, будь то человек или демон... Тина в любом случае рассуждала правильно: бежать из крепости сделалось невозможно. Решимость Белизы, которую не могла поколебать перспектива неминуемой смерти, дала трещину при мысли о походе через темную чащу, где, вероятно, бродила эта жуткая тень.

Девушка беспомощно опустилась на пол и спрятала в ладонях лицо...

Спустя некоторое время Тина задремала на кровати. Иногда она всхлипывала во сне, на длинных ресницах блестели слезы. Судя по всему, у нее болело все тело — девочка беспокойно и трудно ворочалась, пытаясь найти удобное положение...

Ближе к рассвету Белиза почувствовала удушающее сгущение воздуха и услышала, как где-то далеко над морем глухо пророкотал гром. Загасив огарок свечи, девушка подошла к окошку, из которого можно было видеть и лес позади крепости, и океан.

Оказалось, что туман рассеялся, но звезды на западе заслоняла громадная тень. Там сверкали молнии и раздавались громовые раскаты. Белиза прислушалась и распознала сходный рокот, только доносившийся с другой стороны, из непроглядной черноты леса. Она испуганно повернулась туда, где высилась темная стена деревьев... Она не ошиблась — ее слуха достигал странный пульсирующий ритм, монотонный рокот... совсем не похожий на перекличку пиктских боевых барабанов.

— Барабан...— всхлипнула Тина, беспокойно сжимая во сне кулачки.— Черный человек... бьет в черный барабан... в черном лесу... Ой, спа-а-сите...

Белизу в который уже раз за последние сутки заколотила дрожь. Небо на востоке уже начинало мало-помалу сереть, предвещая рассвет, но на западе ворочалась и росла гигантская непроглядная туча. Белиза смотрела на нее в немом изумлении, ибо в это время года гроз на здешнем побережье практически не бывало. Да и не видала она никогда прежде таких облаков...

Казалось, из-за внешнего края мира выливалась кипящая масса сплошной черноты, пронизанная струями лилового пламени. Она перекатывалась и вздымалась, влекомая неистовым вихрем. Самый воздух содрогался от грома, рожденного в ее недрах. К голосу грозы примешивалось жутковатое завывание ветра, сулившего бурю. Чернильную тьму на горизонте рвали и вспарывали огненные вспышки, далеко в море белели гребни высоких штормовых волн. Они бешено мчались на берег, и Белиза слышала, как близился их рев...

Но все это буйство происходило вдали. Жаркий, спертый воздух над берегом оставался неподвижным, ни единое дуновение не нарушало его. Природный контраст выглядел нереальным: где-то там — безумие шторма, сущий хаос, мчавшийся на сушу; а здесь — полный покой и душная тишина. Вот где-то внизу хлопнула ставня (даже этот звук показался удивительно громким), послышался женский голос, пронзительный и тревожный... Тем не менее большинство обитателей крепости, кажется, продолжали мирно спать, знать не зная о надвигавшемся урагане...

До слуха Белизы вновь достучался таинственный ритм барабана, и, заново холодея, она оглянулась на лес. Там по-прежнему ничего невозможно было разглядеть, но воображение, подстегнутое неведомым инстинктом, живо нарисовало ей то черное существо, как оно сидит на корточках в кромешной тени ветвей, выводя неведомое заклинание на чем-то вроде барабана...

Белиза затрясла головой, отгоняя жуткое наваждение, и опять посмотрела в сторону моря. Там расколола небеса громадная молния. На фоне ослепительной вспышки резкими тенями промелькнули мачты корабля Зароно, шатры буканьеров на берегу, песчаные дюны южного мыса и каменные скалы северного... На миг все это озарилось ярче, чем днем. А рев надвигавшегося ветра постепенно делался слышнее, и особняк начал просыпаться. Вот кто-то пробежал по лестнице, раздался голос Зароно, не лишенный испуга.

Захлопали двери, и Валенсо отозвался гостю, перекрикивая разошедшуюся стихию.

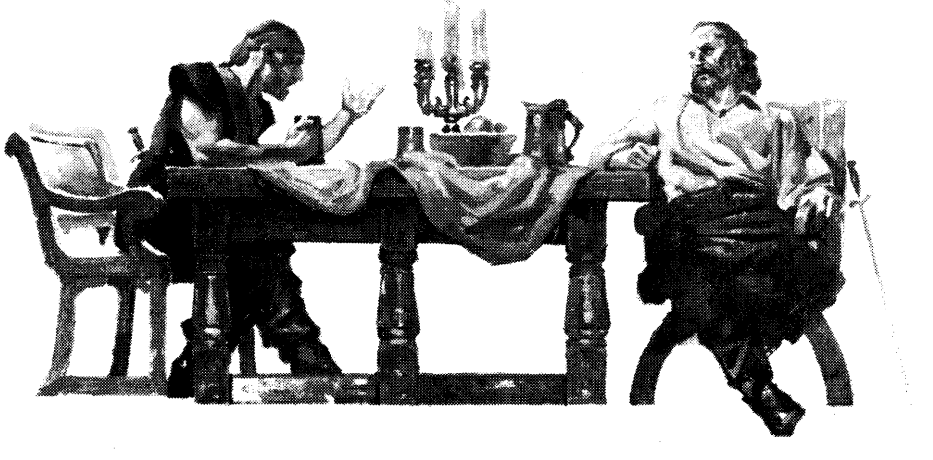
— Почему никто не предупредил меня, что буря идет? — отчаянно взывал буканьер.— Если якоря не удержат...

— В это время года мы никогда не видали бурь с запада! — прокричал Валенсо, в одной ночной рубашке выбегая из опочивальни. Он был бледен, волосы стояли дыбом.— Это небось дело рук...

Чьих именно, он не договорил. Прыгая через ступеньки, граф устремился на сторожевую башню, и за ним, кляня весь белый свет, помчался Зароно.

Белиза, благоговея и ужасаясь, съежилась у окна. Ветер завывал все громче, пока его вой не похоронил все прочие звуки — все, кроме сводящего с ума барабанного боя, казавшегося девушке победной песнью, полной нечеловеческого торжества. Ураган катился на берег, гоня перед собой полосу вспененных волн шириной в целую лигу... А потом на крепость обрушился форменный ад. Дождь принялся хлестать ужасающими потоками, словно стремясь смыть и унести сушу. Налетел ветер и ударил с такой бешеной силой, что деревянные стены затрещали и содрогнулись. Прибой с ревом обрушился на пляж, заливая угли костров. При свете очередной вспышки Белиза увидела сквозь пелену дождя, как рвались на ленточки непрочные шатры буканьеров, как их уносил ветер и поглощала вода, как люди, шатаясь, плелись в сторону крепости, а буря раз за разом пыталась сбить их с ног...

А еще Белиза увидела, как судно Зароно, сорванное с якорей, валилось прямо на острые, жадно оскаленные каменные клыки...

V

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДЕБРЕЙ

...Наконец шторм исчерпал свою ярость, и рассвет озарил чистое голубое небо, умытое ливнем. Утреннее солнце сияло начищенным золотом, и птицы в ярком оперении дружным хором приветствовали его с ветвей, каждый лист на

которых украшали бриллианты влаги, игравшие от малейшего дуновения свежего утреннего ветерка.

Возле впадавшего в море ручейка, чье извилистое русло окаймляли кусты и деревья, умывался человек. Делал он это не торопясь и со вкусом, как было принято у его народа. Плескал, брызгал и при этом фыркал от удовольствия, точно буйвол. Однако бдительности он не терял. Вот что-то заставило его вскинуть мокрую русоволосую голову, да так внезапно, что по крепким плечам побежали струйки воды.

Мгновение он прислушивался, сидя на корточках, потом вскочил и обратился лицом в сторону суши, одновременно выхватывая меч.

Увиденное заставило его замереть с отвисшей челюстью, только взгляд разгорелся.

К нему, даже не пытаясь скрываться, шел через пески человек — такой же рослый и крупный, как и он сам. Глаза пирата невольно округлились, когда он присмотрелся к облегающим шелковым штанам, высоким сапогам с широкими голенищами, длиннополому камзолу и шляпе, какие были в ходу лет сто назад. Пришелец держал в руке абордажную саблю, так что относительно его намерений сомнений быть не могло.

Пират побледнел, в его взгляде блеснуло узнавание.

— Ты!..— вырвалось у него. Он явно не мог поверить собственным глазам.— Во имя Митры!.. Ты!..

И, сыпля проклятиями, он замахнулся на подходившего. Птицы многоцветными тучами снялись с деревьев — их мирное пение прервал звон стальных клинков. С фехтующих лезвий летели синие искры, песок скрипел и продавливался под каблуками ботфортов. А потом вместо очередного звонкого удара послышался тупой хруст, и один из противников, болезненно ахнув, упал на колени. Рукоять выпала из руки, клинок скользнул по песку, обагренному кровью. Предсмертным усилием человек вытащил что-то из поясного кармашка и поднес было ко рту... Но тут его тело свела последняя судорога, человек выгнулся — и обмяк на песке.

Победитель наклонился и самым хладнокровным образом выдернул из цепенеющей ладони убитого то, на чем она пыталась сомкнуться.

Зароно и Валенсо стояли на берегу, глядя, как их люди собирали обломки. Реи, куски обшивки, расщепленные мачты... Шторм с такой яростной силой расколотил корабль о скалы, что большая часть выловленной древесины годилась разве что на растопку. Неподалеку от двоих мужчин стояла Белиза. Она прислушивалась к их разговору, обнимая одной рукой Тину за плечи. Девушка была бледной и вялой, весь вид ее выражал безропотное приятие судьбы, пусть и не слишком веселой. Разговор дяди с «женихом» не вызывал у нее особого любопытства. Белизу морально раздавило осознание того факта, что эти люди сделали ее пешкой в своей игре. А коли так, не все ли равно — провести остаток дней на этом тоскливом берегу или со временем вернуться в какую-либо цивилизованную страну?

Ни счастья, ни свободы все равно теперь не будет...

Зароно изощренно бранился, Валенсо же казался оглушенным.

— Неподходящее время года для бурь с запада,— бормотал он, следя ввалившимися глазами за буканьерами, которые вытаскивали из воды плавник.— Вовсе не случайным был этот шторм... Он погубил корабль, на котором я думал вырваться отсюда... Вырваться? Не суждено... Я попался, точно крыса в ловушку... Как и было задумано... И не только я, мы все тут словно крысы...

— Не знаю, о чем ты говоришь,— прорычал Зароно, зло дергая себя за усы.— Я вообще от тебя толку добиться не могу с тех самых пор, как белобрысая малявка расстроила тебя бреднями о черных людях, явившихся с моря! Так вот, послушай меня: лично я не собираюсь всю оставшуюся жизнь коптить небо в этой проклятой бухте! Десяток моих людей отправились в ад вместе с кораблем, но у меня осталось еще сто шестьдесят! Добавить сотню твоих... В крепости полно инструментов, а в лесу — уйма деревьев. Мы еще выстроим себе судно! Как только мои ребята кончат спасать все, что не потонуло, я отправлю их за бревнами в лес...

— Это займет месяцы,— отозвался Валенсо.

Зароно огрызнулся:

— А ты можешь предложить лучший способ занять свободное время? Так или иначе, мы оказались здесь. И застрянем здесь навеки, если не построим корабль, на котором и уплывем. Да, нам придется соорудить нечто вроде лесопилки... Но не было и нет такого препятствия, которое бы надолго задержало меня! Надеюсь только, что этот шторм и Строма, аргосскую собаку, на щепки разнес... А пока наш корабль будет строиться, займемся поисками клада, зарытого стариком Траникосом...

Валенсо мрачно проговорил:

— Нам не дадут построить корабль.

— Это ты пиктов имеешь в виду? У нас достаточно войска, чтобы дикари были не страшны.

— Я не о пиктах. Я говорю про черного человека...

Зароно разгневанно повернулся к нему.

— Да объясни же наконец толком! Кто такой этот черный человек, прах его побери?

— Воистину прах,— ответил Валенсо.— Кровавый прах моего собственного прошлого, тень, поднявшаяся из мрака, чтобы утащить меня в ад... Это из-за него я бежал из Зингары, думая затеряться в безбрежном океане... Следовало бы мне знать, что рано или поздно он снова встанет на след!

— Если кто-то явился сюда и вышел на берег, значит, теперь он отсиживается в лесу,— заметил Зароно.— Другого пути нет. Мы прочешем лес, отыщем его и убьем.

Валенсо хрипло рассмеялся.

— Попробуй поймать тень облака, прячущего луну. Нашарь в темноте кобру. Схвати туман, клубящийся над полночным болотом...

Судя по неуверенному взгляду, который бросил на него буканьер, Зароно сомневался в здравомыслии графа.

Он сказал:

— Может, хватит поэтических иносказаний? Кто это такой?

— Это тень моей собственной жестокости и непомерного честолюбия. Ужас, явившийся из глубины забытых веков. Это не смертный из плоти и крови, а...

— ...Парус!!! — долетел крик дозорного, стоявшего на северном мысу.

Зароно мигом повернулся и крикнул в ответ, напрягая голос:

— Узнаёшь, что за корабль?

— Да!..— послышалось издалека.— Это «Кровавая рука» идет!..

Зароно разразился отборной руганью.

— Стром!.. Эта скотина всегда умеет устроиться! Как он спасся от урагана?..— И зычный голос буканьера раскатился по всему пляжу: — Эй, канальи, быстро все в крепость!..

К тому времени, когда «Кровавая рука» — потрепанная, но явно дееспособная — высунула нос из-за мыса, возле воды не осталось ни единого человека, зато над палисадом густо торчали головы в шлемах и пестрых платках. Буканьеры приняли это неожиданное союзничество с легкой приспособляемостью искателей приключений; подданные графа — с безразличием, свойственным подневольному люду.

Зароно только зубами заскрипел, когда к берегу без лишней спешки подошла шлюпка, на носу которой виднелась русая голова его соперника-аргосца. Вот суденышко причалило, и Стром в одиночку направился к укреплению.

Остановившись на некотором расстоянии, он проревел во всю мощь голоса, так что его ясно слышали в крепости:

— Эгей, на стене! Поговорить надо!

— Ну так говори, черт бы тебя побрал! — рявкнул Зароно в ответ.

Стром возразил:

— Прошлый раз, когда я пришел сюда под флагом перемирия, о мой нагрудник сломалась стрела! Хорошо бы слово с вас взять, что на сей раз такого не будет!

— Даю слово! — насмешливо отозвался Зароно.

— Засунь свое слово сам знаешь куда, собака-зингарец! Мне нужно слово Валенсо!

Как выяснилось, граф еще сохранял остатки былого достоинства. Он ответил со всей властностью в голосе:

— Подходи, но твои люди пусть остаются на месте. Никто не будет в тебя стрелять.

— Вот это я понимаю,— сказал Стром.— Корзетта есть Корзетта: какими бы они греховодниками ни были, а слово держат всегда!

И, выйдя вперед, он стал возле самых ворот, посмеиваясь при виде темной от ненависти физиономии Зароно, обращенной к нему сверху.

— Ну что, Зароно? — решил он подразнить недруга.— У тебя, я смотрю, стало с прошлого раза одним кораблем меньше. Впрочем, вы, зингарцы, никогда не были дельными моряками...

— Скажи лучше, как ты свою каракку уберег, ты, порождение мессантийской помойки? — зарычал буканьер.

— В нескольких милях отсюда к северу есть бухточка, прикрытая высоким каменным мысом,— ответил Стром.— Этот мыс и заслонил нас от бури. Якоря хоть и протащило по дну, но на берег нас все же не выкинуло.

Зароно тихо зарычал, сдвинув брови. Валенсо промолчал. Об этой бухточке ему ничего не было известно: он не прилагал особых усилий к изучению своих здешних владений. Отсутствие любопытства и постоянный страх перед пиктами удерживали его людей возле крепости. Что поделать, зингарцы по своей натуре не были ни исследователями, ни колонистами.

— Я бы с вами кое-чем обменялся,— сказал между тем Стром.

— Нечем нам с тобой обмениваться, кроме как ударами мечей,— проворчал Зароно.

— А вот я так не думаю,— напряженно усмехнулся Стром.— Ты уже сделал свой ход, убив и ограбив Галака, моего ближайшего помощника. До нынешнего утра я предполагал, что сокровище Траникоса прибрал к рукам Валенсо. Но, будь оно у кого-то из вас, вряд ли ты решил бы последовать за мной и убить моего помощника, чтобы завладеть картой...

— Картой?! — напрягся Зароно.

— Ага, святая невинность,— рассмеялся Стром, но в глазах горел гнев.— Я знаю — карта здесь! Пикты не носят сапог!

— Но...— в замешательстве начал было граф, однако замолк, потому что Зароно толкнул его локтем.

— Ладно,— сказал буканьер.— Если все-таки предположить, что карта у нас, что ты за нее предложишь такого, что нам может понадобиться?

— Для начала пустите меня в крепость,— сказал Стром.— Там и поговорим.

Он не стал обводить взглядом воинство на стене, но все всё поняли. И предводители, и их люди. У Строма имелся корабль. И этот корабль станет весомым доводом при любых переговорах. Или в сражении. Но корабль — кто бы им ни командовал — не сможет забрать всех. Кому-то выпадет судьба остаться здесь. Люди в крепости напряженно переваривали эту мысль.

— Пусть твои не двигаются с места,— предупредил Зароно, указывая и на шлюпку, и на корабль.

— Договорились. Только не воображай, будто схватишь меня и используешь как заложника! — угрюмо рассмеялся Стром.— Пусть Валенсо даст слово, что через час я выйду из крепости живым и здоровым, вне зависимости, придем мы к соглашению или нет!

— Обещаю,— ответил граф.

— Вот и отлично. Открывайте ворота, да и поговорим начистоту...

Створки приоткрылись и снова захлопнулись, трое главарей исчезли из виду, а простые бойцы остались наблюдать одни за другими — люди графа, буканьеры Зароно и пираты, отделенные от них широким пространством песка. А за полоской синей воды стояла каракка, и вдоль ее фальшборта шевелились головы в стальных шлемах...

Белиза и Тина сидели на широких ступенях лестницы, прямо над большим залом. Мужчины за столом — Валенсо, Гальбро, Зароно и Стром — не обращали на них внимания. А больше в зале никого не было.

Вот Стром отхлебнул вина и поставил пустой кубок на стол. Искренности, которой вроде бы дышала его открытая физиономия, противоречили огоньки жестокости и предательства, плясавшие в глазах. Однако речь пирата была довольно-таки откровенной.

— Все мы хотим заполучить сокровище, которое старик Траникос закопал где-то поблизости,— проговорил он без обиняков.— При этом у каждого из нас есть кое-что, что нужно другим. У Валенсо имеются работники, припасы и эта крепость, чтобы защищать нас от пиктов. У тебя, Зароно, моя карта. А у меня самого — корабль.

— Просветил бы ты меня, что ли,— сказал Зароно.— Если все эти годы карта была у тебя, что же ты раньше за добычей не приходил?

— А ее у меня не было,— ответил Стром.— Гаденыш Зингелито похитил ее, прирезав в темноте продавца. Но у него не имелось ни корабля, ни команды. Ему потребовалось больше года, чтобы все это заполучить. Но когда он отправился за кладом, пикты не дали ему как следует высадиться, а команда взбунтовалась и вынудила его плыть обратно в Зингару. Один из моряков стибрил у него карту, а потом продал ее мне.

— Так вот почему Зингелито узнал этот берег...— пробормотал Валенсо.

— Так это он привел тебя сюда, граф?.. Мне следовало бы догадаться! Где этот пес?

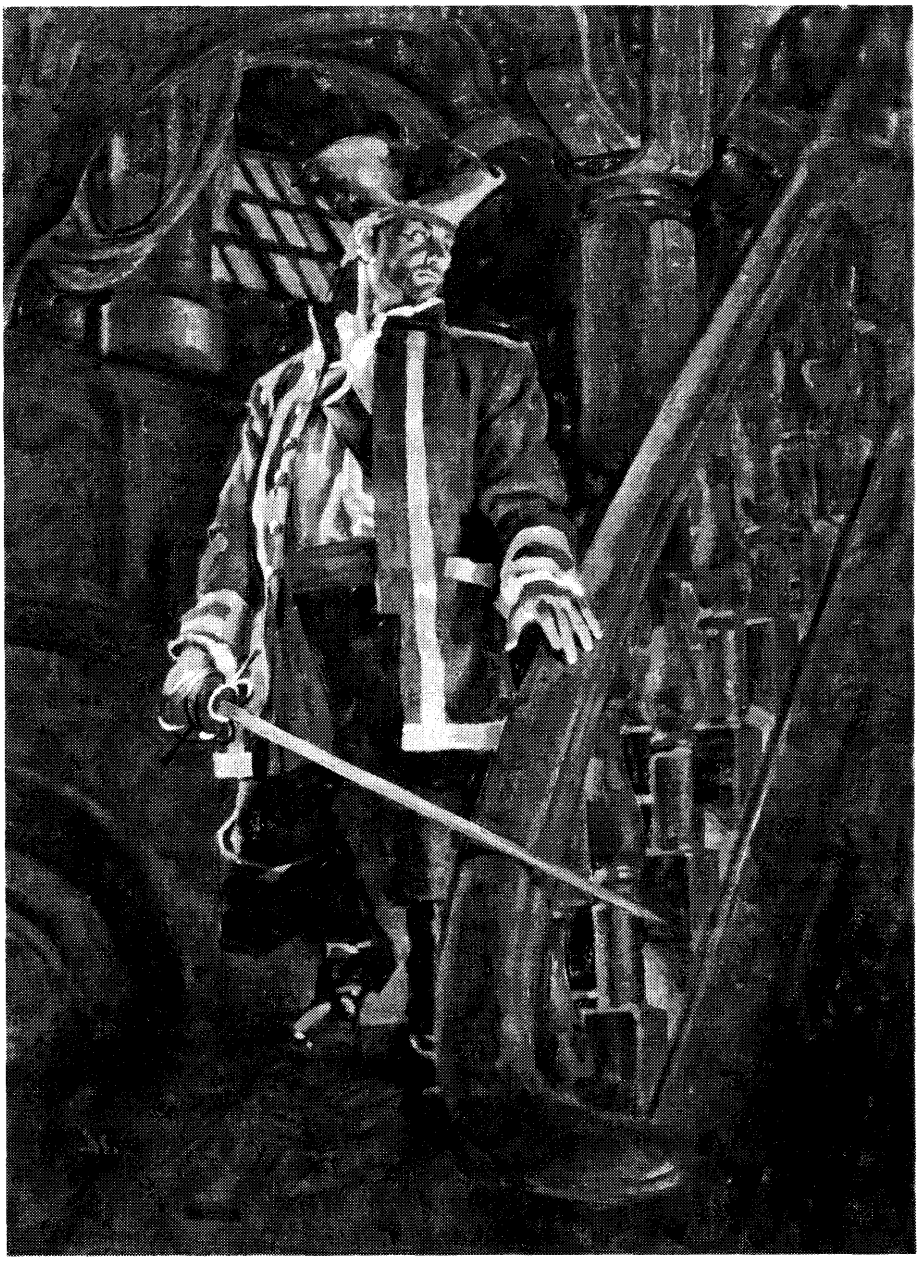
— Без сомнения, в аду, а то где же еще оказаться бывшему буканьеру? Пикты убили его как раз когда он, по всей видимости, искал в лесу клад...

— Туда и дорога,— с чувством кивнул Стром.— Собственно, я понятия не имею, как вы прознали, что мой помощник носил карту при себе... Я доверял ему, и люди ему доверяли даже больше, чем мне, поэтому я отдал карту ему на хранение. Но сегодня он отправился в глубь суши с несколькими людьми, отделился от них, и... Мы нашли его у берега зарубленным, а карта пропала. Ребята уже начали было подозревать меня, но я показал дуракам следы, оставленные убийцей, и они убедились, что мои ноги к ним не подходят. Ну а я знал, что никто из команды тоже не мог этого сделать: ничьи сапоги не оставляют таких отпечатков. Пикты же вовсе ходят босиком... Я и рассудил, что тут не обошлось без зингарца.

Что ж! Теперь карта у вас. Но не сам клад. Иначе пустили бы вы меня к себе в крепость?! Вы заперты здесь, в этих стенах, и не сможете предпринять вылазку за сокровищем, если я вам не позволю. Но даже если прошмыгнете мимо меня, без моего судна отсюда вам не уплыть.

Так вот, слушайте, что я предлагаю. Ты, Зароно, отдаешь мне карту. Ты, Валенсо, снабжаешь меня свежим мясом и другими припасами, а то у моих людей после долгого плавания скоро зубы выпадать начнут. В обмен на это я заберу всех вас троих и еще госпожу Белизу со служаночкой — и высажу в Зингаре, где-нибудь поблизости от портового города... Ну, Зароно я могу отвезти туда, куда часто наведываются буканьеры, поскольку в Зингаре его ждет, скорее всего, петля... И чтобы скрепить договор, выделю каждому из вас пристойную долю сокровища!

Черный Зароно задумчиво мусолил пальцами ус... Он знал: даже заключив подобную сделку, Стром слова не сдержит. Зароно и не думал соглашаться на его условия. Однако прямой отказ неизбежно привел бы к военному столкновению, и изворотливый разум бывшего вельможи усердно искал способ перехитрить пирата. Ибо судно Строма было для него желанно не менее, чем пресловутый клад.

23 Конан-варвар. Легенда о киммерийце

Для начала он спросил:

— А что нам помешает взять тебя в заложники и вынудить твоих людей обменять тебя на корабль?

Стром расхохотался ему в лицо.

— Ты что, за дурака меня держишь? Моим людям отдан приказ поднимать якорь и убираться отсюда, если я не появлюсь в течение часа... или если они заподозрят измену. Они не отдадут тебе судно, хоть ты кожу с меня живьем сдирай прямо на берегу... А кроме того, граф ведь дал слово!

— И оно не солома, которую ветром носит,— хмуро проговорил Валенсо.— Хватит угроз, Зароно.

Зароно не ответил. Он был слишком занят раздумьями о том, как бы завладеть кораблем Строма и довести переговоры до выгодного завершения, не позволив пирату догадаться, что карты здесь нет... «Видит Митра, хотел бы я знать, у кого она, эта проклятая карта, в действительности находится...»

— Я бы взял своих людей на корабль, когда отплывать будем,— сказал он вслух.— Они верно следовали за мной, я не могу их предать...

Стром фыркнул.

— Ты бы еще попросил, чтобы я собственной саблей глотку себе перерезал. Верных! Предать! Ха!.. Да ты брата родного покинешь у демона в лапах, если тебе будет с того хоть какая-то выгода!.. Нет уж. Ты не приведешь ко мне на борт достаточного числа людей, чтобы устроить бунт и захватить судно!

— Дай нам денек, чтобы все как следует обдумать,— сказал Зароно, стараясь выгадать время.

Тяжелый кулак Строма с силой обрушился на столешницу, так что подскочили кубки с вином.

— Именем Митры — нет! Ответ нужен сейчас!

Зароно вскочил на ноги. Всю его вкрадчивость смела черная злоба.

— Барахский пес! Будет тебе ответ... прямо в кишки...

И, распахнув плащ, он схватился за меч. Стром с ревом вылетел из-за стола, отшвырнув кресло, в котором сидел, и оно с треском перевернулось. Валенсо бросился между ними, распахивая руки. Двое морских разбойников обменивались свирепыми взглядами — челюсти угрожающе выставлены, клинки наполовину вытащены из ножен...

— Хватит, господа мои! — воззвал граф.— Зароно, я ему обещал...

— К демонам твое обещание! — прорычал буканьер.

— Не стой между нами, ваша милость,— отозвался пират голосом, хриплым от жажды немедленного убийства.— Ты обещал, что меня не схватят обманом. Равный поединок между мной и этим негодяем не нанесет твоей чести урона!

— Хорошо сказано, Стром,— прозвучал позади них еще один голос, низкий и мощный, полный хмурой усмешки. Все одновременно обернулись... и рты начали открываться. Даже у Белизы, притулившейся на ступеньках, вырвалось невнятное восклицание...

Отодвинулся занавес, скрывавший дверную нишу, и вышедший оттуда мужчина приблизился к столу — неспешно и без малейшей опаски. Подошел — и сразу стало видно, кто тут на самом деле главный.

Вся атмосфера в зале моментально переменилась.

Незнакомец не уступал ростом ни одному из главарей, но среди них не было равного ему по мощи телосложения. Это, впрочем, отнюдь не мешало ему двигаться с небрежной грацией ленивой пантеры. На ногах у него были высокие сапоги с широкими раструбами голенищ, выше виднелись облегающие штаны из белого шелка, еще выше — распахнутый небесно-синий камзол с длинными полами, позволявший видеть белую шелковую рубашку и алый кушак. На камзоле блестели серебряные пуговицы в форме желудей, рукава и карманы украшало золотое шитье, а шейный платок был атласным. Дополняла костюм лакированная шляпа из тех, что вышли из моды сто лет назад.

А при бедре висела тяжелая абордажная сабля.

— Конан!..— разом ахнули Зароно и Стром, а Валенсо и Гальбро при звуке этого имени невольно затаили дыхание.

— А вы кого ждали? — подходя к столу, ядовито усмехнулся гигант.

— Что... что ты тут делаешь? — запинаясь, выговорил владелец крепости.— И как... откуда ты здесь появился, без приглашения, без доклада...

— Да просто перелез через восточную стену, пока вы, бараны, переругивались у ворот,— хмыкнул Конан,— и все ваше воинство поголовно пялилось туда же, на запад. Стром вошел в ворота, ну а я — с другой стороны... Пробрался в комнатку и сидел там все это время. Подслушивал, знаете ли.

— А я думал, ты умер,— медленно проговорил Зароно.— Разбитый корпус твоего корабля видели на рифах три года назад... И о тебе самом не было ни слуху ни духу...

Конан пожал плечами.

— Команда потонула, а я — нет,— сказал он.— Океан маловат оказался, чтобы меня утопить.

Наверху лестницы Тина возбужденно дергала за руку Белизу.

— Госпожа, это Конан! Конан!.. Смотри, смотри!..

И то сказать, Белиза во все глаза разглядывала живую легенду. Кто из плававших по морю не слышал баек о Конане, былом предводителе барахских пиратов и, как говорили, величайшей грозе морей? Множество баллад воспевало его подвиги, исполненные ярости и отваги... Да уж, этот человек был не ровня собравшимся за столом,— поднимай выше. Белиза смотрела на него зачарованно и со страхом и в то же время по-женски гадала про себя — как он к ней отнесется? Что это будет — животное безразличие Строма или неприкрытая похоть Зароно? Как знать?..

Валенсо между тем оправился от потрясения, вызванного появлением чужака прямо посреди его зала. Ему было известно, что Конан — киммериец, то есть вырос на диких пустошах далекого севера, и в том, что касалось силы и ловкости, его нельзя мерить убогими мерками цивилизованного человечества. Ничего удивительного, что он сумел пробраться в крепость незамеченным. А вот о чем следовало задуматься, так это о том, что подобное деяние и другие варвары вполне могут повторить. К примеру, молчаливые темнокожие пикты в боевой раскраске и перьях...

— Что тебе здесь нужно? — вопросил граф.— Откуда ты пришел? С моря?

— Нет, из лесу.— И киммериец мотнул головой в восточную сторону.

Валенсо холодно поинтересовался:

— Ты жил там среди пиктов?

Синие глаза великана сверкнули гневом.

— Даже зингарцу,— сказал он,— следовало бы знать, что между пиктами и киммерийцами не водится дружбы. И не заведется до века! — Конан выругался.— Наша с ними вражда будет постарше этого мира! Скажи ты подобное кому-нибудь из моих соплеменников, тебе башку на месте бы проломили. Но я достаточно терся среди вас, цивилизованных людей, чтобы учитывать ваше невежество и отсутствие простейшего гостеприимства. Хамская натура побуждает вас спрашивать у человека, явившегося из бескрайних диких лесов, что ему здесь нужно... Ладно, прощаю на первый раз.

И он повернулся к двоим флибустьерам, меривши его недобрыми взглядами.

— Итак,— сказал он,— насколько я понял, у вас тут легкие разногласия из-за некоей карты...

— Не твое дело! — буркнул Стром.

— Да неужто? — зло оскалился Конан и вытащил из кармана смятый клочок. Квадратик пергамента, разрисованный темно-красными линиями.

Стром вздрогнул и побледнел.

— Моя карта!..— выкрикнул он.— Где ты ее взял?

— Отобрал у твоего подручного, Галака. Это я его убил,— ответил Конан вызывающе весело.

— Ах ты тварь!..— зарычал Стром, но относилось это не к Конану, а к Зароно.— У тебя ее не было! Ты лгал...

— Я не говорил, что она у меня,— парировал Зароно.— Ты сам себе это внушил. Стром, хватит глупить! Конан здесь один! Будь у него при себе отряд, он бы уже глотки всем нам перерезал. Давай отберем у него карту...

Конан расхохотался.

— Ишь, разбежались. Ну, подите возьмите...

Двое главарей прыгнули к нему, неистово ругаясь. Проворно отступив, Конан смял пергамент и швырнул его в тлеющие угли очага. Стром взревел и сунулся было за картой, но мощнейший удар в ухо распластал его на полу и едва не лишил сознания. Зароно выхватил было меч, но еще прежде, чем он сделал выпад, абордажная сабля Конана вышибла клинок у него из руки.

Пошатнувшись, Зароно навалился на стол, в глазах у него была вся ярость ада. Стром кое-как поднялся, взгляд у него был мутный, расплющенное ухо кровоточило. Конан стоял у стола, кончик его сабли чуть касался груди графа Валенсо.

— Не вздумай воинов звать, граф,— тихо проговорил киммериец.— Ни звука, понял? Это и тебя касается, морда! — Так он поименовал Гальбро, не высказывавшего никакого намерения противостоять его гневу.— Короче, карта сгорела, и глупо было бы лить из-за нее кровь. Ну-ка, все быстро сели за стол!

Стром помедлил, наметил было движение к рукояти меча... Однако потом передернул плечами и мрачно опустился на стул. Остальные тоже не заставили дважды себя приглашать.

Конан остался стоять, возвышаясь над собеседниками, смотревшими на него с черной ненавистью во взглядах.

— Вы тут, помнится, торговались,— сказал он.— Ну, так и я с той же целью пришел.

— И что же у тебя имеется на продажу? — фыркнул Зароно.

Ответ прозвучал как гром с ясного неба.

— Сокровище Траникоса!

— Что?!!

И вся четверка снова вскочила.

— Всем сидеть! — рявкнул Конан и для убедительности шарахнул по столу широким клинком. Его противники напряженно уселись, бледные от возбуждения.

Конан усмехнулся, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Вот именно,— сказал он.— Так уж вышло, что я отыскал его прежде, чем завладел картой. Поэтому, собственно, я ее сейчас и спалил. Мне она ни к чему, а никто другой сокровище не найдет, если я ему не покажу!

Судя по взглядам, четверо сидевших за столом рады были бы его убить, да только не получалось.

— Лжешь ты,— сказал наконец Зароно, впрочем, особой убежденности в его голосе не слышалось.— Лжешь, причем уже не в первый раз. Ты только что заявил, будто пришел из лесов, но сразу принялся отрицать, что жил среди пиктов. Однако все знают, что здешний край — непролазные дебри, населенные лишь дикарями! Ближайшие форпосты цивилизации — это аквилонские поселения на Громовой реке, расположенные в сотнях миль к востоку!

— Именно оттуда я и пришел,— ответил Конан невозмутимо.— Полагаю, я первый белый человек, сумевший пересечь Пиктские дебри... Я переправился через Громовую реку, преследуя банду налетчиков, беспокоившую пограничный люд. Погоня завела меня далеко в чащу, и я убил их вождя, но во время схватки эти скоты оглушили меня камнем из пращи и взяли живьем. Они были из племени Волка, но передали меня клану Орла в обмен на вождя, сидевшего в плену у орлов. Те увели меня далеко на запад, чтобы торжественно сжечь в своей главной деревне, но однажды ночью я вырвался, пристукнул их военного вождя и еще троих-четверых — и бежал.

Обратно повернуть я не мог. Они взяли след и погнали меня все дальше на запад. Лишь несколько дней назад я окончательно избавился от преследователей, и, видит Кром, место, где я укрылся от них, оказалось тайной сокровищницей старика Траникоса. Чего там только не было! Я нашел сундуки с оружием и одеждой... а то откуда, думаете, мой клинок и этот наряд? Кучи монет, драгоценных камней, золотых украшений... А посреди всего — сокровища Татмекри, мерцающие, точно замороженный звездный свет! Там и Траникос со своими одиннадцатью капитанами. Они сидят кругом стола и смотрят на сокровище. Сидят и смотрят вот уже сто лет...

— Это как?..

Конан рассмеялся.

— А вот так. Траникос умер над кладом, и с ним все его люди. Самое любопытное, что их тела не высохли и не сгнили. Так сто лет и сидят в своих дол-

гополых камзолах, ботфортах и лакированных шляпах. И даже стаканы с вином в руках держат...

— Странное дело,— пробормотал Стром.— И явно опасное...

— Ну и что с того? — перебил Зароно.— Речь идет о сокровище, которое мы все желаем заполучить! Продолжай, Конан!

Киммериец уселся за стол, налил себе большой кубок вина и опустошил его, прежде чем продолжить рассказ.

— Кром свидетель — первое вино, попавшее мне в рот с тех пор, как я вышел из Каунаваги!.. Пикты, чтоб им пусто было, всю дорогу висели у меня на плечах, я еле успевал орешек с дерева ухватить или корешок выкопать... Лягушек и тех сырыми жрал — про то, чтоб костер развести, и речи быть не могло!

Нетерпеливые слушатели без обиняков и в весьма грубых выражениях уведомили киммерийца, что подробности его путешествия до момента, как он набрел на сокровище, их очень мало волнуют.

— После того как я наткнулся на клад, я просто провалялся там несколько дней, ставя ловушки на кроликов, отдыхая и дожидаясь, пока заживут раны. Возле западного горизонта курился дымок, но я поначалу решил, что это какая-нибудь пиктская деревня у берега. Я хоронился недалеко от нее, но дело в том, что Траникос припрятал клад в таком месте, которое пикты стараются обходить... Так что если за мной кто и следил, то разве издалека, не показываясь на глаза.

Прошлым вечером я наконец двинулся дальше на запад, предполагая выйти к берегу несколько севернее того места, где был виден дымок. Я почти достиг моря, когда налетел шторм. Спрятавшись за скалой, я стал ждать, пока буря иссякнет... Потом влез на дерево посмотреть, не видно ли пиктов, но вместо этого увидел твою каракку, Стром. Он стоял на якоре, а люди высаживались на берег. Я как раз направлялся к вашему лагерю, когда мне попался Галак... Я его и проткнул, потому что между нами, видишь ли, имелась старинная рознь. О карте, которую он хранил у себя, я не знал, пока перед смертью он не попытался ее съесть.

Присмотревшись к ней, я сразу сообразил, что к чему, и принялся размышлять, как бы ее к делу приставить, но тут набежали твои ухари и обнаружили труп. Пока вы друг на друга орали и сыпали обвинениями, я прятался в чаще едва ли не в десятке шагов. Просто счел момент неподходящим, чтобы вам показаться...

Лицо Строма перекосила ярость. Она не укрылась от Конана, и киммериец расхохотался.

— Так вот,— продолжал он.— Лежа там и слушая ваши разговоры, я уяснил, как обстояли дела, и понял, что несколькими милями южнее находятся Валенсо с Зароно. Так что, когда в итоге ты обвинил Зароно в убийстве Галака и похищении карты и высказался в том духе, что надо бы пойти предпринять с ним переговоры, а там, чего доброго, подвернется возможность убить его и карту вернуть...

— Ах ты пес,— пробормотал Зароно.

Позеленевший Стром выдавил из себя смешок.

— А с чего,— сказал он,— ты вообразил, будто я собирался вести честную игру с продажным негодяем вроде тебя?.. Рассказывай, Конан.

Судя по ухмылке киммерийца, он только рад был подогреть их взаимную ненависть.

— А я уже почти все рассказал... Пока вы двигались вдоль берега, я рванул напрямик — лесом и первым добрался до крепости. Ты, Стром, верно угадал, что корабль Зароно, скорее всего, не выдержит шторма. Ну да, ты знал, чего ждать от этого берега...

Итак, что мы в итоге имеем? У меня — сокровище. У Строма — корабль. У Валенсо — припасы... Зароно, один ты оказываешься вроде как не при делах, но, чтобы раздоров не было, включим и тебя... Короче, предложение у меня очень простое.

Клад разделим на четверых. Мы со Стромом забираем наши доли и уплываем на «Кровавой руке». А Зароно с Валенсо берут свои четверти и остаются здесь — повелевать дикими чащами. Либо рубят лес и строят себе корабль... Так вы, кажется, поступить собирались?

Валенсо страшно побелел, Зароно выругался, и только Стром расплылся в улыбке.

— Ты, верно, спятил,— сказал Зароно.— Неужели ты впрямь собираешься в одиночку плыть со Стромом на «Кровавой руке»?.. Да вы отчалить не успеете, как он глотку тебе перережет!

Конан расхохотался — это предположение его искренне развеселило.

— У нас тут,— согласился он,— прямо головоломка про козу, капусту и волка. Помните? Как их всех перевезти через реку, чтобы волк не слопал козу, а коза — капусту?

— Киммерийские шуточки...— скривился Зароно.

— Я здесь не останусь! — выкрикнул Валенсо. Его темные глаза диковато блестели.— С сокровищем или без, но я должен уплыть!

Конан задумчиво прищурился.

— Хорошо,— сказал он.— А как вам такой расклад: делим добычу, и Стром уплывает с Зароно, Валенсо и частью людей графа по его выбору... А я остаюсь хозяйствовать в крепости с остатком людей графа и командой Зароно. Я-то себе корабль выстрою...

У Зароно все поплыло перед глазами.

— Стало быть, вот какой у меня выбор? Либо застрять здесь, либо отправиться на «Кровавой руке» одному, без команды, чтобы меня там мигом убили?

Смех Конана эхом отразился от стен зала, и он весело огрел Зароно ладонью по спине, не обращая внимания на убийственно-яростный взгляд, которым наградил его буканьер.

— Именно так, Зароно! — кивнул киммериец.— Оставайся здесь, а мы со Стромом поплывем. Или плыви с ним сам, а я останусь тут с твоими людьми.

Стром проговорил со всей откровенностью:

— Я бы лучше взял Зароно! Ты, Конан, настроишь моих молодцов против меня, и я повисну на рее прежде, чем мы доберемся до Барахских островов!

В лице Зароно не было ни кровинки, только на лбу выступил пот.

— Ни мне, ни графу, ни его племяннице не выжить в плавании, если мы отправимся с этим демоном,— сказал он.— Но здесь, в этом зале, оба вы в моей власти. Кругом мои люди... Что мне помешает с вами разделаться?

— Ничто не помешает,— согласился Конан жизнерадостно.— Кроме того обстоятельства, что в этом случае люди Строма уплывут за горизонт, а тебя оставят сидеть на песочке, пока не явятся пикты и не вырежут всех. О том, что без меня тебе сокровища не видать как своих ушей, я уже вовсе молчу... Ну, есть еще кое-какие мелочи — например, то, что я голову тебе надвое раскрою прежде, чем ты успеешь кого-либо позвать!

Он говорил посмеиваясь, словно речь шла, самое большее, о какой-то веселой неразберихе... Но даже Белиза, притаившаяся наверху, понимала: все будет в точности так, как он сейчас описал. Кстати, его абордажная сабля лежала перед ним на столе, а меч Зароно пребывал под столом, там, где буканьер не мог с легкостью до него дотянуться. Гальбро был вообще не боец, а Валенсо выглядел не слишком способным ни к принятию решений, ни к действию.

— Именно,— кивнул Стром и выругался.— Нападай на нас, Зароно, и ты убедишься, что мы добыча не из легких... Лично я склонен согласиться на предложение Конана. А ты что скажешь, Валенсо?

— Мне надо убраться с этого побережья! — глядя в пустоту, прошептал граф.— Я должен уплыть... как можно дальше... и как можно быстрей!

Стром нахмурился, не понимая определенной странности в поведении графа, и с ядовитой ухмылкой повернулся к Зароно:

— А ты что скажешь?

— А что мне остается? — зарычал тот в ответ.— Позволь мне взять на «Кровавую руку» троих помощников и сорок человек экипажа.

— Помощников — и тридцать бойцов!

— Отлично!

— Тогда по рукам!

По рукам, впрочем, ударять не стали, равно как и пожимать их. Не было даже ритуального возлияния в честь заключения договора. Сделка не сделка — двое капитанов продолжали смотреть один на другого, как голодные волки. Граф Валенсо дрожащей рукой пощипывал усы,— ему вообще было ни до чего, ему хватало собственных мрачных раздумий. Конан потянулся, как сытый кот, отпил вина и с улыбкой обвел взглядом собравшихся. Правда, эта улыбка больше напоминала оскал тигра, вышедшего на охоту. Белиза всем существом осязала эманации предательства и убийства, витавшие в зале. Ни один из четверых не имел намерения держать слово, которое только что дал,— быть может, Валенсо составлял единственное исключение. Что же до флибустьеров, каждый собирался завладеть и сокровищем, и кораблем. И ни с кем делиться не намеревался... Знать бы, что творилось на уме у этих хитрых, умных и кровожадных людей!..

При этом Белиза видела, что киммериец, при всей его кажущейся открытости, был ничуть не простодушнее остальных, а что касается свирепости, равных ему и вовсе не наблюдалось. Явное главенство Конана за этим столом объяснялось отнюдь не только физической мощью,— хотя при появлении великана в огромном зале сразу сделалось тесновато. В нем, если можно так выразиться,

сама жизнь пылала ярче и жарче. Яростная энергия двух других вожаков не шла ни в какое сравнение с этим горением.

— Что ж, веди нас к сокровищу! — сказал Зароно.

— Погоди немножко,— отвечал киммериец.— Следует уравнять наши силы, чтобы ни у кого не было преимущества. Вот как мы поступим... Люди Строма выйдут на берег — все, кроме полудюжины,— и разобьют лагерь. Буканьеры Зароно покинут крепость и тоже устроятся на берегу так, чтобы обе команды видели друг друга. Пусть наблюдают одни за другими и проследят, чтобы никто не пошел по нашим следам и не устроил засады. Матросы на «Кровавой руке» поставят ее на рейде вне досягаемости с берега... Люди Валенсо будут сидеть в крепости, но ворота оставят открытыми... Ты, граф, за кладом с нами пойдешь?

— Пойти? В лес?..— Валенсо содрогнулся и невольным движением плотнее запахнул плащ.— Даже за все золото Траникоса — не пойду!..

— Ну и ладно. Чтобы нести добычу, нам понадобится человек тридцать. Возьмем по пятнадцати из обеих команд — и выступим, не откладывая.

Белиза, внимательно следившая за всеми поворотами и перипетиями, видела, как Зароно и Стром украдкой покосились друг на друга и сразу потупились, поднимая бокалы. Намерения у обоих явно были самые недобрые. Еще Белиза видела, что, излагая свой план, Конан допустил судьбоносную промашку,— и стала гадать, как же он мог так просчитаться. Быть может, киммериец слишком привык надеяться на свою силу и ловкость и это лишило его осторожности?..

Девушка понимала, что живым из лесу он вернется навряд ли. Завладев кладом, Зароно и Стром тут же сговорятся у Конана за спиной. Как бы эти двое ни относились один к другому, общая ненависть к Конану сплотит их на время... Белиза содрогнулась, завороженно глядя на киммерийца. Этот могучий воин в полном расцвете силы и мужества так спокойно сидел за столом, смеясь и попивая вино... между тем как он был уже обречен смерти, скорой и кровавой...

Происходившее в зале несло в себе семена чего-то страшного, темного и непоправимого. Зароно обманет и убьет Строма, дай только возможность. И Стром про себя уже приговорил Зароно к смерти... а с ним, вне всякого сомнения, графа и ее саму. Если в последнем акте кровавой драмы верх одержит Зароно, Валенсо и Белизе вроде бы ничего не грозит... Но, глядя на буканьера, который сидел там, внизу, жуя ус, Белиза видела на его смуглом лице всю бездну присущей ему злобы и подлости и гадала про себя, какая участь на самом деле хуже. Смерть — или жизнь с Зароно?..

— Идти-то далеко? — спросил Стром.

— Если выступим в течение часа, будем на месте примерно к полуночи,— ответил Конан.

Осушив свой кубок, он поднялся, поправил пояс и оглянулся на графа.

— Валенсо,— проговорил он неожиданно.— Ты никак спятил? Убить пикта без охотничьей раскраски, это...

Граф вздрогнул.

— Ты о чем?

— Хочешь сказать, будто тебе неизвестно, что прошлой ночью в лесу твои люди убили охотника-пикта?..

Граф мотнул головой.

— Вчера ночью никто из моих людей в лес не ходил.

— Кто-то, значит, ходил,— проворчал киммериец, роясь в кармане.— И прибил его голову к дереву на самом краю чащи. На парне не было боевой раскраски... Отпечатков сапог я там не нашел — и рассудил, что голову приколотили еще до шторма. Но вот других следов вокруг было полно. Кто-то ходил в мокасинах по влажной земле. Пикты побывали там и узнали, что случилось преступление. Это были люди из какого-то другого клана, иначе они сняли бы голову. Но если у них мир с родичами убитого, сейчас они уже спешат в их деревню, чтобы передать весть...

— Может, они сами и убили,— предположил Валенсо.

— Нет. Но наверняка догадались, как и я, кто это сделал... Вот эту цепочку я снял с обрубка его шеи. Я же и говорю — ты, верно, свихнулся, чтобы вот так «расписаться» в содеянном.

И, вытащив из кармана, он бросил свой трофей на стол перед графом. Тот ахнул, вскочил, его рука дернулась к шее... На столе лежала золотая цепь с печатью, которую он всегда носил.

— Печать рода Корзетта,— сказал Конан.— Я ее сразу узнал. Любой пикт, увидев ее, мигом сообразит, что убийство — дело рук чужестранца!

Валенсо молчал. Он смотрел на свою цепь, как на ядовитую гадину.

Некоторое время Конан хмуро глядел на него, потом вопросительно посмотрел на остальных. Зароно ответил быстрым жестом, означавшим, что у графа не все дома.

Конан убрал саблю в ножны и нахлобучил свою старинную шляпу.

— Коли так,— сказал он,— пора в путь!

Капитаны допили вино и поднялись, подтягивая пояса. Зароно взял графа за плечо и легонько встряхнул. Валенсо вздрогнул и принялся озираться, словно не вполне понимая, где находится. Потом вяло двинулся следом за остальными. Цепь свисала с его кулака ...

Белиза и Тина, о которых все успели прочно забыть, видели, как Гальбро отстал от прочих и мешкал в зале, пока за вышедшими не закрылись тяжелые двери. Тогда он поспешил к камину и принялся осторожно шарить в еще теплившихся углях. Опустившись на колени, он долго и пристально вглядывался во что-то... Поднялся — и крадучись вышел из зала сквозь противоположную дверь.

— Гальбро... Что он нашел в очаге? — шепнула Тина.

Белиза пожала плечами, но и ей любопытство не давало покоя. Поднявшись со ступеней, она спустилась в пустой зал... Еще миг, и она стояла на коленях там же, где недавно стоял домоправитель, и увидела то же, что видел и он.

Это был пепел карты, брошенной киммерийцем в огонь. Он был готов при малейшем прикосновении рассыпаться в прах, но линии и обрывки надписей оставались еще различимы. Прочесть слова Белиза не сумела, но вполне рассмотрела картинку, где был изображен каменистый холм. Значки, расставленные во-

круг, явно призваны были изображать густой лес. Что тут к чему — Белиза не особенно поняла, но, судя по поведению Гальбро, домоправитель распознал на рисунке урочище, показавшееся ему знакомым.

Девушка знала — Гальбро путешествовал в глубь страны куда дальше, чем кто-либо иной из обитателей крепости...

VI

ОГРАБЛЕНИЕ МЕРТВЫХ

Спустившись с лестницы, Белиза остановилась при виде графа Валенсо — тот сидел в одиночестве и вертел в руках свою цепь. Белиза смотрела на дядю без любви, зато с немалой боязнью. Перемена, случившаяся с ним, потрясала. Казалось, граф полностью замкнулся в своем собственном мирке, где царили ужас и мрак, где не было места никаким человеческим чувствам...

Солнце, сменившее предрассветную бурю, лило полуденный жар на странно молчаливую крепость. Голоса внутри стен если и раздавались, то приглушенно, невнятно. Такая же дремотно-тягостная тишина царила и на берегу, где, разделенные несколькими сотнями ярдов песка, косились одна на другую две разбойные команды, вооруженные до зубов и исполненные взаимного подозрения. Далеко на рейде стояла «Кровавая рука», и горстка моряков на борту готова была немедленно поднять паруса при первом же признаке измены. Каракка была козырной картой Строма, его лучшей гарантией от предательства подельников.

Конан проявил немалую дальновидность, сделав все, чтобы ни одна из сторон не устроила для другой засады в лесу. Но, по мнению Белизы, себя самого от вероломства спутников он совершенно не оградил. Он бодро ушел в лес, ведя с собой двоих капитанов и три десятка людей, и девушка мысленно с ним попрощалась. Снова увидеть его живым она не рассчитывала...

Когда Белиза обратилась к дяде, собственный голос показался ей напряженным и неестественно резким.

— Варвар повел капитанов в лес,— сказала она.— Они убьют его, когда доберутся до золота. Но потом вернутся сюда, и что тогда будет с нами? Мы отправимся на корабль? Можно ли доверять Строму?..

Валенсо рассеянно покачал головой.

— Стром всех нас убьет, чтобы прикарманить нашу часть добычи... Однако Зароно шепнул мне на ухо: если мы поднимемся на борт «Кровавой руки», то лишь как ее хозяева. Он намерен позаботиться о том, чтобы отряд, который пошел за сокровищами, застигла в лесу ночь, так что им придется устроить стоянку. Тогда-то уж он найдет способ убить спящими людей Строма и его самого. После этого буканьеры прокрадутся обратно на берег. Перед самым рассветом я пошлю своих рыбаков вплавь к кораблю, и они захватят каракку. Ни Стром, ни Конан о такой возможности не подумали. Зароно выйдет из леса со своими людьми и вместе с остальными буканьерами в темноте нападет на пиратов, а я выведу из крепости войско, чтобы довершить разгром. Без капитана пираты окажутся деморализованы, к тому же численность будет не на их стороне. Мы с Зароно легко их одолеем. И уплывем на корабле Строма, забрав все богатство...

У Белизы пересохло во рту.

— А я? — спросила она.

— Я обещал тебя Зароно,— резким тоном ответил граф.— Если бы не мое обещание, он не согласился бы забрать нас с собой.

— Я не пойду за него,— беспомощно выговорила Белиза.

— Пойдешь,— мрачно ответил Валенсо, и в его голосе не было ни тени сочувствия. Он поднял в руке золотую цепь так, что она блеснула в косом луче света, падавшего из окна.— Я, верно, обронил ее на песок,— пробормотал граф.— Вот, значит, как близко он подобрался... Он был на берегу...

— Ты не ронял цепь на песок, дядя,— сказала Белиза. Ее душа окаменела, утрачивая милосердие.— Ты ее нечаянным образом порвал прямо здесь, в этом зале. Вчера вечером, когда порол Тину. Уходя к себе, я видела, как она поблескивала на полу.

Валенсо вскинул глаза, посеревшее лицо перекосил страх.

Белиза верно истолковала немой вопрос в его расширенных глазах и горько рассмеялась.

— Да,— сказала она.— Твой черный человек. Он был здесь. В этом зале. Должно быть, нашел цепь на полу. Стража его не заметила, а ведь он подходил к самой твоей двери. Я видела, как он крался по верхнему коридору...

На какой-то миг ей показалось, что дядя вот сейчас упадет замертво, убитый нечеловеческим ужасом... Но он лишь откинулся в кресле, цепь со звоном упала на стол, вывалившись из безвольной руки.

— Прямо здесь!.. В моем доме!..— прошептал граф.— А я-то, дурак, думал отгородиться от него засовами и запорами! Надеялся, что вооруженная стража остановит его!.. Ни защититься, ни бегством спастись... У двери!.. У самой моей двери!..— Эта мысль придала новое измерение страху, снедавшему Валенсо.— Но почему он не вошел?! — завизжал граф и рванул кружева у горла, как будто они душили.— Почему не положил всему конец?.. Мне снилось, будто я просы-

паюсь в темноте своей опочивальни — и вижу, как он сидит надо мной и голубой адский пламень играет кругом его рогатой головы... Почему он...

Но вспышка миновала, оставив трясущегося Валенсо совершенно без сил.

— Я понял,— выдохнул граф.— Он играет со мной, как кот с мышью... Убить меня прошлой ночью в моей комнате было бы слишком просто и милосердно. Он предпочел уничтожить корабль, на котором я думал спастись от него. Он убил жалкого пикта и украсил труп моей цепью, чтобы дикари возложили вину на меня... они ведь много раз видели эту цепь на моей шее...

Что у него на уме? Какая адская хитрость, какое порочное намерение, непостижимое для человеческого рассудка?..

— Кто он, этот черный человек? — напрямую спросила Белиза. По спине у нее весьма ощутимо гулял холодок.

— Демон, вызванный моей жадностью и вожделением! Демон, чье предназначение — вечно мучить меня!..— прошептал Валенсо.

Он положил руки на стол, распластав длинные тонкие пальцы, и уставился на племянницу глубоко запавшими, странно светящимися глазами, которые, казалось, были устремлены вовсе не на нее, но провидели впереди призрак ужасной и неотвратимой судьбы.

— В юности у меня был при дворе недруг,— начал Валенсо, больше про себя, нежели обращаясь к Белизе.— Могущественный человек, вставший между мной и предметом моих честолюбивых желаний... Неудержимо стремясь к богатству и власти, я призвал на помощь людей, прикосновенных к черным искусствам... Я обратился к темному магу, который по моей просьбе призвал демона из внешних бездн мироздания и придал ему человекоподобную материальность. Этот демон сокрушил и уничтожил моего недруга, я же стал велик и богат, и никто не смел заступить мне дорогу... Оставалось лишь обмануть моего демона и не воздать ему платы, назначаемой смертным, решившим поставить себе на службу кого-либо из черных.

Вновь пустив в ход свои тайные знания, маг перехитрил бездушное порождение тьмы и заточил моего демона в ад, где тот и остался бессильно выть,— навеки, как я полагал... Но, однажды придав демону человеческий облик, чародей уже не мог до конца разорвать его связь с вещественным миром и полностью перекрыть червоточину мироздания, допустившую его в эту вселенную.

Около года назад в Кордаве моих ушей достиг слух, будто темный маг, успевший превратиться в дряхлого старца, был убит в своем замке, причем на горле у него нашли отметины, оставленные пятерней демона. Тогда я понял, что черный вырвался из преисподней, где был заточен, а стало быть, мне тоже следует ждать его мести. И точно: однажды вечером я увидел его физиономию, ухмылявшуюся мне из потемок в большом зале моего родового замка...

Там присутствовало не его материальное тело, меня мучил лишь бесплотный дух, неспособный последовать за мной по бурным водам. Я понял это — и прежде, чем он мог во плоти явиться в Кордаву, спешно отплыл, думая отгородиться от него морской ширью. Он ведь не всемогущ... Чтобы последовать за мной через море, он должен пребывать в своей человеческой форме. Его плоть похожа на нашу, но она другая... Его можно убить — полагаю, посредством огня, прав-

да, магу, который вызвал его, это почему-то не удалось... Волшебники тоже не всесильны, их могуществу положен предел...

Увы, черный слишком хитер и искусен, чтобы можно было заманить его в ловушку или убить... Когда он прячется, найти его — не в человеческих силах. Он крадется тенью во мраке, и ни замки, ни засовы ему не помеха. Он смежит веки стражникам, опутав их сном. Он способен призвать шторм, он повелевает змеями в норах и нечистью в ночи. Я надеялся, что синие волны моря смоют мой след... Однако он меня отыскал — и намерен востребовать свою ужасную плату...

Глаза графа светились бледным потусторонним огнем и словно бы проницали увешанные шпалерами стены, вглядываясь куда-то за неведомые горизонты.

— И все же я проведу его,— шепнул Валенсо наконец.— Только бы он не пришел нынешней ночью... А с рассветом я поднимусь на корабль — и опять океан отгородит меня от его мести!..

— Во имя всех костров преисподней!..

Конан замер на месте, пристально глядя вверх. Позади него остановились моряки. Они шли двумя раздельными группками, держа в руках луки и подозрительно озираясь. Флибустьеры следовали по древней тропе, проложенной пиктскими охотниками. Тропа вела прямо на восток; стоило пройти по ней всего каких-то сорок шагов, и морской берег пропал из виду.

— Что такое? — подозрительно спросил Стром.— Почему остановка?

— Ты что, ослеп? Посмотри во-он туда...

Прямо над тропой скалилась мертвая голова, подвешенная на толстом древесном суку. Темная кожа, раскраска на лбу и щеках... И густые черные волосы, в которых над левым ухом еще держалось перо тукана.

— Я же снял эту голову и спрятал в кустах,— проворчал Конан. Он зорко оглядывал лес.— Какой недоумок ее снова подвесил? Похоже, кто-то лезет из шкуры вон, чтобы натравить пиктов на крепость!

Пираты и буканьеры стали мрачней прежнего коситься друг на друга. В тлеющий огонь их взаимной вражды подлилась еще толика масла.

Конан же взобрался на дерево, снял голову, унес ее в кусты и не просто выбросил, а закинул в речушку и убедился, что она потонула.

— Пикты, чьи следы я видел около дерева, были не из рода Тукана,— ворчал он, пробиваясь сквозь чащу назад на тропу.— Я довольно плавал у здешних берегов и до некоторой степени знаком с приморскими племенами. Если я правильно истолковал отпечатки их мокасин, здесь побывали бакланы. Остается надеяться, что у них с туканами война... Если же вдруг у них мир, значит, они сейчас со всех ног бегут в деревню туканов... и тогда мало никому не покажется. Я не знаю, далеко ли отсюда до их поселения, но стоит родичам убитого прознать об убийстве, они помчатся через лес, как оголодавшие волки. По мнению пиктов, нет худшего преступления, чем убить человека, раскрашенного не для войны, да еще и вывесить его голову стервятникам на поживу... Видит Кром, дурные вещи творятся в этих местах!.. А впрочем, так всегда происходит, когда цивилизованные люди вторгаются в дебри и принимаются хозяйничать, никакого толку не зная... Ладно, пошли!

И морские разбойники углубились в лес, на каждом шагу невольно проверяя клинки в ножнах и стрелы в колчанах. Привычные к беспредельным океанским просторам, к серым волнам, катящимся за горизонт, они чувствовали себя тяжко в зеленом сумраке леса, среди громадных, увитых лианами деревьев. К тому же тропа так петляла, что многие скоро утратили всякое чувство направления и даже не смогли бы уверенно показать, в какой стороне остался берег.

Конану тоже было изрядно не по себе, хотя и по совершенно другой причине. Он все приглядывался к тропе и наконец проворчал:

— Кто-то прошел здесь совсем недавно... Не более часа назад. Кто-то, обутый в сапоги и не слишком привычный к лесам... Уж не тот ли мерзавец, который отыскал голову пикта и повесил ее обратно на ветку?.. Да нет, вряд ли, его следов я под тем деревом не видал... Только следы пиктов, которые были и раньше... Кто же этот малый, который перед нами тут пробежал?..— И он повернулся к Строму с Зароно: — Сознавайтесь, канальи, кто из вас своего человека вперед выслал?

Но и пират, и буканьер принялись яростно отрицать подобное предположение. К тому же никто не мог различить отметин, на которые указывал Конан. Тропа была плотно утоптана, да и какие из моряков следопыты?

Киммериец прибавил шагу, и они торопливо устремились за ним, очень недоверчиво косясь на соперников. Потом тропа повернула на север, и Конан сошел с нее, начав торить путь сквозь чащу на юго-восток. Стром украдкой посмотрел на Зароно... Кажется, обстоятельства вынуждали их решительно переменить облюбованный план. Жалкие несколько сот шагов в сторону от тропы — и все, оба почувствовали, что заблудились. Какое там к берегу, они теперь и к тропке-то обратно не вышли бы...

А что, если у киммерийца все-таки есть в распоряжении вооруженный отряд? И сейчас он ведет их прямым ходом в ловушку?..

По мере продвижения вперед подозрения все усиливались. Флибустьеры были уже близки к панике, когда лес неожиданно кончился, и они увидели впереди голый каменистый холм, вздымавшийся над окрестными чащобами. С востока к нему подходила едва заметная тропка. Она вилась между грудами валунов и, прыгая по каменным карнизам, достигала площадки у самой вершины.

Конан остановился.

— Вон по той дорожке,— сказал он,— я сюда прибежал, когда удирал от орлов. С площадки наверху — видите ее? — можно попасть в пещеру, где находятся тела Траникоса и его капитанов, а также награбленные ими сокровища Татмекри... И вот что я вам скажу, прежде чем мы полезем туда. Если надумаете меня здесь убить, вы в жизни своей не найдете тропу и не доберетесь до берега. Я же вас знаю... Вы — люди моря, а здесь, в лесу, вы беспомощны. Да, берег отсюда к западу, но что с того? Идти-то придется сквозь густой лес да еще добычу на себе нести... Дорога займет не часы, а целые дни. К тому же здешние леса будут не очень-то безопасны для прогулок белых людей, ведь туканы скоро узнают о судьбе своего охотника...— И он расхохотался, глядя на кривые улыбки двоих флибустьеров, свидетельствовавшие, что он верно угадал их намерения в отношении своей персоны. А еще он внятно распознал мысль, осенившую обоих главарей: «Ладно, пусть киммериец поможет взять сокровище и выведет нас на тропу, тогда его и убьем...»

— Давайте так: все, кроме Строма и Зароно, останутся здесь,— сказал Конан.— Чтобы извлечь сокровище из пещеры и спустить его вниз, вполне хватит и нас троих!

Стром оскалился в улыбке.

— Пойти туда одному с тобой и Зароно?.. Да ты что, за дурака меня держишь? Нет уж, по крайней мере одного человека я с собой возьму!

И он указал на своего боцмана — мускулистого великана с суровым, обветренным лицом. Тот стоял голый по пояс, в ушах покачивались золотые кольца, а голову украшал алый платок.

— Тогда я возьму своего палача! — буркнул Зароно.

И подозвал тощую личность с лицом как обтянутый пергаментом череп. Палач нес на плече двуручный ятаган без ножен.

Конан пожал плечами.

— Ну хорошо... Следуйте за мной!

Они держались вплотную за ним, пока он лез с карниза на карниз, до самой площадки у вершины холма. Толкаясь и торопясь, протиснулись следом за киммерийцем в расщелину... И принялись шипеть и ахать от жадности, когда перед ними открылась пещера-туннель и Конан продемонстрировал окованные железом сундуки вдоль стен.

— Тут,— пояснил он небрежно,— богатый груз, взятый где-то в южных морях. Всякие шелка, кружева, наряды, побрякушки, оружие... А настоящие сокровища — вон там, за той дверью!

Тяжелая дверь была слегка приоткрыта... Конан нахмурился. Он ведь помнил, что плотно ее затворил, покидая пещеру... Но об этом он своим нетерпеливым спутникам не сказал. Просто посторонился, давая им заглянуть внутрь.

И они увидели подземный чертог, озаренный голубоватым сиянием, лившимся как бы сквозь дымку. Посередине стоял огромный стол черного дерева, а в резном кресле с высокой спинкой и широкими подлокотниками, не иначе украшавшем в давние времена замок какого-нибудь зингарского барона, сидела легенда морей — Кровавый Траникос. Голова великана поникла на грудь, могучая рука еще держала кубок, и в кубке по-прежнему искрилось вино... Лакированная шляпа, шитый золотом камзол с драгоценными пуговицами, самоцветы в которых переливались и вспыхивали, отражая голубой свет... Ботфорты, парчовая перевязь и меч в золотых ножнах, с рукоятью, усыпанной дорогими камнями.

А кругом стола, уткнувшись подбородками в нагрудные кружева, расположились его одиннадцать приближенных. Голубой огонь, изливавшийся из огромного кристалла на маленькой костяной подставке, странно освещал капитанов и их великана-предводителя. Мертвенные блики высекали морозное пламя в грудах самоцветов невиданной огранки, что кучами лежали на столе перед Траникосом.

Вот оно, сокровище Кеми, баснословные камни Татмекри!.. Камни, чья цена превосходила совокупную цену всех прочих драгоценностей мира!..

Синие отсветы залили неживой бледностью лица Зароно и Строма. Их подручные заглядывали главарям через плечо, туповато разинув рты.

— Идите и возьмите...— пригласил их Конан, отступая в сторонку.

Зароно и Стром алчно бросились через порог, отпихивая друг дружку. Боцман и палач только что не наступали им на пятки. Зароно пинком распахнул дверь во всю ширину... И замер с одной ногой на пороге. Теперь, когда дверь не мешала ему, он увидел тело, распростертое на полу.

Это был человек, замерший в судорожном усилии, с головой, вывернутой назад между плеч. Он стискивал руками собственное горло, на лице застыла гримаса немыслимого страдания, но его еще можно было узнать.

— Гальбро!..— ахнул Зароно.— Мертвый! Какого...

Исполнившись внезапного подозрения, он сунул голову через порог, в голубоватую дымку, наполнявшую подземный чертог... И тотчас раздался его истошный крик:

— В тумане смерть!..

Одновременно с этим криком Конан пустил в ход всю силу и весь свой вес, чтобы могучим толчком отправить четверку супостатов прямо в смертоносный голубоватый туман... Однако у него не получилось. Все четверо как раз отшатнулись назад, и, вместо того чтобы закинуть их внутрь, он лишь снес разбойников с ног. Стром и Зароно упали на колени непосредственно на пороге, боцман споткнулся об их сапоги, палача швырнуло на стену. Не ведая жалости, Конан закинул бы упавших внутрь и преградил бы им выход дверью, дожидаясь, чтобы сделал свое дело туман, но почти сразу пришлось отбиваться от палача. Тот первым обрел равновесие, сообразил, что случилось, и с пеной у рта накинулся на киммерийца.

Первым делом буканьер нанес чудовищный удар своим ятаганом, предполагая срубить Конану голову, но тот успел пригнуться, и громадное лезвие лязгнуло о стену, породив сноп искр. В следующий миг череполицый уже катился по каменному полу пещеры, сраженный абордажной саблей киммерийца.

Весь бой занял доли мгновения, но их хватило боцману, чтобы вскочить и броситься на Конана. У него была в руках такая же сабля, и более слабый человек неминуемо пал бы под ее ударами. Два клинка встретились с лязгом, оглушительно прозвучавшим под сводами узкой пещеры...

Капитаны тем временем откатились прочь от порога. Оба — с лилово-синими лицами, полузадохшиеся и не способные даже кричать. Конан удвоил усилия, стремясь зарубить соперников, пока они не оправились от яда, которого наглотались. Скоро он уже гнал боцмана, и тот отступал, заливаясь кровью на каждом шагу. В какой-то момент он отчаянно взревел, призывая своих товарищей, и, прежде чем Конан успел заткнуть ему глотку, двое главарей кое-как поднялись на ноги, задыхаясь, но желая убить, и хриплыми голосами тоже принялись звать своих.

Киммериец отпрыгнул назад и выскочил на площадку. Он чувствовал в себе силы справиться со всеми троими (хотя каждый слыл знаменитым фехтовальщиком), но вот оказаться на пути сдвоенного отряда, который при звуках схватки наверняка устремился наверх, ему не слишком хотелось...

Впрочем, он тут же увидел, что оставшиеся внизу особого проворства и решимости не проявляли. Да, сдавленные вопли, несшиеся из пещеры, привели матросов в замешательство, но никто не решался первым броситься вверх, опасаясь удара в спину. Два враждебных отряда смотрели друг на дружку, сжимая оружие, но перейти к решительным действиям не осмеливались. Когда на площадке над ними возник киммериец, они еще колебались и соображали, как же быть. Пока они праздно держали руки на тетивах с приготовленными стрелами, Конан взбежал по стене с выдолбленными ямками для рук и ног, устроенными рядом с расщелиной, и залег на вершине кряжа, став недосягаемым для нападающих.

Двое капитанов в бешенстве вылетели на площадку, размахивая саблями и исторгая проклятия. Поняв, что они по крайней мере не дерутся между собой, их люди покончили с взаимными угрозами и стали ждать, что будет дальше.

— Собака, предатель! — визгливо прокричал Зароно.— Ты хотел нас отравить!

Конан ответил с насмешкой:

— А ты чего ждал? Вы двое намеревались глотку мне перерезать, как только я вам добуду сокровище. Если бы не труп глупца Гальбро, у меня бы все получилось, и сейчас я рассказывал бы вашим ребятам, как вы лихо вбежали внутрь и встретили свою участь!

— Убив нас,— затопал ногами Стром,— ты получил бы и мой корабль, и весь клад...

— Именно,— подтвердил Конан.— И лучших матросов из обеих команд. Много месяцев я подумывал вернуться в море, а тут — такой случай!.. Там, на тропе, я видел отпечатки ног Гальбро. Остается только гадать, откуда он прознал о пещере. И как думал скрыться с награбленным...

— Если бы не его труп на полу, мы бы так и шагнули прямо в ловушку,— пробормотал Зароно. Смуглое лицо буканьера все еще отливало пепельно-серым.— Тот голубой туман... Он был как незримые пальцы, стиснувшие мое горло!

— Ладно, а что теперь-то вы намерены делать? — ядовито поинтересовался с вершины скалы их мучитель.

— Что будем делать? — повторил Зароно, обращаясь к Строму.— Пещера, где клад, заполнена ядовитым туманом. Правда, за ее пределы он почему-то не распространяется...

— Не добраться вам до сокровища,— удовлетворенно подтвердил Конан со своего недосягаемого насеста.— Этот дымок кого угодно придушит. Я сам едва ему не попался, когда попробовал туда зайти... Хотите, поведаю легенду, которую пикты рассказывают у своих очагов, когда догорает огонь? Так вот. Очень давно, много лет назад, с моря пришли двенадцать человек. Найдя пещеру, они доверху набили ее самоцветами и золотом... Но пиктский шаман сотворил волшебство, и земля дрогнула. Из трещины в камне вытек дымок и удушил всех чужаков, пока они пили вино. Это был дым от адских огней, поднявшийся на поверхность. Чары шамана заключили его в пределах пещеры, он не выходит наружу, но и внутрь никого не пускает... Эта легенда передавалась от очага к очагу, пока не обошла каждое племя, и теперь все пикты сторонятся проклятого места.

Когда я забрался сюда, ища спасения от пиктов-орлов, я понял, что древнее сказание не лжет. Его сложили о Траникосе и его людях. Похоже, он со своими капитанами сидел за вином, когда случилось землетрясение. Пол в пещере раскололся, и сквозь трещину проник туман, порожденный земными глубинами... Может, пикты не так уж и зря связывают его с преисподней. В общем, клад Траникоса стережет сама Смерть!

— Погнали людей наверх! — с пеной ярости на губах предложил Стром.— Залезем туда, изрубим его на куски!

— Не дури,— рявкнул в ответ Зароно.— Кто, по-твоему, способен влезть по этим ямкам, когда сверху размахивают саблей?.. Ясное дело, мы утыкаем его стрелами, пускай только покажется... Но сперва надо все-таки завладеть камешками! Он ведь собирался как-то вытащить их, зря ли потребовал три десятка носильщиков? Если он сообразил, как достать клад, значит, и у нас это получится. Смотри, можно согнуть одну из сабель, чтобы получился крюк. Привяжем к веревке, зацепим за ножку стола — и подтащим к двери вместе с сокровищем...

— Отличная мысль, Зароно! — издевательски похвалил сверху киммериец.— Именно то, что пришло на ум и мне. Вот только каким образом вы обратно к берегу доберетесь? Тропку-то сумеете разыскать?.. Может, конечно, и разыщете, но темнота накроет вас гораздо раньше, чем вы достигнете крепости. А пока вы будете ощупью пробираться по лесу, я пойду следом и стану резать по одному...

— А ведь это не пустое бахвальство,— пробормотал Стром.— Он умеет бесшумно двигаться ночью и нападать из темноты, точно дух бесплотный... Если откроет на нас охоту в лесу, живыми на берег выйдут немногие!

— Значит, надо убить его прямо здесь,— ответил Зароно.— Пусть несколько стрелков держат вершину на прицеле, пока остальные полезут наверх. Если он встанет, его собьют стрелами, а если не встанет — его зарубят саблями... Эй! Чему это он смеется?

— Два мертвеца строят планы,— долетел хохот киммерийца.— Ой, не могу...

— Не будем слушать его,— оскалился Зароно.

И, возвысив голос, он велел флибустьерам из обоих отрядов присоединиться к ним со Стромом на скальной площадке.

Моряки полезли наверх по крутому уклону. Один из них задрал голову, собираясь что-то спросить... Но тут в воздухе прогудела словно бы рассерженная пчела, буканьер ахнул от боли и изумления, и изо рта у него хлынула кровь. Он рухнул на колени, хватаясь за черное древко, торчавшее из груди.

Его товарищи разразились тревожными криками.

— Что случилось? — спросил Стром.

— Пикты!!! — завопил кто-то из пиратов, вскидывая лук и стреляя вслепую.

Рядом с ним еще кто-то простонал и поник со стрелой в горле...

— Прячьтесь, олухи!..— завизжал Зароно. Со своего места он заметил, как мелькают в кустах смуглые раскрашенные тела.

Очередной пират, получивший смертельную рану, закувыркался с крутизны...

Остальные припустили что было духу и спрятались в россыпях валунов у подножия холма. Получилось это довольно неуклюже, ведь они совсем не привыкли к такому способу ведения войны. Стрелы летели из кустов, ломаясь о камни. Стром и Зароно лежали на площадке, не смея поднять головы.

— Мы в ловушке,— проговорил побледневший Стром. Он никого не боялся, пока под ногами была палуба корабля, но такая вот молчаливая лесная война грозила лишить мужества даже его.

— Конан говорил, они избегают этого кряжа,— ответил Зароно.— Наступит ночь, и наши люди смогут вскарабкаться к нам. Здесь пикты штурмом нас не возьмут, отсидимся...

— О да,— насмешливо подтвердил сверху киммериец.— Ты прав, штурмовать холм пикты не будут. Они просто расположатся кругом и подождут, пока вы сами не перемрете от жажды и голода!

— А ведь он прав,— беспомощно скрипнул зубами Зароно.— Что же делать?

— Заключить с ним перемирие,— пробормотал Стром.— Мы в западне, и если кто-то может нас вытащить, так только он... Успеем еще глотку ему перерезать! — И уже в полный голос окликнул: — Эй, Конан! Может, отложим наши распри до более подходящего времени? Ты ведь тоже попался, как и мы! Спускайся, будем вместе спасаться!

— Еще чего,— откликнулся киммериец.— Что до меня, я просто подожду, пока не стемнеет как следует. Потом тихонько спущусь с другой стороны холма и затеряюсь в лесу. Я ведь сумею просочиться между пиктами, они меня не увидят и не услышат... Вернусь в крепость и расскажу, как дикари вас всех перерезали. Что, кстати, очень скоро станет святой правдой...

Зароно и Стром переглянулись, ощущая полную безнадежность.

— Только я этого не сделаю! — неожиданно взревел Конан.— Да не из любви к вам, негодяям... Просто потому, что белому человеку негоже бросать соплеменника в лапах у дикарей. Даже врага!

И всклокоченная голова киммерийца возникла над краем его лежбища.

— Слушайте внимательно,— проговорил он негромко.— Пиктский отряд внизу очень немногочислен. Будь их побольше, ваших людей бы уже перестреляли, как кур. Полагаю, здесь всего лишь несколько быстроногих юнцов, вы-

сланных вперед основного войска, чтобы отрезать нас от берега. Главные силы, по-моему, еще на подходе.

Они выставили дозорных с западной стороны холма, но с восточной все чисто. Я доберусь до леса и зайду им в тыл. Вы тем временем спускайтесь вниз и ползите к своим. Велите им спрятать луки и приготовить сабли. Услышите мой крик — бегите со всех ног к лесу, на западную сторону поляны...

— А сокровище?

— Плевать на сокровище!.. Головы бы на плечах унести!..

И Конан снова исчез.

Капитаны вслушивались, надеясь уловить хоть звук, свидетельствовавший, что киммериец переполз на другую сторону и начал спускаться по практически отвесному склону... Им так и не удалось ничего услышать. В лесу тоже царила тишина. Стрелы больше не отскакивали от валунов, за которыми прятались моряки. Однако не подлежало сомнению, что из чащи продолжали следить черные безжалостные глаза дикарей, наделенных звериным терпением...

Очень осторожно Стром, Зароно и боцман спускались по крутой извилистой тропке... Они одолели почти полпути, когда рядом снова засвистели черные стрелы. Боцман застонал, ахнул — и безвольным мешком полетел с обрыва, пораженный прямо в сердце. Два главаря вскочили на ноги и во весь дух рванули к своим. Стрелы били то в шлемы, то в латные нагрудники... Все же капитаны достигли подошвы холма и плашмя рухнули за валуны. Дыхания не хватало даже на то, чтобы ругаться.

— Это что, еще одна хитрость Конана?..— отдышавшись наконец, спросил Зароно.

— Пожалуй, в этот раз ему можно верить,— сказал Стром.— У варваров вроде него имеется своеобразный кодекс чести, так что Конан в самом деле не отдаст людей одного с ним цвета кожи на расправу дикарям иной расы. Хотя бы он и подумывал самолично убить нас, но против пиктов он нам поможет... О! Слушай!..

Тишину вспорол вопль, от которого кровь застыла в жилах. Он раздался из леса в западной стороне... И тотчас же что-то вылетело из-за деревьев, прочертило в воздухе дугу и, упав, покатилось прямо к камням. Это была отсеченная человеческая голова. На лице, пестром от боевой раскраски, застыл предсмертный оскал...

— Сигнал Конана!..— взревел Стром.

Отчаявшиеся пираты взвились на ноги и со всей мыслимой прытью кинулись к лесу. Из кустов немедленно полетели стрелы. Однако их пускали торопливо и почти наугад, и они поразили только троих. А потом морские дикари ворвались на опушку и накинулись на голых, раскрашенных лесных дикарей, что поднялись навстречу из потемок. Схватка была мгновенной и страшной... Яростное дыхание, отчаянные усилия... Абордажные сабли против боевых топоров, ноги в сапогах, попирающие поверженные тела...

И вот засверкали босые пятки — уцелевшие в короткой резне бросились наутек, оставив в окровавленной листве семерых мертвецов.

Но там, куда унеслись беглецы, в чащобе вдруг поднялась бешеная возня, а когда она стихла, глазам моряков предстал Конан. Потерявший столетнюю лакированную шляпу, в располосованном камзоле — однако с абордажной сабли в его руке капала кровь.

— Теперь что?..— задыхаясь, выговорил Зароно. Он понимал: атака удалась только благодаря Конану, неожиданно напавшему с тыла на пиктов, чем те были окончательно сбиты с толку.

Конан вместо ответа проткнул саблей одного из буканьеров — тот корчился на земле с перебитым бедром.

Зароно разразился площадной бранью.

— Нам его не унести! — рявкнул киммериец.— А живым его пиктам оставлять... нет уж! За мной!

И он рысью побежал через лес. Флибустьеры плотной группой держались у него за спиной, опасаясь отстать. Без него они много часов бродили бы в чащах, прежде чем отыскали тропинку к берегу... если бы это вообще им удалось. Киммериец же вел их так уверенно, как если бы на каждом дереве были хорошо заметные знаки. Выскочив наконец на заветную тропку, морские разбойники от облегчения разразились почти истерическим хохотом.

— Дурачье! — Конан сгреб за плечо какого-то пирата, бросившегося было бежать во все лопатки, и отшвырнул его себе за спину.— Так вы через тысячу шагов выдохнетесь, а до берега еще далеко! Нет уж, сейчас — только трусцой.

И он пустился по тропе ровной, неторопливой и неутомимой рысцой. Моряки двинулись следом, приноравливаясь к его шагу...

Солнце уже коснулось волн западного океана. Тина стояла у окна — того самого, из которого Белиза наблюдала за приближением шторма.

— Солнце садится, обращая океан в кровь,— сказала она.— Парус карака — белое пятнышко среди алых вод... А в лесу собираются непроглядные тени...

— А моряки на берегу что делают? — без особого интереса спросила Белиза.

Она лежала на диване, прикрыв глаза и закинув руки за голову.

— В обоих лагерях ужин готовят,— ответила Тина.— Собирают плавник, разжигают костры... Кричат что-то друг другу... Ой! Что это?!

Внезапная перемена ее тона заставила Белизу резко сесть. Тина вцепилась в подоконник, лицо у девочки было белое.

— Слышишь, госпожа? Вой вдали! Как будто воют разом много-много волков...

— Волков?..— Белиза вскочила на ноги, в сердце который раз шевельнулся ужас.— Но в это время года волки не охотятся стаями...

— Смотри, смотри! — заверещала девочка, указывая рукой.— Из леса люди бегут!..

Белиза мигом подоспела к ней и напрягла зрение, высматривая уменьшенные расстоянием фигурки на опушке.

— Это моряки! — ахнула она.— С пустыми руками! Я вижу Зароно... Строма...

Тина прошептала:

— А где Конан?

Белиза покачала головой. Киммерийца не было видно.

— Слушай! Слушай! — прижимаясь к ней, всхлипывала девочка.— Пикты идут...

Теперь вся крепость слышала то же, что и они. Из глубин темного леса неслось многоголосое завывание, исполненное жажды крови и бешеного восторга.

Этот звук так и подстегивал беглецов, которые, задыхаясь, неслись к палисаду.

— Быстрее!..— пыхтел Стром. На осунувшемся лице застыла гримаса предельного напряжения.— Они висят у нас на плечах! Мой корабль...

— Твой корабль далековато, нам до него не добраться,— на бегу ответил Зароно.— Скорей в крепость... Вон, ребята в лагерях увидели нас!

И он принялся размахивать руками, отчаянно и невнятно жестикулируя, но смотревшие с берега его поняли. Им сразу стал ясен смысл дикарского завывания, достигшего между тем неистовой силы. Забыв о своих кострах, о котлах, где булькал ужин, моряки бросились в сторону крепостных ворот. Бегущая толпа уже втягивалась внутрь, когда примчавшиеся из леса обогнули южный угол и тоже ворвались в ворота — сходящие с ума и полуживые от невероятной усталости.

Ворота за их спинами сомкнулись со всей возможной поспешностью. Моряки сразу полезли на стены, чтобы присоединиться к воинам, уже стоявшим на помостах для стрельбы.

Белиза отыскала Зароно и прямо спросила его:

— Где Конан?

Буканьер ткнул большим пальцем в сторону сумрачного леса. Он все никак не мог отдышаться, по лицу катился пот.

— Их передовые разведчики догнали нас еще прежде, чем мы достигли опушки... Киммериец остался, чтобы убить нескольких и дать нам время спастись...

И, шатаясь, Зароно двинулся прочь, чтобы занять место на стене, куда уже успел подняться Стром. Там стоял и Валенсо — угрюмый, плотно запахнувшийся в плащ, странно молчаливый и отчужденный. Казалось, он пребывал под властью каких-то чар.

— Смотрите!..— заорал, перекрывая близившееся завывание, один из пиратов.

Из леса выскочил человек и с удивительной скоростью понесся в сторону крепости.

— Это Конан!..

Зароно оскалился в волчьей улыбке.

— Мы в безопасности за стеной,— сказал он.— И теперь знаем, где сокровище. Не вижу причины, почему бы нам стрелами его не утыкать...

— Нет! — Стром схватил буканьера за руку.— Сабля киммерийца пригодится в бою... Гляди!..

Вслед за быстроногим варваром из лесу вывалилась раскрашенная орда. Голые пикты, многие сотни пиктов, завывающих на бегу. Их стрелы дождем сыпались кругом киммерийца... Еще несколько шагов — и он достиг восточной стены. Могучим прыжком взлетел вверх, схватился за верхушки бревен, подтянулся и спрыгнул внутрь, держа в зубах абордажную саблю. Стрелы с ядовитым шипением впились в бревна там, где мгновением раньше мелькнуло его тело. Великолепный камзол Конана подевался неизвестно куда, белая шелковая рубашка была порвана и вся перепачкана кровью...

— Остановите их! — взревел он, едва его пятки коснулись земли.— Не дайте достигнуть стены! Если влезут, нам конец!

Пираты, буканьеры и графское воинство отозвались без промедления. Навстречу подбегающим пиктам рванулась целая буря стрел и арбалетных болтов.

Конан же заметил Белизу и Тину, вцепившуюся в руку хозяйки,— и разразился красочным потоком цветистой и изобретательной ругани.

— Брысь в дом! — рявкнул он в заключение.— Их стрелы сейчас полетят через стену навесом... Ну! Что я сказал!

Черная стрела воткнулась в землю у самых ног Белизы и задрожала, точно готовая ужалить змея. Конан схватил длинный лук и вспрыгнул на помост для стрелков.

— Кто-нибудь, тащите факелы! — принялся он распоряжаться, и шум начавшейся битвы не мог заглушить его голос.— В темноте нам не отбиться!

Солнце погрузилось в океан бушующей крови. Люди на борту карака спешно обрубили якорную цепь, и «Кровавая рука» стала быстро удаляться в сторону горизонта...

VII

ЛЮДИ ЛЕСОВ

Сгустилась ночь, но на взморье метались факелы, зловеще озаряя безумную сцену боя. На берегу кишели нагие люди в боевой раскраске. Волна за волной налетали они на палисад, и тогда в свете факелов сверкали ощеренные зубы и горящие глаза. В черных гривах развевались перья тукана, баклана и приморского сокола. Было даже несколько воинов, несших вплетенные в волосы зубы акулы, и эти выглядели самыми свирепыми и дикими среди всех. Береговые

племена объединились, чтобы раз и навсегда изгнать со своей земли белокожих пришельцев.

У стен волновалось живое море и бушевал целый ураган стрел. Неприятельские стрелы и арбалетные болты наносили пиктам ощутимый урон, но временами дикари подбирались к стенам до того близко, что им удавалось всадить в ворота топор или ткнуть копьем в амбразуру. Однако прилив всякий раз откатывался прочь, не в силах перехлестнуть частокол и оставляя после себя немало убитых. В такого рода боях флибустьеры чувствовали себя в своей стихии, их меткие стрелы пробивали бреши в рядах пиктов, абордажные сабли сносили головы дикарям, пытавшимся вскарабкаться на частокол.

И все равно люди леса волна за волной шли на приступ с яростным упорством, свойственным свирепому племени пиктов.

— Дерутся, точно бешеные псы!..— прохрипел Зароно, целясь саблей по смуглым рукам, пытавшимся схватиться за верх палисада, по темнокожим оскаленным физиономиям, надвигавшимся снизу.

— Если выстоим до рассвета, они утратят решимость,— ответил Конан, многоопытной рукой рассекая украшенную перьями голову, возникшую над стеной.— Не смогут удержать долгой осады... Смотри, отходят!

Приступ действительно захлебнулся. Люди на стене смахнули с лиц пот, начали подсчитывать своих павших и протирать скользкие от крови рукояти мечей. Пикты перебегали с места на место за кругом света, отбрасываемого факелами, точно голодные волки, которых отогнали от зажатой в угол добычи. Только мертвые лежали на земле у стен.

— Ушли?..— Стром пятерней убрал с лица насквозь мокрые русые пряди. Окровавленная сабля в его руке была вся иззубрена, а сама рука — сплошь заляпана красным.

— Нет, они еще там.— Конан указал в темноту за пределами факельного света, который лишь подчеркивал ее непроглядность. Зоркие глаза киммерийца подмечали в потемках движение, блеск глаз, тусклое мерцание стали.

— Немного отступили, и все,— сказал он.— Выставьте на стенах караульных, а остальные пусть отдохнут, напьются и перекусят. Уже за полночь... Мы несколько часов дрались без отдыха!

Главари спустились с помоста и отозвали своих бойцов. Посередине каждой стены — восточной, южной, северной и западной — поставили по часовому, да еще несколько воинов — у ворот. Чтобы добраться до стены, пиктам пришлось бы пересечь широкое пространство, залитое факельным светом. Защитники стен успеют вернуться на места задолго до того, как пикты окажутся у их подножия.

— Не вижу Валенсо,— сказал Конан, обгладывая говяжью кость у костра, разведенного в центре двора.

Пираты, буканьеры, люди графа давно перемешались и теперь жадно поглощали принесенное женщинами съестное, а те перевязывали им раны.

— Пропал около часа назад,— проворчал Стром.— Он рубился на стене рядом со мной, а потом вдруг оцепенел и уставился в темноту, как будто призрака увидел... И хрипит мне: «Смотри!.. Черный демон! Я вижу его! Вон там, правее...» Ну, я посмотрел, куда он указывал,— и правда увидел кого-то, показавшегося мне слишком долговязым для пикта. Моргнул — и все, никого нету. Но Вален-

со спрыгнул с помоста и поплелся в дом, словно смертельную рану получив... С тех пор я его больше не видел!

— Не удивлюсь, если ему лесной демон явился,— без особого волнения проговорил Конан.— Пикты говорят, они в здешних местах нередко встречаются... Я вот чего гораздо больше боюсь, так это зажигательных стрел. Пикты в любой момент могут взяться за луки... Э, а это еще что? Никак на помощь кто-то зовет?..

Когда в битве наступило затишье и можно было чуть меньше опасаться шальной стрелы, Белиза и Тина подкрались к своему окошку. Некоторое время они молча смотрели на мужчин, собравшихся у костра во дворе.

— На стене стражи мало,— заметила Тина.

Как ни мутило Белизу от вида валявшихся под стеной мертвецов, эти слова заставили ее рассмеяться.

— Ты полагаешь, что лучше разбираешься в войне и осадах, чем пираты и буканьеры? — мягко укорила она девочку.

— Лучше бы они больше часовых выставили,— содрогнулась малышка.— Представь, госпожа, а если черный вернется?..

Белизу немедленно пробрала дрожь.

— Мне страшно...— прошептала Тина.— Надеюсь, Строма и Зароно уже убили...

— А Конана? — с любопытством спросила молодая хозяйка.

— Конан не причинит нам зла,— уверенно ответила девочка.— Он варвар, но нипочем не поступится честью. А те двое давно утратили всякую честь...

— Ты мудра не по годам, Тина,— проговорила Белиза.

От удивительно взрослых суждений маленькой девочки ей временами становилось не по себе.

— Смотри! — внезапно напряглась Тина.— Дозорный исчез с южной стены! Только что ходил по помосту, а теперь пропал без следа!

Из окошка как раз были видны макушки бревен палисада над крышами меньших построек, тянувшихся параллельно стене. В домиках, плотно примыкавших один к другому, обитала графская челядь. Задние стены лачуг от палисада отделял проход в три-четыре ярда шириной.

— Куда же часовой делся? — испуганно шептала маленькая служанка.

Белиза наблюдала за ближним концом ряда построек, расположенным возле бокового входа в особняк. Она могла бы поклясться, что видела некую тень, скользнувшую из-за домиков и скрывшуюся в двери. Кто там пробежал? Тот часовой?.. Чего ради он оставил свой пост, да еще и решил украдкой проникнуть в хозяйский дом?.. Белиза поняла, что, скорее всего, это был не дозорный, и безотчетный ужас облил холодом сердце.

— Где граф, Тина? — спросила она.

— Он в большом зале, госпожа. Сидит один у стола, закутался в плащ и вино пьет. А лицо — восковое, как у покойника...

— Беги к нему и расскажи, что́ мы сейчас видели,— велела Белиза.— А я буду в окошко смотреть, чтобы пикты не полезли через стену, оставленную без охраны!

Тина умчалась во всю прыть. Белиза слышала, как ее ножки в мягких тапочках протопотали по коридору, как шаги стихли на лестнице... А потом — без всякого предупреждения — прозвучал крик, полный такого безумного ужаса,

что у Белизы сердце едва не выпрыгнуло из груди. Она кинулась за дверь и промчалась по коридору к лестнице едва ли не прежде, чем ее ум родил мысль о движении. Одолев коридор, Белиза устремилась было вниз по ступеням... И тут застыла, точно окаменев.

В отличие от Тины, она не стала кричать. Просто потому, что была не в состоянии ни звука издать, ни сдвинуться с места. Она увидела рядом с собой Тину, ощутила отчаянное объятие маленьких рук... Но это были единственные здравые и привычные детали в целой вселенной кошмара, запредельного ужаса и безумия.

И главным в этой вселенной была громадная человекообразная фигура, черная на фоне неестественного голубоватого света. Черный чужак стоял во весь рост, раскинув громадные лапищи. Он торжествовал...

...Снаружи, во дворе, Стром на вопрос Конана только головой покачал.

— Я ничего не слышал...

— А я слышал! — возразил киммериец. Инстинкты варвара били тревогу, он вскинул голову, синие глаза горели.— У южной стены, там, за домиками прислуги!

И, выдернув из ножен абордажную саблю, он зашагал к палисаду. Оттуда, где горел костер, ни стену, ни часового нельзя было рассмотреть,— все заслоняли крыши строений. Стром, которому невольно передалось беспокойство Конана, пошел следом за ним.

У входа в промежуток между домиками и палисадом Конан настороженно остановился. Проход был смутно освещен факелами, торчавшими по углам стены.

И посередине лежало скомканное, смятое тело.

— Бракус!..— Стром с руганью устремился вперед и припал на колено подле убитого часового.— Видит Митра, ему горло от уха до уха располосовали!..

Конан мгновенно осмотрел проход, но, кроме них со Стромом да убитого дозорного, здесь больше никого не было. Он выглянул в амбразуру... В круге факельного света не двигалась ни единая живая душа.

— Кто мог это сделать? — вслух спросил киммериец.

— Зароно!..— Стром взвился на ноги, шипя и плюясь, точно дикий кот, его лицо перекосила судорога, волосы и те, кажется, поднялись дыбом.— Это он послал своих негодяев бить моих людей в спину! Он хочет предательством покончить со мной!.. О демоны, да что ж это такое! Со всех сторон обложили...

— Погоди.— Конан протянул руку, желая его удержать.— Я тоже не доверяю Зароно, однако...

Но взбешенный пират вырвался и побежал вдоль ряда домишек, изрыгая жуткие богохульства. Конан, ругаясь, погнался за ним. Стром мчался прямо к костру, где виднелась высокая фигура Зароно — буканьер большими глотками осушал кружку эля. Он изумился сверх всякой меры, когда кружку вдруг вышибли у него из руки, да так, что пена разлилась по латному нагруднику, а его самого схватили за плечи и развернули, и перед ним возникла перекошенная яростью физиономия пиратского капитана.

— Ах ты, предатель! — бушевал Стром.— Значит, ты намерен бить моих людей в спину, пока они сражаются не только за меня, но и за твою вонючую шкуру?!

К ним уже спешил Конан, а воинство, собравшееся у огня, перестало есть и пить, не понимая, в чем дело.

— О чем ты? — брызгая слюной от негодования, осведомился Зароно.

— Мой человек стоял на посту, а ты подослал пырнуть его в спину! — орал взбешенный барахский пират.

Подспудно тлевшая вражда взвилась яростными пламенами.

— Лжешь! — рявкнул в ответ Зароно.

С невнятным воплем Стром выхватил абордажную саблю и махнул, целя Зароно в голову. Буканьер успел поймать удар окованной сталью левой рукой. Брызнули искры, Зароно шарахнулся назад и запнулся о собственный меч...

А в следующий миг двое капитанов схлестнулись в бешеной дуэли — только клинки вспыхивали и играли в свете костра. Команды отреагировали без промедления и не особенно разбираясь, в чем дело. Поднялся несусветный рев — пираты и буканьеры выхватили оружие и накинулись одни на других. Дозорные, оставленные сторожить стену, забыли о своих обязанностях и попрыгали вниз — участвовать во всеобщей резне. Крепостной двор стал сплошным полем сражения. Дерущиеся сплетались в клубки, катились кувырком, рубили и резали в каком-то безумном неистовстве. Постепенно в свалку втянули кого-то из графских людей, а солдаты, стоявшие у ворот, изумленно обернулись, забыв о внешних врагах, таившихся за стеной...

Все произошло настолько стремительно, тлеющие угли породили такое бешеное и внезапное пламя, что резня пошла по всей крепости еще прежде, чем Конан успел добраться до зачинщиков. Но уж когда добрался, то, не обращая особого внимания на мелькающее оружие, отшвырнул их друг от друга с такой силой, что Стром еле устоял на ногах, а Зароно вовсе растянулся на земле.

— Проклятые недоумки! — взревел киммериец.— Вы что, все наши жизни псу под хвост бросить готовы?

Его не услышали. Стром бешено брызгал пеной. Зароно звал своих на подмогу. Какой-то буканьер подбежал к Конану сзади и замахнулся, целя в голову. Полуобернувшись, киммериец перехватил и остановил его руку на середине удара.

— Смотрите, дурачье! — закричал он, указывая саблей.

И на сей раз было в его голосе что-то такое, что привлекло внимание осатаневшей толпы. Люди замерли буквально с занесенными мечами, а поднимавшийся Зароно — на одном колене... Все повернули головы и посмотрели туда, куда показывал киммериец. На воина, что стоял на стрелковом помосте. Бедный малый шатался, хватая руками воздух и силясь закричать. Но вот силы оставили его, и безжизненное тело свалилось во двор. Между лопаток у солдата торчало черное древко.

Вот тут в крепости раздались крики тревоги. И почти одновременно — хор жутких воплей, сопровождаемый грохотом боевых топоров, молотивших в ворота. А над стеной взвились пылающие стрелы, чтобы миг спустя вонзиться в бревна построек, и очень скоро тут и там появились синеватые змейки дыма. И наконец из-за ряда домишек, что примыкал к злополучной южной стене, ринулись стремительные человеческие силуэты.

— Пикты в крепости!..— проревел Конан.

После чего началось уже форменное сумасшествие. Оставив междоусобицу, пираты и буканьеры кинулись кто к стенам, кто наперерез прорвавшимся пиктам. Из-за лачуг выбегали все новые дикари, их боевые секиры вовсю лязгали о сабли моряков...

Зароно как раз поднимался на ноги, когда сзади к нему подскочил раскрашенный пикт — и ударом топора вышиб буканьеру мозги.

Конан с кучкой моряков, прикрывавших ему спину, рубился с пиктами во дворе. Стром с большинством своих людей взобрался на стрелковый помост, пытаясь противостоять волне атакующих, захлестнувших внешнюю стену... Но пикты, подкравшиеся незамеченными, пока осажденные резались между собой, успели окружить укрепление и теперь лезли со всех сторон. Люди Валенсо сгрудились возле ворот, силясь удержать их против целого роя восторженно завывающих демонов...

Все большее число пиктов преодолевало оставленную без присмотра южную стену и оказывалось во дворе. Строму с его пиратами не удалось удержать оставшуюся часть палисада, так что вскоре по всей территории укрепления кишели голые раскрашенные дикари. Они накидывались на уцелевших защитников крепости и валили их, точно волки добычу. Битва распалась на отдельные вихри, в центре которых были разрозненные группы белых людей, отбивавшихся уже без особой надежды спастись. Весь двор был завален трупами пиктов, пиратов, буканьеров и людей графа. Упавших сразу затаптывало множество ног... Лесные воины врывались в домишки прислуги, и скоро поднялся жалобный крик, слышный даже сквозь гул сражения,— это женщины и дети умирали под ударами топоров. Внимая их голосам, люди Валенсо покинули свое место возле ворот, и пикты немедленно этим воспользовались. Ворота распахнулись, дикари рекой хлынули внутрь. Строения начали вспыхивать одно за другим...

— Скорей в особняк! — закричал Конан и принялся прорубаться в том направлении, сопровождаемый дюжиной бойцов.

Стром присоединился к нему, отмахиваясь направо и налево абордажной саблей, точно хлыстом.

— Не удержать нам особняк...— выговорил он, задыхаясь.

— Почему? — спросил Конан, даже не поворачивая головы.

Кровавый труд боя не давал ему такой возможности.

— Потому что... А-а-а!..— Смуглокожая рука глубоко всадила нож в спину барахцу.— Демон тебя сожри, мерзавец...

С этим последним проклятием, уже шатаясь, Стром обернулся и разрубил пикту череп по самые зубы. Потерял равновесие и упал на колени, изо рта побежала кровь.

— Потому что,— все же договорил он, а вернее, прокаркал,— особняк... горит...

И, обмякнув, завалился в пыль.

Конан улучил момент быстро оглядеться кругом... Все, кто пытался за ним следовать, уже валялись в крови. Но и умирающий пикт, которого киммериец придавил к земле ногой, был последним из тех, что преграждали ему дорогу к графскому дому. Всюду во дворе бушевала яростная резня, но непосредственно вокруг Конана образовался островок временного затишья. И от места, где он стоял, было рукой подать до той самой южной стены. Несколько быстрых шагов, прыжок — и он беспрепятственно исчезнет в ночи...

Однако киммериец не позабыл о беспомощной девушке в доме. И ноги понесли его не к спасительной стене, а к особняку — над крышей которого, кстати, действительно поднимались густые клубы дыма.

У самой двери ему попался разукрашенный перьями вождь, видимо тоже желавший проникнуть туда. Он крутанулся навстречу киммерийцу, занося топор, а за спиной Конана уже слышался топот проворных босых ног,— его настигали. Сабля Конана обрушилась сверху вниз, отмела секиру пикта и раскроила голову ее обладателю. В следующее мгновение Конан прыгнул через порог и, без промедления захлопнув за собой дверь, заложил ее тяжелым засовом. С той стороны в нее грянуло разом несколько топоров, но некоторое время дверь должна была продержаться...

В большом зале бревенчатого замка слоями плавал дым, и Конан, мало что видя перед собой, двинулся вперед ощупью. Он слышал, как где-то всхлипывала женщина. Нет, она не то чтобы задыхалась в дыму,— такие короткие, стонущие всхлипы мог породить только не передаваемый никакими словами ужас... Конан вырвался из едкой мглы, увлекая за собой дымные клочья...

И замер на месте, созерцая открывшуюся картину.

Большой зал был весьма скудно освещен. Серебряный канделябр валялся на полу, свечи в нем потухли. Единственным источником света оставался громадный камин и стена, в которую он был вделан; дрова в камине горели так жарко, что пламя успело перекинуться на бревна стены и уже достигало стропил. На фоне этого жуткого и тревожного света Конан увидел человеческое тело — оно раскачивалось на веревке, перекинутой через стропилину. Тело понемногу вращалось и вскоре повернулось к киммерийцу лицом. Черты были до неузнаваемости искажены смертной гримасой, но сомнений быть не могло — Конан смотрел на графа Валенсо, повешенного в собственном зале.

Но кроме мертвого графа в чертоге присутствовал еще кое-кто. В клубящемся дыму Конан различил чудовищный силуэт, окутанный аурой голубоватого адского пламени. Дымная муть придавала ему человекоподобие, но вот тень, которую существо отбрасывало на горящую стену, человеческой отнюдь не была...

— Кром! — вырвалось у киммерийца.

Он сообразил, что встретил противника, к которому с абордажной саблей не подступиться. А еще он увидел Белизу и Тину, судорожно прильнувших друг к дружке на нижних ступенях лестницы.

Вот черное чудище выпрямилось, не то поднялось на дыбы — гигантский силуэт на фоне огня. Оно распахнуло страшные лапищи, его не то лицо, не то морда смутно просматривалась сквозь плывущий дым... Получеловеческие, полузвериные черты, жуткие до невозможности... Конан подметил близко расположенные рога, разинутую пасть, остроконечные уши...

Тварь повернулась и тяжеловесно двинулась к нему сквозь завихрения дыма.

Как совладать с подобным врагом?.. Перед лицом ужасной опасности в памяти киммерийца вспыхнуло одно давнее воспоминание. Он быстро огляделся, и на глаза попалась увесистая скамеечка, некогда входившая в роскошную обстановку замка рода Корзетта,— отлитая из серебра и покрытая резным узором. Конан мигом схватил ее и замахнулся на демона.

— Серебро и огонь!..— взревел он громовым голосом и метнул свой снаряд, вложив в бросок всю силу железных мышц. Скамеечка мелькнула и врезалась прямо в широкую черную грудь... добрых сто фунтов серебра, запущенные в воздух с сумасшедшей силой и скоростью. Против подобного удара не смог устоять даже черный чужак. Его попросту снесло с ног — и спиной вперед швырнуло в ревущую огненную глотку камина.

Зал содрогнулся от страшного крика. Это кричало иномировое существо, внезапно застигнутое вполне земной смертью. Вот треснула каминная полка, из громадной трубы посыпались камни, заваливая бьющееся черное тело, уже охваченное яростным пламенем. Потом из-под потолка начали падать горящие бревна, и вся груда превратилась в один гигантский костер.

Огонь быстро подбирался к лестнице, но Конан успел раньше. Он схватил под мышку потерявшую сознание Тину, а Белизу рывком поставил на ноги и поволок за собой. Кругом царил кромешный ад, все рушилось и горело, а сквозь рев пламени доносился треск двери, сокрушаемой ударами пиктских боевых топоров.

Стремительно оглядевшись в поисках спасения, Конан подметил дверь против лестницы и кинулся туда, неся Тину и силой таща ослепшую от дыма, ничего не понимающую Белизу. Как только они выскочили за порог, сзади послышался тяжелый грохот и весь дом содрогнулся. Кровля большого зала рухнула внутрь. Беглецов догнала плотная волна удушающего дыма, но Конан успел заметить на другом конце комнаты открытую дверь, выводившую наружу. Вытаскивая сквозь эту дверь своих беспомощных подопечных, Конан обратил внимание, что створка еле держалась на сломанных петлях, а запор вообще лопнул, ни дать ни взять, под напором чудовищной силы.

— В эту дверь... в эту дверь черный вошел,— отчаянно всхлипывала Белиза.— Я... я видела его... но я же не знала...

Они вывалились в освещенный пламенем двор и оказались совсем рядом с домиками, выстроившимися вдоль южной стены. К двери уже подбирался пикт с занесенной секирой, в его глазах играли кровавые блики. Первым долгом киммериец убрал из-под удара девочку, висевшую у него на руке, и без промедле-

ния всадил пикту в грудь абордажную саблю. Потом подхватил Белизу, поскольку ноги у нее все равно заплетались, и, неся обеих, побежал к южной стене.

Вся внутренность крепости была заполнена дымом. Муть отчасти скрывала еще длившуюся резню, однако беглецов заметили. Из клубящихся туч за ними ринулись голые силуэты, черные против тускло-багрового света. Конан бросился в проход между домиками и стеной. Часть дикарей неслась следом за ним, другие обежали лачуги и с воем рванулись навстречу, пытаясь отрезать киммерийцу дорогу к спасению. Остановившись, Конан закинул Белизу на помост для стрельбы и сам запрыгнул туда. Спустив девушку с палисада, он дал ей соскочить на песок под стеной и отправил следом Тину. Брошенный топор воткнулся в бревно у самого его плеча, но киммериец уже прыгнул сам. Вновь подхватил обеих своих подопечных — и кинулся прочь...

Когда пикты взобрались на помост и выглянули наружу, перед стеной уже никого не было видно — кроме убитых...

VIII

ПИРАТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОРЕ

Рассвет окрашивал серые океанские волны в лиловато-розовые тона. Далеко-далеко в утреннем море просматривалась сквозь туман белая крапинка. Парус будто висел в перламутровом небе, не касаясь воды... Стоя на лесистом мысу, Конан-киммериец растягивал рваный плащ над костром из зеленых веток. Взмахи плаща отправляли вверх плотные облачка дыма. Они поднимались в рассветное небо, трепетали в воздухе и затем исчезали.

Белиза сидела подле него на земле, обняв одной рукой Тину.

— Полагаешь, они увидят и поймут?..— спросила она.

— Непременно увидят,— заверил ее Конан.— Они всю ночь болтались в виду берега, надеясь обнаружить уцелевших. Напуганы они, конечно, до полусмерти... Их там всего полдюжины, и ни один не умеет управляться с кораблем достаточно хорошо, чтобы довести «Кровавую руку» до Барахских островов. Но мои сигналы они поймут: я пользуюсь системой, принятой у пиратов. Я уже сообщил, что их капитаны погибли вместе с командами, а теперь зову подойти и забрать нас отсюда. Они знают, что я умею водить корабль, и рады будут ходить под моим началом... Да и куда им деваться? Я единственный из капитанов, кто уцелел.

— А если дым заметят пикты? — содрогнулась Белиза.

И невольно оглянулась на затянутые туманом пески и дальний лес, над которым в нескольких милях к северу поднимался тяжелый столб дыма.

— Вот уж не думаю,— хмыкнул Конан.— Спрятав вас в лесу, я вернулся и увидел, как пикты вытаскивали из кладовых бочонки с вином и пивом. Уже тогда многих порядком «штормило», а теперь, полагаю, они глаз открыть не в состоянии. Эх, мне бы сотню бойцов, я бы всю орду вывел под корень... Смотри! С «Кровавой руки» отвечают! Сейчас за нами подойдут!

Конан затоптал огонь, вернул плащ Белизе и потянулся, точно большой ленивый кот. Белиза наблюдала за ним в немом изумлении... Она видела, что его невозмутимая манера была ненаигранной; киммерийца ничуть не вывела из душевного равновесия безумная ночь огня, крови и смерти, не говоря уже об отчаянном беге по мглистым лесам. Он вел себя так, словно со вчерашнего дня веселился и пировал... Вот такой человек — и Белиза почему-то совершенно не боялась его. Напротив, сейчас она чувствовала себя в большей безопасности, чем когда-либо с момента их с графом высадки на этом взморье. Конан ничем не напоминал других флибустьеров — цивилизованных людей, отрекшихся от любых правил чести и ведомых только жаждой наживы. В отличие от них, киммериец свято соблюдал кодекс своего народа — пусть варварский и кровавый, но в вопросах чести непререкаемый.

— Как ты полагаешь,— спросила Белиза,— он... он умер?

Конану не понадобилось уточнять, о ком именно шла речь.

— Думаю, да,— ответил он девушке.— Серебро и огонь несут гибель порождениям зла, а я от души накормил его тем и другим!

Больше они к этой теме не возвращались. Белизе слишком тяжело было вспоминать жуткую сцену, когда черный чужак вошел в большой зал — и так долго чаемая месть обрела свое чудовищное завершение.

Немного погодя Конан спросил:

— А чем ты думаешь заняться, когда вернешься в Зингару?

Белиза беспомощно покачала головой.

— Не знаю,— проговорила она.— У меня нет ни денег, ни друзей, а зарабатывать на жизнь я не обучена... Может, и зря какая-нибудь из этих стрел меня не достала!..

— Не говори так, госпожа! — взмолилась преданная маленькая служанка.— Я буду работать и прокормлю нас обеих!..

Конан пошарил у пояса и вытащил небольшой кожаный мешочек.

— До сокровищ Татмекри,— проворчал он,— я не добрался. Но в сундуке, где я откопал себе одежонку, нашлось несколько побрякушек...— И киммериец высыпал себе на ладонь пригоршню пламенеющих рубинов.— Тут на самом деле целое состояние!

Стряхнул камни обратно в мешочек и сунул его в руки Белизе.

— Но я не могу их принять, потому что...— начала было она.

— Еще как можешь,— отмахнулся киммериец.— Не затем я тебя от пиктов спасал, чтобы ты в Зингаре голодала. Я ведь знаю, что это такое — оказаться без гроша в хайборийской стране... У нас в Киммерии тоже бывает недород и все прочее, но люди голодают, только если во всех уделах уже нечего есть! А в цивилизованных странах — тьфу, я видел, как одни мучились брюхом от ненасытного обжорства, тогда как другие помирали от истощения. Представь, падали и ноги протягивали прямо под стенами лавок и амбаров, ломившихся от снеди!..

Мне тоже бывало нечего есть, но я всегда мечом мог взять что хотел! А ты?.. Короче, бери эти рубины и не переживай ни о чем. Замок себе купишь, рабов, нарядные тряпки, что там еще... Тут небось и мужа сразу найдешь, ведь цивилизованные мужчины предпочитают состоятельных жен...

— Ну а ты? Что будет с тобой?

Конан усмехнулся и кивнул на «Кровавую руку», быстро подходившую к берегу.

— Мне,— сказал он,— нужно немногое: корабль да команду! Корабль у меня будет прямо сейчас, а доберусь до Барахских островов — появится и команда. Ребята из Червонного Братства рады плавать со мной, потому что я всегда веду своих людей к богатой добыче. И как только благополучно ссажу вас с девочкой на берег где-нибудь в Зингаре,— уж я не разочарую своих молодцов! И не благодари меня, даже слушать не хочу! Что мне горстка каких-то камешков, когда передо мной все богатства южных морей — только бери!..

ЛЮДОЕДЫ ЗАМБУЛЫ

I

БАРАБАНЫ В НОЧИ

— Опасность таится в доме Арама Бакша!..

Голос прокаркавшего это предупреждение так и дрожал от напряжения, тощие пальцы с черными ногтями возбужденно когтили могучую руку Конана. Это был жилистый, прокаленный солнцем мужчина с черной бородой веником и в оборванных одеждах кочевника; невеликий статью, рядом с гигантом-киммерийцем он смотрелся сущей дворняжкой. Они стояли на углу Базара Оружейников, а мимо них разноголосыми и пестрыми реками текли улицы города Замбулы — яркого, шумного, многоязычного.

Конан, как раз засмотревшийся было на проходившую девушку: алые губы, смелые глаза и юбка с высоким разрезом, то и дело открывавшая соблазнительную смуглую ножку,— неохотно оторвался от созерцания веселой красавицы и хмуро уставился сверху вниз на докучливого собеседника.

— Какая еще опасность? — спросил он недовольно.

Прежде чем отвечать, человек из пустыни опасливо оглянулся через плечо, затем проговорил, понизив голос:

— Откуда нам знать?.. Только заезжие путешественники *действительно* останавливались в доме Арама Бакша на ночлег — и кое-кого из них после этого никто больше не видел! Люди просто исчезали, и что с ними случилось — неведомо никому. Сам он клянется, будто они как ни в чем не бывало уезжали дальше с рассветом... Правда и то, что из его дома ни разу не пропадали жители города.

© Перевод М. Семёновой.

А вот чужестранцы... Кстати, кое-кто утверждает, будто видел потом на базарах товары и вещи, несомненно им принадлежавшие. Если Арам не убивал своих постояльцев и не сбывал их имущество, то, спрашивается, каким образом оно могло угодить на прилавки?

— Ну, у меня особого имущества нет, не говоря уже о товарах,— проворчал киммериец, касаясь ладонью обтянутой шагреневой кожей рукояти меча, висевшего у него при бедре.— Я даже коня продал...

— Но со двора Арама Бакша исчезают не только зажиточные купцы! — торопливо уточнил зуагир.— Нет, у него останавливались и небогатые странники из пустыни, ведь Арам берет за ночлег заметно дешевле, чем другие кабатчики... И эти бедные люди тоже без вести пропадали! Однажды зуагирский вождь потерял таким образом своего сына. Он пожаловался сатрапу Джунгир Хану. Правитель города велел солдатам обыскать дом...

Конан продолжил с добродушной подначкой:

— И те нашли там подвал, набитый скелетами...

— Нет! В том-то и дело, что они совсем ничего не нашли! И несчастный вождь был с позором изгнан из города! Но...— Тут кочевник вплотную придвинулся к Конану, его трясло.— Знай же, что было обнаружено нечто другое... За окраиной города, там, где кончаются дома, есть пальмовая рощица... Так вот, там нашли яму, а в ней — кости! Человеческие кости, почерневшие от огня! И видно было, что костер горел там много-много раз...

— Ну и что из этого следует? — буркнул Конан.

— А то, что Арам Бакш — демон!.. Этот город выстроили стигийцы, управляют им гирканцы, здесь белые, желтые и черные люди собираются вместе, безбожно плодя ублюдков всяческих цветов и мастей... Быть может, в этом смешении не обошлось и без дэмонов? Почем знать, кто из этих прохожих — действительно человек, а кто — нечистый дух, похитивший человеческое обличье?.. Точно тебе говорю, Конан: Арам Бакш — демон, прикинувшийся человеком! Ночами он обретает свой истинный вид и уносит спящих в пустыню, где подобные ему собираются на дьявольскую пирушку!..

— Почему же,— спросил Конан недоверчиво,— он утаскивает только чужестранцев?

— Потому что, вздумай он покушаться на местных, горожане недолго стали бы его терпеть. А заезжие — да кому тут есть до них дело?.. Послушай меня, Конан, ты ведь родился на Западе, откуда тебе знать все тайны этой древней земли!.. Вот что я тебе скажу: с начала времен демоны пустыни поклонялись Йогу, Властелину Пустых Жилищ, и приносили ему человеческие жертвы, сжигая их на огне... Итак, я тебя предупредил! Много лун прожил ты в шатрах зуагиров, ты наш побратим... Не ходи к Араму Бакшу, не ходи к нему в дом!

— Прячься, быстро,— неожиданно перебил Конан.— Сюда стража идет! Попадешься им на глаза — кабы не вспомнили о лошади, пропавшей недавно из сатрапских конюшен...

Зуагир ахнул и мигом юркнул в неприметную щель между торговым ларьком и каменным водопоем для лошадей. Но прежде чем исчезнуть, шепнул еще раз:

— Я тебя предупредил, брат. В доме Арама Бакша водятся демоны! Демоны!..

И скрылся в узком загаженном переулке.

Конан же поправил пояс с мечом и весьма спокойно обменялся взглядами с городскими стражниками, шагавшими мимо. Надобно сказать, те смотрели на него с любопытством и не без подозрительности, ибо Конан имел свойство выделяться в любой толпе, даже в том смешении языцев, что царило на улицах Замбулы. Синие глаза, черты лица, выдававшие далеко не местное происхождение... Не говоря уже о длинном прямом мече у бедра...

Как бы то ни было, стражники предпочли не задирать киммерийца. Они вразвалочку удалились по улице, и народ перед ними предусмотрительно расступался. Эти воины были из племени пелиштима, приземистые, крючконосые, с иссиня-черными бородами, мотавшимися по кольчужным нагрудникам,— наемники, исполнявшие черную работу для туранцев-правителей... и от души ненавидимые всеми расами и племенами, обитавшими в Замбуле.

Конан оглянулся на солнце, как раз начинавшее соскальзывать за плоские крыши домов в западной стороне горизонта. И, подтянув пояс, зашагал в направлении таверны Арама Бакша.

У него была походка горца, размашистая и неутомимая. Он быстро двигался пестрым хитросплетением улиц, где драные рубища канючащих попрошаек, бывало, задевали подбитые горностаем полы халатов важных купцов и расшитые жемчугами атласные платья богатых куртизанок. Черные гиганты-рабы сутулились под тяжелой поклажей, азартно толкались синебородые пришельцы из городов Шема, проходили оборванные кочевники из близлежащих пустынь, встречались торговцы и искатели приключений из всех пределов Востока...

Что до местного населения — природные замбулийцы являли собой картину не менее разнообразную. История города началась много веков назад, когда сюда явилась стигийская армия, чтобы посреди пустыни положить начало империи. Замбула тогда была захудалым торговым поселением, окруженным вереницей зеленых оазисов, а населяли ее потомки кочевников. Стигийцы построили укрепления и остались жить, сопровождаемые невольниками из Шема и Куша. Вскоре через пустыню потянулись караваны, которые привезли с востока и запада бесчисленные богатства и... множество чужеплеменников. Далее с востока нагрянули туранские завоеватели. Они отодвинули границу Стигии прочь — и вот уже целое поколение город считался самой западной заставой Турана, и правил им туранский сатрап.

В ушах у киммерийца так и звенел разноязыкий говор. Он все пробирался запруженными улицами сквозь толпы, время от времени рассекаемые лишь отрядами всадников-туранцев — рослых и гибких, с темными ястребиными лицами. Звякали доспехи, мотались в ножнах изогнутые мечи... Народ спешил уступить им дорогу, ведь это ехали хозяева города. Лишь долговязые, угрюмые стигийцы нехорошо поглядывали на конных из тени под навесами: верно, вспоминали свою прежнюю славу. Остальным замбулийцам, в чьих жилах текла смесь всевозможных кровей, было в общем-то глубоко безразлично, где сидел повелевавший ими король — в мрачной Кеми или в блистательном Аграпуре. Они жили под рукой Джунгир Хана, а тот, как гласила молва, пребывал под каблуком своей возлюбленной по имени Нефертари, и горожанам этого было довольно. А впрочем, повседневная жизнь замбулийцев шла своим чередом вот уже много столетий. Кто бы ими ни правил, люди все так же выходили на улицы, чтобы торговать,

спорить, жульничать в играх, пить в кабаках и предаваться любви,— с тех самых пор, как над песками Харамуна впервые поднялись башни и минареты Замбулы...

...Конану пришлось идти долго. Пока он добирался до заведения Арама Бакша, в городе успели зажечься бронзовые фонари, отлитые в виде оскаленных драконьих голов. Таверна оказалась крайним домом на улице, уводившей на запад. От прочих домов таверну отделял еще и сад, окруженный стеной,— там густо росли финиковые пальмы. Западнее гостиницы тоже виднелась рощица пальм, и сквозь нее тянулась улица, превращавшаяся в этом месте в дорогу. Напротив таверны, под сенью разросшихся деревьев, стояли необитаемые лачуги, служившие убежищем летучим мышам и шакалам... Подходя к своей цели, Конан мимолетно посмотрел на эти хижины и удивился про себя, почему в брошенные дома не вселились нищие, которыми так изобиловала Замбула. Здесь было, кстати, и темновато. Все фонари остались далеко за спиной, лишь один светил прямо над дверью.

Только звезды на небе, да мягкая дорожная пыль под ногами, да шорох пальмовых листьев на ветру, долетающем из пустыни...

Дверь Арамова заведения открывалась не на улицу, а в переулок между гостиницей и пальмовым садиком. Конан без лишней деликатности подергал веревку, свисавшую подле фонаря, и дополнил звяканье колокольчика гулким стуком эфеса по тиковым, окованным железом створкам. Наконец открылось крохотное окошечко, и киммериец увидел черную физиономию.

— Открывай, лежебока! — потребовал Конан.— Я постоялец! Я заплатил Араму за комнату, и, во имя Крома, я намерен ее получить!

Чернокожий вывернул шею, высматривая что-то на освещенной звездами дороге у Конана за спиной, но ворота распахнул беспрекословно, а когда киммериец вошел — снова запер их и заложил брусом. Стена, окружавшая двор, выглядела необычно высокой; что ж, ворья в Замбуле хватало, а дом у самого края пустыни мог подвергнуться еще и ночному налету кочевников. Конан прошел через садик, где ночной ветер покачивал головки громадных бледных цветов, и вступил в общую комнату. Там он увидел одинокого стигийца — судя по бритой голове, начинающего ученого,— который размышлял о чем-то, сидя в углу, и довольно сомнительную компанию, шумно резавшуюся в кости.

Навстречу позднему гостю вышел сам хозяин, Арам Бакш. Это был тучный мужчина с пышной черной бородой, разметавшейся по груди, торчащим крючковатым носом и маленькими бегающими глазками.

— Есть будешь? — спросил он.— Или, может быть, выпьешь?

— Я сыт,— буркнул Конан.— Зашел на *сук*, поел хлеба с говядиной... А вот от кружки газанского вина, пожалуй, не откажусь. Все равно у меня денег ни на что больше нет...

И он бросил на липкую от вина стойку последний медяк.

— Проигрался? — осведомился хозяин.— Не повезло?

— Когда в кармане всего-то горсть серебра, ждать обогащения трудно,— сказал киммериец.— Думаешь, почему я еще с утра тебе заплатил? Потому что знал, что, скорей всего, промотаюсь, а кров над головой — дело вовсе не лишнее. Я смотрю, у вас в Замбуле не принято на улицах ночевать... Самые распо-

следние бродяги и те ищут хоть какую-нибудь дыру, чтобы заползти туда и загородить вход! У вас тут что, какие-то особо кровожадные головорезы по ночам рыщут?

Он с наслаждением проглотил дешевое пойло, которое подал ему Арам, и отправился следом за хозяином в жилые комнаты.

У него за спиной игроки оставили кости, чтобы посмотреть Конану вслед, ни дать ни взять что-то обдумывая... Никто из них ничего не сказал, лишь стигиец вдруг рассмеялся. Жуткий это был смех, полный не вполне человеческой циничной насмешки... Остальные потупились, почему-то избегая смотреть один на другого. Известное дело: науки, которые изучают такие вот стигийские школяры, не слишком способствуют развитию обычных людских чувств, они нацелены на другое...

Конан прошел за Арамом по коридору, озаренному медными светильниками. От него не укрылось, что хозяин гостиницы шел вполне бесшумно. Это не слишком понравилось киммерийцу. Верно, Арам был обут в мягкие шлепанцы, на полу раскинулся толстый туранский ковер, но не в том дело. Конана раздражала некая хитроватость, явно свойственная замбулийцу. Они миновали длинный извилистый коридор, и Арам остановился у двери, запертой на тяжелую железную полосу, уложенную в мощные проушины. Подняв ее, Арам ввел Конана в неплохо обставленную комнату. Киммерийцу сразу бросилось в глаза, что окошки здесь были маленькие, а решетки в них — из толстых витых прутков, железных, хоть и не без изящества позолоченных. Ковры на полу, ложе по восточному образцу, резные деревянные табуреты... Снять за свои деньги подобный покой где-нибудь ближе к центру города Конан бы уж точно не смог. Собственно, это его сюда и привело, когда нынче утром он обнаружил, до какой степени опустошили его кошелек бесшабашные кутежи последних нескольких дней. Он приехал в Замбулу всего неделю назад — и вот результат!

Арам затеплил бронзовый светильник и указал Конану на две двери, обе — очень надежно запертые.

— Чувствуй себя в безопасности, киммериец,— подмигнул он, стоя на пороге.

Конан хмыкнул, вытащил из ножен меч и бросил его на кровать.

— Твои решетки и запоры хороши,— сказал он,— но я предпочитаю спать, положив под руку добрый клинок!

Арам не ответил. Он чуть-чуть задержался в дверях, поглаживая бороду и рассматривая внушительное боевое оружие. Потом молча удалился и прикрыл за собой дверь.

Задвинув тяжелый засов, Конан пересек комнату, открыл внешнюю дверь и выглянул наружу. Его комната была в западном крыле здания, она выходила как раз на дорогу, что вела в пустыню. Конан увидел за дверью небольшой дворик, окруженный отдельной стеной. Та ее часть, что отъединяла дворик от остальной территории таверны, выглядела сплошной и высокой; та же, что сообщалась с дорогой, была явно пониже, в ней имелись ворота, и на них Конан не заметил замков.

Киммериец постоял на пороге, отвернувшись от светильника и глядя туда, где дорога терялась среди густых пальм... Перистые листья шелестели на легком

ночном ветру, а за рощицей раскинулась нагая пустыня. С противоположной стороны мерцали городские огни, слышался отдаленный уличный шум... Над головой Конана горели звезды, шептала листва, а за низкой стеной лежала дорожная пыль и торчали во тьме брошенные дома. И где-то за пальмами, с той стороны рощи, начал глухо бить барабан.

Вот когда Конан невольно припомнил туманные предупреждения зуагира... От них легко было отмахиваться солнечным днем, посреди людной улицы. Сейчас эти бредни показались киммерийцу куда более похожими на правду. Ко всему прочему, ему не давали покоя опустевшие лачуги напротив. Что за таинственная причина отваживала от них нищих?..

Конан вернулся в комнату, закрыл дверь и вдвинул запор.

Светильник почти сразу начал мигать. Киммериец заглянул в него и ругнулся: пальмовое масло, которым была заправлена лампа, плескалось на самом дне. Он даже хотел заорать, призывая нерадивого Арама, но потом махнул рукой и задул еле живой фитилек.

Оставшись в темноте, киммериец одетым вытянулся на постели, привычно найдя и стиснув ладонью рукоять длинного меча. Последний раз покосился на звезды, глядевшие в маленькое окно, прислушался к шепоту листьев — и погрузился в чуткий сон, сквозь который все наплывал негромкий бой далекого барабана. Барабана, обтянутого кожей, ритмично и глухо звучавшего под неторопливой черной рукой...

II

ПРЯЧУЩИЕСЯ В НОЧИ

Киммерийца разбудил звук тихо-тихо приоткрывшейся двери... Варвар проснулся — но не так, как какой-нибудь цивилизованный человек, который еще некоторое время валяется в полусне, с трудом продирая глаза и не особенно понимая, на каком свете находится. Конан пробудился сразу и полностью и столь же мгновенно распознал потревоживший его звук. Уже готовый к немедленному действию, он увидел, как начала медленно открываться внешняя дверь... Щель, сквозь которую виднелось звездное небо, постепенно расширялась, а потом звезды заслонила громадная черная тень. Покатые плечи, уродливая шишковатая голова...

Конан невольно ощутил пробежавший по спине холодок. Он ведь отлично помнил, как запирал эту самую дверь! Ну и каким, интересно, образом она теперь отворялась, если не при посредстве магической силы? И откуда у человеческого существа могла оказаться на плечах безобразная башка вроде той, что угадывалась в двери?.. Киммериец разом припомнил все россказни о проделках нечистой силы, которых успел наслушаться в зуагирских шатрах, и его пробило холодным потом.

И вот чудище неслышно проскользнуло вовнутрь. Оно двигалось на полусогнутых ногах, неуклюжей обезьяньей походкой... И вдруг ноздрей киммерийца коснулся очень знакомый запах. Именно тот запах, что описывали ему зуагиры, по словам которых от нечисти еще и разило.

Незаметно и медленно Конан подобрал под себя ноги, поудобнее передвинул меч... И когда он нанес удар, это был смертоносный удар тигра, охотящегося в ночи. Никакой демон не сумел бы опередить пружинно-стремительного броска... Клинок мелькнул и воткнулся в живую плоть, рассекая мышцы и кости. Раздался сдавленный вскрик, на пол тяжело рухнуло тело. Конан нагнулся над упавшим, держа в руке окровавленный меч... Дьявол, животное или человек — вторгшийся к нему совершенно точно был мертв. Конан это чувствовал,

как чувствуют варвары и дикие звери... Потом киммериец выглянул во дворик сквозь полуоткрытую дверь. Там никого не было. Зато уличные ворота стояли распахнутые.

Конан прикрыл дверь, но не стал ее запирать. Пошарив впотьмах, он отыскал и зажег лампу. Масла в ней было мало, но на минуту-другую, уж верно, хватит! Не теряя времени даром, Конан склонился над телом, что распростерлось на полу в луже густеющей крови.

Это был чернокожий гигант, совсем обнаженный, если не считать набедренной повязки. В одной руке он еще сжимал сучковатую дубинку. Курчавые волосы были оттянуты во все стороны наподобие рожек и укреплены засохшей глиной. Вот, значит, отчего маячившая в дверях голова показалась Конану такой чудовищно безобразной! Начиная кое-что понимать, киммериец раздвинул толстые красные губы убитого — и хмыкнул, увидев, что зубы чернокожего были искусственно заострены.

Так вот куда таинственным образом пропадали из дома Арама Бакша несчастные чужестранцы... Вот что связывало черный барабан, гудевший за пальмовой рощей, и яму, полную обгорелых костей...

Человечина с тех костей была изжарена над костром, и звероподобные чернокожие утолили ею свой противоестественный голод. Лежавший на полу был рабом из племени людоедов, обитавшего в Дарфаре.

И таких, как он, в городе было полным-полно...

Нет, не то чтобы в Замбуле открыто приветствовали каннибализм. Однако теперь Конан понимал, почему горожане так прочно запирали на ночь свои жилища и даже бездомные нищие после наступления темноты избегали открытых улиц и руин, лишенных дверей. Конан содрогнулся от отвращения, ясно вообразив себе черные тени, крадущиеся в тишине ночных улиц... Они рыскали в поисках двуногих жертв, и такие, как Арам Бакш, услужливо открывали им двери.

Хозяин гостиницы не был демоном. Он был существенно хуже. Рабы-дарфарцы помимо людоедских наклонностей славились неистребимой тягой к воровству. Уж верно, Араму перепадала «малая доля» от их бесчестной добычи...

И за это он с ними расплачивался человеческой плотью.

...Задув светильник, Конан снова открыл дверь и ощупал резные украшения на внешней стороне. Одно из них сдвинулось у него под рукой: оно и управляло засовом. Комната представляла собой ловушку для ничего не подозревающих странников. Только на сей раз в нее попался не беспомощный кролик, а саблезубый тигр.

Подойдя к двери, что вела в коридор, Конан отодвинул засов и попытался открыть ее. Ничего не получилось, и он вспомнил о железной полосе с другой стороны. Арам действовал наверняка, надежно отгораживаясь и от обреченных жертв, и от тех, кто за ними приходил. Никакие неожиданности ему были не нужны... Конан застегнул пояс с мечом и вышел во дворик, притворив за собой дверь. Он не видел никаких оснований откладывать окончательный расчет с хозяином этой таверны. Сколько бедолаг здесь оглушили во сне ударом дубинки и оттащили по пыльной дороге за рощу, к пиршественной яме? Пора было положить этому конец...

Во дворике киммериец помедлил. Барабан еще бормотал, и между стволами пальм нет-нет да и проникали багровые отсветы. Конану было известно, что по-

едание человечины не просто удовлетворяло извращенные аппетиты черных дарфарцев, на нем не в последней степени зиждилась их темная вера...

Судя по всему, стервятники уже собрались на пирушку.

«Ну уж нет,— сказал себе Конан.— Меня вы на вертел не насадите!»

Чтобы добраться до Арама Бакша, ему предстояло перелезть одну из внутренних стен. Их высота была предназначена защищать гостиницу от людоедов, но Конан был не каким-нибудь дарфарцем, выросшим среди болот, его мышцы еще в мальчишестве закалялись на отвесных обрывах и скалах суровой Киммерии... Он уже примеривался к стене, когда снаружи донеслось эхо отчаянного крика.

В следующий миг Конан уже стоял возле ворот и, прячась за створкой, вглядывался в уличные потемки. Крик донесся из глубокой тени, окутавшей лачуги на той стороне. Конан распознал сдавленное дыхание и безуспешную попытку закричать снова, как если бы чей-то рот зажимала широкая черная лапа... И наконец из темноты возникла тесная группка людей — трое здоровенных чернокожих тащили тоненькую, белую, извивающуюся фигурку. Киммерийцу хватило звездного света, чтобы различить светлую кожу,— особенно когда девушка каким-то судорожным усилием умудрилась вывернуться из неуклюжих лап похитителей и в чем мать родила бросилась по дороге назад к городу. Мгновением позже она свернула в темноту между домами. Преследователи неслись за ней по пятам. Вот все они исчезли во мраке, и вскоре оттуда вновь прозвучал крик невыносимой муки и ужаса...

Выведенный из себя этой откровенно зверской расправой, Конан кинулся через улицу.

Ни жертва, ни похитители не догадывались о его приближении, пока шуршание пыли под ногами варвара не заставило их обернуться,— и тут он налетел на них со всей свирепостью горного вихря. Двое чернокожих попытались было встретить его дубинками, но, как выяснилось, весьма недооценили скорость, с которой он надвигался. Один, едва успев замахнуться, полетел наземь с выпущенными кишками. Крутанувшись, как кот, Конан увернулся от дубинки второго, меч варвара свистнул в мгновенном ударе наотмашь. Голова людоеда завертелась в воздухе, обезглавленное тело, шатаясь, прошло еще три шага, заливаясь кровью и жутко шаря в воздухе расставленными руками... И наконец обмякло и распростерлось в пыли.

Уцелевший дарфарец закричал и попятился. При этом он отшвырнул от себя жертву, та, споткнувшись, покатилась по земле, а чернокожий в нерассуждающем ужасе ринулся прочь, в сторону города. Конан не отставал... Страх придал людоеду проворства, но, когда они уже подбегали к ближним домам, он ощутил за спиной близкое дыхание смерти и заревел, точно бык на бойне.

— Ах ты, адская тварь...— Конан всадил меч между смуглых лопаток с такой мстительной силой, что половина клинка вышла наружу из груди. Чернокожий издал последний крик и повалился лицом вниз, невольно помогая киммерийцу высвободить меч.

Стало тихо, только шелестела под ветром листва... Конан тряхнул головой, точно лев гривой, и зарычал сквозь зубы. Сейчас он с удовольствием убил бы кого-нибудь еще, но никакие зловещие тени более не таились в потемках, и дорога под звездами оставалась пустой. Топоток за спиной заставил его стреми-

тельно обернуться, но это была всего лишь спасенная девушка. Бросившись к нему, она обхватила его руками за шею, сама не своя от пережитого ужаса.

— Тихо, тихо, милая,— проворчал он.— Все в порядке. Как это ты угодила им в лапы?

Она только всхлипывала, тщетно пытаясь выговорить нечто внятное, а Конан между тем, присмотревшись к спасенной, начал быстро забывать про Арама Бакша и все с ним связанное. Девчонка была белокожей и черноволосой — явно дитя смешанной крови, как водилось в Замбуле. Рослая, гибкая, прекрасно сложенная... Звездный свет давал Конану отличную возможность должным образом оценить высокую грудь и стройные ножки, норовившие подкоситься от изнеможения и страха. В свирепых синих глазах разгорелся огонек восхищения, Конан приобнял девушку за талию и попытался ободрить:

— Хватит трястись, малышка, больше тебя никто не обидит.

Прикосновение его крепкой руки подействовало успокаивающе. Девушка убрала с лица роскошные растрепавшиеся волосы и пугливо оглянулась через плечо, прижимаясь к киммерийцу в поисках утешения и защиты.

— Меня... меня схватили на улице,— кое-как выговорила она наконец.— Подкараулили... сидели в засаде... под темной аркой... такие черные, словно огромные хищные обезьяны!.. Помилуй меня, Сет,— думаю, долго они мне будут по ночам сниться...

— А что, собственно, ты в такой поздний час на улице делала? — поинтересовался Конан, думая больше о шелковистой коже под его осторожными пальцами.

Девушка провела ладонью по волосам и подняла на него недоумевающие глаза. Кажется, она и не замечала, чем там занята его рука.

— Мой любовник,— сказала она.— Мой любовник выгнал меня на улицу посреди ночи. Он сошел с ума и решил меня убить. Я убежала от него, и тогда меня схватило это зверье...

— Красотка вроде тебя запросто сведет кого угодно с ума,— заметил Конан, пропуская между пальцами блестящие локоны.

Девушка тряхнула головой, словно прогоняя дурной сон. Она более не дрожала, ее голос окреп.

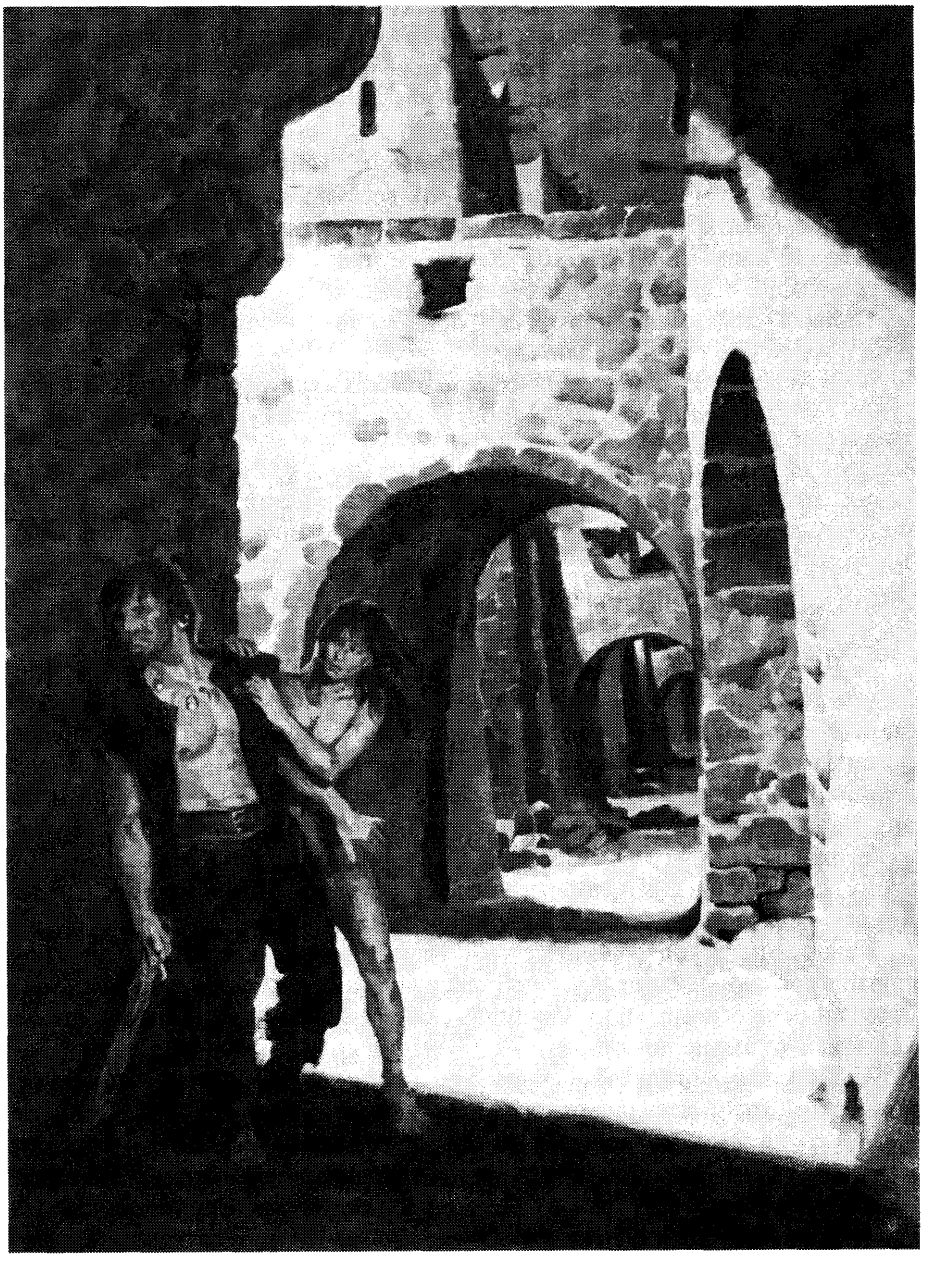
— Меня едва не погубил гнев жреца... Тотразмек, высший жрец Ханумана, пожелал назвать меня своей... пес!

— Ну и стоит ли его за это ругать? — усмехнулся киммериец.— Я бы даже сказал, вкус у старой гиены отменный...

Она пропустила неуклюжий комплимент мимо ушей. Самообладание быстро к ней возвращалось.

— Мой любовник, он... это молодой старшина туранских солдат. Гневаясь на меня, Тотразмек опоил его отравой, помутившей рассудок. Когда несчастный схватил меч и попытался меня зарубить, я выскочила на улицу. Чернокожие схватили меня и потащили в... Ой, что это?!

Но Конан не только успел услышать то же, что и она, он еще и начал действовать. Бесшумно, как тень, он скользнул вместе с девушкой за ближайшую лачугу, в тень разросшихся пальм. Там они и стояли в напряженном молчании, слушая, как делается громче насторожившее их бормотание. Вскоре сделались

различимы отдельные голоса: по дороге со стороны города двигалась вереница примерно из десяти чернокожих. Девушка вцепилась в руку Конана и всем телом прижалась к нему, он почувствовал, что ее снова начало трясти.

Теперь гортанные голоса людоедов стали не только различимы, но и понятны.

— Наши братья уже собрались около ямы,— говорил один.— Нам нынче не повезло; одна надежда, что с нами поделятся...

— Арам обещал нам человека,— отозвался другой, и Конан вновь мысленно пообещал этому самому Араму кое-что весьма нехорошее.

— Арам всегда держит слово,— подал голос третий.— Мы многих заполучили из его таверны... Что ж, мы хорошо ему платим! Я сам отнес ему десять штук шелка, которые утащил у хозяина... Клянусь Сетом — добрый был шелк!

Шаркая плоскими ступнями, дарфарцы миновали спрятавшихся, и их голоса постепенно стихли вдали.

— Нам повезло! Трупы тех троих валяются не на виду,— проворчал Конан.— Если они вздумают проверить Арамову особую комнатку, они там еще одного собрата найдут... Пошли-ка отсюда!

— Да, да, пошли отсюда скорей! — взмолилась девушка. Кажется, она снова была недалека от истерики.— Мой бедный возлюбленный где-то бродит по улицам совершенно один... Его тоже могут схватить!

— Ну тут у вас и обычаи,— буркнул Конан, ведя девушку к городу задворками, где было потемней.— Почему бы горожанам не взять да не прекратить эту чуму?

— Дарфарцы — ценные рабы,— ответила девушка.— К тому же их так много, что, если запретить им охоту за столь желанной добычей, восстание может стать опасным. С другой стороны, замбулийцам отлично известно, насколько опасны улицы ночью, и они стараются не покидать хорошо запертых домов... если только не происходит чего-нибудь неожиданного, вот как со мной сегодня. Чернокожим все равно, кого пожирать, но обычно им попадаются только чужестранцы... а судьба чужестранцев жителей города не слишком волнует. Поэтому Арам Бакш и ему подобные продают людоедам только заезжих. С горожанином такое проделать Арам бы никогда не посмел!

Конан не нашел подобающих слов — только плюнул. А потом он вывел свою спутницу на дорогу, которая успела стать улицей. По сторонам тянулись дома с погашенными огнями. «Ну и хорошо,— подумалось ему.— Прятаться в потемках — как-то это не по мне...»

— Куда тебя проводить? — спросил он, отмечая про себя, что против его руки на своей талии девушка по-прежнему не возражала.

— Ко мне домой,— ответила она.— Я тотчас подниму слуг и велю им искать моего любовника. Я совсем не хочу, чтобы город... жрецы... чтобы вообще кто-нибудь проведал о постигшем его безумии. Он... Это молодой полководец, которого ждет блестящее будущее. Если нам с тобой удастся его отыскать, полагаю, ему можно будет вернуть здравый рассудок...

— Если нам с тобой удастся его отыскать? — переспросил Конан.— С чего это ты взяла, будто я готов ночь напролет носиться по улицам, разыскивая какого-то лунатика?

Она быстро подняла на него глаза — и верно истолковала огонек, горевший в синих глазах. Ясно было: он пойдет за ней, куда бы она его ни повела. Любая женщина угадывает это мгновенно. Но обязательно притворится, будто не поняла!

— Ну пожалуйста...— со слезами в голосе взмолилась она.— Мне больше не к кому обратиться за помощью... А ты был так добр ко мне...

— Ну ладно,— пробурчал он наконец.— Ладно, что с тобой делать! Как хоть его зовут, негодяя-то твоего?

— Его? Э-э-э... Алафдаль. А я — Забиби, танцовщица. Мне приходилось танцевать перед правителем города, сатрапом Джунгир Ханом, перед его возлюбленной Нефертари и всей высшей городской знатью. А потом меня возжелал Тотразмек... и сделал невинным орудием своей ненависти к Алафдалю. Дело в том, что я попросила у него любовное зелье... Могла ли я постигнуть всю бездну его низости и коварства! Он дал мне зелье и велел подлить его Алафдалю в вино, он клялся, что стоит Алафдалю выпить его, как он крепче прежнего полюбит меня и станет исполнять всякую мою прихоть... Я все сделала, как он мне сказал, но под действием напитка мой возлюбленный впал в безумие... Я уже рассказывала тебе... Проклятие Тотразмеку, этому поганому отродью змеи и... А-а-ах!

Она судорожно вцепилась в руку киммерийца. Оба остановились. Они как раз добрались до квартала лавочек и магазинов — час стоял очень поздний, нигде не горело ни огонька. Зато на выходе из одного переулка угадывался человеческий силуэт. Мужчина стоял молча и неподвижно, опустив голову, но Конан поймал немигающий взгляд исподлобья, и ему стало жутковато. Не то чтобы он испугался оружия в руках у безумца. Безумие имеет свойство внушать страх само по себе. Даже храбрейшим...

Он заслонил собой девушку и вытащил меч.

— Только не убивай его!..— взмолилась она.— Во имя Сета, не убивай! Ты же сильный — скрути его, и довольно!

— Попробую,— отозвался варвар, сжимая левую руку в пудовый кулак.

Стоило ему сделать шаг в направлении переулка, как туранец разразился жутким стонущим смехом и сам бросился на него. Он бешено размахивал мечом и подпрыгивал, всем телом вкладываясь в удары. Полетели синие искры — Конан парировал его выпады. Еще миг, и сумасшедший без чувств растянулся в пыли, сраженный, точно молнией, ударом страшного кулака.

Девушка тотчас бросилась к нему.

— Он не... Ты ведь его не...

Конан быстро перевернул поверженного и сноровисто ощупал.

— Я его не...— сообщил он девушке.— Кровь из носу течет, ну а чего ты хотела? Погоди немножко, очнется... Может, заодно и мозги встанут на место. Дай-ка на всякий случай я руки ему свяжу... вот так... его же поясом. Ладно, куда прикажешь тащить?

— Погоди! — Она присела на корточки подле мужчины, схватила и жадно ощупала его связанные руки. Мотнула головой — разочарованно и с недоумением... Потом снова подошла к гиганту-киммерийцу и положила ладошки на его могучую грудь. Ее глаза показались ему двумя влажными черными самоцветами.

— Ты ведь мужчина, ты воин! Помоги же мне! Тотразмек должен умереть! Убей его ради меня!

— Ага, сейчас,— проворчал Конан.— Чтобы туранцы меня за это повесили?

— Ни в коем случае! — Нежные руки, оказавшиеся неожиданно сильными, обвили его шею, он ощутил напряжение и трепет стройного тела.— Гирканцам не за что любить Тотразмека. Его и жрецы Сета боятся... Власть этого ублюдка держится на суеверии и страхе. Я вот молюсь Сету, туранцы почитают Эрлика, Тотразмек же приносит жертвы Хануману Проклятому! Туранская знать опасается его темного могущества, его власти над людьми смешанной крови... опасается и ненавидит! Даже Джунгир Хан и его возлюбленная Нефертари! Если убить его ночью в храме, я уверена, сделавшего это не будут очень уж усердно искать...

Конан спросил недоверчиво:

— А магия?

— Ты боец,— был ответ.— Рисковать жизнью для тебя не впервой!

Киммериец кивнул.

— Ну... За подходящую плату...

— Ты получишь награду! — выдохнула она, приподнимаясь на носках, чтобы заглянуть ему в глаза.

От близости ее влекущего тела у него пробежал по жилам огонь, аромат ее дыхания кружил голову... Конан уже заключил было красавицу в объятия, но девушка гибко ускользнула, предупредив:

— Сперва просьбу мою исполни.

Ему понадобилось усилие, чтобы выговорить:

— Назови цену!

— Подними моего любовника,— велела она, и Конан, нагнувшись, без натуги закинул рослого туранца себе на плечо.

В этот момент ему казалось, что он бы и дворец Джунгир Хана с такой же легкостью перевернул. Девушка между тем нашептывала бесчувственному какие-то ласковые слова и, судя по всему, не лицемерила. Она явно любила своего Алафдаля, любила искренне и преданно. Может, они с Конаном и придут к некоей деловой договоренности, но на ее отношение к Алафдалю это ни малейшим образом не повлияет... Женщины — практичный народ, куда практичней мужчин. Алафдаль никогда ни о чем не проведает, а стало быть, и не будет страдать...

— За мной!

И девушка устремилась по улице. Киммериец размеренным шагом поспевал следом, безвольное тело, обвисшее на плече, ничуть не отягощало его. Он еще успевал поглядывать по сторонам — не таятся ли там, в глубоких дверных арках, какие-нибудь нехорошие тени? Ничего подозрительного им, однако, не встретилось. Скорее всего, дарфарские людоеды уже собрались у костровой ямы...

Наконец девушка свернула в узкую боковую улочку и осторожно постучала в высокую дверь.

Почти тотчас же в верхней филенке двери открылось смотровое окошечко, мелькнула черная физиономия. Девушка приблизила к окошку лицо, что-то зашептала... Было слышно, как отодвигался тяжелый засов, и дверь отворилась.

Масляная лампа, горевшая позади, озарила фигуру чернокожего гиганта. Конан невольно напрягся, но только на миг. Этот слуга был не из Дарфара. Нормальные зубы, коротко остриженное курчавое руно — Конан узнал облик племени вадаи.

По слову Забиби киммериец передал ему по-прежнему бесчувственного Алафдаля, и скоро юный полководец был бережно уложен на бархатный диван. Сознание не спешило возвращаться к нему. И то сказать,— удар, которым наградил его Конан, мог бы свалить с ног быка. Забиби склонилась над любимым, беспокойно сплетая и расплетая пальцы... Потом выпрямилась и поманила Конана за собой обратно наружу.

Дверь за их спинами закрылась, замки щелкнули... Закрылось смотровое окошечко, отсекая свет масляных ламп. Снова только звезды горели над головой. Забиби взяла Конана за руку, и от него не укрылось, что ее ладошка дрожала.

— Так ты не подведешь меня? — спросила она.

Конан тряхнул вороной гривой. Наверное, девушке он казался каменной глыбой, заслонявшей звездное небо.

— Тогда поспешим в храм Ханумана,— сказала она.— И да сжалятся над нашими душами боги!..

Двумя неслышными тенями заскользили они вдоль спящих городских улиц... Никто не произносил ни слова. Должно быть, девушка беспокоилась о возлюбленном и все представляла себе, как он лежит там без чувств в сиянии медных светильников; а может, в ужасе гадала о том, что могло ждать их впереди, в посещаемом нечистью святилище Ханумана. Мысли варвара были существенно приземленней. Он думал только о девушке, легко шагавшей с ним рядом. Одного запаха ее душистых волос с избытком хватало, чтобы сделать ее центром его размышлений и отогнать прочь все остальное!

Один раз впереди послышалось лязганье по камням подкованной обуви. Конан и девушка тотчас же укрылись в глубокой сумрачной дверной нише, пережидая, пока мимо них пройдут ночные дозорные-пелиштимцы. Воинов было десятка полтора, они шагали в плотном строю, держа копья наготове, и шедшие последними несли щиты за спиной — от предательского удара ножом сзади. Видно, даже им приходилось опасаться ночных охотников на людей!

Когда клацанье сандалий затихло в уличной дали, Конан с девушкой покинули свое укрытие и поспешили вперед. Еще немного, и они увидели перед собой приземистое здание с плоской крышей. Это и была их цель.

Храм Ханумана уединенно стоял посреди широкой площади. Сейчас эта площадь была тиха и безлюдна, лишь звезды смотрели на нее с небес. Святилище окружала мраморная стена, в которой как раз против входного портика зиял широкий разрыв. В проеме не было ни ворот, ни иного барьера.

— Стало быть, тут не отгораживаются от людоедов,— заметил Конан.— Как я погляжу, жрецы их не боятся!

Прижавшуюся к нему Забиби так и трясло.

— Людоеды сами боятся,— сказала девушка.— Все в Замбуле боятся Тотразмека. Даже Джунгир Хан с Нефертари... Идем же! Идем скорей, пока я остатков мужества не лишилась!..

Видно было, что она очень боялась, но не теряла решимости. Конан вытащил меч и первым двинулся ко входу. Он помнил веселенькие обычаи восточ-

ных жрецов и вполне представлял себе, что незваный гость, дерзнувший проникнуть среди ночи в храм Ханумана, в любой миг мог встретиться с каким угодно чудовищным ужасом. А стало быть, их с Забиби шансы выбраться отсюда живыми были не особенно велики. И все же он шел вперед. Сколько раз прежде он рисковал жизнью? Подумаешь, еще раз...

Они вошли во внутренний двор. Беломраморные плиты мостовой чуть заметно мерцали под звездами. Широкие мраморные ступени вели наверх, к колоннаде портика. Громадные бронзовые двери стояли распахнутыми — их не запирали уже много столетий. Вот только сейчас никто не молился внутри, не воскурял благовоний. В дневное время мужчины и женщины еще отваживались робко заходить сюда, чтобы возложить свои приношения на черный алтарь обезьяньего бога. Но вот ночью... Ночью местные жители далеко обходили храм Ханумана, как зайцы — логово хищной змеи!

Бронзовые курильницы распространяли внутри храма мягкий и таинственный свет. У тыльной стены, за черным каменным алтарем, сидел истукан Ханумана. Его взгляд был направлен на входную дверь, сквозь которую много веков подряд входили его жертвы — их втаскивали сюда на увитых розами цепях. От самого порога к алтарю тянулась по каменному полу длинная, еле заметная канавка... Ощутив ее под ногой, Конан резко прянул в сторону, ни дать ни взять наступив на змею. Углубление в полу было вытерто бесчисленными ногами тех, чьи судьбы завершились в мучениях на том страшном алтаре...

Неверный свет заставлял резную маску Ханумана кривиться в звериной усмешке. Идол сидел не по-обезьяньи, а подобно человеку — скрестив ноги, вот только сходства с человеком ему это не прибавляло. Он был изваян из черного мрамора, в глазах пламенели рубины — казалось, это рдели угли адских жаровен. Огромные лапы истукана лежали на коленях, ладонями вверх, растопыренные когтистые пальцы, казалось, готовились хватать и терзать. Ухмыляющаяся рожа, преувеличенные признаки пола — все отражало чудовищный цинизм извращенного, упадочнического темного культа.

Девушка обошла изваяние, направляясь к дальней стене. Нечаянно задев боком выставленное каменное колено, она содрогнулась и отскочила, словно ядовитая рептилия коснулась ее. Широкую спину идола отделяло от мраморной стены с вырезанными на ней золотыми листьями расстояние в несколько футов. За его левым и правым плечами виднелось по двери. Обе — из слоновой кости, перекрытые золотыми арками.

— Эти двери,— торопливо объяснила девушка,— ведут в два конца подковообразного коридора. Видишь ли, однажды я побывала внутри храма...— Судя по тому, какая дрожь потрясла ее тело, воспоминания были и жуткими, и непристойными.— В вершине «подковы» находится вход в покои Тотразмека. Но где-то тут, в этой стене, есть еще тайная дверь, позволяющая проникнуть во внутренние помещения...

Ее пальцы проворно забегали по гладкой поверхности, на которой нельзя было различить ни щели, ни трещинки. Конан с мечом в руке стоял рядом и настороженно озирался. Тишина пустого храма давила на него, воображение в ярких красках рисовало все то, что могло ждать их за стеной... Конан чувствовал себя диким зверем, изготовившимся сунуть нос в ловушку...

— Ага!..— Девушка наконец-то нащупала тайную пружину, и в стене разверзся черный прямоугольный провал. Но буквально тут же раздался отчаянный визг: — Сет!!!

Конан мгновенно рванулся на выручку... И увидел, что его спутницу сгребла за волосы громадная уродливая лапа. Девушку, сбитую с ног, уже утаскивали в темноту. Конан хотел перехватить ее, но не успел. Его пальцы лишь скользнули по гладкой девичьей коже. Забиби исчезла в отверстии, и потайная дверь мгновенно захлопнулась. Стена снова казалась сплошной.

Лишь откуда-то из ее недр донесся приглушенный шум короткой борьбы, потом женский вопль... И наконец — смешок, негромкий, но такой, что у Конана кровь в жилах заледенела.

III

ХВАТКА ЧЕРНЫХ РУК

Выругавшись, киммериец так шарахнул по стене эфесом меча, что мрамор потрескался и раскрошился. Однако тайная дверь не поддалась; здравый смысл подсказывал, что ее, верно, успели накрепко запереть с той стороны. Повернувшись, он без промедления устремился к одной из двух дверей под золотыми арками.

Он хотел было уже разнести створку мечом, но в последний миг передумал и решил попробовать просто рукой. К его удивлению, дверь легко подалась, отойдя внутрь, и горящему взгляду Конана предстал длинный коридор, таявший в отдалении в неверном мерцании таких же курильниц, что и в самом храме.

На дверном косяке виднелся тяжелый золотой засов. Конан легонько пробежался по нему кончиками пальцев... и почувствовал легкое, едва уловимое тепло. Чтобы ощутить его, надо было иметь органы чувств столь же тонкие, как у дикого зверя. Конан понял, что к засову прикасались — открыли его — буквально секунды назад. Итак, дельце, в которое он по глупости впутался, все больше приобретало черты ловушки, только теперь в ней появилась еще и приманка. Уж верно, от Тотразмека не укрылось постороннее проникновение в его храм, и жрец принял меры...

Было вполне очевидно: войти в коридор значило шагнуть прямиком в капкан. Однако Конан медлить не стал. Где-то там, в скудно освещенных покоях, удерживали Забиби, и если известное Конану о жрецах Ханумана было правдой хоть наполовину — девушку следовало выручать, и чем скорее, тем лучше. Конан вошел в коридор, осторожный, точно пантера на охоте, с мечом наголо, готовый мгновенно разить хоть вправо, хоть влево.

По левую руку от него в коридор выходила вереница все таких же дверей из слоновой кости; Конан перепробовал все по очереди — заперто. Он прошел футов семьдесят пять, когда коридор резко ушел влево,— похоже, Забиби не ошиблась, описывая его форму как подковообразную. Внутри изгиба тоже обнаружилась дверь, и она подалась под его рукой.

Перед киммерийцем был просторный квадратный чертог, освещенный несколько лучше, чем коридор. Стены — белый мрамор, пол — слоновая кость, потолок — фигурное серебро. Роскошные атласные диваны, костяные табуреточки для ног, овальный стол, тяжелый на вид, из не вполне понятного материала, смахивающего на металл. На одном из диванов, откинувшись на подушки, полулежал человек. Он смотрел прямо на дверь и, перехватив изумленный взгляд Конана, рассмеялся.

Он был почти наг, если не считать набедренной повязки и высоко зашнурованных сандалий. Коричневая кожа, коротко остриженные черные волосы, живые черные глаза на широкой самоуверенной физиономии... В груди и в поясе человек был поистине необъятен, мышцы на руках и ногах так и играли. Ладони же... нет, таких широченных ладоней Конан точно никогда в жизни не видел. Сидевший на диване явно обладал чудовищной физической силой, и она удивительным образом являла себя в каждом самомалейшем движении.

— Заходи, варвар, не стесняйся,— насмешливо проговорил силач, сопроводив свои слова преувеличенным жестом гостеприимства. В глазах Конана затлели опасные огоньки, но все же он шагнул через порог, держа меч наготове.

— Сам ты кто такой? — поинтересовался он неприветливо.

— Я — Баал-Птеор,— был ответ.— Некогда, очень давно и в другой стране, меня звали по-другому, но не в том суть... Баал-Птеор — хорошее имя, а почему Тотразмек дал его мне, тебе может объяснить любая храмовая блудница...

— Ага, так ты его пес,— проворчал Конан.— Ладно, Баал-Птеор, или как тебя там, чтоб с тебя слезла твоя смуглая шкура! Где девушка, которую вы утащили в тайную дверь?

— Мой хозяин следит, чтобы она не скучала,— рассмеялся человек на диване.— Прислушайся!

Из-за двери напротив той, в которую вошел Конан, раздался девичий вопль, заглушенный расстоянием и стенами.

— Да чтоб ты сдох,— вырвалось у Конана.

Он уже сделал шаг вперед, но тотчас обернулся, а всю кожу изнутри словно закололи иголочки. Баал-Птеор смеялся. И такая угроза слышалась в его смехе, что волосы на шее у Конана попытались подняться дыбом, словно щетина, а глаза начала застилать кровавая пелена, сулившая смертоубийство.

Он двинулся к Баал-Птеору, так стиснув меч, что побелели костяшки... И тут супостат что-то метнул в него очень быстрым движением. Неверный свет отразился в хрустальном шаре, взвившемся в воздух...

Конан инстинктивно шарахнулся, уворачиваясь, но шар чудесным образом остановился и повис в воздухе в нескольких футах от его лица. Он не упал на пол — так, словно невидимые нити подвешивали его к потолку. Пока киммериец соображал, что к чему, шар начал вертеться со все возрастающей скоростью. Вращаясь, он еще и рос, пока не заполнил всю комнату и не поглотил самого Конана. Не стало видно ни мебели, ни стен, ни улыбающейся коричневой рожи Баал-Птеора. Конан затерялся в синеватом, бешено несшемся вихре. Невероятные ветры со свистом мчались мимо него, силились подхватить, оторвать от пола и унести... прямо в крутящуюся воронку...

Издав придушенный крик, Конан что было силы рванулся назад, чуть не потерял равновесие, но потом ударился спиной о твердую стену. От удара иллюзия рассеялась без следа. Пропала титаническая сфера, исчезла втягивающая воронка. Все лопнуло, точно мыльный пузырь. Конан по-прежнему стоял в комнате под серебряным потолком, лишь у ног перетекал серый туман да на диване корчился от беззвучного смеха Баал-Птеор.

— Ах ты, сын шлюхи...— Конан перехватил меч и бросился на врага, но туман взвился между ними непроницаемой завесой. Пока киммериец пытался ощупью добраться до супротивника, его постигло непостижимое чувство перемещения... а потом исчезло сразу все: и комната, и туман, и Баал-Птеор. Конан стоял в полном одиночестве среди топкого болота, в зарослях тростника, а на него, грозно опустив голову, несся буйвол. Варвар увернулся от острых рогов, изогнутых, как ятаганы, и всадил меч буйволу под лопатку. Клинок прошел между ребрами, поразив сердце... И Конан увидел, что не бык умирает перед ним в болотной жиже, а темнокожий Баал-Птеор. С проклятием Конан снес ему голову, и отсеченная голова... внезапно взлетела, чтобы вцепиться звериными клыками ему в горло. При всей своей силе, Конан оказался неспособен отодрать ее от себя. Он задыхался... он совсем не мог дышать... а потом все кругом понеслось неизвестно куда и с чудовищным толчком встало на место. Конан опять оказался все в той же комнате и увидел Баал-Птеора, изнемогавшего на диване от смеха. И голова силача по-прежнему благополучно сидела у него на плечах.

— А наловчился ты глаза отводить...— пробормотал Конан, пригибаясь и силясь вцепиться в твердый мрамор пальцами ног.

Его глаза горели убийственной яростью. Скотина Баал-Птеор играл с ним, выставлял его на посмешище! Все его колдовство по сути было детской игрой с туманами и тенями сознания, оно не могло причинить вреда. Один прыжок вперед, один удар доброго меча — и приспешник темного культа окровавленным трупом свалится к его ногам. «Ну уж на сей раз ты меня никакими иллюзиями не проведешь...»

Конан ошибался. Позади прозвучал жуткий рык, и киммериец, вертанувшись, ударом меча встретил пантеру, прыгнувшую на него с овального стола. В тот же миг видение исчезло, а клинок с оглушительным звоном обрушился на столешницу, сделанную из неведомого материала... Конан сразу почуял неладное, и точно. Лезвие намертво прилипло к столу! Он яростно дернул — без толку. И это был уже не отвод глаз. Стол представлял собой гигантский магнит! Конан обеими руками схватился за рукоять... когда голос за плечом заставил его оглянуться, и он увидел, что Баал-Птеор наконец покинул диван.

Он несколько превосходил киммерийца ростом и был гораздо тяжелее. Выпрямившись, он навис над Конаном — этакая живая гора непомерно развитых мышц. Могучие руки обладали удивительной длиной, огромные ладони то расправлялись, то сжимались в кулаки... Конан оставил бесполезные попытки освободить плененный меч и, прищурившись, стал наблюдать за приближением исполина.

— Я сейчас тебе голову откручу, киммериец,— насмешливо сулил между тем Баал-Птеор.— Я голыми руками тебе шею сверну, точно цыпленку. Так сыны Козалы приносят жертвы Яджуру! Варвар, ты видишь перед собой Душителя Йота-Понга! Еще во младенчестве я был избран жрецами Яджура и провел все детство и юность, совершенствуясь в искусстве удушения голыми руками, ибо только так у нас приносятся жертвы. Яджур любит кровь, и мы не растрачиваем впустую ни капли у жертвы из жил! Когда я был ребенком, мне давали душить младенцев, подростком я лишал жизни маленьких девочек, когда же стал юношей, мне доверяли женщин, стариков и мальчишек. И лишь когда я вполне возмужал, мне позволили удавить на алтаре Йота-Понга взрослого мужчину. Многие годы я приносил жертвы Яджуру... Сотни шей хрустнули вот под этими пальцами! — И Баал-Птеор пошевелил ими у Конана перед глазами.— А почему я бежал из Йота-Понга и стал служить Тотразмеку, тебя не касается. Еще миг, и тебе станет не до любопытства... Жрецы Козалы, Душители Яджура, непредставимо могучи, но даже среди них не было равного мне по силе! Готовься, варвар, сейчас я тебе шею сломаю!..

Его руки метнулись вперед, точно две кобры, и сомкнулись у Конана на горле. Киммериец даже не попытался увернуться, не попробовал их разжать... Нет! Он сам стиснул пальцами бычью шею козаланца!

Глаза Баал-Птеора округлились от изумления. Сколько шей перебывало в его руках, однако таких жилистых мышц, как те, что защищали горло киммерийца, осязать ему еще не приходилось! Зарычав, он пустил в ход всю свою поистине сверхчеловеческую мощь, так что мышцы чудовищными буграми вздулись на его длинных руках... Но вот у него самого вырвался судорожный вздох — это пальцы Конана нащупали его глотку!

На какое-то мгновение противники замерли, точно две статуи, с лицами, искаженными страшным напряжением, синие жилы вздулись на висках у обоих... Конан, ощерив зубы, рычал по-звериному. У Баал-Птеора глаза лезли из орбит, удивление в них постепенно сменялось начатками испуга.

Это была сила против силы. Коса нашла на камень! Совокупная мощь двух исполинов могла бы выворачивать с корнями деревья, сокрушать черепа быкам. Обычному человеку такой поединок трудно даже представить...

Дыхание начало со свистом вырываться изо рта Баал-Птеора, его лицо медленно, но верно синело, во взгляде стоял откровенный страх. Мускулы Душителя от напряжения были готовы сорваться с костей, но сплющить Конану шею по-прежнему не удавалось. Под его руками были какие-то железные канаты, а не смертная плоть!.. Зато пальцы Конана все глубже вминались в его собственные шейные мышцы, и те мало-помалу уступали нажиму, сдавливая сонную артерию и гортань...

Каменная неподвижность «скульптурной группы» внезапно сменилась лихорадочным движением. Козаланец забился, пытаясь отклониться назад. Выпустив горло Конана, он принялся отдирать от себя его руки...

Неожиданно подавшись вперед, киммериец начал теснить Душителя, пока тот не уперся поясницей в магнитный стол. А Конан все давил и давил, заставляя Баал-Птеора выгибаться назад, так что вскоре хребет жреца был готов затрещать.

Вот тогда Конан рассмеялся, и в негромком смехе прозвучал безжалостный звон стали.

— Дурак,— прошептал он.— Не видал ты, похоже, до сих пор ни одного жителя Запада! Ты сворачивал шеи цивилизованным людям, несчастным слабакам с киселем вместо мышц, и считал себя силачом? Ха!.. Ты попробуй-ка придуши для начала дикого киммерийского быка, тогда и поговорим... Я сделал это, еще не вступив в возраст мужества,— вот так!..

И яростным усилием он принялся выворачивать Баал-Птеору шею, пока искаженное ужасом лицо не склонилось над левым плечом, а позвоночник не лопнул, точно подгнившая ветка.

Отшвырнув бездыханное тело, Конан снова повернулся к удерживаемому магнитом мечу. Двумя руками взялся за рукоять, расставил ноги покрепче... По его груди текла кровь — ногти Баал-Птеора расцарапали-таки ему шею.

Он тяжело переводил дух, черная грива слиплась от пота. И хоть он на словах и посмеялся над силой жреца, в действительности пришлось ему нелегко. Сверхчеловеческая мощь козаланца оказалась почти равна его собственной.

Впрочем, размышлять об этом ему было некогда. Не дав себе даже как следует отдышаться, Конан вложил все силы в один могучий рывок, оторвав наконец меч от стола. Еще миг — и, толкнув дверь, из-за которой некоторое время назад донесся крик Забиби, Конан увидел перед собой еще один коридор, длинный, прямой, с множеством дверей по сторонам. Дальний конец коридора был перекрыт тяжелым бархатным занавесом, а из-за него доносились звуки поистине самой дьявольской музыки, какую Конан когда-либо слышал... Да нет, подобное ему и в самом страшном сне ни разу не снилось! У него опять волосы зашевелились — и не в последнюю очередь оттого, что к жуткой мелодии примешивались задыхающиеся, стонущие женские всхлипы.

Держа верный клинок наготове, Конан скользнул за порог...

IV

УДАР СКВОЗЬ ЗАВЕСУ

...Когда спутницу киммерийца схватили за волосы и уволокли в потайную дверь, открывшуюся позади идола, она едва успела только смутно подумать: «Вот оно. Настал мой смертный час...»

Инстинктивно зажмурившись, Забиби стала ждать удара... Однако вместо этого ее бесцеремонно швырнули на мраморный пол. Ахнув от боли в ушибленных коленках и бедре, девушка открыла глаза и испуганно огляделась. Сквозь

сомкнувшуюся стену глухо донесся тяжелый удар — это Конан тщетно пытался сокрушить дверь. Над собою же Забиби увидела смуглокожего великана в набедренной повязке, а по другую сторону комнаты, в которой она оказалась, на диване сидел еще один человек. Он сидел, обратившись спиной к плотному занавесу из черного бархата. Это был мясистый толстяк с белыми пухлыми ручками и глазами змеи.

Забиби стало непередаваемо жутко. Перед нею был не кто иной, как сам Тотразмек, жрец Ханумана, много лет оплетавший Замбулу липкой паутиной интриг...

— Варвар силится проломить стену,— язвительно усмехнулся Тотразмек.— Ничего! Запор выдержит...

Девушка оглянулась. С этой стороны толстый золотой засов был виден очень хорошо. И сам запор, и его крепления явно были предназначены устоять, даже навались на них слон.

— Иди открой ему одну из тех дверей, Баал-Птеор,— велел Тотразмек.— А когда он войдет — убей его в квадратном покое в конце коридора.

Козаланец ответил «салаам» и вышел сквозь боковую дверь комнаты. Забиби поднялась... Она с ужасом смотрела на жреца, а тот плотоядным взглядом окидывал ее великолепное тело. Не то чтобы его похотливое внимание так уж беспокоило ее: замбулийским танцовщицам не привыкать было плясать обнаженными... Но вот лютая жестокость, светившаяся в глазах жреца, вгоняла Забиби в дрожь!

— И вновь я вижу тебя в моем скромном убежище, о прекрасная,— промурлыкал он с лицемерным восторгом.— Сколь неожиданная и приятная честь!.. Признаться, прошлый раз ты была не в восторге от своего посещения, так что я и не надеялся на повторение... Впрочем, я постарался сделать все от меня зависящее, дабы ты приобрела новый и... э-э-э... волнующий опыт!

Стыдливый румянец для танцовщицы из Замбулы — дело решительно невозможное, и поэтому Забиби не покраснела. К смертельному ужасу, тлевшему в ее расширенных зрачках, примешался огонек гнева.

— Жирный боров! — вырвалось у нее.— Ты прекрасно знаешь, что я пришла сюда не ради твоей любви...

— О, на сей счет заблуждений у меня нет,— рассмеялся жрец.— Я знаю: ты по наивности вздумала прокрасться сюда среди ночи, взяв с собой тупого здоровенного варвара в надежде перерезать мне горло. Чем же я тебе так помешал?

— Ты знаешь чем! — выкрикнула она, понимая, что скрытность ей навряд ли поможет.

— А-а, так дело в твоем возлюбленном,— продолжал посмеиваться Тотразмек.— Теперь я вижу, что он вправду выхлебал питье, которым я тебя снабдил. Погоди, но не сама ли ты ко мне за ним обратилась? И я снабдил тебя заказанным зельем, ибо ты мне так дорога...

— Я всего лишь просила дать мне средство, которое на несколько часов погрузило бы его в мирный спокойный сон,— с горечью проговорила она.— А ты... твой гонец принес отраву, от которой он утратил рассудок! Будь проклята моя доверчивость!.. Я, дура, должна была давно догадаться, что все твои дружеские заверения суть бессердечная ложь, скрывавшая бездну ненависти и зла...

— А на что, интересно, тебе понадобилось усыплять своего сердечного друга? — парировал жрец.— Не затем ли, чтобы позаимствовать у него единственную вещь, которую он тебе никогда бы не отдал по доброй воле... Верно ведь? Ты хотела заполучить перстень с драгоценным камнем, который люди зовут Звездой Хоралы. Когда-то Звезду украли у королевы Офира, и я слышал, что прежняя хозяйка колечка готова заплатить целую комнату золота тому, кто его вернет. Этот перстень наделен магией и при умелом использовании способен навеки порабощать сердца противоположного пола. Поэтому твой любовник и не хотел тебе его отдавать. Ты же пыталась стащить Звезду из опаски, что его колдуны подберут ключик к ее магии и твой возлюбленный пустится завоевывать окрестных королев, а тебя позабудет. Ты предполагала отдать камень за выкуп правительнице Офира, которая понимает свойства Звезды и стала бы с ее помощью привязывать к себе мужчин, как делала до покражи...

— Ну а тебе она зачем? — спросила Забиби мрачно.

— О, я-то легко найду со Звездой общий язык. Я стану применять ее для усиления своих чар...

— Что ж,— сквозь зубы выдавила Забиби,— ты ее получил...

— Я? Звезду Хоралы? Ошибаешься. У меня ее нет.

— Зачем лгать? — с горечью отозвалась девушка.— Когда подействовало питье и я выбежала на улицу, спасаясь от смерти, кольцо было при нем. А когда я вновь его разыскала — Звезды не было. Уж верно, твой слуга следил за домом и после моего бегства забрал у него перстень... А впрочем, плевать на Звезду! Я хочу своего возлюбленного назад — живым и здоровым! Ты получил кольцо и довольно поиздевался над нами обоими... Почему бы тебе не вернуть ему разум? Или ты не можешь этого сделать?

— Отчего же, могу,— явно наслаждаясь ее горем, ответствовал Тотразмек. Сунув руку в складки одежд, он вытащил небольшой пузырек.— Вот, здесь сок золотого лотоса. Если твой любовник выпьет его, он станет прежним. Я, видишь ли, не злопамятен... Сколько раз вы оба совали мне палки в колеса! Сколько планов разрушили!.. И все же я милосерден. Иди сюда, прими из моей руки этот фиал...

Некоторое время Забиби лишь молча смотрела на Тотразмека, разрываясь между желанием немедленно схватить заветную склянку — и опасением, что служитель Ханумана лишь затевал очередную жестокую шутку... Потом она робко приблизилась и потянулась за пузырьком... Жрец с бессердечным смешком отдернул руку с фиалом. Забиби уже открывала рот для проклятия, когда некий инстинкт предостерег ее, и она вскинула глаза.

С потолка прямо на нее падали четыре сосуда цвета нефрита.

Забиби шарахнулась прочь, и сосуды разбились об пол у ее ног — со всех четырех сторон. Вот тут она завизжала — и продолжала визжать, пока хватало дыхания. Из каждой кучки осколков высунулось по кобре. Первая же тварь немедленно раздула капюшон и метнулась к ее голой ноге. Судорожный прыжок — и увернувшаяся девушка едва не угодила в зубы к другой змее. Снова бросок разинутой пасти, снова Забиби едва успела избегнуть ядовитых клыков...

Она попала в ловушку. Змеи раскачивались и шипели, пытаясь достать то лодыжку, то икру, то бедро, то колено,— смотря какая часть нежного девичьего

тела им подворачивалась, а перепрыгнуть их и вырваться из кольца Забиби не могла. Ей оставалось только вертеться, прыгать и выгибаться, и каждое движение, спасавшее ее от зубов одной змеи, позволяло дотянуться до нее другой, так что единственным спасением оставалась скорость. Забиби металась в узком квадрате, где смерть грозила ей со всех четырех сторон. Лишь замбулийская танцовщица была способна здесь выжить, но как долго она продержится?..

Она двигалась так быстро, что едва поспевал уследить глаз. Змеиные головы промахивались всего на волосок, однако все же промахивались. Легкие ножки, верный глаз, гибкие руки — против хищной стремительности свирепых чешуйчатых тварей, которых ее недруг создал своим волшебством прямо из воздуха...

Потом где-то зародилась музыка, к шипению змей примешалась высокая стонущая нота. Так недобрый ночной ветер мог бы посвистывать в пустых глазницах черепа. Вскоре несчастная Забиби поняла, что движения змей подчинялись ритму этого странного и жуткого пения — и волей-неволей в том же ритме пошла и ее смертельная пляска. О-о, что это был за танец!.. Змеи заставляли ее выделывать коленца, по сравнению с которыми самая разнузданная заморийская тарантелла показалась бы образцом чопорной сдержанности. Едва не сходя с ума от дурнотного ужаса и стыда, Забиби расслышала смех своего мучителя, полный безжалостного веселья.

— Это Танец Кобр, радость моя! — самодовольно пояснил Тотразмек.— Много столетий назад его плясали девственницы, приносимые в жертву Хануману. Им, правда, недоставало твоей гибкости и красоты, так что танцуй, моя девочка, танцуй!.. Посмотрим, долго ли ты сможешь уворачиваться от клыков Ядовитого Народца! Несколько минут? А может, несколько часов?.. Рано или поздно ты устанешь. Твои проворные ножки начнут запинаться, колени задрожат, а бедра уже не смогут так проворно вертеться... Тогда-то ядовитые зубы и начнут раз за разом вонзаться в эту нежную белую плоть...

Надо полагать, он с удовольствием поговорил бы еще, но тут занавес у него за спиной дрогнул, словно подхваченный внезапным порывом ветра, и Тотразмек пронзительно завопил. Вытаращив глаза, он хватался пухлыми ручками за длинный стальной клинок, неожиданно выскочивший у него из груди.

Музыка мгновенно умолкла. Потеряв ритм, девушка пошатнулась и тоже закричала, с ужасом ожидая, что вот сейчас на нее со всех четырех сторон накинутся змеи... Но нет — с пола взвились лишь четыре струйки безобидного синеватого дыма. А Тотразмек лицом вперед завалился с дивана и остался лежать.

Конан отдернул занавес и шагнул в комнату, вытирая о черный бархат свой меч. Он видел сквозь щелку, как бедная девушка отчаянно вертелась между четырьмя дымками, но догадался, что ей они казались чем-то совершенно другим. И еще он знал, что мгновение назад убил Тотразмека.

Забиби осела на пол, судорожно дыша. Конан хотел было ее подхватить, но она встала сама — хоть ноги у нее и подгибались.

— Фиал! — еле выговорила она.— Фиал!..

Тотразмек еще сжимал в немеющей ладони драгоценную скляночку. Забиби мигом выхватила ее — и принялась лихорадочно обшаривать одежды жреца.

— Что ты там ищешь? — спросил киммериец.

— Кольцо... Он украл у Алафдаля дорогой перстень... Украл, пока тот без памяти скитался по улицам... О, дьяволы Сета!..

С сожалением убедившись, что у жреца не было при себе Звезды, Забиби принялась обыскивать комнату, отдирая обшивку диванов, разбивая и переворачивая посуду...

Вот она на мгновение оставила это занятие и убрала с лица влажную от пота прядь.

— Баал-Птеор!..— спохватилась она.— Я забыла про Баал-Птеора...

— Он в аду,— заверил ее Конан.— Со сломанной шеей.

Ее глаза вспыхнули мстительным торжеством, но с уст тотчас слетело очередное проклятие.

— Нам нельзя тут оставаться,— сказала она.— Скоро рассвет. Младшие жрецы с минуты на минуту могут прийти в храм... Если нас обнаружат здесь над его телом, верные Ханумана нас на куски разорвут! И даже туранцы не поспеют на выручку...

Она подняла запор тайной двери, и очень скоро они уже спешили городскими улицами прочь. Подальше от молчаливой площади, подальше от зловещего храма!

Проходя кривым переулком, Конан придержал свою спутницу, опустив тяжелую ладонь ей на плечо.

— Помнится,— сказал он,— ты мне обещала награду...

— Обещала! — Забиби вывернулась из-под его руки.— Но сперва мы должны... надо проведать Алафдаля!

Еще несколько минут, и молчаливый раб впустил их в дом с черного хода. Молодой туранец лежал на диване, связанный по рукам и ногам толстыми бархатными веревками. Его глаза были открыты и совершенно безумны, они бешено вращались, изо рта текла пена. Забиби невольно содрогнулась...

— Разожми ему челюсти,— велела она, и железные пальцы Конана живо исполнили требуемое. Забиби без промедления вылила содержимое пузырька прямо в глотку одержимому...

Действие противоядия оказалось в буквальном смысле волшебным. Несчастный мгновенно перестал биться. Безумный блеск ушел из его глаз, и вот уже он озадаченно смотрел на девушку, явно узнавая ее, и во взгляде светился недюжинный ум. Потом молодой человек улыбнулся и заснул. Это был самый обычный, здоровый, исцеляющий сон.

— Когда ты проснешься, ты снова будешь как прежде...— прошептала Забиби и сделала знак рабу. Тот с низким поклоном вручил ей кожаный мешочек и накинул на плечи хозяйки шелковый плащ. Забиби поманила за собой Конана обратно на улицу, и он отметил про себя, как разительно изменились ее поведение и осанка. Девушка-танцовщица на глазах превратилась в знатную даму.

Стоя под аркой, что открывалась наружу, она с настоящей царственностью обратилась к нему.

— Теперь я должна открыть тебе правду,— проговорила она.— На самом деле я никакая не Забиби. Я — Нефертари. А тот, кого ты знал под именем Алафдаля, молодого старшины городской стражи,— не кто иной, как сам Джунгир Хан, сатрап Замбулы!

Конан промолчал. На темном, покрытом шрамами лице не отражалось никаких чувств.

— Я солгала тебе, потому что не смела никому открыть правды,— продолжала она.— Когда Джунгир Хан повредился в рассудке, мы были наедине. Никто не знал о случившемся, кроме меня. Узнай люди, что сатрапа Замбулы постигло безумие, в городе начались бы страшные беспорядки — к чему и стремился Тотразмек, желавший нас погубить... Теперь ты понимаешь, что не сможешь получить награду, о которой мечтал?.. Любовница сатрапа, она... она не для тебя. Но ты не уйдешь отсюда с пустыми руками! Вот, возьми! — И она передала Конану мешочек золота, что принес ей слуга.— Ступай теперь... Когда же рассветет, приходи во дворец. Я уговорю Джунгир Хана сделать тебя предводителем его стражи, но первые приказы, которые ты тайно получишь, будут от меня. Я велю тебе отправиться с отрядом в храм Ханумана под предлогом поиска следов убийцы жреца. На самом деле ты должен будешь перевернуть там все, но отыскать мне Звезду Хоралы. Я знаю, она спрятана где-нибудь в храме! Ты найдешь ее и принесешь мне... А пока — разрешаю удалиться.

Конан кивнул, так и не произнеся ни слова, и зашагал прочь. Девушка проводила глазами его широкую мускулистую спину... То, что он не выказал ни огорчения, ни смущения, слегка задело ее...

Конан же, свернув за угол, оглянулся, а потом резко сменил направление и почти бегом рванул в ту часть города, где торговали лошадьми. Там он принялся колотить в одну из дверей, пока из окошечка наверху не высунулась бородатая голова и грубый голос не осведомился о причине беспокойства посреди ночи.

— Продай коня! — отозвался Конан.— Самого быстрого, какой есть!

— По ночам не торгуем,— буркнул лошадник.

Киммериец позвенел монетами.

— Открывай, собачий сын! Неужели не видишь, что я один и кожа у меня белая? Спускайся, негодяй, пока я твои двери не высадил!..

Это подействовало, и скоро он уже ехал на чалом жеребце обратно к дому Арама Бакша.

Добравшись туда, он свернул в переулок между таверной и садиком финиковых пальм, но не стал задерживаться у ворот. Свернув у северо-восточного угла, он проехал вдоль северной стены и остановился в нескольких шагах от северо-западного угла. Здесь возле стены не было деревьев, лишь невысокие кусты. К одному из них он привязал коня и хотел было снова забраться в седло, когда из-за угла донеслись голоса.

Вынув ногу из стремени, Конан прокрался в том направлении и осторожно выглянул. По дороге к пальмовой роще шли трое мужчин. Чернокожие, характерно ссутуленные... дарфарцы. Конан негромко окликнул их, и они сбились в кучку от неожиданности. Киммериец пошел к ним, держа меч наготове. Он видел, как посверкивали в потемках белки их глаз, видел на черных физиономиях плотоядную жадность... Однако три деревянные дубинки были ничто против его меча, и обе стороны это понимали одинаково хорошо.

— Куда идете? — спросил Конан.

— За рощу, к нашим братьям, гасить пиршественный костер,— мрачно ответил кто-то из людоедов.— Арам Бакш обещал нам человека, однако солгал. Мы нашли в комнате одного из наших братьев убитым... Значит, судьба наша такая — остаться сегодня ночью голодными!

— А вот я так не думаю,— улыбнулся Конан.— Арам Бакш выполнит свое обещание. Он даст вам человека... Вон ту дверь видите?

И он указал на небольшую, обрамленную железом дверцу в середине западной стены.

— Ждите здесь,— велел киммериец.— Арам Бакш пришлет вам человека.

Он отступил, пятясь, на случай неожиданного удара дубинки, потом повернулся и скрылся за северо-западным углом. Чуть помедлил рядом с привязанным конем, убеждаясь, что людоеды не вздумали за ним последовать... Забрался в седло и наконец встал на нем во весь рост, тихим словом успокоив топтавшегося коня. Вытянувшись, Конан достал руками зубец стены, подтянулся и перелез на ту сторону. Здание таверны стояло в юго-западном углу участка, все остальное пространство занимали рощицы и сады. Конан не увидел нигде ни единой живой души, а в самой таверне не светилось ни огонька. Наверняка там были надежно заперты все окна и двери...

Конану было известно, что Арам Бакш спал в комнате, выходившей на обсаженную кипарисами дорожку, что вела к дверце в западной стене... Киммериец тенью скользнул под деревьями и тихонько постучал в дверь хозяйского покоя.

— Кто там? — прогудел голос изнутри.

— Арам Бакш, чернокожие лезут через стену!..— прошипел Конан.

Дверь почти мгновенно распахнулась, и на пороге возник хозяин гостиницы — в ночной сорочке, зато с кинжалом в руках.

— Что за...— начал было он... и тут узнал киммерийца.— Ты!..

Крепкие пальцы, сомкнувшиеся на шее, лишили его возможности закричать. Они вместе свалились на пол, и Конан быстро обезоружил противника. Звезды на миг отразились в стали клинка, хлынула кровь... Арам Бакш что-то неразборчиво булькал, задыхаясь и плюясь с полным ртом крови. Конан рывком поднял его на ноги, и кинжал мелькнул снова, на сей раз снеся большую часть пышной вьющейся бороды.

По-прежнему держа свою жертву за горло — ибо человек способен громко орать и без языка,— Конан протащил его между темными кипарисами и свободной рукой распахнул окованную железом дверь во внешней стене. Там, словно стервятники, дожидались три черные сутулые тени... Конан швырнул содержателя таверны прямо в их жадные руки.

В этот момент замбулиец смог наконец закричать, и он закричал, издав жуткий захлебывающийся вопль... Из таверны никто не откликнулся. Здешний народ был привычен к ночным крикам из-за стены. Арам Бакш отбивался с упорством обреченного, взгляд выпученных глаз все искал лицо киммерийца, но Конан был далек от жалости и милосердия. Он думал о десятках несчастных, павших жертвами гнусной жадности этого человека. Ужасная судьба, предстоявшая Араму Бакшу, была ему воистину поделом!..

Обрадованные людоеды уже тащили его по дороге, на все лады передразнивая его бессвязные вопли. Могли ли они признать своего друга Арама Бакша в полуголом, растерзанном, окровавленном, неспособном внятно говорить человеке со срезанной под корень бородой?..

Конан стоял возле двери и слушал, как затихали вдалеке звуки неравной борьбы...

Когда все смолкло, он вернулся к своему жеребцу, сел в седло и поехал на запад, в сторону открытой пустыни. Вереницу пальмовых рощиц он миновал далеко стороной...

Отдалившись от города, Конан сунул руку за пояс и вытащил кольцо с дорогим самоцветом, неожиданно ярко сверкнувшим под звездами. Казалось, камень вбирал слабый свет и выбрасывал его чередой крохотных радужных вспышек. Конан повертел кольцо так и этак, любуясь игрой камня и заодно слушая, как в мешочке у седла негромко звякало золото. Деньги к деньгам! Не иначе, это звяканье сулило ему новые богатства!

— Сказал бы ей кто, что я с первого взгляда узнал и ее, и Джунгир Хана,— пробормотал киммериец задумчиво.— И мне ли было не признать Звезду Хоралы!.. Вот сцена будет, если девчонка смекнет, что я стянул брюлик с пальца ее разлюбезного, когда руки ему вязал... А впрочем, им меня все равно не поймать — я к тому времени далековато уеду!..

И он последний раз оглянулся на рощи тенистых пальм, где среди стволов уже разгоралось багровое зарево. Оттуда в ночи разносилось пение, полное дикарского восторга. И, почти заглушаемый этим пением, несся отчаянный, лишенный слов крик...

Конан ехал на запад, и звезды постепенно бледнели над его головой.

ГВОЗДИ С КРАСНЫМИ ШЛЯПКАМИ

I

ЧЕРЕП НА СКАЛЕ

Женщина натянула поводья своего усталого коня. Тот остановился, широко расставив ноги, словно изящная уздечка красной кожи с золотыми кистями лежала на нем непомерной обузой. Женщина вынула ноги из серебряных стремян и соскользнула с позолоченного седла на землю. Привязав коня к молодому деревцу, она повернулась и принялась напряженно всматриваться в окружающий ландшафт — ладони прижаты к бедрам, лоб чуть нахмурен.

Местность не выглядела гостеприимной. Маленькое озерко, из которого только что напился конь, обступали огромные деревья. Густой подлесок ограничивал видимость: взгляд тщетно пытался пробиться сквозь мрачные сумерки под величественными кронами. Женщина едва заметно передернула великолепно очерченными плечами и тихо выругалась.

Она была высокого роста, с развитой грудью, а длинные ноги и тяжелые бедра идеально сочетались с узкими плечами. Ее фигура говорила о необыкновенной силе, в то же время каждой своей линией подчеркивая принадлежность к прекрасному полу. Она была женщиной во всем — с головы до пят, и это несмотря на манеры и одежду. Последняя в силу обстоятельств мало чем напоми-

© Перевод А. Циммермана.

нала изящный наряд. Вместо юбки на ней были короткие широкие штаны из шелка, которые, не доходя до колен, резко сужались; обмотанный вокруг талии шелковый пояс на застежке не давал им сползти вниз. Сапоги мягкой кожи с ярко окрашенным верхом закрывали ноги почти до колен, а рубашка с глубоким вырезом, широким воротником и рукавами завершала костюм. У одного бедра висел прямой обоюдоострый меч, у другого — длинный кинжал. Густые непослушные волосы цвета золота, грубо обрезанные у плеч, были схвачены алой лентой.

Естественная грация тела и яркий наряд в этом мрачном, первобытном лесу казались неуместными, почти нереальными. Ей скорее подошло бы окружение из морского простора, белых облаков и парящих чаек. Дерзкие, жадные глаза словно отражали морскую синеву. Иначе и быть не могло, ибо это была Валерия — воительница из Ватаги Красных Братьев, чьи дела и походы повсюду прославляют в своих песнях и балладах морские бродяги, стоит им только собраться где-нибудь теплой компанией.

Она попыталась отыскать в плотном лесном покрове брешь, чтобы увидеть хоть краешек неба, но в конце концов отказалась от этой затеи. С прекрасных губ сорвалось проклятие.

Оставив коня, женщина зашагала на восток, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы выдержать направление. Тишина леса действовала угнетающе. Ни пения птиц в сплетенных высоко над головой ветвях, ни шороха в кустах — спутника хлопотливой жизни мелких зверюшек. Она прошла уже несколько миль в этом царстве тишины, и ничто, кроме мягкой поступи ее ног, не нарушало векового покоя.

Валерия предусмотрительно утолила жажду у озерка, но сейчас проснулся голод, и она стала высматривать знакомые плоды, которыми питалась с тех пор, как иссякли запасы пищи в седельных сумках.

Но вот впереди показалась темная скала — будто чудовищный каменный зуб с поверхностью, изъеденной временем, она высилась посреди деревьев-исполинов. Ее вершина терялась в сплошной завесе листвы. Валерия на миг задумалась: судя по виду, скала насквозь прорезала зеленый покров, и, значит, взобравшись на нее, можно будет узнать, далеко ли край этого леса... если только у него действительно есть хоть какой-нибудь предел; после стольких дней путешествия под темным сводом надежды выбраться на открытую местность почти не осталось.

Узкий кряж, протянувшийся по крутому склону, позволял без особых хлопот подняться к вершине. Одолев около пятидесяти ярдов, Валерия вплотную приблизилась к зеленому поясу. Мощные стволы высились чуть поодаль, но их нижние ветви, дотянувшись до склонов, оплетали скалу густой листвой. Валерия поднималась все выше, пробираясь среди ветвей и листьев, уже потеряв из виду землю и не подозревая о том, что может ожидать ее через фут, как вдруг увидела голубой лоскуток неба; еще минута — и ее залили жаркие лучи солнца.

Она стояла на широком уступе, от ее ног убегали вдаль волны зеленого моря. С уступа кверху взметнулся острый шпиль, венчавший скалу, на которую она взобралась. Глядя на солнце, она несколько раз глубоко вздохнула и вдруг опустила голову: в сухих листьях, толстым ковром устилавших площадку, ее носок задел что-то твердое. Она быстро расшвыряла ногами листья, и ее глазам от-

крылся человеческий скелет. Опытным взглядом женщина пробежала по выбеленным костям, но не нашла ни переломов, ни прочих признаков насилия. Выходит, человек умер естественной смертью, правда, оставалось неясным, зачем за этим надо было лезть на высокую скалу.

Валерия поднялась к вершине шпиля и, примостившись на крохотном козырьке, прижавшись к камню, окинула взглядом горизонт. Тесные ряды крон, напоминавшие с ее наблюдательного пункта неровный зеленый пол, сверху были так же непроницаемы, как и снизу. Даже озерка, возле которого она оставила коня, отсюда не было видно. Она посмотрела на север, откуда пришла, но увидела все тот же океан растительности, лишь у самого горизонта голубела размытая линия — напоминание о горной гряде, пройденной несколько дней назад, еще до того, как ее поглотила эта зеленая пустыня.

За исключением полоски гор, на востоке и на западе — картина та же. Но стоило ей перевести взгляд на юг, как ее тело застыло в напряжении, дыхание перехватило. Уже через милю лес в той стороне начинал быстро редеть и, резко обрываясь, сменялся голой равниной, густо поросшей кактусами. А посреди ее высились стены и башни города. Не в силах сдержать изумления, Валерия вычурно выругалась. Увиденное превзошло самые смелые расчеты. Она не удивилась бы, окажись тут поселение людей: что-нибудь вроде скопления хижин — обычное стойбище чернокожих или похожие на груды каменных обломков жилища смуглых аборигенов, принадлежавших к неведомой расе, по преданиям, в незапамятные времена заселившей этот край. Но обнаружить город здесь, за многие недели пути до ближайшей окраины цивилизации,— этого она ожидала меньше всего.

Валерия с трудом оторвала взгляд от неожиданного зрелища. Все еще хмурясь в нерешительности, она проворно спустилась на уступ. Пожалуй, в своем бегстве она зашла слишком далеко — далеко от лагеря наемников, расположенного посреди саванны у пограничного города Сухмет, где пестрое сборище отчаянных головорезов охраняло стигийские рубежи от набегов дикарей, красными волнами накатывавшихся из Дарфара. Ее бегство в совершенно незнакомую страну походило на бегство слепца. И сейчас она колебалась между сильным желанием, вернувшись к коню, отправиться прямо в город и инстинктом самосохранения, который подсказывал, что самое разумное — незаметно обогнуть его и в одиночестве продолжить путь.

Ход рассуждений прервал шорох сухих листьев за спиной. Она круто обернулась — в глазах блеск дикой кошки, рука на рукояти меча — и застыла, пораженная, уставившись на стоявшего перед ней воина.

Ростом едва ли не с великана, он обладал железными мускулами, буграми вздувшимися под гладкой, потемневшей под лучами солнца кожей. На нем была почти та же одежда, с той лишь разницей, что вместо пояса талию стягивал широкий кожаный ремень. Палаш и кинжал дополняли картину.

— Конан-киммериец! — воскликнула женщина.— Ты здесь откуда? Преследуешь меня?

Он грубо усмехнулся; голубые глаза варвара жадным взглядом окинули идеальные формы, задержавшись на прекрасных округлостях груди под легкой рубашкой и на полосе обнаженного тела между штанами и мягкими голенищами сапог; в его темных зрачках вспыхнул огонь, понятный любой женщине.

— Не догадываешься? — Он рассмеялся.— Или я недостаточно намекал на свои чувства с самой нашей первой встречи?

— Куда уж яснее — жеребцы все одинаковы! — Она презрительно передернула плечами.— Но я никак не ожидала встретить тебя здесь, вдали от мисок и пивных бочек Сухмета. Ты что же, в самом деле покинул ради меня лагерь Заралло? А может быть, тебя просто вышвырнули за воровство?

Он лишь расхохотался на ее оскорбительный тон и согнул руки — под кожей заходили бугры мускулов.

— У Заралло не хватило бы людей, чтобы выставить меня из лагеря.— Он широко ухмыльнулся.— Разумеется, я ушел сам. Ты, кстати, тоже не промах! Ты хотя бы знаешь, что, поцарапав стигийского начальника, ты потеряла расположение Заралло, а в Стигии тебя объявили вне закона?

— Знаю,— мрачно ответила она.— А что мне оставалось? Я ему повода не давала, так что нечего было на меня набрасываться.

— Ну да,— согласился Конан.— Будь я поблизости, сам перерезал бы ему горло. Но когда женщина живет в лагере воинов-мужчин, она должна быть готова к подобным наскокам.

Валерия в ярости топнула ногой и выругалась.

— Почему мужчины не оставят меня в покое, не дадут жить свободной — так, как живут сами?

— Ну, это как раз понятно! — И вновь его глаза жадно прошлись по ее телу.— Хорошо, что у тебя хватило ума сбежать из лагеря, иначе стигийцы содрали бы с тебя живой кожу. Брат убитого погнался за тобой и, я уверен, догнал бы. Он почти настиг тебя, когда мы встретились. У него была хорошая лошадь — гораздо лучше твоей. Еще несколько миль — и он перерезал бы тебе горло.— Киммериец умолк.

— Ну?

— Что «ну»? — Он сделал изумленное лицо.

— Что с ним случилось?

— Не догадываешься? — Он пожал плечами.— Конечно, я убил его: надо же и грифов подкармливать. Из-за этой заминки я едва не потерял твой след, пока ты переваливала через горы. А иначе догнал бы много раньше.

— И что думаешь делать? Поташишь меня в лагерь к Заралло? — Она недобро усмехнулась.

— Не мели ерунды! — отрезал он.— Уймись, девочка, и не гляди злючкой. Разве я похож на того стигийца, которого ты так неосторожно пощекотала ножичком? По-моему, нет.

— Бродяга с дырявыми карманами! — Она хотела уколоть его, но варвар только расхохотался.

— Ты бы на себя глянула со стороны! У самой не хватит денег даже на заплату на заднице. Кривись на здоровье, но меня не проведешь. Тебе прекрасно известно, что совсем недавно под моим началом было больше кораблей и людей, чем ты имела за всю свою жизнь. А что до пустых карманов... так где ты видела морского бродягу, который дрожал бы над монетами? Того золота, что я просадил в портовых тавернах, хватило бы, чтобы набить им галеру. Да что я говорю — сама знаешь.

— И где же они, те грозные корабли и отважные корсары, которыми ты командовал? — усмехнулась Валерия.

— Большей частью — на дне моря! — беспечно ответил он.— Последний корабль потопили зингарцы недалеко от побережья Шема — вот почему я оказался в вольнице у Заралло. Но, притопав в лагерь на границе с Дарфаром, я убедился, что меня подло надули. Жалованье — нищенское, вино — кислятина, о чернокожих красотках я вообще не говорю: какую ни возьми, так обязательно зубы подпилены, в носу — кольцо! Брррр! А ты как очутилась у Заралло? Ведь от соленой воды до Сухмета путь неблизкий!

— Красному Орто взбрело в голову затащить меня к себе в постель,— угрюмо ответила она, опуская глаза.— Вот я и прыгнула как-то ночью за борт, когда мы стояли на якоре неподалеку от кушского берега. А на берегу повстречала купца-шемита, который и сказал, что Заралло увел своих вольных братьев на юг к границе с Дарфаром. Ничего лучшего не предвиделось, вот я и примкнула к каравану, идущему на восток, и в конце концов добралась до Сухмета.

— Надо было совсем рехнуться, чтобы искать спасения на юге,— задумчиво сказал киммериец.— А с другой стороны, ты поступила весьма благоразумно: никому и в голову не придет искать тебя здесь. Один брат убитого взял верный след, и то благодаря лишь случаю.

— Ну хорошо, что дальше? — решительным тоном потребовала ответа Валерия.

— Повернем на запад. Мне приходилось забираться так далеко на юг, но чтобы еще и к востоку — такого пока не случалось. Через много дней пути мы выйдем в открытую саванну, где племена чернокожих пасут свои стада. У меня среди них есть друзья. Оттуда доберемся до побережья и найдем подходящий корабль. Я уже по горло сыт джунглями.

— Вот и прекрасно! — воскликнула она.— Счастливого пути! А у меня на этот счет свои соображения!

— Не будь дурой! — Впервые Конан повысил голос.— Мало ты плутала по этому лесу, хочешь еще?

— Почему бы и нет?

— Что-то задумала?

— Не твое дело! — отрезала она.

— Ошибаешься,— уже ровным тоном ответил он.— Не для того я забрался в такую глушь, чтобы возвращаться с пустыми руками. Подумай хорошенько, девочка. Я не желаю тебе зла.

Он сделал шаг вперед — она отпрыгнула и выхватила меч.

— Не прикасайся ко мне, пес! А то насажу на меч, как поросенка на вертел!

Он нехотя подчинился.

— Хочешь, чтобы я отобрал у тебя игрушку и отшлепал непослушную по попке?

— Слова! Одни слова! — Девушка в открытую издевалась над ним, в дерзких глазах солнечными лучиками по голубой воде плясали огоньки.

Она была права. Никто из живущих не смог бы разоружить Валерию из Братства голыми руками. Варвар нахмурился: его одолевали противоречивые чувства. Глупое упрямство девушки вызывало раздражение, в то же время ее присутствие духа восхищало его. Он сгорал от страсти: хотелось крепко прижать, стиснуть

в своих железных объятиях ее соблазнительное тело, но больше всего он боялся причинить ей боль. Варвар буквально разрывался между грубым желанием и нежностью к ней. Он знал: еще один шаг — и ее меч пронзит его сердце. Слишком часто он наблюдал, с какой легкостью Валерия расправляется в пограничных стычках с врагами, чтобы иметь на этот счет какие-то сомнения. В бою она была стремительна и беспощадна, как тигрица. Конечно, можно вытащить клинок и выбить меч из ее рук, но сама мысль поднять оружие на женщину, пусть и без худых намерений, вызывала в его душе крайнее отвращение.

— Чтоб ты пропала со своим упрямством! — взорвался он.— Ну да я доберусь до тебя!

Не помня себя от ярости и страсти, он рванулся вперед, девушка изготовилась для смертельного удара, но вдруг развязка — неожиданная, страшная — прервала эту трагикомическую сцену.

— Что это?!

Голос принадлежал Валерии, но содрогнулись оба. Конан круто повернулся: огромный меч в руке, тело — комок мускулов и нервов. Внезапно тишину леса разорвали жуткие вопли смертной муки, ужаса, агонии — это ржали их лошади. К этим звукам примешивался еще один — громкий хруст, словно кто-то перемалывал кости мощными челюстями.

— Львы пожирают наших лошадей! — воскликнула Валерия.

— Какие там львы! — Конан сверкнул глазами.— Или ты слышала львиное рычание?! Нет? Я тоже нет! И потом, лев не стал бы поднимать такой шум из-за какой-то лошади. Да еще этот хруст...

Киммериец начал быстро спускаться по естественному кряжу, Валерия — следом. Вражда была забыта, перед лицом таинственной опасности оба искателя приключений из противников моментально превратились в союзников. Едва они миновали лиственную завесу, как отчаянное ржание стихло.

— Я обнаружил твою лошадь у пруда, привязанную к дереву,— говорил он, ступая без малейшего шума,— неудивительно, что его появление там, на скале, застало девушку врасплох.— Я привязал свою рядом и пошел по следу твоих сапог... Тихо! Замри и слушай!

Они спустились чуть ниже зеленого пояса и сейчас, прильнув к скале, напряженно вглядывались в густой подлесок. Над их головами раскинулся сумрачный шатер из ветвей и листьев. Под ними скудный свет, пробившийся сквозь сплетенные заросли, окрашивал все в приглушенные зеленые тона. Стволы гигантских деревьев, высившихся менее чем в ста ярдах от скалы, призрачно темнели в полумраке.

— Лошади там, за молодым подлеском,— прошептал Конан, и в неподвижной тишине его голос ветерком прошелся среди ветвей.— Вот, слышишь?

И Валерия услышала. По ее спине пробежал холодок; не сознавая того, она положила свою белую руку на мускулистое загорелое плечо варвара. Со стороны зарослей вместе с хрустом костей и треском раздираемой плоти доносилось громкое чавканье — звуки ужасного пиршества.

— Лев не наделал бы столько шума,— прошептал Конан.— Кто-то пожирает наших лошадей, но только не лев... Великий Кром!

Внезапно чавканье смолкло. Конан выругался: некстати поднявшийся ветерок дул прямо в сторону невидимого убийцы.

— Идет! — едва слышно сказал Конан, приподнимая меч.

Молодые деревца дрожали, некоторые бешено раскачивались. Валерия, прижавшись к варвару, вцепилась в его руку. Незнакомая с обитателями джунглей, она все же понимала, что ни одно из известных животных не смогло бы раскачивать крепкий подлесок так, точно оно пробиралось по тростниковым зарослям.

— Должно быть, не меньше слона,— пробормотал Конан, как бы отвечая на ее мысли.— Пусть только эта тварь...— Он вдруг осекся, пораженный.

Из чащи высунулась голова — настоящее порождение безумия и ночного кошмара! Оскаленная пасть открывала два ряда острых желтых клыков, отвратительная морда древнего ящера была вся изборождена морщинами. Глаза — как у питона, но в тысячу раз больше — не мигая смотрели на двух оцепеневших от ужаса людей на скале. С отвислого, в чешуйках, края огромной пасти на землю вперемешку со слюной стекала кровь.

Голова, намного больше, чем у аллигатора, была насажена на длинную чешуйчатую шею, из которой в несколько рядов торчали зазубренные шипы, а дальше, ломая ветки и деревья, неуклюже переваливалось туловище твари — исполинская туша с выпяченным, словно бочонок, брюхом на нелепо коротких ножках. Белесое брюхо едва не стлалось по земле, в то время как острия шипов на хребте торчали так высоко, что до них не дотянулся бы и самый рослый из людей. Длинный, усеянный шипами хвост волочился по земле.

— Вверх, живо! — крикнул Конан, толкнув девушку себе за спину.— Вряд ли оно лазает по скалам, но если встанет на задние лапы, то запросто до нас дотянется!

Круша деревья и кустарник, чудовище двинулось к скале — к людям. Оба взлетели по откосу, точно гонимые ветром сухие листья. Уже на границе с зеленым поясом Валерия решилась оглянуться — их опасения оправдались: встав на дыбы, огромная тварь тянулась к ним раскрытой пастью. Сердце отважной женщины захлестнул ужас, кровь в жилах обратилась в лед. На задних лапах чудовище казалось еще огромнее, его плоская голова подпирала лиственный свод. Вдруг ей в запястье железными клещами впились пальцы Конана, она почувствовала, как ее тащат вверх, в спасительный покров и дальше — на солнечный свет. И вовремя! Не успели они взобраться на уступ, как чудовище с такой силой обрушилось передними лапами на скалу, что каменная глыба под их ногами задрожала.

За спинами беглецов раздался страшный треск. Не останавливаясь, они быстро оглянулись, и Валерия едва не закричала: словно в ночном кошмаре, среди листвы торчала голова чудовища — в глазах безжалостный огонь, пасть широко раскрыта! Не помня себя, они взлетели на уступ. Гигантские челюсти с клацаньем сомкнулись чуть ниже их ног, и голова, погрузившись в зеленые волны, скрылась с глаз.

Заглянув в образовавшуюся брешь с обломанными по краям ветвями, царапавшими о скалу, они увидели зверя — тот сидел на задних лапах у подошвы склона, его глаза не мигая смотрели на людей.

Валерия содрогнулась.

— Как ты думаешь, долго он там будет торчать?

Конан легонько пнул выбеленный череп; шурша сухими листьями, тот откатился в сторону.

— Этот парень, как видно, взобрался сюда, чтобы укрыться от него... или от другого такого же. Похоже, он просто умер с голоду. Все кости целы. Скорее всего, это дракон, о них упоминается в легендах чернокожих. И если это так,— что очень похоже на правду,— то он не уйдет, пока мы оба не умрем.

Валерия в растерянности посмотрела на киммерийца — от ее прежней ярости не осталось и следа. Всеми силами она пыталась справиться с охватившим ее отчаянием. Ей незачем было доказывать свою храбрость, нередко доходившую до безрассудства: тысячу раз в самых беспощадных схватках на суше и на море, на скользких от крови палубах горящих кораблей, при штурме городских укреплений, на прибрежных пляжах, где головорезы из Ватаги Красных Братьев отстаивали свое право на лидерство зубами, ножами и мечами,— везде она была не из последних. Но от неизбежной страшной участи стыла кровь. Глубокая рана от абордажной сабли по сравнению с этим представлялась царапиной: вот так сидеть на голой скале, сложа руки, не в силах что-либо изменить, и покорно ждать, пока не сгинешь от голода, а внизу эта ископаемая тварь, каким-то чудом сохранившаяся с допотопных времен,— от одной мысли об этом рыдания подкатывали к горлу.

— Ведь должен же он пить и есть — может, тогда уйдет? — высказала робкое предположение девушка.

— Для этого не надо уходить далеко,— отозвался Конан.— Он только что сожрал лошадей и теперь, как и все змеи, еще долго сможет обходиться без еды и питья. Спать после еды ему тоже не обязательно. Единственное, что нам на руку, так это то, что сюда ему нипочем не забраться.

Речь Конана звучала спокойно, без надрыва. Он был варваром, и невероятная выносливость дикаря, унаследованная от предков, органично сочеталась в нем и с низменной страстью к женщине, и с бешеной яростью к врагам. Загнанный в угол, он проявлял хладнокровие, немыслимое с точки зрения цивилизованного человека.

— Может быть, нам перелезть на дерево и передвигаться по кронам, вроде обезьян? — В ее голосе уже слышалось отчаяние.

Он покачал головой:

— Я уже думал об этом. В том месте, где ветки подступают к скале, они слишком тонкие и не выдержат нашего веса. А кроме того, сдается мне, что эта тварь может повалить любое из растущих здесь деревьев.

— Так что же, будем сидеть на задницах и ждать, пока не передохнем с голоду, как этот? — в ярости крикнула она и пнула по черепу — стуча по камням, тот улетел вниз.— Лично я против. Вот спущусь сейчас и отрублю башку этой гадине!

Конан уселся на каменный зуб, торчащий у основания шпиля. Глядя снизу вверх, он залюбовался на морщинку гнева, на блеск в голубых глазах и на все ее сильное, жаждущее действия тело; однако он понимал, что в таком состоянии она способна на любое безрассудство, и, когда заговорил, его голос звучал ровно, даже чуть пренебрежительно.

— А ну сядь! — Схватив за руку, он рывком усадил ее себе на колено. Валерия так удивилась, что даже не подумала сопротивляться, а Конан, легко отобрав у девушки меч, отправил его обратно в ножны.— Угомонись! Ты лишь затупишь клинок о его панцирь. Да он заглотит тебя целиком, а не то поведет сво-

им шипастым хвостом — и выпустит наружу кишки. Понятно, что так или иначе, но выбираться надо, но только не через брюхо этой твари.

Она ничего не ответила, даже не сделала попытки сбросить его руку, успевшую обвить ее тонкую талию. Ее охватил страх, а это чувство было слишком ново для Валерии из Ватаги Красных Братьев. Итак, она по-прежнему, слегка понурившись, сидела на его коленях — товарищ по несчастью или пленница? — сидела с таким покорным видом, что, окажись рядом Заралло, по мнению которого, Валерия явилась не иначе как из сераля князя Тьмы, тот был бы повержен в глубокий шок.

Конан рассеянно поигрывал локонами золотистых волос, словно без остатка отдавшись наслаждению от своей победы. Казалось, ничто не могло вывести его из равновесия: ни скелет у его ног, ни страшное чудовище внизу.

Пытливые глаза девушки, скользящие по листве, приметили на фоне общей зелени какие-то пятна. Это были плоды — большие пурпурные шары, висящие на ветках дерева с необычайно густой ярко-зеленой листвой. Она вдруг почувствовала голод и жажду, и если чувство голода еще можно было как-то подавить, то от сознания, что внизу, на пути к озеру, ее подстерегает смерть, жажда только усиливалась.

— Пожалуй, голод нам пока что не грозит,— сказала Валерия.— Я вижу фрукты, и до них нетрудно дотянуться.— Она указала на пурпурные шары.

Конан тоже взглянул на дерево.

— Точно, и после такой закуски нам уже будут не страшны зубы дракона,— проворчал он в ответ.— Чернокожие из Куша называют их яблоками Деркето. Деркето у них — королева мертвецов. Если хлебнешь глоток сока или прольешь его на кожу, то не успеешь спуститься к нашему приятелю, как превратишься в труп.

— Ну да!

Девушка погрузилась в мрачное молчание. «Как ни крути,— угрюмо размышляла она,— а от судьбы не уйдешь. Неужели конец?» Она не видела ни малейшей возможности избежать смерти, а Конан, похоже, прочно завладел ее талией и ни о чем другом не помышляет. Если у него в голове и зреет план, то по виду никак этого не скажешь.

— Если уберешь с меня свои лапы и заберешься на шпиль,— в конце концов не выдержала она,— то увидишь нечто интересное.

Он бросил на нее вопросительный взгляд, затем, пожав литыми плечами, нехотя последовал ее совету. Обхватив руками заостренную вершину, он посмотрел поверх деревьев. Долгое время он молчал — неподвижный, весь устремленный вдаль, загорелое мускулистое тело в лучах солнца отливало бронзой.

— Город, и весьма приличный,— наконец сказал он.— Не туда ли ты собиралась отправиться, спровадив меня на побережье?

— Я знала о нем еще до твоего появления. Но когда бежала из Сухмета, то и понятия не имела о его существовании.

— Кто бы мог подумать, что здесь окажется город? Вряд ли стигийцы забрались так глубоко в джунгли. Неужели он — творение рук чернокожих? И ни одного стада на равнине, земля не возделана, да и людей не видно.

— Да разве на таком расстоянии что-то увидишь!

В ответ он только пожал плечами и спрыгнул на уступ.

— В любом случае горожане нам помочь не смогут. А если б и могли, то вряд ли захотели бы. Жители Черных Королевств враждебно относятся к чужестранцам. Как правило, все их гостеприимство умещается на острие копья.

Он осекся, точно вдруг потерял нить разговора. Сдвинув брови, Конан молча уставился на пурпурные шарики, слабо мерцающие на солнце среди листвы.

— Копье! — пробормотал он.— Ну и осел же я, что не додумался до этого раньше! Вот вам наглядный пример того, как хорошенькая женщина превращает нормального мужчину в последнего дурака!

— Ты это о чем? — оживилась Валерия.

Не удостоив ее ответом, Конан спустился до зеленого пояса и заглянул в брешь. Огромный зверь все в той же позе неподвижно сидел у подножия скалы, его тупое упрямство рептилии нагоняло тоску и страх. Вот так же, может быть, один из его предков десятки, сотни тысяч лет назад следил немигающим взглядом за первобытными людьми, загнанными на высокую скалу. Конан деловито выругался и принялся срезать ветки, стараясь дотянуться ножом как можно дальше. Волнение и шорох листвы пробудили чудовище от апатии. Оно встало на четыре лапы, ужасный хвост пришел в движение, ломая молодые деревца, словно сухой тростник. Конан настороженно следил за ним краем глаза, и, как только Валерия вскрикнула, увидев, что дракон готовится встать на дыбы, варвар быстро вскарабкался на уступ вместе со своим трофеем. Всего веток было три — упругие, каждая длиной около семи футов и толщиной с его большой палец. Вместе с ними он срезал несколько нитей гибких, тонких лиан.

— Для древков копий эти ветки слишком легкие, а лианы не толще бечевы,— пояснил он, кивнув на растительность внизу.— Ни те ни другие не выдержат нашего веса, но сила — в единстве. Так говорили нам, киммерийцам, отступники из Аквилонии, когда явились в наши горы с намерением собрать войско, чтобы вторгнуться и покорить свою же родину. Но мы привыкли драться кланами и племенами.

— Может, объяснишь, что общего между твоей болтовней и этими палками? — спросила она.

— Имей терпение.

Собрав прутья в плотный пучок, он вставил с одного конца свой кинжал острием наружу и туго перевязал пучок в нескольких местах нитями лиан. Когда он закончил, перед ним лежало копье не менее грозное, чем настоящее, с таким же длинным и прочным древком.

— Нам-то в нем что за польза? — Она по-прежнему ничего не понимала и потому говорила раздраженно.— Сам же говорил, что его чешую не пробьешь.

— Ну, не везде же у него чешуя,— ответил Конан.— Есть много способов освежевать пантеру.

Снова спустившись к лиственному поясу, он приподнял копье и, как можно осторожнее проткнув острием одно из яблок Деркето, сразу отступил назад, чтобы пурпурные капли из сочащегося соком плода не попали на кожу. Подержав так некоторое время копье, он вынул острие и показал девушке голубую сталь — всю в темно-красных пятнах.

— Не знаю, поможет это или нет,— сказал он,— но на этом лезвии сейчас столько яда, что хватило бы свалить слона. Что ж, сейчас увидим.

Киммериец начал спуск. Валерия не отставала от него ни на шаг. Вот они уже недалеко от нижней границы зеленого пояса. Отведя острие подальше от себя и девушки, Конан высунул голову в брешь, проделанную в листве чудовищем, и обратился к тому с такой речью:

— Какого рожна ты еще дожидаешься, ты, полоумный недоносок бессильных родителей? — Для начала он выбрал одно из самых мягких своих обращений.— А ну живо подними свою уродливую башку, длинношеяя тварь, если не хочешь, чтобы я спустился и выкосил мечом колючки у тебя на спине!

Он добавил еще кое-что. От его красноречия глаза Валерии полезли на лоб, лицо залила краска — и это несмотря на то, что по части ругани эта женщина прошла превосходную школу на палубе морского корсара. Чудовище тоже не осталось безучастным. Подобно тому как непрерывное, надоедливое тявканье шавки сначала беспокоит, потом раздражает и в конечном счете приводит в бешенство солидных толстокожих молчунов, точно так же крикливые, резкие интонации человеческого голоса в одних животных будят страх, в других же — слепую ярость. Совершенно неожиданно с немыслимым для такой туши проворством зверь поднялся на задние лапы и жуткой мордой потянулся к человеку; крохотный мозг захватило одно желание: достать и уничтожить этого горластого пигмея, нарушившего вековечный покой древнего царства.

Однако Конан точно рассчитал расстояние: мощная голова зверя, с треском войдя в сплетение ветвей и листьев, остановилась за пять футов от людей. Чудовище разинуло огромную змеиную пасть, и в этот миг Конан вонзил копье в угол пасти, прямо в челюстной сустав! Удар был нанесен сверху, обеими руками и со всей силы; длинное лезвие кинжала по самую рукоятку вошло в мякоть, сухожилия и кость.

Челюсти конвульсивно сомкнулись, и, потеряв равновесие, с огрызком древка в руках Конан начал заваливаться на бок. Его спасла Валерия: в самый последний момент она успела ухватить варвара за ремень. Вцепившись в каменный выступ и вновь обретя устойчивость, он с ухмылкой пробормотал слова благодарности.

А внизу, будто пес с запорошенными перцем глазами, ползало по земле чудовище. Широко разевая клыкастую пасть, оно то раскачивало головой, то обхватывало ее передними лапами, то принималось возить ею по земле. Наконец, сумев каким-то образом зацепить лапой за обломок древка, оно выдернуло застрявший клинок. Затем чудовище подняло голову — пасть широко раскрыта, из раны потоком кровь — и уставилось на скалу с выражением такой осмысленной, такой лютой ненависти в глазах, что Валерия вся задрожала и схватилась за меч. Чешуйки на боках и на спине из ржаво-коричневых стали темно-красными, но что самое ужасное — чудовище подало голос! Того, что изрыгала эта окровавленная пасть, ни Конан, ни Валерия никогда в жизни не слышали.

С диким, режущим слух ревом дракон бросил свое тело на скалу — цитадель врагов. Снова и снова ужасная голова устремлялась вверх, пытаясь пробиться за зеленый свод, хватая пастью ветви, листья, воздух. От мощных ударов исполинской туши скала содрогалась до самого основания. Встав на дыбы, чудовище обхватило ее передними лапами, пытаясь, словно дерево, выдернуть каменный зуб из земли.

При виде необузданной животной ярости кровь стыла в жилах Валерии, однако Конан оставался спокоен: варвар не испытывал ничего, кроме всепоглощающего интереса. С точки зрения варвара, пропасть, отделявшая его и других людей от животных, была не так велика, как она представлялась Валерии. Для Конана беснующееся внизу чудовище являлось не более чем одной из форм жизни, лишь внешне отличавшейся от него самого. Наделяя зверя человеческими чертами характера, он видел в его ярости свой гнев, в рычании и вое — подобие той ругани и тех проклятий, которыми он осыпал его недавно. Благодаря смутному ощущению близкого родства со всеми дикими тварями, включая драконов, ему было неведомо чувство расслабляющего ужаса, захлестнувшее Валерию, впервые столкнувшуюся с первобытной свирепостью.

Конан невозмутимо сидел на камне, не сводя глаз со зверя, время от времени отмечая едва заметные перемены в голосе, движениях и цвете чешуи.

— Яд начинает действовать! — наконец убежденно сказал он.

— Я ничего не вижу.— Валерии казалась нелепой сама мысль, что какой-то плод, пусть и ядовитый для всего живого, может хоть как-то подействовать на эту гору беснующихся мускулов.

— Я слышу в голосе боль,— пояснил Конан.— Сначала была просто ярость от занозы в пасти. Сейчас его грызет яд, и зверь это чувствует. Видишь? Он споткнулся. Еще несколько минут — и он ослепнет... Ну, что я говорил?

Внезапно дракон опустился на все четыре лапы и, пошатываясь, с треском ломая подлесок, стал удаляться от скалы.

— Он вернется? — с тревогой спросила Валерия.

— Он пошел к озеру! — Конан вскочил на ноги — весь энергия и решимость.— Яд пробудил жажду. Быстро! Тварь скоро ослепнет, но сможет найти дорогу обратно по запаху, и если снова нас здесь учует, то будет сидеть под скалой, пока не издохнет. А на вопли одной могут сойтись и другие. Идем!

— Как, вниз?! — У Валерии аж подкосились ноги.

— Куда ж еще? Надо бежать в город. Там нам, может статься, отрубят головы, но это единственный шанс на спасение. Конечно, на пути могут попасться и другие драконы, но оставаться здесь — верная смерть! Если будем ждать, пока подохнет этот, то как бы потом не пришлось иметь дела с дюжиной его сородичей. За мной, да пошевеливайся!

Он заскользил вниз по откосу — легко и быстро, как обезьяна, останавливаясь лишь затем, чтобы помочь своей менее ловкой спутнице. И вновь Валерия была уязвлена, на этот раз той уверенностью, с какой варвар чувствовал себя на почти отвесном склоне,— а ведь она-то воображала, что ни среди корабельных вантов, ни на скалах она ни в чем не уступает мужчинам!

Они спустились в полумрак под лиственным покровом и скоро бесшумно скользнули на землю, хотя Валерия была убеждена, что удары ее сердца слышны едва ли не на милю. Со стороны озера из-за густых зарослей доносились лакание вперемежку с бульканьем: дракон утолял жажду.

— Он вернется, как только зальет в брюхо достаточно воды,— прошептал Конан.— Могут пройти часы, прежде чем яд убьет его... если вообще убьет.

Где-то далеко за лесом садилось солнце. Весь в таинственных сумерках, в пятнах черных теней и размытых прогалин, лес словно затаился, готовя людям страшную участь. Сжав запястье Валерии, Конан заскользил прочь от подно-

жия скалы. Он поднимал не больше шума, чем ветерок, овевающий стволы деревьев, но Валерии казалось, что топот ее сапог из мягкой кожи разносится по всему лесу.

— Не думаю, чтобы он мог идти по следу,— на бегу прошептал Конан,— но если ветер донесет наш запах, он нас обнаружит.

— О милосердный Митра, не дай ветру подняться! — выдохнула Валерия.

Лицо девушки смертельно бледным овалом выделялось на фоне мрака. Свободной рукой она схватилась за меч, но прикосновение к рукоятке в шагреневой коже вызвало в ней лишь ощущение беспомощности.

Они все еще находились довольно далеко от кромки леса, как вдруг услышали за собой грозный топот и треск ломающихся деревьев. Валерия закусила губу, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

— Он все-таки взял след! — в отчаянии прошептала она.

Конан покачал головой.

— Зверь не учуял нас у скалы и сейчас вслепую тычется по лесу в поисках запаха. Быстрей! Теперь одно спасение — город! На дереве не спрячешься: он легко повалит любое. Только бы не поднялся ветер...

Не сбавляя шага, они крались вперед, и наконец лес впереди немного поредел. Позади остался непроглядный океан теней, и откуда-то из его глубин доносился зловещий шум: дракон не оставлял попыток набрести на запах своих врагов.

— Равнина... уже близко! — Она ловила воздух широко раскрытым ртом.— Еще немного — и мы будем...

— Великий Кром! — прорычал Конан.

— О милосердный Митра! — Голос Валерии дрогнул.

С юга, быстро усиливаясь, поднимался ветер. Обтекая людей, он дул прямо в черные дебри за их спинами. И тут же лес содрогнулся от мощного рычания. Беспорядочное топанье и треск сменились непрерывным, все нарастающим грохотом: круша деревья и кустарник, дракон приближался к источнику ненавистного запаха.

— Бежим! — рявкнул Конан, глаза его сверкнули, как у загнанного волка.— Вдруг успеем!

Моряцкая обувь не очень-то пригодна для быстрого бега, а пиратский образ жизни не располагает к карьере бегуна. Уже через сотню ярдов Валерия начала задыхаться, она то и дело спотыкалась о торчащие из земли корни, а за их спинами глухой топот и треск перешел в громовые раскаты: чудовище из плотных зарослей вырвалось на прореженное пространство.

Железная рука Конана обхватила талию женщины, изящные ноги в кожаных сапогах едва касались земли. Влекомая своим гигантским спутником, она словно парила с такой скоростью, какую никогда не сумела бы развить сама. Если бы хоть на минуту пропал запах — скажем, утих бы ветер, но нет, тот упорно дул с юга, и, быстро оглянувшись, Конан увидел, как чудовище неотвратимо приближается подобно боевой галере впереди урагана. Тогда варвар отбросил Валерию с такой силой, что та, нелепо размахивая руками, улетела не меньше чем на дюжину шагов в сторону, где приземлилась на кучу сухих листьев у подножия мощного ствола. Избавившись от девушки, киммериец круто обернулся навстречу рычащему титану.

Уверенный, что смерть уже неминуема, варвар поступил так, как подсказала ему мать-природа: с мечом в руке он бросился прямо к нависшей над ним жуткой пасти! Подпрыгнув, он со страшной силой опустил свой меч на морду чудовища, тонкие пластинки не выдержали, из рассеченного мяса хлынула кровь. И в тот же миг он получил такой удар, что пролетел кувырком пятьдесят ярдов — без многих чувств, с душой, чудом удержавшейся в теле.

Как он сумел подняться — то навсегда осталось тайной, непостижимой и для самого киммерийца. В мозгу занозой сидела одна мысль: как там Валерия, беспомощная, возможно без сознания, в считаных ярдах в стороне от протопавшего мимо зверя; и не успел воздух со свистом ворваться в его глотку, как он уже стоял над ней, сжимая в руке верный меч.

Девушка лежала там же, куда он ее отбросил, делая лишь слабые попытки сесть. Ни острые шипы хвоста, ни всесокрушающие лапы ее не коснулись. Самому Конану, судя по всему, досталось от предплечья или передней лапы чудовища. От резкой боли наступающей агонии слепой зверь потерял интерес к жертвам, чей запах он до сего момента вынюхивал огромными ноздрями, и с треском протопал дальше. Подобно лавине, сметая все на своем пути, он мчался по прямой, пока его опущенная к земле голова не врезалась в ствол гигантского дерева. От страшного удара дерево с грохотом повалилось на землю, одновременно раздался жуткий треск — то лопнул череп зверя. Исполинское чудовище и дерево упали рядом, а люди, пораженные ужасным зрелищем, молча взирали, как дрожат листья, под которыми билась в предсмертной агонии доисторическая тварь. Затем все стихло.

Конан помог Валерии подняться, и оба, шатаясь, побежали прочь от страшного места. Через несколько минут лес кончился: перед ними, залитая сумрачным светом, лежала открытая равнина.

На мгновение прервав бег, Конан бросил взгляд назад, на непроницаемую чащу леса. Ни щебета птиц, ни дрожания листьев. Угрюмый и молчаливый, лес стоял, как он стоял сотни тысяч лет назад, задолго до появления человека.

— Вперед! — прохрипел Конан, хватая девушку за руку.— Еще не кончено! Что, если другая тварь выйдет из леса и...

Продолжать было незачем...

Казалось, город слишком далеко, гораздо дальше, чем представлялось со скалы. Сердце Валерии молотом стучало в груди, еще минута — и она задохнется! Каждый миг она ждала, что вот сейчас раздастся треск и другое чудовище — само воплощение ночного ужаса — нависнет над ними громадной тушей. Но ничто не нарушало тишины зеленых зарослей.

Когда между беглецами и лесом пролегла первая миля, Валерия задышала ровнее. К ней стала возвращаться прежняя уверенность. Солнце село, и над равниной собиралась тьма; лишь звезды мерцали на небе, и в их неверном свете одинокие кактусы стояли причудливыми привидениями.

— Ни скота, ни возделанных полей,— пробормотал Конан.— Интересно, чем они тут живут?

— Может быть, скот развели на ночь по загонам? — высказала предположение Валерия.— А поля расположены по ту сторону города.

— Может быть,— проворчал он.— Хотя со скалы я ничего такого не заметил.

За городом взошла луна и залила окрестности своим желтоватым светом, четкой границей проступили зубчатые стены и башни. Девушку охватила дрожь. Протянувшийся черной ломаной полосой загадочный город выглядел мрачным и зловещим. Похоже, нечто подобное испытывал и Конан.

Варвар остановился и, оглядевшись, сказал:

— Дальше не пойдем. Ни к чему заявляться к их воротам ночью. Нас могут не впустить. К тому же нам не мешает отдохнуть — кто знает, как там встречают чужаков. А несколько часов хорошего сна — и опять можно будет хоть удирать, хоть драться.

Он направился к группе кактусов, росших по окружности,— обычное явление в южных пустынях. Прорубив в колючих зарослях узкий проход, он жестом пригласил Валерию войти.

— По крайней мере, змеи нас здесь не достанут.

Она со страхом посмотрела назад — туда, где милях в шести глухой стеной встал лес.

— Что, если драконы по ночам выходят из леса?

— Будем сторожить по очереди,— успокоил он ее, хотя из ответа неясно было, что же все-таки делать, окажись это правдой.

Взгляд варвара был прикован к городу в нескольких милях от лагеря. Ни единого огонька на башнях, безмолвное, таинственное пятно черной громадой высилось в лунном сиянии на фоне иссиня-черного неба.

— Ложись и спи,— сказал Конан.— Я посторожу первым.

Она замялась, украдкой взглянула на него, но варвар уже сидел, скрестив ноги, у бреши в живой ограде, положив меч на колени и обратившись лицом к равнине, спиной — к девушке. Не сказав более ни слова, она легла на песок.

— Разбуди меня, когда луна будет в зените,— привычным повелительным тоном сказала она.

Он ничего не ответил, даже не обернулся. Последнее, что видела Валерия, прежде чем провалиться в сон, была его мускулистая фигура — неподвижная, словно отлитая из бронзы статуя в обрамлении из россыпи звезд.

II

В МЕРЦАНИИ ЗЕЛЕНЫХ КАМНЕЙ

Валерия проснулась внезапно, как от толчка; над равниной занимался бледный рассвет.

Она села, потирая кулаками глаза. Конан, сидя на корточках над срезанным кактусом, со знанием дела выдергивал из зеленой мякоти колючки.

— Ты так и не разбудил меня! — В голосе сквозило возмущение.— Из-за тебя я проспала всю ночь!

— Вчера ты сильно устала,— отвечал он.— Да и заду твоему порядком досталось за время путешествия: вы, пираты, непривычны к верховой езде.

— А сам-то ты кто?

— Ну, прежде чем стать пиратом, я был козаком, а вся жизнь козака проходит в седле. Я сплю вполуха, как пантера, которая в ожидании добычи затаилась у тропы на водопой. Пока глаза спят, мои уши видят все вокруг.

И в самом деле, огромный варвар выглядел таким же свежим, как если бы он всю ночь провел на мягком золоченом ложе. Удалив колючки, он срезал грубую кожицу и протянул девушке толстый сочный лист.

— Попробуй-ка, язык проглотишь. Для жителей пустынь кактус — это и еда, и питье. Одно время мне довелось быть начальником в отряде пустынников-зуагиров, живущих разбоем на караванных путях,— от них и научился.

— И кем ты только не был! — воскликнула она с насмешкой, плохо скрывавшей неподдельное восхищение.

— Пожалуй, королем хайборийского королевства,— усмехнулся Конан, запихивая в рот огромный кусок кактуса.— Знаешь, иногда так хочется стать королем. Может быть, я им и стану... когда-нибудь. Чем я хуже других?

Она не нашлась что ответить, лишь покачала головой на невиданное нахальство варвара и занялась своей долей кактуса. К ее удивлению, вкус этой еды не был лишен приятности, а прохладный сок превосходно утолял жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер о песок руки, встал, расчесал пальцами гриву черных волос и наконец, застегнув ремень с ножнами, сказал:

— Ну что ж, пошли. Если жители этого города намерены перерезать нам глотки, пусть сделают это сейчас, пока не наступила дневная жара.

Мрачная шутка сорвалась с языка неосознанно, но Валерии подумалось, что его слова вполне могут оказаться пророческими. Поднявшись, она в свою очередь надела пояс. Ночные страхи прошли. Ревущие драконы из синеющего в отдалении леса уже казались полузабытым сном. И когда она бок о бок с киммерийцем покидала стоянку, ее походку отличала самоуверенность и грация. Какие бы испытания ни ждали впереди, врагами, несомненно, окажутся мужчины. А за свою жизнь Валерия из Ватаги Красных Братьев еще не сталкивалась ни с одним мужчиной, чей вид поверг бы ее в смятение.

Конан сверху вниз посмотрел на шагавшую рядом девушку — ее свободная, широкая поступь почти не отличалась от его энергичного шага.

— Ты ходишь скорее как горец, чем как моряк,— одобрительно заметил он.— Ты родом случайно не из Аквилонии? Даже солнце Дарфара не сожгло твою кожу. Ее белизне позавидовала бы не одна принцесса.

— Ты прав, Аквилония — моя родина.

Странно, но его комплименты уже не раздражали, наоборот — неподдельное восхищение варвара доставляло ей удовольствие. Если бы ее смену этой ночью отстоял кто другой, Валерия возмутилась бы: она всегда с яростью отвергала любые поползновения мужчин встать на ее защиту или покровительствовать ей — и все из-за того, что она, видите ли, всего лишь слабая женщина. Но вот с ней точно так же обошелся этот мужчина, а Валерии почему-то было приятно. А кроме того, он не воспользовался случаем в минуту, когда она была испугана, слаба и, значит, не смогла бы дать отпор его желаниям. В конце концов морская воительница пришла к выводу, что ее спутник — личность во всех отношениях необычная.

Над городом вставало солнце, окрашивая башни в зловещий темно-красный свет.

— Ночью при луне они черные,— глухо проговорил Конан, по его лицу пробежало облачко, в глазах отразилось крайнее суеверие, присущее варварам.— А утром на солнце они почему-то красные, будто кровь. Не нравится мне этот город.

Однако они не сбавили шага, и тут Конан вдруг обнаружил еще кое-что: ни одна дорога не вела к городу с севера.

— Я не вижу на земле следов от копыт,— снова заговорил он.— Многие годы, если не века, ее не касался плуг, но посмотри,— он указал на полузасыпанную, полузаросшую кактусами канавку,— было время, когда здесь занимались земледелием.

Валерия и сама уже обратила внимание на следы древней оросительной системы. В недоумении она окинула взглядом равнину и нахмурилась: открытое пространство окружало город со всех сторон и, в свою очередь, упиралось в кромку леса, протянувшегося высоким плотным кольцом. Что скрывалось в лесной чаще, как далеко она еще простиралась — о том можно было только догадываться.

Валерия с тревогой посмотрела на город. Ни блеска шлемов или наконечников копий на укреплениях, ни призывных звуков труб, ни оклика стражи. Тишина — глухая и гнетущая, как и в лесу,— висела над башнями и минаретами.

Солнце стояло уже высоко, когда они подошли к воротам в северной стене и остановились в тени высокого вала. Бурые пятна ржавчины покрывали железные части массивного бронзового портала. Карнизы бойниц, створы ворот, шарниры — все густо заросло паутиной.

— Да их уже несколько лет не открывали! — воскликнула Валерия.

— Мертвый город! — глухо отозвался Конан.— Так вот почему заросли каналы, а земля не вспахана.

— Но кто его построил? Кто жил здесь? И куда они подевались? Почему все бросили?

— Кто знает? Возможно, здесь осел какой-нибудь опальный род, высланный из Стигии. Хотя... по виду стены и башни не походят на стигийские. Может быть, жителей вытеснили враги или выкосила чума.

— В таком случае их богатства по-прежнему должны пылиться в городской сокровищнице,— высказала предположение Валерия: в ней пробудился инстинкт стяжательства, свойственный ее профессии, усиленный к тому же женским любопытством.— Нельзя ли как-нибудь открыть ворота? Тогда можно было бы войти в город и поискать их.

Конан с сомнением окинул взглядом тяжелые створы, однако вышел на середину и, упершись в один из них своим мощным плечом, нажал. Мускулы на икрах и бедрах вздулись буграми, по телу заструился пот. Варвар удвоил усилия — раздался жуткий скрежет ржавых шарниров, и ворота нехотя подались вовнутрь. Шумно дыша, Конан выпрямился и обнажил меч. Проворная Валерия первой заглянула в образовавшуюся щель и не смогла сдержать возгласа удивления.

Они ожидали увидеть улицу или дворик — ничего подобного! Ворота, точнее, двери открывались прямо в широкий, длинный зал, уходивший в глубину насколько хватало глаз. Исполинских пропорций зал поражал воображение. Пол, вымощенный красной квадратной плиткой, едва заметно светился, словно отражая пламя факелов. Стены были сложены из какого-то блестящего зеленого минерала.

— Пусть меня назовут шемитом, если это не жадеит! — От удивления Конан тихонько выругался.

— Но чтобы столько и в одном месте! — возразила Валерия.

— Я пощипал довольно караванов, шедших из Кхитая, так что можешь мне верить — это жадеит.

В сводчатый лазуритовый потолок были вставлены гроздья больших зеленых камней, испускающих в полумраке ядовито-зеленое свечение.

— Огненные камни! — Несмотря на внешне бесстрастный вид, Конан был поражен.— Так называют их антийцы. Существует поверье, что это окаменевшие глаза доисторических гадов, которых наши предки называли «золотыми змеями». В темноте они горят, будто кошачьи. Так что ночью в этом зале светло, только, должно быть, это жуткое зрелище. А сейчас займемся поисками — вдруг да наткнемся на тайник с драгоценностями.

— Закрой дверь,— попросила Валерия.— У меня нет никакого желания удирать от дракона и в этом зале.

Конан ответил, ухмыльнувшись:

— Не думаю, чтобы драконы отважились покинуть свой лес.

Однако он выполнил просьбу девушки и, указав на разорванный засов, добавил:

— Когда я налег плечом, мне послышалось, будто что-то хрустнуло. Засов весь изъеден ржавчиной, как видно, его я и сломал. Но если люди покинули город, почему двери были заперты изнутри?

— Значит, они вышли другими воротами.

Валерия подумала, сколько, должно быть, минуло столетий с тех пор, как в этот зал в последний раз проникал дневной свет. Но она ошибалась. Огромный зал вдруг начал заполняться светом, и скоро они обнаружили его источник. В сводчатом потолке были прорезаны узкие щели-окна, прикрытые полупрозрачными пластинками какого-то кристалла. Зеленые камни в темных промежутках между окнами мигали, точно глаза разъяренных кошек. Под ногами мерцающий пол переливался всеми цветами и оттенками пламени. Они словно шагали по земле царства Тьмы под небом, усеянным злыми мигающими звездами.

Три галереи с балюстрадами протянулись одна над другой вдоль стен зала.

— Похоже на четырехэтажный дом,— пробурчал Конан.— В высоту зал до самой крыши. Длинный, как улица. Кажется, в той стене есть дверь.

Валерия пожала своими ослепительно белыми плечами.

— Не спорю — твои глаза поострее моих, хотя, должна признаться, среди корсаров меня тоже не считали за слепую.

Они свернули в открытую дверь и прошли через несколько комнат: пол у всех был выложен, как и в большом зале, плитами; стены, украшенные золотым, серебряным или бронзовым фризом,— из того же зеленого жадеита, мрамора, реже из халцедона. Вкрапления зеленых камней источали с потолка все тот же призрачный мерцающий свет.

В некоторых комнатах освещение отсутствовало, их дверные проемы вставали непроницаемо-черным пятном, словно бреши в потусторонний мир. Валерия и Конан проходили мимо них, все время держась светлых помещений.

В углах висела паутина, но на полу, на мраморных плитах, сиденьях не ощущался присущий запустению слой пыли. То и дело встречались коврики, выполненные из кхитайского шелка, известного своей прочностью. И ни одной двери или окна, которые выходили бы на улицу, во двор или в сад. Каждая дверь неизменно вела в новую комнату или в зал.

— Где же у них тут улицы? — проворчала Валерия.— Похоже, по размерам этот дворец не уступит сералю короля Турана.

— Чума здесь ни при чем,— размышляя о своем, медленно проговорил Конан.— Иначе были бы скелеты. Что, если их одолели частые набеги и вот они собрались и ушли? Или...

— Что, если тебе бросить свои гаданья?! — вдруг вспыхнула Валерия.— Все равно ничего не узнаем. Лучше посмотри на фризы. Тебе не кажется, что эти линии чем-то напоминают людей? Как ты думаешь, какой они расы?

Конан тщательно осмотрел рисунки и покачал головой.

— Никогда раньше таких не видел. Хотя... В них есть восточные черты — скорее всего, выходцы из Вендии или из Козалы.

— Ты что, был королем в Козале? — Насмешливый тон не мог скрыть острого любопытства.

— Нет. Но я был начальником в отряде афгулов — племени, населяющего Химелийские горы вдоль вендийской границы, а они держат сторону Козалы. Но для чего козалийцам понадобилось строить город так далеко от родных земель?

Фигуры на стене — мужчины и женщины, стройные, с кожей цвета оливок,— были высечены со всей тщательностью, в глаза бросались необычные черты лиц, горделивая грация тел, проницательный взгляд. Резчик одел их в легкие, как паутинка, одеяния с обилием искусных украшений из драгоценных камней и металлов, изобразив во время пиршества, танцующими или в любовных сценах.

— Конечно, с востока,— уже решительней сказал Конан,— только не пойму, откуда именно. Похоже, их жизнь протекала до отвращения гладко, иначе мы нашли бы сцены сражений и поединков... Что там — ступени? Давай поднимемся.

Это была винтовая лестница, берущая начало в комнате, в которой они сейчас находились. Они поднялись на три пролета и очутились в просторной комнате на четвертом этаже; потолки этого яруса были гораздо выше, чем на нижних трех. Сквозь окна-щели, прорезанные в потолке, в комнату падал свет; здесь, как и в зале, слабо посверкивали огненные камни. Из комнаты вели четыре двери; заглянув в три из них, они увидели уходящие вдаль анфилады комнат все в том же призрачном свете, четвертая выходила на галерею, протянувшуюся вдоль зала — гораздо меньшего по сравнению с тем, который они обследовали ранее.

— Будь они прокляты! — Валерия с мрачным видом опустилась на скамью из жадеита.— Люди, удравшие из этого проклятого города, похоже, захватили с собой все ценности. Я устала: бродишь, бродишь — и ничего, одни пустые комнаты!

— Весь верхний ярус освещен окнами в крыше.— Холодный, размеренный тон варвара подействовал на нее успокаивающе.— Значит, надо найти окно с видом на город. Давай осмотрим комнаты вон за той дверью.

— Вот ты и осматривай,— слабо огрызнулась девушка.— А я пока останусь здесь — ноги уже гудят.

Бесшумно, словно привидение, Конан растворился в проеме двери — напротив той, что вела на галерею, в то время как Валерия, сцепив пальцы на затылке, откинулась на спинку скамьи и с наслаждением вытянула ноги. Эти молчаливые комнаты и залы с гроздьями мерцающих камней над головой и кроваво-красным полом действовали на нее угнетающе. Единственное, чего ей сейчас

хотелось,— это поскорее выбраться из лабиринта на улицу. Расслабившись, она целиком отдалась потоку мыслей. «Интересно,— рассеянно думала Валерия,— что за люди ступали по этим алым плиткам и сколько зла перевидели за сотни лет загадочно мигающие под потолком зеленые камни?»

Легкий шорох пробудил ее от раздумий. Еще не осознав причины, она была уже на ногах, сжимая в руке меч, вся обратившись в слух: для Конана слишком рано, к тому же он всегда появлялся неслышно, точно призрак.

Звук исходил из-за двери, ведущей на галерею. Без малейшего шороха, как кошка, ступая в сапогах мягкой кожи, она скользнула в дверь, пересекла балкон и, укрывшись за тяжелой колонной балюстрады, глянула вниз.

По залу крадучись двигался человек.

Появление живого существа в этом, казалось, уже века как брошенном дворце сразило девушку: на миг захолонуло сердце, прервалось дыхание. Очнувшись, она быстро присела за каменные перила и с напряженным вниманием — нервы как струны — горящими глазами стала следить за фигурой внизу.

Человек ничем не напоминал людей, чьи изображения она видела на стенах. Чуть выше среднего роста, очень смуглый, но не из племени чернокожих, он был совершенно голым, если не считать шелковой повязки, наполовину прикрывавшей мускулистые бедра, а также кожаного пояса шириной с мужское запястье, стянувшего узкую талию. Прямые черные волосы, рассыпанные в беспорядке по плечам, придавали ему вид дикаря. На первый взгляд худой, но канаты и узлы мускулов, буграми выступающие под кожей рук и ног, все тело без той излишней плоти, что придает линиям плавность, а облику — гармонию, говорили о том, насколько обманчивым может оказаться поверхностное суждение. Убрав излишки, природа вылепила образ цельный, почти отталкивающий.

И все-таки больше всего воительницу поразила не внешность, а повадки человека. Он крался на полусогнутых ногах, припадая к полу и поминутно оглядываясь. В правой руке он сжимал рукоять кривого, широкого у острия клинка, и она видела, как дрожала эта рука от завладевших человеком чувств. Воин был испуган, трясся в тисках животного ужаса, и, когда вновь оглянулся, из-под черных прядей блеснула пара широко раскрытых глаз.

Валерию он не заметил. Дальше и дальше скользил он на цыпочках через зал, пока не скрылся в открытых дверях. Минутой позже оттуда донесся слабый вскрик, и снова в воздухе повисла тишина.

Не в силах побороть любопытства, Валерия, пригнувшись, перебежала по галерее до двери, расположенной прямо над той, в которой скрылся человек. Не задумываясь, она вошла в дверь и очутилась на галерее поменьше, обегающей большую комнату.

Эта комната располагалась на третьем этаже, и ее потолок был не так высок, как в большом зале. Ее освещали только огненные камни, их зловещий зеленый свет не мог рассеять тьмы под галереей.

Глаза Валерии расширились. Человек, которого она заметила, находился там, внизу.

Он лежал на пурпурном ковре в центре комнаты — тело обмякло, руки раскинуты в стороны. Кривой меч — рядом.

Ей показалось странным, что он так долго лежит без движения. Но вот девушка вгляделась в ковер под неподвижной фигурой — и глаза ее сузились. Под телом и около него цвет ткани был иным, более ярким — алым.

Дрожа мелкой дрожью, она присела за ограждением, ее глаза пытливо изучали тени под галереей. Но бесполезно: тьма надежно скрывала свою тайну.

Внезапно на месте ужасной драмы появилось новое лицо — человек, почти копия первого, вошел через дверь напротив той, что вела в зал.

При виде распростертого на полу собрата глаза его сверкнули, и он тихо позвал: «Хикмек!» — но тот даже не шевельнулся.

Тогда он быстро прошел к ковру, нагнулся и, впившись пальцами в поникшее плечо, перевернул тело на свое колено. Из груди его вырвался сдавленный крик: голова лежавшего безвольно откинулась, обнажив горло, рассеченное от уха до уха.

Человек выпустил труп, и тот упал на залитый кровью ковер. Воин вскочил, весь дрожа, словно лист на ветру. От страха его лицо стало пепельно-серым. И вдруг, уже готовый рвануться прочь со страшного места, он застыл, превратился в камень, как завороженный глядя округлившимися глазами в дальний конец комнаты.

Там, во мраке под галереей, затеплился огонек — быстро разгораясь, он ничем не походил на мерцание зеленых камней. Валерия почувствовала, как зашевелились волосы у нее на голове: едва видимый в пульсирующем свечении, по воздуху плыл череп, и казалось, прямо от черепа — человеческого, но страшной, уродливой формы — исходит этот таинственный свет. Череп висел, как отсеченная голова,— возникший из ночи и тьмы, он на глазах обретал четкую форму... да, человеческий, но человека неведомой ей расы.

Воин стоял неподвижно — изваяние парализованного страхом,— не сводя глаз с жуткого видения. Вот череп качнулся от стены, и вместе с ним — неясная тень. Постепенно тень сгустилась и обрела человеческие очертания; на обнаженном торсе и конечностях мертвенно-белым цветом проступали кости. Голый череп в ореоле сияния ухмылялся жуткой улыбкой мертвеца, пустые глазницы насквозь пронзали живую, скованную страхом плоть. Воин не шелохнулся; меч, звякнув, выпал из онемевших пальцев, на лице застыла маска жертвы, обреченной на заклание силами Зла.

Валерия почувствовала, что не только страх парализует волю человека. В пульсирующем свечении присутствовало нечто сверхъестественное, неземное, что отнимало способность мыслить и действовать. Даже здесь, на галерее, будучи в полной безопасности, она пусть и слегка, но поддалась воздействию зловещего, несущего угрозу разуму света.

Ужас, охвативший несчастную жертву, лишил ее последних сил; прижав ладони к глазам, человек рухнул на колени. Покорный неизбежной участи, он ждал удара клинка, мерцающего в руке видения — самой Смерти, занесшей над человеком свой меч.

Валерия, во власти первого порыва, поступила так, как ей подсказала ее изменчивая природа. Тигрицей перемахнув через перила, она, как на подушечках, опустилась за спиной призрака. От мягкого удара кожаных сапог тот круто обернулся, но не успел сделать и шага; сверкнула разящая сталь — и волна ликова-

ния и гнева захлестнула девушку: вместо пустоты клинок встретил мясо и кости смертного!

Раздался вскрик, заглушенный гортанным бульканьем, и рассеченное от плеча до середины груди видение повалилось на пол; светящийся череп откатился в сторону, открыв копну черных прямых волос и смуглое лицо, искаженное предсмертной мукой. Под страшным балахоном оказался обычный человек, во многом схожий с тем, что на коленях дожидался смерти.

При звуке удара тот, словно очнувшись, поднял голову и сейчас, пораженный, во все глаза смотрел на белокожую женщину, стоявшую над трупом с окровавленным мечом в руке.

Пошатываясь, он встал на ноги, что-то невнятно бормоча,— казалось, увиденное лишило его разума. К своему удивлению, Валерия все поняла: слова были знакомы — человек говорил на стигийском языке, хотя и с незнакомым выговором.

— Кто ты? Откуда? Зачем ты в Ксухотле? — И вдруг слова хлынули из него, как вода из прорванной плотины: — Но ты же друг, богиня или демон — какая разница! От твоего меча пал сам Пылающий Череп! Под ним скрывался человек — кто мог подумать? А мы-то считали его за демона, которого они заклинаниями вызвали из катакомб! Тихо! Слышишь?

Он оборвал словесный поток и вновь застыл, с напряженным вниманием вслушиваясь в тишину. Валерия замерла — безмолвие царило во дворце.

— Надо торопиться! — горячо зашептал человек ей в ухо.— Они сейчас к западу от Большого зала! Это здесь! Быть может, уже крадутся сюда!

Воин сомкнул пальцы на ее запястье, она попробовала высвободить руку — тщетно!

— Ты говоришь «они», кто это? — спросила девушка.

Он задержал на незнакомке взгляд, как бы удивляясь ее неосведомленности.

— «Они»? — Он запнулся.— Ну, те, из Ксоталана. Ты только что убила одного из них. Те, что живут у Восточных ворот.

— Так значит, город населен?! — воскликнула она.

— Да, да! — От нестерпимого желания поскорее покинуть опасное место воин извивался всем телом и едва не подпрыгивал.— Идем! Нам надо поскорей вернуться в Техултли!

— Где это?

— Кварталы у Западных ворот! — И, крепче сжав руку девушки, он повлек ее к двери, через которую вошел пятью минутами раньше. Его смуглый лоб усеяли крупные капли пота, глаза от страха блестели.

— Стой! Подожди! — Валерия вырвала руку из его клещей.— Не прикасайся ко мне, или я раскрою тебе череп! Что все это значит? Кто ты? И куда меня тащишь?

Огромным усилием воли человек взял себя в руки и, бросая по сторонам испуганные взгляды, заговорил срывающимся голосом, но так быстро, что она с трудом разбирала слова:

— Меня зовут Техотл. Я сам из Техултли. Мы с этим парнем, что лежит с перерезанным горлом, прокрались в зал тишины, надеясь подстеречь и убить кого-нибудь из ксоталанцев, и потеряли друг друга. Тогда я вернулся сюда, но уви-

дел, что мой приятель лежит на ковре, уже мертвый. Я знаю, это сделал Пылающий Череп, он бы и меня прирезал, если бы ты его не убила. Но думаю, он здесь не один. Наверняка из Ксоталана явятся другие. Боги — и те бледнеют при виде участи несчастных, попавших в лапы ксоталанских зверей живыми.

От одной мысли об этом незнакомец задрожал как в лихорадке, смуглая кожа словно покрылась пепельным налетом. Нахмурив лоб, Валерия задумалась. За малопонятными фразами таилось что-то важное, но суть ускользала от нее.

Она повернулась к черепу — тот по-прежнему испускал пульсирующий свет — и носком сапога потянулась было к нему, как вдруг человек, назвавшийся Техотлом, дико вскрикнув, прыгнул вперед.

— Не прикасайся! И не смотри на него! В нем — Безумие и Смерть! Только колдуны Ксоталана знают его тайну. Они нашли его в катакомбах среди останков жестоких королей, правивших Ксухотлом в мрачные дни прошлого, за сотни лет до нас. Тем, кто не познал великую тайну черепа, хватает взгляда на него, чтобы застыла в жилах кровь и затуманился разум. Раз прикоснувшись, человек сходит с ума и скоро угасает.

Валерия окинула воина недоверчивым взглядом. Худой и мускулистый, с сальными волосами, он не внушал доверия. В глазах наряду с огоньками затравленного зверя она уловила лихорадочный блеск — верный признак расстроенных нервов. И вместе с тем в его голосе звучало искреннее беспокойство.

— Пойдем! — чуть ли не жалобным тоном заговорил он и вновь потянулся к ее запястью, но вдруг, вспомнив угрозу, отдернул руку.— Ты не из здешних. Не знаю, как ты сюда попала, но, будь ты богиня или демон, ты должна помочь Техултли. Там все узнаешь. Мне кажется, ты пришла из-за Большого леса — оттуда пришли наши предки. Но ты ведь друг, иначе не стала бы убивать нашего врага. Прошу тебя, поторопимся, пока ксоталанцы не обнаружили нас и не прирезали.

С неприятного, горящего нетерпением лица Техотла она перевела взгляд на череп — то едва тлевший, то снова разгоравшийся на плиточном полу возле трупа. Словно явившийся из ночного кошмара, во многом схожий с обычным, череп, однако, отличался каким-то особым зловещим уродством. При жизни его обладатель, должно быть, являл собой отталкивающий, даже страшный вид. При жизни? Ей почудилось, что череп продолжает жить какой-то своей, обособленной жизнью. Челюсти вдруг раздвинулись и с лязгом сомкнулись. Свечение усилилось, по черепу забегали живые огоньки, стало нарастать ощущение нереальности — да, это сон, тяжелый сон, вся жизнь всего лишь сон...

— Не смотри! Не смотри на череп! — донесся до нее будто издалека, через пространство резкий голос Техотла. Пучина, едва не поглотившая ее разум, начала быстро рассеиваться.

Валерия встряхнулась, точно львица. Зрение прояснилось. А Техотл между тем продолжал:

— При жизни он носил в себе мозг ужасного короля магов! Он и сейчас живет, получая силы и колдовской огонь из царства Тьмы.

Исторгнув страшное проклятие, Валерия рванулась вперед. Прошелестело лезвие — и череп разлетелся на десятки горящих осколков.

Где-то то ли в глубине комнаты, то ли в отдалении, то ли в уголках ее сознания раздался животный рев боли и ярости.

Рука Техотла почтительно коснулась ее пальцев, сжимавших рукоять меча; его губы невнятно шептали:

— Ты разрубила Череп! Разрушила чары! И никакие заклинания ксоталанцев уже не смогут его воскресить! А теперь уходим. Быстро!

— Но я не могу,— возразила она.— У меня здесь неподалеку друг, и мы договорились, что...

Она осеклась, увидев, как страшно исказилось его лицо, как остановился взгляд, устремленный поверх плеча. Она круто повернулась и увидела четырех воинов: разом вбежав через четыре двери, те ринулись к двоим в середине комнаты.

Они ничем не отличались от других: такие же тощие, с узловатыми мускулами, те же прямые иссиня-черные волосы и тот же безумный огонь в широко раскрытых глазах. Одежда, оружие — все как у Техотла, с той лишь разницей, что на груди у всех был нарисован белый череп.

Не было ни вызова, ни боевого клича. Как жаждущие крови тигры, бросились ксоталанцы на врагов, горя желанием достать клинком до горла. Техотл встретил их с яростью обреченного. Уклонившись от палаша, он схватился с воином врукопашную, увлек на пол, где в полном молчании оба катались и рвали друг друга на части!

Трое оставшихся, с глазами красными, как у бешеных собак, налетели на Валерию.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости ее меча, она убила сразу — не успел тот замахнуться, как упал с раскроенным черепом. Отбивая удар, она метнулась в сторону. Глаза девушки горели, на губах играла беспощадная улыбка. Вновь она была Валерией — воительницей из Ватаги Красных Братьев, и шелест длинного прямого меча звучал для нее слаще свадебной песни.

Вот ее меч блеснул мимо вражеского клинка, прорвал защиту и, вспоров дубленую кожу, на шесть дюймов погрузился в живот врага. Хватая ртом воздух, человек повалился на колени, но его рослый товарищ прыгнул вперед и с такой яростью стал наносить удар за ударом, что Валерия никак не могла выбрать момента, чтобы ответить. Она отступала, парируя удары, хладнокровно дожидаясь случая для решающего выпада. Все равно этот стальной смерч долго не продлится. Рука устанет, ослабеет, ураган стихнет, и тогда она возьмет свое — вонзит клинок прямо в сердце. Валерия мельком увидела Техотла: оседлав врага, тот всеми силами пытался разжать мертвую хватку на своем запястье, чтобы всадить кинжал меж ребер ксоталанца.

Пот крупными каплями выступил на лбу нападавшего, глаза полыхали, как угли. Несмотря на яростный натиск, он не мог ни сломить, ни даже пробить оборону девушки. Но вот его дыхание стало прерывистым, удары — беспорядочными и уже не такими мощными. Она сделала шаг назад, вынуждая того сменить позицию, и вдруг почувствовала, как железные пальцы мертвой хваткой впились ей в бедро. Раненый на полу! Она совсем о нем забыла!

Привстав на колени, тот сомкнул пальцы на ее ногах; его товарищ торжествующе заклекотал и начал пробираться по кругу, чтобы атаковать девушку слева.

Она снова рванулась — все напрасно! Один удар вниз — и она освободилась бы от этих капканов, но в этот миг кривой клинок рослого воина раскроил бы ей череп. Вдруг левую ногу пронзила страшная боль: добравшись зубами до бедра, раненый, точно дикий зверь, впился в живую плоть.

Свободной рукой Валерия схватила того за длинные волосы и оторвала от себя, так что пылающие ненавистью глаза воззрились на нее снизу вверх. Рослый ксоталанец, исторгнув из груди яростный вопль, прыгнул вперед и что было сил обрушил на нее палаш. Она едва сумела отразить удар — плоской стороной меч ударил ее по голове, из глаз сыпанули искры, пол покачнулся. Вновь раздалось животное рычание, и вновь взметнулся меч, но внезапно за спиной ксоталанца выросла гигантская фигура и молнией сверкнула сталь. Крик воина оборвался, и, точно бык под топором, он повалился на пол — из раскроенного до горла черепа вывалились мозги.

— Конан! — только и выдохнула Валерия. Распаленная боем, она круто повернулась к раненому, ее сильная рука по-прежнему сжимала пучок его волос.— Умри, собака! — С тихим шелестом клинок очертил в воздухе дугу, и обезглавленное тело повалилось к ее ногам — из шеи струей била кровь. Отрубленную голову девушка зашвырнула в дальний угол.

— Что тут еще стряслось? — Расставив ноги, варвар стоял над трупом убитого воина. Не опуская широкого меча, он обегал комнату изумленным взглядом. Стряхивая с кожи красные капли, Техотл поднялся с бьющегося в агонии последнего из четверки ксоталанцев. Глубокая рана на его бедре сочилась кровью. Широко раскрытыми глазами он уставился на Конана.

— Ну, скажет мне кто-нибудь? — снова потребовал объяснений варвар: оставив девушку на несколько минут, он меньше всего ожидал застать ее в гуще смертельной схватки с какими-то полупризраками в этом, как он считал, заброшенном, необитаемом городе. Обойдя наугад несколько комнат наверху, Конан вернулся туда, где ее оставил, и, не найдя на месте, встревожился. Шум внезапно вспыхнувшей схватки, от которого у варвара чуть не лопнули барабанные перепонки, подсказал, где следует искать его подругу.

— Пять псов за один бой! — Глаза Техотла заблестели от восторга.— Целых пять мертвецов! Значит, в черный столб вобьют еще пять красных гвоздей! Хвала вам, боги крови!

Он простер дрожащие руки к потолку, но вдруг его лицо исказила злоба; он плюнул на трупы и, не в силах сдержать переполнявшей его радости, начал отплясывать на мертвых телах отвратительный победный танец. Его недавние союзники в замешательстве взирали на это дикое зрелище. Наконец Конан спросил на аквилонском:

— Кто этот ненормальный?

Валерия пожала плечами:

— Его зовут Техотл. Из его бормотания я поняла, что его клан живет в одном конце этого города сумасшедших, а те, что убиты,— из враждующего клана, который занимает противоположную часть. Пожалуй, нам лучше пойти с ним. Сам видишь — в отличие от своих врагов, он к нам явно расположен.

Техотл уже не плясал на трупах: словно собака, склонив голову набок, он напряженно вслушивался в незнакомую речь, его отталкивающие черты отража-

ли происходящую в душе борьбу восторга от одержанной победы со страхом перед неизвестно откуда взявшимися чужаками.

— Прошу вас, идемте! — зашептал он.— Мы сделали доброе дело. Пять мертвых псов! Мой народ с благодарностью примет вас. Вам окажут великие почести! Только, заклинаю богами, скорей! До Техултли не так уж близко. Что, если ксоталанцы нагрянут сюда целым отрядом? Тогда не помогут даже ваши мечи.

— Хорошо. Веди! — проворчал Конан.

Техотл не мешкая ступил на лестницу, ведущую на галерею, и кивнул чужакам, приглашая тех следовать за собой, что они и сделали. Быстро поднявшись на галерею, он выбрал дверь в западной стене. Замелькали бесчисленные комнаты — одна за другой, очень похожие, где свет давали зеленые мерцающие камни или окна, прорезанные в потолке.

— Как думаешь, куда мы попали? — едва слышно прошептала Валерия.

— Одному Крому известно! — ответил Конан.— Прежде я встречал таких людей — на побережье озера Эвад, почти у самой границы с Кушем. Скорее всего, нечистокровные стигийцы — помесь какой-то расы, пришедшей в Стигию много веков назад с востока и породнившейся с коренным населением. Там их называют тлазитланцами. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы они смогли построить такой город.

По мере удаления от комнаты с мертвецами страх Техотла не исчезал, наоборот — он становился все сильнее. Техултлинец беспрерывно вертел головой, пытаясь уловить звуки возможной погони, и напряженно вглядывался в каждый дверной проем, мимо которых бесшумно скользили их тени.

Несмотря на сильный характер, Валерия не могла справиться с охватившей тело дрожью. Она никогда ничего не боялась, но полыхающий красным пол под ногами, мерцающие камни над головой, где их зеленый свет перемежался с черными тенями, крадущаяся поступь их до смерти перепуганного проводника — все это наполняло ее душу неясным мрачным предчувствием, ощущением затаившейся где-то поблизости опасности.

— Они могут поджидать нас на пути в Техултли! — предупредил Техотл.— Надо соблюдать осторожность, чтобы не угодить в засаду!

— Но почему бы нам не выбраться из этого проклятого дворца на улицу? — раздраженно спросила Валерия.

— В Ксухотле нет улиц,— ответил проводник,— нет ни площадей, ни открытых дворов. Весь город построен как один огромный дворец под одной крышей. Единственное, что как-то напоминает улицу,— это большой зал, протянувшийся от Северных до Южных ворот. И выйти из города можно только через ворота, хотя...— он замялся,— вот уже пятьдесят лет, как ими никто не пользовался.

— Сколько времени вы здесь живете? — спросил Конан.

— Я родился в замке Техултли тридцать пять лет назад и ни разу не выходил за пределы города. Во имя богов, ступайте тише! Эти залы могут быть битком набиты врагами! Вот доберемся до места, там Ольмек сам все вам расскажет.

И в полной тишине, шагая по пылающему полу под мерное мигание зеленых огней, они двигались дальше, пока Валерии не начало казаться, что они пробираются покоями царства Тьмы, ведомые темнокожим длинноволосым гоблином.

Однако рядом был Конан — он напомнил о себе, остановив маленький отряд, когда они пересекали необычайно широкую комнату. По натуре Конан оставался варваром и потому обладал слухом дикаря, гораздо более острым, чем слух Техотла, пусть и отточенный в молчаливых коридорах дворца за время войны длиною в жизнь.

— Ты думаешь, мы можем напороться на твоих врагов?

— Они круглые сутки рыщут по этим комнатам... мы тоже сюда наведываемся. Залы и комнаты между Техултли и Ксоталаном — это пограничная территория, она ничья. Мы называем ее залами тишины. А почему ты спросил?

— Потому что в комнатах впереди затаились воины: я слышал звяканье стали о камень.

И снова Техотл задрожал с головы до пят, ему даже пришлось крепко сжать зубы, чтобы не выдать их стуком себя и чужаков.

— А вдруг это твои друзья? — предположила Валерия.

— Лучше не рисковать,— выдохнул он. С поразительной быстротой техултлинец свернул в сторону и растворился в дверном проеме левой стены, за ней оказалась комната, откуда вниз, прямо в кромешный мрак, вела винтовая лестница со ступеньками цвета слоновой кости.

— Она ведет в темный коридор под нами! — прошелестел голос проводника, на его лбу бисеринками блестели капли пота.— Нас могут подстерегать и там. Может быть, все это подстроено нарочно, чтобы заманить нас туда. Но если в верхних комнатах действительно засада, то это — наш единственный шанс. За мной, быстро!

Двигаясь неслышно, точно призраки, они спустились по ступеням и вышли к черной дыре — входу в коридор. На миг задержались, прислушиваясь, потом растаяли во мраке. Уже через несколько шагов у Валерии по коже поползли мурашки: ей каждую секунду казалось, что еще миг — и в ее тело войдет вражеский клинок. Если бы не железные пальцы Конана, сжимавшие ее запястье, разум захлестнуло бы чувство полного одиночества. Кошка, ступающая на бархатные подушечки своих лап, произвела бы больший шум, чем эти трое. Тьма была — хоть глаз выколи. Пальцами вытянутой руки девушка скользила по стене, иногда вместо камня встречая пустоту проема. Казалось, коридору не будет конца.

Внезапно все трое замерли, затаив дыхание: за их спинами послышался слабый звук. Валерия узнала его, и по ее спине волной пробежал холодок — в темноте чья-то рука осторожно открывала дверь. В коридор входили люди. И словно отвечая на немой вопрос, под ноги попалось что-то круглое, похожее на человеческий череп. Она запнулась — и предмет с ужасным стуком покатился по коридору.

— Бежим! — взвизгнул Техотл вне себя от страха, рванувшись вперед с прытью летающего привидения. Конан, как всегда, был рядом: схватив Валерию под мышку, он увлек ее за собой вслед за проводником. В темноте варвар видел не лучше девушки, но чутье дикаря подсказывало ему верный путь. Без его поддержки одна она давно упала бы или налетела на стену. Они мчались по коридору, а за их спинами — все ближе и ближе — топот десятка ног; и вдруг Техотл крикнул:

— Вот она — лестница! За мной!

Валерия едва не оступилась во тьме, но невидимая рука удержала ее. Вновь на запястье пальцы — уже проводника, ее куда-то тащат, почти несут — кругами, вверх по бесконечной лестнице.

Выпустив девушку, Конан повернулся для отпора; его инстинкты, слух подсказывали — враги близко. Вдруг он весь подобрался: к топоту человеческих ног примешивались иные, непонятные звуки.

Казалось, что-то, извиваясь, ползло вверх по ступеням — что-то скользкое, шуршащее, от одной близости которого стыла кровь в жилах. Конан с силой опустил огромный меч и почувствовал, как сталь, разрубив податливое тело — похоже, что живую плоть,— глубоко вошла в ступеньку лестницы. Его ноги словно коснулись льдины, затем послышались тяжелые удары, похожие на удары плети, и в воздух взвился предсмертный вопль человека.

В следующий миг Конан уже мчался вверх по винтовой лестнице. Но наконец ступеньки кончились, и он влетел в открытую дверь — Валерия и Техотл уже ждали его. Проводник тут же захлопнул дверь и наложил засов — первый увиденный Конаном после засова на городских воротах.

Покончив с дверью, Техотл помчался к стене напротив. В этой комнате было довольно света. Готовый нырнуть вслед за ним в темный проем, Конан оглянулся: под мощными, яростными ударами запертая дверь стонала и вся ходила ходуном.

Хотя Техотл по-прежнему не умерял ни прыти, ни осторожности, он чувствовал себя явно увереннее. У него был вид человека, добравшегося до знакомых мест, где по его первому зову на выручку придут друзья.

Но Конан своим вопросом вновь поверг его в ужас.

— Что это за тварь была там, на лестнице? — небрежно бросил на бегу варвар.

— Люди из Ксоталана,— не оглядываясь, быстро ответил проводник.— Я говорил: залы прямо кишат ими.

— То был не человек,— возразил варвар.— Тварь ползает и холодна как лед. Похоже, я чуть не рассек ее надвое. Скорее всего, она упала на наших преследователей и в ярости убила одного из них.

Голова Техотла откинулась назад, лицо вновь посерело, ноги невольно заработали быстрее.

— Это был Ледяной Змей! Чудовище, которое они своими заклинаниями вызвали из подземных катакомб себе в помощь. Какой он с виду, мы не знаем, но только много раз находили трупы наших, которых он подстерег во тьме. Во имя Сета, поторопимся! Если его пустят по нашему следу, он не отстанет до самых ворот в Техултли!

— Навряд ли,— проворчал Конан.— Слишком серьезную рану он получил от меня на лестнице.

— Быстрей! Быстрей! — только и простонал Техотл.

Они пробежали через несколько комнат, полных зеленого сумрака, пересекли широкий зал и остановились перед огромной бронзовой дверью.

Техотл облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Техултли!

III

НАРОД, ЖИВУЩИЙ НЕНАВИСТЬЮ

Техотл постучал кулаком по двери и сразу повернулся, чтобы не терять из виду зал.

— Случалось, наших убивали у самой двери, когда они успокаивались, полагая, что находятся в полной безопасности,— сказал он.

— Почему нам не открывают? — Конан недовольно нахмурился.

— Они сейчас рассматривают нас через Око,— ответил Техотл.— Должно быть, их смущает ваш вид.— И уже громче: — Экселан! Откроешь ты или нет? Это же я, Техотл, а со мной друзья из большого мира за лесом!.. Они откроют, обязательно откроют! — успокоил он своих спутников.

— Не мешало бы им поторопиться,— мрачно изрек Конан.— Я слышу, как что-то ползет по полу комнаты, выходящей в зал.

Техотл снова подернулся пеплом и обрушил на дверь целый каскад ударов.

— Открывайте, олухи несчастные! — завопил он.— Ледяной Змей ползет за нами по пятам!

Он еще молотил кулаками по бронзе, как вдруг дверь бесшумно отворилась вовнутрь и их глазам предстала тяжелая цепь, натянутая поперек проема, поверх которой ощетинились острия копий; глаза воинов секунду ощупывали нежданных гостей колючим взглядом. Наконец цепь упала, и Техотл, неистово сжав руки своих друзей, почти силком перевел их через порог. Дверь уже закрывалась, когда Конан, бросив взгляд через плечо, увидел в дальнем конце темного зала неясные очертания огромной змеи: словно нескончаемый поток мерз-

кой слизи, судорожно извиваясь, рептилия медленно выползала из противоположного проема, отвратительная голова в красных пятнах бессмысленно раскачивалась из стороны в сторону... Дверь закрылась, и жуткое видение исчезло.

Они стояли в квадратной комнате, напоминавшей небольшую площадь. Поперек двери вновь наложили засовы и навесили цепь. Все сооружение было прекрасно продумано и могло бы устоять перед любым натиском. Вокруг стояло четверо человек стражи — такие же темнокожие и черноволосые, как и их проводник, у каждого в руке копье, у бедра — меч. В стене у входа Конан заметил сложное приспособление из нескольких зеркал — как видно, то самое Око, о котором упоминал Техотл; зеркала были установлены таким образом, чтобы через вставленный в узкую прорезь плоский кристалл можно было, не обнаруживая себя, видеть все, что происходит снаружи. Четверо стражников в изумлении смотрели на незнакомцев, однако вопросов не задавали, а Техотл не счел нужным давать им какие-либо объяснения. Он двигался с небрежной уверенностью, словно в тот миг, когда шагнул через порог, разом сбросил с себя путы страха и нерешительности.

— Пошли! — отрывисто бросил он недавно обретенным друзьям.

Конан с сомнением посмотрел на засовы.

— А как насчет парней, что нас преследовали? Что, если они надумают взломать дверь?

Техотл замотал головой.

— Они прекрасно знают, что невозможно взломать дверь Орла. И теперь хочешь не хочешь, а придется им вместе со своим ползучим гадом убираться в Ксоталан. Пошли! Я проведу вас к правителям Техултли.

Один из стражников открыл дверь в стене напротив бронзовой, и они ступили в длинный зал, который, как и большинство комнат этого яруса, был освещен гроздьями мигающих зеленых камней и слабыми дневными лучами, падавшими сквозь узкие щели-окна в потолке. Однако в отличие от бесчисленных комнат, увиденных за этот долгий день, зал носил на себе следы обитания. Вышитые по бархату рисунки украшали глянцевые стены из жадеита, толстые ковры устилали алый пол, а на сиденья, скамьи и диваны были положены бархатные подушки.

Зал оканчивался дверью с витиеватой резьбой, стражи перед ней не было. Техотл бесцеремонно толкнул дверь и ввел друзей в просторную комнату. Стоило им появиться, как человек тридцать мужчин и женщин с изумленными возгласами повскакивали со скамей и кушеток.

Все, кроме одного, принадлежали к расе Техотла; женщины — такие же темнокожие, с тем же блеском в глазах — были, однако, по-своему красивы какой-то сумрачной, полумистической красотой. На груди все носили сандаловые вызолоченные пластинки, короткая шелковая юбка, которую удерживал усыпанный камнями пояс, не скрывала правильной линии бедер, а черная грива волос, грубо обрезанная у обнаженных плеч, была схвачена серебряным обручем.

На широком, из слоновой кости сиденье, установленном на массивном возвышении, сидели двое — мужчина и женщина, по виду несколько отличавшиеся от остальных. Он — настоящий гигант: невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной клеткой. Густая иссиня-черная борода ниспадала почти до пояса. Свободная одежда из пурпурного шелка при малейшем дви-

жении переливалась всеми оттенками крови, а рукав, упавший к локтю, обнажил руку в буграх мускулов. Лента, вся в сверкающих каменьях, стягивала пряди густых волос.

При виде чужаков женщина, слабо вскрикнув, вскочила на ноги; ее изумленный взгляд, скользнув по Конану, остановился на Валерии, глаза с жгучим интересом рассматривали незнакомку. Высокого роста, гибкая и стройная, она, несомненно, была самой красивой женщиной из всех присутствующих в зале. Одежды на ней было еще меньше, чем на других: вместо юбки — широкая полоса пурпурной с золотой нитью ткани, продетая под ремнем, концы которой едва достигали колен. Другая полоса, продетая со спины, довершала эту часть ее наряда, который она носила с невозмутимым бесстыдством. Нагрудные пластинки и обруч у висков украшала россыпь драгоценных камней. И было еще нечто, что отличало ее от темнокожих представительниц племени Техотла: в глазах женщины Конан не заметил блеска сумасшествия. После невольного вскрика она так и не произнесла ни слова, лишь стояла, вся подобравшись, сжав пальцы в кулаки, пристально глядя на Валерию.

Мужчина не поднялся.

— Принц Ольмек! — В низком поклоне, ладонями вверх, Техотл простер к трону руки.— Я привел к тебе союзников. Они пришли к нам из мира по другую сторону леса. В комнате Тецоти моего друга Хикмека убил Пылающий Череп.

— Пылающий Череп! — прокатился по рядам техултлинцев судорожный шепоток.

— Да-да! Потом в ту комнату вошел я и увидел Хикмека на полу с перерезанным горлом. Не успел я убежать, как из стены выплыл Пылающий Череп. Я взглянул на него — и кровь застыла в жилах, леденящий холод пробрал меня до мозга костей. Я уже не мог ни бежать, ни биться, а только стоял и покорно ждал смертельного удара. И вдруг, откуда ни возьмись, появилась эта белокожая женщина и сразила его одним ударом меча! О милосердный Сет! Оказывается, под видом призрака скрывался ксоталанский пес! Белой краской он намалевал у себя на коже кости, а на голову надел живой череп древнего колдуна! Сейчас этот череп валяется там, разрубленный на куски, а пес, что таскал его на голове,— уже мертвец!

Лицо рассказчика раскраснелось, в глазах заплясали безумные огоньки, от восторга его голос срывался на крик. Среди слушателей раздались приглушенные проклятия и возгласы удивления.

— Погодите! — воскликнул Техотл.— Это еще не все! Только я успел перебросится с ней несколькими словами, как на нас напали четверо ксоталанцев. Одного я убил, и рана в бедре — памятка о том отчаянном поединке. Двоих убила женщина. Но в самый разгар, когда нам приходилось особенно туго, в схватку вступил ее товарищ и раскроил голову четвертого врага. О! Пять красных гвоздей — вот наше подношение к столбу мести!

Он указал на эбеновый столб, высившийся за пьедесталом. На черной поверхности виднелись сотни алых точек — шляпки гвоздей, вбитых в дерево.

— Пять красных гвоздей — жизни пяти ксоталанцев! — отчеканил Техотл, и в диком восторге, охватившем толпу, потонули остатки разума этих людей.

— Кто они? — Голос Ольмека — низкий и глубокий — походил на отдаленный рев быка. Никто из жителей Ксухотла не говорил в полный голос. Казалось,

они с молоком матери впитали в себя тишину пустых залов и заброшенных комнат.

— Я Конан-киммериец,— отрывисто бросил варвар.— Со мной — Валерия из Ватаги Красных Братьев, пиратов из Аквилонии. Мы бежали из боевого отряда, стоящего на рубеже с Дарфаром далеко к северу отсюда, и сейчас пробираемся к побережью.

Заговорила женщина — необычайно громко, в спешке коверкая слова:

— Вам никогда не добраться до побережья! Из Ксухотла нет выхода. Остаток жизни вы проведете в этом городе!

— Что такое?! — зарычал Конан, кладя руку на эфес меча и поворачиваясь так, чтобы держать в поле зрения всех — и толпу, и трон.— Уж не хотите ли сказать, что мы пленники?

— Вы нас не поняли,— вмешался Ольмек.— Мы — ваши друзья. Мы не станем удерживать вас против воли. Но, боюсь, есть обстоятельства, которые помешают вам покинуть Ксухотл.

Он бросил на девушку взгляд — быстрый как молния — и тут же опустил глаза.

— Мою женщину зовут Тасцела,— продолжал он.— Она — принцесса Техултли. Но довольно вопросов. Пусть нашим гостям принесут еду и напитки. Я думаю, за время длинного путешествия они порядком устали и проголодались.

Жестом он пригласил обоих искателей приключений за стол цвета слоновой кости. Обменявшись многозначительными взглядами, те сели. Киммериец подозревал подвох. Его голубые глаза перебегали с человека на человека, с предмета на предмет; кисть правой руки не поднималась выше пояса, держась поближе к ножнам. Предложение насытиться и выпить не уменьшило его подозрений. Время от времени его взгляд задерживался на Тасцеле, но принцесса, похоже, не замечала ничего, кроме его белокожей спутницы.

Техотл, перевязав рану на бедре шелковой лентой, тоже присел за стол — он с готовностью взял на себя обязанность прислуживать своим друзьям, как видно, считая за честь для себя удовлетворять малейшие их пожелания. Он тщательно осматривал еду и напитки, приносимые на золотых блюдах и в золотых сосудах, и, прежде чем передать их гостям, пробовал сам. Пока те насыщались, Ольмек молча сидел на троне, пристально наблюдая за чужаками из-под густых черных бровей. Принцесса сидела рядом, обхватив лицо руками, локтями упершись в колени. Взгляд ее темных загадочных глаз был прикован к сильному, гибкому телу Валерии. За ее спиной мрачноватая, но не лишенная красоты девушка размеренно поднимала и опускала роскошное опахало из страусовых перьев.

Еда состояла из незнакомых фруктов экзотического вида, однако очень приятных на вкус; крепкое, красного цвета вино веселило кровь.

— Вы пришли издалека,— наконец вымолвил Ольмек.— Я читал книги отцов. Аквилония лежит за землями стигийцев и шемитов, за Аргосом и Зингарой, а Киммерия — еще дальше.

— Нам обоим не сидится на месте,— легкомысленно ответил Конан.

— Для меня загадка, как вы прошли через лес,— продолжал Ольмек.— В давние времена не больше половины от тысячи храбрых воинов смогли пробиться через его гиблые чащи.

— Мы натолкнулись там на жуткое чудовище размером с мастодонта,— небрежно обронил Конан, держа в руке кубок, в который Техотл с видимым удо-

вольствием лил вино из кувшина.— Но после того, как мы с ним покончили, нас уже никто не тревожил.

Сосуд выскользнул из пальцев Техотла и со стуком, расплескивая красное вино, упал на пол. Смуглая кожа проводника в который уже раз превратилась в пепельно-серую. Ольмек вскочил на ноги — пораженный, он уставился на этих непонятных чужестранцев; толпа замерла в благоговейном ужасе. Некоторые опустились на колени, точно ноги отказывались им служить. Конан озадаченно посмотрел вокруг.

— Что это с вами? С чего вы вдруг поразевали рты?

— Ты... ты убил божественного дракона?!

— Божественного? Я убил чудовище, только и всего. А что прикажете делать, если вас хотят сожрать?

— Но драконы бессмертны! — воскликнул Ольмек.— Случалось, правда, что они убивали друг друга, но из людей еще ни один не убивал дракона. Наши предки были в той тысяче воинов, что пробивались через лес, и они не смогли одолеть чудовищ! Об их чешую мечи ломаются как палки!

— Если бы ваши предки догадались вымазать острия копий в ядовитом соке яблок Деркето,— проговорил Конан с полным ртом,— а потом ткнуть ими в глаза, рот или еще куда, где помягче, они бы увидели, что драконы не более бессмертны, чем телячья отбивная. Труп твари валяется у самой кромки леса. Если не верите, можете сходить и убедиться.

Ольмек тряхнул головой — без тени недоверия, все больше поражаясь отваге чужаков.

— Именно из-за драконов наши предки не пошли дальше Ксухотла,— сказал он.— Они не осмелились, миновав открытую равнину, снова углубиться в лес. Прежде чем они достигли города, чудовища пожрали множество людей.

— Так значит, Ксухотл построили не они? — спросила Валерия.

— Ксухотл — древний город. Сколько он простоял до нас, не знал никто, даже его полувыродившееся коренное население.

— Ваш народ пришел с озера Эвад? — Конан окинул толпу быстрым взглядом.

— Да. Более полувека назад племя тлазитланцев восстало против владычества короля Стигии. Потерпев в решающем бою поражение, наши предки бежали на юг. Много недель они шли по прериям, пустыне, пробирались через горные хребты, пока наконец не попали в величественный лес — тысяча воинов и с ними женщины и дети.

И там, в лесу, на них обрушились драконы. Те, кого не разодрали в куски, кто спасся от клыков и когтей, в безумном страхе перед чудовищами бежали прочь. Скоро остатки людей уже были у кромки леса, и там их глазам, прямо посредине голой равнины, предстал город Ксухотл.

Они разбили лагерь у стен города, не решаясь покинуть открытое место: в наступившей ночи из леса доносился ужасный рев и треск ломаемых деревьев. Упустив остатки добычи, чудовища накинулись друг на друга. К счастью для людей, звери не осмелились выйти на равнину. Жители города закрыли ворота, со стен в наших полетели стрелы. Тлазитланцев как бы заперли в огромную тюрьму: со всех сторон равнину окружала стена густого леса, углубиться в который посмел бы разве что сумасшедший.

Той ночью в лагерь из города прокрался раб — одной с нами крови. Он с отрядом других искателей приключений прошел лес еще будучи молодым, за много лет до того, как им прошли наши предки. Драконы сожрали всех его товарищей, а его горожане впустили и сделали своим рабом. Его звали Толкемек.

При звуках этого имени в десятках темных глаз вспыхнул огонь, с губ сорвались еле слышные грязные ругательства, кое-кто даже презрительно плюнул.

— Он обещал открыть воинам ворота. Взамен просил об одном: чтобы всех пленных отдали ему в руки.

На рассвете раб открыл ворота. Воины устремились вовнутрь, и залы Ксухотла окрасились кровью. В живых осталось лишь несколько сот горожан — жалкие остатки некогда могущественного народа. По словам Толкемека, они пришли с Востока, из древней Козалы, очень давно, когда предки тех, что сейчас населяют Козалу, ворвались в страну с юга и вытеснили коренное население с их исконных земель. Они долго скитались, пока не оказались однажды на этой голой, опоясанной лесом равнине с единственными в ту пору обитателями — племенем чернокожих.

Они обратили аборигенов в рабство и начали строить город. Все нужное привозили с гор на востоке: жадеит и мрамор, лазурит и золото, серебро и медь. Стада слонов давали слоновую кость. Когда город был построен, всех черных рабов убили. Колдуны выставили вокруг города страшную охрану: по найденным в лесу огромным костям они с помощью колдовства воссоздали драконов — облекли кости плотью, вдохнули в свои творения жизнь, и огромные твари, как и в древности, стали бродить по земле. А чтобы они не вышли из леса и не напали на город, колдуны наложили на них особое заклятие.

В течение многих веков после того жизнь в Ксухотле текла без изменений: люди возделывали плодородную землю, всю равнину избороздила сеть ирригационных каналов. Так шло до тех пор, пока их мудрецы не додумались, как можно выращивать фрукты внутри города, при этом растения получали питание не из почвы, а прямо из воздуха. Поля забросили, вода из каналов ушла, а люди, все больше предаваясь праздности, постепенно превратились в вымирающую расу. Когда наши предки, прорвавшись сквозь лес, вступили на равнину, этот народ был уже обречен. К тому времени их колдуны давно умерли, искусство волшебства было забыто, а сами горожане в бою уже не владели толком ни мечом, ни колдовством.

Наши отцы перерезали всех жителей Ксухотла — всех, кроме последней сотни, которую отдали Толкемеку, их бывшему рабу; и еще немало дней и ночей по залам прокатывалось эхо отчаянных воплей — то кричали под изощренными пытками пленники бывшего раба.

Итак, тлазитланцы зажили на новом месте. Городом правили два брата — Техултли и Ксоталан, а с ними — Толкемек. Толкемек взял в жены девушку из нашего племени, а поскольку он открыл ворота и знал много ремесел ксухотланцев, то разделил бремя власти с обоими братьями — вожаками восстания.

Жизнь наладилась, и все шло своим чередом. В течение нескольких лет ничто не нарушало покоя новых горожан. Все только и делали, что ели, пили, занимались любовью и растили детей. За ворота не выходили: Толкемек научил их, как выращивать плоды, не выходя из города, поэтому можно было не ковыряться в земле. Кроме того, с убийством последнего ксухотланца пало заклятие, на-

ложенное колдунами на лесных чудовищ, и чуть ли не каждую ночь твари подбирались к воротам и оглашали окрестности своим жутким ревом. От их бесконечных поединков земля становилась красной, потоки крови наполняли сухие каналы. Вот тогда-то...

Король вдруг оборвал себя, не докончив фразы, помолчал немного, а когда снова заговорил, Конан и Валерия почувствовали, что, прежде чем сказать, он тщательно взвешивает каждое слово.

— Пять лет прошли в мире. Затем...— Ольмек метнул взгляд на женщину рядом,— затем Ксоталан взял в жены девушку, любви которой добивались и Техултли, и престарелый Толкемек. Обезумев от страсти, Техултли похитил ее у законного супруга. К слову сказать, девушка не особенно и возражала. Толкемек назло Ксоталану помогал его брату в этом грязном деле. Ксоталан потребовал вернуть ему жену, а совет племени оставил последнее слово за женщиной. Та решила остаться с Техултли. В неописуемой ярости Ксоталан вознамерился забрать ее силой, и сторонники обоих братьев сошлись в Большом зале на бой.

То был день великой скорби. С обеих сторон пролилась кровь. Так ссора переросла в непримиримую вражду, вражда — в открытую войну. Обозначились три группы: часть воинов возглавил Техултли, еще одну — Ксоталан, остальные примкнули к Толкемеку. Еще в мирное время они поделили между собой весь город. Техултли поселился в западных кварталах, Ксоталан — в восточных, а Толкемек вместе с многочисленным семейством обосновался у Южных ворот.

На почве ненависти, зависти и презрения пышным цветом расцвело насилие. Раз обнажив меч, очень трудно вложить его обратно в ножны, а поскольку за кровь нет иной платы, кроме крови, то за каждое убийство неминуемо наступало отмщение. Техултли дрался с Ксоталаном, а Толкемек брал сторону то одного, то другого, то предавал обоих сразу, во всех случаях преследуя только собственную выгоду. В конце концов Техултли со своими людьми отступил в кварталы у Западных ворот, где мы сейчас и находимся. Ксухотл имеет форму овала. Замок Техултли, получивший название в честь своего принца, расположен в западной части этого овала. Все двери, соединяющие его с остальным городом, были заблокированы, оставили лишь по одной на каждом этаже, которые надежно укрепили, чтобы можно было без труда обороняться от возможного нападения. Потом наши предки спустились в катакомбы и возвели глухую стену, отделив западную часть подземелья, где захоронены останки коренных ксухотланцев и тлазитланцев, погибших в междоусобице. Они обустроились как в осажденном замке, постоянно тревожа неприятеля дерзкими вылазками.

Сторонники Ксоталана точно так же укрепились в восточной части города, а Толкемек сделал нечто подобное с кварталами, примыкающими к Южным воротам. Таким образом, центральная часть города осталась незаселенной. Ее пустынные залы и комнаты превратились в поле боя, в место постоянной охоты за людьми и страха смерти.

Толкемек воевал на стороне обоих кланов попеременно. Это был сам демон в образе человека, в десять раз хуже и опаснее Ксоталана. Ему были известны многие тайны города, о которых он никому никогда не рассказывал. Разгадав надписи в подземных склепах, он выкрал у мертвецов их тайны — тайны давно ушедших королей и колдунов, забытые обессилевшими от праздности ксухотланцами, которых перебили наши предки. Но даже магия не спасла его, когда

однажды ночью мы, соратники Техултли, штурмом овладели его замком и перерезали всех, кого там нашли. Самого Толкемека пытали много дней...

Жесткий голос рассказчика упал до мягкого шепота, лицо приняло отрешенное выражение, взгляд устремился вдаль, словно перед его глазами проходили сцены далекого прошлого, вид которых доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

— Ах да,— снова обычным голосом заговорил Ольмек.— Мы не давали ему умереть, пока он не начал молить о смерти, как иные молят о встрече с любимой. Тогда мы вынесли его из комнаты пыток и живого швырнули в темницу на съедение крысам. Но ему каким-то чудом удалось выбраться из темницы, и он убрался в катакомбы. Там, полагаю, и подох, потому как из подземелья замка Техултли есть только один выход — в замок Техултли, а здесь он не объявлялся. Его скелета тоже не нашли. Подверженные суевериям, однако, готовы поклясться, что призрак Толкемека до сих пор разгуливает по подземелью, завывая посреди разбросанных костей. Вот уже двенадцать лет как мы покончили с Толкемеком, а вражда между Техултли и Ксоталаном не затухает, и она не погаснет, пока в живых будет оставаться хотя бы один воин, одна женщина.

Минуло пятьдесят лет с того дня, когда Техултли похитил жену Ксоталана. И все полвека идет вражда. С этой враждой я родился. Все в этом зале, за исключением Тасцелы, родились с этой враждой. С ней, надеюсь, мы и умрем.

Мы — раса обреченных, совсем как те ксухотланцы, которых убили наши предки. Когда началась война, то в каждом лагере было по нескольку сот воинов. Сейчас же все жители Техултли — перед вами, вместе с четырьмя воинами у главных дверей нас всего сорок два человека. Сколько осталось ксоталанцев, я не знаю, но вряд ли больше. За последние пятнадцать лет у нас не родился ни один ребенок, и мы не видели ни одного у ксоталанцев.

Мы вымираем, но, прежде чем умрет последний воин, мы сделаем все, чтобы выпустить из ксоталанцев как можно больше крови — столько, сколько позволит нам милость богов.

Глаза Ольмека зажглись ненавистью, и он еще долго говорил об их бесконечной вражде, о стычках в безмолвных комнатах и сумеречных залах, когда под потолком разливают свой пульсирующий свет зеленые камни, а под ногами адским пламенем полыхает пол — весь в темных пятнах крови из рассеченных вен. В этой бойне сгинуло целое поколение. Самого Ксоталана не было в живых: вот уже много лет как он пал в ужасной схватке на лестнице из слоновой кости. Техултли тоже умер: он попал в плен, и обезумевшие от ярости ксоталанцы содрали с него живого кожу.

Бесстрастным голосом Ольмек повествовал об ужасных схватках в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, входил в подробности кровавой резни. Огонь в его темных, глубоко посаженных глазах разгорался все сильнее по мере того, как он рассказывал о мучениях мужчин и женщин, с которых живьем сдирали кожу, которым ломали кости, разрывали на части их обнаженные тела; о жутких воплях истязаемых пленников и о предсмертных проклятиях, вырывавшихся из окровавленных глоток. Пытки были настолько бесчеловечны, что даже варварскую душу киммерийца охватило отвращение. Неудивительно, что Техотл весь трясся при одной мысли о плене! И все-таки в надежде убить врага он отважился на вылазку — ненависть оказалась сильнее страха. Ольмек

говорил еще и еще: о черной магии и колдовстве, о темных, загадочных силах, проникших в верхние этажи из ночного мрака катакомб, о сверхъестественных тварях, вызванных людьми из небытия для борьбы с врагами. В подобных делах ксоталанцы имели значительное преимущество, поскольку именно в восточной части подземелья были захоронены останки наиболее могущественных колдунов из прежних ксухотланцев, постигших все тонкости своего древнего ремесла.

Валерия с каким-то нездоровым интересом ловила каждое слово.

Наконец жажда мести превратилась в смысл жизни обоих кланов, в животную, непреодолимую потребность убивать. Вражда вытеснила все. Во вражде люди рождались и во вражде умирали. Они никогда не покидали своих укрепленных замков, за исключением тех случаев, когда с замирающим сердцем крались по залам тишины, лежащим между противоборствующими крепостями, и все затем, чтобы убить или быть убитыми. Иногда лазутчики возвращались с обезумевшими от страха пленниками, иногда лишь приносили ужасные свидетельства одержанной победы. Случалось, что они не возвращались вовсе, и тогда их рассеченные на куски, обезглавленные тела находили сваленными в кучу у бронзовых дверей. Во все это верилось с трудом: чтобы живые люди по собственной воле превратили свою жизнь в настоящий кошмар... Отрезанные от остального мира, загнанные в одну ловушку, они, как бешеные крысы, кидались друг на друга, крались по темным коридорам, куда не проникал луч солнца, гонимые одной мыслью: калечить, мучить, убивать!

Все время, пока говорил Ольмек, Валерия чувствовала на себе жгучий взгляд Тасцелы. Похоже, принцесса вообще не слушала Ольмека. Ее лицо оставалось неподвижным: шла ли речь о славных победах или горечи поражений, на нем не отражалась ни дикая ярость, ни жестокое ликование, от которого лица остальных техултлинцев теряли человеческие черты. Великая вражда, которой было одержимо это племя, для нее, похоже, не имела никакого значения. Ее полное безразличие к жизни племени показалось Валерии едва ли не более отвратительным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

— Нам уже не уйти из города,— слышался Валерии его голос.— За последние пятьдесят лет ни один человек не выходил за его стены, кроме тех, кто...— Он снова оборвал себя на полуслове.— Даже оставив риск угодить в пасти драконов, тот, кто родился здесь, кто вырос среди стен, никогда не отважится покинуть город. Мы ни разу не ступали по голой земле, нам было бы не по себе под бескрайним небом, под палящими лучами солнца. Нет, мы родились в Ксухотле, и в Ксухотле мы умрем.

— Что ж, вольному воля,— сказал Конан.— Однако, с вашего разрешения, мы попытаемся управиться с драконами. Ваша вражда нас никоим образом не касается. Вы просто проводите нас до Западных ворот — там и расстанемся.

Пальцы Тасцелы сжались, она горячо заговорила, но вмешался Ольмек:

— Уже почти стемнело. Если вы в такое время выйдете на равнину, то наверняка падете жертвой драконов.

— Мы спали эту ночь на равнине под открытым небом, и твари нас не потревожили,— возразил киммериец.

Тасцела загадочно улыбнулась:

— У вас не хватит мужества, чтобы выйти из Ксухотла!

Глаза варвара сверкнули, в нем шевельнулась неприязнь к этой женщине, а та так и впилась взглядом в его спутницу.

— Да нет, пожалуй, хватит,— сказал Ольмек.— Не в этом дело. Выслушайте меня, Конан и Валерия. Мне думается, вас послали боги, чтобы мы наконец раз и навсегда смогли покончить с Ксоталаном. Вы оба — искусные воины. Почему бы вам не взять нашу сторону? Мы обладаем огромными богатствами: драгоценные камни в Ксухотле попадаются на глаза чаще, чем в иных городах булыжники. Кое-что ксухотланцы принесли с собой из Козалы. Кое-что, например огненные камни, нашли в горах на востоке. Помогите нам истребить ксоталанцев, и мы отсыпем вам столько камней, сколько сможете унести.

— А вы поможете нам победить драконов? — спросила Валерия.— С луками и отравленными стрелами хватит и тридцати человек, чтобы очистить от них лес.

— Согласен! — с готовностью воскликнул Ольмек.— Правда, мы в основном учились ближнему бою и подзабыли, как владеть луком, но не беда — научимся заново.

— Что скажешь? — взглянула на Конана Валерия.

— А что тут говорить? — с недоброй усмешкой ответил тот.— Мы ведь бродяги, у которых не отыщется за душой и стертой монеты. Какая разница, кого убивать. Ну, пусть это будут ксоталанцы.

— Так вы согласны? — Ольмек даже привстал, а Техотл едва не закричал от радости.

— Да. А сейчас не худо бы найти пару лежанок, чтобы поспать и отдохнуть, а завтра со свежими силами приступим к работе.

Ольмек кивнул и махнул рукой. Техотл и одна из женщин направились к двери слева от жадеитового пьедестала. У двери Техотл сделал знак следовать за собой, и оба искателя приключений вошли в проем. Прежде чем раствориться в сумраке коридора, Валерия быстро оглянулась: опустив подбородок на сплетенные пальцы, принц Ольмек неподвижно сидел на троне, глядя им вслед. В его глазах пылал огонь жестокости и мести. Тасцела, откинувшись на спинку, нашептывала что-то своей угрюмой служанке Язале. Губы принцессы едва не касались уха девушки, склонившейся к плечу своей госпожи.

Этот ход оказался не таким широким, как прочие, зато довольно длинным. Но вот женщина остановилась, открыла дверь и шагнула в сторону, приглашая Валерию войти.

— Обожди-ка.— Конан обернулся к проводнику.— А где буду спать я?

Техотл указал на дверь в противоположной стене — следующую от той, что выходила в коридор напротив двери в комнату Валерии. Конан заколебался, словно у него были свои соображения на этот счет, но Валерия, ядовито улыбнувшись, захлопнула дверь перед его носом. Пробормотав нечто весьма неучтивое по адресу всей женской породы, варвар зашагал вслед за Техотлом дальше по коридору.

В богато украшенной комнате, отведенной киммерийцу на ночлег, сквозь окна и щели в потолке пробивался тусклый свет. Некоторые окна были шире других — достаточно широкие, чтобы в них пролез худощавый воин, конечно, при условии, что он разобьет стекло.

— Почему бы ксоталанцам не пройти по крышам и не проникнуть в замок через окна?

— Кристаллы небьющиеся,— ответил Техотл.— Кроме того, поверхность крыши очень неровная: в основном это шпили, купола и крутые коньки с гладкими стенами.

Он тут же выложил варвару немало полезного об устройстве «замка Техултли». В частности, выяснилось, что, как и весь город, замок имеет четыре этажа, или яруса, с комнатами, залами и башнями, мощными столбами, торчащими над крышей. У каждого яруса — свое название, а вообще-то жители Ксухотла дали имена каждой комнате, лестнице, каждому залу — точно так же, как люди в обычных городах присваивают названия улицам и кварталам. Этажи в Техултли назывались так: ярус Орла, ярус Обезьяны, ярус Тигра и ярус Змеи — в перечисленном порядке. Ярус Орла — самый верхний из них, то есть четвертый.

— Кто такая Тасцела? — спросил Конан.— Супруга Ольмека?

Техотл вздрогнул и, прежде чем ответить, опасливо оглянулся.

— Она не супруга. Она — Тасцела! Она была женой Ксоталана — той самой женщиной, которую похитил Техултли, из-за чего и разгорелась вражда.

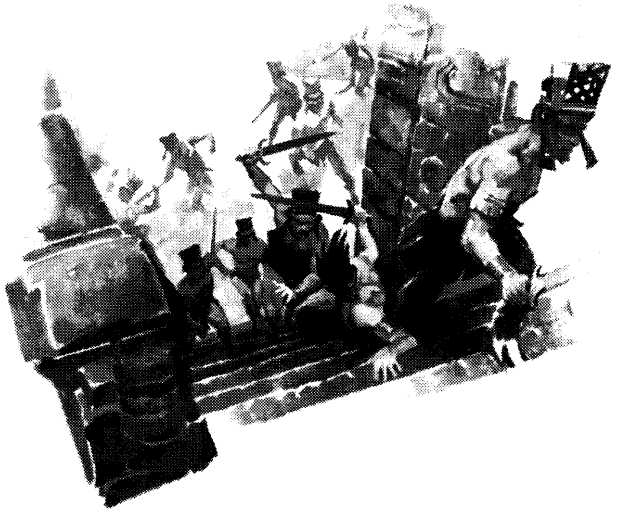
— Что ты болтаешь?! — возмутился Конан.— Да ведь она красива и выглядит молодо. Не хочешь ли сказать, что пятьдесят лет назад эта женщина была уже замужем?

— Ну да! Клянусь, когда тлазитланцы бежали с озера Эвад, она была уже вполне сформировавшейся женщиной. Лишь потому, что король Стигии захотел иметь ее своей наложницей, и взбунтовались Ксоталан с братом, потому им и пришлось бежать из родных мест. Она — колдунья и знает секрет вечной молодости.

— Как так?

Техотл снова вздрогнул.

— Не спрашивай! Я не смею. Все это слишком страшно даже для Ксухотла! — И, прижав палец к губам, он выскользнул из комнаты.

IV

АРОМАТ ЧЕРНОГО ЛОТОСА

Валерия расстегнула пояс и, не доставая меча из ножен, положила оружие на кушетку. Увидев, что двери снабжены засовами, она спросила, куда они выходят.

— Те, что справа и слева, открываются в соседние комнаты,— ответила служанка.— А та,— она указала на обшитую медными полосами дверь напротив входной,— та дверь открывается в коридор, ведущий к лестнице, которая спускается в катакомбы. Ты не бойся — здесь вполне безопасно.

— А кто боится? — Валерия презрительно фыркнула.— Просто я должна кое-что знать о бухте, в которой довелось бросить якорь. Надеюсь, у тебя нет в мыслях улечься на полу у моей кушетки? Я не терплю, когда мне навязывают свое общество, по крайней мере — женщины. Разрешаю тебе удалиться.

Оставшись одна, отважная воительница первым делом закрыла на засовы все двери, затем, стянув кожаные сапоги, с наслаждением растянулась на мягком ложе. Она представила себе, как в эту минуту Конан у себя в комнате устраивается на ночлег, и тут же женское тщеславие дорисовало недостающие детали: хмурый вид, глухое рычание и мускулистое, разгоряченное мужское тело на широкой кушетке... в полном одиночестве! Она злорадно усмехнулась и сомкнула веки.

За городскими стенами на равнину спустилась ночь. В залах Ксухотла зеленые камни светились подобно глазам доисторических зверей. Где-то среди темных башен, точно неприкаянный дух, завывал ветер. А по сумрачным проходам ночными призраками крались неясные тени.

Валерия проснулась внезапно, как от толчка. В неверном свете зеленых камней она различила склонившегося над ней человека. На краткий миг ей показалось, что видение это — всего лишь продолжение сна. Ей снилось, что она лежит на той же кушетке в той же комнате, а над ней медленно шевелил своими лепестками черный цветок — такой огромный, что закрывал собою потолок. Терпкий аромат цветка охватил Валерию, проник в каждую клеточку мозга, погружая тело в чувственную, восхитительную истому — слишком сладостную, чтобы быть сном. Вот волны аромата, несущего неизъяснимое блаженство, накрыли ее с головой... и вдруг что-то коснулось ее лица. Все чувства под воздействием дурмана были настолько обострены, что легкое касание показалось ударом хлыста. Вместе с пробуждением пришло ощущение реальности, и тогда вместо огромного уродливого цветка она увидела темнокожую женщину, стоящую у изголовья кушетки.

К Валерии вернулись чувства, и первым — гнев. Тень быстро повернулась, но, прежде чем та успела сделать хотя бы шаг, воительница вскочила на ноги и сомкнула пальцы вокруг смуглой руки. Женщина рванулась с яростью дикой кошки, но тут же затихла, побежденная, почувствовав превосходство в силе. Валерия повернула пленницу к себе лицом и, свободной рукой схватив за подбородок, подняла голову и заглянула той прямо в глаза. Перед ней стояла мрачная Язала, служанка Тасцелы.

— Признавайся, что ты выделывала надо мной? Что у тебя в руке, покажи!

Язала ничего не ответила, лишь шарила по сторонам глазами, выискивая, куда бы забросить предмет. Тогда Валерия вывернула руку, и на пол упало что-то черное — большой, необычного вида цветок на темно-зеленом стебле; размером с человеческую голову, он, однако, не шел ни в какое сравнение с огромным видением наркотических грез.

— Черный лотос! — чуть слышно вскрикнула Валерия.— Цветок, чей запах навевает глубокий сон. Ты хотела меня одурманить! И не коснись лепесток моего лица... Зачем ты это сделала? Чего ты хочешь?

Язала не произнесла ни звука. Валерия с проклятием повернула ее спиной, заставила встать на колени и, вывернув руку, стала загибать ее кверху.

— Говори, не то я за себя не ручаюсь!

По мере того как загибалась рука, тело служанки все сильнее извивалось от нестерпимой боли, но в ответ она только отчаянно мотала головой.

— Дрянь! — Валерия оттолкнула от себя служанку, и та распростерлась на каменных плитах.

Взглядом, полным ненависти, воительница окинула слабо шевелящееся тело. Она вспомнила горящие глаза Тасцелы, и в душу отважной женщины закрался страх, пробуждая к жизни тигриные инстинкты самосохранения. Этот народ переживал период упадка, а при таких обстоятельствах от них можно было ожидать чего угодно — любой низости или коварства, возведенных в ранг добродетели. Но сейчас Валерии уже казалось, что этими людьми управляют какие-то потусторонние силы, что-нибудь более ужасное и мерзкое, чем просто осознание обреченности своего народа. Чувство страха и гадливости по отношению к этому зловещему городу охватило воительницу. Его жителей никак нельзя было назвать нормальными, весьма сомнительно, можно ли их вообще назвать людьми. Во всех глазах полыхает огонь сумасшествия — во всех, кроме жес-

токих, скрытных глаз Тасцелы, владевшей знанием более ужасным, чем само сумасшествие.

Валерия подняла голову, прислушалась. Залы Ксухотла хранили молчание, город словно вымер. Зеленые камни заливали комнату призрачным светом, в котором обращенные к воительнице глаза женщины на полу сверкали жутковатым блеском. Волна животного ужаса прокатилась по сильному телу Валерии, остатки жалости исчезли — осталась ярость.

— Зачем ты хотела меня одурманить? — Она ухватила в пучок черные волосы на затылке и, откинув назад голову служанки, впилась взглядом в темные глаза, опушенные длинными ресницами.— Тебя подослала Тасцела?

Молчание. Валерия грязно выругалась и что было сил ударила служанку ладонью по одной щеке, по другой. Звуки ударов, отразившись от стен, прокатились по комнате. Язала даже не вскрикнула.

— Почему ты не кричишь? — Голос Валерии вздрагивал от ярости.— Боишься, что тебя услышат? Кого боишься? Тасцелы? Ольмека? Конана?

Язала не ответила. Стоя на коленях, злобными, как у василиска, глазами она смотрела на свою мучительницу. Упрямство неизбежно вызывает гнев. Повернувшись, Валерия оторвала от ближайшей портьеры пучок веревок.

— Грязная тварь! — процедила она сквозь зубы.— Я привяжу тебя голую поперек кушетки и буду сечь, пока не скажешь, чем ты здесь занималась и кто тебя подослал!

Ни слова мольбы, ни малейшей попытки сопротивления за то время, пока Валерия выполняла первую часть угрозы; упрямство жертвы только усиливало ее ярость. Затем некоторое время не было слышно ничего, кроме свиста и ударов шелковой плети по обнаженному телу. Язала не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой — так туго она была привязана к кушетке. Ее тело выгибалось и вздрагивало, голова моталась из стороны в сторону в такт ударам плети. Чтобы сдержать рвущийся наружу крик, она закусила губу, из которой уже стекала струйка крови.

Скрученные вместе нити впивались в тело почти бесшумно, лишь резкие, отрывистые звуки отсчитывали удары, но каждая нить оставляла на смуглой коже узкую красную полоску. Валерия трудилась со знанием дела, вкладывая в удары немалую силу своей тренированной руки; она истязала жертву с жестокостью, воспитанной за время жизни среди пиратов, где боль и пытка были явлением обыденным, и с той циничной изобретательностью, которую способна проявить только женщина по отношению к женщине. Язале не пришлось бы так страдать — и физически и душевно, если бы ее палачом был мужчина, пусть даже гораздо сильнее этой разъяренной воительницы.

Именно женская изощренность в конце концов сломила волю темнокожей служанки.

С окровавленных губ сорвалось рыдание. Валерия, замерев с поднятой рукой, убрала со лба влажный светлый локон.

— Хочешь что-то сказать? — Она недобро усмехнулась.— А то смотри, я не устала. Могу трудиться над тобой хоть до утра.

— Пощады! — прошептала женщина.— Я все скажу.

Валерия разрезала веревки у запястий и лодыжек, рывком поставила женщину на ноги. Язала безвольно опустилась на кушетку, вздрогнув от боли, ко-

гда иссеченное тело коснулось мягкого ложа. Согнув ногу, она склонилась к обнаженному бедру, левой рукой опершись о кушетку. Все члены ее била дрожь.

— Вина! — еле слышно прошептала она пересохшими губами, дрожащей рукой указав на золотой кувшин на столе.— Дай мне пить. Я совсем ослабела от боли. Потом скажу все.

Валерия взяла сосуд. Язала с трудом поднялась, чтобы принять его, медленно поднесла кувшин к губам — и вдруг плеснула содержимое прямо в лицо аквилонки! Валерия отпрянула, замотала головой, натирая кулаками веки, лишь бы избавиться от жалящей боли в глазах. Словно сквозь туман она увидела, как Язала метнулась через комнату к обитой медными полосами двери, отомкнула засов и, распахнув дверь, исчезла в темном коридоре. Воительница бросилась следом — с мечом в руке и жаждой мести в сердце.

Но у Язалы было преимущество во времени, к тому же ее гнал животный ужас человека, которого едва не засекли до потери разума. Она свернула за угол — считаные ярды впереди Валерии; когда же угол миновала аквилонка, ее глазам открылся пустой зал и в дальнем конце — черный провал дверного проема. Внезапно оттуда потянуло влажными гнилостными испарениями. Валерия содрогнулась. Должно быть, эта дверь вела в катакомбы. Так значит, Язала нашла убежище среди мертвых!

Валерия приблизилась к проему. Она увидела каменные ступени, уходящие вниз, в кромешную тьму. Судя по запаху, эта лестница не имела выхода в нижние ярусы, а вела напрямую в подземелье под городом. Она поежилась при мысли о тысячах и тысячах трупов, лежащих в саванах в бесчисленных склепах там, внизу. У нее не было никакого желания пробираться на ощупь по этим каменным ступеням, в то время как Язале наверняка был известен каждый поворот, каждый закоулок в подземных туннелях.

Раздраженная неудачей, Валерия повернула было обратно, как вдруг снизу до нее донесся отчаянный крик. Казалось, он исходил из глубин тьмы, но слова можно было разобрать. Голос был женский — срывающийся на визг, страшный:

— Помогите! Помогите! Во имя Сета! А-а-а!..

Все стихло, но через миг Валерии почудились отголоски демонского хихиканья.

По спине воительницы пробежал холодный ручеек. Что могло случиться с Язалой там, внизу, во мраке катакомб? Ведь наверняка это кричала она. Но что за опасность подстерегла ее? Или это уловка, чтобы отвязаться от погони? Ольмек заверил их, что катакомбы под Техултли отгорожены от остального подземелья стеной, слишком прочной, чтоб сквозь нее мог прорваться враг. А кроме того, это мерзкое хихиканье — оно вообще мало похоже на смех человека.

Даже не задержавшись, чтобы закрыть дверь на лестницу, Валерия поспешила обратно по коридору. Скользнув в свою комнату, она сразу закрыла дверь на засов. Затем натянула сапоги и застегнула на талии пояс с ножнами. Решение было принято: прорваться в комнату Конана и, если тот еще жив, вдвоем — пусть с помощью оружия — выбираться из этого проклятого богами города.

Но только она подбежала к двери, как по коридорам и залам прокатился длинный вопль предсмертной муки и вместе с ним — топот бегущих ног и звон мечей!

V

ДВАДЦАТЬ КРАСНЫХ ГВОЗДЕЙ

В караульном помещении, примыкавшем к главной двери этажа, известного под именем «ярус Орла», два воина вели неторопливый разговор. Они давно уже относились к службе с прохладцей, но в силу привычки постоянно были настороже. Несмотря на то что вот уже много лет ни одна сторона не отваживалась нападать на замки друг друга, вероятность такого приступа сохранялась.

— Эти чужаки — сильные союзники,— сказал один.— Думаю, Ольмек двинется на врага завтра.

Он говорил так, как говорил бы иной воин на обычной войне. В крошечном мирке Ксухотла и горстка бойцов считалась армией, а пустынные залы между замками — обширным пространством, на котором велись военные действия.

Второй помолчал, размышляя.

— Допустим, мы сокрушим с их помощью Ксоталан,— наконец сказал он.— А что потом, Хатмек?

— Ну, вобьем за всех красные гвозди. Пленных четвертуем, сожжем или сдерем с них кожу.

— Это понятно. Дальше-то что? — настаивал тот, другой.— Когда всех перебьем? Ведь это страшно — жить, не имея врагов! Всю свою жизнь я ненавидел ксоталанцев и боролся с ними. И если исчезнет вражда, то что останется?

Хатмек пожал плечами. В своих мыслях он никогда не заходил дальше победы над врагом. Он просто не был способен заглядывать так далеко.

Внезапно оба застыли: за дверью послышался подозрительный шум.

— К двери, Хатмек! — шепнул воин товарищу.— Я загляну в Око.

С мечом в руке Хатмек приложил ухо к бронзовой двери в надежде что-нибудь услышать. Его товарищ посмотрел в зеркало — и содрогнулся. По ту сторону дверей плотной кучкой сбились враги — мрачные, темнолицые, они сжимали мечи в зубах. Но не это повергло воина в ужас: пальцами враги затыкали себе уши! Один из них, с разукрашенным перьями убором, имел при себе инструмент из нескольких дудочек. Вот он поднес его к губам, и только стражник открыл рот, чтобы поднять тревогу, как из отверстий полились резкие, режущие ухо звуки.

Крик замер в глотке техултлинца. Зловещая, визгливая мелодия, проникнув за металлическую дверь, заполнила уши стражников. Хатмек оцепенел, не в силах шевельнуться. Лицо воина омертвело: на нем отразился ужас. Другой стражник, находящийся дальше от источника звука, кожей ощутил надвигавшуюся опасность — угрозу разуму, которую несла с собой эта демоническая музыка. Словно где-то под черепом невидимая паутина оплела мягкую ткань его мозга и на волне сумасшествия подняли голову звериные инстинкты. Сжимая ладонями виски, воин рухнул на колени, но отчаянным усилием воли прорвался сквозь пелену чар и закричал истошно и дико, предупреждая своих об опасности.

Не успел затихнуть его крик, как мелодия изменилась: переросла в однотонный невыносимый вопль, острым ножом врезавшийся в барабанные перепонки. Страшная боль пронзила тело Хатмека; точно чья-то рука смахнула с его лица последние признаки разума — так порыв ветра задувает теплившийся огонек. В припадке безумия он сбросил на пол массивную цепь, рывком распахнул дверь и, прежде чем его товарищ успел его остановить, выбежал в зал. Не меньше дюжины лезвий ударили в жилистую плоть, и, топча мертвое тело, ксоталанцы валом повалили в комнату стражи; по коридорам и залам прокатилось эхо их торжествующего рева.

Голова звенела, перед глазами все плыло, но оставшийся в живых стражник вскочил, чтобы с копьем в руке встретить врага. Ужас перед колдовством, свидетелем которого он только что был, вытеснило осознание смертельной опасности: враг проник в Техултли! Это была его последняя мысль, ибо в тот миг, когда зазубренный наконечник его копья вошел в обтянутый смуглой кожей живот, меч ксоталанца раскроил его череп. И он уже не увидел, как поднятые по тревоге воины с глазами, одичавшими от ярости, бурным потоком вливались в смежные комнаты.

Эти вопли людей и звон стали и сбросили Конана с кушетки — голова ясна, в руке привычный меч. В три прыжка он очутился у двери, распахнул ее и только выглянул в коридор, как на него с безумным блеском в глазах, задыхаясь, налетел Техотл.

— Ксоталанцы! — выпалил тот.— Прорвались через ворота!

Конан помчался по коридору, и тут в дверях своей комнаты показалась Валерия.

— Что тут стряслось? — крикнула она.

— Техотл говорит, что ксоталанцы в замке,— торопливо ответил варвар.— Судя по шуму, так оно и есть.

Вместе с техултлинцем, следующим по пятам, они ворвались в тронный зал, где их глазам предстало зрелище, по своему безумию превосходившее самый жестокий и кровавый кошмар. Два десятка мужчин и женщин с взлохмаченными черными волосами и намалеванными на груди белыми черепами схватились в смертельной схватке с жителями Техултли. Женщины сражались наравне с мужчинами, и на полу уже повсюду валялись трупы.

Ольмек в одной набедренной повязке дрался перед троном; и только в зале появились чужаки, как откуда-то из внутренней комнаты с мечом в руке выскользнула Тасцела.

Хатмек с товарищем были мертвы, и некому было сообщить техултлинцам, каким способом враг проник в их цитадель. Также никто не мог сказать, что заставило ксоталанцев отважиться на этот дерзкий штурм. Соратники Ольмека и не догадывались, что потери ксоталанцев были гораздо более ощутимыми, чем казалось со стороны — из Техултли. Глубокая рана их чешуйчатого союзника, гибель Пылающего Черепа и главное — новость, слетевшая с губ умирающего воина, о появлении загадочных белокожих, вставших на сторону противника,— все это повергло ксоталанцев в тягчайшее уныние, из которого в конце концов и выросла густо замешанная на отчаянии решимость: пусть в безнадежном, пусть в последнем бою, но унести с собой во Мрак как можно больше жизней своих извечных врагов.

Для техултлинцев нападение явилось полной неожиданностью — вот отчего бой кипел уже в тронном зале среди трупов их соратников. Но, оправившись от первого страшного потрясения, они с не меньшей яростью пошли в атаку, к тому же на подмогу уже спешила стража с нижних этажей. Это была смертельная схватка бешеных волков — задыхающихся, ослепленных яростью, безжалостных. Волна нападавших то подкатывалась к возвышению с троном, то вновь отступала; клинки сверкали, в податливую плоть входила сталь, из перерезанных артерий била кровь, ноги топтали красный пол, на который повсюду натекли алые липкие лужи. Изящные столы слоновой кости валялись перевернутыми, стулья — разбиты в щепки, сорванные портьеры тяжелого бархата — все в красных пятнах. Настал решающий миг кровавой вражды длиной в полвека, и каждый в зале это понимал.

Однако конец был предрешен. По численности техултлинцы превосходили врагов едва ли не вдвое; это придавало им уверенности, а кроме того, разве не рядом с ними их несокрушимые белокожие союзники?

Последние ворвались в гущу свалки и прошлись по ней, как торнадо по зеленому молодняку. По силе с Конаном могли сравниться разве что три ксоталанца вместе, и, несмотря на вес, он был проворнее любого из них. Он прокладывал дорогу сквозь ураганы и смерчи толпы с хладнокровием матерого волка, окруженного сворой тявкающих дворняжек, оставляя за собой след из корчащихся полутрупов.

Валерия сражалась бок о бок с варваром, губы ее кривила жесткая усмешка, глаза горели. Она была сильнее среднего мужчины, быстрее любого из них и более жестока в схватке. В ее руке меч словно оживал. Там, где Конан сокрушал противника своим весом и мощью удара, ломая копья, разрубая черепа и панцири, Валерия брала хитростью. Прежде чем убить, она игрой меча ослепляла

врага, сбивала его с толку, и тот в конечном счете становился легкой добычей. Уже который воин, взмахнув тяжелой сталью, чтобы рассечь надвое эту изящную фигурку, вдруг ощущал на своей шее прикосновение самого кончика ее клинка. Конан, возвышаясь неприступной башней, двигался среди сражающихся, рубя направо и налево; Валерия же легким призраком вилась поблизости: появляясь и исчезая, нападала и отступала, мастерски выполняя свою часть дела. Раз за разом мечи свистели мимо, а их владельцы, вспоров воздух, умирали со сталью в сердце, кровью в горле и с издевательским смешком в ушах.

Ни пол, ни раны не принимались во внимание. Пять ксоталанских женщин пали с перерезанным горлом, прежде чем Конан и Валерия вступили в бой. Когда же женщина или мужчина падали на пол, всегда находился нож, чтобы полоснуть по горлу беззащитной жертвы, или обутая в тяжелую сандалию нога, готовая размозжить удачно подвернувшуюся голову.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны схватки, временами выплескиваясь в смежные комнаты. И наконец в большом тронном зале остались одни техултлинцы да их светлокожие союзники. Словно чудом уцелевшие после Судного дня или кончины мира, стояли они с бледными лицами, тяжело дыша, мрачно глядя друг на друга поверх искромсанных трупов своих соратников и врагов. На широко расставленных ногах, на руках, сжимавших рукояти мечей, на разгоряченных телах — всюду виднелись алые струйки крови. Не хватало дыхания, чтобы воспеть победу, и лишь безумный, звериный вой вырывался из пересохших глоток. Так не кричат люди в минуты торжества. Так воет стая бешеных волков, гордо стоящих посреди растерзанных недругов.

Поймав руку Валерии, Конан повернул девушку лицом к себе.

— У тебя нога в крови,— глухим голосом сказал он.

Она глянула вниз, лишь сейчас почувствовав жалящую боль. Должно быть, какой-нибудь умирающий в последнем усилии всадил нож ей в мякоть ноги.

— Ты тоже смотришься не краше мясника,— рассмеялась в ответ воительница.

Он смахнул с рук красные капли.

— Не мое. Ого! Смотри-ка ты, царапина — и здесь, и тут. Ну да ладно, ерунда. А вот твою лапку надо бы перевязать.

Твердо ступая среди хаоса из сломанной мебели, мертвецов и оружия, по направлению к ним шел Ольмек; его широкие обнаженные плечи были забрызганы кровью, иссиня-черная борода заляпана алым. Глаза принца полыхали красным огнем — так в черной воде отражается пламя.

— Мы победили! — прохрипел он с изумлением, точно не веря сам себе.— Вражде — конец! Ксоталанские собаки сдохли!.. Ах да, кроме пленников, с которых предстоит еще снять шкуру. Все-таки до чего приятно смотреть на их застывшие морды! Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черный столб!

— Позаботились бы лучше о раненых,— проворчал Конан, отворачиваясь.— Давай, кошечка, посмотрим твою лапку.

— Да подожди ты! — Она резко оттолкнула его от себя: в ее душе еще не стих огонь сражения.— Что, если это не все? Может быть, это лишь часть и они по собственной воле сделали вылазку?

Ольмек покачал головой:

— Они не стали бы дробить силы ради обычного набега.— Он прямо на глазах обретал прежнее царственное величие, однако без своей роскошной пурпурной мантии этот человек походил на принца не более, чем какой-нибудь отвратительного вида хищник.— Нет, голову даю на отсечение — мы перебили всех! Их оказалось меньше, чем я думал, и похоже, это был шаг отчаяния. Но как они проникли в Техултли?

Подошла Тасцела, на ходу вытирая меч об обнаженное плечо; в другой руке она держала предмет, который нашла рядом с трупом вождя ксоталанцев.

— Это флейты безумия,— сказала она.— Один из воинов сказал мне, что Хатмек сам открыл дверь перед ксоталанцами и что его зарезали на месте при штурме караульной комнаты. Тот воин выбежал из внутреннего зала и видел все своими глазами. Еще он слышал затухающие звуки непонятной, жуткой мелодии, от которой, по его словам, стыла душа. Толкемек много раз говорил мне об этих дудках; коренные ксухотланцы клялись, что инструмент спрятан где-то в катакомбах рядом с останками древнего колдуна, владевшего им при жизни. Очевидно, ксоталанские псы нашли его и узнали, как с ним обращаться.

— Вместо пустых разговоров лучше бы кто-нибудь сходил в Ксоталан да посмотрел бы на месте, не остался ли там кто еще,— сказал Конан.— Я бы пошел, если дадите людей.

Ольмек с сомнением окинул взглядом остатки своей армии. В живых осталось человек двадцать, из них некоторые, постанывая, лежали на полу. Все техултлинцы были в большей или меньшей степени изранены, одна Тасцела вышла из схватки без единой царапины. Вражеские мечи не коснулись ее, хотя принцесса сражалась с не меньшей отвагой, чем остальные воины.

— Кто хочет пойти с Конаном в Ксоталан? — громко спросил Ольмек.

Прихрамывая, вперед выступил Техотл. Глубокая рана у него на бедре сочилась кровью, грудь рассекала красная полоса.

— Я пойду!

— Тебе нельзя,— решительно возразил Конан.— Ты тоже не пойдешь, Валерия. Еще немного — и у тебя онемеет нога.

— Я пойду! — подал голос воин, зубами стягивающий узел повязки вокруг запястья.

— Хорошо, Янат. Отправляйся с киммерийцем. Ты тоже пойдешь, Топал.— Ольмек указал на другого воина, раны которого были незначительны.— Но прежде помогите перенести раненых на ложа — их надо побыстрей перевязать.

С этим делом управились быстро. В то время как они склонились над женщиной, оглушенной ударом булавы, борода Ольмека коснулась уха Топала. Конану почудилось, будто принц что-то прошептал, однако он не мог бы утверждать наверняка. Спустя минуту он уже шел к выходу, оба воина — следом.

В дверях Конан оглянулся на следы недавней бойни: на тускло краснеющем полу валялись мертвецы, в кровавых пятнах ноги и руки скрючились в предсмертной агонии, на смуглых лицах застыла маска ненависти, остекленевшие глаза вперились в потолок, с которого огненные камни заливали жуткую сцену сумеречным, колдовским светом. Среди мертвых живые двигались бесцельно,

неуверенно, точно в тумане. Конан услышал, как Ольмек подозвал женщину и приказал ей перевязать ногу Валерии. Воительница нехотя прошла за той в смежную комнату — она уже начала прихрамывать.

Соблюдая осторожность, два техултлинца вели Конана — сначала по залу за бронзовой дверью и дальше бесчисленными комнатами под мерцающим зеленым сиянием. И за весь путь — ни единой души, ни даже звука, кроме гулких шагов по каменным плитам. Миновали Большой зал, протянувшийся с севера на юг через весь город, и сразу от близости вражеской территории чувства воинов предельно обострились. Но напрасно настороженные взгляды обыскивали каждый закоулок, каждый сгусток тени: комнаты и залы были пусты. Наконец они вошли в широкий сумрачный зал и остановились перед бронзовой дверью — точной копией двери на ярусе Орла при входе в Техултли. От первого же легкого прикосновения пальцев дверь бесшумно ушла вовнутрь. С трепетным страхом смотрели воины на открывшуюся их глазам анфиладу комнат. Вот уже пятьдесят лет ни один техултлинец не входил под этот свод... конечно, кроме тех несчастных, чья незавидная участь была предрешена. Попасть в Ксоталан — более ужасной кары богов жители западного замка не знали. Страх перед этим заставлял сжиматься их сердца с раннего детства. Для Яната и Топала ступить под этот портал было все равно что добровольно шагнуть в царство Тьмы.

Оба во власти инстинкта, они разом отшатнулись от страшной двери. Тогда Конан, плечом раздвинув проводников, вошел в Ксоталан.

Робко, едва не дрожа, техултлинцы шагнули следом. Каждый, коснувшись пола по ту сторону порога, на миг замирал, дико озираясь по сторонам. Но ничто, кроме их частого дыхания, не нарушало гнетущей тишины.

Они вошли в квадратную караульную комнату вроде той, что была за входной дверью на ярусе Орла в Техултли; оттуда, как и в западном замке, широкий коридор вел в просторную комнату, по форме и размерам напоминавшую тронный зал Ольмека.

В начале коридора Конан остановился. Напряженно вслушиваясь, он в то же время перебегал взглядом с ковров на диваны, с диванов на портьеры, с портьер на черные проемы в стенах по сторонам. Вокруг — ни звука. Похоже, смежные комнаты также пусты. Сомнений нет: в Ксухотле больше не осталось ни одного ксоталанца.

— Пошли! — Он двинулся вперед. Но не успел пройти и дюжины шагов, как понял, что вместо двух с ним только один воин — Янат.

Варвар круто обернулся и увидел Топала: объятый ужасом, тот словно прирос к месту; растопыренными руками он как бы пытался защитить себя от неминуемой страшной опасности; взгляд его расширенных глаз был устремлен на диван, стоявший ярдов за двадцать в глубине коридора.

— Ну что там еще? — И вдруг Конан увидел то, что остановило техултлинца, и легкий озноб пробежал по могучей спине варвара. Из-за дивана торчала голова чудовища, судя по всему, рептилии: широкая, как у крокодила, с острыми изогнутыми клыками в верхней челюсти, выступавшими над нижней. Однако тварь была подозрительно неподвижна, в ее немигающих, остекленевших глазах зелеными точками отражались огненные гроздья под потолком.

Конан заглянул за кушетку. Там лежало уже окоченевшее тело огромной змеи. За всю свою богатую на приключения жизнь бродяги не видел он такого чудища. Казалось, тварь вобрала в себя самую отвратительную вонь, самый пронизывающий холод, какие только нашлись во чреве земли. Кожа не имела определенного цвета: он менялся в зависимости от того, под каким углом Конан смотрел на змею. Глубокая рана у головы указывала на причину смерти.

— Ледяной Змей! — в благоговейном ужасе прошептал Янат.

— Это та тварь, которую я рубанул на лестнице,— сказал Конан.— Она преследовала нас до самых бронзовых дверей, а потом, видимо, уползла сюда подыхать. И как только ксоталанцы управлялись с эдаким зверем?

Вздрогнув, техултлинец покачал головой.

— Его вызвали заклинаниями из черных туннелей, расположенных еще ниже катакомб. Они знали многое из того, чего не знали мы.

— В любом случае тварь мертва, а будь у ксоталанцев еще такие же, они наверняка прихватили бы их с собой в Техултли. Вперед!

Оба воина едва не наступали Конану на пятки, пока тот шел по коридору и потом, когда налег плечом на массивную дверь в серебряной чеканке.

— Если на этом этаже никто не попадется,— говорил он своим спутникам,— спустимся на нижние. Надо облазить Ксоталан с катакомб до крыши. Если Ксоталан ничем не отличается от Техултли, то на этом ярусе должно быть светло от... Великий Асура, что это?!

Они вошли в просторную тронную комнату, во всем похожую на тронный зал в Техултли. Такое же возвышение из жадеита, с таким же сиденьем цвета слоновой кости, точно такие же диваны, ковры и гобелены на стенах. Не было только черного, в красных точках столба за тронным возвышением, однако зловещие свидетельства вражды были на месте.

Вдоль стены за троном, от края до края, сверху донизу, протянулись застекленные полки. А на полках, прекрасно сохранившиеся, рядами стояли сотни человеческих голов — бесстрастными глазами они смотрели на вошедших, как смотрели одним богам ведомо сколько лет и месяцев.

Топал глухо пробормотал слова проклятия, но Янат стоял молча, в его расширенных зрачках разгорался огонь сумасшествия. Конан нахмурился: он знал, что разум любого техултлинца и так постоянно висит на волоске, а тут еще это зрелище.

Внезапно, выбросив вперед дрожащую руку, Янат указал на ужасные останки.

— Там голова моего брата! — прошептал он непослушными губами.— Рядом — младшего брата моего отца! А там дальше — старшего сына моей сестры!

Он вдруг заплакал, как плачут мужчины — без слез; низкие громкие рыдания сотрясали его сильное тело. Янат не прятал лица, напротив: не отрывая глаз, смотрел на выставленные рядами головы. Но вот рыдания стали резче, сменились жутким, визгливым хохотом, который в свою очередь перерос в нескончаемый невыносимый вопль. Последние искорки разума погасли — Янат сошел с ума!

Конан положил руку ему на плечо, и от этого дружеского прикосновения словно все злые силы, до той поры таившиеся в смутной душе техултлинца, разом вырвались на свободу. Круто повернувшись, Янат с пронзительным кри-

ком замахнулся на киммерийца мечом! Конан парировал удар. Топал схватил безумца за руку, но тот каким-то чудом вывернулся и глубоко вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном повалился на пол, а Янат — с выступившей в уголках рта пеной — завертелся в безумном танце; затем, подскочив к полкам, принялся крушить стекла стальным клинком.

Конан прыгнул на него со спины, думая застать врасплох и обезоружить, но маньяк вдруг повернулся и, вопя, как неприкаянная душа, набросился на варвара. Увидев, что разум уже не вернуть, киммериец отступил в сторону и, когда воин оказался рядом, взмахнул мечом. Разрубив ключицу, сталь глубоко ушла в грудь, и бедняга распростерся на плитах рядом со своей жертвой.

Конан склонился над Топалом — тот был при последнем издыхании. Из ужасной раны в боку толчками вытекала кровь. Воин был обречен.

— Топал, ты умираешь,— глухо сказал Конан.— Хочешь что-нибудь передать своим?

— Нагнись ко мне,— прохрипел техултлинец. Конан склонился ниже — и едва успел перехватить руку с ножом, нацеленным в его сердце!

— Кром! — выругался варвар.— Ты тоже спятил?!

— По приказу Ольмека! — выдохнул умирающий.— Не знаю почему. Когда переносили раненого, он прошептал, чтоб я убил тебя, когда пойдем обратно в Техултли...— И с именем своего клана на губах Топал испустил дух.

Конан сдвинул брови — он был явно озадачен. Все это отдавало каким-то массовым психозом. Или Ольмек тоже сошел с ума? А что, если все техултлинцы гораздо более безумны, чем ему казалось? В конце концов, пожав плечами, он зашагал по коридору к бронзовым дверям, оставив мертвых техултлинцев лежать под пронизывающим взглядом сотен остекленевших глаз их сородичей.

Возвращаясь по лабиринту, Конан не нуждался в проводнике. Его природный инстинкт безошибочно подсказывал дорогу, по которой они шли к Ксоталану. Варвар ступал так же осторожно, как и полчаса назад, сжимая в руке обнаженный меч, впиваясь взглядом в каждый затененный угол, ибо сейчас он опасался не призраков убитых ксоталанцев — угроза исходила от его недавних союзников.

Он уже миновал Большой зал и шел комнатами западной части города, как вдруг услышал впереди странные звуки — словно кто-то с трудом, прерывисто и тяжело дыша, тащил что-то тяжелое по каменным плитам. Еще миг — и Конан увидел человека, который полз навстречу ему по полыхающему красным полу, за ним тянулся широкий кровавый след. Это был Техотл — глаза его уже подернулись туманом, ладонью он зажимал глубокую рану на груди, обильно сочащуюся кровью. Опираясь на другую руку и подтягивая тело, он рывками продвигался вперед.

— Конан,— прохрипел он, увидев киммерийца.— Конан! Ольмек взял себе желтоволосую женщину!

— Так вот почему он приказал убить меня! — пробормотал Конан, опускаясь перед Техотлом на колено; опытным глазом он сразу определил, что перед ним умирающий.— Похоже, Ольмек вовсе не такой сумасшедший, как я о нем думал.

Пальцы Техотла нашли руку киммерийца, сжали ее. В его беспросветной жизни техултлинца, в которой не осталось места ни любви, ни дружеской поддержке, чувства восхищения и привязанности по отношению к загадочным пришельцам из большого мира образовали маленький оазис человеческого тепла, крохотный огонек, благодаря которому он смог постичь добро и сострадание — понятия, которых начисто были лишены его товарищи, чьи души переполняли ненависть, сластолюбие и ненасытная потребность терзать живую плоть.

— Я хотел ему возразить,— в горле Техотла булькало, на губах пузырилась кровавая пена,— но он ударил меня мечом. Он думал, что убил меня, но мне удалось уползти оттуда. Милосердный Сет! Сколько же мне пришлось ползти! Берегись, Конан! Ольмек наверняка устроит тебе засаду. Убей его! Он не человек, он — зверь! Возьми Валерию и бегите! Не бойтесь леса. Ольмек с Тасцелой обманули вас. Драконы перебили друг друга много лет назад, остался только один — самый сильный. Двенадцать лет он бродил вокруг города. Если вы его убили, то вам ничто не угрожает. Дракон был для Ольмека богом, он поклонялся ему, скармливал ему людей — и молодых и старых: связанную жертву швыряли со стены поджидавшему внизу дракону. Торопись! Ольмек увел Валерию в комнату...

Техотл уронил голову на грудь, тело его обмякло: перед Конаном лежал труп.

Варвар вскочил на ноги, глаза — словно пылающие угли, в голове — полная ясность. Так вот какую игру затеял Ольмек: сначала с помощью чужаков сокрушить враждебное племя, а после... И он-то хорош — мог бы догадаться, что зреет под обезьяньим черепом этого чернобородого выродка!

...Забыв об осторожности, едва ли не бегом Конан спешил в Техултли, на ходу вспоминая, сколько прежних союзников осталось в живых. Получалось, что после жестокой схватки в тронном зале уцелел двадцать один человек. С тех пор трое умерло, значит, осталось посчитаться с восемнадцатью. В своей ярости Конану казалось, что он и голыми руками мог бы истребить все вражье племя.

Но вскоре природная хитрость дикаря взяла верх над природной яростью. Он вспомнил предупреждение Техотла о засаде. Скорее всего, принц так и сделал — на тот случай, если бы Топалу не удалось выполнить приказ. Наверняка Ольмек поджидает его где-нибудь на пути, которым небольшой отряд уходил в Ксоталан.

Конан поднял голову: сквозь кристалл узкого окна в потолке он разглядел мерцающие звезды — значит, рассвет еще не наступил. Выходит, весь этот водоворот событий уместился в несколько часов.

Свернув с прямого пути, Конан спустился по винтовой лестнице этажом ниже. Он не знал, в каком месте на этом уровне находится дверь — вход в замок, но был уверен, что сумеет ее отыскать. Оставалось неясным, как он управится с засовами, но одно он знал наверняка: все двери, ведущие в Техултли, заперты — хотя бы из осторожности, ставшей привычкой за полстолетия непримиримой вражды. Что ж, в любом случае больше ничего не остается.

Сжимая меч, он бесшумно скользил дальше по лабиринту затененных или залитых зеленым светом комнат и залов. Он был уже на подходе к замку, как вдруг его остановил негромкий звук. Он сразу узнал его — то было сдавленное мычание человека с кляпом во рту. Звук исходил откуда-то спереди и чуть ле-

вее. В этих наполненных тишиной комнатах малейший шорох разносился на удивление далеко.

Конан свернул и принялся разыскивать источник звука: тот время от времени повторялся, что значительно облегчало поиски. И вдруг он остановился, во все глаза глядя в дверной проем на зловещую картину. В комнате на низких стойках была укреплена железная решетка, а на ней, с накрепко привязанными к прутьям руками и ногами, распростерлось тело человека-гиганта. Его голова упиралась в щетину железных игл, на треть окрашенных красным. Всю голову оплетала какая-то упряжь, приспособленная, однако, таким образом, чтобы кожаные ремни не могли защитить затылок от острых шипов. Вытянувшаяся в струну тонкая цепочка соединяла упряжь с необычным механизмом, прикрепленным к огромному железному шару, подвешенному над скрытой иссиня-черной бородой грудью пленника. До тех пор пока тот силой воли оставался неподвижным, железный шар висел не шелохнувшись. Но каждый раз, когда боль в затылке вынуждала пленника приподнять голову, шар опускался на несколько дюймов. Проходило время, и напряженные шейные мускулы уже не могли удерживать голову в этом неестественном положении, и та вновь падала на шипы. Таким образом, медленно, дюйм за дюймом, но рано или поздно шар неизбежно должен был расплющить в лепешку того, кто был распластан на решетке. Изо рта жертвы торчал кляп, поверх которого, дико вращаясь, блестели черные воловьи глаза. Но вот их взгляд остановился на человеке в дверном проеме, опять послышалось мычание — и Конан отступил, пораженный: привязанный к решетке, лежал Ольмек, принц Техултли.

VI

ВЗГЛЯД ТАСЦЕЛЫ

— Неужели для того, чтобы перевязать рану, надо было тащить меня в отдельную комнату? — спросила Валерия недовольно.— Почему этого нельзя было сделать в тронном зале?

Она сидела на кушетке. Раненая нога покоилась на подушках, а рядом стояла техултлинка, только что закончившая накладывать повязку из шелковых лент. Весь в красных подтеках, меч Валерии лежал рядом.

Воительница нахмурилась. Женщина исполнила работу молча и старательно, однако Валерии не понравилось ни едва ощутимое поглаживание мягких пальцев, ни выражение ее смуглого лица.

— Остальных раненых разнесли по другим комнатам,— ответила женщина нежным голосом техултлинок, в котором, однако, не чувствовалось ни нежности, ни, еще меньше,— кротости. Не более чем час назад эта самая женщина на глазах Валерии всадила нож в грудь ксоталанки и выдавила глаз распростертому на полу ксоталанцу.

— Тела мертвецов спустят вниз, в катакомбы,— продолжала та,— чтобы их призраки не бродили по комнатам.

— Ты веришь в призраков? — удивилась воительница.

— Я знаю, что по катакомбам бродит призрак Толкемека,— ответила та, содрогнувшись.— Я его видела однажды; я тогда спряталась в склепе, где покоятся останки королевы, а он прошел мимо — на вид старик, длинная седая борода, волосы, и глаза светятся в темноте. Это был Толкемек: я видела его еще

ребенком, когда его пытали.— Ее голос упал до испуганного шепота: — Ольмек смеется над подобными страхами, но я-то знаю, что по катакомбам бродит дух Толкемека! Говорят, что это крысы объедают свежие трупы... но призраки тоже едят такое мясо. Кто его знает, а только...

На кушетку упала широкая тень, и женщина испуганно вскинула голову. Валерия посмотрела вверх — над ней, пожирая ее взглядом, возвышался Ольмек. Принц очистил от крови руки, ноги, торс и смыл с бороды красные пятна, но так и не накинул мантию, и сейчас все его крупное темнокожее и безволосое тело являло собой воплощение силы — звериной, послушной лишь инстинктам матери-природы. В глубоко посаженных темных глазах пылал огонь животной страсти; чуть подрагивающие пальцы, теребящие густую иссиня-черную бороду, также говорили о многом.

Он перевел тяжелый взгляд на женщину, и та, быстро поднявшись, выскользнула из комнаты. В проеме двери она оглянулась — ее глаза были полны грязного любопытства, губы кривила циничная усмешка.

— Ну и поработала,— ворчливо проговорил принц, подходя к дивану и склоняясь над повязкой.— Дай-ка взглянуть...

С быстротой, удивительной для его грузного тела, он схватил меч и зашвырнул его в дальний угол комнаты. Следующим движением Ольмек обхватил огромными руками гибкое тело девушки.

Каким бы стремительным и неожиданным ни было это нападение, ответ последовал молниеносно: едва он успел стиснуть ее в своих объятиях, как в изящной руке сверкнул нож и острие нацелилось ему в горло. Скорее благодаря везению, чем мастерству, ему удалось перехватить ее запястье, и на кушетке разгорелась яростная борьба. Она пустила в ход кулаки, носки и пятки, колени, зубы и ногти, добавив всю изворотливость и силу своего совершенного тела, все искусство рукопашной борьбы, приобретенное за годы разбоя на суше и на море. Но ничто не могло противостоять его звериной силе. Кинжал она выронила в первый же миг схватки, а кроме как сталью причинить этой туше ощутимый урон оказалось невозможно.

Похотливый блеск в его черных зрачках не затухал, от их липкого взгляда в Валерии пробудился гнев, а злобно-насмешливая улыбка, которая угадывалась под лиловой порослью, только добавила масла в огонь. В его глазах, в улыбке отразился весь цинизм, вся жестокость, бурлившие под внешне пристойной маской этого извращенного, вырождающегося народа, и в первый раз за свою жизнь Валерия ощутила страх перед мужчиной. Ей казалось, что она борется с неиссякаемой первобытной силой: о его железные руки, как волны о скалы, разбивались все ее выпады. Она почувствовала, как в ее душе нарастает отчаяние. Он словно был невосприимчив к боли. И только раз, когда она с яростью вонзила крепкие зубы в его смуглую руку, да так, что выступила кровь, в нем пробудился зверь. Ладонью он закатил ей по виску такой удар, что искры сыпанули из глаз, а голова откинулась на плечо.

Во время схватки рубашка на ней разорвалась сверху донизу, и он, обезумев от страсти, принялся с изощренной жестокостью тереть жесткой густой бородой об ее обнаженные груди, от чего нежная кожа зарделась кровью, а с алых губ сорвались первые крики боли и бешеной ярости. Но все усилия были тщет-

ны. Безоружную, задыхающуюся от ненависти, ее швырнули на кушетку; она стиснула зубы, в глазах застыло выражение пойманной в капкан тигрицы.

В следующий миг с Валерией на руках он уже быстро шел к выходу из комнаты. Она больше не сопротивлялась, и лишь огонь в глазах говорил о том, что она не побеждена, по крайней мере — дух ее не сломлен. Девушка не кричала: Конан был далеко, и нечего было надеяться, что кто-нибудь из техултлинцев отважится выступить против своего принца. Но почему тогда Ольмек идет словно крадучись, повернув голову, как бы вслушиваясь в звуки погони, и почему он не пошел в тронный зал?

С девушкой на руках он вошел в противоположную дверь, миновал комнату и осторожно пошел по длинному широкому коридору. И только Валерия убедилась, что Ольмек опасается неизвестных врагов, как, откинув голову, она пронзительно закричала во всю силу своих легких.

Ее тут же наградили оглушительной пощечиной, а Ольмек с быстрого шага перешел на неуклюжий бег.

Но ее крик был услышан. Раздался тихий возглас, и, едва не свернув себе шею, Валерия выглянула за спину принца и сквозь пелену слез и белых точек увидела Техотла, который, прихрамывая, шел следом.

Издав глухое рычание, Ольмек перекинул девушку под руку, и в этом неудобном и, несомненно, малопочтенном положении, прижатая железной рукой к могучему торсу, она, как капризный ребенок, извивалась, царапалась и лягалась, хотя и без заметного успеха.

— Ольмек! — В голосе Техотла слышалось осуждение.— Ты этого не сделаешь! Это подло! Она — женщина Конана! Она помогла нам победить ксоталанцев и...

Без единого слова, сжав пальцы свободной руки в огромный кулак, Ольмек нанес удар, и раненый без чувств рухнул на пол. Принц нагнулся и, не обращая внимания на отчаянную борьбу и проклятия пленницы, вытащил меч Техотла из ножен и вонзил острие клинка в грудь воина. Затем, бросив оружие, зашагал дальше по коридору. Он так и не заметил смуглого женского лица, украдкой смотревшего из-за гобелена ему в спину. С первым стоном Техотла оно исчезло. Превозмогая страшную боль, тот поднялся и, шатаясь как пьяный, выкликая слабым голосом имя Конана и спотыкаясь на каждом шагу, заковылял прочь.

Пройдя быстрым шагом в конец коридора, Ольмек очутился у винтовой лестницы, спустился этажом ниже, пересек несколько узких коридоров и наконец остановился в просторной комнате, двери в которой закрывали тяжелые портьеры — все, кроме одной: тяжелой бронзовой двери, похожей на главную дверь яруса Орла.

Указав на нее, Ольмек самодовольно проурчал:

— Вот, смотри! Эта дверь — один из четырех входов в Техултли. Впервые за пятьдесят лет здесь нет стражи: нам больше незачем ее охранять, ибо нет больше ксоталанцев!

— Ты забыл, что это во многом благодаря мне и Конану, грязный подонок! — презрительно выкрикнула Валерия, дрожа от ярости и стыда за совершенное над ее волей насилие.— Ты вероломный пес! За такие дела Конан перережет тебе глотку!

Ольмек решил не утруждать себя пустыми фразами, а потому не стал сообщать ей, что, как ему, Ольмеку, думается, по его тайному приказу самому Конану к этому часу наверняка уже выпустили кишки. Принц так далеко зашел в своем цинизме, что ему было абсолютно наплевать, как отнесется к этому его белокожая пленница. Он пожирал ее глазами, подолгу задерживая обжигающий взгляд на тех местах, где сквозь разорванную во время схватки ткань выглядывала нежная белая плоть.

— Забудь своего Конана,— хриплым голосом сказал он.— Отныне Ольмек — повелитель Ксухотла. Кстолан повержен. Больше не будет смертей. Вместо войны мы посвятим наши жизни вину и любви. Но сначала — выпьем!

Он уселся на стол, инкрустированный пластинками из слоновой кости, и силой усадил ее себе на колени — словно темнокожий сатир, облапивший прекрасную белую нимфу. Не обращая внимания на ее отнюдь не нимфовые выражения, он крепко держал девушку, обвив одну руку вокруг гибкой талии, другой же, потянувшись через стол, достал кувшин с вином.

— Пей! — приказал он, сунув горлышко к ее губам и наклоняя кувшин.

Девушка откинула назад голову, и вино, омочив губы, пролилось на обнаженную грудь.

— Кажется, твоей гостье пришлось не по вкусу твое вино, Ольмек,— вдруг раздался сзади холодный, насмешливый голос.

Ольмек словно окоченел, в его полыхающие страстью глаза закрался страх. Он медленно повернул большую голову и помутненным взглядом уставился на Тасцелу, в небрежной позе стоявшую перед дверной портьерой,— ладонь левой руки на гладком бедре, другая рука отведена за спину. Валерия завертелась с удвоенной энергией, пытаясь вырваться наконец из железной хватки Ольмека, как вдруг ее взгляд случайно встретился со взглядом Тасцелы — и по спине воительницы пробежал холодок. Слишком многое пришлось познать гордой воительнице за эту ночь. Совсем недавно она впервые в жизни испытала страх перед мужчиной; сейчас она поняла, что такое страх перед женщиной.

Ольмек словно прирос к столу, его смуглая кожа все сильнее покрывалась пепельно-серым налетом. Тасцела достала из-за спины руку, в которой держала небольших размеров золотой сосуд.

— Я так и думала, что ей не понравится твое вино, Ольмек,— промурлыкала принцесса,— и потому принесла немного своего — того самого, что когда-то захватила с собой с озера Эвад... Ты понимаешь меня, Ольмек?

На лбу принца выступили крупные капли пота, хватка его ослабела. Тотчас Валерия, вырвавшись из страшных лап, скользнула через стол. Но несмотря на то что здравый смысл подсказывал ей немедленно покинуть комнату, она, точно в наваждении, не могла двинуться с места и молча наблюдала за развитием событий.

Вихляющей неспешной походкой, которая сама по себе уже являлась оскорблением, Тасцела приблизилась к принцу. Ее голос звучал вкрадчиво, нежно, но глаза ярко блестели. Тонкие, изящные пальцы пробежали по грубым волосам иссиня-черной бороды.

— Нельзя же быть таким эгоистом, Ольмек,— мягко, как бы с легким упреком сказала она, губы ее растянула улыбка, в глазах — сталь и холод.— Ты воз-

намерился оставить нашу гостью себе, хотя прекрасно знал, что я сама собиралась поразвлечь ее. Ты сильно провинился, Ольмек!

На миг маска приоткрылась, обнажив истинное лицо принцессы: ее глаза полыхнули огнем, тонкие черты исказил гнев, пальцы конвульсивно сжались, и с невероятной силой, неожиданной для этого стройного тела, она вырвала из густой бороды клок волос. И все-таки это внезапное проявление сверхъестественной силы наводило меньший ужас, чем всплеск дикой ярости, бушующей под внешне бесстрастными манерами принцессы.

Издав звериное рычание, Ольмек вскочил со стола; своей огромной медвежьей тушей он навис над хрупкой на вид женщиной, пальцы его рук судорожно сжимались и разжимались.

— Шлюха! — Громовые раскаты наполнили комнату.— Ведьма! Жаль, Техултли не убил тебя пятьдесят лет назад! Пошла прочь! Довольно я от тебя натерпелся! Белокожая девка — моя! Убирайся, пока я сам тебя не прирезал!

Принцесса тихо рассмеялась и швырнула пряди волос ему в лицо. В ее смехе было не больше жалости, чем в звоне мечей.

— Когда-то, Ольмек, ты говорил иначе,— насмешливо проворковала она.— Когда-то, в дни своей молодости, ты говорил мне слова любви. Да-да, помнится, много лет тому назад ты даже был моим любовником, и лишь благодаря любви ты, опьяненный черным лотосом, спал в моих объятиях... Тогда-то ты и отдал в мои руки цепи, которыми я поработила тебя. Ты знаешь, что не можешь противиться моей воле. Ты знаешь, что стоит мне всего лишь посмотреть тебе в глаза — с той колдовской силой, которой обучили меня стигийские жрецы,— и ты станешь беспомощен и кроток. Помнишь ту ночь, когда над нами, качаемый таинственным ветерком, благоухал черный лотос; и вот снова ты вдыхаешь его неземной аромат, он облаком окутывает тебя, очаровывает — и вот ты уже мой раб. Ты не можешь бороться со мной. Ты мой раб, как был рабом в ту ночь, и ты останешься моим рабом до конца дней своих, Ольмек из Ксухотла!

Ее голос упал до невнятного бормотания, словно журчание ручейка, бегущего неизвестно куда и откуда под звездным покровом ночи. Придвинувшись к принцу, она стала водить ладонями по его мощной груди. Глаза гиганта потухли, руки безвольно обвисли по бокам.

С жестокой, зловещей улыбкой Тасцела поднесла к его губам сосуд.

— Пей!

Отрешенный, с остановившимся взглядом, принц подчинился приказу — и в тот же миг пелена спала с его глаз, и их захлестнула волна ярости, живого разума и неподдельного ужаса. Рот его широко раскрылся, но из пересохшего горла не вылетело ни звука. С полминуты он раскачивался на полусогнутых ногах и вдруг бесформенной массой повалился на пол.

Звук падения грузного тела вывел Валерию из состояния паралича. Круто повернувшись, она метнулась к двери, но в стремительном броске, который посрамил бы и пантеру, Тасцела преградила ей дорогу. Сжав пальцы в кулак, Валерия выбросила вперед руку, вложив в этот удар все силы своего тренированного тела. Будь перед ней мужчина, тот без чувств рухнул бы к ее ногам. Но, чуть прогнувшись своим гибким телом, Тасцела увернулась и пальцами обвила запястье девушки. Еще миг — и та же участь постигла левую руку. Удерживая

оба запястья одной рукой, другой Тасцела деловито связала их шнуром, который выдернула из пояса. До сих пор Валерия полагала, что за эту бесконечную ночь она испытала достаточно унижений, но стыд от грубого обращения Ольмека не шел ни в какое сравнение с тем чувством, от которого в беззвучных рыданиях сотрясалось сейчас ее тело. Валерия всегда была склонна презирать прочих представительниц своего пола, и встреча с женщиной, которая обращалась с ней играючи, точно с ребенком, явилась для ее израненной души слишком большим ударом. Она почти не сопротивлялась, пока Тасцела вела ее за шнур к стулу, пока, силой усадив ее, прикручивала связанные руки между колен к сиденью, и потом, когда привязывала ноги. Небрежно перешагнув через Ольмека, Тасцела направилась к бронзовой двери. Убрав засов, она распахнула дверь, за которой оказался длинный зал.

— В этот зал,— заметила она, впервые обращаясь к своей пленнице,— выходит комната, в прежние времена известная как пыточная. Когда мы заперлись в Техултли, то большинство орудий унесли с собой, но одно, слишком тяжелое, пришлось оставить. Оно и сейчас, как и в прежние времена, находится в рабочем состоянии и, думаю, подойдет как нельзя лучше.

Легко узнаваемый ужас появился в глазах принца. Тасцела вернулась к Ольмеку и, нагнувшись, стальной рукой схватила того за волосы.

— Он только парализован, и то на время,— как ни в чем не бывало пояснила она.— Он может слышать, думать и чувствовать... О да! Уж с этим-то у него все в порядке!

И с этим зловещим замечанием она направилась к двери, волоча за собой принца с такой легкостью, словно это был мешок тряпья. Глаза воительницы расширились от ужаса. Принцесса вышла в зал и, не останавливаясь, проследовала дальше, пока вместе с пленником не исчезла в дверном проеме, откуда вскоре вслед за этим донеслось звяканье железа.

Валерия тихо выругалась и попыталась разорвать веревки, но тщетно: опутавшие ее шнуры, внешне так похожие на нити, на деле оказались невероятно прочными.

Но вот наконец вернулась Тасцела, за ее спиной из смежной с залом комнаты раздавались приглушенные стоны. Она прикрыла за собой дверь, однако не стала накладывать на нее засов. Тасцелы не коснулась жесткая хватка привычки, точно так же, как и душе ее были чужды чувства и инстинкты, свойственные обычным людям.

За все это время Валерия не проронила ни звука; она лишь не отрывая глаз смотрела на женщину, чьи изящные руки держали сейчас ее судьбу.

Сжав в пучок золотистые волосы воительницы, Тасцела потянула руку вниз и заглянула той в лицо. Взгляд принцессы обдавал холодом, но блеск в темных глазах говорил о бушующих в ее душе страстях.

— Я удостаиваю тебя великой чести,— наконец изрекла она.— Ты поможешь возродить юность Тасцелы. Ты, кажется, удивлена? О да! Я выгляжу молодо, и все-таки я чувствую, как кровь в моих жилах замедляет свой бег, как к сердцу подбирается холод, я чувствую, как это случалось уже тысячу раз, дыхание старости. Да, я стара — так стара, что не помню своего детства. Но когда-то я тоже была юной девушкой и меня любил стигийский жрец, который и передал мне

секрет бессмертия и вечной молодости. Он потом умер... злые языки говорили — от яда. А я осталась жить в своем дворце на берегу озера Эвад, и быстротечные годы не коснулись меня. В конце концов меня возжелал король Стигии, но наше племя восстало, и в результате мы очутились здесь. Ольмек называл меня принцессой, но во мне нет ни капли королевской крови. Я стою выше, чем любая из принцесс. Я — Тасцела, чья юность возродится благодаря твоему восхитительному телу.

От ровного голоса Тасцелы язык Валерии прилип к гортани. Она кожей ощутила, что за всем этим кроется нечто более ужасное, чем упадок и вырождение народа Ксухотла.

Женщина отвязала от стула аквилонку, рывком поставила ее на ноги. И не страх перед необычайной силой, заключенной в руках принцессы, превратил Валерию в беспомощную жертву — то были глаза Тасцелы, в которых разгорался завораживающий, наводящий ужас огонь.

VII

ТОТ, КТО ВЫШЕЛ ИЗ ТЬМЫ

— Ну вот и я! — Конан воззрился на человека, растянутого на решетке.— Чего это ты здесь разлегся! Не нашлось другого места?

Из-под кляпа послышалось невнятное мычание. Конан наклонился и выдернул тряпку изо рта принца. У того вырвался сдавленный рев: от резкого движения его голова приподнялась, и железный шар, качнувшись вниз, замер в каком-то дюйме от его широкой груди.

— Во имя Сета — осторожнее! — выдохнул Ольмек.

— Ну вот еще! — ухмыльнулся Конан.— С какой стати я должен волноваться о твоем здоровье? Жаль, у меня нет времени, а то бы я полюбовался, как эта железяка будет выдавливать из тебя кишки. Но, к сожалению, я тороплюсь. Где Валерия?

— Освободи меня! — взмолился Ольмек.— Я все скажу!

— Сначала скажи.

— Никогда! — Тяжелые челюсти принца упрямо сжались.

— Прекрасно! — Конан уселся на скамейку рядом.— Я подожду, пока ты не превратишься в желе, а после найду ее сам. А кстати, события можно ускорить, если кончиком меча поковырять у тебя в ухе.— И он, как бы примериваясь, приподнял клинок.

— Не надо! — Слова вдруг бурным потоком полились из пересохшей глотки принца: — Твою женщину отняла у меня Тасцела. Я всегда был лишь игрушкой в ее руках.

— Тасцела? — фыркнул Конан и сплюнул.— Что еще надо этой развратной...

— Нет-нет! — выпалил Ольмек.— Все гораздо хуже, чем ты думаешь. Тасцела стара — ей сотни лет. Но она поддерживает в своем теле жизнь и возвращает себе молодость, принося в жертву красивых юных женщин. И это одна из главных причин, почему наш клан оказался на грани вымирания. Она перельет жизненную силу Валерии в свое дряхлеющее тело и расцветет заново — свежая, сильная, прекрасная!

— Двери заперты? — деловито спросил Конан, проводя пальцем по острию меча.

— Да! Но я знаю тайный ход в Техултли. Его знаем только мы с Тасцелой, но она уверена, что я не опасен, а ты — убит. Освободи меня, и — клянусь! — я помогу тебе вызволить Валерию. Без меня тебе в Техултли не пробраться; даже если пыткой принудишь открыть тайну,— все равно один не справишься. Развяжи меня! Мы вдвоем выследим Тасцелу, незаметно подкрадемся и убьем прежде, чем она пустит в ход свое колдовство и заворожит нас взглядом своих ведьминых глаз. Нож в спину сделает свое дело. Мне давно надо было бы ее прирезать, но я боялся, что без нее ксоталанцы быстро возьмут над нами верх. Я тоже был ей нужен — потому и жив до сих пор. Но теперь никто ни в ком не нуждается, и один из нас должен умереть. Обещаю, что, когда покончим с колдуньей, вы с Валерией сможете уйти и никто не посмеет вам помешать. Когда Тасцела умрет, мои люди будут подчиняться только мне.

Наклонившись, Конан перерезал веревки, удерживающие тело принца. Тот осторожно выскользнул из-под огромного шара и поднялся, как бык встряхивая головой и со словами проклятий ощупывая пальцами изодранный затылок. Стоя плечом к плечу, эти два воина являли собой грозную картину первобытной мощи. Ольмек был одинакового с Конаном роста и немного тяжелее, но что-то в техутлинце вызывало настороженную неприязнь: в его облике затаилось что-то зловещее, звериное, что резко отличало его от крепко сбитого, но гармонично развитого тела киммерийца. Конан еще раньше сбросил пропитанные кровью лохмотья, оставшиеся от рубашки, и сейчас стоял с обнаженным торсом, демонстрируя мощную мускулатуру. Плечи — широкие, как у Ольмека,—

были очерчены четче, а огромная, выгнутая дугой грудная клетка переходила в упругую, гибкую талию, которой явно недоставало принцу с его уже обрисовавшимся брюшком. Все тело варвара, словно отлитое из бронзы, могло служить прообразом силы — примитивной и потому несокрушимой. Кожа Ольмека была темнее, но не от солнца. И если в Конане природа повторила человека, каким он был на заре своей истории, то в угрюмых, неуклюжих формах Ольмека угадывался человек мрачных, доисторических времен.

— Веди! — приказал Конан.— Шагай впереди! Я тебе не особенно доверяю, а как известно, когда имеешь дело с быком, то лучше держаться хвоста, чтобы не угодить на рога.

Повернувшись, Ольмек пошел вперед; пальцами левой руки он, как гребешком, расчесывал бороду.

Принц не повел варвара к бронзовой двери, поскольку был уверен, что Тасцела заперла ее. Вместо того он направился в одну из комнат, имеющих общую стену с Техултли.

— Секрет потайной двери сохраняли все пятьдесят лет,— сказал принц.— О существовании хода не подозревал никто из наших, не говоря уже о ксоталанцах. Техултли сам придумал его, а после убил всех рабов, которые его строили. Дело в том, что Техултли опасался Тасцелы; он боялся, что однажды его выставят за двери собственного королевства и уже не впустят обратно: к тому времени былая страсть Тасцелы успела смениться глубокой ненавистью. Но та разгадала секрет и как-то раз, когда он удирал от погони после неудачной вылазки, закрыла дверь перед его носом. Так что ксоталанцы схватили его и содрали с живого кожу. Сам я узнал про дверь случайно: просто выслеживал Тасцелу, и она на моих глазах вошла через ход в замок.

Принц нажал на позолоченный узор в стене, панель бесшумно ушла вовнутрь, и перед ними открылись ступени ведущей вверх лестницы.

— Эта лестница поднимается по внутренней стене каменного колодца,— сказал Ольмек.— Она ведет в башню над крышей, а оттуда уже другие лестницы разбегаются по разным комнатам внизу. Пошли!

— После тебя, дружочек! — насмешливо возразил Конан, слегка качнув вперед широким мечом. Пожав плечами, Ольмек шагнул на нижнюю ступеньку, киммериец — за ним, и тотчас массивная дверь бесшумно встала на место. Где-то высоко над их головами мерцала гроздь огненных камней, заливая колодец зловещим сумрачным светом.

Они поднимались по лестнице до тех пор, пока, по расчетам Конана, не миновали четвертый ярус, и вдруг через широкий люк выбрались в круглую башню, где в центре сводчатого потолка был вмурован пучок огненных камней, освещавших лестницу. Сквозь забранные золотыми решетками окна с пластинками из небьющегося кристалла — первые нормальные окна, увиденные им в Ксухотле,— Конан пробежался взглядом по конькам, куполам и башням, чернеющим на фоне звездного неба. Перед ним простиралась крыша Ксухотла.

Ольмек не смотрел в окно. Выбрав одну из лестниц, что змеями уходили вниз, он кивнул Конану, приглашая того следовать за собой. Уже через несколько футов лестница сменилась узким коридором, который, петляя, терялся в сумерках. Он оборвался у нового пролета с крутыми ступенями. Там Ольмек остановился.

Оттуда, из глубины, едва слышный, но все-таки узнаваемый, доносился женский крик, полный ужаса, стыда и ярости. Конан вздрогнул: он узнал голос Валерии.

Вал бешенства взметнулся в душе варвара и вместе с тем — изумления: как, неужели есть на свете опасность, способная исторгнуть из груди дерзкой воительницы этот дикий вопль? Забыв обо всем, киммериец оттолкнул Ольмека и шагнул на лестницу. Но тут же в нем пробудился инстинкт — и вовремя: Ольмек выбросил вперед огромный, точно кувалда, кулак. Удар — мощный и неожиданный — был нацелен в основание черепа, но киммериец повернулся, и удар пришелся по шее. У другого человека хрустнули бы позвонки, но Конан лишь качнулся назад и в этот краткий миг, выпустив меч, бесполезный на ограниченном пространстве, успел перехватить Ольмека за руку и, падая, увлек его за собой. Плотным клубком из сплетенных рук, ног и торсов оба скатились вниз. И пока они пересчитывали ступеньки, железные пальцы варвара нащупали бычью шею принца и сомкнулись на горле.

От мощного удара громадного кулака Ольмека, вложившего в него всю силу руки в бугристых мускулах и мощь квадратных плеч, шея киммерийца вмиг онемела. Но это ни в малейшей степени не уменьшило его ярости, скорее наоборот. Рыча, словно бульдог, он мертвой хваткой вцепился в принца. Враги швыряли друг друга на камни, давили локтями и коленями, рвали зубами и наконец с такой силой врезались в дверь у основания лестницы, что та разлетелась в куски и оба в вихре обломков и пластинок слоновой кости влетели в комнату. Но к тому времени Ольмек был уже мертв: железные пальцы сломали шею, и жизнь оставила тело принца.

Конан поднялся, стряхивая с плеч щепки и смаргивая, чтобы очистить глаза от пыли и капелек крови.

Потом огляделся. Он находился в тронном зале. Кроме него там было еще человек пятнадцать, и первой, на ком остановился его взгляд, была Валерия. Перед возвышением с троном стоял необычного вида черный алтарь. Установленные вокруг него семь черных свечей на высоких позолоченных канделябрах неторопливо испускали спирали густого зеленого дыма, терпкий запах которого волновал кровь. Эти спирали, сгущаясь под потолком в зеленое облако, образовывали над алтарем полупрозрачную арку. А на алтаре — совершенно обнаженная, растянутая в струну — лежала Валерия; ее светлая кожа резко выделялась на фоне поблескивающего камня цвета эбенового дерева. Она не была привязана. В изголовье алтаря стоял на коленях молодой воин: точно в тисках сжимал он запястья вытянутых над головой девушки рук. С другой стороны молодая женщина крепко держала ее за лодыжки. Распростертая на алтаре, воительница была не в силах ни подняться, ни даже шевельнуться.

Одиннадцать мужчин и женщин Техултли образовали полукруг и, молча стоя на коленях, горящими жадными глазами наблюдали за зловещим действом.

На троне из слоновой кости в небрежной позе развалилась Тасцела. По обе стороны трона на витых подставках возвышались бронзовые чаши-курильницы. Струйки дыма гибкими ласковыми пальцами оплетали ее руки и ноги. Принцессе не сиделось на месте: она извивалась, ерзала в каком-то чувственном экстазе, словно получая неизъяснимое наслаждение от касания ее нежной кожи о гладкую поверхность трона.

Страшный грохот от разлетевшейся в щепки под натиском двух гигантов двери никак не повлиял на ход событий. Стоящие на коленях лишь мельком взглянули на труп своего принца и на человека, поднявшегося из-под обломков, и снова обратили жадные взоры на белеющее на черном алтаре прекрасное тело. Тасцела окинула варвара наглым взглядом и, усмехнувшись, откинулась на спинку трона.

— Тварь!

От ярости у Конана потемнело в глазах. Пальцы сжались в железные молоты, он шагнул вперед. Но тут же что-то громко звякнуло — и в ноги ему впились стальные зубы. Вдруг остановленный в размашистом шаге, он споткнулся, едва не упал. Челюсти железной западни сомкнулись, острые клыки глубоко ушли в тело и мертвой хваткой держали ногу. И только благодаря буграм икроножных мышц сталь не раздробила кости. Проклятая пасть выпрыгнула прямо откуда-то из-под полыхающего красным пола. Вглядевшись под ноги, Конан увидел паз, в котором она — тщательно замаскированная — поджидала его.

— Глупец! — Тасцела рассмеялась.— Неужели ты думал, что я не приму мер против твоего возможного появления? В этой комнате каждая дверь охраняется такой пастью. А сейчас стой и смотри, как я буду помогать твоей смазливой подружке выполнять ее божественное предназначение! Потом займусь тобой.

Рука Конана метнулась к поясу, но наткнулась на пустые ножны: его меч остался у вершины лестницы. Нож, не раз выручавший в трудную минуту, лежал, брошенный в лесу — там, где дракон вырвал его из своей пасти. Стальные зубы, впившиеся в его ногу, жгли, как горящие угли, но боль не грызла его так, как сводила с ума бешеная ярость, клокотавшая в груди. Он попался — угодил в ловушку, точно волк-одногодок. Будь у него в руке меч, он отрубил бы себе ногу, прополз бы по полу и убил бы Тасцелу. Глаза Валерии, не отрываясь, с немой мольбой смотрели на него, и от бессилия что-либо изменить варвар почувствовал, как на его мозг начинают накатывать красные волны безумия.

Упав на колено свободной ноги, он попытался просунуть пальцы под острые зубья в надежде, что ему удастся с помощью своей исполинской силы развести челюсти капкана. Из-под ногтей выступила кровь, но намертво сомкнувшиеся челюсти не оставили между сталью и вспоротой плотью ни малейшего зазора: идеально пригнанные друг к другу, сегменты сидели на жестких пружинах и от давления о кости и мускулы частично ушли в железное чрево ловушки. Вид обнаженного тела Валерии только сильнее разжигал ярость варвара.

Тасцела будто забыла о нем. Томно поднявшись с трона, она обвела медленным взглядом коленопреклоненные фигуры своих подданных, потом спросила:

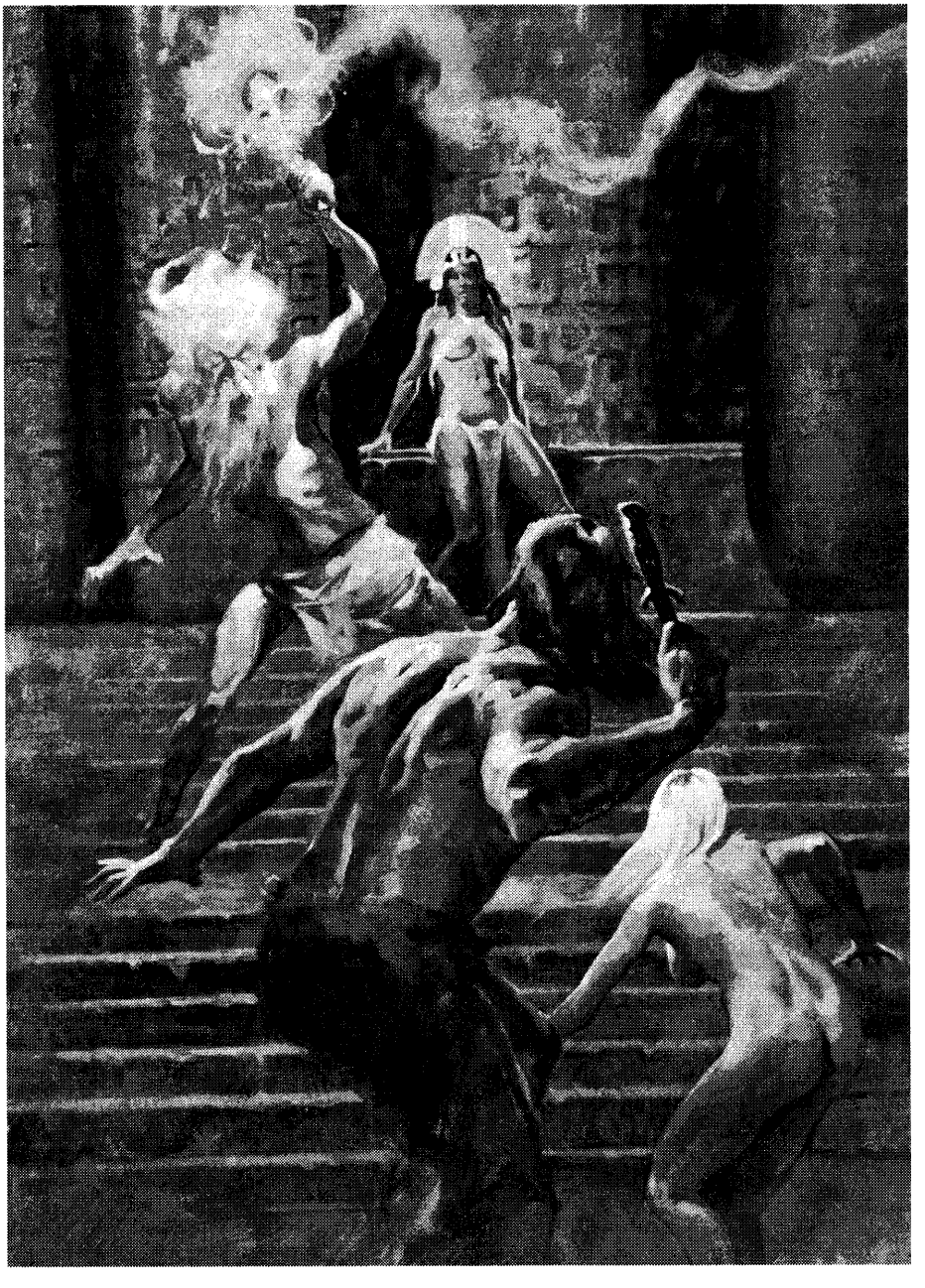
— А где Ксамек, Зланат и Тахик?

— Они не вернулись из катакомб, принцесса,— ответил кто-то.— Они вместе со всеми переносили в склепы убитых, но так и не вернулись. Похоже, их настиг призрак Толкемека.

— Заткнись, идиот! — грубо оборвала она.— Твой призрак — это миф!

Она сошла с пьедестала, поигрывая тонким, с золотой рукояткой кинжалом. Ее глаза горели адским пламенем. У алтаря принцесса остановилась, и напряженную тишину нарушил ее голос.

— Твоя жизнь вернет мне молодость, белокожая женщина! — заговорила она.— Еще немного — и я приникну к твоей груди, прижму свои губы к твоим

и медленно — ах как медленно! — погружу этот клинок в твое сердце, чтобы твоя жизнь, покидая коченеющее тело, вошла в меня и я снова расцвела вечной молодостью и красотой!

Словно змея над парализованной взглядом жертвой, принцесса склонилась над алтарем и, не торопясь, дюйм за дюймом, разрывая собой вьющиеся струи дыма, стала приближаться к замершей в трансе девушке, которая расширенными от ужаса глазами смотрела прямо в пылающие зрачки колдуньи — зрачки, что с каждым мгновением становились все больше, глубже и, подобно черным лунам, мерцали сквозь дымовые струи.

Сжав кулаки, коленопреклоненные техултлинцы замерли, напряженно ожидая кровавой кульминации действа; и только шумное дыхание Конана, пытавшегося вырвать ногу из капкана, нарушало тишину тронного зала.

Глаза у всех были прикованы к алтарю и к распростертому на нем обнаженному телу; казалось, прогреми рядом гром — и он не разрушил бы чар. И все-таки хватило одного тихого возгласа, чтобы застывшие люди очнулись,— едва слышного вскрика, но такого, от которого волосы на голове встают дыбом. Все разом обернулись — там стоял *он*!

В дверном проеме слева от возвышения с троном, неясно очерченная, виднелась фигура — шагнувший в реальность ночной призрак! Но это был человек: его всклокоченные седые волосы белым венцом обрамляли голову, спутанная седая борода ниспадала на впалую грудь. Рваные лохмотья не скрывали изможденного тела, голые руки и ноги казались полупрозрачными. Его кожа ничем не напоминала кожу человека: цвета пергамента, вся в отвратительных чешуйках и струпьях, она наводила на мысль о том, что существо давно уже живет в условиях, прямо противоположных тем, при которых обычно зарождается и расцветает человеческая жизнь. И наконец, не было ничего от человека в тех глазах, что сверкали на людей из-под копны седых волос. Словно два диска, они не мигая рассматривали живую картину — светящиеся, белесые, без малейшего намека на живой огонь или разум. Вот потрескавшиеся губы раздвинулись, но с них не сорвалось ни единого членораздельного звука — одно визгливое хихиканье!

— Толкемек! — задохнулась Тасцела, смертельно побледнев; все остальные, накрыв головы руками, в безмолвном ужасе ткнулись в пол.— Так значит, ты не миф, не призрак! Великий Сет! И все двенадцать лет ты скитался во тьме? Двенадцать лет среди костей и трупов?! Какой же страшной пищей ты питался все эти годы! И какой жуткой должна быть жизнь там, в катакомбах, в кромешном мраке бесконечной ночи! Сейчас я понимаю, почему не вернулись... и уже никогда не вернутся оттуда Ксамек, Зланат и Тахик. Но почему ты столько выжидал, почему не нанес удар раньше? Или что-то искал по подземельям? Какое-нибудь секретное оружие, о котором слышал раньше? И вот наконец нашел?

В ответ — лишь зловещее хихиканье. Неожиданно Толкемек прыгнул вперед и очутился в зале, благополучно миновав зубастый капкан, затаившийся перед дверью: возможно, ему помог случай, а может быть, его память цепко держала знания о ловушках Ксухотла. Он не сошел с ума, как обычно сходят с ума люди. Он так долго жил оторванный от общества, что перестал быть человеком. Одна-единственная мысль, теплящаяся в угасшем разуме, тонкой, но прочной

нитью соединяла его жизнь с жизнью людей наверху — это мысль о мести. Она одна согревала его все эти годы, побуждала невидимым красться за людьми и убивать из-за угла тех, кого он смертельно ненавидел. Лишь эта нить удерживала его от того, чтобы навсегда удалиться в черные коридоры, комнаты и залы — в давно уже открытое им глубоко под землей вечное царство Тьмы!

— Ты что-то искал! — прошептала Тасцела, медленно отступая от белого призрака.— И ты нашел! Ты не забыл нашей с тобой вражды! Великий Сет! После стольких лет, проведенных во мраке, ты помнишь все!

Ибо в скрюченной руке Толкемека покачивался причудливой формы, с жадеитовым оттенком жезл, на одном конце которого алым пламенем полыхал набалдашник в форме граната. Призрак вытянул вперед руку с жезлом, и от алевшего плода оторвался луч красного огня. Тасцела успела отпрыгнуть в сторону, и на пути луча оказалась техултлинка, державшая Валерию за лодыжки. Пламя ударило между плеч. Послышался громкий хруст, огненная струя переметнулась с груди женщины на алтарь и там рассыпалась голубыми искрами. Женщина отвалилась в сторону, и через миг, когда тело ее коснулось пола, это была уже мумия — иссохшая и безобразная.

Валерия не растерялась: она скатилась с алтаря и, пользуясь им как прикрытием, на четвереньках, точно зверь, ломая ногти и сдирая с колен кожу, засеменила к противоположной стене. А тем временем в тронном зале мертвого принца Ольмека вырвались на свободу силы Зла.

Следующим принял смерть воин, сжимавший запястья воительницы. В ужасе он отпустил жертву и побежал, но не успел ступить и десяти раз, как Толкемек с неожиданным для его изможденного тела и потому еще более страшным проворством обогнул тронный зал, и воин очутился между ним и алтарем. И вновь пространство прорезал огненный луч — и техултлинец, уже безжизненный, сморщенным стариком покатился по полу, а луч, ударив по алтарю, разбился голубыми шарами.

И разразилась бойня. В безумном страхе, дико вопя, метались люди по залу, натыкаясь друг на друга, отскакивая, запинаясь и падая. А между ними — то здесь, то там — сновал Толкемек, верша великое дело мести. Техултлинцы не могли выбежать в двери: как видно, металлические части порталов служили тем же, что и испещренное бронзовыми жилками ложе алтаря,— принимали на себя избыток демонической силы, подобно грому извергавшейся из колдовского жезла в руке этой тени прошлого. Каждый раз, когда белесый полутруп заставал кого-нибудь в пространстве между собой и алтарем или же дверным порталом, человек мгновенно умирал. Толкемек не намечал себе жертв. Он просто подлавливал их одну за другой, с быстротой молнии перемещаясь по залу, и лохмотья одежды на нем развевались рваными парусами, а визгливое хихиканье, жутким эхом прокатываясь под сводом, заглушало вопли обреченных на смерть людей. Тела, как осенние листья, падали вокруг алтаря и в проемах дверей. Только один воин, замахнувшись кинжалом, в безумном отчаянии бросился к Толкемеку — и упал, сраженный, в трех шагах от колдуна. Но все остальные были как стадо на бойне: без мысли о сопротивлении и без малейшего шанса укрыться от смерти.

В ту минуту, когда пал последний техултлинец, принцесса наконец-то добралась до Конана и укрывшейся с ним рядом аквилонки. Быстро нагнувшись,

Тасцела коснулась фрагмента мозаичного пола, и скрытый механизм пришел в движение. Стальные челюсти разомкнулись, освобождая кровоточащую ногу, и страшная пасть скрылась в полу.

— Убей его! — выдохнула она, вкладывая в руки киммерийца тяжелый нож.— Против его оружия мое колдовство бессильно!

С глухим рычанием варвар прыгнул вперед — разгоряченный предвкушением схватки, он едва замечал острую боль в истерзанной ноге. Толкемек неторопливо приближался — в его немигающих глазах застыла ненависть — и вдруг точно споткнулся: в руке киммерийца сверкнула сталь. И пошла жуткая, зловещая игра, в которой Толкемек пытался загнать варвара между собой и алтарем или дверью, а Конан, всеми способами избегая ловушки, примеривался, как бы ему точнее распорядиться ножом. Затаив дыхание, подобравшись, как пантеры, обе женщины с напряженным вниманием следили за поединком.

Ничто не нарушало тишины — лишь шорох да легкое шарканье ног. Толкемек уже не метался по залу. Он понял, что столкнулся с противником куда более серьезным, чем обезумевшая от страха толпа. В стальных глазах варвара он прочел ту же первобытную жажду убивать, какая прочно завладела им самим. Они покачивались вперед-назад, вправо-влево, и когда делал движение один, его тотчас повторял другой, точно невидимые нити связывали их обоих. И в то же время Конан шаг за шагом все ближе подступал к врагу. Вот мускулы ног напряглись перед прыжком, он чуть нагнулся — и вдруг Валерия вскрикнула: колдун, киммериец, бронзовый портал — все очутились на одной прямой! Вылетел красный луч, и Конан, выгнувшись дугой, лишь в последний миг избежал удара. Но даже в этом положении он не упустил свой шанс: сталь распорола воздух — и древний Толкемек начал заваливаться на бок, в костлявой груди дрожала рукоять ножа.

Тасцела рванулась с места — не к Конану, а туда, где на полу, словно живой, посверкивал колдовской жезл. Но вместе с ней метнулась и Валерия. На ходу выдернув из мертвеца нож, воительница со всей силой закаленных в боях мускулов вонзила лезвие в спину принцессы замка Техултли, так что окровавленное острие, пройдя тело насквозь, выступило между великолепных грудей! Издав пронзительный вопль, Тасцела повалилась к ногам Валерии. Девушка презрительно ткнула носком в дрожащее в предсмертных судорогах тело.

— Я должна была это сделать... хотя бы для того, чтобы не пасть в собственных глазах,— сказала воительница, тяжело дыша и глядя на Конана поверх остывающего трупа.

— Ну что ж, вот и конец вражде,— оскалившись в усмешке, прорычал варвар.— Суматошная, однако, выдалась ночка! Интересно, где у них хранятся припасы? Я проголодался.

— Сначала надо перевязать ногу.

Оторвав от шелковой драпировки солидный кусок, девушка повязала его вокруг талии. Затем, разорвав остатки на полосы, с недюжинной сноровкой перевязала израненную ногу киммерийца.

— Я смогу идти,— заверил он ее.— Лучше поскорее убраться отсюда. Там, за стенами города, должно быть, уже светает. Сказать по правде, я сыт Ксухотлом по горло. Оно и к лучшему, что эти люди извели сами себя. Мне не нужны их драгоценности. Наверняка на них лежит заклятие древних.

— На свете и без их камней всего полно — нам хватит,— ответила она, вставая рядом,— гибкая, стройная и... такая соблазнительная.

Как и тогда, на скале, его глаза зажглись огнем, но на этот раз, сжатая в мощных объятиях, она не стала вырываться.

— До побережья путь неблизкий,— наконец сказала девушка, неохотно отводя свои губы от жарких губ Конана.

— Что с того? — Огромный варвар рассмеялся.— Вдвоем нам все под силу. Еще до того, как настанет сезон и стигийцы откроют свои порты для торговли, мы ступим с тобой на палубу корабля. А вот потом мы всем покажем, что значит настоящая морская охота!

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА

(В статье нет ничего такого, что можно было бы счесть вызовом официальной науке. Это не более чем вымышленный фон для серии рассказов. Несколько лет назад, начав писать о Конане, я подготовил «историю» его эпохи и живших тогда народов, чтобы придать герою и саге толику реалистичности. И, уже работая над рассказами, обнаружил, что мне проще представлять его себе — а значит, и показывать читателям — как человека из плоти и крови, нежели как умозрительный продукт. Описывая его приключения в разных странах, я не позволял себе идти против духа и буквы этой «истории»; напротив, я так же следовал ее достоверности, как следует достоверности автор настоящей исторической прозы. Моя «история» — путеводитель по рассказам о Конане, и не более того.)

О той эпохе, которую немедийские хронисты называют допотопной, нам известно крайне мало, за исключением, быть может, последнего отрезка времени, но даже он скрыт за вуалью легенд и домыслов. Абрис истории проступает сквозь это покрывало с того момента, как пали цивилизации, процветавшие до потопа. Среди них главенствовали королевства Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Тула и Коммория. Люди, населявшие эти страны, говорили на родственных языках, что позволяет высказывать предположение об их общих предках. Существовали и другие государства, с не менее развитой цивилизацией, население которых, однако, принадлежало, очевидно, к более древним расам.

Варварами той эпохи считались пикты, населявшие группу островов далеко в западном океане; атланты, родиной которых был небольшой континент, расположенный между островами пиктов и огромным континентом Турией; и лемурийцы, считавшие своим домом цепь больших островов в Восточном полушарии.

Здесь имеется немало белых пятен. Королевства — очаги древней цивилизации,— несмотря на свое огромное влияние, занимали лишь незначительную часть планеты. Валузия была самым западным государством на континенте Турия, Грондар — самым восточным.

Еще восточнее Грондара, с менее развитым и менее цивилизованным народом, простирались дикие суровые земли, по большей части пустыни. Лишь в немногих из этих бесплодных областей, в джунглях и в горах жили разрознен-

© Перевод М. Семёновой.

ные кланы и племена примитивных туземцев. Далеко на юге находилась загадочная цивилизация, которая не имела ничего общего с культурой Турии, и, вероятнее всего, происхождение ее было дочеловеческим.

Дальневосточное побережье континента было заселено иной расой, человеческой, но тоже таинственной и не турийской, с которой время от времени вступали в контакт лемурийцы. Эти люди, скорее всего, происходили с малоизвестного безымянного континента, расположенного много восточнее лемурийских островов. Цивилизация Турии угасала, армии ее королевств состояли по большей части из наемников-варваров. Пикты, атланты и лемурийцы занимали посты полководцев, политиков и — нередко — правителей. О раздорах между отдельными государствами и войнах между Валузией и Комморией, как и о захватнических походах, с помощью которых атланты основали на континенте свое королевство, мы больше узнаем из легенд, чем из исторических описаний.

Затем мир потряс грандиозный катаклизм. Атлантида и Лемурия были поглощены океаном, а острова пиктов поднялись из вод и стали вершинами гор нового континента. Части турийского континента исчезли под волнами или сформировали во впадинах большие внутренние моря. Бурная вулканическая деятельность и страшные землетрясения превратили в ничто роскошные города. Исчезали целые народы.

Варварам пришлось несколько легче, чем цивилизованным расам. Население островов пиктов также было уничтожено, однако уцелела большая колония пиктов, перебравшаяся в горы на южной границе с Валузией, чтобы прикрывать свою родину в случае возможной агрессии. Пережило катаклизм и континентальное королевство атлантов, и тысячи сородичей континентальных атлантов прибыли туда на кораблях в поисках убежища, спасаясь из своей затонувшей страны. Множество лемурийцев бежали на восточное побережье турийского континента, которое сравнительно дешево отделалось. Но там они были порабощены древней расой, уже жившей на этом берегу, и вся их история на тысячелетия превратилась в историю беспросветного рабства.

На западной части континента благодаря изменившимся условиям жизни появились новые, необычные растения и животные. Густые джунгли покрывали равнины, широкие реки проложили себе русла к морю, поднялись крутые горы, и моря захлестнули руины древних городов на плодородных равнинах. Из затонувших областей неисчислимое множество зверей и дикарей — в том числе человекообразных обезьян — хлынуло на континентальное королевство атлантов.

Несмотря на то что атланты были вынуждены постоянно сражаться за свою жизнь, им все же удалось сохранить прежний статус достаточно развитой варварской цивилизации. Лишенные месторождений металлов, они обрабатывали камень, как их далекие предки, и уже достигли поистине удивительной ловкости и искусности, когда развивающаяся культура встретилась с могущественным народом пиктов.

Пикты тоже были отброшены к каменному веку, но во всем, что касалось политики и войны, развивались быстрее. Они были лишены творческой жилки, которая имелась у склонных к искусству атлантов. Это были толстокожие, практичные, крепкие, бесстрашные люди. Они не оставили после себя ни рисунков, ни резьбы по слоновой кости, как их враги, но зато было найдено впоследствии огромное количество на удивление хорошего каменного оружия, изготовленного

ими. Два этих государства новой каменной эры сражались друг с другом, и после ряда кровопролитных войн атланты, значительно сократившиеся в численности, впали в глубочайшее варварство; эволюция же пиктов остановилась.

Спустя пять столетий после катаклизма варварские королевства исчезли окончательно. Вместо них мы видим теперь один дикарский народ (пиктов), который ведет непрекращающиеся войны против другого дикарского народа (атлантов). Пикты имели ряд преимуществ: большую численность и единство, в то время как атланты оставались раздроблены на небольшие кланы, слабо связанные между собой. Таков был в то время запад.

На дальнем востоке, отрезанном от всего остального мира появлением гигантских гор и образованием сети озер, лемурийцы сохранялись лишь в качестве рабов под властью одной из древних рас. Далекий же юг терялся под покровом таинственности. Не затронутая катаклизмом, его история остается дочеловеческой. Из других цивилизованных народов турийского континента сохранились в невысоких горах юго-востока остатки земри — невалузийского народа.

Тут и там, рассеянные по миру, встречаются племена обезьяноподобных дикарей, которые вообще ничего не знают ни о расцвете, ни о падении древней цивилизации. На далеком севере, однако, постепенно зарождается новый род людей. Во время катаклизма кучка дикарей, развитие которых недалеко ушло от уровня неандертальцев, бежала в сторону севера, спасаясь от гибели. В странах, покрытых снегом, куда они попали, существовали, правда, уже человекообразные виды снежных обезьян — огромные косматые белые звери, рожденные суровым климатом. Дикари победили их и прогнали за Северный полярный круг, где те, как полагали пришельцы, и нашли свою смерть. Однако в действительности последнего не произошло, поскольку снежные обезьяны покорили и эту, еще более суровую, среду и вполне там процветали.

После того как пикто-атлантийские войны окончательно уничтожили то, что, возможно, привело бы к развитию новой культуры, еще один, более слабый, катаклизм изменил лик изначального континента. Он создал на месте цепи озер Внутреннее море, которое еще больше отделило восток от запада, а землетрясения, наводнения и вулканическая деятельность довершили то, что начали варвары своими межплеменными войнами.

На тысячу лет после этого западный мир превратился в дикую местность, покрытую джунглями, озерами и бурными реками. Между заросшими лесом горами северо-запада кочевали толпы человекообразных обезьян. У них не было речи, они не знали огня и не использовали орудий труда. Таковы были потомки атлантов, которые погрузились в беспорядочное животное существование обитателей джунглей, откуда их предки выбирались с таким трудом.

На юго-западе существовали рассеянные кланы пещерных жителей, у которых имелся примитивный язык. Они сохранили название — пикты, но у них это слово служило просто для наименования людей — то есть их самих, чтобы отделять себя от настоящих зверей, с которыми они сражались за жизнь и пропитание. Имя осталось единственной связью между ними и их предками. Ни одичавшие пикты, ни скатившиеся к состоянию обезьян атланты не имели никаких связей с другими племенами и народами.

Далеко на востоке лемурийцы, униженные рабством до звериного состояния, поднялись и уничтожили своих господ. Теперь среди руин странной цивили-

зации жили дикари. Те из представителей непонятной культуры, кто избежал мести своих бывших рабов, подались на запад. Они напали на загадочное дочеловеческое царство, завоевали его и навязали ему свою культуру, которая, благодаря контактам с древними расами, несколько видоизменилась. Новое королевство назвали Стигией. Остатки коренного населения жителей этой земли уцелели после завоевания и даже весьма почитались, в то время как их раса была уничтожена. Здесь и там в мире у небольших групп дикарей замечается некий прогресс, но достижения его разрозненны и беспорядочны.

На севере стали подниматься новые племена. Эти люди называли себя хайборийцами или хайбори; богом они почитали Бори — Великого Владыку, который, согласно легенде, был более могуч, чем король, выведший свой народ в северные пределы в дни великого катаклизма. О нем еще вспоминали древние саги. Эти племена распространились по всему северу и вторглись в страны, расположенные южнее. До сей поры они не имели контактов с другими расами и вели войны между собой. За пять тысяч лет сформировалось племя северных людей. Они были высокого роста, со светлыми волосами и серыми глазами. Они были воинственны, полны жизненных сил и в то же время не лишены способностей к поэзии и искусствам. Большей частью средства к существованию доставляла им охота, хотя некоторые, более южные, племена уже несколько столетий разводили скот. Но встречались и исключения из правила почти полной (до определенной поры) изоляции от остального человечества.

Один человек, который отправился в путь далеко на север, возвратился с известием, что в ледяной пустыне, почитавшейся пустой и безжизненной, обитает большое племя обезьяноподобных людей,— он клялся в этом,— отличающихся от зверей и которых их предки выгнали из менее суровой страны, захватив ее. Он настаивал на большом военном походе против человеко-зверей за полярный круг, чтобы истребить их. Эти звери — в чем он тоже поклялся — превратились в настоящих людей. Его высмеяли. Но тем не менее небольшой отряд молодых воинов в поисках приключений отправился с ним в поход. Ни один из них назад не вернулся.

Постепенно все племена хайборийцев переселялись южнее и с увеличением населения избрали именно это направление для миграций. Последующая эпоха стала эрой путешествий и завоеваний: по всему миру началось передвижение и переселение племен, и панорама постоянно менялась.

Поглядим на этот мир спустя еще пять сотен лет. Племена светловолосых хайборийцев передвинулись к югу и западу, они завоевали или уничтожили множество маленьких кланов. Благодаря тому что они смешивались с покоренными народами, потомки древних завоевателей приобрели их черты, и эти новые расы были тут же сметены с пути новыми племенами, переселявшимися в те края, мощно и равнодушно, как метла сметает мусор. При этом они снова смешались и еще сильнее слились со старыми племенами.

Но до сих пор еще захватчики не вступали в контакт с древними народами. На юго-востоке пришельцы из племен земри, которые снова поднялись и стали многочисленны благодаря притоку свежей крови от смешанных браков с аборигенами, вновь попытались создать хотя бы отголоски своей прежней древней культуры.

На западе обезьяноподобные атланты вновь начали длинное восхождение. Они давным-давно уже забыли прежнее свое бытие в качестве людей. Ничего не зная об иных стадиях развития, они начали свой путь наверх без помощи и без вдохновляющих воспоминаний.

Пикты на юге оставались дикарями и являли собой очевидную насмешку над законами природы, не развиваясь и не деградируя. Еще дальше к югу существовало древнее таинственное королевство Стигия. У ее восточных границ текли кланы диких кочевников, известных в те времена как Сыновья Шема. Соседом пиктов в большой долине Цингг, охраняемой мощными горами, был безымянный примитивный народец, который в конце концов, как предполагают, породнился с шемитами.

Еще одно обстоятельство дало новый толчок к миграции племен хайборийцев: одно из племен открыло для себя строительные возможности камня. Постепенно возникло первое хайборийское государство — суровое варварское королевство Гиперборея, началом которому послужили грубо сложенные крепости из скальных блоков, наваленных друг на друга. Их задачей было отражать нападение других племен. Люди этого племени вскоре отказались от своих палаток из лошадиных шкур и переселились в каменные дома, которые хотя и неуклюжи на вид, но зато долговечны. Защищенные таким образом, они стали сильны. Немного еще найдется событий, достойных упоминания при описании дикого королевства Гипербореи, народ которой столь внезапно отказался от кочевой жизни и начал сооружать себе жилища из камня, обнося их толстыми стенами,— раса, почти не знавшая каменного века и по чистой случайности познавшая первые основы архитектуры.

Появление этого государства вынудило к переселению многие другие племена, которые были разбиты в войне или же просто не находились в дружественных отношениях со своими родичами, проживающими в замках. Они пустились в долгое странствие, в результате которого обошли почти полсвета. И вот на северные племена напали гигантские белокурые дикари, которые по уровню своего развития недалеко ушли от обезьяны.

История последующей тысячи лет — это история возвышения хайборийцев, воинственные племена которых занимали доминирующее положение на западе. Примитивные королевства обретали форму. Светловолосые захватчики напали на пиктов и прогнали их в пустынные области запада. Потомки атлантов без всякой помощи опять доросли до стадии примитивного варварства, но еще не вступали в контакт с хайборийцами.

Далеко на востоке появилась своеобразная, странная полуцивилизация лемурийцев. На юге хайборийцы основали королевство Коф на границе с пустынями, известными как Страна Шема, и дикари этой страны уже поднялись над стадией варварства — частично благодаря связям с хайборийцами, частично же благодаря стигийцам, которых они грабили на протяжении столетий. Белокурые дикари дальнего севера возросли и численностью, и силой, так что северные хайборийские племена вынужденно переселились южнее. Старое королевство Гиперборея было одним из этих северных племен, однако сохранило свое прежнее название.

К юго-востоку от Гипербореи появилось королевство народа земри, названное Заморой. На юго-востоке одно из племен пиктов вторглось в плодородную

долину Цингга, подчинило себе местный народ, занимающийся сельским хозяйством, и осталось жить среди него. Это смешанное племя позднее завоевал соседний род хайборийцев, и из нового сплава народов выросло королевство Цингара, или Зингара.

Окончательно государства сформировались еще пятьсот лет спустя. Царства хайборийцев — Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Коф, Офир, Аргос, Коринфия и еще одно, которое именовали Пограничным,— владычествовали над западным миром. Замора лежит к востоку, а Зингара — к юго-западу от этих государств. Народы двух царств, сходные между собой смуглой кожей и экзотическими обычаями, не являлись, однако, родственными.

Далеко на юге раскинулась Стигия, еще не затронутая чужеземной агрессией. Жители Шема уже сбросили стигийское иго, чтобы променять его на менее жестокую зависимость от Кофа. Темные владыки гнали их южнее великих потоков Стикса, которые вытекают из окутанных покровом тайны Нижних Стран, образуют множество петель и изгибов и исчезают в песках Шема, чтобы донести свои воды до моря. Севернее Аквилонии, самого западного из хайборийских государств, жили киммерийцы, дикие варвары, которых завоеватели не сумели себе подчинить, но которые, однако, благодаря столкновениям с ними очень быстро развились. Это были потомки атлантов, эволюция которых прогрессировала куда стремительнее, чем у их древних врагов, пиктов, продолжавших жить в дикости западнее Аквилонии.

В последующие пятьсот лет хайборийские народы создали такую мощную цивилизацию, что одно только знакомство с ней освобождало дикие племена из оков примитивности. Самым могущественным было королевство Аквилония, но остальные вполне могли соперничать с ним в силе и великолепии. Хайборийцы были на удивление неоднородной расой. На первоначальную основу их рода наложились впоследствии черты гандерландцев — племени из Гандерланда, северной провинции Аквилонии. Это, однако, не ослабило род хайборийцев. Они по-прежнему доминировали в западном мире, несмотря на возвышение варваров пустынных земель.

На севере золотоволосые, голубоглазые варвары, потомки белых арктических дикарей, выгнали из снежных стран остатки хайборийских племен, за исключением старого королевства Гиперборея, которое сумело противостоять их натиску. Их страна называлась Нордхейм, и они делились на рыжеволосых ваниров из Ванахейма и желтоволосых асиров из Асгарда.

На сцене истории вновь появляются лемурийцы — под именем гирканцев. Столетиями пробивались они к западу, и теперь одно из их племен обосновалось на южных берегах большого внутреннего моря Вилайет и основало там королевство Туран.

Между морем Вилайет и восточной границей с другими королевствами простираются необозримые степи, а с севера и юга — пустыни. Негирканские обитатели этих областей раздроблены и ведут кочевой образ жизни без каких-либо племенных союзов. На юге они связаны с шемитами, и лишь изредка встречаются следы хайборийской крови. Ближе к концу описываемого периода и другие гирканские племена вторглись к западу от северного побережья Внутреннего моря и столкнулись там с восточными пограничными постами гиперборейцев.

Бросим беглый взгляд на другие народности той эпохи. Преобладающие среди населения Земли хайборийцы внешне не являются больше светловолосыми и сероглазыми. Они смешались с другими расами. Люди из Кофа и — в меньшей степени — также из Аргоса имеют отчетливо узнаваемые шемитские и даже стигийские черты. Аргосцы имеют также признаки близкого смешения с зингарийцами. Восточные британцы завязали связи с темнокожими заморийцами, а люди из южной Аквилонии — с коричневыми зингарийцами, вплоть до того, что в южной провинции этой страны преобладают черные волосы и карие глаза.

Старое королевство Гиперборея, несмотря на свою изоляцию, также добавило немало чужеземной крови в свои жилы благодаря обычаю похищать женщин из других племен — гирканок, асиянок, замориек. Только в провинции Гандерланд, где не было рабства, род хайборийцев до сих пор сохранился в чистоте.

Варвары же оставались неизменными: киммерийцы высоки ростом, сильны, у них темные волосы и синие или серые глаза. Люди из Нордхейма сходны с ними фигурой, но кожа у них более светлая, глаза голубые и волосы рыжие или белокурые. Пикты также остались тем типом людей, который всегда их характеризовал: невысокого роста, очень смуглые, черноглазые и черноволосые.

Гирканцы — смуглые люди и по большей части рослые и стройные, хотя постепенно в их среде появились люди приземистые, с миндалевидными глазами. Это случилось благодаря смешению со странным племенем умных низкорослых туземцев, которые обитали в горах восточнее озера Вилайет и были покорены гирканцами во время их миграции на запад.

Шемиты чаще всего среднего роста, однако в тех случаях, когда преобладала стигийская кровь, бывали огромны, широкоплечи, крепко сбиты, темноглазы, с иссиня-черными волосами и горбатыми носами.

Стигийцы высоки, темны, у них тонкие черты лица — то есть к этому типу относятся представители стигийской аристократии. Низшие касты произошли от смешения негроидной, стигийской, шемитской и даже хайборийской крови. Южнее Стигии находятся могущественные черные царства амазонок, кушитов, атлантов и гибридное государство Зембабве.

Между Аквилонией и местом обитания дикарей-пиктов находится плодородная Боссонская низменность, где живут потомки туземной расы, которые к началу хайборийской миграции были покорены одним из племен хайборийцев. Этот смешанный народ никогда не достигал того уровня цивилизации, который характерен для чистокровных хайборийцев, и последним отправился на самые окраины цивилизованного мира.

Боссонцы среднего телосложения, у них не очень смуглая кожа, карие или серые глаза. Они занимаются большей частью земледелием, живут в больших деревнях под защитой стен и считаются подданными Аквилонии. Их низменная равнина простирается от внешнего королевства на севере до Зингары на юго-западе и образует нечто вроде буфера между Аквилонией и киммерийцами, а также и пиктами. Они отважные защитники, а столетия ведения войн против варваров севера и запада научили их обороне, которую не способно сломить ни одно прямое нападение.

Таким был мир во времена киммерийца Конана.

Пятьсот лет спустя (то есть после правления Конана Великого) хайборийская цивилизация исчезла с лица земли. Ее падение было уникально в том смысле, что вызвал его не внутренний распад, а лишь растущая мощь варваров и гирканцев. Эти-то народы и уничтожили хайборийскую культуру на самом пике ее расцвета.

Впрочем, одной из причин — хоть и косвенных — падения древней цивилизации стала жадность королей Аквилонии. Они без конца воевали с соседями, стараясь расширить границы своей империи. Зингара, Аргос и Офир были открыто аннексированы, а с ними и западные города Шема, которые, как и их восточные собратья, только что сбросили ярмо Кофа. Сам же Коф вкупе с Коринфией и племенами восточного Шема был принужден платить Аквилонии дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между Аквилонией и Гипербореей: эта последняя двинула свои войска навстречу армиям западного соседа-соперника. Равнины Пограничного королевства стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни, и победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем Немедия, столетиями успешно противостоявшая западному королевству, вовлекла Британию, Замору и — втайне — Коф в союз, поставивший своей целью сокрушить разраставшуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объявился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Туранские всадники, усиленные искателями приключений с восточного побережья моря Вилайет, пронеслись через Замору и опустошили восточную Коринфию. Однако на равнинах Британии их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах Немедия держала оборону. От случая к случаю ей помогали Британия, Гиперборея и — как всегда тайно — Коф.

Разгром гирканцев показал всему миру истинную мощь западного королевства, чьи великолепные армии усиливались наемниками, многие из которых были набраны из чужеземцев — в Зингаре, а также среди варваров — пиктов и шемитов.

Вскоре у гирканцев отвоевали Замору, но ее народ обнаружил, что восточные хозяева попросту сменились западными, и все. В Заморе расквартировали аквилонских воинов — не столько ради защиты разоренной страны, сколько для удержания жителей в покорности. Гирканцам, однако, урок пошел не впрок. Еще трижды обрушивались нашествия на границы Заморы и земли Шема, и трижды их отбрасывали аквилонцы,— хотя туранские армии разрастались все это время, питаемые полчищами закованных в сталь всадников, что прибывали и прибывали с востока, двигаясь вдоль южного побережья Внутреннего моря. Сила, которой суждено было сбросить с тронов королей Аквилонии, возрастала на западе, а не на востоке.

Вдоль киммерийских границ шли бесконечные стычки между черноволосыми воинами этой страны и воителями северных стран. Жители Асгарда использовали передышки в войнах с Ванахеймом для нападений на Гиперборею, все дальше отодвигая границу и уничтожая город за городом. Киммерийцы без разбора дрались также с пиктами и боссонцами и время от времени вторгались

в саму Аквилонию,— но это были не завоевательные войны, скорее просто грабительские набеги.

А вот в Пиктских пустошах удивительным образом росли и население, и военная мощь. По странному капризу судьбы пикты вступили на путь создания собственной империи в результате усилий всего одного человека, и притом чужеплеменника. Этим человеком был Арус, немедийский священнослужитель и прирожденный реформатор. Что именно заставило его обратить внимание на пиктов, нам в точности не известно, однако история свидетельствует: однажды он решился отправиться в дебри Запада и смягчить жестокие нравы язычников, разъясняя и вводя в тех местах кроткий культ Митры. Аруса не устрашили даже жуткие истории о том, что случалось с путешественниками и торговцами, дерзнувшими отправиться туда прежде. И судьба ему улыбнулась: одинокий и безоружный, он достиг-таки народа, к которому стремился, и не был тотчас заколот копьями, как ему предрекали.

Контакты с хайборийской цивилизацией всегда были благодетельными для пиктов, несмотря на то что пикты яростно сопротивлялись этим контактам. В частности, они научились изготавливать грубые поделки из меди и олова. Их собственная страна не богата металлом, и ради олова, например, они устраивали набеги в горы Зингары либо выменивали его на шкуры, китовый ус, моржовый клык и прочие немногие вещи, которыми торгуют дикари. Кроме того, пикты перестали довольствоваться пещерами и убежищами на деревьях: теперь они жили в шатрах и неуклюжих домиках, выстроенных в подражание боссонским. Кормились по-прежнему охотой, ибо их родные леса так и кишели разнообразнейшей дичью, а реки и море — рыбой. Хотя они и научились выращивать хлеб, сеяли его от случая к случаю, предпочитая воровать зерно у соседей — зингарцев и боссонцев. Пикты жили кланами, большей частью враждовавшими друг с другом. Их законы были просты и весьма кровожадны. И совершенно необъяснимы с точки зрения цивилизованного человека, вроде Аруса из Немедии. Пикты не поддерживали непосредственных контактов с хайборийцами, поскольку боссонцы расположились между ними наподобие буфера; тем не менее Арус счел, что они были способны к развитию, и последующие события подтвердили правоту его умозаключения,— хотя и не таким образом, как хотелось бы ему самому.

...Арусу повезло: судьба столкнула его с вождем, которого природа одарила необычайно ясным умом. Звали его Горм. Современному человеку понять Горма столь же трудно, как Чингисхана, Османа, Аттилу или иных, рожденных в дикой стране среди необразованных варваров и тем не менее наделенных духом завоевания и основания империй...

Арус сумел объясниться с вождем на ломаном боссонском, поясняя ему цель своего путешествия. Весьма озадаченный, Горм все же позволил ему избегнуть расправы и жить среди племени — едва ли не впервые за всю историю своего народа. Изучив язык, Арус взялся за дело, стараясь отменить хотя бы самые лютые обычаи пиктов: человеческие жертвоприношения, кровную месть и сожжение пленников живыми. Он обращался к Горму с пламенными речами — и обрел в нем заинтересованного, пусть и невосприимчивого слушателя. Воображение живо рисует нам эту сцену: черноволосый вождь, облаченный в тигровую шкуру и ожерелье из человеческих зубов, сидит на корточках на земля-

ном полу хижины с плетеными стенами, сосредоточенно внимая красноречию жреца. А жрец, облаченный в шелковые одеяния немедийского священнослужителя, усаженный на раздобытую ради него резную, укрытую мехами колоду красного дерева, жестикулирует изящными белыми руками, излагая вечные истины и законы — учение Митры...

Вне сомнения, Арус с укором указывал вождю на ряды черепов, украшавшие стены хижины, и призывал Горма прощать своих врагов, вместо того чтобы таким образом поступать с их выбеленными временем костями. Арус являлся достойнейшим представителем народа, чей врожденный артистизм был отточен столетиями цивилизованной жизни. За Гормом же стояло сто тысяч лет необузданной дикости. Поступь тигра преобладала в его бесшумной походке, хватка гориллы — в хватке его рук с черными от въевшейся грязи ногтями, и во взгляде его горел тот же огонь, что светится в глазах леопарда.

Арус был человеком практичным. Он постарался заинтересовать дикаря соображениями материальной выгоды. Повествуя о величии Митры, он красочно описывал мощь и роскошь хайборийских королевств,— ибо что, если не труды и учение Митры, возвышало их и утверждало во славе? Он рассказывал Горму о городах и плодородных равнинах, о мраморных стенах и железных колесницах, о башнях, увенчанных драгоценными камнями, и о всадниках в сверкающей броне, мчащихся в битву. А Горм, ведомый безошибочным инстинктом варвара, пропускал мимо ушей все, что касалось богов и их учений, и жадно вбирал рассказы о земном могуществе, столь живо описанном чужаком. И вот таким образом в жалкой лачуге с плетеными стенами и земляным полом, где на колоде красного дерева сидел жрец в шелковых одеяниях, а перед ним — смуглокожий вождь в тигровых шкурах,— вот таким образом и именно там был заложен первый камень в основание империи.

Как уже говорилось, Арус слыл человеком практичным. Живя среди пиктов, он обнаружил множество способов, коими образованная личность может облагодетельствовать человечество — хотя бы это человечество было облачено в тигровые шкуры и носило ожерелья из зубов своих собратьев. Как и все жрецы Митры, он был исполнен разнообразных познаний. Так, он обнаружил под пиктскими холмами обширные залежи железной руды и научил дикарей добывать ее, плавить железо и ковать из него разнообразные орудия в счастливой надежде, что это будут орудия пахоты и жатвы. Пикты обязаны Арусу и иными нововведениями, главнейшими же его делами стали следующие. Он заронил в душу Горма желание повидать страны цивилизованного мира; он обучил пиктов ковке железа; и наконец, он впервые установил контакт между ними и цивилизацией. По просьбе вождя он вывел его и сколько-то его воинов через Боссонские топи во внешний блистающий мир, где на них изумленно уставились честные поселяне.

Без сомнения, Арус считал, что успешно обращает пиктов в свою веру, ибо они слушали с интересом, не торопясь рубить его медными топорами. Наивно было, однако, рассчитывать, будто пикты с охотой примут учение, предписывавшее им прощать своих врагов, и променяют тропу войны на честную жизнь, исполненную тяжкой повседневной работы. Мы уже знаем, пикту была чужда артистическая утонченность, самая натура его требовала войны и кровопролития. Внимая рассказам жреца о величии и славе цивилизованных народов, мед-

нокожие слушатели задумывались не о догмах его религии, но о той добыче, которую они могли бы взять в описываемых им богатых городах и блещущих странах. Когда он рассказывал им, как Митра помог тому или иному королю опрокинуть врагов, они меньше всего обращали внимания на чудеса Митры, внимательно вслушиваясь в описания боевых порядков, доспехов рыцарей, маневров лучников и копейщиков. Пикты внимали жрецу, и их темные глаза были зорки, а лица — непроницаемы. Они делали, что считали нужным, и не очень об этом распространялись. Арусу поистине льстил тот напряженный интерес, с которым они принимали его наставления касательно выплавки железа и сродных с этим искусств.

До его пришествия они крали стальное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и сами пробовали выделывать грубое оружие из меди и бронзы. Теперь им поистине открылся новый мир — спустя очень малое время по всей стране эхом разносился звон молотов о наковальни. А Горм, пользуясь вновь приобретенным искусством, начал постепенно распространять свою власть на соседние кланы, прибирая их к рукам — кого силой, кого хитростью и дипломатией. И надо отметить, по части дипломатии среди варваров ему не было равных.

Снабженные охранным свидетельством, пикты теперь свободно путешествовали в Аквилонию и назад. И, возвращаясь, доставляли все новые сведения о выделке доспехов и ковке мечей. Более того: они вступали в наемные армии Аквилонии, вызывая не поддающееся описанию отвращение у храбрых боссонцев. Аквилонские короли подумывали стравить пиктов с киммерийцами и тем самым, вполне вероятно, уничтожить угрозу, исходившую от обоих народов. Но они были слишком заняты своей захватнической политикой на юге и востоке, чтобы всерьез обращать внимание на малоизвестные земли запада, откуда являлись все новые коренастые воины и нанимались на службу.

Отслужив, эти воины возвращались в родные чащобы, принося с собой добротные познания о воинском искусстве цивилизованных стран — и презрение к цивилизации, неизбежно порождаемое близким знакомством с нею. И вот в пиктских холмах забили барабаны, с высоких вершин потянулся дым сигнальных костров, между тем в тысячах кузниц ковали и ковали сталь полудикие кузнецы.

Тем временем вооруженные налеты и интриги — слишком хитроумные и разнообразные, чтобы пытаться хоть кратко перечислить их здесь,— сделали Горма верховным вождем и приблизили его власть к королевской в большей степени, чем это бывало у пиктов в течение тысячелетий. Он ждал долго, он был уже немолод; но пришло время, и он двинулся к границам — и не с торговлей, но с войной.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку, осознав, что так и не сумел достучаться до души дикаря, где таилась копившаяся веками необузданная свирепость. Все его убедительное красноречие нисколько не потревожило сознание пиктов. Горм теперь носил вместо тигровых шкур посеребренную кольчугу, но внутренне он оставался прежним — вечный варвар, которому нет дела до теологии и философии, варвар, чьи инстинкты неизбежно сосредоточены на насилии и войне.

Огнем и мечом проломили пикты границу Боссонии... Вместо вчерашней толпы в тигровых шкурах, размахивавшей медными топорами, в бой шли вои-

ны в чешуйчатой броне, с острым стальным оружием в руках. Что же до Аруса — какой-то пьяный пикт раскроил ему череп, как раз когда тот пытался исправить невольные плоды своих трудов. Горм, впрочем, не остался неблагодарным. По его приказу могильный холм жреца увенчали черепом его убийцы.

Мрачная ирония судьбы: столь варварского украшения удостоились камни, скрывавшие тело Аруса — человека, которому насилие и кровная месть были противны более всего на свете...

И все-таки нового оружия и кольчуг оказалось недостаточно для скорой победы. Еще долгие годы мужество боссонцев и их превосходство в вооружении, а также помощь имперских войск Аквилонии сдерживали нашествие. Тем временем приходили и уходили гирканцы, а к империи была присоединена Замора...

Однако потом неожиданная измена расстроила сопротивление боссонцев. Но прежде чем перейти к ее описанию, уместно хотя бы вкратце обозреть Аквилонскую империю. Аквилония всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь. Впрочем, вырождение еще не успело коснуться ни королей, ни народа. Разодетые в шелка и золотую парчу, они оставались расой мужественной и жизнеспособной. Вот только прежнюю простоту нравов сменило высокомерие. Все с большим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных все более тяжелыми данями. С Аргосом, Зингарой, Офиром, Заморой и шемитскими странами обращались как с порабощенными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то что восстания подавлялись, и подавлялись жестоко.

Коф практически подчинялся Аквилонии, находясь под ее «защитой» от гирканцев. Но вот Немедию западной империи покорить так и не удалось, хотя все победы немедийцев были чисто оборонительного свойства и одерживались с помощью армии Гипербореи. Единственными на тот период неудачами империи стали провал попыток присоединить Немедию и разгром одной из армий, посланных в Асгард. Как гирканцы оказались неспособны противостоять ударам тяжелой кавалерии аквилонцев, так и эти последние, вступив в заснеженные края, не устояли в рукопашной перед яростью северян. Однако завоевания Аквилонии большей частью направлялись в сторону Нилуса (или, иначе, Стикса): в кровавом бою пала армия Стигии, а стигийский король был принужден — хотя бы единовременно — откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия. Бритуния была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, последовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага — Немедию.

Уже двинулись вперед сверкающие доспехами армии, многократно усиленные наемниками, казалось, их натиску суждено было превратить независимость Немедии в воспоминания. Но как раз тут и разгорелась свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами.

Расширение империи с неизбежностью привело к тому, что аквилонцы сделались заносчивы и нетерпимы. Они взяли привычку осмеивать более простодушных и безыскусных боссонцев, и между ними родилась обоюдная нелюбовь. Аквилонцы презирали боссонцев, и тех возмущало подобное обращение с ними хозяев, ибо теперь те в открытую называли себя таковыми и поступали с бос-

сонцами, точно с завоеванными подданными, устанавливая непомерные налоги и заставляя участвовать в своих захватнических войнах — войнах, от которых боссонцы не имели почти никаких выгод. В результате в Боссонии едва-едва хватало воинов для охраны границ. Вот и вышло так, что, прослышав о зверствах, чинимых на их родине пиктами, целые отряды боссонцев ушли с немедийской войны и быстрым маршем переправились на западные границы, где они дали смуглокожим захватчикам большое сражение и отогнали их прочь.

Случилось, однако, что уход боссонцев послужил непосредственной причиной поражения, нанесенного аквилонцам немедийцами, отчаянно защищавшими свой дом. Что, в свою очередь, навлекло на боссонцев жестокий гнев тогдашних императоров, нетерпимых и близоруких, как, впрочем, и все вообще императоры. Аквилонские полки были тайно стянуты к границам Боссонских Пределов. Местных вождей пригласили поприсутствовать на великом совете; и под видом намечаемой экспедиции против пиктов отряды свирепых шемитских воинов были размещены среди ничего не подозревавших поселян. Безоружных вождей предательски перебили, шемиты накинулись на их ошеломленные войска с факелами и саблями, а закованные в железо имперские полки обрушились на мирный народ. Страна захлебнулась в крови. Уйдя наконец от границ, аквилонские армии оставили после себя опустошение и разгром...

И вот тогда-то, никем более не сдерживаемые, через лишенную защиты границу в полную мощь ринулись пикты. И это был не набег, а лишь согласованное движение целого народа, движение, ведомое вождями, служившими в аквилонских войсках, движение, задуманное и направляемое Гормом. Горм сильно постарел, но его яростное стремление к цели с годами ничуть не притупилось. И на сей раз на их пути не было крепких деревень, окруженных стенами и населенных бесстрашными лучниками, способными сдерживать вражеское нашествие до подхода имперских войск. Остатки боссонцев были вмиг сметены, и прежде, нежели могли быть переброшены на запад имперские легионы, вновь занятые войной с немедийцами, обезумевшие от крови варвары вломились в Аквилонию, грабя и сметая все на своем пути. Зингара тотчас воспользовалась возможностью и скинула ярмо, и ее примеру не замедлили последовать Коринфия и Шем. Многочисленные отряды наемников и вассалов поднимали бунт и уходили назад в родные пределы и, конечно, опять-таки жгли и грабили по дороге. Пикты же неостановимо двигались на восток, втаптывая в землю войско за войском. Аквилонцы, лишившиеся поддержки боссонских лучников, мало что могли противопоставить ливню стрел, который обрушивали на них варвары. Со всех концов империи отзывались легионы и направлялись навстречу нашествию, между тем как из западных дебрей накатывала орда за ордой, и казалось, что их источник неиссякаем. И тут, посреди воцарившегося хаоса, на равнину со своих гор хлынули киммерийцы — и довершили разгром. Они грабили города, опустошали страну и возвращались в горы с добычей. Пикты, напротив, занимали захваченные земли. Вот так, в огне и крови, рухнула Аквилонская империя...

В это время из голубых далей Востока опять явились гирканцы: отвод имперских легионов из Заморы побудил их к решительным действиям. Замора уступала их натиску, сделавшись легкой добычей, и в самом большом из захваченных городов гирканский король устроил свою столицу. Та волна завоевателей

явилась из старинного гирканского королевства Турана, расположенного на берегах Внутреннего моря; однако с севера двигалась еще одна орда, и притом более опасная. Всадники, закованные в сталь, миновали северную оконечность моря Вилайет, промчались по западным пустыням, внедрились в степи и, гоня перед собою туземцев, обрушились наконец на западные королевства. Эти новоприбывшие на первых порах отнюдь не считали туранцев своими союзниками, но, напротив, дрались с ними точно так же, как и с хайборийцами. Вот так кишели и резались между собой волны восточных воителей, покуда всех их не объединил под своей властью великий вождь, явившийся с самого побережья Восточного океана. Аквилонской армии, могущей воспротивиться, более не существовало, и завоеватели не ведали поражений. Они наводнили и поработили Бритунию, разорили южную Гиперборею и Коринфию. Они ворвались в Киммерийские горы, гоня черноволосых варваров прочь; но там, в горах, где кавалерия не могла действовать в полную силу, киммерийцы встали насмерть — и лишь беспорядочное отступление, довершившее день кровавой битвы, спасло гирканское войско от полного уничтожения.

А покуда происходили все эти события, королевства Шема покорили своего прежнего хозяина — Коф, но потерпели поражение при попытке вторгнуться в Стигию. И едва успели шемиты управиться с разорением Кофа, как на них самих налетели гирканцы — и оказались правителями пожестче, чем когда-либо были хайборийцы. Тем временем пикты сделались полными хозяевами Аквилонии, практически поглотив прежнее население. Когда же они перешли границу Зингары, тысячи зингарцев, спасаясь от резни, хлынули в Аргос и там сдались на милость двигавшихся к западу гирканцев, которые и поселили их в Заморе как своих подданных. Следом за зингарскими беглецами в Аргос вошли завоеватели-пикты, и страну объял кровавый кошмар. Потом пикты вступили в Офир и столкнулись там с гирканцами: эти последние, захватив Шем, разбили на берегах Нилуса стигийскую армию и продвинулись на юг вплоть до Черных Королевств Амазонии, а тысячи пленников, приведенных оттуда, расселили между шемитскими племенами. Если бы не яростный натиск пиктов, сдерживавших их на западе, гирканцы, вероятно, довершили бы покорение Стигии и присоединили ее к своей растущей империи.

Немедия, в свое время так и не уступившая хайборийцам, едва держалась, зажатая между владыками востока и меченосцами запада, пока с севера не пришло племя асиров, покинувших свою занесенную снегом страну. Придя в королевство, асиры подались в наемники — и оказались необычайно умелыми воинами: не только отбросили прочь гирканцев, но и сумели остановить натиск пиктов, все еще двигавшихся на восток.

Удивительное зрелище являл собой тогдашний мир. Громадная, дикая, варварская империя пиктов простиралась от берегов Ванахейма на севере до южных побережий Зингары. В восточном же направлении она включала всю Аквилонию, кроме самой северной провинции — Гандерланда, расположенного в горах. Гандерланд пережил падение империи и, став самостоятельным королевством, все еще сохранял независимость. Пиктская империя включала также Аргос, Офир, западные земли Кофа и Шема.

Империи варваров противостояла империя гирканцев. На севере ее лежали разоренные границы Гипербореи, а на юге — пустыни к югу от Шема. В импе-

рию гирканцев входили Замора, Бритуния, Пограничное королевство, большая часть Кофа и весь восточный Шем.

Границы Киммерии остались нетронутыми. Ни пикты, ни гирканцы не сумели сломить воинственных варваров. Немедия, где верховодили наемники-асы, тоже успешно противостояла нашествиям. Таким образом, Киммерия, Немедия и северные страны до некоторой степени разделяли два народа-завоевателя, зато Коф превратился в арену непрекращавшейся битвы между пиктами и гирканцами. Порою восточным воителям удавалось очистить от варваров все королевство; но проходило некоторое время — города и веси вновь оказывались в руках западных пришельцев. На далеком юге Стигия, потрясенная гирканским вторжением, страдала от бесконечных нашествий из Черных Королевств. А на дальнем севере не ведали покоя нордические племена, то и дело сражавшиеся с киммерийцами и сами тревожившие границы Гипербореи...

Горм пал от руки Хьяльмара, вождя немедийских асиров. Горму к тому времени исполнилось уже чуть не сто лет. С тех пор как из уст Аруса он впервые услышал слово «империя», минуло семьдесят пять лет: долгий срок в жизни отдельного человека, но в истории народов — краткий миг. За это время Горм сколотил из бродячих дикарских кланов империю и опрокинул цивилизацию. Родившийся в мазанке под соломенной крышей, под старость он сиживал на золотых тронах и угощался говядиной с золотых блюд, что подносили ему нагие рабыни — дочери свергнутых королей. Ни завоевания, ни приобретенное богатство не изменили пикта; из руин разграбленной цивилизации, как феникс, восстала новая культура. Смуглые руки, уничтожившие искусство побежденных, никогда не пытались ему подражать. Сидя в роскошных руинах поверженных дворцов и облачив свое закаленное тело в шелка, сдернутые с низложенных королей, пикт остался вечным варваром — свирепым, примитивным, озабоченным лишь основными жизненными потребностями. Он не менялся сам и не изменял своим первобытным инстинктам, призывавшим его к грабежу и войне; в его мире не было места ни для искусств, ни для культурного развития человечества...

А вот асиры, обосновавшиеся в Немедии, оказались не таковы. Вскорости они многое восприняли от своих цивилизованных союзников — но и сами, будучи обладателями чужой и очень жизнеспособной культуры, многое изменили и привнесли.

Последовал недолгий период, в течение которого гирканцы и пикты грызлись друг с другом на развалинах покоренного ими мира. Но потом начались оледенения и великое переселение нордических племен. Северные народы отступали перед надвигавшимися ледниками, выталкивая родственные кланы дальше на юг. Асиры заняли древнее королевство Гиперборею и, перебравшись через его руины, вплотную сошлись с гирканцами. Немедия к тому времени вполне уже превратилась в нордическую державу; правили в ней потомки асиров-наемников. Под напором выходцев с севера снялись с насиженных мест киммерийцы, и ни армии, ни укрепленные города не могли им противостоять. Они наводнили и смели королевство Гандерланд и двинулись через древнюю Аквилонию, неудержимо прорубая себе путь сквозь пиктские орды. Они разбили немедийцев и разграбили некоторые их города, но не остановились. Опрокинув на границах Британии гирканскую армию, они продвигались все дальше на восток.

А позади них, наводняя все новые страны, двигались орды асиров и ваниров, и пиктская империя содрогалась от их ударов. Немедия была повержена, и полуцивилизованные северяне бежали от своих более диких соплеменников. Покинутые города Немедии лежали в руинах. Беженцы-северяне (унаследовавшие имя прежнего королевства, так что термин «немедийцы» далее подразумевает именно их) вошли в древние земли Кофа, изгнали оттуда и гирканцев, и пиктов и помогли народу Шема скинуть гирканское ярмо. По всему западному миру власть гирканцев и пиктов трещала под напором более молодого, свирепого народа. Отряд асиров изгнал восточных всадников из Британии и сам обосновался в этой стране, приняв ее имя. А северяне, завоевавшие Гиперборею, так яростно наседали на своих восточных врагов, что эти смуглокожие потомки жителей Лемурии, неудержимо выталкиваемые в сторону моря Вилайет, отступили назад в степи.

Тем временем киммерийцы, мигрируя к юго-востоку, уничтожили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западных берегах Внутреннего моря. Итак, мощь восточных завоевателей оказалась сломлена. Не способные более противостоять натиску киммерийцев и северян, при отступлении они разрушили все свои города, перебили пленных, которым не по силам были дальние переходы, а затем, гоня перед собою тысячи рабов, удалились назад в таинственные пределы Востока. Обогнув северную оконечность моря Вилайет, они исчезли из истории Запада на долгие тысячелетия, чтобы много позже вновь появиться под именем гуннов, монголов, татар и турок. Вместе с ними ушли тысячи зингарцев и заморийцев, которые затем бок о бок осели далеко на востоке и, смешиваясь в течение веков, положили начало новому народу цыган.

Одновременно с этим племя отчаянных ваниров просочилось на юг вдоль пиктского побережья. Опустошив древнюю Зингару, они добрались до Стигии, которая, изнемогая под властью аристократов, едва выдерживала удары с юга, где лежали Черные Королевства. Рыжеволосые ваниры возглавили восстание рабов, сбросили дотоле правивший класс и сами составили касту завоевателей. Они поработили самые северные из Черных Королевств и положили начало огромной южной империи, названной ими Египтом. Ранние фараоны этой страны гордились своим происхождением от рыжеволосых ваниров, явившихся с севера.

Таким образом, северные варвары верховодили уже повсюду в западном мире. Пикты все еще удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента. Но восточнее, до самого Вилайета, от полярного круга до страны Шем, единственными обитателями были кочевые нордические племена — за вычетом киммерийцев, обосновавшихся в прежнем королевстве Туран. Городов не осталось нигде, кроме Шема и Стигии: волны завоевателей — пиктов, гирканцев, киммерийцев — сровняли все их с землей, а доминировавшие некогда хайборийцы вовсе исчезли, едва успев влить свою кровь в жилы новых народов. Язык варваров сохранил некоторые названия земель и племен, и они пережили столетия, постепенно обрастая путаными легендами и сказаниями — покамест вся история Хайборийской эры не покрылась прочной паутиной вымысла и мифа. Так, в речи цыган сохранились названия Зингары и Заморы; асиры, подчинившие Немедию, прозвались немедийцами, и это имя фигурировало

впоследствии в ирландской истории; северяне же, осевшие в Британии, были позже названы бритунцами, британами и, наконец, бриттами.

Единой, сплоченной Нордической империи не существовало. Каждое племя по-прежнему возглавлял вождь или король, и яростная вражда меж племенами не прекращалась. К чему могло все это в конце концов привести — осталось неизвестно. Ибо новая чудовищная судорога Земли, породившая современные очертания земель и морей, обратила все в хаос. Громадные участки западного побережья погрузились в воду. Ванахейм и западный Асгард — уже сотни лет к тому времени безлюдные и покрытые ледниками — исчезли в морских волнах. Океан ворвался в горы западной Киммерии, образовав современное Северное море. Полузатопленные горы превратились в острова, позже известные как Англия, Шотландия и Ирландия. Волны перекатывались там, где прежде шумели пустоши пиктов и расстилались Боссонские Пределы. На севере образовалось Балтийское море, разделившее Асгард на полуострова, получившие названия Норвегии, Швеции и Дании. А на далеком юге стигийский континент откололся от остального мира, причем линия разлома пролегла по реке Нилус в ее западном течении. Над Аргосом, западным Кофом и западными землями Шема плескался голубой залив океана, которому позже люди дали наименование Средиземного моря. Однако погружение происходило не всюду. Западнее Стигии из моря поднялась обширная суша, составившая западную половину африканского континента.

Вздыбившаяся земля воздвигла громадные горные цепи в центральной части северного континента. При этом погибли целые племена северян, а уцелевшие отступили к востоку. Однако территория вокруг медленно высыхавшего Внутреннего моря была вовсе не затронута катаклизмом, и там, на западных берегах, нордические племена мирно занимались скотоводством, более или менее уживаясь с киммерийскими соседями и постепенно смешиваясь с ними. На западе остатки пиктов, отброшенные катастрофой назад в каменный век, вновь начали распространяться, являя невероятную жизнеспособность своей расы, пока, в позднейшую эпоху, их не опрокинула западная миграция киммерийцев и северян. Но это случилось спустя столь долгое время после катаклизма, что о прежних империях повествовали только смутные, лишенные смысла легенды.

Эта последняя миграция стала уже достоянием письменной истории, и ее события нет нужды заново излагать. Причиной же, вызвавшей ее, был рост населения. Степи к западу от Внутреннего моря, которое, сильно усохшее, в последующие эпохи было известно как Каспийское, оказались перенаселены в такой мере, что миграция сделалась экономической необходимостью. Племена двинулись на юг, на север и на запад — в земли, называемые теперь Индией, Малой Азией, Центральной и Западной Европой.

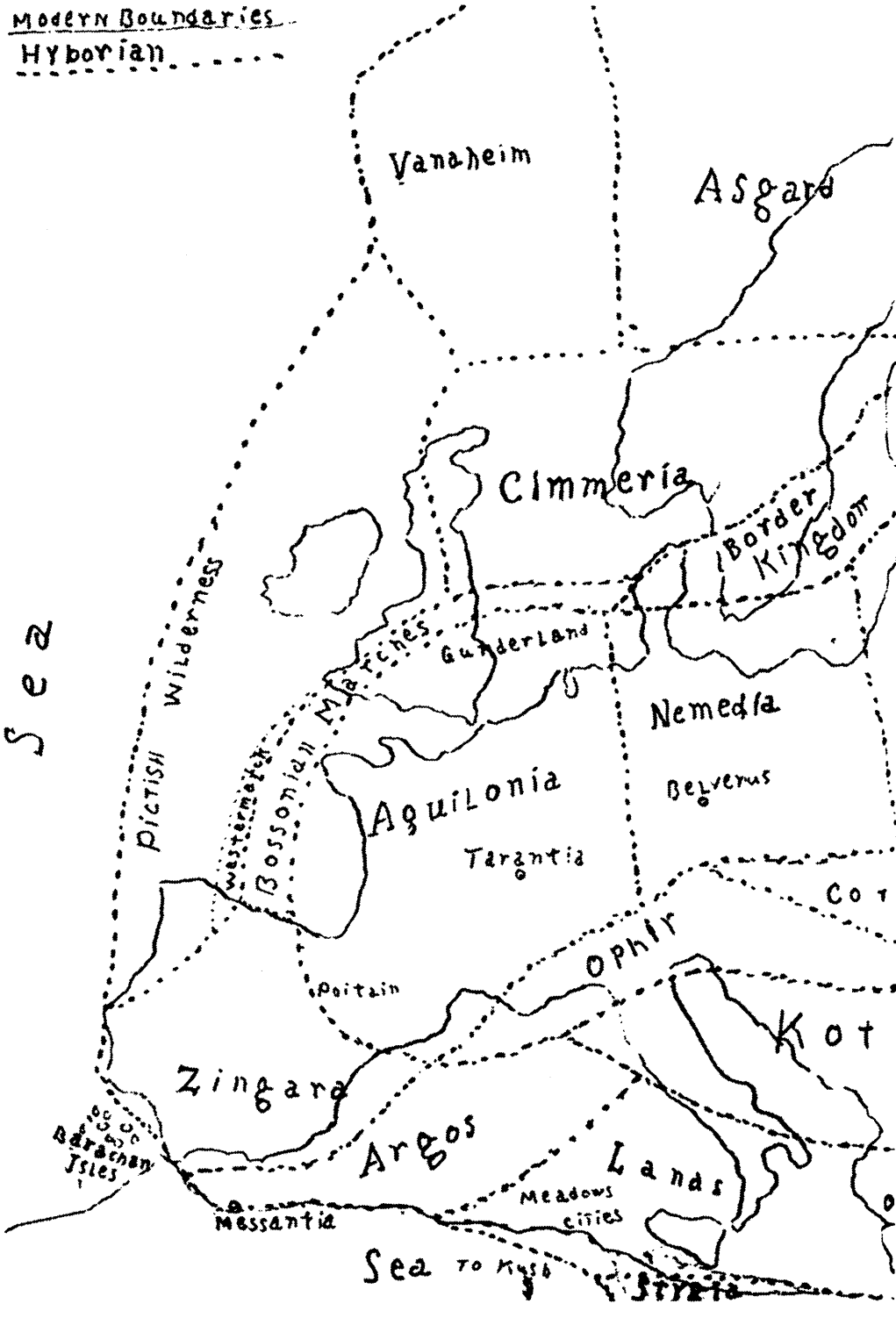
В эти страны они пришли под именем ариев. Первобытные арии были представлены несколькими племенами. Иные можно опознать и сегодня, иные же — давно позабыты. Светловолосые ахейцы, галлы и бритты, к примеру, суть потомки чистокровных асиров. Немедийцы ирландских легенд — не кто иные, как немедийские асиры. Датчане — потомки чистокровных ваниров, а готы — предки остальных скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов,— потомки смешанной расы, у истоков которой стояли ваниры, асиры и киммерийцы. Гэлы — предки ирландцев и нагорных шотландцев — ведут свое проис-

хождение от чистокровных киммерийских кланов. Кимрские (валлийские) племена Британии — смешанная киммеро-нордическая раса, переселившаяся на острова прежде чисто нордических бриттов, которая породила легенду о гэльском первородстве. Кимры, сражавшиеся против Рима, были тех же кровей, что и гиммеры ассирийцев и греков и гоммеры древних евреев. А некоторые киммерийские кланы ушли на восток, на ту сторону Внутреннего моря, и спустя несколько веков, приняв в себя гирканскую кровь, вернулись на запад под названием скифов. Первопредки гэлов оставили свое имя современному Крыму.

Древние шумеры не имели никакого родства с западной расой. Они смешанный народ гиркано-шемитского происхождения — потомки тех, кого не смогли увести с собой отступавшие завоеватели. Многим племенам Шема удалось избежать того плена, и от чистокровных шемитов, а также от тех, что смешались с хайборийцами или северянами, произошли арабы, израильтяне и иные ярко выраженные семиты. Ханаaниты, или горные семиты, ведут свое происхождение от шемитов, смешавшихся с жителями Куша, которых расселили среди них хозяева-гирканцы; типичный пример такого народа — эламиты. Невысокие, плотно сбитые этруски — основа римской расы — были потомками народа, объединившего в себе черты стигийцев, гирканцев и пиктов и жившего первоначально в древнем королевстве Коф. Гирканцы же, отступившие к восточному побережью континента, дали начало позднейшим племенам татар, гуннов, монголов и турок.

Происхождение иных народов современного мира может быть аналогичным образом прослежено. История почти каждого из них уходит во мглу позабытой Хайборийской эры — много дальше и глубже, чем сами они порою осознают...

1936 год

Modern Boundaries
Hyborian
Vanaheim
Asgard
Cimmeria
Border Kingdom
Sea
Pictish Wilderness
Marches
Gunderland
Nemedia
Belverus
Aquilonia
Tarantia
Westermark
Bossonian
Ophir
Poitain
Zingara
Argos
Lands
Meadows cities
Barachan Isles
Messantia
Sea to Kush
Styg

КАРТА
ХАЙБОРИЙСКОЙ
ЭРЫ
Tundras
deserts
Hyperborea
Brythunia
nthia
Zamora
Khauran
Khoraja
Shem
deserts
Nomads
To Zamboula
To Keshan
deserts
Steppes
Kozaks
Turan
(Later Extended To Border of Zamora)
Vilayet
To Hyrkania
To Khitai
To Venukra

СОТВОРЕНИЕ ХАЙБОРИИ

1

ЗАМЕТКИ О СОЗДАНИИ РАССКАЗОВ О КОНАНЕ

В декабре 1933 г. Роберт Говард рассказывал в письме коллеге-писателю Кларку Эштону Смиту о создании своего самого известного персонажа, Конана из Киммерии:

Помню, много месяцев моя голова была абсолютно пуста — ни одной идеи. Я не мог придумать ничего, способного принести деньги. Потом в мозгу, без какого-либо участия с моей стороны, возник человек по имени Конан, и тотчас же из-под моего пера — или, вернее, из моей пишущей машинки — хлынул поток рассказов, также почти без каких-либо моих усилий. Казалось, я не творил, а просто излагал случившиеся когда-то события. Эпизод рождался за эпизодом, я едва за ними поспевал. В течение недель я только и делал, что описывал приключения Конана. Этот персонаж полностью завладел моим разумом. Я попытался отвлечься от него, сочинить что-нибудь другое, но у меня ничего не получилось.

Говард всегда в переписке сообщал друзьям, что персонажи и истории с легкостью приходят ему на ум, и почти никогда не упоминал о незаконченных или неопубликованных рассказах. Например, из цикла о Кулле опубликовано только три рассказа, в то время как десяток других остались незавершенными или были отвергнуты. Однако Говард писал Лавкрафту:

«Спасибо за ваши добрые слова о рассказах про Кулла, но сомневаюсь, будто когда-либо смогу написать еще один. Три рассказа про этого персонажа, казалось, писались сами, без какого-либо предварительного плана; мне не приходилось прилагать сознательных усилий. Они просто возникали помимо желания у меня в мозгу и стекали на бумагу с кончиков моих пальцев».

В сущности, сохранились черновики почти всех рассказов о Кулле, из которых следует, что на них потрачено намного больше труда, чем утверждает Говард. Как же в таком случае мы можем доверять его намекам, будто рассказы о Конане он творил чуть ли не автоматически?

© Перевод К. Плешкова.

В октябре 1931 г. Говард завершил первый вариант рассказа под названием «Люди тьмы» и послал его в новый журнал издательства Клейтона, «Странные рассказы о тайнах и ужасах», конкурировавший с «Уэйрд тэйлз». Редактору Гарри Бейтсу рассказ понравился, но он попросил его незначительно переработать. Говард согласился, и несколько недель спустя Бейтс принял рассказ вместе с другим, присланным в паре, «Каирн на мысу».

«Люди тьмы» — рассказ-воспоминание о переселении душ. В изложении от первого лица главный герой Джон О'Брайен описывает свою жизнь в одном из предыдущих воплощений, когда его знали как «Конана-вора», черноволосого кельта, поклоняющегося кельтскому божеству Крому. В самом деле, заманчиво было бы считать вышеупомянутого Конана прямым прототипом его более знаменитого тезки (что, собственно, и делают некоторые комментаторы), но стоит учитывать: «Люди тьмы» — рассказ-воспоминание от первого лица, в то время как рассказы о Конане таковыми не являются. Или являются?

Продав «Людей тьмы», Говард нашел для себя новый рынок сбыта — где, в отличие от «Уэйрд тэйлз», платили сразу же. Когда несколько недель спустя пришли деньги, Говард возрадовался:

«Наконец-то я добился своего у Клейтона! Я продал им пару рассказов подряд, и хотя мне пришлось какое-то время подождать, они заплатили вполне недурно — 134 доллара за один и 144 за другой. Рассказы слишком короткие. Господи, надеюсь, мне удастся продать им более длинную повесть» (Говард — Тевису Клайду Смиту, приблизительно февраль 1932 г.).

Итак, в феврале 1932 г. Говард неожиданно разбогател на 278 долларов. Вероятно, именно сей факт, а не отсутствие вдохновения, как принято считать, подвиг его отправиться на отдых в южный Техас.

Вскоре Говард писал Уилфреду Блэнчу Тэлману: «Я провел несколько недель, путешествуя по южной части штата, в основном вдоль границы, и бездельничал,— мое основное занятие заключалось в поглощении большого количества тортилий, энчилад и испанского вина».

Говард не писал ни рассказов, ни писем, но, по крайней мере, за это время он сочинил одну поэму — «Киммерия». В 1934 г. Говард послал Эмилю Петая экземпляр поэмы с комментарием: «Написано в Мишне, Техас, февраль 1932 г.; навеяно воспоминаниями о горном крае близ Фредериксберга в туманной дымке зимнего дождя».

Мы не знаем, возникла ли уже у Говарда идея Конана в то время, но как персонаж, так и стихи зародились в течение нескольких дней:

«Конан попросту возник в моем мозгу несколько лет назад, когда я останавливался в маленьком пограничном городке у истоков Рио-Гранде. Я не создавал его сознательно. Он появился из ниоткуда во всей своей красе и усадил меня за работу по написанию саги о его приключениях» (Цитируется по: Элвин Эрл Перри, Набросок биографии Роберта И. Говарда, 1935).

Доказано, что многие из описаний Говарда в стихотворении «Киммерия» перекликаются с определенными строками из «Жизнеописаний» Плутарха. Как и Плутарх, Говард связывал кельтское «кимбри» с киммерийцами, утверждая, что они «живут в темной лесистой стране, густо поросшей деревьями, простирающейся до самых Геркинийских лесов, куда едва проникают лучи солнца».

Стихотворение, однако, является чем-то большим, нежели простое описание. Из первой строки — «Я помню» — практически ясно, что мы имеем дело с темой переселения душ и воспоминаний, как ранее в «Людях тьмы». Главный герой последнего, Джон О'Брайен, американец ирландского происхождения, живет на американском Юго-Западе. Тем самым он явно ассоциируется с самим Говардом. И если О'Брайен вспомнил свою прошлую жизнь Конана-вора, то не воображал ли Говард, будто тоже мог бы «вспомнить» свою прошлую жизнь в Киммерии? Далее в автобиографических источниках обнаруживается удивительное созвучие между описаниями Киммерии в стихотворении и описаниями, встречающимися в воспоминаниях Говарда о его родных местах — Дарк-Вэлли в округе Пало Пинто, Техас. В октябре 1930 г. он писал Г. Ф. Лавкрафту:

Пожалуй, мрачность моей собственной натуры отчасти объясняется местностью, где я провел часть моего детства. Это длинная узкая долина в горах Пало Пинто, одинокая и изолированная. Она была почти необжитой, и ее название, Дарк-Вэлли — Темная Долина, говорит само за себя. Столь высоки горные хребты, столь густы и высоки дубовые леса, что тень там стояла даже днем, а ночью сгущалась тьма как в еловом лесу. Перешептывались и перекрикивались ночные создания, легкий ночной ветерок бормотал в листве, то тут, то там среди покачивающихся ветвей мерцало сияние далекой звезды.

Подобные же образы, сочетающие в себе зловещие, узловатые деревья и атмосферу ужаса, можно также найти в стихотворении Говарда «Житель Темной Долины», которая заканчивается словами: «Я больше не приду в Темную Долину, где открываются врата Ада».

Таким образом, Темная Долина и Киммерия, вероятно, весьма тесно связаны в памяти Говарда. Но вызываемые ими «воспоминания» имеют весьма своеобразную природу. Воспоминания Говарда о Темной Долине не менее фантастичны, чем воспоминания Джона О'Брайена о его прошлой жизни: Говарды уехали из Дарк-Вэлли, когда Роберту исполнилось всего два года, и он не бывал там до весны 1931 г. Таким образом, переселение душ может рассматриваться как попытка убежать от собственной биографии, так же как в «Звездном скитальце» Джека Лондона, любимой книге Говарда. Там главный герой — пленный, который сбегает от пыток в воспоминания о прошлых жизнях. Здесь существует явная связь, поскольку Говард закончил свой первый рассказ о переселении душ — «Дети ночи» — в том же месяце, когда писал Лавкрафту о Темной Долине, а второй — «Люди тьмы» — всего через несколько недель после того, как снова побывал в Дарк-Вэлли. Все эти составляющие объединены в первом рассказе о Конане, «Феникс на мече», где описание Киммерии перекликается с Плутархом, Темной Долиной и стихами:

Нет на свете страны более мрачной. Вся она состоит из поросших лесами гор, и деревья там странно тенисты, даже днем земля выглядит темной и грозной. Насколько хватает взгляда, простирается бесконечная перспектива гор, которые с расстоянием становятся все темнее и темнее. Среди этих гор всегда висят тучи; небо почти всегда серое и нависающее. Холодный пронизывающий ветер приносит ледяной дождь со снегом, с тоскливым стоном проносясь по ущельям и долинам. В этой стране мало радости, а жители ее — угрюмые и странные люди.

Если Говард мог приписать «мрачность» своей натуры тому, что, как ему казалось, он помнил о Дарк-Вэлли, то не так и сложно объяснить угрюмый характер Конана. Многие читатели видят в Конане отражение Говарда, точнее, Конан — идеализированный вариант Говарда: победоносного, несокрушимого, безрассудного варвара. Свойственная персонажу мрачность в основном остается незамеченной, что вполне понятно. Эта черта редко упоминается самим Говардом, по крайней мере, в опубликованных вариантах рассказов.

В своей окончательной форме «Феникс на мече» открывается фразой из «Немедийских хроник». Именно в этих строках мы впервые встречаем упоминание о Конане. Сам же персонаж не появляется до второй главы рассказа. Упомянутая фраза гласит: «И пришел Конан-киммериец, черноволосый, *с мрачным взглядом*, с мечом в руке, вор, разбойник, убийца, преисполненный *великой скорби* и великой радости, чтобы попирать украшенные драгоценными камнями троны Земли обутыми в сандалии ногами». «Немедийские хроники» были введены в рассказ лишь потому, что Фэрнсуорт Райт (редактор «Уэйрд тэйлз») попросил Говарда переписать и сократить первые две главы. Короткая выдержка призвана заменить длинные описания некоторых стран Хайборийской эры и некоторых характерных черт киммерийца.

И если Говард приписывал свою мрачность Дарк-Вэлли, то Конан, похоже, приписывает свою «великую скорбь» киммерийскому происхождению:

«Что ж,— улыбнулся Просперо,— темные горы Киммерии ты оставил далеко позади. А теперь я ухожу. Выпью кубок белого немедийского вина за тебя при дворе Нумы».

«Ладно,— проворчал король,— но танцовщиц Нумы целуй только от своего имени, если не хочешь навлечь на себя гнев!»

Он отрывисто рассмеялся вслед уходящему Просперо. Резная дверь закрылась за пуатенцем, и Конан вернулся к своим делам. Он немного подождал, прислушиваясь к удаляющимся шагам, гулко отдававшимся на каменных плитах. Этот пустой звук словно затронул какую-то струну в душе, вызвав волну отвращения. Радость иссякла, лицо внезапно постарело, глаза ввалились. Необъяснимая тоска киммерийца навалилась с ощущением тщетности всех человеческих стремлений и бессмысленности жизни. Его королевская власть, удовольствия, страхи, амбиции, и вообще все земное внезапно предстало перед ним в образе пыльных сломанных игрушек. Границы жизни сжались, и линии бытия сомкнулись, лишив возможности пошевелиться. Уронив львиную голову на могучие руки, он громко застонал.

Потом поднял голову, словно ища пути к бегству, и его взгляд упал на хрустальный кувшин с желтым вином. Быстро поднявшись, наполнил кубок и залпом осушил его. Потом снова наполнил и осушил, и снова. Когда он поставил кубок, приятное тепло растеклось по жилам. Вещи и события обрели новый смысл. Темные киммерийские горы скрылись в тумане далеко позади. Жизнь все-таки хороша, и она оказалась реальностью, а не сном какого-то идиотского божка. Он лениво потянулся, словно гигантский кот, и уселся за стол, осознавая величие и жизненную важность самого себя и своей задачи.

Удовлетворенно покусывая стило, он уставился на карту. («Феникс на мече», первый представленный вариант.)

Когда Говард утверждал, что «человек по имени Конан, казалось, неожиданно возник в моем мозгу без каких-либо усилий с моей стороны», он, вероятно, говорил правду. Но не осознавал, что сей акт творения подчинялся глубоко затаенным мотивам: «великая скорбь» Конана отражала «мрачное настроение» Говарда, так же как Киммерия — Темную Долину. Как Темная Долина была самым зловещим воспоминанием Говарда, так «более мрачной страны», чем Киммерия, не существовало в мире для его героя.

Говардовский Конан, по крайней мере на ранних стадиях своего создания, был списан с самого автора, он не являлся мифическим идеализированным персонажем.

«Киммерия», строго говоря, не входит в канонический цикл о Конане, это произведение, которое помогало в создании рассказов о нем: Конан — или Говард — может лишь «помнить» Киммерию. Ужасная страна, само воскрешение оной в памяти вызывает неприятные воспоминания, ее хочется поскорее забыть. Вот почему действие романа никогда не происходит в Киммерии и ни один другой киммериец не упоминается и не может упоминаться на страницах книги.

В «Королеве Черного побережья» Конан объяснит Бёлит, что «пока я жив, я намерен изучать жизнь во всех ее проявлениях. Дайте мне познать сочный вкус мяса и жгучее вино на языке, горячие объятия белых рук, и чтобы кругом пылала битва, клинки звенели, вспыхивали и окрашивались алым... Вот это — жизнь, а духовные тонкости оставим философам и жрецам. Реальность, иллюзия... Я вот что тебе скажу: если этот мир иллюзорен, значит, и сам я — всего лишь иллюзия, а коли так, все окружающее для меня реально. Ну и хорошо: жизнь пылает во мне, я люблю и дерусь... Чего еще?»

Вот о чем на самом деле цикл о Конане — о желании погрузиться в бурную жизнь. Напряженная физическая жизнь Конана проявляется в его отчаянных попытках забыть Киммерию и любые пугающие воспоминания, связанные с этой страной. Вероятно, то же можно сказать о писательской деятельности Говарда, которая может рассматриваться как попытка забыть Темную Долину. Когда Конан бездействует — как в случае начальных глав «Феникса на мече» — и ему напоминают о Киммерии, первая реакция — найти забвение и утопить в вине все мрачные мысли. Разные решения одной и той же проблемы.

После того как родилось стихотворение «Киммерия», выразившее желание бежать из этой страны и забыть о ней как можно быстрее, Говард практически созрел для сочинения первого рассказа о Конане. Когда Говард вернулся в Кросс-Плейнс в феврале 1932 г., перед ним все еще стояла задача создания того, что стало известно как мир Хайбории.

Причины, по которым была придумана Хайборийская эра, были, вероятнее всего, коммерческими. Единственным рынком сбыта для Говарда в 1929 г. стал журнал «Уэйрд тэйлз», но в начале тридцатых перед ним открылось несколько новых рынков, особенно журнал «Восточные рассказы» и недолго просуществовавшие «Солдаты удачи». Говард питал глубокую любовь к истории, его произведения, проданные в «Восточные рассказы», числятся среди лучших. В то же самое время он осознавал трудности, связанные с кропотливой исследовательской работой, требовавшейся для поддержания исторической точности. Задумав вселенную, которая не была нашей, но могла когда-то быть ею, и тщатель-

но выбрав названия и имена, напоминавшие нашу прошлую историю, Говард решил проблему анахронизмов и необходимости длинных пояснительных глав.

Лавкрафт позднее критиковал его за это, но пришел к заключению: «Единственное, что остается — принять всю номенклатуру в том виде, как он ее дает, закрыть глаза на слабые места и быть чертовски благодарным за столь живую искусственно созданную легенду». (Письмо к Дональду Уоллхейму, использованное во введении к «Хайборийской эре», 1938.)

Говард прекрасно умел придумывать вымышленные названия, когда хотел: в рассказах о Кулле, которыми столь восхищался Лавкрафт, описываются империи со странно звучащими именами, такие как Зарфхаана, Валузия и Грондар. Но, назвав метод Говарда «искусственной легендой», Лавкрафт коснулся одного из важнейших факторов, повлиявших на создание Хайборийской эры.

Хотя эта книга не представлена в библиотеке Говарда и не упоминается в его бумагах и переписке, весьма вероятно, что говардовская концепция Хайборийской эры берет свое начало в «Очерках мифологии» (1913) Томаса Булфинча, позволивших автору соединить в связное целое свои литературные порывы и серьезные психологические и автобиографические составляющие, лежавшие в основе создания образа Конана.

Булфинч (1796–1867) глубоко интересовался изучением классики и большую часть свободного времени посвятил написанию цикла книг, популяризировавших классические легенды и мифологические эпизоды. «Очерки мифологии» объединяют три наиболее известные книги, «Эпоха басен» (1855), «Эпоха рыцарства» (1858) и «Легенды Карла Великого, или Средневековый роман» (1863). Под обложками книг Булфинча скрывались героические повествования, происходившие в различных местах и эпохах, как исторических, так и легендарных, то есть, можно сказать, сама суть Хайборийской эры. Таким образом, нет ничего удивительного, что многие названия и имена, использованные Говардом в ранних набросках его воображаемого мира, можно найти у Булфинча, начиная с Конана:

«...Следующее значительное событие — завоевание и колонизация Арморики Максимусом, римским генералом, и Конаном, властителем Миниадока, или земли Денбай, в Уэльсе» (Булфинч, «Очерки мифологии»).

Конечно, Говарду было знакомо имя Конан до начала Хайборийского цикла, поскольку он уже использовал его для главного героя в «Людях тьмы». Но, возможно, это лишь указывает на то, что Говард уже прочитал или читал Булфинча к тому времени.

Что касается родной страны Конана, Киммерии, Булфинч предлагает описание, сходное с тем, что у Говарда:

Недалеко от страны Киммерии в горной пещере обитает мрачный бог Сомнус. Сюда не осмеливается прийти Феб, ни на рассвете, ни в полдень, ни на закате. Облака и тени поднимаются от земли, и слабо мерцает свет. Птица зари с гребнем на голове никогда не взывает своим криком к Авроре, ни осторожные собаки, ни еще более чуткие гуси не нарушают тишину. Ни дикий зверь, ни скотина, ни шевельнувшаяся на ветру ветка, ни звук людского разговора — ничто. Тишина властвует здесь над всем; но по дну каменного ущелья течет река Лета, и от ее журчания клонит в сон.

Некоторые комментаторы отмечают схожесть говардовского описания Киммерии с Геродотом, но с тем же успехом оно может исходить и от Булфинча, который позаимствовал часть материалов у Геродота. Булфинч добавляет: «Вероятно, древнейшие жители Британии были ветвью великого семейства, известного в истории под названием "кельты". Кембрия, как часто называют Уэльс, предположительно происходит от "кимри", названия, которое валлийские традиции приписывают пришельцам, появившимся на острове с соседнего континента. Оно считается идентичным названиям "киммерийцы" и "кимбрии", под которыми греческие и римские историки описывают варварский народ, распространившийся с севера Эвксинского моря по всей Северо-Западной Европе». В марте 1932 г., в то самое время, когда Говард писал первые рассказы о Конане, он повторял слова Булфинча, когда писал Лавкрафту, что «конечно, большинство авторитетов считают, будто кимбрии германцы, и, вероятно, так и было, но, возможно, они кельтского или смешанного германо-кельтского происхождения, что так или иначе способствует моему желанию изобразить их как кельтов».

Сами по себе эти факторы далеко не являются решающими, но их достаточно для того, чтобы показать — Говард мог использовать широко распространенные легенды в изложении Булфинча как удобный справочный материал для своего собственного Хайборийского мира. Нигде сие не столь очевидно, как в первом рассказе о Конане, «Феникс на мече».

Примерно в мае 1929 г. Говард написал два варианта рассказа о Кулле под названием «Сим топором я буду править!». Рассказ был отправлен в «Аргози» и «Приключения» — и отвергнут ими. Почти три года спустя, в марте 1932 г., Говард отыскал его среди неопубликованных материалов и переписал в «Феникс на мече». Невозможно с точностью сказать, что изменилось между последним вариантом рассказа о Кулле и первым вариантом о Конане, поскольку окончательный вариант «Сим топором я буду править!» до нас не дошел (опубликованный текст является первым, единственным сохранившимся, вариантом). В любом случае описание внешности Кулла было перенесено на Конана, за примечательным исключением, касающимся цвета глаз: серых у атланта и голубых у киммерийца. В конановской версии была также опущена любовная линия, имевшаяся в рассказе о Кулле, которую сменила фантастическая составляющая, что вполне объяснимо, поскольку рассказ о Конане нацелен на рынок фэнтези, в то время как версия о Кулле предназначалась для литературно-художественных журналов. В последовавшие после написания рассказа о Кулле три года Говард начал переписываться с Говардом Филипсом Лавкрафтом. Многие из фантастических рассказов Говарда 1931 г. были попытками писать в стиле Лавкрафта. Однако к концу года Говард успешно освоил подобный стиль и мог теперь включать лавкрафтовские элементы в свои рассказы, не копируя своего коллегу из Провиденса. Прекрасный пример — лавкрафтовский монстр из упомянутого рассказа, так же как и тот факт, что в опубликованной версии «Безымянные Старцы» сменили «Ктулху, Тсатогуа, Йог-Сотота и Безымянных Старцев» из первого варианта.

В рассказе о Кулле заговорщики носили имена Аскаланте, Громель, Вольмана, Кааноб и Ридондо. В версии о Конане все имена сохранены, кроме Кааноба

и Ридондо. Замена Каануба на Диона вполне объяснима, поскольку первый упоминался в рассказах о Кулле, которые Говард продал «Уэйрд тэйлз». Однако к Ридондо это не относилось. Почему же имя заменено на Ринальдо? Ринальдо на самом деле появляется у Булфинча: «Ринальдо был одним из четырех сыновей Аймона, женатого на Айе, сестре Карла Великого. Таким образом, Ринальдо был племянником Карла Великого и двоюродным братом Орландо». Не только длинные пассажи о Ринальдо у Булфинча, но и тот факт, что он не всегда был в фаворе при дворе своего короля, является достаточным объяснением тому, что Говард заменил Ридондо на Ринальдо. Оба Ринальдо испытывают двойственные чувства к своим королям.

Кажется вполне вероятным, что все имена, появившиеся между версиями о Кулле и Конане, за примечательным исключением Просперо и Публия (несомненно, происходящих от Шекспира), ведут свое начало от Булфинча:

«Хайборея/Хайбория» и «Аквилония» (слово «хайборийский» не появлялось у Говарда до последнего варианта его эссе «Хайборийская эра». Первоначально оно выглядело как «Хайборейский»): «Когда персонифицируются и не столь существенные предметы и явления, вряд ли стоит ожидать, что того же не будет и с ветрами — Бореем или Аквилоном, северным ветром». Поскольку «хай» по-ирландски означает «страна» и учитывая интерес Говарда ко всему кельтскому, Хайбория, таким образом, означает «страна Борея», или «страна северного ветра».

«Король Нума»: «Говорят, что Нума, второй король Рима...»

«Эпимитей/Эпимитрей» (в первом варианте «Феникса» этот персонаж именовался Эпимитей): «Прометей был одним из титанов, представителей расы гигантов, населявшей землю до сотворения человека. Именно ему и его брату Эпимитею выпала задача создать человека и снабдить его и всех прочих животных способностями, необходимыми для выживания».

«Гиперборея»: «Северная часть земли якобы была населена счастливым народом, именовавшимся гиперборейцами, который жил в вечном блаженстве за высокими горами, пещеры которых посылали пронизывающие порывы северного ветра, приносившие холод народу Эллады (Греции). Их страна была недоступна ни по суше, ни по морю. Они не знали болезней и старости, тягот и войн».

«Гиркания»: «...не в меньшей степени персонаж, чем принц Гиркании...»

«Бритуния и пикты»: «...история Британии, принесенная с противоположного берега Франции, который, под названием Бритуния, был в основном населен уроженцами Британии, которые время от времени перебирались туда, вытесненные из своей собственной страны набегами пиктов и шотландцев». (Конечно, Говард прекрасно знал о пиктах еще до того, как читал Булфинча.)

«Стигия»: как таковая, несколько раз.

«Тот-Амон»: «Египтяне считали высшим божеством Амона, впоследствии названного Зевсом, или Юпитером Аммоном». (Имя «Тот» у Булфинча не встречается.)

«Беотийские/Боссонийские походы»: «Беотийские походы» использовались в первом варианте: «Флот и армия собрались в порту Аулич в Беотии».

«Замора»: как «Зумара».

Второй законченный Говардом рассказ о Конане, «Дочь ледяного исполина», позаимствовал еще больше имен у Булфинча. Идея сюжета, вероятно, воз-

никла у Говарда, когда он писал «Феникса на мече», что можно понять по упоминаниям о днях, проведенных Конаном среди ваниров и асиров, появившихся в этом рассказе:

«Асгард и Ванахейм.— Просперо окинул взглядом карту.— Клянусь Митрой, я почти поверил, что это сказочные страны».

Конан хищно улыбнулся и невольно ощупал многочисленные шрамы на чисто выбритом лице.

«Клянусь Митрой, если бы ты провел свою юность у северных границ Киммерии, ты бы понял, что они вовсе не сказочные! Асгард лежит на севере, а Ванахейм на северо-западе от Киммерии, и вдоль границ идет постоянная война. Люди эти высокие, светлокожие и голубоглазые, они похожи языком и внешностью, если не считать того, что у ваниров волосы желтые, а у асиров рыжие. Они большие любители эля и драк. Весь день дерутся и пьют эль, а всю ночь ревут дикие песни. Их главный бог — ледяной исполин Имир, и у них нет общего короля, но у каждого племени есть свой вождь».

Следующие имена и названия можно найти как в рассказе Говарда, так и у Булфинча: Асгард, Ванахейм, Имир, Хорса, Хеймдаль, Браги и даже Ледяные гиганты. В то время как Говард уже написал немало рассказов, где упоминаются северные персонажи, в данном случае влияние чувствуется не только в отношении имен: основы сюжета «Дочери ледяного исполина» можно целиком найти у Булфинча. Атали, дочь ледяного исполина у Говарда, обязана Аталанте у Булфинча не только своим именем:

Невинной причиной для столь великой скорби стала дева, чье лицо было чересчур мальчишеским для девушки, но слишком девичьим для юноши. Судьба ее была предсказана, и слова эти таковы: «Аталанта, не выходи замуж; замужество погубит тебя». Придя в ужас от слов оракула, она бежала прочь от общества мужчин и посвятила себя искусству бега. Всем своим ухажерам (коих было у нее множество) она ставила условие, которое, как правило, избавляло ее от преследования: «Я буду добычей того, кто победит меня в беге; но смерть должна стать наказанием для любого, кто попытается, но проиграет». Несмотря на столь жесткое условие, некоторые пытались. (Булфинч.)

Говард объединил эту базовую идею с еще одной переработанной легендой Булфинча, о Дафне и Аполлоне, но поменял их ролями. Хотя Аполлон был богом, а Дафна — смертной, Говард сделал Атали богиней, а Конана смертным. В оригинале Купидон пустил в Аполлона стрелу, пробудившую в нем любовь к Дафне. Говард сохранил идею об обезумевшем от любви Аполлоне (вернее, обезумевшем от страсти Конане), который преследовал девушку, пока она не обратилась за помощью к своему богу-отцу:

Аполлон любил ее, и страстно желал заполучить. [...] Он всюду следовал за ней. Она убегала от него быстрее ветра и ни на мгновение не уступала его мольбам. [...] Нимфа бежала дальше, оставив неуслышанными его просьбы. И даже на бегу очаровывала его. Ветер развевал одежды, и ее распущенные волосы свободно нис-

падали. Бог потерял терпение, видя, что все уговоры отвергаются, и, подгоняемый Купидоном, пустился следом за ней. Казалось, будто гончая преследует зайца, раскрыв пасть с готовностью схватить добычу, но жертва постоянно от нее ускользает. Так бежали бог и дева — он на крыльях любви, она на крыльях страха. Но преследователь, однако, более быстр и нагоняет ее, его тяжелое дыхание касается ее волос. Ее силы начинают иссякать, и, готовая упасть, она взывает к своему отцу, речному богу: «Помоги мне, Пеней! Пусть земля расступится и поглотит меня, или пусть изменится моя внешность, навлекшая на меня эту опасность...» (Булфинч; сравните со словами Говарда: «О мой отец, спаси меня!»)

Судя по всему, Говард говорил Кларку Эштону Смиту правду, когда писал: «Эпизод рождался за эпизодом столь быстро, что я едва за ними поспевал. В течение недель я только и делал, что писал про приключения Конана». После того как Говард послал «Феникса на мече» и «Дочь ледяного исполина» Фэрнсуорту Райту в начале марта 1932 г., он даже не стал ждать, примут их или отвергнут, прежде чем начать очередной рассказ — «Бог из чаши».

Для «Бога из чаши» потребовалось три черновика, прежде чем результат удовлетворил Говарда. На этот раз Говард, вероятно, позаимствовал имена и названия из «Жизнеописаний» Плутарха, некоторые из них уже были упомянуты в перечне имен и стран, подготовленном Говардом, когда он писал «Феникса на мече». Сравните имена из Плутарха с их эквивалентами в рассказе Говарда: Эйнарус (Энарус), Деметриус (Деметрио — Говард ошибочно использовал Деметриуса трижды в первом черновике рассказа), Постумиус (Постумо), Дион (Дионус), Ареус (Арус), Девкалион (Девкалион на странице с заметками, Каллиан [Публико] в рассказе) и Петинус (как [Азтриас] Петаниус). Действие рассказа происходит в Нумалии (у Плутарха упоминается Нумантия), а Паллианова дорога, несомненно, соответствует Аппиевой дороге. Как и в случае с «Фениксом», судя по всему, «влияние» ограничено заимствованием данных имен.

Говард писал эти рассказы очень быстро, один за другим, и его список имен и стран успел устареть. Вероятно, ощущая потенциал нового цикла, Говард начал писать эссе, ставшее известным как «Хайборийская эра». Потребовалось четыре последовательных варианта, прежде чем он удовлетворился результатом. Начавшись с короткого двухстраничного наброска, оно вскоре развилось в произведение на 8000 слов.

За многие годы широко распространилась идея, что Говард сначала написал «Хайборийскую эру», а уже потом рассказы. И родилась она, несомненно, по причине собственных амбициозных слов Говарда: «Когда несколько лет назад я начал писать рассказы о Конане, я подготовил "историю" его эпохи и людей того времени, чтобы придать ему и его сагам ощущение реальности».

Нет никаких сомнений, что у Говарда имелись определенные мысли насчет того, каким должен стать его Хайборийский мир, но никаких попыток систематизации не делалось, пока не были написаны первые три рассказа. Страна Зингара и море Вилайет (Внутреннее море) появились в первом варианте, Офин и Гундерланд — во втором, а Коринфия, Аргос, Офир и Туран — в третьем. Тогда же были подготовлены две очень похожие карты, а также краткие «Заметки о различных народах Хайборийской эры».

Из многих стран, впервые описанных в этих эссе и картах, некоторые так никогда и не были использованы или упомянуты в остальном цикле. Например, термин «Пограничное королевство» появляется лишь в этих документах, а другие просто отвергнуты. «На юге Стигии простираются Черные Королевства амазонок, кушитов, атлассцев, и смешанная империя Зембабве». Лишь кушиты попали в окончательный цикл. В 1936 г. Говард объяснил свою позицию в письме к П. Шуйлер-Миллеру:

«Я никогда не пытался нанести на карту южные и восточные королевства, хотя достаточно четко мысленно представлял их географию. Однако, описывая их, я ощущаю определенную свободу действий, поскольку представители народов западной Хайбории почти точно так же ничего не знали о народах и странах на юге и востоке, как жители средневековой Европы не знали об Африке и Азии. Описывая народы западной Хайбории, я ощущаю себя ограниченным известными и неизменными границами и территориями, но касательно остального мира я считаю возможным дать больше воли своему воображению. Таким образом, приняв определенную концепцию географии и этнографии, я вынужден ее придерживаться в интересах логической связности. Моя же концепция востока и юга не столь определенна и потому достаточно произвольна».

Говард оставался верным своей концепции Хайборийского мира в том виде, как она вырисовалась в его эссе. По мере того как он писал новые истории о Конане, к ней добавлялись страны и регионы. Однако это не мешало ему повторно использовать имена из отвергнутого рассказа. Например, название «Пунт» впервые было использовано в одном из незаконченных произведений как имя города, но в более поздних рассказах использовалось как название страны.

Закончив работу над этими документами, Говард написал план нового рассказа о Конане, в котором киммериец должен был выступать в роли вора в заморийском городе Маул. Говард решил не воплощать рассказ в жизнь, возможно, вследствие новостей, полученных от Фэрнсуорта Райта. В письме, датированном 10 марта 1932 г., Райт писал:

«Уважаемый мистер Говард! Возвращаю "Дочь ледяного исполина" в отдельном конверте, поскольку она меня не слишком интересует. Но "Феникс меча" [так!] местами смотрится просто превосходно. Надеюсь, вы сумеете доработать его и снова прислать. Проблема заключается в двух первых главах. Рассказ начинается довольно скучно, как мне кажется, и читателю трудно сориентироваться. Первая глава хорошо заканчивается, а вторая отлично начинается, но после того, как подробно описана личность короля Конана, она выглядит слишком перегруженной текстом. Думаю, стоит переписать и самую последнюю страницу, поскольку она выглядит несколько слабовато после предшествующих ей событий».

Учитывая труд, вложенный Говардом в создание нового цикла, новость наверняка явилась для него ударом, тем более что «Бог из чаши», отправленный издателю несколько дней спустя после первых двух рассказов, был также отвергнут. «Бог из чаши» лег в архив.

Однако Говард остался достаточно высокого мнения о «Дочери ледяного исполина», чтобы отдать ее несколько месяцев спустя в один из фэнзинов — заменив имя Конан на Амра — под названием «Дочь ледяного короля». (Тем вре-

менем «Дочь ледяного короля», возможно, была безуспешно отправлена в другой журнал.) К тому времени, когда «Дочь ледяного короля» опубликовали в 1934 г., читатели, знакомые с рассказами о Конане, не могли не заметить, что имя Амра упоминалось в «Алой цитадели» (опубликованной в «Уэйрд тэйлз» за январь 1933 г.) как вымышленное имя Конана.

Говард затем переработал «Феникса на мече» в соответствии с предложениями Райта, исключив длинные описания Хайборийского мира и использовав названия стран в только что созданных «Немедийских хрониках». Несколько дней спустя Говард отправил новый вариант и в апреле 1932 г. мог сообщить Лавкрафту:

«Я работал над новым персонажем, снабдив его новой эрой — Хайборийской, о которой люди забыли, но которая сохраняется в классических названиях и искаженных мифах. Райт отклонил большую часть цикла, но я все же продал ему один рассказ — "Феникс на мече", в котором говорится о приключениях короля Конана из Киммерии в королевстве Аквилония».

Под «большей частью цикла» Говард подразумевал «Дочь ледяного исполина» и «Бога из чаши».

Закончив и отправив переработанную версию «Феникса на мече», Говард немедленно приступил к написанию нового рассказа о Конане, который должен был стать первым, действительно содержащим его новую концепцию Хайборийского мира. Идея «Башни Слона», вероятно, родилась у Говарда, когда он перерабатывал «Феникса на мече» (в окончательном варианте которого упоминается «Замора с ее темноволосыми женщинами и таинственными башнями, где обитают пауки»). Новый рассказ зародился из пепла никогда не воплотившегося в жизнь наброска, упоминавшегося выше, в котором (как и в «Башне») Конан — вор в заморийском городе Маул. Ранний этап создания Конана завершился. Говард теперь имел четкое представление не только о своем персонаже, но и о вселенной, в которой он действовал.

«Башня Слона» — один из лучших рассказов о Конане, в который Говард мастерски ввел максимально возможное число элементов Хайборийского мира. Он начинает рассказ с пользующейся дурной репутацией таверны, населив ее представителями множества хайборийских народов — за исключением, естественно, других киммерийцев:

Кутили здесь карманники с их ловкими пальцами, беспощадные похитители людей, искусные скалолазы — покорители фасадов зданий, хвастливые наемные убийцы со своими потаскушками, женщины, ярко раскрашенные дешевой косметикой, с пронзительными голосами. Отпетые жулики чувствовали себя здесь как дома и составляли большую часть публики — темноволосые, черноглазые заморийцы с кинжалом в рукаве и ложью в сердце. А кроме них — волки из полудюжины чужеземных стран, и среди них огромный гиперборец, молчаливый, опасный, с могучим двуручным мечом на боку — ибо в «Прожорливой глотке» мужчины носили свое оружие открыто. Кроме того, находился здесь фальшивомонетчик из Шема с горбатым носом и узенькой иссиня-черной бородкой. Косоглазая британская девка сидела на коленях гандерландца со светло-каштановыми волосами — он был из бродяжничающих наемников и сейчас находился в бессрочном отпуске, который взял у разбитой армии. И жирный висельник, чьи сальные шутки вызывали громовой хо-

хот,— по профессии он был похитителем людей. Он явился из далекого Кофа, чтобы принести заморийцам (которые рождались с такой ловкостью в подобного рода ремесле, какая ему и не снилась) искусство красть женщин.

Далее в рассказе Говард заставил Иаг-Коша объяснить Конану — и читателю — наиболее важные этапы создания Хайборийского мира:

И видели мы, как люди появились, поднявшись над стадией обезьян, и воздвигли прекрасные города Валузии, Камелии, Киммерии и сестер их. И видели мы, как пали они под натиском диких атлантов, и пиктов, и лемурийцев. И видели мы, как вздулись моря и поглотили их воды Атлантиду и Лемурию, и острова Пиктов, и великолепные грады. И видели мы, как те с островов Пиктов и Атлантиды, кто пережил катастрофу, вновь основали царства, но уже в каменной эре, и как пали и они в кровавых войнах. И видели мы, как скатились пикты в бездну варварства и как атланты опустились еще ниже и возвратились к стадии обезьян. И видели мы, как новые дикари с ледяного севера волна за волною устремлялись на юг в захватнических походах, как основали они новые цивилизации и заложили новые царства — Немедию, Коф, Аквилонию и прочие. И видели мы, как твой народ, некогда бывший атлантами, восстал под новым именем из тех обезьян, что влачили дни свои в джунглях. И видели мы, как выходцы из Лемурии, устоявшие перед катаклизмом, поднялись из примитивной стадии и, образовав народ гирканцев, двинулись на запад. И видели мы, как эта демонская раса, уцелевшие потомки древнейшей культуры тех еще времен, что были прежде погружения Атлантиды на дно морское,— как вновь устремились они к вершинам цивилизации и власти и основали проклятое королевство Замора.

Говард отправил новый рассказ издателю в конце месяца и несколько дней спустя мог сообщить Лавкрафту: «Райт взял еще один рассказ из цикла о Конане из Киммерии, "Башня Слона", действие которого происходит среди населенных пауками, украшенных драгоценными камнями башен Проклятой Заморы, когда Конан был еще вором, до того как стал королем».

Всего лишь за один месяц, март 1932 г., Говард «без особых усилий с его стороны» написал около 250 страниц материала о Конане, но продал только два рассказа. Похоже, что в течение нескольких последующих недель Говард над Конаном не работал. Вероятно, ему не хотелось заваливать «Уэйрд тэйлз» новыми рассказами о Конане, пока не выйдут те, что были приняты. Но Хайборийский мир постоянно присутствовал в мыслях Говарда.

Один из элементов первоначального этапа создания цикла, по-видимому, исчез — тема воспоминаний/перевоплощения, присутствовавшая в «Людях тьмы», «Киммерии» и ранних вариантах «Феникса на мече». Удивительный факт, учитывая важность, которую мы приписываем этой теме в процессе самого возникновения цикла о Конане. Фактически, закончив первый рассказ, Говард упоминал в письме Лавкрафту, что он также работает над «мифическом периодом древней истории тех времен, когда нынешний штат Техас был большим плато, простиравшимся от Скалистых гор до моря — до того, как местность к югу от Кэп-рока разрушилась, образовав холмистые степи, которые теперь составляют этот регион». Речь идет о рассказе «Шествующий из Валгаллы», в его

первом варианте. Рассказ, как водится, был отклонен в мае Фэрнсуортом Райтом. «Шествующий из Валгаллы» стал первым из рассказов о Джеймсе Эллисоне. Эллисон — калека-техасец, обреченный на однообразное существование, который обретает возможность переживать прошлые героические жизни.

В октябре 1933 г. Говард писал Кларку Эштону Смиту, что в «Саду ужаса» — еще одном рассказе о Джеймсе Эллисоне — «рассматривается одна из моих разнообразных концепций Хайборийского и пост-Хайборийского мира». Чтобы полностью понять смысл сказанного, Смиту следует ознакомиться с одним из черновиков «Шествующего из Валгаллы», где диалог с Иштар существенно отличается от опубликованной версии:

«Слушай, и я расскажу тебе! — воскликнула она, бросаясь передо мной на колени и хватаясь за край моей туники.— Только послушай, а потом позволь мне ту малость, о которой я прошу! Я Иштар, дочь короля туманной Лемурии, которую давным-давно поглотило море. Тот-Амон, чародей из Стигии, ненавидел моего отца и, чтобы досадить ему, наложил на меня проклятие вечной жизни!

О, я прожила столько долгих, утомительных веков! Я видела, как Атлантида и Лемурия погружаются в воды и как появились первые хайборийцы. Но больше тысячи лет я провела в этих покоях, под золотым куполом храма Хему, куда привезла меня галера из далекого Кхитая... (Неопубликованный черновик.)

Таким образом, «Хайборийская эра» приготовилась стать чем-то большим, нежели просто мир Конана, и вошла в рассказы о Джеймсе Эллисоне. Несколько позже Говард также начал, но не закончил рассказ, действие которого происходит в наше время и в котором упоминается «Хайборийская эра» (фрагмент опубликован в «Собрании сочинений Говарда», 1979), и продал «Повелителя кольца», еще один рассказ о перевоплощении, где упоминаются Тот-Амон, его кольцо и Стигия.

В январе 1932 г. Говард начал работать над «Алой цитаделью» («Уэйрд тэйлз», январь 1933 г.). Это второй рассказ, где идет речь о Конане как короле Аквилонии, но в нем намного больше средневековых деталей, чем в «Фениксе на мече». «Алая цитадель» — первый рассказ о Конане, демонстрирующий интерес Говарда к истории и эпосу. Вполне вероятно, описанный у Булфинча эпизод дал идею для начала рассказа, где предполагаемые союзники ведут Конана и его армию в засаду. Описывая битву при Ронсевале, Булфинч пишет:

Марсилий начал жаловаться, не как послу, но как другу, на ущерб, который нанес ему Карл, вторгшись в его владения и желая отобрать у него королевство и отдать Орландо, пока наконец явно не высказал предположение, что если бы этого тщеславного паладина не было в живых, хорошие люди получили бы причитающееся по праву. Ган [...] воскликнул: «Каждое твое слово — правда; он должен умереть, и должен умереть также Оливер, который нанес мне столь подлый удар при дворе. [...] Я все спланировал. Я уже обо всем договорился с их господином, которому успех вскружил голову. Орландо придет к твоим границам, в Ронсеваль, чтобы получить дань. Карл будет ждать его у подножия гор. Орландо приведет с собой лишь небольшое войско, у тебя же, когда ты с ним встретишься, за спиной окажется вся твоя армия. Ты окружишь его, и кто тогда получит дань?»

Из этого короткого отрывка Говард создал эпопею, которая ничем не была обязана Булфинчу. Зачем что-либо заимствовать, если сама цель создания Хайборийского мира заключалась в том, чтобы быть свободным от исторических ограничений? Прочитанное Говардом стало лишь плацдармом, с которого начиналось создание рассказов, являвшихся полностью его собственными: например, кто бы мог заметить, что «Белый отряд» и «Сэр Найджел» сэра Артура Конана Дойла с большой долей вероятности дали Говарду некоторые базовые данные для опубликованной версии «Алой цитадели»? В письме, полученном Лавкрафтом 9 августа 1932 г., Говард между делом отметил: «Как и Сэмкину Эйлуорду, мне начинают нравиться люди, в которых есть капля горечи». Сэмкин Эйлуорд — персонаж романов Дойла, действие коих происходит в средневековой Англии и Франции во время Столетней войны. В опубликованной версии «Алой цитадели» есть загадочное упоминание о «земле, раздираемой войной баронов». В первых вариантах рассказа эта фраза выглядит куда более детально: «У аристократов долгая память, они наверняка помнят богатых торговцев, обильно жертвовавших средства на дело Конана, они помнят крепких йоменов, с которыми Конан разрушил власть феодалов в Войне Баронов». Причина смягчения фразы проста: в Англии действительно была историческая «Война Баронов» в тринадцатом веке, на которую ссылается Дойл в «Сэре Найджеле». Похожий пример можно найти в упоминании о том, что «шесть богатых торговцев, посланных с делегацией протеста, были схвачены и бесцеремонно обезглавлены» («Алая цитадель»).

Вероятно, источником служит знаменитый исторический эпизод о шести горожанах из Кале, хотя те на самом деле избежали смерти. Факт сей упоминается у Дойла: «Только представьте — он поклялся повесить шесть жителей этого самого города [то есть Кале], но тем не менее их простил». Многое из средневековой терминологии в рассказе Говарда, в особенности касающейся доспехов и оружия, также вполне может иметь своим источником романы Дойла.

«Алая цитадель» была первым рассказом, где упоминается относящийся к Хайборийской эре эквивалент африканского побережья, в сцене, где тюремщик узнает Конана как «Амру»: «...имя, под которым киммериец известен кушитам в дни своего пиратства — Амра, Лев». Таким образом, точно так же, как «Башня Слона» следует за упоминанием Заморы в «Фениксе на мече», действие следующего рассказа о Конане должно было происходить в экзотическом регионе Хайборийского мира.

Завершенная примерно в августе 1932 г. «Королева Черного побережья» — один из самых знаменитых рассказов о Конане, что вполне понятно. Его ценная составляющая, конечно, пиратка Бёлит (в первом варианте носившая имя Тамерис), первый значительный женский персонаж, появившийся в рассказах о Конане. Чтобы закончить рассказ, Говарду потребовалось четыре последовательных варианта, и, судя по ним, он не слишком представлял, каким образом рассказ завершится. Вероятно, он понимал, что реальная сила рассказа заключается не в его сюжете, но в странных отношениях, связывающих Конана и Бёлит.

В первом варианте Бёлит (Тамерис) заявляет, что хранит свою девственность: «Я Тамерис, королева Черного побережья, и я не знала объятий ни одного муж-

чины! Ни один мужчина, белый или черный, не может сказать, что получил в дар мои уста и мою любовь! Я всегда хранила себя неосквернённой для мужчины, которого, как я знала, однажды встречу».

Отношения между Конаном и Бёлит, несмотря на их любовную подоплеку, далеки от обычных бульварных амурных историй. В течение всего рассказа, и в особенности в ранних вариантах, их отношения сопровождаются скрытыми проявлениями садизма. В опубликованном варианте слова «Возьми меня и сокруши своей яростной любовью» соответствуют словам в более ранних вариантах: «Возьми меня, сокруши и истерзай своей яростной любовью!» Это далеко не единственный пример. В третьем варианте сразу за строкой диалога: «Что ж,— рассеянно сказала она, почти не глядя на него,— я доставлю на борт добычу» следуют такие строки:

«Конан, прищурившись, посмотрел на нее, чувствуя нарастающую мрачную ревность, не отводя взгляда от темных жемчужин на ее белой как слоновая кость груди. Он ощутил первобытное желание сорвать их с ее шеи и бросить в реку. Впервые у него возникло желание стиснуть железные пальцы на черных локонах подруги и наброситься на нее».

Мы не знаем, смягчил ли сам Говард свой рассказ в окончательном варианте, или это стало результатом редакторского вмешательства Фэрнсуорта Райта. Сравнение нескольких более поздних рассказов о Конане, для которых существуют окончательные машинописи с их опубликованными вариантами, показывает, что Райт систематически подвергал цензуре строки диалогов, которые полагал чересчур «чувственными».

Также в этом жестоком и мрачном рассказе Говард бегло знакомит читателя с жизненной философией киммерийца, в разговоре о религии и жизни после смерти между Конаном и Бёлит:

«А кому молится твое племя? Я ни разу не слышала, чтобы ты кого-нибудь призывал».

«Наш бог — это Кром, обитающий в пещере громадной горы, и призывать его без толку, ибо жизнь или смерть человека его мало волнует. Чем привлекать к себе его внимание, лучше уж промолчать, не то дождешься несчастий вместо удачи! Он угрюм и не знает любви, но при рождении он наделяет нас жизненной силой и волей драться за жизнь. И, если подумать — чего еще нам просить у богов?»

[...]

«Вера моего народа не сулит особой надежды ни здесь, ни в будущей жизни. Земное существование есть бессмысленное страдание и борьба, обреченная на поражение, а единственная утеха для нас — безумное вдохновение битвы. Когда мы умираем, наши души пускаются в вечное странствие сквозь туман, под низкими облаками, несущимися на ледяных ветрах».

С 7 мая до 23 июля 1932 г. в журнале «Кольерс» печатался с продолжением последний роман Сакса Ромера «Маска Фу Манчу». Несколько недель спустя он вышел в свет, и еще до конца года по нему сняли фильм. Ромер был давним любимым автором Говарда, в чьей библиотеке имелось немало его книг, так что он наверняка заметил новое произведение, тем более под особо привлекатель-

ной обложкой «Кольерса». В «Маске Фу Манчу» описывается неудавшаяся попытка китайского мудреца возродить культ Моканны, «иногда именуемого Пророком под Вуалью».

«[Моканна] около 770 года нашей эры объявил себя воплощением Бога и привлек в свою секту многие тысячи последователей. Он пересмотрел Коран. Его власть стала столь велика, что калиф Аль Махди был вынужден бросить против него довольно большую армию. Моканна слыл чудовищным созданием. Черты его были столь изуродованы, что на него было страшно смотреть... Он и его приспешники отравили себя в час поражения. С тех пор до сегодняшнего дня никто не знал, где он похоронен» («Маска Фу Манчу», глава 4).

Роман Ромера начинается сразу же после того, как была обнаружена могила Моканны в Хорассане, реликвии извлечены из нее, а сама могила — уничтожена, как мера предосторожности против фанатиков. Однако «возглас — "Моканна воскрес" — пронесся по всему Афганистану... Никому из кочевников, которые, как вы справедливо подозреваете, все еще верны традициям Моканны, и в голову не могло прийти, что вы или вообще кто-то из людей имеет отношение к взрыву, который превратил одинокое святилище в пыльную яму».

На этих соблазнительных предпосылках Ромер построил роман в стиле детектива о «желтой угрозе», сюжет которого вращается вокруг тщетных попыток Фу Манчу спасти реликвии из гробницы, чтобы сыграть роль нового воплощения Моканны. Вполне вероятно, Говард понял неиспользованный потенциал романа Ромера и начал писать эпическое произведение об успешном воскрешении «пророка под вуалью», первой задачей которого было объединить кланы кочевников в завоевательной войне, угрожающей хайборийским (то есть индоевропейским) народам. Ромер был связан требованиями исторической достоверности, которые Хайборийская эра Говарда могла игнорировать, и таким образом родился «Черный колосс»:

Из пустыни, которая лежит к востоку от Стигии, далеко на юг от Кофийских холмов, доходили слухи, будто среди кочевников появился новый пророк. Говорили о межплеменной войне, о собирающихся на юго-востоке стервятниках и о жутком предводителе, который вел свои быстро увеличивавшиеся орды к победе. [Стигийские] жрецы пытались при помощи магии сразиться с силой пустынного колдуна, которого люди звали Наток, Скрывающий Лицо, ибо черты его всегда скрывались под маской.

В романе Ромера могила Моканны находится в «Хорассе», в то время как рассказ Говарда начинается в «Хорадже» — в плане рассказа это место именуется «Хораспар». Сюжет рассказа Говарда, вероятно, основан на материалах по истории Месопотамии, которые он в то время изучал. Появление Бёлит (ассирийское имя) в «Королеве Черного побережья» уже указывает на интерес Говарда к этой теме, которая нашла свое окончательное выражение в рассказе 1932 г. «Дом Арабу».

Как и в случае с «Королевой Черного побережья», в «Черном колоссе» предполагались несколько сцен истязаний. В плане рассказа Говард пишет, что Ясмела «сорвала с самой красивой служанки одежду и растянула плачущую де-

вушку на алтаре, но ей не хватило смелости или жестокости принести ее в жертву», а в первом черновике он написал: «Каждый день ее рождения, до двадцати лет, Ясмелу укладывали на колени статуи в храме Иштар, и жрица секла ее розгами, чтобы научить смирению перед богиней».

Даже в опубликованной версии рассказ содержит немало сексуальных намеков, от слов Хотана «Я научу тебя древнему забытому искусству удовольствия» до сомнений Ясмелы: «Мне не к лицу появляться перед святилищем одетой в шелка. Я приду нагой, на коленях, как полагается молящейся, чтобы Митра не счел, будто мне недостает покорности». Что касается завершения рассказа, то Говард сам комментировал его в письме Тевису Клайду Смиту:

За прошедшие годы мои герои перестали быть столь высокоморальными. Один из моих последних проданных рассказов заканчивается сексуальным сношением вместо обычной резни. Мой меченосец хватает принцессу — уже основательно потрепанную злодеем — и швыряет ее на алтарь забытых богов, в то время как снаружи идет сражение и бойня, и в сумерках на происходящее взирают останки злодея, пригвожденного к стене героем. Не знаю, насколько понравится читателям, но могу побиться о заклад, что некоторым понравится. У среднего человека есть тайное желание быть развязным пьяным убийцей, насильником и головорезом. (Говард — Т. К. Смиту, примерно декабрь 1932, не опубликовано.)

Интересно отметить, что в первом варианте рассказ заканчивается иначе:

Несколько мгновений он держал ее в объятиях, потом оттолкнул.

«Демоны Крома! — проворчал он.— Сегодня погибли сорок с лишним тысяч человек, а я болтаюсь здесь, лаская хнычущую девчонку! Надень на себя что-нибудь, и убираемся отсюда. Дело не ждет».

Спорный вопрос, был ли сам Говард «средним человеком», но, когда он представил свой рассказ, у Райта, судя по всему, не появилось никаких нареканий по поводу сексуальных элементов, единственное замечание касалось длины рассказа, который он, вероятно, счел чересчур затянутым. Сам Говард сокращал рассказ с каждым очередным вариантом и согласился с требованием Райта. Но техасец, похоже, понимал, что сексуальные элементы помогают ему продавать рассказы о Конане. Судя по всему, Райт куда больше возражал против «сквернословия» в диалогах, чем против «вызывающих» сцен.

Следующие три рассказа о Конане, «Тени в лунном свете», «Сумерки Ксутала» и «Колодец черных демонов», были написаны именно в таком порядке — и с очень небольшим перерывом — между ноябрем и декабрем 1932 г. Во всех трех действуют скудно одетые женские персонажи, которых неумолимо влечет к киммерийцу. Все три были проданы немедленно. За исключением «Дочери ледяного исполина» и «Башни Слона», все предыдущие рассказы о Конане проходили в процессе своего создания через три или четыре редакции. В противоположность им, для новых рассказов потребовалось лишь по два варианта — черновик и окончательная версия. Продажа «Черного колосса» убедила Говарда, что качество и тщательное выписывание героев — не самые существенные

черты, когда речь идет о продаже. Неудивительно, что «Черный колосс» стал первым рассказом о Конане, отраженным на обложке «Уэйрд тэйлз» в июньском номере 1933 г., за которым в сентябре последовали «Сумерки Ксутала» (опубликованный под названием «Ползучая тень»). Интересно отметить, что как на той, так и на другой обложке Конан не фигурирует, зато изображены героини, обнаженные настолько, насколько могла позволить цензура. «Колодец черных демонов» появился в следующем месяце, в то время как намного ее превосходящая «Королева Черного побережья» была опубликована лишь в выпуске за май 1934 г. Вероятно, не случайно Маргарет Брюндейдж, достигшая совершенства в изображении скудно одетых женщин, стала постоянным автором обложек «Уэйрд тэйлз» в 1933 г.

Из этих трех ничем не выделяющихся рассказов о Конане наиболее интересен «Сумерки Ксутала». Комментируя его в письме Кларку Эштону Смиту, Говард писал: «На самом деле он посвящен не только рубке на мечах, как можно было бы решить на основе аннотации». Основной сюжет рассказа — Конан и некая женщина находят уединенный остров, который населяют деградировавшие жители и злобная колдунья,— впоследствии был существенно обогащен и развит в рассказе «Гвозди с красными шляпками» (май 1935). Тема эта вызвала глубокий психологический резонанс в душе Говарда. Однако в конце 1932 г. Говард не готов еще отнестись к ней так, как она того заслуживала, и «Сумерки Ксутала» бледнеют в сравнении с будущим рассказом о Конане.

Если Говарду потребовалось всего два варианта, чтобы закончить несколько последних произведений, то рассказ «Сплошь негодяи в доме» — вероятнее всего, написанный в январе 1933 г.— сделал еще шаг в этом направлении. В январе 1934 г. Говард писал Кларку Эштону Смиту:

«Рад, что вам понравились "Сплошь негодяи в доме". Это один из тех рассказов, который словно писался сам собой. Я даже ни разу его не переписывал. Насколько помню, лишь стер и поменял в нем одно слово, а потом послал издателю. У меня просто раскалывалась голова, когда я писал первую половину, но, похоже, это никак не повлияло на работу. Жаль, мне не удается всегда писать с подобной же легкостью. Обычно я переписываю один или два раза даже мои истории о Конане, а все остальное перелопачиваю от начала до конца».

«Сплошь негодяи в доме» было последним рассказом о Конане, основанном на интересе Говарда к ассирийской истории. К этому времени он все больше интересовался историей и легендами американского Юго-Запада. Бран Мак-Морн, Тэрлоу О'Брайен, Кормак Мак-Арт и Кулл теперь принадлежали к литературному прошлому Говарда. За несколько коротких месяцев ему предстояло создать наиболее успешный с коммерческой точки зрения цикл — рассказы о Брекенридже Элкинсе, написанные в стиле вестерна-бурлеска. В апреле 1932 г. Говард уже писал Лавкрафту: «Я пытаюсь окутать мои родные края таинственной атмосферой, запечатленной на реалистичном фоне. "Ужас из кургана" в последних «Уэйрд тэйлз" — слабая попытка подобного рода». Затем появились «Человек на земле» и «Сердце старого Гарфилда», где фон американского Запада смешивается с фантастикой.

В декабре 1932 г. Говард вступил в переписку с Огастом В. Дерлетом, писавшим как фантастические рассказы, так и провинциальную литературу, и оба вско-

ре начали обмениваться историями и традициями родных краев. В письме, датированном 29 декабря 1932 г., Говард спрашивал Дерлета: «Вы наверняка слышали о Квана Паркере, великом вожде команчей, сыне Пета Ноконы и Синтии Энн Паркер?» Дерлет, вероятно, не слышал, и попросил Говарда рассказать эту историю. Говард, как и большинство техасцев, был с ней знаком, но тем не менее ему потребовались дополнительные сведения, прежде чем ответить. В длинном письме Дерлету, в частности, говорится:

В 1836 году, когда техасцы сражались за свою свободу, команчи особенно смело нападали на разбросанные поселения, и во время одного из таких нападений пал форт Паркер. Несколько сотен команчей и кайова буквально стерли его с лица земли, вместе с большей частью обитателей... Форт Паркер ушел в забвение, и среди захваченных в плен женщин и детей оказались Синтия Энн Паркер, девяти лет, и ее шестилетний брат Джон.

Их захватили разные кланы. Джон был воспитан как индеец, но никогда не забывал свои белые корни. При виде молодой мексиканской девушки, донны Хуаниты Эспинозы, в плену среди краснокожих пробудилось спящее наследие его предков. Он бежал из племени, забрав ее с собой, и они поженились...

Вероятно, именно в истории Синтии Энн и Джона Говард нашел вдохновение для следующего рассказа о Конане, «Долина пропавших женщин» (написанном примерно в феврале 1933 г.). В этом рассказе говорится, что Конан несколько месяцев жил среди африканских племен, вернее, их эквивалента Хайборийской эры. В деревне Баджудж он обнаруживает белую пленницу, Ливию. Как и у Синтии Энн Паркер, у Ливии был брат — «Этим утром моего брата замучили и разрубили на части прямо на моих глазах» — и их захватило в плен враждебное племя. И точно так же, как при виде донны Эспинозы «пробудилось спящее наследие» в крови Джона, так и Ливия пробуждает похожие чувства у Конана: «Я не собака, чтобы оставить белую женщину в лапах чернокожего». С этого момента сюжеты расходятся. Конан успешно побеждает неубедительно описанного «черного демона», затем дает слово Ливии отправить ее обратно к ее народу, естественно, без обещаний на ней жениться.

Неудивительно, что рассказ продать не удалось. Если Говард и пытался втайне привнести свой растущий интерес к западным легендам в рассказы о Конане, то делал это чересчур утонченно: невозможно определить источник, не имея доступа к дополнительным документам. Убедительная история Синтии Энн и Джона Паркеров теряется среди не выглядящих серьезными сверхъестественных опасностей и склонности Ливии к наготе. Что касается расистского подтекста — хотя жестокий этноцентризм рассказа понятен, учитывая его происхождение с точки зрения англосаксонского поселенца девятнадцатого века, с заменой индейцев на негров, для современной аудитории это не слишком приятное чтение. Так или иначе, первое вторжение Говарда в американско-юго-западную версию Хайборийской эры оказалось неудачным, и прошел еще год, прежде чем он повторил попытку.

«Долина пропавших женщин» была, вероятно, отвергнута Райтом, хотя на сей счет не сохранилось никаких документов. Так закончился первый Конанов-

ский период Говарда. Он не возвращался к своему персонажу до конца 1933 г. Чуть больше чем за год он закончил двенадцать рассказов о Конане, продав девять. В то время как первые рассказы были в целом выше среднего, более поздние демонстрировали явную тенденцию к шаблонности. Они начинали походить на те, которым Роберт Блох выносил приговор на страницах для писем в «Уэйрд тэйлз».

Из девяти принятых рассказов только три были опубликованы к весне 1933 г., и Райту потребовалось больше года, чтобы опубликовать остальные. Для Говарда пришло время сосредоточиться на других рынках сбыта. Депрессия основательно подкосила индустрию дешевых журналов, и для Говарда не оставалось иного выхода.

В мае 1933 г. британский издатель Денис Арчер связался с Говардом на тему возможной книжной публикации в Англии. Говард выбрал свои лучшие рассказы и отправил их 15 июня. Из восьми отобранных рассказов два были о Конане: «Башня Слона» и «Алая цитадель». Столь малое число рассказов о Конане отражает не плохое мнение Говарда о них, а лишь тот факт, что «Уэйрд тэйлз» обладали правом первой публикации. Соответственно, большинство рассказов о Конане не могли быть включены в число тех, которые Говард отправил другому издателю. Поскольку «Уэйрд тэйлз» не возвращали рукописи после публикации, Говард перепечатал «Алую цитадель» из журнала, слегка подправив в процессе текст, а «Башню Слона» послал прямо на вырезанных журнальных страницах. До самого января 1934 г. он не получал никаких известий от Арчера, который отклонил его рассказы, но предложил прислать вместо них роман.

В октябре 1933 г. Говард писал Кларку Эштону Смиту: «У Райта еще не опубликованы три рассказа о Конане: "Железные тени Луны", "Королева Черного побережья" и "Сплошь негодяи в доме". Сейчас я работаю над еще одним, которому пока не дал названия». Несколько недель спустя он писал Смиту: «Райт недавно принял еще один рассказ о Конане, "Железный демон"».

«Железный демон», первый рассказ о Конане, законченный после «Долины пропавших женщин», не был полностью оригинальным, позаимствовав многие элементы из рассказа «Тени в лунном свете», написанного годом раньше. Видимо, Говарду потребовалось некоторое время, чтобы вновь погрузиться в мир киммерийца после долгого отсутствия. Как он однажды писал Кларку Эштону Смиту по поводу своих персонажей, «неожиданно я обнаружил, что потерял контакт с собственной концепцией, словно у меня на плече сидел некий друг, направлявший мои усилия, и вдруг он встал и ушел, оставив в поисках другого персонажа».

Весной 1933 г., осознав необходимость расширять рынок сбыта, Говард стал пользоваться услугами Отиса Эделберта Клайна в качестве своего агента. Клайн немедленно предложил ему попробовать писать в разных жанрах, чтобы повысить шансы продаж. К концу 1933 г. Говард писал рассказы на разные темы — детективные, боксерские, исторические и вестерны, а также экспериментировал с более длинными приключенческими произведениями. Ничем не выдающиеся рассказы о Конане остались на несколько месяцев позади, и после нескольких неуверенных попыток вновь начать цикл Говард наконец снова смог писать о киммерийце.

2

1933 год закончился для Роберта И. Говарда на гораздо более позитивной ноте, чем начинался, хотя и обещал стать катастрофическим. В 1932 году издательство «Фикшн Хаус» прекратило издание «Файт сториз» и «Экшн сториз», двух журналов, которые платили скромно, но регулярно, обеспечивая Говарду скудный, но постоянный доход. Появление «Стрэндж тэйлз» — прямого конкурента «Уэйрд тэйлз»,— где хорошо платили, причем сразу же после приема рукописи, а не после публикации, стало некоторой компенсацией, но в конце 1932 года Говард узнал, что этот журнал также прекращает выходить. В начале 1933 года его предельно сузившийся рынок сбыта включал в себя новый ежеквартальный журнал Фэрнсуорта Райта «Мэджик капет» и «Уэйрд тэйлз». Ничего больше не оставалось делать, и за несколько недель Говард буквально завалил «Уэйрд тэйлз» рукописями, с одной очевидной целью: продать как можно больше. Среди присланных материалов была бóльшая часть второстепенных рассказов о Конане, написанных с явным желанием заработать денег. Лишь весной 1933 года, когда впечатляющее количество рассказов о Конане ожидало публикации в журнале Райта («Ползучая тень», «Королева Черного побережья», «Колодец черных демонов», «Тени в лунном свете» и «Черный колосс»), Говард уделил внимание новым рынкам. Наняв Отиса Эделберта Клайна в качестве своего агента, техасец провел несколько недель в попытках продать рассказы о боксерах, а также освоить новые для него жанры детектива и вестерна. Он начал серьезно рассматривать вопрос о правах на свои произведения, а также возможность публикации сборника рассказов в Англии.

В октябре 1933 года Говард вновь вернулся к Конану. «Уэйрд тэйлз» уже напечатали три из пяти рассказов о Конане из своего портфеля, по мере того как становилось ясно, что персонаж пользуется немалой популярностью. «Железный демон», законченный примерно в октябре 1933 года, представляет собой довольно слабую попытку Говарда сделать что-то новое, учитывая, что тот не писал о Конане уже шесть месяцев. Многое в нем было позаимствовано из более раннего рассказа, «Тени в лунном свете». Оба рассказа демонстрировали, что Говард был во многом обязан Гарольду Лэмбу, одному из столпов «Эдвенче», издания, оказавшего на Говарда, пожалуй, большее влияние, чем «Уэйрд тэйлз».

Если Говард и был ранним поклонником «Уэйрд тэйлз» — известно, что он уже знал о существовании журнала меньше чем через полгода после того, как тот появился в продаже,— первой любовью техасца явно была приключенческая литература, в намного большей степени, чем фантастика. В памяти его надолго осталось воспоминание о том, как он впервые обнаружил «Эдвенче»: «Журналы были еще более редки, чем книги. Именно после того, как я переехал в "город" (в относительном смысле), я начал покупать журналы. Хорошо помню самый первый. Мне было пятнадцать лет. Я купил его однажды летним вечером, когда не мог усидеть на месте из-за странного беспокойства и у меня дома закончилось все, что можно было читать. Никогда не забуду, какой трепет я испытал. Почему-то мне раньше не приходило в голову, что можно купить журнал. Это был "Эдвенче". У меня до сих пор сохранился экземпляр. После этого я покупал "Эдвенче" в течение многих лет, хотя иногда мне попросту не

хватало денег. Тогда этот журнал выходил три раза в месяц... Я ужимался и экономил от одного журнала к следующему; я покупал номер и записывал его себе в долг, а когда выходил другой, я платил за тот, который у меня уже был, и записывал в долг новый, и так далее».

К 1921 году, когда Говард узнал о существовании «Эдвенче», журнал был твердо стоявшим на ногах изданием, одним из ведущих, если не ведущим литературным журналом своего времени, на страницах которого постоянно печатались такие таланты, как Тэлбот Манди и Гарольд Лэмб. Артур Д. Хоуден-Смит поставлял рассказы о приключениях викингов, а летом 1921 года страницы журнала впервые удостоил своим творчеством Рафаэль Сабатини. Эти авторы повлияли на Роберта И. Говарда в намного большей степени, чем кто-либо из авторов «Уэйрд тэйлз». Интерес Говарда к «Эдвенче» простирался дальше простого чтения рассказов; два его письма были опубликованы в журнале в 1924 году, и он более или менее регулярно переписывался с Р. В. Гордоном, отвечавшим за отдел народной песни. Вероятно, именно благодаря «Эдвенче» у Говарда возникло желание стать писателем: «Я написал свой первый рассказ, когда мне было пятнадцать, и отправил его, кажется, в "Эдвенче". Три года спустя я сумел пробиться в "Уэйрд тэйлз". Три года писательства, за которые мне не удалось продать ни строчки. (Я так и не сумел продать что-либо в "Эдвенче"; а ведь моя первая попытка могла связать меня с ними навсегда!)» Эти строки были написаны летом 1933 года, за несколько недель до того, как техасец начал писать приключенческую литературу. За отчасти удивленным, отчасти раздраженным тоном Говарда чувствуется его разочарование тем, что он так ни разу и не опубликовался в этом журнале. Все сохранившееся раннее творчество Говарда 1922–1923 годов можно считать искренними попытками подростка воспроизвести то, что он читал в «Эдвенче»: он начал, но так и не закончил десяток рассказов с участием Фрэнка Гордона, чьи приключения были позаимствованы у Тэлбота Манди, а прозвище Эль Борак Проворный — у Сабатини.

Весьма символично, что, когда Говард вновь стал писать приключенческие рассказы в октябре 1933 года, процесс начался с воскресения столь же невероятного, как воскресение Ксальтотуна в «Часе Дракона»: главным героем его первого взрослого приключенческого рассказа был Фрэнсис Кс. Гордон, Эль Борак, переработанный вариант его подросткового творения. Таким образом, он не исследовал новые земли, но наводил мост через десятилетие. Во втором рассказе о Гордоне, «Дочь Эрлик-хана», Гордон исследует город Йолган, скрытый внутри таинственной восточной горы, где держат в плену прекрасную Жасмину. В следующем рассказе техасца, истории о Конане «Люди Черного Круга», таинственная восточная гора называется Имш, и именно там Конан спасает еще одну прекрасную Жасмину. Как воскликнул Говард, прочитав первые романы Манди в 1923 году: «Жасмина? Вот это героиня, разве нет?»

Многое было написано о влиянии Тэлбота Манди на этот конкретный рассказ о Конане, но, хотя еще предстоит определить, что послужило Говарду источником материала для этого рассказа, Манди, скорее всего, не имеет к этому отношения. Вполне вероятно, что разработки Говарда для его «восточных приключений» также послужили основой для новых произведений о Конане. В «Железном демоне», к примеру, Говард поменял имя туранского царя с Илдиза (в «Тенях в лунном свете») на Ездигерда. Большая часть действия этого рассказа

происходит на острове Ксапур; вполне вероятно, что имена происходят от исторического Ездигерда — персидского царя и завоевателя — и Шапура, его отца. Ездигерд вновь появился в «Людях Черного Круга», и вместе с ним несколько новых географических элементов, которые Говард добавил в этом рассказе к своему Хайборийскому миру, таких как Химелийские горы, Афгулистан и Вендия.

«Люди Черного Круга» были самым длинным на тот момент произведением Говарда о Конане — настоящая, и притом успешная повесть, а не просто длинный рассказ. Произведение такой величины не могло держаться на одних лишь плечах Конана, и Жасмина стала долгожданной заменой готовых отдаться женщин из прежних рассказов. Однако наиболее запоминающимся второстепенным персонажем стал Хемса, разрывающийся между преданностью хозяевам и любовью к Гитаре, между духовными и земными желаниями. Ибо, как и подобает рассказу, описывающему Восток и Запад, «Люди Черного Круга» основаны на дуализме — брат и сестра, одна жива, другой мертв; две противоположные друг другу пары, Конан и Жасмина против Хемсы и Гитары (две пары, в которых соперничество за власть является существенным фактором их взаимоотношений). Но если первые — повелители (соответственно, вождь и королева), то вторые — всего лишь слуги вождей. Противостояние между первобытными горцами и колдунами с Имша, то есть между физическим и духовным, вероятно, возникло на основе длившихся целый год дебатов на эту тему, которые занимали Говарда и Г. Ф. Лавкрафта большую часть 1933 года.

Если в рассказе порой и чувствуется присущая Манди склонность к мистицизму, у Говарда он воспринимается совершенно иначе. Собственно, техасцу вряд ли требовалось обращаться к Манди за вдохновением для мистицизма — он буквально купался в нем многие годы. Более того, если убрать восточный колорит рассказа, повествование странным образом соприкасается со многими моментами в истории семьи самого Говарда. Его отец, доктор Айзек М. Говард, всю жизнь интересовался мистикой, йогой и гипнозом. Он регулярно практиковал гипноз на своих пациентах, иногда в присутствии юного Роберта, и снабдил примечаниями свои экземпляры «Индусской науки дыхания» и «Четырнадцати уроков философии йоги» Йога Рамачараки. Если Говарду нужны были документы по восточному мистицизму, ему незачем было перечитывать Манди, поскольку у него имелся намного более серьезный источник информации в собственном доме. Начальная сцена — в которой описывается смерть брата Жасмины у нее на руках — является еще одним поразительным автобиографическим примером. В литературной плоскости она побуждает к сравнению с несколькими другими рассказами, в особенности с «Погибелью Дэймода», в котором героя сверх всякой меры потрясает смерть его сестры-близнеца. В произведениях Говарда братья и сестры часто разлучаются, и обычно при трагических обстоятельствах. Причиной подобной навязчивой идеи вполне может быть упоминаемый (хотя и недокументированный) выкидыш у матери Говарда в 1908 году, когда Роберту было два года. Это побуждает нас провести параллель между Жасминой и Говардом, которые оба пережили потерю брата. Однако, как это обычно бывает в произведениях Говарда, эти биографические элементы вскоре размываются и теряются в истории, которую техасец должен был рассказать, чтобы продать ее Фэрнсуорту Райту. «Люди Черного Круга» — особенно

удачный рассказ о Конане во всех отношениях. Ему не чужд эскапизм, и он намного опережает стандартные дешевые сюжеты, отличаясь всесторонней глубиной, что ставит его среди трех или четырех лучших рассказов о Конане, написанных Говардом на тот момент.

На Фэрнсуорта Райта он, судя по всему, произвел неплохое впечатление, поскольку первая его часть была опубликована меньше чем через пять месяцев после того, как рассказ был принят. Однако куда меньше ему нравилась все возрастающая фамильярность, которую Говард допускал в диалогах, и откровенность некоторых ситуаций, из-за чего ему несколько раз приходилось серьезно смягчать ругательства Конана и сексуальные намеки.

В начале января 1934 года, когда Говард писал «Людей Черного Круга», он наконец получил известие о сборнике рассказов, которые отправил Денису Арчеру в Англию в июне прошлого года. Ответ не был положительным. Хотя редактор и счел рассказы «чрезвычайно интересными», этого было недостаточно: «Сложность с книжной публикацией состоит в том, что сейчас слишком сильно предубеждение к сборникам рассказов, и я с большой неохотой вынужден вернуть рассказы вам. Однако, как только у вас появится возможность написать полноразмерную повесть в 70—75 тысяч слов в духе этих рассказов, моя родственная компания, "Поулинг и Несс Лтд.", которая имеет дело с библиотеками и в состоянии продать первый тираж в 5000 экземпляров, будет рада ее опубликовать».

За исключением отчасти биографической «Высокие дубы и песчаные холмы» (1928), Говард никогда не писал больших повестей, хотя продемонстрировал свои способности новеллой «Люди Черного Круга», которая в окончательном варианте имеет объем в 31 тысячу слов. Многие другие писатели сдались бы, столкнувшись с издателем, которому потребовалось полгода на то, чтобы дать отрицательный ответ, отклонив сборник рассказов, которые он сам в первую очередь просил. Однако позже в том же месяце Говард писал Огасту Дерлету: «Английская фирма, продержав несколько месяцев мои рассказы, наконец вернула их обратно, сказав, что против сборников сейчас существует предубеждение — я имею в виду сборники рассказов,— и предложила мне написать для них повесть. Но я не испытываю на этот счет особого энтузиазма, поскольку я слишком разочарован. Конечно, попробую сделать, что смогу».

Говард, вероятно, начал работать над повестью в феврале 1934 года, но ему пришлось оставить ее несколько недель спустя.

«Альмарик» — поскольку, вероятнее всего, именно эту повесть Говард начал писать для английского издателя — был брошен на полпути, написан был лишь первый вариант и половина второго. Это должна была быть третья — и последняя — история Говарда о Жасмине, после «Дочери Эрлик-хана» и «Железного демона». Как и ее тезки, эта Жасмина тоже жила внутри странной горы под названием Ютла. Почему Говард настоял на том, чтобы его Жасмины обитали внутри гор, видимо, останется тайной. В повести использовалось несколько ключевых сцен из рассказов, ранее направленных издателю. Крылатый Яга из «Альмарика», например, явно кое-чем обязан крылатым созданиям из рассказа о Соломоне Кейне «Крылья в ночи». Говард действительно делал все, чтобы его повесть была «в духе рассказов», которые он посылал до этого. Тем не менее Говард оставил «Альмарика» незаконченным по неизвестным до сих пор

причинам. (Повесть пролежала несколько лет, пока наконец не была опубликована на страницах «Уэйрд тэйлз» после смерти Говарда, законченная другим автором.)

Бросив «Альмарик», Говард, вероятно, понял, что единственно логичным выходом для него было сделать главным героем повести Конана; продажи «Людей Черного Круга» в конце февраля или марте 1934 года продемонстрировали, что он может успешно писать об этом персонаже. Еще важнее было то, что место и время действия — Хайборийская эра — и сам главный герой глубоко укоренились в мозгу Говарда и почти не требовалось труда, чтобы создать основу для предполагаемой повести. Наконец, рассказы о Конане были также включены в первый сборник, отправленный Арчеру; он мог снова представить материал «в духе» того, что уже предложил британскому издателю.

Сохранившийся план и 29-страничный черновик первой попытки написать повесть о Конане интригуют уже хотя бы тем, что резко отличаются от других историй о киммерийце. Этот черновик под названием «Томбалку» был начат и брошен после того, как Говард закончил «Людей Черного Круга» и бросил «Альмарик», со всей вероятностью, в середине марта 1934 года. Конан не является его главным героем; эта роль выпадает на долю некоего Амальрика (чье имя вызывает в памяти Альмарика). Читая синопсис и первый черновик, достаточно легко понять, что автору не хватало хорошего материала для повести; фактически ему не хватало хорошего материала вообще. Связь между первой частью и тем, что должно было стать главами «Томбалку», неубедительна, и сюжет явно уходил в никуда. Говард вскоре понял это и снова бросил начатое, чтобы приступить к работе над последней — окончательной и удачной — попыткой написать свою повесть «Час Дракона».

Из плодов двух предыдущих попыток Говард не использовал почти ничего. Действительно, мало что говорит о том, что три истории были написаны примерно в одно и то же время: в «Часе Дракона» Конан коротко упоминает нож гханатов, племени, отметившемся лишь в незаконченном черновике «Томбалку».

В раннем варианте повести мы узнаем, что Конана когда-то звали Железная Рука, то же самое прозвище, которое носил Исау Каирн на планете Альмарик. В «Часе Дракона» есть также упоминание о «принце Альмарике», но, возможно, скорее имеется в виду его тезка в «Ползучей тени» — другой принц, нашедший свою гибель в руках стигийцев,— чем повесть с таким же названием.

Однако один отрывок из «Томбалку» вполне мог вдохновить техасца на идею его повести:

Один из прохожих, с гладким лицом, но серебристыми волосами, спросил:

— Аквилония? Мы слышали, что в нее вторгся король Немедии Брагор. Чем закончилась война?

— Его прогнали,— коротко ответил Амальрик, едва сдерживая дрожь. Прошло девятьсот лет с тех пор, как Брагор повел своих воинов через границу Аквилонии.

Вот она, завязка сюжета «Часа Дракона»: вторжение в Аквилонию ее соседей из Немедии. Семь таинственных всадников также, вероятно, превратились в «Часе Дракона» в четырех чародеев из Кхитая. Амра, второе имя Конана в те времена, когда он разбойничал на море среди черных пиратов, также перешло

из черновика в повесть, а тема соперничающих королей, очевидно, стала существенной его составляющей. Многое из этого уже послужило основой для раннего рассказа о Конане под названием «Алая цитадель», в числе других посланного в Англию, в котором Конан выступал под именем Амра и описывалось вторжение (в данном случае из Кофа и Офира). Воскресение Ксальтотуна в немалой степени напоминает воскресение Тугра Хотана в «Черном колоссе», хотя этого рассказа не было среди тех, что отправились в Англию в середине 1933 года.

Говард знал, что ему следует делать с «Часом Дракона» и как: он повторно использовал некоторые элементы прошлых рассказов о Конане и в то же время пытался завоевать нового читателя. Таким образом, ему приходилось излагать как можно больше сведений о своей Хайборийской эре и ее возможностях предполагаемым новым читателям, и он без всяких угрызений совести воспроизводил некоторые фрагменты прошлых рассказов о Конане, поскольку британский рынок не был расположен к публикации короткой формы. Читатель получал некоторую информацию о Стигии, о землях, соответствовавших в Хайборийской эре африканским королевствам, даже кое-какие намеки — с помощью таинственных чародеев — на страны к востоку от Вилайета, в произведении, центром которого, однако, оставались хайборийские страны, предположительно уже знакомые этому читателю королевства, соответствовавшие современной Восточной Европе.

Прошло немало времени с тех пор, как Говард писал о Конане как о короле, и мог бы возникнуть вопрос, почему он решил вернуться к теме, давно исчезнувшей из его рассказов. Ответ, вероятно, снова кроется в предполагаемом рынке сбыта книги. Британскую публику всегда остро интересовала тема мифических королей, как и самого Говарда: разве он не писал в «Фениксе на мече» о короле, который выигрывает битву с помощью волшебного меча, очень похожего на Экскалибур? Разве он не писал в «Алой цитадели» о том, что король — единое целое со своим королевством и тот, кто убивает короля, разрубает связующие нити королевства? Разве не был король Конан готов признать свое родство с самым знаменитым из кельтских королей, Артуром?

В «Часе Дракона» Конан попадает в плен из-за предательства и в конечном счете добивается победы посредством выдающейся военной стратегии. В повести паралич Конана носит явно сверхъестественную природу, и это выясняется, когда Ксальтотун предостерегает Конана от участия в сражении. Парализующая Конана магия разрывает важнейшую связь — король отрезан от своей армии, и именно это привело к ее поражению. Как заявляет Паллантид: «Только он мог повести нас сегодня к победе». После мнимой смерти Конана, короля Аквилонии, исчезает все единство Аквилонии и ее мощь. Как позднее говорит Конану ополченец: «Прости, государь, но ты был для них чем-то вроде веревки, удерживающей вместе вязанку хвороста. Не стало веревки — и развалилась вязанка». Лишь предполагаемая смерть Конана позволяет Валерию занять трон. «Пока Конан жив — он опасен. Он способен объединить Аквилонию»,— заявляет Тараск. «Защититься можно только в единстве»,— позже вторит ему Конан. Валерию, несмотря на его военную победу, не удается восстановить потерянное единство королевства и получить поддержку народа. И вновь слова Конана:

«Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается на твое правление. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха». Оказывается, что Конан по праву является королем Аквилонии, и только магия может победить его единство с народом.

Вовсе не Сердце Аримана стало причиной поражения Конана. Сердце — не орудие зла. Хадрат, жрец Асуры, позже подтверждает, что «Сердце подобно мечу. Ксальтотун не способен разить им, но сам может быть им поражен. Сердце дает жизнь, но может и отнять. Ксальтотун прибрал его к рукам не для того, чтобы обратить против врагов,— затем лишь, чтобы с его помощью они не погубили его самого...» И заканчивает словами: «В нем — судьба Аквилонии». Почему Сердце заключает в себе судьбу Аквилонии? В начале повести мы узнаем, что это сокровище «хранилось в пещере под храмом Митры в Тарантии». Символизм очевиден: Сердце, как предполагает его название, находилось в сердце, то есть в центре королевства. К тому же митраизм в Хайборийской эре является ближайшим эквивалентом организованной религии, официальной религией Аквилонии, так же как и наиболее упорядоченным из хайборийских культов; отсюда и его «центральное» положение. Тарантия требует некоторого обсуждения. В «Алой цитадели» столица Аквилонии называется Шамар; Тарантией она называется в повести «Час Дракона». Смена названия Говардом была не «очевидной ошибкой», по словам некоторых редакторов, но результатом тщательного выбора: Тарантия происходит от Тары, мистической и политической столицы Ирландии, которую ирландские кельты считали сердцем своего королевства. «И тебе не бывать больше на троне, если ты не разыщешь Сердце своего королевства!» — говорит Зелата Конану, и он уточняет: «Ты имеешь в виду город? Тарантию?» Таким образом, Сердце — это мистический камень, точный центр страны, символ связи, соединяющей людей и землю с их королем. Как только эта связь разрушена, «королевство лишается сердца», последствия чего для людей и страны ужасны и скоротечны:

Но теперь лишь угли и пепел позволяли угадать, где стояли раньше дома земледельцев и виллы вельмож. ...Потому-то к западу от предгорий через всю страну протянулась широкая полоса пожарищ и разрушений. Конан ругался сквозь зубы, пересекая черные пепелища, бывшие когда-то тучными нивами, в стороне от которых вздымались к небесам остовы сгоревших домов. Земли вокруг были пусты и безлюдны, и Конан казался себе самому призраком, явившимся из давно забытого прошлого.

Все это вполне логично, поскольку в историях о Граале страна превращается в бесплодную и опустошенную землю с того момента, когда король больше не может надлежащим образом править своим королевством: последствия поражения Конана от руки заговорщиков простираются намного дальше, чем пленение и лишения киммерийца. Проблема «Часа Дракона» состоит в том, что Конан, похоже, сперва не осознает мистическую связь между ним и его страной. Желание вернуть себе трон, отобрав его у врагов, обречено с самого начала, и даже его самые лояльные подданные отказываются участвовать в том, что они считают самоубийственным предприятием. Только когда Конан все понимает, он может отправляться на поиски приключений: «Нет, какой же я дурень! Серд-

це Аримана! Сердце моего королевства! "Разыщи Сердце своего королевства",— сказала Зелата».

Таким образом, примерно к середине повести начинаются приключения, подобные путешествию Артура в поисках Грааля. За артуровской легендой просматривается известное стремление кельтов иметь общего короля, которого исторически у них никогда не было, того, кто должен был объединить их племена против общих врагов. Этот король, «рекс», в противоположность римскому «императору», постоянному представителю сильной и централизованной власти, большую часть времени являлся военным лидером. И Говард рассказывает нам именно об этом: путешествие Конана в поисках Сердца — это поиск верного пути к тому, чтобы исполнить свой долг как короля-рекса, а не императора-тирана. Это отчетливо демонстрирует диалог между Конаном и Троцеро в середине книги:

— Так давай присоединим Зингару к Пуатену,— предложил Троцеро.— Там теперь не менее полудюжины принцев, и все рвут глотки друг другу. Мы легко завоюем ее, одну провинцию за другой, и присоединим к твоим владениям. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир. Уж если кто создаст империю, так это мы!

И вновь Конан отрицательно покачал головой:

— Об империях пускай мечтают другие, я же хочу сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается на твое правление. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия? Нет, Троцеро. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!

Тот, кому пришла в голову мысль переименовать повесть Говарда в «Конана-завоевателя», очевидно, не понял его суть: Конан по своей природе кто угодно, только не завоеватель. Если королевский титул Конана рассматривать как в некотором роде цель его жизни, то вывод из этого совершенно иной, чем тот, который предполагался многие годы: Конан-король обладает намного меньшей свободой и властью (поступать так, как он захочет), чем Конан-киммериец.

Если Конан — это Артур, возникает вопрос, где его Гвиневра. Королева играла особую роль в кельтских странах, и ее отсутствие в повести Говарда может показаться странным, по крайней мере читателю, не знакомому с киммерийцем. Многих читателей «Уэйрд тэйлз» наверняка потрясло, когда в конце повести Конан поклялся жениться на Зенобии. Может возникнуть вопрос, и он действительно возникал у некоторых критиков, сдержал ли Конан свое слово. У нас нет возможности ответить на подобный вопрос, хотя мы можем отметить, что коронация Зенобии еще больше приблизила бы повесть к артуровскому мифу.

Фактически каждая из трех женщин в повести — Зенобия, Зелата и Альбиона — похоже, воплощает в себе часть символической роли, предназначенной артуровской королеве. Зенобии (носившей в ранних вариантах повести имя Сабина) предстоит (вскоре) стать женой короля. Зелата играет свою роль на начальном этапе путешествия Конана — именно она помогает ему понять символизм Сердца Аримана, связи между королем и его королевством. Альбиона наделена

именем и положением, которые помогают нам отождествить трех женщин в повести с составным образом артурианской королевы. Она, конечно, принадлежит к высшим слоям общества, но этимология имени ее выдает, поскольку Альбиона происходит от «альба», что по-латыни означает «белый». Имя жены Артура имеет отчетливое кельтское происхождение: «гвен», корень, присутствующий во всех вариантах имени жены короля Артура (Гвиневра, Гвенивра, Гвенливифар и т. д., гэльское «Йинн»), означает «белый» (или «светлый»).

Эквивалент для путешествия в поисках Грааля в Хайборийской эре можно затем обнаружить в последующих главах повести, после того как Конан узнает, насколько важна роль Сердца Аримана. В этих эпизодах описываются разнообразные приключения и битвы, подобные тем, что можно найти в большинстве артурианских текстов. Таково происхождение эпизодов о крепости Вальброзо и упырях в лесу, о Публии, о мятеже на корабле, о Хеми и об Акиваше, который, строго говоря, ничего не добавляет к повести, настолько, что Карл Вагнер предположил, что эта глава вполне могла потеряться в пути между английским издателем и страницами «Уэйрд тэйлз» и никто этой потери не заметил бы.

Возвращение Конана на трон начинается с того, что он находит Сердце Аримана. Это происходит в конце девятнадцатой главы: «И он торжествующе размахивал над головой огромным сияющим камнем так, что по всей палубе катились волны золотого огня». Следующая глава начинается со слов: «В Аквилонию снова пришла весна. Зазеленели молодой листвою ветви деревьев, проклюнувшаяся трава радовалась теплому южному ветру». Сердце вновь оказалось в надлежащих руках, и жизнь воскресла, бесплодная земля снова стала изобильной, землей Грааля. «...С расцветом весны гибнущее королевство обежал новый слух, буквально возродивший его к жизни». Эта картина страны, возвращающейся к жизни с появлением всадников с Граалем, неодолимо вызывает в памяти аналогичную сцену из «Экскалибура» Джона Бурмана. Поражение Ксальтотуна — теперь лишь вопрос времени. Заговорщики разобщены, в то время как силы Конана вновь объединились. Восстановление королевского трона и страны теперь неизбежно.

Говард явно писал свою повесть, имея в виду будущего читателя, и, вероятно, не случайно, что повесть содержит выражения признательности британским писателям. Начало «Сэра Найджела» сэра Артура Конана Дойла с большой вероятностью подсказало Говарду эпизод с чумой в его повести. Что еще важнее, он в очередной раз выразил почтение одному из своих любимых драматургов, Шекспиру, чей «Гамлет», похоже, постоянно присутствовал рядом с Говардом во время сочинения повести: фраза «Есть последовательность в его безумии» в главе 3 явно перекликается с самой знаменитой пьесой драматурга. (Говард явно хотел, чтобы эта фраза появилась в его повести, поскольку она появлялась три раза во втором его варианте!) Собственно, многие из произведений Говарда, где идет речь о королевской власти, напрашиваются на сравнение с этой пьесой. В случае «Часа Дракона» параллели очевидны, поскольку в обоих произведениях идет речь о деяниях короля (или будущего короля), низложенного узурпатором, которого он считал союзником! Конан, лишенный трона и мертвый (или считающийся таковым), фактически обладает всеми качествами датского короля-призрака. При виде Конана, которого он считал мертвым, пуатенский

воин ведет себя подобно шекспировскому герою, и может показаться, будто мы находимся на стенах Эльсинора: «Он ахнул, и бледность расползлась по румяным щекам. "Изыди! — вырвалось у него.— Зачем ты вернулся из серых долин смерти и пугаешь меня? Пока ты ходил по земле, я всегда был тебе верен..."»

Говард написал пять вариантов повести, некоторые их части переписывались два или три раза. Хотя он говорил другим, что писать ему не составляет никакого труда, работа шла тяжело. Синопсис повести представляет собой прекрасный пример метода работы Говарда: занимая три плотно заполненные текстом страницы, он описывает первые пять глав в мельчайших подробностях, лишь с некоторыми отличиями от опубликованной версии, в то время как последующие главы гораздо менее детальны, а вторая часть произведения не описывается вообще. Говард построил на основании этого свои первые черновики, разрабатывая сцены и диалоги. Таким образом, мотивы Ксальтотуна, по которым он пощадил Конана, менялись несколько раз, по мере того как Говард в процессе написания черновиков все больше осваивался со своими героями и тем, как они должны действовать и взаимодействовать в разных ситуациях. Фрагмент, в котором Тиберий жертвует собой, поведя Валерия с пятьюстами воинами в смертельную ловушку в ущелье, был добавлен на последнем этапе, предлагая читателю ряд запоминающихся моментов и насыщая финал ощущением напряженности и неуверенности, которых иначе бы ему недоставало.

Изучение рукописей показывает, что Говард не начинал работу над своей повестью о Конане, пока не закончил как «Людей Черного Круга», так и детективный рассказ, полученные его агентом 10 марта. Вероятно, на самом деле он не начинал повесть, пока не отправил еще один рассказ своему агенту 17 марта. Есть предположение, что повесть была начата в День святого Патрика. Записи показывают, что агент Говарда ничего не получал от него в период между 19 марта и 20 июня. Если принять 17 марта плюс-минус несколько дней за дату начала работы над повестью, то «Час Дракона» был создан менее чем за два месяца: 20 мая 1934 года Говард писал Денису Арчеру в Англию: «Как Вы, несомненно, помните, в Вашем письме от 9 января 1934 года Вы предложили мне написать полноразмерную повесть, на основе ранее представленных рассказов, для вашей компании-партнера "Поулинг и Несс, Лтд.". Под отдельной обложкой я посылаю вам повесть в 75 тысяч слов, озаглавленную "Час Дракона" и написанную в соответствии с вашими предложениями. Надеюсь, она окажется приемлемой...»

В течение этих двух месяцев Говард, видимо, не писал никаких других рассказов, сосредоточив все свои усилия на повести, примерно по пять тысяч слов в день, семь дней в неделю. В тот день, когда он отправил повесть в Англию, 20 мая, Говард написал четыре коротких письма. В эти два месяца «Час Дракона» занимал почти все его время. Единственным, что отвлекло его за эти два месяца, был, вероятно, краткий визит Эдгара Хоффмана Прайса. Для того, кто не ожидал многого от британского рынка, два полных месяца работы, похоже, были серьезной затратой сил. Можно предположить, что Говард возлагал на свою повесть намного больше веры и надежды, чем он готов был признать. Он понимал, что если его повесть будет принята — и опубликована,— это будет для него, возможно, самым большим прорывом.

Как и следовало ожидать, Говард в июне сделал в работе перерыв на несколько дней: «После нескольких недель непрерывного труда я нахожу несколько часов для того, чтобы расслабиться и попытаться привести в порядок переписку, которой у меня накопилось чудовищное количество». Говард устроил себе небольшой отпуск и побывал в Карлсбадских пещерах, что в дальнейшем вдохновило его на очередной рассказ о Конане. Между завершением «Людей Черного Круга» и началом «Часа Дракона» прошло всего несколько дней. Вполне вероятно, что перерыв между «Часом Дракона» и следующей историей о Конане был таким же.

Рассказ «...И родится ведьма» был написан в конце мая или начале июня 1934 года, вероятно, в течение нескольких дней. Очевидно, он должен был пополнить запас историй о Конане, имевшихся у Фэрнсуорта Райта. В апреле 1934 года Райт опубликовал «Тени в лунном свете», за ним в мае последовала «Королева Черного побережья», и Говард знал, что «Железный демон» и «Люди Черного Круга» запланированы на август 1934 года. Для техасца это была совершенно новая ситуация. Теперь Райт принимал рассказы о Конане, как только они появлялись, иллюстрации к ним почти постоянно украшали обложку («Королева Черного побережья», «Железный демон», «Люди Черного Круга», «...И родится ведьма», опубликованные в течение семи месяцев, были представлены на обложке). Популярность Конана росла, и персонаж, вполне вероятно, привлекал новых читателей к «Уэйрд тэйлз». Женщины писали в журнал, прося больше Конана, которого они представляли себе, отчасти благодаря цензуре Райта, романтическим варваром. Для рассказа «...И родится ведьма» потребовалось всего два варианта, прежде чем Говард удовлетворился результатом. Нет никакого сомнения, что это в точности соответствовало ожиданиям Райта. В письме Роберту Х. Барлоу, датированном 5 июля 1934 года, Говард писал: «Вот наконец то, что я обещал вам какое-то время назад. "...И родится ведьма". Это мой самый последний рассказ о Конане, и, как говорит мистер Райт, мой самый лучший».

Вряд ли «...И родится ведьма» — самый лучший рассказ Говарда, но это особая история о Конане в том смысле, что хотя она и достаточно проходная, но содержит самую знаменитую или, скорее, самую запоминающуюся сцену из всего цикла. При чтении рассказа может создаться впечатление, что Говард просто заимствовал идеи из написанного им за год. Чудовище в финале рассказа выглядит двоюродным братом того, что появляется в последней главе «Альмарика». Тарамис и Саломэ напоминают нам о том, что Говард был увлечен идеей братьев и сестер (в очередной раз трагически разлученных при рождении), а также о его интересе к двойственности. Паранойя, тема, проходящая через творчество Говарда начиная с рассказа о Кулле «Королевство теней» (1926–1927), главенствует и здесь, причем Говард не раз повторяет, что люди далеко не всегда таковы, какими кажутся. У Говарда часто можно прочесть, что зло таится за внешне невинными чертами. В рассказе «...И родится ведьма», похоже, лишь Конан — или Говард? — располагает всеми фактами. Все остальные персонажи столь же слепы к тому, что происходит прямо у них перед глазами, как и Ольгерд Владислав.

Конан в «...И родится ведьма» становится персонажем-сверхчеловеком. Говард был все больше уверен в собственном творении, о чем свидетельствует структура рассказа. Здесь нет ничего похожего на обычную дешевую формулу: Конан — главный герой — дает жизнь всему произведению, присутствуя лишь в двух его главах. Заманчиво провести параллель между Конаном и тем, чего, по мысли Говарда, он достиг своим циклом о нем: техасец знал, что он победитель и что сможет справиться с чем угодно, даже если ведущий персонаж рассказа будет присутствовать лишь в его центральных главах. Конан доминирует во всем рассказе, и это становится ясно в сцене распятия. Как можно убить персонажа — в буквальном или переносном смысле, который в состоянии пережить сцену, подобную этой? Ибо сцена распятия автоматически побуждает к сравнению с Христом. Конан, вероятно, стал в этой сцене «бессмертным», и вопрос лишь в том, до какой степени сам Говард желал, чтобы это было так. Рассказ — сам по себе средний — выделяется уверенностью Говарда в своем творении. Он был с радостью принят Фэрнсуортом Райтом, опубликован следом за четырьмя последовательными выпусками «Уэйрд тэйлз», где звездой был киммериец, и снова попал на обложку. У Говарда были все причины для уверенности.

В начале 1933 года у Говарда был лишь один постоянный рынок сбыта. В середине 1934 года он появлялся почти в каждом выпуске «Уэйрд тэйлз», успешно пробился еще на один рынок, в «Эдвенче», где его печатали в каждом выпуске, полагал, что у него есть еще один постоянный рынок в «Файт сториз» Джека Демпси, публиковал свои рассказы в еще нескольких журналах благодаря своему агенту Отису Эделберту Клайну и, более того, считал, что только что продал повесть на британский рынок.

Это была настоящая идиллия.

Но она длилась недолго.

3

К 1934 году, после нескольких лет тяжкого труда, включая два года в начале карьеры, когда он не смог опубликовать ни строчки, Говард стал звездой журнала «Уэйрд тэйлз». «...И родится ведьма», по словам редактора Фэрнсуорта Райта, лучшее из произведений о Конане, написанных к тому времени; похвалу Говарду и «Конаниане» можно найти в колонке писем почти каждого выпуска «Уэйрд тэйлз». И, что очень важно, техасец присутствовал в десяти из двенадцати номеров, опубликованных в 1934 году; в восьми фигурировал Конан, причем завоевал право украсить собой обложки четырех последних.

Говард погрузился в «Конаниану» на многие месяцы: «Люди Черного Круга» были написаны в феврале и марте; «Час Дракона» начат сразу же после и отправлен предполагаемому британскому издателю 20 мая; рассказ «...И родится ведьма» закончен в начале июня. Единственной передышкой для Говарда за эти месяцы был короткий визит его коллеги Э. Хоффмана Прайса в апреле. Затем в начале июня Говард впервые за долгое время устроил себе отпуск. Позднее он сообщил Огасту Дерлету, что «завершил несколько недель непрерывной работы» и что «мы с приятелем отправились в короткую поездку на юг Нью-

Мексико и на крайний запад Техаса; мы видели Карлсбадские пещеры, зрелище, подобного которому больше нет на этой планете, и провели несколько дней в Эль-Пасо. Я был там впервые...»

Упомянутым приятелем был Трюэтт Винсон, один из лучших друзей Говарда со школьных времен, о котором несколько позже. Вдвоем они покинули Кросс-Плейнс, родной город Говарда, и отсутствовали неделю. То, что поездка доставила им удовольствие, подтверждается упоминанием ее почти во всех письмах Говарда в последующие недели, включая посещение Карлсбадских пещер в Нью-Мексико как кульминацию короткого отпуска. На Говарда эти достопримечательности произвели сильное впечатление, о чем он обстоятельно поведал Г. Ф. Лавкрафту:

Я не в силах описать фантастические чудеса этой громадной пещеры. Вы должны сами увидеть, чтобы должным образом оценить. Она находится высоко в горах, и я никогда не видел столь голубого и ясного неба, как то, что титанически простирается над извилистыми тропками, которые путник должен преодолеть, чтобы добраться до входа. Особенный голубой оттенок неба просто не поддается описанию. Вход в пещеру огромен, но он выглядит крошечным по сравнению с внутренним пространством. Кажется, будто бесконечно спускаешься по неровному склону, на самом деле это примерно семьсот футов. Мы вошли в половине одиннадцатого, а вышли около четырех. Английский язык чересчур слаб, чтобы описать пещеру. Фотографии не дают хорошего представления; во-первых, они слишком подчеркивают цвета, которые на самом деле приглушены, они скорее мрачные, чем яркие. По снимкам нельзя судить ни о размерах подземных залов, ни о замысловатых лабиринтах, прорезанных в известняке за тысячелетия... В пещере словно не действуют законы природы; она кажется порождением буйной фантазии. В сотнях футов над головой широченный каменный свод, едва различимый в вечном тумане. Кругом натечные образования всех вообразимых форм: столбы, купола, прозрачные как лед покровы. Насыщенная минералами вода за столетия создала гигантские колонны, то тут, то там сверкают зеленоватые таинственные озера... Мы шли по чудесной стране фантастических великанов, незапамятная древность приводила в смятение.

Вскоре после возвращения в Кросс-Плейнс Говард начал писать очередной рассказ о Конане, «Сокровища Гвалура». Это не слишком запоминающееся произведение, с неубедительным сюжетом и безжизненной героиней, но оно существенно отличается от других из конановского цикла тем, что действие происходит полностью внутри огромного чуда природы, полного темных ниш и подземных рек, на что Говарда явно вдохновило посещение Карлсбадских пещер. Как он писал Лавкрафту: «Господи, какой рассказ Вы могли бы написать после подобного путешествия!.. Все, что угодно, казалось возможным в этом чудовищном сумеречном Аиде, в семистах пятидесяти футах под землей. Если бы вдруг во мраке среди колонн поднялось какое-нибудь чудовище, простирая над нами когтистые лапы, вряд ли кто-то из нас удивился бы». Говард, вероятно, в конце концов решил, что может сочинить такую историю и сам.

Результат оказался не слишком удовлетворительным, но важно другое: впервые Говард включил в произведение о Конане сведения о родной стране. Рас-

сказ не упоминается ни в одном из известных писем Говарда, не сохранилось и сведений о том, когда он был послан в журнал. Его взял Фэрнсуорт Райт за 155 долларов, с оплатой после публикации, и напечатал в мартовском выпуске «Уэйрд тэйлз» в 1935 году, под названием «Сокровища Гвалура». Говард сделал три варианта: первый безымянный, второй, посланный в «Уэйрд тэйлз», был опубликован как «Слуги Бит-Якина». Третье название, «Зубы Гвалура», есть в списке, найденном среди бумаг Говарда спустя годы после его смерти. Список (из которого взята информация о заплаченной журналом цене) был составлен не самим Говардом, хотя явно на основе оригинального документа или ряда документов. Судя по всему, эта бумага появилась через какое-то время после публикации рассказа и, вполне вероятно, представляла собой перечень текстов, проданных в «Уэйрд тэйлз», с целью определить, что должен журнал наследникам Говарда после его смерти. Говард и сам вел счет проданным произведениям, при этом обычно указывал название опубликованной версии, а не рабочее, что имеет место в данном документе («Ползучая тень» вместо «Ксутал из сумерек», «Тени в лунном свете» вместо «Железные тени Луны»). Вполне можно допустить, что «Зубы» были просто ошибкой: возможно, сам Говард, давая название, вспоминал ожерелье из рассказа, и при более позднем переписывании ошибка осталась.

В последующие недели Говард снова решил поэкспериментировать. Сама попытка не привела к появлению завершенного произведения, но послужила поводом к серьезному развитию конановского цикла. Если «Слуги Бит-Якина» робко заимствовали впечатления от посещенного Говардом места, то на этот раз техасец предпочел явно американское место действия, рискнув изгнать киммерийца из его хайборийского мира.

Во второй половине 1934 года стало заметно, что Говард все больше отдаляется от своего детища. В октябре он признался Новелайн Прайс, с которой тогда встречался, что «начал слегка уставать от Конана... Нужно писать о нашей стране. Здесь можно найти много разнообразных сюжетов».

Автором, к которому обратился Говард, когда ему потребовалось вдохновение для новой вещи, был один из его любимых, Роберт Чемберс. В библиотеке Говарда имелось три романа этого писателя на тему американской революции: «Девушка на войне» (1902), «Красная ножка» (1921) и «Америка, или Жертва» (1924). Эти книги дали толчок для следующей говардовской истории о Хайборийской эре, «Волки у границы». Впоследствии появлялось много ошибочной информации об использовании Говардом материала Чемберса, пока исследователь творчества Говарда Расти Берк не расставил все по местам.

Как и в 1932 году, когда он принял решение написать «Хайборийскую эру», чтобы придать большую связность своему хайборийскому миру, Говард сперва составил ряд заметок, которые должны были помочь ему при описании событий и мест. Не может быть никаких сомнений, что романы Чемберса оказали немалое влияние на Говарда. Многие названия взяты почти без изменений: Шохира вместо Шохари, Орискавни вместо Орискани, Каунавага вместо Конавага и т. д. Ситуации и события, описываемые Говардом, также вызывают ассоциации с тем, как изложены события американской революции у Чемберса. Многие имена, позаимствованные у Чемберса, затем нашли себе место в «Волках у границы».

«Волки у границы» — один из наиболее интригующих фрагментов «Конанианы», и именно потому, что, строго говоря, это не рассказ о Конане. Уже не в первый раз Говард пытался создать нечто отличное от Конана и экспериментировал с другим персонажем, так как чувствовал, что «теряет контакт» со своим творением.

Перед тем как начать работу над романом «Час Дракона», Говард пытался написать еще одно произведение, в котором Конан большую часть времени присутствует лишь за кулисами. Однако в этом случае отсутствие Конана ограничилось первыми главами произведения, которое задумывалось как роман; как свидетельствует синопсис, киммериец должен был стать ключевым персонажем, если не главным его героем. Эту ситуацию можно рассматривать как параллель с рассказом «...И родится ведьма», где киммериец действует в основном за кулисами. Но в случае «Волков у границы» ситуация существенно иная, главным образом благодаря тому факту, что это изложение от первого лица, в котором Конан не появляется вовсе, хотя упоминается несколько раз.

Очень похожая ситуация имела место несколькими годами раньше в карьере Говарда, она дает пищу для интересного сравнения. В 1926 году Говард создал атланта Кулла, своего первого героя эпического фэнтези; о нем техасец написал около десятка рассказов. Однако в 1928 году Говард, судя по всему, потерял интерес к этому персонажу. Затем он начал — но так и не закончил — весьма интригующий фрагмент, где главным героем был не Кулл, которому отводилась второстепенная роль, а его друг Брул, воин-пикт, чьи черты характера в этом рассказе существенно отличаются от тех, которыми он обладал в предыдущих. Кулл, судя по всему, становился лишь вспомогательным персонажем в своем собственном цикле, практически таким же образом, как и Конан в «Волках у границы». Говард так и не закончил этот фрагмент, но с того момента характер Кулла претерпел радикальные изменения. Поразительно, что в обоих этих фрагментах закулисные персонажи являются варварами, которые стали или становятся королями цивилизованных стран. И в обоих фрагментах настроения новых главных героев, когда речь заходит о политике, почти одинаковы. Сравните:

Конаджохара снова приросла к дебрям, населенным только дикими зверьми и людьми. Ее бывшие жители разбрелись по Западной Марке и осели в Шошире, Каунаваге и Орискавни, но многие, в их числе моя семья, подались на юг и нашли пристанище на реке Боевой Конь, возле крепости Тандары. Позже к ним добавился люд из старых провинций, где случился переизбыток населения; и вот возник край под названием вольная провинция Тандара, отличавшийся от других, расположенных восточнее болот. Те земли достались от королевских щедрот самым родовитым дворянам и под властью этих дворян обустраивались и заселялись. Совсем другая судьба у Тандары, ее свободные поселенцы отвоевали у чащоб без содействия аквилонской знати. Мы не платили податей никаким баронам. Никто из самых родовитых дворян не ставил над нами управляющих, мы их выбирали сами, из своей среды, и эти управляющие отвечали только перед королем. Мы собственными руками возводили крепости и этими же руками их защищали. И в дни войны, и в дни мира мы обходились своими силами. Видит бог, мирных дней на нашу долю выпало немного, ибо не утихала распря между нами и свирепыми соседями — пантерой, аллигатором и другими пиктскими кланами. (Из «Волков у границы».)

Мы на островах все одной крови, но принадлежим ко многим племенам, и у каждого племени только ему присущие обычаи и традиции. Мы все признаем Ниала из Татели верховным правителем, но власть его нельзя назвать жесткой. Он не вмешивается в наши дела, не взимает дани или налогов... Он не берет пошлин с моего племени Борни как и с любого другого. И он не вмешивается, если два племени идут друг на друга войной,— если только какое-то племя не посягает на одно из трех, которые платят дань... А когда лемурийцы, или кельты, или другие чужеземцы, или банда грабителей выступают против нас, он посылает всем племенам известие, чтобы они прекратили ссоры и сражались бок о бок. И это хорошо. Он мог бы быть выдающимся тираном, если бы пожелал,— но он знает, что если с помощью своих племен и их союзников сокрушит все остальные племена, то уже больше никогда не будет мира... (Из неозаглавленного фрагмента о Кулле.)

В обоих случаях пикты — до этого упомянутые лишь однажды в цикле о Конане, в «Фениксе на мече»,— выступают в роли необходимого катализатора перемен. Пикты — дикари, постоянно присутствующие во вселенной Говарда,— вынуждают героев раскрыть свою истинную натуру.

Как и в случае с вышеупомянутым фрагментом о Кулле, Говард не закончил «Волков у границы». Его первый черновик сократился до полурассказа-полуплана, а второй был попросту брошен. Рассказ, вероятно, самому автору показался вторичным, в нем было слишком много от Чемберса. Но с другой стороны, он явился необходимым упражнением перед тем, как Говард смог приступить к новому этапу эволюции своего персонажа.

Сказать, что рассказ «За Черной рекой» родился на пепле «Волков у границы», означало бы утверждать очевидное. Однако на этот раз Говард почти полностью избавился от влияния Чемберса. Лишь несколько имен демонстрируют первоначальную связь (например, Конаджохара была перенесена из «Волков у границы», а Балтус позаимствован из «Красной ножки»). «За Черной рекой» — это в чистом виде Говард.

Рассказ этот был особенно дорог Говарду. В письме Огасту Дерлету он признался: «Хотел посмотреть, сумею ли написать интересно о Конане без упоминания о сексе». С Лавкрафтом он был еще более откровенен, сообщив, что последнее произведение, отданное в «Уэйрд тэйлз», было «сериалом о Конане из двух частей: "За Черной рекой" — история о первопоселенцах... В рассказе о Конане я попытался полностью изменить стиль и место действия, отказавшись от экзотических затерянных городов, гибнущих цивилизаций, золотых куполов, мраморных дворцов, танцовщиц в шелках и так далее и сделав фоном повествования леса и реки, бревенчатые хижины, пограничные форпосты, поселенцев в одеждах из оленьих кож и раскрашенных дикарей».

Полностью же свои чувства в отношении этой повести Говард раскрыл в общении с Новелайн Прайс:

Боб начал рассказывать. Но он не ругал цивилизацию, напротив, он восхвалял простые вещи, которые цивилизация дает: возможность постоять на углу, поговорить с друзьями, прогуляться под теплыми лучами солнца в сопровождении верного пса, собирать кактусы вместе с любимой девушкой.

[...]

«Я продал Райту похожую вещь несколько месяцев назад.— Он повернулся и посмотрел на меня. В глазах его горел огонь.— Я чертовски удивлен, что он ее взял. Она отличается от других моих историй о Конане... никакого секса... только мужчины, сражающиеся против дикости и зверства, готовых их поглотить. Я хочу, чтобы ты ее прочитала, когда она выйдет. Она полна важных мелочей, присущих цивилизации, мелочей, благодаря которым люди считают, что ради цивилизации стоит жить и умирать».

[...]

Он был так возбужден, потому что это была повесть о его стране, и эту повесть принял издатель! Бобу хотелось написать о своей родине, и не заурядную историю о Диком Западе с ковбоями и перестрелками, хотя кто знает, возможно, подобные книги еще были нужны. Нет, его душа стремилась выразить нечто большее! Поведать простым языком о трудной судьбе первопоселенцев, вынужденных сражаться с варварским народом... Роман, описывающий страх пионеров, пытавшихся создать новую жизнь, и страх индейцев, пытавшихся спасти обреченную страну, стал бы лучшим романом об американском юго-западе.

[...]

«Я попробовал написать эту повесть, чтобы посмотреть, что с ней станет делать Райт. Я боялся, что он не возьмет, но он взял! Господи, он взял!»

Многие исследователи творчества Говарда считают «За Черной рекой» его лучшим произведением, заключающим в себе сущность его философии: *«Варварство — естественное состояние человечества... Цивилизация неестественна. Это каприз обстоятельств. А варварство всегда торжествует в итоге».*

Действительно, все персонажи, не являющиеся варварами, находят в повести свою смерть: первым примером, конечно, является купец Тиберий, в миниатюре воплощающий в себе упадок цивилизации; он изображен с явным презрением, как человек, не желающий приспособить свои цивилизованные привычки к жизни у границы. Но даже лесорубы, родившиеся среди цивилизации, но вынужденные прожить всю свою жизнь в диком краю, не в силах на что-либо надеяться: «Изначально дети цивилизации, аквилонцы вернулись к полуварварскому состоянию в силу обстоятельств, в то время как Конан был прямым потомком тысячи поколений варваров. Они приобрели повадки дикаря со временем — он обладал ими с рождения. Он выделялся среди них гибкостью и отточенностью движений. И если аквилонцы были сродни волкам, то сам Конан — тигру». Из-за этого погибли жители пограничья Балтус и Валанн, и гений Говарда не стал жертвовать повестью ради обычных традиций жанра.

Многое писалось о точном смысле последнего абзаца. Его ошибочно приписывают Конану, как если бы это были его чувства, но слова эти произносит не Конан, а безымянный житель леса. То, что варвары всегда в конечном счете торжествуют, следует из только что произошедшего: лишь Конан и пикты пережили суровое испытание, ибо сама их природа в том, чтобы выживать. О том, что у Конана на самом деле гораздо больше общего с пиктами, с которыми он сражался, чем с аквилонцами, Говард дает понять еще раньше:

Но однажды появится вождь, который объединит тридцать-сорок племен, как это случилось в Киммерии, когда много лет назад гандерландцы попытались отодвинуть границу к северу. Они начали колонизировать южные земли Киммерии:

победили несколько слабых кланов, построили укрепленный город Венариум... да ты и сам наверняка слышал эту историю.

— Да, действительно,— вздрогнув, ответил Балтус. Память о сокрушительном поражении позорным пятном омрачала победную летопись его воинственного народа.— Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы захватили стены. В числе немногих ему удалось вырваться из бойни. Он часто рассказывал нам о том черном дне. Варвары, как несметная прожорливая стая, вдруг хлынули с холмов и атаковали с такой яростью, что было невозможно выдержать их натиск. Мужчины, женщины, дети — всех перерезали. Венариум превратился в груду дымящихся развалин, там и сейчас одни руины. Аквилонцы были отброшены за приграничье и с тех пор уже не отваживались нападать на Киммерию... Но ты говоришь так, будто сам там побывал. Или я ошибаюсь?

— Нет, отчего же.— Воин усмехнулся.— Я был там — и в той прожорливой стае, что хлынула с холмов...

[...]

— Ты что же, варвар?! — воскликнул он.

Тот не обиделся, а лишь кивнул:

— Я Конан-киммериец.

Важность этого фрагмента состоит не только в том, что он дает нам некоторые дополнительные биографические сведения о Конане, но скорее в том, что он разъясняет связь между Конаном и пиктами. Конан — варвар столь же жестокий, как пикты, и намного более умный, и именно потому он должен остаться в живых. Основной упор на изначальную природу Конана, намного более явно выраженный, чем в любом из предыдущих рассказов о киммерийце, вполне вероятно, стал поводом к появлению Балтуса как персонажа, с которым читатели — и сам Говард — могли себя соотносить. Критик Джордж Сайтерс однажды заметил, что Говард, несомненно, изобразил в этом произведении самого себя и своего пса Пестрого под видом Балтуса и Секача. Будучи сам цивилизованным человеком, Говард мог рассчитывать на выживание в Хайборийской эре не в большей степени, чем его цивилизованные персонажи.

Действительно, редко можно было встретить среди дешевого бульварного чтива повесть со столь безрадостной концовкой, в которой большинство героев погибают и ситуация в конце хуже, чем была в начале. Говард таким образом пытался скорее передать суть своей главной идеи, чем просто добавить в свою библиографию еще одно произведение о Конане.

Повесть «За Черной рекой» была приобретена Фэрнсуортом Райтом в начале октября 1934 года и опубликована с продолжением в выпусках «Уэйрд тэйлз» за май и июнь 1935 года, но без почетного упоминания на обложке. Возможно, Райт хотел внести некоторое разнообразие в свои обложки («Слуги Бит-Якина» тоже не удостоились подобной чести), или же ему помешало отсутствие полуобнаженной героини. Однако на обложке за май 1935 года нет изображения неодетой женщины, так что вопрос остается без ответа.

В октябре и ноябре 1934 года Говард, видимо, был слишком увлечен романом с Новелайн Прайс, чтобы посвящать хоть какое-то время новым сочинениям о Конане. Однако примерно в то самое время, когда был решен вопрос о публикации «За Черной рекой», Говард получил дурное известие из Англии:

«Только что пришло письмо, где сообщается, что английская компания, обещавшая выпустить мою книгу [роман о Конане "Час Дракона"] ликвидирована. Вот уж не повезло, так не повезло. Роман в руках компании, скупившей все активы, но я ничего от нее не слышал». Роман, однако, вскоре вернули. Говард, вероятно, слегка его подправил, после чего послал в «Уэйрд тэйлз» и вскоре получил желанное согласие; судя по всему, это случилось в начале 1935 года. Райт был явно доволен тем, что Говард возвращается к не столь экспериментальному творчеству: «Райт говорит, что это на данный момент лучшее мое произведение о Конане».

В декабре, сообщая Лавкрафту о продаже «За Черной рекой» и комментируя в своем обычном тоне, он добавил: «Когда-нибудь я попытаюсь написать что-нибудь подлиннее в том же стиле, цикл из четырех или пяти частей».

Похоже, Говард не стал слишком долго ждать, прежде чем начать этот цикл. «Черный чужак» — одна из тех историй о Конане, о процессе написания которой у нас нет сведений, но дату завершения можно приблизительно оценить как январь или февраль 1935 года.

«Черный чужак», видимо, задумывался как в своем роде продолжение «За Черной рекой». Снова речь идет о противостоянии Конана и пиктов, и снова это экспериментальное произведение, поскольку киммериец не появляется до его середины. (Конечно, он присутствует в первой главе, но его имя читателю не раскрывается.)

«Черный чужак» так и не получил должного внимания со стороны критиков, главным образом потому, что он не публиковался в оригинальном виде вплоть до 1987 года, когда Карл Эдвард Вагнер включил его в антологию. При всех предыдущих публикациях повесть подвергалась безжалостной вивисекции. Внешне она достаточно проста, содержа в себе элементы пиратских приключений и индейских войн, но ее определенно нельзя опрометчиво игнорировать. «Черный чужак» — крайне сложное произведение, стоит лишь понять, что автор наполнил его, сознательно или бессознательно, автобиографическими деталями, намного в большей степени, чем любое из написанных ранее.

Действие происходит на побережье территории, соответствующей в Хайборийской эре Соединенным Штатам, время же примерно соответствует нашему семнадцатому веку. Это повествование о первопоселенцах на континенте, где все еще преобладают дикие племена, эквивалент коренных американцев. Бросается в глаза персонаж-ребенок, редко встречающийся в произведениях Говарда. Тина — настоящая загадка для читателя: она описана как «маленькое и жалкое существо, которое во время путешествия сюда с юга Белизе довелось отнять у жестокого и бессердечного хозяина». Все немногочисленные дети, появляющиеся в рассказах Говарда, несчастны, все они сироты или брошены родителями, и Тина не является исключением. Однако в данном случае Белиза, судя по всему, удочерила девочку. В лесу вокруг частокола, за которым живут поселенцы, прячется таинственный черный человек.

«Может быть, ты — тот самый черный человек, который бродит по лесу вокруг наших жилищ?» — спрашивает героиня «Алой буквы» Натаниэля Готорна у своего мужа, Роджера Чиллингуорса. Роман Готорна, опубликованный в 1850 году, носит черты редкостного сходства с рассказом Говарда. Оба произведения описывают женщину и ее ребенка (родного или удочеренного), вынуж-

денных жить во враждебном окружении, жертв презрения со стороны окружающих мужчин. Время и место действия удивительно похожи, и Перл, юная героиня романа Готорна,— такой же ребенок не от мира сего, как и Тина. В обоих произведениях ребенка пугают таинственным черным человеком, который почти постоянно присутствует за кулисами. Сходство слишком велико, чтобы считать его просто делом случая. Готорн не был представлен в библиотеке Говарда и ни разу не упоминается в его сохранившихся бумагах. Однако кажется более чем вероятным, что техасец читал Готорна, возможно, в школе: «Алая буква», похоже, во многом легла в основу «Черного чужака», даже при том, что сами события не имеют между собой ничего общего.

Все это побуждает к тому, чтобы иначе взглянуть на повесть, в которой Тину можно рассматривать как девочку без отца, особо восприимчивую к присутствию черного человека. Читатели, знакомые с биографией Говарда, будут еще больше удивлены, поскольку в романе Готорна мать Перл зовут Гестер, а отец, которого девочка не знает, аналог черного человека Тины — голубоглазый доктор Роджер Чиллингуорс. Мать Говарда звали Хестер, и она была замужем за голубоглазым доктором.

«Черного чужака», по-видимому, не удалось пристроить в «Уэйрд тэйлз», хотя письменных сведений об этом не сохранилось. Райт, возможно, был раздражен экспериментами Говарда и, вероятно, в феврале или марте 1935 года, впервые за многие месяцы, отклонил новую повесть о Конане. Говард решил спасти все, что можно, и переписал повесть. Он придумал замену Конану — Теренса Вулми, ирландского пирата,— избавился от всех упоминаний Хайбории и послал новую вещь, с названием «Мечи Красного Братства», своему агенту Отису Эделберту Клайну в конце мая 1935 года. Эта версия ходила по издателям в течение нескольких лет и была продана в 1938 году, но журнал, который должен был ее опубликовать, закрылся, так что она не печаталась до 1976 года.

Следующее произведение о Конане ни в коей мере не было экспериментальным. Повесть «Людоеды Замбулы» написана примерно в марте 1935 года, судя по фрагментам рассказов, обнаруженным на обороте страниц черновика. Это обычная история о Конане, похожая по качеству на те, которые Говард был вынужден писать, когда крайне нуждался в деньгах. В окружении таких шедевров, как «За Черной рекой», «Черный чужак» и «Гвозди с красными шляпками», она смотрится жалко. Похоже, что Говард позаимствовал некоторые детали из разных восточных приключений, придуманных им в то же время (с участием его персонажей Кирби О'Доннелла и Фрэнсиса Ксавьера Гордона), а место действия взял из непроданного детективного рассказа «Гости комнаты вуду», который, судя по всему, был написан несколькими месяцами раньше. В «Гостях» также фигурируют каннибалы, которые ловят несчастных жертв с помощью специально оборудованной комнаты в гостинице. Сюжет довольно неубедителен, но Говард, вероятно, знал, что это не помешает Райту взять повесть. Сцена, в которой Забиби/Нефертари танцует обнаженной среди змей, похоже, была написана лишь с одной целью — получить место на обложке. Иллюстрация Маргарет Брюндейдж к этому произведению действительно выдающаяся. То, что в ней отсутствует киммериец, не стало для Говарда сюрпризом: из девяти обложек «Уэйрд тэйлз», иллюстрирующих рассказы о Конане, он изображен только на трех.

22 декабря 1934 года Говард сделал Новелайн Прайс самый удивительный рождественский подарок: вместо ожидаемой книги по истории она получила экземпляр «Полного собрания сочинений Пьера Луиса»:

«История?» — ошеломленно спросила я.

Он поерзал в кресле и улыбнулся.

«Ну... да. Это в своем роде история».

[...]

Потом Боб сказал, что книга очень живо описывает нашу «загнивающую цивилизацию».

[...]

Когда Боб ушел, я села, развернула книгу и стала разглядывать. Я снова прочитала надпись, пытаясь понять ее смысл: «Как демонстрирует эта книга, у французов есть один дар — способность остановить распад и сменить червей коррупции на колибри поэзии».

Какое-то время спустя Новелайн расспрашивала Говарда об этом своеобразном подарке:

«Боб, почему ты подарил мне книгу Пьера Луиса?»

Он повернулся и посмотрел на меня.

«Тебе не понравилось?»

«Она слишком сложная для меня,— словно защищаясь, сказала я.— Я не так уж много и прочитала».

«Прочти... Ты ведешь затворническую жизнь. Ты не знаешь, что происходит в мире».

Это меня возмутило.

«Мне неинтересно все это,— горячо заявила я.— От того, что ты знаешь, мир не становится лучше; ты просто немой свидетель».

«Ты и есть немой свидетель, нравится тебе это или нет.— В голосе его слышалось воодушевление.— Видишь ли, девочка, когда цивилизация начинает загнивать и умирать, единственное, о чем думают мужчины или женщины,— как удовлетворить свои телесные желания. Их полностью занимает секс. Он окрашивает их мышление, их законы, их религию — все стороны их жизни».

[...]

«Вот что я пытаюсь сказать тебе, девочка. Мужчины перестают читать художественную литературу, потому что хотят лишь подлинных историй о мужских сексуальных подвигах... Несколько лет назад у меня были трудные времена, когда я пытался продавать рассказы... про секс. Теперь же я вынужден работать так, чтобы идти в ногу с рынком... Черт побери, девочка, секс будет во всем, что ты видишь и слышишь. Именно так было даже в эпоху падения Рима.

Сейчас я работаю над подобной историей — историей о Конане. Послушай меня. Когда цивилизация умирает, нормальная, приемлемая жизнь не в состоянии удовлетворить ненасытные аппетиты куртизанок и в конечном счете всех людей. Они обращаются к лесбиянству и подобным вещам, чтобы удовлетворить свои желания... Я собираюсь назвать ее "Красное пламя страсти"».

«Красное пламя страсти», очевидно, было тем самым рассказом, которому предстояло стать «Гвоздями с красными шляпками», но Говард еще не был готов воплотить свою идею на бумаге. Несколько месяцев спустя, в конце апреля или в мае 1935 года, у него состоялся еще один разговор на эту тему с Новелайн.

Боб добровольно согласился с тем, что не закончит писать о Конане. Мне было жаль, потому что меня не слишком интересовал Конан, судя по той малости, что я просмотрела.

Боб сказал, что у него есть идея рассказа о Конане, которая почти сформировалась, но он еще не готов писать. Пока что он лишь сделал несколько заметок и отложил их до тех пор, пока сюжет не сложится полностью в его сознании.

«О чем он?» — спросила я.

«Думаю, это будет самое сексуальное и кровавое из того, что я написал. Но вряд ли тебе это интересно».

«Нет, если оно кровавое.— Я озадаченно посмотрела на него.— Что ты подразумеваешь под "сексуальным"?»

«О господи. В моих историях о Конане полно секса».

[...]

Я не замечала, чтобы в рассказах о Конане, которые приносил мне Боб, было хоть что-то о сексе. Кровь — да. Секс — нет.

«У тебя в рассказах о Конане есть секс?» — недоверчиво спросила я.

«Черт побери, да. Именно этим он и занимается — пьянствует, распутствует, дерется. Что еще было тогда в жизни?»

Однако прошло еще несколько недель, прежде чем были написаны «Гвозди с красными шляпками».

Одной из причин было шаткое финансовое положение «Уэйрд тэйлз». Шестого мая 1935 года Говард жаловался Фэрнсуорту Райту: «Всегда ненавидел писать подобные письма, но крайняя необходимость меня вынуждает... Короче говоря, мне срочно нужны деньги... Как вы знаете, прошло шесть месяцев с тех пор, как "Люди Черного Круга" (повесть, за которую мне причитается плата) появились в "Уэйрд тэйлз". Журнал должен мне свыше восьмисот долларов за уже опубликованные вещи — достаточно, чтобы расплатиться по всем долгам и снова встать на ноги, если я смогу получить все сразу. Может быть, это и невозможно. Не хочу выглядеть неблагоразумным; я знаю, что время тяжелое для всех. Но не думаю, что буду неблагоразумен, если попрошу выдавать чек каждый месяц, пока не будем в расчете. Честно говоря, в том темпе, как это происходит сейчас, я успею состариться, прежде чем мне все заплатят! А деньги нужны срочно». Нужда Говарда в деньгах была вполне реальной, так как здоровье его матери быстро ухудшалось и затраты на лечение и уход были крайне высоки.

Потребовалось еще одно серьезное событие в жизни Говарда, чтобы повесть наконец родилась: в начале лета Новелайн Прайс начала встречаться с одним из лучших его друзей, Трюэттом Винсоном, ничего ему не сказав. Говард узнал об этом через несколько недель, когда они с Трюэттом собирались вместе отправиться в Нью-Мексико. Винсон и Говард отсутствовали неделю, и можно только представить себе душевное состояние Говарда в эти дни.

Кульминацией поездки был визит в Линкольн, место знаменитой «Кровавой войны в округе Линкольн». Именно там Говард нашел последние элементы, необходимые ему для «Гвоздей с красными шляпками», поскольку все псевдоацтекские имена и названия, Ксоталан и его обитатели, имеют свое происхождение не в районе озера Эвад, но в крошечном американском городке. Следующий отрывок из письма Говарда Лавкрафту от 23 июля 1935 года достаточно длинный, но он важен для понимания того, что Говард пытался сделать в «Гвоздях с красными шляпками».

[Мы с Винсоном] приехали в старинный Линкольн, дремлющий среди мрачных гор, словно призрак кровавого прошлого. Уолтер Нобль Бернс, автор «Саги о Билли Киде», сказал о нем: «Городок уснул в конце войны и с тех пор так и не пробудился. Если не появится железная дорога, которая свяжет его с остальным миром, он, возможно, так и будет спать тысячелетиями. Сами увидите. Линкольн сейчас такой же, каким его знали когда-то Мерфи, Мак-Суин и Билли Кид. Это анахронизм, нечто вроде города-мумии...»

Не могу предложить лучшего описания. Город-мумия. Нигде еще я не оказывался лицом к лицу с прошлым столь живо, нигде прошлое не было столь реальным, столь понятным. Казалось, будто я шагнул из моего собственного времени во время более старое, каким-то образом уцелевшее. Линкольн — город-призрак, мертвый город; и тем не менее он живет жизнью, которая умерла пятьдесят лет назад... Потомки старых врагов мирно живут бок о бок в этой глуши; но я вдруг задумываюсь, действительно ли мертва старая вражда, или угли лишь тлеют и от неосторожного дуновения может вспыхнуть пламя.

[...]

Я никогда и нигде не испытывал в точности таких же ощущений, как те, которые вызвал Линкольн,— чувство всеобъемлющего ужаса. Если есть в этом полушарии место, посещаемое призраками, то это Линкольн. Я чувствовал, что если проведу здесь ночь, то призраки убитых будут бродить в моих сновидениях. Сам городок напоминает белый ухмыляющийся череп. Я словно чувствую скелеты в земле под ногами. И это, как я понимаю, не полет фантазии. То и дело чей-то плуг выкапывает человеческие кости. Столько людей погибло в Линкольне.

[...]

Линкольн — город призраков, но для меня его делает таковым не просто факт, что здесь погибло столько людей. Я бывал во многих местах, где смерть собирала обильную жатву... Но ни одно из этих мест не произвело такого впечатления, как Линкольн. Мое восприятие не было окрашено явным ужасом, как в Линкольне. Думаю, я знаю почему. Бернс в своей прекрасной книге, описывающей эту войну, полностью упустил один крайне важный элемент — влияние географического или, может быть, топографического фактора на местных жителей. Думаю, именно этот фактор является причиной необычной жестокости и кровавости, с которой велась война, потрясшей каждого, кто когда-либо занимался изучением этой междоусобицы и лежащей за ней психологии. Долина, в которой находится Линкольн, изолирована от остального мира. Широкие пустынные и гористые пространства отделяют ее от остального человечества, они слишком бесплодны для того, чтобы поддерживать человеческую жизнь. Люди в Линкольне потеряли связь с миром. В подобной изоляции их собственные проблемы и взаимоотношения приобрели

важность и значимость, не соответствующие их реальному смыслу. Слишком скученные в одном месте, накапливались и нарастали обиды и ревность, пока не достигли чудовищных размеров и не вылились в кровь и жестокость, которые потрясли даже привыкший ко всему тогдашний Запад. Представьте себе эту узкую долину, скрытую среди голых холмов, изолированную от мира; ее жители вынуждены жить бок о бок, ненавидя друг друга и в конце концов — убивая друг друга. В столь ограниченных, уединенных местах человеческие страсти тлеют и вспыхивают, питаясь породившими их причинами, пока не разгорятся с силой, которую вряд ли могут вообразить себе жители более благоприятных мест. Должен честно признаться, я с ужасом представил себе кошмар, охвативший эту залитую кровью долину; дни и ночи, проходящие в напряженном ожидании, когда же наконец загремят выстрелы и люди начнут умирать как мухи,— а потом наступает тишина и снова нарастает напряжение. Никто, ценящий свою жизнь, не осмеливается заговорить; когда в ночи раздается выстрел, а за ним предсмертный крик, никто не осмеливается открыть дверь и посмотреть, кто погиб. Я представил себе людей, скученных, словно крыс, в ужасе и крови сражающихся за свою жизнь; днем они занимаются своими дневными делами, не раскрывая рта и отводя взгляд, в любое мгновение ожидая пули в спину, а ночью лежат, дрожа, за запертыми дверями в ожидании неслышных шагов, скрипа засова, выстрела в окно. Междоусобная вражда в Техасе обычно шла открыто, на широких просторах штата. Но природа долины Бонито определила природу этой вражды — сосредоточенной в одном месте и потому ужасной. Я слышал о людях, которые сходили с ума в уединенных местах; мне кажется, что война в округе Линкольн была окрашена безумием.

Вернувшись в Кросс-Плейнс в конце июня 1935 года, Говард наконец сел за написание рассказа, который зрел в его мозгу столь многие месяцы. Если кровавая война в округе Линкольн, его отношение к сексу в литературном творчестве, напряженные отношения между Новелайн, Винсоном и им самим, а также быстро ухудшающееся здоровье его матери повлияли непосредственно на сюжет нового рассказа о Конане, то придать ему форму помогли также несколько прототипов.

Более чем за два года до этого он закончил рассказ «Ползучая тень» («Сумерки Ксутала»), который справедливо считается своего рода предшественником «Гвоздей с красными шляпками». Прибытие Конана и женщины в город, отрезанный от хайборийского мира, где им предстоит столкнуться со злой колдуньей и деградировавшими туземцами,— базовая структура, общая для обоих произведений. «Ползучая тень» — весьма посредственная вещь, вероятно, потому, что Говард еще не был тогда достаточно опытным писателем, чтобы относиться к своему самому удачному герою так, как он заслуживал. Героиня выглядит безжизненной, сюжет построен на избитых идеях. Однако Говард писал Кларку Эштону Смиту, что «на самом деле рассказ не посвящен исключительно рубке на мечах, что можно предположить по аннотации».

Среди бумаг Говарда был также найден синопсис детективной истории о Стиве Гаррисоне, который носит немалое сходство с вышеупомянутой «Ползучей тенью». Рукопись не датирована, но, вероятно, план был написан всего

за несколько месяцев до рассказа о Конане: «Между Уилтшоу и Ричардсонами шла давняя вражда, и в обоих родах осталось по последней семье. Еще одна семья, Барвеллы, была замешана в этой вражде, пока последняя в этом роду, угрюмая худая женщина, доведенная до отчаяния как Ричардсонами, так и Уилтшоу, не ушла тридцать пять лет назад вместе с маленьким сыном, поклявшись, что отомстит обоим кланам... В конце концов [Гаррисон] обнаружил, что доктор Эллис — на самом деле Джо Барвелл, который вернулся и жил в городе десять лет, чтобы наконец свершить возмездие...»

У Говарда не было никаких проблем с тем, чтобы объединить двух Барвеллов из синопсиса рассказа о Гаррисоне в Толкемека. Другой персонаж рассказа о Гаррисоне, Исав, «высокий нескладный мужчина удивительной силы... неврастеник, по-настоящему сильный как бык», вероятно, вдохновил его на образ великана Ольмека, «невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной клеткой», причем библейские ассоциации имени Исав лишь усиливают связь с волосатым Ольмеком.

«Гвозди с красными шляпками» — аналог повести «За Черной рекой». В последней Говард изложил свое видение конфликта варварства и цивилизации, сделав вывод, что варварство всегда должно в конечном счете восторжествовать. Он также утверждал, что цивилизация неестественна. В «Гвоздях с красными шляпками» он развивает эту тему. Во всех его подобных сочинениях цивилизациям, королевствам, странам или городам никогда не позволяется дойти до полного упадка; однажды разделенные и потому ослабленные, цивилизованные люди систематически уничтожаются ордами варваров, ждущими у ворот. В повести «За Черной рекой» эту роль играли пикты; в «Богах Бал-Сагота», рассказе, написанном в 1930 году и конструктивно очень похожем на «Гвозди с красными шляпками», разрушение несли «красные люди». «Гвозди с красными шляпками» должны были отличаться в том смысле, что никакое племя варваров не подстерегало у ворот Ксухотла. Впервые в творчестве Говарда процесс цивилизации, с его периодами упадка и разложения, доведен до неизбежного конца. Ксухотл — «неестественный» город. Быть цивилизованным значит полностью отделить себя от природы и ее сил. Вот почему город не только отрезан от остального Хайборийского мира, но также, что не менее важно, отрезан от самой природы: Ксухотл полностью вымощен и застроен, свет в нем искусственный и такая же пища — ксоталанцы едят «плоды, которые не выращены на земле, но получают питательные вещества из воздуха». Что касается самих ксухотланцев, то все они — кроме Тасцелы — родились в этом городе. Ксухотл — пришедшая в упадок цивилизация, как ее представлял Говард, только в миниатюре. Это место, где, по его словам, ненормальное становится нормальным. Учитывая эти обстоятельства, финал произведения неудивителен. Как и в случае с повестью «За Черной рекой», Говард хотел донести до читателя свою идею во что бы то ни стало.

«Гвозди с красными шляпками» — настолько богатое произведение, что у нас нет никакой надежды детально его рассмотреть в рамках данного эссе. Например, многое можно сказать о взаимоотношениях Конана и Валерии, в которых очень заманчиво увидеть параллель между отношениями Говарда и Новелайн Прайс, обладавшей сильным характером; Валерия из Ватаги Красных

Братьев — действительно долгожданная замена некоторым из более пассивных женских персонажей Говарда. (Однако он изображал сильных и интересных женщин также до Валерии и до знакомства с Новелайн; это Бёлит [в «Королеве Черного побережья»] и Соня из Рогатино [в историко-приключенческом рассказе «Тень стервятника»].) В Тасцеле, женщине-вампире, которая отказывается умирать, пожирая более молодых женщин и сражаясь за внимание Конана, и потому ревнует его к Валерии, более чем заманчиво увидеть образ матери Говарда, которая всегда питала враждебные чувства к Новелайн Прайс. Ольмека тогда можно рассматривать как отца Говарда, а весь рассказ — как аллегорическую историю, в которой Говард и Новелайн оказываются в приходящей в упадок вселенной, ставшей домом для Говарда...

Говард отправил «Гвозди с красными шляпками» Фэрнсуорту Райту 22 июля 1935 года. На следующий день он писал Кларку Эштону Смиту: «Вчера послал Райту "Гвозди с красными шляпками". Очень надеюсь, ему понравится. Эта история о Конане мрачнее, кровавее и безжалостнее из всех, что были до сих пор. Возможно, многовато сырого мяса, но я просто изложил свое представление о том, как реагировали бы определенные типы людей на ситуации, составляющие сюжет повести». Позднее он писал Лавкрафту: «Последним, что я продал в "Уэйрд тэйлз" — и вполне возможно, это последнее в стиле фэнтези, что я когда-либо напишу,— была повесть о Конане, самая кровавая и самая сексуальная история из всех, что я когда-либо писал. Я не удовлетворен тем, как выглядят приходящие в упадок расы в моих рассказах, ибо вырождение у подобных рас преобладает настолько, что даже в художественных произведениях его нельзя игнорировать как мотив и как факт, если художественное произведение имеет хоть что-то общее с реальностью. Во всех других произведениях я обходил этот момент, считая его табу, но в этой повести не стал этого делать. Если вы его прочтете, не сочтите за труд ответить, как вам понравилось мое обращение с темой лесбиянства». (Возникает вопрос, действительно ли Говард считал лесбийскую тему центральной в «Гвоздях с красными шляпками» или вынужденно затронул ее, описывая вампирскую натуру Тасцелы. Впрочем, в том не было ничего нового после «Кармиллы» Ле Фаню.)

«Уэйрд тэйлз» принял повесть и начал ее публиковать через несколько дней после самоубийства Говарда, а закончил после того, когда известие о его смерти появилось в журнале. Это была последняя история о Конане.

Интересы Говарда — и его творчество — в последний год его жизни были все больше ориентированы на вестерн, и в этот период он не создавал фэнтези. Но за несколько недель до смерти написал, что задумал рассказ в этом жанре. Два черновика этого незаконченного рассказа, действие которого происходит в Америке шестнадцатого века, были найдены среди его бумаг. Собирался ли он какое-то время спустя вернуться к Конану — вопрос, который остается без ответа.

В 1935 году Говард отправил ряд своих произведений в Англию через своего агента Отиса Эделберта Клайна. В их числе «За Черной рекой», «...И родится ведьма», «Сокровища Гвалура». Вероятно, у Говарда не было реальных надежд на них, поскольку он послал вырванные из «Уэйрд тэйлз» страницы, а не рукописи. Так или иначе, из этого ничего не вышло.

Последний раз Говард писал о Конане в марте 1936 года, когда Джон Д. Кларк и П. Шуйлер-Миллер прислали письмо, в котором пытались установить хронологию рассказов о Конане. Ответ Говарда, приведенный в этом томе, немаловажен для читателя, интересующегося «биографией» Конана, хотя возможно, что Говард просто пошутил над своими поклонниками. Например, он написал, что Конан «успел побывать на севере, возвратясь к родному племени, и впервые покинул пределы Киммерии. Странно то, что путь его лежал на север, а не на юг. Цели и обстоятельства похода мне неведомы, но он провел несколько месяцев в племени асиров, сражаясь с ванирами и гиперборейцами». Кларк и Миллер, вероятно, не могли знать, что Говард ссылался на «Дочь ледяного исполина», второй из написанных им рассказов о Конане, который был отклонен Райтом и до сих пор не опубликован в его оригинальном виде. К своему ответу Говард приложил карту, сделанную на базе очень грубых набросков, появившихся в 1932 году; это оказалось последним, что он написал о Конане.

Роберт И. Говард покончил с собой 11 июня 1936 года. Однако Конан из Киммерии до сих пор с нами. Несмотря на некоторые трудные годы, ему удалось выжить, и он не проявляет признаков слабости.

Долголетие варвара вряд ли удивило бы Говарда.

Варвар всегда должен в конце концов восторжествовать.

Я особенно признателен Гленну Лорду за постоянную помощь и поддержку и за предоставленные экземпляры рукописей Говарда. Особая благодарность Расти Берку и Лео Грину за их замечания и критику.

Патрис Луине

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая. ПРИШЕСТВИЕ ВАРВАРА 5

Киммерия *(Перевод Г. Корчагина)* 7
Феникс на мече *(Перевод М. Семёновой)* 8
Дочь ледяного исполина *(Перевод М. Семёновой)* 31
Бог из чаши *(Перевод Е. Хаецкой)* 39
Башня Слона *(Перевод Е. Хаецкой)* 55
Алая цитадель *(Перевод Г. Корчагина)* 77
Королева Черного побережья *(Перевод М. Семёновой)* 105
Черный колосс *(Перевод Г. Корчагина)* 133
Тени в лунном свете *(Перевод Г. Корчагина)* 165
Сумерки Ксутала *(Перевод М. Семёновой)* 192
Колодец черных демонов *(Перевод Г. Корчагина)* 222
Сплошь негодяи в доме *(Перевод Е. Хаецкой)* 248
Долина пропавших женщин *(Перевод А. Костровой, Е. Хаецкой)* 269
Железный демон *(Перевод Г. Корчагина)* 283

Книга вторая. КРОВАВЫЙ ВЕНЕЦ 307

Люди Черного Круга *(Перевод М. Семёновой)* 309
Час Дракона *(Перевод М. Семёновой)* 374
...И родится ведьма *(Перевод М. Семёновой)* 532

Книга третья. КАРАЮЩИЙ МЕЧ 575

Сокровища Гвалура *(Перевод А. Циммермана)* 577
За Черной рекой *(Перевод А. Циммермана)* 616
Черный чужак *(Перевод М. Семёновой)* 669
Людоеды Замбулы *(Перевод М. Семёновой)* 739
Гвозди с красными шляпками *(Перевод А. Циммермана)* 769

Хайборийская эра *(Перевод М. Семёновой)* 840
Карта Хайборийской эры 858
Сотворение Хайбории *(Перевод К. Плешкова)* 860

Литературно-художественное издание

ГИГАНТЫ ФАНТАСТИКИ

Роберт Ирвин Говард

КОНАН-ВАРВАР

Легенда о киммерийце

Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Редактор *Т. Щигельская*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректор *Н. Тюрина*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел. (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 26.04.2011.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 73,89.
Тираж 3000 экз. Заказ № 8983

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал **«УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»**
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-48943-5

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

Роберт Ирвин Говард жил и творил в техасском городе Кросс-Плейнс. Он сменил несколько профессий и написал немало рассказов, прежде чем для его уникального таланта нашлось достойное поприще, тогда еще совсем юный жанр героической фэнтези.

При жизни автора его произведения публиковались главным образом в периодических изданиях, и жизнь эта оказалась коротка — в возрасте тридцати одного года он покончил с собой.

Но герои, рожденные удивительным воображением Говарда, живы до сих пор. И самый яркий, самый популярный из них — варвар по имени Конан, выходец из суровой и таинственной страны Киммерии.

В произведениях Говарда заключен такой мощный заряд энергии, что кажется, от них отлетают искры.

Стивен Кинг

Говард был настоящим писателем – одним из ранних и, безусловно, одним из лучших в жанре героической фэнтези. Если до сих пор вы не читали его книг, вам предстоит нечто незабываемое.

Чарльз де Линт

В чем мастерство Роберта И. Говарда невозможно превзойти, так это в целеустремленности, напоре и живости. В каждом его рассказе действие несется бешеным галопом.

Пол Андерсон

ISBN 978-5-699-48943-5

